

2

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY

Rh 12112 s

Slovanská knihovna

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

3186281489

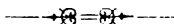
3186281489

Сочиненія И. С. Аксакова

12112

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

1860—1886

Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси».

Рѣчи въ Славянскомъ Комитетѣ въ 1876, 1877 и 1878.

№ 1295

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°).

Леонт. пер., домъ Лаврова.

1886.

Rh 12112 S .

22814,

690878

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

1. Предисловіе	V — VII
2. Статьи изъ газеты «День»	3 — 87
3. Статьи изъ газеты «Москва»	91 — 178
4. Статьи изъ газеты «Москвичъ»	181—210
5. Рѣчи въ Славянскомъ Комитетѣ	213—315
6. Статьи изъ газеты «Русь»	319—791

Оговорна.—Когда эта книга почти вся была уже отпечатана, оказалось, что въ нее попала чужая статья, т. е. написанная не И. С. Аксаковымъ. Это именно статья, напечатанная въ отдѣлѣ статей газеты «Москва», на стр. 159—165-й, и принадлежащая Н. П. Гилярову-Платонову, какъ бывшему сотруднику «Москвы». Считаемъ необходимымъ оговорить эту прискорбную ошибку.

Предисловіе.

//Собрание сочиненій И. С. Аксакова начинается статьями и рѣчами по Славянскому и вообще Восточному вопросу *). Онѣ поставлены напередъ въ виду современнаго интереса къ восточнымъ дѣламъ, оживившагося послѣ сухой Филиппопольской революціи и послѣдовавшихъ за нею событій, не улегшихся вполне и до сихъ поръ. Несмотря на двадцатипятилѣтній періодъ, истекшій со времени перваго слова, высказаннаго издателемъ «Дня» о славянскомъ значеніи Россіи и налагаемой отсюда на нее обязанности, и до послѣдней статьи издателя «Руси», ни одна строка по восточнымъ дѣламъ не только не потеряла своей современности, но многія, даже изъ самыхъ первыхъ, какъ будто писаны вчера. Если нѣкоторыя предостереженія тогдашняго времени и утратили повидимому свою практическую

*) Книжка Стихотвореній, напечатанная для подписчиковъ „Руси“ въ вознагражденіе за недополученные №№ газеты и надняхъ вышедшая вторымъ изданіемъ, не относится къ настоящему изданію. Въ *Собрании Сочиненій* стихотворенія найдутъ свое мѣсто; тамъ они будутъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, чего не было соблюдено въ предшествовавшей книжкѣ, съ прибавленіемъ всѣхъ неизданныхъ еще стихотвореній И. С. Аксакова.

примѣнимость, упраздненныя историческими фактами (напримѣръ, что Россія не допуститъ, чтобы Австрія присоединила себѣ Боснію или новелѣвала Сербією), то фактическое опроверженіе служить въ такихъ случаяхъ только разительнѣйшимъ доказательствомъ вѣрности высказанныхъ положеній.

Но важнѣе мѣткости тѣхъ или другихъ частныхъ замѣчаній общая идея, связывающая всѣ статьи и рѣчи: освѣженіе ея въ современномъ сознаніи тѣмъ важнѣе, чѣмъ одностороннѣе судятъ еще о славянофильствѣ многіе. Съ этой точки зрѣнія (и опять не безъ прямой примѣнимости къ настоящему моменту) заслуживаютъ вниманія апологетическія статьи за возставшихъ Бандіотовъ, а равно и сужденія по случаю переворота, совершеннаго Кузою въ Дунайскихъ княжествахъ. Затѣмъ общія сужденія о связи между народностями и вѣрою, о дѣйствіи, оказываемомъ на молодые Балканскіе народы соблазномъ внѣшней цивилизаціи, о неразрывной зависимости, въ которую поставлена историческая жизнь Славянскихъ народовъ отъ Россіи и обратно,—все это не настолько еще вошло въ кругооборотъ общественнаго сознанія, чтобы утратить свою свѣжесть.

Вышесказанное относится преимущественно къ статьямъ ранняго періода (въ „Днѣ“, „Москвѣ“ и „Москвичѣ“). На статьяхъ „Руси“, равно и на рѣчахъ, произнесенныхъ въ Славянскомъ Комитетѣ, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ выступалъ не только публицистомъ, но и дѣятелемъ, не остававливается: то и другое въ свѣжей памяти у всѣхъ. Характеръ дѣятеля впрочемъ проходитъ по всему періоду. „День“ уже застаётъ Аксакова секретаремъ того

Комитета, котораго онъ былъ потомъ столь славнымъ предсѣдателемъ; сколько намъ извѣстно, самое учрежденіе Славянскаго Комитета состоялось не безъ прямыхъ внушеній Ивана Сергѣевича, съ которыми онъ обращался къ своимъ старшимъ друзьямъ послѣ впечатлѣній и наблюденій, вынесенныхъ имъ изъ путешествія по Славянскимъ землямъ въ 1859 году.

Статьи и рѣчи располагаются въ хронологическомъ порядкѣ. Но ими обнимается не все, писанное и сказанное по Восточному вопросу; помѣщается лишь то, что было уже въ печати. Многія письма очень существенныя по содержанію, нѣкоторыя рѣчи (напримѣръ къ славянскимъ гостямъ во время Этнографическаго Съѣзда), нѣкоторые адреса, — могутъ увидѣть свѣтъ только послѣ полного разбора бумагъ, оставшихся отъ издателя „Руси“.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „ДЕНЬ“.

1861—1862 г.

(СЛАВЯНСКІЙ ОБЗОРЪ.)

Изъ № 1. Октябрь 1861.

//Никто, конечно, не станетъ отрицать то огромное значеніе, которое, въ наше время, выпало на долю общественному мнѣнію въ Европѣ. Оно является не только участникомъ въ разрѣшеніи современныхъ вопросовъ, но и могущественнымъ двигателемъ во всѣхъ сложныхъ отправленіяхъ политическаго и общественнаго организма Западнаго міра. Это сила, съ которою приходится поневолѣ считаться всѣмъ государствамъ, принадлежащимъ къ политической системѣ Европы (не исключая и Турціи),—и не только считаться, но и бороться равнымъ оружіемъ, противопоставляя мысли-мысль, знанію знаніе, нравственному началу нравственное же начало самобытно выработанное и крѣпкое всею ясностью сознанія; однимъ словомъ—это та сила, отъ которой не ограждаютъ ни крѣпостныя стѣны, ни армстронговы пушки, и которая можетъ быть побѣждена только мыслью и словомъ.

Но на обширномъ и шумномъ полѣ Европейской публицистики одиноко и безоружно стоитъ идея Русской народности. Не имѣя, или имѣя, но мало, достойныхъ представителей, «Русская національность», вмѣсто того, чтобы раскрывать передъ міромъ все богатство своего внутренняго содержанія,—постоянно ищетъ поддержки въ общественномъ мнѣніи Европы, заискивая его благосклонность или чрезъ низкое отреченіе отъ своихъ началъ, или чрезъ смиренное и унижительное безмолвіе. Таковы, по крайней мѣрѣ, общія черты нашихъ прежнихъ отношеній къ Европѣ въ той обла-

сти, которая не ограждалась обаяніемъ или страхомъ внѣшняго могущества Россіи. Наши публицисты за границей, писавшіе по Французски, съ своей стороны не только не способствовали къ разъясненію понятія объ Русской народности, но поражали самихъ иностранцевъ страстностью своего безпристрастія къ родной землѣ и мужествомъ осужденія. Положимъ, эти послѣдніе были искренни и относились къ дѣлу, если иногда и ошибочно, то серьезно, но что сказать о Русской литературѣ и о Русскомъ обществѣ? Кто не знаетъ, что мы ничего такъ не боялись и не боимся, какъ насмѣшки или менторскаго выговора Европейцевъ, что мы, какъ грѣха, стыдимся подозрѣнія къ патріотизмѣ и краснѣемъ, когда иностранцы уличаютъ насъ въ соблюденіи какихъ либо народныхъ обычаевъ и обрядовъ; что мы съ жадностью ловимъ всякую улыбку снисходительнаго благоволенія, всякой, сколько нибудь милостивый отзывъ Западнаго писака и съ восторгомъ перепечатаваемъ данные имъ аттестаты у себя въ газетахъ. Русскіе путешественники за границей не жалѣютъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ стереть съ себя всякое отличіе, налагаемое на нихъ Русскою народностью, или, если уже ея скрыть нельзя, чтобъ придать ей какую-то чуждую Европейскую щеголеватость, способную снискать намъ одобрительную, наглую, барскую ласку Француза. Тѣмъ не менѣе ложный стыдъ, постоянная несвобода или вѣчная тяжелая забота о томъ, чтобы не провиниться противъ *сomme il faut*—накладываютъ на Русскихъ за границей печать такой особенности, что вы ми гомъзузнаете Русскаго путешественника изъ тысячи иностранцевъ.

Къ чему же привели насъ эти отношенія Русскаго общества къ Западу, что выигрывали мы отъ этого, обильно расточеннаго и расточаемаго низкопоклонничества, этого добровольнаго рабства, этого колоссальнаго душевнаго холопства?

Не только не погладили насъ по головкѣ, не только похвалы нашему благонравію не дождались мы отъ Европы, но напротивъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, Европейцы чествятъ насъ именемъ варваровъ и чуть-чуть не людоѣдовъ. Постоянно не понимаемые, не знаемые, мы, Русскіе, своимъ поведеніемъ еще болѣе обезсиливаетъ свое политическое зна-

ченіе, и общественное мнѣніе Запада является намъ враждебнымъ при всякомъ событіи, гдѣ, силою исторіи, выдвигается впередъ идея Русской народности. На просторѣ и безпрепятственно подвизается противу насъ Европейская публицистика, куетъ оружіе, разглашаетъ клеветы, созидаетъ цѣлыя теоріи, подкашивающія наше нравственное могущество,—а мы молчимъ; съ нашей стороны нѣтъ ни борьбы, ни отпора, наше печатное слово блѣдно и вяло,—и постоянный натискъ духовныхъ враждебныхъ силъ Запада колеблетъ внутри самой Россіи сознание нашей силы и нашей правды, ясное разумѣніе нашихъ правъ и обязанностей, опасностей и выгодъ!

И не только Россія, но и весь Славянскій, или вѣрнѣе Православно-Славянскій, міръ раздѣляетъ съ нею ту же участь. Пора догадаться, что благосклонности Запада мы никакой угодливостью не купимъ; пора понять, что ненависть, не рѣдко инстинктивная, Запада къ Славянскому Православному міру происходитъ отъ иныхъ, глубоко скрытыхъ причинъ; этѣ причины—антагонизмъ двухъ противоположныхъ духовныхъ просвѣтительныхъ началъ, и зависть дряхлаго міра къ новому, которому принадлежитъ будущность. Пора намъ наконецъ принять вызовъ и смѣло вступить въ бой съ публицистикою Европы, за себя и за нашихъ братьевъ-Славянъ! Но чего же могутъ ожидать отъ Европы Славяне, сохранившіе вѣрность Славянскимъ началамъ, если могущественнѣйшій представитель этого міра, Русское племя, трусливо избѣгая борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, боится водрузить знамя своей духовной самобытности, своей народности, своего историческаго подвига и призванія?

А между тѣмъ никогда такъ сильно и настойчиво не ощущалась потребность живаго, умственнаго и духовнаго отпора со стороны Россіи, какъ въ настоящую минуту. Оставляя въ сторонѣ значеніе этого отпора для самой внутренней жизни Россіи, укажемъ только на наши внѣшнія, международныя отношенія, и именно къ племенамъ Славянскимъ.

Наша сила въ Европѣ—сочувствующій и связанный съ нами родствомъ крови и духа, міръ Славянскій вообще, и міръ Православный въ особенности, выступаетъ теперь на поприще исторіи. Славянъ, свободныхъ отъ чуждаго ига, нѣтъ нигдѣ,

кромѣ Россіи. Кромѣ Россіи, вездѣ Славянскую народность гнетутъ или Нѣмцы или Турки. По мѣрѣ возрастанія политическаго могущества Россіи, возрождались въ поработенныхъ племенахъ: надежда на избавленіе отъ позорнаго ярма и чувство Славянской народности. Освободить изъ-подъ матеріальнаго и духовнаго гнета народы Славянскіе и даровать имъ даръ самостоятельнаго духовнаго, и, пожалуй, политическаго бытія, подъ сѣнію могущественныхъ крыль Русскаго орла—вотъ историческое призваніе, нравственное право и обязанность Россіи.— Но знаемъ ли мы и сознаютъ ли Славяне—наше призваніе и наше право? Куда обратятъ свои взоры пробуждающіеся Славянскіе народы? Вопросъ, казалось бы, совершенно излишній, тѣмъ болѣе, что выше мы сами уже указали на это сочувствіе. Но дѣло въ томъ, что сочувствіе поддерживается сочувствіемъ взаимнымъ; дѣло въ томъ, что сочувствіе опиралось до сихъ поръ на естественное чувство Славянскихъ народовъ, не справлявшееся съ дипломатическими лѣтописями и не искушавшееся соблазнами блестящей цивилизаціи Запада. Теперь наступаетъ пора другая. Теперь сочувствіе къ Россіи ищетъ себѣ другой, болѣе разумной основы, и переходя изъ области естественнаго чувства въ область сознанія, подвергаетъ повѣркѣ и оцѣнкѣ нашу собственную вѣрность Славянскимъ началамъ. Мы знаемъ, что такъ называемые интеллигентные, образованные классы у Славянъ Восточныхъ, пораженные невѣжествомъ, равнодушіемъ, молчаніемъ общества и нашей журналистики (объ отдѣльных явленіяхъ говорить нечего), не находя себѣ въ послѣдней никакой опоры, никакого оружія противу лжи, которую въ извѣстной мѣрѣ содержитъ въ себѣ Западное просвѣщеніе,— мало по малу отворачиваются отъ насъ, своихъ старѣйшихъ братій. Безсильные устоять на собственныхъ ногахъ, они хватаются, въ своей слабости, за духовную (въ обширномъ смыслѣ слова) помощь Западныхъ народовъ, исконныхъ враговъ Славянскаго міра. Народныя начала крѣпки не однимъ воплощающимъ ихъ въ себѣ бытомъ, но еще болѣе—яснымъ сознаніемъ. Гдѣ же быть этому сознанію, какъ не въ единоплеменной и единовѣрной Россіи, богатой горькимъ и долготѣннымъ историческимъ опытомъ? Но напрасно стали бы

Славяне домогаться этого сознанія отъ Русской журналистики!

Русская журналистика и Русская публика горячатся изо всѣхъ силъ по поводу единства Италиі, проливаютъ чуть не рѣки слезъ умиленія при чтеніи рѣчей *del re galantuomo*, негодуютъ на Боржеса или на Шивоне, какъ на личныхъ своихъ непріятелей, ссорятся и спорятъ изъ-за Чіальдини или Мингетти, отправляются на поклоненіе въ Капреру, — и въ тоже время раздѣляютъ мнѣніе Англійскихъ министровъ о необходимости Англійскаго ига надъ Ионическими островами, ради благосостоянія послѣднихъ; готовы признать Фіуме (Рѣку), Истрію и весь Далматинскій берегъ Итальянскими странами; не на шутку утверждаютъ, что пора забыть племенные вражды въ Турецкой имперіи и примириться съ новымъ способомъ управленія въ Турціи; наконецъ, даже изъясняя сочувствіе, перепечатаваютъ, сами не замѣчая, ложныя и искаженныя извѣстія о дѣлахъ и дѣятеляхъ Славянскихъ. И не мудрено. Спросите по совѣсти бѣольшую часть профессоровъ Всеобщей Исторіи въ нашихъ Русскихъ университетахъ — знакома ли имъ исторія, не только прочихъ Славянскихъ племенъ, но и ближайшей къ намъ Польши? Каждый изъ нихъ, какъ добросовѣстный человѣкъ, сознается, что нѣтъ, не знакома вовсе. Да и откуда ему знать! Нѣмцы (кромя Ранке) о томъ не писали; составители учебниковъ всеобщей исторіи мало обращали на то вниманія; для чтенія источниковъ нужно знать языки и имѣть къ тому интересъ, который не былъ ему внушенъ ни Европейскими, ни нашими Русскими прославленными учеными и наставниками! Очевидно, нельзя слишкомъ строго винить и журналистику. Къ тому же, слѣдуетъ, по справедливости, замѣтить, что всего мѣсяца два, какъ состоялось разрѣшеніе получать Славянскія газеты по почтѣ, и то не иначе, какъ черезъ Петербургскую газетную экспедицію *). Съ другой стороны равнодушіе публики также охлаждало ревность многихъ благонамѣренныхъ журналистовъ. Мы здѣсь не говоримъ, конечно, про Русскую Бесѣду: она одна соблюдала постоянную связь съ Славянами, благотворно дѣйствовала на умы образован-

*) См. С.-Петербург. Вѣдом., 1861 г. № 171.

ныхъ нашихъ единоплеменниковъ и поддерживала въ нихъ сочувствіе къ Россіи; но она стояла особнякомъ въ Русской журналистикѣ, и, какъ ученый сборникъ, а не газета, не могла идти въ состязаніе съ періодическою, газетною литературою.

Какъ бы то ни было, но теперь замѣчаются и въ Русской журналистикѣ признаки сочувствія къ Славянскому дѣлу. Самыя вѣрныя свѣденія находили мы до сихъ поръ въ Славянскомъ отдѣлѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, помѣщавшіяся впрочемъ какъ-то случайно, рѣдко и безъ системы. Весьма интересныя корреспонденціи изъ Праги помѣщаются иногда въ Современной Лѣтописи и Московскихъ Вѣдомостяхъ. Можно надѣяться, что съ полученіемъ Славянскихъ газетъ и при усиливающемся числѣ Русскихъ путешественниковъ по землямъ Славянскимъ,—наши Русскія газеты будутъ почерпать Славянскія извѣстія изъ живыхъ мѣстныхъ родниковъ, и проникнутся сами искреннимъ сочувствіемъ къ нашимъ единоплеменнымъ братьямъ.

Открывая Славянскій отдѣлъ въ нашемъ изданіи, мы имѣемъ основаніе надѣяться, что сдѣлаемъ его со временемъ довольно полнымъ источникомъ разнообразныхъ и вѣрныхъ свѣденій о положеніи и движеніи Славянскаго дѣла. Но мы поставили себѣ и другую задачу. Возвращаясь къ тому, что говорили мы въ началѣ статьи, мы желали бы (и приглашаемъ къ тому и другіе органы нашей печати) имѣть въ виду не однихъ Русскихъ, но и Славянскихъ читателей, сообщать не одни свѣденія, но и обсуждать общіе вопросы, постоянно возбуждаемые антагонизмомъ Западнаго и Славянскаго міра, и не оставлять безъ вниманія враждебныя выходки Европейской публицистики. Въ Европѣ насъ не читаютъ, скажутъ журналисты. Будутъ читать, какъ скоро будетъ чтò читать. Бѣда въ томъ, что въ Европѣ теперь и читать-то почти нечего, кромѣ переводовъ и повторенія, давно ей знакомыхъ, доктринъ и теорій. Къ тому же опроверженіе доводовъ Европейскихъ публицистовъ полезно не столько для Европы, сколько для насъ, Русскихъ, для нашего «образованнаго» общества.

Таковы наши намѣренія. Исполненіе не всегда зависитъ отъ насъ и во всякомъ случаѣ будетъ совершаться посте-

пенно. Такъ и теперь многія ожидаемыя нами корреспонденціи не поспѣли къ сроку. Но, повторяемъ, не однѣ корреспонденціи станемъ мы предлагать читателямъ, мы будемъ помѣщать и описанія и историческіе очерки Славянскихъ земель, и рассказы путешественниковъ и статьи по внутреннимъ общественнымъ Славянскимъ вопросамъ. Именно теперь, въ настоящую трудную минуту, нужно было бы живое и дружеское слово Славянамъ, такое слово, которое, возбуждая и поддерживая въ нихъ чувство Славянской народности, въ тоже время скрѣпляло бы ихъ духовную связь съ Россією, связь безъ которой ихъ собственное, самобыт-ное развитіе и преуспѣяніе — немислимо и невозможно! Пусть помнятъ это Славяне!

Изъ № 3. Октябрь 1861 г.

// Примѣчаніе къ письму Жинзифова къ статьѣ и нѣсколько словъ о Славянскомъ Благотворительномъ Комитетѣ. Съ истиннымъ огорченіемъ прочли мы,—и, скрѣпя сердце, печатаемъ мы это письмо. Совѣстно и стыдно вътомъ признаться, а вѣдь все, сказанное г. Жинзифовымъ о нашемъ невѣжествѣ, совершенная правда! Грустно подумать, какъ болѣзненно должно гнестись оно пребывающихъ среди насъ нашихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братій! Мало того, что ихъ жгутъ, рѣжутъ и позорятъ Турки, тѣснятъ и даютъ Греки,—мало того, они и въ Россіи плохо утѣшены нами, они встрѣчаютъ странный, холодный приемъ, какъ чужіе,—хуже, чѣмъ чужіе, чѣмъ напр. Французы и Англичане; они,—съ такимъ упорствомъ и мужествомъ, сквозь бездну золь и несчастій, пронесли до нашихъ временъ свою народность почти не поврежденною,—они не находятъ ни привѣта сочувственнаго, ни слова ободренія, ни похвалы, ни признательности за свой великій, духовный подвигъ!...

Конечно — объяснить почему Славяне насъ знаютъ, а мы ихъ такъ плохо знаемъ, дѣло не трудное. Они нуждаются въ насъ, а не мы: они чаютъ отъ насъ духовной и матеріальной помощи, и освобожденія отъ турецкаго, греческаго или нѣмецкаго ига,—а русскій народъ, для разрѣшенія сво-

ихъ внутреннихъ вопросовъ, обойдется и безъ ихъ содѣйствія. Очевидно, что тотъ, кто нуждается въ другомъ, непременно долженъ знать того другаго, отъ котораго ждетъ себѣ спасенія. Но именно потому, что мы многочисленны, сильны, независимы отъ внѣшняго ига, живемъ и движемся и развиваемся на просторѣ дѣльмъ, единственно во всемъ мирѣ свободнымъ, могучимъ славянскимъ народомъ,—именно потому, естественно было бы намъ, по крайней мѣрѣ, проникнуться чувствомъ великодушія, свойственнымъ сильному относительно слабого. Но тутъ дѣло не о великодушіи. Мы, какъ Русскіе, должны были бы свято помнить и сознавать свой нравственный долгъ, свои обязанности относительно нашихъ страждущихъ младшихъ братій, повинность, налагаемую на насъ исторіей. Но мы не вѣрны своему призванію!

Про простой народъ и даже про купцовъ говорить нечего. Народъ не сочувствуетъ Славянамъ потому единственно, что не знаетъ. Купцамъ, конечно, стыдно оправдываться невѣжествомъ, потому что они имѣютъ всѣ способы къ образованію, но едвали у кого достанетъ духу глумиться надъ невѣжествомъ нашихъ крестьянъ, когда они, по нашей же винѣ, были до самаго послѣдняго времени лишены всякихъ средствъ выучиться даже грамотѣ. Во всякомъ случаѣ здѣсь причиною недостатка сочувствія—одно незнаніе. Про Грековъ народъ слышалъ; ему извѣстно, что вѣра его «Греческаго закона»; симпатіи же къ Грекамъ, къ характеру ихъ—не питаетъ онъ ни малѣйшей. Между тѣмъ по всей Россіи ходятъ греческіе монахи и рассказываютъ ему, что тамъ, въ той странѣ, откуда родомъ и Николай Чудотворецъ, и Василій Великій, и Іоаннъ Златоустъ, живутъ и до сихъ поръ православные Греки, угнетенные Турками,—и вотъ, по пословицѣ: съ міра по ниткѣ,—собираются ежегодно и отсылаются въ Грецію десятки милліоновъ трудовыхъ, радостно жертвуемыхъ копѣекъ! Вѣдай нашъ народъ правду про Болгаръ и прочихъ православныхъ Славянъ.—нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, онъ помогаль бы также охотно, если еще не охотнѣе, чѣмъ Грекамъ.

Но общество наше... ему извиненія нѣтъ; объяснить же его равнодушіе къ Славянамъ очень легко. Это симптомъ того же общаго недуга, который давно разлагаетъ мало-по-малу все наше общественное тѣло. Не можетъ быть сочувствія къ Сла-

вянской народности тамъ, гдѣ есть отчужденіе отъ своей собственной народности, явное къ ней равнодушіе и полный разрывъ со всѣми историческими преданіями своего племени!

Впрочемъ и среди общества находятя исключенія, а теперь они встрѣчаются все чаще и чаще. Года два тому назадъ учредился въ Москвѣ Славянскій Благотворительный Комитетъ, который, между прочимъ, содержитъ на свой счетъ болѣе 12 молодыхъ Болгаръ, пріѣхавшихъ въ Россію учиться, и по возможности снабжаетъ книгами народныя училища въ Болгаріи. Не имѣя никакого основнаго капитала, Комитетъ съ трудомъ поддерживаетъ свое существованіе, или, лучше сказать, свою благотворительную дѣятельность, помощью разныхъ, временныхъ, случайныхъ пожертвованій. Но именно потому, что сочувствіе къ Славянамъ распространено въ очень тѣсномъ кругу, необходимѣе жертвованія ложится всею своею тяжестью на весьма незначительное число лицъ, искренно преданныхъ Славянскому дѣлу.

Между тѣмъ было бы чрезвычайно полезно и важно, еслибъ Комитетъ могъ расширить размѣры своей дѣятельности. Жажда къ просвѣщенію возбуждена въ Болгарахъ съ неимовѣрною силою: Іезуиты искусно этимъ пользуются и доставляютъ имъ всѣ способы ѣхать въ Парижъ или другіе города, въ полной увѣренности, что воспитавшись во Франціи или Германіи, Болгаре разъединятся духовно съ Россіею, а слѣдовательно и съ своею народностью. И они не ошибаются. Недавно въ Парижѣ учредилось цѣлое общество съ цѣлью распространенія въ Болгаріи католицизма, или по крайней мѣрѣ уніи (т. е. признанія Римскаго папы съ сохраненіемъ православныхъ обрядовъ): это общество въ быстромъ времени пріобрѣло огромныя средства, такъ что тягаться съ нимъ бѣдному, лѣнивому уму и душею, Русскому обществу было бы невозможно, еслибъ народъ Болгарскій самъ не держался крѣпко Православія, единственнаго оплота своей народности. Однакожъ и тамъ отдѣльные члены отпадаютъ одинъ за другимъ, и во многихъ Болгарахъ, воспитавшихся за границей, замѣчается шаткость Вѣры и вѣрности своему народу. Что значать наши 12, 15 человекъ Болгаръ, учащихся въ Москвѣ, противъ нѣсколькихъ сотенъ Болгаръ, слушающихъ лекціи въ Германскихъ и Французскихъ университетахъ и коллегіяхъ?

Между тѣмъ несомнѣнно, что Болгаринъ, воспитывающійся здѣсь въ Россіи, какъ бы плохо его ни учили, не утрачиваетъ своей народности, не перестаетъ быть Болгариномъ, и сохраняетъ или даже пріобрѣтаетъ возможность явиться полезнымъ слугою своей родины. Московскій университетъ можетъ, по справедливости, гордиться тѣмъ, что далъ Болгаріи двухъ полезныхъ, замѣчательныхъ дѣателей, бывшихъ Московскихъ студентовъ, гг. Найдена Герова и Савву Филаретова.

Мы сообщимъ въ скоромъ времени нашимъ читателямъ подробный отчетъ о средствахъ (весьма ограниченныхъ) и о дѣятельности Славянскаго Комитета въ Москвѣ, также выписку изъ его протоколовъ,— а покуда обращаемся съ просьбою ко всѣмъ нашимъ читателямъ, сколько-нибудь бодрствующимъ мыслью и сердцемъ, сколько-нибудь неравнодушнымъ къ интересамъ Русской и Славянской народности (и владѣющимъ при томъ лишнею копѣйкою, ибо на нѣтъ — и суда нѣтъ): помочь намъ образовать Славянскій капиталъ для содѣйствія духовному возрожденію Славянъ, и присылать свои пожертвованія къ намъ, въ Редакцію. Редакторъ газеты «День» въ тоже время и секретарь Славянскаго Благотворительнаго Комитета. Разумѣется, о каждой полученной копѣйкѣ будетъ тотчасъ же опубликовано въ нашей газетѣ.

Посмотримъ, какъ отзовутся на это наши купцы! Признаться сказать, мы на нихъ много надѣемся. Вѣдь жертвуютъ же они, и жертвуютъ огромныя суммы, не только на церкви, но и на разныя, не всегда нужныя, большею частью ради тщеславія воздвигаемыя, новыя богатыя ограды и колокольни и кельи монастырямъ, и безъ того страшно богатымъ,—и такимъ образомъ прикладываютъ къ шубѣ да еще шубу! Не лучше ли шубу-то отдать не имущему шубы, сирому и нагому?

Въ статьѣ г. Жинзифова есть еще предметъ, котораго мы не коснулись: это взаимныя отношенія Грековъ и Болгаръ. Въ другой разъ мы подробно потолкуемъ съ читателями объ этомъ важномъ и печальномъ явленіи. Россія въ этомъ дѣлѣ можетъ быть судьей, вполне безпристрастнымъ; да и вообще ея обязанность и призваніе явиться не только судьей, но и миротворцемъ въ борьбѣ Болгаръ и Грековъ, въ распрѣ всѣхъ Славянскихъ народностей между собою, и служить имъ всѣмъ живою связью и центромъ соединенія!

11 Мая 1862 г. въ Москвѣ.

11-го числа этого мѣсяца было совершено въ церкви Московскаго Университета, по ходатайству членовъ Славянскаго Комитета, торжественное богослуженіе съ молебномъ, въ память святыхъ первоучителей и апостоловъ Славянскихъ — Кирилла и Меѳодія, — въ первый разъ послѣ многихъ вѣковъ забвенія... Съ достовѣрностью неизвѣстно, когда именно прекратилось на Руси празднованіе памяти тѣхъ, кому обязанъ Славянскій міръ величайшимъ своимъ духовнымъ сокровищемъ: въ минеяхъ XII вѣка еще встрѣчается отдѣльная служба св. Кириллу съ особымъ канонемъ, но въ позднѣйшія времена — хотя имена ихъ и упоминаются въ святцахъ — Русская церковь уже не дѣлала относительно ихъ никакого отличія отъ прочихъ св. угодниковъ, для которыхъ не существуетъ особаго празднованія.

Какъ ни скромно было торжество 11 Мая, оно все же было выраженіемъ не одной пробудившейся поздней признательности къ творцамъ Славянской письменности, но и возникшей въ нашемъ общественномъ сознаніи идеи Славянства. Это празднество служить залогомъ будущаго духовнаго воссоединенія всѣхъ Славянъ, звеномъ, связующимъ разрозненныхъ братьевъ.

Читатели наши, безъ сомнѣнія, прочли (по крайней мѣрѣ, къ чести ихъ мы должны предположить, что они прочли) статьи о Кириллѣ и Меѳодіи г. Гильфердинга въ 25, 28, 29, 30 и 31 №№ нашей газеты. Въ предисловіи ко 2 письму мы объяснили всю политическую важность, всю дѣйствительную современность въ XIX вѣкѣ вопроса о времени изобрѣтенія кириллицы, о дѣятельности, проявленной Кирилломъ и Меѳодіемъ въ IX вѣкѣ. Мы упомянули о томъ живомъ значеніи, которое имѣютъ въ Славянскомъ мірѣ исторія и археологія, представляющія для современнаго Славянскаго возрожденія разумную опору исторической памяти, просвѣтленной и очищенной наукою; мы указали на происки католическаго міра — ослабить связующую силу общей для всѣхъ Славянъ и сохранившейся только у православныхъ — Славянской азбуки; на басню, умышенно сочиненную Латиня-

нами съ тою цѣлью, чтобы уваженіе къ памяти христіанскихъ первоучителей въ Славянскомъ мірѣ — нисколько не налагало на Славянъ обязанности держаться Славянскихъ письменъ, а напротивъ еще сильнѣе связывало ихъ съ Латинскою стихіей; мы напомнили о празднествѣ, готовящемся въ 1863 году, по случаю тысячелѣтія христіанской проповѣди Кирилла и Меѳодія у Западныхъ Славянъ, отступившихъ, для Латинскаго вѣроисповѣданія и Латинскаго алфавита, отъ преданія Вѣры, преподааннаго имъ первоучителями, и отъ установленныхъ и освященныхъ ими начертаній Славянскаго слова!..

Молва о празднествѣ 11 Мая въ Москвѣ разнесется по всѣмъ Славянскимъ странамъ радостною вѣстью будущаго освобожденія: потому что невозможно духовное возрожденіе Славянъ безъ участія многомилліоннаго Русскаго племени въ общемъ подвигѣ Славянскаго самосознанія. Пробужденіе идеи Славянства въ Россіи даетъ нравственную опору неутомимымъ бойцамъ и мужественнымъ страдальцамъ Славянства — нашимъ братьямъ, угнетеннымъ внѣшнимъ игомъ Нѣмцевъ и Турокъ, и въ то же время созидаетъ прочную основу и для нашего Русскаго народнаго возрожденія. Крѣпче и сильнѣе почувствуетъ себя Русская народность, сознавая свое духовное единство съ Славянскимъ міромъ, и уже не одиночную борьбу поведетъ она съ своими внутренними домашними врагами — общими врагами Славянъ — ренегатами Русской народности!

Въ 10 часовъ въ пятницу 11 Мая, въ церкви Московскаго Университета, главнаго представителя науки въ Россіи, началось праздничное богослуженіе, въ присутствіи многихъ профессоровъ, ученыхъ, и вообще тѣхъ, кто сочувствовалъ совершаемому торжеству. Съ удовольствіемъ можемъ замѣтить, что дамъ было едва ли не больше, чѣмъ мужчинъ. Впрочемъ изъ послѣднихъ нѣкоторые были удержаны дома обязанностями службы, а нѣкоторые узнали о назначенномъ торжествѣ уже поздно, такъ какъ въ газетахъ возвѣщено было о немъ только наканунѣ.

Нельзя было безъ особеннаго умиленія слышать молитвенное возглашеніе именъ «святыхъ Славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія», или внимать Слову Божію, возвѣщенному ими же словомъ Славянскимъ. Раздавались тѣ же рѣчи, какія сложены были ими за десять вѣковъ предъ симъ,

читались книги, напечатанныя тѣми же письменами, какими напечатаны были за тысячу лѣтъ. По кириллицѣ, дѣломъ Кирилла и Меѳодія, благодарили предстоявшіе Кирилла и Меѳодія—просвѣтителей и молитвенниковъ Славянскаго міра. Особенное молитвенное движеніе выказалось въ тѣ минуты, когда пѣвчіе запѣли — частію заимствованныя изъ древней рукописной минеи XII вѣка, частію вновь составленныя пѣсни:

«Наста день свѣтлыя памяти святыхъ первоучителей Славянскія земли, святителей Кирилла и Меѳодія, иже любовію Христовою распалями и духомъ истины просвѣщаеми, слово Евангелія усты и письмены древнему роду нашему благовѣсташа, отнюду же и мы разумнѣ обрѣтохомъ божественное вѣры Христовы сокровище. Тѣмъ же благодарнѣ память учителей и святителей празднующе, тѣми молимся: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, даждь, да вси связуеми единою вѣрою и любовію Сына Твоего во единомъ языкѣ и во всѣхъ языкѣхъ едино будемъ въ Тебѣ, яко же Сынъ Твой въ Тебѣ и Ты въ Немъ, да совершени будемъ во едино.»

Другая:

«Отъ юности избравый сестру себѣ премудрость, потомъ же Словенскихъ племень явивыйся апостоль и первохудожникъ Словенскаго письмене, не мертваго и убивающаго, но словомъ Евангелія Христова отъ начала оживленнаго и животворящаго, святителю отче Кирилле, купно съ твоимъ по плоти и по духу братомъ, блаженнымъ Меѳодіемъ, и отъ насъ, позднихъ сокровища вѣры вашае наслѣдниковъ, пѣснь благодаренія приемише, Бога Слова молити, да въ православнѣй вѣрѣ и премудрости насъ возвращая и утверждая, спасеть души наша.»

Предъ окончаніемъ литургіи, совершавшій священнодѣйствіе, священникъ университетскаго храма, и профессоръ университета, Н. А. Сергіевскій произнесъ слѣдующее краткое слово, выслушанное съ живымъ вниманіемъ и сочувствіемъ:

«Въ 1855 году, въ день столѣтняго юбилея здѣшняго университета, принесена частица отъ руки св. Кирилла, одного изъ первоучителей Славянскихъ (*).

*) Эта частица принесена была Московскому Университету въ даръ М. П. Погодинымъ. Въ 1835 была отдѣлена отъ части руки св. Ки-

«Не можемъ сказать, съ какою именно цѣлю было сдѣлано это приношеніе. Конечно, на праздникъ перваго Русскаго университета было прилично напомнить о первыхъ виновникахъ общеславянскаго просвѣщенія и во очію представить персть, впервые начертавшій Славянскія письма, *не мертвыя и убивающія, но словомъ Евангельской истины отъ начала оживленныя*. Думается также: не предполагалось ли тутъ нѣкотораго сближенія времени столѣтняго юбилея университета съ тысячелѣтнимъ юбилеемъ церковно-Славянской письменности, такъ какъ изысканіями нѣкоторыхъ 855 годъ предполагался годомъ изобрѣтенія Славянскихъ писемъ.

«Какъ бы то ни было, но не напрасно сдѣлано приношеніе: оно послужило напоминаніемъ забытаго - дорогаго, хотя и невольно забытаго.

«Послѣ долгаго и можетъ быть весьма долгаго времени, мы впервые возобновляемъ празднованіе у насъ памяти св. первоучителей Славянскихъ Кирилла и Меодія. Будемъ надѣяться, что наконецъ оно возобновится по всей землѣ Русской.

«Какъ намъ не праздновать памяти тѣхъ, которые дали намъ слова Евангелія на нашемъ родномъ языкѣ, поборая сильныя препятствія къ тому со стороны тогдашнихъ *ревнителей* яко бы по славѣ Божіей, которыхъ ревность могла лишить насъ разумаго благочестія и благочестнаго просвѣщенія. Этихъ ревнителей нашъ первоучитель именуетъ «*треязычниками* (*). Они утверждали, что только на трехъ языкахъ, Еврейскомъ, Греческомъ и Римскомъ, дозволено славить Бога, и потому возставали противъ вводимаго Кирилломъ богослуженія на Славянскомъ языкѣ. Составитель древняго канона въ память св. Кирилла выразилъ это въ одномъ изъ тропарей: «словомъ, сердцемъ и языкомъ ты проповѣдалъ, бла-

рилла, хранящейся въ Пражскомъ Соборѣ, частица для Моравской митрополіи, гдѣ св. Меодій святилъ церковь, и въ тоже самое время каноникомъ Пешиною, въ присутствіи Ганки, Шафарика, Колара, отдѣлена была, по усиленной просьбѣ, частица М. П. Погодину, который на ту пору случился въ Прагѣ. Каноникъ Пешина выдалъ на нее свидѣтельство на Латинскомъ языкѣ. См. Моск. Вѣд. 1862 г. № 106.

Ред.

*) См. о древнихъ канонахъ св. Кириллу и Меодію. Москва 1856 г. стр. 9.

женный, Христа, Сына Божія, премудрость, Силу и Слово воплотившееся, и струями твоихъ притчей низложили трезвучниковъ». (пес. 3 рукос. минея синод. типогр. № 6).

«Мы слишкомъ, такъ сказать, богаты богатствомъ слова Божія, дошедшаго намъ изначала на нашемъ родномъ языкѣ, чтобы всякій и всегда могъ чувствовать драгоценность и благотворность этого сокровища. Сытому надо вспомнить голоднаго, чтобы чувствовать радость въ сытости и благодарить насыщающаго. А есть слово пророческое и о глады слышанія слова Божія... Пожелаютъ люди услышать слово Божіе, но не услышать... Это голодъ безъ возможности насытиться. Молитвами просвѣтителей нашихъ, не дай намъ Богъ, чтобы когда нибудь пришло на насъ то грозное слово пророческое!..» *)

Тутъ же въ церкви, по предложенію одного изъ предстоявшихъ, открыта была подписка на сооруженіе иконы Кирилла и Меодія для университетской церкви, — и собрано до 300 р. сер. Написаніе иконы будетъ стоить особеннаго труда художнику, такъ какъ ни въ одной церкви въ Россіи нѣтъ изображенія Св. Первоучителей Славянскихъ. Художнику необходимо будетъ справиться въ древнихъ храмахъ и монастыряхъ Славянскихъ и Греческихъ.

//Но неужели только иконой и окончится дѣло? Не напрасно произнесено было напоминаніе о глады слышанія слова Божія. Въ Москвѣ существуетъ Славянскій комитетъ, созданный именно съ цѣлью доставить, по возможности, Славянамъ, угнетеннымъ Турецкимъ игомъ, — средства къ просвѣщенію, къ утоленію «духовнаго глада» словомъ науки. Комитетъ содержитъ на свой счетъ въ Москвѣ 12 молодыхъ Славянъ, изъ которыхъ нѣкоторые слушаютъ лекціи въ университетѣ, другіе готовятся ко вступленію въ университетъ или въ духовныя семинаріи: но это содержаніе — стоящее 3000 р. сер., исчерпываетъ почти всѣ средства Комитета, — а сколько еще другихъ непредвидѣнныхъ издержекъ: отправленіе больныхъ и окончившихъ ученіе на родину, снабженіе ихъ книгами.. Кромѣ частной благотворительности — другой мате-

*) Изъ «Правосл. Обзор.» № 5.

риальной помощи Комитетъ ни откуда не имѣеть. Съ признательностью должны мы вспомнить, что послѣ открытія сбора приношеній въ Редакціи «Дня», слишкомъ 2000 р. сер. получено въ редакціи изъ всѣхъ концовъ Россіи, нерѣдко отъ самыхъ бѣдныхъ людей (да благо имъ будетъ за эти святые лепты!),—но этого еще недостаточно. Не 12, а гораздо болѣе молодыхъ Славянъ должны бы мы были воспитывать въ Россіи, чтобы приготовить изъ нихъ будущихъ учителей, насадителей просвѣщенія въ Болгаріи, Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, будущихъ дѣятелей возрожденія и освобожденія! Сколькимъ жаждущимъ ученія приходится отказывать Комитету, за неимѣніемъ лишней тысячи рублей. и какъ тяжела эта печальная необходимость отказа, какъ стыдно и совѣстно дѣлается за равнодушіе нашего общества! Какъ въ особенности прискорбно равнодушіе и невѣжество нашихъ богатыхъ торговцевъ, которые на Славянъ не даютъ ни копѣйки, а между тѣмъ жертвуютъ, какъ недавно одинъ купецъ въ Замоскворѣчьи, по 25,000 р. сер. на ненужную отдѣлку богатаго храма, не разумѣя другаго способа приношенія угодныхъ жертвъ Богу!..

Но во всякомъ случаѣ—начало положено. Когда въ первый разъ, лѣтъ 30 тому назадъ, заявлено было нѣкоторыми сочувствіе къ Славянамъ — какими насмѣшками и бранью встрѣчено было въ Русскомъ обществѣ только что возникшее новое направленіе! Теперь кругъ сочувствующихъ расширяется съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, не смотря на насмѣшки Петербургской журналистики, Современниковъ, Инвалидовъ и т. п. Впрочемъ, Петербургскимъ журналамъ такъ и слѣдуетъ: они вѣрны той идеѣ, которую олицетворяетъ собою созданіе Петра — Санктпетербургъ: городъ съ Нѣмецкимъ именемъ, пожалованный въ столицы Русской земли.

Спѣшимъ добавить, что не въ одной университетской церкви, но и въ храмѣ Московской духовной семинаріи, въ тотъ же самый день, въ присутствіи всѣхъ учениковъ, была празднована память св. первоучителей Славянскихъ молебномъ, на который были приглашены всѣ ученики. Намъ остается пожелать, чтобъ это празднованіе установилось по всей Россіи, отъ Успенскаго собора въ Москвѣ до сельской

церкви въ самомъ глухомъ захолюстьѣ. Если бы — вѣроятно подѣ влияніемъ Грековъ — не произошло въ нашей Церкви этого страннаго забвенія тѣхъ, кому мы, Славяне, обязаны больше, чѣмъ Грекамъ, — если бы не прерывалось въ церквахъ пѣніе канонѡвъ въ честь Св. Кирилла и Меѡдія, — Русскій народъ вѣдалъ бы больше о Славянахъ и своемъ Славянскомъ происхожденіи, чѣмъ вѣдаетъ теперь: онъ зналъ бы, что тотъ языкъ, на которомъ онъ славить Бога, есть Славянскій языкъ — единый и общій для всѣхъ Славянъ, оставшихся вѣрными преданію Славянскихъ первоучителей и апостоловъ. //...

Изъ № 35, г. 1862.

// Рана и плѣнь Гарибальди отзовутся неблагопріятными послѣдствіями не только для Италіи, но и для всѣхъ Славянскихъ племенъ на Востокѣ, воюющихъ за то же начало народной независимости и свободы. Имя Гарибальди вполне народно между Славянами въ Турціи, и въ особенности теперь въ Сербіи, Черногоріи и Герцеговинѣ. Зная впечатлительность нашихъ единоплеменниковъ, мы думаемъ, что молва о торжествѣ Пиемонтскаго правительства произведетъ уныніе въ рядахъ защитниковъ вѣры и народности, этихъ мужественныхъ «стоятелей» за самыя святыя права, такъ попираемыя благоустроенными и просвѣщенными правительствами христіанской Европы — Австріи и Англіи! Мы боимся, чтобы вѣсть о Гарибальди не ослабила напряженія, на которое и безъ того такъ давно истощается Сербія, и которое, казалось, должно было наконецъ увѣнчаться послѣдней, рѣшительной борьбой Славянъ съ Турками...

Гарибальди напоминаетъ собою историческихъ дѣятелей давно прошедшихъ временъ. Это лицо будто высѣчено изъ древняго мрамора. Признаться сказать, при общемъ пониженіи уровня — душъ, умовъ и талантовъ человѣческихъ, — всякое явленіе нравственной личности, выдающейся изъ однообразной современной общественной среды способно возбуждать наше полное сочувствіе. Само собою разумѣется, что мы здѣсь привѣтствуемъ не бунтъ личности, не успѣхъ личнаго эгоизма, а торжество личной свободы духа, безусловно отдав-

шейся на службу общей цѣли, и то благотворное дѣйствіе, которое еще способна оказывать на человѣчество личная добродѣтель отдѣльнаго человѣка. Преданность идеѣ, чистота, безкорыстіе, готовность къ самопожертвованіямъ въ Гарибальди—поднимали *нравственный* уровень нашего современнаго общества. Любовь къ отчизнѣ и народности, достойная всякаго уваженія сама по себѣ, никогда не оправдываетъ средствъ безнравственныхъ; она требуетъ чистыхъ дѣятелей, и значеніе Гарибальди состоитъ не въ его храбрости и геройствѣ, не въ его военномъ талантѣ и патріотизмѣ, — а именно въ его нравственныхъ качествахъ, въ его личной духовной доблести.

Обращаясь затѣмъ къ Пиемонтскому правительству мы охотно уступаемъ мѣсто замѣткѣ, присланной намъ отъ одного изъ сотрудниковъ «Дня» *), и приводимъ ее вполнѣ:

«Въ трагической коллизіи, обагрившей Италію, кого винить? Правительство, которому цѣлый народъ ввѣрилъ свою судьбу, правительство, отвѣтственное передъ своимъ народомъ и передъ всею Европою, очевидно, не могло увлечься восторженнымъ порывомъ малочисленной дружины и ринуться, зажмуривъ глаза, въ темную область неизвѣстнаго. Но не могло ли оно, по крайней мѣрѣ, задержать этотъ порывъ до времени, не прибѣгая къ силѣ, успокоить взволнованныя страсти и приберечь дорогую для Италіи кровь? Странно бы было изъ Москвы предпринимать ревизію надъ Пиемонтскимъ министерствомъ, придумывать для него программу и уличать его въ ненаходчивости, когда, конечно, оно было заинтересовано болѣе чѣмъ кто нибудь въ предупрежденіи междоусобной схватки. Къ тому же мы знаемъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, убѣжденія, предостереженія, уступки, ласки, угрозы, словомъ всѣ средства были употреблены въ дѣло—къ несчастью, безъ успѣха. Кого жъ винить? Винить ли Гарибальди за то, что народная волна, поднявшая его на высоту историческаго дѣятеля, не улеглась передъ холмами Рима и лагунами Венеціи? Винить ли его за то, что сердце его и вся Италія твердили: *«мало»*, когда Императоръ Французовъ рѣшилъ про себя, что *довольно*. Нако-

*) Юрія Федоровича Самарина. Прим. изд.

нецъ, винить ли его за то, что онъ не измѣнилъ своей вѣрѣ, той вѣрѣ, которая наканунѣ воскресила его родину, передъ этимъ подняла изъ гроба Грецію и рано или поздно воскресить Славянъ?

«Двѣ силы правятъ судьбами народовъ: творческая сила безотчетнаго вдохновенія, пробивающая для исторіи новые пути, раздвигающая ее поприще, вводящая новыхъ дѣятелей на смѣну старыхъ,—и сила умирающаго разчета, приводящая въ стройность и закрѣпляющая плоды народнаго творчества. Бываютъ минуты, когда желанное равновѣсіе между этими двумя силами нарушается, вслѣдствіе пѣлой совокупности непредотвратимыхъ условій, завѣщанныхъ настоящему отжившими поколѣніями. Въ подобныхъ случаяхъ — жертвы неизбѣжны. Хотя старая поговорка и гласитъ: горе побѣжденнымъ! но дѣло въ томъ, что въ историческихъ тѣжбахъ, побѣда не всегда остается на сторонѣ того, кто удерживаетъ за собою поле битвы и подбираетъ добычу. Часто, окончательное торжество дѣла требуетъ цѣлаго ряда поражений. Вспомнимъ, сколько частныхъ возстаній, неудачныхъ порывовъ къ свободѣ и безразсчетныхъ вспышекъ, залитыхъ кровью, должна была явить Греція, какъ бы въ доказательство своей живучести, прежде чѣмъ она одолѣла долготерпѣливое равнодушіе Европы и завоевала ее сочувствіе. Можетъ быть, тѣмъ же путемъ, усѣянномъ развалинами и трупами, предстоитъ теперь пробиваться и другимъ племенамъ. Можетъ быть, въ настоящемъ случаѣ поражение Гарибальди подвинетъ дѣло окончательнаго возстановленія независимой Италіи въ ея естественныхъ границахъ успѣшиѣе и быстрѣе, чѣмъ случайная удача. Побѣда, одержанная Пиемонтскимъ правительствомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя налагаютъ на побѣдителя нравственную обязанность оправдать свое торжество передъ побѣжденнымъ, и потому, окончено ли политическое поприще Гарибальди или нѣтъ, правительство вынуждено будетъ принять отъ него, признать своимъ и поднять еще выше знамя, выпавшее изъ его рукъ»...

Конечно, только принявъ отъ Гарибальди посланничество народной воли, можетъ Пиемонтское правительство возстановить значеніе законной власти, спасти единство Италіи и изгладить невольное оскорбленіе, нанесенное имъ чувству

нравственной правды, оскорбленіе, котораго не могут ослабить никакія доказательства въ пользу необходимости печальной катастрофы, никакіе справедливые, по видимому, расчеты практическаго благоразумія. Горе той политической мудрости, которая опрометчиво попираетъ нравственныя требованія народа, которая не съумѣетъ уловить историческую минуту, когда самое дерзкое безотчетное чаяніе способно обратиться въ дѣйствительность, мечтательное — сдѣлаться неотложною необходимостью, казавшееся несбыточнымъ — стать жизненною правдою!.. И съ этимъ словомъ, мы переходимъ къ Сербіи...

// На Сербію обращены теперь взоры всѣхъ племенъ Славянскихъ, стонущихъ подъ Турецкимъ игомъ; къ ней устремляются упованія Болгаръ и Босняковъ, на ея помощь рассчитываютъ утомленные въ борьбѣ Герцеговаки и Черногорцы. Подними она знамя возстанія, и Славяне въ Турціи встанутъ, какъ одинъ человекъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, всего удобнѣе сгруппироваться Сербскому племени, — и если надежды прочихъ Славянъ могутъ еще казаться несбыточными политическими снами, то прочное освобожденіе Сербскаго народа вовсе не принадлежитъ къ разряду мечтаній!

Сербскій народъ въ полномъ вооруженіи, въ страстномъ напряженіи силъ, ждетъ мановенія своего князя къ открытому возстанію и къ рѣшительной битвѣ... Что же князь Михаилъ? Время дорого, нельзя безнаказанно играть возбужденіемъ чувствъ народныхъ, то поднимать, то спускать жаръ патриотизма на потребное для правительственныхъ соображеній число градусовъ. Нѣтъ ничего безотраднѣе обманутыхъ ожиданій и напрасныхъ напряженій: за ними неминуемо слѣдуетъ ослабленіе и упадокъ духа. Что же держитъ князя Михаила?.. Дипломатія, собственная нерѣшительность, и — къ несчастію — притязаніе на политическую мудрость, на политическое *сomme il faut*, притязаніе быть правителемъ благоустроеннаго государства, когда онъ долженъ быть вождемъ юнакомъ цѣлаго народа-юнаковъ *)!

*) Юнакъ — витязь, удалецъ, молодець.

Сербія, по нашему мнѣнію, шла въ послѣднее время до-вольно ложнымъ путемъ развитія. Въмѣсто того, чтобъ устре-мить всѣ силы и всѣ помыслы къ достиженію одной един-ственной цѣли, т. е. освобожденія всего Сербскаго племени,— Сербія, или, лучше сказать, ея правительство старалось по-скорѣе перенять внѣшнія формы Европейской гражданствен-ности и придать себѣ видъ благоустроеннаго сложившагося государства. Прямо отъ первобытныхъ формъ быта, суда и расправы, оно круто перешло къ формамъ и приѣмамъ ста-рой Европейской администраціи, обзавелось бюрократіей, «апелляціоннымъ» и «кассационнымъ» судомъ, министер-ствомъ и всевозможными присутственными мѣстами. Все это, по нашему мнѣнію, было преждевременно и во многомъ ослабляло Сербію: оно подрывало въ ней прежнюю непосред-ственную, нѣсколько дикую силу народности, и не дало, да и не могло еще дать ей, въ замѣнъ, силы правильно и проч-но организованныхъ государствъ. Эта правительственная атмосфера къ счастью освѣщается отъ времени до времени народными скупщинами (собраніями) чисто Славянскаго устройства, но и сюда правительство уже впустило (какъ это было на послѣдней скупщинѣ) начало регламентаціи, нарушающей ихъ истинный, народный характеръ и грозящей обратить ихъ въ какое-то жалкое Европейское представитель-ство. Государство въ Сербіи слишкомъ молодо и слабо: въ ней вся сила и крѣпость въ народѣ; спасетъ Сербію, конечно, не ея государственный механизмъ, не регулярная армія, плохо обученная, а народъ, въ которомъ всякій мужчина юнакъ и воинъ. Ошибка Сербскаго правительства и князя состоитъ, какъ намъ кажется, именно въ томъ, что они слишкомъ много придаютъ значенія силѣ своей правитель-ственной механики. Видя дѣйствительную слабость своего новорожденнаго государственнаго организма, они теряютъ вѣру въ силы самаго Сербскаго народа, въ дѣйствіе народ-наго энтузіазма; они забываютъ, что единственное спасеніе Сербіи теперь въ томъ, что не укладывается въ формы внѣш-няго благоустройства,—какъ понимаетъ его западная Евро-па, а именно: въ простотѣ формъ народнаго гражданскаго быта, въ духѣ юначества, еще къ счастью живущемъ въ на-родѣ. Мы нисколько, разумѣется, не теряемъ надежды на

Сербскій народъ, но указали только на ошибки правительства и на причины нерѣшительныхъ дѣйствій князя Михаила. Такъ, напримѣръ, едва ли не ошибку сдѣлало Сербское правительство, не воспользовавшись бомбардированіемъ Бѣлграда и не допустивши народъ къ немедленному овладѣнію крѣпостью. Какъ ни сильны ея твердыни, какъ ни искусны артиллеристы Турецкаго гарнизона (къ несчастію, большею частью Поляки и Мадьяры), но нѣтъ сомнѣнія, крѣпость не выдержала бы приступа вознегодовавшаго Сербскаго народа! Если бы Сербы заняли крѣпость и истребили Турецкій гарнизонъ, дѣло дипломатіи было бы легче и ей пришлось бы только признать совершившійся фактъ—*le fait accompli*.

Пусть же князь Михаилъ вспомнить своего недавно умершаго доблестнаго отца, «Стараго Милоша», совершившаго свой бессмертный подвигъ вторичнаго освобожденія Сербіи—съ средствами ничтожнѣйшими, нежели тѣ, которыми теперь располагаетъ его сынъ!..

Впрочемъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, князь приказалъ созвать скупшину и передать вопросъ о войнѣ на рѣшеніе Сербскаго народа, сдѣлавъ народъ и отвѣтственнымъ за всѣ послѣдствія его рѣшенія. Конечно, это лучшее, что можетъ теперь сдѣлать князь въ своемъ положеніи, — но жаль, что онъ ранѣе не прибѣгъ къ этой мѣрѣ и тѣмъ упустилъ, можетъ быть, много благоприятнаго времени...

Турція готовится къ отчаянной защитѣ; положеніе обѣихъ сторонъ такъ натянута, вражда противниковъ такъ распалена, что если теперь дипломаты и успѣютъ отвратить взаимное объявленіе правильной законной войны, то не отвратятъ они беззаконнаго взрыва насильственно сдержанныхъ вулканическихъ стихій Славянскоі народноі почвы, со всѣми его бѣдствіями и ужасами. Дипломаты, отказываясь разрѣшить Восточный вопросъ мирнымъ путемъ конференцій, ускоряютъ его насильственную развязку, и не только не предупреждаютъ народныхъ бѣдствій, но вызываютъ, накликаютъ ихъ на тѣхъ, кого взялись охранять. Изъ тѣхъ свѣдѣній, какія мы имѣемъ о Цареградскихъ конференціяхъ, видно, что требованія Порты, Англій и Австріи взяли перевѣсъ надъ требованіемъ Россіи и Франціи—относительно срытія Бѣлградскоі крѣпости. Что доставило этотъ перевѣсъ, мы не знаемъ,

и ясно не понимаемъ: настойчивость и рѣшимость Англии и Австріи не могли быть подкрѣплены никакими положительными угрозами; обѣ державы въ равной степени не желаютъ Европейской войны и не готовы къ ней, какъ и Россія и Франція—слѣдовательно угрозы не могутъ быть страшны. Англія, конечно, можетъ тайно снабжать Турцію денежными субсидіями, но не въ правѣ открыто помогать ей, не нарушая Парижскаго трактата. Австрія же, если бы и вздумала ввести въ Бѣлградскую крѣпость Австрійскій гарнизонъ, вмѣсто Турецкаго, можетъ быть легко обуздана...

Изъ прилагаемаго ниже письма изъ Бухареста—читатель увидитъ положеніе дѣлъ въ Болгаріи. Оно невыносимо, и Турецкій фанатизмъ готовитъ намъ и въ Европейской Турціи повтореніе Сирійской рѣзни.

Покуда Сербія недоумѣваетъ, покуда прочіе Славяне страдаютъ, ждуть и еще продолжаютъ смиряться, Черногорцы одни приняли на себя всю тяжесть убійственной кровопролитной войны съ громадными Оттоманскими полчищами, и безъ помощи, безъ снарядовъ совершаютъ истинно изумительные подвиги мужества и терпѣнія. Только ненависть Латинно-Германскаго міра къ міру Славянскому можетъ объяснить холодное равнодушіе Европы къ подвигамъ мученичества Православныхъ Христіанъ на Востокѣ, отстаивающихъ свою вѣру и независимость противъ магометанскаго варварства и тираниі. И неужели же должны погибнуть наши единоплеменники и единовѣрцы въ ихъ священной борьбѣ за то, что и для насъ всего святѣе въ мірѣ!... А онъ погибнетъ, весь, до одинаго человѣка, этотъ малочисленный Черногорскій народъ, онъ будетъ подавленъ Азіатскими ордами,—если не протянуть ему руку спасенія. По послѣднимъ извѣстіямъ борьба продолжается. Мужество Черногорцевъ не слабѣетъ, но ряды ихъ рѣдѣютъ отъ множества убитыхъ и раненыхъ, и боевые припасы истощаются... //

// И такъ на одномъ краю уже пылаетъ война, и зарево пожара готово объять все Православное Славянское христіанство. Турки предаются бѣшеной мести, жгутъ, грабятъ, рѣжутъ, срамятъ дѣтей, безчестятъ женъ и дѣвицъ. Наши

единоверцы и единоплеменники, поднявшіе знамя борьбы за Православную Церковь и за избавленіе отъ магометанскаго ига, истекають кровью, не видя ни откуда ни помощи, ни ободренія. Поля ихъ разорены, да и некогда ихъ обрабатывать, — припасы и снаряды истрачены, имъ грозитъ голодъ, и въ случаѣ пораженія еще худшее рабство.... Мы ли не Христіане, мы ли не Православные, не Русскіе, не Славяне? Забудемъ ли мы святыя обязанности духовнаго и кровнаго братства?...

Если Россія по разнымъ, безо всякаго сомнѣнія уважительнымъ причинамъ, не можетъ помочь Православнымъ Славянамъ непосредственнымъ участіемъ въ борьбѣ, то пошлемъ имъ денежное пособіе, въ которомъ они такъ нуждаются....

Въ «Journal de St. Pétersbourg»; официальномъ органѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и въ газетѣ «Современное Слово» уже открыта подписка въ пользу разоренныхъ и бѣдствующихъ Черногорцевъ, а также въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Современной Лѣтописи». Временная приостановка «Дня» помѣшала Редакціи и Славянскому Комитету, которому «День» служить органомъ, приступить ранѣе къ подобной же подпискѣ, которую открыть давно рѣшила Редакція. Теперь же отъ имени Славянскаго Комитета и отъ имени Редакціи «Дня», по ея желанію, объявляемъ:

Подписку въ пользу бѣдствующихъ Православныхъ Славянъ, отстаивающихъ свою вѣру и независимость.

Мы возлагаемъ особенную надежду на наше Русское торговое сословіе, всегда щедрое и великодушное, когда дѣло идетъ о благѣ церкви и страждущихъ братьевъ. Приношенія могутъ присылаться и доставляться — или прямо въ Редакцію «Дня», или же къ нижеподписавшемуся секретарю Славянскаго Комитета, или же на имя временнаго предсѣдателя Славянскаго Комитета, М. П. Погодина (въ собственномъ домѣ на Дѣвичьемъ Полѣ). Кромѣ того желающіе могутъ адресовать свою денежную помощь: въ Харьковѣ профессору П. А. Лавровскому; въ Кіевѣ — Д. С. С. Михаилу Владиміровичу Юзефовичу; въ Тифлисѣ Генераль-Маіору Иваницкому, — отъ которыхъ деньги будутъ пересылаться въ Ре-

дакцію «Дня». Обо всѣхъ полученныхъ пожертвованіяхъ (записываемыхъ въ особо заведенную шнуровую книгу) будетъ немедленно опубликовано, а также и о времени отсылки денегъ къ Славянамъ, на мѣсто битвы. Начинаемъ.... //

1864 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 28 марта.

// Недавно Morning Post, одинъ изъ значительныхъ органовъ Англійской журналистики, слывущій въ то же время органомъ лорда Пальмерстона, пугнулъ всю Европу призракомъ воскрешающаго Священнаго Союза,—т. е. того тѣснѣйшаго союза между правительствами Австрійскимъ, Русскимъ и Прусскимъ, который лѣтъ сорокъ сряду владычествовалъ надъ народами Европы и былъ наконецъ подорванъ Восточной войною. Вызывая изъ могилы такое грозное привидѣніе, Англійское министерство имѣло въ виду—раздраженіемъ противъ Россіи національнаго чувства Французовъ и возбужденіемъ общественнаго негодованія въ Европѣ предупредить возможность всякой коалиціи между тремя Сѣверными великими державами и парализировать дружный напоръ Австріи и Пруссіи на беззащитную Данію. Дѣйствие, произведенное статьею газеты Morning Post, было такъ сильно, впечатлѣніе такъ серьезно, что всѣ три Сѣверныя державы поспѣшили оправдаться передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы и отречься отъ всякаго помысла о подобномъ союзѣ... Русскимъ читателямъ, вѣроятно, памятна статья, напечатанная по этому случаю въ Journal de St.-Petersbourg, гдѣ высказано прямо, энергически, повидимому съ искреннимъ негодованіемъ, съ чувствомъ глубоко оскорбленнаго достоинства, что Священный Союзъ, какъ «заговоръ правительствъ противъ свободы народовъ» (такъ честятъ его Европейскіе публицисты), уже болѣе невозможенъ въ наше время и долженъ уступить мѣсто союзу правительствъ и народовъ на пользу цивилизаціи, просвѣщенія, правильнаго прогресса и проч. и

проч. и проч. Такими и подобными разсужденіями въ отмѣнно-либеральномъ смыслѣ старался Journal de St.-Pétersbourg успокоить встревоженные умы Европы.

Вчитываясь съ особеннымъ удовольствіемъ въ статью помѣщенную въ Journal de St.-Pétersbourg и восхваляя мудрость Русскаго правительства, признавшаго отреченіе отъ Священнаго Союза съ Австріей и Пруссіей нужнымъ и благовременнымъ, мы радовались такому гласному заявленію, такому торжественному со стороны кабинетовъ признанію сего Союза—дѣломъ.... тяжелой памяти для народовъ!... Самъ по себѣ, впрочемъ, союзъ съ сосѣдними государствами не могъ бы, казалось, представлять ничего предосудительнаго; напротивъ, добрыя отношенія къ сосѣдямъ обусловливаютъ миръ и спокойствіе, необходимыя для внутренняго преуспѣянія: это истина старая, всѣмъ извѣстная. Отъ этого, казалось бы, и отказываться нечего, да и ни для кого, по видимому, въ подобномъ положеніи дѣлъ не можетъ быть повода къ тревогѣ и опасеніямъ... Отъ чего же отрекалась Россія, по смыслу статьи Journal de St.-Pétersbourg?

Отъ идеи Священнаго Союза, отъ принципа непремѣнной политической солидарности Россіи съ Австріей и Пруссіей. отъ *круговой поруки*, которая, по плану союзниковъ, должна была связать и связывала нѣкогда эти три великія державы, дѣлала ихъ отвѣтственными другъ за друга и за цѣлость владѣній каждой изъ нихъ,—устанавливала между ними единство политическихъ взглядовъ, общность правительственной системы и правительственныхъ воззрѣній на нравственное и умственное развитіе подвластнаго имъ человѣчества... Вотъ отъ чего счелъ нужнымъ и поспѣшилъ отречься Русскій кабинетъ чрезъ Journal de St.-Pétersbourg! Въ самомъ дѣлѣ, въ силу этой круговой поруки, Россія въ продолженіи долгаго времени господствовала своимъ вліаніемъ въ Германіи почти полновластно, берегла и блюла Германское, не только внѣшнее, но и внутреннее *statu quo*, какъ будто ей нѣчто дорогое и близкое, — и таковою неослабною заботливостью объ интересахъ Нѣмецкихъ государствъ возбудила къ себѣ дружную неприязнь Германскаго общества. Понятно, что мысль о возобновленіи этой опеки, еще живущей въ памяти Германскаго населенія и олицетворявшейся въ образѣ знаме-

нитога Священнаго Союза, способна была смутить и встревожить всѣхъ, когда-то состоявшихъ подъ этой опекой; и нельзя не признать, что Англійское министерство не напрасно выдвинуло впередъ, ради своихъ цѣлей, призракъ Священнаго Союза, какъ самое дѣйствительное средство. Что же касается до Россіи, то естественнымъ результатомъ Священнаго Союза, какъ круговой поруки Россіи съ Нѣмецкими державами, было, между прочимъ, враждебное отношеніе Россіи къ Славянскимъ народностямъ и невѣрное направленіе Восточнаго вопроса... Съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, съ рыцарскою честностью послужило Русское правительство идеѣ Священнаго Союза! Эта идея сковывала насъ по рукамъ и по ногамъ не только на Западѣ Европы, но и на Востокѣ, въ Турціи, въ Дунайскихъ княжествахъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ Славянскимъ народамъ. Благодаря ей, мы забывали, что Русскіе интересы противоположны интересамъ Австрійскимъ; что наша сила, наше значеніе въ Европѣ должно опираться преимущественно на сочувствіе къ намъ Славянскихъ народовъ, находящихся подъ властью Австрійцевъ и Турокъ; что Австрія есть злѣйшій врагъ освобожденія Славянъ даже изъ-подъ Турецкаго ига, и что слѣдовательно всякій сердечный союзъ нашъ съ Австрійскою властью только упрочивалъ это иго и отвращалъ отъ насъ симпатіи нашихъ единоплеменныхъ и большею частью единовѣрныхъ братій,—нашихъ естественныхъ союзниковъ. Благодаря ей, этой идеѣ, мы отказывали въ своемъ содѣйствіи свободѣ Италіи, отстаивали Бурбоновъ въ Неаполѣ, во Франціи, и столько лѣтъ разыгрывали въ Европѣ, по Французскому выраженію, роль адвоката дѣлъ *пропавшихъ*—*avocat des causes perdues!*... Все это, болѣе или менѣе, отражалось и на внутренней жизни Россіи...

Но все это миновало, и мы, благодаря Бога, дождались того времени, когда само Русское правительство осудило предъ лицомъ всей Европы систему, воплощенную въ образѣ Священнаго Союза, и торжественно протестовало противъ взведеннаго на Россію обвиненія въ желаніи возвратиться къ этой системѣ! Осуждена солидарность съ Австріей и Пруссіей, осуждена политика, дѣлавшая насъ рыцарями легитимности въ Европѣ, защитниками механическаго равно-

вѣсія и врагами національностей! Казалось бы, теперь по праву можем мы надѣяться на сочувствіе всѣхъ угнетенныхъ Славянскихъ народностей...

Но старая закваска еще долго бродитъ; но корни, оставшіеся въ землѣ не вполне на-чисто вырытыми, еще способны иногда пускать отростки при благопріятныхъ условіяхъ погоды и почвы. Мы признаемъ себя не въ правѣ входить въ обсужденіе современныхъ политическихъ дѣйствій Русскаго кабинета, къ тому же намъ мало извѣстныхъ,—но мы можемъ и считаемъ своею обязанностью произнести наше мнѣніе о тѣхъ соображеніяхъ, которыя Нѣмецкіе журналы въ Германіи—и въ самой Россіи—позволяютъ себѣ предлагать Русскому правительству. Въ St.-Petersburger Zeitung (№ 19 Марта) напечатана статья, которая на другой же день появилась въ переводѣ на самомъ видномъ мѣстѣ газеты *Голосъ*, съ замѣчаніемъ отъ редакціи, что «эта статья заслуживаетъ серьезнаго вниманія.» Не знаемъ, что хотѣлъ этимъ сказать *Голосъ*, но знаемъ, что общедоступность языка, на которомъ издается S.-Petersburger Zeitung, даетъ ходъ этой газетѣ въ Германіи и что статья эта будетъ, безъ сомнѣнія, замѣчена и прочтена въ Австріи и Пруссіи съ удовольствіемъ столь же великимъ, сколько велико было или будетъ, по всей вѣроятности, неудовольствіе Русскихъ читателей.

Если эта статья не упоминаетъ ни однимъ словомъ о Священномъ Союзѣ, то она тѣмъ не менѣе старается доказать необходимость *круговой поруки* и уже существующую солидарность интересовъ — на этотъ разъ не между Россіею, Австріею и Пруссіею, но между Россіею, Австріею и *Турціей*. Нѣмецкій публицистъ пытается воскресить *Священный Союзъ* въ новой формѣ, замѣнивъ Пруссію—*Оттоманскою Портою*. *Порта*, Россія и Австрія, Австрія, Россія и *Порта*, повторяетъ на каждомъ шагу, кажется и не подозрѣвая, сколько оскорбительнаго заключается для насъ въ этомъ его сопоставленіи! Откуда же взялось это сопоставленіе? Или направленіе нашей политики не довольно рѣшительно, или знамя наше выставлено не довольно высоко и развернуто не во всю его ширину? Или, можетъ быть, и дѣйствительно въ нашей современной политикѣ есть что-нибудь дающее къ тому поводъ?

Статья, перепечатанная въ *Голостъ*, развиваетъ ту мысль, что опасность, грозящая спокойствію Европы отъ Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса—ничто въ сравненіи съ опасностями, созрѣвающими для Европы въ Дунайскихъ княжествахъ. Авторъ сильно нападаетъ на князя Кузу и его правительство за гостепрѣимство, оказанное вождямъ космополитической революціи,—указываетъ на затѣваемые въ княжествахъ Кошутомъ, Клапкой, Тюрромъ приготовления, на подвозъ оружія Французскими судами, на цѣлый составляющійся тамъ «арсеналь, предназначенный для нападенія на пограничныя государства» (стало быть и Турціи? Мы понимаемъ негодованіе автора при мысли о нападеніи на Россію, даже на Австрію, но желали бы знать, почему собственно онъ заботится о Турціи?) «Князь Куза, говоритъ онъ, попираетъ Парижскій трактатъ, попираетъ всѣ трактаты, попираетъ права *своего верховнаго государя* (т. е. Турецкаго Падишаха? Жаль только, что Нѣмцы не распространяютъ такого же уваженія легитимности на права верховнаго государя Шлезвигъ-Голштейна, т. е. Датскаго короля). «Неужели, продолжаетъ авторъ, Россія, *Порта* и Австрія должны быть спокойными зрительницами, когда на ихъ границахъ роютъ подкопъ, и пр.? Это невозможно! *Порта*, Россія и Австрія не могутъ спокойно смотрѣть на происки въ Дунайскихъ княжествахъ... рано или поздно онѣ должны будутъ принять энергическія мѣры» и т. д.

И такъ Нѣмецкая Санктпетербургская газета признаетъ до такой степени тождественными интересы магометанской Порты, православной Россіи и католической Австріи, что приглашаетъ ихъ даже дѣйствовать вмѣстѣ, не только для охраненія границъ Россіи и Австріи, но и для огражденія цѣлости Турціи и правъ «верховнаго государя»—Турецкаго Султана! И должно сознаться, что подобное мнѣніе вообще въ ходу въ Австрійской журналистикѣ, да и нѣкоторые Русскіе публицисты начинаютъ уже указывать, хотя еще только намеками, на необходимость тѣснѣйшаго сближенія съ Австріей—по крайней мѣрѣ въ настоящее время... Необходимость эту доказываютъ они обыкновенно солидарностью нашею съ Австріей въ дѣлѣ *Польскомъ* (роковое послѣдствіе совмѣстнаго съ Австріей дѣлежа Польши), и настоятельною

нуждою стать вмѣстѣ противъ современныхъ революціонныхъ кововъ, котормъ театромъ служатъ теперь Дунайскія княжества.

Неужели однако не видятъ защитники тѣснѣйшаго сближенія съ Австріей, къ чему неминуемо должно привести насъ это сближеніе? Къ тому, чтобъ отстаивать существующее *status quo* въ Турціи—нужное для видовъ Австрійской политики! Къ тому, чтобъ отвратить отъ насъ вновь симпатію народовъ Славянскихъ, угнетаемыхъ Турціей, довести ихъ до отчаянія и толкнуть ихъ въ готовые объятія Франціи и Англіи! Къ тому, чтобъ потерять значеніе, которое мы имѣемъ на Востокѣ и котораго главное основаніе лежитъ въ единоплеменности и единовѣрїи нашемъ съ 8 милліонами Турецкихъ подданныхъ. Къ тому, чтобы разрѣшеніе Восточнаго вопроса передать окончательно въ руки Франціи и Англіи, которыя уже умѣли воспользоваться затрудненіями, порожденными для насъ Польскимъ вопросомъ, и къ котормъ уже и теперь начинаютъ обращаться, съ мольбой и надеждой, взоры Болгарь, Сербовъ, Босанцевъ, Черногорцевъ. Къ тому, наконецъ, чтобъ пробудить къ намъ антипатію со стороны всего, что свободно или любитъ свободу, чтобъ навлечь на насъ подозрѣніе Франціи и Англіи, чтобъ накликать на насъ вновь Восточную войну и заставить насъ вновь испытать предательство Австріи! Вотъ результаты того сближенія, которое рекомендуютъ намъ Нѣмецкіе политики-публицисты. Но неужели въ самомъ дѣлѣ Россія должна пожертвовать интересами своими на Востокѣ — интересамъ своимъ въ Польшѣ и на алтарѣ Польши заклатъ свое призваніе, какъ Славянской державы? Неужели дѣйствительно Россія поставлена въ такую безвыходную дилемму: что домогаясь выгоднаго для себя рѣшенія Польскаго вопроса—она упускаетъ изъ своихъ рукъ вопросъ Восточный; домогаясь достиженія цѣлей своихъ на Востокѣ, она проигрываетъ въ Польшѣ? Неужели Польскій и Восточный вопросы находятся въ прямомъ противорѣчїи между собою,—и такъ какъ теперь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ Польскій, то неужели для удовлетворительнаго его разрѣшенія, намъ нѣтъ никакого другаго выхода изъ этого *sercicé vicieux*, въ который мы поставлены—какъ союзъ Австріи, какъ сліяніе нашихъ госу-

дарственныхъ интересовъ съ Австрійскими, а слѣдовательно и удержаніе Славянъ подъ Турецкимъ игомъ, согласно требованіямъ Австрійской политики??. .

Мы думаемъ, что есть возможность и другаго исхода... Дѣло въ томъ, что между интересами Россіи въ Польшѣ (правильно понимаемыми) и интересами Россіи на Востокѣ въ сущности нѣтъ и вовсе не должно быть той противоположности, которую сочинили себѣ Нѣмецкіе, а можетъ быть и нѣкоторые Русскіе политики-публицисты. Мы убѣждены даже, что правильное разрѣшеніе Восточнаго вопроса обусловливаетъ правильное разрѣшеніе и вопроса Польскаго, и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ эти два вопроса тѣсно связаны между собою и могутъ быть разрѣшены, по нашему мнѣнію, только на основаніи одного и того же принципа... Въ противномъ случаѣ Россіи дѣйствительно предстоитъ лишь одно: сближаться съ Австріей *ради* солидарности интересовъ въ Польскомъ дѣлѣ, отречься навсегда отъ своего Славянскаго призванія и отъ всякаго значенія на Дунаѣ, Черномъ морѣ и вообще на Востокѣ и взаимнъ того—все больше и больше сливаться своими интересами съ интересами враждебныхъ Славянству государствъ... Желательно ли это для Россіи?...

Солидарность съ Австріей и Пруссіей въ Польскомъ дѣлѣ!.. По нашему мнѣнію, намъ слѣдовало бы избавиться отъ этой солидарности. Вопросъ Польскій долженъ быть поставленъ для Россіи совершенно *иначе*, чѣмъ для Австріи и Пруссіи. У насъ съ Польшею свои историческіе счеты, совершенно не Пруссіе и Австрійскіе. Слѣдовательно и ликвидація или погашеніе нашихъ счетовъ должно совершиться совершенно независимо отъ этихъ державъ, внѣ всякой заботы объ интересахъ Австріи и Пруссіи въ Галиціи и Познани. Такъ, напримѣръ, Россія призвала къ новой жизни 3½ милліона Польскихъ крестьянъ и придала черезъ то новую силу Польской народности: такая мѣра, думаемъ мы, или окончательный результатъ ея—находится въ прямомъ противорѣчій съ видами Пруссіи, ищущей не оживить, а онемечить у себя Польскую народность.

Постараемся формулировать нашу мысль яснѣе. Ее можно выразить въ слѣдующихъ тезисахъ:

I. Основаніе, на которомъ въ настоящее время поставленъ у насъ Польскій вопросъ, налагаетъ на Русскую политику (по мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ) тѣсную—невольную—солидарность съ политикою Австрійской.

II. Солидарность съ Австріей, какъ показано выше, противорѣчитъ, по нашему мнѣнію, всѣмъ интересамъ Россіи, — особенно на Востокѣ; отвращаетъ отъ насъ симпатіи народовъ, направляетъ къ вредному для насъ исходу Восточный вопросъ, передаетъ этотъ жизненный для насъ вопросъ въ руки Англии и Франціи, заставляетъ насъ измѣнить своему долгу, своему историческому призванію, какъ Славянской державы....

III. Слѣдовательно, мы должны бы, кажется, стараться всѣми мѣрами освободить свою политику отъ этой роковой солидарности съ Австріей. Для этого намъ казалось бы необходимымъ:

IV. Отыскать для Польскаго вопроса иное основаніе, нежели то, на какомъ онъ стоитъ въ Пруссіи и Австріи, и именно такое, которое бы не осуждало насъ на солидарность съ политикою этихъ Нѣмецкихъ державъ, и

V. въ тоже время не становило бы Польскаго вопроса намъ поперекъ—въ разрѣшеніи вопроса Восточнаго, въ дѣлѣ освобожденія Славянскихъ племенъ въ Турціи. Приискать такое основаніе, — какъ средство избавиться отъ внутренняго противорѣчія по отношенію къ Польскому и Восточному вопросамъ — вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, лежитъ теперь задача для нашей публицистики.

Что касается до Дунайскихъ княжествъ, то нельзя не замѣтить, что отношеніе наше къ вопросу о монастырскихъ имуществвахъ ослабило повидимому наше значеніе въ княжествахъ и расположило къ намъ непріязненно Румынское населеніе. Читателямъ уже извѣстенъ нашъ взглядъ на дѣло объ имуществвахъ: мы не считаемъ справедливыми притязанія фанариотовъ, и если не можемъ хвалить способа дѣйствій князя Кузы, то тѣмъ не менѣе думаемъ, что Россіи, а не кому другому, слѣдовало бы стать во главѣ національнаго дѣла въ Румынскихъ княжествахъ и руководить ихъ своимъ законнымъ и естественнымъ вліяніемъ: мы смѣемъ думать, что при такомъ образѣ дѣйствій со стороны Россіи, не имѣла бы

тамъ успѣха ни латинская, ни революціонная пропаганда. Посмотрите на дѣйствія Англіи: какъ сильно сначала возставалъ Англійскій кабинетъ противъ отнятія монастырскихъ имуществъ, защищая Грековъ и интересы Порты, и потомъ, сдѣлавъ крутой поворотъ, сталъ на сторону княжествъ, вмѣстѣ съ Франціей... О перемѣнѣ политики Англіи въ отношеніи къ Славянамъ, о пробудившемся вдругъ сочувствіи Англичанъ къ Сербамъ, уже не разъ было засвидѣтельствовано и рѣчами въ парламентахъ и журналами. Но этого мало. Наполеонъ III—въ Восточномъ вопросѣ становится также на сторону «народовъ» и «національнаго дѣла», и такимъ образомъ какъ будто оттеръ насъ (позволимъ себѣ это выраженіе) отъ того мѣста, которое принадлежитъ намъ по праву. Что же мы-то выиграемъ отъ сближенія съ Нѣмцами? То, что на нашей Южной границѣ, между Славянами, на Дунаѣ, въ княжествахъ, въ Сербіи; утверждается враждебное намъ вліяніе и занимаютъ крѣпкую позицію Англія и Франція. То, что чистое дѣло освобожденія народностей смѣшано съ нечистымъ дѣломъ космополитической революціи,—то наконецъ, что отпаденіе Венгріи отъ Австріи выходитъ для нашей политики опаснымъ дѣломъ и что все тѣснѣе и уже стагивается узелъ нашей солидарности съ Австріей!..

Будемъ надѣяться, что наша дипломатія, съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ поддерживавшая въ прошломъ году честь Русскаго имени въ Европѣ, съумѣетъ и на этотъ разъ оцѣнить и поддержать истинные интересы Россіи и не поставитъ ее въ противорѣчіе съ ея Славянскимъ призваніемъ въ исторіи человѣчества. //

Москва, 30 Мая.

// Вы за кого, читатель? За Аугустенбургскаго или за Ольденбургскаго? Или, быть можетъ, вы вовсе не допускаете отдѣленія Шлезвингъ-Гольштейна отъ Датскаго королевства? или же вы, хотя и допускаете отдѣленіе, но только Гольштейна и половины Шлезвига, а другую половину оставляете Даніи? При томъ вы, вѣроятно, никакъ не хотите, чтобы отдѣленный Шлезвингъ-Гольштейнъ увеличилъ собою владѣнія

Пруссія, или вошелъ въ составъ Германскаго союза, — никакъ! Усиленіе Германской конфедераціи! Въ самомъ дѣлѣ страшно — за Россію страшно, не правда ли? Да еще, пожалуй, Пруссія приберетъ къ своимъ рукамъ Киль... Вы ужъ, конечно, на это не согласитесь, читатель, — вы встревожены замыслами Пруссіи, — да къ тому-жъ вѣдь не можете вы не чувствовать никакого влеченія къ Голштиніи, не можете же вы оставаться равнодушнымъ къ извѣстнымъ Русскимъ правамъ на эти Нѣмецкія области? Развѣ Голштинія ничего не говоритъ вашему сердцу?... Увы, читатель, ничего она не говоритъ вашему черствому сердцу, равнодушны вы къ Русскимъ извѣстнымъ правамъ, какъ ни горячатся изъ-за нихъ нѣкоторые публицисты, — да по правдѣ сказать, ничего она не говоритъ и нашему сердцу: *День* даже и не отозвался до сихъ поръ ни однимъ словомъ на Датско-Германскій вопросъ. Мы даже и не понимаемъ ясно, что за дѣло Россіи до Шлезвигъ-Гольштейнской пуганицы, и какая опасность грозитъ Россіи отъ того, что Нѣмецкій Bund приметъ въ свои дряхлыя объятія Шлезвигъ-Гольштейнъ, хотя бы и съ морскою пристанью Килемъ? Опасна намъ не Германія, а германизмъ; опасны не Нѣмецкія государства, а Нѣмецкая государственность, — то Нѣмецкое государственное искусство, *deutsche Staatskunst*, о которомъ съ такою гордостью говоритъ Дерптскій *Tagesblatt* въ своемъ отвѣтѣ на статью *Московскихъ Вѣдомостей*. «Мы не менѣ Русскихъ участвовали въ созданіи Россійской имперіи, восклицаетъ эта газета, — Россійская имперія запечатлѣна Нѣмецкою кровью, Нѣмецкимъ разумомъ, Нѣмецкимъ государственнымъ мастерствомъ»... Спорить съ Дерптскою газетою мы нисколько и не намѣрены, и обратимся снова къ Датско-Германскому вопросу. Менѣ опасности представляетъ намъ стремленіе самой Германіи къ государственному единству, чѣмъ наше собственное стремленіе къ вмѣшательству въ ея политическія дѣла. Переносить центръ тяжести нашей политики на Германію — намъ кажется совершенно невыгоднымъ для интересовъ Россіи. Не на безсиліи сосѣдей должны мы основывать нашу силу, — и забота о политическомъ равновѣсіи Европы можетъ быть совершенно чужда Русскому государству, для котораго ничье политическое преобладаніе не

страшно, если оно (т. е. государство) съумѣетъ устранить всѣ причины внутренней своей слабости и уврачевать разѣдающіе его недуги. Центръ тяжести нашей внѣшней политики, по нашему мнѣнію, долженъ быть на Востокѣ, и всякое отвлеченіе нашего вниманія отъ дѣлъ восточныхъ, всякія дипломатическія комбинаціи, имѣющія исключительно въ предметѣ — или установленіе солидарности съ Германскими государствами, или безкорыстное упроченіе благосостоянія Германцевъ, или правильное и равномерное, внутри самой Германіи и для ея блага, размѣщеніе Нѣмецкихъ силъ, или удержаніе Европейскаго *statu quo* и мнимаго политическаго равновѣсія, — всѣ подобныя заботы только отдаляютъ насъ отъ исполненія нашего настоящаго призванія на Востокѣ. Что намъ за дѣло до того, будетъ ли Наполеонъ владѣть берегами Рейна, или нѣтъ? Какой отъ того ущербъ для Россіи? Намъ приличнѣе заботиться о Дунаѣ, нежели о Рейнѣ, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что наши попеченія о чуждомъ намъ Рейнѣ повредили бы нашимъ интересамъ на родномъ намъ Дунаѣ. Повредили бы они намъ во всѣхъ отношеніяхъ: и потому, что раздражили бы безъ надобности ту дежаву, которая, въ отмщеніе, можетъ удобнѣе всего испортить наше положеніе на Востокѣ, — и потому, что дружеская связь съ Нѣмецкими державами, солидарность съ Германскими интересами уже сама по себѣ способна сковать нашу дѣятельность на Востокѣ, дать анти-Славянское направленіе всей нашей внѣшней политикѣ.

А дѣла на Востокѣ обстоятъ для насъ болѣе чѣмъ не благополучно, — и можно, кажется, предсказать, что чѣмъ тѣснѣе будетъ нашъ союзъ съ Австріей и Пруссіей, тѣмъ слабѣе будетъ наше значеніе на Востокѣ; чѣмъ усерднѣе будемъ мы вмѣшиваться въ интересы Германіи, тѣмъ болѣе будемъ мы отстранены отъ интересовъ намъ совершенно близкихъ, родныхъ, кровныхъ, на Дунаѣ и за Дунаемъ. Никто изъ Русскихъ, конечно, не станетъ спорить, что положеніе православнаго Славянскаго міра касается насъ нѣсколько ближе, чѣмъ интересы Италіи или Германіи. Вопросъ Дунайскій въ настоящую минуту неизмѣримо важнѣе для Россіи Шлезвигъ-Гольштейнскаго вопроса, и мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что имѣя представителя Русской державы не

только во Франкфуртѣ, но—еще очень недавно—даже при дворѣ Римскаго Папы (съ такою безумною, но честною откровенностью возвѣстившаго въ слухъ всему міру презрѣніе, ненависть и злобу латинства къ православной Россіи),—мы въ то же время не имѣемъ посланника въ Царьградѣ, уступая такимъ образомъ свободное поле напору Франціи и Англіи на Турокъ и на Славянъ. Нельзя не пожелать, чтобъ хоть нѣкоторая доля той энергіи, которую проявила Россія въ сношеніяхъ своихъ съ Европою по случаю Польскихъ дѣлъ, была приложена и къ нашей политикѣ на Востокѣ.

Наши газеты пылаютъ негодованіемъ на Молдаво-Влашскаго господаря за его продѣлку 2 Мая. Князь Александръ Іоаннъ I, или по просту князь Куза, разыгралъ на своемъ маленькомъ театрѣ роль Наполеона III-го, своего образца и покровителя. Слѣдовательно, о нравственности поступка тутъ не можетъ быть и рѣчи; но нельзя не отдать справедливости Кузѣ, что онъ исполнилъ свою роль довольно искусно и необыкновенно смѣло. Можно ли было бы когда ожидать, что въ то время, когда мы съ такою добросовѣстностью блюдемъ условія Парижскаго трактата, не пытаемъ даже порвать ихъ,—Дунайскія княжества,—тѣ самыя Дунайскія княжества которыя, такъ сказать, взлелѣяны подъ нашимъ крыломъ,—безъ всякой церемоніи и безъ нашего спроса, нарушаютъ конвенцію, основанную на этомъ же Парижскомъ трактатѣ и дерзко расширяютъ свою власть и силу—къ совершеннѣйшему изумленію большей части гарантирующихъ державъ, — къ ущербу Турецкаго верховнаго господства и отчасти даже къ нашей невыгодѣ? Этого, конечно, нельзя было и ожидать, но важно для насъ не усиленіе Дунайскихъ княжествъ и не государственныя продѣлки Кузы,—а то странное положеніе, въ которое такимъ образомъ ставитъ насъ политика Франціи, съ помощью которой такъ бойко распорядился и распоряжается маленькій Волошскій Наполеонъ III. За неимѣніемъ другихъ данныхъ, намъ приходится опредѣлять это положеніе по газетнымъ извѣстіямъ и по тѣмъ статьямъ, которыя помѣщаются, по поводу Дунайскихъ княжествъ, въ *Journal de St. Pétersbourg* и *Sanctpetersburger Zeitung*. Въ обѣихъ газетахъ, но въ особенности въ послѣдней (которой это и болѣе къ лицу, какъ Нѣмецкой) вступаются, съ чувствомъ глубо-

каго негодованія на князя Кузу, за верховныя права Его Величества Султана, — а въ осужденіи дѣйствій Молдавско-Влахскаго господара опираются—на нарушенную имъ конвенцію 1858 года, на *Парижскій трактатъ*! Еслибъ мы могли придавать особое значеніе толкамъ этихъ газетъ, то было бы отъ чего придти въ отчаяніе: Россіи вступаться за султана противъ христіанъ, Россіи поддерживать Турецкое иго, Россіи ссылаться на Парижскій трактатъ, который лишилъ ее, между прочимъ, и преобладанія на Востокѣ!!.. Вотъ это-то наше положеніе, котораго такъ желаетъ для Россіи Нѣмецкая Санктпетербургская газета, было бы торжествомъ для Франціи и равно было бы совершенному пораженію для нашей политики!.. Напротивъ: въ головѣ всякаго стремленія христіанъ къ освобожденію изъ-подъ магометанскаго иго должна бы, кажется, стоять Россія,—и возставать противъ нарушенія Парижскаго трактата, по нашему мнѣнію, не согласно ни съ ея достоинствомъ, ни съ ея пользою. Чѣмъ больше дыръ въ этомъ трактатѣ, тѣмъ скорѣе онъ разорвется, — а это не можетъ не быть въ интересахъ нашей политики на Востокѣ, и эти интересы поважнѣе нашихъ интересовъ въ Германіи! Если бы мы теперь, въ союзѣ съ Австріей и Турціей, захотѣли возстановить права султана въ Малахіи и Молдавіи и силу нарушенной конвенціи, то мы поставили бы себя въ непріязненные отношенія не только къ населенію Румунскихъ княжествъ, но и къ Славянскому населенію Турціи, явились бы противниками ихъ свободы. Добровольно лишая Славянскія племена всякой надежды на поддержку Россіи, мы тѣмъ самымъ толкаемъ ихъ въ объятія Франціи или Англіи, заставляемъ ихъ ожидать спасенія отъ Гарибальди и отъ космополитической революціонной партіи, сблизаться съ латинскимъ Западомъ—и наконецъ измѣнять строгости своихъ національныхъ началъ, уклоняться отъ своего Славянскаго пути. //

Значеніе Россіи на Востокѣ, обаяніе ея могущества, притягательная ея сила—постоянно и видимо слалѣются, а вліяніе Англіи и Франціи, ихъ обаяніе, какъ политическое, такъ и общественное, безпрестанно возрастаетъ. Дѣятельность латинской пропаганды между Болгарами принимаетъ все большіе и большіе размѣры; тысячи агентовъ католицизма стараются *обольстить* Болгаръ на соединеніе съ Римскою цер-

ковью,—обѣщаютъ имъ всевозможныя матеріальныя и политическія блага — изъ-за одной только уступки съ ихъ стороны: признанія Болгарами верховнаго духовнаго господства Римскаго Папы. Извѣстно, что проповѣдники католицизма раздвинули теперь рамки своей пропаганды: они допускаютъ нынѣ и сохраненіе восточнаго обряда и употребленіе народнаго языка въ богослуженіи, но требуютъ только одного: признанія главенства Папы. Для невѣжественныхъ и простодушныхъ Болгарскихъ поселянъ, забытыхъ нуждой и бѣдой, утѣсненныхъ всяческимъ разнообразнымъ гнетомъ, такое требованіе не должно бы казаться чѣмъ-то особенно-важнымъ. Оно можетъ представляться имъ не болѣе, какъ перемѣною духовной власти,—и перемѣною даже желанною, потому что тягостнѣе и мучительнѣе власти Греческихъ іерарховъ власть Рима едва-ли будетъ. Поэтому нельзя не подивиться той твердости, съ которой Болгары противостоятъ до сихъ поръ всѣмъ искушеніямъ, обольщеніямъ и соблазнамъ и сохраняютъ вѣрность православію и своей народности, смутно чувствуя, что измѣна православію ведетъ за собою и измѣну народности.

Читателямъ *Дня*, безъ сомнѣнія, извѣстно, какая вражда пылаетъ, къ прискорбію православнаго міра, между Болгарскимъ народомъ и Греческимъ высшимъ духовенствомъ. Съ пробужденіемъ народнаго самосознанія въ Болгарахъ, они пожелаеи имѣть своихъ Болгарскихъ епархіальныхъ правителей, свое народное церковное управленіе, свои народныя школы и вообще высвободиться изъ подъ духовнаго гнета Грековъ, или, правильнѣе говоря, Греческой іерархіи. Надо вспомнить, что у Болгаръ нѣтъ ни дворянства, ни средняго сословія, что единственною просвѣщенною силою Славянъ въ Турціи можетъ стать только православное духовенство, и поэтому понятно, какъ важно, какъ нужно для Славянъ, чтобъ эта сила была *своя*, одной съ ними національности,—чтобъ духовенство было — Славянское. Къ тому же въ Турціи только въ области церковной даруется христіанамъ, со стороны Турецкаго правительства, автономія или самоуправленіе,—а потому не только ради духовныхъ, но и ради политическихъ интересовъ Болгарской народности, необходимо для Болгаръ воспользоваться всей полнотою возможнаго христіанамъ въ Турціи самоуправленія. — Мы не станемъ повторять обвиненій въ

алчности и корыстолюбіи, которымъ со всѣхъ сторонъ под-
вергаются Греческіе іерархи, — если не всѣ, то большая часть
изъ нихъ: этого не отрицають и защитники Грековъ, объ-
ясняя поборы, которыми они разоряють свою Славянскую
паству, необходимостью уплачивать дань Турецкому прави-
тельству. Мы не будемъ передавать рассказовъ и о нрав-
ственности Греческихъ іерарховъ: безъ сомнѣнія есть между
ними люди и святые по жизни; мы возстаемъ не на образъ
дѣйствій того или другаго Греческаго епископа, а на образъ
мыслей, на общее стремленіе Константинопольскаго престола
подчинить Болгаръ своей духовной власти, эленизировать
ихъ или огречить, т. е. обезнародить, подавить въ нихъ вся-
кое возрожденіе Болгарской національности. Для Грековъ—
Славяне, даже и православные, кажутся по прежнему *вар-*
варами, и Славянская національность—достойною презрѣнія...
Такимъ образомъ положеніе православія въ Востокѣ самое
безотрадное. Что видятъ предъ собою Болгаре, въ правящей
ими церкви? Корыстолюбивую, жадную власть, отягчающую
ихъ поборами, постоянно опирающуюся на грубую Турецкую
силу; видятъ *Грековъ*, утѣсняющихъ *Славянъ*—помощью Ту-
рецкихъ темницъ, Турецкихъ палачей, Турецкаго безсудія;
видятъ православныхъ іерарховъ, служащихъ клевретами у
Турецкаго правительства, постоянно возбуждающихъ его про-
тивъ Болгаръ, постоянно обвиняющихъ Болгаръ предъ Тур-
ками въ политическихъ сношеніяхъ съ *Москвою*. Читатели
Дня знаютъ, что въ Москвѣ существуетъ благотворительный
Славянскій комитетъ, который на свои, весьма скудныя сред-
ства, даетъ образованіе нѣсколькимъ молодымъ Болгарамъ—
здѣсь въ Москвѣ, отчасти въ Кіевѣ и Петербургѣ. Эти мо-
лодые люди пріѣзжаютъ сюда, въ православную и родную
Россію, съ тѣмъ чтобъ учиться и, по окончаніи курса наукъ,
занять у себя на родинѣ, въ Болгаріи, мѣста учителей на-
родныхъ школъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ было бы
удобнѣе отправляться, вмѣсто Россіи, во Францію, гдѣ ученіе
лучше, гдѣ имъ настѣжъ отверзають двери и объятія — и
правительство и общество католической пропаганды на Во-
стокѣ, обладающее огромными—не нашими средствами. Но
несомнѣнно то, что Славяне, кончившіе образованіе свое въ
Россіи, не только не утрачивають своей національности и

остаются Славянами, но еще сильнѣе укрѣпляются въ своей любви къ родинѣ,—чего нельзя сказать про тѣхъ, которые учатся во Франціи или даже въ Германіи: поэтому желательно, въ интересѣ Славянской народности и православія, чтобъ какъ можно болѣе Турецкихъ Славянъ воспитывалось именно въ Россіи. Но Славянскій комитетъ поставленъ теперь въ великое затрудненіе и не рѣшается отпускать молодыхъ питомцевъ своихъ на родину, ибо это значило бы отпускать ихъ на вѣрную смерть или вѣчное заточеніе. Въ качествѣ Русскаго подданнаго Болгаринъ не можетъ быть учителемъ школы въ Болгаріи; какъ Турецкій подданный — онъ находится въ полной зависимости отъ Турецкаго произвола: Турки сами по себѣ смотрятъ уже подозрительно на всякаго Славянина пріѣхавшаго изъ Россіи, а Греческіе іерархи, видя въ образованныхъ православныхъ Славянахъ опасныхъ враговъ своему деспотизму и Греческому преобладанію, стараются всячески избыть ихъ, дѣлаютъ на нихъ доносы, и многіе наши воспитанники были, въ недавнее время, или лишены жизни, или заточены, или вынуждены спасаться бѣгствомъ!

Болгаре просятъ себѣ независимой патріархіи, независимаго отъ Грековъ церковнаго управленія, или по крайней мѣрѣ Болгарскихъ епархіальныхъ начальниковъ — хотя бы даже подъ властью Цареградскаго патріарха — вездѣ, гдѣ живутъ Болгаре. Греки, ослѣпленные алчностью и властолюбіемъ, отказываютъ имъ въ этой, вполне законной и вполне согласной съ духомъ православія просьбѣ. Они боятся лишиться своихъ доходовъ, а главное—они боятся очутиться въ меньшинствѣ сравнительно съ Славянскими іерархами, ибо Болгаръ православныхъ, въ сравненіи съ Греками, въ десять разъ больше. Такимъ образомъ — простымъ людямъ, неспособнымъ постигать во всей тонкости отличіе православнаго догматизма отъ Римскаго и тѣ неизбежныя послѣдствія, къ которымъ ведетъ тотъ и другой въ развитіи историческомъ, — простымъ православнымъ Славянамъ Православная Церковь является воплощенною въ лицѣ ненавистныхъ имъ фанариотовъ. А такъ какъ изъ великаго, единственно-свободнаго православнаго Славянскаго Царства не свѣтитъ имъ лучъ надежды на избавленіе отъ духовнаго гнета, — а на-

противъ, фанариоты находятъ себѣ въ Россіи общественную поддержку (и даже заступничество въ литературѣ — въ лицѣ г. Неклюдова и проч.),—то можно ли удивляться, если они, Болгаре, склоняютъ наконецъ свой утомленный слухъ къ прельщеніямъ Римскихъ проповѣдниковъ, — Французскихъ или Англійскихъ дипломатическихъ агентовъ? Достаточно быть Болгарину католикомъ, протестантомъ или просто даже униатомъ, — онъ находитъ себѣ покровительство у Французскаго, Англійскаго или Австрійскаго посланника, и покровительство вполне могущественное, вполне надежное. Если же онъ, Болгаринъ, остается вѣренъ православію и любитъ свою Славянскую народность, борется за нее, работаетъ ей, — его преслѣдуетъ фанариотъ-епископъ, преслѣдуетъ магометанская власть, подстрекаемая представителями православія, Греками-іерархами, — а въ Русскомъ посольствѣ, не имѣющемъ даже и посланника, онъ не обрѣтаетъ энергической защиты. Да и можно ли намъ, — особенно если бы мы стали ратовать, по совѣту *Sanctpetersb. Zeitung*, за верховныя права Султана, за Парижскій трактатъ, за честь Константинопольской іерархіи, являться защитниками Славянства? Между тѣмъ очевидно, что если Россія въ самомъ скоромъ времени не вступится въ Болгарскій церковный вопросъ; если она будетъ отстаивать фанариотовъ противъ Славянскихъ племенъ, — она погубитъ дѣло православія на Востокѣ, она ввергнетъ милліоны православныхъ — въ пасть Риму!.. Православная Румунія уже находится подъ вліяніемъ Франціи и отъ нея чааетъ себѣ спасенія. Черногорскій князь, также отчаявшись въ помощи со стороны Россіи (которая на Вѣнскомъ конгрессѣ побудила Черногорцевъ передать Австріи единственную пристань, дающую имъ средства къ жизни, Каттарскій портъ), слушается внушеній Французскихъ. Сербское княжество, пугаясь солидарности Россійскихъ интересовъ съ Австрійскими, и слабого дѣйствія Россіи на Востокѣ, также устремляетъ свои взоры на «великаго Императора Франковъ, освободителя угѣсненныхъ національностей». Вотъ какую славу — славу освободителя угѣсненныхъ національностей — приобрѣла себѣ Франція на Востокѣ. Мы этой репутаціи не имѣемъ. А кажется — кому бы естественнѣе заботиться объ освобожденіи угнетенной православной народности Славян-

ской — Франкской ли латинской, или же Русской православной державѣ? Но покуда мы заняты у себя на Западѣ и озабочены дѣлами Германіи, — Франція и Англія не дремятъ, употребляютъ всѣ усилія къ извращенію естественныхъ отношеній Славянъ къ Россіи, — и успѣваютъ. И успѣхи ихъ быстры, достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Намъ же — политики Нѣмецкой Санктпетербургской газеты (получившей какое-то особенное видное мѣсто въ послѣднее время между нашими журналами) совѣтуютъ противопоставить дѣйствіямъ Англіи и Франціи, поддерживаемымъ сочувствіемъ угнетенныхъ Славянскихъ народовъ — защиту верховныхъ правъ угнетателей-Турокъ и букву Парижскаго трактата, — по видимому изъ всѣхъ участниковъ трактата обязательнаго только для насъ однихъ!.. Эти же политики, какъ и слѣдовало предположить, рекомендуютъ намъ и сближеніе съ Австріей, не разумѣя, а можетъ быть и разумѣя, что насколько мы сблизимся съ Австріей, настолько мы отдалимся отъ естественныхъ и единственныхъ нашихъ союзниковъ — Славянъ... //

1865 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 13 ноября.

// Когда, послѣ Вѣнской революціи 1848 года, собрался Славянскій сеймъ въ Прагѣ, Славяне, съ своими различными нарѣчіями, пришли въ затрудненіе — на какомъ общемъ языкѣ имъ объясняться. Дѣйствительно — для идеи всеславянства, за неимѣніемъ чего другаго, нуженъ, по крайней мѣрѣ, хоть общій языкъ — и Австрійскіе Славяне избрали сами, добровольно, общимъ для Славянъ языкомъ — языкъ *Нѣмецкій*. Точно также признали они тогда и высшимъ политическимъ началомъ для Славянской федераціи — начало Нѣмецкое, — власть Нѣмецкаго императора. Тогда-то и выработалась у Австрійскихъ Славянъ, преимущественно у Чеховъ, теорія равноправности всѣхъ Австрійскихъ народовъ, или же федераціи — на Нѣмецкомъ цементѣ. Мы уже говорили о томъ,

что эта теорія, заключаая въ себѣ внутреннее противорѣчіе, *contradictio in adjecto*, ложна въ самомъ своемъ основаніи. Но она оказывается несостоятельною и по слѣдующимъ причинамъ:

Для федераціи необходимо раздѣлить имперію на группы, представляющія каждая какое-либо цѣльное тѣло, какъ въ географическомъ, этнографическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Но при этомъ-то распредѣленіи на группы и возникаютъ новыя, нескончаемыя споры между самими Славянами... Чехамъ хотѣлось бы примкнуть Словаковъ къ своей группѣ, но Словаки—это даровитѣйшее и почтеннѣйшее изъ западныхъ Славянскихъ племенъ—не желаютъ быть поглощенными Чехами, а главное не желаютъ быть отдѣленными отъ той многочисленной части Словацкаго племени, которая обитаетъ въ предѣлахъ Венгерскаго королевства. Для правильнаго распредѣленія слѣдовало бы сдѣлать изъ Венгрии одну цѣльную группу,—но для этого надо напередъ опредѣлить: что такое Венгрія? Мы уже говорили въ предпоследнемъ № о составѣ Венгерскаго королевства и о притязаніяхъ Мадьярскаго племени относительно Славянъ. Для Венгрии существуетъ такой же вопросъ, что и для Австріи: быть ли ей собственно Мадьярской или Славянской? Если признать за Славянами, населяющими Венгрію, политическую самостоятельность, такъ на долю Мадьярамъ достанется очень не много, да и совершить эту операцію раздѣленія, — при той смѣшанности населенія, которая существуетъ въ провинціяхъ даже собственно Венгерскихъ,—трудно, почти невозможно. Между тѣмъ, если бы даже отдѣлить отъ Венгрии Хорватію съ Славоніей, и изъ остальныхъ земель Венгерскаго королевства создать отдѣльную группу Мадьярской народности, то и тогда бы пришлось пожертвовать ей многими Славянскими національностями, напр. Словаками, Русскими Руси Угорской, Сербамъ Венгерской провинціи Баната, и пр. Съ другой стороны православные Сербы Баната не хотятъ быть причисленными и къ группѣ Хорватскаго, такъ называемаго Трїедиаго или же Иллирійскаго королевства, — составленнаго изъ такихъ же Сербовъ, но преимущественно католиковъ и имѣвшихъ разное съ православными историческое развитие. Поэтому всѣ эти племена вопіютъ противъ Чешской идеи

федерациі и знаютъ, что при такомъ образованіи группъ, они бы должны были лишиться своей племенной самобытности. Они требуютъ приложенія къ себѣ, во всей строгости принципа «равноправности», но строгая послѣдовательность въ приложеніи этого принципа потребовала бы раздробленія Австріи на такія мельчайшія группы, при которыхъ невозможно никакая политическая цѣльность; пришлось бы дѣлить Австрію не по областямъ только, но по округамъ, уѣздамъ и даже волостямъ. Надо помнить, что кромѣ Славянъ, Мадыаръ и Нѣмцевъ Австрія имѣетъ у себя еще и Румынъ и итальянцевъ.

Можетъ быть, Австрія и справилась бы кое-какъ съ этимъ вопросомъ, если бы имѣла дѣло съ одними только Славянскими племенами, не обладающими покуда ни политическимъ честолюбіемъ, ни политической жизненною, дѣятельною силою, и подорванными въ своей духовной цѣльности внутреннимъ противорѣчіемъ: мы разумѣемъ въ послѣднемъ случаѣ тѣ Славянскія племена, которыя исказили начало Славянской народности антиславянскимъ началомъ латинства и имѣютъ своимъ духовнымъ отечествомъ — Римъ. Самые покорные покуда подданные Австріи — Славяне (о Полякахъ мы не говоримъ; ихъ слишкомъ мало.) Самые лучшія войска въ Австріи, какъ мы уже сказали, Славянскія; никто не служилъ такъ усердно Нѣмецкому знамени Австріи, какъ Хорваты и Галицкіе мужики. Тяжело въ этомъ сознаваться, но нельзя утаить правду: изъ Австрійскихъ Сербовъ выходятъ Австрійскихъ военныхъ генераловъ множество: мучениковъ народности—ни одного. Австрійскіе Сербы употребляютъ Австрію на дипломатической службѣ въ Турціи, какъ самые надежные исполнители ея антиславянскихъ политическихъ видовъ. Но въ составѣ Австрійской имперіи есть неразлагающееся тѣло, которое нельзя ни онѣмечить, ни ослаблять—это Мадыары. Съ Мадыарскимъ племенемъ, какъ съ племенемъ энергическимъ и воинственнымъ, Австрійскому правительству нельзя не считаться. Его одного серьезно боится Австрія. Прочія же народности внушаютъ ей опасенія—покуда не столько сами по себѣ, сколько по той опорѣ, которую можетъ найти ихъ племенной духъ въ политикѣ го-

сударствъ иностранныхъ: напр. Итальянская народность—во Франціи, Русская народность Галиціи—въ Россіи, и т. д.

Такимъ образомъ—система федераціи встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны тѣхъ племенъ, которымъ пришлось бы быть поглощенными въ группахъ крупнѣйшей и сильнѣйшей племенной индивидуальности, а приложеніе начала равноправности, съ одной стороны, потребовало бы кройки Австрійской имперіи на мелкіе доскутья; съ другой стороны сокрушилось бы о противодѣйствіе Мадыарскаго племени. Опереться на Славянъ и сломить Мадыарское сопротивление вооруженною рукою — конечно удалось однажды Австріи (въ 1849 г.) и то съ помощью Россіи, — но великая разница опереться Нѣмецкому правительству на Славянъ, какъ на матеріальную силу для войны, въ которой всѣ составныя части этой силы безличны, или же опереться на Славянъ, какъ на жизненный принципъ нормальнаго политическаго существованія. Можно противопоставить Мадыарскимъ гонведамъ Славянскихъ солдатъ въ Нѣмецкихъ мундирахъ, но какъ скоро дѣло идетъ не о грубой, безличной матеріальной силѣ, а о началѣ духовномъ, полагаемомъ во главу политическаго зданія,—*обще*-славянская идея разлетается какъ призракъ, а остаются племенные элементы—Чешскій, Хорватскій, Сербскій и т. д., изъ коихъ ни одинъ не представляетъ такой внутренней духовной силы, которая бы могла дать Австріи новое политическое самоопредѣленіе и поставить Славянскій элементъ выше элемента Нѣмецкаго—хотя уже и ослабѣвшаго. Мы уже не говоримъ о томъ внутреннемъ диссонансѣ, который звучитъ въ словахъ: *Славянская федерація на Нѣмецкой закваскѣ*: на подобныхъ компромиссахъ не можетъ создаться никакое прочное зданіе. Прибавимъ къ этому, что терзаемая войнами извнѣ, совершенно разстроенная въ финансовомъ отношеніи, побуждаемая новѣйшими требованіями времени и общественнаго мнѣнія, Австрія рѣшилась оставить съ 1860 года прежнюю систему абсолютизма и выступила на путь конституціонный. Неумолимая логика требуетъ послѣдовательности, а эта послѣдовательность привела къ тому, что всѣ крупныя и малыя племена обрѣли себѣ голосъ и представительство,—заявляютъ о своихъ правахъ на существованіе громче, чѣмъ когда либо,

и въ силу своихъ конституціонныхъ правъ затрудняютъ ходъ общей государственной машины. Вѣнское правительство пробовало было прибѣгнуть къ прежнимъ способамъ самоуправства надъ племенами, но тогда тотчасъ же колебался нравственный кредитъ, приобретѣнный ею введеніемъ конституціи. А между тѣмъ и самая конституція, подвинувшая племенное развитіе народовъ, не подвинула нисколько къ разрѣшенію роковаго для Австріи вопроса о бытіи, и Вѣна еще не видала у себя полнаго сейма, проектированнаго императорскими «дипломами» 1860 и 1861 года. Венгрія не выслала своихъ депутатовъ въ Вѣну и пересилила Австрійское правительство.

Вслѣдствіе этого, наконецъ, Австрія пошла на сдѣлку съ Мадырами. Союзъ Нѣмецкаго и Мадыарскаго элементовъ, единственныхъ серьезныхъ политическихъ элементовъ въ Имперіи—и называется *дуализмомъ*, котораго такъ боятся, и справедливо боятся, бѣдныя, разъединенныя между собою и запутанныя во внутреннихъ противорѣчіяхъ 15 милліоновъ Славянъ. Въ случаѣ успѣха этой системы, Славяне Венгерскаго королевства принесены были бы въ жертву Мадыарамъ; прочіе Славяне — въ жертву Нѣмцамъ. Но нельзя ожидать для Австріи ни успѣха отъ этой системы, ни даже строгаго ея приложенія. Ревнивое Нѣмецкое чувство Австрійскаго правительства никогда не будетъ въ состояніи спокойно покориться преобладанію Мадыарскаго элемента и примириться съ торжествомъ Мадыарской энергіи: ибо настоящая уступка со стороны Австріи есть побѣда Мадыаръ. Вѣнская политика не можетъ отказаться отъ правила, которое до сихъ поръ составляло для него условіе жизни: *divide et impera*, и боясь Мадыарской силы, оно явно или исподтишка будетъ противопоставлять ей Славянское населеніе. Съ другой стороны масса 15 милліоновъ недовольныхъ, хотя бы и самыхъ незлобивыхъ подданныхъ, не можетъ не озабочивать правительства даже самаго могущественнаго, не только Австріи, окруженной врагами и постоянно угрожаемой политической инициативою Наполеона и Бисмарка. Австрія, наконецъ, не можетъ же забыть, что рядомъ съ 15 милліонами оскорбленныхъ такимъ образомъ Славянъ, существуетъ Славянская держава съ 60 милліонами Славянскаго населенія...

Встревоженный, не угрозами, а еще только воплями Славянъ, Императоръ Францъ-Иосифъ, послѣ уступокъ, сдѣланныхъ имъ Венгріи, поспѣшилъ утѣшить Славянскихъ своихъ подданныхъ манифестомъ 20 Сентября, въ которомъ объ-щаетъ вопросъ объ устройствѣ Австрійской имперіи предложить на обсужденіе «*встѣмъ своимъ народамъ*».

Таково положеніе Австріи *съ ея народами*. Таково положеніе каждой страны сборной, составная часть которой не претворилась въ общую органическую сущность, не создали изъ себя цѣльнаго политическаго организма, цѣльной національности. Слава Богу, у насъ въ Россіи, не смотря на разныя новѣйшія точки зрѣнія, одинъ народъ — Русскій; одна національность — Русская, — которой господство основывается не на количественной только, но преимущественно на качественной силѣ. Но это такъ, къ слову. Трудно гадать — какая участь ожидаетъ Славянство въ Австріи... Не могутъ не возбуждать нашего полнаго сочувствія эти ихъ усилія сохранить свою Славянскую личность, эти предъ-явленія права на индивидуальную жизнь, если не на политическую самостоятельность, — эта упругость, эта живучесть, это исканіе общей для себя почвы, эта борьба, производимая при такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, средними и низшими классами населенія, — Славянами-плебеями, при измѣнѣ Славянъ-аристократовъ, которые большею частью онѣмечились, омадьярились, обшталъянились или даже орумунились! Но до тѣхъ поръ и нельзя ожидать благоприятнаго поворота судьбы для Австрійскаго Славянства, пока оно не найдетъ для себя общей родной почвы, пока не придетъ къ полному сознанію духовной сущности Славянскихъ началъ и не выйдетъ изъ того духовнаго съ ними противорѣчія, въ которое, какъ мы показали выше, погружены многіе изъ Славянскихъ племенъ, напр. Чехи. Славянская федерація, о которой мечтаютъ Чехи, возможна будетъ только тогда, когда отыщется для нея высшее политическое, но Славянское же, — не отвлеченное, а живое и дѣйствительно сущее начало. Но главнѣе и важнѣе всего, повторяемъ, для идеи всеславянскаго братства — идея высшаго духовнаго объединенія въ вѣрѣ. Пусть западные Славяне ищутъ прежде всего такого объединенія и поревнуютъ о чистотѣ сла-

вянского идеала вѣры и церкви, — а «остальное приложится»...

Призваніе Россіи ясно. Она — единственная представительница этихъ искомымъ для Славянъ — началъ, и должна высоко и въ строгой чистотѣ держать политическое и духовное знамя Славянства, — не въ смыслѣ честолюбивыхъ замысловъ, а въ значеніи символа указующаго путь, дающаго силу жить и бодрость упованія бѣдствующимъ Славянскимъ братьямъ.

При такомъ положеніи Австріи, спрашивается, къ чему можетъ послужить сближеніе Россіи съ нею? Сближаясь съ нею, съ Австрійскимъ правительствомъ, не становится ли Россія въ солидарность съ тою или другою изъ системъ Австрійскаго управленія, которыя въ сущности, въ концѣ концовъ, суть системы утѣсненія Славянскаго племени? Не компрометируетъ ли такое сближеніе — единственную Славянскую могучую державу, представительницу Славянскаго и православнаго міра, т. е. Россію? И въ состояніи ли сближеніе Россіи съ Австріей сколько нибудь помѣшать развитію могущества Пруссіи на Сѣверѣ Германіи, — чтò одно только можетъ насъ озабочивать? Развѣ способенъ союзъ нашъ съ Австріей доставить ей серьезныя выгоды и утвердить ея преобладаніе въ Германіи, когда ни одного изъ вознагражденій, какія она можетъ получить за свои потери въ Средней Европѣ, и которыя ей сулятъ Бисмаркъ и Наполеонъ, не можетъ допустить политика Россіи? Ни Босніи, ни княжества Сербіи, ни Дунайскихъ княжествъ не можетъ уступить Австріи Россія. Такимъ образомъ совѣтъ относительно сближенія съ Австріей, которое впрочемъ мы не имѣемъ положительнаго права назвать существующимъ, — кажется намъ внушеніемъ скорѣе политической рутины, чѣмъ яснымъ сознаниемъ Русскихъ интересовъ... Сила Россіи не въ союзникахъ, а въ ней самой, въ ея собственной вѣрности своему духовному знамени, своимъ основнымъ народнымъ — Русскимъ и обще-Славянскимъ началамъ. //

Изъ №№ 41, 43 и 44.

ДОГОВОРЪ ПОРТЫ СЪ ЧЕРНОГОРІЕЮ.

Статья I.

Война Черногоріи съ Турціей прекратилась; князь Николай подписалъ условія мира; въ Скутари или Скадрѣ праздновали «счастливый исходъ войны», обѣдомъ у Турецкаго сердарь-экрема, въ присутствіи Черногорскаго «министра иностран-дѣлъ» Ива Ракова,—совершенно на Европейскій манеръ, съ тостами, спичами, однимъ словомъ такъ, какъ водится между двумя цивилизованными, благовоспитанными государствами. Турки уже приступили къ исполненію условій мирнаго до-говора, т. е. къ проведенію военной дороги сквозь всю Чер-ногорію, и устройству блокгаузовъ, въ которыхъ будутъ по-мѣщаться Турецкіе гарнизоны: изъ Царьграда уже прибыли съ этою цѣлью Турецкіе инженеры, разумѣется, большею частью Поляки,—къ несчастію, самыя усердныя, въ настоящее время, пособники Турціи въ угнетеніи Славянскихъ народ-ностей.

Читателямъ нашимъ уже извѣстны статьи мирнаго трак-тата Порты съ Черногоріей: онѣ напечатаны у насъ въ 38 №. Такого позорнаго мира еще не приходилось заключать Чер-ногорцамъ съ самаго того времени, какъ, въ концѣ XV вѣка, Черная Гора водрузила знамя Славянскої независимости и стала единственнымъ убѣжищемъ непокоренныхъ Славянъ. Бѣдный Черногорскій народъ! Что должно испытывать его гордое сердце, какимъ негодованіемъ долженъ онъ быть про-никнуть противъ своихъ братій Славянъ, не пришедшихъ къ нему на помощь, противъ дипломатіи, связывавшей ему руки на защиту и вообще дѣйствующей въ Европѣ съ та-кими высшими видами безпристрастія, благодаря которымъ сильному полный просторъ нападать на слабого, а слабому ни защититься, ни прибѣгнуть къ чужой защитѣ нельзя! Рос-сія протестовала противъ условій мира, и мы, конечно, этому очень рады; но нельзя не пожалѣть, что этотъ протестъ явился поздно, тогда, когда уже не было возможности отвратить послѣдствій долгой, упорной войны. Какъ ни велики вообще

матеріальныя бѣдствія Черногорцевъ, но всѣ эти, такъ сказать, физическія страданія храбраго Черногорскаго народа ничто въ сравненіи съ его нравственными страданіями, съ мученіями оскорбленной народной гордости, — все это разореніе, эти потери—ничто въ сравненіи съ потерей славы и прежней независимости. Конечно, не на главу Черногорскаго народа падаетъ позоръ заключеннаго мира; его храбрость и мужество тѣ же, какія проявлялъ онъ и прежде, въ теченіи четырехъ вѣковъ, — но мысль невольно задается вопросомъ: какимъ образомъ совершилось теперь то, чего не могли достигнуть самыя грозныя усилія Оттомановъ—во дни оны, когда Исламъ съ свѣжей энергіей, съ дикимъ вдохновеніемъ фанатизма, ломалъ и сокрушалъ своими несмѣтными полчищами крѣпчайшія твердыни Европы?

Трудно человѣку, никогда не бывшему въ Черногоріи составить себѣ полное живое представленіе о томъ, что такое это страна, это «государство», эта такъ-называемая «столица» Цетинье, это «правительство» и отношенія его къ народу. Всѣ эти слова: государство, столица, правительство, здѣсь совершенно неумѣстны, и однакожь они затемняютъ настоящее пониманіе дѣла не только у насъ и въ Европѣ, не только у публицистовъ и дипломатовъ, но и въ самой Черногоріи. Намъ удалось посѣтить Цетинье ровно два года тому назадъ, недѣли за двѣ до смерти князя Данила,—и мы въ немногихъ словахъ передадимъ читателю выводъ изъ нашихъ путевыхъ впечатлѣній.

Надъ великолѣпнѣйшимъ въ мірѣ заливомъ Адриатическаго моря, Бокко-ди-Каттаро, гдѣ изъ-подъ подошвы береговыхъ скалъ врывается въ море подземная рѣка Каттаро или Которъ, — возносятся высоко къ небу дикіе, голые, каменные утесы. Это Черногорія. Горный хребетъ, идущій вдоль всего Далматинскаго побережья, достигаетъ здѣсь своей наибольшей высоты и всего ближе подошелъ къ морю, почти нависъ надъ заливомъ, простирая надъ нимъ свои освѣжительныя, мрачныя тѣни. У ногъ его лѣпится на узкихъ и тѣсныхъ уступахъ, между скалами и моремъ, небольшой городокъ, называемый по имени залива, и принадлежащій съ 1815 г. Австріи. Славяне называютъ его просто Которъ. Черногорцы, помогавшіе Русскимъ въ войнѣ противъ Французовъ и со-

дѣйствовавшіе экспедиціи адмирала Сенявина, отняли Боккоди-Каттарскую пристань у Французовъ и владѣли ею лѣтъ 7; но въ 1815 году должны были уступить этотъ единственный свой приморскій портъ, составлявшій для нихъ непремѣнное условіе безбѣднаго существованія, уступить Габсбургскому дому—уступить безъ войны, единственно по требованію Императора Александра, великодушнаго благотворителя Австрійцевъ и Пруссаковъ.—Отъ Коттора до Цетинья всего шесть часовъ пути, самаго крутаго подъема, не смотря на то, что, облегченія ради, дорога идетъ изгибами или зигзагами. Мы сказали: дорога, но и это слово сюда не годится; въ Цетиньѣ нельзя прохатъ ни въ какомъ экипажѣ, ни даже въ самой простой телѣгѣ, ни даже въ Турецкой арбѣ, а можно только вскарабкаться, взлѣзть по острымъ камнямъ пѣшкомъ или на привычномъ цѣпкомъ конѣ. Всѣ тяжести переносятся на вычюныхъ животныхъ или на плечахъ Черногорскихъ дѣвицъ и женщинъ: самъ Черногорецъ такой унижительной работой никогда не займется, и преспокойно идетъ себѣ съ ружьемъ и съ длинной трубкой подлѣ жены, сгибающейся подъ тяжестью ноши.

Однимъ словомъ, кромѣ нѣкоторыхъ округовъ, или нахій расположенныхъ на склонѣ горъ, настоящая Черногорія есть гряда такихъ дикихъ, неприступныхъ, голыхъ утесовъ, гдѣ самая земля рѣдкость: все камень! Кому не извѣстно народное сказаніе, что Богъ несъ мѣшокъ съ камнями, мѣшокъ прорвался, камни высыпались беспорядочно кучей и назвали Черногоріей. Ни звѣрь, ни птица, кромѣ серны да орла, сами не заходятъ сюда, въ этотъ лабиринтъ скалъ и ущелій, — только одинъ человѣкъ могъ вздумать обратить эти скалы въ жилище! Но конечно—не добрая воля, а только крайняя необходимость способна удерживать его на этихъ дикихъ, непривѣтныхъ, пустынныхъ вершинахъ.

И дѣйствительно, Черногорія, разсматриваемая не просто, какъ географическая мѣстность, а какъ населенная страна, создана только крайнею историческою необходимостью: спасаясь отъ напора волнъ все шире и шире разливающейся Оттоманской стихіи, православные Славяне Сербскаго племени удалялись не только въ горы, гдѣ и прежде было небольшое населеніе съ своими банами, но и на утесы, куда не рѣша-

лась прежде проникать нога человѣка,—и скоро гнѣздо независимаго, непокореннаго Славянства на Балканскомъ полуостровѣ—явилось тамъ, гдѣ доселѣ только орлы вили гнѣзда! Пусть читатели не принимаютъ этого за поэтическую метаформу. Прозаичнѣе выразиться нельзя; не мы виноваты, если такова поэзія дѣйствительности.

Очевидно, что въ такомъ заоблачномъ сосѣдствѣ съ орлами, при такихъ неестественныхъ условіяхъ жизни, невозможно какое бы то ни было правильное гражданское устройство, да и просто невысказано никакое образованное общество. Черногорія—это временный таборъ, боевой станъ, собравшійся для опредѣленной цѣли, для временнаго дѣла,—но вовсе не осѣдлое обиталище человѣческаго общества. Нужды нѣтъ, что эта временная необходимость продолжается уже четыре вѣка: прогоните Турокъ изъ Европы, обезпечьте Черногорцамъ во владѣніе равнины и море,—и люди сойдутъ съ горъ. Черногоріи не будетъ, и опять только одни орлы останутся хозяевами утесовъ. *Борьба съ Турками—вотъ чѣмъ обуславливается существованіе Черногоріи, вотъ причина и цѣль ея бытія*, вотъ ея историческое призваніе, вотъ ея дѣло и подвигъ: никакой другой гражданской задачи, подлежащей другимъ обществамъ, она не имѣетъ и имѣть не можетъ. Требовать отъ Черногоріи административнаго и полицейскаго благоустройства—почти то же, что требовать отъ военнаго лагеря, во время войны, въ виду непріятеля, правильныхъ отправленій гражданского общества! Чтонибудь одно: или этотъ лагерь существуетъ для войны, или если онъ не хочетъ или лишенъ возможности драться, онъ долженъ разойтись, перестать быть лагеремъ, и избравъ себѣ болѣе удобное мѣсто, основать тамъ мирное гражданское общество. Развѣ можно было бы отнести къ Запорожской Сѣчи съ требованіемъ, чтобъ она не воевала съ Татарами и Поляками, и жила жизнью мирныхъ поселанъ? Если бъ это было возможно, тогда Сѣчь сама отеклась бы отъ своего начала, во имя котораго она исторически существовала.

• Точно таково положеніе Черногоріи. Война съ Турціей продолжается у нея четыре вѣка сряду. Это не значитъ, чтобы Черногорцы дрались каждый день, чтобъ не было перемирія и затишья; можетъ случиться и то и другое; но знамя,

ихъ собравшее, вызвавшее на жизнь въ этихъ неприступныхъ утесахъ, это знамя — борьба съ Турціей за независимость не столько личную, сколько все-Славянскую, — месть за угнетенныхъ Славянъ. Тамъ нѣтъ ни сословія, ни классовъ, ни раздѣленія на военныхъ или штатскихъ, на регулярное или нерегулярное войско, на ремесленниковъ, купцовъ, воиновъ: тамъ всѣ — только воины; одно занятіе — война, — и война не какъ ремесло, а какъ священная цѣль. Прекратите поводъ къ войнѣ, и Черногорцы, по свойству Славянского племени, скоро обратятся въ самыхъ мирныхъ гражданъ. Разумѣется, въ досужее время всѣ промышляютъ, чѣмъ могутъ, чтобы добыть средствъ къ жизни, но только въ досужее время, — а это случается не часто. Даже духовные — и тѣ прежде всего воины, а уже потомъ служители алтара.

При такомъ положеніи дѣлъ можетъ ли быть рѣчь о какомъ нибудь административномъ благочиніи, о созданіи въ Черногоріи правильнаго государства, гражданскихъ порядковъ? Не странны ли требованія дипломатовъ и публицистовъ, чтобы Черногорцы жили какъ слѣдуетъ благовоспитаннымъ Европейцамъ? Не смѣшны ли самыя обвиненія Черногорцевъ въ грабежахъ и убійствахъ, и тѣ названія, которыми честить ихъ Европейская публицистика? Убійство, конечно, явленіе безнравственное, но однакоже цивилизованные народы дозволяютъ себѣ прибѣгать къ нему и даже къ грабежу во время войны?...

А Черногорецъ въ войнѣ постоянной!... Перестать убивать и преслѣдовать Турка — значить перестать видѣть въ немъ врага, и, напротивъ того, видѣть въ немъ добраго сосѣда; видѣть же въ немъ добраго сосѣда — значить признать право Турокъ на обладаніе Славянскими землями, — т. е. отречься отъ своей вѣры, отъ своего знамени, отъ историческаго призванія Черногоріи! Черногорія — это четырехвѣковой протестъ *всего* Славянскаго племени противъ мусульманской тиранніи въ христіанской Европѣ, это свидѣтельство его жизнениности: отказаться отъ этого протеста — для Черногоріи то же, что подписать себѣ смертный приговоръ. Дипломаты, требовавшіе, чтобы Черногорія вела себя относительно Турокъ благонаравно, конечно считали свои требованія вполне благодѣтельными для страны, но эти требованія были

для Черногорцевъ опаснѣ Турецкихъ нашествій. Вражда Черногорцевъ къ Туркамъ, какъ мы уже сказали, вовсе не вражда *личная* Черногорскаго народа, а все-Славянская; независимость Черногоріи — есть залогъ будущей независимости всего Славянскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ. Черногорцы имѣють значеніе не сами по себѣ, а по своему отношенію ко всему Славянству, не какъ Ченогорцы, жители такой-то мѣстности, во столько-то квадратныхъ миль, — а какъ казаки, передовые люди, піонеры Славянской свободы! Если вы отнимете это значеніе у Черногоріи, что останется? каменистая, непродуцирующая мѣстность, голыя скалы, которыми и дорожить нечего, — сотня тысячъ голодныхъ, полудикихъ людей, забравшихся на такіе утесы, гдѣ нѣтъ возможности создать никакого общества. Когда болѣе десятка милліоновъ христіанъ состоитъ подъ владычествомъ Турокъ, независимость сотни тысячъ людей представляется уже дѣломъ относительно — неважнымъ.... Да, Европейская дипломатія и политическое честолюбіе князя Данила, — стремившіяся создать изъ Черногоріи «государство», обособить ее, сдѣлать изъ нея что-то — само по себѣ существующее, — ослабили силы Черногоріи еще задолго до Омеръ-паши!

По нашему мнѣнію, если обсуждать дѣло отвлеченно, въ принципѣ, — никакая государственная форма не можетъ имѣть мѣста въ этой странѣ; Черногорія не есть, не можетъ и не должна быть *политическимъ* тѣломъ. Черногорія безсильна — какъ государство; Черногорія неодолима — какъ боевой станъ, какъ воинская община. Какъ государство, она такъ микроскопично мала, что развѣ только передъ Рейсъ-Шлейсъ-Грейцъ-Лобенштейнъ-Эберсдорфъ, съ ихъ Генрихами XX—LXXII, можетъ хвастаться своими размѣрами; какъ военный станъ — она богата просторомъ. Какъ государство — она бѣдна, лишена способовъ для мирнаго, гражданскаго существованія; какъ военный и постоянно воюющій станъ — она въ состояніи добывать себѣ нужныя средства. Какъ государство — Черногорія, невольно, сама въ себѣ даетъ доступъ требованіямъ, удовлетвореніе которыхъ разорительно для страны, а неудовлетвореніе тягостно для государственнаго самолюбія; какъ военный станъ, какъ военная община — Черногорія можетъ или могла бы сохранить простоту жизни и нравовъ, отсут-

ствіе притязаній на внѣшность, нерѣдко жалкихъ и недостойныхъ.... Съ государственной формой и какъ политическое тѣло — Черногорія непременно утратитъ равенство, цѣльность, явится уже не какъ воинствующій самоуправящій народъ, а какъ правительство и какъ народъ, которые могутъ быть и несогласны между собою.... Разгоните станъ — онъ соберется вновь; а государству, такого размѣра, какъ Черногорское, потерпѣвъ поражение, трудно подняться. Станъ можетъ прятаться въ ущельяхъ и на утесахъ, а государству, заразившемуся притязаніями на внѣшній порядокъ, оставаться тамъ невозможно: если же оно остается, то противорѣчитъ своему принципу, — и внутренній разладъ подточить, какъ червь, ту самую силу и крѣпость, которыя необходимы для политическаго бытія....

Такъ и случилось.

Можно полагать, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, что независимость Дольной и Горной Зеты (Черногоріи) начинается съ 1368 года, когда баны ея изъ роду Балшичей не захотѣли признать Вукошина (отца Марко Краевича), убійцу царя Сербскаго Уроша, своимъ господиномъ. Вскорѣ затѣмъ, а особенно послѣ Коссовской битвы (1389), началась непрерывная борьба съ Турками, и Черная Гора стала убѣжищемъ вольныхъ Сербовъ.

Внукъ знаменитаго князя Ивана Черноевича, боровшагося съ Магометомъ II, Георгій, женатый на Венеціанкѣ изъ фамиліи Мочениго, переѣхалъ въ Венецію около 1520 г., оставивъ всю власть тогдашнему митрополиту Вавилѣ, и съ тѣхъ поръ Черногорія управлялась «владыками» до 1852 г.

Что можетъ быть, повидимому, страннѣе такого явленія: военный станъ управляемый духовнымъ лицомъ! Что, кажется, могло бы быть приличнѣе, удобнѣе и проще управления княжескаго? По нашему мнѣнію, это именно объясняется тѣмъ, что Черногорцы не могли допустить, не ставши въ противорѣчіе сами съ собою, никакой извѣстной готовой формы политическаго устройства. Временное убѣжище, для временной цѣли, не могло служить мѣстомъ для прочныхъ гражданскихъ созиданій, да и никакая форма политическаго устройства не была бы въ состояніи тамъ удержаться при отсутствіи условій, необходимыхъ для гражданскаго бытія.

Кромѣ того званіе князя давало просторъ личному честолюбію и всякимъ политическимъ оболщениямъ, а Черногорцы чувствовали, что «государь» слишкомъ крупень для Черногоріи, что «монархія» задавила бы ихъ небольшое общество, что Черногорія, въ государственной обстановкѣ, становилась безсиленѣ Черногоріи безгосударной. Въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, нечего было и мечтать объ организациіи независимаго государства на вершинахъ голыхъ утесовъ: сильнымъ оно быть не могло; слабое, оно было слабѣ всякаго простаго бытоваго строя. Тяжеловѣсный государственный снарядъ, способный упрочить независимость и крѣпость государства, былъ невозможенъ; легкій снарядъ — былъ негоденъ. Черногоріи не нужно было никакого правительста, тѣмъ менѣ двора: ей нуженъ былъ отъ времени до времени военачальникъ, и нужна была власть духовная, для блюденія чистоты и цѣлости православной церкви. Власть гражданская, сама по себѣ существующая, — къ тому же безсиленная держать въ уздѣ вольныхъ горцевъ, смѣнилась авторитетомъ церкви — безусловно чтимымъ; владыка знаменовалъ собою единство и союзъ духовный, которому Черногорія, при слабости политическихъ и гражданскихъ узъ, обязана тѣмъ, что сохранилась до нашего времени.

Разумѣется, такое совмѣщеніе обязанностей было исполнено внутренняго противорѣчія, и митрополиты нерѣдко обращались не только въ гражданскихъ правителей, но и въ военнначальниковъ: это и должно было случиться тамъ, гдѣ война, освященная религіознымъ чувствомъ, составляла цѣль самаго существованія. Но за то, въ числѣ владыкъ, былъ одинъ такой духовной жизни, что Черногорцы признають его за святаго, и чествуютъ мощи его, покоящіяся на вершинѣ возвышеннѣйшаго утеса.

Удивительное явленіе, въ высшей степени оригинальное, и, — вопреки всѣмъ дешевымъ моралистамъ, клеймящимъ Черногорскіе обычаи, нравы и все устройство — варварствомъ, невѣжествомъ, безчеловѣчіемъ, — возбуждающее невольное уваженіе! — Вообразите себѣ горсть храбрыхъ, рѣшившихся противостоять бурѣ магометанства: одни, безъ всякой надежды на чужую помощь, безъ всякихъ пособій науки, искусства, дипломатіи, водружаютъ они въ скалахъ знамя незави-

симости и крестъ христіанства. Простецы, отдѣленные отъ всего остальнаго, образованнаго міра, съ святыми залогамъ въ рукахъ, они бьются четыре вѣка неутомимо и непрестанно. Ничто не мѣшало имъ купить покой и благоденствіе и покровительство Турокъ покорностью Исламу, или допущеніемъ самыхъ, по видимому незначительныхъ, уступокъ или сдѣлокъ, — но они остались вѣрны вѣрѣ и Славянской народности, ни разу не запятнавъ себя измѣною. Они окружены врагами, они въ теченіи четырехсотъ лѣтъ каждый день жизни покупаютъ цѣною крови, своей или враждей, — некогда имъ позаботиться о духовной сторонѣ бытія, дорогой каждому Славянскому племени; мгла невѣжества все болѣе и болѣе сгущается надъ ними, они коснѣютъ и дичають, — грубѣютъ и извращаются ихъ понятія въ этой вѣковой школѣ грабежа и убійства.... Такъ, казалось бы, должно быть; такъ оно и есть отчасти; но христіанскій, Славянскій народъ, Черногорцы изумительными усиліями не дали заглухнуть въ себѣ святому завѣту вѣры. Военный станъ подчиняетъ себя добровольно власти духовнаго лица, *единого невоителя*, чистаго отъ крови (такимъ представляется принципъ, хотя онъ, можетъ быть, и не сознавался, и едва ли когда былъ выполняемъ); лишеныя пособій духовныхъ за недостаткомъ церкви, училищъ и священниковъ, они, такъ сказать, пробаваются, въ теченіи четырехъ вѣковъ, тѣми началами христіанской нравственности, которая сохранила память народнаго сердца. Прочтите исторію Черногоріи, посѣтите страну, познакомьтесь съ самимъ народомъ и вы удивитесь, вы воздержитесь отъ упрековъ, вы почувствуете, что правосудный Богъ не взыщетъ съ нихъ за то невольное огрубѣніе духа, котораго цѣною купили они свободу своей вѣры и независимость!

Соблазнъ явился — съ другой стороны. Четыре вѣка такихъ напряженій, такого неестественнаго состоянія, такого напраснаго ожиданія конца Турецкому владычеству въ Европѣ, наконецъ примѣръ Сербіи, сложившейся въ княжество, хотя и подвластное султану, — заставили Черногорцевъ снова искать выхода. своему положенію, склонили ихъ поддаться политической мечтѣ племянника покойнаго владыки, молодого

Данила... Преемникъ митрополита сталъ княземъ. Переворотъ въ судьбѣ Черногоріи наступилъ рѣшительный...

Статья II.

Съ начала XVIII столѣтія установился обычай, обязательный для всѣхъ избираемыхъ народомъ во владыки, совершать путешествіе съ Черной Горы на берега Финскаго залива и тамъ, въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ официальнымъ признаніемъ Русскаго Двора, получать и даръ архіерейства чрезъ рукоположеніе Русскихъ епископовъ. Владыка Петръ II, назначивъ себѣ преемникомъ племянника своего, Данила, отправилъ его для «воспитанія» въ Вѣну. Разумѣется, воспитанія никакого не было, но хмѣль Европейской цивилизаціи мигомъ ошибъ молодого воспримчиваго полудикаго горца: — въ головѣ его зародились разныя мечты и планы, и когда, по кончинѣ Петра II-го, Данило отправился для посвященія въ Петербургъ, то съ дороги написалъ въ Черногорію, что его намѣреніе — быть княземъ, а не владыкой, разумѣется если Русскій Императоръ будетъ на это согласенъ, — а въ согласіе его Данило почему-то несомнѣнно вѣрилъ. Черногорцы, озадаченные смѣлымъ, рѣшительнымъ, «юнацкимъ» тономъ Данила (а юначество или молодечество встрѣтитъ всегда сочувствіе въ воинственномъ племени), — осыпали всенароднымъ рѣшеніемъ честолюбивый замыслъ Данила. Всѣ эти предварительные переговоры производились безъ всякой дипломатической огласки.

Скромно, смиреннымъ кандидатомъ въ монахи и архіереи явился Данило въ Петербургъ, и, какъ подобало, былъ помѣщенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, или на какомъ-то монастырскомъ подворьѣ. Пишущій эти строки слышалъ нѣкоторыя низеслѣдующія подробности отъ самого князя Данила, который любилъ вспоминать и рассказывать объ этой своей удачѣ, объ этой важной эпохѣ въ судьбѣ Черногоріи. По его словамъ, въ его положеніи принялъ участіе князь Паскевичъ, съ которымъ онъ видѣлся проѣздомъ чрезъ Варшаву и который взялся походатайствовать объ немъ у покойнаго Государя. — Прошло нѣсколько времени довольно скучныхъ ожиданій и скучнаго монастырскаго заключенія, —

разсказывалъ Данило, — объявляютъ Данилѣ повелѣніе быть во дворцѣ, на аудіенціи у Императора, въ такомъ-то часу. Данило явился. «Ну что, чѣмъ хочешь быть — архіереемъ или княземъ?» спросилъ Государь. — «Какъ угодно будетъ Вашему Императорскому Величеству», отвѣчалъ ловкій Черногорецъ. — «Почему-жъ тебѣ монахомъ не быть?» — «Не чувствую призванія, Ваше Величество, жениться хочу.» — «Какой же ты монахъ!» сказалъ Императоръ Николай и прибавилъ многозначительно: «будешь княземъ».

И сталъ Данило княземъ, тотчасъ же выѣхалъ изъ монастыря, облекся въ блестящій Черногорскій костюмъ, и загулялъ по Невскому проспекту, а Европа съ изумленіемъ узнала, что на политическомъ горизонтѣ нежданно-негаданно, безъ ея спроса и вѣдома, явилось новое политическое тѣло, что въ ряду самостоятельныхъ державъ прибавилось одной державой, а въ семьѣ владѣтельныхъ царственныхъ домовъ — однимъ домою, одной династіей больше. Особенно неожиданъ и непріятенъ былъ этотъ сюрпризъ для Турціи. Но въ то время (въ началѣ 1852 года) Франція была занята своими внутренними дѣлами, и никто не посмѣлъ явить себя рѣшительнымъ противникомъ Русской политики. Нѣтъ, однакоже, никаго сомнѣнія, что созданіе независимаго «государства» на Балканскомъ полуостровѣ — было однимъ изъ сильныхъ поводовъ къ озлобленію Турціи и Европы противъ Россіи, а вскорѣ — и къ Восточной войнѣ. Впрочемъ, намъ совершенно неизвѣстна дипломатическая переписка Россіи по этому предмету; точно также, передавая разсказъ Данила, мы вовсе не принимаемъ на себя отвѣтственности за точность его разговора съ покойнымъ Государемъ: но по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ передавалъ его Черногорскій князь, такова легенда — сложившаяся по всей Черногоріи.

Пробывъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, князь Данило отправился домой, въ свои родимыя горы, и со всей энергіей молодости, со всей настойчивостью убѣжденія, принялся за выполнение своей любимой мечты: сдѣлать изъ Черногоріи настоящее государство, — которое бы служило для остальныхъ Турецкихъ Славянъ тѣмъ, чѣмъ былъ — нѣсколько лѣтъ спустя — Пиемонтъ для Италіи. Онъ круто принялся за преобразование Черногоріи; первые его шаги были ознамено-

ваны дѣлами насилія и жестокаго деспотизма. Въ этой странѣ, гдѣ «отсѣчь главу» у Турка—значить меньше, нежели раздавить паука, гдѣ даже дѣти играютъ въ битвы и въ отсѣченіе главъ, упражняясь надъ какими-нибудь животными или дикими растеніями, — гдѣ съ самаго ранняго возраста человѣкъ ни на минуту днемъ не расстаётся съ смертоносными орудіями, съ наточенными кинжалами и заряженными «пушками» (т. е. ружьями), — въ такой странѣ грубая сила естественно является единственною разрѣшительницею вопросовъ и недоумѣній, единственнымъ рычагомъ для политическаго правленія. — Многіе изъ близкихъ родственниковъ князя и изъ другихъ честныхъ родовъ Черногоріи (напримѣръ Радоничи *) не захотѣли подчиниться деспотизму Данилы; — возникли партіи, заговоры: онъ казнилъ дядю, казнилъ еще нѣсколько человѣкъ, а остальныхъ выгналъ вонъ изъ Черногоріи, не смотря на ихъ именитость.

Ему хотѣлось, во что бы ни стало, добиться признанія Черногоріи княжествомъ отъ всѣхъ Европейскихъ державъ; изъ независимости *de facto* — сдѣлать независимость *de jure*, ввести ее въ политическую систему, въ область Европейскаго международнаго права. Для этого надобно было на первыхъ жѣ порахъ показать себя совершенно самостоятельнымъ относительно Россіи и заявить міру о раздѣльности своихъ интересовъ съ интересами Русскими, тѣмъ болѣе, что вскорѣ за тѣмъ началась Восточная война, и Европа враждебно отнеслась ко всѣмъ Славянскимъ племенамъ въ Турціи, подозрѣвая ихъ въ сочувствіи къ Россіи. — Мало того: надобно было заискивать благосклонности у возроставащаго могущества Франціи, повелителю которой, какъ и всякому энергическому смѣлому честолюбцу, вполне сочувствовалъ Данило; наконецъ эти же причины заставили его изъ всѣхъ силъ наряжать Черногорію въ государственный мундиръ, и рисоваться предъ Европой благоустроенною страной, имѣющею крѣпкое правительство — *un gouvernement fort* — (самое могучее право на лестное вниманіе кабинетовъ), страной не варварскою, а цивилизованною или стремящеюся къ

*) Въ родѣ которыхъ управленіе гражданскими дѣлами, однакожь безъ характера верховной власти, было наследственно.

цивилизациі, способною съ честью занимать мѣсто рядомъ съ другими цивилизованными націями. — Онъ воспретилъ Черногорцамъ переходить границы и нападать на Турецкія селенія—*во время мира*, и чтобы дать Европѣ доказательство искренности своихъ распоряженій — казнилъ ослушниковъ своей воли; онъ пытался стать и отчасти сталъ къ Турціи— какъ государство къ государству, между которыми можетъ быть миръ, можетъ быть и война, и которыхъ взаимныя отношенія обусловливаются трактатами на общемъ Европейскомъ правѣ. Когда, при подписаніи Парижскаго мира, въ опубликованныхъ протоколахъ конгресса, Данило не нашель подтвержденія политическому существованію Черногоріи, онъ протестоваль ко всѣмъ Европейскимъ державамъ, добивался благоволенія Людовика Наполеона, сначала посылалъ къ нему своего перваго адъютанта съ оружіемъ—въ подарокъ императорскому принцу, потомъ и самъ ѣздилъ въ Парижь... Результатомъ его стараній, а также и успѣшной войны съ Турками и блистательной Граховской побѣды, одержанной его братомъ Мирко 13 Марта 1858 года и вѣроятно еще памятной, по газетнымъ описаніямъ, Русскимъ читателямъ, — результатомъ были Константинопольскія конференціи, которыя и признали нужнымъ опредѣлить границы между Турецкими и Черногорскими владѣніями, обозначить на картѣ и отмежевать въ натурѣ пространство, называемое Черногоріей. Князь добивался при этомъ «соленой водицы», какъ выражаются Черногорцы, т. е. клочка земли у моря, пристани, которая бы поставила ихъ торговлю въ независимость отъ Австріи и Турціи, владѣющихъ берегомъ Адриатики, и дала бы имъ, черезъ торговлю, средства къ существованію,—но происки Англии, Турціи и Австріи перемогли усилія прочихъ благоприятствующихъ Черногоріи державъ. Собралась *межевая* коммиссія, всѣ иностранные представители привезли своихъ топографовъ,—*генеральное и чрезполосное* межеваніе установило предѣлы новому политическому тѣлу, не удовлетворивъ ни Черногорцевъ, ни Турокъ. «Правительство» — потому что Черногорскій народъ обзавелся уже регулярнымъ правительствомъ, конечно, раздѣляло вполнѣ желанія и стремленія народа, даже шло впереди ихъ, — но разъ признавши принципъ Европейскаго международнаго права и заявивъ себя послѣдователемъ началъ Европейской государственности,—

оно должно было покориться Европейскому рѣшенію, уважать границы, а за неуваженіе ихъ наказывать виновныхъ по всей строгости законовъ!

Можетъ быть, еслибъ Данилу было возможно осуществить исполнѣ свои планы, вся эта государственность послужила бы ему какъ точка опоры для того, чтобы стать во главѣ всеобщаго Славянскаго возстанія въ Турціи, или по крайней мѣрѣ возстанія Герцеговинцевъ, присоединить къ себѣ Герцеговину и часть Старой Сербіи, и основать уже новое государство. Черногорія перестала бы тогда существовать какъ Черногорія, — явилась бы новая политическая комбинація. Но князь Черногорскій не сообразилъ ни средствъ своихъ, ни политической обстановки, ни настоящихъ отношеній къ нему Западной Европы. Онъ вообразилъ, что, заискивая благосклонности у Европы, приобрѣтетъ отъ нея существенную и положительную помощь; онъ рассчитывалъ на благоволеніе Европейской дипломатіи; онъ жертвовалъ тѣми силами своей страны, которая почерпала она въ непосредственности быта, въ тождествѣ правительства и народа, въ твердости своихъ бытовыхъ основъ — для того, чтобы, въ качествѣ Европейца, заслужить вниманіе и сочувствіе цивилизованной Западной Европы!... Къ несчастію, не одинъ Данило, но и вся «изображена партия» (образованная партія) Сербіи, отчасти и Болгаріи, впадаетъ въ ту же ошибку и добровольно подрываетъ въ себѣ народную, нравственную цѣлостъ и стойкость, устремляясь мыслию и душою къ Западу... Но объ нихъ послѣ. Веротимся къ Черногоріи.

Что же вышло? Дѣйствительно, проведеніе политическихъ границъ положило *юридическое* основаніе политическому бытію Черногорскаго государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и заперло Черногорію въ эти границы, какъ въ тѣсную и душную тюрьму. Въ прежнее время, когда нападеніе на Турецкія деревни и взаимное нападеніе Турокъ на Черногорскихъ пограничныхъ жителей, считалось дѣломъ обыкновеннымъ, Черногорія постепенно, мало по малу, захватывала землю и расширяла свои предѣлы: собственно говоря — ей не было предѣловъ, не какъ Черногоріи собственно, а какъ военному стану непокореннаго Славянства, который отвоевы-

гаетъ у врага шагъ за шагомъ Славянскую землю. Проведеніе границъ — создавая крошечное Черногорское государство, заставляло Черногорцевъ признать не только на дѣлѣ, но въ принципѣ, *de jure*, право Турокъ на обладаніе Славянскою страной, — слѣдовательно измѣнять основному принципу своего собственнаго бытія. Но еще можно было бы примириться съ проведеніемъ границъ, если бы онѣ дѣйствительно обезпечивали за Черногорцами довольно простора и довольно средствъ для существованія. Напротивъ того, онѣ стѣснили Черногорцевъ на площади 70 квадратныхъ миль, почти сплошь заваленной камнями, замкнули ихъ въ скалахъ и ущельяхъ. Прежде, отнятое у врага считалось законною добычей и даже замѣняло иногда другіе скудные матеріальные способы жизни этого военнаго стана; теперь же вѣковой военный обычай, воспѣтый и прославленный въ народныхъ пѣсняхъ — возведенъ въ чинъ преступления! А между тѣмъ обстоятельства вѣдь не перемѣнились: т. е. Турокъ все также на глазахъ, также владѣетъ Славянскими землями и гнететъ Славянъ, слѣдовательно все такой же врагъ, и Черногорцамъ все также ѣсть нечего!...

Вся ложь такого положенія проявилась въ особенности въ позднѣйшее время, когда державы заставили уже преемника Данила, Николая, князя Черногоріи — относиться *неутрально* къ Герцеговинскому возстанію, и въ качествѣ державы, состоящей въ мирѣ съ Портою, признавать Герцеговинцевъ инсургентами, мало того — пропускать черезъ Черногорскія земли доставку провіанта Турецкому гарнизону въ крѣпости, осажденной Герцеговинцами! Черногорца довести до того, чтобъ онъ считалъ Герцеговинца, возстающаго противъ Турокъ, мятежникомъ! Это такой дипломатическій *tour de force*, которымъ дипломатія могла бы по истинѣ гордиться, еслибъ онъ только представлялъ ручательство въ прочности! Европейская дипломатія предъявляла требованія, конечно, вполне логическія, но именно самая противоестественность этихъ требованій, какъ законный логическій выводъ, и свидѣтельствуетъ о томъ, сколько лжи заключало въ себѣ политическое созданіе Данила! Разумѣется также, что такое уродливое положеніе не могло продолжаться и разрѣшилось войною, — печальные результаты которой намъ извѣстны.

Впрочемъ князь Данило, какъ ни утѣшался — съ одной стороны внѣшнимъ почетомъ, оказываемымъ ему, какъ «Нѣговой (его) Свѣтлости Господарю Черногоріи», и Черногоріи, какъ политической державѣ, а съ другой — вѣрою въ лучшія обстоятельства, — однако, безъ сомнѣнія, понималъ всю невыгоду и шаткость своего новаго положенія. Можетъ быть, онъ бы и очнулся подѣ конецъ, потому что въ немъ былъ настоящій *юначкій* духъ Черногорца — можетъ быть — онъ сбросилъ бы съ себя путы, которыми самъ же себя спуталъ, и сталъ бы открыто во главѣ возстанія... Можетъ быть да, — можетъ быть и нѣтъ, — но, къ сожалѣнію, онъ умеръ черезъ два года послѣ проведенія границъ (въ 1860 году), — оставивъ преемнику своему всю политическую и административную систему — только безъ своей энергіи, безъ своего юначества и безъ своей вѣры.

Не смотря на предубѣжденіе, которое естественно порождалось слухомъ о «Петровскихъ» преобразованіяхъ Данила, не смотря на то, что Русское національное чувство неволь но оскорблялось его преимущественнымъ вниманіемъ къ Франціи, — пишущій эти строки долженъ признаться — князь Данило, самъ по себѣ, возбудилъ въ немъ искреннее личное къ себѣ сочувствіе. Это былъ человѣкъ идеи, — всецѣло преданный одной завѣтной, не личной мечтѣ, проникнутый весь, до мозга костей, однимъ убѣжденіемъ. Его честолюбіе было не просто эгоистическое: онъ былъ честолюбивъ за всю Черногорію, которую любилъ пламенно и за которую не задумываясь отдалъ бы свою жизнь. Способность полюбить идею общаго блага, хотя бы и ошибочно понимаемаго, и послужить ей, этой идеѣ, всѣмъ сердцемъ и всѣми помыслами своими — есть уже сама по себѣ нравственное явленіе, потому что поглощаетъ узкій эгоизмъ личности...

Указавъ такимъ образомъ на сочувственную сторону характера князя Данила, мы тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ обратиться теперь къ другой — болѣе мелочной и темной сторонѣ его жизни, — его притязаніямъ на цивилизацію, на политическое значеніе, проявлявшимся иногда жалкимъ и недостойнымъ образомъ. Такъ, на примѣръ, онъ однажды вздумалъ написать какое-то сообщеніе отъ себя Русскому консулу въ Рагузѣ — на Французскомъ языкѣ, на томъ осно-

ваніи, что Французскій языкъ есть всеобщій языкъ дипломатіи. Консуль не принялъ такой бумаги и замѣтилъ князю, что онъ долженъ сноситься съ Россіей—или на Сербскомъ (Черногорскомъ) или на Русскомъ языкѣ, и что Славянамъ между собою вести переписку по Французски—дѣло неприличное и можетъ исходить только изъ душевнаго подобострастія къ Европѣ. Впрочемъ для того, чтобы нагляднѣе представить читателю справедливость нашихъ замѣчаній, расскажемъ вкратцѣ наше трехдневное пребываніе въ Цетиньѣ.

С т а т ь я III.

«Запаслись вы фракомъ и бѣлыми перчатками?» спросилъ меня въ Которѣ N. N., одинъ изъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, часто по обязанности посѣщавшій Черногорію и пригласившій меня сопутствовать ему, на этотъ разъ, въ Цетинье:—«Фракъ? бѣлыя перчатки? Для Цетинья? Да при видѣ этихъ дикихъ утесовъ, подъ этимъ палящимъ солнцемъ, хочется не фракъ надѣть, а сбросить всякій Европейскій нарядъ и неразлучную съ нимъ идею моды и условности; хочется надѣть тѣстную народную одежду, *бтлачь, гуняцъ* *), *доколенице, опанки* **), накинуть *струку* ***)...» — «Вы забываете, сказалъ N. N., что въ Цетиньѣ уже заводится *дворъ* и придворный этикетъ; всякій виѣшній признакъ почета тамъ дорого цѣнится...»

Доставши съ великимъ трудомъ перчатки въ Которѣ, мы сѣли на коней, и, выѣхавъ изъ города, стали медленно подниматься вверхъ на утесы, по изгибамъ дороги, кое-какъ высѣченной въ камнѣ. Для N. N. была выслана лошадь изъ Цетинья, съ проводникомъ — *перенникомъ* †) Шуто: этотъ старикъ Шуто очень хорошо извѣстенъ Русскимъ путешественникамъ; объ немъ упоминается въ Путевыхъ Замѣткахъ

*) Бѣлый кафтанъ.

***) Сандалиіи.

****) Пледъ.

†) Т. е. имѣющій на шапкѣ перо; перенники — *шардія* Черногорскаго князя.

Ковалевскаго въ *Русской Бестдт.* Шуто привелъ съ собою двухъ Черногорокъ—для того, чтобъ безъ церемоніи навьючить ихъ нашими чемоданами. Въ самомъ дѣлѣ—обѣ женщины подвязали себѣ каждая на спину по чемодану, и придерживая ихъ руками, не смотря на тяжесть ноши, стали, какъ серны быстро, взбираться на каменную крутизну, не по извивамъ дороги, а цѣликомъ, прямо, карабаясь по утесамъ, перепрыгивая со скалы на скалу, цѣпляясь за кусты и коренья, растущія въ щеляхъ и разсѣлинахъ.

Подъемъ былъ очень утомителенъ и труденъ, а мѣстами и опасенъ. Иногда приходилось намъ двигаться по самому хребту утеса, такъ что оступись конь—мы бы мигомъ слетѣли въ пропасть или, пожалуй, не долетѣвъ до дна, разшиблись бы о каменные иглы. И надо признаться, что, въ виду такой странной возможности, съ непривычки, ѣхать было довольно жутко, но нашъ проводникъ Черногорецъ—такимъ хозяиномъ, такую спокойною и твердою поступью шагаль себѣ по скаламъ, по самому опасному краю дороги, что совѣстно было выразить малѣйшее смущеніе. Впрочемъ, когда мы достигли самой вершины хребта, т. е. поднялись на *вршакъ*,—нашему взору открылась такая великолѣпная панорама, которая разомъ вышибла—изъ головы всякія заботы, изъ тѣла всякую усталость! Съ одной стороны вставало колыхавшейся стѣнной синее море, однимъ краемъ своимъ сливаясь съ синевой неба, другимъ—напирая на каменные громады Далматскаго берега; горы, тѣснясь, сходили и загромождали прибрежныя воды, образуя безчисленныя бухты и заливы; внизу чуть виднѣлся городокъ Которъ,—и тысяча извивовъ только что пройденной нами дороги—бѣжали внизъ, постепенно суживаясь и умалаясь, и наконецъ падали прямо едва замѣтной стрѣлою; съ другой стороны широкое зеркало Скутарскаго озера—и чуть видныя поселенія—тамъ, за озеромъ, уже въ Турецкихъ владѣніяхъ. Кругомъ вась горы, да горы, цѣлый міръ, цѣлая стихія горъ, скалъ и утесовъ; съ права—равнина моря, съ лѣва—равнина земли, далекая и чужая,—а надъ обѣими равнинами высится и стоитъ сторожемъ—Черная Гора! Шуто остановился и, опершись на свою длинную винтовку, поглядѣлъ внизъ на Австрійскій берегъ, на крошечный городокъ, гдѣ чуть-чуть мель-

кали бѣлые Австрійскіе мундиры. Возвышенность мѣста, его господствующее положеніе надъ окрестностью, вольный горный воздухъ, чувство своей независимости и сознание своей безопасности на этихъ неприступныхъ вершинахъ, все это отражалось на лицѣ Черногорца. Казалось — только бы наставить ружья — пафъ, пафъ, и бѣлыхъ мундировъ какъ не бывало. Соблазнительно и искусительно! — и конечно не одинъ Черногорецъ прицѣливался и примѣривался, хоть для шутки, съ вершины въ доль — въ Австрійскаго солдата... Но мудрость народная пересиливаетъ однакоже это искушение, и направляетъ дуло Черногорской винтовки въ другую сторону, къ Туркамъ. Тѣмъ не менѣе, Австрійскія власти, чувствуя, что надъ ними постоянно виситъ гроза, несравненно мягче и либеральнѣе въ отношеніи къ Славянскимъ жителямъ Котора, нежели въ другихъ городахъ Далмаціи, и съ робостью посматриваютъ каждое утро — не усѣялся ли гребень горъ — гребнемъ Черногорскихъ шапокъ. Однажды, празднуя рожденіе дочери у Князя Данила, Черногорцы вздумали потѣшиться, и высыпавъ толпою на край своей твердыни, въ виду городка Котора, выразили свою радость стрѣльбой изъ ружей, разумѣется холостыми зарядами... Какъ переполошились и перетрусили Австрійскія власти! Благодаря этой опасности отъ Черногорцевъ, только одни Славяне Бокко-ди-Каттарскіе имѣли въ 1860 году въ городѣ «Читаоңицу» съ вывѣской, написанной кириллицею, — чего рѣшительно не позволялось въ остальной Далмаціи.

Воинственный и вольный воздухъ горъ заразителенъ. Бросивъ, не безъ презрѣнія, послѣдній взглядъ на робко лежавшую у ногъ нашихъ, или, вѣрнѣе сказать, у подошвы горъ, на которыя мы взобрались, — цивилизацію, олицетворявшуюся для Черногорца въ видѣ городка Котора, — мы бодро двинулись въ путь уже по обратному наклону горъ, внутрь страны; впереди насъ Черногорки, въ ихъ *попявахъ* со шнурами и узорчато-вышитыхъ рубахахъ, несли, согнувшись и очевидно утомленные, наши чемоданы, въ которыхъ (мы въ воинственномъ расположеніи дука объ этомъ на время позабыли) бережно были уложены фраки, перчатки, галстуки и другія принадлежности моднаго Европейскаго туалета. Не станемъ рассказывать, какъ близъ колодца видѣли мы одну Черно-

горскую женщину—вдову убитого подъ Граховымъ, которая на вопросъ—жалъ ли ей было мужа, отвѣчала, что убитые въ сраженіи за вѣру, противъ Турокъ, становятся святыми у Бога; какъ попадались намъ съ навьюченными ослами (очень мелкими), женами и дочерьми—вооруженные Черногорцы и въ числѣ ихъ одинъ, совершенно обнаженный до пояса, но умудрившійся какъ-то прикрѣпить на голой груди — медаль за Граховскую побѣду, вычеканенную по повелѣнію князя... Всѣ эти подробности немного бы прибавили къ превосходнымъ описаніямъ Попова и Ковалевскаго, да и не входятъ въ нашу задачу.—Дорогой мы видѣли только одно селеніе, и то въ сторонѣ,—и наконецъ добрались до Цетинья... Гдѣ-жъ Цетинье? гдѣ «столица» Черногоріи?

На довольно большой площади, огражденной со всѣхъ сторонъ высокими утесами, раскинута тамъ и сямъ—до 20 (кажется не болѣе) сложенныхъ изъ камня, небольшихъ избъ, большею частью двурусныхъ. Это не селеніе, это не городъ, тутъ нѣтъ ни одной лавки, ни другихъ «общественныхъ» заведеній; это просто станъ Черногорской верховной власти. Здѣсь былъ когда-то монастырь, сожженный Турками, и изъ развалинъ его устроено помѣщеніе для владыкъ, а потомъ и для князя. Прислонясь къ горѣ, стоитъ домъ, въ которомъ живутъ кое-какіе приближенные князя, да сходятся на ученіе грамотѣ и письму—десятка два или три мальчиковъ къ Цетиньскому священнику. Къ этому дому ведетъ каменная лѣстница, полуразрушенная дѣйствіемъ весеннихъ горныхъ потоковъ; по этой же полуразрушенной лѣстницѣ ходятъ и въ церковь—маленькую, тѣсную, узенькую, бѣдную, единственную церковь въ Цетиньѣ,—въ которой, при насъ, совершалъ богослуженіе Черногорскій священникъ, въ полномъ Черногорскомъ нарядѣ, только безъ вооруженія, но и безъ ризъ, въ одной епитрахили. Въ оградѣ этого бывшаго монастыря, по срединѣ, стоитъ конакъ или дворецъ князя, сдѣланный изъ нѣсколькихъ монастырскихъ келлій.

Г. N. N. отправился прямо въ конакъ, а меня довелъ одинъ Черногорецъ до «локанды (locanda)». Года два тому назадъ какой-то Итальянецъ изъ Далматскаго Прибрежья, по приглашенію правительства, устроилъ здѣсь первую гостиницу для пріѣзжающихъ; она состоитъ изъ двухъ ком-

нать, въ одной по срединѣ красуется двуспальная постель— это для путешественниковъ; въ другой— нѣтъ никакой мебели, только овчинныя шкуры разостланы на полу: это для Черногорскихъ «сенаторовъ», приходящихъ въ Цетинье. На дворѣ, разумѣется не огороженномъ, стояла зеленая Турецкая палатка, отбитая подъ Граховымъ, въ которой Итальянецъ производилъ торговлю водкой, табакомъ и кое-какой мелочью: это единственная торговля въ «столицѣ»... Нигдѣ ни сада, ни рощи,—кажется два-три дерева не больше, въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, растутъ на этой каменистой почвѣ, слегка прикрытой тонкимъ слоемъ земли.

По пути къ локандѣ, въ великому для себя удивленію, увидѣлъ я, въ сторонѣ, двухъ прогуливающихся дамъ, одѣтыхъ по самой послѣдней Парижской модѣ, со всею возможною широтою кринолиновъ, во Французскихъ шляпкахъ и съ зонтиками. Такое изящное, или вѣрнѣе — эlegantное явленіе, занесенное, изъ міра моды и цивилизаціи, въ этотъ міръ дикой природы и простоты первобытной, естественно поразило новоприбывшаго: оказалось, что это была княгиня съ своей компаньонкой Англичанкой, двѣ единственныя дамы въ Черногоріи: остальное же женское населеніе, все, безъ исключенія—жены, матери, сестры, невѣсты, однимъ словомъ женщины, но не дамы,— строго хранитъ свой народный обычай. Но между женщиной и дамой лежитъ бездна, и одиноко красовался кринолинъ на Цетиньскомъ полѣ,—Черногорки, косясь и спѣша, проходили мимо.

Получивъ отъ князя приглашеніе къ обѣду и узнавъ, что по заведенному въ Цетиньскомъ дворцѣ порядку—обѣдъ бываетъ только въ 8 часовъ *вечера*, а въ полдень бываетъ только «фриштикъ» (что въ переводѣ на простой бытовой языкъ значило, что обѣдъ въ 12, а въ 8 ужинъ),—я поспѣшилъ воспользоваться длиннымъ досугомъ времени до обѣда, чтобъ познакомиться съ Черногорцами, изъ которыхъ многіе прямо пришли ко мнѣ въ комнату—обняться и поцѣловаться съ братомъ Русскимъ,—а съ другими мы тотчасъ же вступили въ дружескія отношенія на дворѣ, подлѣ локанды. Что за народъ, что за люди! высокій ростъ, одинъ выше другаго, стройный станъ, изящныя движенія, красивыя, мужественныя, но не дерзкія, а важныя лица, живописный нарядъ,—

на поясѣ, внизу груди, *припояснише съ вышеклуками*—родъ патронташа, чуть не пудъ вѣсомъ, изъ котораго торчатъ ятаганы, ножи, пистолеты, трубки (Черногорецъ, если не стрѣляетъ, такъ почти всегда *пушитъ*, т. е. курить)... Всякій изъ нихъ не разъ встрѣчался лицомъ къ лицу съ смертью, побилъ не одного Турка, совершалъ чудеса храбрости,—но ни хвастовства подвигами, ни суетливости въ разговорѣ....

Облекшись во фракъ, натянувъ перчатки и нахлобучивъ складную шляпу, отправился я наконецъ къ князю. Совѣстно и стыдно было предстать въ такомъ «салонномъ» видѣ предъ лицо скаль и утесовъ; еще совѣстнѣе было идти въ такомъ нарядѣ среди братьевъ-Черногорцевъ, сопровождавшихъ меня толпою до самаго конака.

Князь и княгиня встрѣтили меня любезно и привѣтливо, въ своей гостиной,—изъ которой мы потомъ перешли въ залу церемоніальнымъ порядкомъ. Всѣ пять-шесть комнатъ дворца были убраны по Европейски, а гостинная сверхъ того и очень богато. Но смотря на роскошную мебель и мраморныя вазы, странно становилось на сердцѣ при мысли, что весь этотъ тяжеловѣсный Европейизмъ былъ втасканъ сюда на спинахъ женскихъ, какъ на выюпыхъ животныхъ. На столахъ лежали кипсеки, дорогія модныя иллюстрированныя изданія; на самой видной стѣнѣ гостиной красовались въ богатѣйшихъ золотыхъ рамкахъ—портреты во весь ростъ Наполеона III и императрицы Евгеніи—подарокъ Французскаго двора. Портрета Русскаго императора мы не замѣтили.

Князь Данило былъ въ Черногорскомъ платьѣ (другаго онъ и не носилъ), только безъ верхняго кафтана. Низенькій, бѣлокурый, весьма и весьма не красивый собой, онъ типомъ лица нисколько не походилъ на Черногорца. Но глаза его, живые и пронизательные, постоянно въ движеніи,—выражали и внутреннюю думу, и внутреннюю силу. Онъ былъ простъ въ обращеніи, и не смотря на все свое притязаніе быть искуснымъ дипломатомъ, не былъ воздерженъ въ рѣчи. Онъ охотно говорилъ по Французски, хотя говорилъ очень плохо, и вообще представлялъ въ себѣ любопытное соединеніе: грубой угловатости движеній—съ заимствованными манерами Европейской учтивости; Славянской открытости, задушевности и искренности—съ дипломатическими приемами;

юначества, мужества, храбрости—съ трусостью ложнаго стыда передъ цивилизованнымъ свѣтомъ...

Княгиня, его супруга, урожденная Квекичъ, дочь богатаго Сербскаго купца изъ Триеста, отъ матери Итальянки, получила самое утонченное свѣтское воспитаніе и конечно могла бы, при своемъ умѣ, съ честью держать любой «салонъ» въ Европейскихъ столицахъ. Въ этомъ отношеніи Данило чувствовалъ ея превосходство и подчинялся ея женскому вліянію. Даринка (уменьшительное отъ Дарьи—таково требованіе Сербской учтивости), ставши владѣтельной княгинею Черногоріи и Брды или Берды (такъ называется часть прилегающая къ Босніи), или, какъ писали Французы ей на конвертахъ, ставши «Princesse de Monténégro et de les Berdas»,—не захотѣла разстаться съ своими салонными привычками,—и подобіе Парижскаго салона устроилось въ орлиномъ гнѣздѣ, называемомъ Цетиньѣ. Въ Черногоріи завелось женское вліяніе—явленіе дотолѣ небывалое! Среди дикихъ цвѣтовъ горной, вольной растительности явилось тепличное, нѣжное, изящное растеніе—съ отравою благовонныхъ ароматовъ. Не ловко становилось въ присутствіи молодой цивилизованной дамы, окруженной всѣмъ обаяніемъ аристократическаго свѣтскаго изящества,—не только простымъ, неграмотнымъ Черногорскимъ *дивимъ* женамъ и дѣвамъ, но и доблестнымъ Черногорскимъ юнакамъ...

Извѣстно, что у Сербскаго племени, вслѣдствіе историческихъ условій жизни, сложились особенныя бытовыя отношенія между мужчиной и женщиной. При необыкновенной цѣломудренности нравовъ, влеченія одного пола къ другому трезвы, и сердца мужчинъ, исполненныя сознанія своего мужскаго общественнаго долга, своего военнаго призванія,—не растлѣваются тонкою игрою въ нѣжныя чувства. Мы были однажды свидѣтелями въ Петербургѣ, какъ блестяція свѣтскія дамы съ любопытствомъ окружили молодаго 17-лѣтняго Черногорца, присланнаго учиться артиллерійскому дѣлу. Онѣ закидывали красиваго дикаря вопросами, которые видимо были ему непонятны. «Любили ли вы кого-нибудь въ своемъ отечествѣ? ну что, вѣрно вы оставили дома дѣвушку, которая васъ любитъ?...»—«Я еще не женатъ», только и умѣлъ отвѣчать на всѣ вопросы изумленный и смущенный юноша,—

который, между прочимъ, успѣлъ уже отрубить десять главъ Турецкихъ (о чемъ имѣлъ положительное официальное засвидѣтельствованіе!). — Сербъ, Черногорецъ, воюя за свою независимость, является въ глазахъ жены—мужемъ великаго историческаго дѣла, которому она служитъ покорной слугою и помощницею, — и вотъ почему не мущина у женщины, а женщина у мужчины цѣлуетъ тамъ руку.... И вдругъ въ Черногорію является представительница совершенно иного Германо-романскаго быта, выработавшаго рыцарское поклоненіе — *Huldigung* — передъ женщиной, обратившаго ее въ даму сердца, а мужчину въ кавалера.... Но юнакъ ставшій *кавалеромъ* не отстоитъ независимости Черногорской!...

Для полноты Европейскаго туалета, княгиня обѣдала въ бѣлыхъ перчаткахъ и не снимала ихъ и послѣ обѣда, во все продолженіе вечера; то же самое повторялось и на другой и на третій день, за обѣдомъ и за завтракомъ: новыя платья, новыя перчатки. Разумѣется, княгиню нельзя было винить въ томъ, что родившись не на утесѣ, она хранила свои цивилизованныя привычки. Возмущаясь внутренно этимъ противорѣчіемъ, внесеннымъ въ цѣльность Черногорскаго быта, — мы въ то же время ясно сознавали, что та же самая княгиня Даринка въ Европейской гостинной и въ Европейской свѣтской средѣ была бы у себя дома, на мѣстѣ, умною и милою женщиной, со всѣми достоинствами и недостатками Европейской дамы, — но въ Черногоріи, здѣсь, въ этомъ мощномъ аккордѣ природы и быта—вся эта дамская внѣшность и обстановка звучала невыносимымъ диссонансомъ, пронзительною фальшивою нотой...

Да простятъ намъ читатели наши безпрестанныя отступленія, прерывающія нить начатаго нами разсказа. Впрочемъ, мы предупреждали, что хотимъ сообщить *выводъ* нашихъ путевыхъ впечатлѣній, а вовсе не описаніе подробностей путешествія. Тѣмъ не менѣе передадимъ еще нѣсколько фактическихъ данныхъ.

И такъ, мы пошли обѣдать. Я долженъ сознаться, что, тяготаясь собственными непосредственными впечатлѣніями, я долго не довѣрялъ имъ и всѣми способами старался подержать въ себѣ настроеніе духа, соотвѣтственно тому представленію о Черногоріи, которое сложилось въ каждомъ изъ

насъ съ дѣтства, — постоянно напоминалъ себѣ, что вѣдь это Черногорія, это страна дорогая для каждого Славянина, единственная, кромѣ Россіи, гдѣ не душитъ Славянъ чужеземное иго! Еслибъ я попалъ прямо къ какому-нибудь бѣдному юнаку, такое напоминаніе было бы не нужно, — но здѣсь оно было необходимо... Вокругъ меня раздавался Французскій языкъ, — сидѣли мы за столомъ, изготовленнымъ Французскимъ поваромъ и сервированнымъ Французскимъ метръ-д'отелемъ, — разговоръ шель большею частью о Парижѣ, о которомъ присутствовавшіе отзывались болѣе или мене съ нѣжностью, припоминая не только его улицы, но и переулки и переулочки. — За обѣдомъ, кромѣ князя и княгини, сидѣлъ Черногорецъ — «адъютантъ» князя, человекъ шлифованный, и молодой Никица (Николай), родной племянникъ Данила, сынъ знаменитаго воителя Мирко, одержавшаго Граховскую побѣду. Назначивъ Никицу себѣ въ преемники, за неимѣніемъ собственныхъ сыновей (у Данилы осталась только дочь, княжна Ольгаца), князь послалъ его образовывать умъ и сердце въ Парижѣ, гдѣ онъ и пробылъ три года, кажется, въ лицей. Возвратившись (только мѣсяца за два до нашего посѣщенія), онъ какъ наслѣдникъ престола и какъ человекъ, привыкшій къ Европейскому образу жизни, былъ помѣщенъ не въ семьѣ своего отца Мирко, продолжавшаго жить вполнѣ по Черногорски, а во дворцѣ князя. Стройный, красивый, молодой человекъ, довольно слабого сложенія, съ кроткимъ выраженіемъ лица, — онъ, по крайней мѣрѣ въ то время, не имѣлъ въ себѣ ничего мужественнаго, и по видимому нѣсколько тяготился требованіями дяди, желавшаго видѣть въ немъ, вмѣстѣ съ *bonnes manières de Paris*, удалъ Черногорскаго юнака.

За тѣмъ, кромѣ насъ, были за столомъ ежедневные, всегдашніе члены княжеской свиты Англичанка и Французъ (по фамиліи Тедеско), — первая въ качествѣ гувернантки, второй — въ званіи доктора: безъ сомнѣнія, онъ былъ вмѣстѣ и тайнымъ Французскимъ агентомъ, по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ состоялъ на жалованьѣ у Французскаго правительства. Онъ же былъ и частнымъ дипломатическимъ секретаремъ у самого князя Данилы и писалъ ему Французскія бумаги. Умный Тедеско держалъ себя очень скромно, но не

трудно было прочесть на его лицѣ и въ его глазахъ сознание своего превосходства предъ *варварами* его окружавшими, — своего вліянія и значенія. Князь постоянно и во всемъ обращался къ нему за совѣтомъ, и тутъ же за обѣдомъ, по случаю выраженного докторомъ намѣренія уѣхать мѣсяца на два, объявилъ простодушно, что ни за что съ нимъ не разстанется, что не можетъ существовать безъ него, что онъ ему на каждомъ шагу нуженъ. Положеніе Тедеско въ домѣ князя невольно напрашивалось на сравненіе съ положеніемъ — во время оно — учителя (*outchitel*) въ старинной дворянской семьѣ, гдѣ-нибудь въ провинціальномъ захолустьѣ, подобострастно взиравшей на заводчика и мастера по части заморской цивилизаціи... Разговоръ коснулся Людовика-Наполеона, и Данило, не скрываясь, сталъ выражать восторженно свое благоговѣніе къ Французскому императору, обращая свою рѣчь къ Тедеско, слушавшему князя молча, съ едва видной улыбкой — не безъ насмѣшливаго отгѣнка. Нерѣдко взгляды разболтавшагося Данила встрѣчались съ строгимъ взглядомъ княгини, — и онъ осаживалъ свою откровенность и перемѣнялъ разговоръ. Жена и докторъ постоянно преподавали ему *les bonnes manières* свѣтскаго общества, отчего Данило конфузился, особенно при постороннихъ. Впрочемъ все это нисколько не мѣшало ему стремиться къ исполненію своихъ плановъ, — и Черногорець — истый, кровный Черногорець, воспитанный въ суровой школѣ битвъ и набѣговъ, взросшій на скалахъ и утесахъ — вдругъ иногда пробуждался въ немъ, изъ-подъ наносныхъ слоевъ внѣшней цивилизаціи, — и коверканныя Французскія рѣчи выражали нерѣдко то беззавѣтную отвагу юнака, то грубую страстность полудикаго деспота... «Я бы казнилъ, церемониться бы не сталъ, — всѣхъ повѣсилъ бы» — вырывалось иногда изъ устъ Данила во Французскихъ звукахъ. Но взглянувъ на княгиню, онъ догадывался, что такія рѣчи не совсѣмъ приличны за европейскимъ обѣдомъ, — что говорить ихъ не слѣдуетъ — ну а *дѣлать* — отъ этого не удержало бы Данила ничье вліяніе! — Съ недипломатическою искренностью заявилъ Данило тутъ же вслухъ, при двухъ дипломатическихъ агентахъ, свое полное сочувствіе Виктору-Эммануилу и, обратясь къ племяннику, сталъ шутить довольно грубо по Французски надъ его изнѣжен-

ностью, вызывая его сдѣлаться Гарибальди для Славянъ и пособить Данилѣ разыграть роль Славянскаго Виктора-Эммануила. Взглядъ княгини, какъ щитомъ покрылъ отъ шутокъ дяди—смущеннаго воспитанника Парижскаго лицея (пользовавшагося очевидно полною симпатіей княгини), но не смотря на шутку, можно было замѣтить, какъ пламенно, какъ серьезно мечталъ объ этомъ Данило, — и нельзя было отказать въ сочувствіи ни мечтамъ, ни мечтателю!

За обѣдомъ не было Мирка, роднаго брата князя, храбрѣйшаго вождя храбрѣйшихъ юнаковъ, Черногорца самаго чистаго закала, уже безъ малѣйшей примѣси цивилизаціи; не было никого и изъ другихъ Черногорцевъ, — да и нужно ли объяснять почему? Кому изъ нихъ было мѣсто на этомъ обѣдѣ? Monsieur Mirko, какъ учтиво называлъ его Французъ-докторъ, — Мирко Петровичъ навѣрное уже давнымъ-давно съѣлъ себѣ козленка, развареннаго въ пшенѣ, начиненнаго всякими пряными спеціями, — и завалился спать на овчинной кожѣ: искусствомъ Француза-повара и ловкостью метрд'отеля его не заманишь! Да и самъ князь, какъ намъ удалось замѣтить, не ѣлъ блюдо Французской кухни, которыми подчивалъ гостей, — и слуги, поднося другимъ супы и соусы, ему — почти украдкой — ставили тарелки съ похлебкой и другими произведеніями Черногорской поварни

По угламъ задней стѣны обѣденной залы, стояли, какъ двѣ каріатиды, двѣ человѣческія громады, два старика Черногорца, въ полномъ Черногорскомъ нарядѣ: это были *чубукчи*, — которыхъ обязанность подавать гостямъ раскуренныя трубки. Разумѣется — во время обѣда имъ не было никакого дѣла, но таковъ обычай — уже не Европейскій, а Турецкій, Турецкое *сomme il faut* знатнаго образа жизни. — О чемъ думали эти старики-Черногорцы, безмолвно взиравшіе на фриштики и банкеты Черногорскаго князя? Конечно — бывали они не разъ въ кровавомъ передѣлѣ съ Турками, и память ихъ богата запасомъ всякихъ преданій, — ибо у этого народа можно сказать нѣтъ письменности, — и вся ихъ исторія въ живой народной памяти, въ пѣсняхъ и сказаніяхъ; помнили они Черногорію еще за давнее время, — и какими краснорѣчивыми обличителями, какимъ живымъ протестомъ являлись нашему воображенію — эти оба безмолвные, неподвижные, старики Черногорцы!

Послѣ обѣда, княгиня ушла съ гостями въ свой салонъ, а князь Данило остался въ залѣ, куда пришли къ нему многіе Черногорцы. Тамъ, безъ дамъ, на свободѣ, закурили они трубки, и повели бесѣду. Въ салонъ никто изъ нихъ и не заглянулъ, — кромѣ молодаго Никицы: въ залѣ раздавались шумные возгласы и взрывы смѣха, въ салонѣ плелись тихія Французскія рѣчи о житьѣ-бытьѣ Парижа и другихъ мѣсть образованнаго міра. Раза два забѣгалъ самъ Данило съ бумагами въ рукахъ и просилъ Тедеско поправить ему слогъ или ошибки черноваго Французскаго подлинника, или развить въ искусномъ слогѣ ту или другую наскоро набросанную мысль самого князя.

На другой день мнѣ привелось видѣть Данила на дворѣ или на площади Цетиньской. Пришли Черногорцы, требовавшіе отъ него суда и расправы. Князь сѣлъ на обрубокъ дерева, бывшіе на дворѣ Черногорцы собрались около него кругомъ, продолжая курить свои трубки. Ни у кого, ни въ одномъ движеніи не было и тѣни какихъ-либо раболѣпныхъ, подобострастныхъ или даже просто служебныхъ отношеній. Такъ, вѣроятно, производился судъ въ Новгородѣ, на Ярославовомъ дворѣ... Но мы не знаемъ, навѣрно, также ли теперь производится судъ въ Черногоріи, не обзавелась ли уже и она, какъ Сербское княжество, судомъ *апелляціоннымъ* и *кассационнымъ*? Едва ли. Еще покойный владыка Петръ II, тоже считавшій себя представителемъ цивилизаціи на Черногорскомъ утесѣ, учредилъ въ Черногоріи *сенатъ*, на обязанности котораго, между прочимъ, лежалъ и судъ*). Сенаторы, конечно почти всѣ безграмотные, кажется сами не придають никакого значенія своему званію, да и народъ, по крайней мѣрѣ въ 1860 году, рѣшительно не уважалъ сената и ставилъ его судъ не въ судъ, а требовалъ, чтобы судилъ и радилъ самъ князь. Тяжущіеся до тѣхъ поръ не успокоивались, не смотря на всѣ старанія сената, пока, бывало, не добьются суда княжого. Князь рѣшить, оба тяжущіеся — оба вольные соколы Черногорскіе — полюбятъ (т. е.

*) Когда прежде при Императорѣ Павлѣ учреждено было нѣчто подобное, подъ названіемъ *Кулукъ*, то онъ не продержался и двухъ лѣтъ...

поцѣлуютъ) руку судьи, и безпрекословно подчиняются рѣшенію: *такъ владика заповѣда...*

Пробывъ еще дня два въ Черногоріи и съѣздивъ на Рѣку Черноевичъ (селеніе при рѣкѣ того же имени, впадающей въ Скутарское озеро въ Сѣклинской жупѣ), мы возвратились въ Каттаро.

Изъ всѣхъ предыдущихъ статей нашихъ, читатели знаютъ, что не одною внѣшностію ограничивался Данило въ дѣлѣ преобразованій. Онъ установилъ подати, онъ перемѣнилъ порядки внутренняго управленія, давъ каждому округу начальника по своему княжому усмотрѣнію, тогда какъ прежде каждая нахія управлялась начальникомъ — или избраннымъ ею изъ лицъ, принадлежавшихъ къ нахіи, или сохранявшимъ право начальства въ своей семьѣ по наслѣдству. Онъ организовалъ родъ регулярнаго войска — *гардію*, онъ издалъ «Законникъ», онъ наложилъ Черногоріи опредѣленныя границы, онъ воспретилъ набѣги на Турецкія земли, онъ жестоко казнилъ ослушниковъ своей воли, онъ употреблялъ Черногорцевъ на тяжелыя работы, онъ на каждомъ шагу давалъ имъ чувствовать ихъ зависимость отъ верховной власти, онъ изгналъ многіе именитые роды, онъ измѣнилъ самъ и заставилъ Черногорцевъ — измѣнять своему историческому призванію, насиловать свой четырехъ-вѣковой бытъ... Невольно спрашиваешь себя, какимъ же образомъ могъ поддаться Данилѣ этотъ народъ, вольный какъ птицы, боготворившій свободу четыреста лѣтъ сряду, поклонявшійся ей, какъ кумиру? Неужели страхъ наказанія могъ поработить гордыхъ Черногорцевъ? Но у Данилы не было готоваго войска — отдѣленнаго отъ народа (онъ долженъ былъ еще создавать его, и его созданіе еще не успѣло созрѣть); онъ не располагалъ никакими внѣшними матеріальными силами для приведенія народа въ покорность своей волѣ. Въ странѣ, гдѣ всякій склоненъ къ кровавой расправѣ, властвующій, напротивъ, долженъ находиться въ постоянной зависимости отъ народа: нѣтъ ничего легче какъ убить его изъ-за угла, изъ за какойнибудь скалы или утеса: нѣтъ тамъ ни полиціи, ни дозорщиковъ. Если Данила и палъ отъ руки убійцы, то вѣдь не на Черногорской землѣ, а на Австрійской! Нрав-

ственная ли идея, связанная съ именемъ и званіемъ князя, давала ему силу творить безбоязненно свою волю? Но званіе князя было такъ ново въ Черногоріи — оно не могло образовывать въ народѣ тѣхъ привычекъ подчиненія и покорности, которыя входятъ, такъ сказать, въ самое естество народовъ, десятки столѣтій управлявшихся монархическою властью.

Очевидно, преобразования Данилы не могли совершаться безъ тайнаго общаго, внутренняго народнаго согласія, хотя бы и не сознаннымъ и не высказаннымъ. Это согласіе, этотъ *tacitus consensus* былъ несомнѣнно данъ Черногорскимъ народомъ — принявшимъ отъ Данилы завѣтъ политической будущности: военный станъ почувствовалъ въ себѣ вождельніе къ государственности; Данило, такъ сказать, заразилъ Черногорскій народъ *политическою похотью* (да простятъ намъ читатели это выраженіе, но оно лучше всего выражаетъ современное настроеніе Черногорскаго народа). Тяжело Черногорцу, крихтитъ онъ, выплачивая свою подать, или исполняя трудный наказъ князя, морщится онъ при видѣ всякихъ чужеземныхъ порядковъ, не нравится ему это ухаживанье за Французскимъ неправославнымъ царемъ, — но ему мерещится *Сербска круна* (корона) на главѣ Данила, величавый образъ царя Сербіи и всего Славянскаго языка (кромѣ Россіи, разумѣется); его народное честолюбіе распаляется при мысли о почетѣ Сербскому племени въ семьѣ народовъ, о славѣ, власти и силѣ.... Въ Черногоріи каждый Черногорецъ еще чувствуетъ себя частью и, такъ сказать, слугою общаго и дѣлаго. Онъ еще не привыкъ предоставлять за себя думать правительству, и не считаетъ себя избавленнымъ отъ личной нравственной отвѣтственности въ общемъ положеніи дѣлъ Черногорскихъ; дерется онъ не по наряду, а по личной обязанности своей, какъ Черногорца. Поэтому честь и слава Черногоріи ему не только также дорога, какъ своя собственная, но она *его* честь, *его* слава. Увлекаясь мечтами объ этой славѣ и чести, онъ готовъ жертвовать для нея многими правами личной свободы, смирить и взнудать свою личность, — не догадываясь, конечно, что политическое величіе, котораго онъ такъ жаждетъ для своей родины, — должно именно ослабить ту внутреннюю силу личности, которая дѣлала Черногорца непобѣдимымъ, и превратить эти полчища свободныхъ

людей, самостоятельныхъ личностей, связанныхъ однимъ бытовымъ закономъ, — въ покорныя массы, въ матеріаль — для питанія и непомѣрнаго усиленія только нѣкоторыхъ частей общественнаго организма! Черногорцамъ извѣстно, что Россія посадила Данила княземъ, имъ лестно знать, что въ Русскомъ мѣсяцесловѣ Черногорскій князь стоитъ, какъ независимый, самостоятельный, державствующій государь — на одной страницѣ съ императоромъ Французовъ (по порядку алфавита), и не однажды случалось мнѣ слышать отъ самыхъ простыхъ и бѣдныхъ Черногорцевъ, узнавшихъ, что я Русской: — «ну что же вы нашему князю, скорѣе бы Србску круну на главу надѣли!»

Намъ могутъ сказать, что въ общемъ своемъ видѣ таковъ, конечно, неминувый ходъ гражданскаго развитія въ каждомъ человѣческомъ обществѣ — не исключая Евреевъ, перешедшихъ отъ бюкратіи къ политическому государственному строю, вопреки грознымъ предвареніямъ своихъ пророковъ. Дѣйствительно, всѣ народы, живущіе теперь политическою и гражданскою жизнью, совершили въ свое время этотъ переходъ отъ первобытныхъ патріархальныхъ и родовыхъ формъ быта къ гражданскому бытію, — но все это отстоитъ отъ насъ въ такой исторической дали прошедшаго, что самый процессъ этого перехода намъ почти неизвѣстенъ. Тѣмъ-то интереснѣе въ настоящее время посѣщеніе Славянскихъ племенъ въ Турціи, что этотъ переходъ совершается теперь во очю: вы можете его осязать и анализировать, — и, по аналогіи, можетъ быть многое объяснить себѣ и во временахъ древности. Но здѣсь слѣдуетъ принять въ соображеніе, во 1-хъ, что всѣ эти племена нѣкогда жили полною гражданскою и политическою жизнью, — и потомъ, постепенно утрачивая самую память о прежнемъ устройствѣ, одичали подъ Турецкимъ игомъ, нивошли на низшую степень племеннаго быта: общество, уже совершившее извѣстный процессъ сложенія, вновь раздѣлилось и разложилось, и теперь слагается снова; во 2-хъ, что въ древніе вѣки, этотъ переходъ совершался большею частью органически, по ступенямъ, съ ближайшей ступени на ближайшую высшую, тогда какъ Славянскіе народы въ Турціи переходятъ или слятся перейти *теперь* прямо на высшую степень современной цивилизаціи, шагая

вдругъ чрезъ нѣсколько ступеней, стыдясь своей невольной отсталости, желая возмѣститъ займствованіемъ *чужаго* готовога—невольную скудность своей органической производительности, недостатокъ *своего* выработаннаго матеріала.

Необразованныя, грубыя, во многихъ отношеніяхъ полудикія Славянскія племена, населяющія теперь Балканскій полуостровъ, составляли нѣкогда знаменитыя державы Болгарскую и Сербскую. Царствованіе, напримѣръ, Стефана Душана было блистательно и славно, и цивилизація, гражданское развитіе общественной жизни — немногимъ уступало сосѣднимъ Западнымъ государствамъ. Въ Сербскомъ царствѣ былъ и кодексъ письменныхъ законовъ, и различіе состояній и сословій, и юридическій бытъ. Сербское царство пало подъ ударами Оттомановъ (разумѣется, были и внутреннія причины паденія), — пало въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ, — а въ XIX вѣкѣ, на развалинахъ царства, вы видите тотъ же Сербскій народъ — живущій *родовыми* формами быта, знать не знающій и вѣдать невѣдающій никакой книжности и письменности, еще находящійся въ періодѣ непосредственнаго эпического творчества! Родовой бытъ, котораго почти и слѣдовъ не застаеетъ исторія у прочихъ Славянъ, еще живетъ въ Черногоріи (хотя уже значительно поколебался). Онъ не есть остатокъ отъ древнихъ доисторическихъ временъ, — онъ (такъ мы думаемъ) есть уже новое нарожденіе. Народъ былъ покоренъ, общество разрушено; — непокорившіеся, бѣжавшіе въ горы и т. п., стали родоначальниками новыхъ поколѣній, — общество, какъ мы сказали, стало слагаться почти *снова*, — повторяя опять въ своемъ развитіи всю прежнюю постепенность, начиная опять, такъ сказать, съ азбуки человѣческаго общественнаго развитія — съ размножившагося рода. Нахія Черногорскія управлялись, почти до Данила, избираемыми и наслѣдственными сердарями, а составляющія ихъ племена родоначальниками (*кнезь одъ племени*) и *главарями*. Данила, въ сознательномъ стремленіи къ государственности, перетасовалъ родоначальниковъ, заставивъ, напримѣръ, Нѣгуша начальствовать въ Бѣлопавличахъ, Бѣлопавлича у Нѣгушей, и т. п. — Мы уже говорили о современныхъ первобытныхъ формахъ суда въ Черногоріи и объ изданіи Даниломъ Законника. Любопытно сравнить Законникъ Данила — твореніе XIX вѣка,

съ Законникомъ царя Душана XIV вѣка! Преимущество гражданственности остается, разумѣется, на сторонѣ послѣдняго, и Сербъ нашего времени изъ какого нибудь племени Васоевичей является чуть не варваромъ въ сравненіи съ Сербомъ двора Душанова. Но для того ли Сербскій народъ прошелъ этотъ трудный путь восхожденія, и потомъ низхожденія, чтобы начать новое восхожденіе—обезьяной и рабомъ Нѣмецкой «цивилизациі», для того ли цѣлые вѣка сряду отстаивалъ свою вещественную независимость, чтобы наконецъ отречься отъ личной духовной самостоятельности и стать прихвостнемъ во всѣхъ отношеніяхъ враждебнаго ему Западнаго міра?..

Но кромѣ этого, что поражаетъ путешественника въ Черногоріи,—это эпическій складъ народнаго художественнаго творчества. Чувствуешь, что изъ міра нашей литературной производительности — перенесся вдругъ въ міръ эпоса — не отжившаго и сохраняющагося въ народныхъ произведеніяхъ, но *живаго*, современнаго, еще постоянно производящаго. Чувствуешь и, такъ сказать, непосредственно ощущаешь, какъ въ представленіи этого народа — каждое современное явленіе, даже съ обстановкой XIX вѣка, готово сейчасъ вознестись надъ почвой и облечься въ эпическій образъ. Пѣсня эпическая еще продолжаетъ твориться тамъ, на утесахъ, заноса въ свое содержаніе событія и лица настоящаго времени, — по видимому вовсе не пригодныя для эпоса, — и какой-нибудь Французскій консуль съ своимъ кепи и узкими панталонами можетъ попасть въ народную пѣсню, окраситься эпическимъ колоритомъ, получить важный эпическій обликъ, нисколько не согласный съ его суетливою и вертлявою фигурою. Справедливость, впрочемъ, заставляетъ насъ прибавить, что самыя позднѣйшія произведенія Черногорскаго эпоса уже являютъ въ себѣ признаки нѣкоторой неискренности, подражанія старому, однимъ словомъ, что эпическій періодъ видимо близится къ смерти.

Не можемъ не вспомнить, что когда мы были въ Рѣкѣ Черноевичъ и осматривали старую церковь и развалины древнихъ укрѣпленій,—насъ сопровождало чуть-чуть не все мужское народонаселеніе Рѣки, гостепріимно и радушно встрѣтившее Руса. Тутъ были и старики и мальчики, лѣтъ 10 не больше, но также съ оружіемъ за поясомъ, съ важностью

курившіе трубку. На этомъ мѣстѣ было сильное побоище, лѣтъ около 150 тому назадъ, и окружавшая насъ толпа рассказывала намъ это событіе съ такою живостью и подробностью, съ такими точными указаніями мѣстности, съ такимъ одушевленіемъ, какъ будто это побоище было только вчера или за недѣлю! Въ жизни народовъ есть всегда такой періодъ развитія, когда вѣка для него — какъ день одинъ, смѣняются однообразною чередою, когда онъ всецѣло, нераздѣльно хранитъ въ себѣ минувшее, продолжаетъ жить имъ въ настоящемъ, вѣрнѣе сказать, когда нѣтъ рѣзкихъ граней, раздѣляющихъ одну эпоху его развитія отъ другой. Но нѣтъ сомнѣнія, что настоящая эпоха скоро смутитъ народную память... Любопытно также прослѣдить отношеніе народа къ его эпическимъ пѣснямъ. Мы наблюдали за слушателями во время пѣнія гусларовъ и въ Черногоріи и въ Сербіи. Для насъ — это предметъ наблюденія, свободного изученія и отчетливаго сочувствія; для Черногорца или Серба — это еще почти живое событіе, въ которомъ онъ мысленно участвуетъ всею своею душою. Я видѣлъ въ Сербіи Сербовъ, даже учившихся въ Германіи, но при всемъ томъ наивно восхищавшихся дѣяніями пѣсенныхъ героевъ, приходившихъ въ такой восторгъ — не отъ художественнаго описанія, а отъ самыхъ, разумѣется, небывалыхъ подвиговъ баснословной силы, — какой вы едва ли встрѣтите и въ крестьянинѣ, слушающемъ пѣсню про тридцатипудовую палицу Ильи Муромца.

Но довольно. Разсказаннаго нами кажется достаточно, чтобъ представить глазамъ читателя живую, наглядную картину всего того, что происходитъ въ настоящее время въ Черногоріи. Родовой бытъ и бюрократія, — эпическое творчество и журналистика (въ прошломъ году была сдѣлана попытка, разумѣется, правительствомъ издавать газету въ Цетиньѣ: вѣроятно пыписали бы для этого дѣла какого нибудь Австрійскаго Серба), чубукчи и метръ-д'отэли, кринолины и овчинныя кожи вмѣсто постели для сенаторовъ, европеизмъ и женщины въ должности вьючныхъ животныхъ, отчѣненіе главъ и Парижская манерность, привычки къ убійству и даже грабежу и дипломатическія утонченныя формы, всеобщая безграмотность и Французскій языкъ, — ложь фор-

менности, ложь государственности ложь внѣшней цивилизаціи,—наконецъ страна, распавшаяся на правительство и на народъ до такой степени, что—по послѣднимъ извѣстіямъ—Черногорскій народъ еще *не знаетъ* о тягостныхъ и позорныхъ условіяхъ міра, заключеннаго съ Турками *правительствомъ*: опять явленіе небывалое, неслыханное въ Черногоріи. Эта картина внутренней лжи и противорѣчій грубой раздражительности чужому и пренебреженія къ своему, пагубныхъ неудачныхъ скачковъ—настоящихъ *salto mortale*—съ одной ступени развитія на сто ступеней впередъ, — это картина, увы! хорошо извѣстная всѣмъ Славянамъ, и намъ Русскимъ въ особенности. Но не въ такихъ условіяхъ находится Черногорія, чтобъ предпринять одинаковый съ нами процессъ развитія: чтѣ по плечу приходится исполину, — недугъ, съ которымъ можетъ еще сладить крупный организмъ — часто губить на смерть малые организмы! Вспомнимъ также, что вся причина бытія Черногоріи заключается именно въ отрицаніи всего того, на чемъ хотятъ нынѣ основать и упрочить ея новое политическое существованіе!

Не правда ли, читатель, что вамъ теперь стало ясно, почему непобѣдимая до сихъ поръ Черногорія должна была пасть или по крайней мѣрѣ быть побѣжденной? Измѣна внутреннимъ началамъ, ложь, подѣвшая прежнюю цѣльность жизни, должна была неминуемо оказать свое дѣйствіе. Оттоманскія полчища бывали и прежде въ Цетиньѣ, и въ послѣдній разъ за 75 лѣтъ назадъ: Черногорія не пала. Но какъ скоро Цетинье пожаловано въ чинъ столицы, правительство испугалось приближенія Турокъ къ «столицѣ» и поспѣшило заключить миръ. Мирко противился и противится миру до сихъ поръ, неустанно воевалъ до самой послѣдней минуты: онъ бы погибъ скорѣе, онъ взорвалъ бы на воздухъ всю Черногорію, но не принялъ бы позорныхъ условій. Кто же принадлежитъ къ партіи постыднаго мира, кому неумолимая логика исторіи судила подписать смертный приговоръ четырехвѣковой славѣ Черногорской?—Князю-воспитаннику Парижскаго лицея, *министру иностранныхъ дѣлъ* Ивѣ Ракову (у котораго три сына чуть-чуть не съ пеленокъ отосланы на выучку въ Парижъ), княгинѣ Даринкѣ, единственной *дамѣ*

Черногорской... Не краснорѣчивъ ли языкъ историческихъ фактовъ?

Чего же ждать, чего хотѣть для Черногоріи? Ей предстоятъ только—два выхода изъ ея современнаго печальнаго положенія: или добиться, путемъ ли оружія, содѣйствіемъ ли дипломатовъ, части приморскаго берега и Герцеговины, перестать быть Черногоріей и основать новое политическое тѣло,—создать себѣ политическую форму и ту осѣдлость, при которой возможно будетъ для народа гражданское и духовное развитіе, и сдѣлать своею политическою задачею—собираніе всѣхъ старыхъ Сербскихъ земель, сгруппированіе всего Сербскаго племени. Или же, если это невозможно, отбросить всѣ притязанія на гражданственность, государственность, цивилизацію, европеизмъ, и возвратившись къ прежнимъ формамъ быта, стать, какъ прежде, вольнымъ военнымъ станомъ, мстителемъ Славянскихъ обидъ, аванпостомъ Славянской свободы! Но и это едва ли возможно: разъ нарушенная цѣльность не восстанавливается въ первобытной крѣпости,—политическая и нравственная отравы не остаются безъ слѣдовъ въ народномъ организмѣ.... Пусть же дипломатія пойметъ наконецъ, что ея совѣты до сихъ поръ, ея требованія благоустройства и порядка поставили Черногорію въ то—едва ли не безвыходное положеніе, въ которомъ она теперь находится; что, возбудивъ въ народѣ политическое честолюбіе созданіемъ государственной формы, она обязана дать народу и возможность идти безпрепятственно и безопасно тѣмъ путемъ, на который вызвала его сама же дипломатія; однимъ словомъ, пусть создастъ ей средства существованія и гражданскаго развитія, укрѣпивъ за ней пристань у моря и землю Герцеговины—и во всякомъ случаѣ не дозволитъ Туркамъ основаться укрѣпленными поселеніями въ единственномъ убѣжищѣ Славянской свободы!

Бѣдный Черногорскій народъ! Ты ни на волосъ еще не утратилъ ни своей знаменитой доблести, ни преданности вѣрѣ, ни цѣломудренности нравовъ. Ты бился, какъ левъ, ты, можетъ быть, никогда не совершалъ такихъ чудесъ храбрости, какъ въ эту роковую войну,—но страшное напряженіе силъ осталось бесплодно, кровь пролилась даромъ,—и въ награду за всѣ твои сверхъестественные мученическіе подви-

ги—Турки селятся у тебя въ утесахъ, тебѣ грозитъ нищета и голодъ! И съ недоумѣніемъ глядишь ты вокругъ, не понимая, что творится съ тобою и надъ тобою, что ослабило силу твоихъ ударовъ, отчего славныя дѣянія вѣнчались безславіемъ! Ты еще не разгадалъ, какую сѣтью нравственныхъ противорѣчій опутывается твое бытіе, какъ душитъ тебя участие просвѣщеннаго міра, сколько разъѣдающей отравы внесено въ твою жизнь соблазняющею тебя государственною формой! Неужели погибнешь ты жертвой собственной, нравственной измѣны и роковаго—твоими же подвигами привлеченнаго къ тебѣ вниманія Европы!

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „МОСКВА“.

1867 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Москва, 4-го января.

Наконецъ-то! подумали мы, печатая въ 1 № нашей газеты приглашеніе графини Протасовой и графини Блудовой прислать къ нимъ пожертвованія въ пользу женщинъ, дѣтей и раненыхъ, бѣжавшихъ въ Грецію съ острова Кандіи. Наконецъ-то рѣшились у насъ открыто, не прибѣгая ни къ какимъ загадочнымъ намекамъ, выразить если не прямое сочувствіе нашимъ единовѣрцамъ въ борьбѣ ихъ съ мусульманами, то, по крайней мѣрѣ, состраданіе имъ въ постигшихъ ихъ бѣдствіяхъ. Мы увѣрены, что горячее женское слово, присланное намъ изъ Петербурга, найдетъ себѣ такой же горячей отзывъ и въ Москвѣ. Мы не можемъ однакожъ не пожалѣть, что сочувствіе русскаго общества Кандіотамъ проявляется нѣсколько поздно, тогда, когда уже почти удалось Туркамъ сломить и задавить массою своихъ войскъ геройскую силу малочисленныхъ Грековъ, когда уже почти всѣ храбрые подвижники свободы и Креста перерѣзаны и передушены. Нельзя не скорбѣть, что Россія, въ дѣлѣ состраданія православнымъ братьямъ, такъ мученически гибнущимъ за свою народность и вѣру—родную намъ вѣру—дала опередить себя Англіи и Америкѣ; что нуженъ былъ примѣръ иностранцевъ для того, чтобъ и наше русское общество дозволило себѣ дѣятельное выраженіе соболѣзнованія. Нельзя не подивиться также, что Москва какъ бы ожидала сигнала изъ Петербурга, чтобы начать и съ своей стороны денежные сборы въ пользу Кандіотовъ. Намъ извѣстно также, что пер-

воначальнѣ предполагалось даже и въ Москвѣ открыть, въ этихъ видахъ, цѣлый рядъ публичныхъ чтеній и разныхъ общественныхъ времяпрепровожденій, болѣе или менѣе увеселительныхъ, прикрывая ихъ назначеніе дипломатическою формулой: «съ благотворительною цѣлью». Къ чему это? Общество не правительство. Общество, по самой природѣ своей, не можетъ дипломатничать. Требовать, чтобъ цѣлос общество, цѣлый многомилліонный народъ пускался въ дипломатическія соображенія и прибѣгалъ къ дипломатическимъ изворотамъ, было бы не только безнравственно, но и противно здравому смыслу. Такія притязанія на дипломатію могли бы только исказить самое призваніе общества — быть вѣрнымъ и сознательнымъ выраженіемъ народнаго духа; они бы только подорвали его нравственную силу, правду чувства и мысли, чѣмъ только оно и можетъ быть сильно. Намъ нерѣдко удавалось слышать совѣты, повидимому благонамѣренныя и преисполненные предусмотрительной мудрости (въ сущности очень дешевой и близорукой), о необходимости скрыть, не выставлять наружу чувствъ и мыслей Россіи по отношенію къ Грекамъ и Славянамъ, дабы тѣмъ не раздражать и не испугать Европу, не ослабить нашихъ политическихъ союзовъ съ иностранными державами, не навлечь подозрѣнія на тѣхъ, кому бы мы желали помочь и не вовлечь ихъ въ горшкую бѣду. Въ Россіи и правительство и общество долго держались этихъ политическихъ приемовъ, и историческій опытъ показалъ, что не только мы, но ни Греки ни Славяне ничего отъ нихъ не выиграли, но напротивъ того несомнѣнно и много проиграли. Мы никого — не только ни одного государственнаго чловѣка, но ни одного школьника въ Европѣ не переубѣдимъ насчетъ нашихъ историческихъ, естественныхъ, вполне законныхъ влеченій въ политикѣ. Какъ бы мы ни скромничали, какъ бы мы ни смирились, Европа намъ не повѣритъ, и не повѣритъ потому, что все же она лучшаго о насъ мнѣнія, чѣмъ мы сами, — что ей немислима и возможность для Русскаго народа стать въ противоестественныя отношенія къ своимъ братьямъ по вѣрѣ и крови, а для русской дипломатіи — ступить на такой лживый и ложный политическій путь. Скрывать отъ Европы наше сочувствіе Грекамъ и Славянамъ, наше желаніе видѣть ихъ свободными отъ иноземнаго ига и

помогать имъ при каждомъ удобномъ случаѣ—не все ли это равно что увѣрять ее, будто мы перестали быть Русскими? А такъ какъ, при всемъ даже стараніи, мы не можемъ перестать быть ими, не можемъ отречься отъ своего русскаго имени, то точно также не можемъ утять отъ міра свое единовѣріе съ Греками, свое единовѣріе и единоплеменность съ Сербами и Болгарами. Точно также какъ нельзя намъ постыдиться своей народности и не исповѣдывать ее предъ всѣмъ міромъ, нельзя намъ постыдиться и этой нашей духовной и кровной связи и не исповѣдывать ее громко и во всеуслышаніе. Къ тому же, повторяемъ, скрывай мы или не скрывай, результаты будутъ одни и тѣ же, или еще гораздо хуже. Европа не дастъ вѣры нашимъ словамъ и будетъ предполагать съ нашей стороны тайныя козни. Турція конечно еще менѣе въ состояніи намъ повѣрить, и положеніе христіанъ подъ турецкимъ игомъ нисколько бы отъ такихъ нашихъ приемовъ не облегчилось. Мы же, съ своей стороны, только бы связали сами свободу своихъ движеній, къ собственному вреду; прилагали бы увѣренія къ увѣреніямъ въ нашей невинности предъ Европой,—заручились бы разными невыгодными для себя обѣщаніями и запутались бы наконецъ въ собственныхъ дипломатическихъ хитросплетеніяхъ. Развѣ всего этого не бывало? Какъ бы мы ни добивались лестнаго аттестата отъ европейскихъ кабинетовъ о нашей политической благонравности, мы,—даже стяжавъ, повидимому вполне заслуженную нами, пальму умѣренности,—все же не приобрѣли бы ничего довѣрія, и ни одного искренняго союзника въ Европѣ. Мы только бы оскорбили нашихъ кровныхъ и единовѣрныхъ, нашихъ естественныхъ и единственно-искреннихъ союзниковъ въ мірѣ, указанныхъ намъ природою и исторіей. Напротивъ того, дѣйствуя открыто и прямо, мы бы могли поднять духъ въ угнетенныхъ родственныхъ намъ племенахъ и укрѣпить ихъ нравственно до той силы, которая, какъ бы повидимому она ни была мала, творить чудеса. Примѣръ мы видимъ на Грекахъ и отчасти на Сербяхъ Княжества Сербскаго.

А гяѣвъ Европы?...

Стоитъ только русскому государю отпустить себѣ бороду—и онъ непобѣдимъ, сказалъ Наполеонъ I. Нужно ли говорить, что эти слова слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ смыслѣ?

Не разумѣлъ онъ подъ ними грубаго, вѣшнаго признака народности, но такую цѣльность, такое единство народнаго духа въ правительствѣ и народѣ, такое всепроникновеніе вѣшней и внутренней политики національными началами, которыя дѣйствительно создаютъ силу несокрушимую, или по крайней мѣрѣ умножаютъ самую матеріальную силу сторицею и тысячецею. Тотъ же Наполеонъ говаривалъ, что духъ арміи равняется тремъ четвертямъ всей ея матеріальной силы. А чему же можетъ равняться духъ цѣлаго народа по отношенію къ матеріальному могуществу государства? Очевидно, что для западнаго міра нѣтъ ничего выгоды нашего уклоненія отъ народныхъ началъ и отъ нашего историческаго призванія; всякая измѣна началамъ русской народности, такъ часто и такъ бессознательно совершавшаяся въ русскомъ обществѣ со временъ Петра, только радуется и укрѣпляетъ нашихъ враговъ, только возбуждаетъ ихъ презрѣніе. Заявленіе своей силы, ревнивое соблюденіе своей національной чести и достоинства, сознание своего могущества и вѣрность своему народному историческому призванію не только не способны, какъ думаютъ иные тонкіе политики, навлечь на насъ грозу Европы, но напротивъ они-то и способны отворотить грозу, приобрѣсть намъ достоюжное уваженіе и союзниковъ — ищущихъ опереться на твердую и самосознающую себя силу. Презрѣніе же не исключаетъ страха. Всякое приниженіе наше предъ Европой, всякое отреченіе отъ своей исторической задачи является въ ея глазахъ или презрительною ложью, или слабостью, которою надлежитъ воспользоваться, пока великанъ (потому что великанъ не можетъ умалиться, какъ бы ни натуживался казаться малымъ) — пока великанъ не догадается о присущей ему, но имъ еще не знаемой силѣ.

Впрочемъ не объ этомъ собственно хотѣли мы говорить, хотя нельзя не сознаться, что сказанное нами пришлось къ слову. Мы имѣли только намѣреніе заявить, что общество въ выраженіи своего сочувствія Кандіотамъ не было обязано стѣсняться тѣми соображеніями, которыя могутъ не позволять правительству, въ данную минуту, выказать это сочувствіе прямо и открыто. Напротивъ, общественныя заявленія могутъ быть полезны и самому правительству, свидѣтельствуя

за него предъ всей Европой — съ какой силой приходится считаться и ему, и самой Европѣ, и тѣмъ самымъ подкрѣпляя его дипломатическія ходатайства, направленныя въ духѣ общественныхъ заявленій.

Конечно мы рады, что наше общество, и по преимуществу высшее, принялось за денежные сборы. Но мы были бы еще болѣе рады, еслибы интересъ кандіотскаго дѣла проникъ и въ другіе классы, вошелъ въ знаніе и сознаніе русской народной массы. Нѣтъ у народа преходящей моды на сочувствіе, какъ это бываетъ въ свѣтскомъ обычаѣ. Народное сочувствіе во сто кратъ прочнѣе, могущественнѣе и плодотворнѣе всякаго сочувствія высшихъ общественныхъ сферъ. Мѣдный грошъ крестьянина, — по пословицѣ: съ міра по ниткѣ, — создаетъ богатства, съ которыми не можетъ равняться никакое частное состояніе. Мы жалѣемъ, что печатное слово не проникаетъ въ крестьянскую избу, но есть между высшимъ обществомъ и простымъ народомъ тоже цѣлыя классы людей, для которыхъ не лишнимъ будетъ наше слово. Вы, русскіе люди еще хранящіе вѣрно завѣты отцовъ, вы соблюдающіе святой обычай молитвъ утреннихъ и вечернихъ и посѣщающіе усердно храмы Божіи, припомните себѣ, чтѣ говорится въ этихъ молитвахъ. Не твердите ли вы ежедневно: «Помяни, Господи, братій нашихъ плѣнныхъ и избави ихъ отъ всякаго обстоянія!» Кто же эти братья наши, которыхъ нужно избавить отъ обстоянія? Эти братья наши плѣнные—это вотъ именно тѣ самые Греки, которые теперь на островѣ Кандіа или Критѣ борются съ мусульманами, — православные Греки, отъ предковъ которыхъ приняли мы нашу святую вѣру. Эти братья наши плѣнные—это Сербь и Болгары, точно также православные, и сверхъ того одного съ нами племени и языка. «Обстояніе ихъ» — невыносимый гнетъ враговъ Христа, Турокъ, отъ котораго они силатся и не могутъ избавиться! Только и есть въ мірѣ одна могучая православная держава—это наша Русь: на нее одну и возлагается упованіе плѣнныхъ братій. Пособите же братьямъ, чѣмъ можете, въ ихъ борьбѣ и страданіяхъ, чтобы исполнилась молитва—да избавятся они отъ своего тяжкаго обстоянія. Пособите и мѣднымъ грошомъ: мірской грошъ великъ; ободрите ихъ своимъ участіемъ, своею скорбью, и сотворите

соборную молитву объ успѣхѣ живыхъ и объ упокоеніи душъ во брани убиенныхъ...

Въ воскресенье, 8 января, по желанію нѣкоторыхъ, будетъ отслужена заупокойная обѣдня, а потомъ и панихида по убиеннымъ во брани Кандіотамъ, въ Греческомъ монастырѣ на Никольской. Обѣдня начнется въ 10 часовъ; панихида около 12-ти...

Москва, 6-го января.

Меркнетъ заря на Западѣ — брезжетъ заря на Востокѣ. Гаснутъ послѣдніе лучи древней славы и могущества Рима, и выступаетъ изъ долгой ночи древняя слава и значеніе Царьграда. Уже дрожать и рушатся столбы вселенскаго папскаго престола, и римско-католическій міръ съ недоумѣніемъ ждетъ того роковаго часа, когда снимется съ папства печать всемірнаго владычества, знаменуемая Римомъ, и римскій папа перестанетъ быть римскимъ. Въ эту великую пору Православная Церковь на Востокѣ, послѣ многихъ вѣковъ мертвящаго рабства и униженія, воздвигается къ свободѣ и новой жизни. Не знаменательно ли такое совпаденіе событій, и кто назоветъ его случайнымъ? И въ какую безпредѣльную ширь и даль уходятъ историческіе горизонты, оглядываемые мысленнымъ взоромъ съ этой высоты созерцанія!

Какъ бы ни старались современные публицисты возвести значеніе государства на высоту отвлеченнаго принципа, отрѣшеннаго отъ всякой не-государственной примѣси, отъ всякаго сторонняго, духовнаго элемента, и именно отъ элемента вѣры, но такое требованіе, обращенное къ государству, можетъ-быть и справедливое въ отвлеченной теоріи, противорѣчить могучимъ, неодолимымъ требованіямъ живой исторіи народовъ. Если изъять изъ современнаго изученія политической исторіи государствъ — исторію церквей и вѣроисповѣданій, ихъ значеніе какъ историческихъ двигателей, какъ началъ, подъ духовнымъ воздѣйствіемъ которыхъ воспиталась и сложилась та или другая народность въ политической организмъ, которыми опредѣлилась и заклеилась политическая дѣятельность этого государственнаго организма, то исторія государствъ останется неразъясненною и явится только ка-

кимъ-то случайнымъ сцѣпленіемъ внѣшнихъ событій. Вѣроисповѣданіе, какъ бытовое начало, проникающее собою, подобно воздуху, всю жизнь народа, — даетъ, частію вѣдомо, частію невѣдомо для него самого, характеръ и направленіе его историческимъ судьбамъ и всѣмъ отправленіямъ его жизни, какъ духовной, такъ отчасти и матеріальной, какъ общественной, такъ и государственной. Государственная исторія народовъ православныхъ, римско-католическихъ и протестантскихъ различается главнѣйшимъ образомъ въ силу различія этихъ исповѣданій. И хотя многіе изъ насъ еще недавно готовы были утверждать, что русская народность вовсе не связана съ православіемъ, что нѣтъ различія между русскимъ латиняниномъ и русскимъ православнымъ, однако они же не перестаютъ требовать отъ государства политики національной, т. е. политики проникнутой духомъ національности, согласной не только съ вещественными, но и съ нравственными интересами русской народности; и они же теперь къ числу этихъ интересовъ присоединяютъ, повинувшись очевидности факта и увлеченію собственнаго русскаго чувства, духовные интересы нашего единовѣрія съ православными христіанами на Востокъ. Они невольно признаютъ за русскимъ государствомъ обязанность: дѣйствовать въ качествѣ внѣшней силы православнаго общества.

Точно такого же согласія съ духовными національными интересами требуютъ и западныя общества отъ политики своихъ государствъ; точно такъ же характеръ вѣроисповѣданія отражается и на ихъ политической дѣятельности. И именно теперь, по отношенію къ Восточному вопросу, ярко выдается особенный образъ дѣйствій католическаго міра, главной представительницей которыхъ Франція. Если и предположить, что самъ Тюильерійскій кабинетъ, въ поведеніи своемъ на Востокъ, готовъ былъ бы руководствоваться соображеніями чисто-политическаго свойства, то общество, даже независимо отъ политическихъ соображеній, является паразитально равнодушнымъ къ страданіямъ православныхъ народовъ. Мало того: оно выражаетъ къ нимъ презрѣніе и непріязнь, и тяготѣетъ своимъ вліаніемъ на политикъ самого правительства. Враждебное отношеніе латинства къ православію сказывается какъ въ невѣрующемъ обществѣ Франціи,

такъ и въ обществѣ вѣрующемъ, или преданномъ латинству. Въ этомъ смыслѣ особенно замѣчательны теперь печатные органы латинской клерикальной партіи и вообще римско-католическихъ интересовъ. Не желая явиться прямо противниками принципа національности и свободы, они отказываютъ въ сочувствіи своемъ возстанію Грековъ на Критѣ на томъ основаніи, что здѣсь дѣйствуетъ будто бы не столько желаніе освободиться отъ тягостнаго турецкаго гнета, котораго тягость, по ихъ словамъ, еще подлежитъ большому и очень большому сомнѣнію, сколько духъ всесвѣтной революціи, враждующій съ принципомъ авторитета и порядка. Для католиковъ, признающихъ въ области вѣры одинъ духовный авторитетъ папы, какъ главы вселенской церкви, и на этомъ началѣ зиждущихъ самый политическій порядокъ міра, — даже турецкій султанъ является представителемъ начала порядка и авторитета!

Они не только не замѣчаютъ, до какого нелѣпаго вывода довела ихъ неумолимая логика, но и не догадываются, въ какое противорѣчіе впадаютъ они сами съ собою, защищая въ то же время революціонныя попытки и дѣйствія Поляковъ. Впрочемъ приписывать это противорѣчіе ихъ недогадливости было бы признавать со стороны ультрамонтанскихъ публицистовъ какую-то добросовѣстность: тутъ просто дѣйствуетъ старая, закоренѣлая ненависть латинянина ко всему православному. Христіанинъ-Грекъ возстающій на власть магметанина-султана—революціонеръ и недостойнъ ни сочувствія, ни даже сожалѣнія. Полякъ возстающій на власть христіанскаго же государя—не революціонеръ, а праведный герой и подвижникъ! Если относительно Польши ихъ ослѣпляла вражда къ Россіи, какъ къ грозному призраку, доселѣ пугающему Европу, то относительно Грековъ и Греціи какой политической страхъ, какая политическая вражда можетъ руководить ими? Вся загадка разрѣшается тѣмъ, что Поляки—католики, и торжество ихъ есть торжество католицизма, а Греки—православные и торжество ихъ возвѣщаетъ торжество православія. Мы помнимъ, какъ тотъ же Пій IX, котораго можно признать наичистѣйшимъ и искреннѣйшимъ представителемъ латинства, благословлялъ знамена латинянъ подвизавшихся, въ союзѣ съ мусульманами, на православную

Росію, за сохраненіе Турціи; другими словами—молилъ Бога да продлитъ Онь мусульманское иго надъ православными христіанами! И такую же тайною или явною, большею частью даже безотчетною, ненавистью ко всѣмъ народамъ исповѣдующимъ православіе одушевленъ весь католическій Западъ, на какой бы степени силы или упадка ни стояло въ различныхъ его обществахъ личное чувство вѣры. Поэтому-то Восточный вопросъ есть въ то же время вопросъ объ отношеніяхъ латинства къ греческому вѣроисповѣданію, латинскаго міра къ православному. Такъ становятся вопросъ сами католики. Есть только два разрѣшенія Восточнаго вопроса, говоритъ органъ ультрамонтанства *le Monde*: «одно посредствомъ католицизма, другое посредствомъ греческой схизмы». «Поспѣшимъ обратить турецкихъ Славянъ въ латинство, усилимъ дѣятельность нашихъ духовныхъ миссіонеровъ, тогда Востокъ примкнетъ неразрывно къ міру латинской цивилизаціи, будетъ намъ неопасенъ, будетъ намъ свой»—такъ еще недавно возглашалъ въ газетѣ *l'Opinion Nationale* ея редакторъ Геру, котораго папство считаетъ однимъ изъ ярыхъ своихъ противниковъ: такое значеніе придаетъ и этотъ врагъ латинства бытовому значенію латинскаго вѣроисповѣданія въ жизни народовъ и государствъ!

На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и государственные дѣятели латинскаго Запада; тѣми же правилами руководствуется и его политика. Было время, что Славяне въ Турціи находились подъ обаяніемъ славы Наполеона III, провозгласившаго такъ-называемый «принципъ національностей», и, обольстившись его словами, думали видѣть въ немъ чуть не мессію, ниспосланнаго для освобожденія угнетенныхъ народностей. Но злой опытъ доказалъ имъ,—такъ говоритъ авторъ - Болгаринъ недавно изданной въ Букарештѣ на французскомъ языкѣ брошюры: «Болгарія предъ лицомъ Европы (*La Bulgarie devant l'Europe*), — «что Наполеонъ III является такимъ мессіей только тамъ, гдѣ есть мѣсто для славы и интересовъ Франціи, славы и интересовъ католицизма и латинскаго міра.» «Западъ,—продолжаетъ съ горечью тотъ же авторъ,—убѣдившись, что христіане въ Турціи никогда не станутъ ни Французами, ни Англичанами по національности, стремится пересоздать ихъ въ свою національность посредствомъ религіи.

Мы поняли, что только на одномъ этомъ условіи согласенъ онъ даровать намъ свое покровительство. Еслибъ Сербія была вѣроисповѣданія и происхожденія латинскаго, давнымъ-давно были бы ей отданы ея крѣпости, удерживаемыя Турками, и не однѣ только крѣпости! Еслибы Герцеговинцы были католиками, давно бы добилась для нихъ Франція той же автономіи, какъ и для Ливана! Еслибъ Черногорцы были латинскаго племени, границы ихъ тѣсныхъ владѣній были бы расширены уже давно! Еслибы Кандіоты не были православные, другія рѣчи держалъ бы маркизъ де-Мутъ въ Аѳинахъ! Еслибы мы, Болгары, были въ церковномъ подчиненіи Риму, мы бы не казались Европѣ народомъ самымъ неспособнымъ для политическаго существованія!» «Западъ,—такъ заканчиваетъ этотъ рядъ примѣровъ авторъ Славянинъ,—желалъ бы, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу освобожденія христіанъ въ Турціи отъ невыносимаго и чуждаго ига, сначала заручиться ими въ религіозномъ смыслѣ, поработить себѣ ихъ совѣсть».

И такія-то бѣды, такія искушенія и соблазны выдерживаютъ уже четыре вѣка сряду православныя племена въ Турціи. Каждый изъ восьми милліоновъ православныхъ, подвластныхъ султану, можетъ сказать себѣ и говорить ежедневно: отрекись я отъ своей православной вѣры, жена и дочь моя не будутъ обезпечиваемы Туркомъ, поле мое не будетъ ограблено; достояніе мое, стяжанное кровью и потомъ, не разграбится, самъ я не буду терпѣть обидъ и униженія, не буду видѣть своей вѣры и своихъ храмовъ поруганными!» Будь Латинецъ,—твердятъ ему безпрестанно миссіонеры и консулы, духовные и политическіе агенты католическаго Запада,—и приобрѣтешь свободу и благосостояніе... И страшнымъ недоумѣніемъ объять нашъ бѣдный братъ, и обращаетъ взоры свои къ дальнему сѣверу, туда, гдѣ Россія...

Вотъ каково значеніе Восточнаго вопроса для латинскаго и для православнаго міра, и мы сочли неизлишнимъ, вслѣдъ за перепечатаннымъ нами вчера воззваніемъ старѣйшаго архипастыря нашей церкви о пособіи братьямъ-христіанамъ на Востокѣ,—напомнить отзывы и дѣйствія, по отношенію къ тѣмъ же христіанамъ, латинскаго клира и томящагося въ предсмертныхъ судорогахъ римскаго папства.

Москва 14-го января.

Какія бы надежды ни питали нѣмецкіе патріоты послѣ совершившагося въ прошломъ году расширенія Пруссіи и въ виду приготавлиющагося объединенія Германіи; какіе бы расчеты ни руководили нѣмецко-мадьярскими министрами Австріи въ задуманномъ ими политическомъ переустройствѣ распавшейся имперіи Габсбурговъ; что бы ни думали западные публицисты о томъ движеніи, которое овладѣло христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова, — для насъ во всѣхъ этихъ событіяхъ прежде всего видѣтся — тѣсно связанный съ ними Славянскій вопросъ. Сольется ли нѣмецкій народъ въ одно цѣлое, распадутся ли Австрія и Турція на свои составныя части, наши отношенія къ этимъ переломамъ опредѣляются нашимъ славянскимъ происхожденіемъ. Да, мы наконецъ дождались того времени, когда вопросъ Славянскій, такъ долго отвергаемый, заявилъ свое несомнѣнное право на бытіе и сталъ не только 'жизненнымъ', но и животрепещущимъ вопросомъ современной политики. Изъ области чисто отвлеченнаго археологическаго вопроса онъ перешелъ въ область дѣйствительности; изъ предмета сердечныхъ влеченій и поэтическихъ сочувствій — онъ сдѣлался предметомъ серьезныхъ политическихъ комбинацій. Давно ли и въ нашей журналистикѣ интересы Славянства возбуждали презрительную насмѣшку надъ славянофилами, не дававшими угаснуть славянской идеѣ въ русскомъ общественномъ сознаніи, — и посмотрите теперь: русскія газеты ревнуютъ одна передъ другой въ выраженіяхъ симпатіи къ Славянству!

Впрочемъ, если въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ возможно было сомнѣваться на счетъ глубины и силы народныхъ сочувствій къ тѣмъ національнымъ идеямъ, которыя проповѣдывали въ Австріи такъ-называемые панслависты; то теперь, въ виду столькихъ поколѣній, выросшихъ и воспитавшихся на этихъ идеяхъ, въ виду значительнаго развитія политической литературы у Славянъ всѣхъ наименованій, въ виду столькихъ удавшихся національныхъ учрежденій, созданныхъ тѣмъ или другимъ славянскимъ племенемъ, — отрицать существованіе общеславянскаго движенія было бы про-

сто безуміємъ. Въ этомъ національномъ движеніи, проявляющемся среди всѣхъ австрійскихъ и турецкихъ Славянъ, живутъ ли они въ Богеміи или Босніи, въ Трїединомъ Королевствѣ или Восточной Галиціи, заключается общая черта ихъ жизни, поддерживающая въ нихъ взаимность и племенную связь. И какое бы значеніе мы ни придавали слову Славяне, родовое или видовое, при каждомъ прикосновеніи съ дѣйствительностью, мы встрѣтимся съ одними и тѣми же явленіями, съ одними и тѣми же потребностями, съ одними и тѣми же стремленіями. Наконецъ, большую часть Славянъ, живущихъ внѣ Россіи, соединяетъ общая историческая судьба; они имѣютъ родину и не имѣютъ отечества. И тоска по отечествѣ объяла ихъ....

Одинаковое повсюду, по своему характеру, славянское движеніе встрѣчаетъ однакожъ разныхъ враговъ и разныя препятствія, смотря по тому, въ какой мѣстности оно совершается. Борьба, которую должны выдерживать Славяне въ Австріи, не похожа на борьбу; которую они должны вести въ Турціи. Притомъ турецкіе Славяне опираются въ вѣковой борьбѣ съ мусульманами преимущественно на свой христіанскій характеръ; Славяне же австрійскіе, включенные въ государство, архивы котораго наполнены трактатами, патентами, дипломами, и которое долго сдерживало національныя стремленія всевозможными конгрессами, должны ссылаться на свои историческія права, провинціальныя привилегіи, сословныя, земскія и общинныя институціи. Австрія подчиняетъ своихъ Славянъ не столько силою оружія, ея слабость въ этомъ отношеніи доказаль до очевидности 1848 годъ,— сколько историческими преданіями, дипломатическими актами и парламентарною хитростью. Турція угнетаетъ своихъ Славянъ проще, грубѣе, откровеннѣе и держится противъ нихъ не собственною силою, но благодаря лишь европейскому заступничеству. Оставляя покуда Турцію въ сторонѣ, рассмотримъ подробнѣе политическую игру, въ которую играетъ теперь Австрія съ своими славянскими народами.

Австрія только - что издала новый патентъ, на основаніи котораго чрезвычайная имперская дума, имѣющая разсуждать о политическомъ переустройствѣ Австріи, должна составиться изъ сеймовыхъ делегацій. Но вслѣдствіе необыкновеннаго

возбужденія, господствующаго между различными партіями, земскимъ сеймамъ предоставлена полная свобода выбрать самимъ тотъ способъ, какимъ должны быть составлены эти делегации, посредствомъ ли выбора изъ сеймовыхъ курій, или изъ полного состава земскихъ сеймовъ. Официальные органы вѣнскаго министерства стараются всячески выказать, до какой степени правительство, издавая послѣдній патентъ, было непристрастно къ своимъ народамъ. Но они правы лишь въ томъ смыслѣ, что правительство въ своемъ патентѣ ничего никому не общаетъ, ни передъ кѣмъ не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ. Если австрійское правительство имѣло въ виду именно эту цѣль, то оно какъ нельзя болѣе достигло ея: ибо ни одинъ изъ австрійскихъ народовъ, которыхъ касался этотъ патентъ, не остался имъ доволенъ. Но болѣе всѣхъ недовольны Нѣмцы. Ихъ историческое право, на которомъ они основывали свое господство въ Австріи, т. е. февральскій патентъ 1861 г., потеряло теперь всякое значеніе. Новые выборы въ земскіе сеймы въ большинствѣ такъ-называемыхъ нѣмецко-славянскихъ провинцій не могутъ быть Нѣмцамъ благопріятны, а назначеніе делегаций отъ сеймовъ въ имперскую думу еще того менѣе. И вотъ австрійскіе Нѣмцы, желая получить посредствомъ переговоровъ съ Славянами то, въ чемъ отказало имъ само правительство, обратились къ послѣднимъ съ угрозою: не явиться въ чрезвычайную думу, если сеймовые выборы образуютъ на сторонѣ славянской партіи значительное большинство. Замѣтимъ кстати, — и это не лишено интереса, — что главными крикунами въ этомъ случаѣ и вообще врагами Славянъ являются публицисты даже не чисто-нѣмецкаго происхожденія: по самому точному осмотру нѣмецкой журналистики въ Австріи, оказывается, что только двѣ газеты издаются въ ней чистыми Нѣмцами — Die Stimmen aus Tyrol и Reform; всѣ же остальные принадлежать нѣмецко-еврейской партіи и издаются преимущественно нѣмецкими Евреями. Только двѣ вышеупомянутыя газеты и соглашаются заранѣе со всѣми послѣдствіями, къ которымъ должны привести новый патентъ, новые земскіе сеймы и чрезвычайная имперская дума; остальные же газеты не хотятъ и слышать о равноправности.

А между тѣмъ Австрію постигъ новый ударъ со стороны нѣмецкаго отечества. Баварское министерство князя Гогенлоэ включило въ свою программу договоръ съ Пруссіей, по которому Баварія должна будетъ признать за Пруссіей право предводительства надъ южно-нѣмецкими войсками въ случаѣ войны. Нѣмецко-еврейскіе журналисты съ ужасомъ повторяютъ слова, сказанныя недавно однимъ изъ депутатовъ ниже-австрійскаго сейма: «Австрія, созданная императоромъ Рудольфомъ, можетъ распасться при одномъ изъ его преемниковъ того же имени». Это намекъ на имя нынѣшняго наследника австрійскаго престола. Вотъ какіе мрачныя призраки носятся въ воздухѣ предъ австрійскими государственными людьми! И если въ 1848 году чешскимъ историографомъ Палацкимъ данъ былъ лозунгъ всему австрійскому Славянству: «когда бы Австрія не было, такъ мы, Славяне, должны были бы создать ее вновь», то нынѣ уже иное говорятъ сами Чехи, составившіе фѣдеративную теорію и распространившіе ее между австрійскими соплеменниками. «Мы были до Австріи, говорятъ они теперь, будемъ и послѣ нея!» Весь вопросъ о будущности Чехіи состоитъ, по мнѣнію чешскихъ публицистовъ, лишь въ томъ: удастся ли Чехамъ соединить въ общій сеймъ всѣ земли Чешской Короны — Богемію, Моравію, Силезію, и въ такомъ видѣ сохранить свою политическую самостоятельность и внутреннюю независимость, при короляхъ ли изъ Габсбургскаго дома, или при владѣтеляхъ изъ какой-либо иной династіи? Еще большія требованія, относительно будущаго, высказываются другимъ племенемъ между западными Славянами, принадлежащими къ Австріи: мы разумѣемъ требованія галицкихъ Поляковъ, которыхъ задоръ растетъ съ каждымъ днемъ и до­растаетъ до самыхъ безобразныхъ, несбыточныхъ надеждъ. Впрочемъ, намъ нѣтъ здѣсь надобности распространяться о нихъ: Поляки въ Австріи, какъ и повсюду, стоятъ особнякомъ отъ другихъ народовъ, имѣютъ въ виду только свои отдѣльныя цѣли и поэтому совершенно равнодушно относятся къ участи Австріи. Намъ нѣтъ здѣсь надобности говорить и о Галиціи вообще: это вопросъ особый и совершенно несложный. Во всякомъ случаѣ австрійское правительство, издавая новый патентъ и созывая чрезвычайную

имперскую думу, вовсе не думало при этомъ опираться на однихъ только Чеховъ, или Поляковъ; оно, конечно, не намѣрено было раздражать до конца своихъ Нѣмцевъ. Хотя новый патентъ изданъ собственно не для нихъ, но Славяне и Нѣмцы могутъ заговорить на чрезвычайной имперской думѣ не о тѣхъ вопросахъ, на которые имъ указываетъ теперь вѣнское правительство, имѣвшее въ виду одну Венгрію и соглашеніе ея требованій съ общимъ устройствомъ имперіи. Сдѣлавъ прежде небольшія уступки народамъ, населяющимъ западную половину Австріи, въ надеждѣ отвлечь ихъ симпатіи то отъ Пруссіи, то отъ Россіи, австрійское правительство напрягаетъ теперь всѣ свои силы, чтобы изъ юго-восточныхъ земель своей имперіи образовать для себя опору въ виду приближающагося разрѣшенія Восточнаго вопроса. Новый министръ, заправляющій иностранными дѣлами Австріи, баронъ Бейстъ, обнаруживаетъ едва ли не большую пріязнь къ Мадырямъ чѣмъ всѣ прежніе министры Австріи, и это очень хорошо поняли австрійскіе Славяне. Послѣ извѣстнаго приѣма хорватской депутаціи Францомъ-Иосифомъ, хорватскія газеты прямо объявили, что баронъ Бейстъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о венгерскомъ государственномъ правѣ, объ исторіи Трїедиаго Королевства и смотритъ на восточный вопросъ съ точки зрѣнія исключительно мадыарской. Но дѣло не въ томъ, кого австрійскій министръ думаетъ употребить въ качествѣ своего орудія для достиженія какихъ-то цѣлей на Востокѣ, Мадыаръ или южныхъ Славянъ; дѣло въ томъ, что послѣ постыднаго изгнанія изъ Германіи и Италиі, Австрія волей-неволей должна будетъ обратиться на Востокъ, такъ или иначе подчиняя свои внутренніе отношенія вѣшнимъ замысламъ. Въ этой зависимости внутреннихъ международныхъ отношеній Австрійской имперіи то отъ судьбы Германскаго союза, то отъ состоянія дѣлъ на Востокѣ, и скрывается тѣсная связь между разорванными частями южнаго Славянства. Австрія, сильная въ Германіи, могла бы скорѣе присоединить турецкихъ Сербовъ къ своимъ южно-славянскимъ провинціямъ; Австрія, ослабленная послѣдними войнами и окруженная отовсюду врагами, можетъ потерять и своихъ южныхъ Славянъ въ случаѣ освобожденія Славянъ турецкихъ. Вотъ источникъ ея дружбы съ Мадыярами, ко-

торыхъ она будетъ возвышать на югѣ, подобно тому, какъ старается, повидимому, возвысить Чеховъ на сѣверѣ и Поляковъ на востокѣ своей имперіи.

Но не говоря уже о томъ, что участь сѣверныхъ и восточныхъ провинцій Австріи зависить не столько отъ уступокъ ея правительства въ пользу Чеховъ или Поляковъ, сколько отъ дальнѣйшаго хода дѣлъ въ Пруссіи и остальной Германіи и отъ твердости національной политики въ Россіи, нельзя не видѣть, что судьба австрійскаго юга постоянно будетъ въ зависимости отъ событій, которыя могутъ разыграться въ сѣверныхъ частяхъ Балканскаго полуострова.

Такимъ образомъ въ политической сферѣ нѣтъ частныхъ противорѣчащихъ другъ другу славянскихъ вопросовъ, австрійскаго, турецкаго или еще какого-либо другаго: есть одинъ Славянскій вопросъ, и онъ долженъ собою наполнить всю будущую исторію Австріи, европейской Турціи и Россіи.

Существованіе такъ-называемыхъ земель Чешской Короны, судьба Галиціи и Венгрии, положеніе такъ-называемаго Триединаго Королевства, Сербіи, Босніи и Черногоріи, наконецъ возрожденіе Болгарскаго народа, — все это неразрывныя части одного и того же общеславянскаго вопроса.

Подобно Австрійцамъ, связывающимъ судьбу Австріи съ историческими именами Рудольфовъ, южныя Славяне также придаютъ мистическое значеніе именамъ турецкихъ султановъ. Они рассказываютъ, что въ одномъ изъ монастырей Фрушской горы, этой священной горы сербскаго православія, хранится старинная рукопись, современная паденію Сербскаго царства, гдѣ сказано, что владычество Турокъ утверждено Османомъ, котораго имя начинается съ послѣдней буквы греческой азбуки, окончится при султанахъ, имена которыхъ будутъ начинаться первою буквою. Имена Абдуль-Меджида и Абдуль-Асиза служатъ, такимъ образомъ, для турецкихъ христіанъ счастливымъ предзнаменованіемъ. Такъ народное воображеніе, въ эпоху приближающихся испытаній, ищетъ себѣ ободренія и опоры въ историческихъ примѣтахъ и предсказаніяхъ!...

Москва, 18-го января.

Какъ ни желательно было бы, въ виду внутреннихъ затрудненій, отложить разрѣшеніе задачъ внѣшней политики: какъ ни хотѣлось бы намъ, чтобы событія замедлили свой ходъ до поры болѣе удобной и благопріятной для Россіи, — но время не ждетъ и событія идутъ, — не справляясь о томъ, готовы ли мы или не готовы. И блаженны тѣ, кого они застанутъ бдящими! Необходимо, поэтому, чтобы наше общество перестало относиться къ Восточному вопросу какъ къ вопросу досужему и отвлеченному, касающемуся только «сердечной» стороны нашего національнаго существованія, симпатій религіозныхъ и родственныхъ. Нѣтъ, этотъ вопросъ не досужій и не отвлеченный, а настоятельно требующій практическаго разрѣшенія, которое во всякомъ случаѣ и въ какомъ бы смыслѣ ни совершилось — будетъ неминуемо имѣть самыя практическія послѣдствія для Россіи. Войною ли чреваты событія, или такую дипломатическою игрою, въ которой шахъ и матъ можетъ равняться любому военному пораженію, — какъ бы то ни было, но плохо будетъ, если они застигнутъ насъ въ расплохъ — со стороны ли нашего матеріальнаго обезпеченія, со стороны ли общественнаго сознанія. Конечно, когда событія надвинутся близко, то они заслонятъ собою на горизонтѣ и внѣшней и внутренней политики всѣ другіе интересы, и могучимъ вѣяніемъ своимъ прочистятъ нашъ сгущенный разными испареніями воздухъ, но не поздно ли уже тогда будетъ?

Съ одной стороны, Турецкая имперія разлагается, вслѣдствіе матеріальныхъ и нравственныхъ причинъ, вслѣдствіе ослабленія той дикой, но цѣльной силы, которая въ лицѣ Магометовъ и Мурадовъ создала владычество Османовъ; съ другой вслѣдствіе того, что мѣра долготерпѣнія христіанскихъ племенъ исполнилась. Войны Россіи съ Турками въ XVIII столѣтіи, войны, придвинувшія ее къ самому устью Дуная и отдавшія въ ея владѣніе весь сѣверный и восточный берегъ Чернаго моря, возбудили въ одно и то же время угасавшій духъ въ поработенныхъ Славянахъ и Грекахъ — и страхъ и зависть въ Западной Европѣ. Съ того времени Турція по-

ступила подъ опеку западноевропейскихъ державъ, которая не менѣ всякихъ поражений способствовала и способствуетъ распаденію мусульманскаго царства. Элементъ европейской цивилизаціи подѣйствовалъ на Турцію какъ свѣжій воздухъ на гніющее тѣло. Вся задача Европы состояла и состоитъ въ томъ, чтобы положить предѣлы матеріальному и нравственному усилению Россіи, чтобы не дать возникнуть новому міру—православно-славянскому, котораго знамя предносится единой свободною славянскою державой, Россіей, и который ненавистенъ латино-германскому міру. Не время и не мѣсто входитъ здѣсь въ изслѣдованіе тѣхъ, глубоко закрытыхъ въ исторіи и въ тайнахъ духа человѣческаго, причинъ этой ненависти латино-германскаго Запада къ Славянамъ вообще и къ Россіи въ особенности: довольно признать этотъ фактъ несомнѣнно существующимъ (и не признать его невозможно),—но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо понять, что никакое наше смиреніе и никакое наше безкорыстіе не укротятъ этой злобы и боязни; что только отрехшись отъ своей русской народности и пераздѣльной съ нею вѣры, могли бы мы утолить эту европейскую вражду и утишить подозрѣнія. Впрочемъ, какъ далеко ни простиралось бы иногда наше угодничество предъ Европой, наше заискиванье добраго ея о насъ мнѣнія, наши завѣренія о нашей допропорядочности,—мы все же не можемъ дойти до той степени униженія, которая была бы равносильна смертному себѣ приговору. Доказательствомъ этому служить и недавній разрывъ съ папою—хотя и послѣдовавшій послѣ длиннаго ряда несовмѣстныхъ съ нашимъ достоинствомъ уступокъ папѣ, послѣ невыносимыхъ оскорбленій со стороны Рима, превысившихъ мѣру даже нашего долготерпѣнія.

Итакъ, задача Европы состояла и состоитъ въ томъ, чтобы овладѣть рѣшеніемъ Восточнаго вопроса, т. е. вопроса о судьбѣ Балканскаго полуострова и населяющихъ его племенъ. Для духовной ассимиляціи себѣ православныхъ народовъ, для усвоенія ихъ себѣ въ нравственномъ отношеніи и для отчужденія отъ Россіи, была направлена на бѣдныхъ раевъ Турціи латинская пропаганда, благодаря которой всѣ совращающіеся въ католичество переходятъ изъ тревожнаго и страдальческаго—сравнительно въ благоденственное и мир-

ное житіе. Затѣмъ было испробовано средство упрочить Турцію посредствомъ европейской цивилизаціи. Западъ снабдилъ ее регулярными войсками, обучилъ ея офицеровъ, снарядилъ ее всяческимъ оружіемъ для того только, чтобъ она могла бороться съ Россіей и съ своими подданными христіанами. Вѣрные прихвостники Западной Европы и латинства, давно измѣнившіе братскому союзу Славянъ,—Поляки были, разумѣется, главными пособниками въ этихъ козняхъ. Они нацѣлили турецкія пушки и ружья на своихъ братьевъ Славянъ, они предводительствуютъ мусульманскими полчищами противъ христіанъ православныхъ, въ званіи разныхъ Искендеръ-беевъ и Османъ-пашей... И такая нація смѣетъ еще мечтать о возрожденіи!—Но западно-европейскій маневръ посредствомъ Турецко-европейской цивилизаціи не удался, нужно было иначе придать силы одряхлѣвшему Осману. Христіанская Европа, съ благословенія папы, совершила крестовый походъ, но уже не противъ мусульманъ, а противъ христіанъ, въ защиту того самаго владычества, противъ котораго ополчалась въ Средніе вѣки. У Россіи было отнято право исключительнаго покровительства турецкимъ христіанамъ и замѣнено совокупнымъ покровительствомъ всѣхъ крупныхъ державъ; такъ что къ Турціи было буквально приставлено семь нянекъ, включая сюда и правительство султана. Но русская пословица о семи нянькахъ сбылась и тутъ. Никакіе гати-гумаюны не уврачевали смрадныхъ язвъ умирающаго Османа, и христіанскія племена отчасти подняли, а скоро и всѣ поднимуть знамя возстанія.

Въ виду этого-то событія стоятъ теперь, думая трудную думу, Европа и Россія. Нѣтъ возможности отсрочивать долѣе рѣшеніе Восточнаго вопроса, какъ бы ни было это желательнымъ для Россіи, вслѣдствіе ея финансовыхъ и иныхъ затрудненій. «Покорнѣйше просить христіанскія населенія, мучимыя и унижаемыя, обождать, потерпѣть еще немножко, сидѣть смирно, сложа руки и довольствоваться дипломатическими предстательствами предъ его величествомъ султаномъ»—такая политика, которой мы нѣкоторое время держались и до которой есть много охотниковъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ,—такая политика дешевой мудрости и умѣренности теперь не только неумѣстна, несвоевременна,

но грозитъ Россіи утратой ея значенія въ глазахъ турецкихъ населеній, и передачею рѣшенія Восточнаго вопроса въ руки Европы. На смѣну этой политики является другая: политика невмѣшательства въ дѣла Турціи и предоставленія имперіи собственнымъ ея силамъ. Другими словами, эта политика предполагаетъ, воздержавъ европейскія правительства отъ оказанія матеріальной помощи султану, тѣмъ самымъ дать ей сокрушиться подъ ударами возстающихъ населеній, а дальнѣйшій ходъ дѣла, равно какъ и устройство политическихъ судебъ этихъ населеній обозначатся въ послѣдствіи сами собой.

Эта политика, повидимому, самая благоразумная и единственно возможная при желаніи избѣгнуть скорой и дѣятельной войны—едва ли состоятельна. Еслибы даже и всѣ западныя державы обязались держаться этой политики,—то для нихъ нѣтъ того интереса оставаться въ ея предѣлахъ, какой можетъ быть повидимому, и только повидимому, для насъ,— и онѣ тотчасъ бы нашли средство нарушить обязательство, какъ скоро признали бы это для себя выгоднымъ. Точно такъ поступили онѣ и съ Парижскимъ трактатомъ, который былъ честно и строго соблюдаемъ только съ той стороны, для которой онъ былъ тягостенъ, и былъ нарушенъ безъ церемоніи къ пользѣ и выгодѣ Запада. Дерзость инициативы—великое условіе успѣха, и въ этомъ отношеніи легко создать для Россіи такое же неловкое положеніе, какое было создано для нея при избраніи поручика прусской службы и родственника прусскаго королевскаго дома въ князя Румыніи. Постараемся объяснить это обстоятельнѣе.

Западъ уже не вѣрится въ возможность сохраненія Турецкой имперіи. Крымская война окончательно разубѣдила его, если только и прежде это убѣжденіе было искреннее,—да къ тому же этотъ способъ оживленія гніющаго трупа стоилъ Западу слишкомъ много денегъ и крови. Западъ не вѣрится также и въ успѣхъ, по крайней мѣрѣ скорый успѣхъ, нравственной ассимиляціи турецкихъ христіанскихъ племенъ, или покоренія ихъ латино-германской цивилизаціи. Онъ, правда еще не отказывается отъ способовъ толкнуть эти племена на такую дорогу, съ которой уже не было бы поворота назадъ и которая на вѣки отдалила бы ихъ отъ Россіи: недавняя попытка

соблазнить одного изъ іерарховъ греческой церкви въ Константинополь въ унію и подорвать крѣпость единства вѣры въ православныхъ племенахъ Турціи, свидѣтельствуешь о томъ, что латинская пропаганда продолжаетъ входить въ соображенія французской дипломатіи. Но во всякомъ случаѣ Западъ не ограничивается и не ограничится подобными медленными средствами. Ему приходится считаться теперь съ личными свойствами тѣхъ племенъ, къ которымъ онъ до сихъ поръ относился съ презрѣніемъ,—съ ихъ мужествомъ, храбростью, живучестью и жаждою политической жизни,—и на этомъ расчетѣ строится, пока еще въ тайнѣ, новый планъ западной политики относительно Востока.

Дѣло обстоитъ съ точки зрѣнія Запада такимъ образомъ: откладывать долѣе разрѣшеніе Восточнаго вопроса невозможно;—слѣдовательно необходимо захватить это разрѣшеніе въ свои руки и исхитить его изъ рукъ Россіи. Сохранить Турцію невозможно; презирать долѣе требованія христіанскихъ племенъ и не признавать ихъ правъ на бытіе—невозможно, какъ потому, что они начали заявлять эти права слишкомъ энергически, такъ и потому, что презирая ихъ, Западъ вышываетъ вліяніе Россіи, даетъ ей *le beau rôle*, какъ выражаются Французы; наконецъ ассимилировать ихъ, покорить ихъ себѣ духовно и нравственно—пока невозможно. Слѣдовательно, что же остается? Остается опять овладѣть рѣшеніемъ Восточнаго вопроса въ такомъ смыслѣ, чтобъ это рѣшеніе послужило къ ущербу Россіи, чтобъ распаденіе Турецкой имперіи не только не усилило Россію, но создало для нея рядъ новыхъ опасностей и затрудненій,—чтобъ, наконецъ, сплошному единству православной славянской массы было противопоставлено другое единство не славянское, обязанное своимъ происхожденіемъ преимущественно Западу. И нѣтъ сомнѣнія, скоро Европа, дождавшись благопріятной минуты и опутавъ Русскую добросовѣстность какими-нибудь дипломатическими сѣтями, вдругъ, къ удивленію міра, объявитъ себя воспламененною сочувствіемъ къ страждущимъ христіанамъ и въ особенности къ греческой народности, перещеголяетъ въ дѣятельномъ выраженіи этого сочувствія—Россію, заберетъ въ свои руки инициативу этого дѣла, и поставитъ насъ въ такое положеніе, что мы будемъ тащиться

сзади ея, догонять ея, безпокойно ожидать—куда ей вздумается повернуть, и при всемъ томъ тантъ въ себѣ внутреннее сознаніе, что она заставляетъ насъ содѣйствовать своимъ, чуждымъ и гибельнымъ для насъ, политическимъ расчетамъ. Такъ было, повторяемъ, въ дѣлѣ о Дунайскихъ княжествахъ, такъ можетъ случиться и теперь, если мы не перемѣнимъ образа дѣйствій... Но однимъ выраженіемъ сочувствія Европа не ограничится. Ея планы шире и дальновиднѣе. Объ нихъ поговоримъ завтра.

Москва, 19 января.

Дальновидная Англія прежде всѣхъ стала измѣнять старой своей политикѣ на Востокѣ. Не она ли настойчивѣе всѣхъ ратовала въ пользу сохраненія Турецкой имперіи? и вотъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ парижскаго мира, Англія почти удвоила силу самаго злаго врага мусульманскаго владычества, за которое вела такую кровопролитную войну: она присоединила къ Греціи добровольно, въ видѣ дара, группу Ионическихъ острововъ. Съ тѣхъ поръ имя Англіи, ненавистное Грекамъ послѣ поступковъ ея съ торговымъ греческимъ флотомъ въ дѣлѣ купца Пачифико, возстановилось снова у Грековъ въ чести и славѣ. Англія даровала имъ короля; Англія является дѣятельною и могучею покровительницей, Англія же и ихъ тайная руководительница. Англійскіе корабли первые начали перевозить раненыхъ инсургентовъ и ихъ семейства съ острова Кандіи въ Грецію: ихъ примѣру послѣдовали и мы,—это правда,—но все же честь зачина въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ не намъ... Читатели помнятъ, конечно, какимъ вдругъ неожиданнымъ участіемъ къ Сербіи промолвился, года три тому назадъ, англійскій парламентъ, и въ англійской литературѣ появились книги съ выраженіями сочувствія къ Сербскому княжеству. Послѣ энергической политики лорда Стратфорда Редклифа, въ Константинополь, политика Англіи при Турецкомъ дворѣ какъ бы ступевалась,—но только повидимому: значеніе «императора Франковъ» у христіанскихъ племенъ Турціи въ послѣднее время сильно ослабѣло и уступаетъ мѣсто значенію Англіи.

Во всякомъ случаѣ она уважается какъ сила, которая знаетъ чего хочетъ и можетъ сдѣлать то, что захочетъ. Очевидно, что Англія заранѣе разставляетъ для себя точки опоры на Востокѣ. Съ другой стороны, и Наполеонъ III подготавливаетъ себѣ позицію въ средѣ латинской расы (возстановлять и объединять которую онъ чувствуетъ въ себѣ особое призваніе). Интриги Франціи, свергнувъ князя Кузу, посадили на княжескій престолъ иностраннаго принца, и такимъ образомъ традиціямъ, связывавшимъ съ нами эти княжества, положенъ конецъ. Европейскій принцъ, близкій родственникъ могущественнаго королевскаго дома, не могъ принять вассальное отношеніе къ султану иначе какъ временно — въ виду скорого обрѣтенія полной независимости и самостоятельности. Такимъ образомъ на нашей границѣ, рядомъ съ единоплеменною Дунайскимъ княжествомъ Бессарабією (по крайней мѣрѣ въ значительной ея части), между нами и Турціей, или вѣрнѣе между нами и Славянами, поперекъ дороги въ Царьградъ, возникаетъ государство, которое имѣетъ въ будущемъ виды на присоединеніе къ себѣ около двухъ милліоновъ австрійскихъ Румуновъ.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что операціоннымъ базисомъ политики Запада противъ Россіи скоро послужитъ Греція. Орудіемъ будетъ избрана такъ-называемая «великая идея» или идея о «великой Греціи». Извѣстно, что Греки смотрятъ на маленькое Греческое королевство какъ на залогъ будущей сильной греческой державы, и что нѣтъ Грека, который бы не мечталъ о возстановленіи Византійской имперіи. А такъ какъ ни Россія, ни Славяне Балканскаго полуострова не могутъ желать этого возстановленія, то несмотря на единовѣріе, Греки, — такъ надѣются на Западъ, — могутъ изъ друзей обратиться въ злѣйшихъ нашихъ враговъ. Западъ будетъ всѣми силами льстить гордости и самолюбію греческой націи и постарается сдѣлать изъ Грековъ оплотъ противъ Россіи и Славянскаго міра. Единству славянской массы, какъ мы уже сказали, онъ попытается противопоставить единство греческаго племени, и поэтому станетъ всѣми мѣрами благопріятствовать греческому объединенію. Такова тайная мысль иностранной политики, которая не замедлитъ выразиться и явно. Если ужъ приходится Западу мириться

съ православіемъ, такъ онъ скорѣе помирится съ нимъ въ лицѣ греческаго, нежели славянскаго племени; если можетъ онъ допустить возвышеніе на Востокѣ какой-либо политической силы, такъ ужъ скорѣе греческой, нежели русской. Эту задачу для западной политики довольно рѣзко выставляетъ г. Бѣле, въ одной изъ январскихъ книжекъ *Revue des Deux Mondes*. Любопытиѣ всего, что въ этой замѣчательной статьѣ не говорится почти ни слова о славянскихъ племенахъ, населяющихъ Турцію: они, какъ должно подразумѣвать, обрекаются на подданство Грекамъ и Румунамъ, такъ какъ одновременно съ расширеніемъ предѣловъ греческой державы, съ одной стороны должна расширяться и значительно подвинуться дальше на югъ вновь созидаемая Европою румынская держава. И дѣйствительно, эта мечта французскаго публициста совпадаетъ съ политическими фактами. На Дунаѣ позиція уже занята Западомъ, политическое развитіе Валахіи и Молдавіи получило направленіе непріязненное для Россіи. Съ юга, т. е. со стороны Греціи, начинается то движеніе, которому Россія не можетъ не сочувствовать, которому не можетъ не содѣйствовать, но которымъ, безъ сомнѣнія, воспользуются западныя державы для того, чтобы поставить Грековъ въ отношенія враждебныя къ Россіи и Славянамъ. Въ политическомъ отдѣлѣ нашей газеты было упомянуто объ адресѣ Болгаръ къ Султану, сочиненномъ, по общему мнѣнію, католическими монахами — лазаристами. Въ этомъ адресѣ заставляютъ Болгаръ выражать такую мысль, что для нихъ владычество Турокъ сноснѣе чѣмъ владычество Грековъ. Греческія газеты полагають, что этотъ адресъ измышленъ по ненависти католиковъ къ Грекамъ. Мы думаемъ, напротивъ, что этотъ адресъ есть только преждевременное проявленіе политическихъ замысловъ французской политики, которой лазаристы служатъ постояннымъ и вѣрнымъ орудіемъ... Трудно, конечно, представить себѣ, чтобы Западъ охотно допустилъ образованіе могущественной греческой имперіи, но можно съ достовѣрностью предположить, что если возникновеніе греческой державы на развалинахъ Турціи и будетъ имъ допущено, какъ неизбежное, то не иначе какъ на условіяхъ какой-либо благовидной, но тѣмъ не менѣе весьма существенной, матеріальной и нравственной зависимости отъ

Запада. Западъ предложить Грекамъ купить себѣ политическое величіе цѣною дружбы къ Россіи, т. е. непремѣннымъ условіемъ своего содѣйствія Грекамъ онъ поставитъ, въ той или другой формѣ, разрывъ ихъ съ Россіей. Константинополемъ же онъ во всякомъ случаѣ постарается распорядиться такъ, чтобъ эта византійская столица не имѣла никакого грознаго и стратегическаго значенія. — Мы вовсе не утверждаемъ, чтобъ эти соображенія иностранной политики были безошибочны: Западъ и не знаетъ, съ какими силами ему придется считаться, да и Греки не такой народъ, который легко было бы Западу подчинить своему безусловному вліянію. Всего было бы лучше, конечно, еслибъ возстающіе въ Турціи христіане обошлись безъ всякаго содѣйствія западныхъ державъ, — но именно въ возможность-то этого невмѣшательства мы и не вѣримъ. Не вѣримъ потому, во-первыхъ, что такое невмѣшательство можетъ быть невыгодно для политическихъ интересовъ Европы и лишило бы ее возможности дать то или другое, сообразное съ ея видами, направленіе разрѣшенію Восточнаго вопроса. Во-вторыхъ потому, что и Франціи и Австріи нѣтъ другаго исхода для поправленія своихъ политическихъ обстоятельствъ, какъ принять дѣятельное участіе въ разрѣшеніи этого вопроса. Національное самолюбіе Франціи до сихъ поръ не можетъ помириться ни съ неудачею дипломатическаго похода на Россію относительно Польши, ни съ возвеличеніемъ Пруссіи и приобрѣтенною ею воинскою славой, ни съ категорическимъ отказомъ Бисмарка допустить извѣстное округленіе французскихъ границъ на счетъ Германіи. Ни всемірная выставка, ни новѣйшія quasi-либеральныя реформы не въ состояніи удовлетворить Французовъ. Востокъ же представляетъ богатую тему для политической фразеологій, такъ легко воспламеняющей французское тщеславіе: «la grande cause de l'Occident, la cause de la civilisation», сочувствіе Эллинамъ, сочувствіе Румунамъ, — участіе въ вопросѣ всемірно-исторической важности, — все это, вмѣстѣ съ тайнымъ желаніемъ поднять свое политическое значеніе и загладить свои неудачи, можетъ послужить настоятельнымъ поводомъ къ дѣятельному вмѣшательству въ дѣла Востока, когда наступитъ къ тому время. Что же касается до Австріи, то о значеніи для нея Восточ-

наго вопроса нѣтъ надобности и распространяться. Вытѣсненная изъ Германіи или, лучше сказать, сокрушенная какъ держава германская, имперія Габсбурговъ сохранила тѣмъ не менѣе всѣ традиціи и инстинкты крупной державы. Австрія въ судорожныхъ конвульсіяхъ мечется теперь изъ стороны въ сторону, отыскивая точку опоры и цѣпляясь за каждый случай, который могъ бы придать ей вновь политическое значеніе. Она преисполнена вождельнѣй разширить узкую полосу земли, которою она владѣетъ по берегу Адриатическаго моря, и приобрѣсти Герцеговину и Боснію; она желала бы присоединить къ себѣ и Дунайскія княжества и княжество Сербское, и въ то же время основательно опасается, что вмѣсто приобрѣтенія новыхъ земель — можетъ утратить и свои собственныя въ пользу этихъ же самыхъ княжествъ, что австрійскіе Румыны отойдутъ къ Валахіи и Молдавіи, а австрійскіе Сербы къ Сербскому княжеству. Рокочая сила влечетъ ее къ неминуемой гибели, но она не погибнетъ, не испытавъ новой борьбы и новыхъ дипломатическихъ союзовъ и комбинацій.

Западная политика ставитъ Россію въ положеніе странное и исполненное затрудненій. Нельзя, напримѣръ, Россіи не сочувствовать ослабленію вассальныхъ отношеній Молдавіи и Валахіи къ правительству султана; нельзя ей не признать, что назначеніе княземъ независимаго принца всего сильнѣе содѣйствуетъ такому ослабленію; притивиться подобной мѣрѣ значило бы, повидимому, противиться «прогрессу», «гуманности», значило бы отрекаться отъ собственной традиціонной политики въ пользу этихъ княжествъ, и т. д. — Но нельзя не видѣть въ то же время, что назначеніе Гогенцоллерна есть политическая интрига, направленная противъ Россіи, и что Россія, вынужденная согласиться на такое нарушеніе Парижскаго трактата (нарушенія, котораго, говоря вообще, она не можетъ и не желать), въ то же самое время сама упрочиваетъ позицію для Запада на Дунаѣ. Въ такое же фальшивое отношеніе легко можемъ мы стать и къ Греціи, — и это тѣмъ болѣе прискорбно, что нѣтъ страны въ мірѣ, которая бы сочувствовала Грекамъ въ ихъ стремленіи къ независимости и свободѣ такъ какъ Россія, которая бы съ такимъ участіемъ

слѣдила за геройскими подвигами Кандіотовъ и такъ соболѣзновала объ участи ихъ семействъ. Не одна сотня тысячъ рублей вышлетса имъ въ помощь изъ Россіи, несмотря на всеобщее у насъ финансовое затрудненіе. Но какъ ни велика наша симпатія къ Грекамъ, мы не можемъ и не должны приносить имъ въ жертву ни нашихъ братьевъ Славянъ — Болгаръ и Сербовъ, ни интересовъ Россіи.

Намъ кажется, что Россія должна послѣшить овладѣть инициативой разрѣшенія Восточнаго вопроса: въ противномъ случаѣ овладѣють ею западныя державы и создадутъ намъ опять то неловкое положеніе, о которомъ мы говорили. Намъ кажется, что параллельно съ движеніемъ греческимъ должно было бы происходить и движеніе славянское; что Россія должна была бы тверже настаивать на освобожденіи Бѣлграда отъ турецкаго гарнизона и принять болѣе дѣятельное участіе въ разрѣшеніи церковной греко-болгарской распри, — однимъ словомъ, стать во главѣ, а не въ хвостѣ того движенія, которое объемлетъ Востокъ...

Москва, 25-го января.

Въ тишинѣ, подѣ мирною сѣнію науки, во имя самыхъ серьезныхъ и искреннихъ интересовъ знанія, готовится въ нашей общественной жизни событіе истинно знаменательное. Нынѣшнею весною, въ Москвѣ откроется этнографическая выставка, и вмѣстѣ съ тѣмъ положится основаніе постоянному этнографическому музею. Первоначальная мысль этой выставки, которой предполагали дать строго-антропологическій характеръ, возникла еще въ 1864 году въ средѣ, не задолго предѣ тѣмъ возникшаго, Общества любителей естествознанія. Но вскорѣ первоначальный планъ этого предпріятія расширился: изъ антропологической выставка превратилась въ этнографическую. Матеріальныя средства для исполненія ея предложены были обществу В. А. Дашковымъ. Наконецъ, въ концѣ 1865 года программа выставки была увеличена, по предложенію Н. А. Попова, еще новымъ отдѣломъ — *славянскимъ*. Комитетъ, занимающійся устройствомъ этой выставки, неоднократно уже публиковалъ о пожертво-

ваніяхъ, которыя были получены имъ съ разныхъ сторонъ и свидѣтельствовали — съ какимъ всеобщимъ сочувствіемъ эта счастливая мысль была встрѣчена русскимъ обществомъ. Съ неменьшимъ сочувствіемъ отнеслись къ этому предпріятію и Славяне, преимущественно австрійскіе. Львовское ученое общество, извѣстное подъ именемъ галицко-русской Матицы и Львовскій Народный Домъ, т. е. русскій національный клубъ, назначили 200 гульденовъ и особую комиссію для собранія наиболѣе характеристическихъ одѣяній, употребляемыхъ русскимъ населеніемъ по обоимъ склонамъ Карпатъ, и уже успѣли, при небольшомъ пособіи московскаго комитета, составить интересную коллекцію этнографическихъ предметовъ. Хорватское ученое общество, занимающееся изученіемъ исторіи и нарѣчій южныхъ Славянъ, образовало особый комитетъ, а по южно-славянскимъ городамъ назначило комиссіонеровъ для составленія южно-славянскаго этнографическаго музея въ Загребѣ, объявивъ, что приступая къ такому предпріятію, оно руководствуется мыслью, программю и примѣромъ, поданными московскимъ обществомъ: часть вещей южно-славянскаго музея будетъ доставлена и на московскую выставку. Затѣмъ фабрикантъ изъ города Осека (Essegg) въ Славоніи, Феликсъ Лай, выслалъ нѣсколько прекрасныхъ костюмовъ изъ той мѣстности и множество разныхъ вещей, употребляемыхъ въ домашнемъ быту и сельскомъ хозяйствѣ у Сербовъ и Хорватовъ. Не малое собраніе такихъ же вещей пожертвовано московскому музею сербскимъ депутатомъ на сеймѣ Трїедиаго Королевства, жителемъ города Вуковара, Александромъ Вукашиновичемъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей между небольшимъ племенемъ Словенцевъ, Матія Маяръ, пожертвовалъ московскому музею чрезвычайно красивую и интересную свадебную группу изъ южной Штири со всею обстановкой. Извѣстный въ ученomъ мїрѣ, какъ этнографъ и археологъ, президентъ чешскаго историческаго общества въ Прагѣ, Карлъ-Яроміръ Эрбенъ, предпринялъ, по порученію московскаго комитета, поѣздку въ окрестности города Домажиць (Taus) лежащаго на границахъ Богеміи и Баваріи, гдѣ однакожъ наиболѣе удержались національные чешскіе обычаи и одѣянія, и уже успѣлъ выслать въ Москву собранную имъ коллекцію. Знаменитый хорватскій «патри-

отъ», хотя и католическій епископъ, Штроссмайеръ, и буковинскій православный епископъ Гакманъ сами предложили свои услуги къ обогащенію не только московской этнографической выставки, но и музея. При этомъ слѣдуетъ упомянуть о весьма богатомъ и во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ собраніи костюмовъ, фотографій и другихъ этнографическихъ предметовъ, которые присланы на выставку изъ Царства Польскаго, благодаря содѣйствію князя В. А. Черкаскаго. Комитетъ не ограничился однакожь простымъ приглашеніемъ славянскихъ ученыхъ и жертвователей участвовать въ московской выставкѣ, но и дѣлалъ заказы, при посредствѣ нашего священника въ Вѣнѣ, М. О. Раевского, въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда нельзя было ожидать обильныхъ пожертвованій. Мы увѣрены, что въ свое время будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе имена всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были исполнителями порученій комитета въ различныхъ славянскихъ земляхъ и тѣмъ оказали существенное содѣйствіе великолѣпнѣйшей выставки и полнотѣ будущаго музея. При этомъ нельзя не вспомнить, что дѣятельность славянскихъ корреспондентовъ значительно затруднялась сперва войною между Австріей и Пруссіей, потомъ холерою, которая свирѣпствовала въ Австріи весьма сильно, и наконецъ крайнею и понятною для насъ, Русскихъ, недовѣрчивостію, съ какою сельское славянское населеніе встрѣчало просьбы о снятіи фотографическихъ изображеній съ наиболѣе типическихъ лицъ и о покупкѣ народныхъ одѣяній. Теперешнія волненія на Балканскомъ полуостровѣ значительно затруднили собираніе этнографическихъ предметовъ, которыми можно было бы характеризовать бытъ турецкихъ Славянъ. Но мы знаемъ, что комитетъ все-таки имѣетъ надежду получить нѣсколько костюмовъ изъ княжествъ Сербіи и Черногоріи; а относительно болгарскихъ одѣяній также сдѣлано нѣсколько заказовъ, при посредствѣ одесско-болгарскаго попечительства. Такимъ образомъ, наша русская выставка становится русско-славянскою, тѣмъ болѣе что инородцы будутъ представлены на ней какъ второстепенныя и подчиненныя племена. Само собою разумѣется также, что при размѣщеніи славянскихъ вещей въ будущемъ музеѣ принято будетъ во вниманіе то значеніе, которое долженъ имѣть Славянскій міръ для русской науки.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни посмотрѣли на допущеніе славянскаго отдѣла на русскую выставку, во всякомъ случаѣ оно въ высшей степени полезно и важно. Если выставка и музей имѣютъ цѣлю ознакомить русскую публику съ бытовою стороною русской жизни, то сравненіе съ Славянами всѣхъ наименованій должно стоять въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ: общія, родственныя черты еще не совершенно исчезли въ современной жизни славянскихъ народовъ, и подмѣтить эти черты можно только при помощи сравненія. «Замѣчательное предпріятіе, писалъ одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ, которому поручено было освѣдомиться о томъ, что можетъ быть доставлено на выставку изъ страны Кашубовъ, населяющихъ восточную часть прусской Помераніи, докторъ Манигартъ, — замѣчательное предпріятіе Общества любителей естествознанія открыть въ Москвѣ этнографическую выставку обѣщаетъ принести наукѣ весьма важную пользу. Эта выставка представитъ картину теперешняго состоянія Славянскихъ народовъ: она сразу поставитъ на видъ, на какой высокой или низкой степени образованія, зависящей отъ внѣшнихъ условій жизни и отъ историческаго развитія, стоятъ они; она легко покажетъ, что случилось изъ отдѣльныхъ частей Славянства въ теченіе ихъ исторической жизни, подъ вліяніемъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ времени, какъ далеко каждая отрасль Славянства приблизилась къ образцу человѣческой нравственности, выступивъ изъ общихъ всѣмъ имъ началъ. Я думаю, что это будетъ картина величественная, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ и мрачная»... Мрачная въ томъ смыслѣ, добавимъ мы, что на многихъ типахъ славянскихъ, въ ихъ этнографической обстановкѣ, не можетъ не лежать печать рабства, неволи и отчужденія отъ своей народности, подъ варварскимъ ли турецкимъ, или просвѣщеннымъ австрійскимъ гнетомъ.

Но, кромѣ интереса строго научнаго, принятіе славянскаго отдѣленія на московскую выставку принесетъ ту выгоду, что сильнѣе чѣмъ что-либо другое скрѣпитъ взаимное сближеніе въ области науки и литературы между Русскими и остальными Славянами. За границей, напримѣръ въ Германіи, подобныя предпріятія вызываютъ часто оживленныя сходки ученыхъ со всѣхъ концовъ нѣмецкаго міра. Эти сходки за-

мѣняли нерѣдко Нѣмцамъ недостатокъ политическаго единства, и дѣлались отчасти именно съ дѣлію—живѣе возбудить сознаніе національнаго и содѣйствовать политическому единству. Въ подобныхъ съѣздахъ ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, духовныхъ, за границей всегда принимаетъ живое участіе городъ, служащій средоточіемъ для такого съѣзда. У Нѣмцевъ, а также и у австрійскихъ Славянъ, есть обычай, котораго они твердо держатся въ подобныхъ случаяхъ: не только устраивать особенные, за половинную цѣну, поѣзды по желѣзной дорогѣ къ городу, гдѣ происходитъ ученое или какое-либо иное празднество, но и устраивать отъ имени городской общины дешевыя помѣщенія для пріѣзжихъ на все время праздника. Такъ праздновалась, напримѣръ, чешскими Славянами, въ 1863 году, тысячелѣтняя память Св. Кирилла и Меѳодія въ Моравскомъ городѣ Брюннѣ: рускіе путешественники явившіеся на это торжество, пользовались всѣми упомянутыми нами удобствами, устройствомъ которыхъ занимался особый комитетъ изъ мѣстныхъ жителей. Переходя къ нашему празднеству, готовящемуся нынѣшнею весной, мы должны сказать, что на русско-славянскую этнографическую выставку придутъ депутаціи отъ чешскихъ и хорватскихъ ученыхъ обществъ, отъ вѣнскаго географическаго общества и отдѣльные представители отъ другихъ славянскихъ учреждений, преимущественно австрійскихъ.

Отстанемъ ли мы отъ Нѣмцевъ? Отстанемъ ли и отъ своихъ братьевъ—бѣдняковъ Славянъ? Пристыдить ли Москву какой-нибудь Вюрцбургъ или Брюннѣ? Если почему-либо наша Московская общая Городская Дума не считаетъ себя въ правѣ производить на пріемъ гостей расходы изъ городскихъ капиталовъ, то неужели не найдется во всей Москвѣ ни одного богатаго человѣка, который бы пожертвовалъ на это деньги? Неужели не соберется и по подпискѣ достаточной суммы, чтобы могла Москва явиться, по истинѣ, народной русскою столицей, столицей единой свободной славянской державы, и отпраздновать родственныи пиръ? Или мы уже не въ состояніи предложить и трапезы своей роднѣ, своимъ кровнымъ братьямъ? И велики ли нужны на это деньги! Тысячъ шесть-семь рублей, едва ли больше..... Нѣтъ, Москва

не опозорить себя, встрѣтить и проводить гостей съ честью и станеть для нихъ и для всего Славянства средоточіемъ нравственной славянской силы. Москва ли посрамитъ свою славу?...

Москва, 5-го февраля.

Дѣло спѣеть. Трепетъ новой жизни уже слышится на Востокѣ; бодрѣе стали, оживились сознаниемъ и изготовляются къ упорной кровавой борьбѣ христіанскія населенія Турція. Тайно и явно куется оружіе, свозятся запасы, племена ссылаются между собою, — все полно тревоги и ожиданія, все накануне послѣдней, роковой битвы. Дѣло спѣеть, но еще не поспѣло, и вникая пристальнѣе въ подробности дѣйствительной обстановки Восточнаго вопроса, можно, пожалуй, и не жалѣть о томъ, что дипломатія думаетъ продлить агонію своего паціента. Нужно еще нѣсколько времени для того, чтобы наши Славяне могли совсѣмъ снарядиться къ бою и сами сдѣлаться рѣшителями своей политической судьбы. Это время близко, — но не мѣшаетъ, однако же, прежде вывести турецкій гарнизонъ изъ Бѣлграда, дать выдвинуться впередъ и предъявить свои права на существованіе многочисленному Болгарскому народу, — не мѣшаетъ и намъ сначала докончить свою желѣзную дорогу отъ Москвы къ Черному морю.

Сопоставляя тронную рѣчь императора Наполеона, сообщенную намъ вчера по телеграфу, вмѣстѣ съ депешами изъ Аѳинъ и изъ Триеста въ томъ же №, — мы убѣждаемся, что соглашеніе между Россіей, Франціей и Австріей относительно дипломатическаго образа дѣйствій на Востокѣ — въ данную, настоящую минуту есть дѣло рѣшеное. Императоръ Французовъ объявилъ, что ничто не грозитъ сохраненію мира, что великія державы согласились между собою дѣйствовать дипломатическимъ путемъ и требовать отъ Порты уступокъ, удовлетворяющихъ законныя требованія христіанскихъ населеній и не нарушающихъ правъ султана. Такое положеніе, конечно, заключаетъ въ себѣ самомъ вопіющее противорѣчіе и есть *contradictio in adjecto*, ибо законныя и законнѣйшія требованія христіанъ состоятъ именно въ нарушеніи и разрушеніи верховныхъ правъ султана: этого не

могутъ не знать и на Западѣ. Но эта условная бессмыслица, эта дипломатическая формула лжи, которую никто не убѣждается и которой никто не вѣрить, ничего болѣе не значить, какъ желаніе отдалить, еще на нѣкоторое время, неизбежную развязку грознаго вопроса. Всѣми смутно чувствуется, что этимъ грознымъ Восточнымъ вопросомъ исторія какъ бы зоветъ къ отвѣту на страшный историческій судъ Востокъ и Западъ, какъ бы понуждаетъ ихъ свести итоги прожитому, разсчестъся съ прошлымъ и предъявить дѣйствительныя права на новое бытіе въ будущемъ политическомъ строѣ... И понятно такое медленіе стараго міра на порогѣ суда, на краю будущаго. Всѣ державы сознаютъ, что скоро потребуются отъ нихъ такого напряженія усилій, такого расхода матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ, для котораго онѣ еще не готовы, и на который нельзя отважиться легкомысленно и очертя голову. И мы думаемъ, что собственно для нашихъ братьевъ Славянъ—такое промедленіе послужить на пользу.

Но если христіане могутъ извлечь для себя пользу даже изъ промедленія, если и Россія можетъ желать отсрочки для окончательнаго разрѣшенія восточной задачи, то все же мы не видимъ особенной пользы собственно для Россіи въ согласіи ея участвовать (если вѣрить телеграфу) въ той дипломатической лжи, которую она не можетъ и повторить своими устами не краснѣя. Что значить, спрашиваемъ опять, удовлетвореніе законныхъ требованій христіанъ? Императору Французовъ, конечно, можно съ высоты трона толковать о верховныхъ правахъ султана и обманывать себя и міръ надеждою на примѣненіе хатти-шерифовъ и хатти-гумаюновъ, но мы не можемъ опозорить себя выраженіями вѣры въ такой лживый способъ замиренія Турціи. Одновременно съ соглашеніемъ Россіи съ Франціей, о которомъ возвѣстилъ императоръ Наполеонъ, мы читаемъ въ иностранныхъ журналахъ статью изъ *Correspondance russe* (газеты, которую въ Европѣ почитаютъ за оффиціозный органъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и которая, какъ кладъ, не дается въ подлинникъ Русскимъ въ Россіи), что Россія не вѣрить въ примирительную силу административныхъ реформъ въ Турціи и ничего не ожидаетъ отъ турецкаго правительства. Если такъ, то что же значить это «соглашеніе» и это

намѣреніе Россіи «не отдѣлять своей политики на Востокъ отъ политики Франціи»?

Что можетъ теперь учинить дипломатія, къ какимъ существеннымъ результатамъ способны привести европейскія ходатайства и предстательства? Въ чемъ можетъ теперь, въ данную минуту, заключаться удовлетвореніе законныхъ требованій христіанъ? Потребуютъ ли державы, чтобы Критъ былъ присоединенъ къ Греціи, чтобы турецкіе гарнизоны были выведены изъ сербскихъ крѣпостей? Послѣднее довольно вѣроятно и будетъ имѣть важныя послѣдствія для Сербіи; оно развяжетъ ей руки и избавитъ ее отъ вѣчнаго страха за существованіе столицы сербскаго княжества: турецкія пушки, направляемыя польскими офицерами, уже не будутъ грозить разрушеніемъ Бѣлграду и держать Сербію подъ матеріальнымъ и нравственнымъ гнетомъ. На эту уступку впрочемъ Турція, какъ извѣстно, склонялась и прежде. Но согласатся ли Англія и Франція на присоединеніе Кандіи и согласится ли на это Турція, не истощивъ послѣднихъ усилий въ борьбѣ? Между тѣмъ Критяне провозгласили на своемъ собраніи рѣшеніе, отъ котораго едва ли отступятъ: «присоединеніе къ Греціи или смерть». Хотя, какъ говоритъ телеграмма, полученная чрезъ Одессу, Греки и приуныли вслѣдствіе слуховъ о соглашеніи между Россіей и Франціей, — Франціей, которая такъ несочувственно, такъ жестоко, въ лицѣ маркиза де Мутъе, отнеслась къ національному одушевленію Грековъ, — нельзя однако же думать, чтобы это соглашеніе не сопровождаемое никакими насильственными мѣрами противъ возставшихъ, прекратило борьбу. Кровь будетъ литься попрежнему, — въ то самое время, какъ Россія, вмѣстѣ съ Франціей, будетъ настаивать надъ султаномъ, чтобы онъ исправилъ неисправимую турецкую администрацію, и будетъ, въ хорѣ съ западными державами, стараться убаюкать мучимыхъ сладкою и старою пѣснью, что сердце мучителя преисполнено любви и самыхъ благихъ и кроткихъ желаній. Мы конечно говоримъ все это въ томъ предположеніи, что Россія, вмѣстѣ съ западными державами, ограничится въ настоящее время однимъ дипломатическимъ ходатайствомъ о какомъ-либо облегченіи Кандіотовъ отъ налоговъ и о болѣе дѣйствительномъ выполненіи хатти-гумаюна. Между

тѣмъ кровь могла бы перестать литься, и Восточный вопросъ еще былъ бы далекъ отъ полнаго разрѣшенія, если бы было исполнено законное требованіе Грековъ острова Крита присоединиться къ Грекамъ королевства. Если же на это невозможно было бы добиться согласія прочихъ державъ, то все же мы не видимъ, почему бы Россіи нельзя было остаться одной при своемъ мнѣніи, и почему, въ полномъ сознаніи чистоты и безкорыстія своихъ намѣреній, не могла бы она предъявить Турціи такое соблаженіе, которое бы дѣйствительно на нѣкоторое время уняло кровь и замирило Грековъ? На совѣтѣ западныхъ державъ Россія, какъ всего лучше знакомая съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, должна бы, казалось намъ, являться ходатаемъ за истинные интересы христіанскихъ населеній, и не присоединяться къ фальшивому хору европейскихъ дипломатовъ. Одно заявленное громко, хотя бы и неуваженное, требованіе Россіи, на примѣръ, о присоединеніи Крита къ Греціи, подняло бы значеніе Россіи на Востокѣ выше значенія прочихъ благосклонныхъ къ султану державъ, а подъемъ этого значенія для насъ несравненно дѣйствительнѣе въ будущемъ и дастъ намъ практическіе результаты несравненно важнѣйшіе, чѣмъ настоящія дипломатическія уступки и сдѣлки. Впрочемъ, повторяемъ, мы должны дожидаться болѣе положительныхъ свѣдѣній объ этомъ соглашеніи нашемъ съ Франціей, о которомъ такъ торжественно возвѣстилъ Наполеонъ III: тогда уяснятся намъ поводы и виды этого соглашенія.

Читатели нашего политическаго отдѣла вѣроятно не пропустили безъ вниманія помѣщенную въ 28 № нашей газеты статью сербскаго публициста Матіи Бана. Въ одно время съ нею въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появились письма одного Сербя изъ Бѣлграда, а въ 27 № этой газеты помѣщена и телеграмма изъ Берлина совершенно въ духѣ этихъ двухъ упомянутыхъ нами статей. Оба писателя стараются доказать, что Восточный вопросъ не долженъ пугать Европу, что Европѣ нечего и вмѣшиваться въ его разрѣшеніе, что онъ можетъ быть разрѣшенъ силою самихъ внутреннихъ національныхъ элементовъ Балканскаго полуострова. «Мы не только не просимъ, но и не хотимъ, чтобъ Европа подняла за насъ оружіе; мы желаемъ только, чтобъ она не мѣшала

намъ», говорятъ Сербы. Поэтому они и не очень хлопочатъ о немедленномъ взрывѣ на Востокѣ; намѣреваясь рѣшить вопросъ своими силами, они собираются съ силами. Вотъ почему, отчасти, мы и сказали, что небольшое замедленіе въ разрѣшеніи Восточнаго вопроса не повредитъ славянскому дѣлу. Но мы имѣемъ здѣсь въ виду и нѣчто другое, о чемъ забываютъ оба сербскіе писателя, весьма вѣрно отражающіе народныя стремленія Сербовъ. По ихъ мнѣнію, на Балканскомъ полуостровѣ только три народности: греческая, румынская и сербская, или славянская, сгруппировавшаяся около Сербіи. Г. Банъ говоритъ о «Тройственномъ Союзѣ» трехъ будущихъ государствъ Румынскаго, Греческаго и Сербскаго, который долженъ обезпечить миръ Европы. Въ то же время упомянутая нами телеграмма изъ Берлина возвѣщаетъ, въ видѣ какой-то международной сплетни, что Россія предлагаетъ устройство Союза, на мѣсто Турціи, изъ Сербіи, Румыніи и Греціи, съ центральнымъ управленіемъ въ Константинополѣ. Намъ нѣтъ надобности доказывать неосновательность этой депеши, но она свидѣтельствуетъ, что подобныя соображенія уже пущены въ ходъ въ Европѣ. Мы вполне сочувствуемъ побужденіямъ и даже плану сербскихъ публицистовъ, но не можемъ не подивиться только одному, что ни тотъ, ни другой даже не упоминаютъ о Болгарахъ и о болгарской народности, тогда какъ Болгаръ почти вдвое больше, чѣмъ Сербовъ, и Болгарскій народъ имѣетъ свою исторію и преданія. Подобное забвеніе со стороны Сербовъ глубоко оскорбитъ ихъ сосѣдей и братьевъ Болгаръ, и если Сербы ихъ забываютъ, то мы, Русскіе, забыть ихъ не должны и не можемъ. Мы желаемъ союза Болгаръ съ Сербами для противодѣйствія османскому владычеству и честолюбивымъ греческимъ замысламъ, если таковыя будутъ предъявлены Греками относительно Славянскихъ племенъ,—но мы не можемъ требовать отъ Болгаръ, чтобъ они исчезли какъ Болгары въ племени сербскомъ, если на то нѣтъ соизволенія самихъ Болгаръ. Болгары поставлены въ худшія условія жизни и существованія, чѣмъ Сербы,—у нихъ менѣе залоговъ для политическаго возрожденія, чѣмъ у Сербовъ,—они народъ менѣе воинственный и отважный,—но въ нихъ живо сознаніе своей болгарской народности, эта народность богато одарена

духовно, и хочеть жить. Пусть же Сербы примуть это къ свѣдѣнію и пусть Болгары воспользуются отсрочкой Восточнаго вопроса для предъявленія и своихъ правъ на бытіе...

Москва, 11-го февраля.

Мы были правы, когда, разсуждая о тронной рѣчи Наполеона III, переданной намъ по телеграфу, высказали нѣкоторое удивленіе и сомнѣніе по поводу провозглашеннаго императоромъ Французовъ рѣшенія Россіи: «не отдѣлять своей политики отъ политики Франціи на Востокѣ.» Мы тогда же выразили желаніе дожидаться болѣе положительныхъ свѣдѣній объ этомъ нашемъ соглашеніи съ французскимъ правительствомъ, и мы должны сознаться, что статья, вызванная этою рѣчью въ *Journal de St.-Petersbourg* и напечатанная нами во вчерашнемъ № «Москвы», въ значительной степени успокоиваетъ встревоженное русское чувство. Съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, требуемыхъ вѣжливостью и дипломатическими приличіями, органъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ даетъ ясно понять, что заявленіе Наполеона о такомъ трогательномъ согласіи русской политики съ французской и о такой великодушной нашей готовности идти на буксиръ французской дипломатіи—было совершеннымъ сюрпризомъ для самаго русскаго кабинета. Оказывается, что наши дипломатическія сношенія съ Франціей, по Восточному вопросу, не давали вѣнценосному оратору ни малѣйшаго повода употреблять въ своей рѣчи такія риторическія гиперболы—чтобы не сказать: небылицы. Оказывается, что Франція шла въ послѣднее время совершенно врозь съ нашимъ кабинетомъ по дѣламъ Востока; что она постоянно и ревниво оберегала власть Порты въ ея столкновеніяхъ съ Сербами и Греками, и что она-то и внушила Турціи «ту систему насильственнаго подавленія, которая привела къ кровопролитной междоусобной войнѣ.» Оказывается, что не Россія рѣшилась не отдѣлять своей политики отъ политики французской, но Франція рѣшилась сдѣлать *volte-face* съ проворствомъ, достойнымъ знаменитаго Боско, и пристать наконецъ къ тому образу дѣйствій, который давно совѣтовала и которому неуклонно слѣдовала Россія. Дипломатическій тактъ не дозволяетъ, конечно,

нашему официальному журналу выходит изъ предѣловъ сдержанности въ обсужденіи того страннаго, хотя и ловкаго маневра, которымъ французскій кабинетъ счелъ нужнымъ прикрыть эту перемѣну позиціи. Но мы имѣемъ право быть нѣсколько откровеннѣе. Причина этого маневра ясна. Франція, спохватившись наконецъ, что ея политика ошибочная, подрываетъ ея вліяніе на Востокъ, и что напротивъ въ той же мѣрѣ усиливается значеніе Россіи, являющейся единственнымъ ходатаемъ предъ Европою и Портою за бѣдствующихъ христіанъ,—Франція, въ лицѣ своего водителя, рѣшилась опередить Россію, такъ-сказать— перебѣжать ее, *перебить у нея инициативу*, присвоить себѣ честь почина, принадлежащую Россіи, и не задумалась, съ храбростью паразитической, безцеремонно и во всеуслышаніе извратить факты и объявить, что сама Россія соглашается пристегнуть себя къ французской политикѣ. Мы не можемъ согласиться съ Journal de St.-Petersbourg, что «въ виду результатовъ столь благопріятныхъ интересамъ просвѣщеннаго міра было бы ребячествомъ спорить, кому принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ инициатива или первенство, *какая держава отклонилась или присоединилась къ другой.*» Извращеніе истины въ такомъ важномъ для Россіи вопросѣ можетъ бросить, или по крайней мѣрѣ имѣетъ цѣлю бросить невыгодную тѣнь на нашъ политическій образъ дѣйствій и компрометировать насъ въ глазахъ восточныхъ населеній, озлобленныхъ на Францію за ея политику на Востокъ,—представивъ Россію какъ бы солидарною съ политикой французскаго кабинета. Объясненіе Journal de St.-Petersbourg конечно не получитъ такой торжественной огласки, какъ тронная рѣчь императора Французовъ; Moniteur едва ли перепечатаетъ статью официальнаго органа русскаго министерства, и кому же въ Европѣ придетъ на умъ подозрѣвать неточность въ такихъ важныхъ политическихъ заявленіяхъ, которыя совершаются съ высоты трона? Можно, впрочемъ, надѣяться, что ни Греки, ни Славяне не дадутъ себя смутить подобными завѣреніями, какъ бы торжественны они ни были. Имъ слишкомъ хорошо извѣстна истина, они владѣютъ слишкомъ полновѣсными доказательствами — какова была прежняя система дѣйствій Франціи на Востокъ: ихъ не обморочитъ неправда пышныхъ французскихъ фразъ.

Но дѣло едва ли ограничится фразами. Ровно мѣсяць тому назадъ мы говорили, несмотря на почти-непріязненное отношеніе Франціи къ критскому возстанію, что когда придетъ время, французскій кабинетъ не затруднится дать внезапный, именно *внезапный* поворотъ своей политикѣ и вдругъ явится благодѣтелемъ Грековъ—съ тѣмъ, чтобы занять господствующую позицію и стать во главѣ дѣла. Вотъ почему мы и настаивали съ такою рѣзкостью на томъ, чтобы Россія не дала себя опередить и поспѣшила овладѣть инициативой въ Восточномъ вопросѣ. Но овладѣть инициативой не въ томъ еще состоитъ, чтобы, какъ говоритъ *Journal de St.-Petersbourg*, *первому* побудить,—выписываемъ подлинныя слова,— «великія державы къ общему соглашенію, съ цѣлью прекратить кровавыя столкновения и предотвратить ихъ возобновленіе, совѣтуя Портѣ принять мѣры, которыя могли бы помирить сохраненіе турецкаго владычества съ развитіемъ и благоденствіемъ христіанскихъ населеній Востока». Намъ кажется, что совѣтовать это—все равно, что совѣтовать невозможное, ибо одно исключаетъ другое, и развитіе христіанскихъ народовъ съ сохраненіемъ оттоманскаго владычества несовмѣстно и непримиримо. Намъ кажется, что совѣтовать невозможное и входить въ соглашеніе о мѣрахъ палліативныхъ, слѣдовательно неспособныхъ предотвратить зло—это не значить еще овладѣть положеніемъ дѣла. На такомъ пути легко дать себя опередить всякому, менѣе «благонамѣренному» и менѣе заботящемуся о репутаціи умѣренности и добронравности; на такомъ пути легко остаться позади всѣхъ, съ полученіемъ даже, въ воздаяніе за свою скромность, сурпризовъ въ родѣ тѣхъ, которые недавно возбудили «удивленіе» оффиціальнаго органа нашего министерства. Здѣсь нуженъ починъ болѣе смѣлый, нужна инициатива фактовъ. Всякій обладающій рѣшимостью и способностью такой инициативы поставитъ менѣе рѣшительныхъ какъ бы въ зависимость отъ своего образа дѣйствій.

Въ томъ же самомъ № *Journal de St-Petersbourg*, гдѣ говорится о вышеупомянутыхъ добрыхъ совѣтахъ Портѣ, находится и другая статья, не имѣющая характера оффиціального *communiqué*, но тѣмъ не менѣе выражающая мысль редакціи. Она также перепечатана нами во вчерашнемъ №.

Эта статья высказываетъ какъ бы нѣкоторое недѣвѣріе къ успѣху подобныхъ совѣтовъ и палліативныхъ мѣръ. Того же мнѣнія, только болѣе рѣзкаго, держится и *Correspondance Russe*. Мы вполне раздѣляемъ это мнѣніе. Никто лучше русскаго кабинета не знакомъ съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, и никому лучше его не можетъ быть извѣстно, что ни излѣчить «больнаго», ни продлить слишкомъ долго его агонію—нѣтъ возможности. Никто искреннѣе Россіи не желаетъ развитія и благоденствія христіанскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ, никто менѣе ея не заинтересованъ въ сохраненіи оттоманскаго владычества, и никто, въ то же время, глубже не убѣжденъ въ несомвѣстности этого владычества съ благоденствіемъ христіанъ. Такое внутреннее сознаніе и такая вполне справедливая оцѣнка состоянія дѣлъ на Востокѣ — необходимо лишаютъ насъ вѣры въ собственныя наши дипломатическія ходатайства и предстательства, приспособляемые нами въ ладъ съ общимъ тономъ западно-европейской дипломатіи. Наше министерство подаетъ совѣты, въ успѣхъ которыхъ само не вѣритъ; пишетъ ноты, которыхъ назначеніе скорѣе свидѣтельствовать передъ Европой о нашемъ безкорыстіи и миролюбіи, нежели домогаться дѣйствительнаго спасительнаго результата. Подобное внутреннее противорѣчіе естественно ослабляетъ нашу силу и ставитъ насъ постоянно въ ложное положеніе. Оно не удовлетворяетъ ни общественнаго мнѣнія въ Россіи, ни ожиданій христіанъ на Востокѣ, не внушаетъ и довѣрія западноевропейскимъ правительствамъ. Россія, какъ проситель, ходатайствуя за христіанъ, стучится въ двери европейскихъ кабинетовъ, добываясь отъ нихъ благопріятнаго отзыва, справляясь о томъ, что они намѣрены сдѣлать, приглашая ихъ дѣйствовать вмѣстѣ, и получаетъ въ отвѣтъ отъ кабинетовъ, надумавшихся и снесшихся тайно другъ съ другомъ: «ступай за нами: мы знаемъ про себя, что мы сдѣлаемъ и когда сдѣлаемъ; если будешь идти за нами,—мы объявимъ міру о твоёмъ миролюбіи, въ противномъ случаѣ мы опять обвинимъ тебя въ властолюбивыхъ замыслахъ, въ *ambition moscovite*, чего ты, какъ огня, боишься и ради чего ты готова на всякія уступки, свидѣтельствующія о твоёмъ безкорыстіи». Этотъ страхъ нашъ, въ самомъ дѣлѣ, ловко эксплуатируется за-

падными державами, и привелъ насъ къ тому, что отъ парижскаго трактата, самовольно нарушеннаго европейскими кабинетами, осталось обязательнымъ и дѣйствительнымъ единственно то, что служить ко вреду и къ ущербу Россіи.

Во имя нарушенія этого трактата, Россія въ правѣ возвратить себѣ устье Дуная и не стѣсняться условіемъ, опредѣляющимъ цифру нашихъ военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ. Во имя перемиръ, произведенныхъ Франціей въ Дунайскихъ Княжествахъ, Россія въ правѣ требовать — гласно и настойчиво — такихъ же перемиръ и для Сербскаго Княжества. Въ кандійскомъ вопросѣ Россія не можетъ предлагать другаго разрѣшенія, какъ присоединенія Крита къ Греціи. Таково, по крайней мѣрѣ, наше мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, мы въ правѣ надѣяться, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ, давшее столько доказательствъ національнаго направленія своей политики, признаетъ наконецъ необходимость гласно и явно, — въ циркулярной ли нотѣ, или въ какой бы то ни было дипломатической формѣ, — заявить о правахъ Россіи и выразить предъ Европою, восточными христианами и общественнымъ мнѣніемъ Россіи, какъ свои дальновидныя соображенія, такъ и тѣ положительныя средства къ умиренію Востока, которыя можетъ пока присовѣтывать Россія безъ ущерба своему нравственному достоинству.

Москва, 18 февраля.

Упрямый Мадьяръ осилилъ упрямство Нѣмца. Восемнадцатилѣтняя борьба Австріи съ Венгріей окончилась на дняхъ къ совершенному торжеству мадьярскаго племени. Трудно найти что-либо любопытнѣе и поучительнѣе этой борьбы. Она обнаруживаетъ столько же и замѣчательное искусство политическихъ вождей Венгріи, сколько и политическую упругость самой націи. Она свидѣтельствуетъ наконецъ, о томъ что значитъ, какимъ могучимъ рычагомъ въ исторической дѣятельности народа служить сила *самолюбія* — вѣра въ себя, въ достоинство и право своей народной личности. Мадьярское племя, какъ извѣстно, физиологически вымираетъ, но мадьярскій національный духъ живъ и живучъ и неуго-

мимо продолжает свои нравственные завоеванія, превращая въ Мадарь не-мадьярскихъ обитателей Венгріи. Германизація, исхитившая у Славянскаго міра столько славянскихъ странъ, собравшая такую богатую жатву въ славянскихъ населеніяхъ Австріи, — сокрушилась объ упорство ревнивой мадьярской національности. Новое доказательство, что ни превосходство «культуры», ни высшая степень цивилизаціи, ни преимущества языка, имѣющаго значеніе всемірнаго гражданства, — то есть ни одна изъ тѣхъ причинъ, которыми оправдывается обыкновенно онѣмеченіе Поляковъ въ Познани и вообще духовное поработеніе одного племени другимъ, — не въ силахъ покорить чужой народности, если она сама въ себя несомнѣнно вѣрится, если ей неотъемлемо присуще признаніе своихъ собственныхъ правъ на жизнь и самостоятельное личное развитіе, — если однимъ словомъ, она хочетъ жить — и быть самой собою.

Мы не пишемъ апологію мадьярской народности; напротивъ, мы съ глубокою скорбью свидѣтельствуемъ объ ея успѣхахъ, столь опасныхъ и вредныхъ для обитающихъ въ Венгріи и вообще въ Австріи Славянъ. Но мы не можемъ, мы не должны относиться съ презрѣніемъ къ тѣмъ нравственнымъ силамъ, которыя даютъ перевѣсъ чужимъ національностямъ надъ славянскою. Мы должны внимательно всматриваться въ свойство этихъ силъ и укрѣпляться въ собственномъ народномъ самосознаніи. Нашъ горькій упрекъ относится впрочемъ не къ однимъ Славянамъ, живущимъ въ Западной Европѣ, виѣ Россіи, но отчасти и къ намъ, Русскимъ. Не приходится ли нерѣдко и намъ самимъ, у себя дома, доказывать, что государственное внѣшнее единство еще не приводитъ къ такъ-называемой ассимиляціи или отождествленію племенъ, и что важнѣе всѣхъ внѣшнихъ практическихъ мѣръ къ обрусѣнію нашихъ окраинъ — это выясненіе нами себѣ самимъ понятія о нашей народности и строгое, неуклонное огражденіе ея правъ, по крайней мѣрѣ въ сознаніи. Если хотя въ сознаніи мы крѣпко будемъ держаться своей народности и держать ея имя для себя самихъ «честно и грозно», то практическія послѣдствія произойдутъ отъ того сами сами собою — несравненно болѣе плотворныя, чѣмъ всякія искусственныя насильственныя мѣры. Не столько

о томъ чтобы *обрусить* нашихъ инородцевъ (разумѣемъ собственно западныхъ) должны мы заботиться, сколько о томъ, чтобъ они *обрусли*, — а это возможно только при постоянномъ нравственномъ дѣйствіи на нихъ силы нашего собственного мнѣнія о своей русской народности, и отъ степени этой силы....

Но обратимся къ побѣдѣ Мадьяръ надъ австрійскимъ правительствомъ и къ послѣдствіямъ ея для австрійскаго Славянства.

Послѣ того какъ Венгрія въ 1849 г., побѣжденная русскими войсками и простершаяся, по извѣстному выраженію Паскевича, «у ногъ его величества», императора всей Россіи, была передана нами императору Францу-Иосифу, — послѣ казней и другихъ дѣйствій мщениа, совершенныхъ раздраженными австрійскими Нѣмцами, древняя конституція Венгерскаго королевства была отмѣнена, и австрійское правительство, централизируя власть въ Вѣнѣ, лишило Венгрію той политической самостоятельности, на которую она имѣла право по силѣ своей конституціи и по первоначальнымъ договорамъ съ Габсбургами. Сознавая всю ненадежность своего мозаичнаго государственнаго состава; чувствуя вмѣстѣ съ утратой историческаго обаяніа, нѣкогда связаннаго съ именемъ «священной римской имперіи» и съ утратою своего верховнаго значенія въ Германіи послѣ разрушенія старыхъ нѣмецкихъ порядковъ Наполеономъ I-мъ, — ослабленіе прежнихъ связей державшихъ части государственнаго зданія; въ виду, наконецъ, пробудившагося національнаго сознанія у разноплеменныхъ своихъ народовъ и потрясенная событіями 1848 и 1849 года, — Австріа, въ теченіи послѣднихъ 18-ти лѣтъ металась, какъ больной въ горячкѣ, отъ одной политической системы къ другой. Всѣ усилія этого послѣдняго періода были направлены австрійскою имперіей къ тому, чтобъ сыскать себѣ политическую формулу управленія и такую норму государственнаго бытіа, въ которой разнородность состава не мѣшала бы сплошному политическому единству и централизаціи правительственныхъ силъ. Самымъ могучимъ противникомъ такого единства и централизаціа являлась, разумѣется, Венгрія съ преданіями и привычками своей долгой конституціи-

онной жизни, съ упорствомъ и отважностью мадьярскаго народнаго духа. Императоръ австрійскій вознамѣрился замѣнить династическую связь Венгріи съ имперіей въ особѣ короля и императора (Personalunion) — прямымъ, непосредственнымъ соединеніемъ ея съ Австріей, и вотъ именно на попытки къ осуществленію этихъ замысловъ со стороны правительства и на отпоръ со стороны Венгріи и употреблено ровно восемнадцать лѣтъ. Тактика національной мадьярской партіи, предводимой знаменитымъ Деакомъ, состояла въ томъ, чтобы требовать ни болѣе ни менѣе какъ возстановленія непрерывности историческаго права и историческаго преданія Венгріи, именно возстановленія конституціи, не прибавляя и не убавляя ничего, не допуская ни отступленій ни сдѣлокъ. Всякіе революціонные приемы были отвергнуты этою партіей; она постоянно держалась почтительности въ формахъ, но крѣпко стояла на почвѣ законности, и никакія усилія правительства не могли выбить ее изъ этой позиціи. Не переходя къ фактическому сопротивленію, Венгрія ограничивалась однимъ пассивнымъ отрицаніемъ легальности австрійскихъ правительственныхъ мѣръ. *Сознаніе* цѣлой страны отказывало неумолимо всѣмъ дѣйствіямъ австрійскаго правительства въ Венгріи. всѣмъ учиненнымъ съ 1848 года преобразованіямъ — въ нравственной и юридической санкціи. Для Мадьяръ теченіе легальной жизни прервано 1848 годомъ, и все совершенное Австріей въ Венгріи, послѣ уничтоженія конституціи Св. Стефана, признается ими какъ юридически не бывшее, non avsupi, или какъ дѣйствіе насильственное, внѣзаконное. Созывается ли императоромъ сеймъ, съ тѣмъ чтобы привести въ исполненіе задуманную императоромъ мѣру, сеймъ почтительно объявляетъ, что будучи созванъ не на точномъ основаніи конституціи, онъ не считаетъ себя правоспособнымъ дать требуемое отъ него утвержденіе. Сеймъ распускается, созывается вновь — и опять объявляетъ себя не компетентнымъ. Приглашается ли Венгрія послать депутатовъ въ имперскую думу, она отказывается и дѣлаетъ имперскую думу не полною, несостоятельною, и разрушаетъ планы австрійскихъ министровъ. Никакихъ уступокъ, никакихъ сдѣлокъ, никакихъ требованій, кромѣ требованія возстановленія конституціи, или своей юридической правоспособности; ни-

какого другаго сопротивленія, кромѣ отказа въ согласіи, въ освященіи правительственныхъ дѣйствій добровольнымъ участіемъ въ нихъ. Правительству очищалось постоянно открытое поле дѣйствовать внѣшнею властью; оно такимъ пассивнымъ сопротивленіемъ поставлялось постоянно въ необходимость—или уступить требованіямъ Венгріи, или прибѣгнуть къ насилію. Но прибѣгать къ насилію было и опасно и не своевременно, особенно когда положеніе финансовъ, и политическія соображенія, и отношенія къ прочимъ частямъ имперіи вынуждали Австрію перейти отъ абсолютизма къ конституціонной формѣ правленія, когда нужно было поднять свой финансовый и политическій кредитъ громкими либеральными мѣрами. Напрасно и грозилъ и упрашивалъ императоръ, напрасно совершалъ поѣздки въ Офенъ и самъ лично, и вмѣстѣ съ своею супругой: приемы были торжественные, но требованія неумолимы. Положеніе австрійскаго правительства было невыносимо, но оно сдѣлалось еще невыносимѣе послѣ пораженія при Садовой, исключившаго Австрію изъ Германіи. Гдѣ искать поддержки, на что опереться? На нѣмецкія ли земли имперіи? Но Нѣмецъ такъ немного и ихъ тянетъ къ единству съ Германіей; нѣмецкимъ элементомъ Пруссія могущественнѣе, и перевѣсъ будетъ на ея сторонѣ. На Славянъ ли? Но Славяне восьми наименованій не представляютъ сплошной политической силы, они разрозненны, разноязычны, они враждуютъ между собою (какъ на примѣръ Поляки и Русскіе въ Галиціи),—у нихъ нѣтъ ни аристократіи, ни богатства, ни живыхъ политическихъ преданій, ни того нравственнаго авторитета, который бы подчинилъ имъ Мадьяръ и Нѣмцевъ,—ни того упругаго, несокрушимаго, гордаго и воинственнаго духа, который внушаетъ страхъ и невольнo покоряетъ. Австрія пробовала систему федерализма; но не говоря о томъ, что Венгрія—могущественнѣйшій членъ имперіи—не соглашалась ни на какія измѣненія въ своей конституціи,—федерализмъ велъ ее къ безконечному раздробленію. Приходилось или дѣлать имперію, на основаніи принципа національной равноправности, на самыя мелкія политическія дробы—чуть не по деревнямъ и селамъ,—признавать автономію и Чеховъ, и Моравлянъ, и Русскихъ, и Поляковъ, и Словаковъ, и Сербовъ банатскихъ, и Хорватовъ, и Сло-

венцовъ, и Сербовъ иллирійскихъ, и Румыновъ, и т. д. и т. д.: но такое дѣленіе, при нравственномъ ослабленіи силы нѣмецкаго связующаго цемента, не представляло надежныхъ ручательствъ за продолжительное существованіе.— Или дѣлить имперію на нѣсколько группъ: на нѣмецкую, чешскую и польскую? Но всѣ эти группы не въ состояніи пересилить группы венгерской. Три милліона Русскаго населенія Галиціи не хотятъ признавать въ ней господства незначительнаго польскаго меньшинства, и сосѣдство съ Русскою имперіей придаетъ нѣкоторый вѣсъ ихъ сопротивленію. Что же касается до Чеховъ, то ихъ политическія преданія не представляютъ живой непрерывной силы, а вызваны на свѣтъ Божій изъ-подъ пыли архивовъ. Австрійскому правительству ничего не оставалось дѣлать, какъ искать опоры себѣ въ Мадьярахъ и Нѣмцахъ, и оно рѣшилось уступить вполнѣ и безотговорочно требованіямъ Венгріи. 14 апрѣля должно совершиться въ Офенѣ коронованіе императора Франца-Иосифа какъ короля Венгріи, ибо Венгрія повинуется не императору австрійскому, а своему королю. «Я обѣщаю свято и нерушимо охранять Венгрію и ея конституцію, въ надеждѣ что Венгрія охранитъ имперію», возвѣщаетъ императоръ Францъ-Иосифъ въ своемъ манифестѣ. «Эльень!» восклицаютъ Мадьяры. Союзъ заключенъ.

Но этотъ союзъ — на гибель Славянамъ. Мадьяры требуютъ возстановленія политическихъ предѣловъ Венгріи, простиравшихся, какъ извѣстно, до Адриатическаго моря и включавшихъ въ себѣ не только Банатъ, но и такъ-называемую Славонію и Хорвацію. Они не признаютъ равноправности славянской національности съ мадьярскою, и имъ предстоитъ рѣшать у себя дома тотъ вопросъ, которымъ мучается за предѣлами Лейты Австрія. Этотъ вопросъ пахнетъ кровью: междоусобная брань, между Мадьярами съ одной стороны и Сербами и Хорватами съ другой въ 1849 году, еще жива въ памяти этихъ народовъ. Въ другой разъ мы рассмотримъ подробнѣе это положеніе дѣлъ, чреватое грозными событіями... Что же касается Славянъ по сю сторону Лейты, то Нѣмцы и министерство относятся къ нимъ съ величайшимъ пренебреженіемъ. Богемскій сеймъ безъ церемоніи распущенъ. Конференція Славянъ въ Вѣнѣ вызвала насмѣшки нѣмец-

кихъ газетъ: «на какомъ языкѣ стануть эти Славяне различныхъ наименованій объясняться между собою? Конечно, опять на нѣмецкомъ, какъ было на съѣздахъ пражскихъ въ 1848 году!!!» Это пренебреженіе, эти насмѣшки вызываются и оправдываются вполне — *отсутствіемъ* у разноименныхъ, разновѣрныхъ и разноязычныхъ австрійскихъ и славянскихъ племенъ—общаго *объединяющаго ихъ славянскаго языка и славянскаго политическаго начала.*

Пока Славяне не доработаются своимъ сознаниемъ до этого объединяющаго начала, всѣ ихъ усилія устроить свою судьбу въ Австріи къ выгодѣ славянской національности—останутся тщетными. Ни съ Мадырами, ни съ Нѣмцами у нихъ не можетъ быть искренняго союза. Уроки исторіи, кажется, должны были бы вразумить ихъ, что надѣяться на Австрію имъ нечего, и что мечты о созданіи славянской конфедераціи на *нѣмецкой* закваскѣ были неисполнимыми и грѣшными мечтами. Это задача неразрѣшимая и остается неразрѣшимою. Изъ нея только два выхода: или полное онѣмеченіе Славянъ, или распаденіе австрійскаго нѣмецко-мадыарско-славянскаго союза.

Впрочемъ для одной части Австріи вопросъ вовсе не представляется сложнымъ: именно для сосѣдней съ Россіей Галицкой и Карпатской Руси. Ей не далеко ходить за своимъ естественнымъ объединяющимъ началомъ...

Москва, 21-го февраля.

«Въ критскомъ или кандійскомъ вопросѣ, Россія не можетъ предложить иного, сообразнаго съ своимъ достоинствомъ, совѣта Портѣ, какъ отдать Кандію Греціи»,—говорили мы по поводу тронной рѣчи императора Наполеона и по поводу разныхъ дипломатическихъ нотъ и депешъ, перекрещивавшихъ Европу во всѣхъ направленіяхъ и заключавшихъ въ себѣ тотъ общій смыслъ, чтообъ «установить между великими державами соглашеніе съ цѣлью прекратить и предотвратить кровавыя столкновенія, которыя могли бы *помирить* сохраненіе оттоманскаго владычества съ благоденствіемъ христіанскихъ населеній Востока». Это соглашеніе, сколь-

ко можно судить по документамъ, сообщеннымъ иностранными газетами, установилось было на томъ, чтобы предложить Турціи даровать Криту такъ-называемую автономію съ мѣстнымъ управленіемъ, составленнымъ на половину изъ мусульманъ и христіанъ, подъ верховнымъ завѣдываніемъ Дивана. Но не трудно было предвидѣть, что такимъ позднимъ совѣтамъ не потушить разгорѣвшагося пламени и не унять льющуюся кровь. Имѣя въ виду одну геройскую рѣшимость Критянъ не поддаваться ни на какія обѣщанія и сдѣлки и не прекращать борьбы до конца, мы не могли не сожалѣть, что и Россія будетъ тянуть ту же фальшивую ноту, какую задаетъ по дѣламъ Востока камертонъ западно-европейской политики. «Одно заявленное громко, *хотя бы и не уваженное*, требованіе Россіи о присоединеніи Крита къ Греціи подняло бы значеніе Россіи на Востокѣ выше значенія прочихъ державъ», говорили мы, въ той увѣренности, что подъемъ этого значенія дастъ намъ въ будущемъ несравненно дѣйствительнѣйшіе практическіе результаты, чѣмъ настоящія дипломатическія уступки и «компромисы»...

«Русскій посланникъ, генераль-адъютантъ Игнатьевъ, совѣтуетъ Портѣ согласиться на *присоединеніе Кандіи къ Греціи*», — возвѣстила намъ русская телеграмма, пересланная изъ Константинополя въ Петербургъ черезъ Одессу....

Мы съ нетерпѣніемъ ждали того № Journal de St.-Petersbourg, въ которомъ, по соображенію времени, должна была появиться эта телеграфическая депеша, чтобы видѣть — будетъ-ли она опровергнута. Journal de St.-Petersbourg перепечаталъ ее вполнѣ безъ всякаго возраженія: напротивъ изъ того значенія, которое онъ придаетъ сообщеннымъ въ этой же телеграммѣ извѣстіямъ о битвахъ въ Кандіи и Тессалии, можно заключить, что онъ вообще признаетъ эту телеграмму вполнѣ достоверною.

Съ радостью и благодарностью будетъ привѣтствовать Россія такое смѣлое и рѣшительное дѣйствіе нашего кабинета, вполнѣ достойное нашихъ историческихъ преданій, вполнѣ согласное съ требованіями нашей національной политики и нашей народной совѣсти. Значеніе этого дипломатическаго поступка еще болѣе дѣлается важнымъ, когда сравнимъ одно-временныя съ нимъ дѣйствія французскаго и англійскаго кабинетовъ.

Сообщенное нѣкоторыми иностранными газетами извѣстіе о томъ, что и Франція дала будто бы подобный же совѣтъ Турціи, не подтвердилось. Напротивъ, колебанія французской политики, сначала склонявшіяся въ пользу Турціи, затѣмъ внезапно замѣнившіяся рѣшеніемъ, согласнымъ, какъ казалось, съ направлениемъ русскаго кабинета,—въ послѣднее время, какъ пишутъ заграничные журналы, опять возобновились и видимо принимаютъ положеніе благоприятное интересамъ Порты. Что же касается до Англіи, то достаточно взглянуть въ англійскую *Синюю Книгу* и въ депеши лорда Станлея, чтобы убѣдиться, какъ далекъ Джонъ Бульъ отъ самой мысли объ отдѣленіи Крита.

Изъ депешъ лорда Станлея къ британскому послу въ Константинополь, лорду Лайонсу, отъ 17 января, можно видѣть, что Англія,—впрочемъ не очень охотно и со всѣми оговорками вѣжливости, дабы не оскорбить щекотливости Высокой Порты,—рѣшилась присоединиться къ предложенію Франціи и Россіи, сдѣланнымъ Портѣ о дарованіи Криту мѣстной автономіи. Но турецкое правительство дало знать по телеграфу своему посланнику въ Лондонъ, что подобное предложеніе оно считаетъ за желаніе раздробить Турецкую имперію, что Порта сама занята сочиненіемъ проекта управленія Критомъ и во всякомъ случаѣ предоставляетъ починъ этого дѣла себѣ Англійскій кабинетъ поспѣшилъ завѣрить Турцію въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, что не только мысль о раздробленіи Оттоманской имперіи чужда ему и Франціи, но и мысль о какихъ бы то ни было посягательствахъ на власть и на достоинство его величества султана,—что все желаніе Англіи и Франціи заключается въ томъ, и единственно въ томъ, чтобы христіанамъ и мусульманамъ была дана возможность жить *мирно* вмѣстѣ подъ верховнымъ владычествомъ Порты. Въ такомъ же смыслѣ, послѣ этого свиданія съ турецкимъ посланникомъ, писалъ лордъ Станлей и сэръ-Буканану, англійскому послу въ С.-Петербургъ, сообщая ему, что, «соглашаясь поддержать предложенія Франціи и Россіи о мѣстной автономіи Крита, британскій кабинетъ полагаетъ ограничиться однимъ сообщеніемъ дружескихъ совѣтовъ, отклоняя всякій помысль о настойчивости въ дѣйствіяхъ; что онъ съ радостью узналъ о собственномъ намѣреніи Порты гаранти-

ровать Кандіи хорошее управление посредствомъ разныхъ административныхъ мѣръ; что, наконецъ, прибавляетъ лордъ Станлей для большаго поясненія, подъ имепемъ мѣстной автономіи Англія *нисколько не разуметь отдѣленія Крита отъ Оттоманской имперіи*. Хотя, по словамъ британскаго министра, русскій посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, выразилъ ему, по поводу такого заявленія, свое удовольствіе, однакожь мы не можемъ не припомнить здѣсь кстати тѣхъ ироническихъ выраженій, въ которыхъ высказалъ Journal de St.-Pétersbourg въ статьѣ, перепечатанной нами 19 февраля, свое мнѣніе объ этомъ рѣшеніи англійскаго кабинета. «Надо признаться,—говоритъ органъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ,—что Англія, уступившая Греціи Ионическіе острова, преподастъ Турціи совершенно *непомятнѣй* совѣтъ, если предложить ей не соглашаться на уступку территоріи, большинство населенія которой питаетъ къ Турціи антипатію совершенно иного (т. е. несравненно сильнѣйшаго) свойства, чѣмъ населеніе Ионическихъ острововъ къ Англіи.»

Разговоръ турецкаго посла съ британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ могъ служить достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что оттоманскій Диванъ отвергнетъ всякія предложенія о дарованіи Криту автономіи, хотя бы и подъ верховенствомъ султана. Такъ вѣроятно и было, хотя мы должны основывать наши заключенія не столько на оффиціальныхъ данныхъ, сколько на соображеніи хода дѣлъ, а отчасти и на телеграммахъ. Мы не знаемъ — къ этому ли именно предложенію, или же къ позднѣйшему совѣту генерала Игнатьева относится та телеграмма, которая помѣщена нами въ 39 № «Москвы» и вызвала вышеупомянутую статью Journal de St.-Pétersbourg. Во всякомъ случаѣ можно съ достовѣрностью утверждать, что дипломатическій циркуляръ Порты, содержаніе котораго передано этою телеграммой, направленъ весь противъ Россіи, ибо Франція не послѣдовала за Россіей въ совѣтѣ уступить Кандію Греціи. Парижскій корреспондентъ Кѣльнской Газеты, вообще довольно правдивый, увѣдомляетъ, что со всѣхъ сторонъ подтверждается отступленіе Франціи назадъ въ дѣлѣ Восточнаго вопроса. Можно предполагать навѣрное, — пишетъ онъ, — что Тюльерійскій кабинетъ значительно сблизился въ своихъ воззрѣніяхъ съ

воззрѣніями лорда Станлея (а каковы они—мы уже видѣли) и теперь гораздо болѣе расположенъ къ Турціи, чѣмъ прежде». Самый тонъ турецкаго циркуляра заставляетъ предполагать, что дѣло не обошлось безъ внушеній Франціи и Англіи. Порта объявляетъ, что снисходительность ея истощилась, что она чувствуетъ себя достаточно сильною, чтобы справиться съ возмущеніемъ и безъ посторонняго содѣйствія, что она имѣетъ тѣ же права на Кандію, какъ и Россія на Польшу, и слагаетъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія на тѣхъ, кто подъ маской дружбы ищетъ достиженія своихъ практическихъ цѣлей, нарушающихъ европейскій миръ. Эта ссылка на Польшу едва ли можетъ быть объяснена однимъ турецкимъ невѣжествомъ, какъ оно ни колоссально, тутъ видно вліяніе и польскихъ совѣтовъ: въ совѣтчикахъ-Полякахъ у Турціи недостатка нѣтъ. Трудно было бы только предположить, чтобъ эта ссылка была присовѣтована Англіей въ то время, какъ она еще продолжаетъ умирять Ирландію. Возражать Турку и объяснять ему нашу правду въ Польшѣ мы не станемъ, но легко можетъ случиться, что французскіе публицисты воспользуются этою темой, и что она послужитъ со временемъ мотивомъ для самого французскаго кабинета! Какъ бы то ни было, но намекъ на практическія цѣли едва ли къ кому иному можетъ относиться кромѣ Россіи. Такъ не относительно ли уже Россіи принимаетъ Порта роль обвинительницы и угрожающее положеніе??

Нельзя не высказать вновь сожалѣнія, что русское правительство не считаетъ нужнымъ держать въ извѣстности русское общество о своихъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ на Востокѣ и только изрѣдка выступаетъ съ полу-официальными статьями, бросающими слабый, неясный свѣтъ... Мы должны теряться въ догадкахъ среди разнорѣчивыхъ извѣстій, сообщаемыхъ о нашей политикѣ заграничными газетами. Въ нынѣшнемъ же № есть свѣдѣнія, почерпнутыя изъ *Allgemeine Zeitung*, которыя не согласуются ни съ полученными нами телеграммами, ни съ намеками *Journal de St.-Petersbourg*. Ясно только одно, что роковой властительный ходъ событій вынуждаетъ Россію отдѣлать свою политику на Востокѣ отъ политики Франціи и Англіи; что Порта принимаетъ относительно насъ угрожающій тонъ; что Россія на-

ставиваетъ на такой мѣрѣ, которая хотя и можетъ дѣйстви- тельно на время унять кровопролитіе, но на которую не согласны ни Франція, ни Англія, ни Турція. Но это уди- ненное, изолированное положеніе Россіи не должно смущать насъ. Россія *не одна*; ея политика на Востокъ будетъ под- держана не только самымъ искреннимъ сочувствіемъ, самымъ живымъ содѣйствіемъ Русскаго народа, но и всѣми нрав- ственными и вещественными силами Греко-Славянскаго міра...

Москва, 5-го марта.

Неотразимая сила историческаго призванія Россіи, какъ православной и славянской державы, — призванія, безъ кото- раго Россія не была бы Россіей, — ошутительно и воочію, съ вѣдома ея и безъ вѣдома, волей и неволей, направляетъ и исправляетъ ея пути, возмѣщаетъ утраты, разрушаетъ враж- дебныя козни, и сквозь всѣ невзгоды и препятствія неуклон- но ведетъ ее на высоту такого подвига, для котораго, пови- димому, нѣтъ у нея ни вещественныхъ средствъ, ни могу- чихъ, нравственныхъ двигателей — властолюбія, гордости, дерз- кой самоувѣренности. Она терпитъ поражение — и побѣжден- ной сильнѣе прежняго пугаются побѣдители; она унижает- ся — и растетъ въ грозномъ величіи и обаяніи; она разорена — ее пуще боятся; она уменьшаетъ войско — всѣмъ это вѣдомо и всѣмъ чудятся несмѣтныя полчища; она мыслить идти на- задъ и обрѣтается впереди; она блуждаетъ, — и чья-то невѣ- домая рука выводитъ ее на *стезю правую*; самое то, что творить она по малодушію и по слабости, — ея недругами приписывается разсчету, мысли и силѣ. Въ томъ-то и дѣло, что сила ея историческаго призванія слышится и чувствуется, от- части даже безотчетно и инстинктивно, всѣми ея врагами, всѣми западноевропейскими державами, хотя можетъ-быть ме- нѣе всего сознается самою Россіею, — и эта нравственная сила страшнѣе и грознѣе всякихъ вещественныхъ силъ, или вѣрнѣе сказать — въ этомъ вся и сила Россіи, равно какъ и весь смыслъ, вся задача и причина ея историческаго бытія. Событія, будто волны на свои хребты, возносятъ ее на вы- соту, съ которой шире всѣхъ объемлется ею историческій

кругозоръ, и съ которой, какъ выражаются стратегики, можетъ она господствовать надъ политическимъ положеніемъ. Да, Россія занимаетъ господствующую позицію относительно Востока, позицію которой она не искала, но которая ей неотъемлема по самой сущности дѣлъ, по всеобщему тайному и явному признанію. Но чтобы не быть отставленной отъ подвига, какъ «рабъ лукавый и лѣнивый», она должна и нравственно его стоять, и въ собственномъ сознаніи стать въ уровень съ высотой подвига и событій; должна неохотно вѣрнуть въ силу своего историческаго призванія и непреклонно служить ему. Сознанія вѣры и подвига — вотъ чего требуетъ отъ Россіи Божья и историческая правда.

Разительную противоположность представляютъ политическіе документы нашего кабинета, печатаніе которыхъ мы продолжаемъ въ сегодняшнемъ №, рядомъ съ рѣчью главы англійскаго кабинета и вообще съ преніями англійскаго парламента, помѣщаемыми въ этомъ же №. Тогда какъ всѣ депеши князя Горчакова свидѣтельствуютъ о томъ, что Россія, даже съ ущербомъ своему личному политическому самолюбію, не переставала заботиться объ облегченіи страданій христіанскаго населенія на Востокѣ, неослабно призывая къ тому западныя державы, возбуждая оскорбительное подозрѣніе, подвергаясь отказамъ, исполненнымъ грубаго недовѣрія и зависти, — британскій министръ даже теперь, даже въ то мгновеніе, когда льется потоками христіанская кровь и совершаются чудеса мученичества и геройства, торжественно объявляетъ въ средѣ представителей цивилизованнѣйшей страны Европы, во всеуслышаніе всего христіанскаго міра, что нѣтъ въ исторіи примѣра умѣренности больше той, какую являетъ Турція, что жалобы христіанъ неосновательны и преувеличены, что мусульманское иго надъ христіанами есть легкое и кроткое иго, и что исламъ идетъ неуклонно по пути прогресса! Лордъ Дерби осуждаетъ рѣчь герцога Аргайля, которая, выражая состраданіе человѣка и христіанина къ бѣдствующимъ христіанамъ, порицаетъ дѣйствія англійскаго правительства, воспрепятствовавшаго своему консулу оказывать помощь спасавшимся съ Крита женамъ, дѣтямъ и раненымъ. Лордъ Дерби возстаетъ противъ всякихъ рѣчей и выраженій, въ парламентѣ, живаго сочувствія христіанскому населенію на

Востокѣ. «Наша обязанность, какъ *друзей Турціи*, — говорить онъ, — всѣми мѣрами препятствовать тому, что можетъ подрывать ея права, авторитетъ и силу».

Вглядываясь внимательно въ дипломатическіе документы Русскаго кабинета, мы должны признать, что они не только удовлетворяютъ всѣмъ нравственнымъ требованіямъ, предъявляемымъ намъ самимъ нашею единоплеменностью, единовѣріемъ и простымъ человѣческимъ состраданіемъ, — но и всѣмъ требованіямъ политическаго разсчета. Въ политикѣ, какъ вездѣ, путь самый честный есть въ то же время самый искусный и вѣрный; способъ прямой и искренній — въ то же время и самый надежный. Если мы вспомнимъ севастопольскій разгромъ и условія Парижскаго мира, грозившія намъ совершенной утратой нашего вліянія на Востокѣ, — то политическое наше положеніе того времени представится чуть не безвыходнымъ. И однако же ничѣмъ болѣе, какъ постояннымъ безоружнымъ протестомъ, — не противъ принятыхъ нами въ Парижѣ унижительныхъ условій, но, въ силу самихъ этихъ условій, — противъ злоупотребленій оттоманскаго владычества и въ защиту христіанъ, Россія не только создала себѣ и христіанамъ выходъ изъ своего затруднительнаго положенія и подготовила возможность торжества праваго дѣла, но и заняла, какъ мы сказали выше, господствующую позицію на Востокѣ. Лицемеріе Западной Европы заставило ее, въ число результатовъ Крымской войны, внести и «улучшеніе быта христіанскаго населенія», и отнявъ у Россіи исключительное право заботы о христіанахъ, которое создано само собою, не было даже и правомъ, а естественнымъ послѣдствіемъ русской исторіи, — признать его правомъ и обязанностью всѣхъ великихъ державъ Европы. Россія, не выходя изъ предѣловъ трактата, именѣю эту сторону его обратила въ оружіе противъ него самого и своихъ враговъ, воспользовавшись одна этимъ правомъ и обязанностью, — такъ неискренно, изъ одной зависти къ Россіи, принятыми на себя западно-европейскими кабинетами. Обезсиленная и побѣжденная, лишенная возможности внѣшняго насильственнаго дѣйствія, она стала стражей на порогѣ Турціи, безкорыстнымъ ходатаемъ за христіанъ и неумолимымъ, зоркимъ отличителемъ и европейской лжи, и мусульманскаго зла. Она

постоянно приглашала западные кабинеты къ совокупному дипломатическому дѣйствию и, непрестанно свидѣтельствуя о бѣдствіяхъ христіанъ, — какъ ударъ вѣщаго колокола, въ урочный часъ будила и раздражала ихъ совѣсть. Отказы западныхъ державъ, обличая ихъ недоброжелательство къ Греко-Славянскому міру и благоволеніе къ Турціи, послужили имъ же ко вреду, а не Россіи, хотя ея безсиліе, повидимому, выступало отъ того позорнѣе и ярче. На сторонѣ Россіи стала нравственная правда и право. Большой пользы изъ трактата извлечь было трудно, — и лордъ Грей на дняхъ, въ отвѣтъ лорду Дерби, справедливо сказалъ, что «Крымская война только усилила вліяніе Россіи на Востокъ, потому что всѣ христіанскія населенія видятъ въ ней дружественную державу, а въ западно-европейскихъ державахъ своихъ враговъ». Онъ выразилъ даже мысль, что лучше было бы не стѣснять Россію въ ея вліяніи на Турцію, потому что она могла бы, еслибъ ей не мѣшали, добиться своевременно необходимыхъ уступокъ въ пользу Славянъ и Грековъ, которые теперь своими требованіями грозятъ взволновать спокойствіе Европы. — Съ завистью и озлобленіемъ приходитъ теперь Западно-Европейскій міръ къ признанію этой правды и права Россіи, — и вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, грубо отвергать ея право, начинаетъ заботиться уже о томъ, чтобы, чрезъ признаніе этого права, парализировать то вліяніе и значеніе, которое даетъ ей настоящее положеніе дѣлъ на Востокъ. Англія, впрочемъ, держится еще покуда старой своей политической системы относительно Турціи, шагъ за шагомъ отстаивая цѣлость Оттоманской имперіи, и нехотя уступая силѣ обстоятельствъ, заставляющей ее присоединяться къ совокупному дѣйствию державъ, даже и въ такомъ случаѣ, когда оно ограничивается однимъ совѣтомъ. Громкія увѣренія Франціи, что Россія рѣшилась слѣдовать на буксирѣ ея политики, оказались — явно для всѣхъ — живою фразой; напротивъ, какъ сознаются уже и всѣ иностранныя газеты, Наполеонъ III, желая сохранить миръ, по крайней мѣрѣ до окончанія года, присоединяется отчасти къ русской политикѣ на Востокъ, влеча за собой и Австрію. Но въ этой политикѣ, гдѣ сила лежитъ въ безкорыстїи интересовъ, въ искренности сочувствія, въ могуществѣ единовѣрія и единоплемен-

ности, имъ не упредить Россію, если она останется вѣрна своему призванію и не поддастся ни страху, ни обольщенію. Если пошло дѣло на состраданіе и сочувствіе къ Славянамъ и Грекамъ, такъ первенство, безъ сомнѣнія, останется за Россіей, такъ какъ это состраданіе и сочувствіе у западныхъ державъ не есть дѣло правды, а политическаго расчета; и такъ какъ весь ихъ интересъ на Востокѣ состоитъ въ томъ, чтобы ослаблять значеніе Россіи и создать такой порядокъ вещей, который отвергается самими благодѣтельствуемыми ими народами.—Иностранныя газеты замѣчаютъ сами, что, не смотря на официальное учрежденіе комитета вспоможенія христіанамъ въ Парижѣ, сочувствіе къ Грекамъ въ Европѣ значительно убавилось въ виду положенія, занятаго Россіей.

Такая неестественность отношеній Запада къ Востоку и къ Россіи не можетъ ни продолжаться долго, ни разрѣшиться одними политическими комбинаціями, особенно въ виду парламентскихъ рѣчей британскаго министерства. Восточный вопросъ неразрывно связанъ съ вопросомъ о существованіи Австріи, которой пограничныя съ Турціей населенія, единоплеменные возстающимъ или имѣющимъ возстать Турецкимъ Славянамъ, съ ненавистью и ожесточеніемъ потрясаютъ теперь, недавно наложенное на нихъ политикою Бейста, мадыарское иго. Въ то же самое время и Русскіе въ Галиціи, кровь отъ крови нашей и кость отъ костей нашихъ, стонутъ подъ гнетомъ польскимъ, усиленнымъ тою же политикою Австріи.—Тьеръ, котораго слово до сихъ поръ вѣситъ много въ общественномъ мнѣніи Франціи,—какъ возвѣщаетъ вчерашняя телеграмма,—требуетъ для Франціи союза съ Англіей, Австріей и второстепенными государствами, и императоръ Наполеонъ, какъ бы въ соотвѣтствіе этому требованію, выражаетъ свое сочувствіе политическимъ видамъ и дѣйствіямъ австрійскаго кабинета, украшая Бейста большимъ крестомъ почетнаго Легіона. Ни съ Англіей, возрѣніе которой на Восточный вопросъ такъ рѣзко расходится съ возрѣніемъ нашего кабинета, ни тѣмъ менѣе съ Австріей нѣтъ для Россіи совмѣстнаго пути. Она не можетъ пристать къ англо-австрійско-французскому союзу, который неминуемо образуется. Какія бы, повидимому, уступки ни дѣлала теперь намъ

Франція на Востокъ, мы не должны обольщаться ими. Иные замыслы куеть Европа, — подъ видомъ мирнаго торжества промышленности и искусства, приготовляемаго въ Парижѣ... Безъ *небольшой* войны на Востокъ не обойдется, говоритъ откровенно англійскій Times. Но можетъ ли быть «небольшая» война на Востокъ?... И какую еще силу конвульсій проявить, въ послѣдней борьбѣ съ смертью, умирающей Османъ!

Москва, 28-го марта.

Изъ помѣщаемаго ниже письма нашего петербургскаго корреспондента читатели могутъ видѣть, какъ дѣятельно заботятся въ Петербургѣ объ устройствѣ достойной встрѣчи ожидаемымъ къ намъ гостямъ изъ различныхъ концовъ Славянскаго міра. А между тѣмъ эти гости будутъ въ Петербургѣ только проѣздомъ. Цѣль ихъ посѣщенія—Москва. Москва сзываетъ гостей на свою этнографическую выставку; Москва предлагаетъ этнографическій урокъ всему ученому и неученому люду, имѣющей явить научныя и наглядныя доказательства нашего славянскаго единства. Созвавши гостей, надо умѣть ихъ и встрѣтить. Нѣтъ сомнѣнія, что Дума, какъ оффиціальнй органъ московскаго общества, сдѣлаетъ всѣ необходимыя распоряженія, соотвѣтствующія важности событія—представляющаго не только ученый, но и великій общественный и политическій интересъ.

Задуманная безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякаго участія правительства, не по правительственному, а общественному почину, съ чисто ученою цѣлью, эта выставка, силою самихъ современныхъ обстоятельствъ, выдвигается изъ ряда обыкновенныхъ ученыхъ торжествъ и экспозицій. Не мы виноваты, если фактъ науки возводится самъ собою въ значеніе политическое. Дѣваться съ фактомъ некуда; солгать наукѣ намъ было бы невозможно. При всей своей скромности, смиренности, миролюбіи и безкорыстїи, не думая никого пугать и застрашивать, Россія не можетъ же скрыть единоплеменной связи 80 милліоновъ Славянъ, ни своего родства съ находящимися внѣ ея предѣловъ какими-нибудь 30 милліонами австрійскихъ и турецкихъ подданныхъ... Не на-

ша вина, если желая въ первый разъ пробѣрить, путемъ ученаго этнографическаго подбора, данныя науки, мы невольно дѣлаемъ переключку всѣхъ славянскихъ племенъ,—и эта переключка смущаетъ латино-германскую Европу, и ученая выставка становится громкимъ свидѣтельствомъ!

Да, эта скромная выставка должна составить эпоху въ исторіи Славянства. Въ первый разъ съѣдутся Славяне вмѣстѣ. Бѣдутъ они какъ уроженцы Чешской, Моравской земли, Словацкаго комитата и т. д., — но съѣхавшись, невольно явятся здѣсь какъ представители различныхъ Славянскихъ племенъ. И обновивъ здѣсь, у насъ въ Москвѣ, сознание своего славянскаго единства въ живомъ общеніи другъ съ другомъ и съ нами, укрѣпивъ свою духовную и нравственную связь съ Россіей, они возвратятся домой къ своей обычной борьбѣ—съ Мадыарами ли, съ Нѣмцами ли, съ Турками—съ обновленными и укрѣпленными силами. Живое ощущение единства дѣйствительнѣе отвлеченнаго научнаго сознанія; оно освѣжить и ободрить, оно освободитъ ихъ отъ тяжкаго разслабляющаго чувства разрозненности и одиночества. Бывали и прежде, именно въ 1848 году, съѣзды Славянъ въ Прагѣ,—но они не имѣли смысла: тамъ не было *мисъ*, не было представителей того Славянскаго племени, которое, милостью Божіею, одно сохранило свою свободу, создало могущественнѣйшую въ мірѣ державу, и на которое Богъ возложилъ высокій подвигъ: послужить освобожденію и возрожденію поработенныхъ и угнетенныхъ братій. Нѣтъ у Россіи ни стремленій къ захватамъ, ни замысловъ на политическое преобладаніе: она желаетъ только свободы духа и жизни Славянскимъ племенамъ, остающимся *вѣрными* Славянскому братству. Она представляетъ имъ собою такую нравственную, а потому и политическую точку опоры, которая стѣдитъ всякой матеріальной помощи, и въ которой нѣтъ имъ спасенія. Не всѣ Славянскія племена одинаково понимали это призваніе Россіи. Отступники Славянскаго братства, Поляки—или вѣрнѣе сказать Польская шляхта—разнесли много клеветъ, породили много предубѣжденій,—но теперь сами собою разсѣиваются клеветы, падаютъ предубѣжденія, и видятъ Славяне: кто имъ другъ и кто недругъ... Едва только мы, Славяне, опознаемъ другъ друга, и безъ всякихъ угрозъ, безъ всякой

предумышленной стачки, безъ всякихъ политическихъ замысловъ и видовъ, въ чувствѣ любви и обновленнаго братскаго единенія, едва лишь окликнемъ другъ друга, аукнемся чрезъ равнины и горы Европы, и размѣнимся братскимъ поклономъ,— то уже само собою, честно, высоко и грозно станетъ въ мірѣ Славянское имя.

И этотъ первый съѣздъ Славянъ, гдѣ они должны опознать другъ друга и ощутить живо свое братство, свое единство, свою духовную силу, совершается въ **Москвѣ**, въ столицѣ Русскаго народа. Не знаменательно ли это? Никто, затѣвая выставку, не думалъ объ этомъ, не отдавалъ себѣ въ томъ отчета, — но такъ случилось. Случилось! иначе и быть не могло: исторія логична...

Бдутъ къ намъ не гордые знатностью рода, не могущественные представители капитала и иныхъ силъ и богатствъ: бдутъ къ намъ простые, смиренные, бѣдные. За то всѣ они подвижники славянскаго духа, труженики науки и мысли, крѣпкіе стоятели за свою народную самостоятельность, выдержавшіе годы страшныхъ испытаній внѣшняго гнета нѣмецкаго, турецкаго и въ послѣднее время мадьярскаго, не поддавшіеся ни страху, ни соблазну, — и среди всѣхъ страданій и искушеній, оставленные богачами и знатными своего племени, не словившіеся духомъ въ борьбѣ, не утратившіе вѣры въ историческое призваніе Славянства, *претерпѣвые до конца!*.. И вотъ, когда казалось дошли они до крайняго истощенія силъ, судьба ведетъ ихъ въ Россію, и не отсюда ли начало спасенія *претерпѣвыхъ?*...

Настоящая минута особенно критическая для Славянъ Австрійской имперіи. Австрія, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась, для сохраненія своего политическаго существованія, опереться на Мадьяръ, Нѣмцевъ и Поляковъ, отдавъ послѣднимъ въ жертву Русскихъ въ Галиціи, а первымъ — Славянъ прочихъ наименованій... Объединившаяся Германія собираетъ, покончивъ свое дѣло дома, усилить свое стремленіе на Востокъ и германизацию тѣхъ остальныхъ Славянскихъ племенъ, которыя еще торчатъ въ латиногерманской Европѣ какъ заноза, какъ постороннее тѣло, не претворившееся въ одну съ нею органическую сущность.

Встрѣтимъ же нашихъ гостей, нашихъ незнатныхъ, бѣд-

ныхъ, гнетомыхъ всяческимъ гнетомъ, нашихъ «плѣнныхъ» братьевъ со всѣмъ подобающимъ ихъ честной бѣдности и святому труженичеству почетомъ, согрѣемъ ихъ братскимъ привѣтомъ, ободримъ и укрѣпимъ ихъ нашимъ сочувствіемъ на дальнѣйшій подвигъ борьбы, — и здѣсь, въ стѣнахъ Кремля, обновимъ съ ними нашъ духовный братскій союзъ.

Таковъ да будетъ нашъ отвѣтъ, отвѣтъ Россіи и всего Славянскаго міра — на вызовъ сдѣланный намъ объединеніемъ германскаго племени и на всѣ угрозы Европы...

Москва 1-го іюля.

Примиреніе австрійскаго императора съ Венгріей, завершенное вѣнчаніемъ въ Пештѣ и раздвоеніемъ имперіи на двѣ политическія группы, и пріѣздъ въ Россію представителей всего Славянскаго міра — вотъ безспорно самыя крупныя событія послѣдняго времени. Они двинули въ новый фазисъ, на новую чреду, политическую жизнь Австрійской имперіи; они составляютъ новую эру въ исторіи Славянства. Поговоримъ собственно о посѣщеніи Славянами Россіи. Они пробыли здѣсь только мѣсяць, но этотъ мѣсяць былъ сплошной праздникъ, непрерывный рядъ торжествъ и ликованій, въ которыхъ лично и заочно приняла участіе, можно сказать, вся Россія. Знаменательность этого событія нашла себѣ полное истолкованіе и въ произнесенныхъ рѣчахъ, и въ стихахъ, и въ газетныхъ статьяхъ русскихъ и славянскихъ, и даже въ яростныхъ возгласахъ гнѣва и страха нѣмецко-еврейскихъ публицистовъ. Все это, безъ сомнѣнія, уже давно извѣстно нашимъ читателямъ и не нуждается въ повтореніи. Но тѣмъ не менѣе это событіе не такого рода, которому можно подвести итогъ, которое можно признать законченнымъ, сложеннымъ со счетовъ и сданнымъ въ архивъ. Напротивъ, оно тѣмъ — то важно, что дѣйствіе его не столько внѣшнее, сколько внутреннее, нравственное, — не столько политическое, сколько общественное, не столько въ настоящемъ, сколько (и даже преимущественно) въ будущемъ. Нѣмцы и даже нѣкоторые изъ нашихъ «политиковъ», подсмѣиваясь надъ славянскимъ съездомъ, спрашиваютъ обык-

новенно: «гдѣ же результаты? покажите намъ практическіе результаты: etwas greifbares, какъ выражается Allgemeine Zeitung. Что далъ этотъ съѣздъ кромѣ фразъ, объятій и восклицаній? Къ какимъ послѣдствіямъ, къ какому условленному плану дѣйствій привело это братское свиданіе!?» Такие вопросы предполагаютъ или близорукость, или неискренность. Еслибы результаты были въ самомъ дѣлѣ ничтожны, то за что бы Нѣмцамъ такъ дуться и кипатиться? Видно они чувствуютъ нѣчто другое, и дѣйствительно есть результаты, которыхъ историческаго объема и вѣса теперь ни измѣрить, ни взвѣсить, но отъ которыхъ уже теперь протанулись тѣни на австрійское будущее. Ихъ нельзя, конечно, ни осзать рукой, ни ткнуть пальцемъ, какъ нельзя осзать и захватить въ кулакъ самосознанія и ничего принадлежащаго къ сферѣ духа,—но успѣхи славянскаго самосознанія и подъемъ славянской мысли и воли — такія духовныя даянія славянскаго съѣзда, которыя, безъ всякаго условленнаго плана дѣйствій, безъ всякой предумышленной сдѣлки, не замедлятъ сказаться сами собой, живымъ дѣломъ, въ судьбѣ славянскихъ народовъ.

Самаго важнаго, самаго главнаго результата славянскаго съѣзда надо искать—въ самой Россіи. Величайшимъ, благимъ послѣдствіемъ посѣщенія насъ Славянами было то, что Славянскій вопросъ въ самой Россіи перешелъ въ общественное вѣдѣніе и сознаніе, изъ отвлеченнаго сталъ дѣйствительнымъ, реальнымъ, изъ области книжной спустился въ жизнь. А этого только и недоставало славянскому вопросу, чтобы сдѣлаться живою силой, перестать быть вопросомъ и стать дѣломъ. Отнынѣ онъ не есть достояніе только ученыхъ и литераторовъ или только одной школы славянофиловъ, а всего русскаго общества. Интересъ славянскій сталъ теперь близкимъ интересомъ cadaго Русскаго. Призаніе все-славянскаго братства было произнесено, и съ высоты престола (что составляетъ величайшую честь и славу нынѣшняго царствованія), и въ тѣхъ низшихъ слояхъ общества, которые доселѣ были ему совершенно чужды. Тридцать тысячъ народа, напримѣръ, облежавшихъ павильонъ, гдѣ давался Московскою пирь на весь міръ славянскій въ лицѣ его представителей, и привѣтствовавшихъ вынесенную къ нимъ хоругвь

съ изображеніемъ Свв. Кирилла и Меѳодія, приобщились разомъ къ познанію своего кровнаго и духовнаго братства съ Славянами. Съ этой точки зрѣнія представляется особенно знаменательнымъ и праздникъ, данный славянскимъ гостямъ собственно московскимъ купечествомъ. Русское купеческое сословіе стоитъ по преимуществу на почвѣ практической. Оно не легко поддается обманамъ и призракамъ. Его составляютъ не мечтатели, а люди дѣла. Оно обладаетъ способностью и силою прилагать теорію къ жизни и обращать въ положительное дѣйствіе отвлеченныя умозрѣнія и вопросы. Его сочувствіе, — если оно однажды приобрѣтено, — прочнѣе и надежнѣе всякаго иного сочувствія. Оно, по самому роду своихъ занятій и по своему общественному положенію, ближе къ народу чѣмъ классъ литераторовъ, чиновниковъ и вообще дворянъ. Оно искони причислялось къ земщинѣ. Здѣсь мы уже слышимъ прибой народній волны, — за нимъ начинается уже океанъ народній. А въ Россіи только то дѣло и имѣетъ историческую будущность, которое пускаетъ корни въ народное сознаніе, которое приметъ и взложить на свои плечи Русскій народъ.

Какъ скоро Россія вся проникнется сознаніемъ своего славянскаго призванія, — Славянскій вопросъ будетъ рѣшенъ.

Этого еще нѣтъ, но начало тому уже положено, а начало — половина дѣла, говоритъ пословица. Безъ сознанія своего славянскаго призванія немислимо ни правильное духовное развитіе, ни истинная національная политика для Россіи. Национальность политики предполагаетъ дѣятельность соотвѣтственную интересамъ внѣшнимъ и внутреннимъ своей земли, своей народности. Но развѣ русскіе политическіе интересы могутъ быть поняты внѣ связи съ ея интересами какъ *Славянской державы*? Развѣ русская народность по тому самому, что она русская, не есть народность по преимуществу славянская? Развѣ возможна полнота русскаго народнаго самосознанія безъ сознанія славянскаго происхожденія, славянской стихіи русскаго народа и предлежащаго ему историческаго подвига? Чтобы вполнѣ уразумѣть русскую народность, надо понять ее не только какъ русскую, но и какъ славянскую; чтобы русская политика была вполнѣ національною, русскою, необходимо, чтобы она была не только русскою, но

и славянскою. Въ сущности тутъ нѣтъ двойства понятій, а напротивъ совершенное тождество, но сознание этого-то тождества и необходимо для нашего правильного развитія — и государственнаго, и общественнаго, и политическаго, и духовнаго. Это сознание было нами утрачиваемо, но вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалось нами и сознание нашей народности, и наступалъ рядъ тѣхъ пагубныхъ блужданій, тѣхъ чудовищныхъ противународныхъ направленій въ нашей политической и общественной жизни, которыми ознаменовалъ себя послѣ реформы Петра Великаго такъ-называемый петербургскій періодъ русской исторіи. Вмѣстѣ съ успѣхами нашего народнаго самосознанія, вмѣстѣ съ народнымъ направленіемъ въ искусствѣ и наукѣ возникла вновь и память о нашемъ славянствѣ. Вмѣстѣ съ подъемомъ русскаго народнаго духа, вмѣстѣ съ проявленіемъ его какъ силы, въ средѣ общественныхъ и политическихъ отношеній приготовилась почва и для русскаго славянскаго самосознанія въ жизни и стало возможнымъ то, о чемъ за годъ тому назадъ никто ни гадать, ни думать не смѣлъ: славянскій съѣздъ въ Москвѣ со всею его неожиданной обстановкой, со всею его непредвидѣнной знаменательностью. И ничто такъ быстро не подвигло впередъ этого славянскаго самосознанія Россіи, какъ именно случайное собраніе, по поводу этнографической выставки, представителей славянскихъ племенъ. Они явились къ намъ не какъ Чехи, Хорваты, Словаки, Сербы, но какъ *Славяне*, — и благодаря нашей взаимной встрѣчѣ, мы, Русскіе, сами живѣе ощутили свои славянскія узы, свое собственное славянство. Важнѣе этого результата ничего быть не можетъ.

Да, главнѣйшая задача Славянскаго міра вся теперь въ томъ, чтобы Россія поняла себя какъ его средоточіе и познала свое славянское призваніе. Въ этомъ одномъ все. Въ этомъ вся будущность и Россіи и всѣхъ славянскихъ племенъ. Какъ Россія немислима внѣ Славянскаго міра, ибо она есть его главнѣйшее выраженіе и вещественно и духовно, такъ и Славянскій міръ немислимъ безъ Россіи. Вся сила Славянъ въ Россіи, вся сила Россіи — въ ея славянствѣ. Но если и самою природою и исторіею суждено Россіи быть центромъ тягости всего Славянскаго міра, то необходимо, чтобы она была имъ и въ сознаніи. Необходимо,

чтобы сама Россія вполне уразумѣла тотъ долгъ, который на нее налагаетъ ее значеніе какъ представительницы Славянства, какъ носительницы славянскаго знамени,—а однажды сознавъ этотъ долгъ, она съумѣетъ и свершить его. Въ этомъ отношеніи славянскій съѣздъ далъ такой результатъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ другіе результаты, равно какъ и всѣ прочія заботы о сдѣлкахъ и соглашеніяхъ съ Славянами — являются второстепенными.

Силы, силы нравственной прибыло разомъ и намъ и имъ,— и Россіи, и всему Славянству.

Пусть только Россія, повторяемъ, разовѣетъ въ себѣ славянское самосознаніе,—остальное придетъ само собою, остальное приложится.

Москва, 14-го іюля.

Мѣра долготерпѣнія переполнилась и для самыхъ покорныхъ, самыхъ безотвѣтныхъ доселѣ подданныхъ турецкаго султана, для самой миролюбивой и трудолюбивой славянской народности. Встаетъ болгарское племя. Не подъ силу наконецъ стало Болгарамъ гнуть выи въ постыдномъ турецкомъ ярмѣ, задыхаться подъ тяжелою, вѣками наслоенною толщею позора и срама. Четыреста лѣтъ рабства, разоренія, униженія,—четыреста лѣтъ самаго дикаго произвола, самыхъ неистовыхъ истязаній вынесли и перемогли мирные земледѣльцы, не измѣнивъ ни вѣрѣ, ни народности. и теперь подвиглись на послѣдній, рѣшительный бой. Конечно, еще малая только часть подъяла знамя, еще только своихъ передовыхъ, застрѣльщиковъ такъ-сказать, выслало, бѣдное оружіемъ и деньгами и воинскимъ опытомъ, привыкшее къ сельскимъ трудамъ болгарское племя,—но все дѣло въ начиніи, въ первыхъ жертвахъ.... Начиніи положены, жертвы принеслись, полилась болгарская кровь, и дрогнулъ весь шестимилліонный народъ. Возстаніе быстро распространяется. Надеждъ на успѣхъ оно, повидимому, не имѣетъ теперь пока никакихъ. Средства его скудны, ничтожны, но медлить долѣе было уже невозможно. Болгары почували нашествіе той исторической минуты, когда спросятся отъ cadaго сла-

вянского племени его права на жизнь, — а такое право покупается только готовностью умереть, пожертвовать жизнью въ борьбѣ за свободу. До сихъ поръ подвигъ Болгарь былъ болѣе страдательнаго, пассивнаго свойства: надо было устоять, сохраниться въ живыхъ. Подъ напоромъ жесточайшей тираніи и всевозможныхъ соблазновъ и искушеній, казалось уже совсѣмъ потухалъ въ нихъ пламень жизни и передавался лишь, какъ въ извѣстной знаменательной игрѣ «живь-живь курилка», отъ поколѣнія къ поколѣнію мерцающею искрой. Но искра не погасла и вспыхнула яркимъ и могучимъ огнемъ, какъ только пахнуло на нее благодатное вѣяніе русской науки. Юрій Венелинъ, Русскій изъ Руси Карпатской, окончившій свое образованіе въ Москвѣ, посланный на счетъ русской Академіи наукъ въ придунайскую область Турціи, первый (около сорока лѣтъ тому назадъ) своимъ знаменитымъ изслѣдованіемъ: «Древніе и нынѣшніе Болгаре» и своею безпредѣльною горячею любовью къ запечатанному славянскому племени (даже не попавшему въ число «дѣтей Славы» въ извѣстной поэмѣ Коллара), призвалъ Болгарь къ возрожденію подвигомъ науки и самосознанія. На кладбищѣ Данилова монастыря, въ Москвѣ, красуется изящный бѣломраморный памятникъ, поставленный на могилѣ Венелина «благодарными за свое возрожденіе Болгарами».

И какимъ быстрымъ пламенемъ охватила Болгарь эта разгорѣвшаяся искра народной памяти! Отыскалось шестимилліонное племя — забитое, забытое, смѣшиваемое съ Сербами, Валахами, Греками, но не перестававшее хранить, вмѣстѣ съ вѣрою, нравы и обычаи предковъ и смутныя преданія славной исторической старины. Какъ и всѣмъ славянскимъ племенамъ, судило Провидѣніе и Болгарамъ — возродиться къ историческому бытію не только плотію, но и духомъ, не одною фізіологическою силою народности, но путемъ мысли, науки, однимъ словомъ — работою народнаго самосознанія. Потребность просвѣщенія сказалась въ болгарскомъ племени съ неудержимою властью. Послѣдній грошъ, сбереженный отъ жадности Турка, отдавался на учрежденіе школы; молодые Болгары пробирались въ Россію, преимущественно въ Москву, чтобы почерпнуть просвѣщеніе изъ роднаго источника и разлить его потомъ по болгарскимъ городамъ и селамъ. Мы

имѣемъ право свидѣтельствовать и симъ свидѣтельствуемъ, что большинство ихъ трудилось честно, училось прилежно, а нѣкоторые кончали курсъ университетскій съ блистательнымъ успѣхомъ и удостоивались ученой степени. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что являлись они изъ страны полудикой, изъ-подъ власти варварскаго обычая, плохо подготовленные, вынужденные уже во взрослыхъ годахъ начинать подготовку снова, — и что приходилось имъ здѣсь бороться и съ климатомъ, и съ бѣдностью, потому что скудны были средства, которыя могла удѣлить имъ общественная благотворительность. Многихъ похитила у жизни рановременно наша суровая зима; нѣкоторые, по возвращеніи на родину, задохлись въ турецкихъ тюрьмахъ или погибли иною насильственной смертью отъ злобы Турокъ, по доносамъ латинскихъ монаховъ и другихъ враговъ славянскаго возрожденія, — но многимъ за то удалось и посѣять доброе сѣмя и взростить добрый отъ сѣмени плодъ.

На помощь народной вѣрности вѣрѣ и преданіямъ, и ослабѣвающей народной исторической памяти явилась сознательная, просвѣщенная мысль. Возродившись духовно, не можетъ уже, безъ преступленія, не стремиться болгарское племя и къ возрожденію политическому, къ освобожденію отъ мусульманскаго ига. Если прежде предстояла ему возможность пасть, замереть подъ гнетомъ Ислама и погибнуть, — то теперь допустить себя до гибели было бы для Болгаръ тяжкимъ грѣхомъ самоубійства. Они *могутъ* жить, они *обязаны* жить; они и хотятъ жить, но эта жизнь, при настоящемъ положеніи дѣлъ на Востокѣ, добывается только вооруженною борьбой, открытымъ возстаніемъ....

Эта борьба также права и свята, какъ и древняя борьба Русскихъ съ Татарами. Но не въ томъ положеніи Болгарія, въ какомъ была Россія, куда являлись орды временами, незванымъ страшнымъ гостемъ, владичествуя издали надъ страной, имѣвшей самобытное политическое устройство и созрѣвавшей въ силѣ и ростѣ. У Болгаръ нѣтъ ни политической организаціи, какъ даже у Румыновъ и Сербовъ, ни административнаго устройства, которое дало бы имъ возможность сплотиться и образоваться въ прочный союзъ, — ни точекъ опоры, ни вождей народныхъ, ни высшей іерархіи ду-

ховной: только поселяне, торговцы да священники дерзают поднять знамя свободы. А между тѣмъ, какъ мы уже сказали, медлить долѣе нельзя: къ турецкому обычному гнету приложилось невыносимое матеріальное разореніе; къ турецкому азіатскому произволу присоединяется еще ложь европейско-либеральныхъ формъ, макиавеллическая система духовнаго растлвннн, доселѣ неизвѣстная Туркамъ и преподанная имъ ихъ западными друзьями,—соблазны латинской и даже протестантской пропаганды. Обстоятельства въ Турціи сложились такъ: измѣни только православію, будь латинянинъ или протестантъ, или только поддайся «уніи» съ признаніемъ римскаго папы,—и будешь ты огражденъ отъ турецкаго насилія, и будешь имѣть покровительство могущественныхъ въ Турціи представителей Франціи и Великобританіи! Православнымъ остается самимъ *промышлять* о себѣ (по выраженію древнихъ русскихъ грамотъ), и домогаться правды войною.. Какой безконечный рядъ обезчещенныхъ женъ, поруганныхъ дѣвицъ, осрамленныхъ юношей, мучениковъ и жертвъ турецкой алчности и разврата представляетъ исторія послѣднихъ четырехъ столѣтій на христіанскомъ Востокѣ! И этому ряду не только еще нѣтъ конца, но, по послѣднимъ извѣстіямъ, неистовства Турокъ стали напоминать первыя времена побѣднаго разгула оттоманской силы. Тѣмъ жесточе теперь на возставшихъ Болгаръ обрушивается мщеніе Турокъ, чѣмъ сильнѣе прежде презирали ихъ Турки! Какъ и это мирное племя, эти райи, приобывшіе пресмыкаться и ползать съ слезными мольбами у ногъ своихъ повелителей, и они тоже захотѣли свободы?! Это не Черногорцы, не Сербы, которыхъ Турки привыкли уже бояться, а потому и уважать,—это простые робкіе поселяне... Раздавить ихъ скорѣе, безъ околичностей, потушить, задавить возстаніе въ самомъ началѣ, не дать подняться въ Европѣ, рядомъ съ критскимъ, и еще новому болгарскому вопросу!... И въ силу такихъ наставленій свирѣпствуетъ теперь въ болгарскихъ селахъ бѣшенная месть Оттомановъ, и плодитъ себѣ тучи мстителей въ раздраженномъ народѣ...

А въ это самое время—глава Ислама, потомокъ покорителей Царьграда, держащій подъ своею пятою миллионы православныхъ Славянъ, изнывающихъ въ тщетныхъ усиліяхъ

обрѣсти себѣ свободу, — въ это самое время турецкій султанъ торжественно появляется въ лондонскомъ королевскомъ оперномъ театрѣ, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ англійскаго престола, и привѣтствуется «гимномъ» нарочито въ честь его въ Англии сочиненнымъ, въ которомъ высказывается желаніе: «да одолѣетъ и сломитъ султанъ всѣхъ враговъ своихъ»...

Мы уже говорили объ участіи принятомъ русскимъ обществомъ, еще болѣе чѣмъ правительствомъ, въ духовномъ возрожденіи болгарскаго племени. Богу извѣстно, какъ безкорыстно, какъ чуждо всякихъ политическихъ цѣлей и соображеній было это участіе! Но этого мало. Мы должны помочь и политическому возрожденію Болгарь, — Болгарь, отъ которыхъ мы сами получили нашихъ первыхъ учителей вѣры, которые дали Славянству Кирилла и Меѳодія, на языкѣ которыхъ стало доступно и намъ и всѣмъ Славянамъ Слово Божіе... Если вся Россія подвиглась сочувствіями къ подвигамъ Кандіотовъ, то тѣмъ болѣе побужденій сочувствовать ей несчастному болгарскому племени, поставленному въ худшія условія чѣмъ Греки — жители Крита. У Грековъ подѣ бокомъ свободная Греція; потомокъ Эллиновъ еще можетъ надѣяться на симпатіи Европейскаго міра; но у Болгарь одна надежда — на насъ. Посрадимъ ли мы эту надежду?.. Правительство, конечно, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ въ предѣлахъ дозволяемыхъ дипломатическими правилами и приличіями, но намъ ничто не мѣшаетъ возвѣстить о своемъ сочувствіи громко и подать руку помощи воюющимъ братьямъ, — помощи одобрительнымъ словомъ, заступничествомъ общественнаго мнѣнія, и цуще всего деньгами. Сербскій митрополитъ, высокопреосвященный Михаилъ уже открылъ въ Бѣлградѣ комитетъ для пособія раненымъ, вдовамъ и семействамъ убитыхъ Болгарь: такіе комитеты должны устроиться и въ Россіи. Съ этою цѣлью, а также и съ болѣе прямою цѣлью поддержать усилія болгарскаго племени, отстаивающаго свою свободу, открываемъ и мы у себя подписку... Не падайте духомъ, мужайтесь и ратуйте, братья! Не пропадутъ ваши усилія и жертвы уже и потому, что удалось вамъ заявить міру о болгарской народности, о ея правѣ и волѣ — жить, и вписать въ число подлежащихъ его рѣшенію вопросовъ «Болгарскій вопросъ»!...

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на статью о Болгарин, помѣщаемую ниже въ Славянскомъ Отдѣлѣ.

Москва, 2-го августа.

Предолагающіяся извѣстія объ успѣхахъ русскаго слова въ Славянскихъ земляхъ обращаютъ насъ снова къ славянскому вопросу. Чѣмъ болѣе позволительно радоваться этимъ успѣхамъ, тѣмъ болѣе обязанности возлагается на насъ — обратиться съ строгимъ испытаніемъ къ самимъ себѣ. Чѣмъ болѣе русскихъ успѣховъ въ Славянскихъ земляхъ, тѣмъ болѣе славянскихъ успѣховъ должно быть въ Русской землѣ. Мы уже сказали въ 85 №, что самая рѣшимость Славянъ сблизиться съ нами въ языкѣ, благодѣтельная сама по себѣ и похвальная со стороны Славянъ, для насъ отчасти постыдна, отчасти унижительна. Она постыдна для насъ, потому что мы съ своей стороны ничего не сдѣлали, чтобы языкъ нашъ, который вполнѣ, и притомъ одинъ изъ всѣхъ прочихъ родственныхъ, имѣетъ право на званіе всеславянскаго, былъ признанъ за таковой и прочими Славянами. Она для насъ почти унижительна, потому что Славяне рѣшаются усвоить нашъ языкъ вовсе даже не въ силу его историческихъ правъ, а вслѣдствіе побужденій внѣшнихъ и отрицательныхъ, потому что мы — числительная сила и независимая держава. Таково положеніе дѣла въ настоящее время. Что же будетъ дальше? Сколько несомнѣнно животворное дѣйствіе, которое должно оказаться на славянскихъ народностяхъ отъ ихъ общенія въ словѣ, столько же вѣроятно то, что собственно на насъ дѣйствіе это должно отразиться пока довольно безславно.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что лучшая часть Славянства, наиболѣе образованная, что всѣ передовые и даже рядовые славянскіе бойцы усвоить нашъ языкъ. Но прежде чѣмъ себѣ это представимъ, позволимъ себѣ представить, какъ это можетъ быть достигнуто. Грамматикъ, котораго бы непосредственно сличали русскій языкъ съ прочими славянскими, и притомъ съ каждымъ изъ нихъ порознь, — у насъ нѣтъ. У насъ нѣтъ собственной даже грамматики независимой отъ всѣхъ потребностей сличенія, —

нѣтъ такой, которая отнеслась бы къ своему содержанію самостоятельно или, что то же, вполне вѣрно, которая бы не смотрѣла на русскій языкъ черезъ нѣмецкое окно съ переплетами, изъ-за которыхъ различныя формы языка кажутся тождественными, а тождественныя — различными. Самая послѣдняя и самая добросовѣстная изъ грамматикъ ушла не далѣе сознанія, что прежнія изложенія законовъ нашего языка слѣдовали системѣ сначала Готшеда, потомъ Аделунга, и что въ настоящее время стало-быть слѣдуетъ перенести на русскій языкъ въ возможной подражательности систему Гримма. Точно также нѣтъ у насъ и словарей, не только такихъ, которые сличили бы непосредственно славянскія нарѣчія съ русскимъ, но и такихъ, которые сличили бы составъ русскаго языка самого съ собою. Имѣемъ замѣчательный трудъ Востокова; имѣемъ превосходный трудъ Даля (объ академическомъ словарѣ почтительно умалчиваемъ): первый обращается съ исконно-древнею славянскою рѣчью, давно всюду вымершею; другой живописуетъ въ современномъ состояніи живую великорусскую рѣчь. Но гдѣ нить, связывающая то и другое? Кто объяснилъ преемство, которымъ языкъ отъ своего умершаго прошлаго пришелъ къ живому настоящему? Мы спрашиваемъ не о преемствѣ чисто-звуковомъ и не о внѣшней связи въ разновременныхъ формахъ языка: объ измѣненіяхъ, которымъ подвергались звуковыя формы славянорусской рѣчи, о совершенномъ паденіи нѣкоторыхъ и замѣнѣ другихъ новыми были предложены изслѣдованія и выводы, даже болѣе далекіе и широкіе, чѣмъ допускаетъ самъ нашъ языкъ (а затѣмъ что такъ велитъ нѣмецкій образецъ), — мы спрашиваемъ о логической сторонѣ языка, и притомъ не о той, которая выразилась исключительно въ грамматическихъ формахъ, а о той, которою образованъ нашъ словарь, о преемствѣ понятій, которыя исторически разложились по отдѣльнымъ рѣченіямъ въ составѣ нашего языка, и которыя насъ, чрезъ христіанство, чрезъ исторію литературы, исторію быта и государства, связываютъ заразъ и съ общеславянскою древностью, и съ древностью классической, и съ новѣйшими народами. Только ясно выразумѣнное это преемство (при грамматикѣ сколько-нибудь исправной) способно ввести cadaго въ дѣйствительное обладаніе

русскимъ языкомъ. Но къ объясненію этого преемства у насъ, можно сказать, не сдѣлано почти ничего: ибо не могутъ же здѣсь идти въ счетъ изслѣдованія, которыя воображаютъ, что въ исторіи нашего языка, минуя обширнѣйшую церковную литературу и пробавляясь однѣми легендами и мѣологическими принадлежностями быта, можно столь же легко обернуться, какъ это легко въ языкѣ нѣмецкомъ, у котораго нѣтъ почти ничего за собою кромѣ готеской библіи да пѣсенъ и легендъ съ мѣологіей. Что же касается до трудовъ покойныхъ Хомякова и К. С. Аксакова, то въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, они оказались починомъ ни отъ кого не поддержаннымъ.

Итакъ, Славянинъ, желающій изучить нашъ языкъ, осуждается приобрѣтать и строй его и составъ изъ третьихъ рукъ, не точно передающихъ то, что получили онѣ отъ вторыхъ, которыя сами въ свою очередь не отличались безукоризненною вѣрностью въ передачѣ. Но, положимъ, все это преодоленно. Такъ или иначе Славянинъ овладѣваетъ нашимъ языкомъ, хотя бы настолько, насколько владѣютъ имъ петербургскіе литераторы, употребляющіе слово *выглядитъ* въ смыслѣ формы настоящей, а не будущей. Что же затѣмъ? Узнанные словарь и грамматика, хотя бы и наизусть, еще не жизнь языка, не слово и не рѣчь. Чтобы языкъ получилъ жизнь, чтобы онъ сроднился болѣе или менѣе тѣсно съ народомъ, поколѣніемъ, лицомъ, необходимо употребленіе его въ живомъ разговорѣ или въ чтеніи, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Первое достаточно для удовлетворенія обычныхъ житейскихъ потребностей, для тѣснаго домашняго обихода; для Славянъ, въ отношеніи къ русскому языку, оно и не очень удобно, по ихъ разобщенному отъ насъ положенію, и не очень нужно потому, что для постоянного обихода у каждаго изъ племенъ есть свой языкъ или свое нарѣчіе, которые будутъ жить и которымъ нельзя не желать жизни. Русскій языкъ занадобится Славянамъ въ области высшей, тамъ гдѣ дѣятельность по преимуществу сопровождается мышленіемъ и самосознаніемъ, и гдѣ самая мысль возлетаетъ выше потребностей не только семейства и кружка, но и выше потребностей племени. Это жизнь науки и высшей общественности по преимуществу. Итакъ, употребленіе русскому язы-

ку среди Славянъ предрекается по преимуществу литературное, и самое вступленіе въ нашъ языкъ можетъ быть каждымъ Славяниномъ совершенно дѣйствительнымъ образомъ только чрезъ нашу готовую литературу.

Приступить Славянинъ къ нашему письменному богатству, — что же онъ найдетъ? Два-три истинно-великихъ художника; два-три писателя съ порывами къ истинно-самостоятельному мышленію; нѣсколько дѣльныхъ изслѣдованій — больше изъ диссертаций, обезпечивающихъ вступленіе въ профессуру; нѣсколько произведеній изъ жанра, въ родѣ разсказовъ г. Успенскаго и отчасти драмъ самого Островскаго — этихъ попытокъ дагерротипировать уродства быта и рѣчи и возвести карикатуру въ перлъ созданія. Затѣмъ довольно переводовъ, не отличающихся вѣрностью подлинникамъ, еще болѣе беллетристическихъ произведеній, не отличающихся дарованіемъ, наконецъ творенія Бѣлинскаго, Чернышевскаго и tutti quanti — недоваренные объѣдки чужихъ мыслей. И только. Академія издаетъ свои труды на французскомъ и нѣмецкомъ; университеты, съ благоразумною экономіей, остерегаются давать публикѣ, пропорціонально числу своихъ профессоровъ, хотя бы двадцатую долю того, что даютъ пропорціонально числу своихъ дѣятелей заграничные университеты. Словомъ, наука даже не въ дѣтствѣ, а въ младенчествѣ; не можетъ до сихъ поръ покончить споръ даже о томъ, *съ чего должно начинать учиться*; публицистика не въ авантажѣ обрѣтается....

Не много и не привлекательно... Послѣдствіе при такихъ данныхъ можетъ быть двоякое. Языкъ нашъ также поспѣшно будетъ брошенъ, какъ горячо онъ теперь принимается: вотъ одно изъ возможныхъ послѣдствій — очень естественное, когда изучающіе увидятъ, что не къ готовой умственной трапезѣ они приступаютъ; что напротивъ еще многимъ и много нужно потрудиться къ изготовленію желанной трапезы, немногимъ менѣе того труда, какой потребенъ къ обработкѣ и прочихъ славянскихъ литературъ. Къ такому концу теперешнее настроеніе Славянъ въ особенности легко можетъ обернуться, если современно съ этимъ благопріятно повернется ихъ политическое положеніе: съ ослабленіемъ гнета, ослабнуть и тѣ внѣшнія побужденія, которыми пока ис-

ключительно влекутся соплеменники наши къ нашему языку. Или же возможенъ другой исходъ. Сознаніе славянскаго единства будетъ укрѣпляться болѣе и болѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ укрѣпляться и сознаніе необходимости имѣть общеславянскій языкъ. Занятія русскимъ языкомъ убѣдятъ между тѣмъ всѣхъ, для кого это еще не ясно, что языкъ, называемый русскимъ, представляетъ для общеславянскаго употребленія не одно внѣшнее удобство, но имѣетъ на то и право, внутреннее, самостоятельное, упроченное тысячелѣтнею исторіей и ею настойчиво предлагаемое. Тогда русская рѣчь получитъ въ Славянскихъ земляхъ полное гражданство; знакомство съ русскимъ языкомъ распространится въ населеніяхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ разовьется и русская письменность, но разовьется *тамъ*. *Оттуда* будемъ мы получать увѣсистые волюмы самостоятельныхъ научныхъ произведеній; тамъ будутъ лучшіе органы самостоятельной періодической печати; тамъ явятся блестящіе беллетристическія произведенія; словомъ, тамъ будутъ наши и мыслители и публицисты и поэты. Мы окажемся въ хвостѣ, въ положеніи Бельгіи относительно Франціи; и самый нашъ языкъ, по неизбѣжному закону, подчинится вліанію наиболѣе дѣятельной среды. Вмѣсто того чтобы наложить свою печать на другія племена, мы будемъ обречены понести на себѣ чужой отпечатокъ, и стихъ Пушкина вмѣстѣ съ его прозой нами же самими будутъ отнесены въ разрядъ ученическихъ попытокъ, не достигшихъ умѣнья владѣть вполне образованною рѣчью!

Первое изъ предположенныхъ послѣдствій, во всякомъ случаѣ, будетъ гибельно, — для прочихъ Славянъ гораздо болѣе чѣмъ для насъ. Славянскія народности исчезнутъ, если останутся разрозненными; онѣ останутся разрозненными, если не будутъ имѣть общаго языка; онѣ не будутъ имѣть общаго языка, если не возьмутся за языкъ русскій. Но какое изъ двухъ послѣдствій для современныхъ обладателей русскаго языка почетнѣе — рѣшить трудно.

Возможенъ, конечно, и еще исходъ, наиболѣе для всѣхъ благоприятный, когда бы и мы, въ перегонку съ прочими соплеменниками, принялись съ удесятеренными усиліями за трудъ самостоятельной умственной жизни. Но на кого возложимъ въ этомъ надежду? На современныхъ ли представи-

телей нашей науки и нашего слова? Трудно ожидать внезапнаго измѣненія сложившихся воззрѣній и привычекъ; нужды нѣтъ, что у нѣкоторыхъ, по случаю славянскаго съѣзда, и явилось внезапное славянофильствованіе. Да и какъ требовать самостоятельной науки, когда на науку въ самомъ обществѣ нѣтъ запроса? Воспринять ли, подѣ влияніемъ всеславянскаго движенія, само общество? Въ недостатокъ способности радушно отнестись къ Славянству, правда, упрекнуть его нельзя: доказательствомъ—пріемъ, оказанный гостямъ этнографической выставки, и то сочувствіе, съ какимъ выслушивались рѣчи о славянскомъ единствѣ и о нашемъ всеславянскомъ значеніи. Насколько однако способны мы при этомъ возрости внутренно въ славянскую силу, и насколько, даже въ часы самаго горячаго сочувствія, способны мы настроиться однозвучно съ прочимъ Славянствомъ, объ этомъ лучше всего могутъ дать понятіе два слѣдующихъ одновременныхъ факта. Во время этнографической выставки, въ одинъ изъ тѣхъ немногихъ вечеровъ, когда старымъ московскимъ друзьямъ удавалось залучать нѣкоторыхъ изъ славянскихъ гостей къ себѣ на келейную бесѣду, хозяинъ дома предложилъ гостямъ прибѣгнуть въ разговорѣ къ какому-нибудь другому языку, кромѣ русскаго, языку обоюдно вразумительному и обоюдно извѣстному, на примѣръ нѣмецкому. Вопросовъ представлялось такъ много, разбирать ихъ приходилось такъ подробно, а рѣчь русская такъ гостей затрудняла! Но гости отказались наотрѣвъ отъ предложенія: «ни!» отвѣчали они покачавъ головой, «въ святой Москвѣ!?»

А въ ту же этнографическую выставку и въ той же Москвѣ, стоило прислушаться при разъѣздахъ изъ торжественныхъ собраній, которыя давались въ честь Славянъ, на какомъ нарѣчій преимущественно объяснялась наша публика. Наблюдатель открылъ бы, что вмѣстѣ съ русскою рѣчью особенно обильно сыпалась рѣчь французская. И это бывало послѣ каждаго собранія, послѣ тѣхъ рѣчей о необходимости единаго славянскаго для Славянъ языка, которыя постоянно произносились на этихъ собраніяхъ, и послѣ тѣхъ выраженій единодушнаго сочувствія, съ которыми постоянно принимались эти рѣчи. Съ неизмѣнною точностію обнаружилось это даже и послѣ университетскаго акта, на ко-

торомъ выслушано было отъ Головацкаго это трогательное объясненіе, что онъ не знаетъ какъ и выразить счастье, которое доставляется ему настоящею возможностью сказать въ средоточіи Русской земли слово роднымъ русскимъ братьямъ на родномъ русскомъ языкѣ. Рѣчь оратора прерывалась отъ волненія, прерываема была восторженными рукоплесканіями. И однако французская рѣчь залила потомъ и лѣстницу и дворъ университетскій. Разговаривавшіе не стѣснялись даже тѣмъ, что съ ними рядомъ выходили тѣ самые, въ лицѣ которыхъ такъ недавно чествовали они славянское единство и предъ которыми съ такимъ неистовымъ восторгомъ рукоплескали они рѣчамъ о необходимости единого для Славянъ славянскаго языка—русскаго.

Противопоставленіе этихъ двухъ фактовъ краснорѣчиво и не требуетъ добавленій. Нѣтъ, съ нашего общества достаточно, если вырастетъ оно хотя до вишняго, поверхностнаго сочувствія Славянству: оно не переростетъ само себя и перерости не можетъ. Возложимъ лучше надежду на будущее поколѣніе; благо между славянскою молодежью возникаютъ взаимныя сношенія, а они способны разбудить славянскую мысль и чувство. Подождемъ и успѣховъ образованія въ простомъ народѣ, благо самый фактъ Славянства послѣдними событіями уже введенъ въ его сознаніе. А это значитъ много.

Москва, 30-го сентября.

Иллюзіи кончились. Всѣ попытки водворить спокойствіе и благоденствіе на Балканскомъ полуостровѣ подъ верховнымъ владычествомъ Порты, изыскать формулу примиренія между притѣснятелями и притѣсенными, сочинить сдѣлку между Евангелиемъ и Кораномъ, внушить духъ европейскаго либерализма турецкимъ властямъ и благонравія турецкимъ подданнымъ-христіанамъ,—всѣ эти попытки европейскаго самообольщенія разбились о несокрушимую правду дѣйствительности, о неумолимую логику исторіи. Подобно упругой стали, которую какъ ни нажимаютъ, ни гнутъ — она разгибается и расправляется снова, Восточный вопросъ, временно насилуемый дипломатическими комбинаціями и вмѣ-

шательствами кабинетовъ, опять выпрямляется во весь свой ростъ, во всей своей грозной несомнѣнности, со всею грубостью своего *мекстати* для большинства европейскихъ державъ. На призывъ Порты положить оружіе Критъ отвѣчалъ новымъ воззваніемъ къ брани. Критское національное собраніе отвергло милость турецкаго падишаха, обѣщанную имъ амнистію и всѣ тѣ блага, которыя сулила острову «отеческая заботливость» и «высокая мудрость» султана. Не обольстило Критянь обѣщаніе «улучшеннаго генераль-губернаторства» или «вилаята». Они нашли, что купить такой виляэтъ цѣною крови, лившейся цѣлыхъ четырнадцать мѣсяцевъ, цѣною столькихъ жертвъ и усилій—было бы не только невыгодно, но и позорно, было бы измѣной знамени, которое они вознесли такъ высоко и вѣрности которому они принесли клятву предъ лицомъ всего міра. Борьба возобновляется снова, если не съ удвоенною силой, то съ удвоеннымъ ожесточеніемъ и, со стороны Грековъ, со всею энергіей отчаянія: они не ждуть болѣе помощи отъ Европы.

Что же сдѣлаетъ Россія, какъ отнесется она къ этому новому фазису Восточнаго вопроса? Говоримъ «новому» потому только, что событія вновь доказали всю тщету дипломатическихъ усилій дать иное направленіе историческому теченію дѣлъ на Востокъ и выдвинули вопросъ на чистоту, во всей его рѣзкости и со всею нетерпимостью отсрочекъ и сдѣлокъ. Конечно, бесплодность дипломатическихъ попытокъ могла быть предвидѣна и заранѣе; но едва ли позволительно было даже и Россіи не исчерпать всѣхъ средствъ (какъ бы мало она ни вѣрила въ ихъ успѣхъ) для предотвращенія громадныхъ политическихъ сотрасеній и иныхъ страшныхъ золъ, которыя неминуемо повлекло бы за собою разрѣшеніе Восточнаго вопроса мятежомъ и насиліемъ. Надо было, наконецъ, доказать и самой Европѣ, что мы не только не противники мирнаго рѣшенія вопроса, но и съ своей стороны направляли всѣ дипломатическія усилія къ этой цѣли—до послѣдней крайности, до совершеннаго истощенія вѣры. Русскій кабинетъ прямодушнѣе чѣмъ другія союзницы Порты пытался раскрыть ей глаза на ту бездну, въ которую ее увлекаетъ ея политика; онъ не поощрялъ ее къ борьбѣ съ ея собственными подданными, а указывалъ ей дѣйствитель-

ные способы укротить эту борьбу. Таковъ смыслъ и послѣднихъ попытокъ, сдѣланныхъ русскою дипломатіей нынѣшнимъ лѣтомъ. Далѣе идти некуда. Упорствовать на этомъ дипломатическомъ пути, подвергать свои ходатайства не только отказу, но и превратному толкованію, на свои настоянія получать двусмысленные отвѣты, продолжать, по необходимости, довольствоваться завѣдомо-лживыми, никогда не исполняемыми турецкими обѣщаніями, однимъ словомъ, самому вызывать и терпѣть постоянное фiasco своихъ усилій—это было бы, кажется намъ, уже несовмѣстно съ достоинствомъ великой державы, и несовмѣстно именно съ достоинствомъ Россіи, какъ всего болѣе знакомой съ положеніемъ христіанскихъ племенъ Оттоманской имперіи. Это значило бы компрометировать честь русскаго имени на Востокъ, возбуждая понапрасну надежды въ греко-славянскомъ населеніи; значило бы явно, въ виду всѣхъ, позволять себя морочить турецкой политикѣ и ставить себя въ ложное положеніе посредника, котораго посредничество ни одною стороною не принимается, но обращается ему же во вредъ, какъ свидѣтельство его неумѣстной довѣрчивости и непрозорливости. Наше дипломатическое слово должно быть полновѣсно: мы не можемъ, мы не должны упразднять его вѣсь, расточая его попустому. По нашему мнѣнію, насколько извѣстны намъ обстоятельства дѣлъ на Востокъ, Россіи ничего инаго не остается дѣлать, какъ только отрясти прахъ съ ногъ своихъ на порогѣ турецкаго кабинета, отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ совѣтовъ и ходатайствъ, отъ всякаго дипломатическаго вмѣшательства, и громко и честно заявить и Дивану и всей Европѣ, что мы отнынѣ предоставляемъ Турцію ея собственной судьбѣ. Пусть сладитъ она сама какъ знаетъ съ своими подданными; пусть управится собственною мудростью, посмѣявшись мудрости, безкорыстію и чистосердечію русскихъ совѣтовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы поступить иначе? Вотъ уже болѣе года какъ Европа пребываетъ зрительницею кровавой борьбы Крита,—зрительницею если не совсѣмъ спокойною, то все же воздерживающеюся отъ всякой рѣшительной попытки прекратить тѣ азіатскія неистовства, которыми съ какою-то наглостію щеголяетъ Порта—на зло европей-

скому просвѣщенію. Вотъ уже болѣе года, какъ Европа деликатными и вѣжливыми словами пробуетъ умиловать турецкаго падишаха, величаетъ его какъ просвѣщеннѣйшаго и гуманнѣйшаго государя, и этотъ просвѣщеннѣйшій и гуманнѣйшій, новопожалованный членъ европейской семьи, бросаетъ ей въ лицо оскорбленіе за оскорбленіемъ. Въ благодарность за оказанный ему почетъ, за восторженный приемъ въ столицахъ Европы, онъ даритъ европейскихъ дипломатовъ произведеніями европейской же дипломатической лжи: утонченнымъ празднословіемъ, мнимо-либеральными реформами на европейскій образецъ, ссылкой на турецкое *общественное мнѣніе!*... И кровь христіанъ продолжаетъ литься подъ мечомъ Ислама, и Европейцы, запутавшись въ сѣти собственныхъ словъ, продолжаютъ сносить насмѣшливое поруганіе Турка надъ христіанскою цивилизаціей. Но не чувствуетъ ни позора, ни обиды Западная Европа: терзаютъ вѣдь только Славянъ и Грековъ, которыхъ она не признаетъ своими. Какъ бы то ни было—Европа, продолжая терпѣть совершающійся на Критѣ и въ самой Турціи разгулъ турецкой мести и тираніи, дѣлается солидарною съ мучителями, сама позорится позоромъ, сама кровавится кровью мучимыхъ христіанъ. Россія еще менѣе можетъ выносить такое положеніе, потому что эти христіане ей еще болѣе свои, чѣмъ Западу, и сопредѣльны съ нею. Если нельзя принять мѣръ рѣшительныхъ къ измѣненію такого состоянія дѣлъ, къ прекращенію дальнѣйшаго пролитія христіанской крови,—остается, по крайней мѣрѣ, одно: умыть руки и снять съ русской дипломатіи отвѣтственность за всякія дальнѣйшія послѣдствія турецкой политики. Еслибы всѣ европейскія державы, заинтересованныя въ положеніи Порты, объявили ей такое свое рѣшеніе, то онѣ стали бы въ единственно возможное теперь и честное отношеніе—и къ Турціи и къ ея христіанскимъ подданнымъ, сдерживая другъ друга взаимнымъ соглашеніемъ невмѣшательства...

Будемъ ждать новыхъ извѣстій съ Востока, будемъ надеяться, что и русское министерство иностранныхъ дѣлъ разсѣетъ мракъ, сгустившійся около русской политики, какими-нибудь лучами свѣта, какими-нибудь сообщеніями, которыхъ такъ давно ждетъ и не дождется русское общество. Оно

имѣть полное упованіе на политическое направленіе нашего кабинета и немногіе, обнародованные доселѣ, дипломатическіе русскіе документы послѣднихъ лѣтъ по дѣламъ Востока имѣли всегда свойство поднимать русскій общественный духъ и утѣшать русское сердце. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не замѣчать, что Восточный вопросъ вступаетъ въ новый фазисъ, мы не можемъ не смущаться сплетнями и толками иностранныхъ публицистовъ, какъ бы мало мы ни придавали имъ цѣны; мы не можемъ наконецъ и оставаться безучастными къ политической роли Россіи въ вопросѣ, съ которымъ связана ея народная и государственная честь и ея собственная историческая судьба, — мы просимъ и теперь нѣкотораго вниманія къ нашему русскому чувству и русскому общественному мнѣнію, неизмѣнившемуся въ своемъ довѣрїи къ главѣ нашихъ дипломатовъ съ знаменитой политической кампанїи 1864 года.

Москва, 10-го ноября.

Мы печатаемъ въ нынѣшнемъ № нѣсколько корреспонденцій исполненныхъ животрепещущаго политическаго интереса для Россіи, — и считаемъ нужнымъ предпослать имъ нѣсколько словъ, отставляя до другаго раза обсужденіе нѣкоторыхъ нашихъ внутреннихъ домашнихъ дѣлъ. Мы не только не боимся наскучить читателямъ частымъ обращеніемъ къ вопросамъ внѣшней политики, но считаемъ вполне умѣстнымъ и даже должнымъ сосредоточивать ихъ вниманіе на тѣхъ именно внѣшнихъ политическихъ вопросахъ, которые имѣютъ живую, неразрывную связь съ направленіемъ нашей политики внутренней, — которыхъ правильное разрѣшеніе состоитъ въ прямой зависимости отъ степени развитія и силы народнаго самосознанія въ насъ самихъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ. Нужно, необходимо нужно, чтобъ наше общественное и правительственное разумѣніе стояло въ уровень съ тѣми событіями, которыя готовятся. А событія готовятся великія, — такія событія, которыя не позволяютъ намъ отдѣлываться смиреніемъ и скромностью, которыя призываютъ насъ къ спросу и къ отвѣту, о которыя, какъ о пробный камень, испытаетъ и провѣритъ исторія степень нашей при-

годности и достоинства для исполненія нашего великаго историческаго предназначенія. Не можетъ скрыть отъ читателей, что когда читаешь, въ письмахъ изъ славянскихъ земель, какъ высоко возносятся тамъ русское имя, какъ вымещается на нашихъ бѣдныхъ единоплеменныхъ братьяхъ самый фактъ существованія Россіи, съ какою любовью и съ какимъ упованьемъ обращаются къ ней взоры, лютою злобою Ислама и Рима истязуемаго, православнаго Востока, когда слынишишь эти воззванія, эти мольбы о сочувствіи, объ участіи, о помощи, когда видишь эту вѣру въ Россію, вѣру несокрушимую, неизмѣнившую въ теченіи столькихъ временъ и лѣтъ, вѣру не по заслугамъ нашимъ, но по внутреннему свидѣтельству славянскаго духа и по указаніямъ внѣшнихъ признаковъ о призваніи Россіи, какъ единой свободной и сильной славянской державы, какъ единой истинной представительницы и главы Славянскаго міра,—неволью озираешься на насъ самихъ, и неволью сжимается сердце. И въ виду того высокаго подвига, который Провидѣніе предначертало Россіи, въ виду призванія, для котораго она видимо избрана,—припоминаешь тогда себѣ всю ту борьбу, которую еще приходится вести у насъ дома за достоинство русскаго имени, за честь и право русской народности,—припоминаешь все малодушіе нѣкоторыхъ нашихъ такъ-называемыхъ вліятельныхъ сферъ, ихъ подобострастное отношеніе къ мнѣнію западной Европы, ихъ идолопоклонство предъ кумиромъ европейской цивилизаціи, ихъ невѣжество, ихъ непониманіе и неспособность пониманія народной, не официальной, не казенной Россіи.... Никнетъ бодрость и вѣра, порою, и въ насъ самихъ, когда живо ощутишь вновь всю глубь и ширь царящаго у насъ недоразумѣнія между высшею общественною, нерѣдко и административною средою, и между народомъ съ его бытовыми и духовными историческими основами; когда живо представишь себѣ вновь эту великую Русскую землю, этотъ великій, сильный, бодрый и умный народъ, и надъ нимъ цѣлыя слои атмосферы, гдѣ произрастаетъ «Вѣсть», и все что подъ этимъ нарицательнымъ именемъ разумѣется, гдѣ самодовольно ублажаются изреченіями дешевой мудрости и чувствомъ своего европеизма, гдѣ не мучаются никакимъ тяжелымъ запросомъ на народное самосознаніе и самостоятель-

ную дѣятельность, не тревожатся никакимъ безпокойнымъ патриотическимъ порывомъ, гдѣ не чувствуютъ ни оскорбленія, ни обиды русскому народному достоинству, гдѣ выше народной чести возлюблена полицейская тишина, гдѣ все, по части трудныхъ задачъ русской народности, такъ безразлично, ровно, кругло и гладко,—гладко какъ выбритый Чичиковскій подбородокъ! Уныніе овладѣваетъ душой, когда представишь себѣ, повторяемъ, Русскій народъ и надъ нимъ между прочимъ цѣлую среду—не злокозненныхъ и умышенно-враждебныхъ Россіи интригановъ, какъ думаютъ нѣкоторые наши публицисты, а какихъ-то судящихъ и рядящихъ и власть имущихъ институтокъ, съ ихъ простодушіемъ, малодушіемъ, легкомысліемъ и невѣжествомъ!.. Но нѣтъ! непростительно и постыдно было бы такое уныніе, въ виду тѣхъ великихъ преобразованій нынѣшняго царствованія, которыя, пробивъ эти описанныя нами сферы, призвали къ жизни массы Русскаго народа и связали ихъ тѣснѣйшими узами съ верховною властью; въ виду уже явленныхъ намъ откровеній народнаго историческаго духа на высшей высотѣ нашего всенароднаго и государственнаго представительства. Не той странной средѣ, не тѣмъ сферамъ, о которыхъ мы говорили, обязана Россія своимъ новымъ бытіемъ и всѣми новыми притоками силъ, хлынувшими въ нее въ послѣднія десять лѣтъ, а вождю народа и тѣмъ народнымъ духовнымъ стихіямъ, которыми живетъ, существуетъ, движется и предъявляетъ права на великую будущность наша Россія. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже обладаемъ великими задатками, великими ручательствами, какъ въ преобразованіяхъ, свершенныхъ инициативою и волею Государя, такъ и во внѣшней нашей политикѣ,—ручательствами въ томъ, что русская народная историческая идея, вопреки «Вѣсти», вопреки всѣмъ подобнымъ петербургскимъ произрастеніямъ и темнымъ силамъ, одержитъ верхъ и все полнѣе и полнѣе будетъ сказываться въ нашей государственной жизни. Что значать зловѣщія увѣренія «Вѣсти», разославшей на дняхъ какія-то печатныя инсинуаціи въ видѣ летучихъ листовъ, съ просьбою раздать ихъ въ кругу своихъ знакомыхъ, какія-то печатно-тайнственныя нашептыванія о томъ, что «обстоятельства рѣшительно благопріятствуютъ дальнѣйшему развитію тѣхъ идей, которыя составляютъ основу

этого изданія?» Что значать, повторяемъ, всё эти ея пуганія, всё эти явленія нашей безнародности въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ, — рядомъ съ такимъ, напрямѣръ, политическимъ дѣйствіемъ Россіи, какъ декларація 29 октября, рядомъ съ этимъ «первымъ шагомъ Россіи на свободно-славянскомъ политическомъ полѣ», какъ выражаются съ восторгомъ въ Бѣлградѣ? Наши единоплеменники видятъ въ ней «лучезарную зарю новой великой исторической жизни, восходящую для Россіи и для единовѣрныхъ и единоплеменныхъ съ нею народовъ Востока». «Россія объявляетъ намъ—пронеслось электрической искрой по всему Востоку,—что часть нашего освобожденія пробилъ». Впрочемъ пусть прочтутъ читатели сами письмо нашего бѣлградскаго корреспондента, писанное, по его словамъ, «подъ первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ въ Сербіи новой великодушной политикой императора Александра II».

Такой же лучезарной зари ждуть для себя и Славяне австрійской имперіи. «Всему есть мѣра на землѣ, есть также мѣра скромности и терпѣнію. Но никакое терпѣніе не выдержать, глядя на преслѣдованія и страданія Славянъ австрійскихъ». Такъ начинается свое письмо къ намъ одинъ, всякаго довѣрія заслуживающій, русскій путешественникъ съ австрійскихъ береговъ Дуная,—письмо, въ которомъ онъ яркими красками рисуетъ положеніе Славянъ, гнетомыхъ Поляками, Мадырами и австрійскими Нѣмцами. Пусть читатели сообразятъ вмѣстѣ всё эти письма и корреспонденціи изъ Бѣлграда, съ Дуная, изъ Хорватіи и изъ Галиціи, вчерашнее письмо изъ Пешта, и имъ представится полная картина какъ бѣдствій, испытываемыхъ въ Европѣ славянскими племенами, какъ ихъ ожиданій и упованій, такъ и всѣхъ козней и честолюбивыхъ замысловъ мадыарско-австрійской политики. Тяжелому искусу подвергнуты теперь Славяне. Не за свою вину гонимы они, а имъ ставится въ вину самое существованіе Россіи—отъ нихъ требуютъ не только вѣрно-подданническаго долга коронѣ Габсбуровъ, который соблюдался ими всегда строже и неукоснительнѣе, чѣмъ ихъ гонителями Поляками, Мадырами и Нѣмцами, но требуютъ духовнаго отреченія отъ Россіи, т. е. отъ исповѣданія Россіи, какъ главы Славянскаго міра, требуютъ, слѣдовательно,

духовной измѣны своей народности, всему Славянству. Уже прошло то время, когда на умы славянскихъ народовъ могла дѣйствовать польская и нѣмецкая ложь о мнимыхъ замыслахъ Россіи, о ея стремленіяхъ къ завоеваніямъ и къ подчиненію Славянъ своей государственной власти. Теперь Славяне знаютъ и вѣрятъ, что даже мысль о поглощеніи независимости славянскихъ племенъ ненавистна въ Россіи, и полагаетъ она свое предназначеніе въ томъ, чтобы призвать всѣхъ ихъ къ жизни, самобытности и свободѣ. Мы ли останемся глухи къ ихъ мольбамъ и воплямъ, когда они гонимы и мучимы за насъ, за то что мы имъ братья, за то что мы могучи, за то что держимъ высоко славянское знамя, и что носить на челѣ своемъ Россія печать своего великаго призванія? Пусть наши единоплеменники пребываютъ въ вѣрѣ въ Россію до конца, — но какимъ бременемъ великаго, святаго долга ложится на насъ эта вѣра! ложится на всѣхъ безраздѣльно, на правительство, какъ и на общество, на каждаго изъ васъ, читатели!

Москва, 18-го ноября.

Мы говорили вчера, что вопросъ о свѣтской власти папы есть вопросъ о самомъ католическомъ вѣроученіи, — вопросъ, съ которымъ связаны судьбы католической церкви, всего латинскаго Запада. Къ латинскому ли Западу должны мы отнести Славянъ — Чеховъ и Моравовъ, и Хорватовъ и иныхъ Славянъ латинскаго вѣроисповѣданія? Къ Риму ли прикованы они узами вѣры и общенія церковнаго? Современная исторія даетъ отвѣтъ удовлетворительный, но вопіетъ противъ него все славное прошлое этихъ племенъ, возстаетъ противъ него пробудившееся снова къ жизни славянское самосознаніе, противорѣчить ему вся духовная сущность славянской народности. И теперь, когда римскій вопросъ волнуетъ недоумѣніемъ, мучаетъ неразрѣшимостью весь католическій міръ, не въ чужомъ ли пиру похмѣльемъ является прикосновенность западныхъ Славянъ къ этому вопросу? Латиняне ли они развѣ? Будутъ ли они вмѣстѣ съ Латинянами томиться неразрѣшимостью задачи о папствѣ, кружиться и

путаться въ противорѣчїи, тщетно отыскивая изъ него выхода, когда разрѣшеніе у нихъ подь рукою, когда имъ стодить только освѣжить свою историческую память, допросить преданїа, обратиться къ лучшей порѣ своего прошлаго, воспоминанїемъ о которой живится въ нихъ и теперь сознанїе и чувство народности. Старина славянская не есть отжившая, но живая сила; славянская археологія не есть интересъ отвлеченной науки, но животрепещущїй интересъ дѣйствительности. Не славянскїе ли апостолы Кирилль и Меѳодїй принесли свѣтъ христіанства къ Моравамъ и Чехамъ? Не ихъ ли письменнымъ глаголомъ славословится и донынѣ истина Христова у православныхъ Славянъ, и не ихъ ли отреклися Славяне, уловленные и полоненные Римомъ? Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ языкѣ возносились у нихъ хваленїа славянскимъ первоучителямъ, по случаю недавняго тысячелѣтняго юбилея крещенїа Моравской земли? Не латинскою ли литургїей чествовалась память мужей давшихъ Славянамъ литургїю славянскую? Не латинскими ли письменами выражалась благоговѣйная признательность потомковъ — изобрѣтателямъ народныхъ славянскихъ письменъ? Не постыдно ли, не бессмысленно ли такое противорѣчіе, не преступно ли въ немъ пребывать и упорствовать? А между тѣмъ не трудно припомнить Чехамъ, какую борьбу вели они съ папой изъ-за славянской литургїи, до самаго XII вѣка; не могутъ они не припомнить, что православныя преданїа не вымирали до XV вѣка и сказались въ явленїи Гуса. Въ Гусѣ и цѣломъ рядѣ гуситскихъ войнъ выразилась борьба Чехїи за духовную самостоятельность Славянства противъ латинской жи, — и величая нынѣ имя этого мученика духовной свободы и славянской народности, чтѣ приносятъ въ даръ современные Чехи на алтарь его памяти? Не ту ли неволю, не то ли же самое духовное рабство, отъ котораго надѣялся онъ спасти Чешскїй народъ своею мученическою смертїю, — не примиренїе ли съ тѣми именно началами, которыя онъ считалъ гибельными для славянской народности, съ которыми завѣщалъ вѣчную и непримиримую вражду? Такїя внутреннїя противорѣчїа обойдены быть не могутъ, и только легкомысліе можетъ мечтать — воздвигнуть на подобной духовной расщелинѣ прочное и цѣльное зданїе народности.

Не живы ли преданія православія и у Славянъ адриатическихъ, къ несчастію олатиненныхъ? Не считаетъ ли и теперь (какъ убѣждаютъ въ томъ свидѣтельства путешественниковъ и наши личныя наблюденія) Славянинъ-католикъ изъ простаго народа въ Хорватіи и на всемъ Далматинскомъ побережьи вѣру православную — старою вѣрою и молитвы православныхъ священниковъ — болѣе дѣйствительными чѣмъ молитвы латинскихъ патеровъ? — Мы не можемъ пускаться тѣперь въ подробныя изслѣдованія всѣхъ слѣдовъ исторической памяти православія, сохранившихся у олатиненнаго Славянства, — мы считаемъ достаточнымъ напомнить о нихъ пробудившейся или еще пробуждающейся славянской совѣсти. Ей предстоитъ теперь совершить дѣло не отступленія отъ вѣры предковъ, а возвращенія къ вѣрѣ предковъ.

Нѣтъ ничего пагубнѣе, для истиннаго возрожденія славянской народности, той ложной мысли, что народность стоитъ выше вѣры, что вѣроисповѣданіе есть дѣло только совѣсти личной, и что славянскіе патріоты должны относиться къ нему безразлично. Такимъ образомъ, по ихъ понятіямъ, «народность» выходитъ какимъ-то понятіемъ виѣшнимъ, безъ внутренняго, духовнаго содержанія, — между тѣмъ какъ именно въ содержаніи вся суть и сила. Пусть обратятся къ исторіи: латинство и православіе, какъ мы уже не разъ говорили, это тѣ историческія и духовныя начала, подъ воздѣйствіемъ которыхъ двинулись различными историческими путями, сложились и образовались различно народности въ западной и восточной Европѣ. Быть латиняниномъ значитъ принадлежать къ латинской церкви, имѣть своимъ духовнымъ отечествомъ Римъ, состоять въ духовномъ соединеніи со всѣмъ латинскимъ западнымъ міромъ, примыкать, въ извѣстной степени, къ его нравственнымъ и историческимъ судьбамъ. Быть православнымъ значитъ состоять въ духовномъ союзѣ съ восточною церковью, съ міромъ греко-славянскимъ. Въ силу этого глубокаго духовнаго различія дѣлится европейскій міръ на двѣ половины, на два міра — на Востокъ и Западъ: это не географическіе термины, а термины качественные, означающіе различіе просвѣтительныхъ началъ, ставшихъ дѣйственными силами въ исторіи человѣчества. Міръ восточный есть міръ православно-славянскій, котораго представитель-

ницей является Россія, къ которому примыкають и влекутся неодолимымъ влеченіемъ всѣ даже иновѣрныя славянскія племена, въ комъ не успѣло запустить глубокихъ корней латинство, — міръ самобытный, съ несомнѣннымъ залогомъ великой исторической будущности, ненавидимый западною Европою. Мѣрой ненависти европейской измѣряется, какъ мы уже говорили однажды, въ каждомъ славянскомъ племени внутренняя прочность славянскаго элемента. Не могутъ не причислить себя Славяне, хотя бы и католики, къ міру восточному: чтó бы они ни дѣлали, — Западъ ихъ не признаётъ *своими*, пока не отрелись они отъ славянской народности. Если православные ему ненавистны, то и католики-Славяне не сыны, а только *пасынки* западной Европы, и для нихъ она все же не мать, а мачиха. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только одно усыновлено Западомъ вполнѣ — это именно то племя, которое приняло латинство себѣ въ плоть, кровь и душу, которое отрелось отъ братства славянскаго и стало передовымъ войскомъ латинскаго Запада противъ православно-славянскаго міра, — это племя польское. Его похитилъ изъ Славянскаго міра католицизмъ; онъ изгубилъ, онъ заѣлъ его славянскую душу. Если прочія католическія славянскія племена еще сохранили въ себѣ славянскую душу, такъ именно благодаря тому, что они чужды латинскаго фанатизма, что католицизмъ не отождествился съ ихъ народною сущностью, что въ той или другой формѣ, сознательно или бессознательно, еще живутъ въ нихъ преданія православія и сказывается протестъ ихъ духовной славянской природы.

Съ неудержимою силой возникло въ новѣйшее время народное самосознаніе 80 милліоновъ Славянъ. Подъ знаменемъ Кирилла и Меѳодія, еще недавно, здѣсь въ Москвѣ, торжествовалось первое видимое проявленіе всеславянства, праздновался праздникъ славянскаго братства. Но не означаетъ ли знамя Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянскихъ, объединявшее на московскомъ съѣздѣ всѣ славянскія племена, единство началъ просвѣтительныхъ? означаетъ, безъ сомнѣнія, если не какъ совершившійся фактъ, то какъ необходимое требованіе... Безъ объединенія духовнаго не совершится объединеніе Славянскаго міра...

И вотъ, когда потребность объединенія созрѣла въ сердцахъ

славянскихъ племень,—не внѣшняго только, но по преимуществу внутренняго; когда Славяне начинаютъ разумѣть себя наконецъ міромъ особливымъ, славянскимъ, съ своимъ самобытнымъ призваніемъ въ человѣчествѣ и ищутъ сознать свое высшее объединительное начало, — одновременно съ этимъ движеніемъ славянскаго духа, доводитъ логика исторіи духовное начало неславянскаго Запада до того крайняго предѣла абсурда, далѣе котораго идти невозможно. Возстаетъ вопросъ римскій, вопросъ — *быть или не быть* для латинства. Весь католическій міръ призывается къ отвѣту, — исторія предъявляетъ запросъ всеѣмъ членамъ латинской церкви.

Теперь или никогда. Если Славяне хотятъ остаться Славянами, и не только остаться Славянами, но исхитить свою славянскую душу изъ цѣпей духовнаго плѣна, сковывавшихъ ихъ съ судьбами латинскаго міра, — то на вопросъ, предлагаемый имъ современною исторіей, они должны дать отвѣтъ рѣшительный и неуклончивый, должны отречься Рима и всѣхъ дѣлъ его, всенародно и гласно, безъ сдѣлокъ и изворотовъ. Теперь Славяне стоятъ на перепутьи: идти ли имъ въ путь Запада или въ путь Востока, въ путь латинства или въ путь православія, примыкать ли имъ къ судьбамъ западноевропейскаго міра или къ судьбамъ міра греко-славянскаго, — ибо господствующая вѣра въ Славянствѣ, хотя бы только по численности вѣрующихъ, а не по тождеству съ славянскою народною сущностью, есть вѣра православная... Выбирайте же, Чехи, Моравы, Хорваты, Словаки, Словинцы! Хотите ли, вмѣстѣ съ западною Европой, пробавляться религиозными сдѣлками и компромисами безвѣрія съ суетвѣріемъ, вязнуть вмѣстѣ съ нею въ непроходимой чащѣ духовныхъ противорѣчій, — къ тому же не вашихъ, не изъ васъ порожденныхъ, а навязанныхъ вамъ врагами вашей славянской свободы, — или же выйти на тотъ широкій духовный путь истины православной, которымъ идутъ 60 миліоновъ вашихъ славянскихъ братій, которымъ шли первоначально и ваши предки? Хотите ли вы, ревнуя о своей народной славянской самостоятельности, имѣть свою народную церковь, въ качествѣ члена церкви вселенской, или же признавать своимъ духовнымъ центромъ попрежнему латин-

скій Римъ? Хотите ли имѣть главою церкви Христа, или папу?

Мы не видимъ причины, почему, пользуясь свободою вѣроисповѣданія, огражденною конституціей, не могли бы тѣ изъ Славянъ-католиковъ, которые раздѣляютъ нашъ образъ мыслей, отречься отъ латинства, присоединиться къ православію, воскресить древнее славянское богослуженіе и воздвигнуть православные храмы — и въ Прагѣ, и Бернѣ, и въ прочихъ олатиненныхъ мѣстахъ. Кто можетъ имъ въ этомъ воспрепятствовать? Ужели не сознаютъ они, какъ неизбежно, на вѣки вѣковъ, упрочать они духовную самостоятельность своего національнаго развитія, — какой крѣпкій камень положить они во главу угла воздвигаемаго ими зданія своей народности и всего Славянства?

Настоящій мигъ есть вѣщій мигъ. Ужели не внимутъ наши братья, олатиненные Славяне, этому зову исторіи? Во имя ли только одной Россіи или и *всего* Славянскаго міра должно раздаться слово русской державы на этомъ сонмищѣ представителей европейскихъ державъ, призываемыхъ нынѣ судить папѣ, папству и всему вѣроисповѣдному строю латинскаго міра?...

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „МОСКВИЧЪ“.

1868 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Москва, 9-го января.

Въ послѣдній разъ, обозрѣвая политическое положеніе Западной Европы, мы сказали, что если волновавшіе ее въ прошломъ году вопросы и не разрѣшены, то разрѣшенія замѣнены сдѣлками, устраняющими, хоть на нѣкоторое время, опасность нарушенія мира, — и что только есть одинъ вопросъ, на который съ подозрительностью и безпокойствомъ взираютъ западно-европейскія державы—это вопросъ Восточный. Если воспалительный характеръ взаимныхъ ненормальныхъ отношеній этихъ державъ перешелъ въ хроническій, то здѣсь наоборотъ: хроническій недугъ западно-европейской политики, называемый Восточнымъ вопросомъ, получаетъ въ настоящее время видимо воспалительное свойство.

Итогъ прошлаго года представляетъ значительное видоизмѣненіе политической игры и политическихъ ролей въ Европѣ—по отношенію къ Востоку. Только роль самой Россіи осталась неизмѣнна, именно потому, что это не роль, что ея политическій образъ дѣйствій на Востокъ не обусловленъ личными выгодами и случайными соображеніями, а опредѣляется ея историческимъ призваніемъ, національнымъ самосознаніемъ, естественнымъ сочувствіемъ съ угнетенными, страдающими подъ ненавистнымъ игомъ, единовѣрными и единоплеменными ей народами Балканскаго полуострова. О правотѣ и искренности нашей политической программы свидѣтельствуетъ рядъ дипломатическихъ документовъ нашего кабинета, недавно опубликованныхъ и разосланныхъ нами

какъ подписчикамъ «Москвича», такъ и прошлогоднимъ подписчикамъ «Москвы», не успѣвшей во-время сообщить ихъ своимъ читателямъ.

Но если Россія шла и идетъ неизмѣннымъ путемъ, то не таковъ, оказывается, путь союзныхъ ей великихъ державъ. Конецъ 1867 года застаетъ въ Европѣ уже инныя политическія сочетанія, инныя соображенія и цѣлюю сѣтъ новыхъ интригъ, которую, какъ паутину, снуетъ и раскидываетъ на русской дорогѣ западно-европейская дипломатія. Въ первой и даже въ началѣ второй половины прошлаго года, хотя не совсѣмъ охотно и не совсѣмъ искренно, Франція не рѣшалась отдѣляться рѣзко отъ насъ въ Восточномъ вопросѣ, а напротивъ, при всей уклончивости и измѣнчивости своей политики, уступала, болѣе или менѣе, настояніямъ Россіи и присоединялась къ нашему дипломатическому на Турцію походу. Пруссія не только не противилась нашей политической программѣ, но какъ бы побуждала насъ къ ея энергическому выполненію. Оффиціозный органъ графа Бисмарка, «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», то и дѣло твердилъ, что одними убѣжденіями и совѣтами отъ Порты ничего не добьешься, и если желать, чтобы всѣ эти дипломатическія попытки не окончились однимъ пустословіемъ, то необходимо придать имъ характеръ болѣе серьезнаго и рѣшительнаго дѣйствія. Наконецъ, казалось, наша дипломатія одержала побѣду; ей удалось согласить къ общему важному дѣйствию четыре державы, и знаменитая декларация за подписью Россіи, Франціи, Пруссіи и Италіи должна была, повидимому, закончить дипломатическую кампанію на Востокѣ. Но эта же декларация послужила и поворотною точкой для восточной политики западно-европейскихъ державъ. Франція, какъ бы испугавшись сама своей уступки Россіи и тѣхъ обязательствъ, которыя налагала на нее такая солидарность съ русскою политикою,—поспѣшила тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ ослабить значеніе ею же подписаннаго акта. Она не хотѣла рѣзкаго и рѣшительнаго разрыва съ Россіей по отношенію къ восточной политикѣ,—она подписала декларацию, отчасти чтобы польстить Россіи, отчасти связанная, можетъ-быть, своими собственными прежними обѣщаніями и увѣреніями въ желаніи дружнаго и совмѣстнаго съ Россіей образа дѣй-

ствій на Востокъ,—но въ самое то время, какъ подписывалась декларація, совершалось то сближеніе Франціи съ Австріей, которое немислимо безъ единства политическихъ видовъ относительно Турціи, такъ какъ Восточный вопросъ есть жизненный вопросъ для державы Габсбурговъ.

Какъ бы то ни было, но зальцбургское свиданіе императоровъ Наполеона и Франца-Иосифа и послѣдовавшее затѣмъ сближеніе обоихъ кабинетовъ довольно рѣшительно видоизмѣнило восточную политику Франціи. Это сближеніе и это видоизмѣненіе, вмѣстѣ съ тѣмъ истолкованіемъ, которое дано было деклараціи французскимъ кабинетомъ, не могло не оказать вліянія на взаимныя отношенія Франціи и Россіи. Объ охлажденіи между ними уже давно говоритъ иностранная журналистика, а обнародованіе въ печати нашей дипломатической съ Франціей переписки, обличившей всю неискренность и уклончивость ея политики, прибавило еще болѣе горечи къ чувствамъ французскаго кабинета. Оффиціозная газета «Patrie» какъ будто подрядилась дать этимъ нашимъ документамъ самое превратное толкованіе и посвятила длинный рядъ статей на то, чтобы не только ослабить благоприятное для насъ впечатлѣніе, которое способна была произвести эта оффиціальная переписка, но обратить ихъ въ обвинительный актъ противъ самой Россіи. Западная политика употребила всѣ усилія, чтобы отнять у деклараціи всякое значеніе, низвести ее на степень самаго ничтожнаго документа, самой пустой, несостоятельной угрозы, и тѣмъ нанести пораженіе русскому кабинету, такъ дорожившему этимъ актомъ, этимъ «*согласіемъ*» четырехъ державъ. Что осталось теперь отъ этого согласія? Изъ упомянутыхъ четырехъ державъ, первая Франція, отдѣлившись отъ Россіи, присоединилась на Востокъ къ политикѣ той державы, которая наотрѣзъ отказалась подписать декларацію и которой политическіе виды относительно Турціи діаметрально противоположны видамъ Россіи. Отношенія Пруссіи къ подписанному ея обязательству и къ восточной политикѣ Россіи становятся по меньшей мѣрѣ двусмысленны. Декларація, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта Порты, объявляла этой послѣдней, что державы, «истощивъ всѣ усилія согласенія и совѣты, отказываютъ оттоманскому правительству во всякой нравственной поддержкѣ,

способной облегчить ему выходъ изъ затрудненій». Порта дала отвѣтъ отрицательный, а между тѣмъ Франція, вмѣстѣ съ Австріей, продолжаетъ, какъ и прежде, прискивать для Порты различные выходы изъ затрудненій! Въ послѣднее время къ Австріи и Франціи присоединилась и Пруссія, и коллективное ихъ настояніе относительно разныхъ реформъ, предлагаемыхъ ими Портѣ, свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторомъ сближеніи между этими тремя державами по вопросамъ восточной политики. По крайней мѣрѣ иностранныя газеты съ торжественнымъ ликованіемъ и злорадствомъ относительно Россіи, указываютъ на этотъ фактъ какъ на положительный признакъ сближенія. Италия еще не отдѣлялась отъ русской политики на Востокѣ, но вѣроятно и она не замедлитъ потянуть въ ту же сторону, куда потянула и Пруссія.

Но этого мало. Если державы, подписавшія декларацію, признаютъ, что требуя реформъ, благотворительныхъ для всѣхъ христіанъ, дѣйствуя въ видахъ челоуѣколюбія, онѣ еще не становятся въ прямое противорѣчіе съ этимъ актомъ, то послѣднее ихъ совокупное дѣйствіе, о которомъ на дняхъ сообщилъ намъ телеграфъ, есть уже совершенное нарушеніе и буквы и духа деклараціи. Мы разумѣемъ извѣстіе, напечатанное въ офиціозномъ французскомъ журналѣ «*Patricie*», что Австрія, Франція и Пруссія сдѣлали энергическія представленія въ Бѣлградѣ касательно военныхъ приготовленій Сербіи, характера и тона ея сношенія съ Портою, а Англія препроводила въ Бѣлградъ категорическую ноту въ томъ же смыслѣ. Между тѣмъ извѣстно, что именно провозглашенный въ деклараціи принципъ невмѣшательства со стороны четырехъ великихъ державъ поднялъ духъ христіанскаго населенія Турціи и что именно въ томъ и заключалась задача деклараціи, дабы побудить Порту, страхомъ неотвращаемыхъ отъ нея европейскимъ вмѣшательствомъ опасностей, къ требуемымъ отъ нея уступкамъ.

Повторяемъ, мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ для опредѣленія въ настоящую минуту политическаго положенія Россіи и ея отношеній къ Европѣ. Мы имѣемъ дѣло только съ внѣшними признаками, обнаруживающимися на разныхъ пунктахъ. Они въ послѣднее время участились, и совокупность этихъ признаковъ свидѣтельствуетъ, что западно-евро-

пейская политика остается вѣрна своимъ преданіямъ, своей враждѣ къ Россіи и всему Славянскому міру. Бодто по сигналу, иностранная журналистика вновь затрубила о завоевательныхъ замыслахъ и интригахъ Россіи на Востокъ, именно въ ту самую минуту какъ Россія, обнаруженіемъ дипломатическихъ документовъ, дала доказательства своего безкорыстія. Но въ этомъ-то безкорыстіи, въ томъ именно обстоятельстве, что выведенная на свѣтъ Божій наша политика неминуемо возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе христіанскаго населенія, — въ этомъ во всемъ и видятъ для себя опасность западныя державы.... Укажемъ еще на нѣкоторые признаки, характеризующіе общее политическое положеніе. Оффиціозная австрійская печать, излагая политическую программу барона фонъ-Бейста, объявляетъ рѣшительно, что какъ ни необходимо для Австріи миръ, она готова противодѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ всякой славянской попыткѣ къ освобожденію Востока. Нельзя не поразиться такою перемѣною тона. Давно ли тотъ же самый г. Бейстъ предлагалъ Россіи свои услуги для побужденія западныхъ державъ къ пересмотру парижскаго трактата? Давно ли онъ же, въ разговорѣ съ русскимъ посломъ, графомъ Штакельбергомъ, «отрекался вполнѣ отъ прежней политической на Востокъ системы Вѣнскаго кабинета», излагалъ взгляды объ «автономіи или selfgovernment» христіанскихъ народовъ Турціи, — взгляды, какъ выражается нашъ посоль, «согласившіеся вполнѣ съ исконными началами нашей политики?» Это было съ небольшимъ годъ тому назадъ (см. донесеніе графа Штакельберга князю Горчакову отъ 16 ноября 1866 года). И что же видимъ мы теперь? Австрія не только объявляетъ себя враждебною всякимъ попыткамъ восточныхъ христіанъ къ осуществленію этихъ началъ, но чуть-чуть не угрожаетъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ, — наперекоръ политикѣ русской, провозгласившей принципъ невмѣшательства. Такая перемѣна тона явно свидѣтельствуетъ, что Австрія не чувствуетъ себя болѣе слабою и изолированную, а напротивъ поддержанною; и дѣйствительно, она въ своемъ новомъ политическомъ пути опирается на поддержку иныхъ державъ, и именно Франціи и Англіи. Въ то же самое время Порта видимо приободряется, заключаетъ новый заемъ, что было бы

положительно невозможно безъ гарантій французскаго или англійскаго правительства, а усилія французскаго и австрійскаго кабинетовъ также видимо направлены къ тому, чтобы разстроить дружественныя отношенія Россіи и Пруссіи. Та же самая оффиціозная австрійская печать, которая становится въ такое рѣшительное противорѣчіе съ дипломатическимъ образомъ дѣйствій Россіи и съ провозглашеннымъ ею началомъ невмѣшательства, одушевилась теперь самыми нѣжными и любовными чувствами къ гегемоніи прусской; французскій кабинетъ также не перестаетъ увѣрять Пруссію въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, — а въ послѣднее время даже и часть прусской печати (напримѣръ «Крестовая Газета») начинаетъ прямо проповѣдывать о преимуществѣ для Пруссіи австро-французскаго союза передъ союзомъ съ Россіей.

Такимъ образомъ къ 1868 году Россія какъ бы является вновь одинокою на своемъ политическомъ пути, которымъ шла, и идетъ, и будетъ идти неизмѣнно, хотя бы и была оставлена всѣми своими союзниками, всѣми тѣми, которые вмѣстѣ съ нею подписали знаменитую декларацію. Ближайшимъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ такого новаго положенія дѣлъ будетъ, можетъ-быть, новая отсрочка разрѣшенія Восточнаго вопроса, если западнымъ державамъ удастся, своимъ вліяніемъ и угрозами, предотвратить возстаніе, будущю весною, того или другаго христіанскаго племени въ Турціи. Но если, на этой горячей вулканической почвѣ, предотвратить вспышки имъ не удастся, если мѣра терпѣнія христіанъ дѣйствительно переполнена, если послѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, какое-нибудь вооруженное вмѣшательство Австріи, одной или съ другими державами, въ дѣла Востока, — тогда, нѣтъ сомнѣнія, Россія исполнитъ и найдеть въ себѣ достаточно силъ исполнить свое высокое историческое призваніе.

Обозначивъ внѣшними признаками общее политическое положеніе Восточнаго вопроса въ данную минуту, рассмотримъ внимательнѣе: что же произвело такую перемѣну въ направленіи западно-европейской политики въ теченіи года, въ какой степени перемѣну эту можно считать рѣшительною, и точно ли Россія одинока въ Европѣ?...

«Для Пруссіи нѣтъ ни малѣйшей выгоды содѣйствовать развитію и усиленію панславизма», — говоритъ прусская «Крестовая Газета», исчисляя поводы къ сближенію Пруссіи съ Австріей, — и этому мнѣнію громко и съ радостью вторитъ и французская политическая печать. Слово выговорено; врагъ названъ, и имя его скоро сдѣлается пугаломъ всего европейскаго Запада... Не въ этомъ ли словѣ должны и мы искать ключъ къ разгадкѣ современнаго фазиса европейской политики?... Но объ этомъ до другаго раза.

Москва, 11-го января.

«Политическое одиночество Россіи» — вотъ, по единодушному сказанію иностранной журналистики, къ чему направлены теперь всѣ усилія западно-европейской политики, преимущественно австро-французской; вотъ въ чемъ лежитъ залогъ европейскаго мира и тишины. Съ этою цѣлью Парижъ и Вѣна интригуютъ и кокетничаютъ съ Берлиномъ, желая отдалить Пруссію отъ совмѣстнаго образа дѣйствій съ Россіей по вопросамъ внѣшней политики. Пруссія, повидимому, очень довольна такими ухаживаніями и намѣрена извлечь изъ нихъ всѣ возможныя для нея выгоды. Возвѣщая, посредствомъ своего органа, «Всеобщей Сѣверогерманской Газеты», что нѣтъ надобности ради завязывающихся добрыхъ связей съ однимъ сосѣдомъ ссориться непременно съ другимъ, и что всего лучше держаться хорошихъ отношеній съ обоими (т. е. и съ Австріей, и съ Россіей), графъ Бисмаркъ, безъ всякаго сомнѣнія, постарается обезпечить себя со стороны Франціи надежными ручательствами мира, и заручиться вмѣстѣ съ тѣмъ какими-нибудь полезными, для своихъ видовъ въ Германіи, гарантіями и отъ австрійскаго кабинета. Въ то же время, если возжигать пламя войны не входитъ въ его политическую смѣту 1868 года, онъ не откажется принять нужныя мѣры и на Востокѣ, чтобы потушить за-благовременно искру, готовую вспыхнуть и разгорѣться всеобщимъ пожаромъ. И дѣйствительно — если только извѣстіе вполне справедливо — Пруссія, вмѣстѣ съ Франціей, Австріей и Англіей, производитъ, по французскому выраженію, надле-

жащее давленіе на сербскаго князя, т. е. дѣлаеть ему «энергическое» представленіе о томъ, чтобы онъ умѣрилъ свой тонъ въ сношеніяхъ съ Портой, пересталъ ее тревожить воинственными демонстраціями и прекратилъ свои приготовления къ войнѣ. Конечно, такой образъ дѣйствій несогласенъ съ обязательствомъ, налагаемымъ на Пруссію деклараціей, подписанной ею вмѣстѣ съ Россіей, и вообще съ русской политической системой на Востокъ, но тутъ еще нѣтъ повода къ ссорѣ съ русскимъ сосѣдомъ, а есть достаточный поводъ содержать въ миролюбивомъ *напряженіи* и поставить нѣкоторымъ образомъ въ зависимость отъ прусской политики кабинеты парижскій и вѣнскій. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы, несмотря на всѣ усилія, затушить искру на Востокъ не удалось, и вспыхнувшее пламя обхватило собой и Австрію, слѣдовательно и всю Европу, то конечно положеніе, которое въ такомъ случаѣ приметъ Пруссія относительно Франціи, Австріи и Россіи, будетъ имѣть немалое вліяніе на судьбы міра. Какое положеніе приметъ Пруссія въ виду такой случайности, — этотъ вопросъ, какъ ни желаютъ добиться заранѣе его предрѣшенія оба императора, и Наполеонъ III и Францъ-Иосифъ, — прусскій государственный министръ, безъ сомнѣнія, оставитъ открытымъ: такое положеніе дѣла для Пруссіи всего выгоднѣе.

Какая же причина заставила французскій кабинетъ измѣнить прежній уклончивый характеръ своей дипломатіи и съ такою рѣшимостью возстать противъ плановъ русской восточной политики? Мы разумѣемъ здѣсь, кромѣ проекта о внутреннемъ устройствѣ Оттоманской имперіи на началахъ автономіи христіанскихъ общинъ, — также то предложеніе Россіи, въ силу котораго Восточный вопросъ долженъ быть локализованъ, т. е. ограниченъ мѣстностью самой Турецкой имперіи, и рѣшеніе его должно быть предоставлено собственнымъ силамъ христіанскаго населенія Турціи, безъ всякаго вмѣшательства со стороны европейскихъ державъ... Не отрекалась ли этимъ самымъ Россія отъ приписываемыхъ ей завоевательныхъ замысловъ? Не связывала ли она себѣ руки? Не утверждаютъ ли у насъ многіе, и даже весьма авторитетные публицисты, что у Франціи и Россіи нѣтъ столкновенія противоположныхъ интересовъ на Востокъ?...

Мы, съ своей стороны, не раздѣляемъ этого мнѣнія: столкновенія интересовъ матеріальныхъ, пожалуй, и нѣтъ; за то нельзя не признать противоположности интересовъ духовныхъ, т. е. противоположности интересовъ міра латинскаго, католическаго, котораго Франція есть искони представительница, съ интересами міра православнаго, во главѣ котораго стоитъ Россія. Вся исторія французской политики на Востокѣ подтверждаетъ истину нашихъ словъ; и какъ бы ни отрицала современная французская интеллигенція практическое значеніе духовно-историческихъ началъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложилась французская нація, все-таки, сознательно или несознательно для ея вождей,—эта историческая духовная *натура* Франціи беретъ свое и сказывается въ рѣшительные моменты исторіи. Примѣръ мы видѣли недавно—въ Римѣ; не перестаемъ видѣть и на Востокѣ. Впрочемъ, даже устраняя эту не всѣми сознаваемую причину нашего раздора съ Франціей по отношенію къ Турціи, мы не можемъ затрудниться въ объясненіи новѣйшаго поведенія Франціи въ Восточномъ вопросѣ. Стоитъ только вспомнить зальцбургское свиданіе...

Поддержаніе и упроченіе могущества Австріи торжественно признано современною задачею французской политики—самимъ императоромъ Наполеономъ въ тронной рѣчи его, произнесенной годъ тому назадъ, при открытіи парламентской сессіи. Въ сохраненіи австрійской державы заключается, по словамъ императора, необходимое условіе европейскаго равновѣсія, нарушеннаго внезапнымъ ростомъ Пруссіи и образованіемъ Сѣверогерманскаго Союза. И дѣйствительно, Австрія представлялась и представляется, какъ французскимъ государственнымъ мужамъ, такъ и каждому изъ Французовъ, естественною союзницей Франціи, естественнымъ противѣсомъ той грозной силѣ, которая создалась въ одинъ годъ у самыхъ предѣловъ Французской имперіи. Изъ всѣхъ иностранныхъ державъ Австрія, недавно ненавидимая и осмѣиваемая, теперь, безспорно, самая популярная между Французами: въ этомъ нѣтъ ни моды, ни случайности, ни увлеченія, а инстинктъ самосохраненія, общій всѣмъ французскимъ партіямъ безразлично. Но чтѣ значитъ поддержаніе Австріи, упроченіе ея могущества, какъ великой европейской

державы? Прусская кампанія не лишила Австріи ни клочка земли, а только выключила ее изъ Германскаго Союза. Возвратиться силою въ этотъ Союзъ не можетъ входить въ планы Австріи и еще менѣе въ планы Франціи, при посредствѣ которой заключенъ былъ миръ между имперіей Габсбурговъ и возникающею имперіей Гогенцоллерновъ. Поддержать Австрію—значить устранить тѣ внутреннія причины слабости, которыя привели ее къ гибели, упрочить ея внутреннее устройство, т. е. пересоздать ее на новыхъ, болѣе крѣпкихъ началахъ. Здѣсь, само собою разумѣется, выступаетъ на первый планъ вопросъ о различныхъ національностяхъ австрийской имперіи (въ чемъ именно и заключалась причина ея слабости), слѣдовательно — вопросъ *Славянской*. Новая начала, на которыхъ пересоздалась теперь Австрія, — это *дуализмъ*, т. е. раздѣленіе имперіи на двѣ половины: венгерскую и цислейтанскую, съ двумя отдѣльными и однимъ общимъ министерствомъ, подъ верховнымъ конституціоннымъ правленіемъ короля-императора. Въ сущности эта система есть признаніе политическаго господства за двумя національностями, мадьярской и нѣмецкой: Славяне, различныхъ наименованій, которые составляютъ преобладающее, по численности населенія, племя въ имперіи, подѣлены между обѣими половинами. За исключеніемъ Поляковъ, остальные 17 милл. Славянъ не примирились съ новой системой, требуя и для себя признанія тѣхъ же, или почти тѣхъ же, правъ, которыми надѣлены Мадьяры. Несмотря на все пренебреженіе, оказанное барономъ Бейстомъ славянскому элементу, несмотря на то, что славянскія требованія не находятъ себѣ сочувствія въ Европѣ, какое находили національные порывы Мадьяръ и Поляковъ, несмотря на то, что вѣнское правительство, повидимому, торжествуетъ побѣду, выросло въ собственныхъ глазахъ и глазахъ Европы, — оппозиція большинства населенія обѣихъ половинъ имперіи не можетъ не беспокоить и не раздражать Мадьяръ и Нѣмцевъ, не можетъ не тревожить барона Бейста, равно и всѣхъ тѣхъ, которымъ дорого «управленіе могущества Австріи». Такимъ образомъ, Франція, заинтересованная въ судьбѣ Австріи, заинтересована теперь непосредственно и *въ вопросъ Славянскомъ*.

Этотъ вопросъ въ настоящее время важнѣе для Франціи

чѣмъ вопросъ Восточный. Можно сказать, что самый Восточный вопросъ утратилъ теперь свое самостоятельное, перво-степенное значеніе для французской политики и цѣнится ею теперь не столько самъ по себѣ, сколько въ мѣру своей связи съ вопросомъ Славянскимъ, слѣдовательно и съ судьбами Австріи. Сказать: «Славянский вопросъ» — это значитъ другими словами сказать: вопросъ всего Славянскаго міра, а этотъ міръ не замыкается предѣлами австрійской державы, но объемлетъ собою, съ одной стороны, всю Россію, съ другой — такъ называемый «Востокъ», т. е. Оттоманскую имперію съ ея «Восточнымъ вопросомъ». Уничтоженіе Оттоманской имперіи значитъ освобожденіе, возрожденіе къ политической жизни и независимости подвластныхъ Турціи славянскихъ племенъ, т. е. цѣлыхъ восьми или болѣе милліоновъ Славянъ, — а такое возрожденіе не можетъ не усилить и безъ того грознаго славянскаго элемента австрійской державы. Славянская независимость по ту сторону Дуная и Савы — опасный сосѣдь для славянской зависимости отъ Мадьяръ и Нѣмцевъ по сю сторону Дуная и Савы. Славянское движеніе въ Турціи неминуемо отзовется въ средѣ Славянъ австрійскихъ, а эта среда числитъ въ себѣ 17 милліоновъ, 17 милліоновъ *недовольныхъ!* Недовольство 17 милліоновъ Славянъ, при довольствѣ Мадьяръ и Нѣмцевъ, — вотъ фундаментъ новаго, воздвигаемаго Бейстомъ, австрійскаго государственнаго зданія, — зданія, которое Франція взялась поддерживать. Созидать на такомъ основаніи — мысль, конечно, дерзкая, обличающая, кромѣ того, глубочайшее презрѣніе къ политической способности и силѣ національнаго духа славянскихъ племенъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло. Историческая *натура* австрійскаго государства — нѣмецкая; нѣмецкимъ гениемъ оно создано и до сихъ поръ держалось, нѣмецкій элементъ составляетъ, безспорно, ея жизненную, господствующую, не количественную, а качественную силу. Отречься отъ этого значенія нѣмецкаго элемента въ пользу Славянъ Австрія не можетъ, не совершивъ надъ собою самоубійства; она подѣлилась властью съ мадыарскою націей, дабы укрѣпить себя силою матеріальной, и потому что при такомъ раздѣлѣ нѣмецкая народность все же удерживаетъ за собой преобладаніе хотя въ одной половинѣ имперіи; по-

дѣлиться же властью съ Славянами—это равнялось бы, повторяемъ, отреченію отъ господства нѣмецкаго духа, историческаго зиждителя австрійскаго государства. Кромѣ того, признать справедливое право славянской національности—не дозволяютъ Нѣмцу его вѣковая вражда, ненависть и презрѣніе къ славянскому племени. Всѣ эти чувства, конечно, умѣряются цивилизаціей, нерѣдко отрицаются, не всегда сознаются, но они тѣмъ не менѣе продолжаютъ пребывать со всею слѣпою силой инстинкта, вопреки всякимъ благоразумнымъ расчетамъ управляютъ судьбами Австріи, и, въ ея рѣшительные историческіе моменты, даютъ себя знать во всей своей первоначальной дикости: въ эти моменты вдругъ въ цивилизованномъ Нѣмцѣ, въ его отношеніяхъ къ Славянамъ, пробуждается что-то похожее на чувство средневѣковаго рыцаря къ *виленамъ*. Скорѣе способенъ Нѣмецъ сдѣлать уступку Азіатцу, преклониться предъ его грубою матеріальной силой,—какъ это и творять теперь австрійскіе Нѣмцы предъ Мадыярами,—нежели признать права на самостоятельность и будущность славянской народности.

Какъ бы то ни было, но понятно теперь, что главная задача австрійской государственной политики—покорить австрійскія различныя славянскія племена системѣ дуализма, или по крайней мѣрѣ примирить ихъ съ нею. Понятно также, что все способное пьтать, возвышать, возбуждать въ этихъ племенахъ ихъ національный духъ, ободрять и обнадеживать ихъ успѣхъ въ борьбѣ съ австрійскою государственной властью,—все это можетъ быть этой власти только ненавистно, затрудняетъ ее въ достиженіи цѣли, представляется серьезною опасностью для того «упроченія могущества и величія австрійской державы», котораго такъ добивается баронъ Бейсть и не менѣе его—императоръ Французовъ.

И вдругъ, въ то самое время какъ баронъ Бейсть, казалось, смѣлыми маневрами прижалъ, по своему выраженію, къ стѣнѣ всѣ эти національности—чешскую, моравскую, русскую (*ruthenisch*), сербскую, хорватскую, словацкую, словенскую, и безцеремонно презрѣлъ ихъ настоятельныя требованія,—поднялась, обличилась и предстала грознымъ привидѣніемъ идея *Славянства*. Ея существованіе было не безъпзвѣстно австрійскимъ государственнымъ людямъ и самой

Европѣ, но она представлялась имъ какой-то отвлеченною мыслью, искусственнымъ понятіемъ, ученымъ терминомъ, безсильною утопій. Правда, она проявилась и въ жизни, во время революціи 1848 года, но проявившись, доказала только всю свою политическую несостоятельность, ибо признала себя неспособною жить безъ нѣмецкой государственной центральной власти и вновь водворила ее, трудами и кровью Славянъ, на австрійскомъ престолѣ. Такое дѣйствіе только усугубило презрѣніе Нѣмцевъ къ идеѣ панславизма и утвердило въ нихъ вѣру въ нѣмецкое право на господство. Но 1867 годъ составляетъ эпоху въ исторіи Славянскаго міра. Надъ племеннымъ эгоизмомъ, надъ индивидуальнымъ народнымъ сознаниемъ каждаго славянскаго племени, возобладало сознание всеславянства, и сознание это явилось уже не отвлеченною, а живою, реальною силою...

Что же произошло?

Произошло то, что въ это самое время славянское самосознание пробудилось наконецъ и въ славянской Россіи, вызванное работой ея внутренняго народнаго самосознанія. Произошло то, что должно было произойти: съ одной стороны 17 милліоновъ Славянъ, оскорбленныхъ въ своемъ народномъ чувствѣ, угнетенныхъ въ правахъ своей національности; съ другой стороны 60 милліоновъ Славянъ, высоко вознесшихъ славянское знамя, создавшихъ величайшую въ мірѣ, могущественную, единственную пока вполнѣ независимую славянскую державу. Преграда недоразумѣній пала между ними, — они сознали себя братьями и выразили это сознание словомъ; угнетенные въ своихъ національныхъ правахъ Славяне почувствовали, что ихъ національность не можетъ погибнуть, увѣровали въ себя и въ свое историческое призваніе. Таковъ былъ смыслъ славянскаго съѣзда въ Россіи, въ маѣ 1867 года. Не было установлено никакой политической программы, никакого условнаго образа дѣйствій, — не было преподано никакихъ политическихъ совѣтовъ, никакихъ наставленій; не произнесено, да и не задумано было со стороны Русскихъ никакого внушенія гостямъ-Славянамъ о какомъ-либо неповиновеніи Славянъ своей государственной власти, не выражено никакихъ намѣреній или предположеній не только о поглощеніи Славянъ Россією, но даже о полити-

ческомъ объединеніи славянскихъ племенъ подъ верховенствомъ Россіи. Выражено было одно: радость встрѣчи, радостное сознаніе своего братства, своихъ братскихъ узъ, и искреннее горячее пожеланіе—да призовутся всѣ славянскія племена къ жизни, къ свободѣ, къ самостоятельному развитію. Ссылаемся во свидѣтельство истины нашихъ словъ на нѣмецкіе журналы, издающіеся въ Россіи (напр. St.-Petersburger Zeitung, газета «Вѣсть», печатающая по-русски), которые именно глумились надъ тѣмъ, что славянскій съѣздъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ, а все ограничивалось выраженіемъ чувствъ и празднымъ словоговореніемъ. Пусть такъ; мы не споримъ. Но западный міръ почувалъ новое вѣяніе славянскаго духа, призналъ за идеей славянства новую, небывалую нравственную силу, и хотя ни одинъ изъ австрійскихъ славянскихъ подданныхъ не уклонился отъ легальнаго пути,—однако самый тотъ фактъ, что не умерла и не спитъ славянская національность, а живуча, и хочетъ жить, и предъявляетъ права свои на жизнь, — одинъ этотъ простой фактъ достаточенъ для того, чтобы смутить западную Европу и встревожить ея совѣсть страшнымъ призракомъ опасностей, созданнымъ ея собственнымъ воображеніемъ.

«Панславизмъ» — вотъ современное пугало Франціи, Австріи и Германіи; вотъ новая стѣна, ставшая между Россіей и остальной Европой, между Востокомъ и Западомъ; вотъ новый властитель думъ западно-европейскихъ политиковъ, подъ воздѣйствіемъ котораго отсрочиваютъ они рѣшеніе Восточнаго вопроса; вотъ наконецъ тотъ призывный кличъ къ бою, къ крестовому походу на Россію и на Славянскій міръ, который еще не раздался, — раздастся, можетъ быть, и не скоро, но рано или поздно раздастся неминуемо.

Откуда же такая вражда и злоба?

Москва, 14-го февраля.

Какъ шумъ приближающейся бури, доносится до насъ тревожный гулъ съ Востока. Омеръ-паша вооружаетъ мусульманское населеніе; шейхъ-уль-исламъ зоветъ правовѣрныхъ къ кровавому мщенію, къ послѣдней битвѣ на жизнь

и смерть съ христіанами; болгарскіе комитеты организуются, издають прокламаціи; албанскія племена пристають къ Черногорцамъ; Сербія ставитъ не только войско, но и народъ на военную ногу; австрійскіе дипломатическіе агенты безпокоятся и возятся то около князя Николая, то около князя Михаила, снують взадъ и впередъ по Дунаю, по Босніи и Герцеговинѣ; пограничныя австрійскіе полки готовятся къ походу. Весь Востокъ, какъ паутиной, затканъ хитросплетенною политической интригой Франціи, Австріи и Англии, — а надъ нимъ, въ просторѣ политическаго горизонта Европы, носится зловѣщее карканье французскихъ, австрійскихъ и англійскихъ публицистовъ. Иностранная журналистика конечно увѣряетъ, будто бы она мятется только въ предвидѣніи опасностей, которыми угрожаетъ миру Россія; но такъ какъ изо всѣхъ державъ именно только Россія и не угрожаетъ миру, то всѣ эти клики и возгласы знаменуютъ лишь тайный злой умыселъ самихъ иностранныхъ правительствъ. Стѣбитъ только прислушаться къ этому визгливому аккорду фальшивыхъ звуковъ, стѣбитъ взглянуть на всю совокупность извѣстій и сужденій о Востокѣ, распространяемыхъ заграничною прессой, чтобы съ полною безошибочностью признать въ этой агитаціи симптомъ дѣйствительной опасности, грозящей Востоку, — но не со стороны Россіи, а со стороны Запада, и именно трехъ вышеупомянутыхъ державъ. Не даромъ прусская «Всеобщая Сѣверогерманская Газета» замѣчаетъ оффиціозному французскому органу «Patrie», что не Россія, а сама газета «Patrie», ложными извѣстіями о Россіи, пугаетъ общественное мнѣніе Европы. Понятно теперь, почему мы, въ нашемъ Политическомъ 'Отдѣлѣ, отводимъ теперь такое просторное мѣсто «дѣламъ Востока»: читатели согласятся, что интересъ, возбуждаемый настоящимъ положеніемъ Восточнаго вопроса, заслоняетъ почти вполнѣ интересъ какихъ-нибудь французскихъ публичныхъ словопреній о томъ или другомъ правительственномъ проектѣ закона, или разныхъ политическихъ *chassez en avant, chassez en arrièrre* и другихъ расъ мелкихъ правительствъ средней и южной Германіи.

Всѣ вѣсти и слухи, приходящіе съ Востока и сообщаемые заграничною журналистикой, свидѣтельствуютъ о суетливой дѣятельности дипломатическихъ представителей Англии, Франціи

и Австріи, но послѣднихъ двухъ по преимуществу. Дѣятельность эта направлена, какъ о томъ возглашается безпрестанно, въ пользу сохраненія мира, обезпеченія цѣлости Оттоманской имперіи и предотвращенія висящихъ надъ нею опасностей. Обезпеченіе цѣлости, предотвращеніе опасностей — требованіе, повидимому, благонамѣренное, но весьма широкое или, вѣрнѣе сказать, до такой степени эластичное, что можетъ легко допустить не одно отрицательное, но и положительное отношеніе къ дѣлу. Есть несомнѣнныя данныя, удостовѣряющія, что западныя державы хотятъ воспользоваться такою растяжимостью понятія о томъ, чтѣ требуется пользами Порты, и растянуть его до обязанности вооруженнаго вмѣшательства. Въ этомъ согласномъ хорѣ трехъ державъ, Англія тянетъ свою неизмѣнную басовую ноту, тогда какъ Франція и Австрія переливаются разнообразными дипломатическими модуляціями. Можно было бы предположить, вмѣстѣ съ одною италіанскою газетою, что эти два кабинета, съ разрѣшенія Англіи, не только умышленно увеличиваютъ значеніе опасностей, грозящихъ Турціи, но собственною своею дипломатическою охранительною возней умышленно возбуждаютъ искусственное волненіе въ христіанскомъ населеніи, дабы имѣть предлогъ создать для Австріи крѣпкую позицію на Дунаѣ и въ предѣлахъ самой Оттоманской имперіи. Интрига западно-европейской дипломатіи представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Вытѣсненная изъ Германіи, Австрія тѣмъ самымъ отѣснена къ Востоку. Система дуализма была естественнымъ послѣдствіемъ битвы при Садовой, ибо федеративная форма, которой такъ справедливо домогаются австрійскіе Славяне, враждебна, какъ видно, по самому инстинкту тѣмъ главнѣйшимъ политическимъ элементамъ, которые были дѣйствующими силами въ исторіи Австріи,—т. е. нѣмецкому и мадьярскому. Впрочемъ дуализмъ въ настоящее время представляетъ двойственное господство этихъ двухъ элементовъ только по наружности: въ сущности преобладаетъ одинъ — мадьярскій. На него оперлась австрійская государственная власть всею своею тяжестью; на него переноситъ, въ него влагаетъ душу, инстинкты и похотѣнія, свойственныя натурѣ крупнаго государства. Мы убѣждены, что этотъ путь, избранный австрійскимъ пра-

вительствомъ, приведетъ его къ гибели,—что на этотъ путь увлекается оно только роковою антипатіей, презрѣніемъ и враждой къ славянскому племени; но какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что весь центръ политическаго тяготѣнія Австріи находится теперь въ мадьярской ея половинѣ. Въ то время какъ Мадьяры представляются крѣпкою, цѣльною политическою силой, такъ-называемая Цислейтанія (т. е. другая половина имперіи, по сую сторону рѣки Лейты) являетъ изъ себя, въ политическомъ и административномъ отношеніи, самое жалкое зрѣлище. Бѣлая ея часть, Богемія съ Моравіей, не принимаетъ никакого участія въ имперской думѣ и требуетъ для себя такого же положенія, какъ и Венгрія; никакіе происки для доставленія господства польскому элементу въ Галиціи (также принадлежащей къ убогой Цислейтаніи) не могутъ обезпечить для Австріи безусловную покорность ея трехмилліоннаго русскаго населенія, напротивъ тѣмъ сильнѣе обращаютъ его взоры на однородную и сосѣдственную съ нимъ Россію; недавно образованное цислейтанское министерство изъ разныхъ нѣмецкихъ или онѣмеченныхъ учителей, профессоровъ, чиновниковъ, не внушаетъ, несмотря на полученный ими титулъ *Excellenz*, никакого уваженія аристократическому элементу Вѣны, вызываетъ насмѣшки со стороны не только Славянъ, но и Нѣмцевъ. Не малая часть этихъ послѣднихъ влечется тайными симпатіями къ своему «общегерманскому отечеству». Допустивъ преобладаніе мадьярскаго политическаго начала, австрійское правительство необходимо должно усвоить себѣ и всѣ мадьярскія политическія стремленія и притязанія, изъ которыхъ, разумѣется, самое главное есть стремленіе къ господству надъ южными Славянами, какъ входящими въ составъ Венгріи, такъ и находящимися за Савой и Дунаемъ, въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Въ воображеніи Мадьяръ постоянно рисуется какая-то новая австрійско-мадьярская, можетъ-быть даже мадьяро-славянская имперія, въ которой Славяне если и не будутъ вполнѣ поработаны, такъ все же имѣютъ признать верховенство мадьярскаго политическаго объединительнаго начала. Разумѣется, ни императоръ Францъ-Иосифъ, ни баронъ Бейсть нисколько не Мадьяры и не безъ внутренняго насилія своей нѣмецкой совѣсти пожимаютъ руку симъ

«азиатскимъ варварамъ», — но, въ качествѣ Западно-Европейцевъ, они задаются при этомъ другою цѣлью. Предполагая возможнымъ руководить мадьярскимъ движеніемъ, они мечтаютъ быть въ то же время представителями и носителями исторической германской идеи въ ея стремленіи на Востокъ. Грубыми руками Мадьяръ должна эта идея воплотиться въ созданіи какого-либо новаго могущественнаго дунайскаго государства, имѣющаго наследовать большую часть Оттоманской имперіи. Эта цѣль встрѣчаетъ себѣ всеобщее сочувствіе въ западной Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, настоящее движеніе Славянъ какъ въ Турціи, такъ и въ самой части Австріи, пограничной съ Турціей, представляется Западу потому именно опаснымъ, что оно есть движеніе національно-славянское, проникнутое сознаніемъ славянской народности, грозящее Европѣ самостоятельнымъ духовнымъ и политическимъ развитіемъ славянскаго элемента. Такъ какъ славянская народность, поднявшая знамя славянства, не можетъ, по всѣмъ соображеніямъ Европы, не возбуждать сочувствія славянской Россіи, не можетъ не примыкать, хотя бы только духовно, къ этому великому славянскому цѣлому и не почерпать въ самомъ существованіи Россіи нравственной для себя опоры, — то отсюда и всѣ вины Россіи въ глазахъ Запада, какъ бы ни держала она себя смиренно и скромно. О причинахъ этой вражды латино-германскаго Запада къ Славянству говорить здѣсь не мѣсто, — да мы уже и говорили объ этомъ прежде: она должна быть признана какъ несомнѣнный фактъ. Оттереть Россію отъ Славянъ и отъ Востока, овладѣть славянскимъ движеніемъ въ Турціи, стать во главу его, ассимилировать это племя западной Европѣ, усвоить себѣ этотъ матеріалъ и употребить его какъ фундаментъ для духовнаго и вещественнаго господства западно-европейскаго элемента, — вотъ миссія, возлагаемая теперь западною Европой на Австрію, вотъ программа, разработанная, какъ мы увѣрены, при зальцбургскомъ свиданіи императоровъ Франца-Иосифа и Наполеона. Похитить Востокъ, не только у Россіи, но и у Славянъ — въ смыслѣ приниженія на Балканскомъ полуостровѣ славянской народности; завоевать Востокъ для Запада, частью вещественно — путемъ австрійскихъ захватовъ, маскированныхъ тою или другою

формой; частью духовно — путем европейской культуры, или, вѣрнѣе, путем разложенія оттоманскаго элемента различными ядами европейской цивилизаціи (ибо *положительное*, органическое ея начало — христіанство — не можетъ помириться съ органическимъ началомъ турецкой народности — исламизмомъ) — вотъ конечный результатъ переговоровъ и комбинацій, къ которымъ пришла западно-европейская дипломатія, по крайней мѣрѣ Франціи, Англии и Австріи. Баронъ Бейстъ недавно, почти оффиціально, объявилъ, что для Австріи единственный поводъ къ войнѣ можетъ подать только стремленіе къ освобожденію Востока путемъ *славянской* пропаганды. Другими словами: этому освобожденію дозволить Европа совершиться только путемъ пропаганды австрійской или западно-европейской, — и потому надо всѣми мѣрами стараться оттѣснить отъ Востока славянскую Россію, которой одно существованіе питаетъ и живить каждую славянскую народность, — и очистить поле для австрійскаго преобладанія. Въ нынѣшнемъ же № нашей газеты читатели найдутъ выписку изъ англійской газеты «Times», которая прямо проповѣдуетъ необходимость союза Австріи съ Турціей, или «германской цивилизаціи съ мусульманскимъ невѣжествомъ» для противодѣйствія *національнымъ* стремленіямъ Славянъ. Франція, съ своей стороны, устроиваетъ въ Турціи «Главную Школу», т. е. разсадникъ принаровленнаго къ Туркамъ европейскаго просвѣщенія, и пытается ввести на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи реформы, имѣющія оцивилизовать, обезнародить, ступшевать и Турокъ и Славянъ, и обратить ихъ въ какую-то особую, на экстрактѣ цивилизаціи, химически, составленную композицію.

Какія же средства употребляютъ эти три европейскія державы для выполненія своей программы? Ни одна можетъ-быть не желаетъ настоящей войны; особенно же для Австріи война не представляется выгодною. Но въ томъ-то и состоитъ мастерство дипломатіи, чтобы, обойдясъ безъ войны, достигнуть тѣхъ же самыхъ результатовъ, которые могла бы дать и война. Для этого прежде всего надо обезопасить себя со стороны Россіи и поставить ее, посредствомъ интимидаціи общественнымъ мнѣніемъ Европы, въ самое фальшивое для Россіи и въ самое выгодное для Европы положеніе. Маневръ.

этотъ извѣстенъ и уже не разъ удавался иностраннымъ дипломатамъ. Пустивъ въ ходъ всевозможныя басни о замыслахъ Россіи, о ея воинственныхъ и честолюбивыхъ видахъ, смутивъ ее клеветой, заставивъ ее оправдываться въ небывалой винѣ, вынудивъ отъ нея чуть не клятвенныя увѣренія въ ея благонамѣренности, требуя все новыхъ и новыхъ доказательствъ ея безкорыстія и мирнаго настроенія, требуя отъ нея официальныхъ заявленій о нежеланіи посягать на разрушеніе Оттоманской имперіи, — випадно-европейскіе кабинеты надѣются связать руки Россіи, запутать ее въ ея собственныхъ заявленіяхъ и увѣреніяхъ. Съ другой стороны, въ силу возбужденнаго ими же подозрѣнія на русское правительство, они являются передъ Европою какъ бы отвѣтчиками за ея спокойствіе, а предъ Турціей какъ бы ея охранителями отъ происковъ Россіи, слѣдовательно какъ бы получаютъ право и даже обязываются принять *втроемъ* необходимыя для сей цѣли мѣры. Однимъ словомъ, они овладѣваютъ, можно сказать — уже завладѣли позиціей; они возятся теперь и суетятся о сохраненіи турецкаго мира, а Россія поставлена въ такое положеніе, что всякимъ своимъ движеніемъ, всякимъ дипломатическимъ шагомъ рискуетъ подать этимъ тремъ интригующимъ державамъ поводъ къ фальшивой тревогѣ и послужить имъ же на пользу. Затѣмъ эти державы задались, кажется довольно искренно, задачей не допускать вспыхнуть какому-либо сильному и дружному возстанію христіанскихъ племенъ. Конечно, онѣ не могутъ не сознавать, что австрійскія затѣи, весьма хорошо извѣстныя Сербіи, способны только усилить, а не ослабить вооруженіе княжества, но расчетъ ихъ таковъ: не допуская, какъ мы сказали, разгорѣться пламени бунта, воспользоваться, при первомъ удобномъ случаѣ, призракомъ опасности для того, чтобы ввести австрійскія войска въ Боснію или Герцеговину. Такое вступленіе войскъ можетъ совершиться въ видѣ дружественнаго содѣйствія султану, даже съ его согласія; наглость дипломатіи способна даже дойти до такой степени, что эта мѣра будетъ, пожалуй, предложена всѣмъ европейскимъ державамъ, какъ самая раціональная и необходимая для огражденія цѣлости Оттоманской имперіи. Несогласіе Россіи на эту мѣру вызвало бы, непремѣнно, по всей Европѣ

кликъ негодованія, какъ явное свидѣтельство ея тайнаго стремленія лишить Турцію дѣйствительной гарантіи существованія и помощи въ борьбѣ съ подданными-бунтовщиками!!!

Но не Россіи поддаваться этимъ интригамъ и быть игрой западно-европейской дипломатіи. Ея положеніе, безъ сомнѣнія, затруднительно. Было бы повидимому, всего полезнѣе посовѣтовать христіанскимъ населеніямъ ожидать для попытокъ освобожденія болѣе благоприятныхъ временъ. Но не говоря уже о томъ, что послѣдовать такому совѣту трудно, особенно тамъ, гдѣ столько горючихъ матеріаловъ и каждая искра можетъ возжечь пожаръ, — не говоря уже о томъ, что при условіяхъ дипломатической позиціи, уже занятой въ Турціи Франціей, Австріей и Англійей, — годъ, два, три отсрочки способны дѣйствительно усилить значеніе этихъ державъ ко вреду славянской народности и обезсилить энергію христіанъ тѣмъ или другимъ образомъ, — не говоря уже о всемъ этомъ, малѣйшій *признакъ* опасности послужитъ достаточнымъ поводомъ для упомянутыхъ державъ къ принятію благодѣтельныхъ, спѣшныхъ мѣръ спасенія Турціи, т. е. къ занятію какой-либо пограничной турецкой провинціи австрійскими полками. Что же дѣлать Россіи? Мы не беремъ на себя труда предугадывать то рѣшеніе, которое изберетъ мудрость нашего кабинета, но не можемъ не высказать нашего мнѣнія, что Россіи не выпутаться изъ этихъ дипломатическихъ интригъ инымъ способомъ, какъ тѣмъ, которымъ былъ разрѣшенъ гордіевъ узелъ. Намъ представляется возможнымъ только одно твердое и категорическое заявленіе со стороны Россіи барону Бейсту: «при первомъ движеніи австрійскихъ войскъ за Дунай или Саву, русскія войска занимаютъ Галицію»....

Москва, 30-го апрѣля.

Вышеприведенная, полученная нами телеграмма изъ Праги свидѣтельствуетъ о томъ сильномъ политическомъ движеніи, которое возникаетъ въ настоящее время среди Чешскаго народа. Готовясь къ большому національному торжеству — закладкѣ зданія для чешскаго народнаго театра (для чего собирались пожертвованія въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ),

Чехи неизбежно должны были придать этому торжеству значение болѣе широкое. На это вызывало ихъ самое положеніе дѣль, господствующее въ настоящее время въ Австріи. Мадыары, причинившіе столько бѣдъ и зла Австрійской имперіи, не разъ боровшіеся противъ ея цѣлости и даже бытія, получили такія права, которыхъ не имѣютъ даже Нѣмцы въ западной половинѣ имперіи. Мало того, получивъ право на самостоятельное, отдѣльное даже въ политическомъ отношеніи существованіе, Мадыары отказались нести надлежащую часть тѣхъ общихъ повинностей и долговъ, которые лежатъ на всей Австрійской имперіи: Мадыары приняли на себя *только* 30% общихъ расходовъ. Такимъ образомъ вся тяжесть долговъ, нажитыхъ благодаря венгерской революціи 1848 и 1849 годовъ, стремленію вѣнскаго правительства господствовать надъ италіанскими землями и упорному желанію великогерманской партіи держать Австрію во главѣ Германіи,—пала теперь на западныя земли имперіи. Самая большая доля этихъ тяжестей припала на часть Чеховъ, всегда платившихъ огромныя подати въ государственную казну, ибо ихъ страна считается одною изъ лучшихъ и воздѣланнѣйшихъ провинцій Австріи. Но этого мало: потерявъ болѣе большую часть доходовъ съ Венгріи, которые отнынѣ будутъ оставаться въ ней и не доходить до Вѣны, вѣнское министерство должно было подумать объ увеличеніи своихъ спеціальныхъ средствъ и издало постановленіе о новыхъ налогахъ, въ томъ числѣ и о налогѣ съ личнаго дохода во всѣхъ его видахъ. Изъ чешскихъ земель послышались сильныя и общіе протесты. Сельскія и городскія общины, окружныя собранія сходились, составляли возраженія противъ новаго закона и отсылали ихъ въ намѣстничество. Въ Вѣнѣ не предпринимали ничего рѣшительнаго по этому поводу. Носились даже слухи, что министерство подаетъ въ отставку, не видя иныхъ средствъ получить нужныя деньги. Недовольство Чеховъ ни для кого не было тайной; о немъ говорили во всѣхъ европейскихъ газетахъ.

Не доставало только болѣе общаго заявленія, болѣе сильнаго выраженія этого недовольства, чѣмъ отдѣльные протесты. И вотъ теперь, собравшись у подошвы исторической горы Ражпа, съ которой, по мнѣнію преданій прародецъ чешскаго на-

рода Чехъ впервые увидалъ страну, предназначенную для его потомковъ,— собравшись для того, чтобы отломить громадный камень отъ этой горы и перевезти его въ Прагу для закладки народнаго театра, — собравшись въ числѣ 20,000 человекъ для историческаго и національнаго торжества, Чехи рѣшительно и громко высказались по вопросу о ихъ политическомъ существованіи. Они еще разъ протестовали противъ новаго разорительнаго налога и постановили домогаться такой же самостоятельности для своей страны, какую пользуется Венгрія, и созванія новаго земскаго сейма на основаніи всеобщей подачи голосовъ. Конечно, такое заявленіе и при такихъ обстоятельствахъ уже само по себѣ имѣетъ значеніе. Но важно также знать: будетъ ли это постановленіе передано правительству посредствомъ особой депутаціи и думаютъ ли въ Вѣнѣ серьезно о примиреніи съ Чехами, которое, повидимому, для Австріи столь же необходимо, какъ и соглашеніе съ Мадырами...

Привѣтствуемъ первое славянское вѣче!

Москва, 28-го мая.

Никогда еще событія, совершающіяся въ странахъ смежныхъ съ Россіей, у ея окраинъ, не обозначали такъ определенно и такъ ярко политическую роль, завѣщанную Россіи всею ея исторіей, какъ въ послѣднее время. Къ ея совѣтамъ снова прислушиваются тѣ христіанскіе народы Юговосточной Европы, покровительство надъ которыми принадлежало ей до парижскаго міра; на нее устремлены взоры западныхъ Славянъ, вліянія надъ которыми она даже никогда не добивалась надлежащимъ образомъ: и въ то же время ея власть продолжаетъ распространяться на земли Средней Азіи; она прямо вынуждена занять ихъ. Съ одной стороны сочувствіе, вызванное не какими-либо великими жертвами, не какими-либо героическими усиліями въ пользу сочувствующихъ, а простымъ, но открытымъ предъ лицомъ остальной Европы признаніемъ физическаго и историческаго родства съ ними; съ другой—отсутствіе серьезнаго сопротивленія со стороны народныхъ массъ, даже нѣкоторая готовность къ принятію

русскаго подданства. Ищущій свободы Славянскій міръ и извѣчные рабы азіатскихъ владыкъ—вотъ тѣ историческіе сосѣди, отношенія къ которымъ всегда опредѣляли и будутъ опредѣлять политическую роль Россіи—роль не легкую, но естественную, не измышленную и всегда вызывающую изъ среды Русскаго народа и горячихъ дѣятелей, и искреннихъ защитниковъ. Это не то ложное служеніе отвлеченному ученію объ европейскомъ равновѣсіи, которымъ напрасно такъ гордились государственные люди первой половины нынѣшняго столѣтія; это не разорительныя заботы о чужомъ спокойствіи, не ученическія упражненія на подсказанную своекорыстными наставниками программу въ чаяніи заслужить ихъ одобреніе: это дѣятельность вытекающая сама собою изъ дѣйствительной жизни, изъ давно существовавшихъ отношеній, находящая для себя силы и средства тамъ, гдѣ ихъ не искали и не ждали, дѣятельность не требующая такихъ безмѣрныхъ пожертвованій, на какія вызывали и священный союзъ, и слишкомъ широко понимаемый Восточный вопросъ, а между тѣмъ болѣе плодovitая, болѣе благодарная и вмѣстѣ съ тѣмъ почетная. Это давно поняли наши строгіе судьи, публицисты Западной Европы. Они чувствуютъ, какъ колеблется та почва, на которой устроены были ихъ политическіе трибуналы, судившіе дѣла Россіи. Прежде они могли говорить, утверждаютъ еще и теперь, что право заботиться о христіанствѣ восточныхъ народовъ не можетъ исключительно принадлежать одной Россіи, что попеченія о гражданскомъ порядкѣ и благоустройствѣ Турецкой имперіи столь же обязательны для Западной Европы, какъ и для Восточной, что слишкомъ усердныя хлопоты Россіи о томъ подозрительны и прикрываютъ властолюбіе русскаго правительства, которое они въ то же время упрекали въ варварствѣ относительно внутренняго управленія своей страны. Со времени Крымской войны нѣтъ болѣе основательныхъ поводовъ обвинять Россію въ излишней заботливости о восточныхъ христіанахъ. А между тѣмъ съ нѣкотораго времени западные публицисты опять усматриваютъ торжество Россіи тамъ, откуда она повидимому была навсегда вытѣснена. Источникъ этого торжества они видятъ въ національныхъ стремленіяхъ нынѣшней Россіи: Россія, сознающая свою славянскую миссію, представ-

ляется имъ болѣе грозною и могущественною, чѣмъ Россія, утверждавшая повсюду внѣшній порядокъ и благочиніе, заботившаяся только о религиозныхъ нуждахъ покровительствуемыхъ ею племень, и ничего не знавшая о ихъ народныхъ и политическихъ интересахъ. «Эпоха покровительства восточнымъ христіанамъ кончена для Россіи; наступаетъ эпоха ея вліянія на славянскіе народы»,—возглашаетъ Мавадъ въ своей послѣдней статьѣ, помѣщенной въ «Revue des deux Mondes», и онъ совершенно правъ, вида въ этомъ направленіи источникъ новой и могущественной силы ея. Католическая и цивилизованная Европа могла соперничать съ Россіей православною и тщившейся цивилизовать другихъ; но Европа романская и германская не имѣетъ въ своихъ рукахъ равносильнаго оружія противъ Россіи, какъ державы славянской. А нравственное значеніе и внутренняя сила національнаго родства, народной взаимности, стали ясны для западныхъ публицистовъ послѣ торжества итальянскаго дѣла, послѣ недавнихъ событій въ Германіи. Вотъ почему вѣчная рабыня западной политики, польская эмиграція, эта магнатствующая и по прежнему льнущая къ иноземному часть польской шляхты, неславянскаго происхожденія которой мы не будемъ доказывать, но окончательное вырожденіе которой на чужой почвѣ несомнѣнно, такъ настойчиво твердитъ Чехамъ, шумно заявляющимъ свое сочувствіе Русскому народу: «вамъ предстоитъ выборъ между Россіей и цивилизованною Европой; въ первомъ случаѣ мы—ваши враги, во второмъ союзники.» Но что же сдѣлала цивилизованная Европа для самой польской шляхты—этого никогда не скажетъ польская эмиграція; а сколько позора и бѣдствій принесла цивилизованная Европа Чешскому народу и остальнымъ Славянамъ, перечисленіемъ того наполнены творенія славянскихъ публицистовъ. Итакъ, политическое значеніе Россіи среди европейской семьи заключается не въ ея смиреніи предъ Западною Европою, не въ ея ученическомъ знакомствѣ съ требованіями европейской цивилизаціи, а въ ея народныхъ и прирожденныхъ симпатіяхъ и стремленіяхъ. Всѣ историческія преданія Россіи коренятся въ ея славянскомъ происхожденіи; будущіе успѣхи ея на политическомъ поприщѣ обусловливаются національнымъ, т. е. славянскимъ направленіемъ,

и программа этой политики не должна быть въ разладѣ съ частными программами, которыя выработаны остальными Славянами вмѣстѣ и каждымъ племенемъ порознь. Познакомить мало-по-малу нашихъ читателей съ этими программами—мы сочтемъ своею обязанностію.

Другое дѣло—пріобрѣтенія Россіи въ Средней Азіи. Тамъ все: и ея собственные интересы, и выгоды подвластныхъ народовъ, — даютъ широкій просторъ для русской политики, какъ политики христіанской и цивилизующей, сѣющей одною рукою сѣмена истиннаго ученія, а другою утверждающей прочныя начала общественнаго порядка и частной предпріимчивости, которыхъ недоставало этимъ странамъ, обширнымъ, обильнымъ, но нуждающимся въ порядѣ....

Москва, 15-го августа.

На больномъ, изъязвленномъ тѣлѣ ежедневно открываются новыя раны, и нѣтъ врача, который бы исцѣлилъ ихъ. Сегодня въ горахъ нѣкогда цвѣтущей Кандіи льется кровь Грековъ, жаждущихъ изгнать изъ разореннаго острова угнетающихъ ихъ пришельцевъ; на завтра воинственные четы Болгаръ переходятъ историческія воды Дуная и тянутся въ Балканскія горы, чтобы оттуда держать въ страхѣ своихъ притѣснителей. Вчера шла рѣзня въ горахъ Ливана и въ Сиріи, и кровь Маронитовъ лилась подъ ударами изувѣрныхъ Друзовъ; сегодня оскверняется могила стараго вождя Мирдитовъ-католиковъ, и надъ его прахомъ тоже рѣзня — между поклонниками Евангелія и Корана. Тамъ отказываются платить дань, раздраженные безмѣрными требованіями турецкихъ властей, издавна привыкшія къ свободѣ, племена Герцеговины и ищутъ соединенія съ Черногоріей; здѣсь терпѣливо несущіе въ продолженіе пятисотъ лѣтъ иго Османліевъ, Босняки, — христіане и мусульмане, — возстаютъ и изгоняютъ турецкихъ чиновниковъ, прибывшихъ къ нимъ возвѣстить о новыхъ поборахъ. Повсюду кровь, повсюду насиліе, повсюду борьба! Эти безпрестанные судороги и припадки, повторяющіеся уже не періодически, какъ это бывало прежде, а сдѣлавшіеся постояннымъ, ежедневнымъ

явленіемъ, лучше всего свидѣтельствуютъ, что большое тѣло находится въ предсмертныхъ страданіяхъ, и чѣмъ продолжительнѣе будутъ они, тѣмъ мучительнѣе жизнь изживающаго свой вѣкъ организма, тѣмъ бѣдственнѣе положеніе народовъ, насильно прикованныхъ къ одру умирающаго. Что же поддерживаетъ такую уродливую жизнь? Ради какихъ святыхъ и разумныхъ цѣлей длится этотъ рядъ физическихъ бѣдствій и нравственныхъ пытокъ? Европа давно убѣдилась, что отъ прежней славы Турецкой имперіи остались лишь одни воспоминанія, что у мусульманства нѣтъ болѣе средствъ оживить упавшій духъ потомковъ Османа, что христіанскіе народы съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе чувствуютъ свое превосходство предъ магометанами, живѣе сознаютъ свои права на владѣніе родною страной и на свободную жизнь. Трудно держать тамъ власть, гдѣ властелинъ стоитъ ниже имъ управляемыхъ: онъ невольно долженъ искать опоры извнѣ, — и вотъ Западная Европа протягиваетъ турецкому правительству руку помощи... Но эта поддержка, исходя не изъ сочувствія къ Туркамъ, а изъ своекорыстныхъ цѣлей, не даетъ оттоманскому царству столь необходимыхъ ему жизненныхъ силъ, а способна лишь снабдить его тѣми искусственными обрядами управленія, при помощи коихъ Европа издавна привыкла налагать оковы на свои народы. Друзья Турціи поняли, что однимъ мечомъ нельзя удержать власть султана надъ его подданными, и охотно надѣляются его своею правительственною опытностію. Дѣленіе на вилайеты и разныя переѣмны въ областномъ управленіи, смѣшанные суды въ окружныхъ городахъ и государственный совѣтъ въ столицѣ, равноправность народная и вѣроисповѣдная, провозглашенная на бумагѣ, — вотъ тѣ жалкія нововведенія, которыя перенесены въ Турцію съ Запада. Но передѣлываются и ломаются лишь внѣшнія формы жизни, а духъ вражды и безсилія, господствовавшій въ ней, остается тотъ же.

И вотъ каждый день представляетъ новыя доказательства внутренней несостоятельности Турецкой имперіи, ея губительнаго вліянія на подвластные ей народы. «Европа непослѣдовательна, Европа невѣрна самой себѣ», — говоритъ новосадская газета «Напредакъ»: «у Европы въ прошедшемъ столѣтіи былъ свой больной человѣкъ — старая Польша, и

европейская дипломатія уничтожила ее. Современная Турція, состояніе которой еще несноснѣе и безуряднѣе, чѣмъ прежней Польшы, продолжаетъ существовать вопреки историческимъ указаніямъ и опытамъ. Турція также должна быть подѣлена между тѣми народами, которые входятъ въ ее составъ и могутъ образовать новыя государства». Сравненіе поучительное, но сербская газета забыла довести его до конца. Народамъ, которымъ существованіе Турціи служитъ только препоною для свободнаго развитія и правильной жизни, надо безвозвратно убѣдиться въ необходимости раздѣла Турціи и вмѣстѣ съ тѣмъ согласиться не только въ способахъ, но и въ послѣдствіяхъ этого дѣленія. Отсутствие то такого соглашенія между народами Балканскаго полуострова и служить основаніемъ западно-европейскимъ разсчетамъ на возможность продленія Турецкой имперіи; изъ разногласія національныхъ интересовъ Грековъ, Славянъ, Румыновъ и Албанцевъ Европа почерпаетъ увѣренность даже въ необходимости турецкой власти надъ ними.

Европейская дипломатія видитъ, что союзъ между этими народами еще не созрѣлъ, что соглашеніе между ними и даже главныя условія его еще недостаточно выяснились, и не только поддерживаетъ такой порядокъ вещей, но и всячески поощряетъ его. Заявленія турецкихъ народовъ не совпадаютъ другъ съ другомъ во времени, усилія ихъ высвободиться изъ-подъ страшнаго ига разрознены, требованія политическихъ реформъ не равносильны. Возстаніе Кандіотовъ другой годъ стоятъ одинокимъ; прошлогоднее возстаніе Болгаръ едва ли имѣло основы въ самомъ народѣ и было только попыткою, средствомъ—узнать расположеніе Европы къ болгарскому племени. Нынѣшнее возстаніе было повидимому болѣе подготовлено, грянуло совершенно неожиданно послѣ ужаснаго событія, совершившагося въ Сербіи,—но и оно едва ли приведетъ къ чему-либо иному, кромѣ преждевременной и бесполезной траты силъ, поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ ложное положеніе сосѣднія Румынію и Сербію. Но этого мало. Европейская публицистика ищетъ русскихъ агентовъ среди возставшихъ Болгаръ, видитъ въ придунайскихъ волненіяхъ подстрекательства Россіи. Такая подозрительность не ограничивается впрочемъ одними славянскими движеніями:

тайное русское вмѣшательство стараются отыскать даже въ событіяхъ, совершающихся въ отдаленной Кандіи. Все это показываетъ, что любимая мысль южно-славянскихъ патріотовъ, лелѣемая ими съ той минуты, какъ освободилась Италія и объединилась сѣверная Германія, — мысль о томъ, что народы Балканскаго полуострова не только сами должны позаботиться о своей будущности, но и одни лишь они имѣютъ исключительное право на такую заботу, вмѣшательство же Европы будетъ нарушеніемъ этого права, — мысль эта быть можетъ вѣрна по идеѣ, но не въ дѣйствительности. Помимо частныхъ выгодъ народовъ Балканскаго полуострова, съ судьбою Турціи тѣсно связанъ великій Восточный Вопросъ. Рѣшеніе его никоимъ образомъ не можетъ совершиться безъ участія остальныхъ европейскихъ народовъ, имѣющихъ какія-либо отношенія къ Востоку и владѣющихъ силой для охраненія этихъ отношеній. Притомъ же и вопросы италіанскій и германскій не рѣшались одними мѣстными средствами, особнякомъ отъ остальнаго міра. Тѣмъ ошибочнѣе, тѣмъ страннѣе надежды на принципъ невмѣшательства въ судьбы Славянскихъ народовъ. Славяне, Греки, Румыны и Албанцы могутъ и должны рассчитывать на свои собственныя силы, но не слѣдуетъ имъ обманывать ни себя, ни своихъ друзей лестною, но несбыточною мечтой о томъ, что Европа останется безучастною зрительницею гибели Турціи. Къ вмѣшательству Европы всегда можетъ воззвать сама Порта, — да и кромѣ того, кругъ народовъ, интересующихся ходомъ Восточнаго Вопроса, болѣе и болѣе расширяется. Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты внимательно слѣдятъ за событіями, совершающимися въ восточныхъ окраинахъ Средиземнаго моря: они заявили себя за освобожденіе Кандіи; они предлагаютъ свободный путь чрезъ Дарданеллы; они ревниво смотрятъ на планы Западной Европы, связанные съ Суецкимъ перешейкомъ. Мы впрочемъ готовы искренно привѣтствовать такой новый оборотъ заатлантической политики. Вмѣшательство Сѣверо-Американскаго народа въ дѣла Турецкой имперіи можетъ принести съ собою только благодѣтельные послѣдствія для ея христіанскихъ подданныхъ.

Что же касается Западной Европы, то она никогда и не думала отказываться отъ права вмѣшательства во внутрен-

ніа дѣла турецкихъ земель. Въ послѣднее время она сдѣлала новый, весьма важный шагъ въ этомъ отношеніи, склонивъ Порту подписать договоръ о дозволеніи иностраннымъ подданнымъ приобрѣтать поземельную собственность въ ея владѣніяхъ. Этимъ европейская дипломатія разомъ достигаетъ двухъ цѣлей: съ одной стороны, вводится пришлый, чисто-европейскій элементъ въ составъ разнохарактернаго населенія Оттоманскаго царства и ему предназначается роль связующаго и преобладающаго начала между туземцами: не початая и чрезвычайно богатая природныя силы, сокрытыя въ земляхъ Балканскаго полуострова, могутъ привлечь въ его малозаселенныя земли обширную и густую колонизацію изъ Европы. Съ другой стороны, при той легкости, съ какою уроженцы Турецкой имперіи переходятъ въ иностранное подданство (чѣмъ, болѣе другихъ державъ, пользовалась Австрія), каждое изъ западныхъ европейскихъ государствъ можетъ принять въ свое подданство, и стало-быть уже подъ обязательное покровительство, значительную долю турецкаго христіанскаго населенія. Государства, устраниющіяся отъ подписанія вышеупомянутаго договора съ Турціей, не только чрезъ это ничего не выигрываютъ, но могутъ еще ослабить даже и то вліяніе, какимъ они пользовались до сихъ поръ на Востокѣ. Россія провозгласила было принципъ невмѣшательства въ дѣла турецкихъ народовъ; Западная Европа не присоединилась къ этому заявленію: теперь европейская дипломатія выговорила себѣ новое, весьма сильное средство для своего вмѣшательства во всѣхъ концахъ и углахъ Турецкой имперіи. Неужели русская дипломатія отринетъ очевидныя выгоды, представляемыя новымъ договоромъ, и нанесетъ, такимъ образомъ, собственными руками интересамъ Русскаго народа на Востокѣ ничѣмъ не заслуженное поражение?

РѢЧИ И. С. АКСАКОВА

въ засѣданіяхъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго
Комитета (Общества) въ 1876, 1877 и 1878 гг., его воззва-
ніе и другіе документы изъ той же эпохи.

1. Засѣданіе Славянскаго Комитета 17 января 1876 года.

Въ политехническомъ музеѣ состоялось экстренное засѣданіе Славянскаго Благотворительнаго Комитета, назначенное по поводу пріѣзда въ Москву агента международнаго комитета по вспомошествованію Герцеговинцамъ г. Веселитскаго-Бождаровича. По словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, публики на этотъ разъ собралось болѣе чѣмъ обыкновенно бываетъ въ засѣданіяхъ Комитета. Въ 8 часовъ вечера предсѣдатель комитета И. С. Аксаковъ открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

Мм. Гг! Нынѣшнее засѣданіе наше выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Мы собрались сюда для того, чтобы всѣмъ наличнымъ составомъ Московскаго Славянскаго Комитета, уже 17 лѣтъ ратующаго за идею славянской взаимности, почтить благодарнымъ привѣтомъ того, кто такъ самоотверженно, такъ дѣятельно перелагалъ эту идею въ дѣло, былъ ея живымъ воплощеннымъ образомъ предъ лицомъ тысячей и тысячей нашихъ единоплеменниковъ,—подавалъ имъ утѣшеніе и ободреніе въ настоящую, самую тяжкую пору ихъ вообще скорбной исторической жизни. Г. Веселитскій-Бождаровичъ здѣсь предъ вами. Своими дѣйствіями въ званіи агента международнаго комитета, учрежденнаго для сбора пожертвованій и оказанія помощи бѣдствующимъ семействамъ жителей Босніи и Герцеговины, онъ стяжалъ себѣ повсемѣстную громкую извѣстность и въ то же время всеобщую признательность всѣхъ жертвователей, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, почти вся Россія... Но чтò за причина и этой извѣстности, и этой признательности? Г. Веселитскій-Бождаровичъ былъ повидимому только орудіемъ посторонней благотворительности. Но, мм. гг., мы видимъ изъ ежедневнаго опыта, во чтò, по большей части, обращается повсюду об-

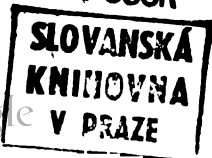
щественное благотвореніе, это совокупное множество личныхъ милостыней, личныхъ жертвъ, личныхъ сердечныхъ движеній и великодушныхъ порывовъ, — во чтѣ обращается оно, проходя изъ канцеляріи въ канцелярію и дохода наконецъ до цѣли своего назначенія? Въ какое-то механическое дѣйствіе бездушнаго, хотя и благотворительнаго снаряда, утрачивающее самое живительное свойство благотворенія, самую лучшую его сторону — непосредственное прикосновеніе любви, освящающей подаеніе, облагораживающей и дающего и приѣмлющаго; оно уже не пользуется нравственно, если даже и пользуется вещественно, чтѣ, однако, въ полной мѣрѣ едва ли возможно всегда. Но не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ; недостатокъ матеріальной помощи съ успѣхомъ восполняется иногда пробужденіемъ мужества и упованія въ несчастныхъ. Въ настоящемъ же случаѣ, при оказаніи пособія Герцеговинцамъ, предстояло не только призрѣть и пригрѣть сиротствующихъ, голодныхъ и холодныхъ, снабдить ихъ одеждой и пищей, однимъ словомъ — совершить не только дѣло человѣколюбія въ отношеніи къ страждущимъ людямъ, но и дѣло сочувствія сильныхъ къ слабымъ, свободныхъ къ угнетеннымъ, братьевъ къ братьямъ. Вотъ въ исполненіи всей этой задачи и состоитъ подвигъ г. Веселитскаго Божидаровича. Онъ для оказанія помощи Герцеговинцамъ имѣлъ въ распоряженіи своемъ только десятки, едва ли сотни тысячъ рублей, тамъ, гдѣ бы нужны милліоны, но онъ съумѣлъ личными силами души сохранить за этою общественною милостыней ея нравственный характеръ онъ донесъ въ цѣлости до страждующихъ всю святую совокупность состраданія милліоновъ сердець, онъ донесъ до бѣдствующихъ Славянъ, изнемогающихъ въ священной борьбѣ за свою народность, вѣру, свободу — все порученное ему благое бремя сочувствія и любви великаго братскаго народа. И вотъ онъ теперь здѣсь, сподобившійся понести иное святое бремя, въ возвратъ вамъ за благодѣянія: тысячи благословеній, благодарныхъ молитвъ и слезъ нашихъ измученныхъ братьевъ, а теперь надеждъ и упованій, высокихъ упованій, возлагаемыхъ ими на насъ — Русское общество, Русскій народъ... Оскудѣетъ ли дающая братская рука? Обманетъ ли Россія ожиданія поработенныхъ? Господа! Считаю излишнимъ, послѣ сказаннаго мною,

перечислять въ подробности заслуги г. Веселитскаго-Божидаровича, напоминать, напримѣръ, достоинство его превосходныхъ отчетовъ, краснорѣчивыхъ не по словосочиненію только, но по мастерскому воспроизведенію фактовъ во всей простотѣ правды, и могущественно подвигшихъ сердца къ состраданію несчастнымъ Герцеговинцамъ не у насъ лишь въ Россіи, но даже и въ Западной Европѣ, прежде всегда съ такимъ холоднымъ высокоуміемъ относившейся къ славянскому племени. Полагаю, что эти заслуги даютъ г. Веселитскому-Божидаровичу безспорное право на званіе почетнаго члена нашего Московскаго Славянскаго Комитета (званіе, на раздачу котораго мы, какъ вамъ извѣстно, очень скупы), и если вы раздѣляете мое мнѣніе, то приглашаю васъ заявить о вашемъ согласіи теперь же нашему дорогому гостю.

2. Отъ Московскаго Славянскаго Комитета *).

Неистовства, звѣрства, бѣшенный разгулъ самыхъ дикихъ страстей, сожиганіе заживо дѣвицъ, напередъ поруганныхъ и обезчещенныхъ, истребленіе мирныхъ жителей десятками тысячъ, опустошеніе цѣлаго края огнемъ и мечемъ, — всѣ роды мукъ и бѣдъ обрушены нынѣ на безоружное болгарское населеніе разсвирѣпѣвшимъ изувѣрствомъ азіатской орды, сидящей на развалинахъ древняго, великаго православнаго царства и другихъ православныхъ славянскихъ державъ. Нѣкогда обузданная русскими государями, но затѣмъ, изъ зависти къ Россіи и ненависти къ Славянству, вновь возвеличенная совокупными усиліями всей Западной Европы; введенная ею въ семью христіанскихъ государствъ, размазанная ею румянами и бѣлилами европейской цивилизаціи, эта орда, эта Турція, это чудовищное зло и чудовищная ложь замышляетъ теперь на глазахъ всей Европы растоптать болгарское племя и сломить въ своихъ предѣлахъ послѣдній оплотъ славянской народности — Сербію и Черногорію. Ночаша долготерпѣнія, даже и славянскаго, переполнилась.

*) Воззваніе это послѣдовало въ іюнѣ 1876 года.

Искра, зажженная герцеговинскимъ отчаяніемъ, разгорѣлась въ широкое пламя. Встаетъ Болгарія, сербская и черногорская рать ринулась въ бой,—начинается страшная, кровавая, послѣдняя борьба Славянства съ Исламомъ. Для Славянъ это борьба на жизнь и смерть; они рѣшились добиться независимости или погибнуть. Нѣтъ у нихъ ни оружія въ достаткѣ, ни денегъ, некогда воздѣлывать поля, ни призирать женъ и дѣтей, остающихся безъ крова и пищи. Въ то время, какъ англійское министерство одушевляетъ Турцію нравственною и матеріальною поддержкою, а Австро-Венгрія какъбы желѣзной стѣной, по всей своей обширной границѣ, ограждаетъ Турцію отъ провоза къ воюющимъ Славянамъ оружія и хлѣба, остальные западно-европейскія державы присутствуютъ безучастно при неравномъ, убійственномъ спорѣ, готовые вырвать плодъ побѣды у христіанъ, если Богъ благословитъ ихъ побѣдой.

За что же такъ долго, такъ упорно удерживаетъ Европа эти несчастныя племена въ оковахъ рабства? За что страдаютъ такъ ужасно и такъ давно Болгары и Сербы? За то единственно, что они православные и Славяне, что единовѣрны и единоплеменны съ Россіей. Вотъ за какой грѣхъ они казнятся, и нѣтъ у нихъ защитниковъ во всемъ мірѣ кромѣ одной Россіи... Но развѣ этого мало?

Представляя разрѣшеніе этого вопроса въ отношеніи политическомъ высшимъ соображеніямъ,—Московскій Славянский Комитетъ взываетъ къ русской общественной совѣсти и молитъ о помощи жертвамъ возстанія, казнящимся за грѣхъ православія, за грѣхъ единовѣрія и единоплеменности съ нами! Пособить мы, общество и народъ, можемъ и правомъ имѣемъ только деньгами. Съ самаго начала герцеговинской борьбы, русское духовенство на всемъ пространствѣ Россіи, отъ архипастырей до сельскихъ священниковъ, явилось ревностнымъ ходатаемъ предъ Русскою землею о нуждахъ нашихъ славянскихъ братій и краснорѣчиво доказало, что вмѣстѣ съ чувствомъ христіанскаго милосердія оно хранитъ въ себѣ неизмѣнно живое народное чувство и вѣрное разумѣніе русскаго историческаго призванія и долга. Да окажетъ же наше высокочтимое духовенство свое содѣйствіе Комитету и въ настоящемъ случаѣ, и съ молитвою о ниспосланіи на-

шимъ братьямъ побѣды и одолѣнія на враговъ, да приступитъ къ новому сбору пожертвованій.

3. Рѣчь вице-президента Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ засѣданіи 24 октября 1876 г.

Мм. Гг. Можно было думать, что приспѣлъ наконецъ часъ для русской земли сдать свое дѣло государству, — то дѣло величайшей *государственной* важности, которое до сихъ поръ, въ теченіи столькихъ мѣсяцевъ, съ неизмовѣрнымъ напряженіемъ силъ, выносила она одна на своихъ плечахъ, безъ пособія и содѣйствія своего правительства. Я разумѣю здѣсь не призрѣніе только больныхъ, голодныхъ, сырыхъ Болгаръ и Сербовъ различныхъ наименованій, не помощь только деньгами и тряпьемъ, а помощь кровью, страдную работу освобожденія — однимъ словомъ дѣятельное участіе Русскаго народа въ самой войнѣ сербской за славянскую независимость. Подписанное на дняхъ Портою перемиріе еще не служитъ порукою въ томъ, что за нимъ послѣдуетъ миръ, такой миръ, который бы пришелся въ мѣру законныхъ требованій нашихъ братьевъ, въ мѣру нашей народной чести и кровавыхъ жертвъ, принесенныхъ Русскою землею. Поэтому временное прекращеніе военныхъ дѣйствій еще несколько не поводъ къ ослабленію трудовъ и усилій, ознаменовавшихъ послѣднее время нашей общественной жизни. Въ отставку выбыть еще нельзя. Еще не настала для общества пора слагать съ себя тяжкое бремя необычной ему, — можно сказать — нежданной, негаданной дѣятельности.

Я сказалъ: «необычной, нежданной, негаданной». Въ самомъ дѣлѣ то, что творилось въ Россіи въ эти послѣдніе мѣсяцы — неслыхано и невидано не только въ русской, но и въ ничьей исторіи. Общество, — точнѣе — самъ народъ, помимо своего правительства, безусловно вѣрнаго дипломатическимъ обязательствамъ, — безъ всякой помощи государственной организаціи, ведетъ войну въ лицѣ нѣсколькихъ тысячъ своихъ сыновъ (сыновъ, а не наемниковъ), на свои частныя средства, въ странѣ, хотя и родственной, но чу-

жедалней, доселѣ ему почти неизвѣстной, — не изъ корысти, не за свои прямыя, практическіе, матеріальныя интересы, а за интересы повидимому ему чуждыя и отвлеченныя. Ведеть не прячась, не потаенно, а среди бѣла дня, съ полнымъ сознаниемъ законности, правоты, святости, — скажу болѣе: *естественности* своихъ дѣйствій. Этой-то простоты и безыскусственности нашего общественнаго движенія никакъ не способна понять Западная Европа, въ которой почти всякое публичное совокупное дѣйствіе является продуктомъ подготовительной агитаціи, заговора, подстрекательства, и совершается лишь подъ руководствомъ и при посредствѣ правильно организованныхъ, хотя бы и скрытныхъ учреждений. Нисколько не удивительно поэтому, что какому-нибудь лорду Биконсфилду, да и не ему одному, даже и нѣкоторымъ нашимъ доморощеннымъ иностранцамъ русской крови (преимущественно на высшихъ общественныхъ ступеняхъ), мерещатся тайныя общества и въ Россіи, такъ что весь позоръ, по ихъ мнѣнію, или иначе: всю честь русскаго народнаго вмѣшательства въ сербскую войну они приписываютъ лишь коварству Славянскаго Комитета! Нельзя безъ улыбки читать такое иностранное мнѣніе о могуществѣ нашего Комитета. Вамъ, мм. гг., лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, какъ мало заслужена Комитетомъ приписываемая ему честь. Такова природа этого всенароднаго движенія, что оно не только не могло быть сочинено Комитетомъ, не только не способно было втѣсниться въ какія-либо комитетскія рамки, но перешло далеко за его края и почти подавило собою нашу скромную организацію. Здѣсь уже дѣло не Славянскаго Комитета, а всей Русской земли, и величайшая честь для Комитета — умалиться до значенія простаго орудія народной мысли и воли, — орудія посильнаго, и къ сожалѣнію, недостаточнаго.

До какой степени не было никакой предумышленности въ дѣйствіяхъ Комитета — лучше всего доказывается тѣмъ, что Комитетъ вовсе не былъ приготовленъ къ той обширной дѣятельности, которая выпала ему на долю. Наша Распорядительная Комиссія, устроенная, такъ сказать, по домашнему, изъ трехъ-четырехъ лицъ, безъ всякаго подобія канцеляріи, долго продолжала работать въ томъ же составѣ,

хотя ей становилось трудно и даже очень трудно; только съ іюля мѣсяца обзавелась она первымъ письмоводителемъ на жалованьѣ, и потомъ лишь постепенно, уступая необходимости, увеличивала количество служащихъ, воспользовавшись въ то же время усерднымъ и дѣятельнымъ содѣйствіемъ многихъ членовъ Славянскаго Комитета и почти всего правленія Московскаго Общества взаимнаго кредита, гдѣ я имѣю честь предсѣдательствовать.

Если это наше искреннее признаніе можетъ навлечь на насъ упрекъ въ непредусмотрительности, то оно, съ другой стороны, служить самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на клеветы иностранныхъ газетъ; британскій премьеръ, полагаю, совершенно бы сбился съ толку, еслибъ свое представление о Комитетѣ провѣрилъ по нашимъ книгамъ и документамъ. Но и упрекъ въ непредусмотрительности былъ бы несправедливъ. Наше народное движеніе взумило не одну Европу, но и русское общество, т. е. образованный, мыслящій слой Россіи, именно тѣмъ самымъ, что оно было *народное*, не въ риторическомъ, а въ точномъ смыслѣ этого слова. Десятки лѣтъ раздавалась проповѣдь такъ-называемыхъ славянофиловъ и была, казалось, лишь гласомъ воиющаго въ пустынѣ; двадцать два года назадъ Крымская война, возникшая также изъ-за Восточнаго или вѣрнѣе Славянскаго вопроса, вызвавъ могучій взрывъ «патріотизма», не пробудила однако же историческаго самосознанія въ тѣхъ народныхъ слояхъ, гдѣ сидятъ самые корни русской силы, духовной и вѣшней... Намъ не виденъ и не вѣдомъ таинственный процессъ внутренняго народнаго созрѣванія и вообще духовныхъ отпращиваній народнаго организма; можно было, конечно, догадываться, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія и разныхъ сословныхъ юридическихъ перегородокъ, съ распространеніемъ грамотности, умственный кругозоръ народа расширился и дѣятельность мысли стала вольнѣе, — но то, что совершилось, превзошло самыя смѣлыя ожиданія. Признаю откровенно, каждый новый фазисъ проявленій народнаго сочувствія поражалъ меня радостною нечаянностью, пока наконецъ не объявилось это сочувствіе во всей своей могучей и простой правдѣ. Не менѣе поражалъ меня постепенно измѣнявшійся строй мыслей и тонъ рѣчей въ нашей такъ-

называемой интеллигентной сферѣ, въ нашей печати: всѣ литературные лагеря, партіи и фракціи перемѣшались, всѣ очутились, чуть не къ всеобщему своему удивленію, согласными и единомушными въ самомъ главномъ, жизненномъ для Россіи вопросѣ; вчерашніе противники встрѣтились союзникамъ. Точно будто подломились ходули и всѣ сошли на землю, стали на ноги, — точно будто сбросили арлекинскіе наряды и оказались тѣмъ, что они въ самомъ дѣлѣ, русскими людьми просто, какъ есть.

Было чему удивляться. Человѣку, помнящему былое нашей общественной жизни, да и выяснилось это не вдругъ, а одновременно съ ходомъ событій. Когда началось возстаніе въ Герцеговинѣ, съ небольшимъ годъ назадъ, и Московскій Славянскій Комитетъ, а также и его Петербургскій Отдѣлъ, напечатавъ посланіе митрополитовъ Сербскаго и Черногорскаго, эти посланія духовныхъ лицъ были, чрезъ русское духовенство, доведены до свѣдѣнія народа, — только доведены до его свѣдѣнія, не больше, и пожертвованія уже и тогда приняла размѣры дотолѣ небывалые. Предъ народомъ стали раздвигаться предѣлы православнаго міра, открываться новые горизонты братства. Но все это еще было смутно. Не менѣе смутно было сознаніе и въ общественныхъ сферахъ, — такъ что когда генераль Чернаевъ, въ сентябрѣ прошлаго года, грѣхалъ въ Москву и предложилъ отправить вмѣстѣ съ нимъ человѣкъ пятьдесятъ нижнихъ чиновъ въ Черногорию, а оружія на 500 человѣкъ, — планъ этотъ не могъ состояться — за недостаткомъ денежныхъ средствъ, которыхъ у Комитета въ то время не было еще вовсе, а у частныхъ лицъ не оказалось въ готовности... Послѣдовавшая затѣмъ дѣятельность Комитета имѣла внѣшній видъ и даже характеръ — преимущественно благотворительный; добровольцами, при пособіи Комитета, отправлялись въ Герцеговину одни южные Славяне, Сербы, отчасти Болгаре, проживавшіе въ Россіи: исключеніе составили только два русскихъ офицера, нарочно для этой цѣли пріѣхавшіе въ Москву, такъ какъ въ Петербургѣ въ пособіи имъ было отказано. Когда же на славянскомъ небосклонѣ появилась заря новой, болѣе значительной въ политическомъ смыслѣ и организованной борьбы, именно борьбы Сербскаго княжества съ Цортою за освобож-

деніе подвластныхъ Туркамъ Славянскихъ земель, и генераль Черняевъ, въ концѣ марта нынѣшняго года, заявилъ Комитету о своемъ намѣреніи ѣхать въ Сербію, то Комитетъ, конечно, не могъ не опѣнить великаго значенія такого событія, какъ появленіе Черняева во главѣ сербскаго войска. Но ни Комитетъ, ни самъ Черняевъ, конечно, еще не предвидѣли тогда, что произойдетъ въ самомъ русскомъ населеніи, даже въ средѣ пахарей-мужиковъ. Присутствіе Черняева въ сербской арміи казалось Комитету прежде всего полезнымъ въ отношеніи военномъ, но особенно важно для Комитета было то, что вождемъ сербскимъ являлся именно Русскій, представитель русской идеи, русскаго воззрѣнія на славянское дѣло, въ смыслѣ истинныхъ интересовъ Славянства, внѣмѣстной племенной исключительности и розни. Комитету было очевидно, что подвигъ самоотверженія со стороны Черняева не можетъ не поднять среди Славянъ обаяніе и честь русскаго имени, сильно, въ то время, скомпрометтированнаго дипломатіей, не можетъ не поднять и въ самомъ русскомъ обществѣ его нравственный уровень, чувство собственного достоинства. Нужно было только устранить нѣкоторыя денежныя затрудненія, останавливавшія отъѣздъ генерала Черняева: сумма была ничтожная, всего 6,000 рублей, и Комитетъ не задумался ее выдать. Вскорѣ затѣмъ какъ огласилось прибытіе Черняева въ Сербію (что уже само по себѣ произвело сильное впечатлѣніе какъ въ Европѣ, такъ въ Россіи и во всемъ мірѣ Славянскомъ), началась страшная эпопея рѣзни, грабежей, насилій и всѣхъ турецкихъ неистовствъ въ Болгаріи. Тутъ уже не нужно было никакихъ особенныхъ усилій со стороны Комитета для возбужденія сочувствія и состраданія. Историческій мотивъ борьбы съ *неотрными* и лютымъ Татаринномъ, проходящій сквозь все житіе Русскаго народа, отзвукъ пережитыхъ золь и скорбей, увѣковѣченныхъ и пѣсней и церковными празднествами, но казалось затертыхъ въ народной памяти новѣйшими бѣдами, — все это не то, чтобы припомнилось въ видѣ историческихъ фактовъ, а самый врагъ, самое зло предстало какъ что-то давно знакомое и родное. Для Русскаго нѣтъ врага популярнѣе Турка: пожертвованія вещами и деньгами полились рѣкою..

Началась сербская война. Съ первой же минуты она стала *своею* Россіи; честь русскаго имени связывалась съ именемъ вождя. За Черняевымъ вслѣдъ поѣхало въ Сербію, помимо Комитета, нѣсколько его сослуживцевъ и близкихъ пріятелей. Вниманіе общества и самого народа, отъ Герцеговины, Босніи, Черногоріи—перейдя на Болгарію,—сосредоточилось тогда на Княжествѣ Сербскомъ и такимъ образомъ обошло весь кругъ православныхъ Славянскихъ племенъ. Съ замираніемъ сердца слѣдила Россія за неравномѣрною борьбою маленькой православной землицы, величиною меньше Тамбовской губерніи, съ громадными полчищами азіатской орды, разсѣвшейся въ трехъ частяхъ свѣта. Но когда сербскія войска испытали первую неудачу, когда на эту почву возбужденнаго народнаго сочувствія пала, такъ сказать, первая капля русской крови, когда совершился первый подвигъ любви и принеслась первая, чистая жертва во имя Россіи, отъ Русскаго, за вѣру и братьевъ, тогда дрогнула совѣсть всей Русской земли, и какимъ-то откровеніемъ сердца — народъ разомъ усвоилъ себѣ, не мудрствуя лукаво, весь міръ истинно-славянскаго, т. е. православнаго братства. Онъ какъ-то разомъ перешагнулъ чрезъ всѣ географическія и инныя научныя трудности, да и ступилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на путь своего историческаго призванія, который, казалось, такъ мудро было бы ему втолковать безъ специальныхъ учебниковъ. Всѣ эти названія горъ и рѣкъ, эти Моравы, Савы, Дрины, стали ему какъ бы свои, и прохаживаясь между ними, онъ словно повторилъ себѣ, чрезъ восемь столѣтій, замѣчаніе Нестора въ его лѣтописи: «а русскій языкъ и словенскій единъ есть». Въ этомъ сознаніи, пріобрѣтенномъ Русскимъ народомъ, залогъ всего будущаго: оно стоить всякихъ побѣдъ, и еслибъ въ настоящую минуту дѣло славянское и казалось кому-либо въ проигрышѣ, то эта временная неудача ничто въ сравненіи съ величіемъ добытаго.

Какъ съ самаго начала, такъ и потомъ, Московскій Славянскій Комитетъ не зазывалъ и не заманивалъ съ своей стороны ни одного добровольца. Сами собой, одинъ за другимъ, стали являться отставные офицеры, прося указаній, совѣтовъ и содѣйствія: какъ бы пробраться въ Сербію и стать въ ряды арміи подъ начальствомъ Черняева? Извѣстіе о смер-

ти Кирѣева, перваго Русскаго, павшаго въ этой войнѣ, разомъ двинуло сотни охотниковъ, да и впослѣдствіи этотъ фактъ постоянно повторялся: стоило только огласиться новымъ смертямъ въ средѣ русскихъ добровольцевъ, на мѣсто каждаго умершаго являлось десять живыхъ съ готовностью заступить его мѣсто: смерть не отпугивала, а какъ бы привлекала. Но все же въ началѣ волонтеры были изъ числа людей только военнаго ремесла и *офицерскаго* званія. Я помню минуту истиннаго умиленія, испытаннаго мною, когда въ первый разъ обратился ко мнѣ съ просьбою объ отправкѣ его въ Сербію «нижній чинъ» — унтеръ-офицеръ Карасьевъ: такъ еще новъ и неожиданъ былъ для меня подобный самовольный починъ въ низменной нашей общественной средѣ! Вскорѣ это ощущеніе смѣнилось впечатлѣніями еще сильнѣйшаго свойства, когда стали являться уже не одни нижніе чины, но и простые крестьяне. И съ какой смиренной настойчивостью, какъ бы испрашивая милости, со слезами, на колѣняхъ, молили они объ отправленіи ихъ на поле битвы, — именно молили, потому что Комитетъ принялъ было за правило: оказывать пособіе только отставнымъ *военнымъ*. Само собою разумѣется, однако, что подобныя просьбы крестьянъ были нами всегда уважены. И надобно было видѣть ихъ радость при объявленіи имъ комитетскаго рѣшенія. Впрочемъ эти сцены стали повторяться такъ часто, движеніе такъ усилилось, дѣла и хлопотъ прибавилось такъ много, что уже некогда было ни останавливаться надъ проявленіями народнаго чувства, ни спрашивать въ подробности являющихся о двигавшемъ ихъ побужденіи: «положилъ себѣ помереть за вѣру», — «сердце кипитъ», «не терпится — хочу послужить нашимъ», «нашихъ бьютъ»; — куда? — «къ нашимъ, за одно постоять» — вотъ краткіе отвѣты, звучавшіе спокойною искренностью и такою задушевною простотою, въ которой слышалась неодолима я мощь. Чувствовалось, что предъ вами, въ смиренномъ обликѣ, безъ горделивой, самодовольной осанки, стояли герои — скажу больше: люди того зъкала, изъ какаго выходили мученики первыхъ вѣковъ христіанства. Да, намъ приходилось сподобиться узрѣть самую душу народную! .

Разумѣется, случались и ошибки, бывали и исключенія; иногда тѣже самые герои и мученики, въ ожиданіи подвига,

или отправляясь на смертный подвигъ, не отказывались подчасъ и гульнуть. Но у кого же хватило бы духа бросить за это въ нихъ камень? Повторяю: со стороны нижнихъ чиновъ и простолюдиновъ-добровольцевъ не было и не могло быть никакого корыстнаго расчета въ ихъ побужденіяхъ. Я по крайней мѣрѣ добросовѣстно предварялъ всѣхъ и cadaго о суровости предстоявшаго имъ жребія, — да и ничего «выгоднаго» не представлялось имъ съ перваго же раза: 50 рублей на брата, изъ которыхъ не менѣе 35 уходило на проѣздъ по Румыніи, да еще на дорожныя харчи и т. п. издержки.

Движеніе приняло наконецъ такіе размѣры, что пришлось устроить особое отдѣленіе собственно для приѣма волонтеровъ, для разсмотрѣнія ихъ просьбъ и заявленій. Это отдѣленіе было открыто въ Славянскомъ Базарѣ, въ помѣщеніи, предложенномъ нашимъ членомъ А. А. Пороховщиковымъ, который самъ въ немъ усердно занимался вмѣстѣ съ Н. Д. Бакунинымъ и В. И. Симанскимъ. Затѣмъ оно было переведено въ домъ князя Гагарина, который вызвался принимать постоянное участіе въ нашихъ занятіяхъ и работаетъ съ утра до позднаго вечера. Вскорѣ Комитетъ убѣдился, что нѣтъ никакой возможности сосредоточить народное движеніе не только въ одномъ московскомъ центрѣ, но даже и еще въ двухъ другихъ центрахъ, въ Петербургѣ и Кіевѣ, гдѣ существуютъ Отдѣлы. Вся Россія готова была покрыться Отдѣлами Славянскаго Комитета, изо всѣхъ городовъ присылались намъ о томъ заявленія; но мы, къ истинному сожалѣнію, не могли удовлетворить эту настоятельную потребность: разрѣшеніе на учрежденіе Отдѣла зависитъ не отъ насъ, а отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ. Къ счастью, въ Одессѣ существуетъ утвержденное правительствомъ особое общество, подъ названіемъ Благотворительнаго Славянскаго Общества Кирилла и Меѳодія, и оно своею дѣятельностью оказало значительныя услуги общему дѣлу. Къ счастью также, въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ нашлись настолько просвѣщенные и причастные всенародному чувству начальники, что они безъ труда разрѣшили мѣстнымъ жителямъ: учреждать особые кружки «для сбора пожертвованій», кружки, которые и послужили центрами для мѣстной дѣя-

тельности на пользу общаго дѣла. Но когда порывъ сочувствія охватываетъ собою десятки милліоновъ народа на пространствѣ чуть не цѣлой части свѣта, мудро упорядочить, регулировать проявленія этого сочувствія, дать ему рамки, форму, правильное единообразіе, особенно при отсутствіи надлежащей гласности. Насъ, именно Московскій Славянскій Комитетъ, обвиняють въ томъ, что у насъ Россія, такъ сказать, выбилась изъ рукъ, что мы не сумѣли покрыть се събтъю стройной организаціи, что не воспользовались въ должной мѣрѣ народною готовностью жертвовать, и оставляли множество мѣстъ безъ указаній и руководства. Фактъ вѣренъ, но упрекъ несправедливъ. Поставленные лицомъ къ лицу съ сочувствіемъ всей необъятной Россіи, мы лишены были даже возможности сноситься съ нею путемъ печати — по причинамъ, отъ насъ не зависѣвшимъ. Для письменныхъ же сношеній съ сотнями городовъ и селъ, и тысячами лицъ, отъ которыхъ мы получали запросы—не только насъ съ нашей канцеляріей, не достало бы и цѣлаго министерскаго департамента. Но это лишь внѣшняя невозможность. Тотъ не знаетъ натуры народныхъ движеній, особенно въ Россіи, кто воображаетъ, что ихъ легко подчинить какой-либо организаціи, предложенной какимъ-либо комитетомъ. Чувство проявляется своеобразно и разнообразно, и не любитъ стѣсненій. Пожертвованія стали специализироваться—смотря по тому, какой предметъ именно излюбило сердце жертвователей; жертвователи—и это въ высшей степени законно въ психическомъ смыслѣ—захотѣли взойти въ прамыя, непосредственныя сношенія съ лицами и мѣстностями, въ пользу которыхъ жертвовали, и минуя Комитетъ, города, села, отдѣльныя лица писали прямо отъ себя и Черняеву, и князю Милану, и княгинѣ Натальѣ, и князю Николаю, и митрополиту Михаилу, посылали имъ прямо отъ себя депутатовъ, добровольцевъ, деньги и вещи, съ подробнымъ разъясненіемъ ихъ назначенія, а при этомъ кстати своихъ чувствъ и ожиданій. Всему этому разнообразію, и если хотите, непорядку такъ и подобало быть, ибо самое дѣло было диковинно и (съ чѣмъ вы уже конечно согласитесь) не имѣло прецедентовъ, а потому и опыта не было!

Да, милостивые государи, ни прецедентовъ, ни опыта не

имѣло ни русское общество вообще, ни нашъ Комитетъ въ особенности, для того, чтобы одновременно не только исполнять свое благотворительное призваніе раздачею денежной помощи, но и исправлять должность интендантства, комиссаріата, инспекторскаго департамента, военно-медицинскаго, артиллерійскаго, провіантскаго вѣдомствъ, чуть ли даже не генеральнаго штаба.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что такая непривычная для насъ дѣятельность, организуемая притомъ *на ходу*, была сопряжена съ немалыми ошибками, и несмотря на всѣ наши труды и старанія, не всегда достигала надлежащихъ результатовъ. Впрочемъ, при оцѣнкѣ этихъ результатовъ, необходимо принять во вниманіе отсутствіе всякой правильной организаціи въ самой Сербіи, которая, при своемъ миниатюрномъ государственномъ устройствѣ, оказалась вовсе не приготовленною и не приспособленною къ военному хозяйству въ такихъ крупныхъ размѣрахъ. Какъ бы то ни было. Славянскій Комитетъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что могъ, и сдѣлалъ добросовѣстно, какъ умѣлъ и какъ зналъ, поддерживаемый въ своей непомѣрной работѣ надеждою, что придетъ же наконецъ часъ, когда политическія обстоятельства дозвоятъ Русской Землѣ воспользоваться благами созданной ею, могучей русской правительственной организаціи и сдать свое дѣло государству, — то дѣло, которое составляетъ существенное призваніе государства, какъ политической, внѣшней силы народнаго организма.

Перехожу затѣмъ къ отчету, или вѣрнѣе сказать — къ перечню главныхъ статей нашего прихода и расхода: эти цифры еще живѣе охарактеризуютъ нашу дѣятельность; болѣе же подробнаго отчета въ настоящее время, когда дѣло еще ведется, представить нельзя за неполученіемъ точныхъ свѣдѣній съ мѣста.

Я предвижу заранѣе, что цифры нашего прихода произведутъ въ публикѣ нѣкоторое разочарованіе. Мы ежедневно и читаемъ и слышимъ, что изъ Россіи выслалось въ Славянскія земли цѣлыя милліоны, причемъ обыкновенно ставится строгій вопросъ: куда же дѣваются эти милліоны? Но эта молва о количествѣ милліоновъ столько же вѣрна, какъ о количествѣ добровольцевъ, которыхъ общественное мнѣніе

насчитываетъ чуть ли не до 20 т. и которыхъ въ самомъ дѣлѣ была только пятая часть, можетъ быть нѣсколько болѣе, можетъ быть и менѣе. Въ Московскомъ Славянскомъ Комитетѣ, съ самаго начала герцеговинскаго возстанія или съ 1 сентября *прошлаго*, т. е. 1875 года, до 22 октября сего 1876 года, слѣдовательно почти въ 14 мѣсяцевъ, всѣхъ пожертвованій поступило: 742,328 р. 73 коп. Изъ нихъ въ теченіи первыхъ десяти мѣсяцевъ съ половиною поступило 151,458 р. 78 к.; въ послѣдніе же три мѣсяца съ небольшимъ, т. е. съ 14 іюля по 22 октября поступило 590,869 р. 95 к., или среднимъ числомъ въ день 5,900 р. 742 тыс. рублей цифра почтенная, но еще очень далекая отъ тѣхъ милліоновъ, о которыхъ гласить молва. Если къ этому присоединить приходъ Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета, которымъ въ тотъ же срокъ времени было собрано 800 тыс. руб. (въ первый періодъ пожертвованій перевѣсъ былъ на сторонѣ Петербурга, благодаря распоряженіямъ высшаго духовнаго вѣдомства), то всего на всего выйдетъ въ обоихъ главныхъ центрахъ Россіи полтора милліона слишкомъ, и это въ виду необходимости оказывать помощь Герцеговинѣ, Черногоріи, Босніи, Болгаріи и наконецъ ратному дѣлу въ Сербіи!... Конечно, не нужно забывать, какъ я уже имѣлъ честь вамъ доложить, что въ послѣдніе мѣсяцы, въ пору высшаго возбужденія народныхъ сочувствій, образовалось множество малыхъ центровъ по всей Россіи, которые распоряжались пожертвованіями самостоятельно и пересылали деньги, минуя Славянскій Комитетъ и его Отдѣлы, прямо отъ себя, съ различными, спеціальными назначеніями, чѣмъ иногда не мало затрудняли тѣ мѣста и лица, къ которымъ препровождались такія отдѣльныя, большею частью мелкія суммы. Весь почти западный край Россіи во второй періодъ пожертвованій—обошелся безъ участія Славянскаго Комитета и Кіевскаго Отдѣла, котораго приходъ сравнительно не великъ. Нѣкоторыя общества и учрежденія, какъ на примѣръ Петербургское Кредитное Общество, препроводившее сто тысячъ прямо отъ себя въ распоряженіе генерала Черняева (кромѣ 100 т., переданныхъ имъ Петербургскому Отдѣлу), жертвовали также независимо отъ Комитета. Такимъ образомъ вывести въ точности общую цифру пожертвованій пока еще

невозможно; но если присоединить къ нимъ и денежныя суммы, издержанныя Главнымъ Обществомъ Попеченія о раненныхъ и больныхъ войнахъ, то едва ли и тогда общій итогъ пожертвованій превыситъ 3 милліона, а съ вещественными пожертвованіями $3\frac{1}{2}$ милліона.

Это и громадно и мало. Мало сравнительно съ размѣромъ потребностей, ибо свыше 3 милліоновъ православныхъ нашихъ братьевъ Балканскаго полуострова нуждается въ самомъ существенномъ — въ хлѣбѣ, одеждѣ и кровѣ. Мало относительно такой крупной величины, какова Россія, съ ея 80 милліонами населенія, ея пространствомъ, равняющимся цѣлой части свѣта, ея значеніемъ, ея политическимъ и военнымъ могуществомъ, и пр. и пр. Мало — въ виду молвы о десяткахъ милліоновъ жертвованныхъ рублей. Это громадно, если принять въ соображеніе источникъ пожертвованій, ихъ нравственный характеръ, условія нашего общественнаго развитія и тѣ помѣхи — мелкія, ничтожныя, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныя, какія приходилось, а иногда и не удавалось, преодолевать порыву и готовности жертвователей. Громадно — потому, что двѣ трети пожертвованій внесъ все же онъ, нашъ бѣдный, обремененный нуждою, простой народъ, — и каждый его мѣдный грошъ, безъ сомнѣнія, по нравственному результату подаенія значилъ и на вѣсахъ исторіи вѣсилъ тяжеле сотни червонцевъ. Вообще можно замѣтить, что пожертвованія по общественной лѣстницѣ шли въ обратной прогрессіи: чѣмъ выше, чѣмъ богаче, тѣмъ относительно слабѣе и скуднѣе. Были конечно и исключенія, да нельзя не принять въ соображеніе и общаго экономическаго состоянія Россіи въ эти неурожайные годы. Несомнѣнно однако же то, что наши денежныя знаменитости не участвовали вовсе, а если и участвовали, то въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ въ этой всероссійской народной складчинѣ, можетъ быть потому, что «не сочувствуютъ!» Оно громадно наконецъ въ виду новизны самого дѣла, непривычки и неумѣлости нашей дѣйствовать народно и сообща, отсутствія организаціи, неудобства сношеній и сообщеній со всѣми углами Россіи, и наконецъ — къ виду невозможности для Комитета пользоваться безпрепятственно пособіемъ печатнаго публичнаго слова. Но главное: громаденъ результатъ, добытый всею этою,

въ сущности невеликою цифрою пожертвованій; громаденъ по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ, по подъему нашей общественной самодѣятельности, по пробужденію нашего народнаго историческаго самосознанія, по сближенію Славянскихъ племенъ между собою, потому наконецъ, что идея Славянства изъ отвлеченной сферы перешла въ жизнь, во очію объявилась.

Но на этомъ останавливаться нельзя и одними нравственными результатами довольствоваться не слѣдуетъ. Надо обезпечить ихъ прочными практическими, матеріальными условіями бытія, надо довершить дѣло и дотянуть гужь до конца, помня пословицу....

Я не стану распространяться теперь о подробностяхъ нашего «прихода», хотя онѣ въ высшей степени интересны. Впрочемъ потому именно, что онѣ такъ интересны, онѣ заслуживаютъ обстоятельнаго изложенія, чѣмъ и занимается теперь нашъ почтенный секретарь, онъ же и профессоръ исторіи. Письма, при которыхъ большею частью присылались пожертвованія, приводятся теперь въ порядокъ и многія изъ нихъ, какъ искреннѣйшія, простыя изліянія народнаго чувства, лучше всего свидѣлствуютъ о правдѣ настоящаго историческаго движенія.

Перехожу къ расходу.

Въ первый, такъ сказать Гердеговинскій періодъ пожертвованій, деньги расходовались почти исключительно на нужды православныхъ славянскихъ семействъ Гердеговины и Босніи, и на пособіе Черногоріи. Всѣхъ денегъ такимъ образомъ препровождено въ Рагузу и непосредственно черногорскому правительству въ первые 8 мѣсяцевъ 96,000 р., а въ послѣдній періодъ времени, т. е. когда Черногорія сама вступила открыто въ бой, только 39,583 р. 45 к., всего же 135,583 р. 45 к. Конечно, 39 тысячъ рублей немного, но несправедливо мнѣніе, будто Черногорія была пренебрежена или забыта. Ее нельзя было забыть: она достаточно напоминала о себѣ своими изумительно доблестными подвигами, которые вмѣстѣ съ подвигами нашихъ добровольцевъ, одни только и тѣшили русскія сердца во все время этой неравномѣрной борьбы. Но понятно однако же, что съ началомъ

сербской войны вниманіе общества и самыя пожертвованія устремились туда, гдѣ лилась русская кровь, гдѣ исходъ борьбы представлялъ болѣе важное, не одно мѣстное, но и общее политическое значеніе, да и самая задача поставлена была шире. Теперь же вновь стали поступать приношенія въ пользу Черногорцевъ, и не далѣе какъ вчера получено разомъ 5,000 р. отъ неизвѣстнаго. Письмо его свѣтлости князя Николая, которое сейчасъ вамъ будетъ доложено, и тѣ свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи черногорскаго населенія послѣ войны, которыя привезъ и которыя передастъ вамъ лично присланный сюда княземъ нашъ почетный членъ Г. С. Веселитскій-Божидаровичъ, вѣроятно возбудятъ въ васъ желаніе удѣлить немедленно часть нашихъ суммъ въ распоряженіе князя Николая, и я полагаю, что мы могли бы, безъ особеннаго затрудненія, ассигновать на это 50 т. р. с. *).

Пособіе отправлявшимся въ Герцеговину и Боснію добровольцамъ мы оказывали только Сербамъ, воспитывавшимся въ Россіи, на что и истрачено 3,202 р. 40 к. Впрочемъ, какъ исключительный въ то время случай, были и два русскіе офицера, которымъ, по ихъ просьбѣ, Комитетъ не отказалъ въ денежныхъ средствахъ для поѣздки въ Герцеговину.

На Болгарію и ея несчастное населеніе истрачено въ разное время 38,058 р. 68 к. Изъ нихъ 10 т. р. были посланы въ Императорское Россійское Посольство въ Константинополь, гдѣ по этому поводу и образованъ былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Нелидовымъ, особый комитетъ для вспоможенія бѣдствующимъ Болгарамъ.

На Болгарскія же, а также на Боснійскія семейства, укрывшіяся въ Сербскомъ княжествѣ, послано митрополиту Сербскому Михаилу въ разное время 7,000 р., роздано иными путями 1,000 р., и отправлено недавно спеціальному, учредившемуся для сей цѣли въ Бѣлградѣ комитету 5,000 р., итого 13,000 руб.

Въ распоряженіе генерала Черняева, т. е. какъ на содержаніе его и его штаба, такъ и на нужды поступавшихъ на

*) Рѣшено было: отдѣлить немедленно въ пользу Черногоріи 50 т. р. с., что и исполнено.

службу подъ его начальство русскихъ добровольцевъ, отправлено было до сихъ поръ 78,966 руб. 76 коп. Значительная часть этой суммы была жертвована съ спеціальнымъ назначеніемъ: «въ распоряженіе генерала Черняева», «генералу Черняеву», и т. д. Извѣстно, что ни генераль Черняевъ, ни русскіе офицеры не получали отъ сербскаго правительства никакихъ денежныхъ средствъ на свое содержаніе. Главнокомандующій Моравскою арміею изъ этихъ же суммъ выдавалъ жалованье своимъ русскимъ офицерамъ, сколько было можно,—оказывалъ пособіе нуждающимся, раненымъ и возвращающимся, покупалъ лошадей для арміи и вообще производилъ многіе расходы для потребностей своего войска.

Когда генераль Новоселовъ принялъ начальство надъ Ибарской арміею, то на удовлетвореніе нуждъ русскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, служившихъ въ этой арміи, было въ разное время отослано Комитетомъ 20,401 р. 20 к. Изъ нихъ также нѣкоторая часть была жертвуема, особенно изъ провинціи, именно съ этою цѣлью.

Въ помощь больнымъ и раненымъ въ Сербіи, призрѣваемымъ ея свѣтлостью княгинею Наталіей, а также бѣлградскимъ Женскимъ Дружествомъ, отправлено было 6,000.

Въ распоряженіе его свѣтлости сербскаго князя Милана 10,000 р.

На санитарное дѣло въ Черногоріи издержано до сихъ поръ 6,307 р. 76 к. Когда открылась война Черногорцевъ съ Турками, мы отправили туда трехъ врачей и четырехъ фельдшеровъ, съ жалованьемъ: врачамъ по 200, фельдшерамъ по 75 р. въ мѣсяць, кромѣ подъемныхъ денегъ; кромѣ того двѣ тысячи рублей употреблены были на покупку вьючныхъ лошадей и другихъ принадлежностей. Врачебный персоналъ находится въ завѣдываніи русскаго генеральнаго косула А. С. Юнина. Дѣятельность нашихъ врачей была весьма успѣшна. Они стяжали общую благодарность какъ князя, такъ и всего населенія.

Въ Сербію было отправлено Комитетомъ первоначально 13 врачей, 14 фельдшеровъ—исключительно для дѣйствія на перевязочныхъ пунктахъ, съ жалованьемъ: врачамъ по 150, фельдшерамъ по 50 р. въ мѣсяць, кромѣ подъемныхъ, сверхъ того 23 сестры милосердія изъ общины «Утоли моя печали»

(съ содержаніемъ по 60 р. въ мѣсяць на каждую), при начальницѣ общины, княгинѣ Н. Б. Шаховской; затѣмъ еще 7 сестеръ милосердія, по ходатайству нашего Дамскаго Отдѣленія изъ здѣшней Покровской Общины, при санитарномъ отрядѣ Общества русскихъ врачей. Изъ 13 отправленныхъ нами врачей, трое уже возвратились, а изъ фельдшеровъ десять; выборъ послѣднихъ оказался большею частью неудаченъ, да къ тому же ихъ съ успѣхомъ могли замѣнить и замѣнили сестры милосердія, всѣ опытные въ перевязываніи ранъ и въ уходѣ за больными. Управление нашимъ санитарнымъ отрядомъ было возложено на П. И. Николаева (предсѣдателя Владимірской губернской земской управы), который не только пожертвовалъ на санитарную часть значительную денежную сумму, но и самъ на свои средства отправился въ Сербію, взявъ отпускъ. Къ сожалѣнію, состояніе здоровья не позволило ему остаться въ Сербіи долѣе нѣсколькихъ недѣль, и завѣдываніе отрядомъ предложено было княгинѣ Шаховской. Мы можемъ только порадоваться, что наше санитарное дѣло попало въ руки такой энергической, умной, самоотверженной женщины. Княгиня тотчасъ устроила госпиталь отъ Славянскаго Комитета въ Парачинѣ. Въ настоящую же минуту этотъ госпиталь перенесенъ въ Бѣлградъ.

Всего на санитарную часть въ Сербіи отчислено было до сихъ поръ 31,052 р. 96 к.; впрочемъ эта сумма еще не вполне издержана.

Наибольшій расходъ былъ произведенъ по *отправкѣ* добровольцевъ, но онъ еще не опредѣленъ въ точности, ибо деньги добровольцамъ выдавались частью въ Москвѣ, частью въ Кишиневѣ и Бѣлградѣ, куда для этого переводились нами значительныя суммы.

Пособіе добровольцамъ, отправлявшимся въ Сербію, выдавалось сначала въ довольно щедромъ размѣрѣ, потому что представлялось какимъ-то исключительнымъ расходомъ, т. е. не менѣе 200 рублей офицерамъ, а нѣкоторымъ полковникамъ, которыхъ присутствіе въ Сербіи казалось особенно полезнымъ, значительно выше. Когда же число добровольцевъ увеличилось и самое отправленіе ихъ туда стало обычнымъ явленіемъ, размѣръ пособія былъ сокращенъ, такъ что штабъ-офицерамъ выдавалось 250 р., оберъ-офицерамъ отъ 150 до

200, юнкерамъ не свыше 120 руб., унтеръ-офицерамъ отъ 75 до 100, нижнимъ чинамъ 70, 60 и не менѣе 50 рублей. Изъ этого пособия производились добровольцами расходы на заграничный паспортъ, на проѣздъ чрезъ Румынію отъ Яссы до Турнъ-Северина и на продовольствіе во время пути; проѣздъ же отъ Москвы до Кишинева и до Одессы, благодаря Правленіямъ Московско-Курской, Курско-Кіевской, Кіевско-Брестской и Одесской желѣзныхъ дорогъ, былъ и остается даровой, по свидѣтельствамъ Славянскаго Комитета, точно также какъ и провозъ отправляемыхъ нами грузовъ. Изъ изложеннаго выше каждый можетъ вывести заключеніе, что денежное пособие, выдававшееся Комитетомъ, никакъ не могло служить приманкою для поступленія въ ряды сербской арміи.

Всѣхъ добровольцевъ, получившихъ пособие отъ Московскаго Славянскаго Комитета, по настоящее число насчитывается 1,176 человекъ, въ томъ числѣ 11 полковниковъ.

Денегъ на пособие истрачено приблизительно до 140 т. р. с., включая сюда и расходы на обратную отправку домой тѣхъ добровольцевъ, которые явились сюда безъ предварительныхъ сношеній и справокъ, безъ всякихъ средствъ, иногда пѣшкомъ, изъ самыхъ искреннихъ побужденій, но не могли быть приняты по какимъ-либо независимымъ отъ нихъ обстоятельствамъ и не имѣли денегъ для возвращенія. Вообще добровольцевъ могло бы быть отправлено вдвое болѣе; но Комитетъ выдавалъ пособие почти исключительно военнымъ, отъ отставныхъ офицеровъ требовалъ въ большинствѣ случаевъ свидѣтельствъ объ ихъ образѣ жизни за время послѣ выхода въ отставку, и никого не принималъ заочно. Въ числѣ этихъ 1,176 добровольцевъ мы считаемъ и добровольцевъ изъ городовъ, т. е. такихъ, на которыхъ средства давались иногородными мѣстными жителями и переводились въ Комитетъ. Особенно много отправилось добровольцевъ изъ Нижняго и Орла, и притомъ отлично снаряженныхъ одеждою и обувью, — не мало изъ Казани, Самары, Астрахани и изъ другихъ городовъ

Независимо отъ сихъ добровольцевъ, Комитетъ оказалъ пособие и казакамъ на Дону, Терекѣ и Кубани, пожелавшимъ помочь своимъ православнымъ братьямъ въ ихъ честной борь-

бѣ съ мусульманами. На этотъ предметъ издержано приблизительно до 40 тысячъ. Говорю приблизительно, потому что расходъ производился заочно, и точныхъ расчетовъ еще не получено.

Нѣкоторые добровольцы оставили здѣсь семейства, которыя съ ихъ отъѣздомъ очутились въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Другіе, отличившись въ бояхъ и раненые, писали въ Комитетъ письма изъ госпиталей, прося оказать помощь ихъ женамъ и дѣтямъ. На это израсходовано Комитетомъ до сихъ поръ 2,269 р. 34 к., въ томъ числѣ выдано пособіе и семействамъ нѣкоторыхъ убитыхъ офицеровъ.

Возвратившимся раненымъ добровольцамъ выдано до сихъ поръ 711 р.

На русско-болгарскую дружину въ Сербіи выслано было Комитетомъ, въ разное время, полковнику Медвѣдовскому 7,440 р.

Спеціально на нужды нашихъ добровольцевъ въ Сербіи по 22 октября выслано было митрополиту Михаилу, генералу Дандевилю и отправлено съ членами Комитета П. А. Висковатовымъ и А. А. Нарышкинымъ 17,564 р. (*).

Устройство военно-походнаго телеграфа въ Сербіи стоило Комитету слишкомъ 9,007 р. 18 к.

3,871 р. были израсходованы на устройство двухъ походныхъ подвижныхъ церквей, съ хоругвями и пѣвчими. На этотъ предметъ жертвовались спеціальныя суммы какъ Комитету, такъ и г. товарищу предсѣдателя П. Н. Батюшкову, который принялъ на себя трудъ исключительнаго завѣдыванія этою частью, и который представитъ вамъ о томъ особый отчетъ.

Болѣе 5,800 руб. издержано до сихъ поръ на изготовленіе, покупку и отправку шинелей, сапоговъ, полушубковъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ одежды и обуви, а также и продовольствія. Шинелей отправлено до сихъ поръ свыше 4000, сапоговъ до 2000 паръ, полушубковъ до 3000, чаю до 2000 фунт.

Собственно же на наши канцелярскія издержки, съ жа-

(*) Послѣ 22 октября переведено было по 29 октября еще слишкомъ 30,000 руб. по телеграфу въ Бѣлградъ.

лованьемъ писмоводителямъ, истрачено до сихъ поръ, съ расходами на телеграфъ и на переводъ за границу денегъ, 1,981 руб.

Опуская теперь подробности о другихъ мелкихъ статьяхъ расхода, напр. на устройство кружекъ для сбора, посылку и содержаніе агентовъ и проч. и проч., перехожу къ общему итогу. Всего по 22 октября издержано нами, въ теченіи 14 мѣсяцевъ, 583,542 р. 38 к.

Въ остаткѣ 158,786 р. 35 к. Изъ нихъ 5,000 р., пожертвованные г-жею В. А. Морозовою, и 500 руб., пожертвованные г. Лукинымъ, имѣютъ специальное назначеніе: первые на воспитаніе сиротъ, оставшихся послѣ убитыхъ русскихъ добровольцевъ, вторые на воспитаніе сиротъ павшихъ въ бою Сербовъ въ самой Сербіи.

Расходы, какъ видите, не велики, при такомъ крупномъ дѣлѣ и въ виду столькихъ вопіющихъ нуждъ, заявляемыхъ намъ не только изъ Черногоріи, Босніи, Герцеговины, Болгаріи и Сербіи, но и изъ среды нашихъ русскихъ добровольцевъ, которымъ бѣдная сербская казна не въ состояніи производить никакого денежнаго содержанія. А между тѣмъ денежные средства наши ничтожны и приливъ пожертвованій началъ замѣтно ослабѣвать. Въ послѣднія три недѣли съ 5,900 руб. онъ дошелъ до 2,500 р. среднимъ размѣромъ въ день. Но намъ предстоятъ расходы неотложные, обязательные для русской общественной совѣсти: это именно обезпеченіе участи русскихъ добровольцевъ, пребывающихъ въ Сербіи, обезпеченіе раненыхъ, обезпеченіе семействъ убитыхъ, доставленіе средствъ для возвращенія въ Россію. Мы приняли теперь мѣры для правильной организаціи раздачи жалованья тѣмъ изъ добровольцевъ, которые состоятъ въ Сербіи на службѣ (чего до сихъ поръ не было) и вышлемъ на дняхъ къ нашему члену П. А. Висковатову, для этой цѣли и вообще на нужды добровольцевъ, 25,000 руб., что и будемъ производить ежемѣсячно, пока достанетъ средствъ.

Русское общество не броситъ начатаго, затѣяннаго имъ дѣла, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но нельзя не замѣтить, что въ послѣдніе дни, подъ влияніемъ газетныхъ корреспонденцій, сочувствіе въ публикѣ собственно къ Сербамъ нѣсколько охладѣло. Какъ будто идея Славянства и рѣшеніе

великаго Восточнаго вопроса могутъ зависѣть отъ мелкихъ, мѣстныхъ интригъ, ссоръ и тому подобнаго случайнаго дразга, который неразлученъ съ каждымъ житейскимъ дѣломъ, водится вездѣ, гдѣ водятся люди, и совершенно исчезаетъ въ общемъ фонѣ исторической жизни! Но какія бы ни были вины нѣсколькихъ Сербовъ по отношенію къ нѣсколькимъ Русскимъ, въ общемъ виноваты мы, а не Сербы. Да, мы— какъ общество, какъ Россія. Сербы не обязаны знать, да и не могутъ понять, что помощь, оказанная имъ, есть помощь посильная только отъ одного русскаго общества; имъ неизвѣстны тѣ исключительныя домашнія условія, въ какихъ оно находилось. Говорятъ, пишутъ, печатаютъ, славятъ: «содѣйствіе Россіи, милліоны Россіи». Подъ Россіей разумѣютъ они, Сербы и всѣ задунайскіе Славяне, не тотъ или другой классъ общества, но и все государство, Россію въ ея общемъ, цѣльномъ образѣ,—однимъ словомъ, они не привыкли отдѣлать въ Россіи народъ отъ правительства, и понадѣявшись на «Россію», затѣяли борьбу выше силъ. Результаты этой ошибочной надежды всѣмъ извѣстны: сотни разрушенныхъ селъ, выжженные города, треть территоріи въ рукахъ Турокъ,—истощеніе средствъ, всеобщее разореніе. Казнить ли еще Сербовъ и намъ за ихъ заблужденіе?

Мы у Сербовъ въ долгу.

Но мы въ долгу не останемся. Не только русское общество не дастъ осрамить русское имя, но уже близокъ часъ, такъ давно всѣми нами желанный и призываемый, благословенный часъ, когда въ самой Россіи все станетъ на свое мѣсто, и дѣло свойства государственнаго отойдетъ къ государству; когда, другими словами, само могучее наше правительство, съ своею прочною историческою организаціей, во главѣ и при содѣйствіи общественныхъ силъ, возьметъ защиту Славянъ въ свои крѣпкія руки. Да будетъ такъ.

4. Рѣчь предсѣдателя Московскаго Славянскаго Комитета въ засѣданіи 6-го марта 1877 года.

Мм. гг. Съ иными надеждами, при иныхъ обстоятельствахъ собирались мы въ этой самой залѣ, четыре мѣсяца тому на-

задъ. Не успѣло закатиться солнце, озарившее погромъ сербской рати на Дюнишѣ, какъ надъ Славянскимъ міромъ занялась, повидимому, заря новаго бодрого дня, исполненнаго радостныхъ упованій. Въ тотъ мигъ, когда, казалось, все погибало, когда въ неравной борьбѣ сломился русскій геройскій оплотъ, созданный въ Сербіи съ такимъ трудомъ и любовью, одинокими усиліями Русской земли, безъ всякаго содѣйствія русской власти, — подвиглась вдругъ сама великая наша держава и грознымъ: «не далѣе!» остановила натискъ побѣдоносныхъ турецкихъ войскъ. Вы помните громовое дѣйствіе на умы въ Россіи и Европѣ русскаго ультиматума. Откуда взялась сила этого слова, предъ которой преклонился міръ? Опиралась ли она на готовыхъ надежныхъ союзниковъ, на политическія, вѣрно разсчитанныя соображенія? Праздные вопросы! Она взялась изъ себя самой, изъ своей внутренней правды. Устами Царя рекла, негодуя, сама историческая совѣсть Россіи, и слово Его прогремѣло, какъ «власть иущее»...

Не правы ли мы были, повидимому, когда, подъ впечатлѣніемъ этого событія, въ засѣданіи Комитета 24-го октября, выражали вамъ надежду, что «не только русское общество не дастъ осрамить русское имя, но уже близокъ часъ, такъ давно всѣми нами желанный и призываемый, когда русское общество сдастъ бремя необычной и несвойственной ему дѣятельности государству, когда само наше правительство, во главѣ и при содѣйствіи общественныхъ силъ, возьметъ защиту Славянъ въ свои крѣпкія руки»...?

Вскорѣ затѣмъ эти наши надежды были подтверждены торжественно и всенародно. 30-го октября въ Кремлѣ, среди святыни и древности московской, Русскій Царь вступилъ въ общеніе со своимъ народомъ, въ общеніе духа съ его прошлыми и грядущими судьбами и держалъ къ нему рѣчь, на вѣки вѣвавшуюся въ народную память. Самодержавный Царь явилъ Себя причастнымъ сердцемъ тому великому движенію, которымъ ознаменовалъ себя прошлымъ лѣтомъ Его народъ, выславъ своихъ сыновъ на борьбу съ врагами Славянства и вѣры. Онъ помянулъ сочувственнымъ словомъ «нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе, какъ выразился Государь, — заплатились кровью за *славянское дѣло*». «Я знаю — такъ всенародно возвѣстилъ Царь — что вся Россія вмѣстѣ со Мною

принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ *нашихъ братьевъ по вѣрѣ и по происхожденію*... «Если Я увижу, продолжалъ далѣе Государь, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно... Да поможетъ намъ Богъ — такъ заключилъ Государь Свою рѣчь — исполнить *наше святое призваніе*».

Нѣтъ мгновеній возвышеннѣе тѣхъ, когда, внезапнымъ подъемомъ всенароднаго духа, вся многовѣковая исторія страны вдругъ затрепещетъ въ ней живую движущую силой, и весь народъ послушаетъ себя единымъ, цѣльнымъ въ вѣкахъ и пространствахъ, живымъ историческимъ организмомъ. Такую именно минуточку пережили мы съ вами въ завѣтный день 30-го октября, когда вся Русь, въ лицѣ Москвы, принимала отъ Царя Его мысль и слово, и устами Москвы же, въ ея отвѣтномъ адресѣ на благую вѣсть, выражала свою вѣру и страстное желаніе: «да преидетъ слава Царя-Освободителя далеко за русскій рубежъ, во благо нашимъ страждущимъ братьямъ, во благо человечеству, во славу истинѣ Божіей».

Вторая Москвѣ, возликовала и заговорила вся русская область, и до сихъ поръ еще не перестаютъ доноситься изъ дальнихъ концовъ нашей земли запоздалые въ своей радости отголоски...

Эти слова Государя не были дѣломъ случайнаго, личнаго державнаго произволенія. Это было наитіе историческаго духа. Онъ говорилъ, какъ преемникъ царей, какъ преемникъ Ивана III, принявшаго отъ Палеологовъ гербъ Византіи и сочетавшаго его съ гербомъ Московскимъ, — какъ преемникъ Петра и Екатерины, — какъ вѣнчаный блюститель древнихъ преданій и непрерывавшагося историческаго завѣта.

Отъ этихъ словъ не можетъ быть отреченія, — развѣ бы самъ Русскій народъ отрекся себя и своего призванія, и подписалъ бы себѣ смертный приговоръ.

Я не напрасно привелъ вамъ на память это наше недавнее прошлое, которое такъ многіе спѣшатъ забыть и которое повидимому въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ настоящимъ: небо надъ нами, казавшееся такимъ лучезарнымъ, заволокло сѣрыми, удушливыми облаками... Слова, сказан-

ныя въ Кремлѣ, непреложны, какъ истина, но напрасно было надѣяться на немедленное торжество истины! Между нею и ея исполненіемъ воздвиглись какія-то изумительныя, неудовимыя препятствія. Наше «святое призваніе», о которомъ говорилъ Государь, несомнѣнно, но видно для того чтобы подъять и понести его, нужна несокрушимая вѣра въ Россію, въ ея правду и ея силу, — нужно съ ея народомъ единеніе въ духѣ, — нужно именно то, въ чемъ, къ нашему вреду и позору, обличилась срамная скудость. Вспыхнувшій на мгновеніе свѣтъ историческаго откровенія, озарившій, казалось, даже головы скудоумныхъ, скоро затмился въ сознаниі дѣателей, и не руководимые ни чувствомъ, ни инстинктомъ народнымъ, они колобродятъ въ умственной тѣмѣ, гоняясь за блуждающими огнями европейской мысли. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить вамъ положеніе славянскаго дѣла за эти четыре мѣсяца нашего нравственнаго удушья? Какое зрѣлище представляется намъ? Наша могучая, великая Россія, сойда съ прямаго пути истины, тяжело плукаетъ по дебрямъ и закоулкамъ политики, на удивленіе и удовольствіе всей Европы. Она же могучая, великая, единая Славянская держава не перестаетъ беспокоиться объ устройствѣ въ пользу Славянъ какого-то благотворительнаго европейскаго концерта, и всякій разъ, когда по ея настоянію концертъ состоится, — концертъ, гдѣ всѣ вопять нагло-фальшивыми голосами, а Россія выводитъ свою мелодію теноромъ, деликатнымъ, но за то искреннимъ, — всякій разъ, къ ея удивленію, выручка оказывается въ пользу Турокъ! Мы видѣли длинный рядъ дипломатическихъ совѣщаній, сѣздовъ, и объѣздовъ, въ которыхъ всѣ участники, не обманывая другъ друга, обманывали лишь одну Россію, не прибѣгая даже и къ хитрости, грубо и явно. Но никакіе обманы, никакія обиды и оскорбленія не могли поколебать упрямой кротости и назойливаго миролюбія русской дипломатіи: обиды, отъ которыхъ щеки Россіи пылаютъ стыдомъ и изнываетъ сердце. Полагаю это выраженіе позволительно хоть теперь употребить намъ, Русскимъ, послѣ того, какъ самъ его величество, германскій императоръ Вильгельмъ, всего менѣе заинтересованный въ славянскомъ дѣлѣ, выразился въ разговорѣ съ посланнымъ недавно въ объѣздъ русскимъ дипломатомъ (какъ

напечатано въ русскихъ газетахъ) такими словами: «предлагайте что угодно и будьте увѣрены, что я поддержу всѣ мѣры, принатыя вами, чтобъ избавить ваше правительство, меня самого и всѣ христіанство отъ жгучаго стыда». А между тѣмъ Турки рѣжутъ, да рѣжутъ и Болгарь, и Босняковъ, и Старосербовъ, рѣжутъ, сажаютъ на колъ, насилуютъ, правда, не на такую широкую руку, не такъ декоративно и шумно какъ прежде, но втихомолку, исподоволь и не менѣе основательно. А между тѣмъ сотни тысячъ семействъ герцеговинскихъ, боснійскихъ, болгарскихъ вотъ уже второй годъ влачатъ самое бѣдственное, ужасное существованіе, вдали отъ родины, на чужбинѣ: поля ихъ остаются необработанными, сады невоздѣланными, а Русскій народъ, самъ обремененный нуждою, истощается въ собственныхъ средствахъ, поддерживая несчастныхъ посильными подавными.

А между тѣмъ Болгарія, которой муки подвигли даже и Европу на состраданіе, которой участію была повидимому болѣе всего озабочена русская дипломатія и которая поэтому уже обнадежилась, что для нея настаетъ пора новой самостоятельной жизни, — Болгарія начинаетъ содрогаться отъ ужаса при одной мысли о грозящемъ ей разочарованіи. Если этому страдальческому племени, послѣ того, что сулило ему русское народное движеніе въ 1876 году, придется покоряться въ своей вѣрѣ въ Россію, оно падетъ въ такую глубокую бездну отчаянія, изъ которой едва ли выйдетъ, или же погибнетъ духовно, отдавшись во власть иноземцамъ.

А между тѣмъ, — пока русская дипломатія пытается учинить новый европейскій концертъ, съ пересадкою музыкантовъ и все съ тою же цѣлью не идти далѣе минимума реформъ, добытаго пресловутою и въ самой Европѣ осмѣянною конференціей, — Сербія, подъ давленіемъ Англіи и Австріи, вынуждена была заключить миръ съ Турціей; миръ, свидѣтельствующій предъ всѣмъ свѣтомъ, что ни во что послужило ей святое братское самоотверженіе Русскаго народа. Все это возвышенное движеніе Русской земли, этотъ подъемъ народнаго духа, это потраченное народное достояніе, составившееся большею частью изъ крестьянскихъ трудовыхъ грошей, эти сотни русскихъ жизней, такъ великодушно и беззавѣтно отданныхъ за вѣру и братьевъ, эта дорогая рус-

ская кровь, такъ обильно пролитая на сербскихъ поляхъ за «славянское дѣло», какъ изволилъ выразиться въ своей рѣчи самъ Государь,—все это оказалось напрасно, вгунѣ, пошло ни во что, даже не потянуло на вѣсахъ нашей дипломатіи... Русская кровь осталась не отмщенной, народный подвигъ даже не принятымъ во вниманіе, какъ будто была пролита не русская, а какая-нибудь готтентотская кровь; какъ будто все это происходило гдѣ-то въ Африкѣ или въ Австраліи. Въ довершеніе всего, этотъ народный подвигъ сталъ предметомъ глумленія, насмѣшекъ и клеветы, и не въ однихъ только высшихъ общественныхъ классахъ (что къ несчастью было бы совершенно въ порядкѣ вещей), но даже въ словахъ, казалось бы, болѣе образованныхъ и мыслящихъ.

Не могу не остановить вашего вниманія на этомъ предметѣ. Начинаетъ проявляться странная повадка хулить и чернить величавый народный порывъ прошлаго года. Ужь не потому ли, можетъ быть, что подобное историческое явленіе *обязываетъ*, т. е. предъявляетъ запросъ на болѣе высокій духовный строй и на послѣдовательность дѣйствій, налагаетъ нравственный долгъ: и по минованіи порыва оставаться вѣрнымъ началу, лежащему въ его основѣ? Такъ оно и будетъ — мы вѣримъ—*въ нашемъ простомъ народѣ*, но не такъ поступаетъ, большею частью, наше образованное общество. Оно какъ бы спѣшитъ поскорѣе расквитаться съ тѣми впечатлѣніями и даже увлеченіями, которымъ невольню было подчинилось въ прошломъ году. Ему не подѣ силу нести долге этотъ нравственный грузъ, мѣшающій обычному, легкому отношенію къ жизни. И вотъ, подѣ видомъ служенія правдѣ и будто-бы «тяжелой, но святой обязанности самоизобличенія», съ какимъ-то злорадствомъ подбираются и распускаются всевозможныя сплетни, слухи, небылицы, и отчасти и были про всякаго пьянаго добровольца, про всякій случайный беспорядокъ или частное злоупотребленіе. Нѣтъ ничего выгоднѣе, удобнѣе и дешевле отрицанія и скептицизма; они придаютъ человѣку видъ какой-то умственной широкости и многосторонности, чуждой ослѣпленія и фанатизма, а въ сущности только прикрываютъ скудость внутренняго содержанія, бѣдность мысли, отсутствіе крѣпкихъ убѣжденій и нравственнаго идеала. Самоизобличеніе дѣйствительно

есть великая духовная сила — оно серьезно и благотворно; но то, что мы видимъ у насъ — плодъ духовнаго безсилія и неспособности постигнуть глубокой смыслъ совершающихся явленій. Дошло до того, что наши добровольцы, о которыхъ благоволилъ въ своей рѣчи упомянуть самъ Государь, по возвращеніи стали чуть не опальными въ глазахъ нѣкоторой части общества, преимущественно высшихъ его сферъ, петербургскихъ; полиція, сообразуясь съ настроеніемъ господствующимъ вверху, усердно снимаетъ съ нихъ сербскіе мундиры и черногорскія платья, такъ чтобы ничто не напоминало о постыдномъ увлеченіи прошлаго лѣта. Дошло до того, что отрицаютъ самый фактъ самодѣтельности народной, и опять-таки оттуда, преимущественно изъ Петербурга, доносятся теперь отзѣвы, что и народное-то сочувствіе православному славянскому братьямъ — просто миеъ, выдумка; что все это «движеніе» не болѣе, какъ штука Славянскаго Комитета, который бы, кстати, слѣдовало совѣмъ запретить, стереть, уничтожить; что Комитетъ набралъ лишь отребье со всего народа, да и отправилъ въ Сербію и т. д. въ томъ же родѣ. Это уже не самообличеніе, а какое-то добровольное самозаушеніе или самооплеваніе, доходящее до сладострастія, до безстыдства! Затаптывать въ грязь тотъ порывъ народнаго чувства, которымъ освятилась и обновилась Русская земля, то явленіе, въ которомъ одномъ въ наше печальное время мы почерпаемъ упованіе и вѣру въ себя самихъ, клеветать на Россію, на Комитетъ, на Славянъ — забывать про тѣ миллионы, составившіеся въ буквальномъ смыслѣ изъ лептъ простонародныхъ — этого нельзя объяснить только умственною ограниченностью и невѣжествомъ: тутъ уже немощь и растрѣніе духа.

Я не стану отвергать, что въ дѣлѣ народнаго вмѣшательства въ борьбу Сербіи съ Турціей — были безпорядки. Да и не могли не быть, потому что не было правильной организаци; а организаци не было потому именно, что самое дѣло не было исполненіемъ какого-либо плана, заранѣе обдуманнаго Комитетомъ, а послѣдствіемъ всеобщаго искренняго увлеченія и негодованія. Въ средѣ добровольцевъ были, конечно, и пьяницы, и негодая, можетъ быть ихъ было процентовъ пять или нѣсколько больше, — но замѣтимъ, не было

трусость, по крайней мѣрѣ о нихъ не слышно... Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что, появившись русскій ультиматумъ не 20-го октября, а 20-го августа или 20-го сентября, о чемъ такъ усиленно молила Россію сербская власть, не было бы ни столько пролитой крови, ни столькихъ взаимныхъ пререканій, всегда вызываемыхъ всякою неудачею, ни особенныхъ безчинствъ, ни подъ конецъ деморализаціи. Военный волонтеръ среди мира—аномалія. Порывъ вообще не терпитъ перерыва, и такъ какъ онъ въ то же время элементъ безпорядка, то если ему на смѣну не придетъ правильная организація *въ духъ тѣхъ же началъ*,—порывъ улетучится, и остается безпорядокъ. Выведенные изъ боевыхъ позицій въ столицу и города, томимые бездѣйствіемъ, понимая, что періодъ ихъ самодѣятельности миновалъ, и что, по сознанию всего міра, наступилъ чередъ для дѣйствія самой Русской державы,—съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ желали и ожидали себя наши добровольцы организаціи отъ русской власти! Они надѣялись, что русскій авангардъ, *готовая* русская боевая сила пригодится для русской, нынѣ бездѣйствующей на Прутѣ арміи, но ошиблись въ своихъ расчетахъ. И точно пріѣзжалъ въ Бѣлградъ русскій генералъ, но почти одновременно съ нимъ пріѣхала и новая отсрочка на 2 мѣсяца, а долговременная отсрочка, мм. гг., по выраженію одного Святаго, есть «скукъ питательница и мать отчаянія». Мы это и на себѣ испытываемъ...

Волонтеры не могли и не захотѣли долѣе ждать, въ виду нерѣшительности русской политики, и русское официальное содѣйствіе выразилось только въ уничтоженіи русскихъ вольныхъ военныхъ дружинъ. И вотъ, въ виду непріятеля, который еще занималъ третью Сербіи и могъ, при возобновленіи войны, въ нѣсколько дней безпрепятственно дойти до самаго Бѣлграда; въ виду разоренныхъ и сожженныхъ сель и городовъ, какъ будто совершивъ свое дѣло вполне, съ надлежащимъ концомъ, потянулись тысячи нашихъ добровольцевъ обратно домой, совѣстясь смотрѣть въ глаза Сербамъ и недоумѣвая: «неужто же, защищая вѣру и христіанъ противъ Турокъ, по мысли и внушенію всего русскаго люда, жертвуя жизнью и претерпѣвая всякія лишенія, они чинили что-то недоброе и начальству противное?»... Нельзя не полагать,

что подобное настроеніе духа способно скорѣе понизить его, чѣмъ укрѣпить и возвысить.

Затѣмъ, если и были отверженцы въ средѣ добровольцевъ, развѣ не болѣе еще было ихъ между севастопольцами, въ числѣ которыхъ были и арестанты, и даже распутныя женщины, очищавшія себя подвигами самопожертвованія? Не было развѣ ихъ между Русскими и 1812 и 1612 годовъ, не говоря уже о болѣе отдаленныхъ временахъ, хоть бы о крестовыхъ походахъ? Правда, нашлись у насъ художники-реалисты, которые отрицаютъ нравственную заслугу Русскаго народа въ пожарѣ Москвы 1812 г.; нашлись историки-реалисты, которые пытались низвести съ пьедесталовъ, воздвигнутыхъ благородной народной памятью, и Донскаго, и Минина, и Пожарскаго. Но это свидѣтельствуетъ только о томъ, что нѣтъ ничего тупоумнѣе реализма, когда онъ берется судить объ явленіяхъ историческихъ, нравственныхъ и вообще высшаго порядка. Уставившись вплотъ глазами въ зданіе, вы не увидите его архитектурныхъ очертаній, а увидите только кирпичъ, мусоръ и известъ. Взору реалиста народъ представляется только какъ совокупность отдѣльныхъ единицъ, Петровъ, Ивановъ, Матвѣевъ, а не какъ цѣлое, не какъ живой организмъ, неуловимый для внѣшняго чувства. Исторія, мм. гг., постигается только процессомъ идеализаціи. Имѣя дѣло съ дѣйствительностью, нужно умѣть различать въ ней черты историческія, отдѣлить личное отъ общаго, случайное отъ личнаго, внутреннее отъ внѣшняго.

Въ этомъ гулѣ и гамѣ самообличеній, клеветъ, сплетень, доносовъ, жалобъ со стороны судящихъ и судимыхъ, критиковъ и самихъ дѣятелей — позабыта только — бездѣлица! — огромное большинство *молчащихъ*. А въ нихъ-то вся и сила и устоя нашей земли, въ нихъ, — въ безмолвіи и смиреніи совершившихъ свой геройскій подвигъ и ежедневно совершающихъ великіе подвиги долготерпѣнія. Не могу, кстати, не вспомнить про одного изъ добровольцевъ, унтеръ-офицера Федорова. Уже пожилой, онъ пришелъ прошлымъ лѣтомъ въ Комитетъ — отправляться въ Сербію изъ какой-то дальней деревни, гдѣ проживалъ съ семействомъ, въ чистой отставкѣ, послѣ долгаго срока службы. На вопросъ мой: зачѣмъ онъ идетъ въ Сербію? онъ отвѣчалъ, что онъ еще

может пригодится, что ему не въ терпежь, что ужъ онъ такъ себѣ положилъ «помереть за вѣру и за *нашихъ*, за православныхъ». Въ Сербіи, какъ я узналъ потомъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ Русскихъ, которые, не помню гдѣ, наступали на турецкіе шанцы — стройно, нога въ ногу, опустивъ ружья, молча, не обстрѣливаясь. Это грозное безмолвіе, эта тишина наступленія навели такой ужасъ на Турокъ, что они не выдержали и бѣжали изъ шанцевъ. Ѳедоровъ былъ при этомъ раненъ въ голову, но, оправившись, вскорѣ за заключеніемъ перваго перемирія вернулся въ Россію и опять пришелъ къ намъ въ Комитетъ за полученіемъ проѣзднаго билета по желѣзной дорогѣ. Мы выдали ему кое-какое пособіе, хотя онъ ничего не просилъ и ни на что не жаловался, но онъ все переминался, какъ будто недоумѣвая, наконецъ обратился ко мнѣ съ такими словами: «рѣшите вы меня, ваше благородіе, могу я теперь возвратиться домой или мнѣ опять туда пойти?» — Какъ, зачѣмъ, чего тебѣ мало? — «Да вѣдь помните, я и вамъ говорилъ, что иду жистъ положить»... — Ну? — «Да вотъ, не умеръ, живъ». — Да ты раненъ. — «Раненъ, правда, ну да рана еще не что!... Коли скажете *надо* идти, я *готовъ*». — Да ты вѣдь не трусилъ, не прятался отъ смерти? — «Это сохрани Богъ, я свое дѣло дѣлалъ, да все кажется, надо бы до конца»... Насилу намъ удалось успокоить его совѣсть, — и доживаетъ онъ теперь свой вѣкъ, — безмолвствуетъ гдѣ-то въ глуши Княгининскаго или Елабужскаго уѣзда. Вы хорошо знаете, мм. гг., что этотъ Ѳедоровъ не есть единичное, исключительное явленіе, а типичное, что подобныхъ ему не мало, и если Господь, по библейскому сказанію, простилъ одинъ городъ за пять праведныхъ, то авось либо помилуетъ Онъ и нашу многогрѣшную землю за этотъ сонмъ невѣдомыхъ праведныхъ въ темныхъ, низменныхъ слояхъ Русскаго народа...

Отъ этихъ праведныхъ мысль невольно переносится къ противоположному полюсу нашего народа, къ той петербургской великосвѣтской средѣ, которая, узнавъ отъ заѣзжихъ духовныхъ авантюристовъ (должно быть впервые) про Иисуса Христа и Господа Бога, съ отличной стороны ими отрекомендованныхъ, собирается въ настоящее время учить праведности и христіанской любви нашъ простонародный людъ,

да еще по англійскимъ книжкамъ. Не потому упомянулъ я объ этой смѣшной и дикой затѣѣ, чтобы придавалъ ей какое-либо значеніе. Самъ по себѣ этотъ, такъ-называемый у насъ въ печати «великосвѣтскій расколъ» дѣло ничтожное и пустое. Но если принять во вниманіе, что всѣ эти, болѣе или менѣе богатые и знатные русскіе люди, отдавшіеся духовному руководству иноземныхъ учителей,—поющіе о Христовой любви по чужестраннымъ нотамъ, отличались совершеннымъ безучастіемъ къ самоотверженному народному движенію въ пользу православныхъ Славянъ и не внесли (какъ это Комитету хорошо извѣстно) ни одной «лепты» на помощь страждущимъ нашимъ братьямъ по крови и о Христѣ, Сербамъ, Болгарамъ и Черногорцамъ; если припомнить при этомъ, что то же общество въ началѣ нынѣшняго столѣтія было одержимо модною маніей масонства, а въ послѣдніе 10 лѣтъ царствованія Александра I было пасомо іезуитомъ графомъ де-Местромъ и поставляло обильный контингентъ въ ряды католической папской арміи, — нельзя не усмотрѣть въ подобномъ явленіи характеристическаго признака цѣлой среды, той среды, которая, къ несчастію, по своему общественному положенію, играетъ такую важную роль въ судьбахъ нашего отечества. Нельзя не признать въ этомъ отчужденія отъ своей Церкви и отъ своего народа симптомовъ того недуга, которымъ страдаетъ нашъ общественный организмъ и въ которомъ лежитъ объясненіе помѣхъ и препятствій, временно воздвигшихся между царскимъ словомъ и дѣломъ, между истиной и ея исполненіемъ.

Вездѣ, въ каждой правильно, органически развившейся странѣ — высшіе классы общества признаются наиболѣе образованными и просвѣщенными, служатъ своему народу органами сознанія, по преимуществу хранятъ историческія преданія. Такова, на примѣръ, Англія. Чтѣ же видимъ у насъ? Совершенно наоборотъ. Наши высшіе общественные классы, составляющіе плотную, ближайшую среду около центровъ власти, тѣсно соприкасающіеся со всѣмъ, чтѣ оказываетъ практическое вліяніе на русскую жизнь, — наши высшіе классы, за исключеніемъ малаго числа отдѣльныхъ лицъ, почти совершенно чужды своему народу не только мыслью и худомъ, но и языкомъ и инстинктами. Они не заслуживаютъ

названія «просвѣщенныхъ», и только «цивилизованы». Какъ, скажутъ намъ, вы отрицаете просвѣщеніе всей Западной Европы, котораго они въ нашемъ народѣ представители и носители?... Неизчислимы сокровища знанія и науки на Западѣ, но, мм. гг., сѣмена просвѣщенія, приносимыя къ намъ оттуда, тогда только могутъ быть плодоносны, когда пріемяются критическимъ трудомъ независимой мысли, ложатся на почву самостоятельную, способную переработать и возростить *благое* зерно, вызываютъ самодѣятельность духа. А не тогда, когда мысль въ плѣну и изъ духовной почвы вывѣтрились всѣ соки народности, въ которой одной ея сила, цѣнность и отличіе. Странное дѣло! всякому понятно то значеніе, которое имѣетъ нравственная *личность* въ человѣкѣ и то презрѣніе, которое внушаетъ къ себѣ человѣкъ *безличный*, человѣкъ не въ счетъ—блѣдное, безсильное отраженіе чужихъ мнѣній и чувствъ, вѣчное игрище чужой воли. Но не то же ли самое и съ народами? Народы такія же *личности* въ человѣчествѣ, личности не въ физиологическомъ только смыслѣ, но по преимуществу въ духовномъ: народы, сохранившіе, разработавшіе особенность своего личнаго духа, участвуютъ въ общемъ развитіи человѣчества самостоятельно, плодотворно; народы безличные идутъ не въ счетъ, — промакаемая бумага въ книгѣ исторіи.

Болѣе вѣка подвергался Русскій народъ мучительной пыткѣ *обезличенія* и нравственнаго искаженія на всевозможные иностранныя лады, но пережилъ, перемогъ всѣ напасти, пока наконецъ духовная сущность русской народности, сохранившаяся въ низшихъ народныхъ слояхъ, не воздѣйствовала обратно на общество и не вызвала въ среднихъ образованныхъ его слояхъ внутреннюю работу историческаго самосознанія. Все это давно извѣстно, все это проповѣдовалось такъ-называемыми славянофилами еще 30 лѣтъ назадъ, все это давно усвоено мыслящими людьми въ Россіи (кромя какихъ-нибудь умственныхъ выродковъ), но до сихъ поръ еще не проникло въ высшіе и вліятельные слои нашего общества; они по прежнему не только сами нравственно и умственно *безличны*, но и поклоняются безличности, возводятъ ее въ принципъ, хотѣли бы навязать ее и народу. Въ качествѣ *безличныхъ*, они осуждены и сами осуждаютъ

себя на духовную немощь, на умственное безплодіе; нѣтъ у нихъ ни способности творчества, ни инициативы. Жалкіе оттиски чужой культуры, они (опять-таки кромѣ нѣкоторыхъ счастливыхъ исключеній) вѣчно въ духовномъ подобострастіи передъ Западною Европою и въ то же время щеголяютъ, самоуслаждаются своимъ рабствомъ. Изгнавъ русскій языкъ изъ своего употребленія, чуждые своей странѣ, своей Церкви, своей исторіи, живя чужимъ словомъ, чужимъ умомъ, они цивилизованы и невѣжественны, они не Русскіе и въ то же время не принадлежать и не могутъ принадлежать ни къ какой иной народности, они—иностранцы *вообще*.

Народный организмъ нашъ могучъ; корни нашего дерева здоровы, но дерево все же болѣетъ и не даетъ плодовъ, если не покрывается здоровой листвою и цвѣтомъ. Пока будетъ продолжаться это умственное и нравственное рабство передъ Западною Европою, эта постоянная духовная измѣна русской народности въ высшихъ классахъ Русскаго народа; пока волна народнаго самосознанія, распространяясь и поднимаясь все шире и выше, не захватитъ и ихъ, не переродитъ и не возвратитъ ихъ странѣ; пока эти классы не просвѣтятся наконецъ истиннымъ просвѣщеніемъ и не доразовьются до значенія органовъ русской народной мысли и всей его сущности духовной, до тѣхъ поръ будетъ совершаться — по невѣдѣнію и безсознательности — постоянное невольное предательство истинныхъ интересовъ Россіи на всѣхъ путяхъ ея исторической жизни. До тѣхъ поръ трудно надѣяться на правильное, успѣшное, безболѣзненное для насъ самихъ, разрѣшеніе Восточнаго вопроса, такъ тѣсно, органически, духовно и кровно связаннаго съ судьбою русской народности, съ историческими началами, которыя ее создали и воспитали.

Все дѣло *за нами*, за нами самими и ни за кѣмъ инымъ. Нечего сваливать вину на другихъ и негодовать на Турцію и на Европу. Турція не можетъ же такъ легко и предудредительно *перестать быть*, какъ намъ бы этого было желательно. Она осуждена пасть, но права въ своей борьбѣ. Западная Европа также права съ точки зрѣнія своихъ, можетъ быть, узко понимаемыхъ, эгоистичныхъ, но все же *своихъ* собственныхъ интересовъ. Мы только неправы, ибо отрицаемъ и губимъ свои кровные интересы.

Восточный вопрос для Россіи въ существѣ своемъ простъ и ясенъ. Это вопросъ собственнаго нашего бытія, нашъ собственный, Русскій, а не Западно-Европейскій. Ибо христіанскій Востокъ — область христіанства восточнаго, во главѣ котораго мы стоимъ, и иною быть не можетъ. Россія и всѣ Славяне Балканскаго полуострова — это цѣлый особый міръ православно-славянскій: всѣ оторванные его члены должны быть возвращены этому міру. Его призваніе развить и проявить, и воплотить въ исторической жизни тѣ духовныя начала, которыя лежатъ въ основѣ славянской народности и обуславливаются главнымъ образомъ православнымъ вѣроисповѣданіемъ. Различіе въ этихъ основныхъ началахъ, въ самой сущности духовной, это различіе и составляетъ причину вѣчнаго антагонизма между латинско-протестантскимъ Западомъ и православно-славянскимъ Востокомъ. И что бы мы ни дѣлали, какъ бы ни отрекались предъ Западною Европой отъ своей народности, какъ бы ни унижались, какія бы жертвы ни приносили ради ея спокойствія и мира, мы ей не будемъ *свои*, никогда не внушимъ ей *довѣрія*, никогда не погасимъ ея тайной вражды, пока она насъ не обезсилить, не осконитъ вещественно и духовно. Все это ясно, какъ Божій день, и свидѣтельствуется болѣе чѣмъ десятью вѣками исторіи. Въ этомъ отношеніи не только римскій папа, но и весь Западъ остался вѣренъ самому себѣ. Латинская имперія, созданная было крестоносцами въ Константинополѣ, только прототипъ того порядка вещей, къ которому упорно стремится Западъ, хотя бы въ иномъ образѣ и формѣ.

Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ и не о вещественномъ благосостояніи только живутъ и значать народы въ исторіи. Не объ улучшеніи только быта Славянъ балканскихъ предстоить намъ заботиться, не отъ однихъ Турокъ должны мы охранять ихъ, но и отъ посягательствъ Запада, какъ на ихъ земли, такъ и на ихъ духовное совращеніе и обезличеніе. Страданія нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію, въ которыхъ, по великодушному торжественному признанію самого Русскаго Царя, «вся Россія вмѣстѣ съ Нимъ принимаетъ такое живое участіе», — страданія, отъ которыхъ Россія призвана ихъ избавить, не одни физическія,

но и нравственные, состоятъ не только въ лишеніяхъ пищи, крова, внѣшней безопасности жизни, но и въ томъ униженіи и искаженіи, которому подвергается ихъ духовная личность, забитая, презрѣнная, растлѣваемая, то обольщаемая, то насилуемая къ духовному отступничеству и Исламомъ и Латинствомъ, и Турціей и всѣмъ Западомъ. Наше «святое призваніе», о которомъ напоминаетъ намъ Государь, въ томъ и состоитъ, чтобы оградить всему Славянскому міру не только условія внѣшняго матеріальнаго, безпрепятственнаго роста и существованія, т. е. независимось земель, морей и проливовъ, но и самостоятельность и свободу развитія самой сущности славянскаго духа.

Я, можетъ быть, слишкомъ уже часто повторялъ здѣсь слова нашего Государя, но, мм. гг., эти слова—великое событіе въ нашей современной жизни. Въ сѣромъ безотрадномъ сумракѣ, насъ окружающемъ, въ этомъ хаосѣ понятій, противорѣчивыхъ стремленій и дѣйствій, въ этой истомѣ ожиданій, которою болѣетъ вся Русь, эти слова одни свѣтятъ ей сквозь мглу ободрительнымъ и путеводнымъ свѣтомъ. Въ нихъ цѣлая программа. Эти слова и народное единодушное самовольное проявленіе братской любви къ угнетеннымъ Славянамъ—такіе историческіе указатели, слѣдующимъ которымъ мы не собьемся съ праваго пути и исполнимъ наше призваніе, несмотря ни на какія преграды. Въ духѣ этихъ указаній, мм. гг., всегда дѣйствовалъ и дѣйствуетъ нашъ Комитетъ, въ лицѣ избранныхъ вами распорядителей. Хотя мало было утѣшительнаго въ нашей дѣятельности за послѣдніе четыре мѣсяца, ибо приходилось, какъ вы увидите потомъ изъ краткаго отчета, большею частью раздѣлывать то, что созидалось въ прежніе мѣсяцы нами же, съ такимъ трудомъ и стараніемъ; однако же, думаемъ, сѣмена, посеянные нашею дѣятельностью, легли на русскую и славянскую землю не даромъ и дадутъ всходъ. Какія бы ни встрѣчались теперь препятствія, затрудненія, задержки и отсрочки,—торжество въ концѣ концовъ будетъ принадлежать лишь правдѣ, если только мы останемся вѣрными ей въ нашемъ чувствѣ и въ нашемъ сознаніи, если мы—во всѣхъ случайныхъ злобахъ историческаго дня, во всѣхъ этихъ политическихъ временныхъ условленіяхъ, не сойдемся съ пути и не упустимъ изъ виду

нашей существенной исторической цѣли. Не станемъ же и мы съ вами, мм. гг., унывать и слабѣть въ нашихъ усиліяхъ, но еще болѣе напряжемъ и соединимъ ихъ для облегченія духовныхъ и тѣлесныхъ страданій, обезпеченія духовныхъ и вещественныхъ нуждъ православныхъ Славянъ, для поддержанія нашей духовной и нравственной съ ними взаимности; для укрѣпленія въ нихъ любви и вѣры въ Россію, подвергшейся въ послѣдніе дни такимъ тяжкимъ испытаніямъ; для поддержанія достоинства и чести русскаго имени, для непрестанной упорной борьбы съ внутреннимъ и домашнимъ врагомъ: съ невѣжествомъ и непониманіемъ, съ вольною и невольною измѣною русской народности въ самой нашей русской общественной средѣ. Да исполнится «святое» историческое призваніе Россіи. За нами народъ, впереди—Кремлевское слово.

5. Рѣчь произнесенная предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ засѣданіи 17 апрѣля 1877 года.

Мм. гг.! Вотъ онъ, наконецъ, мигъ такъ давно желанный и призываемый, выстраданный милліонами сердець! Не напрасно была наша вѣра въ «Кремлевское слово». Царское слово стало дѣломъ,—дѣло превзойдетъ слово. Подвигъ превыситъ мѣру смиренія; преизбыткомъ добра нарушится скромность задачи, въ величество непредугаданныхъ событій одѣнется мудровоздержная Царская рѣчь. Уже и теперь, по одному простому Царскому призыву къ брани, чуждому горделивыхъ надеждъ и искусственныхъ возбужденій, великаномъ поднимается отзывное народное чувство, — въ самомъ дѣлѣ будто Илья Муромецъ, отсидѣвъ сиднемъ, выпрямляется во весь свой ростъ. Неслыханное, необычайное совершается между нами. Какъ благовѣсть, пронеслись по Россіи слова Государева манифеста, п будто въ праздникъ, радостно и молитвенно, осѣняя себя крестомъ, привѣтствуетъ ихъ Русь. Отчего же такъ свѣтелъ онъ, при вѣсти о войнѣ, этотъ небраннолюбивый, мирный народъ? «Что ему Гекуба?» спросилъ бы Гамлетъ, или: «что ему Болгарія?» могутъ спро-

сить, пожалуй, наши доморощенные позитивисты, материалисты и прочие близорукіе печальники о народѣ. Не къ пролитію ли собственной крови призывается онъ? Не къ новымъ ли тратамъ своего скуднаго достояніа? Обуяла ли его жажда военной славы или мщеніе губителю - врагу? Но никакой врагъ не грозилъ ему лично; это не то, что было въ Двѣнадцатомъ году, когда непріятель, вторгнувшись въ русскіе предѣлы, жегъ его города и селенія, грабилъ и осквернял храмы и распалаялъ его къ мести. Въ настоящую же пору. и врагъ, и поводъ къ борьбѣ, и обороняемые интересы представляются, повидимому, какою-то отвлеченностью, чѣмъ-то чуждымъ, не касающимся его матеріально и близко. Конечно, честь Россіи затронута, а чувство государственной чести всегда было живо въ Русскомъ народѣ, такъ что и въ прежнія тяжкія, пережитыя имъ времена онъ всегда доблестно подвизался въ войнѣ и жертвовалъ достояніемъ, какъ скоро узнавалъ, что, по мысли царя, долгъ и честь Россіи того требуютъ. Но никогда духъ народный не являлъ такой высоты подъема, свободной въ то же время отъ надменности и отъ восторженнаго самохвальства. Въ томъ-то и сила, что настоящая война дѣло не только *чести*, но, что всего важнѣе, и *совѣсти* народной. Совѣсть зоветъ и поднимаетъ его на брань; она-то творить это дивное священнодѣйствіе сердець, проявляющееся въ любви, самопожертвованіи, молитвѣ, на всемъ необъятномъ пространствѣ нашей земли.

Эта война ея духу потребна; эта война за вѣру Христову; эта война за освобожденіе поработенныхъ и угнетенныхъ славянскихъ братій; эта война праведная, эта война подвигъ, святой, великій, котораго сподобляетъ Господь Святую Русь. И вотъ она выходитъ, ликуя, на кровавый пиръ, громко и смѣло исповѣдуя имя Божіе, ко удивленію мудрецовъ вѣка... Но потому именно, что подвигъ такъ возвышенъ и святъ. для совершенія его нужны чистыя руки и чистое сердце, и нужнѣе всего молитвы, да радуясь призванію, не возгордимся, не усомнимся, не ослабнемъ, въ срединѣ пути, духомъ и волею. Теперь именно кстати припомнить намъ то вѣщее пѣснопѣніе Хомякова, съ которымъ онъ обращался къ Россіи еще въ 1854 году, и въ которомъ Россія представлялась ему съ тою духовною готовностію, какой въ то время она

еще не имѣла, но съ какою—дасть Богъ—явится она, быть-
можетъ, теперь:

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты!
О, Русь моя! какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Ступай на божескій призывъ!
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!
Иди! тебя зовутъ народы,
И совершивъ свой бравный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! свѣтла твоя дорога,
Въ душѣ—любовь, въ десницѣ—громъ,
Грозна, прекрасна, Ангель Бога
Съ огнесверкающимъ мечомъ!

Вотъ съ какими возвышенными внушеніями, съ какими строгими нравственными запросами обращался къ своему народу нашъ безсмертный поэтъ и учитель. Вспомнимъ кстати и другаго вѣщаго поэта, Тютчева, который такъ страстно ожидалъ пришествія настоящей минуты, и который, въ ту же пору какъ и Хомяковъ, привѣтствовалъ Русскаго Царя слѣдующими стихами:

Въ доспѣхи ~~тыры~~ грудь одѣвъ
И съ Богомъ, исполняъ державный!
О Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!

Поэтъ ошибся во времени, но только во времени... Будетъ ли наступающій день — днемъ вселенскимъ и православнымъ?..

Благо же нашей поэзіи, не перестававшей, въ теченіи

болѣе полувѣка, напоминать намъ наше святое историческое призваніе и будить наши сердца къ подвигамъ любви, братства, вѣры,—чему подобнаго не встрѣчается въ національной поэзіи иныхъ странъ. Да, въ настоящую торжественную для Россію пору, въ этотъ часъ суда Божія, мысль моя невольно и непрестанно обращается къ этому сонму умершихъ, память которыхъ, дорогая мнѣ лично, должна быть дорога и всей Россіи, хотя бы теперь и не всѣ это разумѣли. И кому же, какъ не Московскому Славянскому Комитету прилично помянуть теперь, съ благоговѣйною признательностью, тѣхъ «чистыхъ, честныхъ, благородныхъ», славныхъ нашихъ предшественниковъ, тѣхъ первыхъ старѣйшихъ славянофиловъ, Хомякова и неразлучныхъ съ нимъ сподвижниковъ мысли и духа, Константина Аксакова и Юрія Самарина, которымъ не судилъ Богъ дожить до свершенія ихъ надеждъ, но которые подготовили настоящее великое переживаемое нами мгновеніе въ сферѣ народнаго самосознанія, положивъ на дѣло всю душу, всѣ силы, всѣ божьи дары, имъ такъ обильно преподанные. Помянемъ и другихъ ихъ сподвижниковъ, незабвенныхъ братьевъ Кирѣевскихъ; помянемъ и песостарившагося сердцемъ до смерти, старика Погодина, который, въ теченіи свыше пятидесяти лѣтъ, съ такою неутомимою любовью специально насаждалъ и возростилъ въ Русскомъ обществѣ идею славянской взаимности, который на всякое общественное событіе отзывался своеобразнымъ пламеннымъ словомъ, и еще полтора года тому назадъ, за мѣсяцъ до кончины, такъ горячо привѣтствовалъ, въ засѣданіи Комитета, начало возстанія Герцеговинцевъ. Богатое наслѣдіе духа досталось намъ въ удѣлъ; ихъ трудовъ плоды пожинаются нами теперь. Но видно — иной есть сѣяй, иной есть жней. Пусть же, позволю я себѣ сказать и своими старыми стихами:

Пусть почиють мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ!..

Вспомнимъ и о свѣжихъ еще могилахъ недавно скончавшихся: Рачинскаго Александра Викторовича, по мысли и стараніями котораго возникъ въ первоначальномъ видѣ нашъ

Славянскій Комитетъ, который исключительно и много поработалъ для Болгаріи и разстался съ земною своею дѣятельностію въ самый тотъ день, какъ двинулись наши войска къ предѣламъ Болгаріи; и Жинзифова, молодого талантливаго Болгарина, питомца нашего Комитета, такъ усердно потрудившагося для страстно любимой имъ родины, и такъ успѣшно содѣйствовавшаго сознательному духовному сближенію своихъ сородичей съ неменѣе страстно любимою имъ Россіей.

Я не уклонился отъ предмета своей рѣчи, приглашая васъ «къ поминаніямъ». Возстановленіе въ памяти благой дѣятельности нашихъ предшественниковъ способно только поддерживать въ насъ тотъ строй мыслей и чувствъ, который именно на потребу въ настоящую минуту.

Не въ первый разъ воюетъ Россія съ Турціей. Турція тотъ же врагъ Христа какъ и прежде; тѣ же угнетенныя православныя населенія какъ и въ старь; въ чемъ же причина настоящаго небывалаго въ народѣ стремленія? Причина въ томъ, что самый вопросъ Восточный, то-есть вопросъ о Турціи и о Славянствѣ, надвинулся къ роковому рѣшенію, и это чувствуетъ историческій народный инстинктъ. Причина въ томъ, что самый народъ уже не тотъ что прежде: не измѣняющая своимъ духовнымъ основамъ, онъ растетъ и мужаетъ быстро, какъ богатырь въ сказкѣ. Если въ прежнія времена народъ и являлъ готовность къ войнѣ, то эта готовность была скорѣе дѣломъ доблестной покорности и послушанія; народъ вѣрилъ правительству на слово и повиновался его указаніямъ, честно исполняя свой долгъ. Но и только. Въ настоящую же минуту лишь послушаніемъ Царю сдерживалось нетерпѣніе народа. Онъ, можно сказать, не призывается властью, а только, послѣ долгаго ожиданія, *пускается* ею наконецъ къ войнѣ. Что прежде всего поражаетъ и изумляетъ въ нынѣшнемъ отношеніи народа къ предстоящему бранному подвигу, это *сознательность*, сознательность доходящая до отчетливости. Такая сознательность и такое единство сознанія на пространствѣ чуть не цѣлой части свѣта, почти отъ Ледовитаго Океана до Чернаго Моря и отъ Буга до Амура, такой стройный хоръ милліоновъ умовъ и сердецъ—уже самъ по себѣ колоссальное, величественное, подъ-емлющее духъ нравственное явленіе. Ничего подобнаго не

мыслилось въ старое время. Почву для такого единства при- готовило намъ нынѣшнее счастливое царствованіе. Двадцать милліоновъ людей, изъятыхъ крѣпостнымъ правомъ изъ общаго строя государственной жизни, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права возвратились въ общую гражданскую семью, слились воедино съ отдѣленнымъ отъ нихъ народомъ. Пали многоразличныя сословныя средостѣнія, отмѣнились неправыя привилегіи, — общее равноправное участіе въ судѣ, въ земствѣ, въ думахъ, въ повинностяхъ и въ самой тяжелой все-сословной повинности, воинской, — все это, незамѣтно для насъ самихъ, создало возможность того нравственнаго согласія, того единенія въ духѣ, отъ Царя до крестьянина, которымъ мы радуемся, гордимся и становимся такъ сильны теперь, въ грозные часы испытанія. При такомъ упраздненіи преградъ, содѣйствовавшемъ нашему единству, прозрачѣе и виднѣе стала жизнь, волянѣе и живѣе задвигалась мысль народная. Что касается въ частности до славянской идеи, которая такъ долго была лишь удѣломъ книжниковъ, то не прерывавшаяся въ теченіи двухъ лѣтъ живая рѣчь страданій, мукъ и борьбы православныхъ славянскихъ племенъ, рѣчь, постоянно газетными листками передаваемая въ вѣдѣніе народа, — раскрыла ему цѣлый невѣдомый міръ братскихъ узъ и братскихъ святыхъ обязанностей.

Народъ не питаетъ *отвлеченныхъ* думъ и сочувствій. Что проникаетъ въ глубь его сознанія, то немедленно воплощается въ жизни и дѣлѣ. Его встревожившаяся совѣсть мгновенно, къ общему изумленію нашихъ образованныхъ классовъ, сказала въ томъ порывѣ состраданія, который нагромоздилъ, въ пользу Болгаръ и Сербовъ, милліоны рублей изъ мѣдныхъ копѣекъ, и въ томъ движеніи добровольцевъ, которое напомнило Западу времена Крестовыхъ походовъ.

Кстати замѣтить: многіе петербургскіе прозорливцы надѣялись, что походъ въ Сербію своими трудностями, лишеніями, неудачами отобьетъ у Русскаго народа охоту къ подобнымъ подвигамъ и вытравитъ изъ его души сочувствіе къ «братьямъ Славянамъ». Повѣривъ анекдотамъ и розказнямъ болтливыхъ корреспондентовъ, вѣтранныхъ путешественниковъ и даже нѣкоторыхъ чѣмъ-либо огорченныхъ добровольцевъ, они уже ликовали при мысли, что славянскую идею постигло въ

Россіи разочарованіе, и все это движеніе въ нашемъ народѣ окажется поддѣланнымъ и вздутымъ. Но народъ посрамилъ ихъ и на этотъ разъ, какъ и всегда впрочемъ. Наши простолюдины-добровольцы никогда и не увлекались тою слащавою сентиментальностью при мысли о «братствѣ», какая приписывалась имъ нѣкоторыми дешевыми энтузіастами. Имъ не въ чемъ было и разочаровываться: они шли на *подвигъ*, на смерть и лишенія, не ища ни хвалы, ни благодарности; шли изъ тѣхъ высокихъ побужденій, которыя не могутъ измѣняться отъ неудачи или отъ недовольно-ласковаго приема. Ихъ судъ оказался трезвѣе и безпристрастнѣе суда публицистовъ-обличителей, и если имъ грозила опасность разочарованія, такъ развѣ по возвращеніи, здѣсь въ Россіи, гдѣ походъ въ Сербію сталъ было нѣкоторое время предметомъ укора и насмѣшки. Тѣмъ съ большею радостью теперь и добровольцы, и народъ, ихъ выславшій, встрѣтили манифестъ, какъ разрѣшеніе всѣхъ недоумѣній, какъ оправданіе ихъ искреннихъ братскихъ влеченій и дѣйствій.

Все дрябло, все бессильно въ нашей странѣ, что не пустило корня въ душу и мысль народа. Про славянское дѣло можно сказать, что оно только теперь стало на ноги, только теперь судьбу его можно считать обезпеченною, теперь, когда оно утвердилось и укоренилось въ русскомъ народномъ сознаніи. Въ этомъ смыслѣ, всѣ эти проволочки, отсрочки, оттяжки, самое это долгое воздержаніе нашего правительства отъ вмѣшательства въ борьбу, послужили, можетъ-быть, не по заслугѣ людской и не въ силу людскихъ соображеній, а по мудрости Бога, строящаго исторію, во благо Славянскому міру, вызвавъ самодѣятельность нашего народа и расширивъ въ немъ область сознанія.

Въ какомъ же отношеніи теперь, по объявленіи войны, будетъ находиться къ славянскому дѣлу нашъ Славянскій Комитетъ, въ чемъ же будетъ состоять его дѣятельность? Мнѣ приходилось слышать сожалѣнія о томъ, что теперь, съ выступленіемъ на политическую арену правительства, политическая роль Комитета, которую будто бы онъ до сихъ поръ игралъ не безъ успѣха, должна окончиться, и самостоятельности его будетъ положенъ предѣлъ. Но, милостивые государи, всѣ подобныя сожалѣнія неумѣстны и свидѣтельству-

ютъ только—какъ мало еще разумѣютъ у насъ истинный характеръ дѣятельности нашего Комитета. Прежде всего онъ никогда не старался *играть* и не *игралъ никакой роли*. Это чисто французское выраженіе, основанное на французскомъ міросозерцаніи, не примѣняется къ прямому и искреннему образу нашихъ дѣйствій, чуждому притязаній и театральности. Если труды наши принимали иногда политическій оттѣнокъ, то это совершалось само собою, безъ систематической затѣи, вызывалось сущностью вѣдшихъ случайныхъ обстоятельствъ. Мы только уступали требованіямъ современной минуты и выходили за границы нашей обычной дѣятельности только тогда, когда къ тому вынуждало насъ сознание общей пользы, и другому дѣйствовать было некому. Мы не дорожимъ самостоятельностью только самостоятельности ради: мы прежде всего дорожимъ возможностью служить всѣми разумными способами славянской взаимности. Никто горячѣе вашего предсѣдателя, мм. гг., какъ вамъ хорошо извѣстно, не призывалъ того часа, когда обществу вообще, а Комитету въ особенности, можно будетъ сдать бремя необычной и не-свойственной ему дѣятельности въ крѣпкія руки государства. Намъ остается только радоваться, что не приходится болѣе посылать добровольцевъ, то-есть не приходится посылать людей воевать безъ правильной государственной организаціи, подвергать ихъ лишеніямъ, болѣзнямъ, смерти, не обладая даже средствами, какъ это случилось въ Сербіи, ни помочь имъ надлежащимъ образомъ, ни даже собрать въ точности имена всѣхъ Русскихъ убитыхъ. Что же касается теперь до дѣятельности Комитета, то, благодареніе Богу, ему предстоитъ славное, почетное и широкое поприще. Государю Императору благоугодно было допустить, даже во время самой войны, дѣятельность агентовъ Славянскаго Комитета въ Задунайскомъ краѣ, съ тѣмъ чтобы она состояла подъ наблюденіемъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміей, — дѣятельность конечно благотворительную. Съ глубочайшею признательностію принялъ Комитетъ такое милостивое разрѣшеніе, видя въ немъ знакъ особеннаго довѣрія и признаніе нашей прежней дѣятельности не бесполезною для Славянскаго дѣла. Отношенія нашихъ агентовъ къ Завѣдывающему гражданскою частію

опредѣлены особыми Высочайше утвержденными правилами, которыя и сообщены мнѣ отъ министра внутреннихъ дѣлъ чрезъ московскаго генераль-губернатора. Вотъ они:

1) На Завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, какъ главнаго посредника между Славянскими благотворительными учрежденіями и мѣстными потребностями Славянъ Задунайскаго края, возлагается, подъ верховнымъ руководствомъ Главнокомандующаго, наблюденіе за всею вообще дѣятельностію Славянскихъ благотворительныхъ учрежденій и ихъ агентовъ внѣ Россіи, въ особенности въ земляхъ Турецкихъ и въ Сербіи.

2) Онъ получаетъ отъ названныхъ учрежденій какъ подробные списки ихъ агентовъ въ вышеозначенныхъ земляхъ, такъ въ особенности свѣдѣнія о возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ.

3) Онъ можетъ требовать отъ сихъ агентовъ сообщенія ему подробныхъ свѣдѣній по всемъ вопросамъ, которые касаются ихъ дѣятельности или представляютъ какую-либо важность для канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ при дѣйствующей арміи.

4) Онъ требуетъ отъ агентовъ Славянскихъ благотворительныхъ учрежденій отчета въ исполненіи ввѣренныхъ имъ порученій и свѣдѣній объ употребленіи ими предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе суммъ.

5) Вслѣдствіе дознанныхъ злоупотребленій со стороны сихъ агентовъ, а равно въ случаѣ недозволительной ихъ политической дѣятельности на мѣстахъ, онъ требуетъ отъ Славянскихъ благотворительныхъ учрежденій смѣны сихъ агентовъ и разрѣшаетъ, буде нужно, замѣну ихъ другими. Въ случаяхъ нетерпящихъ отлагательства, онъ, съ разрѣшенія Главнокомандующаго, принимаетъ немедленныя мѣры къ прекращенію ихъ дѣятельности и, буде нужно, къ удаленію ихъ, о чемъ для свѣдѣнія сообщаетъ подлежащему учрежденію.

6) Съ разрѣшенія Главнокомандующаго, при канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ можетъ быть допущенъ главный агентъ Славянскихъ благотворительныхъ учрежденій, для руководства дѣятельностію прочихъ мѣстныхъ агентовъ.

Завѣдывающимъ гражданскою частію при Главнокомандующемъ состоитъ, какъ извѣстно, князь Владиміръ Александровичъ

ровичъ Черкасскій, имя котораго такъ тѣсно связано съ освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, и служить, конечно, уже достаточною порукой въ томъ, что наши агенты пайдуть въ немъ разумнаго и искуснаго руководителя. Покуда назначенъ нами только одинъ агентъ, который и будетъ состоять при канцеляріи завѣдывающаго гражданскою частью, Дмитрій Алексѣевичъ Хомяковъ, сынъ нашего славнаго мыслителя и поэта; секретаремъ же къ Хомякову—Константинъ Николаевичъ Станишевъ, Болгаринъ родомъ, кандидатъ Московскаго Университета и воспитанникъ Славянскаго Комитета. Кромѣ того, при этой же канцеляріи будетъ находиться агентомъ отъ Петербургскаго Комитета Александръ Алексѣевичъ Нарышкинъ, нашъ бывшій агентъ въ Сербіи, съ правомъ, ему отъ насъ предоставленнымъ, заступать мѣсто и г. Хомякова, въ случаѣ его отсутствія.

Благотворительную дѣятельность въ Задунайскомъ краѣ или, вѣрнѣе сказать, собственно въ Болгаріи, Комитетъ въ официальной инструкціи, написанной имъ для своихъ агентовъ и сообщенной въ копіи г. Завѣдывающему гражданскою частью, очертилъ слѣдующимъ образомъ:

«Дѣятельность ихъ, будучи благотворительною, направляется преимущественно на поддержаніе храмовъ и школъ и на облегченіе участи бѣдствующаго христіанскаго населенія, содѣйствуя такимъ образомъ правительству (обращаю ваше вниманіе на эти слова) къ обновленію въ славянскихъ земляхъ, занимаемыхъ нашими войсками, правильной національной жизни въ бытовомъ, церковномъ, вообще въ духовномъ, нравственномъ и также матеріальномъ отношеніи».

Изъ этихъ словъ, мм. гг., вы можете усмотрѣть, какое значеніе придаемъ мы пребыванію нашихъ агентовъ въ Болгаріи. Имъ принадлежитъ доля участія въ той миссіи, къ которой призвана сама Россія въ отношеніи къ Болгарскому народу, и для исполненія которой необходима правительству не одна сила оружія, но и содѣйствіе всѣхъ русскихъ духовныхъ общественныхъ силъ. Поэтому дѣятельность нашихъ агентовъ, будучи благотворительною, есть въ то же время миссіонерская. Въ самомъ дѣлѣ, какая забота, по поводу возрожденія Болгаріи, должна лежать теперь на сердцѣ у

каждаго, кому дорого будущее Славянскаго міра? Забота о томъ, чтобъ оградить Болгарію, на первыхъ же порахъ ея новаго бытія, отъ тѣхъ ошибокъ, тѣхъ ложныхъ шаговъ, которыми, къ несчастію, ступила, лѣтъ 50 тому назадъ, возрождавшаяся Сербія, и которые дали всему ея дальнѣйшему пути какое-то, вредное для нея самой, фальшивое направление. Я не считаю удобнымъ перечислять здѣсь эти ошибки, предоставляя себѣ возвратиться къ этому предмету въ другой разъ.

Къ счастью для Болгаріи, Московскій Славянскій Комитетъ воспиталъ изъ среды юныхъ Болгаръ не мало добрыхъ интеллигентныхъ силъ. Пусть же теперь, вмѣстѣ съ нашими агентами, положатъ они, при возрожденіи этого многочисленнѣйшаго южно-славянскаго племени, прочный, здоровый фундаментъ ея просвѣщенію, гражданскому и духовному строю. Пусть не заботятся ни о конституціяхъ, ни объ европеизмѣ вообще. Пусть не забываютъ, что безъ нравственнаго союза съ Россіей, безъ общаго съ нею духовнаго идеала, другими словами, внѣ православной религіи, какъ внутренней основы общественнаго бытія, какъ просвѣтительнаго и руководящаго начала, невозможна и несмыслима для славянскихъ племенъ никакая истинно-самостоятельная будущность, ни гражданская, ни духовная. Ибо еслибы славянскія племена измѣнили этой православной основѣ, въ которой заключается все существенное и многоплодное отличіе христіанскаго Востока отъ Запада и право Славянъ на самобытное участіе въ общечеловѣческомъ просвѣщеніи, — они бы стали совершенно излишни для міра какъ Славяне и могли бы, безъ ущерба для человѣчества, уступить свое мѣсто западнымъ Европейцамъ. Впрочемъ, съ такимъ увѣщаніемъ можно бы обратиться и ко многимъ петербургскимъ мыслителямъ, изъ которыхъ нѣкто, въ одной петербургской газетѣ, съ высомѣрною и высокопарною важностью совѣтуетъ русскимъ войскамъ, указывая на мою послѣднюю рѣчь, оставить дома въ Россіи всѣ эти вздорныя мысли о духовныхъ элементахъ русской народности, о «сущности народнаго духа», и исполнять только одну миссію — «нести къ Болгарамъ плоды европейскаго просвѣщенія»...

На это можно бы отвѣтить петербургскому глубокомыслен-

ному мужу, что въ такомъ случаѣ было бы уже несравненно справедливѣе поручить эту миссію не русскимъ войскамъ, а нѣмецкимъ и англійскимъ, какъ настоящимъ хозяевамъ европейскаго просвѣщенія. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не отдать предпочтенія подлиннику предъ спискомъ.

Я утомилъ ваше вниманіе, мм. гг., но я счелъ необходимымъ выяснитъ вамъ отношеніе Комитета къ современнымъ событіямъ и направленіе его будущей дѣятельности. Задача предстоитъ намъ достойная и высокая, благодѣтельная,—но не съ пустыми же руками явиться намъ въ Болгарію! Средства наши значительно оскудѣли, а даванія почти прекратились. Много, конечно, приходится и придется жертвовать русскому обществу и народу на многообразнѣйшія нужды вызываемыя войной въ предѣлахъ самой Россіи,—но можетъ-быть, по пословицѣ: съ міра по ниткѣ, достанетъ у Россіи средствъ и на нашу скромную долю. Къ вамъ, мм. гг., обращаемся мы съ покорнѣйшею просьбой оказать намъ ваше усердное содѣйствіе. Сбирайте пожертвованія книжками, кружками, какъ только возможно, снабжайте насъ средствами, столь необходимыми намъ для дѣятельности. Всѣ мы призваны теперь къ дѣйствію и къ труду. Возблагодаримъ Бога, что даровалъ Онъ намъ счастье переживать настоящія великія мгновенія, слышать и чувствовать въ нашей личной жизни трепеть жизни исторической, всенародной, испытывать высокую, очистительную и освѣщающую отраду въ томъ, что всѣ мы теперь на Руси едино, въ тѣсномъ союзѣ мысли и духа съ миллионами братьевъ,—однимъ сердцемъ дѣлимъ и радость и горе, что отъ каждого изъ насъ нужна, спрашивается и пригодится Россіи работа. Настаетъ день, бодрый, великій, трудовой, историческій день. Изыдемъ же съ вами, по слову Псалмопѣвца, «на дѣло, на дѣланіе свое до вечера!»

6. Рѣчь произнесенная И. С. Аксаковымъ въ первомъ Общемъ Собраніи Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1 мая 1877 года.

Мм. гг! Въ послѣдній разъ собрался сегодня нашъ Московскій Славянскій Комитетъ для того, чтобы, *не переставая быть*, претвориться въ Московское Славянское Благотворительное Общество и ввести въ свою внѣшнюю дѣятельность порядокъ указываемый уставомъ, утвержденнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Мы наконецъ *узаконены*. Мы наконецъ признаны, открыто и положительно, нашею государственною властью послѣ 18-лѣтняго, почти внѣзаконнаго существованія. Въ этомъ узаконеніи заключается, несомнѣнно, значительная для насъ выгода: оно придаетъ намъ твердость и прочность. Выгода также и въ томъ, что дается организація независящая отъ личнаго предсѣдательскаго произвола и предоставляется членамъ довольно просторное право контроля. Самое новое наше названіе—«общество»—по смыслу своему шире: съ понятіемъ о *комитетъ* всегда соединяется понятіе о чемъ-то весьма специальномъ; да и плохо вѣжется такая цифра членовъ—свыше тысячи—которую мы теперь насчитываемъ. Тѣмъ не менѣе многіе изъ васъ, конечно, не безъ сожалѣнія разстанутся съ названіемъ, съ которымъ свыклись, которое вызываетъ въ памяти цѣлый длинный рядъ пережитыхъ невзгодъ и испытаній, преодолѣнныхъ препятствій, а также и радостныхъ минутъ успѣха и подъ конецъ торжества; съ названіемъ, которое въ послѣднее время стяжало себѣ, слава Богу, почетную всезнаемость во всемъ Славянствѣ и даже въ массахъ нашего простаго народа. 18 лѣтъ тому назадъ, небольшому кружку людей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось очень немного, а изъ главныхъ водителей духа никого, удалось выхлопотать разрѣшеніе: оказывать, на свой счетъ конечно, благотвореніе Славянамъ въ Россіи и за границей, и въ послѣднемъ случаѣ доставлять помощь на мѣсто чрезъ посредство Азіятскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Это казалось въ тѣ времена необычайною побѣдой! Тѣ немногіе «благотворители», какъ ихъ величали въ официальныхъ бумагахъ, поручили

вести дѣло вещественнаго вспомошествованія покойному попечителю Московскаго Университета Алексѣю Николаевичу Бахметеву, который и велъ, добросовѣстно и собственноручно, первую книгу нашихъ, болѣе чѣмъ скудныхъ, приходовъ и расходовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ уже Бахметева, мы стали употреблять, въ сношеніяхъ съ Министерствомъ, совершенно самовольно, но какъ-то случайно и естественно (надо же было какъ-нибудь именоваться) названіе: «Комитетъ», Министерство не протестовало и такимъ образомъ утвердилось то названіе, которое мы теперь мѣняемъ на названіе «Общество».

О первой группѣ славянофиловъ можно вообще сказать, что то было малое, очень «малое стадо», и самая дѣятельность совершалась первоначально *вмалѣ*, въ тѣсныхъ предѣлахъ, допущенныхъ тогдашними условіями Русской общественной жизни. Но это малое стадо помвило призывъ евангельскій: «не бойся, малое стадо», и было *вѣрно вмалѣ*. Вотъ объ этой-то *вѣрности вмалѣ* и слѣдуетъ какъ можно чаще напоминать тѣмъ нашимъ юнымъ дѣятелямъ, которые пренебрегаютъ подвигами невзрачными и скромными, требуютъ для себя, съ перваго же раза, дѣятельности въ обширныхъ размѣрахъ и падки на эффекты и театральность.

Про нашъ Славянскій Комитетъ можно также сказать, что онъ былъ *вѣренъ вмалѣ*. Долго считалъ онъ своихъ членовъ только десятками, долго не набиралось даже и десятка членовъ въ его засѣданіяхъ, долго дѣятельность его ограничивалась занятіями самаго скромнаго свойства (воспитаніемъ нѣсколькихъ Славянъ, умѣреннымъ пособіемъ нѣкоторымъ школамъ и т. п.); долго приходилось Комитету бороться около себя, внутри самой Россіи, съ невѣжествомъ, съ равнодушіемъ, съ направленіемъ противоположнымъ и даже злостно-враждебнымъ. Какъ въ игрѣ: «живъ-живъ курилка», забота Комитета долго была лишь о томъ, чтобъ не угасла искра, чтобы поддержался тлѣющій огонь... И вотъ огонь поддержался, и разгорѣлся. Число членовъ умножилось; открылись отдѣлы въ Петербургѣ и Киевѣ. Ровно десять лѣтъ тому назадъ состоялся въ Москвѣ, по поводу Этнографической выставки, Славянскій съѣздъ, гдѣ впервые сошлись, на Русской землѣ, представители всѣхъ Славянскихъ пле-

мень во имя ихъ общаго единства. Нѣсколько лѣтъ спустя, воздвигся въ Чешской Прагѣ русскій православный храмъ также благодаря настойчивымъ стараніямъ Комитета, вопреки возраженіямъ людей робкихъ въ дѣлѣ и мнимо-мудрыхъ. О послѣднихъ событіяхъ напоминать вамъ нечего: они слишкомъ хорошо извѣстны. Такимъ образомъ, долго и медленно пробиравшись узкими, тѣсными тропинками, утративъ на пути многихъ и многихъ лучшихъ людей, мы выбрались наконецъ на широкую дорогу и подошли къ самому рубежу обѣтованной земли. Уже развѣвается, за Русскими предѣлами, наше Русское знамя, поднятое за возвращеніе свободы и человѣческихъ правъ угнетеннымъ, уничиженнымъ, презрѣннымъ высокоумною въ своемъ просвѣщеніи Европою, православнымъ Славянскимъ племенамъ. Пробуждается дремлющій Востокъ, и не одни Славяне Балканскаго полуострова, но и весь міръ Славянскій ждетъ возрожденія. Новая, новая пора настаетъ, брежжетъ заря великаго, Славянскаго дня....

Въ такое-то великое, всемірно-историческое мгновение, среди кликовъ войны, бранныхъ тревогъ и заботъ, предстоитъ намъ, мм. гг., преобразиться изъ Комитета въ Общество, по уставу, подписанному, по какой-то знаменательной случайности, 12 апрѣля, въ одинъ день съ Манифестомъ о войнѣ съ Турціей. Хотя славянское дѣло уже вышло теперь изъ специальности Комитета или какого бы то ни было общества, но независимо отъ общихъ вопросовъ и задачъ, много и много еще предвидится тяжелой и черновой работы въ частномъ примѣненіи нашей братской любви къ жизни Славянскихъ племенъ.

И такъ съ Богомъ, передадимъ же новому Обществу во всей цѣлости направленіе, преданіе, духъ нашего Московскаго Славянскаго Комитета. Пусть перенесется на Общество та любовь и то сочувствіе, которыми такъ утѣшенъ былъ Комитетъ въ свои послѣдніе дни. Пусть новое Московское Славянское Благотворительное Общество вмѣститъ въ свой составъ все правомыслящее и правочувствующее не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи!*)

*) См. на оборотѣ, подъ чертой.

7. Рѣчь предсѣдателя Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ об ѣмъ собраніи членовъ 26 сентября 1877 г.

Мм. гг.! Въ послѣдній разъ, бесѣдуя съ вами по поводу объявленія Россіею войны, мы привѣтствовали ее какъ наступленіе историческаго дня—великаго, бодрого, *трудоваго*...

Россія на работѣ. Мы взошли въ самую знойную пѣру *страды*. Понадобился трудъ—тяжкій, упорный, исполинскій трудъ, соотвѣтственный исполинской задачѣ. Еще не видать ему конца, еще не скоро отдохнуть труженики.

Два адреса Ивану Сергѣевичу Аксакову.

По поводу переименованія Славянскаго Комитета въ Общество и вышеприведенной рѣчи, членами Общества и почитателями Ивана Сергѣевича были поднесены ему икона Спасителя и два адреса слѣдующаго содержанія:

I.

„Иванъ Сергѣевичъ!

„Вы сослужили великую службу славянскому дѣлу и едва ли болѣе дѣлу чисто-русскому. Вы дали плоть и кровь славянскому братству, и то, что было или чувствомъ, хотя бы и многихъ, или историческимъ и поэтическимъ предвидѣніемъ, Вы сдѣлали дѣйствительнымъ фактомъ исторіи. Силою духа и властію любви Вы превратили вещественное благотвореніе въ великое благотвореніе духовное. Ваше имя, издавна слитое во едино съ понятіемъ о гражданской доблести, вызвало у насъ, Русскихъ, обиліе приношеній для нашихъ южныхъ братьевъ въ размѣрахъ никакъ не ожидаемыхъ нами самими, а имъ, угнетеннымъ, страждущимъ и безнадежнымъ на землѣ, Вы указали въ любвеобильномъ, дѣйствительномъ славянскомъ братствѣ духовное отечество. Вашимъ подвигомъ, забывшимъ объ утомленіи, отбросившимъ заботы о здоровьи, непобоявшимся немолчнаго враждебнаго крика русскихъ иностранцева, вѣщіе стихи поэта:

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора-ль очнуться намъ?
На яву увидать внуки
То, что снылось отцамъ,—

изъ пророческой пѣсни превратились въ общее живое убѣжденіе насъ, коренныхъ Русскихъ, и нашихъ славянскихъ братьевъ.

Какъ предсѣдателю Славянскаго Общества, мнѣ слѣдовало бы представить вамъ обзоръ общаго положенія Славянскаго міра. Но все его вниманіе приковано теперь къ театру войны, и весь онъ, съ волненіемъ и тревогой, живетъ изо дня въ

„Примите же отъ насъ задушевное чествованіе Вашего любвеобилія, Вашей силы духа, чистоты побужденій и дѣйствій, и Вашего гражданскаго мужества. Москва, 1 мая 1877 года“.

(Слѣдуетъ нѣсколько десятковъ подписей—въ огромномъ большинствѣ лицъ самыхъ извѣстныхъ и уважаемыхъ не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи.)

II.

„Иванъ Сергѣевичъ!

„Сегодня заключилась дѣятельность нашего, доброй памяти Славянскаго Благотворительнаго Комитета и начинается новая жизнь Славянскаго Благотворительнаго Общества. При этомъ случаѣ считаемъ долгомъ совѣсти и потребностью нашей души выразить Вамъ нашу глубокую, искреннѣйшую благодарность за все, Вами на этомъ поприщѣ совершенное, и за то, что вы не уклоняетесь отъ дальнѣйшаго служенія великому дѣлу Славянства.

„Вы не пренебрегали первоначальной скромною дѣятельностью Комитета, относившеюся къ образованію славянской молодежи, къ поддержанію дружескихъ сношеній съ Славянскими землями и къ передачѣ имъ разныхъ пособій. Но когда обстоятельства измѣнились и оказалась необходимою дѣятельность иная, Вы стали въ уровень съ потребностями нашей страны и нашего времени. Вы вѣрно поняли наши народныя чувства и стремленія относительно возникшей борьбы Босняковъ, Герцеговинцевъ, Болгаръ, Сербовъ и Черногорцевъ противъ мусульманскаго ига; своими воззваніями Вы пробудили то, что лежало въ душѣ каждаго изъ насъ; своими неутомимыми трудами, своею распорядительностью и своею добросовѣстностью Вы привлекли не только массу небывалыхъ, едва ожидавшихся пожертвованій, но и предложеніе услугъ вполне безкорыстныхъ, даже съ самопожертвованіемъ сопряженныхъ, на пользу Славянства.—Ваша рѣчь 6-го марта никогда не изгладится изъ нашей памяти, ибо Вы вѣрно и съ жаромъ высказали то, что всѣ мы чувствовали, тѣмъ мы болѣли. Вы оказали дѣйствительную и великую услугу славянскому и собственно русскому дѣлу, и, высказывая Вамъ нашу признательность, мы чувствуемъ—насколько еще остаемся у Васъ въ долгу.

„Мы вполне увѣрены, что и при новыхъ обстоятельствахъ Вы поставите Общество на высоту его призванія и тѣмъ утвердите за нимъ то значеніе, которое Вы ему доставили. 1-го мая 1877 г. Москва“.

(Слѣдуютъ подписи.)

день вѣстями съ Кавказа и изъ-за Дуная. Тамъ сосредоточены всѣ его самые существенные, самые кровные интересы, тамъ рѣшается вопросъ его бытія. Тамъ, т. е. тамъ, гдѣ бьется съ врагами *наша* Россія, гдѣ потоками льется наша, русская кровь... О чемъ же иномъ и мы въ настоящую минуту можемъ мыслить, заботиться, говорить...?

Еще не пришло время подводить итоги. Война въ самомъ разгарѣ, со всѣми своими случайностями и превратностями, и — сознаемся въ томъ прямо, безъ малодушія, — насъ не балуетъ пока военное счастье... Не на счастье, впрочемъ, и возлагала Россія свои надежды. Наше утѣшеніе, наша радость покуда не въ результатахъ войны, а въ изумительной, дивной доблести нашихъ воиновъ. Никогда еще не выступало ихъ мужество въ такомъ озареніи святости. Это по истинѣ христіанское войско. Надъ всѣмъ этимъ, накопленнымъ войною хламомъ разнорѣчивыхъ толковъ, сплетень, интригъ, клеветъ, пререканій, въ безспорномъ величіи воздвигается лишь свѣтлый образъ русскаго солдата — съ его добродушіемъ и простотою, съ несокрушимою мощью вѣрующаго, смиреннаго духа. Онъ препобѣдилъ всѣ пристрастія, всѣ предубѣжденія ненавистниковъ, и Европейскій міръ съ почтеніемъ преклонился предъ его воинскою твердостью и человѣческимъ сердечнымъ незлобіемъ.

Уже полсотни тысячъ этихъ героевъ, въ непрестанныхъ битвахъ, вышло изъ строя... Но чтѣ же добыто ихъ сверхъестественнымъ напряженіемъ, ихъ драгоцѣнною кровью?... Не намъ, не отсюда, а можетъ быть еще и не время судить объ искусствѣ и способности вождей, о знаніи и умѣлости военачальниковъ, о вѣрности и пригодности ихъ военныхъ соображеній. Мы можемъ говорить лишь о томъ, чтѣ чувствуетъ, чтѣ испытываетъ въ настоящую пору вся Россія—въ виду такой траты усилій и крови, и такой, сравнительно, ничтожности добытыхъ результатовъ...

Россія недоумѣваетъ.

Какъ сказочный богатырь, у котораго чьимъ-то злымъ чародѣйствомъ отведена сила, занесенный съ размаху ударъ бьетъ въ пустой воздухъ, могучія руки падаютъ въ немочи, — такъ и Россія невольно спрашиваетъ и дивится: отчего же

такъ, до сихъ поръ, безсильны силы, что слышалъ и не перестаетъ слышать въ себѣ и теперь ея великанъ-народъ?

Свѣта, свѣта, какъ можно болѣе свѣта, вотъ что нужно теперь Россіи, въ свѣтѣ бодрость и мощь, власть и даръ обновленія!—свѣта, чтобы разошлася мгла, чтобы разсѣялся чадъ смрадныхъ слуховъ и толковъ... Но скуденъ свѣтъ, льющійся намъ изъ-за роковой зарубежной дали. Съ болѣзненнымъ напряженіемъ всматривается въ нее Россія и, какъ сквозь туманъ, видитъ лишь до сихъ поръ печальные призраки несчетныхъ геройскихъ жертвъ... Страстно прислушивается, но кромѣ ужасающихъ цифръ убитыхъ и раненыхъ и отрывочныхъ смутныхъ вѣстей, ничего не доходитъ до нея отъ органовъ Русской власти.

Въ самомъ дѣлѣ, не лаконическими же официальными депешами, къ тому же всегда запаздывающими, можетъ быть утолена законная, праведная жажда свѣдѣній, которою мучаются семьи, которою томится Россія въ эту упорную, лютую, кровопролитнѣйшую изъ войнъ. Не странно ли, — да и не стыдно ли, — что вся эта великая, позади русской арміи выжидающая Россія, отъ верхнихъ слоевъ до нижнихъ, отъ знатныхъ палатъ до избы, осуждена пробавляться иностранными корреспонденціями и только въ нихъ ловить себѣ лучей истины! Эта высокая честь досталась преимущественно на долю двухъ англійскихъ корреспондентовъ, Форбса и Макъ-Гахана. Ихъ независимое, безпристрастное слово внушило довѣріе, болѣе чѣмъ робкія, строго процѣживаемыя цензурой сказанія русскихъ корреспондентовъ, — и благодареніе имъ! Благодареніе за ихъ сочувствіе нашему дѣлу, за ихъ благоговѣнное уваженіе къ нашему солдату, за похвалу храбрости нашихъ офицеровъ — и всего болѣе за трезвую, горькую правду. Эта правда, въ переводѣ русскихъ газетъ, обошла всю Россію, такъ какъ едва ли найдется *теперь* хоть одно село на Руси, гдѣ бы не читались газеты... Это не то, что было прежде, и объ этомъ можетъ-быть не бесполезно было бы вспомнить и за Кавказомъ, и за Дунаемъ...

Да, недоумѣніе, какъ грозная туча, облегло всю нашу землю отъ края до края, но *только* недоумѣніе, — не уныніе, нѣтъ! На всемъ этомъ необъятномъ пространствѣ, среди миліоновъ народныхъ массъ, не проронится ни слова жа-

лобы или ропота: «къ чему, да на чтò, да изъ-за чего повелась война?» — народъ лишь недоумѣваетъ, почему она *такъ* ведется, а не иначе, почему доблестнѣйшія въ мірѣ войска доселѣ не добудутъ побѣды? Ни на одинъ мигъ не вкралось въ его душу сомнѣніе въ непреложности и святости предпринятой борьбы, ни разу не поколебалась рѣшимость довершить начатое до конца, нести ея тяготы до конца... И онъ донесетъ ихъ, и вынесетъ на своихъ могучихъ плечахъ достоинство Россіи и свершеніе историческаго завѣта, и искупить своею кровью грѣхи, тормозящіе ему побѣду.

Не на простой народъ, впрочемъ, ложатся эти грѣхи, не на эту «меньшую братію», какъ высококомѣрно - снисходительно чествуютъ его иногда въ нашемъ обществѣ. а именно на насъ, на «старшую братію», на ту нашу общественную среду, которой самый главный, самый пагубный грѣхъ — корень всѣхъ нашихъ золъ и бѣдствій — въ отчужденіи отъ русской народности. Ни на чемъ не сказалось такъ рѣзко это отчужденіе, это различіе между упомянутою средою и остальнымъ народомъ, какъ именно на настоящей войнѣ. Въ то самое время, какъ враги наши ликуютъ и надмеваются, когда самоотверженно гибнутъ тысячами наши воины, а оставшіеся въ живыхъ еще выше выросли, еще крѣпче закалились духомъ и ждуть не дождутся изъ Россіи словъ одобренія и ободренія, — какіе голоса, имъ въ утѣшеніе и назиданіе, громче и громче начинаютъ подниматься изъ этой среды и скоро, пожалуй, раздадутся оглушительнымъ хоромъ? Будто скорбя, они пророчатъ Россіи чуть не окончательное пораженіе... «Видите, видите» — вопіютъ они, худо скрывая злорадство и парадирюя въ новой для себя роли народолобцевъ — «мы были правы, да! мы были правы, мы всѣми способами противились этой безумной, безпричинной войнѣ, на «вязанной Россіи дерзостью Славянскаго Комитета, сумасбродствомъ журналистовъ, фанатиковъ, которыхъ къ не«счастію не успѣли *унять*. Чтò намъ за дѣло до какихъ-то «Славянъ, Болгаръ и Сербовъ? Мы прежде всего Русскіе, «Русскіе, ни о чемъ не должны мы думать и пещись какъ «о Россіи, — куда намъ освобождать и просвѣщать другихъ, «у насъ и своихъ бѣдъ довольно, мы о нихъ заботимся, о «народѣ болѣемъ, — у насъ даже вотъ и проекты разные

«понаписаны, — но насъ не послушали, нашъ совѣтъ отвергли, и что взяли? Что взяли?»...

Не стоило бы даже удостоивать вниманія этотъ возгласъ дешевой мудрости и важнаго легкомыслія, еслибъ вся эта умственная и духовная ничтожность (на которую неизбѣжно обреченъ каждый, отчуждающійся своей народности) не была подчасъ надѣлена извѣстнымъ значеніемъ и высоко простирающимся вліяніемъ. Кто-жь, какъ не они, помимо случайныхъ военныхъ ошибокъ, главные виновники неудачъ, бѣдствій, того множества жертвъ, которое они оплакиваютъ? На кого, какъ не на нихъ, по преимуществу должно пасть это излишество пролитой крови? Не они ли усилили врага, задержавъ ударъ, благовременно ему наносимый и снабдивъ его потребнымъ досугомъ? Война *безпричинная*, война *навязанная*!... Они и видя не видятъ, и слыша не слышатъ. Не растолковать ни иностранцамъ, ни имъ святой простоты и естественности народныхъ побужденій къ войнѣ и ея міроваго, историческаго смысла... Но мы не можемъ, мы не должны молчать, — авось хоть кому-либо изъ нихъ пройдетъ въ душу слово истины.

Эта война — историческая *необходимость*; эта война — *народная*, и никогда ни къ какой войнѣ не относился народъ съ такимъ *сознательнымъ* участіемъ. «Но мы и сами народъ» — слышится мнѣ новомодное возраженіе. Да, они точно часть народа и даже верхній его слой, но только къ прискорбію вывѣтрившійся и потому самому бесплодный. Они призваны быть народу высшимъ органомъ сознанія, но имъ невѣдома и чужда та стихія народнаго духа, которая пребываетъ въ народныхъ массахъ и творитъ историческую жизнь.... «Это поклепъ на народныя массы — возражаютъ мнѣ снова: «зачѣмъ навязывать имъ какіе-то историческіе задачи и идеалы? Допросите простолюдиновъ хоть вмѣстѣ, «хоть порознь: ничего-то о нихъ никогда они не вѣдали и «не вѣдаютъ!» Но неужели же вы не знаете, что ни отдѣльная народная единица, ни извѣстное множество единицъ, хотя бы и изъ простонароднаго слоя, не выражаетъ еще собою понятія о народѣ? Вѣдь никто никогда, взятый порознь, не сочинялъ русскаго языка и не выдумывалъ ему грамматики, а вѣдь существуетъ же русскій языкъ, создан-

ный никѣмъ инымъ какъ *народомъ* и отражающій его умъ. Народъ есть особый, цѣльный, самостоятельный организмъ, слагаемый совокупностью единицъ бывшихъ, наличныхъ и будущихъ, живущій въ вѣкахъ, управляемый своими внутренними историческими законами, имѣющей свой ростъ, свою память, свое развитіе, стремленія, задачи и цѣли, свои умственные и духовныя отправленія, совершающіяся въ пространствѣ времени, и которыя только дробясь, только отчасти, могутъ отражаться въ его отдѣльныхъ миллионныхъ атомахъ. То жизнь *непосредственная*. Работа же *личнаго сознанія* принадлежитъ лишь тѣмъ народнымъ единицамъ, которыя изъ среды стихійной выдѣлились трудомъ мысли и образованіемъ,—но на этой-то чредѣ, къ которой вы призваны, васъ и постигаетъ, къ несчастію, духовное отступничество отъ народа. Да, какъ ученый, изучая родной языкъ, раскрываетъ законы его грамматики, такъ и вы, вдумываясь въ исторію роднаго народа, могли бы уразумѣть ея пути и ея задачи; но вы ея не знаете, не хотите и знать и презираете историческія преданія... Такого историческаго знанія и сознанія въ простонародныхъ массахъ конечно нѣтъ,—но, рядомъ съ историческимъ инстинктомъ, *нравственное сознаніе* своей общей связи, своего личнаго долга и отношенія, въ данную историческую минуту, къ великому цѣлому, называемому народомъ (или именемъ страны, напримѣръ Россіей) вполне доступно простонароднымъ массамъ—и оно-то и высказалось въ настоящей войнѣ.

Прошу извиненія у слушателей, что излагаю эту азбуку общихъ понятій, но ее не бесполезно было припомнить въ виду упорнаго недоразумѣнія относительно слова: народъ.

Само собою разумѣется, что простой народъ (по преимуществу и справедливо называемый народомъ), хотя и былъ несомнѣнно влекомъ своимъ историческимъ инстинктомъ, не задавался однако же отвлеченными умозрѣніями о строеніи русскихъ историческихъ судебъ, о будущемъ призваніи Россіи и Славянскаго міра. Его сознательное участіе къ войнѣ могло относиться только къ живой, реальной, нравственной ея сторонѣ. Онъ понималъ ясно одно: что эта война не прихоть Царя-Самодержца и не плодъ какихъ-либо недоступныхъ народу, но принимаемыхъ имъ на вѣру, соображеній;

что она указана Царю и ему—совѣстью; что она не только царева, но и его. Народъ, нашъ простой, смиренномудрый народъ, не одержимый ни властолюбіемъ, ни жаждою боевой славы, принялъ войну какъ нравственный долгъ, естественный и произвольный, какъ непреложный, священный подвигъ, сужденный ему Провидѣніемъ. Почему? Потому, что это война за веру, за христіанъ-православныхъ, да еще и одного съ нимъ племени—гнетомыхъ, мучимыхъ злыми врагами Христа, Азіятами - мусульманами, поработившими издревле-христіанскія земли. Его понятія о христіанахъ-единоплеменникахъ были прежде довольно смутныя, да и самъ онъ былъ удрученъ духомъ, подъ тягостью крѣпостной зависимости. Съ освобожденіемъ же отъ крѣпостнаго рабства, онъ инстинктивно почувствовалъ, что онъ и самъ—Россія, непосредственный участникъ ея призванія и исторической отвѣтственности. Какъ только въ прошломъ году дошло до народнаго вѣдома о турецкихъ лютостяхъ, о страданіяхъ христіанъ, о брани, воздвигнутой православными за Христа и свободу, народъ самъ, самовольно, пошелъ навстрѣчу подвигу, прежде чѣмъ онъ былъ возвѣщенъ ему верховною властью: онъ несомнѣнно вѣровалъ,—и напрасно бы они, мудрые консерваторы, пытались его въ томъ разувѣрить,— что Царская совѣсть не можетъ рознить съ совѣстью народной, и что жертва угодная Богу не можетъ не быть угодною и верховному народному вождю.

До такой степени на помощь Сербіи смотрѣли въ народъ какъ на христіанскій подвигъ, что были села, гдѣ на міру признавали нужнымъ коть одного изъ односельчанъ имѣть въ числѣ участниковъ подвига,—міромъ снаряжали и благословляли избранниковъ. И эти избранники, на вопросы мои: зачѣмъ ѣдутъ? отвѣчали простодушно и искренно, что хотятъ «пострадать», хотятъ «помереть за веру», «положить души за други своя»....

И надъ этимъ-то священнодѣйствіемъ народнаго духа они кощунственно наругались, они закидали его бранью, насмѣшками, клеветами; глумились надъ народомъ, когда онъ молился, издѣвались надъ его состраданіемъ,—и успѣли-таки въ самомъ правительствѣ (и ко вреду для него) поселить прискорбнѣе недовѣріе къ искренности народнаго движенія.

обозвавъ его *революціоннымъ*. Кто же однако революціонеръ? Понимаютъ ли они, что всякое подобное со стороны власти оскорбленіе народнаго чувства родитъ смущеніе въ народъ и рознить его съ нею? О, какъ правъ былъ Юрій Самаринъ, заклеившій ихъ направленіе названіемъ «революціоннаго консерватизма»! Вотъ они и добились, въ своемъ близорукомъ консерватизмѣ, устраненія даровитѣйшихъ русскихъ дѣятелей Сербской «самовольной» войны отъ участія въ настоящей «регулярной» войнѣ,—и лишили нашу армію полезныхъ, испытанныхъ воиновъ.

Народное движеніе 1876 года *неразрывно* связано съ настоящею войною; это былъ прологъ къ послѣдующей исторической драмѣ,—это дѣло *одно и то же*. Историкъ не раздѣлитъ ихъ и не пойметъ, какъ не понимаетъ до сихъ поръ, въ смущеніи своемъ, и народъ—почему, воюя теперь съ Турціей и освобождая Болгаръ, *т. е. Славянъ*, у насъ какъ бы отрекаются отъ крестоваго похода, предпринятаго народомъ прошлымъ лѣтомъ ради *такихъ же Славянъ*, и какъ бы держатъ въ опалѣ участниковъ того народнаго дѣйствія, въ которомъ одномъ—оправданіе и объясненіе нашей настоящей войны.

Пойдемъ дальше. То, что для народа, въ его личномъ сознаніи, представлялось нравственнымъ непреложнымъ долгомъ, то было въ то же время и историческою миссіею Россіи, какъ главы и представительницы цѣлаго особаго міра, Православнаго и Славянскаго, еще недосозданнаго, но создаемаго, ожидающаго отъ будущихъ временъ своей конкретной исторической формы. Все значеніе Россіи во вселенной заключается въ ея религіозной и народной особенностяхъ, соединенной съ внѣшнею матеріальною силою,—въ ея духовныхъ стихіяхъ, отличныхъ отъ стихій Западной Европы; въ ея Православіи и Славянствѣ. Она не можетъ достигнуть полноты своего развитія, не доставивъ торжества этимъ духовнымъ стихіямъ въ исконныхъ мѣстахъ ихъ пребыванія, не возстановивъ полноправности, хотя бы общечеловѣческой, братскихъ по крови и *духу* племенъ. Безъ возстановленія этой полноправности и безъ освобожденія Православнаго Востока отъ турецкаго ига, отъ матеріальныхъ и духовныхъ захватовъ Запада, Россія, какъ организмъ лишенный свобод-

наго кровообращенія, осуждена была бы навсегда остаться увѣчною, калѣкою, недоноскомъ. Война являлась для нея такою же необходимостью какъ самооборона, или иначе: какъ естественное продолженіе ея развитія, ея роста, какъ процессъ исторической формациі.

Благословенъ удѣлъ той страны, гдѣ политическія задачи бытія совпадаютъ для народа съ исполненіемъ высокаго личнаго нравственнаго долга, гдѣ трудъ историческаго самосложенія совмѣщаетъ въ себѣ и христіанскій подвигъ! Торжество Россіи—торжество мира, свободы, полноправности братской... То ли мы видимъ въ другихъ, именуемыхъ и христіанскими и цивилизованными, европейскихъ державахъ, которыхъ самое бытіе почіетъ на униженіи, гнетѣ, порабоженіи и развращеніи чужихъ народовъ,—стало-быть въ самомъ себѣ заключаетъ залогъ осужденія и гибели. Такъ, для интересовъ Британіи требуется, чтобы бѣдствовало населеніе Балканскаго полуострова и пребывало въ состояніи вѣчнаго малолѣтства, чтобы Турокъ господствовалъ надъ Христіаниномъ и Евангеліе попиралось Кораномъ. Всѣ эти турецкія звѣрства, это поголовное истребленіе Болгаръ, это повальное избіеніе ихъ дѣтей,—все на *руку* Англии, все это она терпитъ, допускаетъ, дабы отнять торжество у Россіи: это для Англии *дѣло патриотизма!!* Такъ, уродливое политическое сочетаніе нѣмецко-жидовской культуры и мадьярской башибузуцкой дикости, извѣстное подъ названіемъ Австро-Венгріи, зиждется лишь на неравноправности ей подвластныхъ и на угнетеніи сосѣднихъ Славянъ!

Ничего этого не поняли наши консерваторы!... Когда Царь, который стоитъ и дѣйствуетъ предъ лицомъ исторіи и несетъ на себѣ отвѣтственность за судьбы Россіи, призналъ неизбежность давно ожидаемой народомъ борьбы, они пустили въ ходъ всѣ доступныя имъ, въ ихъ сферѣ, вліянія, чтобы натворить препятствій объявленію войны. Несчастные! они мечтали преградить ходъ Исторіи, — да впрочемъ Русская Исторія у нихъ не въ почетѣ, они ее «игнорируютъ»... Хоуда исторіи они не остановили, но затруднить, искривить, извратить его — имъ все-таки удалось! Благодаря имъ, неприготовленная, почти врасплохъ захваченная Турція стала готовиться — и изготовилась, — мы же.... Но кто смущалъ, ос-

лаблялъ, тормозилъ дѣятельность воли, необходимую для успѣха русскихъ приготовленій? Чьимъ противодѣйствіемъ или недостаткомъ содѣйствія замедлялись, парализовались они? Кто усилилъ врага и поднялъ его духъ, кто съ самаго начала подорвалъ и внѣшнюю русскую силу, и энергію распоряжающейся власти?

Дипломатія, вѣрное отраженіе той же безличности, безнародности, съ подобострастіемъ дикарей предъ цивилизаціей Европы начала свою выгодную для враговъ и неприбыльную для Россіи работу. Европа скоро повѣрила возгласамъ о неготовности, о нерасположеніи Россіи къ войнѣ и подвергла насъ пыткамъ постепенныхъ, оскорбительныхъ уступокъ. Неготовность! но чьи же господствующія воззрѣнія препятствовали разумѣть указанія исторіи, неотложныя задачи Россіи, и неослабно готовиться къ ихъ разрѣшенію? Исторія не ждетъ, и чаша страданій Христіанъ переполнилась, не справляясь—готовы ли мы или нѣтъ...

Этимъ еще не кончились услуги консерватизма русскому дѣлу. При какихъ условіяхъ, при какой обстановкѣ, благодаря ему, выступилъ наконецъ въ ратное поле русскій боецъ?.. Съ стопудовыми гирями на рукахъ и ногахъ, мѣшавшими движенію и размаху, убивавшими порывъ и силу! Ради «интересовъ европейскаго мира», осудили войну на «локализацию»... Интересы европейскаго мира! Это одна изъ тѣхъ лицемѣрныхъ «фикцій», тѣхъ условныхъ, пустопорожнихъ фразъ, въ которыя сама Европа нисколько не вѣритъ, но на которыя, какъ на удочку, ловитъ русское простодушіе и притязаніе на европеизмъ! Но вѣдь съ точки зрѣнія европейскихъ интересовъ самое существованіе Россіи, ея естественный ростъ и естественная прибыль внутренней силы уже не совмѣстны съ выгодами Европы: такъ ужъ не нужно ли намъ, ради спокойствія Запада, понизиться, умалиться и расслабнуть до пригодной мѣры? «Локализация»! Но что значилъ для нашей войны этотъ новѣйшій дипломатическій терминъ? Онъ значилъ: освобожденіе Турціи отъ заботъ относительно Сербіи, Босніи, Греціи, Эпира, Тессаліи, Египта и устремленіе всѣхъ ея силъ исключительно на Русскую армію и на Болгарію, т. е. на ту именно страну, которую мы пришли надѣлать свободою и благоденствіемъ... Въ ре-

зультатъ — Плевна, десятки тысячъ лишнѣхъ убитыхъ и раненыхъ, выжженная, вырѣзанная Болгарія, перспектива зимней кампаніи и можетъ-быть даже европейской войны!

Но и этого было мало. Не въ этомъ пуще зло, а въ попыткѣ исказить истинный смыслъ, ослабить самый внутренній нервъ войны. Съ нами борется врагъ, не только крѣпкій единствомъ религіознаго сознанія, какъ уже было указано и другими, но въ которомъ это религіозное сознаніе есть въ то же время сознаніе политическое и историческое. *Религіозное призваніе* Ислама, народовъ его исповѣдующихъ и преимущественно Турецкаго племени, состоитъ въ *политическомъ господствѣ* надъ народами невѣрными, т. е. немусульманами. Исторія, повидимому, оправдала такое ихъ притязаніе и приучила Турокъ къ господству: ихъ историческая память хранить лишь преданія власти. Кромѣ того, настоящею войною поставленъ для нихъ роковой, грозный вопросъ: *быть* или *не быть*? Турція бьется на жизнь и смерть, бьется за владычество Ислама и своего племени, потому что безъ владычества немислимо самое ихъ существованіе. Вотъ что написано на турецкомъ знамени, которое, въ судорогахъ отчаянія, потрясаетъ надъ собою распаленный, разнузданный фанатизмъ. Что же пытались мы противопоставить этому знамени? Въ нашемъ народномъ сознаніи это *тоже* война за вѣру и за братьевъ, за православіе и православныхъ единоплеменниковъ. Знамени врага мы должны, мы призваны противопоставить знамя съ высшимъ символомъ нашей святой вѣры: крестъ и священный завѣтъ «симвъ побѣдиши»!... Но не заботились ли у насъ, прежде всего, о томъ, чтобъ, въ интересахъ гуманности и цивилизаціи, эта война была *не племенною* и *не религіозною*? Да какой же смыслъ въ этой войнѣ, если она не племенная и не религіозная?! Нашимъ консерваторамъ, въ ихъ недовѣріи и отвращеніи къ проявленіямъ русскаго народнаго духа, претили и претать самыя слова: «православіе» и «славянство»: они для нихъ звучатъ какъ революціонные кличи. А въ нихъ-то, въ этихъ словахъ, самая основа той силы, которая рѣшаетъ побѣду! Въ такой рискованной ставкѣ какъ война, опасны всякія недоразумѣнія. Побѣду можетъ намъ дать только то знамя, которое мыслить и часть видѣть предъ

русскимъ воинствомъ Русскій народъ, и только тогда, когда оно будетъ поднято мужественно, твердо, вполне сознательно, а не прикрыто безцвѣтнымъ флагомъ обще-европейскаго интереса!

Вотъ, вотъ гдѣ кроется главная причина и объясненіе понесенныхъ нами до сихъ поръ неудачъ! Виною всему отчужденіе отъ народности. Отрѣшаясь духомъ отъ духа своей страны, человѣкъ самъ себя обезличиваетъ, обезсиливаетъ, опоражняетъ духовно и по необходимости живетъ *чужимъ* — *готовымъ*, заемнымъ умомъ, чуть не чужою душою. Прибавьте къ тому и привычку: думать и говорить на чужомъ языкѣ, постоянно прибѣгать къ чужому готовому орудію обмѣна мыслей. Все это заемное добро, не пуская корней въ почву себѣ инородной, претворяется въ головѣ и сердцѣ въ бесплодный хламъ, въ бессознательную ложь, въ *пошлость общаго мѣста*. Выбросивъ изъ себя всякій «національный скарбъ», т. е. тяжкій грузъ историческихъ завѣтовъ и преданій, духовныхъ и умственныхъ связей съ роднымъ народомъ, вы, какъ судно безъ балласта, влаетесь по всякому вѣтру, вы — въ точномъ смыслѣ слова — *легкіе* люди! Да, вы не серьезные люди. Легкомысліе, верхоглядство, невѣжество и неразумѣніе самыхъ кровныхъ потребностей и интересовъ страны, неспособность и неумѣлость — вотъ роковой вашъ удѣлъ, вотъ что по необходимости вносите вы во всѣ многообразныя и разнообразныя русскія сферы вашей дѣятельности...

И при всемъ томъ, вы не лишены и даже преисполнены «патріотизма» и рыцарской чести, и безтрепетно идете въ бой, и доблестно встрѣчаете смерть на поляхъ брани! Но въ томъ-то и дѣло, что понятія ваши узки, что патріотизмъ вашъ чисто внѣшній, такъ сказать политическій, безразличный и безсодержательный. Вамъ нѣтъ дѣла до духовныхъ стихій народной жизни, до внутренняго существа русской народности. Готовые сложить свои головы въ борьбѣ съ Европой за внѣшнее достоинство и независимость государства, вы въ то же самое время рабствуете духомъ предъ его цивилизаціей и нравственнымъ авторитетомъ, и хуже врага, бессознательно попираете и предаете то, что всего дороже народу... Вотъ, въ эту самую, можетъ быть, минуту многіе изъ васъ мужественно и свято умираютъ гдѣ-нибудь подъ

Плевной и своею русскою кровью возвращают сѣмена новаго Славянскаго православнаго міра, — того самаго міра, о которомъ вы не хотѣли ни знать, ни слышать при жизни!... Какими недоразумѣніями, какими колоссальными роковыми недоразумѣніями полнится наша земля! О вы, неумѣющіе жить и умѣющіе умирать русскими людьми, очетесь ли, опомнитесь ли вы когда-нибудь? Грѣхъ вашъ — злой, пагубный для Россіи — грѣхъ *невѣднія*, и даже не вашъ личный, а принадлежащій цѣлой вашей средѣ, и даже унаслѣдованный отъ вашихъ отцовъ и дѣдовъ... Ужели не вразумителенъ вамъ языкъ событій? Ужели не подѣ силу вамъ совлечь съ себя это позорное грѣховное иго?

Но довольно. Всѣ мы, каждый въ своемъ родѣ и своею долею, повинны и отвѣтственны въ общемъ положеніи дѣлъ. Оставимъ же взаимныя пререканія и, неся тяготы другъ друга, примемъ на себя сообща и грѣхъ и казнь, и покаяніе и обновленіе.

Время настало строгое. Но въ мѣру ли важности переживаемыхъ мгновеній настроено духомъ наше русское общество? Пусть каждый допроситъ свою совѣсть, — и совѣсть не успокоитъ его. Прочь всѣ эти поминки прошлаго, гнилыя сѣтованія и укоры! Все стало намъ теперь ясно и непреложно съ нашими кровавыми, обидными неудачами. *Новая* пора встала, — и какъ день пристыжаетъ малодушіе ноци и гонитъ прочь все смутное и невѣрное, такъ и свѣтъ, твердый свѣтъ, заблиставшій намъ съ горъ Арменіи и холмовъ Плевны, обличилъ намъ всю шатость нашихъ надеждъ и расчетовъ, наши ошибки, вины, недомысліе, и все, что тамъ нагнѣзилось во тьмѣ... Воспользуемся же урокомъ: онъ купленъ дорогою цѣною крови, — пусть же не напрасны будутъ эти десятки тысячъ геройскихъ смертей! Не унывать теперь, — теперь-то и *можно* быть бодрымъ: ни колебанія, ни выбора уже нѣтъ, въ виду одно! *побѣдить!* Нѣтъ отступленія для Россіи, хотя бы вся Европа воздвиглась стѣной на пути. Намъ въ томъ порукою Царь, носитель и оберегатель народной чести. Отступленіе значитъ отступничество, предательство страдальцевъ-единоплеменниковъ, измѣна историческому завѣту, начало политической смерти. Къ побѣдѣ же, полной, всеразрѣшающей побѣдѣ, направимъ всѣ силы

нашего духа,—въ опору Царю, въ подкрѣпленіе нашимъ неутомимымъ бойцамъ. Станемъ на высотѣ нашей великой исторической задачи; почтимъ врага, противопоставимъ дикому отчаянію фанатизма—ясность сознанія, свѣтлое воодушевленіе вѣры, несокрушимую твердыню убѣжденной воли. Къ тяготамъ нашимъ прибавимъ новыя тяготы, къ жертвамъ приложимъ новыя жертвы, утысячимъ напряженіе, а пуще всего не станемъ рознить, воссоединимся духомъ съ нашимъ роднымъ народомъ.—О, не оставляйте его въ невѣдѣніи, не допускайте корениться недоумѣніямъ, очистите воздухъ, дайте ему вздохнуть нестѣсненной грудью! Незыблемъ онъ въ своемъ упованіи на Царя, на Царскую бдительность и не менѣе на Царское правосудіе, но жаждетъ слова, властнаго слова, которое бы повѣдало ему правду — честную, мужественную, неукоснительную... Всякая правда ему по росту. Не отступится онъ отъ долга русской чести и совѣсти, отъ вѣковаго завѣта, нашъ великій подвигоположникъ-народъ. Многими, тяжкими, разнообразными испытаніями обставленъ его историческій путь, но съ помощью Бога, Котораго онъ непостыдно исповѣдуетъ, предъ лицомъ вселенной, онъ перемоgetъ ихъ и перебыль,—перебудетъ и переможетъ!...

8. Рѣчь произнесенная предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ публичномъ засѣданіи 5-го марта 1878 года.

*Мм. гг.! Дѣятельность нашего Славянскаго Общества, даже благотворительная, такъ тѣсно связана съ современными политическими событіями за Дунаемъ, что мы невольно медлили назначеніемъ дня нашего годичнаго общаго собранія: такъ уже виденъ былъ край кровопролитной борьбы, такъ уже близко надвигалось рѣшеніе. 19 января стихла война, затѣмъ мѣсяць томительнаго ожиданія, и наконецъ 19 февраля, день освобожденія миллионovъ русскихъ крестьянъ, день возродившій насъ всѣхъ нравственно и духовно, подписанъ миръ, дарующій свободу и человѣческія права

милліонамъ человѣковъ, — нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови, — возраждающій къ новой жизни цѣлыя племена и страны.

Конечно, Восточный вопросъ еще не порѣшенъ, Царьградъ не очищенъ отъ азіатской скверны и задача Россіи совершена еще не вполне; тѣмъ не менѣе сбылось то, что самой смѣлой фантазіи представлялось едвали сбыточнымъ еще два года тому назадъ. Этого не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ результатовъ войны. Что бы ни таилось въ будущемъ, никто и ничто никогда не отниметъ у насъ самаго существеннаго достоянія нашихъ побѣдъ, и какъ рѣки не потекутъ вспять, такъ не измѣнится и исполинскій, безвозвратно совершившійся фактъ: Оттоманское владычество въ Европѣ сокрушено на вѣки, хотя бы Турція еще и продолжала существовать; призванъ изъ небытія къ бытію крупный политическій Славянскій организмъ — Болгарія.

Было бы чему радоваться, было бы чѣмъ утѣшиться, еслибы политическій небосклонъ не былъ покрытъ такими темными тучами. Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что Россія заставитъ уважить и исполнить условія договора, но низведутъ ли они миръ, столь желанный, столь нужный, на злополучныя населенія Балканскаго полуострова — въ этомъ трудно не усомниться. Трудно было бы предаваться радости мира въ виду не только нерѣшенной судьбы и Герцеговины и Босніи, и земель Старой Сербіи, и Македоніи, и Греческихъ христіанскихъ провинцій, но и кровавой брани съ Турками, уже снова охватившей эти несчастныя страны.

Трудно не смущаться, соображая, какъ мало удовлетворены тѣ самыя, которые первые подняли знамя борьбы, именно Герцеговинцы и Босняки, и Сербское Княжество, которое двукратно вело войну и въ 1876 году одно выдержало на себѣ весь напоръ Оттоманскихъ полчищъ. Конечно, не Россія, а лишь одна Австрія тому виною, но въ этомъ только новый поводъ къ смущенію. Конечно, не воинственныя угрозы Австріи и Англіи устрашаютъ Россію, — но не можетъ же она оставаться равнодушною къ распалившейся зависти, кующей интриги и козни противъ славянской свободы и права, къ явнымъ покушеніямъ на захватъ или дѣлежъ Турецкихъ европейскихъ владѣній и на овладѣніе Дарданельскимъ проливомъ.

Дипломатія сочиняетъ конгрессъ, а такъ какъ мы не понесемъ на цензуру нашихъ условій мира, то исходъ лелѣяннаго дипломатами измышленія еще неизвѣстенъ, но не особенно предвѣщаетъ пору благоденствія. Несомнѣнно одно, что еслибъ Австрія отъ угрозъ Россіи перешла къ дѣлу, она бы подняла новый, Австрійскій, Западнославянскій вопросъ. И такъ какъ и на Балканскомъ полуостровѣ не водворена тишина. и даже относительно границъ самой Болгаріи можно опасаться замысловъ европейскихъ, то въ этой неизвѣстости. въ этомъ тяжеломъ недоумѣніи, — которое однакожь долго продолжаться не можетъ, а между тѣмъ во многомъ парализуетъ дѣятельность нашего Общества, — я предпочитаю. мм. гг., воздержаться на сей разъ отъ начертанія программы нашихъ будущихъ дѣйствій и созвать васъ снова, когда политическій горизонтъ хоть нѣсколько прояснится. Тѣмъ болѣе, что и изъ Болгаріи мы еще не получили, но вскорѣ ожидаемъ полученія свѣдѣній подробныхъ и обстоятельныхъ, способныхъ точнѣе опредѣлить характеръ предстоящей намъ дѣятельности. Теперь же я перейду къ печальному событію. имѣющему особую важность для нашего Общества, да и для всѣхъ, кому дороги судьбы Россіи и Славянскаго міра.

Путемъ смертей и страданій призваны мы были совершить святое дѣло воскрешенія нашихъ братьевъ. Болгарская почва упитана русскою кровью. На русскихъ костяхъ стала Болгарія. И еще недавно, уже по прекращеніи брани, послѣдній торжественный актъ ея освобожденія и признанія ея самостоятельнаго бытія ознаменовался великою русскою жертвой. Во главу угла ея, вновь созижденнаго, гражданскаго строя легъ самъ строитель, легъ человѣкъ, отмѣченный высшими дарованіями. Учредитель и организаторъ этой новой, сотворенной Россіею Болгаріи сраженъ внезапно нервнымъ ударомъ въ селеніи Санъ-Стефано, въ виду Царьграда и Св. Софіи, 19 февраля, въ самый день подписанія мирнаго договора, — въ тотъ мигъ, когда, послѣ долгихъ, тяжелыхъ трудовъ, онъ по праву могъ бы сказать себѣ: «теченіе скончалъ, подвигъ совершилъ»... Смерть Черкаскаго не просто утрата умнаго, полезнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля: убыло знаменитымъ умомъ, убыло цѣлой крупною общественной силой, и замѣститъ ее нечѣмъ...

Странное, замѣчательное, совершенно оригинальное явленіе представлялъ собою въ Россіи князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій, именно этимъ сочетаніемъ въ себѣ дѣятеля общественнаго и государственнаго. Онъ былъ безспорно человѣкомъ государственнымъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ величайшихъ государственныхъ дѣяніяхъ нынѣшняго царствованія, — но онъ никогда не принадлежалъ къ сонму ни царедворцевъ, ни сановниковъ, не считался у нихъ своимъ и не проходилъ обычныхъ ступеней нашей служебной іерархической лѣстницы. Онъ всегда — вольно и невольно — сохранялъ за собою характеръ какъ бы представителя или *делегата* отъ общества на государственномъ дѣлѣ, хотябы онъ былъ и главнымъ его руководителемъ. Его имя служило уже знаменемъ, возвѣщавшимъ всякій разъ особую важность порученной ему работы, ея особое значеніе не только для государственныхъ, но и для общественныхъ, для *національныхъ* интересовъ. Таковы факты представляемые его жизнью, которыхъ не можетъ отрицать никакое недоброжелательство, хотя бы и пыталось извратить ихъ дѣйствительный смыслъ. Это былъ умъ сильный, обширный, дѣятельный, просвѣщенный многосторонними познаніями, чрезвычайно ясный и обладавшій необыкновенною творческою способностью: низводить абстракты на реальную почву, запутаннѣйшія, отвлеченныя теоріи приводить къ конкретной практической формулѣ и многотруднымъ задачамъ отыскивать самое простое рѣшеніе. Онъ былъ чуждъ всякаго доктринерства, въ смыслѣ подобострастія доктринѣ и насильственнаго подчиненія ей жизни; никогда не рабствовалъ отвлеченной логикѣ, напротивъ всегда считался съ жизнью, съ бытомъ. Онъ цѣнилъ и уважалъ Русскую исторію и органическія стихіи народа, — умѣлъ въ своихъ работахъ примѣняться къ современной дѣйствительности и вступать съ нею въ плодотворное соглашеніе. Онъ не былъ ни идеалистомъ, ни теоретикомъ, но признавалъ значеніе и идеализма и теоретической дѣятельности, и замѣчательно, что люди, съ которыми онъ былъ наиболѣе близокъ, большею частію были именно люди теорій и идеаловъ, нисколько не практики. Изъ идеаловъ онъ держался наиболѣе доступныхъ осуществленію и любилъ теорію лишь какъ освѣщеніе данныхъ жизни, какъ разумъ фактовъ.

Но что онъ любилъ пуще всего и самоотверженно, это честь и достоинство Россіи, и, безусловно вѣруя въ Русскій народъ, въ его великую всемірно-историческую будущность, трудился неутомимо, не щадя силъ, — какъ уже выразился князь Александръ Васильчиковъ въ своей прекрасной статьѣ, — надъ *основаніями*, а не надъ вѣнцомъ зданія.

Значеніе князя Черкаскаго въ дѣлѣ Славянскаго возрожденія не только даетъ мнѣ право, но и налагаетъ обязанность задержать нѣсколько долѣе ваше вниманіе на этомъ недавно отшедшемъ и возстановить, насколько мнѣ это возможно, его истинный нравственный образъ. Говорю «возстановить», потому что, къ сожалѣнію, этотъ образъ большею частью совершенно искаженъ въ сознаніи русской публики, и если всѣ сходились въ признаніи за нимъ блистательныхъ дарованій, то наоборотъ, нравственная сторона его дѣятельности подвергалась самой разнообразной, хотя, большею же частію, отрицательной оцѣнкѣ. Князь Васильчиковъ уже коснулся этого явленія и указалъ, что служило къ нему поводомъ, изъ кого, главнымъ образомъ, состоялъ хоръ ожесточенныхъ хулителей. Нѣтъ сомнѣнія, русскіе крѣпостники, реакціонеры, скрывающіеся теперь подъ псевдонимомъ «консерваторовъ», польскіе паны и ксендзы, которыхъ интересы имущественные и политическіе такъ много пострадали отъ реформъ, совершенныхъ при дѣятельномъ участіи Черкаскаго, пылали къ нему непримиримою ненавистью и, не жалѣя клеветъ, старались, — и успѣли, — настроить враждебно къ нему людское мнѣніе. Было бы однакоже ошибкою утверждать, что только они, и они одни, относились къ Черкасскому съ неприязнью. Вина лежала отчасти и на самомъ князѣ. Всегда радушный хозяинъ, любезный и привѣтливый съ друзьями и сочувственными ему лицами, Черкасскій по большей части стоялъ къ людямъ только одною стороною: стороною мысли, ума, расчета. Онъ слишкомъ презрительно относился къ людскимъ толкамъ и пересудамъ, не заботился о мнѣніи лицъ имъ невысоко цѣнимыхъ, и никогда не пытался разсѣять недоразумѣнія, вызванныя его рѣчами и внѣшнимъ обращеніемъ. Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабые, подслѣповатыя глаза, такъ и его острый умъ кололъ, рѣзалъ, — особенно же глаза людей съ туманною мыслью,

ублажающихся самообольщеніемъ. Онъ любилъ, къ сожалѣнію слишкомъ любилъ, издѣваться надъ добродушною глуповатостью,—и уже безъ малѣйшей пощады клеймилъ высокомѣрную, злую глупость. Онъ владѣлъ удивительнымъ умѣньемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста, и въ грудѣ фразъ о безкорыстіи и гуманности обличать присутствіе тайнаго своекорыстнаго мотива. Всякое излишество чувствительности, все въ чемъ было очень ужъ мало ума, хотя бы и много сердца, мало толка, а только прекрасныя тщетныя пожеланія,—что было больше по части праздныхъ чувствъ, чѣмъ настоящаго дѣла, встрѣчало въ немъ ироническую улыбку,—которая, разумѣется, рѣдко ему прощалась. Дѣйствительно, онъ не всегда достаточно бережно отрезвлялъ юную идеалистическую восторженность, и этого, понятно, не могла любить пылкая молодежь. Таковы были особенности, скажу прямо, недостатки его натуры, связанные органически съ положительными свойствами его ума и дарованій. Онъ говорилъ въ свое оправданіе, что никто по крайней мѣрѣ не можетъ обвинить его въ притворствѣ. И точно онъ никогда не притворялся; но онъ не только никогда не щеголялъ, а даже какъ бы боялся покрасоваться своими добрыми нравственными качествами, и, предпочитая казаться хуже чѣмъ лучше,—вполнѣ въ этомъ успѣлъ. Я позволю себѣ коснуться одной интимной его черты. Этотъ «безсердечный» человѣкъ (какъ его называли) былъ самымъ заботливымъ и великодушнымъ изъ родственникововъ. Я не знавалъ сына нѣжнѣе и почительнѣе къ матери (скончавшейся только за два мѣсяца до него), но если бы кто-либо изъ самыхъ приближенныхъ друзей отважился похвалить ему такое его качество, онъ, вѣроятно, вызвалъ бы отъ Черкаскаго какой-нибудь не совсѣмъ пріятный отвѣтъ. Въ его добрыхъ личныхъ дѣлахъ—не было никакой той елейности, которая нерѣдко цѣнится людьми выше чѣмъ самое добро.

Но всѣ эти недостатки, сами по себѣ еще несущественные, могли подать поводъ только къ недоумѣніямъ. Гораздо серьезнѣе общія, ходячія, сложившіяся въ обществѣ обвиненія. Его постоянно клеймили и еще не перестаютъ клеймить прозваніемъ честолюбца, властолюбца, человѣка безъ

убъжденій, руководившагося лишь эгоистическимъ личнымъ расчетомъ.

Хотя и справедливо, что историческихъ дѣятелей, какимъ былъ князь Черкасскій, судить исторія; хотя, можетъ быть, и приличнѣе было бы, въ виду еще не опущеннаго въ могилу гроба, воздержаться теперь отъ всякой строгой оцѣнки, однако же эти соображенія не настолькоъ вѣски, чтобы давать безвозбранно укореняться ложнымъ навѣтамъ и оставлять въ заблужденіи современниковъ, въ чаяніи отдаленнаго суда потомковъ. Тѣмъ болѣе, что смерть имѣетъ особенное свойство: разомъ подводя итогъ земному дѣланію, облегчать его уразумѣніе и всему отводитъ свое мѣсто. На ходу жизни, въ ея буйствѣ, ея ежедневныхъ случайныхъ проявленіяхъ, изъ-за чужихъ и собственныхъ толковъ, трудно познается основная, внутренняя правда человѣка, ускользящая, большею частью, даже отъ его собственнаго сознанія. Особенно же мало поддаются анализу такіе сложные организмы, какъ у Черкаскаго, исполненные такихъ, повидимому, противорѣчивыхъ влеченій: анализъ дробится и не даетъ цѣльнаго вывода. Только со смертью раскрывается въ своемъ истинномъ смыслѣ жизненный подвигъ и тотъ нравственный центръ тяжести, которымъ самъ собою, хотя бы и безсознательно, опредѣлялся и уравнивался человѣкъ.

Я не стану пускаться въ полемику съ обвинителями; пусть говорятъ за меня факты его жизни, въ ихъ совокупности, которымъ я и представляю бѣглый обзоръ.

Прилежный и даровитый студентъ юридическаго факультета Московскаго университета, князь Черкасскій съ особенною любовью занимается исторіей Русскаго права и еще въ 1842 г. пишетъ на золотую кандидатскую медаль изслѣдованіе о цѣловальникахъ, т. е. о древнемъ русскомъ прообразѣ суда присяжныхъ. Затѣмъ, кандидатомъ, онъ продолжаетъ свои ученые занятія и изготавляетъ, для полученія степени магистра, диссертацию объ «Юрьевѣ днѣ», т. е. о свободѣ перехода и о закрѣпощеніи крестьянъ въ древней Руси. Вотъ къ чему, къ какимъ *основамъ* Русской государственной и общественной жизни, устремилась, съ самаго начала своего самостоятельнаго поприща, мысль молодаго Черкаскаго, — и это тѣмъ замѣчательнѣе, что умы современной

ему молодой среды увлекались, большею частью, либерализмом совсѣмъ иного, превыспренняго, неприложимаго къ Россіи и потому празднаго свойства. Въ первую пору по выходѣ изъ университета, онъ предполагалъ посвятить себя ученому попришу и искать кафедры исторіи Русскаго права, но отказался однако же отъ этого намѣренія по совѣтамъ одного опытнаго и уважаемаго имъ лица, старавшагося направить его къ государственной службѣ. И дѣйствительно, съ своими связями и положеніемъ въ свѣтѣ Черкасскій, по общимъ понятіямъ, могъ легко составить себѣ «блистательную карьеру»: для молодаго «честолюбца», казалось бы, нельзя было и желать лучшей обстановки, и онъ бы безъ труда дошелъ до высшихъ іерархическихъ степеней. Но должно-быть не такова была натура этого человѣка, чтобы онъ, изъ честолюбія, согласился пожертвовать своею независимостью и пойти избитою, рутинною дорогою. Должно-быть, уже и тогда, честолюбіе въ немъ было нѣскольکو иного разряда: честолюбіе силы себя сознающей и ищущей развернуться во всю свою ширь, *владѣть* дѣломъ, избираемымъ его мыслью, — воплотить свои государственные идеалы. Трудно было даже и въ самые молодые годы Черкаскаго вообразить себѣ его въ роли какого-нибудь чиновника особыхъ порученій, дѣйствующаго по чужимъ, начальническимъ указаніямъ. Черкасскій не пошелъ на службу, — нельзя было считать службою принятое имъ на себя званіе почетнаго смотрителя уѣздныхъ училищъ, — и жилъ большею частью въ Тульской деревнѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и изучая положеніе крестьянъ. Въ 1847 году онъ устраиваетъ въ Тулѣ кружокъ изъ нѣсколькихъ образованныхъ помѣщиковъ для разработки проекта объ уничтоженіи крѣпостнаго рабства, — кружокъ, который однакоже, послѣ Февральской революціи 1848 г., былъ по распоряженію правительства закрытъ.

Различныя партіи тянули его къ себѣ: и аристократическая, которая думала найти себѣ въ немъ могучее орудіе для своихъ олигархическихъ химеръ, и такъ-называемые западники, которые видѣли въ немъ Европейца и упорно хотѣли считать его своимъ. Но ознакомившись со всѣми направленіями московской интеллигенціи, Черкасскій, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, сталъ постепенно сближаться съ

людьми такъ-называемаго славянофильскаго круга, хотя сближеніе съ ними не представляло въ то время никакихъ выгодныхъ расчетовъ ни въ какомъ отношеніи, а способно было только компрометтировать и во мнѣніи властей, и еще болѣе во мнѣніи общества: славянофилы въ тѣ годы не только не пользовались популярностью, но были предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ, клеветъ и ожесточеннаго поруганія въ литературѣ. Чтò же влекло его къ этимъ людямъ, съ которыми Черкасскій въ ту пору расходился по многимъ существеннымъ основамъ славянофильства? Вѣроятно, прежде всего, таланты нѣкоторыхъ изъ нихъ,—общая съ ними любовь къ Россіи, преданность ея національнымъ интересамъ, уваженіе къ Русскому народу и къ его исторической стихіи, потому-что для Черкасскаго народъ никогда не былъ *tabula gasa*, какъ для тогдашнихъ раболѣпныхъ поклонниковъ западной цивилизаціи.—Влекло—можетъ быть—также и невольное сочувствіе съ нравственными качествами лучшихъ представителей этого круга. Какъ бы то ни было, но онъ дорожилъ отношеніями съ ними. Во 2 томѣ «Московскаго Сборника» на 1853 годъ должна была появиться его статья объ Юрьевѣ днѣ, но этотъ томъ въ рукописи весь, со всѣми статьями, не былъ допущенъ къ печати, — «не по тому чтò было въ немъ сказано, а по тому, чтò умолчано»—объяснилъ издателю покойный начальникъ Штаба III Отдѣленія, Л. В. Дуппельтъ. вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые участники сборника, въ томъ числѣ и князь Черкасскій, подверглись ограниченію въ правахъ печатанія и полицейскому надзору: все это было снято съ нихъ лишь по восшествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя.

Но и затѣмъ Черкасскій не пользуется никакимъ случаемъ для составленія себѣ служебной карьеры. Въ 1857 г., въ извѣстномъ Славянофильскомъ изданіи «Русская Бесѣда» онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ статей, преимущественно по вопросамъ внѣшней политики, и этимъ первымъ своимъ печатнымъ дебютомъ сразу обратилъ на себя вниманіе какъ на первокласснаго публициста.

Наконецъ, въ концѣ 1857 года наступила пора, такъ давно чаемая Черкасскимъ, къ которой вся предшествовавшая его жизнь была только приготовленіемъ. Высочайше разрѣ-

шено было образовать въ губерніяхъ Комитеты для обсужденія способовъ къ освобожденію крестьянъ, или къ «улучшенію ихъ быта», какъ это тогда официально называлось. Черкасскій отдался любимой задачѣ вполнѣ, всѣми силами духа, и, стоя во главѣ меньшинства, громилъ большинство своими блистательными и, правду сказать, нѣсколько язвительными рѣчами. Борьба была его стихіей. Большинство не могло ему простить, ему—князю, аристократу по происхожденію, демократическую будто бы затѣю надѣленія крестьянъ землею: добро бы онъ былъ человѣкъ неимущій, добро бы искренній, простодушный идеологъ, увлекающійся фантазіями либерализма, гуманности и т. д...! Но такого права на ересь помѣщичье большинство въ Черкасскомъ не признавало и чувствовало въ немъ опасную себѣ силу. Раздраженіе дошло наконецъ до того, что на выборахъ въ Тульскомъ Дворянскомъ Собраніи два дня стояла буря: препирались объ исключеніи князя Черкаскаго, какъ недостойнаго, изъ числа Тульскихъ дворянъ. Съ проницскою улыбкою на устахъ выдержалъ онъ весь этотъ ураганъ, стихшій по неволѣ за неимѣніемъ законнаго повода къ исключенію. Но въ то самое время, когда партія крѣпостниковъ пыталась подвергнуть его такому острацизму, неистово бѣсновалась противъ Черкаскаго,—забавно, но и стыдно вспомнить,—либеральная, т. е. наша претендующая на либерализмъ журналистика, за то, что въ одной изъ своихъ по крестьянскому вопросу статей въ журналѣ А. И. Кошелева «Сельское Благоустройство», Черкасскій предполагалъ предоставить въ селеніяхъ старшинамъ право наказывать провинившихся крестьянъ, за неимѣніемъ другихъ мѣръ взысканія, нѣсколькими ударами розогъ. Не вѣдая никакихъ условій народной жизни, не принимая никакого участія въ тяжелыхъ трудахъ по крѣпостному вопросу, нисколько не соображаясь съ положеніемъ самихъ борцовъ за дѣло крестьянской свободы,—только вскарабкавшись на ходули «цивилизациі»,—наши арлекины либерализма и гуманности, вмѣстѣ съ ругательствами, присылали по почтѣ цѣлыя пучки розогъ въ редакцію «Сельскаго Благоустройства»! О томъ же, какъ рѣшался вопросъ о надѣлѣ крестьянъ, пустоголовымъ крикунамъ не было дѣла. Не удивляйтесь, что я упомянулъ объ этомъ ничтожномъ, повидимому мелочномъ

обстоятельствъ: еще недавно, послѣ 20-ти лѣтъ, въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ (и самыхъ значительныхъ) возобновленъ покойному дѣятелю освобожденія тотъ же шутовской упрек!

Приванный въ члены Редакціонныхъ Коммиссій для составленія Положенія о крестьянахъ, Черкасскій переѣхалъ въ Петербургъ и сдружился на общей работѣ съ Н. Милютинымъ и въ особенности съ Юріемъ Самаринымъ. Сближеніе съ послѣднимъ, по собственному сознанію Черкаскаго, оказало на него значительное нравственное вліяніе. — Дни и ночи самоотверженнаго, одушевленнаго труда, въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, постоянная, упорная борьба, шагъ за шагомъ, съ могущественными противниками, хулы, клеветы, ненависть, остервенѣлая брань, — все пережитое и испытанное этими тремя главными работниками величайшаго въ мірѣ благодѣянія, вѣчной славы нынѣшняго Государя, — все это теперь уже мало цѣнится или позабыто. Но таково значеніе для Россіи дѣла 19 февраля 1861 года, какъ бы оно ни было несовершенно въ частностяхъ, что имена упомянутыхъ дѣятелей должны бы произноситься не иначе какъ съ благоговѣйною признательностію.

Это была лучшая эпоха въ жизни Черкаскаго. По изданіи Положенія, и онъ и Самаринъ поспѣшили на новый подвигъ — практическаго примѣненія своей работы къ жизни: Самаринъ, въ качествѣ члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, въ Самару; Черкасскій, въ должности мирового посредника, въ родной Веневскій уѣздъ. Его разумныя дѣйствія были тотчасъ же оцѣнены какъ крестьянами, такъ и помѣщиками, и прежняя озлобленная вражда Тульскаго дворянства къ Черкасскому была вскорѣ оставлена.

Послѣ двухъ лѣтъ труда, открылось ему новое поприще. Начался польскій мятежъ. Испробованные способы укрощенія и умирненія не приводили къ цѣли. Сила штыковъ при слабой мысли оказывалась недостаточною. Государю угодно было признать необходимость новыхъ приемовъ и поручить дѣло Н. Милютину. Но Милютинъ не сталъ работать одинъ, а пригласилъ къ содѣйствію своихъ обоихъ сподвижниковъ крестьянскаго дѣла. Съ Высочайшаго соизволенія, но въ ка-

чествѣ частныхъ людей, Черкасскій и Самаринъ вмѣстѣ съ Милютинымъ, не безъ опасности для жизни, объѣхали Царство Польское, и плодомъ ихъ усиленныхъ трудовъ явилось Положеніе 19 февраля 1864 г., надѣлившее Польскихъ крестьянъ землею и освободившее ихъ отъ шляхетскаго матеріальнаго гнета. По выполненіи своей задачи, Самаринъ возвратился въ Россію, а Черкасскій, по совѣту Милютина, вступилъ въ первый разъ на службу, на должность главнаго директора Коммисіи Внутреннихъ Дѣлъ. Тутъ-то впервые обнаружилъ въ себѣ Черкасскій блистательныя способности администратора, въ высшемъ политическомъ значеніи этого слова; впервые почували польскіе мятежные паны и ксендзы присутствіе новой, не проявлявшейся дотолѣ силы, — силы мысли и сознательной воли. — русское знамя поручено было твердой и умной рукѣ! За то какой дружный походъ озлобленной ненависти воздвигло противъ себя это новое, невиданное пугало, этотъ русскій умъ, — и не только въ польской средѣ, но и въ Римѣ и въ Австріи, особенно когда Черкасскій завелъ живыя сношенія съ Галиціей и съ русскими униатами. Вообще въ Австріи особенно ненавидѣли Черкаскаго, и были правы: Русь Карпатская и Галицкая была его любимую, задушевною мечтою... Въ русской административной рутинѣ новая струя мысли и сознательнаго русскаго національнаго чувства, внесенная Черкасскимъ изъ общественной сферы, — Черкасскимъ прямо «изъ общественныхъ вольныхъ дѣятелей», изъ мировыхъ посредниковъ вскочившимъ почти въ министры, — также представлялась чѣмъ-то инороднымъ, — какою-то острою занозою, неспособною раствориться въ этой стихіи посредственности, бездарности и пошлости. Тѣ, которые могли считать себѣ Черкаскаго будущимъ соперникомъ и многочисленная дружина враговъ, нажитая себѣ Черкасскимъ за участіе въ Положеніи 19 февраля, и не менѣе многочисленная фаланга высокопоставленныхъ иностранцевъ съ русскими именами, непризнающихъ въ Россіи ни Русскаго народа, ни народности, ни исторіи, — все и всѣ, соединясь въ общій станъ, направили свои стрѣлы противъ Черкаскаго. Послѣднему было еще не трудно дѣйствовать — при поддержкѣ Н. А. Милютина въ Петербургѣ, но параличъ, сразившій этого доб-

лестнаго государственнаго мужа и замѣна его другимъ, заставили Черкаскаго выйти въ отставку. Онъ былъ убѣжденъ, можетъ-быть и ошибочно, что ему не будетъ дано прежняго простора для дѣятельности, что онъ не будетъ уже такимъ полнымъ хозяиномъ дѣла, какимъ былъ, а онъ могъ управлять дѣломъ только въ качествѣ старшаго, въ качествѣ хозяина почти самовластнаго... Нѣсколько болѣе гибкости, болѣе ловкости, болѣе терпѣнія и корыстнаго *расчета*, и Черкасскій остался бы на службѣ и достигъ бы, безъ сомнѣнія, высшихъ верховъ знати и почести... Какъ согласить такой неблагоприятный образъ дѣйствій Черкаскаго съ представленіемъ о честолюбцѣ, лишенномъ *всякихъ убѣжденій* и руководящемся только соображеніями личныхъ выгодъ?.. Какъ ни желать онъ себѣ высшаго административнаго поприща, гдѣ бы его силы могли найти себѣ полное развитіе и примѣненіе, какъ ни клонило его въ эту сторону—чести и власти, — былъ въ немъ, стало быть, какой-то нравственный центръ тяжести, который перевѣсилъ расчетъ — и поставилъ на своемъ.

Снова Черкасскій въ бездѣйствіи, но черезъ два года снова выступаетъ общественнымъ дѣвателемъ, уже въ званіи Московскаго Городскаго Головы. Здѣсь опять является такой эпизодъ его жизни, который совершенно противорѣчитъ понятію о Черкасскомъ, сложившемуся во всѣхъ умахъ, даже очень близкихъ къ нему людей. Никто не могъ себѣ объяснить, какъ человекъ расчета, чуждый всякихъ увлеченій, ловкій и т. д., могъ совершить ту ошибку, которая заставила его сложить съ себя званіе Головы и окончательно закрыла ему пути къ высшимъ постамъ администраціи. А между тѣмъ инициатива этой ошибки принадлежала всецѣло Черкасскому; онъ и самъ затруднялся истолковать поступокъ, который лично для него не могъ, очевидно, имѣть иныхъ послѣдствій кромѣ самыхъ вредныхъ. Такую неловкость, такую непослѣдовательность трудно однако же назвать безнравственной! Да и не была ли эта непослѣдовательность только мнимой? Вопреки ему самому, наперекоръ всѣмъ расчетамъ, не было ли въ этомъ поступкѣ чего-то такого, что согласовалось съ внутреннею нравственною стихіею души? Я разумѣю попытку заявить о настоятельной общественной потребности въ свободной искренности для слова и для вѣрующей совѣсти.

Тяжело было видѣть Черкаскаго осужденнымъ на жизнь частнаго человѣка, эти силы, эти способности, бездѣйствующими,—но еще томительнѣе было ему самому. Онъ старался разсѣяться путешествіемъ по Европѣ, гдѣ всѣ, отъ Бисмарка до Тьера, разомъ оцѣнили его по достоинству и только дивились Россіи, небрегущей такими талантами. Но путешествіе не могло удовлетворить жаждѣ дѣятельности этого атлета работы. Годы проходили, силы ржавѣли въ праздности, душу точило раздраженіе.

Прошло шесть лѣтъ. Раздалось знаменитое Царское слово 11-го октября 1876 года, какъ дальній раскатъ грома предвозвѣщавшій военную бурю. Черкасскій не счелъ для себя возможнымъ оставаться въ сторонѣ и предоставилъ себя въ распоряженіе высшей власти. Настало его новое и послѣднее земное служеніе. Кромѣ обязанностей Уполномоченнаго при Дѣйствующей арміи отъ Центрального Петербургскаго Управленія Общества Краснаго Креста, довѣріе Государя Императора возложило на него званіе Завѣдывающаго гражданскою частью во вновь занимаемомъ краѣ.

Если только представить себѣ исполинскій объемъ, обстановку, всѣ трудности порученной Черкасскому задачи, такъ можно лишь дивиться, какъ съумѣлъ одолѣть ее Черкасскій и дать ей удовлетворительное рѣшеніе. Предстояло вводить гражданскій строй въ страну, политически не существовавшую, которая даже не имѣла и признанныхъ географическихъ очертаній, которая была дотолѣ не болѣе какъ этнографическимъ терминомъ; въ страну почти незнаемую, о которой ни русская наука, ни Министерство иностранныхъ дѣлъ не заготовили никакихъ точныхъ свѣдѣній; въ страну постепенно отвоевываемую у непріятели, такъ что нельзя было даже заложить общаго фундамента сразу и вывести зданіе хоть вчернѣ, съ тѣмъ, чтобъ потомъ заняться его отдѣлкой и приспособить къ жилью, а приходилось, держа общій планъ, общую систему въ умѣ, строить кусками, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, и не имѣя цѣлаго, приводить въ жизнь и въ дѣйствіе отдѣльныя второстепенныя части; наконецъ въ страну, представлявшую менѣе удобствъ для рѣшенія подобной задачи, чѣмъ даже какая-нибудь Ферганская область. Въ послѣдней достаточно было смѣнить хана

и высших чиновъ и воспользоваться существующимъ гражданскимъ матеріаломъ; здѣсь же совершался цѣлый социальный переворотъ, перемѣщеніе слоевъ населенія. Весь верхній правящій слой — турецкій снимался или уничтожался; съ появленіемъ русскаго войска бѣжало все, отъ паши до послѣдняго каваса, рушился весь административный порядокъ, — надлежало вновь созидать все, сверху до низу, спѣшно, безъ малѣйшаго промедленія. Прибавьте къ этому, что этотъ гражданскій строй вводился на самомъ театрѣ войны, по пятамъ воюющихъ войскъ, дѣйствующихъ естественно въ сферѣ «военнаго положенія», которое въ то же время есть прямое отрицаніе гражданского. Рядомъ съ насиліемъ, хотя бы и организованнымъ, приходилось водворять организованную свободу, законность, порядокъ и въ то же время удовлетворять военнымъ потребностямъ трехсоттысячной арміи! Идутъ полки, гонятъ Турокъ, отнимаютъ городокъ, вслѣдъ за ними водворяется гражданское управленіе, — и новые полки, проходя, не имѣя уже права распоряжаться по военному положенію, настойчиво предъявляютъ свои неотлагательныя нужды къ управленію созданному лишь наканунѣ. Сколько поводовъ обвинять это управленіе въ недостаткѣ порядка и распорядительности! Прибавьте къ этому еще, что гражданскому организатору приходилось имѣть дѣло съ населеніемъ, хотя и родственнымъ, расположеннымъ къ намъ, по терроризованнымъ и насиліями Турокъ и нашими неудачами, — населеніемъ отъ пятисотлѣтняго рабства лишившимся всякой инициативы. Да и какое же могло быть добровольное содѣйствіе Болгаръ въ тѣхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, которыя переходили не разъ отъ Турокъ къ Русскимъ и отъ Русскихъ къ Туркамъ? Могли ли Болгары, особенно въ селахъ, приниматься охотно за самоуправленіе по приглашенію русскихъ властей и способствовать успѣху гражданской организаціи, имѣя передъ собою примѣръ Ени-Загры, Казанлыка, Елены? Вспомните наконецъ, что до самаго конца войны едва ли кому могло быть извѣстно, вся ли Болгарія или только небольшая часть ея будетъ освобождена, будетъ ли она независима или полузависима, и какую получить политическую форму.

А между тѣмъ русское правительство не могло поступить

иначе и ограничиться введеніемъ только военнаго управленія, потому что военное управленіе упраздняется съ отбытіемъ войскъ, и тогда Болгарія была бы ввергнута въ тотъ хаосъ, въ которомъ оставило ее паденіе турецкой администраціи. Эта безурядица могла бы подать Европѣ поводъ къ вмѣшательству и снова поднять вопросъ о реформахъ посредствомъ Европейской Коммиссіи; введеніемъ же гражданской организаціи Россія заявляла, что призываетъ Болгарію къ немедленному самостоятельному бытію. И что бы ни говорили, князь Черкасскій съ замѣчательнымъ искусствомъ рѣшилъ эту, повидимому, неразрѣшимую задачу. Введенное имъ гражданское управленіе не предопредѣляетъ и не исключаетъ никакой политической формы,—оно необходимая принадлежность всякаго благоустроеннаго гражданского организма. Для самоуправленія сельскаго, земскаго и городскаго онъ далъ широкій просторъ, воспользовавшись порядками уже существовавшими при Туркахъ, и примѣнивъ ихъ къ потребностямъ болгарской политической автономіи. Благодаря ему, Болгарія обладаетъ теперь орудіями, необходимыми для самостоятельнаго національнаго развитія и правильнаго безпрепятственнаго отправленія гражданской жизни.

И при какихъ условіяхъ совершилъ онъ этотъ высокій подвигъ? Онъ не имѣлъ возможности свободнаго выбора подчиненныхъ. Откуда было взять людей для наполненія должностныхъ мѣстъ, когда Болгарія могла выставить лишь самое небольшое число образованныхъ работниковъ, и почти никого, способнаго къ административному дѣлу? Одинъ, вдалекѣ отъ Россіи, безъ друзей и товарищей, среди тревогъ и лишеній походной жизни; въ суетѣ Главной Квартіры съ ея многочисленнымъ личнымъ составомъ,—среди пререканій всегда борющихся двухъ стихій, военной и гражданской, среди интригъ и сплетень, неразлучныхъ съ высшими сферами власти; неся отвѣтственность и передъ арміей за слабость гражданского управленія, чуть ли не за всякаго запуганнаго Болгарина,—и передъ Болгаріей и общественнымъ мнѣніемъ Россіи за каждый произволъ воинскаго начальника и за каждую излишнюю ревность гражданскихъ чиновниковъ при удовлетвореніи военныхъ нуждъ,—вотъ та обстановка, при которой приходилось ему работать, та атмосфера, кото-

рою онъ дышалъ. Въ то же время онъ исполнялъ другія, не менѣе тяжкія обязанности по званію Уполномоченнаго Краснаго Креста. И также конечно былъ осыпанъ градомъ разнообразнѣйшихъ нарекавій, какъ будто Красный Крестъ призванъ удовлетворять всѣмъ санитарнымъ нуждамъ арміи и восполнять собою недостаточность военно-медицинскаго управления. Я впрочемъ не намѣренъ касаться этой стороны его дѣятельности. Позволю себѣ замѣтить только одно: едва ли, не говорю уже о Бисмаркѣ или Питтѣ,—но Пальмерстонъ или даже графъ Андраши, которому сравненіе съ Черкасскимъ, конечно, можетъ быть только лестнымъ, пригодилось бы для званія Уполномоченнаго Краснаго Креста при Дѣйствующей арміи. Эта высокопочтенная, благая дѣятельность едва ли требуетъ, способностей государственныхъ, во всякомъ случаѣ требуетъ талантовъ совѣмъ иного калибра и иной категоріи. Замѣчу также, что князь Черкасскій не щадилъ жизни при уборкѣ раненныхъ подъ Плевной и, по свидѣтельству иностранныхъ корреспондентовъ, распоряжался дѣломъ подъ пулями съ поразительнымъ мужествомъ...

Не подъ силу было одному человѣку нести такія задачи, такую тяготу труда, заботъ и борьбы. Онъ изнемогалъ отъ истомы и раздраженія,—и раздраженіе плодило ему новыхъ враговъ. Въ то же время въ дорогомъ отечествѣ нашлись досужіе борзописцы, у которыхъ хватило духа пустить по Россіи ложные, дерзкіе пасквили, зная, что въ нашемъ обществѣ, при его дѣтской незрѣлости, всякому печатному слову еще готовы дать вѣру; зная также, что обвиняемый, по отдаленности и по своему официальному положенію, поставленъ въ невозможность опровергнуть клевету. Такія статьи, затрудняя задачи Россіи возбужденіемъ къ ней недовѣрія въ средѣ Болгаръ, такъ совпадаютъ съ цѣлями Англіи и Австріи въ настоящую пору, что можно было бы признать ихъ писанными по иностранному заказу, еслибъ только онѣ были дѣльными и умнѣе. Но увы! все это—доморощенные продукты той нашей интеллигенціи, преимущественно петербургской, которая своимъ лакействомъ предъ Европой, своимъ отчужденіемъ отъ русской народности обрекла себя на вѣчное недомысліе, вѣчное больное, худосочное дѣтство.

Перейдя пѣшкомъ Балканы и вступивъ вскорѣ потомъ,

вмѣстѣ съ торжествующими нашими войсками, въ Адриано-поль, князь Черкасскій, по его словамъ, былъ вознагражденъ этою минутою за всѣ 14 мѣсяцевъ трудовъ и скорбей. Его благоговѣнію предъ русскимъ солдатомъ не было мѣры. На него и на Русскій народъ возлагалъ Черкасскій неколебимую надежду за будущее Россіи. «Всю ее держить» — писалъ онъ изъ за-Дуная— «на своихъ могучихъ плечахъ этотъ простой, этотъ сиволапый мужикъ! Все одолѣеть, все вынести нашъ добрый, нашъ великій страстотерпецъ—русскій солдатъ!»

Я можетъ-быть слишкомъ увлекся и подробнѣе, чѣмъ предполагалъ, изложилъ вамъ главныя характеристическія данныя жизни князя Черкаскаго. Предлагаю вамъ самимъ сдѣлать логическую посылку и добыть выводъ, и затѣмъ свѣрить его съ обычными, банальными сужденіями объ этомъ великомъ гражданскомъ бойцѣ и доблестномъ подвижникѣ.

Въ знаменательномъ совпаденіи для смерти князя Черкаскаго со днемъ 19 февраля, днемъ освобожденія русскихъ крестьянъ и днемъ освобожденія Болгаріи, днемъ исполненія Россіею своего великаго историческаго призванія, видится что-то свыше правосудное. Этою смертію какъ бы запечатлѣна вѣчная, неразрывная связь имени князя Черкаскаго съ величайшими христіанскими дѣяніями не только русской, но и всемірной исторіи...

9. Рѣчь И. С. Аксакова, произнесенная 22-го іюня 1878 въ Московскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ.

Мм. гг.! Надгробнымъ словомъ начались наши послѣднія два собранія. Четыре мѣсяца тому назадъ, хоронили мы человѣка, знаменитаго дарованіями, самоотверженно послужившаго святому русскому дѣлу—дѣлу освобожденія и созиданія Славянскаго міра. Мы оплакивали преждевременную смерть гражданскаго устроителя вновь исхищенной изъ турецкихъ когтей Болгаріи, послѣдовавшую въ самый день подписанія Санъ-Стефанскаго договора, и прославляли имя, связавшее себя неразрывно съ однимъ изъ «величайшихъ христіанскихъ дѣяній современной исторіи»: въ самомъ дѣлѣ,

вся Болгарія призвана была къ новой жизни, не было уже болѣе ни одного христіанина — раба на всемъ пространствѣ Болгарскаго разселенія отъ Дуная до Марицы!

Не опять ли хоронить собрались мы сегодня, но уже не человекъ, а миллионы людей, цѣлыя страны, свободу Болгаръ, независимость Сербовъ? хоронить великое, святое дѣло, завѣты и преданія предковъ, наши собственные обѣты, — хоронить Русскую славу, Русскую честь, Русскую совѣсть?....

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Скажите вы всѣ, здѣсь собравшіеся: неужели все это не сонъ, не просто страшныя грѣзы, хотябы и наяву? Неужели и впрямь на каждомъ изъ насъ уже горитъ неизгладимое клеймо позора?.... Не мерещится ли намъ все то, чтó мы будто видимъ, слышимъ, читаемъ?

Или наоборотъ: *прошлое* было грезой? Галлюцинація, не болѣе какъ галлюцинація все то, чѣмъ мы утѣшались и славились еще менѣе полугода тому назадъ?! И плѣненные Турецкія арміи подъ Плевной, Шипкой и на Кавказѣ, и зимній переходъ русскихъ войскъ чрезъ Балканы, и геройскіе подвиги нашихъ солдатъ, потрясшіе міръ изумленіемъ, и торжественное шествіе ихъ до Царьграда, — эти необычныя побѣды, купленные десятками тысячъ Русскихъ жизней, эти несмѣтныя жертвы, принесенныя Русскимъ народомъ, эти порывы, это священнодѣйствіе народнаго духа, — все это сказки, мифъ, порожденіе распаленной фантазіи, можетъ-быть даже «измышленіе московскихъ фанатиковъ!» Не было ни побѣдъ, ни побѣдоносныхъ вождей, ни пролитой русской крови, ни избіенія Турками христіанъ, ни избавленія Русскими христіанъ..... Однако же полсотни тысячъ солдатъ — раненыхъ, больныхъ, изувѣченныхъ призрѣваются теперь на всемъ пространствѣ Россіи, — однако побѣдоносные вожди возвратились и всенародно, во свидѣтельство русскихъ побѣдъ, возведены въ санъ фельдмаршаловъ.... Это уже кажется не мечта, а дѣйствительность. Однако еще недавно въ самомъ Петербургѣ, съ флагами, пѣніемъ народнаго гимна на улицахъ, съ торжественнымъ молебномъ и пальбою изъ Петропавловской крѣпости, праздновалось официальное обнародованіе Санъ-Стефанскаго договора, скрѣпленнаго подписью нашего кабинета — и нынѣ разрывается въ клочки....

Но если все это *было*, возможно ли же быть тому, чтó

есть, что творится теперь тамъ, на конгрессѣ, что служить прямымъ отрицаніемъ, противорѣчіемъ, наругательствомъ всему бывшему? Ужели хоть долю правды должны мы признать во всѣхъ этихъ корреспонденціяхъ и телеграммахъ, которыя ежедневно, ежечасно, на всѣхъ языкахъ, во всѣ концы свѣта разносятъ теперь изъ Берлина позорныя вѣсти о нашихъ уступкахъ и, передаваясь въ вѣдѣніе всего народа, ни разу не опровергнутыя русскою властью, то жгутъ его стыдомъ и жалать совѣсть, то даютъ недоумѣніемъ? Какую же картину рисуютъ передъ нимъ всѣ эти публичныя сказанія? Ты ли это, Русь-побѣдительница, сама добровольно разжаловавшая себя въ побѣжденную? Ты ли на скамьѣ подсудимыхъ какъ преступница, каешься въ святыхъ, подъятыхъ тобою трудахъ, молишь простить тебѣ твои побѣды?... Едва сдерживая веселый смѣхъ, съ презрительной ироніей, похваливая твою политическую мудрость, Западные державы, съ Германіей впереди, нагло срываютъ съ тебя побѣдный вѣнецъ, преподносятъ тебѣ взамѣнъ шутовскую съ гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не съ выраженіемъ чувствительнѣйшей признательности, подклоняешь подъ нее свою многострадальную голову!...

Ложь! Если въ такомъ чудовищномъ образѣ и представляется Россія изъ Берлинскихъ писемъ и телеграммъ, то самая чудовищность служить лучшей порукой, что этому не бывать. Не то, чтобы мы сомнѣвались въ справедливости сообщеній о замыслахъ и притязаніяхъ Англии съ Австріей, руководимыхъ пресловутою маклерскою честностью Германскаго канцлера. Нисколько. Кривдѣ и наглости Запада, по отношенію къ Россіи и вообще къ Европѣ Восточной, нѣтъ ни предѣла, ни мѣры. этой исторической аксіомы, какъ и никакихъ уроковъ исторіи, не вѣдаютъ только русскіе дипломаты да петербургскія руководящія сферы.... Болѣе чѣмъ вѣроятными, увы! признаемъ мы также и сообщенія о дѣйствіяхъ нашихъ представителей на конгрессѣ: на вѣки не забыть намъ услугъ, оказанныхъ русскою дипломатіею Россіи въ эти послѣдніе два года. Но какихъ бы щедрыхъ уступокъ, во вредъ Россіи и къ выгодѣ нашихъ враговъ, ни навтворили русскіе дипломаты,—развѣ Россія, въ лицѣ своего Верховнаго Представителя, сказала свое послѣднее слово?

Не вѣримъ, чтобъ всѣ эти щедроты на счетъ русской крови и чести были одобрены Высшею властью; не вѣримъ и не повѣримъ, пока не появится о томъ официальное правительственное извѣщеніе. Но даже и предположить подобное извѣщеніе было бы преступленіемъ противъ достоинства власти!....

И въ самомъ дѣлѣ, мыслимо ли, чтобъ весь этотъ колоссальный абсурдъ, эта ошеломляющая нелѣпость рѣшеній конгресса, это сплошное наругательство надъ Россіей могло когда-либо стать совершившимся фактомъ?

Посудите сами:

Изъ-за чего возгорѣлась война, изъ-за какого ближайшаго повода? Изъ-за турецкой повальной рѣзни, совершенной надъ населеніемъ Южной Болгаріи. Какая главная возвѣщенная задача войны? Вырвать Болгарское племя изъ-подъ турецкаго ига. Никогда никакая война не возбудила такого всеобщаго на Руси сочувствія и одушевленія, не вызвала столько жертвоприношеній любви, не заслужила въ такой полной мѣрѣ названія «народной», какъ именно эта война, благодаря именно этой священной задачѣ. По переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, Императорская прокламація объявляетъ Болгарь свободными. Немедленно, по Высочайшей волѣ, полагается начало правильной гражданской организаціи края, и всюду, по мѣрѣ его занятія, вводится нами не временное военно-полицейское, а прочное гражданское управление. После исполинскихъ усилій, русскія войска преодолеваютъ Балканы; русскія власти водворяютъ новый строй и по всей Южной Болгаріи. Санъ-Стефанскимъ договоромъ, скрѣпленнымъ подписью Императора Россіи и подписью самаго Турецкаго падишаха, *вся Болгарія по обѣ стороны Балканъ* возводится въ Княжество. Россійскій Императорскій Комиссаръ торжественно водворяется въ главномъ Южно-Болгарскомъ городѣ Филиппополѣ и дѣлаетъ уже приготовления къ созыву народнаго собранія... Повѣрила наконецъ несчастная страдалица-страна своему избавленію, съ радостію отдалась вѣрѣ и въ свою будущность, вздохнула свободно, ожидала и вдругъ... Съ соизволенія той же самой великодушной избавительницы — Россіи, какъ по живому тѣлу распиливается Болгарія на двѣ части, и лучшая, плодороднѣй-

шая ея часть, Забалканская, та именно которая наиболѣе истерзана, изъязвлена, осрамлена турецкими звѣрствами, возвращается въ турецкое рабство!... Русскія же побѣдоносныя войска, тѣ самыя, чтѣ дѣною своей крови добыли свободу Южныхъ Болгарь, приглашаются вновь закрѣпить ихъ побѣжденному извергу и такъ сказать собственноручно отвѣсти: христіанскихъ женъ на поруганіе, дѣтей на посрамленіе, всѣхъ на лютую турецкую месть за то, что вѣрили въ Русскую власть, за братское сочувствіе къ Русскимъ!

А еще въ Петербургѣ, какъ пишутъ въ газетахъ, многое множество легкомысленной военной молодежи и всякихъ государственныхъ недоростковъ, возвращающихся въ петербургскихъ гостинныхъ, позволяетъ себѣ повально глумиться надъ Болгарами и бранить ихъ за недостатокъ будто бы довѣрія и радушія къ Русскимъ! Не говоря уже о томъ, какъ несправедливо, какъ безсердечно относиться такимъ образомъ, на основаніи частныхъ случаевъ, огульно ко всему народу, да еще къ народу, нравственно забытому, удрученному пятиѣтковымъ гнуснымъ рабствомъ, спрашиваемъ ихъ: чтѣ, по ихъ мнѣнію, послѣ всѣхъ нашихъ торжественныхъ и нарушенныхъ обѣщаній, достойны ли оказываемся мы довѣрія и любви Болгарь?...

Бѣдный русский солдатъ, тебѣ стыдно будетъ и глаза поднять на этихъ твоихъ «братушекъ»... За что же, благодаря русской дипломатіи, будешь ты заклеименъ въ памяти Болгарскаго народа независтнымъ названіемъ *предателя!*...

И осмѣлится кто-нибудь повѣрить, чтобъ такіе результаты конгресса были освящены согласіемъ Русской власти!... Да чтѣ же такое случилось? Не претерпѣли ли мы пораженія, страшнаго, поголовнаго, хуже даже Седана, потому что и послѣ Седана Франція не пошла на миръ и отбивалась пять мѣсяцевъ? Ничего не случилось, никакихъ боевъ не было. Только притопнулъ лордъ Биконсфильдъ, да Австрія пригрозила пальцемъ: такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуютъ наши газеты. Русская дипломатія, пожалуй, и могла испугаться, но только она одна, и никто больше.

Все это тѣмъ болѣе невѣроятно, что русскому правительству менѣе чѣмъ кому-либо можно убаюкивать себя надеждою, будто участь Южныхъ Болгарь вполне обеспечивается

назначеніемъ нѣкоторыхъ реформъ. Оно слишкомъ богато историческимъ опытомъ, да и не оно ли само, на Константинопольской конференціи, съ такою силою обличало несостоятельность всѣхъ гарантій подобнаго рода? Тѣмъ болѣе, что Англія не дозволила истолкованія этихъ реформъ въ широкомъ смыслѣ административной автономіи и допустила ихъ единственно приличія ради и для облегченія Россіи ея политическаго отступленія. Не только не въ интересъ Англіи оградить Южныхъ Болгаръ отъ всякаго посягательства на ихъ права личныя и общечеловѣческія, но вся задача поставленнаго ею на конгрессѣ Болгарскаго вопроса въ томъ только и состоитъ, чтобы вытравить изъ Южной Болгаріи всякій слѣдъ Болгарской народности. Ей запрещается даже именоваться Болгаріей. Вѣдь христіанскимъ губернаторомъ можетъ быть назначенъ и Англичанинъ въ родѣ Бекеръ-паши и извѣстнаго англійскаго консула Болгаро-убійцы. Ненависть и ожесточеніе великобританскаго перваго министра къ Болгарамъ, невиннымъ виновникамъ послѣдней войны, досрости до такихъ размѣровъ, что лордъ Биконсфильдъ былъ бы не прочь видѣть повтореніе турецкой рѣзни 1876 года, только съ меньшимъ скандаломъ и въ болѣе легальной формѣ. Онъ заботливо обезпечилъ себѣ возможность повальнаго истребленія Болгарскаго въ Румелии племени, при первомъ признакѣ мятежа. Именно для того, какъ официально разъяснено самой Англіей, чтобы предоставить Туркамъ всѣ средства къ немедленному подавленію всякаго возстанія христіанъ въ самомъ его началѣ, по всей южной Болгаріи будутъ тянутъ турецкіе этапные военные пункты, и Балканы послужатъ мѣстомъ постояннаго пребыванія для турецкихъ полчищъ, которыя такимъ образомъ могутъ, во всякую минуту, низринуться какъ въ долины Тунджи и Марицы, такъ и въ Придунайскую Болгарію. Признаки мятежа! Да и теперь въ Румелии только присутствіе двухсотъ - тысячной Русской арміи едва-едва сдерживаетъ взрывы мести и озлобленія между Турками и Болгарами! Вотъ какаѣ перспективы открыты рѣшеніемъ конгресса для Болгарскаго населенія, а оффиціозный, на казенныя деньги издающійся въ русской столицѣ органъ чужестранныхъ интересовъ, *Journal de St. Pétersbourg*, смѣетъ возвѣщать, что Россіи нечего беспокоиться, что ея жерт-

вы принесены не напрасно, что свобода и безопасность христіанъ вполне обезпечены! Бываютъ самообольщенія хотя и грубыя, но искреннія и невольныя: они еще могутъ служить какимъ-нибудь извиненіемъ челоуѣку. Имъ нѣтъ мѣста въ настоящемъ случаѣ: здѣсь можетъ быть только одинъ вольный, преступный обманъ собственной совѣсти!

Не такова совѣсть у Русскаго народа. И если, послѣ не совѣмъ торжественной ретирады Императорскаго Коммиссара изъ Филиппополя въ Тырново, послѣ удаленія русскихъ войскъ за Балканы, возобновятся случаи турецкаго звѣрства, и вновь прольется христіанская кровь, и вновь нарушается Турокъ надъ христіанскими женщинами, и дойдетъ о томъ до слуха Россіи, — не воспрянетъ ли она, словно узввленная, вся какъ одинъ челоуѣкъ, и ринется, посылая проклятія своимъ дипломатамъ?....

Ринется? Какъ бы не такъ! Именно противъ этихъ-то великодушныхъ русскихъ порывовъ и приняты мѣры лордомъ Биконсфильдомъ сообща съ русскими дипломатами. Британскій министръ, съ безцеремонностью сознающей себя силы, такъ прямо и объявилъ, что вся его задача: оградить Турцію отъ новой побѣдоносной Русской войны, какъ бы тамъ ни мучились христіане; однимъ словомъ, что весь конгрессъ ничто иное какъ открытый *заговоръ* противъ Русскаго народа. Заговоръ съ участіемъ самихъ представителей Россіи!! Такъ какъ опытъ показалъ, что Балканы, оставшіеся до сихъ поръ непреодолимою естественною преградой, не могли сдержать стремленія нашихъ войскъ, то, по рѣшенію конгресса, по всему Балканскому хребту будутъ возведены, конечно съ помощью англійскихъ денегъ и инженеровъ, такія турецкія укрѣпленія съ надежными турецкими гарнизонами, которыя бы сотворили изъ Балканъ твердыню дѣйствительно необоримую....

Вотъ къ чему послужила вся Балканская страда Русскихъ солдатъ! Стоило для этого отмораживать ноги тысячами во время пяти-мѣсячнаго Шипкинскаго сидѣнія, стоило гибнуть въ снѣгахъ и льдинахъ, выдерживать напоръ бѣшеныхъ Сулеймановскихъ полчищъ, совершать неслыханный, невиданный въ исторіи зимній переходъ черезъ досягающія до неба скалы! Не успѣли герои Шипки, имя которой стало

такъ любезно, такъ сродни народному слуху, не успѣли они вернуться домой и утѣшиться благодарностью соотчичей, какъ во очію предъ ними Русскою властью противъ нихъ же Русскихъ солдатъ, преодоленные ими преграды обращаются въ непреодолимые! Безъ краски стыда и жгучей боли нельзя уже будетъ теперь русскому человѣку даже произнести имя Шипки, Карлова и Баязета и всѣхъ тѣхъ мѣстъ, прославленныхъ русскимъ мужествомъ, усѣянныхъ русскими могилами, которыя нынѣ вновь предаются на оскверненіе Туркамъ! Добромъ же помянуть эту кампанію и русскую дипломатію возвратившіеся солдаты!

И мы отважимся повѣрить, что на все это послѣдовало одобреніе Верховной Власти?... Никогда!

Наша дипломатія хочетъ утѣшиться тѣмъ, что она добилась у конгресса согласія на возведеніе Придунайской Болгаріи въ Княжество. О простота, простота! Неужели можно думать, что послѣ такого открытаго изъявленія своихъ замысловъ, Англія и Австрія дозволятъ свободное и самостоятельное, въ національномъ духѣ, развитіе Придунайскаго Болгарскаго края? Неужели можно ожидать, что Англія и Австрія не примутъ всѣхъ нужныхъ имъ мѣръ, для того чтобы парализовать всякое значеніе этого княжества и поработить его себѣ въ политическомъ и экономическомъ отношеніи? Англія уже заявила свое требованіе участванія въ гражданской организаціи княжества. Затѣмъ всѣ второстепенныя подробности, всѣ «детали» рѣшено установить послѣ конгресса, посредствомъ особыхъ комиссій и посольствъ въ Царѣградѣ. Уступивъ въ главномъ, стобитъ ли препираться о мелочахъ? Русскіе дипломаты за мелочами гоняться не любятъ! Но сѣть мелочей, систематически сотканная Англіей и Австріей, такъ опутаетъ Придунайское Болгарское Княжество, какъ будто оно сжато желѣзными обручами, и не высвободится ему изъ нихъ.

Да мѣры уже и приняты. Если Санъ-Стефанскій договоръ, по сознанію всего русскаго общества, грѣшилъ явною несправедливостью по отношенію къ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, то конгрессъ взялся исправить эту ошибку. Сербіи *примаржжется* нѣсколько лишнихъ квадратныхъ миль, но за то австрійскія войска вступятъ въ Боснію и Герцегови-

ну. Съ умиленнымъ единодушіемъ всѣ державы, исключая Турціи, но не исключая Россіи, благословили Австрію на оккупацию, безъ сомнѣнія безсрочную, этихъ двухъ Славянскихъ земель, а потомъ на подчиненіе себѣ, въ той или другой благовидной формѣ, въ военномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніи, и независимой Сербіи и независимой Черногоріи, и всей продольной полосы Балканскаго полуострова вдоль западныхъ границъ Болгаріи, вплоть до Эгейскаго моря! Русская дипломатія видитъ въ этомъ даже какое-то особенное торжество своей политики и съ увлеченіемъ, которому графъ Андраши даже и не вдругъ повѣрилъ, привѣтствовала, какъ новую эру, разграниченіе сферъ вліянія Россіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ!

Нѣтъ такихъ и словъ, чтобъ заклеить по достоинству это предательство, эту измѣну историческому завѣту, призванію и долгу Россіи. Согласиться на такое рѣшеніе—значитъ подписать свое самоотреченіе, какъ Главы и Верховной Представительницы Славянскаго и всего Восточно-Христіанскаго міра,—значитъ утратить не только свое обаяніе, не только сочувствіе, но и уваженіе Славянскихъ племенъ, нашихъ естественныхъ, нашихъ единственныхъ союзниковъ въ Европѣ. Свобода, самобытное развитіе и преуспѣяніе духовныхъ стихій Славянской народности возможны для Славянъ *только* въ единеніи любви съ Русскимъ народомъ.... Иначе рѣшаетъ русская дипломатія! Для того только, православный Русскій народъ, единый могучій и независимый изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, для того только и пролилъ ты свою драгоценную кровь, принесъ въ жертву сотни тысячъ твоихъ сыновъ, для того ты и разорался и временно обнищалъ, стяжалъ себѣ поистинѣ вѣнецъ страстотерпца и мученика, чтобы собственными побѣдами унизить себя какъ Славянскую державу, расширить владѣнія, умножить силу враговъ—твоихъ и всего Славянства, и подчинить Православныхъ Славянъ господству Нѣмецкой и католической стихіи! Напрасный мученикъ, одураченный побѣдитель, полюбуйся на свое дѣло!...

Если во время Константинопольской конференціи мы говорили, въ такомъ же собраніи, что щеки пылаютъ у Россіи отъ получаемыхъ ею пощечинъ, то что же сказать теперь,

при ежедневныхъ, торжественныхъ заушеніяхъ? А русскіе дипломаты, если вѣрять газетамъ, послѣ cadaго заушенія, только росписываются въ полученіи и просятъ взамѣнъ для Россіи лишь аттестата о «безкорыстіи»! По истинѣ безкорыстно, и въ аттестатѣ имъ не отказываютъ...

Слово нѣмѣть, мысль останавливается, пораженная, предъ этимъ колобродствомъ русскихъ дипломатическихъ умовъ, предъ этою грандіозностью раболѣпства! Самый злѣйшій врагъ Россіи и Престола не могъ бы изобрѣсть чего-либо пагубнѣе для нашего внутренняго спокойствія и мира. Вотъ они, наши настоящіе нигилисты, для которыхъ не существуетъ въ Россіи ни русской народности, ни православія, ни преданій,—которые, какъ и нигилисты въ родѣ Боголюбовыхъ. Засуличъ и К^о, одинаково лишены всякаго историческаго сознанія и всякаго живаго національнаго чувства. И тѣ и другіе—иностранцы въ Россіи и поютъ съ чужаго европейскаго голоса; и тѣ и другіе чужды своему народу, смотрятъ на него какъ на *tabula rasa*, презираютъ его органическія, духовныя начала, стараются сдвинуть его съ пути, заповѣданнаго ему исторіей и направлять насильственно на путь противоестественный... Всѣ они—близкая другъ другу родня, порожденіе одного сѣмени, хотя и различествуютъ между собою бытомъ, воспитаніемъ, нравами, доктринами и главное—степенью самосознанія.. Предоставляю вамъ самимъ рѣшать, кто же однако изъ нихъ: сознательныхъ и безсознательныхъ, грубо-анархическихъ и утонченныхъ государственныхъ нигилистовъ, въ сущности опаснѣе для Россіи, для ея народнаго и духовнаго преуспѣянія и государственнаго достоинства?

Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, *Турци*. грозящей своимъ смѣлымъ сопротивленіемъ обратить въ ничто всеумудрый конгрессъ, суждено явиться ангеломъ — спасителемъ русской чести?

Нѣтъ, что ни происходило бы тамъ на конгрессѣ, какъ бы ни распиналась русская честь, но живъ и властенъ ея вѣнчаный Оберегатель, Онъ же и Мститель! Если въ насъ, при одномъ чтеніи газетъ, кровь закипаетъ въ жилахъ, что же долженъ испытывать Царь Россіи, несущій за нее отвѣтственность предъ Исторіей? Не Онъ ли самъ назвалъ дѣло нашей войны «святымъ»? Не Онъ ли, по возвращеніи изъ-за

Дуная, объяснилъ торжественно привѣтствовавшимъ его депутатамъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ, что «святое дѣло будетъ доведено до конца»? Страшны ужасы брани, и сердце Государя не можетъ легкомысленно призывать возобновленіе смертей и кровопролитія для своихъ самоотверженныхъ подданныхъ, — но не уступками, въ ущербъ чести и совѣсти, могутъ быть предотвращены эти бѣдствія. Россія не желаетъ войны, но еще менѣе желаетъ позорнаго мира. Спросите любаго Русскаго изъ народа, не предпочтетъ ли онъ биться до истощенія крови и силъ, только бы избѣжать срама русскому имени, только бы не стать предателемъ христіанъ-братьевъ? Еще не постыдно уступить превосходной соединенной силѣ враговъ послѣ долгихъ, героическихъ побоищъ, какъ уступили и мы въ 1856 году безъ урона для своей славы, какъ уступила недавно и Франція. Но уступать *предупредительно*, безъ боя и выстрѣла, это было бы уже не уступкою, а отступничествомъ. Да и кто бы въ Европѣ дѣйствительно отважился теперь на войну? Не Англіи же, въ самомъ дѣлѣ, съ ея Индійскими чудищами, можемъ мы опасаться на сушѣ, а отъ войны на морѣ она потерпитъ сильнѣе чѣмъ мы. Не Австрія же, у которой, по выраженію покойнаго Тютчева, все тѣло — Ахиллесова пятка (*don't tout le corps n'est qu'un pied d'Achille*), которая именно войны съ Россіей пуще всего и боится, потому что только отъ одной рѣшимости Россіи зависитъ вызвать на свѣтъ Божій «Австрійскій вопросъ».... Несокрушимъ и непобѣдимъ Русскій Царь, если только Онъ, съ ясностью историческаго сознанія, съ твердою вѣрою въ предназначеніе своего народа, отложивъ въ сторону попеченіе объ интересахъ Западно-Европейскихъ державъ, интересахъ своекорыстныхъ и намъ враждебныхъ, воздѣнетъ, по выраженію нашихъ древнихъ грамотъ, «высоко, грозно и честно» въ своей длани знамя Россіи — оно же знамя Славянъ и всего Восточнаго Христіанства!

Волнуется, ропщетъ, негодуетъ народъ, смущаемый ежедневными сообщеніями о Берлинскомъ конгрессѣ и ждетъ, какъ благой вѣсти, рѣшенія свыше. Ждетъ и надѣется. Не солжетъ его надежда, потому что не преломится Царское слово: «святое дѣло будетъ доведено до конца».

Долгъ вѣрноподанныхъ велить всѣмъ намъ надѣяться и вѣрить, — долгъ же вѣрноподанныхъ велить намъ и не безмолвствовать въ эти дни беззаконія и неправды, воздвигающихъ средостѣнія между Царемъ и землею, между Царскою мыслью и народною думой. Ужели и въ самомъ дѣлѣ можетъ раздаваться намъ сверху въ отвѣтъ внушительное слово: «молчите, честныя уста! гласите лишь вы, леть да кривда»!...

Отвѣтъ И. С. Аксакова на посланіе къ нему д-ра Фр. Лад. Ригра *).

Досточтимый господинъ!

Да, — скажемъ и мы въ отвѣтъ на ваше братское посланіе отъ имени сеймовыхъ депутатовъ Чешскаго народа, — ночь для Славянъ наконецъ минула и встало утро — *въщее* утро великаго міроваго дня: слышится трепеть новой исторической жизни. Казалось бы, что же необычайнаго въ этой борьбѣ, предпринятой нынѣ Россіей? Не въ первый разъ устремляются русскія знамена за Дунай для блага угнетеннаго и посрамленнаго христіанства, и если кому несуть они избавленіе и свободу, такъ только тѣмъ отраслямъ Славянскаго племени, которыя уже пять вѣковъ изнываютъ подъ ненавистнымъ турецкимъ игомъ. А между тѣмъ не одни Славяне Балканскаго полуострова, — Славяне и прочихъ странъ и именованій вострепнулись мыслью и духомъ, какъ будто и для нихъ настала историческій чередъ, какъ будто всѣ позваны, всѣ требуются къ отвѣту, всѣмъ надлежитъ вскорѣ стать на судъ исторіи, судъ Божій.... Готовы ли — вотъ въ чемъ вопросъ.

Не забота «о почетной роли первенства въ исторіи» и о томъ всемірномъ владычествѣ, которое даетъ «цивилизція, созданная народами Арійскаго племени», какъ гласитъ ваше посланіе, должна бы, по нашему мнѣнію, тревожить въ наступающій мигъ Россію и все Славянство. Пусть первенствуетъ истина, пусть «жезлъ вселенной» принадлежитъ правдѣ. Наша «почетная роль въ исторіи» прежде всего:

*) Изъ Праги, отъ 3 мая 1877 г.

стать, быть и жить самими собою, Славянами, чѣмъ мы до сихъ поръ не были или были, но не вполне; значить и дѣйствовать въ исторіи какъ Славяне; служить—не «культурѣ» и «цивилизациі»: замѣнимъ эти малосодержательныя иностранныя слова и понятія многосодержательнымъ славянскимъ выраженіемъ — служить *просвѣщенію* общечеловѣческому, служить истинѣ и высшей правдѣ *своею* правдою — свойствами и особенностями славянскаго народнаго духа. О томъ надлежитъ намъ заботиться, чтобы явиться достойными своего призванія и помнить древнѣйшій завѣтъ, исходящій изъ вашей же достославной Чешской земли:

Намъ не хвально у вѣщевъ искать правду,
потому что, прибавляетъ сказаніе:

У васъ правда *по закону святу... **).

Соблюденъ ли Славянами, а если и соблюденъ, то въ какой мѣрѣ и степени этотъ многозначительный завѣтъ?

Неисповѣдимы пути исторіи. Судьбы Славянскаго племени тѣмъ отличаются отъ судебъ прочихъ народовъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ на всемірно-историческомъ поприщѣ, что нѣтъ ни одной славянской отрасли, которая бы въ томъ или въ другомъ видѣ, въ теченіи своей жизни, не подверглась испытанію чуждаго ярма, внѣшняго или внутренняго, вещественнаго или нравственнаго, азіатскаго или романо-германскаго; которая бы, послѣ болѣе или менѣе упорной борьбы, не извѣдала, въ свое время, или насильственнаго обезличенія извнѣ, или измѣны и отступничества отъ отеческихъ преданій внутри себя,—въ цѣломъ ли своемъ объемѣ и численномъ составѣ, или только въ отдѣльныхъ областяхъ и въ лицѣ однихъ руководящихъ, такъ-называемыхъ интеллигентныхъ классовъ. Всѣ волей-неволей поискали правду вчужѣ, пренебрегая «стародавнюю правду по святому закону»; всѣмъ грозила опасность утратить, а нѣкоторыя и утратили, не только политическую независимость, но самую свою народность въ ея высшемъ значеніи—духовномъ.

Не станемъ распространяться о сокровенныхъ причинахъ

*) Пѣснь о Любушннѣ судѣ.

такого явленія: оно безъ труда можетъ быть объяснено и даже оправдано. Явленіе иного рода, обратное, въ высшей степени знаменательное, изумляетъ и поражаетъ міръ въ жизни Славянскаго племени съ начала текущаго столѣтія. На глазахъ у всѣхъ совершается обновленіе и возрожденіе народнаго духа во всемъ Славянствѣ (кромѣ отраслей окончательно погибшихъ), и совершается не властію внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, а часто наперекоръ имъ, труднымъ, упорнымъ, внутреннимъ процессомъ самосознанія. Почти всѣ Славянскія страны напряженною работою мысли усиливаются позвать, понять, какъ бы вновь обрѣсти свою народность, возстановить ея права на духовную самостоятельность, на первенство и господство во всѣхъ отправленияхъ народнаго бытія. Подвигъ по истинѣ суровый и сложный,—несомнѣнно самимъ Провидѣніемъ сужденный Славянскому міру,—подвигъ, отъ котораго, въ той или другой мѣрѣ, не свободенъ ни одинъ Славянскій край. Всѣ призваны пройти этимъ особымъ тяжкимъ путемъ внутренняго возсозиданія и самоопредѣленія,—и только пройдя этимъ путемъ можетъ отрасль Славянскаго племени чаять себѣ будущности въ исторіи.

Страннымъ и извращеннымъ представляется, быть можетъ, инымъ мыслителямъ такой своеобразный процессъ развитія въ жизни Славянскихъ народовъ. Особенно же странно въ ономъ съ точки зрѣнія западно-европейской. Несомнѣнно, что западноевропейскія племена, болѣе повидимому счастливыя, почти не вѣдали ни подобнаго внутренняго раздвоенія, ни отрицанія началъ собственнаго духа; жили и творили въ исторіи, не испытывая даже и потребности обращать для себя свою же народность во внѣшній предметъ сознанія и руководства. Еще болѣе сомнительнымъ кажется, чтобы отъ мысли, отъ анализа и абстракта можно было перейти къ жизни и къ дѣлу, къ тѣмъ конкретнымъ явленіямъ силы, для которыхъ требуется болѣе всего цѣльность и синтезъ, непосредственное творчество народнаго духа. Но справедливость этого замѣчанія только видимая. Къ душѣ народнаго организма, какъ и вообще къ сложной душѣ человѣческой, трудно примѣняются требованія и правила строгаго-логическаго формальнаго развитія, да и едва ли возможно сослѣдить во

всей точности внутренней ходъ ея психическаго процесса. Развѣ самое побужденіе къ самопознанію, къ восстановленію народной самостоятельности можетъ быть вызвано въ дѣтеляхъ чѣмъ-либо инымъ, какъ живою непосредственною любовью, непосредственнымъ воздѣйствіемъ самого народнаго духа, смиренно притаившагося въ избранныхъ сердцахъ и только ждавшаго себѣ призыва и оправданія? Вотъ, мнится намъ, пламя исторической жизни повидимому совсѣмъ уже угасло, но наука, окрыляемая любовью, отыскиваетъ пепелище, бережно свѣваетъ пепель, и тлившіяся подъ нимъ искры разгоряются снова. Таковъ въ особенности доблестный подвигъ чешскихъ мужей мысли и знанія, которые, уже на нашей памяти, одушевленно-терпѣливымъ трудомъ сняли съ родной земли много наносныхъ, чуждыхъ слоевъ и добрались наконецъ до глубоко схороненныхъ, засоренныхъ, но еще живыхъ ключей народнаго духа.

Въ этомъ особомъ, необычайномъ законѣ развитія, которому подчинены судьбою всѣ отрасли Славянскаго племени, — по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ въ себѣ задатки жизни, — видится намъ несомнѣнный залогъ высшаго призванія Славянства въ исторіи міра. Ибо, совершая подвигъ самосознанія, народная духовная сущность необходимо отрѣшается отъ своей исключительности, узкости и односторонности, умудряется опытомъ чужихъ народовъ, приобретаетъ широту умственного кругозора, укрѣпляется въ своей собственной правдѣ и становится такимъ образомъ наиболѣе способною для высшаго служенія человечеству, т. е. для выраженія и воплощенія въ жизни основныхъ началъ христіанства. Богато одарено Славянское племя: въ мѣру этого богатства дано ему и призваніе; въ ту же мѣру сужденъ ему тяжкій очистительный подвигъ, по божественному слову: кому много дано, съ того много и взыщется.

Не въ физиологическихъ только признакахъ породы и даже не въ языкѣ заключается народность и ея право на самостоятельное бытіе. Народность въ исторіи есть понятіе по преимуществу нравственное и духовное. Чтò пользы въ сохраненіи физиологической особенности, если не сохранена особенность духа, если самъ народъ нравственно безличенъ? Чтò толку въ народности, если она лишена своеобразнаго

внутренняго содержанія? Не для того Провидѣніе тысячелѣтнимъ историческимъ процессомъ искушаетъ, какъ въ горнилѣ, различныя отрасли Славянскаго племени, чтобъ онѣ, возстановляя свою самобытность, обращали свой языкъ въ безразличное слѣпое орудіе чуждаго духа, служили славянскою рѣчью противославянскому міровоззрѣнію и подчиняли свою славянскую совѣсть духовному руководительству исконныхъ враговъ Славянства.

Вотъ почему мы и сказали въ началѣ, что наступающій историческій день потребуеть всѣ отрасли Славянскаго племени къ допросу: то будетъ день не только воскресенія, но и суда.

Безъ сомнѣнія наистрожайшему отвѣту подлежить тотъ народъ, который, по своей многочисленности и внѣшнему государственному могуществу, такъ сказать помазанъ на первенство и предводительство въ семьѣ Славянской, а вмѣстѣ съ тѣмъ на подвигъ служенія своимъ братьямъ: освобожденія поработенныхъ, укрѣпленія слабыхъ, воссоединенія разрозненныхъ. Но, къ стыду нашему, мы сами долго косвѣли въ невѣдѣніи о своемъ долгѣ и своемъ призваніи, и мало были достойны вашей братской любви. Не на Русскомъ великомъ народѣ однако же тяготѣеть эта вина, а на той части общественной русской среды, которая руководила его внѣшними судьбами и въ своемъ духовномъ подобострастіи предъ Западной Европою, не зная ни своей исторіи, ни своей народности, преграждала народу свѣтъ историческаго сознанія. Нынѣ, слава Богу, послѣ долгой упорной борьбы преграда пала, и свѣтъ сознанія съ быстротою молніи охватилъ и подвигъ къ новому бытію всю Россію. Въ томъ ясномъ, свѣтломъ, мужественномъ одушевленіи, съ которымъ Русскій народъ, на удивленіе всего міра, подъялъ кровавый бой съ врагами Христа и Славянства, слышится не «юношескій порывъ», какъ выражается ваше посланіе, и не религіозное только увлеченіе, и даже не одна радость богатыря, который нашелъ себѣ честный подвигъ по силамъ и по сердцу, а радость о раскрывшемся высокомъ призваніи Россіи, какъ православной и славянской державы, о чаемомъ исполненіи впервые сознаннаго имъ историческаго долга, объ обрѣтеніи наконецъ праваго пути послѣ долгихъ блужданій, объ обрѣ-

тени цѣлаго міра братства. Отнынѣ только Россія становится по истинѣ во главѣ Славянства, и останется во главѣ, какихъ бы ухищреній ни измышляли на Западѣ ея мнимые друзья и ея отъявленные враги.

И именно потому-то такъ важны для нея въ современную пору заявленія братскаго сочувствія со стороны западныхъ отраслей Славянскаго племени, заявленія безкорыстныхъ, такъ какъ отъ настоящей войны Россіи съ Турціей имъ нечего ждать для себя какихъ-либо практическихъ результатовъ. Эти заявленія, напоминая Россіи объ ея славянскомъ призваніи и о развѣтвленіяхъ Славянскаго міра, служатъ ей путеводными указаніями, внушаютъ ей бодрость и чувство силы. Конечно,—мы не хотимъ этого скрыть, — понятію Русскаго народа доступнѣе та именно братская связь, которая основана не на одномъ кровномъ родствѣ, но и на родствѣ духовномъ. Ему легче опознать себѣ братьевъ въ тѣхъ отрасляхъ Славянскаго племени, которыя вмѣстѣ съ нимъ соблюли вѣрность преданіямъ древней Вселенской церкви, нежели въ Славянахъ олатинившихся, коихъ духовное средоточіе—Римъ. Однако же та особенная горячность сочувствія, которая въ настоящій мигъ проявлена Россіи Чешской землею,—отозвалась въ самой глубинѣ русскаго народнаго сердца и пробудила въ немъ радостныя упованія...

Велики заслуги Чешскаго народа предъ всѣмъ Славянствомъ. Вы праведно хвалитесь тѣмъ, что «свѣтъ христіанскаго ученія, возсіявшій въ вашемъ Велеградѣ, благодаря славянскимъ вѣроучителямъ, озарилъ отъ васъ весь Славянской Востокъ». Вѣрно и то, что Гусъ былъ первымъ въ Европѣ «по времени» борцомъ за идею, и что не мало мощныхъ силъ духа явилъ въ себѣ Чешскій народъ, который пережилъ гуситскую эпоху своей исторіи, эту эпопею борьбы и мученичества «за высокіе интересы (приводимъ ваши по-«длинные выраженія), за просвѣщеніе, за свободу религиозныхъ убѣжденій, за свою славянскую народность, израненный на смерть, пребываетъ донинѣ несокрушенный, не «отступаясь отъ права народности». Вы надѣетесь, что Славянство поддержитъ Чешскій народъ на томъ мѣстѣ, которое онъ занималъ и занимаетъ—«передоваго стража Славянства».

Да сбудется ваша надежда. Но да позволено будетъ намъ

пополнить ваше изчисленіе заслугъ гуситской эпохи и еще выше вознести славу величайшаго мужа вашей земли. Не въ томъ только заслуга Чешскаго народа, что онъ даже «по свидѣтельству западной историографіи», какъ выражается ваше посланіе, былъ первымъ *по времени* борцомъ за идею въ лицѣ Гуса и сталъ мученикомъ за свободу религиозныхъ убѣжденій. Нѣтъ такого лживаго религіознаго ученія, которое бы не отстаивало для себя свободы совѣсти и не имѣло бы борцовъ и мучениковъ за свою превратную, но искренно исповѣдываемую идею; поэтому выше чести, приписываемой западными историками Гусу, ставимъ мы самое содержаніе его протеста, самое внутреннее достоинство той *идеи*, за которую онъ боролся и былъ мучимъ. И вѣдомо намъ, да и вамъ самимъ, что идея Гуса связывалась непосредственно съ тѣми преданіями, которымъ начало положено, по словамъ вашего же посланія, въ Велеградѣ и которыя унаслѣдованы Россіею со всѣмъ остальнымъ православнымъ Славянствомъ. Свѣтъ христіанскаго ученія, озарившій, какъ вы сами вѣрно свидѣствуете, изъ вашего Велеграда весь Славянскій Востокъ, не этотъ ли самый свѣтъ озарилъ и Гуса и воскресилъ въ его душѣ святыхъ, завѣщанныхъ вашимъ предкамъ преданія, утраченные латинствующимъ и сохранные православнымъ Славянствомъ? Но латинскій Западъ, собравшись на Констанцкомъ судилищѣ, съ римскимъ первосвященникомъ и римскимъ императоромъ во главѣ, предалъ огню и Гуса и его дѣло...

Чехи, Чехи! такъ ли, какъ должно, чтите вы память вашего Гуса? Ужели его подвигъ только стародавній историческій фактъ, важный только «по времени», уже покрывшійся для васъ безразличною плѣсенью былаго, уже вполне завершенный и отжитый?

Чехи! Чехи! Констанцскій соборъ не расходился — онъ пребываетъ и поднесъ, мѣняя только названія: — онъ продолжаетъ и нынѣ громить анаемемами и Гуса, и его дѣло, и все Славянство.

Костеръ Гуса не угасъ, — онъ продолжаетъ пылать, но уже не въ Констанціи только, а въ самой Прагѣ. Кто же поддерживаетъ пламя? Кто подкладываетъ дрова въ костеръ?

Всѣ, всѣ связавшіеся духовными узами съ Римомъ, всѣ

пребывающіе и нынѣ въ духовномъ единствѣ съ убійцами Гуса, съ тою властью, которая, предавъ его сожженію, ни разу въ теченіи пяти вѣковъ не отрелась отъ своего дѣянія, но продолжаетъ сжигать его и понынѣ, и еще недавно богохульственно призывала благословіе небесное на враговъ Христа и Славянства, и кару небесную на вашихъ славянскихъ братьевъ, дерзнувшихъ избавить христіанъ отъ тиранніи Ислама....

Скажите сами: развѣ всѣ ревностно и усердно исповѣдующіе враждебное Гусу ученіе не повторяютъ сожженія Гуса и теперь, ежедневно и ежечасно въ сердцахъ своихъ? не пріобщаются къ сонму его палачей? не отступники духа славянскаго?

Всякое славянское племя, приковавшее свою духовную судьбу къ духовнымъ судьбамъ латинства, подлежитъ одному съ нимъ суду, само заранѣе подписываетъ себѣ одинаковый съ латинствомъ историческій приговоръ.

Угасите же костеръ Гуса. Оправдайте мученика, прославьте его не суетною, а святою, подобающею ему славою, и во имя его, въ духовномъ единеніи съ Славянствомъ восточнымъ, станьте вы, Чехи, на Западѣ, во истину передовымъ стражемъ Славянства.

Братскій привѣтъ вамъ и благодарность отъ всѣхъ, къ кому обращено ваше посланіе.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „РУСЬ”.

1880—1881 г.

(ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.)

Изъ № 3, октябрь 1880 г.

Можно признать чуть не за безошибочное руководство къ уразумѣнію европейской политики такое правило: принимать всякій совѣтъ, всякую похвалу и хулу, расточаемыя нашими иностранными сосѣдями русскому кабинету и вообще Россіи—въ обратномъ смыслѣ. Если, напримѣръ, поднимается свистъ и гамъ по поводу властолюбія и завоевательной похоти Россіи, знайте, что какая-либо западно-европейская держава готовитъ безсовѣстнѣйшій захватъ чьей-либо чужой земли, — Славянской или иной, но такой захватъ, который прямо вредитъ интересамъ нашимъ или дружественныхъ намъ единоплеменниковъ. На Западѣ хорошо знаютъ, что мы ничего такъ не боимся, какъ общественнаго мнѣнія Европы, какъ обвиненія въ недостаткѣ либерализма, — что насъ легко запугать и заставить оправдываться, — «клясться и ротиться», по древнему выраженію, въ томъ, что ни въ какихъ мы не только замыслахъ, но и помыслахъ неповинны. — «А ну-ка докажи!» требуетъ Европа. И мы предъявляемъ доказательства, что въ такихъ-то и такихъ-то случаяхъ поступили даже себѣ въ ущербъ, блага ради Европы. — «Мало! Это мы ужъ забыли. Отступись отъ того, чѣмъ ты особенно дорожишь, что тебѣ принадлежитъ по праву, что ты купила своею кровью, отступись и отъ своихъ друзей». Мы и отступаемся, хоть и со слезами на глазахъ, да еще благодаримъ, что дешево отдѣлались. Сильна увѣренность Европы въ нашей незлобivosti, смиреніи и великой простотѣ. Конечно, простота вещь

хорошая; Богъ простоту любитъ... но не всякую. — Далѣе: если нѣмецкія газеты начинаютъ указывать русскому правительству на опасности «нигилизма и разрушительныхъ учений», то, вникнувъ въ смыслъ указаній, вы сейчасъ увидите, что подъ «нигилизмомъ и разрушительными ученіями» онѣ разумѣютъ ничто иное, какъ русское національное направленіе, выражающееся иногда въ нашихъ газетахъ (преимущественно въ области внѣшней политики и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ общественной жизни). По поводу всякаго проявленія русскаго народнаго чувства, хотя бы консервативнѣйшаго свойства, всякаго чуть замѣтнаго движенія русской самобытной мысли, нѣмецкія газеты бьютъ въ набатъ и кричатъ: «огонь! пожаръ! нигилизмъ!» — адресуя свои крики не кому иному какъ нашей правительственной сферѣ. Но за кого же принимаютъ онѣ нашихъ «власть имѣющихъ?» Какую же — не то что недалководность, а слѣпоту, и — не то что слабомысліе, но уже совершенное тупоуміе должны онѣ предположить въ русскихъ государственныхъ мужахъ, если считаютъ ихъ способными пугаться такими плоскими застрачиваніями, не разумѣть того, что творится у нихъ дома и предъ глазами! Въ Россіи хорошо вѣдаютъ, что если что было, какъ говорится, на руку нашимъ друзьямъ-сосѣдямъ, такъ именно дѣянія нашихъ социалистовъ-революціонеровъ, террористовъ и прочихъ несчастныхъ ревнителѣй «русскаго мужика и народной свободы» съ неудовыговариваемыми и непонятными для народа кличками. Смущеніе, недоумѣніе, однимъ словомъ тотъ нравственный кошмаръ, который, благодаря имъ, нѣкоторое время давилъ Россію, производилъ на Западѣ нѣкоторое тайное злорадство: «Россіи теперь не до того, — такъ поспѣшимъ же строить противъ нея ковы, а пока будемъ великодушно совѣтовать ей именно такія мѣры, которыя бы не дали ей оправиться; берегись патриотизма, берегись славянолюбства, — берегись народа, — берегись себя самой: вѣрь Нѣмцамъ!» И ничто такъ неприятно не озадачиваетъ нашихъ друзей въ Германіи и Австріи, какъ проявленіе вновь нѣкоторой бодрости и здоровья въ этомъ, едва уже не отпѣтомъ ими русскомъ тѣлѣ!

Вотъ теперь снова затѣваютъ они пѣсню о русскомъ панславизмѣ, — когда и новаго, кажется, ничего не произошло,

и поводовъ въ тому нѣтъ, и въ Восточномъ вопросѣ мы смиренно идемъ даже не рядомъ, а во слѣдъ Англiи. (Англiя вѣдъ крупный авторитетъ, которымъ заслоняться можно)... Что же сонъ сей значить? Ничего болѣе, какъ сооружеиіе панславистскаго плана самою Австріею, съ благословенiя, конечно, нѣмецкаго канцлера и себѣ на потребу. Да, затѣвается новый панславизмъ—съ исключеніемъ конечно Россiи,—панславизмъ австрійскій, цѣлая система объединенiя Славянскихъ племенъ въ лонѣ католической церкви и подъ верховною властью Габсбурговъ. Тѣ православныя племена, какія имѣются въ самой Австріи, напр. Сербы Венгрии и Хорватской Границы, не представляютъ для Австрійскаго правительства никакой серьезной опасности: многіе изъ нихъ въ высокихъ чинахъ и служатъ вѣрой и правдой интересамъ монархіи, а во главѣ ихъ церковнаго устройства поставленъ человекъ—угодливый чуть не до отступничества. Русскіе въ Галиціи и Венгрии давно уже обезличены унией; что же касается до будущихъ приобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ, то если не вполне, такъ отчасти, почва для австрійскаго панславизма уже готовится искусно рассчитанной пропагандой: а чего не довершитъ пропаганда, то уступить силѣ и выгодѣ, убѣдившись, что отъ Россiи ждать помощи уже нечего. Таковы обширные планы Австріи, въ которыхъ пособниками ей является не одинъ Бисмаркъ, но и вся Западная Европа, за исключеніемъ только, пребывающей пока во власти, либеральной партіи въ Англiи.

Начать съ папы. Левъ XIII недавно, «въ доказательство своей отеческой любви къ Славянамъ» безъ различiя, и въ виду «возрастающаго политическаго значенiя этого племени», издалъ энциклику о беатификаціи славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодiя; т. е. постановилъ праздновать день сихъ святыхъ (5 iюня) какъ *общій праздникъ для всего католическаго міра*. Затѣмъ, онъ же, Левъ XIII, предполагаетъ разрѣшить, по ходатайству и по плану своего нунція въ Вѣнѣ, монсиньора Якобини (теперь произведеннаго въ папскіе статсъ-секретари), Славянамъ-католикамъ Австріи богослуженіе на славянскомъ же языкѣ. Надъ этимъ проектомъ работаютъ теперь въ Ватиканѣ. Неизвѣстно еще, допущенъ ли будетъ для литургiи нашъ же церковно-славян-

скій языкъ, или же каждому племени будетъ предоставлено служить Богу на своемъ племенномъ нарѣчїи. — Это планъ новой гигантской *унїи*. Такъ какъ народнымъ массамъ въ Славянскомъ православномъ мїрѣ пуще всего претитъ употребленіе латинскаго языка, такъ какъ именно этотъ языкъ представляется видимою преградой и видимымъ, самымъ понятнымъ и осязательнымъ отличіемъ католицизма отъ православія, то съ отмѣною этой преграды и этого отличія упрядняются существенныя затрудненія для перехода въ унію и признанія папы главою церкви, — особенно же если переходъ сопровождается выгодною и могучимъ покровительствомъ всей Западной Европы.

А что вся Западная Европа безъ различія вѣроисповѣданій, всѣ ея государственные и общественные дѣятели, вѣрующіе и невѣрующіе, будутъ содѣйствовать успѣху этого плана, въ томъ нѣтъ сомнѣній. Ненависть Запада къ Востоку и православію является въ исторіи мїра — традиціоннымъ, инстинктивнымъ, какимъ-то непосредственнымъ чувствомъ и двигателемъ. Въ наше же время она осмыслена и оправдана въ общемъ западно-европейскомъ сознаніи тѣмъ, что именно-де въ православіи Славянскихъ племенъ — основаніе симпатій и влеченій ихъ къ Россіи. О необходимости окатоличить Балканскихъ Славянъ проповѣдывалъ въ своей газетѣ, лѣтъ еще около 20 тому назадъ, предшественникъ современныхъ французскихъ коммунарковъ, открыто отрицавшій Бога и всякую вѣру, Геру (Héroult). Рукоплескать этому будетъ и Рошфоръ, и всѣ поджигатели Парижа (сильно возмущающіеся теперь отдачею Дульциньо Славянамъ, къ обидѣ Албанцевъ, почему-то вдругъ принятыхъ ими подъ свое покровительство! въ этомъ духѣ, впрочемъ, пишетъ и политикъ *Revue des deux Mondes*; насильственная же отдача Босніи и Герцеговины — Австріи не возмутила ни одного «либерала» въ Европѣ!!!). Французское республиканское правительство отъ имени *католической* Франціи предъявляетъ свои права на покровительство Славянамъ-католикамъ Балканскаго полуострова, только католикамъ, — тогда какъ это право исключительнаго покровительства Славянамъ православнымъ отнято у православной Россіи! Анаэематствованное Итальянское правительство также дѣйствуетъ въ пользу пропаганды, за одно съ предавшимъ его анаеємъ папой....

Объ Австрія нечего и говорить. Католическая пропаганда устроена ею между Балканскими Славянами въ обширныхъ размѣрахъ. Цѣлыя тучи латинскихъ миссіонеровъ опустились на полуостровъ.... Одновременно съ этой пропагандой, съ этими новыми духовными сѣтями, изготовляемыми для православныхъ Славянъ въ видѣ уни, разставляются политическія сѣти и для всѣхъ Австрійскихъ Славянъ вообще, которые, несмотря даже на различіе вѣроисповѣданій, еще влекутся невинными симпатіями къ Россіи. Вотъ уже почти два года приводится въ исполненіе, и съ замѣчательнымъ успѣхомъ, въ своемъ родѣ грандіозная система кокетничанья съ Чехами, Поляками, Хорватами, Словенами и даже, хоть и въ микроскопической долѣ, съ нашими злосчастными русскими Галичанами. Славянское простодушіе, какъ водится, кокетства и не замѣчаетъ. Въ то же время Австрійское правительство, несмотря на плохіе финансы, увеличиваетъ, съ согласія своего рейхсрата и делегаціи, въ значительной степени свой военный бюджетъ, вооружается съ ногъ до головы, строитъ лагеря, крѣпости, укрѣпленные склады чуть не на самой русской границѣ. Но о славянской внутренней политикѣ Австріи стѣбитъ рассказать особо. Здѣсь же только замѣтимъ, что именно эту минуту новыхъ козней Рима противъ православія мы признали за наиблагопріятнѣйшую для возобновленія переговоровъ съ папою и для сближенія съ нимъ. Переговоры велись нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, г. Убри, съ папскимъ нунціемъ, тѣмъ самымъ умнымъ Якобини, о которомъ мы говорили. Понятно, что русское общество смущено этими переговорами, содержаніе которыхъ ему неизвѣстно. Вѣдь это только злые наши враги на Западѣ клеветуютъ на Россію, признавая ея политику хитрою, лукавою, коварною и прозорливою...

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 2 мая 1881 г.

Извѣстія изъ Болгаріи не были для насъ неожиданностью. Всѣ доходившія до насъ свѣдѣнія, всѣ письма нашихъ корреспондентовъ заставляли предвидѣть кризисъ въ той или другой формѣ. Мы, впрочемъ, до послѣдней минуты надѣялись, что кризисъ этотъ совершится только въ сознаниіи такъ-называемой болгарской «интеллигенціи».... (несчастное слово, самохвальныи, надменный, одурающій титулъ, не употребляемый образованными классами ни въ одной странѣ міра и честь изобрѣтенія котораго всецѣло принадлежитъ дерзкой спѣси нашихъ ученыхъ неучей,—этой полуобразованной, фальшиво-либеральной, къ сожалѣнію, многочисленной фракціи русскаго общества!) Но кризисъ этотъ оказался острѣе чѣмъ думалось, — и изъ домашняго, внутренняго, грозитъ стать событіемъ внѣшняго, немаловажнаго политическаго значенія. Мы надѣемся однако, что мудрость Болгарскаго народа (именно народа въ тѣсномъ смыслѣ, тѣхъ сельскихъ и городскихъ жителей, которыхъ «интеллигенція» причисляетъ къ классу *неинтеллигентныхъ*) сдумаетъ дать этому кризису мирное, правильное разрѣшеніе.

«О, если бы князь Черкасскій не умеръ такъ рановременно,—еслибъ именно онъ докончилъ организацію Болгарскаго княжества: не находились бы мы въ такомъ безобразномъ положеніи, какъ нынѣ!» писалъ намъ недѣли двѣ тому назадъ одинъ Болгаринъ изъ Софіи.... Да, нѣтъ сомнѣнія, дѣла въ Болгаріи пошли бы иначе, хотя бы Россіи и не пришлось, къ насмѣшливому удивленію всего міра, чваниться тѣмъ, что она не только «освободительница Болгаръ» цѣною своей крови и достоянія,—но и подательница «конституціонныхъ благъ», сфабрикованныхъ государственными «либералами» Петербурга. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что причина настоящаго зла въ Болгаріи именно—«конституція», навязанная нами Болгарамъ, конституція, составленная по западно-европейскому образцу, безъ соображенія съ характеромъ, правами, недавнимъ историческимъ прошлымъ и съ настоящими потребностями народа.

Судьба освобождающихся Балканскихъ племенъ вообще

трагическая. *Начинать* созиданіе государства въ XIX вѣкѣ, на виду у народовъ старой цивилизаціи, утратившихъ даже память о своихъ доисторическихъ временахъ, давно пережившихъ свой эмбриологическій процессъ и періоды постепенной, естественной, такъ сказать, безсознательной государственной формаціи—задача мудреная. Въмѣсто жизни выходитъ теорія, вмѣсто творчества—сочиненіе! Такое насильственное сокращеніе натурального роста, такая замѣна свободного развитія инстинкта и непосредственныхъ силъ отвлеченною дѣятельностью разсудка—не обходится даромъ. Это почти то же, что изъ отроческаго періода перескочить прямо въ старческой, или если бы отрокъ, даже просто ребенокъ, попалъ, въ качествѣ равноправнаго, въ общество людей, уже преклонныхъ лѣтъ, при чемъ, по необходимости и ради отроческаго самолюбія, сталъ бы гримироваться старикомъ, искусственно бороздить себѣ лобъ морщинами, наклеивать усы и говорить басомъ.... Такъ было съ Сербами Княжества, которые прямехонько изъ эпоса, изъ пастушескаго періода, изъ «богоравныхъ», какъ Эвмей у Гомера, свинопасовъ (главный промыслъ сербскій) прыгнули въ цивилизацію нашего столѣтія, обзавелись тотчасъ же «интеллигенціею», пославъ немедленно челоуѣкъ пять свинопасовъ учиться философіи у Гегеля (это фактъ), обстановились «апелляціонными» и «кассационными» судами (дорожа, разумѣется, именно иностранными названіями), а потомъ и конституціей совершенно европейскаго склада. Письмо изъ Сербіи, напечатанное въ «Политическомъ Обзорѣніи» 24 № «Руси», свидѣтельствуетъ о томъ положеніи, въ которомъ, благодаря своей «интеллигенціи», находится это несчастное, неудавшееся княжество: ему предстоитъ или внутренній государственный переворотъ, или окончательное «вступленіе въ сферу австрійскихъ интересовъ». Примѣръ Сербіи долженъ былъ бы предохранить Болгаръ и русскія власти отъ повторенія роковой ошибки. Нѣкогда, въ рѣчи, произнесенной нами въ качествѣ предсѣдателя Московскаго Славянскаго Комитета, мы именно увѣщевали Болгаръ не идти по путямъ своихъ сосѣдей,—но нашъ голосъ не былъ и не могъ быть услышанъ—при авторитетномъ голосѣ русскихъ официальныхъ устроителей Болгаріи, смѣнившихъ князя Чер-

касскаго, и при мнимо-либеральномъ гвалтѣ нашей голосистой прессы, привѣтствовавшей ихъ конституціонные замыслы. Пожала плечами старая Европа, дивясь нашему легкомыслию, а нѣкоторые ея политики коварно улыбнулись въ предвидѣніи будущаго....

Вникните въ положеніе Болгарь въ минуту освобожденія. Не только «Болгаріи» не было, какъ обособленной страны съ какимъ-либо отдѣльнымъ гражданскимъ устройствомъ, какъ термина политическаго, но она не существовала даже какъ терминъ географическій, т. е. съ опредѣленными границами территоріи: это былъ терминъ только этнографическій. Пять вѣковъ турецкаго рабства не смогли вытравить въ Болгарахъ ихъ національнаго сознанія, ихъ стремленій къ независимости, — вѣчная имъ за то честь и хвала, — но они, разумѣется, отвыкли отъ всякой политической и гражданской *самостоятельной* жизни. Не сами они и освободились, разучившись и владѣнію оружіемъ, ставъ народомъ по преимуществу земледѣльческимъ, промышленнымъ и торговымъ. (Впрочемъ, по увѣренію русскихъ офицеровъ и по опыту небольшого болгарскаго ополченія, устроеннаго Россіей въ минувшую войну, Болгарскій народъ представляетъ прекрасный матеріалъ для образованія стойкаго, доблестнаго регулярнаго войска). Тѣ изъ Болгарь, которые, до эпохи освобожденія, получили нѣкоторое образованіе, готовили себя для учительства, для педагогической, а никакъ для административной дѣятельности. «Оставьте намъ Русскихъ для занятія высшихъ административныхъ постовъ, хоть на нѣкоторое время», писали намъ неоднократно просвѣщеннѣйшіе изъ Болгарь, «пока мы подготовимъ своихъ людей, а теперь ихъ у насъ еще не имѣется; всякій школьный учитель того и гляди возмнѣтъ себя способнымъ занять мѣсто министра, воспылаетъ честолюбіемъ и духомъ интриги». Такъ предсказывали умные Болгары, такъ и случилось. Отчасти по недостатку у насъ въ Россіи своихъ собственныхъ способныхъ къ высшей администраціи людей, отчасти по политическимъ и другимъ соображеніямъ, требованіе Болгарь не могло быть исполнено, и только должность военнаго министра, къ счастью для Болгаріи, всегда до сихъ поръ исправлялась, и въ настоящее время исправляется Русскимъ. Поле для интригъ

честолюбія открылось обширное,—и все, что не пахало, не торговало и не промышляло, потянулось къ высокимъ окладамъ жалованья, къ властвованію въ той или другой формѣ: не было той неспособности, которая бы не предъявляла притязанія на какой-либо министерскій портфель.

Что было нужно для Болгаріи въ главныхъ чертахъ? Нужно было установить мѣстное самоуправленіе въ сельскихъ и городскихъ общинахъ въ формѣ наиболѣе сродной Болгарамъ, наравнѣ со всякимъ Славянскимъ племенемъ,—вести обычай скупщины или собора народныхъ представителей или, точнѣе, избранныхъ отъ народа пословъ — вовсе не въ видѣ европейскаго конституціоннаго собранія съ самодержавствующимъ большинствомъ голосовъ, а единственно и исключительно въ видѣ собранія совѣщательнаго. Наконецъ, пуще всего слѣдовало учредить крѣпкую, сильную, объединяющую, центральную, державную власть. Внѣшнее политическое положеніе Болгарскаго Княжества, въ виду отдѣленія отъ него Восточной Румелии и стремленія обѣихъ частей Болгаріи къ воссоединенію, въ виду возможности новыхъ войнъ и политическихъ усложненій, таково, что и въ конституціонной странѣ потребовало бы учрежденія временной диктатуры. Въмѣсто этого всего введенъ былъ европейскій парламентаризмъ; введено правленіе «большинства», и это въ странѣ, не доросшей до яснаго политическаго сознанія и не знающей, разумѣется, никакой борьбы исторически-сложившихся политическихъ партій, а знающей развѣ только борьбу личныхъ эгоистическихъ интересовъ, прирожденную всякому человѣческому обществу. Разумѣется, только эта одна борьба и проявилась на дѣлѣ... Что «единство» всегда желательно и необходимо—это старая истина, обратившаяся въ общее мѣсто; тѣмъ не менѣе это такая истина, которой практическое прижненіе къ жизни было особенно нужно въ Болгаріи при началѣ новаго государственнаго бытія. «Единство!...» Какое тутъ единство, когда, по примѣру цивилизованной Европы, оказывается нужнымъ обзавестись именно партіями? какъ же быть безъ партій, коли есть «конституція»? И вотъ новые граждане, еще почти не выйдя изъ утробы матери на политическій божій свѣтъ, задаются задачею не единства, а разъединенія: «ты, Петко, будь консерваторомъ, ты, Ника,

ступай-ка въ либералы, а я, Райко, махну въ радикалы!»! Что охранять консерваторамъ—турецкіе порядки? ибо другой старины нѣтъ; въ чемъ задачи либерализма, когда все дѣло въ томъ, чтобы дарованную свободу отъ иноземнаго ига сберечь и упрочить? какіе тутъ «радикалы», которыхъ послѣднее слово *анархія*, когда нужно воздвигать государство. и именно крѣпкую монархію?... Такихъ вопросовъ никто, кажется, себѣ и не задавалъ. Но достаточно приведенныхъ иностранныхъ именованій для того, чтобы уразумѣть начало отчужденія между «интеллигенціей» и народомъ. Всею этою нелѣпостью, бьющею въ глаза, не смутились наши русскіе конституціонныхъ дѣлъ мастера, не смутятся вѣроятно и теперь, забывая, что европейскія конституціи—продуктъ долгой исторической своеобразной жизни, исторически выработавшіяся компромиссъ между угнетавшими и угнетенными классами, между полноправными и нѣкогда безправными, но въ послѣдствіи окрѣпшими сословіями! Ничего подобнаго ни въ Сербіи, ни въ Болгаріи нѣтъ и не бывало,—тамъ нѣтъ ни сословія, ни даже классовъ, всѣ равны и равноправны въ формѣ почти первобытной.

Южнымъ Славянамъ вообще недостаетъ дисциплины, безъ которой невозможно существованіе государства, — недостаетъ имъ и чувства «отечества», какъ политическаго цѣлаго, обязывающаго всѣхъ къ солидарности и отвѣтственности. Ихъ понятія ограничиваются пока «племенемъ» и «родиною», — и этого имъ, конечно, въ вину ставить нельзя. Нашъ Русскій народъ, кромѣ того, что онъ прошелъ тысячелѣтнюю трудную историческую школу, воспитываетъ въ себѣ дисциплину своимъ мірскимъ устройствомъ, при которомъ каждый, съ раннихъ лѣтъ, приучается согласовать свой эгоизмъ съ интересомъ своего общества и подчинять свою волю волѣ міра. Поэтому нашъ народъ и не можетъ идти въ сравненіе съ прочими Славянскими племенами, — поэтому онъ одинъ изъ нихъ, какъ наиболѣе способный къ послушанію и сознательной дисциплинѣ, и создалъ могущественнѣйшее въ свѣтѣ государство. Но какъ же принялись наши русскіе Европейцы за водвореніе въ Болгаріи нужныхъ для нея условій здороваго бытія? Учрежденіемъ безправной верховной власти и, между прочимъ, узаконеніемъ не то, что свободы,

но разнужданности политическихъ нравовъ и печати въ странѣ, только еще начинающей лепетать и еще не имѣющей правильно устроенныхъ судовъ! Разумѣется, эта свобода, къ великому смущенію сельскаго люда, серьезно относящагося къ печатному слову, превратилась у новоиспеченной болгарской интеллигенціи въ свободу не борьбы мнѣній, а площадныхъ ругательствъ, гнусныхъ сплетней и клеветъ, которыми и стали обмѣниваться партіи министровъ смѣщенныхъ и властвующихъ. Наши публицисты видѣли въ этомъ проявленіе «молодой, здоровой жизни», тогда какъ надо было предвидѣть иное: именно, что общество, неумѣющее чтить и уважать достоинство имѣ же избранной власти, подрываетъ въ корнѣ самый свой политическій строй. Кончилось тѣмъ, что пребывающіе во власти «либералы» не выдержали поношенія и стали преслѣдовать поносящихъ самыми неконституціонными, а турецкими способами...

Къ довершенію бѣдъ, не мало теперь въ Болгаріи Болгарь, заразившихся въ нашихъ русскихъ школахъ, въ которыхъ получили образованіе, нашею общественною язвою — *нигилизмомъ*. Они призваны теперь *созидать*, призваны къ дѣятельности *положительной*, творческой, а въ Россіи научились только теоріямъ *отрицанія* и *разрушенія*! Нашлись попугаи и обезьяны между Болгарами, которые обзавелись органами социалистическаго и революціоннаго духа, — нашлись такіе, которые осмѣлились класть хулу на своего Благодѣтеля и Освободителя, на Мученика-Царя. Но этого Болгарскій народъ уже не могъ выдержать. Въ настоящемъ движеніи Болгарскаго народа, котораго Князь Александръ явился смѣлымъ выразителемъ, мы видимъ залогъ лучшаго будущаго. Болгарскій народъ имѣетъ въ себѣ всѣ задатки для правльнаго гражданскаго развитія. Онъ серьезенъ, здравомысленъ, миролюбивъ, трудолюбивъ, упоренъ въ достиженіи цѣли, не терпитъ фразы и ничего показнаго, никакихъ внѣшнихъ, театральныхъ демонстраціи и манифестацій. Онъ *не стыдится* благодарности. А способность помнить благодареніе и сохранять въ душѣ за него признательность есть великая добродѣтель, свидѣтельствующая о прочномъ нравственномъ внутреннемъ строѣ народномъ, — добродѣтель, которой, на примѣръ, вовсе не знаютъ «интеллигентные» или по сербски: «изображенные» Сербы Княжества.

Не знаемъ, чѣмъ окончится кризисъ и что рѣшить великое народное собраніе, созываемое Княземъ. Самымъ мудрымъ рѣшеніемъ представляется намъ упраздненіе, хотя бы временное, лѣтъ пока на пять или даже десять, существующей формы правленія, основанной на парламентскомъ большинствѣ, и ограниченіе правъ собранія только совѣщательнымъ, но конечно вполнѣ свободнымъ, независимымъ голосомъ. Такой добровольный опытъ показалъ бы, по окончаніи срока, какой образъ государственнаго существованія наиболѣе приличенъ Болгаріи и лучше предохраняетъ страну отъ того министерскаго деспотизма, отъ котораго такъ изстрадался народъ при господствѣ настоящей пресловутой «либеральной» партіи, съ г. Каравеловымъ во главѣ.

Искреннее участіе къ благородному Сербскому племени вынуждаетъ насъ обратиться съ словами предостереженія къ Черногорцамъ, особенно къ тѣмъ, которые учатся теперь въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Пусть то, что происходитъ теперь въ Сербскомъ и Болгарскомъ княжествѣ, послужитъ для нихъ урокомъ. Будущее Сербскаго племени зависитъ теперь во многомъ отъ Черногоріи. Пусть знаютъ они, что только та часть Сербскаго племени преуспѣетъ и въ силѣ и въ истинной свободѣ, которая не погонится за слѣпымъ подражаніемъ Западной Европѣ, воспитаетъ въ себѣ чувство и сознаніе государственной дисциплины,—не *заведетъ у себя конституци по западно-европейскому образу...*

Вотъ телеграммы изъ Софіи, напечатанныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и подавшія поводъ къ нашей статьѣ:

СОФІЯ, 9 мая (27 апрѣля). Сегодня князь въ своей прокламаціи къ народу успокоилъ общественное мнѣніе, уволивъ министерство Каравелова. Его высочество поручилъ министру Эрнроту составить новый умѣренный временный кабинетъ. Министромъ юстиціи назначенъ предсѣдатель кассационнаго суда Стаматовъ. Въ прокламаціи говорится о скоромъ созваніи великаго народнаго собранія, для устраненія хаоса и причинъ, задерживающихъ правильное развитіе княжества. Въ случаѣ непринятія мѣръ этимъ послѣднимъ князь рѣшился отказаться отъ Болгарскаго престола.

СОФІЯ, 9 мая (27 апрѣля). Въ прокламаціи князя ска-

зано: «Единогласное избраніе ввѣрило мнѣ судьбы Болгаріи. Не безъ колебанія принялъ я на себя задачу вести Болгарію по пути преуспѣянія, трудился добросовѣстно, допускалъ всѣ попытки организовать правильное развитіе княжества. Къ сожалѣнію, всѣ эти попытки обманули мои надежды. Болгарія оказывается нынѣ дискредитованною извнѣ, дезорганизованною внутри. Такое положеніе поколебало въ народѣ вѣру въ справедливость и законы». Князь извѣщаетъ, что онъ поручилъ Эрнроту образованіе временнаго кабинета до рѣшенія народнаго собранія. «Если оно утвердитъ условія необходимыя для правительства, которыя я предъявлю и отсутствіе которыхъ было главною причиною нынѣшняго положенія дѣлъ, въ такомъ случаѣ я оставляю корону за собой. Такъ какъ моя задача состоитъ въ споспѣшествованіи благу страны, то я считаю своимъ святымъ долгомъ заявить торжественно, что нынѣшнее положеніе дѣлаетъ исполненіе этой задачи невозможнымъ. Основываясь на конституціи, я рѣшилъ созвать собраніе—органъ высшей національной воли и возвратить ему корону, а вмѣстѣ и судьбы Болгаріи. Если нынѣшнее положеніе не измѣнится, я рѣшился оставить тронъ, съ сожалѣніемъ, но съ сознаниемъ, что исполнилъ свой долгъ до конца».

Составъ новаго кабинета: Эрнротъ — министръ военный, внутреннихъ дѣлъ и президентъ, Зелесковичъ — финансовъ, Стаматовъ — юстиціи, прочіе министры остаются прежніе.

Москва, 20-го іюня 1881 г.

Ужъ не далекъ день, который рѣшитъ судьбу дорогой каждому русскому сердцу Болгаріи. Даруетъ ли Болгарскій народъ князю Александру требуемое имъ полномочіе и, — возложивъ на него бремя своего довѣрія, бремя личной власти и личной отвѣтственности, а на себя семилѣтній искусь терпѣнія и надежды, — мирно разойдется по домамъ? или же заклубится по Дунаю дымъ парохода, уносящаго перваго князя Болгаріи отъ сей страны далече, — и недавно рожденное государство, оставшись внезапно безгосударнымъ, станетъ жертвою внутреннихъ смутъ, анархіи, а въ концѣ концовъ и

иноплеменнаго нашествія—Турокъ или Австрійцевъ? Мы съ своей стороны вѣримъ въ здравый смыслъ болгарскихъ народныхъ массъ, и почти не сомнѣваемся въ ихъ рѣшеніи. И рѣшеніе это, благопріятное для князя, будетъ принято Болгарскимъ народомъ вовсе не изъ раболѣпства или «сервизма», въ чемъ такъ склонны на Западѣ упрекать Славянскія племена, — вовсе не страха ради, не подъ давленіемъ власти, — а совершенно искренно и свободно, во первыхъ, какъ самый благополучный исходъ изъ настоящаго положенія, вторыхъ, потому, что народъ умѣетъ терпѣть и ожидать, и очень серьезно отнесется къ семилѣтнему сроку, который самъ князь назначаетъ для предстоящаго политическаго испытанія. — Народъ вообще, всякій народъ, тѣмъ и отличается отъ единичнаго лица или даже отъ совокупности отдѣльныхъ лицъ, составляющей его верхній слой, общество или «интеллигенцію», что лицо — *нетерпливо*, мѣряетъ ходъ событій и общественнаго развитія короткимъ срокомъ личной жизни, торопитъ исторію, тогда какъ народъ, организмъ историческій, живущій въ вѣкахъ, мѣряетъ свою жизнь историческимъ же мѣриломъ. Эта народная черта, кажется намъ, мало оцѣнена и замѣчена, и она въ особенности арко выступаетъ въ Русскомъ народѣ. Въ этой чертѣ, повторяемъ, и заключается существенное отличіе народа, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, отъ его такъ-называемой интеллигенціи: у обоихъ разныя мѣры времени, разныя отношенія къ исторической жизни. Всего лучше выражается это различіе сравненіемъ народа съ корнемъ, а интеллигенціи съ листьями, къ которымъ, въ извѣстной басни Крылова, корни дерева обращаются съ такою рѣчью:

Молчите въ добрый часъ
И помните ту разницу межъ насъ.
Что съ каждою весной *мстѣ новыи народится*,
А если корень изсушится,
Не станетъ дерева, ни васъ.

Но мы увлеклись въ сторону. Впрочемъ, поученіе басни годится не только для нашей, но и для молодой болгарской интеллигенціи, которая на первыхъ же порахъ своего бытія, упоенная хмѣлемъ политическаго властолюбія, начала ужъ слишкомъ скоро забывать о *корнѣ*. — Русская публика не

могла, конечно, не смущаться тѣми тенденціозными извѣстіями, которыя разсылались въ русскія и заграничныя газеты приверженцами обѣихъ борющихся партій. Надобно сказать правду, особенною тенденціозностью отличались телеграммы и письма въ духѣ партіи «либераловъ», пересылаемая въ газету «Голось» ея корреспондентомъ, котораго мы имѣемъ честь знать лично, а потому имѣемъ и нѣкоторое основаніе считать его сообщенія пристрастными. Зная по долговременному опыту, какъ запальчивы во взаимной борьбѣ южные Славяне, какъ склонны, по своей страстности, къ преувеличеніямъ, какъ легковѣрны ко всякому обвиненію, взводимому на врага, мы старались узнать о настоящемъ положеніи дѣлъ изъ другихъ источниковъ, отъ лицъ менѣе заинтересованныхъ,—и свѣдѣнія нами полученныя только подтвердили наше мнѣніе, уже высказанное въ 25 № «Руси»... Народъ былъ равно недоволенъ ни «консерваторами», ни «либералами», но послѣдними недоволенъ еще сильнѣе, потому что они долѣе оставались во власти, слишкомъ много популярничали и общались, и слишкомъ скоро зазнались... Что бы ни толковали наши газеты о народномъ сочувствіи къ такимъ «либераламъ», какъ гг. Цанковъ и Каравеловъ, достаточно напомнить, что г. Каравеловъ, — можетъ быть и несправедливо, — пользуется репутаціей позитивиста или вольномыслителя (*libre-penseur*), а г. Цанковъ — католикъ, т. е. вѣроотступникъ, который, во время оно, затѣялъ было искать для Болгаръ защиты отъ греческой патріархіи у римскаго папы, и съ этой цѣлью склонялъ Болгаръ къ переходу, если не прямо въ латинство, то въ унию. Каковы бы ни были «патріотическія» побужденія такого вѣроотступничества, но оно свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ легкомысліи этого «передоваго дѣятеля», какъ величаютъ его нѣкоторыя наши газеты, и о совершенной его неспособности служить выразителемъ національнаго духа Болгаріи. Народъ Болгарскій, остававшійся вѣрнымъ православію въ теченіи пятнадцатого рабства и только благодаря этой вѣрности сохранившій свою народность и свою единовѣрную связь съ Россіей,—за г. Цанковымъ ни въ латинство, ни въ унию не пошелъ, не пойдетъ, конечно, за нимъ и теперь. Уже одно то обстоятельство, что даръ «конституціонной свободы»

предлагается въроотступникомъ, невольно внушаетъ народу недовѣріе, которое какъ само собою разумѣется, поддерживается въ немъ и духовенствомъ. Не въ такой степени рѣзко, но также несочувственно относится духовенство и къ Каравелову. Нельзя же предполагать, чтобы мнѣніе духовенства, особенно же высшаго, т. е. епископовъ, архіереевъ, митрополитовъ, не имѣло никакого значенія для народа. Всѣ эти данныя,—съ которыми нельзя не считаться, такъ какъ вопросъ о конституціи предлежитъ разрѣшенію не въ абстрактной области, не въ безвоздушномъ пространствѣ,—уже сами по себѣ предопредѣляютъ то направленіе, куда должны склониться вѣсы на предстоящемъ народномъ судилищѣ.

Не въ пользу «либеральной» партіи въ глазахъ Болгарскаго народа послужить и обращеніе къ международному ареопагу, къ заступничеству Франціи, Италіи, Англіи (къ Россіи она обратилась уже къ послѣдней). Напечатанное въ «Болгарскомъ Гласѣ» дерзкое письмо Цанкова къ русскому дипломатическому агенту только снова свидѣтельствуетъ, какъ искусственно вырощенная, форсированнымъ способомъ выгнанная изъ почвы интеллигенція легко утрачиваетъ, въ своей самонадѣянности, живую органическую связь съ народомъ. Называть русскихъ офицеровъ «иностранцами», упрекать русскаго агента за то, что онъ сопровождаетъ князя въ его поѣздкѣ, это значитъ идти наперекоръ чувству и мысли Болгарскаго народа, для котораго русскіе офицеры и представитель Русской державы не иностранцы, а *свои*, кровные родные, только вчера пролившіе за него свою кровь и расковавшіе турецкія цѣпи, *обязанные*, въ его глазахъ, радѣть ему и совѣтовать. Болгарскій народъ не стыдится благодарности, и уже одно это служитъ доказательствомъ его нравственной доблести, его духовной внутренней крѣпости.

Въ нашихъ газетахъ много говорилось о перепискѣ Цанкова съ Гладстономъ, но, если не ошибаемся, ни слова не было сказано о письмѣ къ Гладстону Болгарина Балабанова, который, одновременно съ Цанковымъ и вмѣстѣ съ нимъ, объѣхалъ въ 1876 году Европу, точно также лично знакомъ съ Гладстономъ и пользуется, по всей вѣроятности, въ глазахъ англійскаго министра равнымъ съ г. Цанковымъ авторитетомъ. Письмо Балабанова, рѣзко опровергающее письмо

Цанкова и защищающее дѣйствіа князя, напечатано въ личномъ органѣ Гладстона «Pall Mall Gazette». Ниже, въ Политическомъ обозрѣніи, читатели прочтутъ его въ переводѣ. Тамъ же найдутъ они и отзывъ о болгарскихъ дѣлахъ самого министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Гранвилля, изъ котораго вовсе не видно, чтобъ Англія собиралась расходиться съ Россіею въ своемъ дипломатическомъ образѣ дѣйствій по отношенію Болгаріи, какъ уже грозили нѣкоторые газетные политики.

Конституція на западно-европейскій образецъ тѣмъ уже однимъ вредна для народа, только-что начинающаго жить политической жизнью, что, вмѣсто здороваго роста и развитія, даетъ ему заразу политическаго властолюбія; вмѣсто единства—порождаетъ вражду, раздѣленіе; дѣлаетъ народъ игрищемъ партій, и интересы отечества заслоняетъ личными и партійными интересами. Все это не созидаетъ силы, а только ослабляетъ и безъ того слабый, еще не окрѣпшій государственный организмъ. Болгарамъ же пуще всего нужно воспитать въ себѣ чувство государственной дисциплины и умѣть подчинять личныя выгоды и потребности понятію цѣлаго и общаго, понятію государства. Нужно прежде всего укрѣпить и утвердить внѣшнюю форму бытія. Сознавать себя и чувствовать себя *государствомъ* для Болгаръ, знавшихъ до сихъ поръ только *родину* и *племя*, еще ново, и это сознаніе и чувство никогда не разовьются, если при самоѣмъ вступленіи на государственное поприще — Болгары разобьются на враждебныя станы, и вся ихъ внутренняя жизнь поглотится борьбою изъ-за власти одного стана надъ другимъ!...

Москва, 12 сентября 1881 г.

Тѣ толки и заключенія, къ которымъ, въ заграничной печати, подало поводъ данцигское свиданіе Русскаго и Германскаго Императоровъ, не могли не произвесть нѣкотораго смущенія въ нашемъ обществѣ. Тѣмъ болѣе цѣннымъ мы вниманіе, оказанное въ настоящемъ случаѣ русскому общественному мнѣнію чрезъ помѣщеніе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» циркулярной депеши статсъ-секретаря Гирса къ

дипломатическимъ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ. Эта депеша, устанавливая истинную и единственно приличную точку зрѣнія на значеніе этого «событія», должна, кажется, въ значительной степени охладить прыткую фантазію иностранныхъ публицистовъ, а въ то же время успокоить умы и въ самой Россіи. «Узы близкаго родства и преемственная дружба, соединяющія обоихъ Вѣнценосцевъ, достаточно объясняютъ побудительныя причины вызвавшія это свиданіе и характеръ его», пишетъ нашъ управляющій Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: читатели припомнятъ, что мы лично, сообщая въ 42 № «Руси» извѣстіе объ отъѣздѣ въ Данцигъ Государя Императора, также не допускали возможности какого-либо иного толкованія. Тѣмъ не менѣе успокоить умы и въ самой Россіи было полезно. Ибо слишкомъ памятно Россіи, къ чему привелъ ее не очень давній «тройственный союзъ», вѣнчавшійся Берлинскимъ трактатомъ,—и ничего она такъ не боится, какъ союзовъ, обращающихъ союзника въ *узника*. Роль узника дружбы и плѣнника чести, т. е. даннаго слова, всегда въ этихъ международныхъ отношеніяхъ двухъ или трехъ сторонъ выпадала *только* на насъ,—роль, безъ сомнѣнія, дѣлавшая честь нашему нравственному характеру, но не пронизательности. Прочія договаривавшіяся съ нами стороны никогда никакихъ *цѣпей* дружбы и чести, по отношенію къ намъ, на себя не налагали и не несли. Не однажды приходилось Россіи, удрученной бременемъ этихъ вовсе не «цвѣточныхъ узъ», изнемогавшей отъ благодѣяній такой междуособной дружбы, обманутой, даже не очень хитростно, въ своемъ довѣрїи, вычислять предъ вчерашними друзьями всѣ свои приношенія на алтарь взаимности—въ ущербъ ея собственнымъ интересамъ и въ пользу чужимъ,—и... И въ концѣ концовъ снова удовлетворяютъ ненасытнымъ алканіямъ такой притязательной и наступательной дружбы, снова, въ доказательство нашей непреклонной вѣрности и благодѣянія, самоотверженно отдавать въ жертву даже остаточный, послѣдній свой, кровный, въ данномъ случаѣ, интересъ... Всего этого Россія не забыла, все это болѣзненно живо въ ея сознаніи...

Этого не забыла и Европа. Именно этою ея памятью о всемъ содѣянномъ, также очень живою, и объясняется то

необычайное впечатлѣніе, которое произвело за границею посѣщеніе Русскимъ Императоромъ своего царственнаго престарѣлаго Дѣда. «Мы-то помнимъ, но неужели Россія и впрямь все предала забвенію, все простила?» вотъ вопросъ, который невольно задавали себѣ въ Европѣ. Увлекаясь стреміемъ распознать внутренній смыслъ факта,—вполнѣ естественнаго и достаточно характеризуемаго личными родственными отношеніями,—иностранные публицисты безцеремонно выдаютъ секретные мотивы своей государственной, относительно Россіи, политики. Секреты эти, впрочемъ, никогда не были тайною для русской публики; они всегда отрицались лишь русскими дипломатами, участвовавшими въ Берлинскомъ конгрессѣ и стяжавшими себѣ лестное одобрение главныхъ руководителей этого европейскаго противъ Россіи заговора. «Надо вѣдь вспомнить,—разсуждаетъ одна нѣмецкая газета,—все то униженіе, которому удалось соединенной Европѣ подвергнуть Россію въ 1878 г., ту дипломатическую побѣду, которую одержали надъ нею Германія, Англія и Австрія, послѣ ея блистательныхъ подвиговъ, послѣ ея славной, побѣдоносной войны! Вѣдь графами Андраши и Беконсфильдомъ вмѣстѣ съ княземъ Бисмаркомъ было порѣшено: *вытѣснить Россію совѣсть прочь изъ совѣтовъ Европы*, и русскіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ замѣнить австрійскими». Это говоримъ не мы, а нѣмецкій публицистъ, озадаченный данцигскимъ свиданіемъ и задумавшійся надъ вопросомъ: слѣдуетъ ли въ этомъ свиданіи видѣть со стороны Россіи какъ бы санкцію такой, по его собственному сознанію, враждебной для Россіи «германо-австрійской политикѣ»? Онъ не рѣшается дать отвѣтъ утвердительный и скептически относится къ ликованіямъ другихъ публицистовъ, которые въ посѣщеніи Данцига умудрились усмотрѣть новое торжество для Германіи, чуть не новую блистательную побѣду, одержанную княземъ Бисмаркомъ!.. Вѣроятно менѣе всѣхъ обольщается на счетъ истиннаго смысла данцигскаго посѣщенія самъ германскій канцлеръ,—но конечно онъ постарается извлечь изъ этого факта всю возможную для себя пользу: всѣ эти ликованія ему нужны, всѣ они направлены преимущественно—по адресу Франціи..

Никто лучше «честнаго маклера» не знаетъ истинную

цѣну услугъ оказанныхъ имъ Россіи, но нисколько не входить въ его расчеты, чтобъ въ Россіи понимали ее такъ же точно и хорошо. Всѣ усилія его, послѣ Берлинскаго конгресса, были устремлены къ тому, чтобы заворозить боль русскаго патриотическаго чувства, чтобы отвести глаза русскому общественному мнѣнію и убѣдить русское правительство въ неизреченномъ благополучіи такого исхода нашей военной кампаніи, какъ Берлинскій трактатъ. Самую величайшею опасностью представлялась для Берлина возможность національнаго направленія русской политики — естественный, казалось, результатъ пробужденнаго въ русскомъ обществѣ войною 1876 и 1877 г. самосознанія. Противъ этихъ двухъ «золъ» и направлены были изъ-за границы подкопы и мины, и нельзя сказать чтобъ безъ успѣха, такъ какъ Берлинскій договоръ, — этотъ конечный плодъ такихъ страстныхъ напряженій Россіи, такихъ громаднхъ подъятыхъ ею усилий, — самъ собою, разумѣется, много способствовалъ упадку общественнаго духа. Тогда же подняло голосъ, на время было притихшее, печальное безнародное направленіе извѣстной части нашей отечественной прессы и интеллигенціи. Всѣмъ, конечно, памятна та «свистопяска» самозаушенія и самооплеванія, которой предалась по преимуществу такъ-называемая либеральная печать вскорѣ послѣ войны. Либералы-демагоги и либералы-бюрократы даже вышшаго ранга за одно осмѣивали, оплевывали и движеніе добровольцевъ, и «подъемъ народнаго духа» (истинный подъемъ, какъ бы ни старались опошлить это выраженіе!); за одно глумились надъ національными историческими побужденіями, надъ историческимъ яко-бы «призваніемъ Россіи», надъ ея «миссією въ средѣ славянскихъ племенъ», и т. д. Все это было, конечно, на руку германо-австрійскимъ политикамъ. Нѣмецкая печать съ своей стороны, въ видѣ особеннаго доброжелательства Россіи, дѣятельно напирала на заслуги главнаго русскаго дѣятеля на Берлинскомъ конгрессѣ, графа Шувалова, особенно популярнаго въ Германіи, и рекомендовала его въ руководители русскихъ — иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ. Этому желанію нѣмецкой печати и князя Бисмарка не удалось однакоже совершиться, хотя, впрочемъ, они имѣли полное основаніе пребывать доволь-

ными и поведеніемъ всѣхъ прочихъ русскихъ дипломатическихъ представителей за границую, и вообще образомъ дѣйствій русской внѣшней политики.

Не мало, безъ сомнѣнія, содѣйствовали политическимъ видамъ нашихъ иностранныхъ «друзей» и печальныя, позорныя событія послѣднихъ лѣтъ въ нѣдрахъ самой Россіи. Проявились враги Русскаго народа или, по лѣтописному выраженію старины, «воры» въ самой Русской землѣ, — это крайнее выраженіе русскаго «западничества», это подражательное примѣненіе къ Россіи послѣдняго слова иностраннаго западнаго радикализма, только въ обстановкѣ нѣкоторыхъ свойствъ русскаго народнаго характера, т. е. большей отваги и дерзости. Извѣстно, что отрицаніе Бога, отрицаніе дупи и нравственнаго закона вѣнчалось наконецъ на Западѣ, совершенно логически, какимъ-то культомъ или боготвореніемъ одичанія, вмѣстѣ съ созданіемъ цѣлой новой породы дикихъ, которыхъ всѣ идеалы сосредоточились въ истребленіи и умерщвленіи, всѣ дары духа, весь умъ и душа — въ револьверѣ, ядѣ и динамитѣ. Это ихъ единственный «человѣческій» языкъ, — въ этомъ для нихъ высшее проявленіе «человѣчности» и «культуры». Къ стыду нашему, первое мѣсто среди этого разряда падшаго челоѣчества принадлежитъ Русскимъ. Опозоривъ нашу землю, сдѣлавъ ее въ глазахъ всего міра чуть не «притчею во языцѣхъ», они поработали, какъ подлые измѣнники, въ пользу чуждыхъ, враждебныхъ намъ политическихъ замысловъ. — Иностранные политики не замедлили, разумѣется, эксплуатировать въ свою выгоду дѣянія нашихъ нигилистовъ-революціонеровъ, и старались всѣми способами отождествить, въ глазахъ русскаго правительства, *нигилизмъ* съ «славянофильствомъ» или *національнымъ* русскимъ направленіемъ, скомпрометтировать послѣднее предъ русскою властью. Всѣ нѣмецкія газеты неутомно трещали на эту тему. Чѣмъ дѣятельнѣе начинала Австрія приводить въ исполненіе свои *панславистическіе* планы, т. е. установленіе австрійской гегемоніи среди славянскихъ племенъ, не только западныхъ, но и юго-восточныхъ или балканскихъ, тѣмъ сильнѣе и наглѣе поднимались вопли австрійскихъ и германскихъ газетъ о русскомъ «нигилистическомъ панславизмѣ», тѣмъ обильнѣе неслись предостереженія русскому

правительству противъ опасности «московскаго» или попросту *русскаго направленія*, противъ всякаго проявленія *самобытности* во внутренней и внѣшней политикѣ. Онѣ находили себѣ въ этомъ послѣднемъ отношеніи нѣкоторую, конечно неожиданную, поддержку и въ той русской печати, которая съ какимъ-то наивнымъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ въ русскомъ обществѣ всякое притязаніе на національную самобытность, и трепещетъ отъ благороднаго негодованія при одномъ этомъ словѣ!

Одновременно съ такого рода попыткой заподозрить въ глазахъ русскаго правительства всякое проявленіе русскаго народнаго духа въ политикѣ, пущены были въ ходъ изъ Германіи аргументы и другаго сорта, которые, впрочемъ, также какъ разъ совпали съ направленіемъ, преобладавшимъ въ значительной части нашего пишущаго и правящаго общества.

Не только за границу, но и у насъ дома, вошло въ моду представлять Россію во образѣ какого-то, если не насмерть раненаго, то тяжело-претяжко уязвленнаго, разслабленнаго инвалида, которому не то-что радѣть о своемъ достоинствѣ и славѣ, но дай Богъ развѣ кое-какъ оправиться, хоть бы и съ грѣхомъ пополамъ... Если иностранцы изображали Россію чуть не минированною вдоль и поперекъ, готовою ежеминутно взлетѣть на воздухъ и развалиться, и во всякомъ случаѣ терзаемою внутренними междоусобіями, то и русскіе публицисты, и даже сановные бюрократы, хотя, конечно, и не повторяли такихъ басней, однакоже не уступали иностранцамъ въ мрачности красокъ, которыми живописали свое отечество. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство нашихъ газетъ и даже свѣтскихъ гостиныхъ способно не только порадовать наизлѣйшаго врага Россіи, но и привести въ уныніе каждаго легковѣрнаго, прислушивающагося къ «общественному мнѣнію» Русскаго, лишить его всякой бодрости духа, столь необходимой намъ именно въ настоящую минуту, произвести въ немъ полный упадокъ, совершенную «прострацію» нравственныхъ силъ. Нѣкоторые органы печати особенно отличались расположеніемъ и искусствомъ группировать и отражать въ себѣ исключительно одни темныя пятна русской общественной и государственной жизни, вѣроятно

вслѣдствіе особеннаго устройства своего зрительнаго снаряда и органической духовной неспособности видѣть и понимать *положительныя* стороны нашего народнаго бытія. — то, что, по слову поэта, «сквозитъ и тайно свѣтитъ» въ его внѣшней безурядицѣ и бѣднотѣ. Само собою разумѣется, все это сопровождалось приличными воздыханіями, которыя, впрочемъ, сильно напоминали стихи Некрасова, обращенные во время оно къ таковымъ же «обличателямъ»:

И слезами покаянья
Мы разводимъ—*грязь!*

Все грязь, да грязь, — сплошная невылазная грязь. Вся Россія — сплошная язва даже безъ несомнѣнной надежды на выздоровленіе. Положеніе — чуть не отчаянное. Выходило, что народъ, совершившій еще недавно чудеса доблести, точно вдругъ упалъ, ослабѣлъ, изнемогъ до отреченія отъ своего тысячелѣтняго историческаго подвига и исторической цѣли, отъ единства, цѣлости и могущества своей государственной формы; что и бѣденъ онъ сталъ, и немощенъ, какъ никогда ни разу въ свое десятивѣковое бытіе; что и состояніе наше въ экономическомъ, финансовомъ, соціальномъ, нравственномъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ таково, что какіе тамъ славянскіе интересы! куда тамъ заботиться о внѣшнемъ достоинствѣ, претендовать на австрійскія козни и еще выказывать щекотливость относительно политической чести, когда весь народъ покрытъ *проказой* (sic) и грозитъ заразить и насъ, «культурныхъ людей»! Нужно Россіи сидѣть смиреннымъ-смирно, спустить пониже свой политическій флагъ, сносить терпѣливо всѣ щелчки и обиды, и при всякомъ новомъ извнѣ оскорбленіи приговаривать самой себѣ: «ништо тебѣ, ништо! такъ и слѣдуетъ! подѣломъ! вотъ тебѣ за «самобытность»! вотъ тебѣ за притязанія на народное самостоятельное развитіе, за то, что не дообезьяничалась до французскаго или иного заграничнаго праваго порядка»! Гуломъ-гудѣли такія рѣчи, при безмолвіи обыкшаго молчать русскаго народа, и колоссальное недоумѣніе давило нашу могущественную власть, и марево немощи завладѣвало духомъ, и съезживалась, смирялась донельзя наша политика, утрачивая дѣйствительно вѣру въ силы народа и призваніе Россіи...

А Австрія межъ тѣмъ не переставала работать да работать, плела и раскидывала сѣти на Балканскихъ Славянъ, всасывала несчастную Сербію въ «сферу своихъ интересовъ», душила православныхъ Босняковъ и Герцеговинцевъ, мутила въ Румелии и Македоніи, упраздняя всюду русское обаяніе и вліяніе... Бисмаркъ оставался доволенъ...

Настало 1 марта. Воспрянувъ отъ ужаса, сдернула съ себя Россія пелену недоумѣній и лживыхъ мечтаній, гнетъ самоуничженія и безвѣрія съ самоё себя... Новый, бодрый Царь на престолѣ,—новые люди въ управленіи, и въ числѣ ихъ, хотя и не во главѣ иностранныхъ дѣлъ, графъ Игнатьевъ, имя котораго нераздѣльно связано съ представленіемъ о національномъ направленіи во внѣшней политикѣ. Новая забота, новая работа соображеній для Европы, но въ особенности для германскаго канцлера! Очевидно, что прежніе ходы, прежніе приемы уже не годились. Какъ мы сказали, Бисмаркъ очень хорошо зналъ, *какія* услуги оказаны были имъ Россіи въ качествѣ «честнаго маклера», и могъ справедливо предположить, что эти услуги цѣнятся по достоинству и новою русскою властью. Менѣе всего способенъ былъ этотъ гениальный и прозорливый государственный мужъ убаюкивать себя мнимою *слабостью* Россіи. Хотя значительная часть нашей печати не переставала отъ имени Россіи пѣть Лазаря, хотя и многіе наши государственные люди продолжали вторить этой пѣсни и толковать о такой внутренней предстоящей дѣятельности, которая упраздняла для насъ всякую возможность оберегать наше внѣшнее политическое значеніе, однако-же германскій канцлеръ хорошо понималъ, что Русскій народъ живъ и живехонекъ, и что такой великій историческій народъ, каковъ Русскій, не можетъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, отказаться отъ своей роли въ мірѣ. Нѣмцы опытнѣе и серьезнѣе въ дѣлѣ политической жизни, чѣмъ большинство нашей такъ-называемой интеллигенціи. Вглядѣвшись пристальнѣе въ настоящее состояніе умовъ въ Россіи, они пытаются теперь опредѣлить себѣ истинный смыслъ и внутреннюю силу борющихся въ нашемъ обществѣ направленій. Казалось бы, если кого имъ уважать и съ кѣмъ считаться, такъ это именно съ довольно многочисленною партією нашихъ западниковъ или такъ-называемыхъ либера-

ловъ. Однакоже вотъ что говоритъ о русскихъ партіяхъ, конечно не безъ нѣкоторыхъ ошибокъ, издающійся въ Берлинѣ и пользующійся авторитетомъ журналъ «Нѣмецкое Обзорѣніе» (*Deutsche Rundschau*): «Настоящіе противники Славистовъ» (такъ обозначаетъ авторъ людей русскаго направленія) — «Западники (*die Westler*), лишены того, что составляетъ душу каждой партіи, т. е. самостоятельныхъ, изъ собственнаго корня растущихъ идей и цѣлей. *Западники* живутъ не сами собою, но Европою; они не имѣютъ въ Русскомъ народѣ никакой почвы. Ихъ сила лежитъ въ петербургскомъ придворномъ мірѣ (?) и въ чиновничествѣ. Въ то же время они мало-по-малу должны были настолько подчиниться всеобщему стремленію на почвѣ національной, что прежняя сущность ихъ бытія — служить представителями европейской культуры — все болѣе и болѣе отъ нихъ отпадаетъ. Они въ большинствѣ своемъ остаются еще западниками въ гостиныхъ, въ политическомъ же отношеніи или безразличнаго направленія (индифферентны), или же доктринеры» *).

Надобно полагать, что князь Бисмаркъ болѣе или менѣе раздѣляетъ это возрѣніе, и находитъ въ настоящее время менѣе удобнымъ пренебрегать Россіей, а напротивъ болѣе выгоднымъ для Германіи явиться предъ лицомъ міра въ добрыхъ съ Россіей отношеніяхъ, нежели въ разладѣ. Вотъ почему такъ склонны въ Германіи придавать данцигскому свиданію значеніе выше мѣры, и вотъ почему мы съ своей стороны придаемъ особенную важность истолкованію настоя-

*) Die eigentlichen Gegner der Slavisten, die „Westler“, entbehren dessen, was die Seele einer Partie bildet, der selbstständigen, aus eigner Wurzel wachsenden Ideen und Ziele. Die Westler leben nicht von sich, sondern von Europa; sie haben im russischen Volk keinen Boden. Ihre Kraft liegt in der petersburger Hofwelt und im Beamten-thum. Auf dem nationalen Boden haben sie der allgemeinen Strömung sich allgemach so weit bereits fügen müssen, dass ihr ehemaliges Wesen, Vertreter europäischer Bildung zu sein, ihnen immer mehr abhanden kommt. Sie sind in ihrer Mehrzahl nur noch Westler im Salon, politisch aber entweder indifferent oder Doctrinäre. Es giebt unter ihnen wenige von politischem Ernst und praktischem Verständniss, und ihr beste Kopf, Graf Peter Schuwalow и пр. „*Deutsche Rundschau*“, 1881. Н. 11, August.

шаго смысла этого свиданія, обнародованному въ циркулярной депешѣ статсъ-секретаря Гирса. *Правда* русской политики заключается въ томъ, что она, эта политика, лишена всякаго наступательнаго, агрессивнаго характера, чужда всякихъ завоевательныхъ, честолюбивыхъ замысловъ и въ высшей степени миролюбива. Она, разумѣется, не желаетъ войны, не грозитъ Германіи ни войной, ни разрывомъ, — и новое подтвержденіе этой правды, выразившееся, болѣе или менѣе, въ самомъ фактѣ данцигскаго свиданія, въ сущности не возвѣщаетъ ни Германіи, ни всему остальному европейскому міру ничего новаго, ничего такого, что бы не было извѣстно германскому и прочимъ европейскимъ кабинетамъ.

Но изъ того, что политика Россіи объявляетъ себя не *агрессивною*, было бы горькимъ для Запада заблужденіемъ выводить, что она стала или по прежнему будетъ *уступчивою*, во вредъ себѣ и въ пользу чужимъ интересамъ. Если она не желаетъ ни войны, ни разрыва, — прямо и честно заявляетъ, что миръ ей желателенъ и нуженъ для совершенія многихъ внутреннихъ задачъ, то это еще не значитъ, что она одержима миролюбіемъ до болѣзненности, до пренебреженія своихъ прямыхъ выгодъ и обязанностей, до готовности поступиться своими законными правами, отречься отъ своего мѣста во вселенной, отъ своего историческаго призванія и отъ священнаго долга покровительства тѣмъ, для которыхъ только въ одной Россіи заключается залогъ самостоятельнаго бытія... Если депеша съ полною справедливостью называетъ «счастливымъ» явленіемъ «прочность добрыхъ личныхъ» отношеній, установившихся между двумя могущественными монархами, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Россія черезъ Германію присоединяется къ союзу австрійско-германскому и даетъ будто свое одобреніе, *санкцію* австрійской или германо-австрійской политикѣ. Конечно, мы говоримъ только отъ себя, выражаемъ наше личное убѣжденіе, но если бы Россія могла высказаться какъ Россія, она, полагаемъ, выразила бы то же самое. Намъ кажется впрочемъ, что нисколько бы не было противно величію и нравственному характеру нашего государства и нашего народа заявить такое политическое вѣроисповѣданіе прямо и вслухъ, по примѣру чужихъ государствъ, и вообще покончить со многими странными приемами нашей дипломатіи, едва

ли согласными съ русскимъ національнымъ достоинствомъ. Пора наконецъ даже и въ политикѣ, и въ области дипломатіи «смѣть свои сужденія имѣть» и свои интересы. Если Англія прямо, не ища другихъ доводовъ, основнымъ аргументомъ своихъ дѣйствій объявляетъ «британскіе интересы» и указываетъ ихъ не обвинуясь даже тамъ, гдѣ имъ вовсе и быть не слѣдуетъ; если Германія, нисколько не маскируясь, не скромничая, а открыто и гордо, и притомъ не безпокоясь о чужомъ, и всего менѣе о нашемъ неудовольствіи, ставитъ на первомъ планѣ свои отечественныя выгоды; если даже Австрія, ободренная Германіей, и уже безъ всякаго не только правомѣрнаго и нравственнаго основанія, но на основаніи совершенно противоположнаго свойства, объявляетъ весь Балканскій полуостровъ включеннымъ въ «сферу австрійскихъ интересовъ», — то пора бы, кажется, и намъ не пасовать вѣжливо и деликатно предъ подобными заявленіями и притязаніями, а также пріучиться сознать и цѣнить свои права и обязанности, и твердо противопоставлять интересамъ чужимъ русскіе интересы. Именно: на англійскіе аргументы отвѣчать таковыми же русскими аргументами, на австрійскія фальшивыя обвиненія въ панславистической агитаціи между Балканскими Славянами возражать справедливымъ обличеніемъ ея собственныхъ интригъ, козней и происковъ, и прямымъ заявленіемъ, что не къ сферѣ австрійскихъ, а къ сферѣ мѣстныхъ славянскихъ (слѣдовательно русскихъ) интересовъ можетъ и долженъ принадлежать Балканскій полуостровъ. Если справедливо извѣстное изреченіе: если хочешь мира, уготовляй войну (*si vis pacem, para bellum*), то оно точно также вѣрно и въ примѣненіи къ дипломатіи.

Въ томъ и состоитъ великое преимущество Россіи предъ Западомъ, что наши политическіе интересы вообще, а уже особенно на Балканскомъ полуостровѣ, чужды корысти и властолюбія, согласны съ требованіями высшей нравственной правды и съ интересами мѣстнаго населенія. Мы уже это доказали относительно Болгаріи, и, какъ православно-славянская первенствующая держава, хотимъ, обязаны и ничего другаго не ищемъ, какъ доставить Балканскимъ Славянскимъ племенамъ, вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ чужеземнаго ига, возможность благоденственнаго бытія и свободнаго са-

мостоятельнаго развитія всѣхъ даровъ ихъ славянскаго духа, въ братскомъ, свободномъ союзѣ между собою и съ нами. Австрійскія же притязанія на гегемонію въ средѣ Балканскихъ Славянъ выражаются прежде всего въ угнетеніи и искаженіи ихъ національной личности, въ насильственныхъ попыткахъ обезнародить ихъ не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ образомъ, искоренить въ нихъ главный нервъ ихъ народнаго духа — православную вѣру, поработить ихъ Западу и латинству не только вещественно, но и духовно.

И ожидать, что Россія дастъ *санкцію* подобной австрійской политикѣ?... Наивны же тѣ, которые могутъ предполагать такое развращеніе общественнаго духа въ Россіи! Еслибы Австрія способна была дать Балканскимъ Славянамъ то же, что дала и можетъ дать Россія, — томы бы сочли себя вынужденными молчать, но когда всѣ дѣйствія Австріи (какъ извѣстно читателямъ «Руси» хотя бы изъ статьи въ 42 №) клонятся не ко благу, а ко вреду для Славянскихъ племенъ, и представляются имъ, какъ напимѣръ въ Босніи и Герцеговинѣ, худшимъ наслаиеніемъ, чѣмъ турецкое иго, то тутъ нѣтъ повода къ санкціи...

И какъ грубо на насъ клеветуютъ! Въ то время, когда австрійская печать и дипломатія обвиняютъ Россію въ панславистическихъ интригахъ въ Румелии и Македоніи, — русское министерство иностранныхъ дѣлъ въ тотъ край, именно въ Румелию (край *православный*, съ народомъ преданнымъ *русскому имени!*) на вакантный постъ русскаго консула избираетъ, послѣ долгаго раздумья и исканья, изъ всего наличнаго своего дипломатическаго персонала... кого же? именно человѣка, — можетъ быть, даже несомнѣнно вполне достойнаго, — но съ *нерусскимъ именемъ* и *неправославнаго*, — и это вѣроятно нарочно, съ предусмотрительною цѣлью отклонить отъ себя всякія нареканія въ русскихъ козняхъ и охладить то довѣрчивое отношеніе, которое внушаетъ мѣстному народу единоплеменность и единовѣріе съ нимъ русскаго консула! Слѣдовательно русскій дипломатическій образъ дѣйствій менѣе всего можетъ подлежать обвиненію въ желаніи утвердить и распространить въ Румелии русское вліяніе. Между тѣмъ, въ то же самое время въ Македоніи и Румелии кишитъ католическая пропаганда, имѣя въ главѣ епис-

коповъ, а въ рукахъ громадныхъ денежныхъ средства. Румелийскій латинскій епископъ Манчини, какъ сообщаютъ газеты, имѣлъ недавно аудіенцію у Австрійскаго императора и «утѣшилъ» Его Величество повѣствованіемъ о томъ, сколько успѣлъ онъ совратить чадъ Православной церкви въ папизмъ, обѣщая имъ, конечно, не небесное, а земное, политическое и матеріальное, обезпеченіе. Австрійскій императоръ и вся императорская фамилія, въ восторгѣ отъ завоеваній латинской пропаганды, надѣлили епископа богатыми дарами... А у насъ, въ официальномъ мірѣ, кому до этого дѣло? Святѣйшему Синоду? это вѣдь не *его* вѣдомства!...

Все это дѣлается открыто и публикуется въ газетахъ, къ вѣщему удовольствію иностранной публики. Въ то же время Австрія протискивается въ Солунь и пытается заключить съ Сербіею тайную военную конвенцію для безпрепятственнаго прохода австрійскихъ войскъ... Еще ли тутъ останемся мы безмолвны?...

Но довольно пока объ Австріи. Просимъ только читателей, обратить вниманіе на корреспонденцію изъ Венгріи и на остроумный способъ предохраненія отъ московитизма, придуманный вождями дикихъ по сию пору Мадыаръ. Дошло до свѣдѣнія сихъ послѣднихъ, что въ богослужбныхъ церковно-славянскихъ книгахъ и въ молитвахъ, употребляемыхъ несчастнымъ русскимъ населеніемъ подвластнымъ Венгріи, имѣется страшное слово *царь*: именно напечатано и говорится— «Царь Небесный», «царствіе Божіе» и т. д.: такъ какъ это слово напоминаетъ-де царя русскаго, то оно признано *панславистическимъ* и употребленіе его поставлено священникамъ въ политическую вину!

Давно не баловала русская дипломатія наше народное самолюбіе никакимъ своимъ дѣйствіемъ и поступкомъ; совершенно напротивъ. Поэтому мы уже считаемъ себя истинно утѣшенными обнаруженіемъ депеши статсъ-секретаря Гирса, какъ подтвержденіемъ, что данцигское свиданіе, упрочивая миръ, ни къ чему однакоже Россію не обязало и всего менѣе можетъ служить одобреніемъ или «санкціей» германо-австрійской политикѣ...

Москва, 24-го октября 1881 г.

Опять трубятъ дипломатическія трубы и опять, какъ послѣ Данцигскаго свиданія, торжественно привѣтствуютъ въ свиданіи Итальянскаго короля съ императоромъ Австрійскимъ — новый «залогъ мира и согласія». Казалось бы, и будетъ съ нашихъ сосѣдей этихъ двухъ залоговъ, — но нѣтъ, надобится третій. Германскіе и австрійскіе публицисты не перестаютъ пророчить и еще свиданіе, и на этотъ разъ — Повелителя Россіи съ Повителемъ Австро-Венгріи, гдѣ-то между Варшавой и Краковомъ: «то-то былъ бы залогъ мира, — восклицаютъ они, — и кто бы посмѣлъ разстроить воинственнымъ диссонансомъ гармоническій квартетъ четырехъ крупныхъ державъ, соединенныхъ между собою узами миролюбія!» и т. д. Однимъ словомъ, только о мирѣ и поютъ сладкогласныя сирены съ береговъ Шпреи и Лейты... Положимъ, на этихъ чуждыхъ намъ берегахъ вѣдаютъ пороку наши дѣла лучше, чѣмъ мы сами на берегахъ Москвы рѣки и можетъ-быть даже Невы, — но на сей разъ, смѣемъ думать, иностранный хоръ обойдется и безъ русскаго подголоска. Мы не отрицаемъ, что въ виду того политическаго значенія, которое придается этому свиданію, оно для Германіи и Австріи не только желанно, но въ нѣкоторой степени даже выгодно, — что оно доставило бы этимъ державамъ не только такъ-называемый «залогъ мира», но и самый существенный *material* мира... Ибо чего желаннѣе и выгоднѣе, какъ съ благословенія самой Россіи, заручившись отъ нея благодарніемъ мира, слѣдовательно не рискуя войной, съ совершеннымъ комфортомъ и безопасностью, присвоить себѣ чужое, именно русское же крупное добро, поживится сытно на счетъ русскаго достоинства, чести, могущества и славы, нанести тяжкій ударъ русскому политическому значенію въ семьѣ народовъ, опозорить русское доброе имя, да еще съ пріятною перспективою, что сама же Россія будетъ, за такой дружественный презентъ, только благодарить и умиляться! Какъ ни низко, послѣ Берлинскаго конгресса, упали во мнѣніи Европы наши дипломаты, но ужъ такой политической манювщины даже и отъ нихъ ожидать было бы нѣсколько чудищно.

Ни для кого не тайна — да и германскія и австрійскія газеты разглашаютъ это во всеуслышаніе,—что въ понятіяхъ германскаго канцлера водвореніе вѣшняго *мира*—это значитъ упраздненіе всякой вѣшней помѣхи и противодѣйствія для развитія и исполненія его вовсе не мирныхъ политическихъ плановъ,—да въ мирѣ, на примѣръ, совершится австро-венгерское посягательство на миръ или на національное бытіе племенъ Славянскихъ! Все его дипломатическое искусство устремлено теперъ къ одной цѣли: получить отъ Россіи санкцію миролюбивымъ похотямъ Австро-Венгрии, т. е. не болѣе не менѣе, какъ замысламъ (имъ же взлелѣяннымъ) на обладаніе—если пока не всѣмъ, то большею половиною Балканскаго полуострова. Добро бы такое обладаніе являлось въ перспективѣ какъ плодъ военной побѣды, какъ результатъ кровавой завоевательной войны, предпринятой противъ Оттоманской имперіи; это было бы по крайней мѣрѣ откровенно, пожалуй, въ извѣстномъ смыслѣ даже и честно, но для Австріи, должно полагать, съ ея арміей, страдающей, еще по выраженію Суворова, «проклятою привычкою битою быть», слишкомъ рискованно *). Вся задача въ томъ, чтобъ совершить завоеваніе земель *дружественной* державы *безъ войны*, среди мира, но однако же такъ, чтобы это завоеваніе въ *свою* пользу — прославлялось какъ нѣкій актъ величайшаго *безкорыстія*; чтобъ этотъ денной грабежъ величался какъ добродѣтельный подвигъ, какъ благодѣяніе ограбленному, чтобъ нарушеніе всѣхъ основъ, всѣхъ элементарныхъ понятій международнаго права привѣтствовалось остальною Европою, какъ дѣяніе самое правомѣрное; чтобы порабощеніе балканскихъ Славянъ австрійскому игу, болѣе ненавистному имъ, чѣмъ игу турецкое,—Славянъ, которыхъ полному освобожденію наравнѣ съ освобожденными Россіей Сербами и Болгарами помѣшала та же Германія съ Австро-Венгріей,—чествовалось какъ дѣло вполнѣ достойное европейской культуры, цивилизаціи, гуманности и прогресса нашего просвѣщеннаго XIX вѣка! Однимъ словомъ, чтобъ повторилось снова надъ остальнымъ Балканскимъ полуостровомъ то преступное,

*) См. исторію Итальянскаго похода Суворова, составленную Д. А. Милютинымъ.

вопиющее по своей вѣшной и внутренней неправдѣ дѣло, которое получило санкцію европейскаго ареопага въ Берлинѣ, при главномъ посредничествѣ «честнаго маклера», и которое называется «оккупацией Босніи и Герцеговины».

А что такое эта «оккупация»,—этотъ наглый захватъ, котораго наглость еще усугублена насмѣшливою прикраскою титула *оккупации* или «временнаго занятія», — объ этомъ просимъ нашихъ читателей прочесть Политическое Обзорѣніе сегодняшняго №. Картина настоящаго положенія этого края,—той крупной и мелочной, ухищренной, изысканной тирании, которой подвержены австрійскою властью злополучные Герцеговинцы и Боснійцы, и именно православные (несчастные! въ простодушіи своемъ, забывая о Берлинскомъ трактатѣ, они еще недавно посылали, какъ видно изъ газетъ, адресъ къ Русскому Государю, моля его о заступничествѣ!) — эта картина составлена не по газетнымъ источникамъ. Она начерчена нашимъ соотечественникомъ—очевидцемъ страданій и мукъ православнаго населенія. Берлинскій западно-европейскій ареопагъ (мы говоримъ: западно-европейскій, такъ какъ побѣдоносная Россія играла на немъ роль не члена, на равныхъ правахъ возсѣдающаго и рѣшающаго, а какъ бы подсудимаго), — этотъ ареопагъ фарисейски возложилъ на Австрію фарисейскую миссію *умиротворенія*. Извѣстно, какъ встрѣченъ былъ жителями этотъ ангелъ мира съ нѣмецкимъ бичемъ и мадыарскою плетью въ рукѣ. Разоренные, истощенные неравною борьбою съ Турками, Славяне однако же не побоялись возстать противъ многочисленныхъ полчищъ непрошенныхъ миротворцевъ. Они были сломлены такими мѣрами жестокости, отъ которыхъ содрогнулись бы сердца всѣхъ западныхъ публицистовъ, еслибъ онѣ прилагались не къ Славянамъ, и именно не къ православнымъ Славянамъ, единовѣрнымъ съ Русскимъ народомъ. Какой вой поднять былъ не только заграничною печатью, но и нашимъ мнимо-либеральнымъ, мнимо-русскимъ обществомъ, когда генералу Муравьеву пришлось суровою строгостью усмирять Поляковъ, вѣшавшихъ въ *Русскомъ* краѣ русскихъ священниковъ и русскихъ крестьянъ! И какое безмолвіе, полное пренебреженія и презрѣнія къ страждущимъ, воцарилось въ средѣ всѣхъ иностранныхъ гуманистовъ и ихъ прихвостней, нашихъ же

«либераловъ», — когда Нѣмцы и Мадьяры принялись, по суровѣ Муравьева, чинить расправу въ славянской землѣ надъ Славянами! Но вѣдь Поляки для Западной Европы болѣе или менѣе *свои* — и всегда, къ несчастію для себя, были ея *бульваромъ*, передовымъ аванпостомъ противъ Славяно-православнаго міра... Но вѣдь извѣстно, что на просвѣщенномъ Западѣ издавна создалась *двойная* правда: одна — для себя, для племенъ германо-романскихъ или къ нимъ духовно таготбующихъ, другая для насъ и Славянъ:

Для *нихъ* — законъ и равноправность,
Для *насъ* — насилье и обманъ!

Три года прошли послѣ вступленія Австріи въ предѣлы Босніи и Герцеговины съ цѣлью «умиротворенія», — было достаточно времени для исполненія этой благодѣтельной миссіи, еслибъ она была не лживая, — но что же видимъ мы теперь? Край снова кишитъ гайдуцкими четами, протестующими противъ насильниковъ-миротворцевъ.. Чтобы окончательно его *умиротворить*, т. е. раздавить вполне народность и народную вѣру жителей края, Австрія считаетъ благовременнымъ *аккумуляцію* переименовать въ *аннексию*, т. е. причислить Боснію и Герцеговину къ своимъ имперскимъ землямъ, — но, конечно, не въ видѣ грубаго, корыстнаго присвоенія, а въ видѣ чуть ли не уступки настоятельнымъ требованіямъ самой Европы: «доверши-де свое благодѣаніе, будь милостива, оиѣмечь и окатоличь, во имя культуры и цивилизаціи, этихъ неукротимыхъ поборниковъ своей славянской самобытности и своей вѣры, Босняковъ и Герцеговинцевъ!» Ну вотъ и для этого также требуется санкція Россіи, — которую нѣмецкія газеты и надѣются (конечно тщетно) получить въ формѣ новаго свиданія монарховъ и тройственнаго, или уже теперь четвернаго союза: Германіи, Австріи, Россіи и Италіи...

Австрійская оккупация Босніи и Герцеговины можетъ служить образцомъ той участи, которую готовитъ Австро-Венгрія если еще не всему Балканскому полуострову, то большей его половинѣ. Ея цѣль: втянуть «въ сферу своей политики» Сербское княжество и Черногорію, т. е. подчинивъ ихъ себѣ и въ политическомъ, и въ торговомъ, и въ стратегическомъ отношеніи, — распространить свое владычество вплоть до Эгей-

скаго моря, на всю такъ-называемую Старую Сербію, можетъ-быть даже Эпиръ и несомнѣнно на Македонію, сдѣлать Солунь своимъ опорнымъ пунктомъ не только для наложенія на весь полуостровъ своего экономического ига, но и для военнаго преобладанія. Ибо тогда откроется возможность подвозить войско моремъ, мифъ опасный, долгій, пересѣченный непроходимыми горами путь... Носятся слухи,—да, къ несчастію, подобныя же гаданія можно услышать, пожалуй, и въ средѣ нашихъ дипломатовъ (къ утѣшенію и къ тайному удивленію дипломатовъ иностранныхъ),—что Россіи, въ награду за это, будетъ безвозбранно предоставлено простирать свою сферу политическаго дѣйствія на Болгарію: Германія и Австрія, очевидно, не хотятъ совсѣмъ вытѣснить Россію изъ Балканскаго полуострова,—онѣ великодушны и справедливы; онѣ согласны оставить созданную кровью и достояніемъ Россіи Болгарію самимъ Болгарамъ, и допустить Россію оказывать ей по прежнему: свое покровительство. Это для Германіи съ Австріей представляется тѣмъ болѣе удобнымъ и безопаснымъ, что Россія, совершивъ свой послѣдній исполинскій подвигъ освобожденія Болгаръ, сама предупредительно позаботилась о томъ, чтобъ отнять у себя всякіе пути непосредственнаго сообщенія съ Болгаріей иначе какъ моремъ, гдѣ мы не имѣемъ военнаго флота, гдѣ насъ удобнѣе запереть и гдѣ наши сообщенія могутъ быть всегда преграждены другими морскими державами. При такихъ условіяхъ, когда и съ юга и съ сѣвера, и съ Эгейскаго моря и съ Дуная, при помощи желѣзнодорожныхъ линій, расположенныхъ, благодаря тому же Берлинскому конгрессу, въ вѣщихъ интересахъ опять той же Австріи, австрійское экономическое преобладаніе опутаетъ весь Балканскій полуостровъ неразрывною сѣтью,—когда вдоль границъ Болгаріи потянутся Австрійскія владѣнія и въ сосѣдствѣ Софіи или Филиппополя раскинется станъ многочисленной арміи,—при такихъ условіяхъ развѣ возможна дѣйствительная независимость Болгарскаго княжества? Развѣ и оно, подобно Сербіи и Черногоріи, не будетъ свободнымъ только по имени и до времени, т. е., величаясь пока свободнымъ, не будетъ втянуто Австріей «въ сферу своихъ интересовъ»?!

А интересы Австріи—прямо противоположны интересамъ

Россіи. Австрія не болѣе какъ пионеръ *германизации*. Вся ея задача, вся ея историческая миссія, какъ ее понимаютъ австрійскіе государственные люди и германскій канцлеръ,—обезнародить Славянъ, обратить ихъ въ матеріалъ для европейской германо-романской культуры, всосать ихъ въ тощее германское тѣло, утучнить ими нѣмецкую плоть. Это уже давно практикуется Нѣмцами — и съ уснѣхомъ: вся подпочва настоящей Германіи, со включеніемъ возлюбленной княземъ Бисмаркомъ Помераніи,—чисто славянская.. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Македоніи уже устроилась нѣмецкая факторія для скупки земель и для колонизаціи Нѣмцевъ,—то же производится и въ Босніи... Многіе дѣлѣютъ мысль, что Австріи предназначено упразднить значеніе Россіи въ Славянскомъ мірѣ и стать Славяно-католическою имперією. — Но это несбыточно. Никогда Славянскою имперією Австрія не будетъ, да и быть не можетъ. Численное преобладаніе Славянскихъ племенъ — *прочно* окатоличенныхъ и въ сильной степени уже онѣмеченныхъ ей нисколько не страшно. Въ этомъ, больше чѣмъ на половину славянскомъ тѣлѣ руководящій, дѣйствующій, господствующій духъ — все-таки нѣмецкій; нѣмецкая рѣчь связуетъ весь разнородный составъ этого государства; вѣковыя преданія династіи Габсбурговъ, и всего этого, исторически сочленившагося организма — нѣмецкія. Да и какую силу, нравственную и матеріальную, могутъ представить эти разноязычныя западныя славянскія племена съ своими шестью разнообразными латинскими азбуками да двумя славянскими, и съ притязаніями еще на новое обособленіе, поддерживаемыми, по тупоумію, даже нашими крайнофилами! Всѣ они, эти племена, обречены въ жертву германизации, если...

Если падеть, ослабнетъ, измѣнитъ своему назначенію единственный въ мірѣ оплотъ славянской, и политической и духовной, самобытности—Россія! Къ этой цѣли, т. е. именно къ ослабленію Россіи, къ совращенію ея на путь *измѣны* Славянству направлены всѣ усилія Запада. Но измѣнить Славянству, это для Россіи значить—измѣнить самой себѣ. За что и за кого страдаютъ уже теперь и возстраждутъ вскорѣ еще горше Балканскіе Славяне? За насъ, за то, что они продолжаютъ устремлять свои взоры на Россію, за то,

что самое бытіе Россіи живить и движеть ихъ, питаетъ въ нихъ народное самосознаніе, даетъ имъ мужество для борьбы, для сохраненія вѣрности своей народности и древле-отеческому православію! Хотя, говоритъ поэтъ,

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы — народъ единый,
Единой матери сыны!
Но все же братья мы родные...
Вотъ, вотъ что невидятъ въ насъ:
Вамъ (Славянамъ) не прощается Россія,
Россіи — не прощаютъ васъ! ..

Оставимъ російскимъ «либераламъ» доказывать, что въ «нашъ просвѣщенный вѣкъ народное вѣроисповѣданіе ровнехонько ничего не значитъ и не должно культурными людьми приниматься въ расчетъ или въ соображеніе», — что «въ современной цивилизованной Европѣ религія признается лишь субъективною силою, нигдѣ не понимается какъ принадлежность народной духовной индивидуальности и тѣмъ менѣе гдѣ-либо обращается въ орудіе политической пропаганды, а потому и непристойно-де толковать въ наши дни о какомъ-то православіи Русскаго народа и вспоминать эту субъективность, это дѣло каждой отдѣльной личности въ вопросѣ объ отношеніи Русскаго народа къ другимъ европейскимъ народамъ»... Увы! примѣръ Западной Европы какъ разъ доказываетъ противное. Подстрекая нашихъ западниковъ на такія либерально-передовыя рѣчи и утѣшаясь насмѣшливо тѣмъ, что они такъ наивно служатъ ей на руку, — она, эта прогрессивная Европа, наводнила Славянскія земли на Балканскомъ полуостровѣ своими миссіонерами, вооруживъ ихъ самыми могущественными средствами соблазна. Казалось бы, — для чего нужны христіанскіе миссіонеры среди народовъ искони христіанскихъ? Но дѣло для Запада идетъ вовсе не о христіанствѣ, а о совращеніи православныхъ въ латинство — ради чего совращенному оказывается сильная, дѣйствительная помощь, со стороны всѣхъ западно-европейскихъ консуловъ и пословъ, — та помощь, то заступничество, которыхъ православные Славяне гдѣ-нибудь въ Македоніи, Старой Сербіи и т. д. не находятъ теперь у смиренныхъ

консуловъ и дипломатовъ православной Россіи... Не только Германія и Австро-Венгрія, но даже Франція, которая атеизмъ или безбожіе провозглашаетъ своимъ *государственнымъ*, стало-быть деспотически налагаемымъ на Французскій народъ принципомъ, — даже протестантская Англія считаетъ совратившагося изъ православія въ латинство Славянина *своимъ* и оказываетъ ему покровительство... Почему? Потому, что такое совращеніе въ латинство искореняетъ въ сердцѣ Славянина связь единовѣрія съ Россіей и, напротивъ, соединяетъ его непосредственнымъ духовнымъ единствомъ съ западно-европейскою цивилизаціею, приобщаетъ его къ историческимъ судьбамъ враждебныхъ Славянству народовъ Запада. Наше же Министерство иностранныхъ дѣлъ, избѣгая упрековъ въ ретроградномъ сочувствіи къ народному православному вѣроисповѣданію, норовитъ и консуловъ среди Славянъ назначать по преимуществу такихъ, которые не сближены съ населеніемъ ни единоплеменностью, ни единовѣріемъ, или въ которыхъ это сознание совершенно недѣйствительно...

И вотъ, весь огромный край, связанный съ нами кровными и духовными узами, единоплеменностью и единовѣріемъ, край искони православный, край перенесшій и латинское нашествіе и оттоманское иго, и дребывшій вѣрнымъ своей вѣрѣ и своимъ чаяніямъ на будущую мощь Россіи, — край постепенно оживавшій, какъ только стала мужать русская сила и уже начинавшій видѣть зарю окончательнаго освобожденія, — край восполняющій нашъ государственный и духовный организмъ, наше всемірно-историческое бытіе въ семьѣ человѣческой, — этотъ край обрекается нынѣ германизаци и латинству, этому краю присуждаетъ Европа отложиться отъ нашего славянскаго организма, а Россіи — искалѣченной и изувѣченной — отодвинуться отъ южнаго древлерусскаго моря въ глубь азіатскихъ степей!

Можно, конечно, предположить такое сцѣпленіе бѣдствій, обрушившихся на Россію, при которомъ, несмотря на все свое страстное желаніе, несмотря на скрежетъ негодованія, волнующаго ея грудь, она была бы не въ состояніи, не въ силахъ протянуть руку помощи Балканскимъ племенамъ и оградить самую себя отъ искалѣченія и изуродованія... Но идти навстрѣчу такому изувѣченію и такому предательству,

какъ ожидаютъ отъ нея нѣмецкіе публицисты, — но добровольно, предупредительно давать свое согласіе, свою санкцію на такого рода политической злой умысль противъ собственнаго своего существованія; но во имя миролюбія и въ дань дружбѣ, снизойти до самозаушенія и самовредительства, почти до самоубійства; но жертвовать собою не за *други своя*, а напротивъ, собою и другими своими въ пользу недруговъ, поборниковъ неправды, -- этого отъ Россіи могутъ требовать только безумцы или враги... А вѣдь именно этого требуетъ отъ насъ иностранная дипломатія, приглашая Россію, пребывающую и безъ того въ *мирныхъ* съ Австріею отношеніяхъ, къ участию въ противоестественномъ съ нею *союзѣ*... Данцигское свиданіе, которое въ нашихъ глазахъ и по толкованію статсъ секретаря Гирса, было не болѣе какъ выраженіемъ почтительности къ престарѣлому близкому родственнику Русскаго Императора, — это свиданіе смутило было на первыхъ порахъ австрійскихъ политиковъ, такъ какъ они хорошо знаютъ, что планы ихъ направлены противъ Россіи и могутъ быть приведены въ исполненіе лишь при могучемъ покровительствѣ Германіи; а такое покровительство Германіи враждебнымъ Россіи планамъ казалось Австрійцамъ не совсѣмъ-то удобосовмѣстимымъ съ германскою, вновь провозглашенною къ намъ дружбою... Но толкованія не статсъ-секретаря Гирса, а германскаго канцлера разсѣяли, должно-быть, это австрійское недоумѣніе и открыли Австріи надежду на безпрепятственное совершеніе своихъ, все тѣхъ же враждебныхъ Россіи замысловъ, съ сохраненіемъ еще и дружбы, даже съ согласія самой Россіи, хотя можетъ-быть и съ соблюденіемъ со стороны Австріи ббльшаго чѣмъ прежде виѣшняго приличія по отношенію къ русскому имени. Вотъ на какомъ соображеніи основаны догадки нѣмецкихъ публицистовъ о предполагаемомъ будто бы свиданіи Русскаго и Австрійскаго монарховъ, въ которое мы съ своей стороны, разумѣется, не вѣримъ, да и не способны повѣрить:

Россія никому не угрожаетъ войною; ни на чей миръ не посягаетъ; въ западно-европейскія междуособныя распри не имѣетъ ни охоты, ни повода вмѣшиваться. Всѣ это знаютъ и вѣдаютъ, слѣдовательно ей нѣтъ и надобности расточать

какія-то особливья, нарочитыя увѣренія въ своемъ миролюбіи или просто даже въ желаніи сохранить миръ, и именно теперь, когда она занята разными преобразованіями у себя дома. Если кто угрожаетъ миру, такъ это Австрія, побуждаемая Германією, и не то что миру западныхъ державъ между собою, но миру самой Россіи въ лицѣ Славянскихъ балканскихъ племенъ. Не Россія Австріи, а Австрія Россіи должна выдать ручательство мира...

Какой бы кризисъ ни переживала теперь Россія, какъ бы ни была она поглощена заботами о своихъ внутреннихъ дѣлахъ,—она не перестаетъ и не перестанетъ быть великою державою съ великимъ, міровымъ историческимъ призваніемъ. Живъ Богъ и живъ Русскій народъ и нисколько не расположенъ *малиться*, — на чтó можетъ-быть уже готова была бы обречь его, въ своемъ драбломъ и трусливомъ пессимизмѣ, нѣкоторая часть нашей интеллигенціи съ петербургской бюрократіей и дипломатіей вкупѣ. Внутренняя наша политика не должна заслонять политику внѣшнюю, и внутреннее наше оздоровленіе немислимо при уклоненіи Россіи отъ ея историческаго призванія, при нарушеніи нами нашего нравственнаго международнаго долга, при ущербѣ нашей государственной силы, при оскорбленіяхъ, наносимыхъ извнѣ нашему государственному достоинству и чести. однимъ словомъ,—при внѣшней политикѣ, чуждающейя прямыхъ интересовъ нашего отечества, какъ единственной, вполнѣ независимой православно-славянской державы.

Москва, 31 октября 1881 г.

Порабощеніе Сербіи Австро-Венгріей надвигается быстро. Только что въ прошломъ № мы перечислили права этой монархіи на благодарность Балканскихъ Славянъ и на русскую дружбу, какъ новый блистательный успѣхъ австро-венгерской вражды стяжалъ ей новое право на признательность Россіи и Славянскаго міра.... Мы разумѣемъ то насильственное смѣщеніе высокопреосвященнаго Михаила съ престола Сербской митрополіи, при извѣстии о которомъ содрогнулась негодованіемъ вся православная Русь вмѣстѣ со всѣми единовѣр-

ными ей народами. Официально, разумѣется, Австрія въ сторонѣ, какъ бы ни причесть; но въ томъ и состоитъ искусство ея вождей, что они обратили настоящее сербское правительство въ подобострастное, работѣнное орудіе австрійской политики, умудрились заставить его *собственными же руками* подтачивать одну за одной всѣ основаны сербской національной независимости, — собственными руками опутывать родную страну австрійскою сѣтью, и наконецъ нанести предъ лицомъ всего свѣта, въ особѣ митрополита, наглое оскорбленіе не только Сербской, но и всей Православной церкви, не только самой Сербіи, но и Россіи. Читатели «Руси» знаютъ изъ помѣщенныхъ въ ней корреспонденцій—какими подвигами систематическаго предательства уже ознаменовало себя такъ-называемое «либеральное» министерство Пирочанца-Новаковича-Міятовича-Гараганина въ краткій еще періодъ своего существованія. Еслибы на мѣстѣ ихъ распоряжались австро-венгерскіе чиновники, они не могли бы вѣрнѣе и лучше сослужить службу австро-венгерскимъ замысламъ противъ славянской свободы. Желѣзнодорожною конвенціей и рядомъ столь же постыдныхъ трактатовъ подчинивъ Сербское княжество австрійскому экономическому игу, сербскіе министры конечно не могли (впрочемъ даже и не пробовали) удержаться на той наклонной плоскости, на которую стали: за торговыми трактатами послѣдовалъ позорный договоръ о выдачѣ Австріи всѣхъ тѣхъ несчастныхъ бойцовъ—Сербовъ Босніи и Герцеговины, которые съ оружіемъ въ рукахъ пытались отстаивать свою независимость противъ австро-мадьярскихъ полчищъ и искали потомъ убѣжища въ *независимомъ* княжествѣ Сербскомъ: недавно, шестеро изъ нихъ, *выданные* сербскимъ правительствомъ, уже разстрѣляны публично австрійскими миротворцами!...

Такое низкое угодничество предъ Австріей, такое посягательство сербскаго министерства на честь, на политическую самостоятельность Сербскаго народа мыслимо (и вполнѣ логически) не иначе, разумѣется, какъ одновременно съ отчужденіемъ отъ Россіи—звждительницы сербской свободы. Такъ оно и было на дѣлѣ.... Официальные и офиціозные органы Княжества стали наполняться статьями враждебны-

ми, оскорбительными для насъ по мысли и тону, прямо, съ очевидною цѣлью подорвать въ сознаніи Сербскаго народа обаяніе русскаго имени, вытравить изъ его души то чувство братской любви къ Россіи, которое присуще и всѣмъ единовѣрнымъ намъ племенамъ славянскимъ. Министръ народного просвѣщенія, Новаковичъ, подслуживаясь Австріи, запретилъ преподаваніе въ гимназіяхъ русскаго языка и замѣнилъ его *обязательнымъ* преподаваніемъ нѣмецкаго.

Но на этомъ пути дѣятельности сербское министерство и австро-мадьярские его руководители встрѣчали человѣка, котораго имя, любимое, высокочитимое всѣмъ Сербскимъ народомъ, служило знаменемъ сербской народности и патриотизма, служило символомъ неразрывнаго духовнаго съ Россіею союза, а стало-быть и протестомъ противъ всякой враждебной Россіи системы дѣйствій. Этотъ человѣкъ — митрополитъ Михаилъ, болѣе четверти вѣка неутомимо и безкорыстно подвизавшійся въ служеніи Православной церкви и своему народу. Пламенный Сербъ-народолюбецъ, онъ въ особенности много и успѣшно потрудился для дѣла сербской политической независимости извнѣ и дѣла мира внутри: ему, главнымъ образомъ, обязана своимъ укрѣпленіемъ на сербскомъ престолѣ династія Обреновичей въ теченіи всѣхъ превратностей послѣдней четверти вѣка.... Воспитанникъ и магистръ Кіевской духовной академіи, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей Сербіи, онъ любилъ Россію, онъ дорожилъ ея обаяніемъ, разумѣлъ ея историческое призваніе въ мірѣ Славянскомъ, неизмѣнно вѣрилъ въ ея назначеніе и будущность. Онъ не переставалъ поддерживать живыя сношенія съ нею; онъ могущественно содѣйствовалъ утвержденію нравственной и политической взаимности обоихъ народовъ. Кто въ Россіи не знаетъ (а мы это знаемъ едва ли не ближе всѣхъ), какую неустанную дѣятельность проявилъ онъ въ годину 1876 г.? Отъ него понеслись тѣ воззванія, которыя, огласившись во всѣхъ, не только городскихъ, но и сельскихъ церквахъ всѣхъ концовъ нашей пространной земли, возбудили Русскій народъ на достославный, великій, святой подвигъ самопожертвованія—за свободу и вѣру славянскихъ братьевъ! Онъ былъ центромъ, къ которому стремились всѣ приношенія, къ которому обращались со всѣми своими нуж-

дами наши добровольцы, и нѣтъ Русскаго, который бы не вынесъ о немъ изъ Сербіи благодарнаго воспоминанія....

Но именно поэтому такое авторитетное въ народѣ лицо, служившее живымъ звеномъ Сербіи и Россіи, и было какъ бѣльмо на глазу у Австро-Венгріи и министерства Пирочанца-Новаковича и К^а. Уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду австрійскія и мадьярскія газеты указывали на митрополита Михаила какъ на помѣху австрійскимъ планамъ, какъ на человѣка «русской партіи», котораго необходимо сбыть. Еще недавно писали онѣ же, что австрійскому дипломатическому агенту дана *инструкція*: настаивать на удаленіи Михаила. Такое требованіе казалось намъ только нахальнымъ, но неисполнимымъ; намъ все еще не вѣрилось, чтобы предательское усердіе сербскихъ министровъ способно было посягнуть на святость сана и на лучшее имя Сербіи. Не вѣрилось тѣмъ болѣе, что тѣ же австро-венгерскія газеты, одновременно съ хвалебными гимнами сербскому министерству, требовали заключенія съ Княжествомъ военной конвенціи, въ силу которой было бы дозволено австрійскимъ войскамъ двинуться свободно чрезъ Сербію — для поработенія Славянъ на Балканскомъ западѣ и югѣ, вплоть до Эгейскаго моря! Но заключеніе подобной конвенціи представлялось немислимымъ, пока митрополитъ Михаилъ править Сербскою церковью... Необходимо было найти предлогъ, чтобы избавиться отъ этого человѣка *русской партіи*, и предлогъ найденъ.

Благодаря конституціонному механизму, позволяющему, посредствомъ искусственнаго подбора голосовъ, составлять потребное большинство для того, чтобы законнымъ, *легальнымъ* образомъ постановлять, отъ имени народа, рѣшенія противныя и совѣсти, и интересамъ народа, — министерство провело въ скупщинѣ законъ о наложеніи таксы на полученіе духовными лицами даровъ Святаго Духа при посвященіи ихъ въ санъ іерея и епископа, а также на всѣ различныя степени духовной іерархіи.

Простой народъ въ Сербіи, съ тѣхъ поръ особенно, какъ древняя славянская скупщина превратилась въ европейскій парламентъ, — почти не «представленъ» въ этомъ парламентѣ (особенно на Малой скупщинѣ) или же «представленъ» въ лицѣ содержателей кафанъ и меанъ (корчемъ) — нѣчто въ

родѣ нашихъ кулаковъ. Сербская же интеллигенція, къ несчастію, заражена въ немаломъ числѣ своихъ представителей тою же болѣзнью европейничанья и обезьянства, какая губить и у насъ столько умовъ. Она обзавелась, какъ и подобаетъ странѣ «культурной» (изображенной, говоря по сербски), да еще надѣленной благами конституціи, не только консерваторами и либералами, но даже и радикалами, всяческими партіями и фракціями; она, отчасти какъ и у насъ, отрѣшившись отъ коренныхъ началъ народнаго духа, гонится за вздорными призраками, играетъ въ либеральныя погремушки. Прослышавъ, что за границей толкуютъ о клерикализмѣ, о культурной борьбѣ, мучимая вождѣльнѣемъ прослыть «передовою», она (все во имя народа!) охотно примкнула къ упомянутому предложенію своего австро-мадьярскаго министерства о таксированіи даровъ Св. Духа, — и нужное большинство голосовъ состоялось.

Митрополитъ Михаилъ протестовалъ противъ закона, находя въ немъ сходство съ *симоніей*, протестовалъ не одинъ, а отъ имени и за подписью всего Сербскаго синода: Вслѣдъ затѣмъ министерство, съ цѣлью — окончательно разорить православную въ Сербіи церковь и подчинить ее государству, составило еще четыре новые проекта: 1) о передачѣ всѣхъ брачныхъ дѣлъ изъ консисторіи въ свѣтскіе суды; 2) о конфискаціи монастырскихъ имѣній *безъ вознагражденія*; 3) объ обложеніи церквей и монастырей 10% сборомъ съ дохода; 4) о замѣнѣ для служителей церкви рясы общимъ гражданскимъ костюмомъ (вотъ какой утонченный «либерализмъ»!). По сообщеніи этихъ проектовъ митрополиту, онъ, вмѣстѣ съ синодомъ, допустивъ уступки въ маловажныхъ статьяхъ, отвергъ другія на каноническомъ основаніи... 16 октября послѣдовало личное объясненіе митрополита съ сербскою властью. Митрополитъ остался твердъ, — и тогда, къ несказанному ликованію австрійскаго дипломатическаго агента, главнаго вдохновителя и подстрекателя всей этой интриги, послѣдовали указы: одинъ объ «отрѣшеніи митрополита Михаила отъ управленія Бѣлградскою епархією и отъ яванія митрополита Сербіи», — другой о «назначеніи епископа Неготинскаго Моисея *митрополитомъ Сербіи* вмѣстѣ съ управленіемъ Бѣлградскою епархією». (Таковъ подлинный

текстъ указовъ, и телеграфныя сообщенія о назначеніи Моисея лишь администраторомъ оказываются не вѣрны)...

Митрополитъ Михайлъ палъ, но не уступилъ: его удалось сломить, но не согнуть. Онъ отвѣтилъ на указъ посланіемъ къ князю, въ которомъ обычно смиренный и кроткій, онъ является во всемъ величій и достоинствѣ іерарха, безстрашнаго, непреклоннаго блюстителя правъ и канонѳ церкви. Онъ обратился съ протестомъ къ патріархамъ и къ Русскому Синоду. Нѣсколько ниже читатели прочтутъ это посланіе въ переводѣ, къ сожалѣнію не съ сербскаго (котораго мы еще не получили), а съ нѣмецкаго текста, напечатаннаго въ австрійскихъ газетахъ.

И все это въ сущности было только предлогомъ! Ибо главною цѣлью было очистить поле для безпрепятственнаго дѣйствія австрійской политики, — устранить *народнаго* челоѳка, «представителя русской партіи», въ Сербіи... Безъ сомнѣнія по настоянію Австро-Венгріи и для того, чтобъ изгнаніе митрополита оправдать не однимъ его сопротивленіемъ правительственному посягательству на церковныя каноны, а и болѣе важными политическими основаніями, совершенно надъ старѣйшимъ святителемъ Сербіи возмутительное насиліе: жандармы ворвались въ его жилище съ тѣмъ же Новаковичемъ во главѣ и произвели обыскъ... Это извѣстіе почерпнуто нами изъ частнаго письма, присланнаго въ Москву изъ Бѣлграда...

«Помимо всякихъ иныхъ соображеній этотъ актъ (т. е. низложеніе митрополита) можетъ быть разсматриваемъ прежде всего какъ *манифестація въ пользу добрыхъ отношеній сербскаго правительства къ Австро-Венгріи*: въ Бѣлградѣ, по всему видно, уже не боятся гнѣва Россіи!...» Такъ гласитъ оффиціозный нѣмецкій органъ мадьярскаго правительства... Нужны ли еще комментаріи?

Въ опасную игру играетъ Сербскій князь Михайлъ Обреновичъ... Народъ, давно уже недовольный угодничествомъ правительства предъ Австрійцами и Мадьярами, православный Сербскій народъ не останется безмолвенъ въ виду такого оскорбленія Православной церкви. Слѣдуетъ однако-жъ надѣяться, что народная мудрость предохранитъ на сей разъ Сербію отъ революціи, ибо не только революція, но и вся-

кіе серьезныя безпорядки могутъ подать Австро-Венгріи, или даже самому сербскому министерству, предлогъ ввести въ княжество австро-мадьярскихъ солдатъ съ задачей «умиротворенія»... Но ради чего же собственно популярнѣйшій и наиболѣе уважаемый человѣкъ Сербіи принесенъ въ жертву «добрымъ отношеніямъ сербскаго правительства къ Австро-Венгріи?» Какимъ образомъ могъ митрополитъ служить помѣхою дружнымъ сосѣдственнымъ отношеніямъ обоихъ правительствъ? Жили же они въ мирѣ съ 1859 года, когда епископъ Михаилъ былъ возведенъ на митрополитіи престолъ? Развѣ онъ когда-либо проповѣдывалъ войну или вражду съ австро-венгерскимъ правительствомъ? Никогда, разумѣется,—но онъ былъ другомъ Россіи; но онъ не мирился съ мыслью о порабоженіи Сербіи и Балканскихъ Славянъ нѣмецко-мадьярской политической гегемоніи... Теперь для этой мысли наступаетъ торжество, теперь предстоитъ ей перейти въ дѣло при главномъ пособничествѣ сербскаго министерства, а князю Милану превратиться въ генераль-губернатора Австро-Венгерской имперіи, хотя можетъ быть съ титуломъ Сербскаго короля... Но на это Сербское племя не пойдетъ... Чтѣ же тогда?...

Выходъ мирный и справедливый возможенъ только одинъ: предательское министерство Пирочанца-Новаковича и К^о должно пасть; митрополитъ снова возстановленъ въ своемъ званіи; протесты синода должны быть переданы на разсмотрѣніе новой скупщины....

Еще два слова для тѣхъ, кто съ худоскрываемымъ злорадствомъ вздумалъ бы издѣваться надъ слабостью «русской партіи» въ Сербіи, какъ и въ прочихъ Славянскихъ земляхъ... Не знаютъ, не смыслятъ они—чтѣ такое русскія партіи въ средѣ нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ! Въ томъ и состоитъ отличіе Россіи отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ, что ея *партіи* вездѣ и всюду, но въ особенности въ Славянскихъ странахъ—сами *народы*. Вотъ наши русскія партіи! Ибо никакихъ личныхъ, эгоистическихъ цѣлей Россія не преслѣдуетъ, и ея интересы не только не идутъ въ разрѣзъ, не противорѣчатъ истиннымъ интересамъ мѣстнымъ, народнымъ, но напротивъ *тождественны* съ ними. Связь Славянскихъ народовъ съ Россіей, чувство, влекущее

ихъ къ ней—явленіе естественное, *органическое*, свободно вытекающее изъ самой глубочайшей глуби народнаго существа. Это вовсе не означаетъ непремѣннаго сочувствія къ тому или другому лицу, къ настоящимъ административнымъ порядкамъ или положенію дѣлъ въ Россіи. Какъ можно любить свое отечество, независимо отъ случайныхъ и преходящихъ политическихъ его неустройствъ и болѣзней; какъ самъ Русскій народъ любитъ Россію и остается вѣренъ своимъ народнымъ идеаламъ, несмотря на уклоненіе отъ нихъ своей образованной общественной и правящей среды,—такъ относятся къ Россіи и Славянскія племена, составляя съ нею единый духовно-племенной организмъ. Это непреложная истина. Одно и то же чувство живетъ и въ Сербскомъ народѣ, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ (православныхъ), и въ Болгарскомъ. *Кто между Славянами не причастенъ этому чувству, тотъ врагъ своего народа*, тотъ уже не заодно съ нимъ, отрѣшился отъ основъ его духа!... Поэтому и вся такъ-называемая *интеллигенція*, въ княжествѣ ли Сербскомъ, въ княжествѣ ли Болгарскомъ, въ Восточной ли Румелии,—именуясь она либеральною, радикальною или консервативною,—какъ только она становится во враждебное отношеніе не къ тому или другому изъ русскихъ людей, не къ той или другой мѣрѣ русскаго правительства, а къ Россіи вообще, и думаетъ умалить славянское братское старѣйшинство Русскаго народа,—повинна *въ измѣнѣ* своей собственной народности и народу, предаетъ, сама того легкомысленно не сознавая, кровные народные интересы иностранцамъ—исконнымъ врагамъ Славянства. Тѣ «либералы» въ средѣ интеллигенціи Славянскихъ племенъ, которые въ настоящее время отвращаются православія во имя культуры и въ силу либерализма отчуждаются Россіи,—куютъ собственными руками австро-мадьярскія для себя оковы!... Вотъ почему народъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, — простой народъ, тотъ, которымъ только и стоитъ народная личность въ мірѣ Славянскомъ, вездѣ и всегда—за Россію. Противъ нея только отщепенцы своего народа, сознательные и безсознательные измѣнники своей земли, и въ случаѣ торжества ихъ направленія—будущіе вольные и невольные холопы Австро-Мадьяръ. Пусть примутъ это къ свѣдѣнію и въ Сербіи, и въ Болгаріи, и въ Румелии!

Москва, 7 ноября 1881 г.

Дѣла сербскія представляются еще въ той же неопредѣленности. Митрополитъ Михаилъ съ твердостью и неустрашимостью, достойными праваго дѣла и высокаго сана, отказывается оставить митрополию иначе, какъ уступивъ внѣшней силѣ. А употребить насиліе надъ митрополитомъ, заточить его въ монастырь, это сербскому правительству могъ бы посовѣтовать только его лютой врагъ. Сербскіе епископы протестовали, но потомъ, увѣряють, уступили давленію правительства и признали новаго назначеннаго правительствомъ митрополита. Русское правительство, сколько мы знаемъ, рѣшилось поставить все это дѣло на каноническую почву. Святѣйшій Синодъ, говорятъ, уже вошелъ въ сношеніе съ Константинопольскимъ патріархомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что протестъ Русской и Константинопольской церкви, за которымъ послѣдуютъ, вѣроятно, протесты предстоятелей церковныхъ и въ прочихъ православныхъ земляхъ, поставить Сербскую церковь въ такое положеніе, которое страна терпѣть не захочетъ, и князь Миланъ волей-неволей долженъ будетъ смѣнить свое министерство и уступить. Какъ ни ликуютъ теперь австрійскія газеты, какъ ни стараются онѣ утѣшить своихъ сербскихъ друзей, что вотъ и они, по примѣру нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ странъ, обзавелись культурною борьбою, что для торжества цивилизаціи государство должно побѣдить церковь, и пр., но мы думаемъ, что австрійскіе и сербскіе политики нѣсколько обочились въ расчетѣ. Нарывъ австроманіи въ сербскомъ правительствѣ вскрылся слишкомъ рано и обнаружилъ предъ всѣмъ народомъ свойства тайно созрѣвшаго недуга: моментъ не очень-то удобный для провозглашенія князя королемъ Сербіи! Не можетъ же однако судьба Сербскаго племени зависѣть отъ судьбы министерства Цирочанца и К^о... Неужели же славное, геройское нѣкогда Сербское племя для того только и добыло себѣ самостоятельное политическое бытіе, чтобы стать игралищемъ австрійской политики и выродившейся потѣшной интеллигенціи, холопствующей предъ «Швабами»?... Что все это дѣло подготавливалось издавна и не по поводу только закона о таксахъ,

можетъ служить слѣдующее сообщенное намъ письмо митрополита Михаила отъ 9 октября въ Петербургъ, стало быть слишкомъ за недѣлю до катастрофы. Письмо отвѣчаетъ на поздравленіе со днемъ именинъ митрополита:

Душевно благодарю за ваше вниманіе и благорасположеніе во дниъ моей скорби и жизни крестовосной. Вамъ извѣстно тяжелое положеніе мое послѣ выдуманной интриги Ти си (венгерскаго министра-президента) относительно денегъ присланныхъ будто бы г. П..... и по многимъ другимъ причинамъ. Пусть васъ не удивитъ, если услышите, что меня прогнали или уничтожили. Чтò бы ни было, а съ вѣрою приму волю Господа, промышляющаго о всѣхъ во спасеніе.

Михаилъ.

Москва, 14 ноября 1881 г.

Никто не можетъ отрицать, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, даже и до сихъ поръ—не по себѣ, неможется что-то русскому человѣку. Трудно опредѣлить наше современное общественное состояніе однимъ словомъ, но несомнѣнно одно: недугъ этотъ вовсе не матеріальнаго, не экономическаго, а нравственнаго свойства. Духъ нашъ недуженъ, вотъ чтò. Онъ словно пригнетенъ, пришибленъ: крылья—скажемъ съ поэтомъ—повисли, нѣтъ размаху; полетъ оробѣлыхъ думъ тяжелъ и низокъ; сердце, даже безъ видимаго повода, щемитъ и ноетъ. И какъ ни старается разумокъ наладить внутренний строй человѣка соразмѣрно съ требованіями и условіями данной минуты; какъ ни напрягается добросовѣстная воля привлечь всѣ силы, всѣ способности ума къ успѣшному исполненію предлежащаго рабочаго долга,—но безъ одушевленія, безъ надежды, безъ вѣры въ себя и въ свой трудъ не только великое дѣло, никакая работа не спорится: дѣланіе лишено творчества, дѣйствіе—безъ воздѣйствія, никого и ничего не живитъ! А именно одушевленія, смѣлой надежды, вѣры дерзающей намъ и недостаетъ. Не дадутъ ихъ и не возмѣстятъ ихъ сами по себѣ никакія мѣропріятія, содѣйствующія внѣшнему народному благосостоянію или «упорядочивающія» взаимное соотношеніе пружинъ и колесъ государственнаго механизма. Ибо не о хлѣбъ единомъ живы народы, какъ и отдѣльныя лица; не вещественная только

польза пользуется, и государство не механизмъ, а живой организмъ, которому колеса и пружины правительственной машины служить только подспорьемъ и средствомъ. Самый успѣхъ наиразумнѣйшихъ экономическихъ мѣръ зависитъ отъ общаго *духа жизни*, а слышимъ ли мы, ощущаемъ ли кругомъ себя и межъ насъ могучее вѣяніе духа жизни?... О, если-бы онъ повѣялъ!...

Странное что-то содѣялось съ нами. Великая страна—богатырь—какъ-будто на положеніи больничнаго «слабосильнаго», и порція ему, богатырю, по положенію, «слабосильная» отпускается, и лѣжится онъ спертымъ воздухомъ, и рѣчи ведутся вокругъ него не во весь голосъ, а лишь вполголоса, и будто петербургскимъ сѣрымъ, скучнымъ днемъ заволокло всю нашу страну. Безпокойно озирается она кругомъ: нѣтъ ли гдѣ возблистанія свѣта,—добраго свѣта, подателя жизни,—но облака все еще не сдвинулись съ неба, еще даютъ духъ... Принято твердить, и всѣ мы вторимъ, всѣ будто и сами повѣрили, что Россія теперь и бѣдна, и немощна, и вообще въ самомъ пока ненадежномъ состояніи,—что ей теперь впору одно—быть тише воды и ниже травы, пока не оздоровѣетъ... И вотъ, унылые, пристыженные, мы поминутно щупаемъ себѣ пульсъ и тревожно всматриваемся въ зеркало... Что за притча?...

Конечно, есть отъ чего чувствовать себя пристыженнымъ, есть отъ чего возмутиться духомъ. Еще горитъ у насъ у всѣхъ на челѣ позоръ, покрывшій Россію въ день 1 марта. И не однимъ этимъ позоромъ мы пригнетены, но и боязнью новыхъ подобныхъ позоровъ... Одна ужъ эта боязнь, боязнь основательная и тѣмъ болѣе унижительная для нашей чести, бросаетъ краску въ лицо... Но именно въ настоящіе дни, рядомъ съ этими ощущеніями, есть уже мѣсто и для чувствъ менѣе тяжкаго свойства. Сдается, что мѣра долготерпѣнія нашего переполнилась, что уныніе начинаетъ переходить въ негодование (а негодованія, плодотворнаго негодованія, было у насъ слишкомъ мало въ предшествовавшіе годы!); что разразившійся надъ нами громъ, если и не разбѣялъ тяжелыхъ тучи, то во всякомъ случаѣ нѣсколько разрѣдилъ атмосферу. Ибо, какъ ни ужасно событіе 1 марта, но состояніе общественнаго духа—именно въ предшествовавшіе два-три года—

было еще тяжеле, еще безнадежнѣе, еще безнравственнѣе. Да, по истинѣ *безнравственна* та общественная атмосфера, которая зарождается отъ упадка духа, отъ унынія, отъ утраты въ странѣ вѣры въ свое народное достоинство, въ свои собственныя силы, — безнравственна атмосфера, которая глушитъ всякое проявленіе доблести, въ которой не хватаетъ души даже на негодованіе, а только развѣ на глумленіе и самооплеваніе!...

Но вѣдь и за прошлое недавнее время такое безнравственное состояніе общественнаго духа развѣ не можетъ быть одинаково объяснено цѣлымъ непрерывнымъ рядомъ подлыхъ позорящихъ насъ злодѣяній, чинимыхъ героями нашего времени, исповѣдниками револьвера, кинжала и динамита? Конечно можетъ; объясненіе это вѣрно, но не вполне. Почему же непрерывный рядъ этихъ злодѣяній начинается именно со второй половины 1878 года? Вѣдь эта шайка революціонеровъ или анархистовъ, или политическихъ нигилистовъ, этотъ своего рода польскій ржондъ возникъ въ нашей странѣ, какъ доказываетъ изслѣдованіе, напечатанное въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», чуть ли не съ эпохи Чернышевскаго, одновременной съ польскимъ возстаніемъ, — ознаменовался первымъ покушеніемъ на цареубійство еще въ 1866 г., огласился потомъ процессомъ Нечаевцевъ и Нечаева, слѣдствіемъ Писарева, процессомъ двухсотъ подсудимыхъ и многими другими попытками и заговорами. Почему же однако весь этотъ ржондъ, со всѣмъ своимъ значеніемъ и опасностью, отошелъ на задній планъ, словно потонулъ, въ годину Сербской войны и нашей затѣмъ войны съ Турками за освобожденіе Болгаръ, — почти вплоть до *Берлинскаго договора*?...

Слово произнесено. Однимъ изъ самыхъ главныхъ виновниковъ той деморализаціи, того приниженаго состоянія общественнаго духа, которое такъ-сказать уготовило, удобрило почву для широкаго развитія и дѣятельности «крамолы» и открыло эру убійствъ и подкоповъ, — былъ, мы въ томъ убѣждены, Берлинскій трактатъ. Никогда нація не падала такъ низко и съ такой высоты! Это былъ продуктъ чисто петербургскій, побѣда петербургской бюрократіи надъ Россіей. Такого трактата и невозможно было бы утвердить въ Россіи нигдѣ кромѣ Петербурга и изъ Петербурга.

Вспомнимъ только славную эпопею 1876-го, 1877-го и начала 78-го годовъ. *Осмѣлимся* вспомнить, ибо если и поминуются доселѣ отдѣльные эпизоды преимущественно послѣдней, такъ-сказать регулярной войны, т. е. доблестные подвиги нашихъ войскъ въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи, то о *чувствѣ* одушевлявшемъ нашихъ солдатъ, кромѣ побужденій храбрости и воинскаго долга, — о движеніи добровольцевъ, о подъемѣ народнаго духа, у насъ принято теперь умалчивать, заминать рѣчь, даже какъ бы стыдиться: Берлинскимъ трактатомъ намъ какъ будто отшибло самую *память сердца*, которое однакожь такъ сильно, такъ шибко жило и билось въ эти достопамятные годы! Или—что правдоподобнѣе, — мы пугливо хоронимъ ее въ себя поглубже, боясь новыхъ грубыхъ насмѣшекъ и оскорбленій, послѣ того, какъ уже надругался дипломатическій Берлинъ вкупѣ съ бюрократами и либеральными литераторами Петербурга надъ самыми лучшими, святыми порывами народной души... А мы имѣемъ нѣкоторое право свидѣтельствовать объ этихъ порывахъ, по крайней мѣрѣ въ годину 1876 г. Никакими искусственными мѣрами нельзя было бы вызвать того внезапнаго, могущественнаго нравственнаго подъема, который, неожиданно для всѣхъ, вопреки всѣмъ запорамъ и плотинамъ, всколыхалъ тогда нашъ океанъ-народъ и домчалъ потомъ его исполинскія волны до самыхъ стѣнъ Константинополя, почти до паперти Святой Софіи...

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ движимъ былъ самою историческою стихіей, тѣмъ мировымъ призваніемъ, въ которомъ конечно народныя массы не отдають себѣ яснаго, сознательнаго отчета, но который живетъ въ нихъ на степени внутренняго неодолимаго инстинкта. Ближайшимъ же побужденіемъ для народа былъ *подвигъ* правды и вѣры. Этого никогда не поймутъ наши реалисты! Дошло до свѣдѣнія народнаго, что тамъ, гдѣ-то, въ единоплеменной странѣ, гибнуть христіане, отчаянно сражаясь въ неравномъ бою съ мусульманами за свою свободу и вѣру, и въ этихъ «практикахъ» мужикахъ (вѣчно, по описанію разныхъ Глѣбовъ Успенскихъ, смотрящихъ въ землю, или рассчитывающихъ барыши, смердающихъ духовными язвами и проказой) воспрянула во всемъ величій и мощи смиренія, изъ-подъ гнета собственныхъ скор-

бей и нуждъ, лишь временно сдвливаемая, но вѣчно живая христіанская душа. *Нуженъ* подвигъ русскому человѣку,— какъ вообще всѣмъ сильнымъ душамъ потребно порою развернуть во всю ширь свои крылья и, взмахнувъ распростертыми крылами, вознестись хоть на мигъ въ высоту, надъ мелочью и пошлостью земной жизни... Если самъ нашъ крестьянинъ не всегда *сподобляется* подвига во имя Христова, то благоговѣйно чтить его въ другомъ. А въ 1876 г. подвигъ предсталъ предъ нимъ какъ бы всѣмъ доступный. Послышалъ онъ позывъ въ сердцѣ своемъ,—и вотъ, въ толпѣ всякихъ проходимцевъ, гулякъ, болѣе или менѣе «благороднаго званія», внезапно выдѣлялись предъ изумленными взорами членовъ Московскаго Славянскаго Комитета какіе-нибудь крестьяне изъ-за Волги или съ Дона, падали на колѣни и упорно, неотступно молили отправить ихъ въ Сербію. На всѣ увѣщанія, что идти восвать имъ не слѣдъ, такъ какъ военнаго ремесла не знаютъ, что кромѣ опасности придется имъ терпѣть всяческую нужду и служить безъ жалованья,— на всѣ эти доводы былъ одинъ отвѣтъ: «хотимъ помереть за хрестьянство, за Крестъ, за вѣру»!... А эти, издалика пришедшіе мужики, *міромъ* присланные по выбору сельскаго общества, для того, чтобы и ему не быть *въ нѣтъхъ*, какъ говорилось встарь, въ этой всенародной, хотя и не государственной службѣ! Да, тѣмъ именно сильнѣе ложилась на совѣсть народную эта повинность, что она была добровольная, а не обязательная, что дѣло помощи христіанамъ онъ считалъ не только правительственнымъ, но *своимъ*, пока еще исключительно *своимъ*, дѣломъ! Никто его не нудилъ, не гналъ, никто и не обольщалъ его никакими приманками... Безъ сомнѣнія, при болѣе правильной организаціи, при устройствѣ мѣстныхъ комитетовъ и правильнаго ихъ сношенія между собой, съ Московскимъ Комитетомъ и его Отдѣломъ въ Петербургѣ, не тысячи, а десятки тысячъ добровольцевъ наводнили бы Сербію; но Славянскій Комитетъ, повторимъ, не предвидѣлъ, не ожидалъ такого движенія, самъ былъ застигнутъ врасплохъ, самъ кое-какъ организовался, въ догонку такъ-сказать за событіями... Конечно, какъ мы уже упомянули, одновременно съ подвижниками изъ простонародья, было не мало, преимущественно изъ контингента *офи-*

церскаго, людей праздношатающихся, забудыгъ, своего рода «гарибальдійцевъ»,—но и между ними сколько же было людей образованныхъ, по истинѣ интеллигентныхъ (хотя конечно не изъ разрада современной желиберальной интеллигенціи), которые сами были преисполнены общенароднаго христіанскаго порыва и пали жертвами за святое дѣло: вспомнимъ имена Кирѣева, Раевского, Левашова и многихъ другихъ. Да и изъ гулякъ — сколько ихъ беззавѣтно сложило тамъ свои головы, искупивъ, быть-можетъ честною смертію свою пустую, грязную жизнь!

Вспомнимъ, какъ всѣ мы перемѣнились сами, какъ иначе жили въ эти дни всеобщаго, охватившаго Россію порыва. Все какъ-то сдвинулось съ своей пошлой обычной колеи. Сами наши смиренные іереи и архіереи почувствовали «дерзновеніе» и не спрашиваясь никого, выходили на площади, служили молебны о ниспосланіи побѣды на враговъ «рабу Божию Михаилу» или «архистратигу славянскихъ силъ», какъ грянулъ гдѣ-то, подлаживаясь къ церковному стилю, одинъ басистый дьяконъ!... Все пришло въ безпорядокъ, но какой душеспасительный, благой безпорядокъ! Безпорядокъ чисто наружный, при которомъ ни о какихъ нигилистахъ было и слыхомъ не слыхать! Какъ будто ихъ и не бывало! Притихли, попрятались.... Вспомнимъ эти денежные приношенія, эти милліоны рублей, составившіеся изъ милліоновъ истинновдовьихъ лептъ.... Сколько честнаго, сколько святаго, богоугоднаго совершилось тогда на необъятномъ просторѣ нашего отечества: вотъ эта атмосфера была здоровая, была нравственная и—нигилизму неблагоприятная!

Пусть себѣ отрицаютъ теперь смыслъ и характеръ этого явленія наши глумители-реалисты. Реализмъ безъ подкладки идеализма близорукъ, самонадѣянъ, скудоумень и въ добавокъ лжетъ самъ себѣ. Ему никогда не понять народа, ибо народъ представляется ему только совокупностью (агрегатомъ) Ивановъ, Сидоровъ, Карповъ, изъ которыхъ онъ можетъ знать, разумѣется, только одного или нѣсколько, каждаго *порознь*. Для того же, чтобъ сколько-нибудь постичь то, что называется народомъ, этотъ неухватимый для внѣшняго анализа, чудесно живущій въ вѣкахъ и въ пространствахъ, цѣльный, единый *организмъ*,—нужно нѣчто болѣе фо-

тографическаго умѣнія, нуженъ процессъ *идеализаціи*, отвергаемый реализмомъ. Онъ лжетъ самъ себѣ потому, что воспроизводя какого-нибудь случайно допрошеннаго имъ кучера Пахома, не ограничивается скромнымъ заявленіемъ, что воспроизведенъ имъ фотографически только одинъ этотъ Пахомъ, не болѣе, а храбро притязаетъ на *обобщеніе*,—слѣдовательно опять-таки идеализуетъ! Наши корреспонденты, разсыпавшись по Сербіи, увидѣли кое-гдѣ безпорядки, цѣлую организацію, кое-какія сценки въ кофейняхъ да на улицахъ, но не примѣтили главнаго: историческаго стихійнаго движенія, той «красоты смиренной», того священнодѣйствія души народной, которое сквозило сквозь безобразное внѣшнее рубище и нераздѣльную съ многолюдствомъ человѣческую пакость. Съ хлесткостью и развязностью, съ легкимъ сердцемъ только имъ свойственнымъ, они поспѣшили осмѣять, освистать, оплевать въ «либеральныхъ газетахъ», безъ разбора, огуломъ, какъ самихъ добровольцевъ (умѣвшихъ однако сдерживать три мѣсяца натискъ знаменитаго Омерь-паши), такъ и все это возвышенное мгновеніе нашего народнаго бытія. Правда, одинъ изъ «либераловъ», Петръ Боборыкинъ, оцѣнивъ въ послѣдствіи значеніе этого историческаго эпизода, воскликнулъ въ какомъ-то фельетонѣ: «Эхъ, сплеховали мы, не «спохватились! зачѣмъ мы (т. е. западники-либералы) дали «славянофиламъ (?)» стать впереди этого народнаго движенія, принять дѣятельное участіе въ этой эпопеѣ, а не стали сами во главѣ народа? все отъ того, что мы не организованныя партія!» и тому подобный вздоръ!... Напрасное сожалѣніе. Нашимъ западникамъ, принявшимъ теперь кличку «либераловъ», суждено всегда быть выброшенными за бортъ, остаться всегда въ сторонѣ при всякомъ подъемѣ, при всякомъ порывѣ, при всякомъ серьезномъ, общемъ проявленіи національнаго духа, во всѣ великіе моменты русской исторіи.

Какъ ни осмѣивала, какъ ни порицала петербургская консервативная и либеральная бюрократія, съ цвѣтомъ высшаго общества вкупѣ, это выступленіе изъ береговъ народной духовной стихіи—Царь не могъ отдѣлиться душою отъ своего народа. Вѣчно памятно будетъ это, во очію совершившееся наитіе историческаго духа, когда Царь въ Московскомъ

Кремль, къ неожиданности, къ изумленію своихъ министровъ, держаль (въ октябрѣ 76-го) свою рѣчь къ народу... Царь,—человѣкъ исторіи по преимуществу, по преимуществу принадлежащій *народу*—быль тогда съ своимъ народомъ едино. Въ ту минуту пали всѣ средостѣнія. Но они тотчасъ же воздвиглись, какъ скоро Царь отшелъ въ Петербургъ. И какія муки внутренней борьбы должна была пережить его царственная душа, когда отвсюду, все что его окружало и облегало, принялось осуждать, затруднять, тормозить, разстраивать великое зачинавшееся всемірно-историческое дѣло... L'Empereur a subi l'opinion publique de Moscou—«Государь поддался давленію общественнаго мнѣнія Москвы»—твердила бюрократія съ дипломатіей, стараясь *оправдать*, ослабить значеніе неосторожныхъ будто бы кремлевскихъ словъ Русскаго Государя!! Война, кровопролитная война, готовилась не при содѣйствіи, а съ *противодѣйствіемъ* окружавшей среды! Тутъ-то сказался вѣковой разладъ Петербурга съ Россіей, проявилась та духовная рознь съ народной мыслью и совѣстью выплывъ, руководящихъ общественныхъ работѣствующихъ предъ Западною Европою классовъ, которую не примѣчаетъ современная якобы либеральная интеллигенція и о которой, недоумѣвая допрашиваетъ насъ «Русская Мысль»! Всѣ неудачи, всѣ постигшія насъ бѣды должны быть отнесены именно къ этому разладу: не на одномъ уровнѣ духовнаго подъема стояли народъ, армія и правящая, бюрократическая, военная, штатская, туда же и дипломатическая среда!.. Конечно, всѣ *протестанты*, когда потомъ довелось имъ лично участвовать въ кровавомъ бою, вѣрно исполнили долгъ воинской рыцарской чести,—этого намъ не занимать стать,—безстрашно дрались, безстрашно умирали, но (скажемъ мы по Погодински) недостаточно умѣть умирать по русски, нужно умѣть по русски же мыслить, чувствовать, жить...

Много было потеряно дорогаго времени, но наконецъ война началась. Царь за рубежомъ Россіи, на самомъ театрѣ дѣйствій, страдальчески сострадавъ съ своимъ подвигоположникомъ-солдатомъ, нисходитъ, движимый истинно любвеобильною душою, съ высокой чреды царскаго сана до призрѣнія раненыхъ и утѣшенія умирающихъ людей своего народа... Если когда-либо предстояло удобство нашимъ заговорщикамъ-

убійцамъ привести въ исполненіе свои преступные замыслы, направить на Государя свои выстрѣлы и удары, — такъ именно тамъ, въ Горномъ Студнѣ и въ иныхъ мѣстахъ царскаго пребыванія... Но не достало духу и у нигилистовъ, и у нихъ опустились руки въ эти минуты высокаго народнаго духовнаго строя...

Наконецъ, все, казалось, преодолѣлъ нашъ страстотерпецъ-народъ. Пала Турецкая Плевна, а съ нею, мнилось, и всѣ петербургскія, доморощенныя бюрократическія и дипломатическія Плевны. Какъ лава, устремились наши войска, вопреки всѣмъ расчетамъ послѣдняго слова военной науки, превозмогли всѣ преграды стратегіи, природы и климата. Вотъ уже и Царь-градъ, вотъ она, Святая Софія.....

Нужно ли договаривать?

Кто вырвалъ изъ нашихъ рукъ побѣду, купленную кровію полмилліона русскихъ людей и милліардами народнаго достоинства?... Западныя державы?—Никто какъ мы сами. Та именно рознь, то отчужденіе нашей высшей образованной руководящей среды отъ національной мысли и чувства, — вотъ чтò было виною. Не хватило вѣры въ себя самихъ и въ свое призваніе, не достало духу, не достало силы народнаго самосознанія... Восемь мѣсяцевъ стоятъ побѣдителемъ у воротъ Константинополя и потомъ отступить, оставивъ еще милліоны христіанъ въ рукахъ побѣжденнаго ислама, — затѣмъ сѣсть на скамью подсудимыхъ и положить свершенный Русскимъ народомъ, его кровью и достояніемъ подвигъ во главу угла враждебной намъ и православнымъ Славянамъ западно-европейской политики, въ основу порабощенія Балканскаго полуострова Австріяцами... Неужели можно было думать, что такое нравственное паденіе Россіи не произведетъ въ ней убійственной деморализаціи? Только деморализаціи и можно было ожидать при той дисциплинѣ нашихъ войскъ и народа, которая устраняла возможность другой развязки... Самая тяжелая, самая кровопролитная изъ войнъ окончилась безъ торжества, безъ утѣшенія славы, безъ радости для народа. Недоумѣлый, онъ не праздновалъ мира, котораго такъ напряженно, но терпѣливо ждалъ. Поникъ онъ духомъ, смутился мыслью. Поруганы были самыя лучшія, самыя святыя движенія его души. Солгали, видно, ему всѣ эти страстные по-

рывы, эти прекрасныя увлеченія! Потоптано, попрано все, чему мы еще недавно такъ пламенно поклонялись! Энтузіазмъ, одушевленіе, самоотверженіе, беззавѣтная готовность на жертвы, историческое призваніе Россіи, братство... все это вздоръ, праздныя, пустыя слова!...

Ничего нѣтъ вреднѣе и опаснѣе, какъ подобное разочарованіе народа и общества въ правдѣ, въ разумности высшихъ стремленій своей души. Недовѣріе къ себѣ и къ правительству, тайное внутреннее недовѣріе овладѣло всѣми классами, и не скоро уже подвигнешь ихъ къ новому великодушному порыву... Обожглись!.. Таково было дѣйствіе трижды проклятаго Берлинскаго трактата, и память народная не забудетъ его *ближайшихъ* со стороны Россіи соорудителей и радѣтелей... Конечно, разъ совершивъ отступничество отъ историческаго народнаго завѣта, высшей петербургской бюрократіи ничего не оставалось, какъ упорствовать въ томъ же направленіи и стараться скорѣе изгладить, стереть всѣ слѣды прошлаго энтузіазма, все напоминавшее былой «нравственный и политическій» безпорядокъ, особенно же годину добровольческаго движенія... Туда же во слѣдъ потянулась, разумѣется, и наша мнимо-либеральная интеллигенція, со всѣми Утиными и прочими обличителями и съ газетою «Голось», восплѣвшею хвалами Берлинскій конгрессъ... Послѣдовало, какъ и должно было ожидать, закрытіе Московскаго Славянскаго Общества, къ вящему оскорбленію не только всѣхъ участпиковъ лучшихъ недавнихъ мгновеній народной исторической жизни, но и всего Славянскаго міра, ради котораго только-что пролилась русская кровь. Въ презрѣніи стали всѣ тѣ, которые жертвовали жизнію въ *нерегулярной*, самовольной русской войнѣ съ Турками 1876 года. Вонъ идетъ калѣвка-офицеръ, безрукій, безногій, и молить милостыни; онъ просилъ было о пенсіи, стучался во всѣ парадныя казенныя двери, — но такъ какъ онъ провинился въ томъ, что потерялъ руку или ногу, хотя и въ бою противъ тѣхъ самыхъ Турокъ, съ которыми мы же потомъ *регулярно дрались*, однако подъ командою *добровольца*—Черняева, на поляхъ Сербіи; такъ какъ онъ провинился въ томъ, что увлеченный народнымъ порывомъ, вышелъ въ отставку изъ нашей арміи и далъ себя изувѣчить братьевъ-христіанъ ради, —

«вонъ его, вонъ! Не увлекайся до самоотверженія! Не будетъ ему пенсїи, не будетъ призора дѣтямъ ни его, ни даже убитыхъ *самовольныхъ* мучениковъ-офицеровъ!»... Какъ будто Сербско-Русская война не была первымъ актомъ той же самой драмы, которой наша же война въ Болгарїи была только вторымъ! какъ будто можно ихъ раздѣлять въ сознаниіи и въ исторїи Русскаго народа!

За то, одновременно съ этою вопіющею несправедливостію дѣла, побѣдоносная Россія очутилась въ поношенїи у нашихъ друзей-враговъ за своими западными предѣлами. Съ нею уже не считаются; послѣ Берлинскаго трактата воображаютъ ее способною на всякое самоотреченіе во вредъ себѣ и въ пользу враждебныхъ Русскому народу политическихъ интересовъ... Великая наша держава, повторимъ, очутилась вдругъ въ положенїи *слабосильной*, обязанной сносить смиренно всякое поруганіе своей чести. Но это уже не смиренїе; это уже униженїе духа,—того, чѣмъ живетъ и спасается человѣкъ...

Не могло безнаказанно совершиться надъ великимъ историческимъ народомъ такое дѣланіе, которому имя Берлинскій трактатъ. Пусть не говорятъ, что какой-нибудь тамбовскій или самарскій мужикъ вовсе и не помышляетъ, да едва ли и вѣдаетъ о такомъ дипломатическомъ актѣ... Такія рѣчи только самообольщеніе Петербурга. Во сколько народъ вѣдалъ про войну 1876 года, жертвовалъ собою и своимъ достоинствемъ, во сколько онъ вѣдалъ войну 1877 года (а не могъ же онъ не вѣдать, когда до милліона сыновъ его, солдатъ, принимало въ ней дѣятельное участіе, а самъ онъ дома жадно ловилъ каждое извѣстіе, и деревни въ складчину выписывали телеграммы и газеты),—во сколько онъ вѣдалъ про войну, во столько же вѣдаетъ онъ про миръ и вѣдаетъ, что онъ намъ въ стыдъ и въ обиду. Чувство государственной чести и достоинства, и инстинктъ великихъ міровыхъ судебъ Россїи выношены въ нашемъ народѣ всею многострадальною тысячелѣтнею его исторїей. Понятно поэтому, что теперь, даже не отдавая себѣ яснаго отчета въ причинѣ, онъ поникъ духомъ и недоумѣваетъ... Одушевленїе смѣнилось уныніемъ, вѣра—сомнѣніемъ, порывъ—бессиліемъ воли, волненїе—вялостью, затишьемъ, тяжелымъ, соннымъ затишьемъ, подобно затишью водъ, которыя

...неподвижно спать

И подь лѣнивыми листьями

Презрѣнный производятъ гадь.

И развелся онъ, этотъ гадъ, на просторѣ, благодаря атмосферѣ національнаго безчестія и приниженаго духа... И выползъ снова на свѣтъ Божій изъ своихъ норъ обрадовавшийся нигилизмъ, и дожили мы до ващаго позора, и посрамилась наша земля неслыханными въ мирѣ злодѣянїями, стала чуть не притчею во языцѣхъ.

Но уже брежитъ свѣтъ и занимается заря, послѣ томительной, долгой ночи... Да послужить же намъ бывшее въ поученіе, и да истребится наконецъ та духовная ровнь, то взаимное отчужденіе высшихъ руководящихъ, общественныхъ классовъ и народа, то невѣдѣніе, неразумѣніе, неуваженіе своей родной земли, своихъ народныхъ задачъ и интересовъ, — тотъ нашъ единственный недугъ, отъ котораго хилѣтъ лишенный внутренней цѣльности, но въ сущности крѣпкій и здоровый, нашъ историческій, великій, государственный организмъ...

Москва, 21-го ноября 1881 г.

Митрополитъ сербскій, высокопреосвященный Михаилъ, на привѣтственную телеграмму, посланную ему 8-го ноября изъ Москвы и напечатанную въ 53 № «Руси», телеграфировалъ преосвященному Амвросію, епископу Дмитровскому, слѣдующій отвѣтъ: «Благодарю васъ и всѣхъ подписавшихся за братское поздравленіе. Вѣрю вашей любви. Митрополитъ Михаилъ». Свѣдѣнія изъ Сербїи довольно скудны. Нужно предположить, что письма оттуда задерживаются на сербской или австрійской почтѣ. Мы знаемъ только, что митрополитъ Михаилъ переѣхалъ изъ дома митрополїи въ свой собственной небольшой домъ въ Бѣлградѣ, а исполнить свое первоначальное намѣреніе — заточить его въ монастырь Св. Петра, — сербское правительство пока не рѣшается, а можетъ-быть и совсѣмъ отказалось. Константинопольскій вселенскій патріархъ ожидаетъ (или ожидалъ еще по тотъ срокъ, по который мы имѣемъ извѣстія) полученія протеста отъ высокопреосвященнаго Михаила, для того чтобъ войти въ сно-

шеніе со всѣми автокефальными православными церквами и вмѣстѣ съ ними придти къ рѣшенію относительно настоящаго положенія Сербской церкви. Узнавъ о такомъ намѣреніи патріарха, сербское министерство официально ходатайствовало о воспрещеніи патріарху вмѣшиваться въ сербское церковное дѣло (поступокъ вполне достойный настоящихъ сербскихъ министровъ!), вслѣдствіе чего Порты уже повелѣла патріарху не приступать ни къ какимъ дѣйствіямъ по сербскому церковному вопросу безъ ея спроса!.. Однимъ словомъ, и Австрія, и Порты служатъ обѣ пособницами сербскаго министерства въ его посягательствахъ на политическую независимость Сербскаго народа и на свободу общенія православныхъ церквей между собою!.. Но мы надѣемся, что султанскій запретъ будетъ отклоненъ нашимъ посольствомъ въ Константинополь и патріарху будетъ возвращена его свобода церковныхъ дѣйствій: на что - жь бы и держать посольство Россіи въ Константинополь, когда бы оно не счумѣло отстоять предъ Портой права православной церкви!.. Но вотъ любопытное извѣстіе, сообщаемое чешскими газетами: заступающій, по указу князя, мѣсто сербскаго митрополита, епископъ Моисей, на привѣтствіе представлявшихся ему профессоровъ семинаріи и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, отвѣчалъ будто бы такими словами: «будемъ молиться, да приведетъ Господь дѣла нашей церкви въ такое положеніе, чтобы нашъ многочтимый архипастырь Михаилъ могъ снова занять свое мѣсто». Такія слова не понравились сербскимъ министрамъ, увѣряютъ газеты... Желательно, чтобы извѣстіе было вѣрное.

 Москва, 28-го ноября 1881 г.

Наша статья въ 53 №, о значеніи Берлинскаго трактата въ современной русской общественной жизни, вызвала, рядомъ съ сочувственными, и враждебные отзывы, и даже замѣтки болѣе или менѣе офиціознаго характера, или по крайней мѣрѣ съ офиціознымъ оттѣнкомъ. Признано было нужнымъ успокоить... *австрійское* общественное мнѣніе и спеціально—графа Кальноки. «Россія—сказано въ замѣткѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» — однажды согласившись

на Берлинскій трактатъ, видитъ нынѣ въ сохраненіи его и свое государственное достоинство, и свою честь. Тонъ неудовольствія при воспоминаніи Берлинскаго трактата—такъ *извиняется* упомянутая замѣтка—можетъ легко *проскользывать* (точно контрабанда!) и впредь въ періодической прессѣ, но это не можетъ имѣть практическаго значенія и не можетъ повести къ агрессивной политикѣ со стороны русскаго правительства. Можно смѣло сказать, что никто изъ правительственныхъ лицъ и выдающихся дѣятелей въ Россіи и не думаетъ иначе. Справедливость сказаннаго не могла не быть замѣчена такимъ искуснымъ дипломатомъ и проникательнымъ государственнымъ человѣкомъ какъ графъ Кальноки, и конечно будетъ передана имъ его правительству»... Все это изъясненіе, смѣемъ думать, по меньшей мѣрѣ лишнее. Ежедневно получаютъ нами иностранныя газеты и ежедневно приходится намъ читать въ нихъ самыя ожесточенныя, возмутительныя нападки не только на русское правительство и на Россію, но и проповѣдь войны, съ цѣлыми планами кампаній противъ нашего отечества. Газеты не безъ наглости разбалтываютъ при этомъ и секретныя стратегическія приготовленія своихъ правительствъ вдоль русской границы. Между тѣмъ не только ни одному изъ нашихъ дипломатическихъ представителей въ Австро-Венгріи и Германіи никогда и въ мысль не входило «дерзновеніе» требовать объясненія отъ австро-венгерскаго или германскаго кабинета по поводу статей «Pester Lloyd»'а, разныхъ вѣнскихъ «Presse», или «Кельнской Газеты»,—но и сами упомянутые кабинеты вовсе повидимому и не заботятся о впечатлѣніи, какое производятъ въ Россіи эти оскорбительныя и вызывающія статьи; они не признаютъ нужнымъ ни извиняться за нихъ предъ нашимъ правительствомъ, ни успокаивать его усиленными миролюбивыми завѣреніями... Русскія же газеты тѣмъ еще менѣе могутъ подать поводъ къ такого рода запросамъ со стороны иностранныхъ посланниковъ, или предупредительнымъ истолкованіямъ со стороны нашего кабинета, что газеты у насъ даже не органы партій, — таковыя въ европейскомъ смыслѣ у насъ и нѣтъ, — а только личные органы самихъ редакторовъ. Чтѣ за дѣло иностранному правительству до частнаго мнѣнія того или другаго ре-

дктора въ г. Москвѣ или въ С.-Петербургѣ? развѣ русское правительство солидарно съ мнѣніями этихъ частныхъ лицъ и несетъ за нихъ отвѣтственность предъ Западною Европой? Въ томъ-то и дѣло, что за границей продолжаютъ еще упорно, и конечно намѣренно, признавать и эту солидарность, и эту отвѣтственность, основываясь отчасти на существующей у насъ цензурной системѣ: такого положенія правительства нельзя, конечно, назвать ни удобнымъ, ни выгоднымъ; напротивъ, оно лишаетъ его подобающей ему равноправности во взаимныхъ дипломатическихъ отношеніяхъ. Не пора ли вообще отвадить западно-европейскіе кабинеты, по отношенію къ намъ, отъ этой повадки запросовъ и на каждый таковой запросъ отвѣчать соотвѣтственнымъ же запросомъ, тѣмъ болѣе, что поводовъ для насъ къ такимъ дипломатическимъ интерпелляциямъ представляется на Западѣ Европы несравненно болѣе, чѣмъ для Запада на русскомъ Востокѣ? Но возвратимся къ замѣткѣ «Петербуржскихъ Вѣдомостей».

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія, подписавъ однажды *международный* договоръ, обязана—*наравнѣ* со всѣми участниками договора—соблюдать въ точности его условія,—но изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, чтобъ Россія мирилась внутренно съ этимъ трактатомъ и не желала его упраздненія, рано или поздно, тѣмъ путемъ, который въ политикѣ признается легальнымъ. Еще менѣе слѣдуетъ, чтобъ Россія признавала условія договора обязательными только для себя *одной* и продолжала его держаться даже и тогда, когда бы прочія державы, участницы договора, нарушили свои обязательства. Во всякомъ случаѣ мы желаемъ, — вѣрнѣе сказать: мы надѣемся, что тонъ неудовольствія Берлинскимъ трактатомъ не только будетъ *проскальзывать* въ русской періодической печати и впредь, но станетъ въ ней господствующимъ, обычнымъ, хотя бы и чуждымъ запальчивости и страсти,—какъ нѣчто нормальное, какъ точное опредѣленіе, какъ вѣрная, неотъемлемая «квалификація» извѣстнаго историческаго факта, установившаяся разъ навсегда въ сознаніи русскаго общества. Обязанность печати прояснять общественное сознаніе. Нисколько не побуждая правительства къ нарушенію подписаннаго трактата, мы имѣемъ однако право

желать и по мѣрѣ силъ содѣйствовать тому, чтобъ испытанный нами позоръ не переставалъ сознаваться нами позоромъ; чтобъ лѣнь души, гнуснѣйшая изъ всѣхъ видовъ лѣни, не затаила болотную плѣсенью чувство національной обиды въ руководящихъ сферахъ русскаго общества, чтобы прошлое послужило урокомъ для будущаго, — для чего прошлое не надо и забывать, напротивъ, твердо знать, живо чувствовать... А имѣемъ ли мы достаточное основаніе почитать подобныя заботы совершенно напрасными?... Развѣ указанное нами въ статьѣ 53 № противодѣйствіе петербургской бюрократіи — штатской, военной и дипломатической — предшествовавшее войнѣ, сопровождавшее войну, — развѣ пренебреженіе оказываемое до сихъ поръ властями изувѣченнымъ русскимъ воинамъ-добровольцамъ, — развѣ наконецъ продолжающееся и теперь странное, чтобъ не сказать хуже, отношеніе къ событіямъ 1876—78 годовъ со стороны нѣкоторой, и не малой, части общества и литературы (преимущественно въ Петербургѣ) способно служить намъ надежнымъ ручательствомъ въ непремѣнно-вѣрномъ разумѣніи петербургскою вліятельною средою нашихъ національныхъ политическихъ интересовъ даже и въ будущемъ? Развѣ невозможно и теперь противодѣйствіе со стороны той близорукой мудрости, того дешеваго смиреннаго благоразумія, которое стало традиціоннымъ въ нашей дипломатіи къ постоянному ущербу нашихъ выгодъ и нашего достоинства, и которое, на нашей памяти, только однажды было нарушено (и съ какимъ блистательнымъ успѣхомъ!) во время крестоваго дипломатическаго похода на насъ Европы, по поводу послѣдняго польскаго мятежа. Вся Европа грозила намъ чуть не войною; но стоило Россіи только не испугаться, не дрогнуть, — та же Европа мигомъ спасовала, услышавъ непривычную для нея, твердую русскую отвѣдь. Это была первая и чуть ли не единственная наша дипломатическая побѣда, къ которой, какъ извѣстно, не была неприкосновенна и русская печать: заслуга, оказанная тогда «Московскими Вѣдомостями», не можетъ быть никѣмъ отрицаема.

Мы полагаемъ съ своей стороны, что фактъ неудовольствія Берлинскимъ трактатомъ, фактъ пребывающій, а не сданный въ архивъ, фактъ свидѣтельствуемый русскою прессой, мо-

жетъ только быть полезенъ для нашей дипломатіи и послужить ей опорнымъ пунктомъ. Совершенно вѣрны и вполне умѣстны слова замѣтки «Петербургскихъ Вѣдомостей» (несомнѣнно офиціознаго оттѣнка), что «Берлинскій трактатъ выразилъ собою крайнюю степень уступчивости, на которую могъ согласиться русскій Государь и непосредственно связанный съ нимъ, всею своею массою, Русскій народъ», и что «это согласіе было только съ трудомъ усвоено великимъ государствомъ», но едва ли было нужно къ словамъ: «*усвоено съ трудомъ великимъ государствомъ*» прибавлять еще и выраженіе: «пережито» (намѣренно опущенное нами въ цитатѣ). Нѣтъ, не пережито. И пусть это вѣдаетъ Европа, и пусть считается съ этимъ фактомъ въ своихъ политическихъ комбинаціяхъ, предосудительныхъ для чести и выгодъ Россіи. А вѣдь нашимъ сосѣдямъ безъ сомнѣнія хотѣлось бы, чтобъ боль обиды, причиненной намъ Берлинскимъ трактатомъ, была, какъ говорятъ Нѣмцы, совсѣмъ *überwunden*, т. е. такъ прочно пережита и забыта, чтобъ можно было приступить, безъ особаго опасенія, къ новымъ экспериментамъ, къ новымъ оскорбленіямъ, къ новому нарушенію нашихъ интересовъ и, заручившись дружбою, идти добывать себѣ... хоть бы Солунь... Вотъ вѣдь секретный мотивъ той тревоги, которою преисполняется австрійская дипломатія всякій разъ, когда въ Россіи кто-либо помянетъ недобрымъ словомъ пресловутый трактатъ: не зажила, значить, рана. А если не зажила, еще сочится, такъ не прибѣгнуть ли, — разсуждаетъ быть-можетъ иностранная дипломатія, — къ старому, такъ часто удававшемуся приему: накануне собственныхъ покушеній на цѣлость Берлинскаго трактата, свалить все съ больной головы на здоровую, заподозрить самоё Россію въ воинственныхъ замыслахъ, заставить ее божиться въ своемъ миролюбіи. взять отъ нея новыя ручательства смиренія и долготерпѣнія?...

Нѣтъ, рана не зажила, и Россія чувствительнѣе чѣмъ когда-либо прежде ко всякому посягательству на ея государственное достоинство и національные интересы. Это доказывается и слѣдующими заключительными словами «замѣтки», составляющими нѣчто отрадное новое въ безцвѣтномъ доселѣ языкѣ нашихъ офиціозныхъ объясненій «Если однако Россія — говорится въ ней — не дозволитъ сама себѣ нарушить

невыгодный для нея трактатъ, то конечно и другія государства не дозволятъ себѣ его нарушенія ни въ Черногоріи, ни въ Босніи и Герцеговинѣ, ни въ Сербіи, ни въ Болгаріи... и не раздражатъ нарушеніемъ Берлинскаго трактата того глубокаго національнаго чувства Русскаго народа, чувства неудержимаго по силѣ и энергіи, которое привело уже однажды нашъ народъ къ стѣнамъ Константинополя»...

Мы можемъ только поздравить себя съ тѣмъ, что статья «Руси» подала поводъ къ подобному заявленію, къ подобному предостереженію по адресу Австро-Венгріи... Остается только повторить, вслѣдъ за этими заключительными строками «замѣтки», то, что было сказано въ ней выше, именно, что «такой пронизательный государственный человѣкъ, какъ графъ Кальноки, оцѣнить справедливость» выраженной именно въ этихъ строкахъ мысли русскаго кабинета и «передать ее своему правительству»!... Пусть вмѣстѣ съ тѣмъ онъ благоволитъ передать, что русское общественное мнѣніе дозволяетъ себѣ усматривать въ австрійскомъ образѣ дѣйствій въ Босніи и Герцеговинѣ, именно въ учрежденіи воинской повинности, прямое нарушение Берлинскаго трактата; что съ точки зрѣнія русскаго общества данное порученіе Австріи— временно занять обѣ турецкія провинціи съ цѣлю *умиротворенія* и *устроенія*—оказывается неисполненнымъ и для Австріи, по нерасположенію къ ней туземнаго населенія, едва ли и исполнимымъ, ибо вмѣсто мира и гражданскаго устроенія результатомъ ея оккупациі явилось разстройство цѣлаго края, эмиграція, да вооруженное возстаніе; что для успокоенія Европы вообще и Россіи въ частности, по мнѣнію того же русскаго общества, наилучшимъ средствомъ было бы благоизволеніе Австріи вывести свои войска и чиновниковъ изъ Босніи и Герцеговины, и предоставить славянскому населенію этого края самому рѣшить свою политическую судьбу— съ утвержденія Европы. Графъ Кальноки, «какъ пронизательный дипломатъ», конечно не упуститъ передать своему правительству, что сосредоточеніе до 40 тысячъ войскъ въ окрестностяхъ Бокки Катарской для усмиренія Кривошіянь, на границахъ Черногоріи, что интриги австрійскихъ агентовъ въ Сербіи, Болгаріи и особенно въ Румелии и Македоніи; что officialный тостъ, провозгла-

шенный на дняхъ, при открытіи моста черезъ Саву въ Боснію, австро-венгерскимъ начальникомъ области въ честь строителя «моста, который служитъ *первымъ этапомъ къ Эгейскому морю*»,—что все это можетъ лишь «раздразнить» то національное чувство Русскаго народа, о которомъ говоритъ «замѣтка» «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Нѣтъ, не Россія угрожаетъ европейскому миру, да и ничто въ настоящее время не угрожаетъ согласію Европы, кромя плановъ австро-венгерской политики. «Черныя точки», по знаменитому выраженію Наполеона III—только на австрійскомъ горизонтѣ. Да и не однѣ черныя точки... Тамъ уже льется кровь, славянская кровь! Возстаніе готово вспыхнуть вновь какъ въ 1875 году и вновь въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, откуда занялся пожаръ, пылавшій три года сряду и едва не испепелившій всю Европу!

Не русской дипломатіи успокаивать австрійскую по поводу мнѣнія о Берлинскомъ трактатѣ, высказаннаго частнымъ лицомъ гдѣ-то въ Москвѣ, на улицѣ Спиридоновкѣ, а австрійской успокаивать русскую по поводу льющейся крови православныхъ Славянъ въ Герцеговинѣ и въ окрестностяхъ Черногоріи...

Кромѣ замѣтки «Петербургскихъ Вѣдомостей», были возраженія и въ другихъ органахъ печати, которыя мы не можемъ оставить безъ отвѣта. «Биржевыя Вѣдомости», напримеръ, оправдываютъ Берлинскій трактатъ необходимостью для Россіи умиротворить Европу и предотвратить опасность войны съ союзными европейскими державами, — войны съ врагами погрознѣе и поискуснѣ Турокъ, въ то время какъ наши силы были уже утомлены и истощены. Да въ томъ-то и дѣло, что никакой серьезной опасности войны надъ нами и не висѣло; ни одна держава не была готова къ бою и не рискнула бы отъ угрозъ перейти къ дѣлу. Насъ смутила болѣе или менѣе нахальная постань или что Французы называютъ *attitude* западныхъ государствъ. Пора наконецъ намъ уразумѣть, почему мы—сильные *на полѣ битвы*, гдѣ вопросъ рѣшается доблестью русскаго солдата, т. е. самого народа—почти всегда терпимъ пораженія на полѣ дипломатическомъ. Потому что наши дипломаты, какъ и значитель-

ная часть русскаго общества, особенно въ высшей средѣ, испытываютъ относительно Западной Европы, даже и до сихъ поръ, чувство несовершеннѣйшаго предъ старшимъ, неученаго предъ ученымъ, полудивилизованнаго варвара предъ носителемъ цивилизаціи — отличаясь въ то же время необычайною слабостью національнаго чувства и самосознанія, поразительнымъ недоразумѣніемъ русскихъ интересовъ и историческихъ національныхъ задачъ. Это хорошо извѣстно на Западѣ, гдѣ русская дипломатія всегда старалась блистать, блеститъ еще и теперь, традиціонною благонравностью, безцѣлностью, отсутствіемъ всякаго почина, всякаго опредѣленнаго, твердаго мнѣнія и пуще всего боязнью общественнаго мнѣнія — не Россіи, а Европы. Понятно поэтому, что заграничные дипломаты имѣютъ надъ нашими положительное *нравственное* превосходство и невольно подчиняютъ ихъ своему обаянію, своему *ascendant*. Это люди *убѣжденные*, знающіе чего хотѣть, умѣющіе требовать — вовсе не въ мѣру государственной своей внѣшней *силы*, а въ мѣру *слабости и податливости противника*, но готовые также беззащитно и спасовать, т. е. смирить свои требованія даже до нуля, какъ только противникъ оцетинится и покажетъ зубы. Русскій же ихъ противникъ почти всегда слабъ и податливъ...

Вѣдая таковыя наши свойства, англійское министерство, съ цѣлю произвести давленіе на русское правительство, постоянно прибѣгаетъ (и къ несчастію съ успѣхомъ) къ извѣстному своему маневру: въ парламентѣ предлагаются публичные запросы министрамъ по русскимъ дѣламъ, не только внѣшнимъ, но даже и внутреннимъ: не только, на примѣръ, о русскихъ путешественникахъ въ Средней Азіи (и это въ то время, когда англійскій маіоръ Бутлеръ, въ качествѣ путешественника, занимался организаціей воюющихъ съ нами текинскихъ силъ!), но даже о дѣйствіяхъ, ничего общаго съ иностранной политикой не имѣющихъ, хоть бы, на примѣръ, объ антиеврейскихъ въ Россіи народныхъ движеніяхъ и чуть ли не о способѣ перевозки нами ссыльныхъ. Хотя британскіе министры отдѣлываются въ такихъ случаяхъ большею частью незначительными отвѣтами, — но это все равно. Тамъ знаютъ, что мы какъ разъ готовы смутиться подобными запросами, ничего такъ не трусимъ какъ европейской огласки,

охулки, и съ своей стороны не только не допросимъ британскихъ властей о маіорѣ Бутлерѣ, но постараемся ступать, принизиться, сократиться, чему однакоже, увы! сильно препятствуетъ нашъ природный объемъ и ростъ! Наши дипломатическіе представители за границей даже прославились своимъ пренебреженіемъ къ исполненію прямой своей обязанности—заступничества за своихъ соотечественниковъ, покровительства имъ и защиты. Въ числѣ этихъ представителей передъ войною и послѣ войны 1877 г., призванныхъ дѣйствовать въ жаркомъ состязаніи о національныхъ интересахъ, среди дипломатовъ такого сильнаго національнаго закала, каковы дипломаты нѣмецкіе, англійскіе, французскіе, были такіе, которые хвалились, какъ высшимъ признакомъ культуры, недоступностью своихъ сердець живому чувству национальности и громко провозглашали, что для нихъ не существуютъ въ мѣрѣ ни Французы, ни Нѣмцы, ни Русскіе, а только *des gens comme il faut*, т. е. «приличные» въ свѣтскомъ смыслѣ люди. Этотъ характеръ русскихъ дипломатовъ не могъ не отразиться и на нашей дипломатіи, т. е. на самомъ инструментѣ нашей внѣшней политики. При такихъ качествахъ инструмента не мудрено, что мы потерпѣли послѣ побѣдоносной кровавой войны безкровное, но за то и наимпозорное дипломатическое поражение. Ибо побѣда, одержанная надъ Россіей Берлинскимъ конгрессомъ, была чисто дипломатическая; не коалиціей боевыхъ матеріальныхъ силъ утрашили насъ западныя державы, а дерзостью совсѣмъ безплотныхъ угрозъ, твердостью воли, настойчивымъ хотѣньемъ!

Да, мы увѣрены, что эта пресловутая коалиція западныхъ государствъ противъ Россіи мигомъ бы распалась, какъ скоро вмѣсто словъ предложено было бы перейти къ дѣлу. Прямые, ближайшіе, непосредственные интересы Германіи и Россіи вовсе не до такой степени противоположны другъ другу, чтобы подавать поводъ къ войнѣ: по крайней мѣрѣ этотъ поводъ еще не назрѣлъ, и ничто не мѣшаетъ намъ жить въ добромъ сосѣдствѣ. Къ тому же Франція едва ли бы упустила удобный моментъ для своей отместки, какъ скоро бы эти обѣ могущественнѣйшія державы континента вступили между собою въ поединокъ. Австрія... Ея государственный инстинктъ всегда оберегалъ ее до сихъ поръ отъ войны съ

Россіей, и нельзя не дивиться вѣрности этого инстинкта. Мы съ Австріей въ мирѣ и не желаемъ ссориться съ нею, но война съ Австріей едва ли можетъ быть особенно страшна для русской, славянской, проникнутой національнымъ самосознаніемъ державы. Сомнительно и теперь, чтобы мудрость австрійскихъ правителей допустила когда-либо Австрію до этого испытанія... Англія? Но пора же наконецъ отрѣшиться отъ этого предразсудка, — ибо страхъ предъ вѣдшимъ политическимъ могуществомъ Англіи не болѣе какъ предразсудокъ: для континентальныхъ военно-сухопутныхъ державъ, для государствъ, которыхъ берега не омываются моремъ, какъ берега Франціи, Италіи, Испаніи, могущество Британіи, основанное на морскихъ ея силахъ, не представляетъ опасности, особенно при защитѣ морскихъ проходовъ торпедами. Трудно даже понять, почему до сихъ поръ мы всегда такъ остерегались гнѣвить Англію, такъ легко уступали — даже подчасъ оскорбительнымъ, дерзкимъ ея требованіямъ не только въ дѣлахъ Балканскаго полуострова, но даже и въ Средней Азіи. Что случилось бы, еслибъ мы вздумали ея не послушаться? Война? но война Россіи съ Англіей, это, по выраженію князя Бисмарка — война медвѣдя съ китомъ! Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить нашей дипломатической приниженности относительно Альбіона, какъ именно «предразсудкомъ», да развѣ — при тайномъ сознаніи нашей простоты — страхомъ его коварства и безразборчивости средствъ къ достиженію своихъ цѣлей. Беконфильдъ, такъ повидимому возвеличившій политическое значеніе Англіи, былъ силенъ вовсе не британскою военною силою, а только поддержкою германскаго канцлера, который, съ своей стороны, кажется давно уже опростался отъ вышеупомянутаго предразсудка. По крайней мѣрѣ, не смотря на Гладстоновское грозное *hands off* (руки прочь!), такъ было встревожившее Англію, политическій блескъ Англіи потускнѣлъ. мигомъ, да и тонъ ея очень низко понизился — послѣ того, какъ миссія Гошена въ Берлинѣ потерпѣла полное фiasco и германскій кабинетъ далъ почувствовать англійскому, что англійскіе перуны ему вовсе не страшны. Повидимому это соображеніе, т. е. о непрочности англійскаго обаянія и политическаго авторитета на материкѣ Европы, начинаетъ, тайно и болѣзненно, проникать въ сознаніе са-

михъ Англичанъ. Россіи остается только послѣдовать примѣру Германіи и попробовать въ дѣлѣ русскаго интереса, только побрывать — не принимать въ расчетъ англійскихъ протестовъ и прещеній, — и Англія, мы увидимъ, не замедлитъ убавить тона, какъ она уже убавила его теперь по отношенію къ Австріи.

Такъ какъ русскіе интересы не угрожаютъ въ сущности ничѣмъ чужимъ, законнымъ и правымъ интересамъ; такъ какъ мы не ищемъ ни войны, ни завоеваній; не посягаемъ на владѣнія нашихъ сосѣдей, не имѣемъ никакихъ видовъ на Индію и добиваемся только свободы отъ иноплеменнаго ига да самостоятельнаго гражданскаго развитія для народностей населяющихъ Балканскій полуостровъ, то Россіи нѣтъ никакой надобности поступаться своею правдою и вѣчно разыгрывать предъ Западною Европою роль безъ вины виноватаго. Нашею статьею о Берлинскомъ трактатѣ мы хотѣли оживить въ нашемъ обществѣ сознаніе русскаго народнаго достоинства и поставить его на стражѣ національныхъ, родныхъ интересовъ, восколько такая стража возможна для общества. Уроки исторіи, повторяемъ, не должны забываться (что нерѣдко случается съ нами), и печать, обновляя кстати и въ время печати объ этихъ урокахъ, безъ сомнѣнія оказываетъ только услугу какъ обществу, такъ и руководящимъ властямъ. Не новыя бѣдствія войны хотимъ мы накликасть на наше отечество, — какъ вздумалъ было насъ обвинить органъ «акціонернаго товарищества писчебумажныхъ фабрикъ «Ингеройскъ» съ «представителемъ директоромъ-распорядителемъ» (каковъ титулъ!) Гриппенбергомъ и редакторомъ Нотовичемъ, иначе сказать газета «Новости»: точно будто какая война можетъ статься отъ частныхъ рѣчей, къ тому же, по мнѣнію фабричной газеты, такихъ безграмотныхъ русскихъ рѣчей, какъ наши!... Не войну навлечь желаемъ мы, напротивъ: предотвратить опасность, если не войны, то вящихъ политическихъ униженій, которыми могла бы грозить Россіи обычная наша дипломатическая податливость, усугубленная преувеличеннымъ понятіемъ о переживаемыхъ нами внутреннихъ затрудненіяхъ. Мы имѣли въ виду и другую цѣль. Намъ хотѣлось указать на тѣ условія общественной атмосферы, которыя благоприятствуютъ развитію политическаго нигилиз-

ма и преступной дѣятельности внутреннихъ враговъ русскаго государства и народа. Не Берлинскій трактатъ породилъ ихъ: этого мы никогда и не утверждали, тѣмъ болѣе, что сами же указали на рядъ злодѣйствъ, предшествовавшихъ трактату. Несомнѣнно, однако же, что злодѣйства прекратились и злодѣи скрылись въ минуту нашихъ войнъ съ Турціей, минуту подъема и оживленія народнаго духа,—и тотчасъ же снова выльзали изъ своихъ норъ, когда страной овладѣло уныніе, разочарованіе въ силѣ и правдѣ лучшихъ душевныхъ порывовъ и тайное недовѣріе къ правительству, оказавшемуся не на одномъ уровнѣ съ возбужденнымъ національнымъ чувствомъ, проявившему оскуднѣніе духа, слабость воли, неопредѣленность мысли. Парижскій миръ 1856 г. былъ также, безъ сомнѣнія, тяжелъ для русскаго чувства, хотя мы были къ нему вынуждены внѣшнею силой, послѣ борьбы, вѣнчавшей побѣжденныхъ славою высшей, чѣмъ побѣдителей; но это, тѣмъ не менѣе тяжелое впечатлѣніе прошло однакоже безслѣдно и быстро, потому что тотчасъ же послѣ мира послѣдовалъ рядъ реформъ, мгновенно овладѣвшихъ всѣми помыслами, всею душой Россіи: вспомнимъ только эпоху освобожденія крѣпостныхъ крѣстьянъ съ предшествовавшею и послѣдовавшею всеобщею работою,—эпоху дѣйствительно повѣявшую новымъ духомъ жизни! За Берлинскимъ трактатомъ послѣдовало лишь ѣдкое, горькое ощущеніе національнаго стыда, чувство общественнаго безсилія при полномъ сознаніи бюрократической петербургской несостоятельности,—а освѣжающимъ воздухомъ не повѣяло въ тѣ дни съ тѣхъ высотъ, откуда Русскій народъ всегда привыкъ ждать появленія новаго, бодраго свѣта,—которымъ однимъ принадлежитъ на Руси, по приговору исторіи, властная, зиждительная, животворящая сила....

1882 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 23 января.

Въ то время, какъ гордая торговка опиумомъ, посвященная отравительница Китая, мечомъ и огнемъ добывшая себѣ право свободно и безнаказанно губить медленнымъ ядомъ цѣлый народъ,—въ то время, какъ Англія въ лицѣ консервативной своей партіи, съ Times'омъ, лондонскимъ лордъ-меромъ, лондонскимъ епископомъ во главѣ, въ печати и на публичныхъ митингахъ срамитъ, поноситъ имя Россіи и въ лицемѣрномъ негодованіи, вступаясь за еврейскую угнетенную невинность проповѣдуетъ ненависть къ нашему отечеству, къ «идолопоклонникамъ, выбѣленнымъ дикарямъ» (по выраженію извѣстнаго романиста Чарльсъ-Рида), грозитъ наконецъ подвергнуть нашу «варварскую орду» допросу черезъ посредство англійскаго правительства, твердо вѣруя, что Русскіе, по подлиннымъ словамъ англійскихъ газетъ, «чувствительны въ крайней степени къ критикѣ Западной Европы»,—въ это самое время австрійскія полчища, одно за другимъ, послѣдуютъ въ предѣлы Балканскаго полуострова, чтобы окончательно сломить твердыню славянскаго духа, попать и раздавить славянскую самобытность. Австро-венгерскій походъ на Кривошіанъ, Герцеговинцевъ, Босняковъ, косвеннымъ образомъ на Черногорію, это—походъ на насъ. «Нѣмецко-мадьярскія винтовки—по выраженію генерала Скобелева въ его рѣчи 12 января—направленныя въ родной намъ Славянской землѣ, въ единовѣрныя намъ груди», направлены собственно въ наши груди! Каждый выстрѣлъ нѣмецко-мадьярскій, поражающій теперь тамъ, далеко, православнаго Славянина, наноситъ и намъ ударъ; каждая пролитая капля славянской крови ложится на нашу душу, пятнаетъ насъ, взываетъ къ отмщенію....

Да, Россія осуждена присутствовать, хотя бы съ негодованіемъ въ сердцѣ, съ краскою стыда на лицѣ, при самомъ

возмутительномъ изъ зрѣлищъ, при насильственномъ порабощеніи православныхъ Славянъ ненавистному имъ латинскому и швабскому или вѣмецкому игу. Ну, что-жь? пойдѣмъ, разсядемся по мѣстамъ и станемъ издали смотрѣть на интересное зрѣлище этого боя, на смерть отважныхъ, непреклонныхъ, вольнолюбивыхъ людей нашего исповѣданія и племени за свободу и вѣру!... Станемъ, въ качествѣ наблюдателей, глядѣть, какъ при общемъ ободреніи и хвалебномъ кликѣ Европы попирается самое святое право, творится самая вопіющая кривда.— какъ горько искупаютъ эти безумные Славяне свои чаянія на Россію, которая помогла имъ до сихъ поръ пережить вѣка мученій и рабства,— какъ наносится ударъ за ударомъ политическому значенію, обаянію нашей Россіи и всему тому, что тамъ, на Балканскомъ полуостровѣ, она созидала въ теченіи двухъ столѣтій медленно, но настойчиво, своею кровью и достояніемъ! Ибо нечего же себя обманывать: торжество австрійской кривды на Балканскомъ полуостровѣ, прежде всего— нравственное паденіе Россіи, а нравственное паденіе державы, какъ извѣстно, не обходится безъ ущерба и для политической ея силы....

И въ самомъ дѣлѣ, не безумство ли со стороны Славянскихъ племенъ это возстаніе противъ могущественной Австро-Мадьярской имперіи? Не несетъ ли она имъ всѣхъ выгоды европейской или, — что по понятіямъ «Голоса» и его петербургскихъ и московскихъ подголосковъ одно и то же, — «общечеловѣческой» цивилизаціи? не сулитъ ли въ перспективѣ всѣ блага «правоваго порядка» или другими словами — конституціи съ парламентомъ, съ правомъ посылать «представителей» въ рейхсратъ и т. д.? И всѣ эти блага можно купить, съ точки зрѣнія нашихъ «либераловъ», самую дешевою цѣною! отрекись только отъ народнаго вѣроисповѣданія (вѣдь это въ сущности, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, чистый вздоръ, такъ какъ «религія только субъективное чувство»); отрекись лишь отъ «самобытности въ сферѣ политическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ идей», — какъ уже отреклись отъ нея; за Русскій народъ, въ своихъ печатныхъ органахъ наши «интеллигенты», не признающіе въ русскомъ людѣ иной самобытности, кромѣ экономической, и иного интереса, кромѣ матеріальнаго (sic)! Самобытность полагает-

ся, по учению нашихъ противниковъ, только для западныхъ Европейцевъ, у которыхъ она возводится ими даже на степень «общечеловѣческаго идеала».... Отступись только Славянинъ отъ православія, преклонись предъ австрійскимъ жандармомъ —носителемъ высшей культуры, признай предупредительно и смиренно законъ, въ силу котораго низшая культура должна непременно подчиниться высшей,—и нѣтъ сомнѣнїя, миромъ и благоденствїемъ разцвѣтетъ и Боснїя, и Герцеговина, и всѣ тѣ прочія Славянскія страны, гдѣ, если нѣтъ еще открытаго боя, за то не прекращается ни на минуту скрытая, глухая борьба....

Но грубые Славянскія племена не обольщаются этими годами и предпочитаютъ терпѣть, страдать и даже умереть за сохраненіе своей самобытности именно въ сферѣ религіозныхъ, нравственныхъ и политическихъ идей: знаютъ они хорошо, что та западно-европейская самобытность, которую преподносятъ имъ въ видѣ высшаго «общечеловѣческаго развитїя», на дѣлѣ, по отношенію къ Славянину, является лишь національною самобытностью Нѣмца или Мадыяра. Не мало однакожь,—до появленїя Россїи, какъ могущественной державы, на европейскомъ политическомъ горизонтѣ,—погибло Славянскихъ племенъ подъ мечомъ и государственнымъ гнетомъ Европейцевъ или втанулось въ составъ чуждыхъ народовъ; не мало погибло ихъ и духовно чрезъ невольное или вольное присоединеніе къ латинству. Но едва лишь прогрессъ при Петрѣ имя Россїи, какъ воскресли духомъ всѣ, еще не погибшія, хотя и томившіяся въ рабствѣ Славянскія племена, и даже въ тѣхъ, которыя измѣнили вѣрѣ отцовъ, пробудилось славянское самосознаніе: всѣ стали жить чаянїемъ великаго будущаго, вперяя взоры въ сѣвернаго могучаго брата.... Только о Россїи стоитъ и движется еще въ мірѣ славянская народность. Нѣкогда успѣшный процессъ поглощенїя Европою Славянскихъ племенъ встрѣчаетъ теперь неожиданное, трудно одолимое препятствїе. Даже тотъ благодатный край, въ которомъ она пыталась когда-то основать Латинскую имперїю, который подпалъ потомъ владичеству Оттомановъ, но на который она не переставала простирать свои виды,—сталъ ожидать отъ Россїи возрожденїя къ самостоятельному, независимому бытію—и дѣйствительно возрож-

даться... Вотъ откуда источникъ злобы и ненависти Западной Европы къ Россіи! Вся задача западно-европейской политики въ томъ именно и состоитъ, чтобъ расторгнуть связь между Россіей и остальнымъ міромъ Славянскимъ,—другими словами уничтожить историческій фактъ, нераздѣльный съ самимъ бытіемъ Славянъ и Россіи. Однажѣ, какъ ни усиливается Европа, фактъ все же остается и пребываетъ:

Но все же братья мы родные:
Вотъ, вотъ что ненавидятъ въ насъ:
Вамъ *не прощается* Россія,
Россіи *не прощаютъ* васъ!

сказалъ русскій поэтъ, обращаясь къ славянскимъ гостямъ на съѣздѣ 1867 года. Да, какъ тяжкій первородный грѣхъ преслѣдуется славянство въ Европѣ, преимущественно же въ Австро-Венгріи, гдѣ Славяне составляютъ большинство всего населенія имперіи... Часто, на страницахъ нашей газеты, рассказываемъ мы его многострадальную повѣсть! Одинъ изъ самыхъ обычныхъ видовъ страданія, это—посагательство на вѣру. Европа понимаетъ ясно, что претворить Славянство въ свой организмъ она иначе не можетъ, какъ путемъ отступничества Славянъ отъ той духовной основы, въ которой главный залогъ ихъ самостоятельности и ихъ связи съ Россіей. Не обращая никакого вниманія на толки о томъ, что «въ нашъ просвѣщенный вѣкъ религія не болѣе какъ субъективное чувство и не должна служить никакимъ политическимъ цѣлямъ», или, вѣрнѣе сказать, провозглашая эти начала только *про себя*, по отношенію къ своей собственной жизни, а не въ примѣненіи къ Славянамъ, и предоставляя нашимъ «либераламъ», къ великому для враговъ Россіи утѣшенію, подтачивать спроста, будто бы въ силу этихъ началъ, ваижизненнѣйшій нервъ нашей и славянской народности, Европа самымъ наглымъ образомъ, принужденіемъ и соблазномъ, домогается совращенія православныхъ Славянъ въ латинство или хоть въ протестантизмъ. Не только Австрійцы, но и Французы, и Итальянцы, и Нѣмцы, и Англичане,— всѣ усердствуютъ въ религіозной пропагандѣ и наводятъ миссіонерами, словно языческой край, христіанскія Славянскія земли! Но дѣло не ограничивается простою проповѣдью.

Православіе—именно въ католической Австріи—вытравляется всѣми ухищреніями іезуитскаго коварства, цѣлою сѣтью ежечасныхъ обидъ! Читатели «Руси» уже знакомы съ положеніемъ Русскаго племени въ Венгріи — этихъ истинныхъ страстотерпцевъ, и еще большихъ страстотерпцевъ — Русскихъ же въ сосѣдней, родной нашей Галиціи: о новѣйшихъ гоненіяхъ, воздвигнутыхъ на этихъ послѣднихъ ренегатами Славянства и прислужниками Австріи Поляками, помѣщается сказаніе ниже, въ этомъ же №.

И такъ, осудимъ ли мы «безумное» упорство Славянъ западной окраины Балканскаго полуострова, рѣшившихся лучше погибнуть, чѣмъ утратить свою духовную самобытность и подчиниться безпрекословно убійственному для нихъ народности, хотя, пожалуй, и законному, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ петербургскихъ умниковъ, господству высшей, т. е. западно-европейской цивилизаціи? Не тяжкіе только налоги, не дурные только австрійскіе административные порядки вызвали Славянъ Босніи и Герцеговины на то отчаянное сопротивление, которое, если имъ не будетъ оказано помощи, въ концѣ-концовъ завершится страшными бѣдствіями для нихъ и для всей страны. Если бы дѣло шло только о налогахъ да администраціи, австрійское правительство нашло бы средство отвратить возстаніе: налоги, администрація, всякія внѣшнія насилія были еще хуже подъ владычествомъ Турокъ, — а между тѣмъ Герцеговинцы и Босняки готовы и теперь предпочесть турецкое иго — игу цивилизованныхъ Европейцевъ! Осудимъ ли ихъ? Скажемъ ли имъ, какъ со-вѣтуемъ, на примѣръ, петербургская газета «Новости» (постоянно хвастающая 20 т. подписчиковъ): смиритесь и покоритесь!?...

И въ самомъ дѣлѣ, ужъ не крикнуть ли имъ отъ имени Россіи, въ отвѣтъ на призывъ о помощи: «не упрямитесь—дайте себя *олатинить* и *онтмечить*»!!!...

Скажетъ ли, подастъ ли такой совѣтъ Россія? Или же, не подавая такого совѣта, отвѣтитъ имъ: «погибайте!.. Погибайте, а я стану смотрѣть, какъ вы будете гибнуть»!..

Вотъ какой вопросъ грозитъ предстать предъ Россіей, и нашествіе этого грознаго вопроса, этого призыва на судъ исторіи, уже начинается предчувствоваться русскимъ обще-

ствомъ... Если Австрія не отречется отъ своихъ притязаній, къ веснѣ пожаръ можетъ охватить все сербское православное племя: не устоятъ Черногорцы; не бывать имъ праздными зрителями, какъ рѣжутъ ихъ кровныхъ братьевъ, — и Австрія вынуждена будетъ, пожалуй, въ стратегическихъ видахъ, пренебречь независимостью Черногорской территоріи...

Кто же, безъ надобности, незаконно нарушаетъ теперь миръ и спокойствіе Европы? Отчего же европейскій ареопагъ не призоветъ къ своему суду нарушителя? Австрія, — да, она одна повинна предъ всѣмъ человѣчествомъ, предъ правосудіемъ Божьимъ и людскимъ, въ посягательствѣ на общественную международную тишину, и если годится на что-либо въ свѣтѣ дипломатія, такъ именно теперь настало для нея время. Не можетъ же русское правительство испытывать долготерпѣніе, подвергать такому мучительному испытанію совѣсть и честь своего народа. Не для того принесло оно столько жертвъ для умиротворенія Европы на Берлинскомъ конгрессѣ, чтобы эта Европа, заручившись миромъ со стороны Россіи, принялась снова *дразнить* тотъ народъ, который, ради освобожденія православныхъ братьевъ, еще недавно, переваливъ черезъ Балканы, достигъ самыхъ стѣнъ Константинополя!

Дѣло просто и ясно. Если Берлинскій конгрессъ уполномочилъ Австрію временно занять двѣ турецкія провинціи съ цѣлью умиротворенія, то потому только, что управленіе христіанской цивилизованной державы представлялось для того болѣе надежнымъ средствомъ, чѣмъ управленіе Порты. Не съ тою же цѣлью возлагалось это порученіе на Австрію, чтобы она предала подлежащія умиротворенію страны — разгрому, опустошенію, залила ихъ кровью, завалила трупами. Если же цѣль полномочія не достигнута и Австрія, по чьей бы винѣ ни было, оказывается къ водворенію тишины и порядка не способною, всякое ея право на оккупачію рушится и полномочіе уничтожается само собою: иначе оккупачія становится вопіющимъ, возмутительнымъ, позорнымъ для Европы противорѣчіемъ съ ея собственнымъ постановленіемъ, а Австрія является ослушницею соединенной воли Европы... Вопросъ, разрѣшеніе котораго европейскимъ ареопагомъ поручено Австріи и ею не разрѣшенъ, возвращается *ipso facto*,

для новаго рѣшенія, опять къ тому же ареопагу или къ соединенной Европѣ. *Это единственный дипломатическій исходъ* изъ настоящаго положенія; онъ одинъ еще можетъ предупредить разгаръ начинающейся войны, разгаръ, котораго конечно никто не желаетъ, но которому размѣровъ никто—предустановить не можетъ.

Намъ возражать пожалуй, что тайный умыселъ и Англіи, и Германіи, и прочихъ иностранныхъ державъ былъ иной; что онъ подъ оккупацией разумѣли аннексию, т. е. присоединеніе обѣихъ турецкихъ провинцій къ Австріи. Но чтó за дѣло до такихъ умысловъ, если внутренняя ихъ неправда такъ велика, что ни одна изъ этихъ державъ не осмѣлилась ихъ обнаружить! Или весь этотъ конгрессъ не болѣе какъ комедія, прикрывавшая только внѣшнюю благовидностью злостный заговоръ противъ Славянъ и Россіи, или же постановленія трактата сохраняютъ свою обязательную силу. Если—комедія, прикрывавшая заговоръ,—пусть же такъ и объявятъ это теперь западныя державы: тогда по крайней мѣрѣ Берлинскій трактатъ тотчасъ же утратитъ свое обязательное значеніе какъ для Россіи, такъ и для Сербіи, для Черногоріи, для Болгаріи. Если же трактатъ остается обязательнымъ, такъ пусть же онъ будетъ исполненъ буквально—прежде всего самую Австріей... Вотъ пока, повторяемъ, единственный исходъ для русской дипломатіи, вотъ вопросы, которые слѣдовало бы ей поставить Европѣ, прежде чѣмъ ходъ событій, предоставленный самъ себѣ, поставитъ вопросъ въ упоръ предъ самою Россіей: вопросъ о томъ—останутся ли ей вѣрно своему историческому призванію, долгу чести и совѣсти народной, охранить ли вѣру и свободу православныхъ Славянскихъ племенъ отъ посягательства Австріи, или же велѣтъ этимъ племенамъ самимъ рѣшать свою участь, другими словами: дать имъ себя олатинить и онѣмечить или пожалуй погибнуть. Но вѣдь это вопросъ—*быть или не быть* для самой Россіи...

Не знаемъ, на что рѣшится наше правительство, но едва ли послѣдуетъ оно совѣту, который подсказываютъ ему органы петербургскаго либерализма, именно: пуше всего на свѣтѣ избѣгать «самобытности» и «народнаго направленія» въ политикѣ. Но не поднимая теперь съ своей стороны

спора о народности, замѣтимъ только, что русское *народное* направленіе въ политикѣ—въ то же время и общечеловѣческое. Да, и общечеловѣческое, ибо Россія въ своей внѣшней политикѣ не ищетъ ничего кромѣ *правды*; ибо по милости Божіей, не расходятся съ правдою ея личные интересы. Она домогается для Славянъ только свободы самостоятельнаго бытія, и только въ этой ихъ свободѣ и самостоятельности видитъ залогъ ихъ братскаго съ собою соединенія. Нечего указывать на несочувствіе и недовѣріе къ Россіи интеллигенціи сербской или болгарской. Эта «интеллигенція», — если такое несочувствіе и существуетъ (конечно только въ нѣкоторой ея части),—все-то считаетъ себѣ безъ года недѣлю и беретъ себѣ за образецъ нашу же доморощенную такъ-называемую либеральную интеллигенцію... Но мы вѣдь знаемъ, что какъ въ Россіи ея мощь и творчество жизни не въ этой безнародной интеллигенціи, а въ народѣ, такъ и у Славянскихъ племенъ. А *народъ* и у Болгаръ, и у Сербовъ, и во всѣхъ Славянскихъ странахъ — влечется духомъ къ Россіи. Нѣтъ у Россіи какихъ-либо иныхъ благоволящихъ ей въ этихъ краяхъ «партій», кромѣ одной, которая посильнѣе всѣхъ партій, т. е. самого народа. *Народъ* за насъ,—они понимаютъ сердцемъ Россію, лучше чѣмъ наша интеллигенція. И только *народная* Россія можетъ пользоваться сочувствіемъ и любовью *народовъ*.

Пусть издѣваются въ Петербургѣ надъ московскою «восторженностью» и съ дешевымъ хладнокровіемъ, свысока, подтруниваютъ надъ «историческимъ призваніемъ» русской народности, да и надъ самою русскою народностью. Эту гнилую мудрость, пренебрегающую мудростью народнаго инстинкта и сердца, не вразумил и 1876 годъ. Но мы уже слышимъ тихій подступъ той знакомой намъ волны, которой новое выступленіе изъ береговъ въ настоящее время едва ли и желательно; намъ уже и теперь приходится сдерживать молодые порывы... Русскому правительству нѣтъ, по нашему мнѣнію, другаго способа предотвратить неправильное проявленіе естественнаго, законнаго сочувствія своего народа къ воюющимъ теперь Боснякамъ и Герцоговинцамъ, какъ стать во главѣ этого сочувствія и дать своей дипломатіи подобающее въ настоящую пору направленіе. Не то...

Быть громамъ и быть ударамъ!

. Два слова еще по поводу еврейской агитаціи въ Англіи. Нужно ли говорить, что сами Англичане не вѣрятъ, не могутъ вѣрить всей той лжи, которою съ такимъ изобиліемъ снабжаютъ ихъ Евреи и которую они съ такимъ злорадствомъ печатаютъ въ своихъ многочисленныхъ газетахъ? Здравый смыслъ могъ бы однако подсказать имъ самимъ, не ожидая и опроверженій со стороны Россіи, совершенную несбыточность описываемыхъ фактовъ, въ родѣ напримѣръ *половольнаго* обезчещенія женскаго населенія цѣлыхъ мѣстностей, какъ Березовки и другихъ!! Статочное ли дѣло, чтобы о такихъ событіяхъ не вѣдали или молчали, въ теченіи шести-семи мѣсяцевъ, представители англійскаго правительства въ Россіи, многочисленные, разбѣянные по Россіи англійскіе консула и тысячи Англичанъ проживающихъ въ нашемъ отечествѣ? Прежде чѣмъ печатать эти мерзости, поносить Россію въ газетахъ и на митингахъ, и требовать отъ англійскаго Министерства протеста противъ дѣйствій русскаго правительства, не проще ли было обратиться съ запросомъ къ англійскому послу въ Петербургѣ? Но въ томъ и дѣло, что и составители извѣстій, и редакторы печатающіе эти извѣстія въ своихъ газетахъ нисколько не сомнѣваются въ ихъ лживости. Умысль тутъ другой. Прежде всего умысль еврейскій. Евреямъ извѣстно, что труды губернскихъ комиссій по вопросу объ установленіи правильныхъ отношеній еврейскаго населенія къ христіанскому сосредоточены теперь въ Петербургѣ, въ центральной комиссіи подъ предсѣдательствомъ г. товарища министра внутреннихъ дѣлъ, и вотъ съ цѣлью произвести *давленіе* на русское общественное мнѣніе и на русское правительство и поднять ими весь этотъ безобразный, позорящій не Россію, а Англію, шумъ и гвалтъ. Но *умные* Евреи оказались на сей разъ очень ужъ просты и безъ сомнѣнія обочтутся въ своихъ расчетахъ. Правда, они основывали свои соображенія на русскихъ же извѣстнаго пошиба газетахъ, исповѣдующихъ, если не прямое юдофильство, то пренебреженіе къ русской народности, — однакоже есть поводъ думать, что время успѣшнаго застращиванія русскаго правительства иноземнымъ общественнымъ мнѣніемъ, враждебною критикой и гуломъ заграничной хулы, — безвозвратно прошло. Если въ этомъ враждебномъ Россіи подъемѣ англійскаго общества прояви-

лась сила Израелитскаго Всемирнаго Союза (Alliance Israélite), то тѣмъ болѣе причинъ для Россіи оградить себя отъ вмѣшательства этой международной новой державы и пресѣчь разомъ всё ея притязанія.. Евреи въ Россіи, оставляя дѣйствія своихъ лондонскихъ собратій безъ протеста, конечно этимъ самымъ только доказываютъ свою полную съ ними солидарность...

Достоинно замѣчанія, что Евреи, вѣроятно желая снискать вышее благоволеніе англійской публики, а можетъ-быть наввно рассчитывая, что русское правительство, струсивъ англійской критики, послѣдуетъ ихъ указаніямъ, трубятъ въ англійскихъ газетахъ (какъ свидѣтельствуеетъ корреспонденція изъ Лондона, помѣщенная въ № отъ 11 января «Новаго Времени»), что разгромъ, насилія, звѣрства совершенныя будто бы въ Россіи надъ еврейскимъ населеніемъ—вызваны ни кѣмъ инымъ какъ «московскими славянофилами» и именно, между прочимъ, редакторомъ «Руси». Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія еврейской, какъ и съ точки зрѣнія нашей «либеральной прессы» (да и Австро-Венгрии конечно), въ Россіи—вся бѣда отъ «народности», такъ какъ народное направленіе, въ ихъ понятіяхъ, равнозначительно возбужденію народнаго духа противъ «интересовъ цивилизаціи» (читай: Евреевъ и Нѣмцевъ)... Это мало. Одновременно съ этимъ, въ тѣхъ же англійскихъ газетахъ, Евреи предъявляютъ требованіе, «чтобъ общественное мнѣніе помогло русскимъ политикамъ школы графа Шувалова замѣнить настоящихъ русскихъ министровъ» («Новое Время», та же корреспонденція изъ Лондона). Знаменательно!

Знаменательно оно и потому, что эта еврейская агитація въ Англии служитъ подкладкою для агитаціи партіи *тори* или консервативной, на сторону которой очевидно сворачиваетъ и «Times». Консервативная партія вѣроятно предполагаетъ, что настала пора для сверженія Гладстона и всего либеральнаго министерства. Встревоженные призракомъ аграрныхъ реформъ, грозящихъ изъ Ирландіи перейти въ Англию, тори, пользуясь затрудненіями, встрѣченными настоящимъ правительствомъ въ Ирландіи, усиливаются создать затрудненія министерству и во внѣшней политикѣ. Дружественныя отношенія къ Россіи противорѣчатъ не интересамъ Ан-

глии—совершенно напротив—а тѣмъ предрасудкамъ, которые сильнѣе всякихъ доводовъ здравой логики и глубоко вкоренились въ тугоподвижные умы большинства англійскаго общества. Не легко ему разстаться съ догматами своего политическаго credo, будто Балканскій полуостровъ долженъ быть изъятъ изъ сферы вліянія Россіи, такъ какъ свободный проходъ русскихъ судовъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы представляетъ будто бы опасность для англійскихъ индійскихъ владѣній!! Этотъ неразумный страхъ можно объяснить себѣ не иначе какъ предрасудкомъ. Поэтому и возбужденіе недобвѣрія и даже ненависти къ Россіи входитъ въ расчеты консерваторовъ, какъ возвращеніе общества къ самымъ популярнымъ его преданіямъ, тѣсно связаннымъ съ направлениемъ внѣшней консервативной политики. Въ Англии не перестаютъ вспоминать о томъ политическомъ блескѣ, которымъ была она окружена за границей при Беконсфильдѣ и и котораго она какъ бы лишилась при Гладстонѣ, причемъ забываютъ, что весь этотъ блескъ лживый, условный, что могущество Англии въ сущности мнимое, что Англія безъ тѣснаго союза съ сухопутными державами не страшна никому на сушѣ, и что дерзкая политика Беконсфильда, удовлетворяя національному тщеславію, ничего въ сущности не принесла Англии кромѣ убытка. Какъ бы то ни было, но уже теперь можно предвидѣть, что съ падениемъ Гладстона отношенія Англии къ Россіи станутъ снова враждебны, и что Англія примкнетъ къ политической системѣ канцлера, т. е. къ союзу съ Германіей и Австріей. Нельзя не принять въ соображеніе, что этого паденія открыто желаетъ и самъ князь Бисмаркъ, и что возстановленіе консервативной партіи во главѣ англійскаго правительства, дружественной Германіи, изолируя Францію, изолируетъ и Россію, и создаетъ сильную коалицію трехъ державъ, которыхъ восточная политика будетъ, какъ и на Берлинскомъ конгрессѣ, направлена вся противъ Россіи... Выходить, что и вся эта еврейско-консервативная агитація въ Лондонѣ, съ которой такъ мужественно борются газеты благородной партіи Гладстона, какъ разъ на руку и германскому канцлеру, и австро-венгерскому правительству: для послѣдняго же особенно кстати, въ виду предпринятаго имъ хищенія Босніи и Герцеговины...

Она, эта агитація, кстати и для «Голоса». Онъ пользуется ею, чтобы обвинить ненавистное ему притязаніе на «самобытность», и еще разъ отрекомендовать себя предъ враждебной Россіи Европой *несамобытнымъ*, въ чемъ, впрочемъ, никто и не сомнѣвался. Достаточно вспомнить, какъ воспѣвалъ онъ во время оно Берлинскій трактатъ и его главныхъ радѣтелей. «Въ возникновеніи еврейскаго вопроса мы сами виноваты»—вѣщаетъ онъ. «Мы не настолько культурный народъ, чтобы относиться съ терпимостью къ чужому мнѣнію, *чужой профессіи, чужой жизни*... Это эксплуатація-то русскихъ крестьянъ Евреями чествуется именовемъ *профессіи!*... «Наша нетерпимость, продолжаетъ «Голось», какъ и другія недобрыя качества, тотчасъ же выступила на первый планъ, какъ только мы захотѣли быть *самобытными*». Слѣдовательно къ формулѣ: не «разнуздывайте звѣря» «Голось прибавляетъ и еще формулу: «будьте *несамобытны*». Это ужъ и комментарія не требуетъ.

И все это въ отвѣтъ на оскорбленія, посылаемыя Россіи изъ той страны, гдѣ каждый день совершаются *дѣйствительныя* звѣрскія убійства, вызванныя тѣмъ аграрнымъ вопросомъ, котораго разрѣшеніе въ Россіи прошло мирно и благополучно—именно потому, что это разрѣшеніе было не заимствованное, а *самобытное!*...

Изъ № 4, г. 1882.

Письмо редактора «Руси» къ Его Высочеству Князю Болгарскому.

Въ концѣ іюля прошлаго года редакторъ «Руси» удостоился получить отъ князя Болгарскаго Александра письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ его высочество, выражая ему благодарность отъ имени своего и Болгаръ за дѣятельность на пользу Болгаріи, высказывалъ свои надежды на успѣшное развитіе Болгарскаго государства и любезно зывалъ редактора на сообщеніе своихъ наблюденій и мнѣній. Письмо было передано лично секретаремъ русскаго консульства и носило надпись *réserve*, т. е. было предназначаемо исключительно для адресата. Редакторъ «Руси» отвѣчалъ письмомъ на французскомъ же языкѣ, и въ томъ же іюлѣ

послалъ его къ князю съ Болгариномъ Т., отправлявшимся на службу въ Софію, адресовавъ его въ собственные руки его высочества. Такъ какъ этотъ обмѣнъ писемъ, по желанію князя, былъ конфиденціальный, то редакторъ «Руси» не сообщалъ о немъ никому даже изъ своихъ знакомыхъ. Да и вообще посланное имъ письмо, какъ увидятъ читатели, не заключало въ себѣ ничего, кромѣ общаго разсужденія о славянскихъ государственныхъ идеалахъ, безъ всякаго прямого отношенія къ Болгаріи, — такъ что авторъ письма конечно никогда бы и не призналъ его заслуживающимъ оглашенія, еслибъ не былъ вынужденъ къ тому грубою нескромностью болгарскихъ газетъ. Вскорѣ по полученіи письма княземъ въ Софіи, въ болгарскихъ газетахъ, а потомъ и въ чешскихъ, появился, къ крайнему неудовольствію князя, сначала слухъ о какой-то «перепискѣ И. С. Аксакова съ его высочествомъ», потомъ нѣкоторые отрывки изъ письма редактора «Руси», подавшіе поводъ къ критическимъ статьямъ, возраженіямъ и страннымъ недоразумѣніямъ. Извѣстіе о томъ перешло и въ иностранныя газеты. Удивленный такимъ нарушеніемъ самыхъ элементарныхъ правилъ вѣжливости со стороны болгарской прессы, — нарушеніемъ равняющимся перлюстраціи частной переписки (не говоря уже о томъ, что одинъ изъ двухъ корреспондентовъ былъ самъ Государь Болгаріи, по отношенію къ которому соблюденіе приличій требуется уже прямымъ гражданскимъ долгомъ, чувствомъ уваженія къ собственному отечеству), редакторъ «Руси» предложилъ его высочеству, чрезъ русскаго дипломатическаго агента, предать письмо гласности во избѣжаніе ошибочныхъ комментаріевъ. Такъ какъ толки о письмѣ замолкли, то въ обнародованіи письма надобности не представилось. Однакожъ, недѣли двѣ тому назадъ письмо, уже въ болѣе пространныхъ выпискахъ, вновь появилось въ «Болгарскомъ Гласѣ»... Пока производится разслѣдованіе, откуда «Гласъ» добылъ себѣ это письмо, — князь поручилъ передать редактору «Руси» чрезъ прѣзжавшаго Московю своего адъютанта, что онъ и самъ находитъ полезнымъ, для прекращенія лишнихъ разговоровъ, напечатать это письмо въ цѣломъ его видѣ, — что мы и исполняемъ. Никакой другой переписки редакторъ «Руси» съ княземъ Болгаріи не имѣлъ, да и вообще всегда избѣгалъ

и избѣгаетъ вмѣшиваться въ частности болгарскаго внутренняго управленія, какъ въ письмахъ, такъ и въ своей газетѣ.

Печатаемъ это письмо въ подлинникѣ, какъ оно было писано, и прилагаемъ ниже переводъ.

Monseigneur.

Daignez agréer mes remerciements les plus sincères et respectueux de la lettre dont Votre Altesse a bien voulu m'honorer et que je considère non certainement comme une dette de reconnaissance, mais bien comme une preuve de la sympathie que la chef de la nation bulgare est naturellement porté à ressentir pour tous ceux qui ont à coeur les vrais intérêts de son pays. Certes, c'est une lourde tache à la quelle la Providence Vous a appelé, et bien grande est la responsabilité. que Vous avez si vaillamment assumée. Que Dieu vienne en aide à Votre Altesse et Vous donne la grande, l'énorme dose de patience et de persévérance, indispensables pour manier le gouvernement d'un Etat dont la formation est à peine ébauchée. Ce qui, à mon avis, serait essentiel pour le moment où nous sommes, c'est d'acquérir le plus de popularité possible, en imprimant au gouvernement un cachet resolumment national.

Les races *slaves* ont les aspirations tout-à-fait *démocratiques*, dans le *vrai* sens du mot, non pas dans le sens des théories révolutionnaires, si en vogue en Europe. La mission historique des *tory* anglais, des partis conservateurs en Occident, „die beharrende Kraft“, comme disent les Allemands, git chez les nations slaves dans les couches *populaires*. C'est là, et point dans la bourgeoisie, dans la population des villes, dans les classes soi-disant cultivées, que le gouvernement doit chercher son *centre de gravité*. C'est le bon sens, c'est l'instinct *du peuple* qui doit régler la balance administrative et servir de compas dans les voies diverses que l'Etat aurait à traverser.—En Europe, c'est tout le contraire. La tendance qui se manifeste de plus en plus dans les Etats coustitutionnels de l'Occident, c'est *d'approprier le pouvoir à la classe des doctrinaires et des théoriciens* (die Literaten—en Allemagne): ce sont eux, qui, au nom du principe mensonger de „souveraineté du peuple“, cherchent

à imposer au peuple un joug des plus tyranniques, à le soumettre au despotisme de leurs doctrines, à diriger le gouvernail de l'Etat au gré de leurs fantaisies passagères et de leurs passions politiques. L'exemple de la France contemporaine est bien édifiant. C'est au nom du peuple qu'une misérable minorité du pays, se prévalant du titre des représentants de la nation et s'appuyant sur la majorité parlementaire de quelques dizaines de voix, s'avise d'outrager *legalement* les croyances religieuses de la vraie majorité populaire.

L'idéal russe, qui est plus ou moins commun à toutes les races slaves, c'est un *selfgovernment* local, sans aucune portée politique, soutenu et couronné par une autorité supérieure et centrale, autorité personnelle, tout-à-fait franche et libre dans la sphère gouvernementale.

L'autonomie rurale en Russie est si grande, que les communes russes ont l'air de petites républiques qui se gouvernent d'après leurs us et coutumes. Le peuple ne brigue pas la souveraineté et ne cherche pas à gouverner l'Etat, mais ce qu'il veut certainement, c'est un gouvernement qui lui inspire de la confiance par son énergie, sa force, son *désintéressement* et son *caractère national*. La raison pour laquelle le peuple russe tient à son Tzar, c'est que le Tzar en Russie n'est pas, comme autrefois le roi de France, „le premier *gentilhomme* du pays“ : il n'appartient à aucun parti, ni à aucune division sociale; il est en dehors et audessus de tous,—le premier homme du pays, et pour le peuple — comme sa propre personification. L'autorité suprême en Russie n'est pas un appareil, ni un être collectif, ni une combinaison juridique et abstraite, comme dans les pays constitutionnels; ce que le peuple russe veut, c'est une autorité douée d'un *coeur humain*, un être *vivant*, dont l'esprit et l'âme soient autorisés à suppléer au formalisme de la bureaucratie, à la lettre morte des lois. Avant Pierre le Grand, qui a introduit en Russie les notions occidentales sur les rapports de l'autorité avec le peuple, la *jalousie* du pouvoir était tout-à-fait inconnue aux souverains russes. Ils avaient la bonne habitude de convoquer les délégués du pays (de toutes les classes du peuple) pour se concerter avec eux, quand il s'agissait des questions plus ou moins graves, ou quand ils

voulaient s'assurer du concours sincère de toute la nation. Ils ne se croyaient pas infallibles, tout en étant autocrates, et reconnaissaient hautement la nécessité pour le gouvernement de savoir la pensée du pays. Ces assemblées, comme de raison, n'étaient que consultatives et influaient sur la marche des affaires par une force toute *morale*, sans préjudice à la dignité et l'autorité du Tzar. C'est ce qui est à réhabiliter en Russie dans un temps plus ou moins proche.

Je crois, Monseigneur, que cet exposé de la théorie de l'Etat chez les races slaves, ou plutôt en Russie, pourrait peut-être vous être de quelque utilité dans vos combinaisons politiques. La démocratie pour base, l'autonomie des communes, le peuple, le véritable peuple, comme centre de gravité, l'intérêt, l'esprit national primant sur toute chose, l'art de se rendre populaire, le pays souvent consulté, le respect de la religion, la considération pour le clergé,—et, Dieu aidant, Vous parviendrez à rendre la Bulgarie forte et heureuse.

Veillez bien, Monseigneur, excuser la longueur de ce griffonnage, qui m'a été inspiré par le profond intérêt que je prends au progrès du pays que le sort Vous a confié, et agréez l'expression de mon sincère et respectueux dévouement.

Moscou

le 30 juillet (12 août) 1881.

П е р е в о д ъ :

Ваше Высочество!

Благоволите принять искреннѣйшее и почтительнѣйшее выраженіе благодарности за письмо, которымъ Вашему Высочеству угодно было меня удостоить и которое въ моихъ глазахъ конечно не дань признательности, а просто выраженіе сочувствія, столь естественнаго главѣ Болгарскаго народа, ко всѣмъ принимающимъ къ сердцу истинные интересы его страны. Да, тягостенъ подвигъ, къ которому Вы призваны Провидѣніемъ, и необычайно велика отвѣтственность, которую Вы такъ мужественно на себя возложили. Да поможетъ Господь Вашему Высочеству и да даруетъ Вамъ великую,

огромную мѣру терпѣнія и настойчивости, необходимыхъ для управления государствомъ, котораго устройство едва лишь намѣчено. Что, по моему мнѣнію, всего существеннѣе въ настоящую минуту, это—приобрѣсть сколъ возможно болѣе популярности, для чего необходимо напечатлѣть правительству характеръ безповоротно-національный.

Вождельнія Славянскихъ племень вполнѣ *демократическія*—въ истинномъ значеніи этого слова, а не въ томъ, какой придаютъ этому слову революціонныя ученія, которыя въ такомъ ходу въ Европѣ. Историческая миссія англійскихъ *тори* и вообще консервативныхъ партій Запада, *die behagende Kraft* (сдерживающая сила), какъ говорятъ Нѣмцы, пребываетъ у Славянскихъ племень въ низшихъ слояхъ народныхъ. Въ нихъ, а не въ буржуазіи, не въ городскомъ населеніи и не въ классахъ такъ-называемыхъ культурныхъ должно искать правительство свой истинный центръ тяготѣнія. Здравый смыслъ и инстинктъ народный—вотъ настоящій регуляторъ административныхъ вѣсовъ, вотъ что должно служить компасомъ во всѣхъ подлежащихъ государству путяхъ.—Въ Европѣ совсѣмъ иное. Направление, съ каждымъ днемъ болѣе распространяющееся въ конституціонныхъ земляхъ Запада, состоитъ въ томъ, чтобъ присвоить власть классу доктринеровъ и теоретиковъ (*die Literaten* въ Германіи): во имя живаго принципа «народнаго верховенства», они стремятся подчинить народъ иту самому тиранническому изю всѣхъ, т. е. деспотизму своихъ доктринъ, и направлять корму государственную по прихоти ихъ политическихъ страстей и преходящихъ фантазій. Примѣръ современной Франціи въ высшей степени поучителенъ: жалкое *меньшинство* въ своей землѣ, превозносясь титуломъ «представителей націи», опираясь на парламентскій излишекъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ, дерзаетъ, во имя народа, *наизаконный-шимъ* порядкомъ ругаться надъ вѣрованіями истиннаго народнаго *большинства!*

Русскій идеаль—болѣе или менѣе общій всѣмъ племенамъ Славянскимъ,—это мѣстное самоуправленіе безъ всякаго политическаго характера, поддерживаемое и завершающееся верховною и центральною властью,—властью единоличною, вполнѣ откровенною и свободною въ сферѣ правительствен-

ной. Сельская автономія въ Россіи такъ велика, что русскія общины похожи на маленькія республики, управляющіяся своимъ обычаемъ. Народъ не хочетъ верховенства и вовсе не домогается управленія государствомъ; но чего онъ несомнѣнно требуетъ, это—такого правительства, которое бы внушало ему довѣріе своею энергіею, силою, безкорыстіемъ и національнымъ характеромъ. Причина, почему Русскій народъ такъ держится за Царя—въ томъ, что Царь въ Россіи вовсе не первый дворянинъ своей земли, какъ бывало во Франціи (*le premier gentilhomme du pays*): Царь не принадлежитъ ни къ какой партіи, ни къ какому сословію, ни къ какому подраздѣленію общественному, онъ виѣ и поверхъ всѣхъ,—онъ первый человѣкъ своей страны,—онъ для народа какъ бы олицетвореніе его самого. Верховная власть въ Россіи не есть ни снарядъ, ни коллективное лицо, ни какая-либо юридическая и отвлеченная комбинація, какъ въ конституціонныхъ государствахъ. Чего желаетъ Русскій народъ, это—прежде всего власти, одаренной человѣческимъ сердцемъ; это—существа *живаго*, чья душа и умъ были бы властны восполнять формализмъ бюрократіи и мертвую букву законовъ. До Петра Великаго, который первый ввелъ въ Россію западныя понятія объ отношеніяхъ правительства къ народу, *ревнивость* власти была совершенно чужда русскимъ государямъ. У нихъ водился добрый обычай созывать уполномоченныхъ отъ земли (изъ всѣхъ классовъ общества) для совѣщанія съ ними—или по вопросамъ болѣе или менѣе важнымъ, или же когда они признавали нужнымъ обезпечить себѣ искреннее содѣйствіе всего народа. Они не почитали себя непогрѣшимыми, хотя и были самодержцами, и признавали открыто необходимость для правительства вѣдать мысль своей страны. Эти собранія, само собою разумѣется, были только совѣщательными и оказывали воздѣйствіе на направленіе дѣлъ силою чисто нравственной, безъ ущерба достоинству и власти Царя. Этому и предлежитъ возобновиться въ Россіи въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Мнѣ думается, Ваше Высочество, что этотъ очеркъ теоріи государства у Славянскихъ племенъ или точнѣе въ Россіи можетъ-быть нѣсколько и пригодится Вамъ для вашихъ политическихъ соображеній. И такъ: демократія въ основа-

ни, — самостоятельность общинъ, — народъ, истинный народъ — центромъ тяжести, — первенство интересу и духу народному, — умѣнье снискать популярность, — частое совѣщаніе съ странюю, — уваженіе къ религіи, почтительное отношеніе къ духовенству, — и съ Божьей помощью удастся Вамъ сдѣлать Болгарію и мощною и счастливою.

Благоволите, Князь, извинить длинноту моего писанья, внушеннаго мнѣ глубокимъ моимъ участіемъ въ преуспѣяніи страны ввѣренной Вамъ судьбою, и примите выраженіе моей искренней и почтительной преданности.

Москва
30 іюля (12 августа) 1881.

Москва, 30-го января.

Наши «либералы» не на шутку встревожены: ну какъ и въ самомъ дѣлѣ русское общество воспламенится сочувствіемъ къ «православнымъ и единоплеменнымъ братьямъ» (срамъ какой!), вновь живо ощутить свое единство со всѣмъ Русскимъ народомъ, проникнется, пожалуй, историческимъ духомъ, освободится изъ-подъ обаянія либеральныхъ и пусто-порожнихъ фразъ и — чего добраго — посадить на мель ту «интеллигенцію», которой напротивъ хотѣлось бы возсѣсть на мягкія парламентскія кресла, въ качествѣ «представителей народа», и во имя Русскаго народа ораторствовать о красотѣ европейскихъ «правовыхъ порядковъ»!... Хотя опасности такого воспламененія пока еще и не предстоитъ, но у страха глаза велики. Газеты извѣстнаго пошиба пустили въ ходъ всѣ свои ресурсы и не мытьемъ такъ катаньемъ, не либерализмомъ, такъ консерватизмомъ, стараются изо всѣхъ силъ отвратить то «народное направленіе» въ политикѣ, котораго призракъ (увы! пока не болѣе какъ призракъ!) мерещится имъ не только во снѣ, но я на яву, преслѣдуетъ ихъ неугомонно вездѣ и всюду, какъ неотвязное пугало, какъ страшилище, — однимъ словомъ — лишаетъ покоя... Достается же отъ нихъ и газетѣ «Русь» за ея статьи, и генералу Скобелеву за его рѣчь!

Въ прошлый разъ, упомянувъ о нашествіи австро-венгерскихъ полчищъ на Балканскій полуостровъ, мы сказали, что

«Россія осуждена присутствовать, хотя бы съ негодованіемъ въ сердцѣ и съ краской стыда на лицѣ, при самомъ возмутительнѣйшемъ изъ зрѣлищъ, при насильственномъ порабощеніи православныхъ Славянъ латинскому и нѣмецкому игу». Не желая войны для Россіи и именно въ видахъ предупрежденія войны, мы позволили себѣ совѣтовать правительству поставить дѣло на дипломатическую почву и путемъ переговоровъ съ державами—участницами Берлинскаго конгресса — попытаться отстранить опасность грозящую общеевропейскому миру.

«Голосъ» тоже осуждаетъ Россію на роль зрительницы, но... «спокойной», — безъ стыда и негодованія... «Россіи — говоритъ онъ — остается, очевидно, только одна роль: оставаться спокойною зрительницею разыгрывающейся на Балканскомъ полуостровѣ драмы и ни косвенно, ни прямо не вмѣшиваться въ происходящее тамъ событіе». Не только негодованію не полагается мѣста, но, по словамъ «Голоса», «теперь должны быть забыты *всѣ симпатіи или антипатіи* къ тому или другому народу». Этого мало: повторяя снова, что Россія не должна ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ вмѣшиваться въ герцеговино-боснійское возстаніе, «Голосъ» утверждаетъ, что въ то же время «русская политика должна *всѣми* силами поддерживать дружескія сношенія съ сосѣднею державою», т. е. съ Австро-Венгріей... Довольно бы повидимому и просто *мирныхъ* сношеній, но «Голосъ» требуетъ именно *дружескихъ*, да еще поддерживаемыхъ *всѣми силами* и затѣмъ, въ заключеніи своей статьи, съ благороднымъ пафосомъ восклицаетъ: «Большаго ни Австро-Венгрія, ни Германія отъ Россіи требовать не могутъ. Идти дальше не позволяютъ ни чувство собственнаго достоинства, ни сознаніе собственныхъ своихъ интересовъ»... Да куда жъ идти еще дальше? Казалось бы ужъ и некуда—послѣ предложеннаго совѣта: *всѣми силами* (стало-быть не только угодуничествомъ, но и разными уступками) поддерживать *дружбу* съ державою наносящею ударъ нашей чести, нашему политическому значенію въ Европѣ и на Востокѣ! Ужъ не вооруженную ли помощь со стороны Россіи для ея собственнаго заушенія подразумеваетъ тутъ «Голосъ»? Возможность ея онъ очевидно допускаетъ, но, разсудивъ, признаетъ, что

«чувство достоинства не позволяет»... Удивительныя понятія у «Голоса» о національномъ достоинствѣ! Они напоминаютъ намъ патетическое восклицаніе одного изъ Гоголевскихъ героевъ: «до всего могу унизиться, но до подлости никогда!»...

Мы полагаемъ съ своей стороны, что не Россія у Австріи должна *встѣми силами* заискивать дружбы или пожалуй, какъ выражается «Голосъ», поддерживать съ Австріей дружескія сношенія, но наоборотъ: эта роль приличествуетъ именно Австріи, ибо успѣхъ или неуспѣхъ ея замысловъ зависитъ вполне отъ Россіи. Да только заручившись увѣреніемъ въ русскомъ миролюбіи и отважилось австро-венгерское правительство двинуть свои полки въ Боснію и Герцеговину! Въ своемъ отвращеніи къ народной политикѣ «Голосъ» дошелъ до... цинизма. Съ поразительною политическою безтактностью, чтобъ не сказать безстыдствомъ, онъ — въ то самое время, какъ Австрія, постоянно оглядываясь съ безпокойствомъ назадъ, на Россію, очевидно соразмѣряетъ смѣлость и силу своего натиска съ данными ей ручательствами русскаго миролюбія, и впередъ оговаривается, что хотѣла бы избѣжать политическихъ усложненій, неминуемыхъ, на примѣръ, въ случаѣ вступленія ея на черногорскую территорию, — въ это самое время «Голосъ» какъ бы кричитъ ей во слѣдъ: «съ Богомъ! не тревожьтесь, Австрія, не тревожьтесь: *что бы тамъ вы ни отламывали*, Россія ни косвенно, ни прямо не вмѣшается въ происходящія на Балканскомъ полуостровѣ событія, — напротивъ *встѣми силами* будетъ поддерживать съ вами дружбу!»... Это даже превышаетъ мѣру ожиданій самой Австріи, но «Голосу» что за бѣда: по крайней мѣрѣ въ приверженности къ «народной политикѣ» и «самобытности» никто изъ тѣхъ, чье мнѣніе ему дорого, его не заподозритъ!...

Впрочемъ одинъ изъ московскихъ подголосковъ «Голоса», хотя и органъ цѣлой фракціи московскихъ университетскихъ профессоровъ, — въ своемъ ученомъ презрѣніи къ русскимъ національнымъ интересамъ, попытался даже перецеголять своего маэстро, и, успокоивая напрасно смутившуюся Европу, такъ-таки прямо и выдаетъ Австріи *carte blanche* и свое благословеніе. «Теперь Россіи думать о возвратѣ потерянаго уже поздно — восклицаютъ «Русскія Вѣдомости» — наше

затруднительное внутреннее положеніе хорошо извѣстно за границей, а потому, надо полагать, *напрасныя опасенія, смутившія нынѣ покой Европы, скоро разступятся и Австро-Венгріи дана будетъ полная возможность безпрепятственно отдѣлится отъ Турціи весь сѣверовосточный уголъ Балканскаго полуострова!*

Это ли не «либерализмъ» въ подлинномъ значеніи этого слова? «Нечего-де вамъ, Европѣ, насъ опасаться: сами знаете каковы мы теперь! души, души себѣ, Австрія, католичь и нѣмечь православныхъ Славянъ *безпрепятственно*, и завладѣвай Босніей и Герцеговиной—вопреки Берлинскому трактату, обязательному вѣдь не для тебя, а только для Славянъ и для насъ!»... Таковъ точный смыслъ рѣчей органа либеральныхъ профессоровъ Московскаго университета.

Въ числѣ своихъ доводовъ въ защиту той же «безпрепятственности», «Голось» приводитъ и слѣдующій: «Польза и благосостояніе Русскаго народа вмѣняетъ намъ въ обязанность сохранить добрыя отношенія съ такими державами, какъ Австро-Венгрія и Германія, которыя представляютъ собою *опредѣленную силу и твердое государственное устройство*»... Смыслъ рѣчи нѣсколько темный, какъ бы намекающій, что Россія не представляетъ ни того, ни другаго, а потому ей и полезно опереться на сіи «благонадежные консервативные элементы»—любимая фраза петербургскихъ аристократическихъ сферъ! Но оставляя въ сторонѣ кажущійся намѣкъ, замѣтимъ только, что подводить Германію подъ одинъ знаменатель съ Австро-Венгріей нѣсколько странно. Бытіе Австрійской монархіи совершенно искусственное; она, въ настоящую минуту, черпаетъ свою силу не изъ себя самой, а только изъ союза съ Германской имперіей. Въ этого союза у Австріи нѣтъ никакого такъ-называемаго «устоя», кромѣ династическаго начала, кое-какъ связующаго всѣ ея разрозненные, другъ другу чуждые и враждебные національные элементы. Это даже не федерація, предполагающая *равноправность* членовъ федеральнаго союза, это двѣ половины, да еще плохо слаженные между собою, — двѣ народности: нѣмецкая и мадьярская — меньшинство — распоряжающіяся судьбою остальныхъ народностей, изъ которыхъ племена Славянскія — болѣе или менѣе политически безправныя — одни

составляютъ большинство всего населенія имперіи. Все искусство австрійскихъ государственныхъ людей состоитъ въ политической эквилибристикѣ, въ сохраненіи равновѣсія между различными тяготѣніями. Государственная комбинація Австріи, это — постоянно уравновѣшиваемое *междоусобіе* народностей!... Хорошо это «твердое государственное устройство», когда въ теченіи всего XIX вѣка Австрія мучается вопросомъ: «чѣмъ ей быть»? вопросомъ не рѣшеннымъ и до сихъ поръ! Изъ Священной Римской Имперіи разжалованная Наполеономъ I въ имперію Австрійскую, она въ 1866 г. выкинута Пруссіей за бортъ Германіи, еще болѣе понижена чиномъ съ созданіемъ Германской имперіи, наконецъ теперь, внемля болѣе или менѣе коварнымъ внушеніямъ Германскаго канцлера, лелѣетъ несбыточную мечту: стать Западно-Славянской Имперіею съ захватомъ Балканскаго полуострова!.. Хорошо твердый государственный строй, который чуть не сотрясается отъ каждаго случайнаго проѣзда черезъ Славянскія земли русскаго путешественника, — строй, при которомъ какой-нибудь переходъ въ православіе изъ уни нѣсколькихъ сотъ Галичанъ возводится на степень государственной опасности самому бытію монархіи, и пугало панславизма, принявшее такіе гиперболическіе размѣры въ трусливомъ воображеніи вождей австрійской политики, постоянно разстраивая ихъ состояніе духа и здравый смыслъ, наталкиваетъ ихъ на политическія ошибки, одна грубѣе другой! Вся внутренняя ея сила теперь, повторяемъ, не въ органическомъ народномъ строѣ, а въ личныхъ симпатичныхъ качествахъ ея императора и въ династическомъ чувствѣ подданныхъ; вся внѣшняя — въ союзѣ съ Германіей. И несмотря на этотъ союзъ, Австрія даже теперь, не менѣе, можетъ-быть даже болѣе самого «Голоса» и нашихъ «либераловъ», приходитъ въ трепеть отъ одной возможности возобладанія въ нашей внѣшней и внутренней политикѣ «народнаго направленія». Въ этомъ отношеніи всѣ они могутъ подать другъ другу руки: статьи «Голоса» и «Русскихъ Вѣдомостей», если не по сердцу Славянамъ, то конечно сладостны сердцу австро-мадьярскихъ властей. Всякое пробужденіе въ русскомъ обществѣ русскаго народнаго чувства въ равной степени приводитъ въ негодованіе и Нѣмцевъ съ Мадырами, и нашихъ «либераловъ».

Гоненіе на героя послѣднихъ русскихъ войнъ, Скобелева, за его рѣчь — одинаково чинится какъ нѣмецкою, такъ и русскою «либеральною» печатью!

Приходится, однакожь, по справедливости признать, что нѣмецкое неудовольствіе выражается умнѣе, чѣмъ русское «либеральное». «По какому праву» — спрашиваетъ «Голосъ» устами своего постоянного сотрудника В. М. — «по какому праву петербургскій ораторъ (т. е. Скобелевъ) называетъ насъ, такъ-называемыхъ либераловъ, *доморощенными иноплеменниками?*» Справляемся съ текстомъ: гдѣ и когда заклеилъ храбрый генералъ «либераловъ» и г. В. М. такимъ названіемъ?... «Опытъ послѣднихъ лѣтъ — сказалъ онъ (горькій, на всю Россію прославившійся опытъ, прибавимъ мы!) — «убѣдилъ насъ, что если русскій человѣкъ, Боже сохрани, случайно скромно заявить, что Русскій народъ составляетъ одну семью съ племенемъ Славянскимъ, вынѣ терзаемымъ, попираемымъ, тогда въ средѣ доморощенныхъ и заграничныхъ иноплеменниковъ поднимаются вопли негодованія... Изъ вышеприведенныхъ гнѣвныхъ строкъ обидѣвшагося «Голоса» выходитъ стало-быть, что подобные непристойные вопли негодованія исходили и исходятъ ни отъ кого другаго, какъ именно отъ нашихъ «либераловъ»; до сихъ поръ мы старались ихъ въ томъ уличить, — теперь же они сами наивно въ томъ признаются, сами публично расписались въ полученіи... достойной клички! Можетъ-быть это съ ихъ стороны и либерально, но... не умно.

Генералъ Скобелевъ упоминаетъ въ своей рѣчи о той прискорбной розни, которая существуетъ между *известною частью нашей интеллигенціи* и Русскимъ народомъ. Онъ никого не назвалъ, — казалось бы никому, кто не сознаетъ за собою грѣха розни, и обижаться не было повода. Но именно эти-то его слова и взорвали ту нашу интеллигенцію, которая любитъ величать себя этимъ именемъ и выражаетъ себя въ такъ-называемой либеральной печати! Она и тутъ пренаивно себя выдала и вновь благоволила расписаться, что упрекъ въ розни съ народомъ *части* интеллигенціи — можетъ относиться ни къ кому другому, какъ къ ней! Видно нашъ знаменитый воитель мѣтко нацѣлилъ свое тяжеловѣсное орудіе! Разумѣется, разобиженные стараются при этомъ *обоб-*

щитъ вину генерала Скобелева, всюду возглашая, что онъ напалъ на всю интеллигенцію, на интеллигенцію вообще, на все, что есть образованнаго въ Россіи. Выходить по ихъ словамъ, что и на самого себя? О, глубокомыслие!..

Но «Голосъ» устами г. М. позволяетъ себѣ даже поучать нашего полководца, что не прилично-де ему *«высказываться неуважительно объ общество, къ которому самъ принадлежитъ»*... Почему же не прилично? Всѣ мы, люди разныхъ направленій и взглядовъ, принадлежимъ въ широкомъ смыслѣ къ одному обществу, и г. М. самъ въ своей статьѣ глумится надъ «тою *«частью нашего общества»*, которая, по его выраженію, проповѣдуетъ *«начало русской самобытности»*?! Полагаемъ, что несравненно неприличнѣе отзывать неуважительно о странѣ, въ которой самый источникъ, причина нашего гражданскаго бытія, и отрицать въ своемъ народѣ всякую духовную личность, всякое право на самостоятельность въ сферѣ политическихъ и религіозныхъ идеаловъ!...

Генералъ Скобелевъ принадлежитъ не къ той или другой фракціи общества. Онъ со всѣми доблестными подвижниками прошлой Болгарской войны принадлежитъ Россіи, — и Россія не отвергнетъ его за то, что онъ неуважительно отозвался о тѣхъ, чья духовная рознь съ народомъ была именно причиной позора вѣнчавшаго славнаго дѣянія прошлой войны и привела насъ къ Берлинскому трактату, столь превознесенному хвалами «Голоса» и собратій!

Но наши «либералы» не удовольствовались вышеприведенными нападками и перешагнули даже въ область инсинуаций: они поставили генералу Скобелеву на видъ его официальное положеніе, прокричали впередъ о «дипломатическихъ запросахъ» («Голосъ» № 18), — наконецъ выражаютъ неудовольствіе даже за то, что его рѣчь была предана печатной гласности. Она — объявляетъ въ смущеніи «Голосъ» — подала теперь поводъ «нѣмецкимъ газетамъ заговорить о насъ тономъ похожимъ на угрозу... Нѣмцы теперь — очень щекотливый народъ»!...

Этого не доставало! Во всей Германіи, въ Австро-Венгріи, не только независимыя, но и всѣ просто и высоко-оффиціозныя газеты поносятъ русское имя, русскую честь (не говоря

уже объ Англии, гдѣ члены парламента, епископы, кардиналы, лордъ-меръ на публичныхъ митингахъ осыпають Россію оскорбленіями), а если мы, Русскіе, у себя дома вымолимъ что-либо западнымъ Европейцамъ неугодное, такъ не только они смѣють кричать намъ: цицъ! но и наши «либералы» кричатъ намъ тоже: «молчать! Нѣмецъ изволить быть недоволенъ, Нѣмцы — народъ *щепетильный*»!.. Другими словами: «имъ, Нѣмцамъ, бранить и срамить насъ можно, — ну, а мы къ Нѣмцамъ должны быть на деликатности, — они не то что мы, они къ своей чести чувствительны, а намъ такая чувствительность не къ лицу! намъ на нее и права не полагается!»

И послѣ этого либеральная печать негодуетъ на насъ, даже и до сихъ поръ, за употребленное нами когда то выраженіе, что нѣкоторая часть нашей интеллигенціи обнаруживаетъ по истинѣ «духовное предъ Западомъ лакейство»!!

Москва, 5 февраля.

Задача Австріи, при занятіи ею Боснии и Герцеговины, состояла въ томъ, чтобы устранить турецкое возмутительное управленіе. А между тѣмъ въ турецкой администраціи ничего ею не преобразовано: не только турецкія условія жизни и турецкіе законы остались въ силѣ, но еще откопали даже старше турецкіе законы, забытые самими Турками. Ни капли симпатіи не приобрѣла себѣ Австрія въ занятыхъ ею областяхъ.... Сомнительно, чтобы при настоящей своей неудовлетворительной организаціи австрийская армія одолѣла возстаніе: не выгоднѣе ли повтому для Австріи, при первой же возможности, самой образовать изъ Боснии и Герцеговины отдѣльное княжество, на подобіе Болгарскаго?..

«Опять! это уже ни на что не похоже! это «новый манифестъ о войнѣ!» «Нарушеніе дружественныхъ отношеній съ сосѣдней европейской державой!» «новый фазисъ славянофильской печати!» воскликнетъ, пожалуй, «Голосъ» при чтеніи вышеупомянутыхъ строкъ, какъ восклицалъ онъ по поводу нашей статьи въ 4 №. «Это новая агитація!» — «Кровожадное желаніе ввергнуть Россію въ войну!» «Наши фи-

нансы! нашъ кредитный рубль!» — «Бѣдные наши фонды!» — «Запретить, запретить газету!» — раздадутся, вѣроятно, изъ бюрократическихъ сферъ и изъ петербургскихъ вліятельныхъ великосвѣтскихъ салоновъ неистовые клики, какъ раздавались они по тому же поводу недѣли двѣ тому назадъ...

Просимъ успокоиться и принять къ свѣдѣнію, что въ вышеприведенныхъ строкахъ нѣтъ *ни одной* іоты нашей. Это рѣчи *самихъ австрійскихъ Нѣмцевъ* — двухъ депутатовъ вѣнскаго парламента, сказанныя ими въ делегации (которая вмѣстѣ съ делегацией венгерской палаты составляетъ уже *имперскій* парламентъ), въ лицо министрамъ. Отъ слова «задача» до слова «сомнительно» — такъ вѣщала депутатъ Пленеръ, а отъ этого слова до конца — депутатъ Штурмъ (см. австрійскія газеты или «Новое Время» 28 янв.). Выходитъ, что если кто здѣсь агитируетъ противъ Австріи, такъ сами «вѣрнопреданные австрійской конституціи» Нѣмцы, — и что «Голосъ» съ петербургскими салонами явились *plus autrichiens que l'Autriche*.

Между тѣмъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ печати въ Австрійской имперіи «*Neue freie Presse*», именно въ виду рѣчи генерала Скобелева и статей нѣкоторыхъ русскихъ газетъ (не «Голоса» съ подголосками, конечно), совѣтуетъ своему правительству убѣдить всѣ державы, что «Австрія ни подъ какимъ условіемъ не воспользуется настоящимъ возстаніемъ, какъ предлогомъ для того, чтобы подвинуть свои войска по дорогѣ къ Салоникамъ». И графъ Кальноки, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, чрезъ посредство высоко-оффиціозной газеты «*Politische Correspondenz*», съ уваженіемъ упоминая о мнѣніи русской печати «крайне-національнаго направленія», встревожившемъ нашихъ недальновидныхъ ревнителѣй мира, признаетъ нужнымъ объявить къ успокоенію Россіи, что Австрія никакихъ «дальнѣйшихъ захватовъ на Балканскомъ полуостровѣ въ виду не имѣетъ», и ея поступательное движеніе къ Салоникамъ не болѣе какъ «сказка».

И прекрасно. Кто же болѣе, кто дѣйствительнѣе служить дѣлу мира: «Русь» ли своими статьями, которыя «Голосъ» съ лицемѣрнымъ испугомъ называетъ «манифестами о войнѣ», и генералъ Скобелевъ своею патриотическою, проник-

нитою русскимъ чувствомъ и обруганною русскими «либералами» рѣчью,—или же «Голосъ» своею проповѣдью о мирѣ *во что-бъ ни стало?* «Современныя Извѣстія» уже отвѣтили, и блистательно, на этотъ вопросъ, но впрочемъ отвѣтъ и самъ собою подсказывается, даже безъ помощи австрійскихъ газетъ, всякому здравомыслящему, не одержимому духомъ космополитизма, по русски чувствующему и думающему человѣку. Въ самомъ дѣлѣ, что скорѣе способно отвратить никому не желанную общеевропейскую войну: благовременныя ли предупрежденія, что переступая извѣстный предѣлъ дозволенныхъ международнымъ договоромъ дѣйствій, Австрія вызоветъ взрывъ негодованія во всемъ Сербскомъ племени и въ самой Россіи, слѣдовательно навлечетъ на себя и на всю Европу бѣдствія ожесточенной борьбы,—или же торжественное исповѣданіе «Голоса» и ему подобныхъ органовъ общественнаго мнѣнія, что *какія бы на Балканскомъ полуостровѣ* ни происходили событія (т. е. что бы тамъ ни содѣяла Австрія), Россія должна не только не вмѣшиваться въ нихъ ни прямо, ни косвенно, но еще *всѣми силами* поддерживать дружбу съ Австріей? Такъ какъ органъ петербургскаго либерализма не дѣлаетъ *никакихъ* оговорокъ, не ставитъ Австріи *никакихъ* предѣловъ, а прямо возглашаетъ: «какія бы событія ни произошли», то, стало-быть, дозвоительно допустить и такое предположеніе, что Австрія, поощренная такимъ совѣтомъ, принявъ слова «Голоса» за дѣйствительное мнѣніе русскаго общества, пожалуй и въ самомъ дѣлѣ вообразитъ, будто русская дружба останется неизблемой даже и тогда, когда Австрійцы завладѣютъ Черногоріей, Сербіей, Македоніей и слѣдовательно, въ томъ или другомъ видѣ, *всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ!* Мыслимо ли однакоже, чтобъ Россія, не отрекаясь отъ себя самой, какъ отъ первостепенной, могучей, славянской и православной державы, не покрывая себя неизгладимымъ позоромъ—позоромъ *къ смерти*, ибо такой позоръ государства не переживаютъ, способна была обрѣсти въ себѣ столько душевной низости, чтобъ пребыть смиренною зрительницей: какъ станетъ рушиться все содѣянное въ теченіи вѣковъ кровью и достояніемъ Русскаго народа, какъ будетъ гибнуть взлелѣянная имъ свобода единовѣрнаго Славянскаго міра, и поддержи-

вать всѣми силами дружбу съ державою, подписывающею Россію и Славянству смертный приговоръ? Вѣдь такъ думать о Россіи и ея народѣ, предположить въ немъ такую исполинскую мощь низости способенъ лишь петербургскій, особеннаго свойства, *патріотизмъ*—какъ извѣстной части печати, такъ и нѣкоторыхъ высшихъ общественныхъ сферъ! Не такъ думаетъ о насъ Европа, а потому, кажется, и относится съ бѣльшимъ вниманіемъ, можетъ-быть даже съ бѣльшимъ уваженіемъ къ мнѣнію московскаго «крайне-національнаго направленія», чѣмъ либеральнаго патріотизма города Санктпетербурга. Недавно мы читали телеграмму изъ Вѣны, полученную краковскою газетою «Часъ» о заявленіи австрійскаго министерства, что оно вполне признаетъ законность притязанія Россіи на вліяніе въ предѣлахъ Балканскаго полуострова,—въ чемъ, кажется, въ Сѣверной Пальмирѣ многіе уже усомнились. Кстати, интересенъ и отзывъ Англичанъ о рѣчи генерала Скобелева, надѣлавшей такого «скандала» въ Петербургѣ. «Рѣчь Скобелева—говоритъ «Times» устами своего петербургскаго корреспондента—не можетъ не привлекать вниманія, потому что Скобелевъ, гораздо болѣе чѣмъ многіе самые видные Русскіе, носитъ въ своей душѣ сочувствіе и единеніе со всѣми основными началами и побужденіями русскаго патріотизма. Стремленія панславизма могутъ вызывать презрѣніе и оппозицію на Западѣ. но они тѣмъ не менѣе все же истинно-національное и патріотическое достояніе, на которое—нельзя не признать—Русскіе какъ нація имѣютъ полное законное право. И когда Скобелевъ обличаетъ «европейскій космополитизмъ» въ томъ, что онъ силится подчинить Россію (to force upon) всѣмъ этимъ разнымъ чуждымъ теоріямъ, безъ вниманія къ народѣ и преданіямъ Русскаго народа,—онъ выражаетъ лишь истину, которой вся исторія Россіи съ Петра Великаго служитъ самымъ широкимъ доказательствомъ (an ample proof)... Авось-либо и въ Петербургѣ, съ разрѣшенія такого высокаго авторитета какъ «Times», согласатся признать за нашею политикою право на «народное направленіе» и поймутъ, что презрѣніемъ къ своей національности, отреченіемъ отъ славянскихъ симпатій, глумленіемъ надъ «братствомъ» и «братцами» (см. «Голосъ») мы ни на волосъ не вырастаемъ, а развѣ только низимся во мнѣніи Европы...

И такъ, не права ли была «Русь», когда утверждала, что выдача Австріи отъ Россіи (какъ совѣтоваль «Голось») чего-то въ родѣ *открытаго листа* на безпрепятственное воинское шествіе въ Славянскія земли, на полную свободу дѣйствій въ Балканскомъ полуостровѣ, въ концѣ-концовъ неминуемо вовлекла бы насъ въ войну, но, по всей вѣроятности, въ войну уже при самыхъ *невыгодныхъ* условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, не проще ли гораздо впередъ, съ полною искренностью заявить: что при всякомъ посягательствѣ на свободу и независимость Балканскихъ Славянъ, австрійскому правительству придется неминуемо считаться съ чувствами нѣкагого народа, волею Божіею существующаго и здравствующаго на семъ свѣтѣ, именно Русскаго: фактъ, можетъ-быть для нѣкоторыхъ и прискорбный, т. е. фактъ русскаго народнаго бытія, однакоже такой, котораго ни русская дипломатія, ни петербургскій либерализмъ, если бы даже (что немислимо) и хотѣли, ни отрицать, ни вычеркнуть изъ вселенской жизни не могутъ... Мы думаемъ, что это и проще, и честнѣе, да и цѣлесообразнѣе, т. е. прамѣе ведетъ къ достиженію миролюбивой цѣли.

Странное дѣло: образъ дѣйствій нашей дипломатіи вошло за границу въ обычай признавать неискреннимъ или двуличнымъ: упреки нашей политикѣ въ коварствѣ и вѣроломствѣ обратились тамъ даже въ общее мѣсто, чуть не въ аксіому. Нужно ли доказывать, что эти упреки совершенно ложны, несмотря на нерѣдкія противорѣчія нашихъ официальныхъ политическихъ увѣреній съ фактами нашей же исторіи, которыя какъ бы оправдываютъ подобное нелестное для нашего нравственного достоинства мнѣніе иностранцевъ? Все дѣло въ томъ, что наша дипломатія, подобно нашимъ доморощеннымъ «либераламъ» (въ прежнее время «западникамъ»), въ большинствѣ своихъ представителей была, по крайней мѣрѣ въ прежнее, очень еще недавнее время (да таковы самыя ея традиции), совершенно чужда народнаго самосознанія. Свысока, презрительно подтрунивая надъ «историческимъ призваніемъ Россіи», считая это выдумкою какихъ-то тамъ «славянофиловъ», издѣваясь надъ словами и понятіями «единоплеменности и единовѣрія», съ видомъ глубокомыслія отрицая въ народной политикѣ элементъ «чув-

ства», вообще участие двигателей духовных — может ли, способна ли она вѣдать и разумѣть то, что ей вѣдать и разумѣть именно слѣдуетъ: и національные политическіе интересы своей страны, и законы историческаго развитія Русскаго народа, и мѣру растяжимости его внутреннихъ нравственныхъ силъ? Отъ этого и выходитъ (по крайней мѣрѣ такъ по большей части было съ самаго начала XIX вѣка), что ея миссія—служить не столько интересамъ самой Россіи, сколько общимъ интересамъ всей Европы, хотя бы въ ущербъ нашимъ собственнымъ, снискивать *отъ* державъ Запада не столько уваженіе къ нашему отечественному достоинству, сколько лестное благоволеніе къ нашему русскому «варварству» и потому—стусевываться и смиренно принижаться при всякомъ вопросѣ о русской пользѣ, боясь огласки и шума!... Повторяемъ: она вполне честна, но не обладаетъ въ должной степени ни знаніемъ, ни разумѣніемъ Россіи; вполне добросовѣстна, но... не дальновидна. Вотъ отчего и происходитъ, что она дѣйствительно—вполнѣ чистосердечно, *bona fide*—постоянно даетъ иностраннымъ кабинетамъ увѣренія и обѣщанія—*не принимая въ расчетъ хозяина*, какъ выражаются Французы, т. е. свою собственную страну,—увѣренія и обѣщанія, которыхъ, какъ потомъ оказывается, не въ силахъ исполнить. Такъ, напримеръ, сколько разъ приходилось намъ, совершенно безъ малѣйшей нужды, только ради успокоенія Англичанъ, которыхъ гнѣвъ не могъ грозить намъ ни малѣйшей серьезной опасностью, чуть не божиться и клясться, что мы въ Средней Азій далѣе извѣстнаго предѣла не двинемся, и сколько разъ не честолюбіе, не жажда захвата, но необходимость, которую очень легко и должно было предвидѣть, заставляла насъ нарушать эти вовсе напрасныя обѣщанія (которыхъ отъ Англичанъ мы съ своей стороны никогда бы даже не рѣшились и требовать!)... Такъ, къ несчастію, было и при послѣдней нашей войнѣ съ Турціей: всѣ ея бѣдствія и позорный конецъ объясняются единственно и исключительно отсутствіемъ народнаго самосознанія въ нашей вполитикѣ и въ нашихъ правящихъ и вліятельныхъ общественныхъ сферахъ. Никогда такъ осязательно не сказалась *рознь* нашей интеллигенціи (за нѣкоторыми исключеніями) съ остальнымъ на-

родомъ (рознь до сихъ поръ упорно отрицаемая нашими «либералами»!), какъ въ эпоху 1876—78 годовъ. Мы помнимъ, какъ нашими дипломатамъ, бюрократамъ и тѣмъ, кому «Голосъ» съ подголосками служилъ тогда, служить и теперь органомъ, — было не по себѣ, неловко, тяжело въ теченіи всей этой поры національнаго возбужденія: словно кто-то разжаловалъ ихъ изъ Европейцевъ въ мужики, нарядилъ въ сермягу, обулъ въ лапти или смазанные дегтемъ сапоги! Какъ болѣзненно нылъ ихъ слухъ отъ всѣхъ этихъ противныхъ имъ словъ — *tous ces Slaves, tous ces Bulgares*, «братушки», и «братцы» — *fi donc!* Какъ смиренно, не съ поднятымъ къверху челомъ, не какъ представители побѣдоносной державы, а какъ провинившіеся школьники, тайно чувствующие свою вину, относились они къ европейскому въ Берлинѣ ареопагу, — какъ вздохнули легко и свободно, когда Берлинскій конгрессъ, прилично наказавъ Россію за «шалость», позволилъ имъ возвратиться «на прежняя»!... «Пошалили — и будетъ! теперь ужъ ни объ историческомъ призваніи, ни о Славянахъ ни гугу!» клялись они въ душѣ своей, — и вдругъ — о, ужась! Опять тамъ, въ Москвѣ, заговорили и объ исторіи, и о міровомъ назначеніи Россіи, какъ славянской и православной державы!... «Неужели и въ самомъ дѣлѣ такъ-таки этому и быть, и все это, и русская народность, и славянство, и православіе — не бредни?»

Да, «пошалили» — почти въ такомъ смыслѣ опредѣляетъ «Голосъ» весь великій эпизодъ не только нашей, но и все-ленской исторіи 1876—1878 г. По его словамъ, все то народное движеніе, результатомъ котораго было окончательное сокрушеніе могущества Оттоманской имперіи, передѣлка политической географіи въ Европѣ и Азій, созданіе новыхъ политическихъ организмовъ, новаго государства Болгаріи, однимъ словомъ, всѣ эти колоссальныя міровыя событія, ставшія новою эрой въ исторіи — все это дѣло прихоти нѣсколькихъ «господъ», которые, изъ личныхъ своихъ видовъ, взяли да и всколыхали весь Россійскій народъ отъ края и до края! Всю эту гору событий родилъ первоначально «комъ, чьей-то рукою скатанный въ Москвѣ» — по выраженію «Голоса»! Къ такой оскорбительной клеветѣ, взведенной на Русскій народъ, къ такой низкой оцѣнкѣ великихъ явленій всемірной исто-

ри способны, конечно, не истинное просвѣщеніе и глубокій умъ, а только полуобразованность и нѣкоторая умственная ограниченность, отличающія нашихъ печальныхъ рыцарей народной «несамобытности». Оговариваемся: ограниченность не личная, прирожденная, а вольная и невольная, нажитая цѣлымъ вѣкомъ духовнаго отступничества отъ своей народности и отъ преданій родной исторіи. Таковъ ужъ законъ природы, что будь человѣкъ хоть семи пядей во лбу, но вытравилъ онъ въ себѣ національный инстинктъ и чувство, естественно связывающее его личное бытіе съ бытіемъ своей страны, онъ будетъ неизбежно пораженъ скудоуміемъ—прежде всего въ разумѣніи окружающей его родной жизни; его конкретное бытіе обратится въ абстрактное,—и наоборотъ: человѣкъ съ живымъ національнымъ чутьемъ и сердцемъ, съ долею простаго здраваго смысла, явится несравненно мудрѣе и просвѣщеннѣе его во всѣхъ вопросахъ народности и патриотизма.

Но иностранцамъ, *настоящимъ* иностранцамъ, трудно допустить существованіе въ Россіи «доморощенныхъ иноплеменниковъ» и признать возможность подобнаго скудоумія въ блестящей оправѣ европейской цивилизаціи—въ людяхъ болѣе или менѣе призванныхъ быть истолкователями чувствъ, стремленій и интересовъ своего отечества. Ни одинъ изъ зрѣлыхъ просвѣщенныхъ умовъ, которыми такъ богатъ Западъ, не способенъ, конечно, стать на точку зрѣнія нашего «европеизма»: понимая лучше насъ наши историческія задачи, они постоянно навязываютъ нашей дипломатіи тѣ политическіе виды, которые она должна бы имѣть, но которыхъ, къ стыду нашему, у нея не имѣется, а потому, не давая никакой вѣры нашимъ дипломатическимъ отрицаніямъ и признавая ихъ внутреннюю невозможность, вводятъ на нашу дипломатію тяжкое и несправедливое обвиненіе въ недобросовѣстности и коварствѣ! Вотъ почему представляется намъ не только не бесполезнымъ, но и въ высшей степени выгоднымъ въ интересѣ общенароднаго мира—предъявлять, а не скрывать Европѣ правду русскаго народнаго чувства и мысли,—чему каждый изъ насъ и долженъ служить по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія,—чему между прочимъ служить и рѣчь генерала Скобелева, и та наша статья о не-

обходимости предотвратить войну международнымъ дипломатическимъ совѣщаніемъ, которую «Голось» обозвалъ «манifestомъ о войнѣ»!! Русской дипломатіи, казалось бы, слѣдовало только радоваться подобнымъ заявленіямъ печати, такъ какъ они представляютъ для нея удобную точку опоры: ссылаясь на нихъ, какъ на выраженіе общественнаго мнѣнія, она получаетъ возможность придать тѣмъ большую цѣну своимъ оговоркамъ, своимъ уступкамъ въ пользу общеевропейской тишины и согласія,—своимъ миролюбивымъ усиліямъ.

Во всякомъ случаѣ, судя по новѣйшимъ извѣстіямъ, въ Вѣнѣ не находятъ особенно удобнымъ дразнить русское общественное мнѣніе, признають даже нужнымъ его нѣсколько успокоить. Такое заявленіе Австро-Венгріи слѣдуетъ, конечно, принять къ свѣдѣнію, но едва ли австрійское правительство даже и само въ состояніи предопредѣлить заранѣе объемъ и характеръ своихъ умиротворительныхъ кровавыхъ попытокъ и гарантировать международное спокойствіе Европы. Для того же, чтобъ эти попытки не повели къ нежеланнымъ усложненіямъ, въ родѣ занятія, хотя бы и временнаго, Черногорской территоріи, едва ли не самымъ лучшимъ средствомъ было бы, по нашему мнѣнію, уже высказанному въ 4 №, поставить вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ снова предъ лицо европейскаго ареопага... Кажется, подобное мнѣніе высказано и нѣкоторыми англійскими газетами, но оно пока рѣшительно отвергается Берлиномъ. По всѣмъ получаемымъ нами свѣдѣніямъ, возстаніе не гаснетъ, а разгорается...

Москва, 27 февраля.

Угломонились ли наконецъ наши «патріотическіе» трусы? Осѣла ли наконецъ пѣна нѣмецкаго газетнаго бѣшенства? Замокъ ли бѣглый огонь, направленный на Россію чуть не со всего Запада? Правда, бѣшенство это было не вредоносно, и выстрѣлы все холостые, которые развѣ «Голосу» съ нѣкоторыми петербургскими «сферами» могли показаться чуть не *настоящими*,—огненнымъ исчадіемъ «последняго слова науки» и «наивысшей культуры»,—на самомъ же дѣлѣ это были и не выстрѣлы, а только трескъ хлопушекъ нѣмецка-

го, — конечно, мы и не споримъ, — вовсе не легкаго, а во истину тажкаго остроумія, — тѣмъ не менѣе переполохъ мыслей и суматоха чувствъ за эти послѣднія двѣ-три недѣли, и у нашихъ сосѣдей, и у насъ, достигли такихъ размѣровъ, что всякая попытка вразумленія была бы напрасною. Мы и предпочли переждать, пока уляжется взбаломученное море такъ-называемаго общественнаго мнѣнія, да и тепсрь еще въ недоумѣніи: настало ли для спокойнаго слова разсудка «время благопотребно»?.. И первый вопросъ, который невольно навязывается самою этой суматохой и переполохомъ, именно тотъ: что же это за политическое положеніе дѣлъ, которое можетъ колебаться отъ нѣсколькихъ рѣченій, адресованныхъ русскимъ частнымъ лицомъ къ студентамъ въ Парижѣ? Можно ли признать прочными настоящія основанія общеевропейскаго мира, если всякое случайное рѣзкое выраженіе именно русскаго человѣка, будь только оно не ласково для Европы, способно грозить опасностью взаимнымъ отношеніямъ державъ и слѣдовательно миру? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: такое политическое состояніе дѣлъ, разумѣется, не нормально; такое основаніе общеевропейскаго мира конечно не надежно, да и положеніе русскаго человѣка въ Европѣ выходитъ слишкомъ уже странно и даже исключительно. Какъ ни лестна для него эта привилегія — однимъ звукомъ вольной русской рѣчи пугать весь западно-европейскій свѣтъ, однакоже она представляетъ и немалыя неудобства, какъ бы осуждаетъ его на нѣмоту... и когда же? Въ то самое время, какъ изо всѣхъ концовъ этого самаго Запада, изъ газетъ, съ публичныхъ сходовъ, отъ парламентовъ сыплются на Россію дождемъ рѣчи — не Скобелевскимъ чета! — одна другой ругательнѣе, заносчивѣе, оскорбительнѣе! Намъ, однакоже, по мнѣнію Европы, обижаться не полагается, а лишь назидаться въ смиреніи и подобострастіи... Но это мимоходомъ. Важнѣе личныхъ счетовъ вопросъ объ основаніяхъ всеобщаго мира.

Очевидно, что ненормальность политическаго положенія Европы зависитъ отъ ненормальности внутреннихъ его условий и обличаетъ въ европейскомъ современномъ строѣ присутствіе острой неправды. *Suum cuique* — каждому свое — вотъ, казалось бы, наилучшее обезпеченіе взаимнаго мира.

Явно, стало-быть, что гдѣ-нибудь и чье-нибудь властолюбіе и корыстолюбіе не даютъ кому-нибудь пользоваться *своимъ* или присваиваютъ себѣ *чужое*, что гдѣ-то и кѣмъ-то творятся дѣла насилія, которыя и плодятъ кругомъ злую опасность возмездія. Гдѣ же эта острая неправда, кто властолюбецъ и корыстолюбецъ, превирающій международную тишину и «сбьющій бурю»?..

Не Россія конечно, которая искренно желаетъ спокойствія для успѣшнаго совершенія своихъ внутреннихъ реформъ, которая никакого расширенія своихъ предѣловъ со стороны запада не домогалась и не домогается, — которую, впрочемъ, никто никогда и не заподозривалъ въ *Drang nach Westen* (стремленіи на западъ) и никто, поѣтому, въ комъ есть хоть капля здраваго смысла и хоть на порошинку совѣсти, не можетъ обвинить въ томъ, чтобъ она угрожала *европейскому* миру. Не подлежитъ спору, что Россія имѣла бы, на примѣръ, и историческое и этнографическое основаніе возстановить для себя границу Владиміра Святаго и воссоединить съ собою оторванное отъ нея русское племя въ Венгріи, Буковинѣ и Галичѣ, — однакоже не соблазнилась ни разу представившимися ей удобными случаями, ни въ 1814, ни въ 1849 г., когда спасала отъ Мадьяръ Австрію, ни даже въ 1870 году, когда Пруссія такъ нуждалась въ ея союзѣ. Кто знаетъ, не пришлось ли намъ даже отклонить нѣкоторыя заманчивыя предложенія въ этомъ смыслѣ?.. Многіе пожалуй назовутъ подобный образъ дѣйствій — безкорыстіемъ не по разуму, — по крайней мѣрѣ такимъ долженъ онъ казаться національнымъ политикамъ въ родѣ князя Бисмарка, который безъ сомнѣнія поступилъ бы на нашемъ мѣстѣ иначе, нежели мы, — но какъ бы то ни было, таковы факты являющіе достаточное ручательство въ нашемъ безкорыстіи и миролюбіи.

Про отношенія Россіи къ Германіи нечего бы, казалось, и толковать. Между ними не существуетъ никакихъ естественно-неизбѣжныхъ поводовъ къ войнѣ. Данныхъ для этихъ поводовъ не имѣется ни въ географическихъ, ни даже въ этнографическихъ условіяхъ обоихъ государствъ, тѣмъ менѣе въ какомъ либо политическомъ соперничествѣ, такъ какъ обѣ державы могли бы вполне довольствоваться тою крупною долею могущества и значенія, какая подобаешь каждой

изъ нихъ по ея достоинству. Россія искренно признала законность стремленія германскихъ племенъ къ объединенію, т. е. не только пангерманизма вообще, но и выраженія его въ политической формѣ — Германской имперіи. Она даже мощнымъ образомъ содѣйствовала созданію этого единства, какъ о томъ торжественно свидѣтельствовали телеграммы императора Вильгельма къ Русскому императору изъ Парижа. Поводы къ войнѣ между Россіей и Германіей могутъ быть вызваны только умысленно и искусственно, и конечно не Россія вызоветъ ихъ: ни въ какомъ захватѣ германскихъ земель она не нуждается, а интересамъ ея на Востокѣ не приходится сталкиваться ни съ какими *естественными* и *законными* интересами Германіи, потому что таковыхъ тамъ у Германіи нѣтъ. Про интересы неестественные и незаконные мы и не говоримъ: они конечно не могутъ быть принимаемы въ расчетъ при обсужденіи *нормальныхъ* политическихъ отношеній; похоть личнаго властолюбія или такъ-называемая политика приключеній всегда способна нарушить правомѣрность чужаго бытія и создать лживые интересы, лживые поводы къ ссорѣ и такія усложненія, размѣра которыхъ нельзя и предвидѣть. Подобной политики, съ своей стороны, никогда не держалась Россія; тѣмъ менѣе причинъ опасаться такой грозной случайности въ ея политической системѣ въ современную пору. Если есть кому кого опасаться, такъ не Германіи—Россіи, а скорѣе наоборотъ. Прусскія крѣпости обступили нашу границу; прусскій штабъ давно выработалъ всѣ планы для наступательной съ Россіей войны, выработалъ и даже принялъ всѣ надлежащія предварительныя распоряженія, такъ что можетъ двинуть войска въ наши предѣлы чуть не на другой день послѣ разрыва; въ прусской военной академіи прилежно изучаютъ русскій языкъ, и игра въ войну съ Россіей составляетъ главное упражненіе академическихъ слушателей. Мы однако не видимъ причины этимъ смущаться. Мы знаемъ, что мудрое германское правительство строго слѣдуетъ правилу: *si vis pacem para bellum*, хочешь мира—готовь войну, или: дружись, но и боронись, и намъ остается только наиприлежнѣйшимъ образомъ подражать примѣру преподаанному намъ нашими друзьями-сосѣдями, какъ по отношенію къ дружбѣ, такъ и по отно-

шенію къ оборонѣ. Нельзя не замѣтить впрочемъ, что оборонительныя заботы Пруссіи такъ уже страстны, что хватаютъ черезъ край и переходятъ подчасъ чуть не въ наступательныя: такъ, попытки къ мирному захвату русскихъ земель вдоль границы, посредствомъ нѣмецкой колонизаціи и покупки имѣній у русскихъ подданныхъ въ стратегическихъ пунктахъ, обращеніе Ковенской губерніи въ Kowenland и т. п., все это такія мѣры, которыя, при всемъ нашемъ уваженіи къ чужому праву обороны, допущены быть не могутъ и не должны; но подобныя сосѣдскія недоразумѣнія не представляютъ еще повода къ войнѣ и могутъ быть разрѣшаемы безъ нарушенія междудержавной пріязни. Точно также не обратились для Россіи въ поводъ къ войнѣ и сюрпризы нѣмецкой дружбы на Берлинскомъ конгрессѣ. Они только научаютъ уму-разуму нашу идиллическую дипломатію, только предостерегаютъ ее отъ излишняго прекраснодушія, приносящаго болѣе чести сердцу, чѣмъ головѣ. Маниловщина и сама по себѣ не хороша, а ужъ въ политическомъ дѣлѣ, да особенно въ сношеніяхъ съ княземъ Бисмаркомъ, никуда не годится. Вольно-жъ было въ самомъ дѣлѣ русскимъ политическимъ дѣятелямъ вообразить, что въ политикѣ вообще, а западно-европейской въ особенности, не только дружба, но и честность, благодарность, справедливость могутъ служить руководящими принципами, и что будто эти высокіе нравственные принципы составляютъ какъ бы даже принадлежность «современнаго западнаго человѣческаго прогресса» и «высшей цивилизаціи» или «культуры», предъ коими такъ усердно хлопаешь о земь лбомъ наивный идилликъ «Голось» со всѣмъ сонмомъ російскихъ «либераловъ»! Понятно, что мы не могли выдержать соперничества съ европейскими дипломатами и были ими одурачены, именно отъ своей вѣры въ чужую дружбу, въ чужія достоинства и добродѣтели, при полномъ безвѣріи въ себя самихъ... Великій мастеръ политическихъ дѣлъ, предложившій конгрессу свои маклерскія услуги, со свойственною нѣмецкому племени аккуратностью, преподавъ нашей неаккуратной въ дѣлѣ своихъ интересовъ Россіи — преаккуратный урокъ о значеніи западно-европейской дружбы и благодарности. Но Россія, претерпѣвъ дипломатическое поражение, тѣмъ не менѣе добросовѣстно подчинилась его

послѣдствіямъ, т. е. обязательствамъ Берлинскаго трактата. Такимъ образомъ всѣ условія для сохраненія мира и тишины въ Европѣ Россіей соблюдены, и поводовъ къ войнѣ между Германіей и Россіей, поводовъ *раціональныхъ*, вытекающихъ изъ существенныхъ данныхъ современнаго положенія, никакихъ не имѣется и не предвидится. Съ этой стороны нѣтъ угрозъ европейскому миру. Со стороны Германіи... Но она также отвергнетъ, пожалуй съ негодованіемъ, упрекъ въ посягательствахъ на общественное спокойствіе. И точно: какъ ни дѣятельно ткутся ею и раскидываются кругомъ разныя дипломатическія сѣти, уловившія одновременно и Турецкаго султана и папу; какъ ни сильна всеобщая нервная тревога, возбуждаемая этою повсюдною политическою интригою, однакожь это все еще интрига, дипломатическія сѣти еще не желѣзные узы, и иное дѣло перо, иное мечъ. Кто же еще угрожаетъ миру? Франція? Она положительно въ настоящую пору избѣгаетъ для себя всякаго опаснаго столкновенія съ Европой и склонна скорѣе ублажать, чѣмъ раздражать строго дозирающую ее Германію. Англія? Ей много дѣла и у себя дома, и въ Египтѣ, и въ колоніяхъ, да и вообще значеніе ея на материкѣ Европы съ усиленіемъ Германіи замѣтно ослабло. Не Италія же, не Испанія же, не Бельгія?... Кто же?

Австрія. Она одна. Вотъ держава, которой самое существованіе — искусственное, насильственное, основанное на неправдѣ — воплощенное противорѣчіе идеѣ мира. Съ перваго взгляда это — агломератъ, скопленіе разныхъ племенъ, спаянныхъ нѣмецкимъ цементомъ. Было бы однакоже ошибочно думать, что ея правительственный строй не болѣе, какъ государственный механическій снарядъ, вставленный въ бытіе различныхъ, пристегнутыхъ къ нему народностей и угнетающей только внѣшнимъ образомъ ихъ внутреннюю органическую жизнь; нѣтъ, этому строю присуща историческая, казалось бы исторіей уже осужденная, но все еще живучая идея: живучая не настолько, чтобъ созидать (творчества она уже лишена), но настолько, чтобъ губить, гнест и разрушать, — сильная не ко благу, но ко злу. Эта духовная стихія, одушевляющая австрійскій государственный снарядъ — католическая. До 1866 г. она можетъ быть охарактере-

ризована точнѣе, какъ *нѣмецко-католическая*, но послѣ побѣды одержанной надъ нею стихіей нѣмецко-протестантскою, сознавая духовную убыль нѣмецкаго въ себѣ принципа, она возвела на свой престолъ, рядомъ съ нѣмецкимъ ослабленнымъ національнымъ началомъ, другое національное начало, мадьярское: чудовищное совокупленіе въ общей стихіи латинства! Вышла—Австро-Венгерская Имперія или Австро-Венгрія. Австрія не могла бы подѣлиться властью ни съ какой національностью протестантскаго или православнаго вѣроисповѣданія, ибо вся ея духовная натура—католическая; послѣ торжества германскаго протестантизма католицизмъ сталъ ея единственнымъ источникомъ духовной мощи, за отсутствіемъ въ ней иного господствующаго духовнаго или же органическаго начала. Тотъ ущербъ, который она съ возвышеніемъ Пруссіи потерпѣла на германскомъ въ себѣ національномъ элементѣ, она постаралась возмѣстить на католицизмѣ—и на мадьярской національности, какъ на самой энергической и властолюбивой, самой костистой, такъ сказать, изъ всѣхъ входящихъ въ составъ имперіи народностей. Что германскій національный духъ не могъ ужиться въ плѣну у католицизма и, разорвавъ наконецъ свои узы, обрѣлъ себѣ свободу и выраженіе въ Лютеровой реформѣ, въ протестантизмѣ—эта истина стала уже общимъ мѣстомъ, и только еще у насъ въ Россіи находятся такіе ограниченные мыслители, которые, прослышавъ, что «религія есть субъективное чувство» и т. п., отрицаютъ значеніе вѣроисповѣданій въ исторіи, въ историческомъ сложеніи народной духовной личности и быта! Понятіе о Германцѣ вѣжета теперь непременно съ понятіемъ о міровыхъ завоеваніяхъ германскаго національнаго духа, слѣдовательно съ понятіемъ о протестантизмѣ. Германецъ-католикъ—какъ не причастный подвигамъ германскаго національнаго духа, какъ лишенный права на это богатое достояніе—представляется въ наше время невольно какою-то аномаліей, какимъ-то изувѣченнымъ нравственно существомъ. Очевидно, что германское объединеніе могло осуществиться только подъ протестантскимъ знаменемъ, и что реформа Лютера логически привела къ побѣдѣ Пруссіи надъ бывшей «Священной Римской», а со временъ Наполеона—Австрійской Имперіей Побѣда одержана, но врагъ

еще живъ и *продолжаетъ грозить единству новой Германской Имперіи*, созданной духомъ протестантизма, но включившей въ свой составъ и нѣкоторыя нѣмецко-латинскія государства. Баварія, на примѣръ, продолжаетъ несомнѣнно тайно тяготѣть не къ Берлину, а въ Вѣнѣ, какъ и вообще вся Южная Германія, и пока существуетъ Австрійская Имперія, ставшая теперь главнымъ, если не единственнымъ оплотомъ католицизма въ мірѣ, *бытіе Германской Имперіи не можетъ быть прочно*.

Вѣроятно въ виду этихъ соображеній, германскій канцлеръ, — какъ всѣмъ извѣстно. — старается вытѣснить Австрію на Востокъ, указываетъ ей на Балканскій полуостровъ какъ на ея достояніе, можетъ-быть даже на Константинополь — какъ на ея законную добычу... Но совѣты и соблазны канцлера могутъ имѣть значеніе для Австріи лишь постольку, поскольку Германія согласна обезпечить осуществленіе этихъ плановъ. Сами же эти планы не были и прежде чужды австрійскимъ правителямъ, а теперь подсказывались ей и сами собою. Дѣйствительно, нѣмецкое населеніе Австріи, духовно обезсиленное съ возникновеніемъ Германской протестантской Имперіи, оказывалось слишкомъ слабымъ для самостоятельной политической роли. Мадыарская національность, — годная можетъ-быть для обузданія нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ ей подвластныхъ, — слишкомъ духовно тоща сама по себѣ и очевидно не призвана ни къ какой исторической міровой миссіи. Остается Славянство съ идеей панславизма — повидимому мягкое, безкостное, но многочисленное и способное (такъ мыслятъ Нѣмцы) стать отличнымъ матеріаломъ для воплощенія чуждой идеи, для претворенія въ чуждую, высокую по культурѣ народность...

Въ составъ Австрійской имперіи входятъ семь главныхъ подраздѣленій Славянскаго племени, имѣющихъ каждое свое нарѣчіе и даже свою азбуку. Ни одно изъ нихъ порознь взятое не представляетъ залоговъ для первенства, не призвано къ міровому значенію, и слѣдовательно не могло бы послужить связующимъ общимъ началомъ. Поэтому, вмѣстѣ съ общимъ государственнымъ языкомъ — нѣмецкимъ, такимъ общимъ связующимъ началомъ признанъ католицизмъ. Новѣйшая Австрія ставитъ теперь латинское духовное начало

на первомъ планѣ, соглашаясь даже на уступки (въ сущности безвредныя) въ пользу національности католическихъ славянскихъ племенъ. Главною объединительною ея духовною силою возглашено *латинство*. Главная ея задача: *католическій панславизмъ* подъ скипетромъ Австрійской монархіи... Нужно ли прибавлять, что *такой* панславизмъ, еслибы онъ былъ возможенъ,—связавъ свою духовную судьбу съ судьбою латинской церкви и свою историческую судьбу съ судьбою латинскаго Запада, утратилъ бы всѣ индивидуальныя славянскія племенные черты, примкнулъ бы окончательно къ Западу, втянулся, всосался бы въ него и обратился бы именно въ матеріалъ для образованія новаго типа «австрійской» національности...

Но изъ Славянскихъ племенъ одни только Поляки вогнали въ себя латинство (даже на іезуитской закваскѣ) глубоко внутрь, въ плоть и кровь,—что къ сожалѣнію и выдѣляетъ ихъ изъ общей среды Славянъ и обращаетъ ихъ въ такихъ ярыхъ ненавистниковъ православныхъ славянскихъ братьевъ. У Чеховъ преданія гуситства еще до сихъ поръ не замерли. У Хорватовъ, Словаковъ, Словинцевъ также живутъ въ простомъ народѣ преданія «старой» (православной) вѣры, и у всѣхъ у нихъ интересы національные пересиливаютъ интересы вѣроисповѣданія—чуждаго ихъ духовной природѣ, навязаннаго имъ насиліемъ или соблазномъ. Остаются непреклонные въ православіи Сербы въ Банатѣ и на такъ-называемой Границѣ, присоединенной нынѣ къ католической Хорватіи,—да несчастные Русскіе въ Галиціи, еще подъ польскимъ владычествомъ насильственно совращенные, не въ католицизмъ, правда, но въ унію, да Русскіе же въ Венгріи, которымъ, при Маріи-Терезіи, была также принудительно и обманомъ навязана унія, не пустившая однакожь въ народѣ никакихъ корней. Затѣмъ, всѣ тѣ славянскія страны, которыя лежатъ внѣ австрійскихъ предѣловъ, но которыя Австрія уже стремится включить въ «сферу своихъ интересовъ», впредь до полнаго возобладанія ими,—т. е. весь Балканскій полуостровъ съ Сербами различныхъ наименованій и Болгарами,—пребываютъ вѣрными православію. Православныя племена крѣпче, цѣльнѣе всѣхъ прочихъ Славянъ сохранили въ себѣ свою народность: не говоря уже о рѣзкой вѣро-

исповѣдной розни, полагавшей преграды къ тому тѣснѣйшему сближенію съ иноплеменниками Запада, которому поддались болѣе или менѣе онѣмечившіеся въ Австріи католическіе Славяне,—духъ независимости и чаяніе будущей свободы поддержаны и ввлекѣны въ нихъ, въ теченіи долгихъ вѣковъ неволи и гнета—самымъ бытіемъ великой Россіи, сознаниемъ ихъ братства и единовѣрія съ единственной православной славянскою державой... Въ атомъ и смыслъ и сущность такъ-называемаго «Восточнаго вопроса»...

Колоссальный планъ объединенія Славянъ на почвѣ латинства потребовалъ и колоссальныхъ мѣропріятій. Окатоличеніе стало главною миссією Австріи, а съ нею и Римскаго папы. Закипѣла работа, учинились славянскія пилигримства въ Римъ ради лобызанія туфель папы. Чрезъ благословеніе святаго отца Славянскому племени, это, по выраженію Тютчева,

Опально-міровое племя

какъ бы освобождалось отъ опалы, какъ бы возводилось изъ паріевъ въ рангъ полноправныхъ! Папа поспѣшилъ буллами оповѣстить міръ, что возлюбилъ Славянство; Римъ возлагаетъ на него надежды, что потребитъ око въ концѣ «греческую проклятую схизму»... Появилась булла о разрѣшеніи присоединять къ латинскому богослуженію молитвы, а иногда даже совершать и католическія литургіи на мѣстныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ,—противъ чего даже возстали старые и ярые католики-Поляки: «не хотимъ-де польской обѣдни, давай латинскую»!...

Всѣ эти затѣи предпринимались главнымъ образомъ въ виду захвата Босніи и Герцеговины. Уполномоченная Берлинскимъ конгрессомъ вступить въ эти области для умиротворенія и лучшаго ихъ устроенія, Австрія, въ надеждѣ скорого окончательнаго ихъ къ себѣ присоединенія, признала для сего окатоличеніе православныхъ жителей наивѣрнѣйшимъ средствомъ. (Кстати сказать, она наводнила уже и Болгарію и Македонію католическими миссіонерами!) Но на Герцеговинцевъ и Босняковъ ни миссіонерская проповѣдь, ни папскія милости не подѣйствовали.... Чтò-жь, церемониться съ ними не для чего! Они не *свои* Европѣ, — они православные, за нихъ заступиться теперь вѣдь некому. Не

хотятъ католичиться добровольно, такъ по боку, по отноше-
нію къ нимъ, всякій «правовый порядокъ»! Темница, палка,
изгнаніе, конфискація имущества, всѣ виды гоненій и наси-
лій, а въ крайнемъ случаѣ и висѣлица—вотъ средства об-
ращенія въ государственную религію Австріи, въ католическій
панславизмъ!...

Что творить та же Австрія въ настоящую же минуту,
одновременно съ кровавыми беззаконіями въ Босніи и Гер-
цеговинѣ,—на нашей границѣ, въ Галиціи, руками Поляковъ,
надъ русскимъ населеніемъ—провинившимися въ томъ, что
два села, безъ малѣйшаго побужденія со стороны Россіи,
вздумали возвратиться къ вѣрѣ предковъ, т. е. къ правос-
лавію! Безумнымъ Полякамъ, которымъ Австрія предала Га-
лицію во власть, мерещится всюду московская пропаганда.
Но пропагандистами оказываются они сами, вмѣстѣ въ ав-
стрійскимъ правительствомъ... У насъ же чуть было не за-
были о древнемъ, родномъ намъ Галичѣ... Трудно предпо-
ложить, чтобъ подобная тупая австрійская политика способна
была приумножить въ галицкихъ Русскихъ любовь къ австро-
польской католической гегемоніи...

Чрезвычайно мѣтко выраженіе генерала Скобелева: «авст-
рійскій военный клерикализмъ»—такова сущность движущей
Австрію идеи. Это дѣйствительно воинствующій католицизмъ,
но не духовнымъ только оружіемъ, а огнемъ и желѣзомъ...
Вызвавъ въ Босніи и Герцеговинѣ, странахъ даже не вхо-
дящихъ въ составъ Австро-Венгерской имперіи, отчаянное
вооруженное возстаніе, охватившее значительнѣйшую часть
населенія, Австрія пытается теперь массою войскъ смирить
или уничтожить неподвластныя ей племена. Кровью залить
весь край; Австрійцы предаются неслыханнымъ жестокостямъ,
за которыми, конечно, слѣдуетъ равное же возмездіе... Бой-
нею стали Боснія и Герцеговина—пока «съ побѣдою куль-
туры надъ варварствомъ», по выраженію нашихъ «либера-
ловъ», не обратятся въ безлюдныя пустыни... Почему же,
въ силу какого права Боснія и Герцеговина должны нѣме-
читься, католичиться, и воздѣть на себя австро-мадьярское
яро? Въ силу Берлинскаго трактата, твердятъ дипломаты.
Но развѣ можно такъ явно издѣваться надъ здравымъ смы-
сломъ, и нарушая, на виду всѣхъ, самымъ вопіющимъ об-

разомъ требованія трактата, ссылаться на него, какъ на законное основаніе?...

Въ то самое время, какъ Россія прямо заявила и продолжаетъ заявлять, что не хочетъ войны и дорожить сохраненіемъ европейскаго мира, Австрія зажигаетъ, уже зажгла пожаръ, который грозитъ охватить собою весь Балканскій полуостровъ, а слѣдовательно, вскорѣ затѣмъ, навлечъ и на всю Европу всѣ ужасы международной войны!...

А что же Европа? Можно было бы подумать, что она словно въ общемъ съ Австріею заговорѣ, что все это творится какъ бы съ ея тайнаго, молчаливаго согласія... Къ счастью для человѣчества, благородный руководитель британской политики, Гладстонъ, какъ сообщаютъ телеграммы, намѣренъ войти въ дипломатическія сношенія съ державами-участницами трактата и признать вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ вопросомъ не австрійскимъ, а европейскимъ: это именно то, на чемъ настаивала наша газета мѣсяць тому назадъ. Въ нашей печати выражено мнѣніе, что Гладстонъ останется одинъ, что нарушительница Берлинскаго трактата и европейскаго мира не будетъ приглашена къ отвѣту предъ европейскимъ ареопагомъ... Но это значило бы другими словами, что въ Европѣ вовсе и не намѣрены тушить зачавшійся пожаръ, а ждутъ, чтобъ онъ разгорѣлся... Не можетъ же однако Россія въ молчаніи присоединиться къ этому тайному заговору—не противъ Босніи и Герцеговины только, но противъ европейскаго мира, противъ нея же самой?!...

Сербская скупщина, впрочемъ не Великая, а обыкновенная, 22 февраля явилась къ князю Милану въ полномъ своемъ составѣ и просила его провозгласить себя королемъ. Князь обѣщаль исполнить просьбу «народа» и издалъ соотвѣтствующій манифестъ. Мы можемъ только радоваться такому возвеличенію, хотя бы только по отношенію къ титулу, страны, за независимость которой пролито столько русской крови. Что-жь, въ добрый часъ! Теперь рѣкою проливается въ сосѣдствѣ новаго Сербскаго королевства сербская кровь въ Босніи и Герцеговинѣ,—проливается австрійскими насильниками сербской свободы и вѣры. Какъ разъ *възрѣмя* Сербскому королю явиться достойнымъ своего новаго званія и, под-

нявъ сербское знамя, поспѣшить на помощь отважнымъ, но изнемогающимъ борцамъ!... Иначе не зачѣмъ было и избирать именно настоящее мгновеніе для превознесенія себя выше всѣхъ сербскихъ властителей и вождей... Но Австрія, которой благосклонности, по отзыву и Сербскаго правительства и австрійскихъ газетъ, наипаче обязана Сербія своимъ новымъ саномъ, уже поспѣшила заявить даже официально, въ вѣнской газетѣ «Abendpost», что Сербія стала королевствомъ именно потому, что намѣрена вести свою политику тѣмъ путемъ, которымъ слѣдовала въ последнее время, т. е. политику вполне подчиненную видамъ австро-венгерскимъ и ведущую Славянскія балканскія племена къ порабощенію Австро-Венгріи въ той или другой формѣ... Другими словами: король Миланъ не король *Сербовъ*, а только король бывшаго княжества. Бѣдная Сербія! Дорогою же цѣною купила она блескъ королевской короны. Стоны долетающіе изъ Босніи и Герцеговины, по всей вѣроятности, не смутятъ торжествъ и празднествъ, имѣющихъ настать въ Бѣлградѣ по случаю «столь счастливаго событія»...

Москва, 17 апрѣля.

Цетиньская газета «Гласъ Черногорца» сообщаетъ, будто Русское правительство является посредникомъ въ переговорахъ между Черногорскимъ и Австро-Венгерскимъ правительствомъ о вознагражденіи Черногоріи какою-нибудь мѣстностью изъ герцеговинскихъ земель за услуги, оказанныя Австріи при ея борьбѣ съ возстаніемъ—напр. за содержаніе кордона недопускавшаго Черногорцевъ оказывать дѣятельную помощь возставшимъ и за обезоруженіе возставшихъ, какъ скоро необходимость заставляла ихъ переходить на черногорскую территорію. Не знаемъ въ какой степени справедливо это извѣстіе, но слухи о томъ дошли до насъ изъ славянскихъ источниковъ и другимъ путемъ. Дѣло идетъ будто бы объ уступкѣ Австріей Черногоріи Гацка или Билеча, или иного округа, въ награду за ея отличное и примѣрное по отношенію къ Австріи поведеніе.

Не хотѣлось бы этому слуху вѣрить и тѣмъ менѣе желаетъ

лось бы предположить въ этомъ торгѣ участіе Русскаго кабинета. Мы вполне цѣнимъ трудность положенія, созданную для Черногоріи герцеговинскимъ возстаніемъ. При всемъ естественномъ и вполне законномъ сочувствіи Черногорцевъ къ Герцеговинцамъ, связаннымъ съ ними какъ тѣсными кровными и духовными узами, такъ и единствомъ стремленій къ независимости отъ чужеземнаго насильственнаго ига, — Черногорскій князь не могъ допустить свою маленькую бѣдную Черногорію, еще неоправившуюся отъ долгой, кровавой и разорительной войны, къ войнѣ новой, да еще съ такимъ могучимъ врагомъ, какъ Австрія. Эта послѣдняя, какъ извѣстно, благодаря все тому же мастерскому произведенію европейской правды, т. е. Берлинскому трактату, виситъ теперь надъ княжествомъ всею своею грозною силой. По неволѣ пришлось Черногоріи отказать въ помощи роднымъ братьямъ и, облекшись въ нейтралитетъ, осудить себя на праздно созерцаніе кровавой тѣжбы и гибели мужественныхъ стоятелей за праведное, святое дѣло. Какъ ни ворчали на этотъ образъ дѣйствій своего правительства Черногорцы, однако-жъ не могли не признать, что того требовала политическая мудрость. Но достоинство этой вынужденной мудрости, на которую можно было рѣшиться лишь съ болью въ душѣ, безъ сомнѣнія мигомъ поблекнетъ, если она окажется купленною, получить характеръ *выгодной* сдѣлки, продажи и купли. «Это торговля *нашимъ мясомъ*», начинаютъ уже и теперь шептать Герцеговинцы... Иное было бы дѣло, еслибъ Австро-Мадьяры совсѣмъ отказались отъ незаконныхъ своихъ притязаній на Герцеговину и предоставили владѣніе ея Черногорскому князю, — но принять отъ Австрійцевъ подачку въ видѣ небольшого клочка земли, съ тѣмъ, чтобы развязать имъ руки, облегчить и *упрочить* порабощеніе Мадьярамъ и Нѣмцамъ остальныхъ сотенъ тысячъ Славянъ, — это значило бы продать свой нравственный авторитетъ въ средѣ Сербскихъ племенъ хуже чѣмъ за блюдо чечевицы. Примѣръ короля Милана не заслуживаетъ подражанія, и блескъ королевской его короны только еще ярче осіялъ надѣтое сербскимъ правительствомъ себѣ на шею позорное ярмо австро-мадьярскаго прислѣшника.

Да и не слишкомъ ли рано затѣвается въ Черногоріи

этотъ постыдный торгъ, на который можетъ-быть очень охотно пойдетъ Австрія — въ надеждѣ, въ той или другой формѣ, скоро установить свое владычество, если не de jure, то de facto, надъ самой Черногоріей? Возставіе, сколько намъ извѣстно, далеко не подавлено, и можно надѣяться, что Европа не станетъ наконецъ терпѣть такое продолжительное нарушеніе общаго мира и буквального смысла торжественнаго международнаго трактата... Можетъ-быть дойдетъ еще дѣло до новаго конгресса или конференціи?...

Москва, 8-го мая.

Новый посланникъ Австро-Венгерской монархіи при Русскомъ дворѣ, графъ Волькенштейнъ, прежде чѣмъ явиться къ мѣсту своего назначенія, совершилъ поѣздку въ Парижъ для окончательныхъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ по вопросу объ организаціи той «Смѣшанной комиссіи для надзора за судоходствомъ по Дунаю, учрежденія которой настойчиво добивается Австрія и которая въ принципѣ» уже признана большинствомъ европейскихъ кабинетовъ. Дѣло не улаживалось до сихъ поръ именно изъ-за спора о подробностяхъ организаціи, и вотъ результатомъ переговоровъ явился такъ-называемый проектъ Баррера, составленный имъ по соглашенію съ австрійскимъ дипломатомъ и, какъ увѣряютъ, успѣвшій стяжать теперь даже и одобреніе всѣхъ державъ—участницъ Берлинскаго конгресса. По крайней мѣрѣ, по сказаніямъ нѣкоторыхъ газетъ, Россія, которая будто бы и прежде заявляла, что она къ Дунайскому вопросу относится совершенно безразлично, послѣ нѣкоторой заминки изъяснила и на проектъ Баррера свое согласіе. Мы думаемъ однако, что это извѣстіе невѣрно или по крайней мѣрѣ преждевременно, и что только теперь, по приѣздѣ графа Волькенштейна, поведутся имъ снова, если не переговоры, то хоть разговоры о Дунаѣ съ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Наша публика мало обращаетъ вниманія на этотъ дипломатическій вопросъ, отчасти потому, что не довольно обстоятельно знакома съ самымъ дѣломъ, отчасти по общему всѣмъ намъ, не исключая и многихъ

власть имущихъ, великодушному пренебреженію къ своимъ національнымъ интересамъ, — отчасти же, можетъ быть, и изъ страха провиниться предъ русскою «либеральною прессою» въ излишнемъ патріотизмѣ и въ недостаткѣ, по отношенію къ сосѣднимъ «культурнымъ» державамъ, той «галантерейности обращенія», за которую еще лакей Осипъ въ «Ревизорѣ» такъ превозносили Петербургъ.

Барреръ—это французскій делегатъ въ Европейской или Международной комиссіи, надзирающей за расчищеннымъ Сулинскимъ гирломъ Дуная, а теперь и вообще за судоходствомъ по Дунаю. Въ проектѣ же идетъ рѣчь объ учрежденіи еще другой комиссіи, подъ названіемъ «комиссіи смѣшанной», также для надзора за судоходствомъ по Дунаю, но болѣе специальнаго, отъ Желѣзныхъ воротъ до Галаца. Предсѣдательницей ея предназначается Австрія; въ составъ комиссіи входятъ Сербія, Румынія и Болгарія, — и одинъ изъ делегатовъ державъ Международной комиссіи поочередно, мѣняясь черезъ каждыя полгода, причемъ очередь державъ соблюдается въ алфавитномъ порядкѣ ихъ французскихъ именъ. Стало-быть, при предсѣдательствѣ Австріи, въ первую очередь членомъ Смѣшанной комиссіи былъ бы делегатъ Германіи, — а это, конечно, для австрійскихъ плановъ болѣе чѣмъ благоприятно, такъ какъ многое, очень многое будетъ зависѣть отъ постановки дѣла съ самаго начала, въ первые же шесть мѣсяцевъ по учрежденіи Смѣшанной комиссіи.

Но, спросить можетъ-быть, недоумѣвающий читатель, — зачѣмъ понадобились для Дуная двѣ комиссіи, когда для Рейна, для Шельды—рѣкъ также международных—свобода плаванія, обезпеченная договорами, не опекается, сколько извѣстно, ни одной *обще-европейской* комиссіей? Отвѣтъ на это даетъ дипломатическая исторія «Дунайскаго вопроса», которая можетъ быть разсказана въ двухъ словахъ. Онъ возникъ лишь послѣ того, какъ, благодаря Россіи, пошатнулась власть Оттоманской имперіи вдоль дунайскаго побережья, и Россія, отчасти непосредственно и сама, отчасти чрезъ протекторатъ свой надъ Молдавией, Валахией и Сербіей, стала приданайской державой. Конвенціей 13 іюля 1840 г. между Россіей и Австріей оба государства распространили на Дунай

«правила Вѣнскаго конгресса» о свободномъ судоходствѣ по рѣкамъ международнаго значенія, т. е. протекающимъ чрезъ владѣнія разныхъ державъ или служащихъ общею границею между разными державами. Въ статьѣ II этой конвенци сказано, что «австрійскія купеческія суда, равно какъ и суда всякой другой земли, имѣющей право судоходства по Черному морю и находящейся въ мирѣ съ Россіей, могутъ свободно входить въ устья Дуная, ходить по рѣкѣ вверхъ и внизъ, и выходить изъ нея, не подлежа никакимъ пошлинамъ, кромѣ нѣкоторыхъ повинностей за содержаніе русла въ порядкѣ». То было время, а потомъ настало другое. Черезъ 16 лѣтъ положеніе Россіи измѣнилось; съ потерей извѣстной части Бессарабіи, она перестала быть придунайской державой. Парижскій трактатъ 1856 г. громко провозгласилъ какъ новый догматъ общаго народнаго европейскаго права—уже существовавшее на практикѣ примѣненіе къ Дунаю вышеупомянутыхъ постановленій Вѣнскаго конгресса и опредѣлилъ учрежденіе двухъ комиссій: одной, называемой нынѣ «Европейской» или «Международной», составленной изъ представителей Россіи, Австріи, Франціи, Англіи, Пруссіи (Германіи), Сардиніи (Италіи) и Турціи, и другой, «Прибрежной», изъ членовъ со стороны Виртемберга, Баваріи, Австріи, Турціи и комиссаровъ трехъ Придунайскихъ княжествъ, назначенныхъ съ утвержденіемъ Порты. На обязанности *первой*, Европейской комиссіи, лежало: предназначить и совершить работы нужныя для очистки дунайскихъ гирлъ, начиная отъ Исакии и прилегающихъ къ нимъ частей моря, и опредѣлить пошлины, которыя должны быть наложены на суда всѣхъ націй для покрытія расходовъ, сопряженныхъ съ производствомъ работъ и возведеніемъ необходимыхъ для сего сооружений. На вторую же комиссію, Прибрежную, возлагалось составленіе подробныхъ правилъ или устава судоходства по *всей* рѣкѣ, а также совершеніе всѣхъ работъ, нужныхъ для безпрепятственнаго плаванія по всему теченію Дуная (не въ гирлахъ); затѣмъ, по упраздненіи *общей Европейской комиссіи* (которой срокъ предполагался двухлѣтній)—постоянное наблюденіе за содержаніемъ въ надлежащемъ состояніи очищенныхъ гирлъ и частей моря. А «дабы обезпечить исполненіе правилъ, кои съ общаго согласія будутъ постанов-

лены», Парижскій трактатъ предоставилъ договаривающимся державамъ, т. е. участницамъ трактата, право содержать у Дунайскихъ устьевъ во всякое время по два легкихъ морскихъ судна,—каковая стража у Сулинскаго канала стоитъ и понынѣ...

Европейская коммиссія, хорошо ли, дурно ли, свое дѣло исполнила, хотя и не въ два года, а въ девять лѣтъ. Выбравъ среднее, Сулинское гирло, она его очистила, затративъ на это 10 милліоновъ франковъ, установила съ судовъ на покрытіе сихъ расходовъ пошлину (и довольно высокія), наконецъ составила даже правила для судоходства по расчищенному ею участку Нижняго Дуная, что и было одобрено Европой особымъ публичнымъ актомъ 2 ноября 1865 года. Однакожь эта коммиссія осталась неупраздненною, какъ бы слѣдовало по Парижскому трактату, на томъ основаніи, что никакой Прибрежной коммиссіи, которой можно было бы ввѣрить наблюденіе за свободой и порядкомъ плаванія по Дунаю, налицо не состояло. Образованная въ началѣ подъ этимъ именемъ коммиссія представила было, еще въ 1858 г., выработанный Австріею проектъ правилъ рѣчнаго плаванія, но стремленіе Австріи къ исключительному на Дунаѣ господству было *тогда* не по нраву ни Пруссіи, ни Франціи, ни Сардиніи, и проектъ возвращенъ ей для исправленія. Исправленія никакого не послѣдовало, и коммиссія больше не собиралась. Австрія, которая *de facto* господствовала на Дунаѣ безгранично, не находила особенной надобности торопиться подчиненіемъ себя регламенту и чужому побережному контролю. Такъ прошло болѣе 7 лѣтъ; но въ твердомъ упованіи, что составитъ же наконецъ Австрія новый, исправленный проектъ, державы въ 1866 г. продлили существованіе Европейской коммиссіи съ ея правами еще на 6 лѣтъ, до 1871 г. Затѣмъ на Лондонской конференціи (собравшейся въ этомъ году по случаю знаменитой деклараціи Россіи объ упраздненіи нѣкоторыхъ, относящихся къ ней статей Парижскаго трактата), державы и еще продолжили полномочія Европейской коммиссіи на 12 лѣтъ. Срокъ бытія ея кончается такимъ образомъ 24 апрѣля 1883 года. Въ то же время конференція поручила прибрежнымъ державамъ войти

въ предварительное между собою соглашеніе для дѣйстви- тельнаго учрежденія наконецъ Прибрежной комиссіи...

Но въ эти 11 лѣтъ послѣ Лондонской конференціи про- изошли новыя крупныя событія, значительно видоизмѣнив- шія положеніе дѣлъ. Благодаря послѣдней нашей войнѣ, Россія возвратила себѣ часть Бессарабіи съ Дунайскимъ побережьемъ, а Придунайскія княжества приумножились кня- жествомъ Болгарскимъ; Сербія и Румынія приобрѣли полную политическую независимость (стали даже наконецъ королев- ствами). Въ виду новыхъ совершившихся фактовъ, Берлин- скій трактатъ призналъ нужнымъ усилить значеніе обще- европейской надъ Дунаемъ опеки и, не упоминая ни слова о предположенной Парижскимъ трактатомъ и Лондонской кон- ференціей *Прибрежной* комиссіи, подтвердилъ и такъ-ска- зать расширилъ права и полномочія комиссіи *Европейской*. Статьею 55-ю онъ возлагаетъ разработку устава о плаваніи и о рѣчной полиціи по Дунаю отъ Желѣзныхъ воротъ до Галаца и о согласованіи его съ таковымъ же, прежде вы- работаннымъ уставомъ отъ Галаца до устья, уже не на При- брежную, а на Европейскую комиссію, только *при содѣй- ствіи* делегатовъ прибрежныхъ державъ. (Такимъ образомъ международное значеніе Дуная признается только внизъ отъ Желѣзныхъ воротъ, слѣдовательно внѣ предѣловъ Австріи). Казалось бы очевиднымъ, что подъ делегатами *прибрежныхъ* державъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ разумѣть Австрію— уже не прибрежную на упомянутомъ пространствѣ, а слѣ- дуетъ разумѣть только Придунайскія княжества. Цѣлыхъ два года прошло въ бездѣйствіи; Австрія не заявляла ни- какихъ особыхъ притязаній, повидимому даже никакихъ за- ботъ о составленіи устава, и только въ 1880 году (послѣ поѣздки князя Бисмарка въ Вѣну и заручившись вѣроятво его согласіемъ) выступила вдругъ въ Европейской комис- сіи съ готовымъ проектомъ «*Смѣшанной* Дунайской комис- сіи», предназначенной вѣдать полицію и опекать судоход- ство отъ Желѣзныхъ воротъ до Галаца! По этому проекту— принятому въ принципъ большинствомъ державъ (споръ идетъ только о подробностяхъ)—предсѣдательство въ Смѣ- шанной комиссіи, составленное изъ представителей Сербіи, Румыніи и Болгаріи, принадлежит *Австріи*. На какомъ осно-

ваніи? Она здѣсь не прибрежная держава, или столько же *прибрежная*, какъ и Россія съ ея Килійскимъ рукавомъ. Если только потому, что австрійскія суда плаваютъ внизъ до Галаца, то и баварскія суда могутъ спускаться ниже Желѣзныхъ воротъ, а русскія суда могутъ ходить отъ Галаца вверхъ по тому же пространству. Если Австрія допущена въ эту комиссію на основаніи принципа прибрежности, то даже не претендуя на непремѣнное предсѣдательство, мы имѣли бы, кажется, полное право требовать, чтобы въ составѣ Смѣшанной комиссіи участвовалъ въ качествѣ постоянного члена и представитель Россіи... Но объ ней нѣтъ и рѣчи...

Невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ могло быть допущено, безъ всякой новой конференціи, такое прямое измѣненіе (и не по формѣ, а по существу) положительнаго постановленія Берлинскаго трактата, который ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ учрежденіи Смѣшанной комиссіи (въ ущербъ интересамъ прибрежныхъ государствъ), а на правительства самыхъ же этихъ прибрежныхъ державъ возлагаетъ наблюденіе за исполненіемъ правилъ устава, составленіе коего опять-таки поручено имъ не кому другому, какъ Европейской комиссіи? Но Австрія обставила свои предсѣдательскія права такими преимуществами, что ея проектъ вызвалъ сильное сопротивленіе въ средѣ делегатовъ, особенно со стороны Румыніи, — а потому, хотя и одобренный державами въ главныхъ своихъ основаніяхъ, онъ въ первоначальномъ своемъ видѣ остался неутвержденнымъ. Вотъ именно теперь и выступилъ на сцену проектъ Баррера въ формѣ нѣкотораго компромисса. Какъ увѣраютъ, онъ уже принятъ большинствомъ державъ; неизвѣстно только, согласится ли на него Румынія.

Насъ, впрочемъ, не столько интересуютъ теперь подробности, сколько вопросъ о самомъ принципѣ Смѣшанной комиссіи, несогласномъ съ духомъ Берлинскаго трактата, и о правѣ Австріи на участіе и предсѣдательство. Нельзя при этомъ не вспомнить, что тотъ же Берлинскій трактатъ постановилъ (въ ст. 54), что «за годъ до истеченія срока, опредѣленнаго для дѣятельности Европейской комиссіи, державы войдутъ въ соглашеніе о продолженіи ея полномочій или объ измѣненіяхъ,

которыя онѣ признають необходимыми сдѣлать». «За годъ» стало-быть въ нынѣшнемъ же году. И такъ, въ нынѣшнемъ же году предстоитъ державамъ рѣшить вопросъ: продолжать или не продолжать сохраненіе общей европейской опеки надъ Дунаемъ въ видѣ особой Европейской Коммисіи, или же видоизмѣнить ее? Намъ неизвѣстно, соберется ли для этого особая конференція, или соглашеніе между державами произойдетъ въ видѣ отдѣльныхъ переговоровъ наиболѣе заинтересованной державы, Австріи, съ каждою изъ великихъ державъ отдѣльно. Въ этомъ отношеніи принятіе проекта Баррера представляетъ особенное значеніе и уже предрѣшаетъ, а можетъ-быть будетъ признано и окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса, поставленнаго въ 54 ст. Берлинскаго трактата: этотъ проектъ, вводя въ составъ новоизобрѣтаемой Смѣшанной коммисіи, поочередно, делегата коммисіи Европейской, тѣмъ самымъ, очевидно, связываетъ съ первою неразрывно,—стало-быть сохраняетъ—существованіе послѣдней... Станный у Австріи, да и у всей Европы, способъ обращаться съ этимъ страннымъ международнымъ договоромъ, обязательнымъ, видно, только для насъ и для Балканскихъ Славянъ!

Читатель признаетъ, конечно, теперь и самъ, что проектъ Баррера, какъ бы вовсе и не принимающій въ расчетъ новаго положенія Россіи, созданнаго ей возвращеніемъ извѣстной придунайской части Бессарабіи, — заключаетъ въ себѣ для насъ не малую важность и не допускаетъ безразличнаго съ нашей стороны отношенія. Пора же однако вспомнить и намъ про свои придунайскіе интересы. На нихъ-то мы и хотимъ обратить вниманіе читателей «Руси».

По Санъ-Стефанскому договору, подтвержденному въ этой части и Берлинскимъ трактатомъ, Россіи досталась въ собственность половина лучшаго рукава Дуная — Килійскаго. Онъ лучшій потому, что въ немъ, по изслѣдованіямъ инженера Протопопова, — 17% общей массы воды Дуная, слѣдовательно вдвое болѣе противъ Георгіевскаго и чуть ли не въ нѣсколько разъ болѣе противъ Сулинскаго, расчищеннаго и приспособленнаго къ судоходству Европейскою коммисіей. Мало того: онъ до ста верстъ длиною, почти прямъ и потому удобенъ для судовъ парусныхъ, тогда какъ Сулинскій

весь состоитъ изъ извилинъ. Глубина Килийскаго рукава 30 футовъ, ширина отъ 150 до 300 сажень, ширина же Сулинскаго — максимумъ 100 сажень, а глубина отъ 15 до 20. Протоки Килийскаго рукава въ море всѣ принадлежатъ намъ за исключеніемъ самаго южнаго, Старо-Стамбульскаго, по фарватеру котораго проведена граница. Наиболѣе же удобенъ для расчистки протокъ Очаковскій, котораго оба берега — наши. Правда, въ настоящее время этотъ рукавъ доступенъ съ моря пока только рыбацкимъ лодкамъ: входъ его мелководенъ; но, по исчисленію того же инженера Протопопова, расчистка и углубленіе Очаковскаго протока обошлись бы отъ 3-хъ до 4 милліоновъ кредитныхъ рублей, не дороже: сумма совершенно ничтожная въ виду выгодъ, представляемыхъ Россіи возможностью — имѣть у себя въ рукахъ *свой* входъ въ Дунай, съ ключомъ и дверью. Стратегическія выгоды отъ обладанія этимъ рукавомъ такъ явны, что о нихъ не стоить и распространяться: замѣтимъ только, что расчистивъ устье, мы могли бы, въ случаѣ надобности, беспрепятственно ввести въ Дунай, при всей его нейтральности, суда большаго калибра, покрупнѣе тѣхъ, что входятъ Сулинскимъ устьемъ, которое Европейская Комиссія избрала для международнаго употребленія и устроила на международный счетъ. Если Румыніи держать на Дунаѣ *весь* свой, конечно не великій, военный флотъ, то ничто не могло бы помѣшать и намъ держать у Измаила нѣсколько судовъ внушительнаго значенія. Но эти стратегическія соображенія приводятся нами только въ виду будущаго, на всякій случай, — въ настоящую же пору преимущественное вниманіе наше должны привлекать экономическіе расчеты. А люди свѣдущіе рассчитываютъ, что открытіе доступа въ Килийскій рукавъ доставило бы намъ существенныя экономическія выгоды.

Во 1-хъ, оно несомнѣнно привлекло бы къ Бессарабскимъ портамъ, предпочтительно къ Измаилу, не малую часть тѣхъ иностранныхъ судовъ, которыя, сидя слишкомъ глубоко въ водѣ (футовъ по 20), вынуждены теперь останавливаться при входѣ въ Сулинское гирло. При расчисткѣ Очаковскаго протока, можно смѣло сулить Измаилу блестящую будущность: весь хлѣбъ, сплавляемый по Пруту изъ Молдавіи и Бессарабіи, будетъ тогда несравненно удобнѣе сплавлять

внизъ по рѣкѣ къ Измаилу, чѣмъ тащить его вверхъ по рѣкѣ (какъ это дѣлается теперь) къ Галацу; затѣмъ, не мѣшаетъ имѣть въ виду, что Измаиль всего въ 40 верстахъ отъ Чишме, то есть отъ станціи Бендерской желѣзной дороги, — стало-быть провести боковую вѣтвь къ Измаильскому порту было бы не трудно да и не дорого.

Во 2-хъ, только съ открытіемъ доступа въ Килийскій рукавъ открылась бы и возможность: завести наконецъ съ удобствомъ и выгодною русское пароходство по Дунаю. При существованіи одного прохода — черезъ Сулинское гирло — такое учрежденіе едва ли мыслимо: конкуренція такъ велика, да и пошлины въ Сулинѣ такъ высоки, что не могутъ не отбивать русскихъ предпринимателей. Извѣстно, что Одесское Общество пароходства и торговли, несмотря на всѣ настоянія правительства открыть рейсы по Дунаю, положительно отъ того отказалось. Да и въ самомъ дѣлѣ: какимъ образомъ, при этихъ высокихъ пошлинахъ, которымъ подвергаются суда, входящія въ Дунай съ моря, соперничать съ могущественнымъ Австрійскимъ «Первымъ Дунайскимъ Пароходнымъ Обществомъ», существующимъ уже почти полвѣка, имѣющимъ нынѣ до 300 пароходовъ и до 700 буксировъ, если не болѣе, и не платящимъ никакихъ пошлинъ, такъ какъ суда идутъ сверху, а до моря и не доходятъ! (Торговые интересы Австріи вообще не простираются далѣе Галаца: для нея важны сербскій, румынскій, болгарскій рынки, а до Чернаго моря ей мало дѣла). Но если бы Русское правительство расчистило Очаковскій протокъ и затѣмъ наложило на суда, идущія въ протокъ съ моря, пошлину для возмѣщенія своихъ издержекъ, то развѣ бы оно не могло освободить отъ нея свои русскіе пароходы и поставить ихъ въ этомъ отношеніи почти въ равныя условія съ австрійскими?... Только тогда бы могли завязаться на дѣйствительно прочныхъ основаніяхъ русскія торговыя сношенія съ Сербіей и Болгаріей...

Возвратили мы себѣ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, право строить береговыя крѣпости на Черноморскомъ берегу и военныя суда въ Черномъ морѣ, — и выстроили только поповки. Возвратили, уже 4 года тому назадъ, придунайскую часть Бессарабіи, съ лучшимъ изъ Дунайскихъ гирлъ, — и

чуть ли даже о томъ не забыли, если не считать командировки министерствомъ путей сообщения инженера Протопопова для обревизованія новаго предмета министерскаго вѣдомства. А чтò умудрилась бы и успѣла бы уже натворить тутъ любая Западная держава, еслибы была на нашемъ мѣстѣ! Правда, ни въ одной странѣ нѣтъ такого рода интеллигенціи, которая бы, какъ у насъ, глумилась надъ малѣйшимъ проявленіемъ патріотической заботы о національныхъ политическихъ и экономическихъ интересахъ, называя ее «шовинизмомъ», и пуще всего стерегла бы душевный покой сосѣдей, особенно же такихъ *знатныхъ* и высокоцивилизованныхъ, какъ Пруссія и Австрія. Но вольно же руководителямъ нашей вѣдшей и внутренней политики принимать газетную трескотню партіи, фальшиво именующей себя «либеральною», за выраженіе русскаго общественнаго мнѣнія! Вольно же, за одно съ нею, робѣть и пренебрегать нашими существенными выгодами! Что такое пользование нашимъ правомъ будетъ, можетъ-быть, не по сердцу иностраннымъ державамъ — этого мы не отрицаемъ. Можетъ-быть, въ виду этого пользованія, Берлинскій конгрессъ такъ и расширилъ значеніе Европейской комиссіи, дѣи которой были уже сочтены. Но мы не думаемъ, чтобы призваніе Россіи состояло лишь въ ублаженіи сердець нашихъ сосѣдей, такъ какъ вѣдь и они не тратятъ ровню никакого едея для смягченія нашихъ сердець, когда добиваются своихъ національныхъ выгодъ. Да и не возбуждая еще преждевременно разговора объ оспкѣ и о принципахъ, развѣ не могли бы мы тотчасъ же приступить къ расчисткѣ, напр., Очаковскаго протока, котораго оба берега наши, и кто бы могъ намъ это воспретить? Это вопервыхъ, а вовторыхъ: развѣ, дѣлая Килійскій рукавъ доступнымъ коммерческимъ судамъ всѣхъ флаговъ, Россія не распространяетъ и на него дѣйствіе международнаго права, установленное Вѣнскимъ конгрессомъ, — только сохраняя при этомъ за собою всѣ права и преимущества, принадлежащія ей какъ береговому владѣльцу?

Вотъ почему, повторяемъ, въ виду 54 ст. Берлинскаго трактата, предоставившей 1882 году рѣшеніе вопроса о продолженіи полномочій Европейской комиссіи, а также въ

виду проекта Баррера, мы полагаемъ, что прїѣздъ въ Петербургъ графа Волькенштейна долженъ подать поводъ къ переговорамъ очень серьезнаго свойства, касающимся нашихъ прямыхъ, существенныхъ интересовъ... Россія имѣетъ полное право требовать для себя участія въ Смѣшанной комиссіи — не въ качествѣ очереднаго делегата комиссіи Европейской, а въ томъ же качествѣ *прибрежной* державы, какъ и сама Австрія, — и во всякомъ случаѣ поставить свое согласіе на проектъ Баррера въ зависимость отъ признанія за Россіей тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя даны ей въ послѣднее время ея положеніемъ на берегу Килійскаго рукава и обладаніемъ Очаковскаго протока...

Москва, 15 мая.

Москва имѣла наконецъ утѣшеніе привѣтствовать въ стѣнахъ своего историческаго Кремля *Государя Болгаріи*... Государь Болгаріи! Какъ любезны слуху, какъ знаменательны, какъ полновѣсны эти два слова, которыя однако мы повторяемъ теперь какъ уже нѣчто обычное, не задерживаясь на нихъ ни мыслью, ни воспоминаніемъ, совсѣмъ, кажется, забывая, что сопоставленіе этихъ двухъ словъ, не далѣе какъ пять-шесть лѣтъ тому назадъ, даже и на умъ не всходило не только Русскому, но ни одному Болгарину: до такой явно-несбыточной, чудовищно-дерзкой фантазіи не отваживались достигать самыя смѣлые полеты самаго разнузданнаго воображенія!... И несбыточное сбылось. Но какую цѣною? Вотъ этого и не слѣдуетъ забывать ни намъ, ни Болгарамъ. Вѣдь сочетаніе этихъ двухъ словъ: «Государство Болгарское», вѣдь это значитъ—рѣки пролитой русской крови, это—сотни тысячъ погибшихъ русскихъ жизней, это—исполинское нагроможденіе подвиговъ русскаго мужества, доблести, братской любви и самоотверженія. И не гордости, не самовосхваленія ради слѣдуетъ помнить намъ это недавнее прошлое, и не ради только того, чтобъ умѣть цѣнить посылаемую намъ Богомъ радость во образѣ миллионовъ братьевъ, нами освобожденныхъ, наслаждающихся теперь мирною, свободною жизнью,—а главнымъ образомъ для того, чтобъ живѣе соз-

навать тотъ нравственный долгъ, который налагается на Россію самымъ этимъ подвигомъ русскимъ, — тѣми по истинѣ *узами крови*, которыми связана отнынѣ Россія съ Болгаріей. Болгарское государство порождено и крещено русскою кровью, а потому не должно, да и не можетъ никогда стать русскому сердцу чуждымъ. Оно — дѣло рукъ нашихъ, и махнуть на него руками, какъ уже совѣтуютъ у насъ нѣкоторые (него, ~~и не~~ не совѣтуетъ у насъ русское легкомысліе — оно же и «русскій радикализмъ»!), мы не имѣемъ права, и не можемъ. Старшій братъ обязанъ руководить первые шаги младшаго брата, котораго онъ же воззвалъ къ жизни, а не отнимать отъ него своихъ рукъ, и потомъ надъ нимъ же глумиться, зачѣмъ онъ оступается и падаетъ!

Не слѣдуетъ забывать недавнее прошлое и Болгарамъ. «Государь Болгаріи» — это живой олицетворенный символъ русской побѣды надъ пятитысячнымъ болгарскимъ плѣномъ. Это воплощенный образъ болгарской свободы и возрожденія, — это залогъ лучшей будущности, независимаго бытія и развитія. Память о пятисотлѣтнемъ мучительномъ рабствѣ въ плѣну, а ~~и~~ *Тысяча русскихъ* Болгарамъ, должна быть имъ непрестанно присуща для того, чтобы непрестанно создавали олицетвленіе неисполнаго имъ дара свободы, непрестанно радовались, непрестанно благодарили Бога за свое избавленіе и смиренномудренно проходили новое, открывшееся имъ, поприще гражданской жизни. Такъ и поступаетъ Болгарскій *простой* народъ, но не такъ поступаютъ многіе изъ состава такъ называемой болгарской «интеллигенціи» — тѣ, которые не пахали, не сѣяли, а только пользуются даровыми плодами не ими вспаханнаго и посеяннаго, позволяютъ себѣ теперь высокомерно, безъ толку, судить и рать о тяжкомъ до кроваваго пота трудѣ пахарей и святелей, и легкомысленно дерзко предъявляютъ къ настоящему, едва слагающемуся строю своей еле-ожившей страны — мечтательныя, извнѣ навѣяныя, вздорныя притязанія. Для нихъ полтысячи лѣтъ турецкаго ига какъ будто и не бывало, какъ будто съ нимъ нечего и считаться, или какъ будто именно это долгое прошлое и было тою надлежащею подготовительною школой, по выходѣ изъ которой (съ аттестатомъ пятитысячковой зрѣлости!)

народъ какъ разъ становится готовъ для самаго новѣйшаго европейскаго «правоваго порядка»!

Не менѣе живо должна пребывать въ Болгарахъ и память о тѣхъ, что рушили оковы позорнаго плѣна. Не потому только, что народъ съ короткою памятью сердца, не умѣющій быть благодарнымъ, тяготящійся чувствомъ признательности, никуда не годенъ и подль (слава Богу, простой народъ Болгарскій свободенъ отъ такого упрека); но потому именно полезна и необходима Болгарамъ память о благодѣяніяхъ великаго Русскаго народа, что она сильнѣе и сердечнѣе сближаетъ оба народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснѣе связываетъ отнынѣ и ихъ историческія судьбы. Ибо Россіи предопредѣлено быть естественнымъ, законнымъ центромъ тяготѣнія всего Славянскаго міра, который уже начинаетъ слагаться и выступать, именно какъ особый міръ Славянскій, на вселенской исторической аренѣ. И только тѣ Славянскія племена, которыя не извратятъ въ себѣ этого закона тяготѣнія, которыя искренно соблюдаютъ духовную связь съ Россіей, могутъ имѣть участіе въ будущности славянской. Поэтому не разумно поступаютъ тѣ руководители Славянскихъ странъ, которые, изъ фальшиво эгоистическихъ побужденій или измѣряя свои и будущность Россіи мелкимъ мѣриломъ современнаго дня, насилуютъ природу своего Славянскаго племени и стараются вытравить въ немъ инстинктивное влеченіе къ Россіи. Къ счастью для Болгаріи, это влеченіе въ ней уже не инстинктивное только, а вполне оправданное сознаниемъ и сердцемъ. Такимъ образомъ, живое чувство благодарности, совпадая съ общимъ закономъ тяготѣнія къ Россіи Славянскихъ племенъ и потому еще болѣе усиливая это тяготѣніе, является въ то же время для Болгаріи залогомъ истинной силы и независимаго національнаго развитія.

Князь Болгарскій, насколько мы можемъ судить, проникнуть именно такимъ убѣжденіемъ. Онъ не честолюбецъ, разными происками домогавшійся и достигшій болгарскаго престола. Онъ занялъ престолъ по единогласному призыву Болгарскаго народа, которому былъ указанъ самимъ Царемъ Александромъ священной для Болгаръ памяти, и повинувась Его державному настоянію. Не будучи Болгаринномъ по происхожденію, онъ однако не можетъ считаться совсѣмъ чуж-

дымъ ни Болгаріи, ни Россіи, уже и потому, что принималъ участіе, вмѣстѣ съ русскими войсками, въ войнѣ за Болгарь, но еще болѣе потому, что связанъ тѣснѣйшими узами родства, личной преданности и признательности съ самимъ великимъ Освободителемъ Болгаріи, своимъ державнымъ дядей и благодѣтелемъ. Но независимо отъ этихъ нравственныхъ побужденій для главы Болгарскаго государства дорожить своими связями съ Россіей, достаточно только обладать яснымъ, не предубѣжденнымъ умомъ, чтобъ признать неразрывность союза Болгаріи съ Русской державой за *единое* истинное основаніе здоровой болгарской политики. Она указываетъ не только народнымъ чувствомъ, но и прямымъ расчетомъ выгодъ, очевидностью національнаго интереса. Князь Александръ, кажется намъ, вполне вѣрно понимаетъ и опредѣляетъ отношенія своей страны къ нашему отечеству, чѣмъ и отличается рѣзко отъ своего сосѣда, Сербскаго короля Милана. Остается только желать, чтобы благія усилія государя Болгаріи были искренно поддержаны не только обоими правительствами, болгарскимъ и нашимъ, но и обществомъ обѣихъ странъ...

Странное дѣло! Во всѣхъ славянскихъ политическихъ организаціяхъ, не исключая даже и Россіи, приходится отличать *народное* мнѣніе отъ такъ-называемаго мнѣнія *общественнаго*, или, выражаясь точнѣе: народныя влеченія, инстинкты, чувства, идеалы, безспорно народу присущіе, хотя бы и не вполне сознанныя, отъ того течения мысли, которое совершается поверхъ народа, въ болѣе или менѣе «образованныхъ» его слояхъ, въ томъ, что принято называть обществомъ, или теперь «интеллигенціей»... Казалось бы, общество есть тотъ же самый народъ, только на высшей своей ступени, ступени сознательнаго бытія, — но въ *данную* минуту общество, въ Славянскихъ земляхъ, не можетъ назваться выразителемъ народнаго самосознанія. Какого рода сознательный процессъ совершается въ обществѣ? Вмѣсто того, чтобы возводить въ сознаніе народную духовную сущность, лежащую въ основѣ всѣхъ явленій народнаго быта и жизни, отрицается прежде всего самая эта сущность, и сознательной дѣятельности подкладывается готовое содержаніе изъ жизни *чужой*, подсовываются объекты сознанія *чужихъ*, ра-

нѣ насъ выступившихъ на арену науки и мысли народовъ, объекты—для нихъ живые, а для Славянъ, да и для насъ, если не мертвые, то отвлеченные. Необходимо, конечно, обогащать свое національное сознание опытомъ жизни и духовнаго труда всего предшествовавшаго намъ челоѳчества, но вѣдь не слѣдуетъ же изъ этого, что только въ чужомъ опытѣ истина и чужимъ только трудомъ добывается, а намъ у себя искать ее нечего; что мы осуждены только *пересознавать* чужое сознание, а явленія своей *самобытной* жизни возводить въ сознание не должны и смѣть,—даже должны ненавидѣть свою «самобытность», если она въ чемъ-либо расходится съ результатами *досель* добытыми высшими культурными народами! что мы, однимъ словомъ, обязаны глядѣть на себя самихъ и на духовную сущность своего народа непремѣнно въ чужія очки и безбоязненно производить надъ нимъ, презирая права его жизни, быта, преданій и вѣрованій, деспотическіе эксперименты *in anima vili*?! Совѣстно немножко и растолковывать такія, казалось бы, даже пошлыя истины,—но съ каждымъ днемъ приходится намъ убѣждаться, что большинству общества—и не только у Славянъ, но и у насъ,—онѣ какъ будто еще совершенно чужды. Мы не станемъ здѣсь входить ни въ философское, ни въ историческое объясненіе такого явленія, но укажемъ для примѣра на фактъ, котораго отрицать никто уже не можетъ. Простой Сербскій *народъ*, одаренный такимъ богатымъ поэтическимъ творчествомъ, прекрасный и доблестный, какъ и всѣ православныя Славянскія племена, тяготеетъ душевно къ Россіи (безъ малѣйшаго ущерба для своей племенной самостоятельности), влечется къ ней любовью и также чувствомъ признательности. Сербская же *интеллигенція* или по сербски «изображены люди» (конечно за нѣкоторыми исключениями) почитаютъ необходимою принадлежностью высшей культуры, — у которой они лакейски стоятъ на запяткахъ (даже усерднѣе чѣмъ «Голось»), — ненавидѣть Россію; мало того, какъ подобаеть истымъ «Европейцамъ», они тоже выражаютъ опасеніе — «стать жертвою захватовъ ненасытно-алчнаго Русскаго царства»!!.. Опасаются Россіи — и лѣзутъ въ пасть Австрійцамъ!... *Народъ* вѣрять въ Бога, чтить свою церковь, благодаря которой въ особенности и сохранилъ-то онъ свою національ-

ность даже подъ турецкимъ игомъ. *Интеллигенція* хвалится безвѣріемъ, издаетъ или утверждаетъ законы церковь унижающіе или разрушающіе, и если часть «изображенныхъ» стоитъ теперь тамъ за доблестнаго представителя Сербской церкви, столь чтимаго въ Россіи митрополита Михаила, такъ не потому, что оскорблена за погрѣнное достоинство святительскаго сана, а изъ оппозиціи къ настоящему министерству, изъ видовъ партіи. *Народъ*, какъ и всѣ Славянскія племена, даже и въ рабствѣ оставшіяся вѣрнымъ духу соборности или вѣчеваго строй, въ то же время признаетъ необходимость сильнаго единовластія и совершенно чуждъ властолюбивой политической похоти: все что *надъ народомъ*, напротивъ того, заражено насквозь политическимъ властолюбіемъ или даже просто *политиканствомъ*. Иныхъ господствующихъ интересовъ и нѣтъ: наука, искусство, литература, промышленность, торговля— все это почти въ зародышѣ и почти не развивается, за то политикановъ—хоть Дунай и Сава пруди! за то партій имѣются всевозможные виды, даже самыя новѣйшіе европейскіе!... Къ чему эти «рознь» привела Сербію—явно, кажется, с-всякомъ. Выходить такимъ образомъ, что дѣла, которыя совершаетъ народъ, интеллигенція раздѣлываетъ; то, что онъ создаетъ, интеллигенція разрушаетъ; народъ идетъ направо, интеллигенція тащитъ его налѣво, и государство, поставленное между двумя противными двигателями, колеблется, шатается, и если двигатель народный не пересилитъ, оно не минуетъ гибели или разложенія...

Великое, святое дѣло освобожденія Болгаріи есть безспорно подвигъ всего Русскаго народа; не однѣ, конечно, массы простонародья принимали въ немъ участіе (и участіе вполне сознательное), но *народомъ*, несомнѣнно, характеромъ запечатлѣнъ весь этотъ героическій эпизодъ русской исторіи. Даже тѣ, что хвастливо величаютъ себя у насъ именемъ «интеллигенціи» или же «либераловъ» (!), хотя и глумились до начала войны, однакоже потомъ—частію невольно подчинились силѣ народнаго духовнаго подъема, частію просто присмирѣли. Тѣмъ не менѣе, при первой же неудачѣ, а затѣмъ и по окончаніи войны, тотчасъ возобновили они свои глумленія, да еще съ большимъ ожесточеніемъ... «Голосъ», до изданія манифеста о войнѣ, проповѣдывалъ устами нѣко-

его государственнаго мужа, что не наше дѣло освобождать Славянъ: это-де подобаеъ лишь народамъ высшей культуры (мы видимъ теперь, какъ освобождаетъ Славянъ «высшая культура» Австрійцевъ!) Потомъ же, когда освобожденіе Болгаръ совершилось,—въ печати и въ обществѣ извѣстнаго разряда (которому пуще всего на свѣтѣ претитъ проявленіе самобытнаго, народнаго духа) началась самая бѣшеная, мерзостная и подлая оргія осмѣнія, самооплеванія и всяческаго наругательства надъ подвигомъ народнымъ, Правда, съ точки зрѣнія «гуманизма» Русскому народу прощалось «освобожденіе рабовъ», но подъ условіемъ отнять скорѣе изъ-подъ дѣла его подкладку религіознаго сочувствія славянскаго братства, и облагородить подвигъ самоотверженія сотенъ тысячъ русскихъ солдатъ (отдавшихъ, по евангельски, душу за други своя) чѣмъ-нибудь болѣе культурнымъ и европейскимъ. Народъ освободилъ Болгаръ, готовъ былъ освободить все христіанство отъ магометанскаго ига и уже собирался водрузить крестъ на Св. Софіи, а «интеллигенція» въ лицѣ дипломатовъ, вспомоществуемая такъ-называемою (конечно ложно) «либеральною» частью общества, заставила остановить напоръ русскихъ войскъ, сорвала съ нихъ вѣнецъ побѣды, раздробила «цѣлокупную» Болгарію, сохранила за нею данничество Туркамъ и заключила Берлинскій трактатъ, при грохотѣ кликавъ «Голоса» и К°. Русскій народъ освободилъ, Болгарскій народъ принялъ даръ свободы и съ своей стороны готовъ былъ понести всѣ жертвы для созданія прочнаго, крѣпкаго внутри и извнѣ государственнаго организма: такъ, благодаря русскимъ офицерамъ, мирные болгарскіе селяки покорно и быстро превратились въ отличныхъ солдатъ и образовали регулярное войско, которому подобнаго нѣтъ на Балканскомъ полуостровѣ... Онъ также, этотъ Болгарскій народъ, руководимый мудрымъ своимъ инстинктомъ, желалъ лишь сильной государственной власти,—но «интеллигенція» нашла нужнымъ наградить его «конституціей». Казалось бы, примѣръ Сербіи служить прямымъ указаніемъ и для Болгаръ: чего дѣлать не должно. Если бы Сербія, вмѣсто заботъ объ украшеніи себя европейскою конституціей, съ самаго начала своего бытія позаботилась объ укрѣпленіи своего государственнаго строя на основаніи истинно народ-

номъ, о развитіи военной силы, промышленности, торговли, и поставила себя задачей—не упуская ее изъ виду ни на минуту—раздвинуть свои узкіе предѣлы, присоединить къ себѣ Боснію и Старую Сербію, — нѣтъ сомнѣній, она стала бы средоточіемъ, къ которому тяготѣло бы со всѣхъ сторонъ Сербское племя. Создавъ себѣ прочное государственное бытіе, она и могла бы затѣмъ идти всѣмъ племенемъ къ просвѣщенію и развитію гражданской свободы на своеобразной славянской основѣ. Но сербская интеллигенція позаботилась прежде всего о томъ, чтобъ Сербія могла похвалиться парламентомъ, точь въ точь какъ старая Европа, и обзавелась правленіемъ *партіи*... Партіи завелись и враждуютъ какъ слѣдуетъ,—а Боснія съ Старой Сербіей потеряны едва ли не на вѣки,—да потеряны и симпатіи къ Шумадиі всего остальнаго Сербскаго народа.

Всякая западно-европейская конституція съ парламентаризмомъ (которая и на материкѣ Европы является до сихъ поръ неудачной копіей съ оригинала, т. е. съ конституціи англійской, которая въ Англии *своя*, органически сложившаяся, «самобытная»),—всякая такая конституція, навязываемая Славянскимъ племенамъ, приличествуетъ имъ какъ коровѣ сѣдло. Славянскія племена—демократическія по преимуществу, не въ смыслѣ термина извѣстной доктрины, но въ буквальномъ смыслѣ этого слова, въ значеніи дѣйствительнаго бытоваго факта, соціального и экономическаго. Другими словами: народнымъ массамъ принадлежитъ преобладаніе и по численности, и по отношенію къ землевладѣнію и, наконецъ, по жизненной крѣпости національнаго духа. Ибо Славянскія государства сложились не изъ наслоенія завоевателей надъ завоеванными, не знали феодализма и вызваннаго послѣднимъ на Западѣ усиленнаго развитія *городскихъ* общинъ—въ ущербъ *селу*. Конституціонныя формы Запада, обусловленныя всѣми особенностями *его* исторіи, никогда не имѣли въ виду того демократическаго элемента, какой составляетъ основу славянскихъ общественныхъ организмовъ. А такъ какъ преобладаніе или безсиліе этого элемента не можетъ не оказывать своего воздѣйствія, и внѣшняго и нравственнаго, на самый государственный строй, то и самый этотъ строй, очевидно, *не можетъ быть* одинаковъ у Славянъ и въ Запад-

ной Европѣ, тамъ гдѣ преобладаетъ *село*, и тамъ гдѣ преобладаетъ *городъ*. Правда, народныя *массы* нигдѣ не заражены похотью народовластія и чають отъ государства лишь защиты для мирнаго, честнаго и благоденственнаго житія, почему пуще всего и алчуть надъ собою власти — сильной на добрую помощь и грозной на злодѣевъ. Если таковы народныя *массы* *всюду*, то не можетъ такое ихъ возрѣніе не выразиться съ *характеромъ преобладанія*, такъ-сказать императивно, и въ самомъ политическомъ строѣ тѣхъ государствъ, гдѣ онѣ числительно и социальна преобладаютъ, — особенно тамъ, гдѣ онѣ (какъ въ Россіи) составляютъ 80⁰/₀ населенія! Кажется—ясно. Русскій народъ говорить: «умъ хорошо, а два лучше». Онъ охотно прибавить: а двѣсти, двѣ тысячи еще лучше, и тѣмъ лучше, чѣмъ больше съ разныхъ и противоположныхъ сторонъ обсудится данный предметъ. Но не приходило въ голову русскому человѣку сказать: «одна *воля* хороша, а двѣ или двѣсти еще «лучше»... Онъ понимаетъ Земскій Соборъ, совѣтъ Земли при единой верховной рѣшающей волѣ, но не вмѣщаетъ въ свою мысль парламента съ правленіемъ партій и большинства голосовъ. (У насъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ находятся люди, которые смѣшиваютъ русское *земское* начало съ *конституціоннымъ*, и тѣмъ задерживаютъ наше національное развитіе!).

И такъ, чтобъ облагородить и объевропейтъ религиозный, національный подвигъ Русскаго народа, рѣшено было надѣлать Болгарскій народъ конституціей, которую первоначально и сфабриковали наши доморощенные «выученики» (выражаясь петербургскимъ нарѣчіемъ) иностранныхъ мастеровъ конституціонныхъ дѣлъ. Отшлифовывали же ее и подвергали ученой пробѣ *въ самомъ* Петербургѣ эксперты, навербованные, кажется, въ бывшемъ II Отдѣленіи, при помощи одного изъ профессоровъ-публицистовъ. Никто изъ нихъ, если не ошибаемся, не только въ Болгаріи не былъ и Болгарскаго народа не видалъ, но едва ли даже зналъ о немъ и по книжкамъ. Да и зачѣмъ! Взяли нѣсколько конституцій, румынскую, бельгійскую и другихъ разныхъ странъ, да и смастерили: «общечеловѣческое»-дескать! Эту конституцію отдали потомъ на обсужденіе тоже интеллигенціи, но на этотъ разъ бол-

гарской, которая — увы! — хотя сама только-что вышла изъ народа, но, воспитавшись большею частью въ Россіи и выучась, въ русской средѣ, предпочтительно предъ всѣми науками, наукѣ либеральнаго пустословія и презрительному отношенію къ самымъ завѣтнымъ духовнымъ основамъ народной жизни, — оказалась конечно неспособною къ созиданію. Она постаралась и при помощи русскихъ, облеченныхъ во власть «интеллигентовъ», успѣла *обрадикалить* русский проектъ европейскаго «правоваго порядка» по всѣмъ правиламъ и «послѣднимъ словамъ» крайнихъ европейскихъ доктринъ. Такимъ образомъ и русская и болгарская интеллигенція, ничтоже сумняся, заставили освобожденную Русскимъ народомъ Болгарію — сдѣлать *salto mortale* изъ эпическаго періода прамехонько въ Европу конца XIX вѣка! Вотъ и вышла конституція, одна изъ самыхъ радикальныхъ, при которой верховная власть обращалась чуть не въ нуль, а вся сила власти надъ бѣднымъ Болгарскимъ народомъ передавалась министру, поддерживаемому подтасованнымъ большинствомъ болѣе или менѣе невѣжественнаго собранія.

Великій грѣхъ приняла на свою душу Россія, навязавъ Болгарскому народу конституцію русскаго издѣлія по западноевропейскому образцу, напавивъ на Болгарію эту шутовскую одежду, сшитую «россійскими портными изъ Лондона и Парижа», да еще подпоротую болгарскими ихъ учениками, — отравивъ, исфальшививъ, искалѣчивъ нравственно все общественное бытіе родной намъ страны съ самыхъ первыхъ дней ея свободы. Тамъ, гдѣ такъ нужно было дружное, искреннее единеніе всѣхъ, малочисленныхъ еще интеллигентныхъ силъ, съ самага начала подорвали единство; взрастили, «яко благо», сознательно и искусственно раздоръ въ видѣ различныхъ партій, ибо-де такъ вездѣ водится въ Европѣ. И вотъ, появились и «либералы», и «консерваторы», появляются даже и «радикалы» или «соціалисты», но отношенія партій между собою конечно не европейскія, а такія, какія могли возникнуть на почвѣ нравовъ воспитанныхъ пятивѣковымъ азіатскимъ игомъ — грубыя, страстныя, исполненныя ненависти, орудующія беззастѣнливо клеветою, доносомъ и всѣми видами козней. Въ странѣ, которая только-что вышла на свѣтъ Божій во всей первобытной простотѣ общественной форма-

ціи — всѣхъ внезапно обуяла жажда властвовать и командовать другъ надъ другомъ, — всякій почелъ себя годнымъ въ министры и полѣвъ въ министры. Школьное дѣло, которое такъ процвѣтало въ Болгаріи еще подъ рабствомъ Турокъ, которое, вмѣстѣ съ церковью, соблюло болгарскую національность въ пятисотлѣтней неволѣ, тотчасъ же было пренебрежено и упало, такъ какъ всѣ школьные учителя потянулись въ администраторы... Все это «зданіе» увѣнчано было самой разнузданной свободой печати, при отсутствіи въ то же время правильно устроенныхъ судовъ и всякаго чувства дисциплины въ самихъ издателяхъ. Само собою разумѣется, что печать обратилась въ ристалище наигрубѣйшихъ взаимныхъ оскорбленій и самаго дерзкаго отношенія къ достоинству власти. А безъ соблюденія гражданами достоинства государственной власти, равно какъ и безъ готовности подчинить свой эгоизмъ идеѣ цѣлаго и личный свой интересъ интересу общественному, немислимо никакое гражданское общезитіе... Мы впрочемъ не имѣемъ права строго обвинять Болгаръ: вообразимъ только себѣ, каково было бы состояніе страны, въ которой верховная безграничная власть сосредоточилась бы въ рукахъ... ну хоть фельетонистовъ нашихъ мнимолиберальныхъ газетъ!...

Такому положенію дѣлъ нельзя было продолжаться, и никакое лицо облеченное въ званіе «главы государства» не могло, безъ позора для себя и безъ гибельнѣйшихъ послѣдствій для самой Болгаріи, терпѣть долѣе такой «правовой порядокъ». Читателямъ «Руси» извѣстно наше мнѣніе о политическомъ переворотѣ, произведенномъ годъ тому назадъ княземъ Александромъ. Не одобряя всѣхъ его формъ и частностей (вина которыхъ, впрочемъ, лежитъ скорѣе на русскихъ совѣтникахъ князя), мы признавали этотъ переворотъ неизбѣжнымъ.... Мы надѣялись, что здравый смыслъ болгарскаго городскаго населенія возобладаетъ, что недугъ, захваченный въ самомъ началѣ, можетъ быть легко излѣченъ, — что болгарская интеллигенція принесетъ наконецъ въ жертву патриотизму жалкіе интересы своихъ нелѣпныхъ «партій» и, руководимая только любовью къ своей землѣ и народу, постарается облегчить своему правительству возстановленіе общественнаго единства и государственной дисциплины. Къ

сожалѣнію, мы ошиблись. Забывъ о благѣ Болгаріи, партіи помнили только о себѣ, о своихъ выгодахъ и преимуществахъ, предъявляли только свои личные счета, пререкались, торговались, и въ концѣ-концовъ требовали возстановленія «конституціи». Даже примѣръ Сербіи ничему ихъ не научилъ.... Мы перестали наконецъ помѣщать всякія корреспонденціи изъ Болгаріи, которыхъ мы получали не мало отъ представителей обѣихъ враждующихъ между собою сторонъ: до такой степени всѣ онѣ дышали духомъ пристрастія или злобы къ противникамъ, что разобраться, гдѣ правда и насколько ея тутъ, насколько тамъ, было положительно невозможно; къ тому же всѣ онѣ вмѣстѣ представляли какую-то бурю въ стаканѣ воды. Бѣда маленькому государственному организму, если все содержаніе его жизни поглощено «политическими интересами» или, по просту говоря, *политиканствомъ*: всякій пустякъ возводится въ событіе, всякая соринка въ темную тучу, всякой мелочной недосмотръ въ преступленіе; все обращается въ сплетню, сплетней живеть, питается и дышетъ. Получали мы извѣстія и о «митингахъ» (какъ тѣшить ихъ, словно дѣтей, самое это слово!), о «демонстраціяхъ», о «депутаціяхъ», получали и программы: то «на либеральна-та партія-та», то «на консервативна-та партія-та».... Слишкомъ претило намъ, слишкомъ больно было намъ видѣть въ дорогой намъ Болгаріи весь этотъ вздоръ, всю эту комедію праздныхъ словъ и названій, всю эту либеральную фельетонщину, перенесенную въ самую жизнь страны, даже въ простую, здоровую среду Болгарскаго сельскаго народа, который каждая партія наперерывъ безжалостно усиливалась обмануть, обморочить, сбить съ толку.

Намъ особенно тягостно было это еще и потому, что мы всегда признавали въ Болгарскомъ народѣ — мирномъ, трудолюбивомъ, склонномъ къ серьезной наукѣ — добрые задатки для свободной сознательной дисциплины, необходимѣйшаго условія гражданскаго бытія. Мы даже усматривали въ немъ этихъ задатковъ болѣе чѣмъ въ Сербскомъ племени. Мы и теперь не измѣнили нашего мнѣнія и продолжаемъ пока еще упорно вѣрить въ будущность Болгарскаго народа. Мы умоляемъ болгарскую «интеллигенцію» сжалиться надъ своимъ народомъ, не рѣдить его въ антиславянскій кон-

ституціонный мундиръ, въ которомъ онъ глядитъ жалкою обезьяной или арлекиномъ, и уразумѣть, что государственное строеніе, для прочности своей, требуетъ отъ дѣятелей непременно *долготерпѣнія* и *самоотверженнаго* труда. И откуда эта нетерпѣливость и нервность, которыхъ не проявляли Болгары даже подъ недавнимъ управленіемъ Мидхата-паши?! Пусть на первомъ планѣ и первой заботою каждаго будетъ созданіе сильной, крѣпкой, верховной государственной власти. Вѣдь страна, окружающая почетомъ и уваженіемъ достоинство представителя власти, чтитъ и уважаетъ свое собственное достоинство. Пусть исчезнутъ навсегда самыя эти дурацкія клички «консерваторовъ» и «либераловъ»; пусть всѣ Болгары, въ какой бы партіи кто прежде ни числился за грѣхи свои, сольются въ одну, не партію, но дружину, одушевленную однимъ помысломъ—помысломъ о благѣ родной имъ Болгаріи,—однимъ чувствомъ—любви къ своему народу,—однимъ сознаниемъ: сознаниемъ гражданскаго долга—содѣйствовать всѣми силами ума и души утвержденію болгарскаго престола и государственнаго строя въ своемъ зачинающемся государствѣ. Пусть сомкнутся всѣ около своего князя, завѣщаннаго имъ Царемъ-Освободителемъ, готово отдать Болгаріи всѣ свои молодыя силы, только бы отвѣчали Болгары ему довѣріемъ и любовью,—и представляющаго къ тому же для Болгаріи, въ своемъ лицѣ и по своимъ связямъ съ Россіей, надежный залогъ политической независимости—въ виду жаждущей болгарскихъ раздоровъ, а можетъ-быть и сѣющей ихъ, Австро-Мадьярской монархіи!...

Да не пора ли ужъ поменьше заниматься политикой, а отвлечь отъ нея вниманіе на дѣла науки, искусства, промышленности и торговли въ этой, древле-исторической, богатой и археологическими сокровищами и всѣми вещественными дарами природы, благодатной странѣ?

Мы рады, что встрѣтили въ «Гласѣ Черногорца» (18 №) категорическое опроверженіе смутившихъ насъ слуховъ, будто Австро-Венгріей поведены съ Черногоріей переговоры о вознагражденіи послѣдней за услуги, оказанныя Австріи въ борьбѣ съ герцеговинскими усташами, присоединеніемъ къ

черногорской территоріи одного или двухъ округовъ герцеговинской земли. Что Черногорское правительство на такія предложенія Австріи отвѣтило бы отказомъ, мы въ томъ были и пребываемъ увѣрены, но что Австрія была бы не прочь ввести Черногорское правительство во искушеніе и поставить его въ такое положеніе, при которомъ самый отказъ въ присоединеніи округовъ былъ бы затруднителенъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Извиняемся предъ достоуважаемой черногорской газетой въ неправильной ссылкѣ на нее, послѣдовавшей на основаніи телеграммы Международнаго Агентства, исказившей смыслъ статьи «Гласа Черногорца». Впрочемъ, главнымъ поводомъ къ нашей замѣткѣ послужили тревожныя письма нѣкоторыхъ Герцеговинцевъ....

Москва, 12 іюня.

Событія у насъ дома (потому что увольненіе графа Игнатьева и замѣна его графомъ Толстымъ безъ сомнѣнія—событія для внутренней жизни Россіи) нѣсколько отвлекли вниманіе русскаго общества отъ шутовскаго, но вмѣстѣ и ужаснаго зрѣлища польско-австрійскаго правосудія, совершающагося въ настоящую минуту почти у самаго нашего рубежа. Дѣйствіе происходитъ въ пограничной съ Россіей области Австро-Венгерской монархіи, въ Галиціи или древнемъ русскомъ Галичѣ, когда-то входившемъ въ черту владѣній нашего Владиміра Святаго, затѣмъ самостоятельномъ княжествѣ и даже королевствѣ съ знаменитыми Даниломъ и Романомъ,—затѣмъ вошедшемъ въ составъ «крулевства Польскаго» и наконецъ, при первомъ раздѣлѣ Польши въ 1772 г., доставшемся Австріи. Этотъ Галичъ или, какъ теперь принято говорить, Галиція населена (кромѣ сѣверовосточной ея части, польской) кореннымъ Русскимъ народомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ Русскихъ Кіевской или Подольской губерній, пріавшимъ св. крещеніе такъ-сказать въ одной купели со всею Русью, не давшимъ совратить себя окончательно въ латинство даже и до сей поры, несмотря на всѣ ухищренія, гоненія, соблазны, на всѣ козни и казни, воздвигнутыя польско-іезуитскимъ фанатизмомъ и злобою. *Окончательно*

погибли для своей народности и для Славянства, т. е. окатоличились и ополячились—*дворянскіе* русскіе роды (точно такъ же какъ и на нашей юго-и сѣверо-западной Украинѣ,—точно такъ же какъ олатинились, омадьярились они и въ Угорской или Венгерской Руси. Простой же народъ какъ въ Галиціи, такъ и въ Угорской Руси, сохранился вполнѣ русскимъ, сохранилъ и свой грековосточный обрядъ, и славянскій языкъ въ богослуженіи,—но только въ формѣ насильственно навязанной ему *уніи*, т. е. чего-то средняго между латинствомъ и православіемъ, съ признаніемъ главенства и власти римскаго папы....

На самыхъ этихъ строкахъ насъ прервало слѣдующее соображеніе: мы вотъ считаемъ нужнымъ, по поводу уголовного процесса объ 11 русскихъ Галичаныхъ, сообщить хоть эти поверхностныя свѣдѣнія о Галиціи нашимъ читателямъ, такъ какъ огромное большинство русскаго, не только просто грамотнаго, но и «образованнаго» общества, къ стыду нашему, даже и этихъ скудныхъ свѣдѣній о своихъ ближайшихъ единоплеменникахъ не имѣетъ,—а между тѣмъ Австрійцамъ всюду въ Россіи мерещатся «панслависты»! Пусть встревоженныя сердца австро-мадьярскихъ и австро-польскихъ политиковъ и прокуроровъ убажуютъ себя чтеніемъ нашихъ мнимо-*либеральныхъ* газетъ и журналовъ, которые не перестаютъ издѣваться надъ идеей «славянской взаимности» и грубо оттаивать малѣйшее проявленіе племенной, естественной симпатіи къ нашему отечеству Русскаго въ Галиціи народа, рекомендуя ему обращаться съ своей симпатіей къ Полякамъ, или же мечтать объ ослабленіи и раздробленіи Россіи съ выдѣломъ изъ нея какого-то хохломанскаго царства! Да что наша «либеральная пресса»! Развѣ хоть поверхностное знаніе исторіи, географіи и этнографіи Славянства введено въ курсъ того общаго образованія, которое получаетъ русское юношество въ среднихъ и высшихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ? Наши учебники, образцы, руководства, источники и мѣрило знаній заимствованы всѣ изъ Германіи: какъ нѣмецкій профессоръ всеобщей исторіи почти никогда ничего основательно не знаетъ объ историческихъ судьбахъ не только Славянскихъ племенъ, но даже всей Восточной Европы, не исключая Византійской имперіи

(это все предоставляется вѣдать лишь немногимъ *специалистамъ*), такъ и наши «ученые» мужи западной исторической науки не переступаютъ въ своихъ лекціяхъ о всеобщей или даже европейской исторіи тѣснаго кругозора своихъ учителей. Ошибка во французской или англійской хронологіи можетъ лишитъ у насъ аттѣстата зрѣлости или кандидатскаго диплома, и наоборотъ круглѣйшее невѣжество крупнѣйшихъ событій или чего бы то ни было существеннаго, относящагося до Славянскаго міра, не только въ счетъ не ставится, но какъ бы обязательно украшаетъ собою почти всякаго питомца нашихъ гимназій и университетовъ. Полагаемъ, что и тотъ спеціальнѣйшій экзаменъ, которому подвергаются въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ юноши, домогающіеся дипломатической карьеры, чуждъ наималѣйшаго прикосновенія къ міру Славянскому; впрочемъ, въ упомянутомъ министерствѣ даже и до сей поры департаментъ вѣдающій всѣ дѣла Балканскихъ Славянъ называется *Азіатскимъ* (чѣмъ такъ обижаются теперь Болгары и Сербы)!... И однакожъ, несмотря на все это, у австро-мадьярскихъ политиковъ душа не на мѣстѣ! Иностранцамъ мудрено и понять, чтобъ мы такъ искренно-простовато, съ легкимъ сердцемъ, ничтоже сумняся, пренебрегали своими истинными національными интересами, отрицались Славянства, отвергали именно то, въ чемъ, по вѣрному соображенію самихъ иностранцевъ, заключается для насъ источникъ великой политической силы въ Европѣ и чѣмъ они, на нашемъ мѣстѣ, не преминули бы уже давно воспользоваться. Чтобъ мы, однимъ словомъ, такъ добродушно, изъ угожденія имъ, сами себя ослабляли и даже, по чувству отмѣнной деликатности, конфузясь собственной мощи и вообще слишкомъ крупной своей величины и вѣса, подбирались, ёжились, малились, старались походить на совсѣмъ субтильнаго политическаго субъекта! Подобно Гоголевскому городничему, который, по его словамъ, каждый разъ, ложась спать, взывалъ къ Господу лишь о томъ, какъ бы такъ все устроить, чтобъ «начальство было довольно», — не воздыхали ли бывало и у насъ только о томъ: какъ бы вести нашу политику такъ, чтобы Европа осталась довольна?! Всѣ эти наши старанія однакожъ ни чему не помогли и не помогаютъ. Намъ все-таки не вѣрять, насъ боятся, насъ

ненавидятъ. Во снѣ и наяву австро-мадьярскимъ государственнымъ мужамъ грезятся «московскіе рубли» (можетъ-быть даже *кредитки*), «московскіе эмиссары»... И нельзя не признать, какъ мы ужъ на это указывали, что ихъ недоувѣріе не лишено основанія: потому что нѣтъ-нѣтъ, да и прорвется историческій природный инстинктъ, и увлекаемая словно роковою случайностью, вопреки «совѣтамъ благоразумія», наперекоръ своимъ дипломатамъ, политикамъ, верховодецамъ, бюрократамъ, генералитету и нижнимъ чинамъ такъ-называемой «либеральной интеллигенціи», и конечно безъ всякихъ предварительныхъ рублей и эмиссаровъ, Россія то тамъ, то здѣсь (въ предѣлахъ Балканскаго полуострова) поддержитъ, поставитъ на ноги, освободитъ Славянское племя, сверкнетъ и прогремитъ предъ всѣмъ міромъ Славянскою державою—даже явственнѣе чѣмъ предъ собственной своей правящей канцеляріей, даже какъ бы на зло сей послѣдней! Мы-то у себя дома знаемъ, что сверкнетъ—и померкнетъ, прогремитъ—и загложнетъ; мало того, сама станетъ дивиться тому, что натворила, чуть ли не сожалѣть, чуть ли не отпираться отъ своего великаго подвига, даже сваливать вину его на Петра или Ивана (какъ, по поводу войны 1877 г., недавно печаталось въ «Русскомъ Курьерѣ» или въ одномъ изъ органовъ печати съ нимъ единомысленной). Мы-то вѣдаемъ, что не только общеславянское, но и русское народное самосознаніе растетъ у насъ страшно туго, еле-еле пробираясь сквозъ разныя «культурныя» съ Запада наносы, слоями покрывающіе нашу общественную духовную почву. Но наши сосѣди, какъ мы уже сказали, хотя знаютъ наше внутреннее положеніе не хуже насъ, мало даютъ вѣры этимъ успокоительнымъ признакамъ, и одержимые постояннымъ страхомъ—какъ бы не повторилась недавняя «роковая случайность» и не распространилась, пожалуй, на славянскія населенія къ западу отъ Россіи,—самый этотъ страхъ и положили въ основаніе своей внѣшней,—а Австрія—и внутренней политики. И вотъ, въ числѣ ихъ политическихъ, относительно Россіи, задачъ на первомъ мѣстѣ стоитъ задача: какъ можно болѣе затруднить ростъ ея національнаго самосознанія, особенно въ русскихъ сферахъ, обзывая его «панславизмомъ», т. е. стремленіемъ къ объединенію всѣхъ Славянъ,—иначе сказать—

покушеніемъ на цѣлость Австрійской монархіи! Достаточно въ Россіи Русскому быть вполнѣ и сознательно русскимъ и любить свою народность, для того чтобы стать подозрительнымъ въ глазахъ не только Австріи, но и Германіи; если же сверхъ того, въ этомъ Русскомъ дѣйствуетъ и славянское «самочувствіе», по модному теперь выраженію нашихъ медиковъ, хотя бы и чуждое всякихъ политическихъ затѣй и помысловъ, то таковой содержится у нашихъ сосѣдей въ подозрѣніи сугубомъ! Вотъ почему такъ иностранцевъ и занимаетъ не только нашъ дипломатическій, но даже и административный домашній персоналъ, и ничего въ мірѣ такъ они не боатся, какъ народнаго направленія въ русской политикѣ, даже внутренней... Жить подъ гнетомъ такого постоянного страха конечно не сладостно. Хотя относительно Австріи Россія безгрѣшна какъ младенецъ (не виновата же она, что однимъ на свѣтѣ бытіемъ уже отравляетъ покой австро-мадьярскаго правительства!), — тѣмъ не менѣе мы готовы были бы даже пожалѣть о немъ, еслибы этой его неугомонной русофобіи, этому кошмару его преслѣдующему не было еще и другой причины: нечистая совѣсть по отношенію къ подвластнымъ ему Славянамъ, — глухое сознаніе своей, относительно ихъ, неправды! Это конечно усиливаетъ чувство страха, а страхъ — плохой совѣтникъ — заставляеть бѣдное австрійское правительство терять всякое равновѣсіе духа и дѣйствовать подчасъ не только наперекоръ всякимъ элементарнымъ требованіямъ правомѣрности и справедливости, но своимъ собственнымъ очевиднымъ интересамъ. Именно всему этому и служить краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ то, что творится теперь во Львовѣ, столицѣ Галича, къ которому мы и возвратимся.

Галичь! гдѣ твои сны?

спрашивалъ еще лѣтъ слишкомъ сорокъ назадъ (когда о Галичѣ никто почти у насъ и не думалъ!) Хомяковъ, посѣтивши Кіевъ и не вида Русскихъ Галичанъ въ толпѣ богомольцевъ, собравшихся отвсюду, гдѣ живетъ Русское племя:

Горе! горе! ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные иры!

Всего же Русскаго племени подвластнаго Австро-Венгрии находится въ ея предѣлахъ около 5 милліоновъ, изъ которыхъ собственно въ Венгрии слишкомъ 800.000 (о нихъ и ихъ печальной судьбѣ подѣ мадьярскихъ, азіатскимъ бичемъ расскажем когда-нибудь особо); въ австрійскихъ же провинціяхъ—въ Буковинѣ, населенной по преимуществу православными Румынами, около 500 тысячъ и собственно въ Галиціи, присоединенной къ Австріи лишь сто десять лѣтъ назадъ, до $3\frac{1}{2}$ милліоновъ.

Достаточно повидимому однихъ этихъ данныхъ для того, чтобы признать задачу австрійскаго правительства не изъ легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, имѣть подѣ своею нѣмецкою властью цѣлое Русское племя обокъ съ Русскою же могущественною державою кажется чѣмъ-то противоестественнымъ. Однако же, благодаря политической честности или, какъ выражаются наши сосѣди, *лояльности* Русскаго въ Галиціи населенія, его покорности, благоразумію и долготерпѣнію, а главнымъ образомъ благодаря Россіи, владѣніе Галиціей представляло до сихъ поръ для австрійскаго правительства несравненно менѣ затрудненій, чѣмъ владѣніе какою-нибудь Итальянскою провинціей, или чѣмъ установленіе правильныхъ отношеній къ Венгрии. *Никогда, ни разу* ни русская государственная власть, ни русское общество не употребили во зло тѣ повидимому выгодныя условія, въ которыя поставлена къ Австрійской монархіи, своимъ сосѣдствомъ съ Русью Галицкою, Россія. Не только какой-либо агитаціи для пропаганды никогда ни русскимъ правительствомъ, ни кѣмъ-либо изъ поданныхъ Русской Имперіи въ предѣлахъ Галиціи (да и нигдѣ въ предѣлахъ Австрійскихъ владѣній) не производилось, но относительно Галиціи образъ дѣйствій Россіи былъ даже запечатлѣнъ особою щепетильною осторожностью, въ виду ревнивой подозрительности австрійскихъ властей. Нельзя же называть агитаціей скудную, почти нищенскую помощь, изрѣдка оказываемую какой-либо бѣдной разрушающейся православной церкви или вообще православію, или сношеніе и взаимное содѣйствіе ученыхъ и литературныхъ обществъ въ сферѣ такъ-называемой *славистики*, т. е. славянской археологіи, филологіи и этнографіи, славянской словесности и искусствъ. Этого мало. Русское правительство

ни разу, даже въ принципѣ, не поддавалось соблазну извлечь для себя выгоду изъ политическаго осложненія дѣлъ въ со-сѣдней монархіи, — представлявшаго, казалось бы, не мало удобствъ для русскаго властолюбія, еслибъ только русское правительство было таковымъ дѣйствительно одержимо. Наши побѣдоносныя войска побывали въ 1849 г. и въ Угорской Руси и въ Южной Галиціи, и укротивъ для Австріи Вен-грію, съ которой Австрія не могла сладить, пресмирнехонь-ко оставили эти Славянскія земли, не воспользовавшись слу-чаемъ для политической пропаганды и даже не заручившись вещественно въ вѣрности союзника, которому, какъ оказа-лось вскорѣ затѣмъ, нельзя было на слово вѣрить. Россія не искусилась ни предложеніями Наполеона I, ни даже не очень давними политическими соображеніями той самой дер-жавы, которая, можетъ-быть именно потому что не добилась согласія отъ Россіи на свои замыслы, ударила такъ-сказать въ противоположную сторону и теперь поддерживаетъ Ав-стрію въ ея враждебной Россіи политикѣ. Мы лично знали человѣка, которому германскій канцлеръ во время оного очень убѣдительно доказывалъ необходимость для Россіи присоеди-нить къ себѣ Галицію... Однимъ словомъ, дѣло обстоитъ такъ: *Россія* пребыла отъ начала и до сихъ поръ непреклонно честною относительно Австро-Венгерской монархіи, и за это должно-быть и платить Россіи послѣдняя тою своей небла-годарностью, которой міръ и сама Россія уже и перестали дивиться; *Русское населеніе въ Галиціи* доставляетъ для ав-стрийской арміи самыхъ лучшихъ, надежныхъ солдатъ, вслѣд-ствие чего Галиція и признается самымъ драгоценнымъ кам-немъ Австрийской короны: за это-то, вѣроятно, австрийская власть и обращается съ Русскимъ населеніемъ хуже, грубѣе, презрительнѣе, чѣмъ съ другими иноплеменными своими под-данными, и своею административною политикою какъ бы ис-пытываетъ его долготерпѣніе и вѣрность...

Въ началѣ присоединенія Галиціи къ Австріи управлять первую было не трудно. Народъ былъ радъ промѣнать поль-ское верховное владычество на нѣмецкое. Извѣстно, каковы были государственные порядки въ прежней Польшѣ до ея расчлененія. Извѣстно также это замѣчательное свойство польскаго правящаго класса, *шляхетскаго*, возбуждать къ

себѣ ненависть простонародныхъ массъ, которыя въ глазахъ польскаго шляхтича не болѣе какъ *быдло* — скотъ: возарѣніе вошедшее въ шляхетскую плоть и кровь. Мы знаемъ, каковы были отношенія къ польской шляхтѣ крестьянъ *польскихъ*, связанныхъ съ нею единоплеменностью и единовѣріемъ; только благодаря Россіи, почувствовали они себя полноправными гражданами своей земли. Можно себѣ представить, каковы были эти отношенія польской, не только католической, но ультрамонтанской, іезуитскими дрожжами проквашенной шляхты къ *быдлу* русскому и православному! Да тутъ и представлять себѣ нечего, — объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія нашей Украйны съ ея казацкими войнами и недавнее злополучное прошлое, даже не совсѣмъ исчезнувшее и теперь, нашей Сѣверозападной окраины. Не лучше было положеніе и уніатской Галицкой Руси, гдѣ русская народность пребывала исключительно въ массахъ простонародья, въ крестьянахъ и въ духовенствѣ, такъ какъ землевладѣльцы и вообще весь верхній слой общества принадлежали къ народности польской (по происхожденію или вслѣдствіе отступничества русскихъ дворянскихъ родовъ). Политикѣ Австріи указывался, повидимому, путь очень опредѣленный: опереться на русскія народныя массы противъ польскихъ властолюбивыхъ притязаній, поднять ихъ экономическое благосостояніе и гражданское значеніе, и привязать ихъ къ себѣ прочными узами благодарности, конечно не въ австрійскомъ, а въ русскомъ смыслѣ этого слова. Этого пути и держалась Австрія съ нѣкоторыми перерывами довольно долгое время, и тѣмъ съ болышимъ успѣхомъ, что культура нѣмецкая, хотя бы и сквозь австрійское сито, все-таки выходила выше и благотворнѣе польской, и что, съ другой стороны, положеніе русскихъ крестьянъ по сю сторону австрійскаго рубежа, совсѣмъ закрѣпощенныхъ польскимъ помѣщикамъ, было нисколько не завидно. Австрія не побрезгала даже, въ сороковыхъ годахъ, руками галицкихъ крестьянъ поприрѣзать нѣкоторую толику польскихъ землевладѣльцевъ.... Благодаря такой политикѣ и разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, вынуждавшимъ австрійскихъ государственныхъ мужей холить подданническую вѣрность галицкаго Русскаго населенія, оно, хоть и перекрещенное въ *Рутеновъ* или *Русиновъ* (это все равно, что ска-

зять: вмѣсто «Болгарь» — *Болариновъ!*), поднялось нѣсколько и матеріально, и нравственно. Образовался скромный, тоненькій *русскій* интеллигентный слой (исходящій родомъ изъ среды духовенства — сыновья и внуки священниковъ), пробудилось нѣкоторое племенное «самочувствіе», нашедшее себѣ выраженіе и въ литературѣ. Ни малѣйшей политической опасности для Австріи оно не представляло, но уже самой *природою* австрійскаго государства претило покровительствовать русской народности въ Галиціи! Претило прежде всего потому, что всякому западному государственному строю претитъ начало демократическое — въ истинномъ значеніи этого слова: онъ опирается на началъ аристократическомъ въ томъ или другомъ смыслѣ, если не на господствѣ знатныхъ родовъ, то на господствѣ культурнаго или же капиталистическаго класса, чувствуя въ душѣ глубокое внутреннее презрѣніе къ народнымъ массамъ. Претило потому, что русскіе Галичане все же были не католики, а только униаты, тогда какъ католицизмъ есть душа австрійскаго гѣла. Затѣмъ, за Галичанами все же оставался этотъ первородный, смертный въ глазахъ Австріи грѣхъ — единоплеменности и почти единовѣрія съ великимъ Русскимъ народомъ, создавшимъ Россійскую Имперію! Вотъ и стало озабочиваться правительство — какъ бы ловчѣе *искривить* въ Русскихъ Галичанахъ пробуждавшееся народное сознаніе. Министерскими циркулярами запрещалось употребленіе буквы з, повелѣвалось, вмѣсто *что*, писать *що*, и изыскивались разныя мѣры, чтобы уродовать русскую литературную рѣчь и искусственно создать различіе между нею и литературнымъ языкомъ «московскимъ!» И вѣдь нашлись и у насъ тупоумцы, словно австрійскіе чиновники обрушившіеся на несчастную русскую газету во Львовѣ «Слово» — зачѣмъ-де она старается (во сколько *возможно* при бдительной австрійской полиціи) приближаться къ общерусскому литературному складу рѣчи! (Вѣроятно только деликатность не позволила австрійскому правительству выслать этимъ господамъ ордена!) Наконецъ, пользуясь естественною любовію южной вѣтви русскаго племени къ своимъ пѣснямъ, къ бытовымъ особенностямъ своей родины, австрійскіе чиновники измыслили или взлелѣли «*украинофильство*», даже не литературное, а политическое, вѣдая

очень хорошо, что изъ него никогда ничего вреднаго для Австріи не выйдетъ, а выйдетъ лишь смущеніе мыслей и не малый вредъ для русскаго же національнаго развитія, и вообще для внутренней крѣпости Славянскаго міра. На эту австрійско-польскую удочку съ прикормкой доктринерскихъ фантазій какъ разъ клюнула часть интеллигенціи и въ Галиціи, и у насъ, надѣленная большимъ аппетитомъ и малымъ разумѣніемъ Мы сказали: «австрійско-польскую» потому, что въ этихъ замыслахъ нашла себѣ австрійская власть въ Полякахъ самыхъ вѣрныхъ пособниковъ. Съ упорствомъ ихъ отличающимъ, они не переставали надѣяться, надѣются и до сихъ поръ—рано или поздно ополычить вконецъ Галицію, именно при помощи австрійской власти и руссійскихъ «либераловъ», особенно же «украинофиловъ».

Въ настоящее время въ Галиціи—господствуютъ и хозяйничаютъ именно Поляки. Послѣ недавняго сближенія своего съ Германіей, Австрія задалась идеаломъ *австрійскаго панславизма*, въ которомъ главнымъ духовнымъ цементомъ должно служить объединеніе церковное подъ сѣвнью *Рима*. Одновременно съ политической пропагандою, ведомой огнемъ, желѣзомъ и житейскими прельщеніями, ведется и пропаганда католическая. Приступая къ исполненію сего замысла, Австріи необходимо было, разумѣется, показать себя не Нѣмецкой, а *Славянской* державой, для чего и провозглашена была министерствомъ гр. Таафе «равноправность народностей». Въ сущности же никакой равноправности не имѣется,—напротивъ, племена *православныя* угнетены теперь въ Австріи сильнѣе чѣмъ когда-нибудь (вспомнимъ хотя положеніе, напримѣръ, Сербовъ въ Банатѣ),—а къ равноправности призваны лишь тѣ *католическія* Славянскія племена, которыя или культурнѣе въ смыслѣ нѣмецкомъ (какъ Чехи), или же энергичнѣе (какъ Поляки) и въ то же время, вмѣстѣ съ политическимъ властолюбіемъ, вслѣдствіе своей религіозной съ Австріею связи, способны бытъ піонерами германизациі и латинства между православными Славянами или по крайней мѣрѣ отчужденія ихъ отъ Россіи. Вслѣдствіе этихъ соображеній Австрійское правительство и предало въ послѣднее время Галицію съ ея слишкомъ трехмилліоннымъ русскимъ населеніемъ во власть галицкихъ Поляковъ. Они и пируютъ!

Читателямъ «Руси» извѣстно, какой гвалтъ подняли польскія власти и польская печать изъ-за того, что одна униатская сельская община, не довольная своимъ священникомъ и пользуясь правомъ свободы вѣроисповѣданія (дарованнымъ *естямъ* австрійскимъ подданнымъ пресловутою конституціей), захотѣла было перейти въ православіе, т. е. возвратиться къ полногѣ вѣроисповѣданія своихъ отцовъ. Но по отношенію къ намъ, Славянамъ, никакой правовой порядокъ въ понятіяхъ и въ обычаѣ Западной Европы не имѣетъ силы. У надменныхъ цивилизацій и культурою Европейцевъ существуютъ *два* правды, одна для себя и для своихъ, другая для Русскихъ и инстинктивно тяготящихся или родственныхъ намъ по духу Славянскихъ племенъ:

Для *нихъ*—законъ и равноправность,
Для *насъ*—насилъе и обманъ,
И закрѣпила стародавность,
Ихъ какъ наслѣдіе Славянъ!

Попытка одной общины перейти въ православіе возведена въ уголовное преступленіе. Православіе прямо провозглашено не только польскими газетами, но и польскими блюстителями правосудія и закона—опаснымъ какъ для интересовъ польщины, такъ и для цѣлости Австрійской монархіи; всякій православный—подозрительнымъ, а окатоличеніе—государственной задачей. Но Поляки, съ благословенія неразумнаго австрійскаго правительства, пошли далѣе. Начавшійся теперь во Львовѣ уголовный процессъ объ 11 Русскихъ своею чудовищною нечестію, къ которой способна только слѣпая, обезумѣвшая злоба,—представляетъ именно то зрѣлище, на которое мы желали обратить вниманіе нашихъ читателей. Просимъ извиненія за длинное вступленіе, но надобно же разъ навсегда ознакомить русскихъ читателей съ злополучнымъ житіемъ трехъ слишкомъ милліоновъ Русскихъ въ древнемъ, сосѣднемъ съ нами Галичѣ.

Эти 11 Русскихъ, во главѣ которыхъ поставленъ А. И. Добрянскій (чуть ли не единственный русскій въ Австріи дворянинъ, оставшійся русскимъ, т. е. не ополячившійся и не омадьярившій (*inde ita*), но всегда съ отличіемъ служившій своему, т. е. австрійскому правительству),—эти Русскіе

преданы суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ, со ссылкой на законы, опредѣляющіе за такое преступленіе— смертную казнь! Между тѣмъ, какъ ни усиливалась польская невестъ, одушевлявшая слѣдователей и прокурора, подобать все, что могло бы послужить обвиненію, — во всемъ обвинительномъ актѣ ни относительно одного подсудимаго не находится буквально ничего, что можетъ быть названо *corpus delicti*, т. е. составомъ преступления! Такого полнѣйшаго пренебреженія къ основнымъ требованіямъ юридической правды, такого отсутствія юридическаго смысла, намъ еще не случалось видѣть на своемъ вѣку ни въ одномъ обвинительномъ актѣ. Мы вовсе не знакомы съ положеніемъ судебной части въ Австріи, но если этотъ процессъ долженъ служить намъ образчикомъ ея судопроизводства, такъ съ чего же Австріи хвалиться культурой? Это ужъ не культура, а варварство, — дикое, грубое, притомъ не въ своей наивной, хотя бы отвратительной простотѣ, а въ культурной оправѣ — варварство лицемѣрное! Признаки измѣны, за которую 11 Русскимъ сулить прокуроръ (разумѣется щирый Полякъ) смертную казнь, заключаются, на примѣръ: въ пошеніи г. Добрянскимъ русскихъ орденовъ, полученныхъ имъ, съ вѣдома своего правительства, за услуги оказанныя русскимъ войскамъ, когда они въ 1849 г. спасли бытіе Австрійской Имперіи... Но вѣдь и Австрійскій императоръ и графъ Кальноки, можетъ-быть и Андраши, носятъ русскіе ордена! Далѣе: въ томъ, что внуки Добрянскаго, дѣти Ольги Грабаръ, воспитываются въ Россіи, кажется, въ коллегіи Галагана... Но и въ Вѣнскомъ университетѣ не мало учится Русскихъ изъ Россіи; можетъ-быть нѣкоторые воспитываются и въ *Theologium*: у насъ однако это не возводится въ преступленіе. Въ томъ, что одна изъ дочерей Добрянскаго замужемъ за русскимъ профессоромъ, а сынъ Мирославъ перешелъ изъ австрійскаго, вѣрнѣе сказать венгерскаго, подданства въ русское и состоитъ на русской службѣ: но развѣ эти дѣянія противны конституціи?! Въ томъ, что нѣкоторые изъ 11 Русскихъ имѣли письменныя сношенія съ Русскими въ Россіи, даже съ лицомъ занимающимъ министерскій въ Россіи постъ, К. П. Побѣдоносцевымъ: но вѣдь важень не фактъ переписки (иначе пришлось бы признать преступленіемъ всякое письменное сно-

шеніе, напрімѣръ, нашихъ варшавскихъ Поляковъ съ Поляками галицкими!), а ея содержаніе: содержаніе же переписки самое невинное и вовсе не политическое. Да можно бы даже, кажется, спросить напередъ г. посланника Австріи при русскомъ дворѣ: такое ли лицо г. Цобѣдоносцевъ, которое было бы прилично заподозрить въ покушеніи на миръ и цѣлость Австрійской имперіи?.. Въ томъ наконецъ, что Мирославъ Добрянскій просилъ нѣкоторыхъ Галичанъ сообщать ему свѣдѣнія о русскихъ нигилистахъ въ Галиціи,— свѣдѣнія для русскаго его начальства, обязаннаго предупредить дѣйствія нашихъ такъ-называемыхъ крамольниковъ, безъ сомнѣнія очень важныя: можно съ достовѣрностью сказать, а ргіогі, что многіе изъ нихъ сидятъ, въ ожиданіи благоприятныхъ для себя обстоятельствъ, на самомъ нашемъ рубежѣ—и въ Румыніи, и въ австрійскихъ владѣніяхъ... Обвиненіе въ измѣнѣ уснащено такими *юридическими* терминами: *впрямую, повидимому, кажется, надо думать* и т. д., и на этихъ-то доводахъ основано требованіе *смертной казни!* Въ сущности, даже по смыслу обвинительнаго акта, подсудимые повинны смерти единственно за то, что будучи Русскими и вѣрными слугами Австрійскаго императора, они не хотятъ стать Поляками и питаютъ симпатіи къ своему родному языку, къ русской литературѣ, къ Русскому племени! за то, что Русскіе въ Галиціи—*руссофилы*, хотя конечно *лояльнѣе* въ своемъ австрійскомъ подданствѣ обвиняющихъ ихъ Поляковъ! Впрочемъ мы отсылаемъ читателей къ извлеченію изъ обвинительнаго акта, напечатанному въ 22 № «Руси», и къ переводу, самого акта, чрезвычайно интереснаго и котораго начало найдутъ они въ нынѣшнемъ №,—а теперь поставимъ только одинъ вопросъ: къ чему было Австрійскому правительству допускать все это польское безстыжее «правовое» колобродство и прошумѣть имъ на всю Россію? Для того ли, чтобъ свидѣтельствовать передъ нею, что значитъ въ Австріи «конституція» и «равноправность»? Для того ли именно, чтобъ напомнить Россіи про существованіе 3-хъ съ половиною милліоновъ Русскихъ въ Галиціи,—о чемъ большинство въ Россіи вѣдало лишь смутно,—чтобъ повѣдать Россіи про вопіющую, относительно ихъ, неправду австрійской власти,—про невыносимыя страданія племени,

которое по истинѣ кость отъ костей и кровь отъ крови нашей?...

Москва, 19 іюня.

Заканчивая въ настоящемъ № печатаніе обвинительнаго акта по процессу Русскихъ въ Галиціи, доскажемъ кстати тѣ мысли, на которыя невольно наводитъ насъ этотъ, по нашему мнѣнію, очень важный, историческаго значенія документъ. Чѣмъ внимательнѣе въ него вчитываешься, тѣмъ болѣе недоумѣваешь: да что же это? крупная ли политическая ошибка австрійскаго правительства, или же хитроумно рассчитанный ходъ политической игры? Судъ совершается отъ имени его апостолическаго величества, императора Австро-Венгріи. Судятъ, повидимому, 11 русскихъ его подданныхъ, но это только *повидимому*: на скамѣ подсудимыхъ не 11 Галичанъ, а ни кто иной, какъ Россія. Въ государственномъ противъ Австріи преступленіи виновницей объявляется не Ольга Грабаръ съ К^о—они только предлогъ и козлы отпущенія,—а не болѣе не менѣе, какъ сама Всероссійская держава. Обвиненіе воздвигнуто на почвѣ международныхъ отношеній и превращаетъ процессъ о *частныхъ* преступныхъ дѣяніяхъ въ *международную* или, точнѣе сказать, въ междугосударственную политическую тяжбу. Уголовное слѣдствіе производится не столько въ области фактовъ частной жизни, сколько въ области историческихъ и этнографическихъ фактовъ! «Для Австріи» — говоритъ авторъ... т. е. прокуроръ (обмолвка совершенно естественная,—до такой степени этотъ обвинительный актъ имѣетъ характеръ политическаго памфлета!),—«для Австріи въ настоящее время *Славянскій вопросъ* сдѣлался жизненнымъ»!.. Почти до половины нашего столѣтія Австрія благополучно совершала свою миссію, но случилось слѣдующее неприятное обстоятельство: «за сѣверными и восточными предѣлами Австрійскаго государства — Поясняетъ политикъ-прокуроръ — «живетъ могущественное племя, которое, въ качествѣ единаго по населенію государства, составляетъ первостепенную державу (т. е. Россію) и играетъ не послѣднюю роль въ системѣ европейскаго равновѣсія. И хотя народъ этотъ въ теченіи

сотенъ лѣтъ возрасталъ въ условіяхъ вовсе не похожихъ на тѣ, въ какихъ находились Славяне въ Австріи, и не имѣлъ никакого права поднимать вопросъ о такъ-называемомъ народномъ единствѣ своемъ съ Славянами Австріи, однакоже, тѣмъ не менѣе, постановка этого вопроса для могущественной въ этомъ народѣ партіи послужила поводомъ—пролагать пути къ объединенію всѣхъ Славянъ», и пр. Панславизмъ—гремить далѣе оффиціальныи обвинитель—«разбросалъ свои вредныя сѣмена по всей странѣ» и «силой своей притязательности» способенъ «дѣйствительно угрожать спокойствію и даже цѣлости Австрійской монархіи!» Затѣмъ обвинительный актъ тщательно подбираетъ всѣ признаки посяннаго панславизмомъ въ Галиціи вреда, всѣ симптомы грядущей для Австріи опасности,—однакоже, несмотря на всѣ старанія и натяжки, ни одного противозаконнаго дѣйствія, ни какого политическаго заговора, ни малѣйшихъ попытокъ къ практическому осуществленію коварныхъ россійскихъ противъ Австрійской имперіи замысловъ не удалось отыскать усердному прокурору. Онъ впрочемъ этимъ нисколько и не стѣсняется, а такъ-таки прямо зачисляетъ въ уголовщину, т. е. въ составъ преступленія государственной измѣны заботу, на примѣръ, галицкихъ Русскихъ о чистотѣ своей литературной рѣчи, или ихъ любовь къ своей русской національности! Онъ и знать не хочетъ, что Русскіе въ Австріи самые честные вѣрноподданные императора; онъ видитъ лишь одно, что они не хотятъ быть вѣрноподданными Мадьяръ и Поляковъ. Въ качествѣ безпристрастнаго юриста, прокуроръ, изслѣдуя причины оживленія въ Угорской и Галицкой Руси народнаго чувства, не долженъ бы обойти того, бьющаго въ глаза обстоятельства, что подъему русскаго національнаго духа всего сильнѣе служить стремленіе самихъ Мадьяръ и Поляковъ—обезнародить несчастныхъ Русскихъ, омадьярить ихъ въ Венгріи и ополячить въ Галиціи! Но онъ эту причину обходитъ, а сваливаетъ всю вину на Россію. Не будь послѣдней—Русскіе бы не устояли, давно бы омадьярились и ополячились, а теперь, какъ въ самой Россіи пробудилась работа народнаго самосознанія, стали и Русскіе въ Австріи черпать силу своего сопротивленія мадьяризму и полонизму въ сознаніи, какъ выражается

прокуроръ, своего племеннаго единства съ великой сосѣдней имперіей. Русскіе въ Галиціи обзаводятся постепенно литературой и, понятное дѣло, не сочиняютъ же имъ теперь, въ концѣ XIX вѣка новый русскій литературный языкъ, когда таковой уже имѣется и обладаетъ богатой словесностью! Даже при всемъ нашемъ желаніи угодить Австріи, этого факта вычеркнуть изъ исторической жизни мы не можемъ! не панслависты же вѣдь его сочинили, не панславистическая агитация изобрѣла Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстаго, Тургенева, и т. д.! Но что до этого прокурору! Въ этомъ усвоеніи себѣ Русскими въ Галиціи русскаго литературнаго языка онъ видитъ лишь политическую панславистическую затѣю. Выписываютъ ли себѣ Русскіе Галичане русскія *ученія*, вовсе не политическія книги изъ Россіи—измѣна! Перекинутся ли Русскіе Галичане съ Русскими Москвы или Петербурга письмами самаго невиннаго характера—предательство! Если наконецъ, въ виду польскихъ стремленій постепенно упразднить унію настоящимъ латинствомъ (для чего впущены въ Галицію цѣлыя полчища католическихъ ярыхъ миссіонеровъ, какъ-то «змертвыхъ-встанцевъ» и пр.), униатское духовенство усиливается оградить чистоту своего древняго греко-восточнаго обряда отъ латинскихъ новшествъ,—вовсе «тутъ не объ убѣжденіи религиозномъ идетъ дѣло»—восклицаетъ обвинительный актъ, а непременно о «политическихъ мотивахъ въ панславистическомъ духѣ!»... Очевидно, что и для судебной обвинительной власти, замѣтимъ мы, вовсе не о юридической истинѣ идетъ дѣло, не о фактѣ требующемъ юридическаго подтвержденія, а о соображеніяхъ политическаго свойства, ничего общаго съ судебною задачею не имѣющихъ...

Признавъ такимъ образомъ за «панславистическую агитацию» ту «притягательность», которую имѣетъ для русскаго образованнаго общества въ Галиціи языкъ русскихъ великихъ писателей, а для народа древле-православнаго, уловленнаго въ унію и угрожаемаго окатоличеніемъ, олатиненіемъ—чистота грековосточнаго обряда,—прокуроръ австрійскаго императорскаго суда возглашаетъ вслѣдъ за симъ слѣдующее:

«При такихъ обстоятельствахъ, при столь *далеко* подвигнувшейся агитации и столь *несомнѣнныхъ* ея плодахъ,—въ

виду *географическаго положенія Галиціи, Венгрии и Буковины*» (т. е. сосѣдства съ Россіей!), въ виду возбужденнаго въ русскомъ населеніи антагонизма къ инымъ народностямъ этихъ краевъ» (т. е. къ Мадыарамъ, Румынамъ и Полякамъ), «всякій дальнѣйшій шагъ въ панславистическомъ направленіи *легко можетъ вызвать бунтъ* внутри монархіи и угрожать ей серьезною опасностью извнѣ»!...

Вотъ какъ! Мы и не ожидали, чтобъ дѣло обстояло для Австріи такъ уже грозно! Первый вопросъ, который прежде всего невольно задаешь себѣ при чтеніи этихъ строкъ: зачѣмъ понадобилось такое громкое, на весь міръ, да еще *официальное* разглашеніе о подобномъ печальномъ положеніи Австрійскаго государства? Къ чему было раскрывать предъ врагами о сихъ ихъ ахиллесовыхъ пятахъ? (Впрочемъ, покойный Тютчевъ говаривалъ, что политическое тѣло Австріи—одна сплошная Ахиллесова пята!) Что побудило австрійскія власти расписываться публично въ успѣхахъ этой пресловутой панславистической агитаціи? Развѣ не могло правительство противодѣйствовать ей не обращаясь, да еще съ подобной грубой неловкостью, къ формѣ суда? И какого суда?! Чѣмъ шире сдѣланная прокуроромъ постановка основной, политической темы, тѣмъ мельче, тѣмъ ничтожнѣе являются тѣ частные случаи, которые подали поводъ къ процессу, и тѣмъ рѣзче выступаетъ наружу безсиліе власти, вынужденной прибѣгать къ такому явному юридическому лицензію! Вотъ почему настоящій процессъ и представляется прежде всего крупною политическою ошибкою,—въ которой, можетъ-быть, центральное высшее правительство и не виновато. Если оно не было предварительно ознакомлено съ обвинительнымъ актомъ, то едва ли поблагодаритъ прокурора за слѣдующія откровенія, которыя впрочемъ преисполнены для насъ интереса. Въ первый разъ изъ обвинительнаго акта мы узнаемъ, что не только интеллигентная Галицкая Русь заразилась сочувствіемъ къ Руси зарубежной, т. е. къ Россіи, но даже и *сельское населеніе*. Прокуроръ даже цитуетъ подлинныя рѣчи *простаго народа*, напримѣръ: «Какъ только придутъ Русскіе, они прогонятъ Поляковъ, потому что здѣсь Червоная Русь; у всякаго будетъ больше земли»... «Червоная Русь перейдетъ когда-нибудь подъ владычество

Россіи»... «Весь край былъ когда-то русскій и Россія когда-нибудь возьметъ его обратно»... (Это не мы говоримъ; мы бы никогда не позволили себѣ высказать что-либо подобное печатно: это все самъ прокуроръ цитуетъ! сама австрійская власть признала нужнымъ придать какъ можно болѣе гласности этимъ чаяніямъ подданнаго ей русскаго населенія, сама свидѣтельствуетъ о нихъ предъ вселенной!)

Трудно подуматъ, чтобъ неумѣстность подобной огласки ускользнула отъ вниманія осторожныхъ австрійскихъ политиковъ, и потому нужно предположить во всемъ этомъ образѣ дѣйствій какой-нибудь расчитанный ходъ, по мнѣнію австрійскихъ или австро-польскихъ властей чрезвычайно хитроумный! Очень можетъ быть и вѣроятно, что вся эта шумная и торжественная огласка—ни что иное, какъ демонстрація, которой назначеніе смутить, напугать Россію и побудить русское правительство отказаться отъ того національнаго направленія въ политикѣ внѣшней и внутренней, которое въ Австріи и Германіи окрещено именемъ «панславизма». Въ Западной Европѣ вообще господствуетъ увѣренность, что русскія правая сфера и вообще высшій вліятельный слой русскаго общества чрезвычайно чувствительны къ мнѣнію иностранцевъ, дорожатъ всякимъ знакомъ ихъ милостиваго благоволенія и совсѣмъ конфузятся при выраженіи неудовольствія. Такую увѣренность воспитали и поддерживаютъ въ чужихъ краяхъ не только многочисленные бывшіе въ прежнія, недавнія времена примѣры, но едва ли не болѣе и сужденія самихъ русскихъ газетъ фальшиво-либеральнаго направленія. Что другое можетъ вынести иностранецъ изъ знакомства съ «Русскимъ Курьеромъ» или «Голосомъ», изъ чтенія ихъ статей по поводу мнимыхъ «рѣчей» Скобелева, по поводу возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ? Лучшихъ себѣ союзниковъ, вѣрнѣе сказать услужниковъ, трудно было бы даже и на заказъ сочинить себѣ нашимъ недругамъ! Большаго усердія въ самооплеваніи, большаго презрѣнія къ преданіямъ и указаніямъ своей русской исторіи, болѣе злобнаго остервенѣнія при одномъ упоминаніи о правахъ своего Русскаго народа на самобытное національное развитіе, большаго пренебреженія къ государственнымъ интересамъ и большаго отвращенія къ идеѣ славянскоѣ взаимности, чѣмъ въ

сихъ «органахъ благоразумнѣйшей, просвѣщеннѣйшей» части русской прессы (какъ аттестуютъ ихъ нѣмецкія и особенно польскія газеты), не ссыскать ни у Нѣмцевъ, ни у Поляковъ. Мудрено ли, что и теперь въ Австріи намѣревались учинить то же давленіе, какое не совсѣмъ безъ успѣха произведено было въ январѣ нынѣшняго года! Да развѣ, напримѣръ, «Голосъ» не успѣшилъ уже оказать содѣйствіе именно тому дѣлу, которому служить и польскій въ Галиціи прокуроръ,—и не напечаталъ въ видѣ корреспонденціи изъ Вѣны фальшивыхъ извѣстій о нашемъ молодомъ ученомъ Соколовѣ, командированномъ нашимъ правительствомъ за границу для спеціальныхъ занятій славянскими рукописями въ библіотекахъ Кракова, Львова, Пешта и Бѣлграда? Корреспондентъ «Голоса», хвастаясь, что онъ «поставленъ въ возможность сообщить достовѣрныя данныя, изъ обвинительнаго акта, печатающагося съ соблюденіемъ строжайшей тайны» (еще до открытія суда), рассказываетъ со ссылкой на актъ, а потомъ и безъ всякой ссылки, про панславистскую агитацію г. Соколова, про его бѣгство изъ Львова въ Пештъ и внезапное исчезновеніе изъ Пешта... Оказалось, что все это сущая ложь, что корреспонденція «Голоса» тождественна съ сообщеніемъ изъ Львова, напечатаннымъ въ одной мадыарской газеткѣ, въ которой вслѣдъ затѣмъ появилось, безъ просьбы и вѣдома самого Соколова, энергическое опроверженіе двухъ почтенныхъ ученыхъ Мадыаръ. Они съ негодованіемъ отвергаютъ обвиненіе Соколова въ какой-либо пропагандѣ и горячо заступаются за нашего русскаго ученаго. На дняхъ г. Соколовъ изъ Бѣлграда, гдѣ онъ теперь работаетъ въ архивахъ, прислалъ въ «Новое Время» рѣзкое обличеніе всѣхъ этихъ гнусныхъ клеветъ, услужливо перепечатанныхъ въ «Голосѣ», и переводъ мадыарскаго защитительнаго протеста (см. «Новое Время» № 9 іюня). Г. Соколовъ, какъ онъ выражается, отмѣчаетъ этимъ разоблаченіемъ «тотъ печальный фактъ, какъ падки нѣкоторыя наши газеты до всего, что могло бы компрометировать соотечественниковъ, не останавливаясь предъ источникомъ заимствованныхъ свѣдѣній!» Зачѣмъ нужна была такая угодливость въ духѣ сочувственномъ обвинительному акту пресловутаго процесса?

До какой степени простирается польское самоинѣніе, видно

изъ того, что нѣкоторыя польскія газеты пренаивно убѣждены, будто выходъ въ отставку графа Игнатъева находится въ связи съ начавшимся во Львовѣ процессомъ! Польскій прокуроръ произнесъ обвинительную рѣчь,—и ненавистнаго иностранцамъ русскаго министра какъ не бывало!!! Ужъ не съ этимъ ли хитрымъ умысломъ направили они косвенное обвиненіе въ панславистическихъ проискахъ и на другаго русскаго сановника, г. Побѣдоносцева?... Нельзя не признать, что если этотъ процессъ предпринятъ въ видѣ «хитраго шахматнаго хода», то австрійскія власти перехитрили, и онъ является сугубой ошибкой; за нимъ остается одно: дерзкій, нахальный вызовъ, брошенный въ лицо самой Россіи, *подъ видомъ* вызова такъ-называемой «панславистской партіи».

Надо сказать, наконецъ, нѣсколько словъ объ этомъ мнѣ: «панславистская», «славянофильская», «національная», «московская партія». Не диво, что иностранцы предполагаютъ существованіе *партіи*: удивительнѣе то, что многія наши русскія газеты также пресерьезно толкуютъ о *партіи*, то кричатъ про опасность ея усиленія, то злорадствуютъ ея ослабленію или распаденію, какъ еще недавно, напримѣръ, петербургская газета «Страна». Впрочемъ, наши доморощенные иностранцы, особенно озирающіе Россію изъ прекраснаго петербургскаго далѣка, съ бюрократическихъ канцелярскихъ высотъ, еще менѣе способны распознавать истинный смыслъ явленій русской жизни, чѣмъ даже настоящіе, подлинныя чужеземцы, серьезно и добросовѣстно изучающіе наше отечество. Слово «партія» предполагаетъ союзъ людей ради какой-либо общей опредѣленной цѣли, съ установленнымъ во всѣхъ подробностяхъ единымъ образомъ мыслей или программой, а также и съ условленнымъ для всѣхъ членовъ партіи обязательнымъ образомъ публичныхъ дѣйствій. На Западѣ партіи строго дисциплинированы и имѣютъ каждая свое *начальство*. Никогда ничего подобнаго въ Россіи не бывало и нѣтъ, да оно и не въ нашихъ нравахъ. Предоставляемъ нашимъ противникамъ величать себя партіей «либеральной», «либерально-демократической» или иначе — свидѣтельствуемъ только о томъ (и имѣемъ право свидѣтельствовать), что тотъ кружокъ людей связанныхъ между собою дружбою и единомысліемъ въ нѣкоторыхъ *основныхъ* прин-

ципахъ, которому петербургская журналистика еще въ 40-хъ годахъ дала въ видѣ насмѣшки кличку «славянофиловъ» (такъ въ 20-хъ годахъ прозванъ былъ Шишковъ и его послѣдователи потомъ Батюшковымъ), никогда многочисленъ не былъ, никогда никакого себѣ прозванія не давалъ, никогда *никакой организаціи* не имѣлъ. Никогда никто изъ друзей не признавалъ надъ собою ни начальства, ни верховодства, и вообще никакого стѣсненія въ своей свободѣ мнѣній. Между тѣмъ, съ самаго же перваго заявленія мыслей этого дружескаго кружка возникъ цѣлый міръ объ обширной, могущественной *партіи*, — въ которой не считывалось и десяти человѣкъ! Съ теченіемъ времени и это число стало постепенно сокращаться; бѣлая часть самыхъ даровитыхъ изъ нихъ рановременно сошла въ могилу, — постоянно осмѣянная, обруганная при жизни большинствомъ русской «интеллигенціи», совершенно родственной по духу, стремленіямъ и идеаламъ той самой, у которой теперь вошло въ моду почему-то возглашать уваженіе къ именамъ Хомякова, Самарина, Кирѣевскихъ, нисколько не раздѣляя, да и не изучая ихъ мнѣній! И при всемъ томъ, когда уже и стараго кружка никакого не существовало, — и Петербургу и за границей иностранцамъ не переставала мерещиться «могущественная русская національная, панславистская партія»! 12 лѣтъ сряду это такъ-называемое славянофильское или просто русское направленіе (*не партія*) лишено было права имѣть свой печатный органъ, — а грозный призракъ *партіи* тѣмъ не менѣе продолжалъ страшить, пугать, ужасать и петербургскую канцелярію, и Австрійцевъ, и Нѣмцевъ!... Издатель «Руси» не затрудняется объявить во всеуслышаніе, что у него никакой *партіи* нѣтъ. Его *партія*, по крайней мѣрѣ по отношенію къ большинству высказываемыхъ имъ мнѣній, — великое множество тѣхъ, которые его и не читаютъ, можетъ-быть даже и не подозрѣваютъ о существованіи «Руси», но несомнѣнно мыслятъ и чувствуютъ заодно съ нимъ. Можетъ ли быть, напримѣръ, въ Россіи *партія* людей вѣрующихъ въ Бога? И если вы печатно исповѣдуете Бога, станете ли вы измѣрять силу этого «направленія» мѣриломъ *партіи*? Гроша бы стоила печатная исповѣдь любви къ Россіи и вѣры въ нее, призна-

нія за Русскимъ народомъ правъ на свободное развитіе его національныхъ историческихъ основъ, на самостоятельное мѣсто въ человѣчествѣ, еслибъ такая исповѣдь выражала убѣжденіе только *партіи!*

Въ томъ-то и дѣло, что сила «русской» ли, «національной» ли, «славянофильской» ли или «панславистской» партіи—вовсе не въ партіи, которой не бывало и *нѣтъ*, а въ самомъ содержаніи тѣхъ мнѣній, которыя высказывались или высказываются людьми, обываемыми въ литературѣ подобными кличками,—сила въ непререкаемой *истинѣ*: въ самомъ бытіи на Божьемъ свѣтѣ Россіи. Да и что это за нелѣпость—«партія руссофиловъ» въ Россіи? Развѣ мыслима, напримѣръ, во Франціи партія любящихъ Францію Французовъ? По меньшей мѣрѣ слѣдуетъ предположить, что Французскій народъ самъ себя любитъ, что во Франціи «могущественная партія французофиловъ»—самъ Французскій народъ, причемъ, конечно, возможны, какъ уродливыя исключенія, и отщепенцы-Французы, способные даже, пожалуй, французскимъ интересамъ предпочесть интересы чужіе. Удостоите распространить это понятіе о Франціи, которое принимается вѣдь всѣми безспорно, и на нашу бѣдную Россію: авось-либо тогда въ Петербургѣ наши слова покажутся ясны. Слѣдуетъ только при этомъ добавить, что если во Франціи, Германіи, Италіи, Англіи отщепенцевъ отъ своего народа до ничтожности мало, то въ Россіи, въ такъ-называемой интеллигенціи чиновной и нечиновной, бюрократической и вольно-практикующей, ихъ—легіонъ! Въ этомъ-то все наше и горе!

Точно то же и по отношенію къ такъ-называемому панславизму, т. е. къ идеѣ славянской взаимности. Сила тутъ не въ *партіи*, а въ самой *натурѣ вещей*. Это всего лучше доказывается именно галицкимъ уголовнымъ процессомъ объ 11 Русскихъ, обвиненныхъ въ измѣнѣ. Можно сказать, что обвинительный актъ, безъ вѣдома самого прокурора, не болѣе какъ росписка въ признаніи этой истины! Такъ онъ говоритъ о преступной, въ настоящую минуту, агитаціи *Московского Славянскаго Комитета*, котораго съ 1878 года *во все не существуетъ!* (Онъ, какъ извѣстно, закрытъ тотчасъ послѣ Берлинскаго трактата по распоряженію русскаго правительства, вѣроятно въ успокоеніе заграничныхъ умовъ.)

Говорить все тотъ же прокуроръ о расточительныхъ тратахъ московскихъ рублей въ видахъ панславистской пропаганды— Киевскимъ Славянскимъ Обществомъ,—у котораго въ кассѣ всего то два двугривенныхъ! о преступной панславистской агитаціи таковаго же Общества Петербургскаго, у котораго въ кассѣ не многимъ больше!... Трудно однакожь предположить, чтобъ обо всемъ этомъ не вѣдали наши зоркіе сосѣди; вотъ почему невольно приходитъ на умъ, какъ мы сказали, что указаніе на несуществующую партію, на несуществующіе или едва существующіе комитеты и т. п. только маскируетъ болѣе серьезное и грозное обвиненіе; что разбираемый нами юридическій документъ въ сущности бросаетъ вызовъ въ лицо самой Россіи, возводитъ на степень государственнаго преступленія, государственной, относительно Австріи, измѣны—самое бытіе Русской державы!

Въ какой же тутъ посторонней «агитаціи» надобность, какіе «эмиссары» тутъ нужны, когда обокъ съ Русью Галицкой, Буковинской и Угорской, угнетенной Поляками, Мадьярами и Румынами,—ширится могучая Русская Русь, составляющая, по словамъ самого прокурора, первостепенную державу, играющую не послѣднюю роль въ системѣ европейскаго равновѣсія?! когда граница между Россіей и Австрійской имперіей большею частью проведена не природой, а политическими соображеніями, и во многихъ мѣстахъ дѣлится селенія пополамъ, такъ что иной землевладелецъ верхомъ сидитъ на самомъ рубежѣ, одной ногой въ Австріи, другою въ Россіи? Неужели обѣ эти половины селенія, одноплеменные, единокровныя, не сравниваютъ между собою своего положенія? И развѣ пограничные жители обоихъ государствъ не посѣщаютъ базаровъ по ту и другую сторону?

Прокуроръ почему-то счелъ нужнымъ привести нѣсколько мѣстъ изъ какой-то изданной и конфискованной въ Австріи брошюры, которая гласитъ: «На свѣтѣ только *единая* Русь, раздѣленная политически между Россіей и Австріей». «Вся Русь, пространствомъ втрое превосходящая Европу, имѣетъ 60 милліоновъ жителей». «Народъ Русскій останется русскимъ, какъ Карпаты останутся русскими горами». «Трижды подъ господствомъ Австріи раздѣленная, Русь выдана на

милость и немилость Полякамъ, Мадырамъ и Румынамъ». Какъ ни конфискуй подобныя брошюры, а правды самаго факта, истины приведенныхъ словъ не конфискуешь: она бьетъ въ глаза; это—сама природа, а съ природой бороться трудно. Поэтому и австрійскимъ властямъ слѣдовало бы, кажется, приводя подобныя цитаты, *подсказать* и возможный для Австріи выходъ изъ указанныхъ цитатами затрудненій... Мы съ своей стороны, входя въ интересы Австріи, усматриваемъ этотъ выходъ только въ одномъ: въ освобожденіи Русскаго племени отъ венгерскаго, румынскаго и въ особенности отъ польскаго гнета, въ предоставленіи ему полной гражданской автономіи, полной свободы національнаго развитія и *свободы въроисповѣданія* пуще всего, такъ какъ, по словамъ *предсѣдателя суда*, конституціонный принципъ этой свободы «*на переходъ въ православіе не распространяется!*» Если же австрійское правительство этого не намѣрено сдѣлать, то его обвинительный актъ не имѣетъ другаго смысла, какъ постановки слѣдующаго роковаго вопроса: быть или не быть, и кому именно изъ обоихъ могущественныхъ сосѣдей? А такъ какъ Австрія, выступающая предъ всѣмъ міромъ съ обвинительнымъ словомъ противъ Россіи, угрожающей будто бы Австріи своимъ бытіемъ, сама отъ своего бытія не отказывается, то выходитъ, что для австрійскаго спокойнаго существованія необходимо сжить съ бѣлаго свѣта Россію... Намъ такая постановка вопроса не страшна; но выгодна ли она для самой Австріи?...

Москва, 31 іюля.

Всему есть предѣлъ; наступилъ конецъ и этому безстыжому, наглому польско-мадыарскому насмѣхательству надъ правосудіемъ, на которое мы неоднократно обращали вниманіе нашихъ читателей,—т. е. уголовному процессу объ 11 галицкихъ Русскихъ, обвинявшихся во Львовѣ польскою прокуратурой, при содѣйствіи мадыарскаго министра-президента, въ государственной измѣнѣ. Мы уже разъясняли и прежде, что въ лицѣ этихъ 11 Русскихъ преданъ былъ императорско-королевскому австрійскому суду ни кто иной, какъ сама Рос-

сія, — она сидѣла на скамьѣ подсудимыхъ во Львовѣ, она была въ отвѣтъ предъ верховнымъ трибуналомъ, составленнымъ хотя изъ польскихъ чиновниковъ, но творившихъ судъ именемъ Его Апостолическаго Величества: такое отношеніе процесса къ нашему отечеству, еще на дняхъ, съ нахальнымъ чистосердечіемъ подтвердилъ и органъ мадыарскаго министерства, «Пестеръ Ллойдъ». И дѣйствительно: все это, съ такимъ шумомъ и трескомъ воздвигнутое, обвиненіе Галичанъ въ государственной измѣнѣ распалось само собою, да и не могло не распастись, потому что обвинительный актъ въ сущности не болѣе какъ политическій памфлетъ, потому что никакого юридическаго факта измѣны не бывало и нѣтъ, а единственный во всемъ пресловутомъ процессѣ *corpus delicti*, вмѣняемый въ вину Русскимъ въ Галиціи, это — само бытіе Русскаго государства. Вообще отношеніе къ Русской державѣ обвинительнаго акта и прокурорскихъ рѣчей было таково, что мы нимало бы не удивились, еслибъ Львовскій процессъ послужилъ поводомъ къ запросу со стороны Русскаго кабинета: вѣдь дѣлался же запросъ графомъ Кальноки нашему министерству иностранныхъ дѣлъ въ ноябрѣ 1881 г. по поводу статей нѣкоторыхъ русскихъ газетъ о Берлинскомъ трактатѣ! А какой гвалтъ поднять Германіей и Австріей по случаю рѣчей генерала Скобелева! И что значать эти статьи и рѣчи частныхъ лицъ сравнительно съ официальными рѣчами и дѣйствіями австро-мадыарскихъ властей?... Впрочемъ присяжные въ императорско-королевскомъ судѣ во Львовѣ оказались нѣсколько добросовѣстиѣе прокурора и самихъ судей. Несмотря на всю пристрастность вопроса, на всѣ помѣхи, оказанныя предсѣдателемъ защитѣ, на всѣ старанія уголовного трибунала и обвинительной власти, равно и на письменное свидѣтельство мадыарскаго министра Тиссы (по отношенію къ старику Добранскому), обвиненіе въ *государственной измѣнѣ* было присяжными единогласно отвергнуто, за несуществованіемъ въ наличности хоть какого-нибудь признака этого преступленія. Но и тутъ обошлось не безъ юридическихъ диковинокъ. На вопросъ о виновности въ государственной измѣнѣ присяжные единогласно отвѣчали *нѣтъ* относительно cadaго подсудимаго, въ томъ числѣ и г-жи Ольги Грабаръ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ обвинили (большинствомъ

голосовъ) ту же Ольгу Грабаръ въ *недонесеніи* о государственной измѣнѣ! Да о чемъ же *доносить*, когда самый фактъ измѣны не признанъ, когда никто и не измѣнялъ?! Правда, отъ наказанія за недонесеніе обвиненная освобождена, но только «вслѣдствіе родственныхъ узъ соединяющихъ ее съ виновными» (т. е. съ виновными въ измѣнѣ, которыхъ однако, по самому вердикту присяжныхъ, ни одного не имѣется!) Изъ 11 подсудимыхъ осуждены всего - на - всего четверо, да и то лишь «за нарушение общественнаго спокойствія», именно: отецъ Наумовичъ, редакторъ газеты «Слово» Площанскій, крестьяне Шпундеръ и Залусскій, съ поясненіемъ относительно послѣднихъ трехъ, что это «нарушеніе было направлено не противъ единства государства и формы правленія». Трудно добраться до юридическаго смысла въ этой обвинительной формулѣ. Чѣмъ же нарушили *общественное* спокойствіе, напримѣръ, крестьяне Шпундеръ и Залусскій, виноватые единственно въ томъ, что были главными участниками въ попыткѣ Гнилицкаго прихода возвратиться изъ *унии* въ *православіе*? Въ болѣе или менѣе прямомъ содѣйствіи этому несостоявшемуся переходу, а не въ чемъ другомъ, обвинены и Наумовичъ и Площанскій, — не за другое что обречены они уголовной карѣ. Но такъ какъ въ конституціонной Австро-Мадьярской имперіи, *по закону*, всякому вольно исповѣдывать какую угодно вѣру или не исповѣдывать никакой, то, очевидно, нельзя было попытку перейти въ православное исповѣданіе признать незаконною и сдѣлать предметомъ уголовного обвиненія. Поэтому и понадобилось придать обвиненію другой юридическій оборотъ. Понадобилось же потому, что — независимо отъ той религіозной нетерпимости, которую отличается латинство вообще, особенно латинство польское, проквашенное насквозь дрожжами иезуитизма, — именно въ латинской религіи и видятъ Поляки существенный оплотъ польской національности: вслѣдствіе того и Гнилицкую попытку нужно было имъ такъ или иначе, всецѣлѣнно *покарать*, чтобы отвадить уніатовъ разъ на всегда отъ подобныхъ поползновеній! Хотя Чехи, предводимые Ригромъ, братаются и кокетничаютъ съ Поляками, хотя Ригеръ и ораторствуетъ, что «въ нашъ вѣкъ, когда-де религія стала субъективнымъ чувствомъ, вѣроисповѣданіе — вещь безразличная и

никакого отношенія къ національности не имѣть», — Поляки, рукоплещая ему, исповѣдуютъ и проповѣдуютъ однако прямо-противоположное. Они, нисколько не жеманясь, съ циническою откровенностью печатаютъ въ своихъ газетахъ, что католицизмъ служитъ для нихъ политическимъ орудіемъ, и притомъ самымъ могучимъ; что никакой свободы совѣсти они, въ предѣлахъ воображаемой ими «Польши», относительно народа не допускаютъ и ни за что не допустятъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію и опыту, совратившіеся въ православіе гнутъ непремѣнно къ Россіи; что наконецъ, съ польской точки зрѣнія — необходимо, похвально и достопамятно не только обманомъ и лестью, но и страхомъ уголовныхъ каръ и грубою силою удерживать въ папизмѣ, или хотъ въ униі, все русское, нѣкогда православное населеніе. Поляки, въ подтвержденіе того значенія, которое имѣетъ для нихъ католицизмъ, ссылаются, не безъ основанія, на своихъ князей Сангушко, Чарторыйскихъ и множество иныхъ ярыхъ теперь представителей польской національности, предки которыхъ погребены какъ *православные* въ Кіево-Печерской лаврѣ и которые, будучи по крови чистыми, коренными Русскими, стали Поляками до фанатизма лишь по совращенія ихъ въ латинство. Въ Западномъ краѣ и теперь различіе между Поляками и Русскими основывается большею частью не на фیزیологическихъ и даже не этнографическихъ признакахъ, а на вѣроисповѣданіи... Поляки въ извѣстной степени правы; мы сами убѣждены: будь Поляки православные или лютеране, а не католики ультрамонтанскаго, іезуитскаго закала, «Польскаго вопроса» не существовало бы, или существовалъ бы онъ совѣмъ въ другомъ видѣ. Но объ этомъ когда-нибудь послѣ; мы хотѣли только пояснить — почему Поляковъ такъ перетревожило, до степени умственнаго помраченія — это покушеніе несчастныхъ Гниличанъ на переходъ въ православіе! Тутъ ужъ «принципу религіозной свободы» не нашлось мѣста! Наоборотъ: когда униаты въ предѣлахъ самой Русской имперіи возвращаются изъ безобразной, силою навязанной имъ униі къ вѣрѣ своихъ русскихъ предковъ, — тогда Поляки тотчасъ же пускаютъ противъ Россіи въ ходъ самый этотъ отвергаемый ими «принципъ религіозной свободы», и вопять, трещать на весь міръ и на всю Россію устами римско-католи-

ческаго духовенства и его русскихъ близорукихъ клеветовъ... Благо русское общество застѣнчиво и, по неразвитости своей, пуще всего боится обвиненія въ недостаткѣ либерализма, пуще всего на свѣтѣ желаетъ слыть прогрессивнымъ,—а потому тотчасъ же готово смутиться, спасовать предъ криками и, расшаркавшись, «либерально» представить русское, бывшее униатское населеніе въ полную добычу обманной пропагандѣ ксендзовъ, при помощи экономическаго насилія польскихъ помѣщиковъ, — пропагандѣ не религіозной, а политической, имѣющей только одну цѣль: путемъ вторичнаго совращенія въ латинство отворотить народъ отъ Россіи и совратить въ полонизмъ,—ополачить...

Но въ Галиціи Поляки господствуютъ: въ ихъ рукахъ судъ и администрація. Они имѣютъ возможность беззаконствовать и нахальничать надъ Русскимъ племенемъ болѣе откровенно: имъ нѣтъ надобности слишкомъ церемониться съ принципами, драпироваться въ либерализмъ, прибѣгать къ особенно-тонкимъ ухищреніямъ. И не прибѣгаютъ. За невозможностью основать обвиненіе на прямомъ противорѣчии закону, т. е. поставить присяжнымъ вопросъ: виновны ли подсудимые въ намѣреніи совратить такой-то приходъ въ православіе, они, уже безъ малѣйшей тонкости, это вполне законное дѣйствіе подводятъ, прямо и грубо, подъ рубрику «нарушенія общественнаго спокойствія.» Въ сущности же этотъ приговоръ не что иное, какъ уголовная кара за дѣяніе относящееся къ области *отроисповѣдной*, слѣдовательно дозволенное конституціей, другими словами, это—явное посягательство на принципъ религіозной свободы,—основной, казалось бы, принципъ «праваго порядка», которымъ такъ превозносится Австрія предъ Россіей!...

Всѣ четверо обвиняемыхъ приговорены къ тюремному заключенію: Наумовичъ на 8, Площанскій на 5, Шпундеръ и Залусскій на 3 мѣсяца, *съ лишеніемъ пищи въ теченіи одного дня чрезъ каждыя двѣ недѣли.* Этотъ видъ истязанія также характеристичная черта австрійскаго уголовного кодекса. Существовало у насъ, до изданія Уголовнаго Уложенія, заключеніе *на хлѣбъ и водъ*, которое сопричислено было, и вполне основательно, къ разряду *тѣлесныхъ* наказаній; оно было отмѣнено даже прежде уничтоженія послѣд-

нихъ. Но все же оно не было *полнымъ* лишеніемъ пищи. Австрійская же «культура» просто-на-просто повелѣваетъ морить голодомъ! И никого въ Европѣ это не оскорбляетъ, и наши мнимо-либералы, которые трепещутъ отъ благороднаго негодованія, зачѣмъ у крестьянскаго самоуправленія только ограничено, а не отнято, хотя бы и противъ воли самихъ крестьянъ, право наказанія розгами, не пикнуть ни слова противъ распоряжковъ по истинѣ варварскихъ, если только они чинятся гдѣ-нибудь за границей, въ державѣ числящейся въ разрядѣ «культурныхъ» и «конституціонныхъ»!

Всѣ остальные подсудимые оправданы и выпущены изъ тюрьмы, но кто и что вознаградить ихъ за семь мѣсяцевъ заключенія и ужасной нравственной пытки? Кто помѣшаетъ польскимъ и мадьярскимъ прокурорамъ снова начать уголовное преслѣдованіе противъ ненавистныхъ имъ лицъ русскаго происхожденія, снова ввергать ихъ въ тюрьму, хотя бы и съ вѣрною перспективою, что судъ въ концѣ-концовъ непременно вынужденъ будетъ признать прокурорское обвиненіе неправильнымъ и возвратить имъ свободу?... Лишній разъ помучить — и то утѣшительно для патриотической ненависти польско-мадьярскихъ фанатиковъ. Вѣдь только полнѣйшимъ невѣжествомъ истиннаго положенія дѣлъ (допускаемъ самое благопріятное толкованіе) можно объяснить ликованіе «Голоса» по поводу вердикта присяжныхъ, даровавшаго семи подсудимымъ (изъ 11-ти) свободу, въ чемъ видится «Голосу» залогъ розовой мирной будущности во взаимныхъ отношеніяхъ Русскихъ и Поляковъ! Именно-то *на свободу* — мы это положительно предсказываемъ — и *не будетъ теперь житья* ни этимъ достойнымъ всякаго уваженія старцамъ Добрянскому и Наумовичу, ни прочимъ оправданнымъ или только отчасти осужденнымъ Галичанамъ!... У австро-мадьярско-польскихъ властей и помимо гласнаго суда имѣется множество средствъ въ распоряженіи — тѣснить, жать, давить, гнести все это наше, по выраженію поэта,

Опально-мировое племя!...

Вотъ письмо, которое мы получили недавно отъ одного изъ достопочтеннѣйшихъ Русскихъ, постоянно и уже давно пребывающаго въ Вѣнѣ:

«Пишу вамъ въ волненіи, въ досадѣ на злобу людскую; вы знаете, что теперь дѣлается съ Русскими въ Галиціи — на этомъ процессѣ; знаете, что писалъ Тисса къ осужденію Добрянскаго. Вотъ вамъ еще образчикъ образа дѣйствій Мадыаръ противъ Словаковъ: прекрасный, скромный юноша, Словакъ Иванъ Крно кончилъ курсъ въ гимназіи съ отмінками *по всемъ предметамъ отличными*, перешелъ въ университетъ по юридическому факультету, два курса пробылъ въ университетѣ и при экзаменахъ за четвертый семестръ тоже получилъ прекрасную аттестацію. На другой день приходитъ ректору университета предписаніе отъ министра народнаго просвѣщенія Пауля исключить Крно изъ университета, какъ *яраго москвофила*, и не принимать ни въ какія учебныя заведенія королевства. За что же? За то, что онъ вамъ и Каткову писалъ письма и просилъ прислать ему «Русь» и «Московскія Вѣдомости», что эти газеты ему присылались, и онъ читалъ ихъ своимъ товарищамъ Словакамъ въ обществѣ «Заря», издавна существующемъ и утвержденномъ правительствомъ Мадыарскимъ же, въ Пресбургѣ. Юноша въ отчаяніи, не знаетъ что дѣлать. К., Ф., М., всё просятъ васъ: помогите ему поступить въ Московскій или Петербургскій университетъ. Онъ знаетъ русскій языкъ достаточно. Помогите, Неба ради, гонимымъ и умирающимъ. Откликнитесь на голосъ мучениковъ. Пошлите имъ хоть слабый лучъ надежды на васъ или насъ, Русскихъ, и на наше сочувствіе, которыми они и живутъ пока въ юдоли мадыарскаго безумія. Если будетъ мнѣ отъ васъ отвѣтъ, то только въ двухъ словахъ: «Пусть пріѣзжаетъ».

Само собой разумѣется, что на это письмо не могло послѣдовать отъ насъ другаго отвѣта, какъ «пусть пріѣзжаетъ!» Хотя содержаніе г. Крно потребуеъ отъ 400 до 500 р. въ годъ, а въ Москвѣ все еще Славянскаго комитета иѣтъ и присылаемыхъ намъ изрѣдка малыхъ денежныхъ суммъ далеко не хватаетъ на удовлетвореніе нуждъ всѣхъ проживающихъ въ Москвѣ и попадающихъ въ нее бѣдняковъ изъ заграничныхъ Славянъ, однакожь мы все-таки думаемъ, что не клиномъ же Россія сошлась, что не все же русское общество состоитъ изъ подписчиковъ «Голоса», «Русскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Курьера» и разныхъ провинціальныхъ якобы либеральныхъ

газетъ, которыя предъ Европой (включая сюда и Поляковъ), какъ Фамусовъ предъ знатной родней — *полкомъ*; что найдутся у насъ люди съ русской душой и сердцемъ, которыхъ слова: русская и славянская «самобытность», не приводятъ въ злобное остервенѣніе какъ «нашихъ либераловъ», и которые дадутъ намъ возможность придти на помощь несчастнымъ жертвамъ австро-польско-мадьярской «культурной миссиі»! ..

Говорятъ, графъ Таафе и Кальноки люди замѣчательнаго ума. Если политическая безтактность бѣднымъ Полякамъ словно бы на родину написана, и отличительною чертою этихъ «сѣверныхъ Французовъ» искони было и есть отсутствіе государственнаго смысла, такъ менѣе всего можно было ожидать отъ государственныхъ мужей Австріи, этой искусственно составленной и только помощью искусной политической эквилибристики существующей державы, такой грубой политической ошибки, каковою былъ Львовскій процессъ. Какого результата достигло это торжественное отправленіе «правосудія»? Оно явилось лишь торжественнымъ беззаконіемъ, оно раскрыло міру всю непрочность государственнаго состава Австро-Венгріи и этотъ постоянный страхъ австрійской власти за цѣльность и единство державы; оно раздражило національное русское чувство и въ Галиціи, и въ сопредѣльной съ нею Русской имперіи; оно двинуло впередъ русское народное самосознаніе, оно сослужило великую службу общей славянской идеѣ, но не въ смыслѣ австрійско-католическаго панславизма... Не можемъ не поблагодарить и Поляковъ. У насъ было снова начали мякнуть сердца и уши развѣсились, внимая разнымъ польскимъ примирительнымъ вѣщаньямъ на берегахъ Вислы и Невы,—но галиціе Поляки поспѣшили предостеречь и воздержать насъ отъ новаго преступнаго легковѣрія. Нечего указывать, какъ дѣлаетъ «Голось», на присяжныхъ, давшихъ оправдательный вердиктъ, и на рѣчи защитниковъ изъ Поляковъ. Во 1-хъ, присяжные не всѣ Поляки (было человекъ пять Евреевъ) и не всѣхъ же оправдали: четырехъ подсудимыхъ обвинили они совершенно неправильно; во 2-хъ, прокуроръ и весь трибуналъ очень хорошо знали напередъ *юридическую невозможность* обвиненія въ государственной измѣнѣ. Что касается

до защитниковъ, то мы вѣдь никогда и не утверждали, чтобы между Поляковъ нельзя было найти ни одного честнаго и разумнаго человѣка; мы говоримъ о лицахъ, иже во власти суть, и о тѣхъ что руководятъ печатью и общественнымъ мнѣніемъ, о томъ большинствѣ, которымъ характеризуется вся исторія Польши и которое погубило ея политическое бытіе. Они-то и преподаютъ намъ теперь образецъ той системы управленія, какой могло бы ожидать себя отъ нихъ Русское населеніе и въ *нашихъ* западныхъ областяхъ, если бы мечтательныя притязанія Поляковъ на польскую въ нихъ автономію когда-либо осуществились. Мы знаемъ, мы видимъ теперь—чѣмъ можетъ быть польская автономія въ краѣ, гдѣ русскому населенію приходится занимать нижнія ступени общественной іерархіи,—гдѣ крестьянство русское, а паны Поляки! Они вѣдь не измѣнились; они неисправимы, и какъ Бурбоны—ничего не забыли, ничему не выучились. Они и въ XIX вѣкѣ готовы поставить диссидентовъ внѣ закона; они не успокоились бы до тѣхъ поръ, пока мечомъ, лестью и обманомъ не облатинили бы до фанатизма все, что православно или еще хранить преданіе о православной вѣрѣ, пока не исказили бы всю духовную сущность русской народности. Напрасно стали бы намъ говорить, что иное дѣло Поляки на Вислѣ или на Вилии, вообще въ предѣлахъ Россійской имперіи, иное дѣло Поляки въ Галиціи. Мы не встрѣчали въ печати и не слышали отреченія *русскихъ* Поляковъ отъ солидарности съ Поляками *австрійскими*. Настоящее положеніе дѣлъ представляетъ для «польской sprawy» (а она несомнѣнно существуетъ) немалыя выгоды: одной рукой писать въ познанскихъ, краковскихъ и львовскихъ газетахъ статьи, исполненныя ненависти, злобы, всяческихъ клеветъ на Россію, чернить, позорить, компрометтировать русское имя, вредить Россіи всѣми возможными способами; другою—писать статьи въ петербургскомъ «Краѣ», повидимому самаго умѣреннаго направленія, составлять для генералъ-губернатора записки о реформахъ яко бы самыхъ благоразумныхъ, о требованіяхъ самыхъ по видимому законныхъ. Исподъ картъ, какъ выражаются Французы, подспудная мысль Поляковъ, ихъ завѣтныя думы, ихъ серьезные мечты, и все недосказываемое въ Варшавѣ досказывается *за кордономъ* въ

свободной польской печатной рѣчи. Повторяемъ: политическій методъ Поляковъ, ихъ административный приѣмъ, мѣру ихъ политической зрѣлости, политической нравственности и уваженія къ принципу свободы, равно и вѣротерпимости— можемъ мы изучить на Галиціи, съ тѣхъ поръ, какъ въ ней пануютъ Поляки. Мыслимо ли такъ-называемое «примиреніе» или «сближеніе» Русскихъ и Поляковъ въ предѣлахъ Русской имперіи въ виду Львовскаго процесса,—въ виду отношеній Поляковъ къ Русскимъ въ Галиціи? За Львовъ и Краковъ пусть отвѣчаетъ Варшава: оба города — ея оборотная сторона. Если же мы ошибаемся, такъ пусть Поляки выведутъ насъ изъ заблужденія, пусть хоть осудятъ гласно и явно образъ дѣйствій своихъ собратій во Львовѣ и весь этотъ, какъ кто-то удачно выразился, Каиафинъ судъ. Но мы знаемъ, напротивъ, что одна изъ варшавскихъ газетъ помѣстила у себя безъ оговорки корреспонденцію изъ Львова, требовавшую смертной казни для подсудимыхъ, и никого въ польской печати это не возмутило. Если Поляки въ Россіи, по роковому, печальному ослѣпленію, продолжаютъ упорствовать въ подобномъ образѣ мыслей и питать сочувствіе къ польскому образу дѣйствій въ Галиціи, то и намъ волей-неволей остается только упорствовать въ недовѣрїи къ нимъ (оправданномъ обманами 1830 и 1863 годовъ) и въ настоящей системѣ дѣйствій. Пусть пеняютъ Поляки на себя сами!

Въ Петербургѣ появилась газета на польскомъ языкѣ «Край». Она издается подъ цензурой, а потому, безъ сомнѣнія, стѣснена въ изложеніи своихъ мнѣній. Тѣмъ не менѣе сужденіе о Галицкомъ процессѣ можетъ послужить для насъ удобною повѣркою ея политической точки зрѣнія. Мы желали бы также знать точные предѣлы того *края*, котораго интересамъ посвятила себя новая польская газета. Никакими ловкими рѣчами и хорошими словами не заворожить «Краю» русскаго слуха, если въ томъ или другомъ видѣ сходить онъ съ чисто этнографической основы и простираетъ сферу польской національности (хотя бы и подъ маской «федерализма») на югозападную и сѣверозападную наши окраины, и на русскую Галицію. Впрочемъ, что бы ни писалъ «Край» въ Петербургѣ, для насъ важнѣе всего что пишутъ Поляки въ Познани, что пишутъ и творятъ они въ Галиціи.

Но отъ Поляковъ ли однихъ терпять русское дѣло? Поляки, безспорно, могутъ найти оправданіе для своихъ несбыточныхъ фантазій въ недавнихъ еще историческихъ воспоминаніяхъ: ихъ вина въ томъ, что они не умѣютъ разстаться съ ними и не признаютъ новыхъ путей исторіи. Но что сказать о тѣхъ добровольныхъ, сознательныхъ и бессознательныхъ измѣнникахъ русскому дѣлу въ самой русской средѣ, которые продолжаютъ, конечно большею частью по крайнему скудоумію, служить дѣлу польской sprawy и усугублять страданія Русскаго народа въ Галиціи?... Впрочемъ, объ украинифилахъ послѣ.

27 іюля присутствовали мы на открытіи «выставки произведеній Болгарскаго княжества» въ помѣщеніи Строгановскаго художественнаго технического училища. Собственно говоря, «открытія» никакого не происходило... Оффиціальнй міръ блисталъ своимъ отсутствіемъ! . Впрочемъ, выставка и по содержанію своему очень скромна, не полна, произведенія выбраны и высланы безъ особенной системы, и тѣмъ болѣе чести директору Строгановскаго училища, г. Ленину, который сьумѣлъ этотъ, относительно скудный матеріалъ расположить очень искусно и изящно. Выставленные предметы принадлежать всѣ (кромѣ земледѣльческихъ) къ такъ-называемой кустарной промышленности, и не они собственно заслуживали болѣе торжественнаго открытія. Не въ томъ и дѣло, что въ Болгаріи женщины ткуть шелковыя и шерстяныя полотна, — это всѣмъ извѣстно, это было и прежде, — а въ томъ, что Болгарія была прежде только этнографическимъ даже не географическимъ (въ строгомъ смыслѣ) терминомъ, а теперь стала опредѣленнымъ терминомъ политическимъ, — что эта выставка — первое заявленіе Болгаріи о себѣ, о своей экономической жизни какъ *государства*, которому и всего-то идетъ лишь четвертый годъ. Вотъ что заслуживаетъ участія, сочувствія, привѣта, покровительства и поддержки, — не говоря уже о томъ, что всякій внѣшній атрибутъ политическаго бытія Болгаріи, радуя Болгарь, радуется и насъ самою законною радостью; всякою почестью, оказываемою Болгаріи, какъ государству, чувствуется сама Россія. Впрочемъ, и изъ произведеній нѣкоторыя замѣчательно хороши, именно шел-

ковья руководѣльныя ткани, выдѣланныя кожи (сафьянъ), наливки, настоенныя изъ ягодъ на мѣстномъ виноградномъ винѣ, издѣлія филиграновыя, и пр. Очень жаль, что не прислано розоваго масла, которымъ Болгарія торгуетъ на большія суммы.

Мы слышали, что Болгарскій князь желалъ пріютить болгарскіе товары на Художественно-промышленной выставкѣ, но ему было отказано, на строго-формальномъ основаніи: «наша выставка лишь для произведеній Россійской имперіи». Это совершенно напрасно и обличаетъ замѣчательную узкость взгляда. Слѣдовало, напротивъ, гостепрѣимно, хоть-гдѣ-нибудь около Финляндскаго отдѣла, открыть особый отдѣлъ для произведеній Балканскихъ Славянскихъ племенъ,—это требовалось и родственнымъ нашимъ чувствомъ, и политическою нашею съ ними, въ извѣстной степени, солидарностью. Эти произведенія едва ли были бы здѣсь не болѣе у мѣста, чѣмъ продукты прусскихъ фабрикантовъ изъ силезской шерсти, руками прусскихъ работниковъ и прусскими машинами производящихъ сукна въ городѣ Лодзи и его округѣ (въ Царствѣ Польскомъ), куда они перевели изъ-за границы свои фабрики ради безошлиннаго сбыта въ Россію. Мы не думаемъ также, чтобъ было особенно справедливо отказывать въ помѣщеніи на выставкѣ китайской коллекціи нашего извѣстнаго путешественника Пясецкаго — составленной *русскими трудомъ*, въ интересахъ *русскихъ* торговыхъ сношеній съ Китаемъ,—и въ то же время отводить мѣсто женевскимъ часамъ, только заказываемымъ изъ Москвы московскими часовщиками...

Есть надежда, что съ Болгаріей, такъ щедро надѣленной природными богатствами, но не имѣющей ни фабрикъ, ни заводовъ, завяжутся у насъ, благодаря инициативѣ Московскаго купечества, правильныя торговыя сношенія. Во главѣ этого предпріятія стоитъ, между прочими, нашъ извѣстный фабрикантъ Т. С. Морозовъ. Это почтенное имя служить порукой, что предпріятіе поведется серьезно и дѣльно, и увѣнчается успѣхомъ, если... Если въ Петербургѣ окажутъ искреннее содѣйствіе, если наши дипломаты и бюрократы не станутъ задаваться вопросомъ: не нанесутъ ли русскія торговыя на Балканскомъ полуостровѣ выгоды какого-либо

ущерба интересамъ австрійскимъ и англійскимъ, и не послужить ли просимое «содѣйствіе» какъ-нибудь къ нарушенію «европейскаго концерта»,—который, какъ извѣстно, у нашихъ дипломатовъ и бюрократовъ, а равно у нашихъ «космополитовъ - либераловъ» à la «Русскій Курьеръ» (все это одного поля ягода!) — своего рода «влеченье — родъ недуга»...

Москва, 14-го августа.

«Затѣмъ все твердить и твердить Россіи о чести, о долгѣ, о какомъ-то великомъ историческомъ ея призваніи, какъ православно-славянской державы? Къ чему этими постоянными напоминаніями о Славянствѣ, о Босфорѣ, о Востокѣ раздражать самолюбіе, пугать нашихъ могучихъ и притомъ высоко-культурныхъ сосѣдей? Развѣ это патріотично? развѣ это не значить играть съ огнемъ, вызывать на политическую арену Восточный вопросъ, накликать войну? И къ лицу ли намъ это теперь, когда Россіи впору лишь ѣжитья и малиться, и не о Славянахъ и Босфорѣ думать, а о мирномъ прогрессѣ?» Такъ премудро повидимому разсуждаютъ наши дипломаты, а также многіе наши государственные мужи особаго разряда, которые почитаютъ такую мудрость (по правдѣ сказать весьма дешевую и банальную) даже обязательно при извѣстномъ чинѣ, званіи и общественномъ положеніи,— и наконецъ многіе органы нашей печати, которые, по истинѣ, никакъ не могутъ назваться «охранителями» русской государственной чести и національной «самобытности», а ужъ подлинно «либеральны» во всемъ что касается достоинства, независимости, единства Русскаго народа и государства!... Всѣ эти мудрецы, начиная съ дипломатовъ, напоминаютъ отчасти страуса, который, какъ извѣстно, слышавъ опасность, закрываетъ глаза, прячетъ голову подъ крыло и, не видя самъ врага, воображаетъ, что никто и его не видитъ. Увы! какъ бы мы ни жмурились, какъ бы ни упрятывали голову, чтобъ насъ не примѣтили, какъ бы ни отрицались Босфора, Славянъ и историческаго призванія Русскаго государства,—все тщетно! не скрыть намъ отъ чужихъ завидующихъ глазъ своего громаднаго туловища, своего, торчащаго

въ упоръ всякому зрячему, историческаго значенія въ мірѣ, своего родства съ Славянами, своего государственнаго тяготѣнія!.. Мы не споримъ, было бы въ высшей степени для Россіи выгодно, а потому и желательно — задержать ходъ исторіи, заморозить Восточный вопросъ, околдовать міръ чарами мира до тѣхъ поръ, пока Россія справится со всѣми затрудненіями, подниметь валюту кредитнаго рубля а la pari съ серебрянымъ, выстроить флотъ, проведетъ десятки тысячъ верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, и т. д. Но, къ нашему несчастію, исторія останавливаться не хочетъ. Въ то самое время какъ мы, въ сладкой надеждѣ, самоотверженно блюли «европейскій миръ»,—словно на смѣхъ нашимъ усиліямъ—поднялась на историческомъ небосклонѣ, съ той стороны откуда всего менѣе можно было ее ожидать, черная туча, чреватая молніями и грозами способными всколебать не только Европу, но и вселенную; въ то время, какъ мы всячески отчурались Восточнаго вопроса, вотъ онъ, грозный, всталъ предъ нами во весь ростъ, самъ, безъ нашего вызова и дозволенія. Такъ что же? Допустить ли, чтобы его разрѣшили другіе, помимо насъ, въ прямой вредъ не только нашей чести (это ужъ куда бы ни шло, — «мудрость», говорятъ, за этимъ и гнаться не велить), но и нашимъ вещественнымъ интересамъ?..

Конечно, до этого еще не близко, но Египетскій вопросъ — тотъ же вопросъ Восточный, лишь въ новой чредѣ своего развитія, захватывающей уже не Балканскій полуостровъ только, но и Азію, и Африку, весь мусульманскій міръ. Правда, медленно складываются событія, и не много перемятъ произошло съ тѣхъ поръ, какъ мы бесѣдовали объ Египтѣ съ читателями, но эта медленность скорѣе зловѣща, чѣмъ утѣшительна. Египетская «тьма» еще остается тьмою, только отступившею въ глубь театра событій и выдѣлившею для зрѣлища лишь переднюю сцену. Дѣйствующихъ только трое: Англія, Турція и Араби-паша; конечно имѣется и скрытый суфлеръ или машинистъ,—затѣмъ оркестръ европейскихъ державъ, который, разыгравъ прегармоническую увертюру, теперь однако прекратилъ на время свою музыку, и музыканты или державы обратились пока въ «лица безъ рѣчей»... По послѣднимъ извѣстіямъ, конференція представителей евро-

пейскихъ державъ въ Константинополѣ, первоначально организовавшаяся, по поводу египетскихъ дѣлъ, вопреки волѣ султана и безъ участія Порты, теперь, когда она не только признана султаномъ, но даже заставила султана исполнить ея требованіе, — эта конференція пришла къ заключенію, что въ виду начавшихся вренныхъ дѣйствій ей незачѣмъ собираться, и разошлась, т. е. отсрочила свои засѣданія — опять-таки вопреки настояніямъ турецкаго правительства, оставивъ султана въ самую критическую для него минуту одного, лицомъ къ лицу съ Англіей! Читатели знаютъ, что долго отказывавшись «исполнить для Европы роль жандарма относительно своихъ мусульманскихъ поданныхъ», султанъ, — убѣдившись, что Англія не шутитъ и рѣшилась учинить въ Египтѣ расправу сама, въ свою пользу, а на противодѣйствіе Европы рассчитывать ему нечего, — согласился наконецъ принять первоначальное, настойчивое предложеніе Европы и отправить свои войска въ Египетъ «для восстановления въ немъ порядка». Такое рѣшеніе казалось сначала мастерскимъ маневромъ, ставившимъ Англію въ положеніе крайне затруднительное и щекотливое; нельзя же было повидимому для Англіи, исповѣдая громогласно на каждомъ шагѣ, предъ Египтянами, верховныя права султана, а затѣмъ и права хедива, дѣйствуя хотя и самовольно, но во имя ихъ обоихъ, вдругъ отвергнуть самостоятельное вмѣшательство верховнаго владыки! Съ другой стороны, было ясно какъ день, что допустить самостоятельное, реальное проявленіе мусульманскаго верховенства въ Египтѣ (уже по самому своему существу враждебнаго европейскому преобладанію и склоннаго сочувствовать мусульманскому противъ Европейцевъ мятежу) значило для Англіи рисковать потерей всѣхъ ея жертвъ и усилій, потраченныхъ ради личныхъ корыстныхъ плановъ. Но Англія нашлась: ея энергическая, зоркая политика не дала себя обойти. Она прямо поставила султану въ упоръ условіе: прежде отправки турецкихъ войскъ въ Египетъ издать отъ имени султана прокламацію, объявляющую Араби-пашу бунтовщикомъ и подписать съ Англіей военную конвенцію, въ силу которой султанскія войска становятся *de facto* въ подчиненное отношеніе къ англійскому главнокомандующему: въ противномъ случаѣ всякая попытка султана высадить

войска въ Египеть встрѣтитъ отпоръ англійскихъ броненосцевъ. Но подписать подобную прокламацію и подобную военную конвенцію равносильно для султана подписанію себя смертнаго приговора: калифъ, глава правовѣрныхъ, по повелѣнію гауровъ собственными руками, огнемъ и желѣзомъ, поработающій своихъ собственныхъ подданныхъ, послѣдователей пророка, гаурамъ, — такой калифъ могъ бы какъ разъ перестать быть калифомъ! Да и мыслимо ли принудить къ подобной предательской роли мусульманскія войска, особенно въ виду такого энергическаго фанатика Ислама, каковъ Араби-паша? Послѣдній, не мѣшкаая, уже возвѣстиямъ Египтянамъ, что султанъ намѣревается прислать турецкихъ солдатъ на помощь ему и защищаемому имъ, Араби-пашой, дѣлу, столько же національному египетскому, сколько и общемагометанскому... Въ то же время, если газеты не лгутъ, онъ же пустилъ въ ходъ молву, что въ случаѣ уступки султана требованіямъ Англичанъ—калифомъ, вмѣсто измѣнника пророку, султана, будетъ провозглашенъ шерифъ священнаго города Мекки.

Необходимо вспомнить, что подвластные Турецкой имперіи Арабы находятся и безъ того въ состояніи хроническаго мятежничества относительно своихъ верховныхъ повелителей—Турокъ. Арабское племя вообще почитаетъ себя выше турецкаго и съ трудомъ мирится съ своею политическою отъ него зависимою, — такъ что возстанія то той, то другой отрасли Арабскаго племени противъ своихъ турецкихъ начальствъ въ Сиріи или Аравіи происходятъ непрерывно. Предъ началомъ нашей послѣдней войны съ Турками, намъ привелось видѣть проектъ возмущенія всѣхъ арабскихъ племенъ противъ Турціи, составленный и представленный однимъ русскимъ генераломъ, изучившимъ эту задачу на мѣстѣ и нѣкоторое время предъ тѣмъ занимавшимся, съ согласія русскаго правительства, организаціею египетской арміи. Россія имѣла возможность въ самомъ началѣ войны расколоть Оттоманскую имперію на двое и во всякомъ случаѣ произвести полезную для себя диверсію какъ турецкихъ военныхъ силъ, такъ и европейскихъ дипломатическихъ, направленныхъ противъ насъ заботъ. Разумѣется, мы пренебрегли этимъ соображеніемъ. Такой планъ былъ слишкомъ смѣлъ,

слишкомъ не рутиненъ для нашихъ политиковъ и дипломатовъ, начинавшихъ войну нехота, предпочитавшихъ витать въ безвѣдѣніи собственныхъ конечныхъ цѣлей и умысловъ. Организационными трудами генерала Фадѣева въ Египтѣ мы впрочемъ все-таки воспользовались въ томъ смыслѣ, что имѣли противъ себя въ Турціи очень хорошо обученный отрядъ египетскихъ войскъ. Но это мимоходомъ. Возвратимся къ султану и къ его трагическому положенію.

Уступая заявленію Англій и все еще надѣясь, можетъ-быть, какъ-нибудь ее провести, турецкіе министры составили требуемую прокламацію относительно Араби-паши и даже соглашались въ принципѣ на условія конвенціи съ нѣкоторою оговоркою въ частностяхъ: нужна была только подпись султана... Ея нѣтъ и до сихъ поръ. Султанъ медлитъ, — медлитъ заколотъ себя самъ въ угоду Англій. Англія настаиваетъ. Она сообразила, что ей даже выгоденъ былъ бы теперь, въ той или другой формѣ, внѣшній видъ содѣйствія Турціи. Какъ мусульманской державѣ (по ея Индійскимъ владѣніямъ), Англій даже необходимо показать, что она дѣйствуетъ въ Египтѣ въ согласіи съ султаномъ. Другими словами, ей нужна турецкая же санкція англійскихъ покушеній на неприкосновенность Турецкой имперіи!... Съ этою цѣлью Англія идетъ теперь даже на нѣкоторыя уступки въ формальныхъ условіяхъ конвенціи, — надѣясь вознаграждать себя за нихъ, на мѣстѣ, фактическимъ полномостіемъ... Султанъ озирается кругомъ, выжидаетъ, не найдется ли какой выходъ изъ дилеммы, предъ нимъ поставленной, такъ какъ совсѣмъ отказаться теперь отъ вмѣшательства, это значило бы свидѣтельствовать предъ всѣмъ магометанскимъ міромъ о своей немощи и заранѣе отречься отъ Египта, даже и безъ войны (съ неудачами которой мусульманскому фатализму всеже легче мириться)... Въ эту-то самую критическую минуту и оставили султана европейскіе друзья и радѣтели, и исчезъ призракъ охраняющаго неприкосновенность Турціи «европейскаго концерта»; другими словами — конференція разошлась...

А англійскія войска все прибываютъ, да прибываютъ въ Египетъ, и Англія, заручившись благословеніемъ «соединенной Европы», приступила къ рѣшительнымъ военнымъ дѣй-

ствіямъ... Если возобновить въ памяти весь постепенный ходъ этого «египетскаго дѣла», то политика Англіи можетъ представиться рядомъ искусныхъ комбинацій, составляющихъ какъ бы звенья одной макиавелистически выкованной интриги. Въ сущности оно не вполне такъ происходило, да едва ли и мыслимо, чтобы какой-либо планъ политическихъ дѣйствій могъ быть обдуманъ, составленъ заранее во всѣхъ подробностяхъ и потомъ послѣдовательно, систематически приводимъ въ исполненіе. Но не въ этомъ достоинство, а въ умѣньи пользоваться представляющимися обстоятельствами; въ томъ, чтобы въ лабиринтѣ политическихъ путей всегда находить вѣрную дорогу при помощи компаса, неуклонно направленнаго въ одну сторону — выгодъ и пользы своего отечества... Какъ бы то ни было, но еще въ началѣ нынѣшняго года мы читали письмо константинопольскаго корреспондента газеты «Times», адресованное къ одному изъ московскихъ его друзей, въ которомъ онъ горько жаловался на полнѣйшій упадокъ англійскаго вліянія въ Турціи и на преобладающую нравственную силу Германіи. Теперь же, — пишутъ намъ изъ Константинополя, — «энергія, проявленная Англіей въ Египетскомъ вопросѣ, произвела подавляющее впечатлѣніе на весь мусульманскій Востокъ и надолго закрѣпила за этой державой обаяніе непобѣдимой силы». Конечно, тутъ помогла Англіи не одна ея энергія, но и пассивный образъ дѣйствій европейскихъ державъ, — на раздоръ которыхъ между собою изъ-за достоянія «больнаго челоуѣка» мусульманскій Востокъ всегда и рассчитывалъ. И именно въ этомъ и выразилось искусство англійской политики, что она обезпечила себѣ такое пассивное отношеніе Европы!... Когда ту же энергическую политику рекомендовалъ Англіи Гамбетта, англійское правительство уклонилось; какія бы тому причины ни были, но теперь, *post factum*, выходитъ такъ, что оно какъ бы предпочло дѣйствовать на свой страхъ и за свой счетъ, а не тратить энергію *изъ-полу* (какъ выражаются наши крестьяне), да еще въ пользу Французовъ, съ которыми было бы недалеко и до ссоры. Затѣвавъ же энергическую политику про себя, Англичане замыслили вмѣстѣ съ тѣмъ обставить ее «европейскимъ согласіемъ». За благовиднымъ «мотивомъ» дѣло не стало:

«Англія вѣдь только имѣеть въ виду возстановить въ Египтѣ порядокъ, утвердить законную власть хедива, избавить его и страну отъ военной тиранніи мятежника Араби, прикрывающаго личные корыстные виды какимъ-то фальшивымъ знаменемъ національности. Возстановленіе этого порядка вѣдь интересъ всеобщій, европейскій (вся Европа вѣдь эксплуатируетъ Египеть!), — ну да и Суэзскій каналъ съ его международнымъ значеніемъ!...» Никого конечно изъ западныхъ кабинетовъ эти слова не обманули, но мотивъ признанъ былъ благовиднымъ: десогим соблюденъ! Вотъ и составила въ Константинополь знаменитая конференція изъ представителей великихъ державъ съ участіемъ англійскаго, которая, конечно, тотчасъ же вѣнчала эти хорошія рѣчи Англій согласнымъ аккордомъ. Учиненъ былъ даже протоколъ о *безкорыстїи*, всѣми подписанный, при чемъ однако Англія вмѣстѣ съ Франціей выговорили себѣ свободу дѣйствій въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, клонящихся къ ущербу ихъ подданныхъ или интересовъ. Оговорка была допущена безъ затрудненія, несмотря на видимую растяжимость ея смысла. Франція ею не воспользовалась, а что разумѣла подъ нею Англія—это не замедлило обнаружиться. Приложеніемъ къ протоколу явилось бомбардированіе Александріи—безъ всякаго законнаго повода, безъ объявленія войны, ничѣмъ собственно не вынужденное, вопреки всѣмъ началамъ справедливости и международного права.

Это было рѣшительнымъ испытаніемъ прочности европейскаго концерта. Большаго нахальнаго оскорбленія идеи концерта и достоинства Европы—всей вкупѣ и каждой державы въ отдѣльности—казалось бы, не возможно и нанести. Но ударъ былъ рассчитанъ вѣрно, Гладстонъ зналъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло,—почувствовала было оскорбленіе одна Россія, но сейчасъ же и смирилась (о чемъ мы поговоримъ ниже),—и товарищъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ Дилькъ вскорѣ имѣлъ основаніе заявить въ парламентѣ, что Англія находится въ наилучшихъ отношеніяхъ ко всѣмъ государствамъ Европы! И въ самомъ дѣлѣ, нужна была только извѣстная, конечно очень крупная, 'доля дерзости; серьезнаго же риска для Англій не было: Франціи, при министерствѣ

Фрейсине, опасаться было нечего; Италия и Австрія не стали бы вѣдь воевать съ могучею морскою силою Англии въ утѣху мусульманскому міру.. Князь Бисмаркъ,—но германскіе интересы въ Египетскомъ вопросѣ всего менѣе замѣшаны, да и не объявляютъ же Англии изъ-за Александрійскаго разгрома войну! Но разъ бомбандировка сошла для Англии благополучно, обаяніе ея на Востокѣ мигомъ выросло выше германскаго, и за Англіей утвердилась первенствующая роль. Европейскій концертъ обратился въ роль приспѣшника Великобританіи. Вздумала Италия предложить коллективную морскую охрану Суэзскаго канала безъ высадки на берега войскъ,—предложеніе принято съ сочувствіемъ всѣми державами, въ томъ числѣ и Англіей, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разъ наперекоръ предложенію, заняла своими войсками Суэзъ. И Европа не моргнула ни однимъ глазомъ. Чтò бы повидимому ни сотворила Англія, она все-таки пребываетъ въ концертѣ и концертъ пребываетъ съ нею. Въ послѣдніе дни Англія ввела свои военные корабли въ самый каналъ, пріостановила проходъ по каналу коммерческихъ судовъ всѣхъ націй и сдѣлала его своею военною операціоною линією: причемъ же, спрашивается, тутъ итальянскій проектъ, санкціонированный конференціей?!

А между тѣмъ будущіе виды Англии на Египетъ, какъ ни прикрыты фразеологіей о безкорыстїи и объ уваженїи къ законнымъ правамъ хедива и Египетскаго народа, представляются довольно прозрачными. Гладстонъ возвѣстилъ, что окончательная судьба Египта будетъ предоставлена Англіей Европѣ, но оговорился однако при этомъ, что Англія ни въ какомъ случаѣ не удовольствуется *status quo ante*, т. е. тѣмъ положеніемъ, довольно значительнымъ, которое она вмѣстѣ съ Франціей занимала въ Египтѣ до начала событїй. Можно заранѣе предвидѣть, что участіе Европы въ рѣшенїи судьбы Египта будетъ также весьма ограниченное: не для того же тратитъ Англія теперь кровь и достояніе своихъ подданныхъ, чтобъ потомъ отдать плоды своей побѣды державамъ не истратившимъ на Египетъ ни капли крови, ни пенса! Повторить надъ Англіей Берлинскій трактатъ не удастся: не такого она духа. Берлинскіе трактаты возможны лишь тогда, когда на нихъ *соглашаются*, да еще безъ про-

теста!... Очевидно, новое устройство Египта должно быть таково, которое бы не допускало повторенія опасныхъ для Англіи проявленій національнаго самобытнаго духа. По всей вѣроятности Англія обратитъ Александрію, Портъ-Саидъ и Суэзь въ англійскіе города, поставитъ Суэзскій каналъ въ положеніе Гибралтарскаго пролива, а на остальной Египетъ съ хедивомъ распространитъ свой «благодѣтельный» протекторатъ.

Но какая же выгода для Европы, особенно для государствъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, въ томъ, чтобъ Средиземное море стало англійскимъ моремъ? А оно станетъ такимъ, разъ въ рукахъ Англіи Гибралтаръ, Мальта, Египетъ и Кипръ. Выгодъ нѣтъ и для насъ; даже когда бы мы владѣли Босфоромъ, намъ пришлось бы выходить изъ него въ англійское море, и англійскимъ каналомъ, подъ видомъ международнаго, сообщаться съ нашими Тихоокеанскими владѣніями. Выгоды безъ сомнѣнія нѣтъ, но и способовъ воспротивиться такому исходу ни у одной приморской державы также нѣтъ (Россію пока опустимъ). Испанія въ великихъ державахъ не числится; Италія хоть и числится, но не представляетъ *сама по себѣ* ровно никакой положительной силы; она это и чувствуетъ, и держится за тѣхъ, кто посильнѣе, — именно за Германію. Австрія не обладаетъ серьезнымъ боевымъ флотомъ, къ тому же и она состоитъ на пристажкѣ у Бисмарка. Одна Франція... Но Франція ни къ какой крупной войнѣ пока не способна, да и не ссориться же ей, и безъ того одинокой, съ своимъ единственно возможнымъ союзникомъ, на радость своимъ злѣйшимъ врагамъ? Однако неужели эти державы вмѣстѣ, вся эта «соединенная Европа» не въ состояніи преградить дорогу англійскимъ захватамъ? Безъ всякаго сомнѣнія — да; она могла бы создать Англіи затрудненія даже не обнажая меча, однимъ дипломатическимъ протестомъ, и лишить ее той европейской санкціи, которою Англія очевидно дорожитъ, нисколько не желая ссоры со всею Европой. Какія же причины настоящаго образа дѣйствій европейскихъ державъ? Первая причина та, что въ настоящую минуту, при безсиліи Франціи, ни у одной державы на континентѣ, кромѣ Германіи, нѣтъ самостоятельной политики, а потому и по вопросу объ англо-египетскомъ дѣлѣ верховнымъ рас-

порядителемъ европейской политики является, конечно, германскій канцлеръ. Лично для Германіи не связывается съ Египтомъ никакихъ интересовъ, но ей безъ сомнѣнія (и это стоитъ на первомъ планѣ ея соображеній) на руку все, что ссоритъ Англію въ Франціи и возбуждаетъ неудовольствіе къ Англіи въ другихъ державахъ. — что, однимъ словомъ, разстраиваетъ возможность какой-либо коалиціи враждебной Германіи, что отвлекаетъ отъ послѣдней вниманіе западныхъ державъ. Затѣмъ—второй планъ соображеній: еслибъ даже Египетскій вопросъ перешелъ, наконецъ, въ вопросъ о бытіи Турецкой имперіи,—то и это нисколько не можетъ пугать Германію. Тѣмъ лучше. При фактическомъ неудобствѣ помѣшать Англіи, не выгодиѣ ли,—можетъ-быть разсуждаетъ такъ германскій канцлеръ,—воспользоваться плодами тѣхъ ударовъ, которые сама же Англія наноситъ Оттоманской имперіи, и, улучивъ моментъ сокрушенія или хоть ослабленія этой имперіи, произведеннаго чужими руками, чужою кровью и на чужой счетъ, стать распорядителемъ дѣлежа, предоставляя Англіи обладаніе Египтомъ? На лакомый пирогъ кинутся охотники со всѣхъ сторонъ, и Германія, лично не заинтересованная въ турецкомъ наслѣдствѣ, можетъ тогда разыграть роль «честнаго маклера» и надѣлать подачками, а также политической заботой и работой по горло — всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ ей союзниковъ, обеспечивъ себѣ на долго совершенную безопасность со стороны западной своей границы. А если обстоятельства поблагоприятствуютъ и можно будетъ водворить Австрію на берегахъ Босфора (который и Англія скорѣе предпочтетъ видѣть въ рукахъ австрійскихъ, чѣмъ *русскихъ*), то исполнится и завѣтная мечта объ усиленіи Германской имперіи австрійскими нѣмецкими областями... Не эта ли перспектива близкой возможности дѣлежа и участія въ немъ—и внушаетъ западнымъ державамъ ихъ пассивный, относительно Англіи, образъ дѣйствій, обращаетъ «европейскій концертъ» разыгрываемый теперь въ Константинополь, если не въ прямой заговоръ, то въ предварительную стачку?... Миръ мусульманскій уже волнуется, безпорядки возникли было въ Бейрутѣ и уже подали Франціи поводъ отправить къ берегамъ Сиріи броненосца... Возможно, что разбитый, поверженный въ отчаяніе Араби-

паша доведетъ до взрыва фанатизмъ Арабскаго племени вездѣ, гдѣ оно обитаетъ. Всѣмъ будетъ тогда хлопотъ не мало (кромѣ Германіи), всѣмъ будетъ тогда и пожива «во имя культуры и цивилизаціи» (кромѣ православныхъ Славянъ и Россіи)!

Какую же роль исполняетъ теперь Россія на сценѣ событий? Она по прежнему мнитъ пребывать въ «концертѣ», но она не въ заговорѣ и не въ стачкѣ. Мы не посвящены въ тайны русской дипломатіи; мы можемъ судить лишь на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ иностранными газетами, а отчасти и словоплетеніями оффиціознаго органа нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, «*Journal de St.-Petersbourg*». Для насъ несомнѣнно одно, что наша дипломатія не уразумѣла значенія Египетскаго вопроса въ самомъ его началѣ; едва ли разумѣетъ и теперь, и во всякомъ случаѣ не сумѣла создать для Россіи подобающаго ей самостоятельнаго положенія въ настоящемъ кризисѣ. У нашихъ дипломатовъ только и есть одна задача, — одна цѣль — подлаживаться подъ европейскій концертъ, что они и исполняютъ съ успѣхомъ, несмотря на эпизодъ 19 іюля, который, противорѣча общему направленію русской дипломатіи, такъ и остался эпизодомъ. Она все еще не хотятъ понять, что такъ-называемый «европейскій вопросъ» вообще никогда не былъ ничѣмъ инымъ какъ заговоромъ направленнымъ противъ интересовъ Россіи, и что всѣ участники концерта, кромѣ Россіи, какъ римскіе авгуры, перемигиваются насмѣшливо между собою. Изъ разсказовъ русскихъ путешественниковъ проѣзжавшихъ чрезъ Константинополь и изъ полученныхъ «Русью» оттуда частныхъ писемъ мы знаемъ, что когда стали назрѣвать событія въ Египтѣ и уже предвидѣлся взрывъ, главнымъ предметомъ заботливости нашего министерства было одно: чтобъ представитель его въ Каирѣ, г. Лексъ, не обмолвился, Боже сохрани, какимъ-либо мнѣніемъ (вѣроятно потому что и само министерство еще не успѣло составить себѣ никакого мнѣнія). И г. Лексъ, вѣрный инструкціи, ступежался совершенно, такъ что значеніе русскаго агента скоро было поставлено на одну ступень съ представителями третьестепенныхъ державъ... Затѣмъ, когда Англія искала лишь предлога къ «активной политикѣ», другими словами, къ захвату, и европей-

ская пресса, по данному ей сигналу, начала трубить о несуществовавших ужасах небывалой египетской анархии (какіе *потомъ* произошли ужасы, тѣ были вызваны демонстраціями самой Европы),—тогда въ числѣ этихъ трубачей почетное мѣсто занялъ и нашъ «Journal de St.-Petersbourg» и поработалъ по мѣрѣ силъ западнымъ интересамъ въ Египтѣ. Когда же, еще прежде чѣмъ состоялась конференція, несчастный султанъ, вида, что и Германія отъ него отдалается, обратился поочередно за совѣтомъ ко всѣмъ представителямъ державъ, въ томъ числѣ и къ русскому, г. Ону (который теперь, съ прїѣздомъ г. Нелидова, слава Богу, уже не представитель),—то не добился отъ него ничего, кромѣ банальностей, убѣдившихъ Турокъ, что искать какого-нибудь указанія съ этой стороны—нечего.

А между тѣмъ—такъ по крайней мѣрѣ намъ кажется—этотъ моментъ былъ для русской политики самый удобный. Конференція въ Константинополѣ затѣялась противъ воли султана. Его протестъ дѣлалъ присутствіе сего сонмища въ его столицѣ вполне незаконнымъ, и Россіи предстояла благовидная возможность не вступать въ конференцію, не принимать въ ней участія. Она могла бы сослаться на примѣръ памятныхъ ей конференцій 1876 и 77 годовъ. Безъ участія Россіи и Турціи конференція становилась невысказанною, и такое воздержаніе Россіи создало бы для нея тотчасъ же выгодное положеніе; оно лишило бы Англію опоры и санкціи «европейскаго концерта» и поставило бы ее въ условія весьма затруднительныя. По всей вѣроятности, русскій протестъ противъ конференціи могъ бы сгруппировать около Россіи и Францію, и Италію, и Грецію, придать смѣлости и самому султану (теперь одинокому),—а энергическій протестъ главы мусульманъ, поддержанный Россіей, конечно былъ бы для Англіи нежелателенъ въ виду ея мусульманскихъ Индійскихъ владѣній. Все это, безъ сомнѣнія, заставило бы или отсрочить развязку Восточнаго вопроса (что было бы намъ на руку), или вѣроятнѣе всего взойти въ предварительное соглашеніе съ Россіей; она могла бы выговорить себѣ заранѣе признаніе русскихъ правъ и требованій. Какое значеніе силы представляетъ Россія и до сихъ поръ, при каждомъ самостоятельномъ своемъ дѣйствіи,

доказывается эпизодомъ 19 іюля, когда, послѣ бомбардированія Александріи, подъ впечатлѣніемъ этой наглой насмѣшки надъ «европейскимъ согласіемъ», пришло изъ Петербурга внезапное повелѣніе русскому представителю: выдти изъ конференціи. Какъ громъ пало на Европу это рѣшеніе, единственно достойное нашей великой державы и сообразное съ ея интересами. Оно до такой степени противорѣчило всему характеру предшествовавшихъ рѣчей и поступковъ нашего представителя на конференціи (впрочемъ, вполнѣ согласныхъ съ внушеніями его начальства), что—какъ намъ сообщаютъ— г. Ону даже не рѣшился объяснить коллегамъ истиннаго мотива своего удаленія и сослался на «неполученіе инструкцій»! Слова его, конечно, были встрѣчены его товарищами съ двусмысленною улыбкой, такъ какъ они всѣ были уже увѣдомлены своими кабинетами, по телеграфу, о дѣйствительныхъ причинахъ выхода г. Ону. Этотъ шагъ русскаго правительства не на шутку встревожилъ Англію; не знаемъ, что произошло,—вѣрнѣе всего, что намъ самимъ стало неловко отъ нашего непривычно-смѣлаго шага,—только черезъ сутки или двое, къ вѣщему своему утѣшенію, г. Ону вновь занялъ свое мѣсто на конференціи, причемъ объяснилъ, что «въ виду заявленія Англіи объ ея намѣреніи дѣйствовать въ Египтѣ съ согласія европейскихъ державъ» (какъ будто она этого прежде не заявляла!), «Россія признаетъ возможнымъ принять снова участіе въ конференціи». На это (такъ намъ рассказывали) предсѣдатель ея, графъ Корти, будто бы не безъ извѣтельности замѣтилъ, что «все происходящее на конференціи является плодомъ европейскаго соглашенія, а потому едвали предстояла необходимость въ особомъ о томъ упоминаніи»....

Что же въ результатѣ? Въ результатѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, послѣдними событіями сильно поколеблена въ Турціи вѣра въ русское могущество, а эпизодами 19 и 20 іюля потрясена и вѣра въ устойчивость нашей программы. Въ результатѣ то, что Европейская въ Константинополѣ конференція освятила согласіемъ Европы (и Россіи) англійскіе захваты въ Египтѣ, а мы пребываемъ лояльно-вѣрны узамъ Берлинскаго трактата, и онѣ продолжаютъ тяготѣть на насъ всею своею пригнетающею силою. Въ виду же непреста-

ющихъ гимновъ европейскому концерту въ петербургскомъ офиціозномъ французскомъ журналѣ, можно предположить, что наши дипломаты окажутся, пожалуй, способны не нарушить согласія этого концерта и тогда, когда западноевропейскія державы станутъ межъ собою дѣлить, у насъ подъ глазами, наслѣдство Турціи, а Россіи будетъ предоставлена честь *безкорыстной* санкціи дѣлежа, конечно вмѣстѣ съ похвалою высоко-культурной Европы за соблюденіе нами европейской гармоніи,—а также и съ рекомендаціей заняться на досугѣ у себя дома «мирнымъ прогрессомъ» — съ утратою Босфора и не малой доли нравственнаго и политическаго достоинства!...

Москва, 21 августа.

Оставимъ глупымъ доказывать, что въ наши просвѣщенные дни религія въ «высококультурной» Европѣ уже перестала служить орудіемъ политическихъ цѣлей; что съ достопамятнымъ насажденіемъ въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія во всемъ «цивилизованномъ» мірѣ «царства разума», религія со степени вѣроисповѣднаго и нравственнаго закона цѣлой страны уже низведена теперь до значенія лишь «субъективнаго» или личнаго чувства,—для общественной совѣсти нисколько не обязательнаго, для государства совершенно безразличнаго, но всегда будто бы, при либеральномъ правовомъ порядкѣ, свободнаго во внѣшнихъ, публичныхъ своихъ проявленіяхъ. Факты, утверждающіе противное, налицо и способны убѣдить всѣхъ, кто не глухъ и не слѣпъ. Извѣстно, что не только юные, но и старые, хотя осужденные повидимому на вѣчную незрѣлость, птенцы нашего фальшиваго либерализма и еще болѣе фальшиваго прогресса хоромъ обвиняютъ нашу газету въ узкости, отсталости и мракобѣсіи за то, что чистоту и самобытность славянской народнои стихіи она отождествляетъ съ вѣрностью православному исповѣданію, а въ Славянахъ-католикахъ допускаетъ се лишь постольку, поскольку они плохо рабствуютъ Риму. А между тѣмъ, въ то самое время какъ все, что у насъ и у Балканскихъ Славянъ, съ дѣтскимъ чванствомъ само

себя величая кличкой «интеллигенціи» и вѣруя въ свой полу-образованный умишко, — всѣ эти «передовые» или «напредники», во имя «послѣднихъ словъ» западно-европейской науки, проповѣдуютъ на всѣхъ стогнахъ и перекресткахъ религіозный индифферентизмъ, нерѣдко и грубое безвѣріе, или же съ умиленіемъ мечтаютъ о примѣненіи къ русской или славянской народной школѣ новаго французскаго закона о народномъ образованіи, насильственно навязаннаго Французскому народу фарисеями либерализма, во осмѣяніе принципа свободы совѣсти, — въ это самое время наши друзья иностранцы, посмѣиваясь въ кулакъ надъ ребячески-заносчивымъ легкомысліемъ сихъ носителей идеи прогресса въ Россіи и за Дунаемъ, безъ церемоній орудуютъ да орудуютъ себѣ латинствомъ или даже протестантствомъ, какъ самымъ надежнымъ рычагомъ духовной и политической ассимиляціи не-славянскому Западу. Должно-быть и Поляки съ своей стороны признаютъ православіе однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ русской народности, если въ совращеніи Русскихъ въ католицизмъ видятъ наилучшее средство къ ополяченію. Такъ еще недавно, благословляя скудоуміе и слѣпоту нашихъ украинофиловъ и мнимыхъ «либераловъ», цѣлуясь и обнимаясь съ ними, обмѣниваясь слащавыми рѣчами о братолюбіи, о примиреніи, Поляки преподнесли имъ, въ залогъ сердечнаго сближенія съ Русью, Гнилицкое дѣло, а теперь твердо рѣшились не мытьемъ, такъ катаньемъ, не соблазномъ, такъ насиліемъ, повернуть русскихъ уніатовъ въ папизмъ, всѣхъ до одинаго! И наши ничего. Сначала поморщились, но такъ какъ ихъ либеральный катихизисъ велитъ прежде всего и нуще всего отрицать, ненавидѣть, оплѣвывать даже самое предположеніе о томъ, что у Русскаго народа можетъ быть какая-нибудь «національная духовная самобытность», то нельзя же имъ стать въ противорѣчіе съ собою и ломать копыя за свободу русскаго православія! Къ тому же съ точки зрѣнія украинофиловъ православіе скорѣе помѣха, такъ какъ лучше чтобъ у народа вообще никакой религіи не было! Вотъ почему, нахально обругавъ, въ угоду Полякамъ, всякое выраженіе сочувствія въ Галицкой Руси къ Россіи, снова либерально пригласили Поляковъ водить ихъ за носъ... Впрочемъ, не по поводу домашняго, стараго

спора Русскихъ съ Поляками повели мы эту рѣчь. Поляки все же свои, все же не совсѣмъ Западная Европа, которой высшая культура русскимъ и славянскимъ прогрессистамъ внушаетъ благоговѣнный страхъ, доходящій до низкопоклонства, до податливости самой низкой пробы. Забываютъ одно: всѣ эти либеральныя, гуманныя, правовыя и прочія хорошія начала на Западѣ существуютъ тамъ про своихъ, т. е. про одинъ лишь Западъ, но не про Россію и не про Славянство. По отношенію къ послѣднимъ эти начала тотчасъ же упраздняются, при чемъ Западъ даже и не лицемеритъ—приличія ради. Да и зачѣмъ? всѣ западно-европейскія державы—какъ скоро дѣло идетъ о насъ и о Славянахъ—солидарны между собою. Посмотрите, чтѣ творитъ въ настоящее время Австрія. Нисколько не стыдятся ни «нашего просвѣщеннаго вѣка», ни остальной культурной Европы, такъ какъ она съ ней, съ Австріей, за одно (рука руку моетъ!), еще менѣе чинятся съ Россіей и православнымъ Славянствомъ, такъ какъ глубоко презираетъ ихъ духовное безсиліе, и противодѣйствія ихъ не боится,—эта держава выработала колоссальный планъ: разорвать духовную связь православныхъ Славянъ съ Россіей и объединить ихъ духовно, а затѣмъ, въ томъ или другомъ видѣ, политически—съ Австріей посредствомъ совращенія ихъ изъ православія въ латинство. Предпріятіе достойное европейской цивилизаціи конца XIX столѣтія! Само собою разумѣется, что папа всѣми зависящими отъ него средствами, всею неистощимою сокровищницею католическихъ козней, ухищреній, интригъ, всею мощью своего авторитета (только лишь повидимому поколебленнаго, но все еще полнаго крѣпости и жизни) ревностно содѣйствуетъ осуществленію этого исполинскаго заговора противъ православно-славянскаго міра. Императорскій Габсбургскій домъ особенно близко къ сердцу принимаетъ успѣхъ латинской между Славянъ пропаганды; мы знаемъ изъ газетъ, какъ щедро надѣлили въ вѣнскомъ Hofburg'ѣ вѣстника радости—какого-то монсиньора, прибывшаго изъ Филиппополя и повѣдаващаго царственной фамиліи о духовныхъ завоеваніяхъ католицизма въ Македоніи и Восточной Румелии.

Да, Македонія, Румелия и даже—о стыдъ, о позоръ! самое Болгарское княжество—стали теперь поприщемъ усилен-

ной дѣятельности застрѣльщикова австрійской арміи—католическихъ миссіонерова. О Сербскомъ королевствѣ мы и не говоримъ. Это уже само лѣзетъ въ пасть Австро-Венгрии, даже не нуждаясь въ религиозномъ съ нею объединеніи, а просто вслѣдствіе политическаго и духовнаго разврата своей правящей «интеллигенціи», и лѣзетъ притомъ такъ стремительно, что Австрія даже нѣсколько пятится, опасаясь—какъ бы, проглотивъ сразу, не подавиться. Съ Босніей и Герцеговиной—благо онѣ на военномъ положеніи—пріемъ менѣе церемонный. Пропаганда творится тамъ не словомъ, а просто-на-просто кулакомъ, тюрьмою, лишеніемъ средствъ къ жизни, короче—всеми разнообразнѣйшими видами насилія. Классическая же латинская пропаганда,—т. е. путемъ оболъщенийъ, подкуповъ, соблазновъ и интригъ,—производится главнымъ образомъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, а также, къ несчастію, и съ успѣхомъ въ Македоніи, которая Берлинскимъ трактатомъ была, такъ-сказать, выброшена за бортъ при регулированіи русскихъ завоеваній, т. е. оставлена за Турціей: тамъ, въ доведенномъ до отчаянія Болгарскомъ населеніи, нашла себѣ католическая проповѣдь самую благодарную почву. О пропагандѣ въ Македоніи намъ доставлены очень подробныя свѣдѣнія,—мы постараемся извлечь потомъ изъ этого обширнаго матеріала факты наиболѣе выдающіеся и сообщить ихъ читателямъ. Замѣтимъ только здѣсь, что русскій консулъ въ Битоли обитаетъ какъ разъ въ домѣ латинской пропаганды, и русскій императорскій гербъ приходится какъ разъ подъ выстроенною на крышѣ эмблемою латинства,—родъ купола со крестомъ! Достоинно вниманія также, что въ этой, пока еще вполне турецкой провинціи, православный Славянинъ совратившійся въ латинство поступаетъ немедленно подъ энергическое покровительство и защиту не только австрійскаго, но и германскаго, и англійскаго, и французскаго консула, и прочихъ консуловъ католическихъ и даже *протестантскихъ* державъ, которые такового покровительства и защиты отъ турецкаго произвола *православному* ни оказываютъ.

Не очевидно ли, что все западно-европейскія державы вполне единодушны между собою въ стремленіи къ общей цѣли: исхитить Балканское Славянство изъ сферы русскаго

вліянія и разобщить его духовно съ Русскимъ народомъ— въ полной увѣренности, что разобщеніе въ вѣрѣ послужить надежнѣйшимъ средствомъ къ ассимиляціи и затѣмъ къ порабощенію Славянъ Западу? Недаромъ на Берлинскомъ конгрессѣ лордъ Беконсфильдъ такъ настаивалъ на «свободѣ вѣроисповѣданій» въ Болгаріи, Сербіи, Румыніи. Только совсѣмъ глупые люди воображали себѣ, что это требованіе предъявляется во имя культуры и цивилизаціи; оно не имѣло другой цѣли, какъ поставить католическую, а частью и протестантскую интригу, направленную противъ православія Балканскихъ Славянъ, подъ покровительство мѣстныхъ законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не дико ли, что всѣ католическія и протестантскія страны, тотчасъ же послѣ Берлинскаго трактата, наслали тучи миссіонеровъ въ православныя славянскія земли Балканскаго полуострова? Развѣ Болгаре и Сербы—язычники? развѣ они не исповѣдуютъ имени Христа? развѣ согласно съ современной цивилизаціей и культурой, которыми столько хвалится Западная Европа, придавать такое важное значеніе *самой формѣ* вѣроисповѣданія? Чтò же иное всѣ эти «апостолы» Запада, какъ не стая волковъ въ овечьей шкурѣ, которые, кощунствуя именемъ Христа, служатъ лишь единственно политическимъ цѣлямъ Запада, властолюбивымъ видамъ не только Римской куріи, но и разныхъ Европейскихъ державъ? Развѣ, проникая въ это овечье или точнѣе баранье стадо, плохо оберегаемое пастухами, не ищутъ они подкопаться подъ самое основаніе славянской національной самобытности? И не треклятая ли ложь въ устахъ западныхъ кабинетовъ и даже западныхъ обществъ,— какъ скоро дѣло касается Россіи,— всѣ эти слова о свободѣ совѣсти, о свободѣ вѣроисповѣданій, о культурной этикѣ, о высоконравственномъ значеніи цивилизаціи?

Съ успѣхомъ вербуетъ себѣ католицизмъ прозелитовъ и въ Восточной Румелии, гдѣ, съ удаленіемъ князя Цертелева, русское вліяніе значительно ослабѣло. Въ этой *единоплеменной* и *единовѣрной* намъ Румелии наше министерство иностранныхъ дѣлъ признало необходимымъ держать генеральнымъ консуломъ, — представителемъ Россіи, — человѣка именно-то и не связаннаго съ Болгарскимъ населеніемъ ни единоплеменностью, ни единовѣріемъ; лютеранинъ женатый на

католичкѣ, онъ можетъ-быть и преисполненъ достоинствъ, но мѣсто ему конечно не между Славянами, а тамъ, гдѣ вопросъ вѣры и племени не имѣетъ никакого значенія...

Но чего мы никакъ не ожидали и о чемъ получили только на дняхъ положительныя свѣдѣнія, это объ успѣхѣ австрійской религиозной пропаганды въ самомъ Болгарскомъ княжествѣ и вообще объ усиленіи тамъ иностраннаго, преимущественно же австрійскаго нравственнаго преобладанія, — конечно только прокладывающаго дорогу преобладанію экономическому и политическому. Вдохновленная, подталкиваемая, споспѣшествуемая Германіей или вождемъ германской политики, княземъ Бисмаркомъ, Австрія упорно, послѣдовательно, шагъ за шагомъ раздвигаетъ кругъ своихъ захватовъ на Балканскомъ полуостровѣ, точитъ и грызетъ узы связывающія его съ Россіей, такъ что, когда настанетъ для Австріи и для Европы «время благопотребно» — покончить съ Оттоманской имперіей, эти узы окажутся, пожалуй, совсѣмъ негодными. Особенно дѣятельнымъ, рѣжущимъ глаза сталъ этотъ австрійскій напоръ въ послѣдніе два года. До этого времени католики въ столицѣ болгарской были не замѣтны, Австрійцевъ считали по пальцамъ... Теперь же Австрійцевъ въ Софіи цѣлая почти треть населенія, около 8 тысячъ! На улицахъ то-и-дѣло раздается нѣмецкій языкъ; австрійскій консулъ — увѣряютъ насъ — *первое лицо въ городѣ*; желѣзнымъ экономическимъ кольцомъ стремится Австрія охватить и уже отчасти охватываетъ Болгарію: съ одной стороны по линіи отъ Ломъ-Паланки на Софію (постройка которой рано или поздно неизбѣжна), съ другой — по Дунаю. Торговля и подряды въ рукахъ Австрійцевъ — но главное: это ловкая, мастерская дѣятельность католическихъ миссіонеровъ. Они не жалѣютъ ни трудовъ, ни денегъ на совращеніе Болгаръ изъ православія или по крайней на утвержденіе своего вліянія. Впрочемъ, деньгами обильно снабжаетъ ихъ не только Римская курія, но въ особенности нашъ другъ, соучастникъ нашъ въ «европейскомъ концертѣ» — австро-мадьярская державная власть. Разумѣется, усилія миссіонеровъ направлены преимущественно на молодое болгарское поколѣніе, въ томъ довольно вѣрномъ расчетѣ, что это наудобнѣйшій путь для насажденія и укорененія

латинскаго и австрійскаго обаянія въ странѣ. До войны, въ Софіи не было ни одной католической церкви, ни одной католической школы. Нынѣ у католическихъ миссіонеровъ имѣется и то, и другое. Католическая школа для дѣвочекъ, основанная два года тому назадъ, имѣетъ уже 115 воспитанницъ, изъ которыхъ болѣе половины — православныя Болгарки, а католическая школа для мальчиковъ — 90 учениковъ, также болѣе чѣмъ на половину Болгаръ! Мужскою школою завѣдываютъ монахи-капуцины, женскою — монахини-кармелитки (число послѣднихъ въ Софіи ежегодно возрастаетъ). Всѣ они присылаются изъ Австріи, но имѣются также изъ Италіи, Франціи, Бельгіи; самыя школы содержатся преимущественно на счетъ австрійскаго правительства. Православныя болгарскія дѣти, отдаваемые въ эти школы ихъ неразумными родителями, обучаются тамъ *обязательно* латинскому катихизису у католическихъ патеровъ, поютъ на клиросѣ въ католической церкви и участвуютъ въ католическихъ церковныхъ процессіяхъ. Мало того: *этимъ дѣтямъ, подѣ страхомъ исключенія изъ школы, воспрещается ходить въ православную церковь*, — и родители подчиняются этимъ условіямъ, иные потому, что относятся къ этому безразлично, почитая вѣроятно такое безразличіе, со словъ русскихъ якобы «либеральныхъ» газетъ, высшимъ признакомъ культуры, а другіе — «скрѣпя сердце»... «Курьезнѣе всего», сообщаютъ намъ, а мы скажемъ — не курьезнѣе, а срамнѣе всего для Болгарскаго княжества — «то, что въ числѣ воспитанницъ находятся дочери лучшихъ болгарскихъ семействъ, между прочимъ *дочь одного изъ болгарскихъ министровъ!*» Хорошъ примѣръ подаетъ этотъ министр! А еще «консерваторъ»! Чтò же онъ, спрашивается, консервируетъ или охраняетъ, когда не способенъ охранить цѣлости національнаго вѣроисповѣданія въ своемъ собственномъ домѣ и религіозной связи своего семейства съ Болгарскимъ народомъ?

Эти свѣдѣнія не могутъ, конечно, не возмутить глубоко русскихъ читателей и заставить, пожалуй, не одного изъ нихъ подумать, что не бывало на свѣтѣ рыбъ, которыя бы такъ вѣрно клевали подставленную имъ прикормку съ крючками, какъ клюютъ Болгары грубую прикормку миссіонерскихъ латинскихъ удочекъ. Но послѣ перваго, вполне за-

коннаго взрыва негодованія, слѣдуетъ намъ, Русскимъ, принять въ соображеніе и обстоятельства смягчающія вину. А они значительны.

Прежде всего вспомнимъ, что Болгары, подъ турецкимъ игомъ, несли на себѣ и церковное иго фанаріотское, т. е. иго константинопольскихъ Грековъ, которые, какъ скоро въ Болгарахъ пробудилось сознаніе своей народности, старались всѣми способами, отъ церковнаго управленія зависящими, вытравить въ Болгарахъ это зачинавшееся пробужденіе національнаго духа и огречить ихъ. Греки преслѣдовали болгарскій, т. е. церковно-славянскій языкъ въ церквахъ, въ школахъ, вслѣдствіе чего народъ переставалъ ходить въ церкви и школы, и послѣдовала та долгая тяжба, столь вредная для духовныхъ интересовъ православія на Востокъ, столь несогласная съ духомъ истиннаго христіанства, которая съ одной стороны привела къ учрежденію Болгарскаго Экзархата въ силу султанскаго фирмана и въ противность буквѣ каноновъ, съ другой стороны — къ созыву помѣстнаго собора въ Константинополь (почему-то назвавшася вселенскимъ). На этомъ соборѣ, безъ участія Русской и Іерусалимской церквей, Болгары провозглашены схизматиками или раскольниками! И для Грековъ и для Болгаръ въ равной степени дѣло шло не о церкви собственно, а объ интересахъ эллинской и болгарской народности. Послѣдняя въ то время (до конца нашей послѣдней войны) не имѣла даже географическаго признаннаго очертанія; Экзархатомъ же создавалась для нея — первая юридическая основа или точнѣе рамка для національнаго бытія, по внѣшности еще только церковная, но въ сущности политическая. Понятно, разумѣется, какъ дорога была Болгарамъ эта форма національнаго самосохраненія, единственно въ то время для нихъ возможная. Этимъ раздоромъ въ нѣдрахъ православія не преминули конечно воспользоваться католики. Когда, еще до учрежденія Экзархата, Болгары изнемогали въ борьбѣ, тогда многіе изъ нихъ, увлекаемые Драганомъ Цанковымъ, въ ослѣпленіи борьбы и ненависти къ Грекамъ, поддались соблазнительнымъ предложеніямъ Римскаго папы и приняли увію, думая обрѣсть себѣ опору въ союзѣ съ Римскою церковью. Учрежденіе Экзархата разрушило однакоже римскіе

ковы, и почти всѣ изъ совращенныхъ возвратились въ лоно православія (кромѣ г. Цанкова), и на этомъ лонѣ — увы! — вслѣдъ затѣмъ, вмѣстѣ со всѣмъ Болгарскимъ народомъ, попали въ «схизматиковъ» — по рѣшенію Константинопольскаго злосчастнаго собора... Но если Болгары, — для національности которыхъ вопросъ о церковной автономіи сталъ по истинѣ вопросомъ быть или не быть, — погрѣшили временною слабостью (и то лишь очень небольшая часть ихъ), а въ учрежденіи Экзархата погрѣшили противъ буквы канонѣвъ, то Греки, съ своей стороны, погрѣшили противъ самаго духа каноническаго ученія, т. е. противъ духа христіанской любви и правды. Константинопольская церковь, которая есть мать всѣхъ славянскихъ православныхъ церквей (въ томъ числѣ и Русской), которая почитается хранительницею преданій церковныхъ со временъ Апостольскихъ, должна была, конечно, и въ этомъ спорѣ съ Болгарами, пребыть на подобающей ей высотѣ, явить истиннохристіанскую мудрость, истинно-материнскую любовь и снисхожденіе къ менѣе развитому и образованному Болгарскому племени, уважить его усилія къ воссозданію своей народной личности, и не давать мертвящей буквѣ торжествовать надъ животворящимъ духомъ. Въ томъ, въ чемъ обвиняетъ Константинопольскій соборъ Болгаръ (въ *филетизмъ*, т. е. во внесеніи начала племеннаго пристрастія въ идею церкви) провинился прежде всего самъ Константинопольскій Патріархатъ. Разрывъ между Патріархатомъ и Болгарскою церковью продолжается и понынѣ, вслѣдствіе спора о Македоніи и Восточной Румелии, на которую Болгарскій Экзархатъ продолжаетъ предъявлять свои права (такъ какъ обѣ области лишь случайно не попали *пока* въ составъ Болгарскаго княжества, но были включены въ него Санъ-Стефанскимъ договоромъ). Положеніе Болгарской церкви въ настоящее время самое странное, двусмысленное, неправильное. Она не находится въ официальномъ общеніи ни съ одною православною церковью. Мы, точнѣе сказать, Русская официальная церковь не то признаетъ, не то отрицаетъ автокефальность Болгарской; точно также отнеслась она, Русская официальная церковь, и къ постановленію Константинопольскаго собора. Приѣдутъ болгарскіе архіереи въ Россію, ихъ допуска-

ють свободно служить молебны въ нашихъ церквахъ, но запрещаютъ служить обѣдню: въ то же время Русскіе въ Болгаріи безпрепятственно говѣютъ и приобщаются въ болгарскихъ церквахъ у болгарскихъ священниковъ! Такая двуличневая церковная политика многими у насъ почитается верховъ премудрости; но вотъ уже 4 года прошло послѣ войны и ровно 10 лѣтъ послѣ Собора, а Россійскій Св. Синодъ еще не достигъ примиренія. Между тѣмъ, такое положеніе Болгарской церкви—ложное, лишенное достоинства—не можетъ не дѣйствовать на самихъ служителей ея, на пастырей и на паству, самымъ деморализующимъ образомъ. Католики, разумѣется, извлекаютъ изъ этого свои выгоды и, указывая Болгарамъ на современный разладъ въ области православія и на недостатокъ авторитета у Русской церкви, противопоставляютъ православію цѣльность, единство и стройность церкви Римской. И пока Константинопольскій Патріархъ будетъ препираться съ Болгарскимъ Экзархомъ о Македоніи и Румелии, а русское высшее церковное правленіе будетъ оправдывать въ собственныхъ глазахъ свою инерцію соображеніями будто бы «вышей мудрости», католики конечно дремать не станутъ, такъ что когда наконецъ въ этихъ областяхъ водворится миръ (и навѣрное еще худой), православіе тамъ, того и гляди, останется лишь воспоминаніемъ.

Другое обстоятельство, извиняющее вину Болгаръ— это общій низкій уровень развитія и образованія духовенства, за нѣкоторыми исключеніями. Но откуда-жь и было взяться болѣе высокому уровню подъ 500лѣтнимъ турецкимъ игомъ, а впоследствии и подъ гнетомъ греко-болгарской распри? Въ 4 года своего существованія не могло же княжество обзавестись отличными богословскими семинаріями! Этому горю обязана и можетъ безъ труда помочь Россія, открывъ свободный доступъ въ свои семинаріи и академіи Болгарамъ посвящающимъ себя духовному званію, и такимъ образомъ подготовить для Болгаріи священниковъ вполне образованныхъ.

Наконецъ, примемъ въ соображеніе и слѣдующее обстоятельство. Католическая женская школа въ Софіи конечно, какъ школа, лучше всѣхъ существующихъ въ болгарской столицѣ. Она одна даетъ вполне основательное европейское

образование, потребность въ которомъ ощущается болгарскимъ обществомъ въ сильной степени. Ученіе поставлено въ ней мастерски. Вспомнимъ, что въ началѣ нынѣшняго вѣка даже и въ нашей православной Россіи, въ высшемъ русскомъ обществѣ было въ большомъ обычаѣ отдавать дѣтей въ учебныя заведенія іезуитовъ въ Полоцкѣ и въ самомъ Петербургѣ, и если русскія дѣти не обращались въ католиковъ, то лишь вслѣдствіе русскаго государственнаго закона, ограждавшаго ихъ православіе. Въ то время русскіе родители также ссылались въ свое оправданіе на недостатокъ русской порядочной школы. Тѣмъ же оправдываются и Болгары, но гораздо съ бѣльшимъ основаніемъ; для нихъ даже и выбора нѣтъ: другой школы, дающей европейское образованіе, особенно женской, у нихъ вовсе не существуетъ. «Мы принуждены посылать теперь дѣтей въ католическую австрійскую школу—говорятъ они,—потому что равной по достоинству болгарской школы устроить мы пока не въ состояніи,—а русской женской школы въ Софіи нѣтъ. Будь только русская школа здѣсь, мы конечно немедленно послали бы туда нашихъ дѣтей... Русская школа! Въ самомъ дѣлѣ почему же ей не быть въ Болгаріи? Какъ искра пала мысль о русской школѣ въ Софіи (именно женской) на сердца многихъ Русскихъ и Болгаръ и образовался цѣлый кружокъ, который поставилъ себѣ задачу: употребить всѣ усилія къ учрежденію таковой школы. Такъ какъ одновременно всеобщая скорбь Болгаръ о безвременной гибели нашего и столько же *ихняго* Скобелева побуждала ихъ увѣковѣчить его имя въ Болгаріи какимъ-нибудь памятникомъ,—то и рѣшено было сдѣлать этимъ памятникомъ самую школу, которую и назвать *Скобелевскою*...

Мысли прекрасная, и мы всею душою желаемъ ей успѣха; нѣтъ сомнѣнія, что сочувственно отзовется ей и всякое русское сердце... Было бы однакоже совершенно ошибочно поставить учрежденіе школы въ зависимость отъ успѣшнаго сбора частныхъ пожертвованій. Такое учрежденіе должно стоять на болѣе твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ. Оно не можетъ быть дѣломъ случайнаго кружка, который завтра можетъ и разойтись. Католическая школа въ Софіи поддерживается австрій-

скимъ правительствомъ и ведется корпораціей духовной, постоянно пребывающей въ единомъ направленіи, несмотря на смѣну лицъ. У насъ такой корпораціи не существуетъ. Наше Миссіонерское Общество имѣетъ право дѣйствовать только въ средѣ магометанъ и язычниковъ. Почему же русскому правительству не взять на себя, вмѣстѣ съ болгарскимъ, устройства этого женскаго училища? Тогда и самыя частныя пожертванія дѣлались бы съ большимъ довѣріемъ, а потому и съ большей охотой. Только одно правительство въ состояніи дать такой школѣ крѣпкую организацію, а въ виду ея,—можно смѣло, надѣяться,—и наслѣдники Скобелева не отказались бы, съ своей стороны, содѣйствовать этому достойному увѣковѣченію его памяти.

Только времени терять нечего. Дописывая эти строки, мы узнали, что католическія школы процвѣтаютъ и въ Самаковѣ, и въ Русуцѣ, и въ иныхъ мѣстахъ... Латинско-австрійская пропаганда растетъ съ каждымъ годомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе станетъ бороться съ нею... Неужели Россія не въ состояніи съ нею справиться и оградить отъ нея православно-славянскій міръ?

Москва, 11-го декабря.

Вотъ еще вопросъ нисколько не головоломный, нисколько не зависящій отъ «переживаемыхъ Россією внутреннихъ затрудненій», ни отъ положенія нашихъ финансовъ, ни отъ предварительнаго исполненія нѣкоторыхъ реформъ, а требующій для успѣшнаго разрѣшенія только немножко... энергіи, да немножко живаго національнаго чувства въ представителяхъ русской дипломатіи. Въ Англіи собирается конференція всѣхъ державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ, для обсужденія вопроса о Дунайской комиссіи. Въ 54 п. этого трактата сказано, что «за годъ до истеченія срока опредѣленнаго для дѣятельности Европейской комиссіи (Дунайской), державы войдутъ въ соглашеніе о продолженіи ея полномочій или объ измѣненіяхъ, которыя онѣ признаютъ необходимымъ сдѣлать». Срокъ истекаетъ 24 апрѣля 1883 г., стало-быть и конференцію слѣдовало бы созвать гораздо ранѣе, но державы

приняли услужливо во вниманіе, что Англіи было недосушно: она воевала въ Египтѣ—не въ видѣ войны, бомбардировала и разрушила Александрію—для блага Египтянъ (съ которыхъ теперь взыскиваются въ пользу Европейцевъ и всѣ убытки, послѣдовавшіе отъ бомбардировки), заняла войсками Египетъ—не въ видѣ завоеванія, подчинила его своей власти—не въ видѣ протектората, и признала международную опеку надъ Суэскимъ каналомъ—взявъ его подъ свою вооруженную охрану... Теперь, когда эта сложная и мудреная комбинація почти уже окончательно совершена Англіею, вполне удачно и на диво всей Европѣ, — удѣлено время и для разсмотрѣнія вопросовъ второстепенныхъ, въ томъ числѣ и о продленіи Европейской на Дунаѣ комиссіи, — вопроса, Европою едва ли уже не предрѣшеннаго. Не знаемъ только — *предрѣшенъ* ли онъ также и нашею дипломатіею, но не желали бы допустить такое предположеніе.

Не станемъ повторять всей статьи нашей о Дунаѣ, помѣщенной еще въ 19 № «Руси» 8 мая, но напомнимъ вкратцѣ читателямъ, въ чемъ именно дѣло. Турецкій замѣкъ съ дунайскихъ устьевъ былъ сорванъ никѣмъ инымъ какъ Россіей, — точно также, какъ ею же были призваны къ жизни и страны прилегающія къ нижнему Дунаю, то есть Молдавія, Валахія — нынѣшнее Румынское королевство, — Сербія (сначала княжество, а потомъ королевство) и позднѣе всѣхъ Болгарія; да и сама Россія, съ присоединеніемъ Бессарабіи, стала придунайской державой. Россія же придала устьямъ Дуная и международное для торговли значеніе, заключивъ съ Австріей въ 1840 г. конвенцію, въ силу которой купеческимъ судамъ всѣхъ націй, *находящихся въ мирѣ съ Россіей*, предоставлялось право свободно входить въ устья Дуная, ходить по рѣкѣ вверхъ и внизъ, и выходить изъ нея, не подлежа никакимъ пошлинамъ, кромѣ нѣкоторыхъ повинностей за содержаніе русла въ порядкѣ... Черезъ 16 лѣтъ роли перемѣнились, и Европа (вмѣстѣ съ Австріей) отблагодарила Россію за заботы объ общеевропейскихъ интересахъ — отнятіемъ у насъ придунайской части Бессарабіи и взятіемъ Дуная въ свою опеку. Парижскій трактатъ 1856 г. учредилъ двѣ комиссіи: одну — «Европейскую» или «Международную», составленную изъ представителей великихъ

державъ и (сверхъ того Турціи), и «Прибрежную» изъ членовъ всѣхъ прилегающихъ къ Дунаю державъ (съ исключеніемъ, конечно, Россіи). Первая обязана была заняться очисткой Дунайскихъ гирлъ, возведеніемъ необходимыхъ для сего сооружений и опредѣленіемъ пошлинъ съ судовъ для покрытія необходимыхъ на этотъ предметъ расходовъ. На производство всѣхъ такихъ работъ назначенъ былъ ей и срокъ—два года, по истеченіи которыхъ она должна была упраздниться, передавъ какъ упомянутыя сооруженія, такъ и всѣ свои обязанности по наблюденію за исправнымъ состояніемъ гирлъ — комиссіи «Прибрежной». Последняя, съ своей стороны, должна была составить подробныя правила судоходства по всему Дунаю, а также произвести и всѣ работы нужныя для *безпрепятственнаго* плаванія вверхъ по Дунаю (не въ устьяхъ)... «Европейская комиссія» свое дѣло исполнила, избравъ изъ дунайскихъ устьевъ среднее, Сулинское, очистивъ его и вообще приведя судоходство по Дунаю отъ Галаца къ морю въ порядокъ, — исполнила не въ два года, а въ девять лѣтъ, — но «Прибрежной Комиссіи» не составилось вовсе. Нисколько не въ расчетахъ было Австріи уничтожить, въ пользу принципа «международности», препятствіе встрѣчасное плаваніемъ по Дунаю вблизи *ея* предѣловъ, т. е. тамъ, гдѣ начинается *ея* берегъ (лѣвый), и отворять знаменитыя «Желѣзныя Ворота» настежь для всѣхъ судовъ, которыя бы пожелали подняться снизу вверхъ, до австрійскихъ владѣній; проектъ же устава судоходства, сочиненный Австріей, конечно, исключительно въ свою пользу, не былъ принятъ ни тогдашнею наполеоновскою Франціею, ни тогдашнею Пруссіею, къ Австріи нисколько не благоволившими. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, — полномочія «Европейской Комиссіи» въ 1865 г. были продолжены на шесть лѣтъ, а въ 1872 г. на Лондонской конференціи и еще на двѣнадцать лѣтъ, т. е. до апрѣля будущаго 1883 г.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ снова измѣнилось. Въ 1878 г. Россія стала снова прибрежною дунайскою державою, возвративъ себѣ не только лѣвый берегъ Дуная отъ Рени, но и лѣвое его устье, Килийское, съ Очаковскимъ протокомъ. Однакожъ такое приобрѣтеніе Россіи не создало ей покуда никакихъ особенныхъ преимуществъ. Берлинскій трактатъ

только подтвердил такъ-сказать права и полномочія Европейской Комиссiи, возложивъ на нее разработку устава о плаванiи и о рѣчной полицiи по Дунаю отъ Желѣзныхъ Воротъ до Галаца, при содѣйствiи делегатовъ прибрежныхъ державъ. Вмѣсто этого устава выступилъ теперь на сцену проектъ Смѣшанной Комиссiи, которой ввѣряется рѣчная полицiя—отъ Желѣзныхъ Воротъ до Сулинскаго устья включительно и въ которой предсѣдательство поручается Австрiи, при очередномъ участiи делегатовъ отъ державъ, входящихъ въ составъ Комиссiи Европейской.

Такимъ образомъ на разсмотрѣнiе Лондонской конференцiи должны, повидимому, поступить два вопроса: продолжать или не продолжать полномочiя Европейской Комиссiи и допустить ли учрежденiе Смѣшанной Комиссiи по проекту Баррера, выше нами изложенному и весьма облюбленному Австрiей?

Казалось бы, на первый вопросъ отвѣтъ Россiи можетъ быть только одинъ—отрицательный. Никакого продолженiя общеевропейской опеки надъ Дунаемъ не нужно; присутствие лишняго числа опекуновъ, лично въ интересахъ дунайскаго судоходства мало заинтересованныхъ (и въ добавокъ всегда готовыхъ сплотиться вмѣстѣ противъ интересовъ Россiи), не можетъ, не должно бы представляться желательнымъ съ точки зрѣнiя національной русской политики. Да и интересы европейской торговли нисколько не требуютъ присутствiя въ Галацѣ иныхъ представителей Германiи, Англии, Францiи, Италiи и Турцiи, кромѣ обыкновенныхъ торгово-дипломатическихъ агентовъ, иначе — консуловъ. Можно даже навѣрное сказать: принадлежи лѣвый берегъ Дуная отъ Рени до устья не Россiи, а Австрiи, международная опека, — разъ международное значенiе дунайскаго судоходства объявлено и установлено общимъ международнымъ актомъ,—признана была бы тою же Европой совсѣмъ излишнею. Въ настоящее же время эта опека—не надъ кѣмъ и не надъ чѣмъ-либо другимъ, какъ надъ Россiею и надъ ея дѣйствiями въ водахъ Дуная и въ предѣлахъ ея береговаго права... Что же касается до проекта Баррера, то нѣтъ никакого основанiя предоставлять предсѣдательство въ Смѣшанной комиссiи непремѣнно и исключительно Австрiи. Да и къ чему этою

новою формою «Смѣшанной комиссіи» замѣнять форму несравненно болѣе рациональную и уже указанную Парижскимъ трактатомъ, именно форму комиссіи *Прибрежной*? Къ учрежденію Прибрежной комиссіи представляется теперь тѣмъ болѣе оснований, что бывшія Придунайскія княжества стали въ настоящее время самостоятельными державами, даже королевствами, и прибавилось третіе — Болгарія, самостоятельность которой не болѣе какъ вопросъ времени. Строго говоря, въ этой прибрежной комиссіи для Австріи нѣтъ и мѣста, такъ какъ къ той части Дуная, которой присвоено международное значеніе и съ которою связаны общеевропейскіе торговые интересы, Австрія не прибрежна; однакожь, въ виду значенія Дуная для австрійской торговли вообще и господства рѣчного коммерческаго флота Австріи на Дунаѣ, можно и не оспаривать ея права на *участіе* въ Прибрежной комиссіи. Что же касается предсѣдательства, то оно конечно должно бы принадлежать Россіи, какъ самой крупной изъ державъ прибрежныхъ къ устьямъ Дуная, и только въ крайнемъ случаѣ, въ интересахъ взаимнаго дружелюбія, можно было бы согласиться на допущеніе къ предсѣдательству и Австріи, поочередно съ Россіей.

Извѣстно, что въ послѣднее время былъ поднятъ въ Европейской Комиссіи вопросъ о Килийскомъ устьѣ, и даже объ Очаковскомъ протоцѣ, оба берега котораго — наши. Комиссія отрицала право Россіи не только на очищеніе этого протока, но даже на производство инженерныхъ изслѣдованій. Нашъ представитель въ Комиссіи, кажется, вообще не ознаменовалъ до сихъ поръ своего участія въ ней никакимъ особеннымъ рвеніемъ къ подъему авторитета русскаго имени (во всѣхъ этихъ оживленныхъ спорахъ Румыніи съ Австріей, по поводу австрійскаго проекта Смѣшанной комиссіи, Россія не поддержала Румыніи, не приняла въ нихъ участія: имени ея было и не слышать). Въ подыавшемся обсужденіи правъ Россіи на Очаковскій протокъ онъ также повидимому не проявилъ той твердости, которая подобала бы нашей державѣ, и едва-едва удалось ему отстоять — чтобъ изслѣдованіе протока было произведено не иностранными (въ нашихъ предѣлахъ!) инженерами, а русскими, хотя бы подъ контролемъ иностранныхъ и съ обязательствомъ представить

результатъ ихъ работы на усмотрѣніе Европейской Коммиссіи. Намъ неизвѣстно, будетъ ли вопросъ о нашемъ правѣ въ Килійскомъ гирлѣ также обсуждаться на конференціи открываемой въ Лондонѣ, но интересно было бы знать, какъ, въ случаѣ обсуждения, отнесся бы къ нему такой экспертъ въ согласованіи личныхъ интересовъ съ международнымъ правомъ, каковымъ въ послѣднее время показала себя Англія!... Въ томъ-то именно и дѣло, что вопросы подобнаго рода разрѣшаются вовсе не на основаніи догматовъ отвлеченныхъ теорій, и не на основаніи математическихъ соотношеній силы, а соразмѣрно съ яснымъ сознаніемъ своего права и національныхъ выгодъ, и съ энергіей личнаго духа. При скудости этой послѣдней, никакое обиліе матеріальныхъ средствъ не поможетъ,—никогда не будетъ казаться *вполнѣ* достаточною гарантіей успѣха. Если побѣда въ этомъ мѣрѣ часто принадлежитъ смѣлой неправдѣ, то еще рѣже достается она въ удѣлъ правдѣ робкой или малодушной.

Намъ постоянно грозятъ войною, или вѣрнѣе сказать — *пуляютъ* войною, такъ какъ никто вѣдь легкомысленно съ войною на Россію не сунется, въ какомъ бы она положеніи ни была, а тѣмъ менѣе Австрія, — да и за границей положеніе наше лучше знаютъ и лучшаго о немъ мнѣнія чѣмъ мы сами. Что бы мы ни дѣлали, какъ бы ни смирились, какъ бы ни клялись въ своей благонравности, какъ бы ни усиливались малиться, сколько бы залоговъ своего миролюбія ни давали,—ничѣмъ мы не удовольствуемъ нашихъ недруговъ, ничѣмъ не разсѣемъ ихъ недовѣрія и подозрѣнія. Это подозрѣніе ихъ основано на логическихъ и историческихъ выводахъ; наша умѣренность кажется имъ противоестественною, наше смиреніе—обманомъ, наше безкорыстіе—хитрой, коварной политикой. Недавно «Кѣльнская Газета» прямо, безъ всякаго озлобленія на Россію и даже не прибѣгая ни къ какимъ пошлымъ обвиненіямъ во властолюбіи, въ завоевательной алчности и т. д., спокойно и разсудительно развивала такую тему, что въ силу положенія, созданнаго для Австріи образованіемъ Германской имперіи, ein Wettkampf Австріи съ Россіей (т. е. борьба оружіемъ, на жизнь и смерть), представляется неизбѣжною необходимостью: просто уже потому, что Россія у Австріи на дорогѣ и имѣетъ не-

счастіе, даже безъ малѣйшихъ стараній, притягивать къ себѣ симпатіи многихъ Славянскихъ племенъ, Австріи подвластныхъ! Но если разсужденія авторитетной германской газеты и вѣрны, то вѣрно также и то, что Австрія будетъ откладывать такой *Wettkampf* до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможности, а постарается добыть себѣ какъ можно болѣе успѣховъ и безъ пролитія крови, одною системою запугиванія или «интимидаци». Скомпрометтировать Россію въ глазахъ Славянъ, обмануть ихъ на нее надежды, поколебать въ нихъ вѣру въ русскую силу и сочувствіе—это для Австріи дороже десятка выигранныхъ срезеній. И это ей удастся... Цѣлымъ рядомъ, хотя и не значительныхъ повидимому уступокъ съ нашей стороны, совершаемыхъ безъ всякой настоящей надобности, а съ единственною лишь, съ благою, казалось бы, цѣлью заручиться миромъ для постепеннаго укрѣпленія своихъ силъ и исправленія внутреннихъ дѣлъ, — мы все-таки не устраняемъ возможности войны и все-таки должны ее имѣть въ виду, а между тѣмъ теряемъ свои позиціи... Сами себя ослабляя все болѣе и болѣе, съ сомнительною надеждою наверстать современемъ все потерянное, мы вмѣстѣ съ тѣмъ томимъ свою собственную родную страну обиднымъ, нездоровымъ чувствомъ напраснаго униженія. Но именно потому, что мы искренно не желаемъ ни войны, ни какихъ-либо поземельныхъ въ Европѣ захватовъ, мы имѣемъ право и обязанность мужественно исповѣдывать наши законные, кровные интересы и намѣтить твердою рукою предѣлъ нашего долготерпѣнія. Твердая политика—наилучшая гарантія мира, всего вѣрнѣе предупреждаетъ войну, всего скорѣе пріобрѣтаетъ союзниковъ и друзей. Политика задабриванія и уступокъ, политика мниморазумная—и внушаетъ не уваженіе, а презрѣніе, распалаетъ въ нашихъ недругахъ аппетитъ къ требованію новыхъ и новыхъ уступокъ, опутываетъ незамѣтно насъ самихъ, и наконецъ, когда уступать будетъ болѣе нечего, все-таки приведетъ къ войнѣ, но при условіяхъ самыхъ невыгодныхъ, съ руками и ногами въ сѣтяхъ...

Пора наконецъ стать намъ крѣпкою ногою на Дунаѣ и не дѣлать эту искони-славянскую рѣку окончательнымъ достояніемъ Нѣмцевъ. Конечно, ни Сербія, ни Румынія, ни Болгарія не въ силахъ отстоять ея независимость отъ Ав-

стріи и воспользоваться всѣми благами этого широкаго воднаго торговаго и стратегическаго пути. Не обладавъ въ Черномъ морѣ ни военнымъ, ни коммерческимъ флотомъ, лишивъ себя сами чрезъ отдачу Добруджи Румынамъ непосредственнаго сообщенія съ Болгаріей, слѣдовательно и со всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ. — мы должны, мы обязаны, мы не можемъ не воспользоваться тѣми выгодами, которыя представляетъ намъ Измаилъ и Килійское устье съ Очаковскимъ протокомъ. Имѣя флотилію на Дунаѣ при Измаилѣ, мы займемъ подобающее намъ положеніе, — не для угрозы кому-либо, но для защиты и нашихъ, и славянскихъ интересовъ. На такое положеніе дано намъ право исторіей, ключъ къ нему въ нашихъ рукахъ, и твердое наше заявленіе, что мы этого ключа изъ рукъ не выпустимъ, намѣрены имъ пользоваться, когда найдемъ нужнымъ, конечно не послужитъ поводомъ ни къ войнѣ, ни къ ссорѣ. Стыдно сказать, что мы до сихъ поръ не можемъ устроить пароходства по Дунаю, — пароходства, безъ котораго невозможно и мыслить объ установленіи торговыхъ связей съ Болгаріей и Сербіей, равно желанныхъ для этихъ обѣихъ странъ, какъ и для Россіи, выгодныхъ какъ для нихъ, такъ и для русской промышленности. Выдавая громадную субсидію Русскому Обществу Пароходства и Торговли, предоставивъ ему такимъ образомъ совершенную монополію въ Черномъ морѣ (къ крайнему стѣсненію для русской торговли) и неизвѣрные барыши (поднявшіе цѣну акцій со 150 р. до 750-ти), русское правительство безсильно заставитъ Общество учредить правильные рейсы вверхъ по Дунаю! Въ то же время не предлагается ни премій, ни необходимыхъ субсидій для созданія новыхъ компаній съ цѣлью развитія русскаго дунайскаго пароходства. Нашелся одинъ русскій предприимчивый человѣкъ, князь Гагаринъ, который, выстроивъ на свой страхъ два парохода, несказанно обрадовалъ нынѣшнею осенью жителей Болгарскаго побережья, поднявшись съ своимъ пароходомъ выше Рущука. По словамъ князя Гагарина, плаваніе вверхъ по Дунаю можетъ установиться безъ затрудненія и съ прибылью, но только на условіи хотя бы умѣренной помилной приплаты со стороны правительства. А между тѣмъ Австрія даже знаменитому, могущественному

обществу «Австрийское Дунайское пароходство» выдаетъ субсидіи, да еще миллионныя. Намъ неизвѣстно, успѣлъ ли князь Гагаринъ въ своемъ ходатайствѣ о субсидіи, но онъ тѣмъ болѣе нуждается въ правительственномъ содѣйствіи, что недавно пароходъ его «Юрій», тотъ самый, который первый изъ русскихъ поднялся вверхъ по Дунаю, погибъ по винѣ англійскаго парохода, не исполнившаго правила о сигналахъ.

И Дунай течетъ въ нашихъ владѣніяхъ, и наилучшее устье у насъ, и въ этомъ устьѣ наиглубочайшій протокъ, обоими берегами принадлежащій намъ (стоить только 3—4 милліона рублей употребить на очистку песчаныхъ наносовъ при его впаденіи въ море), — есть даже и предприимчивые люди, ждущіе только манія властной хозяйской руки... Но нѣтъ чего-то, — и все коснѣетъ, стоитъ... Нѣтъ, не стоитъ, а идетъ на убыль... На Лондонской конференціи, вѣроятно, будутъ настаивать на сохраненіи международной надъ Дунайскими устьями опеки и на учрежденіи комиссіи подъ предсѣдательствомъ Австріи, пожалуй, даже безъ нашего теперь въ комиссіи участія, какъ это и предполагалось по проекту Баррера, допускавшаго Россію къ участію — въ порядкѣ алфавитной очереди — самую послѣднюю, года черезъ три-четыре! Можетъ-быть очистка Очаковскаго протока или и вовсе будетъ возбранена Европейскою комиссіей, или же отложена въ долгій ящикъ, — и ни къ чему не послужитъ Россіи ея выгодная позиція на Дунаѣ... Но почему бы такъ? Потому ли, что по мнѣнію нѣкоторыхъ близорукихъ политиковъ всякое проявленіе — вовсе не задорнаго, а сколько-нибудь живаго, твердаго національнаго направленія въ политикѣ теперь неумѣстно, а умѣстна, стало-быть, политика не національная, или приниженіе національнаго духа, вмѣстѣ съ самоотверженнымъ забвеніемъ о русскихъ интересахъ? Или потому, что энергія и твердость не въ преданіяхъ, не въ привычкахъ и нравахъ нашей дипломатіи даже и тогда, когда энергія и твердость не грозятъ намъ ровно никакой опасностью? Или потому, что предъ иностранцами мы привыкли искони испытывать нѣкоторое чувство стыдливости (чтобъ не сказать хуже) и потребность угодливой предупредительности, — а «съ своими что за счеты?!» Не знаемъ, — но знаемъ, и повторяемъ вновь, что ничто не способно было

бы такъ поднять нѣсколько упавшій духъ русскаго общества, какъ проявленіе нѣкоторой бодрости и энергіи въ правительственной защитѣ русскихъ національныхъ интересовъ,— но знаемъ, что помѣхи для этого проявленія не можетъ представиться въ «переживаемыхъ нами внутреннихъ затрудненіяхъ», ни даже въ состояніи нашихъ финансовъ. Финансы! Есть ли основаніе отказываться въ мелочныхъ денежныхъ пособіяхъ на важныя, полезныя русскія предпріятія, когда одновременно оказывается пятимилліонное пособіе и безъ того богатой компаніи Юго-Западной группы желѣзныхъ дорогъ, когда добровольно и такъ долговременно терпится у насъ задержка Главнымъ Обществомъ желѣзныхъ дорогъ цѣлыхъ *двадцати семи* милліоновъ рублей, слѣдующихъ казнѣ изъ доходовъ богатѣйшей въ мірѣ Николаевской дороги, выдающей своимъ акціонерамъ дивидендъ вдвое болѣе гарантированнаго правительствомъ и поднявшей вдвое первоначальную цѣнность самыхъ акцій. И такихъ источниковъ не мало...

Москва, 18 декабря.

«Не могла же Германія (на Берлинскомъ конгрессѣ) требовать для Россіи *больше того, что въ Петербургѣ считали достаточнымъ*... Германія, быть-можетъ, поддержала бы и *дальнѣйшія* требованія и отказы «Россіи» (кромя тѣхъ, которые были поддержаны Германіей на этомъ конгрессѣ), *«еслибъ Россія сама заявила таковыя»*... «Еслибъ Россія сама заявила таковыя»... Стало-быть она ихъ не заявляла? Кто-жь это утверждаетъ? Органъ германскаго канцлера, «Сѣверо-Германская Всеобщая Газета». Вотъ какимъ историческимъ непреерекаемымъ свидѣтельствомъ публично, на дняхъ, не далѣе какъ 6-го декабря, охарактеризована политическая дѣятельность Россіи при составленіи Берлинскаго трактата, — непреерекаемымъ, говоримъ мы, такъ какъ едва ли бы оно было оглашено, если бы могло быть фактически опровергнуто... Вотъ лестный аттестатъ, должно-быть вполне по заслугамъ, выданный самимъ президентомъ Берлинскаго конгресса нашей дипломатіи вообще, а въ частности—пред-

ставителямъ Россіи на этомъ пресловутомъ ареопагѣ, — тѣмъ самымъ, которымъ, въ это трудное, критическое для Россіи мгновеніе, она ввѣрила охрану своей чести, своей славы, самыхъ дорогихъ своихъ интересовъ... Петербургскій «Голосъ», — къ которому, по какому-то странному недоразумѣнію, обращена вышеприведенная статья нѣмецкой газеты (въдь никто, во дни оны, не ликовалъ такъ по поводу Берлинскаго трактата, какъ именно онъ), — не призналъ нужнымъ поразмыслить надъ рѣзкимъ обличеніемъ авторитетнаго органа германской печати, а отозвался глухо, въ такомъ смыслѣ — что было бы-дескать несомнѣнно съ достоинствомъ Россіи поднимать старые счеты, что Россія умѣетъ мириться съ совершившимся фактомъ и т. д., — въ томъ же родѣ, какъ обыкновенно отзывается въ своихъ оффиціозныхъ рѣчахъ о трактатѣ (неизбѣжно ссылаясь притомъ на достоинство великой Россійской державы) и нашъ дипломатическій міръ. Русское общество однако же, полагаемъ мы, отнесется къ замѣчаніямъ руководителя германской политики нѣсколько иначе; оно приметъ ихъ къ свѣдѣнію, хотя вовсе не для того, чтобы сводить счеты за прошлое и стараться лишить нашихъ дипломатовъ выданной имъ отъ князя Бисмарка за Берлинскій конгрессъ аттестаціи. Эта аттестація — ихъ неотъемлемое достояніе: она при нихъ и останется... Но русское общество способно, чего добраго, и пожелать, чтобы русскіе дипломаты впредь таковой аттестаціи не заслуживали. Да вообще, думаемъ мы, оно усмотритъ въ этихъ откровеніяхъ «Сѣверо - Германской Всеобщей Газеты», хотя и съ нѣкоторою болью стыда, не одинъ ретроспективный историческій интересъ, а цѣлое назиданіе, которымъ пренебрегать не слѣдовало бы, а слѣдовало бы болѣе или менѣе вразумиться. Чѣмъ же вразумиться? что же рекомендуется намъ для руководства въ будущемъ, что, однимъ словомъ, читается въ строкахъ и между строкъ приведенной нами выше цитаты? Да не болѣе, не менѣе, какъ слѣдующее: «имѣйте же наконецъ въ виду, гг. русскіе политики и дипломаты: трудно отстаивать то, что само не стоитъ, а валится, и ужъ никакъ нельзя опираться на тѣхъ, у которыхъ самихъ нѣтъ крѣпкой точки опоры. Невозможно поддерживать чьи-либо чужіе интересы, если самъ заинтересованный ихъ не поддерживаетъ»

или самъ имѣть о нихъ неясное и неточное представление. Сила волющая, ревнивая къ своей чести и достоинству, всегда всякую другую силу заставить съ собою считаться; но кому же надобность принимать почтительно въ соображеніе— даже не требованія, а пожеланія такой силы, которая *не умѣетъ хотѣть*, которая не только лишена этой ревливости и твердой, опредѣленной воли, но и сама не вѣдаетъ предѣла своей уступчивости, мѣры своему долготерпѣнію? Особенно же невозможно, въ состязаніи представителей различныхъ національностей между собою, ожидать успѣшныхъ результатовъ для того изъ нихъ, въ комъ національное чувство и самосознаніе наиболѣе слабо, или кому, по его простодушію, постоянно мерещится, что уступи онъ тамъ, заупрямься тутъ, такъ вотъ на представляемую имъ страну сейчасъ и полѣзутъ съ войною,—тогда какъ война, напримѣръ, съ Россіей *въ какомъ бы положеніи она ни была*, ни для кого дѣло не лакомое, а въ высшей степени рискованное и опасное»...

Совѣтъ не дурень. Изъ какихъ побужденій онъ данъ, внушенъ ли искреннимъ дружественнымъ чувствомъ или же сорвался въ минуту раздраженія, располагающаго къ откровенности и вызваннаго разными газетными русскими попреками Германіи за измѣну «дружбѣ»,—это совершенно безразлично. Совѣтъ ли, обличительный ли отвѣтный укоръ— все равно: замѣчанія «Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты» намъ пригодны, и было бы малодушіемъ въ томъ не сознаться. Напротивъ, ими необходимо воспользоваться; въ нихъ заключается такое указаніе на образъ дѣйствій въ политикѣ, на дипломатическую *ligne de conduite*, котораго разумность невозможно оспорить. Намъ возразятъ, пожалуй, что легко «честному маклеру» разсуждать такъ теперь, *post factum*, но если бы тогда, на конгрессѣ, Россія дѣйствительно потребовала то или другое, такъ никакой бы поддержки съ его стороны не встрѣтила. Можетъ быть; но потребовать все-таки бы не мѣшало. Тогда по крайней мѣрѣ не было бы и мѣста обвиненію—будто со стороны Россіи, на конгрессѣ, даже и не заявлялось серьезнымъ образомъ иныхъ требованій кромѣ тѣхъ, которыя поддержаны Германіей и которыя «въ самомъ Петербургѣ признаны достаточными»... Впрочемъ, повторяемъ, наша рѣчь не о Берлинскомъ трактатѣ, а лишь

по поводу комментарий на трактатъ, исходящихъ отъ самаго бывшаго президента Берлинскаго конгресса, — комментарий, съ которыми поставленные лицомъ къ лицу наши политики и дипломаты оказываются, по выраженію Петра Великаго, «не въ авантажѣ»... Авось-либо это послужитъ для нихъ трезвительнымъ урокомъ для будущаго, такъ какъ ни по чему еще не видно, чтобы горькій опытъ, во образѣ трактата, уже самъ по себѣ пролилъ новый свѣтъ въ ихъ политическое сознаніе, внесъ новыя силы духа въ ихъ дѣятельность.

Если бы результаты Берлинскаго трактата были послѣдствіемъ нашего пораженія на полѣ брани, были предписаны намъ побѣдителемъ, Россія подчинилась бы имъ хотя и съ болью въ сердцѣ, однако же съ тѣмъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, которое даетъ сознаніе честно исполненнаго долга. Несравнено оскорбительнѣе условій Берлинскаго трактата были для народнаго самолюбія, сами по себѣ, результаты Парижскаго мира 1856 г., такъ какъ они сопровождались утратою части русской государственной территоріи, добытой дорогою цѣною русской крови. И однакожь нравственное дѣйствіе Парижскаго трактата было совершенно иное чѣмъ трактата Берлинскаго; оно не только не уронило духъ въ Русской землѣ, но напротивъ, какъ бы окрылило его новою силою бодрой вѣры въ призваніе и назначеніе Россіи. Не то было въ 1878 году, въ которомъ мы, побѣдители въ битвахъ, оказались вдругъ позорно побѣжденными, но не внѣшнимъ превосходствомъ враговъ, а собственнымъ малодушіемъ, или точнѣе сказать малодушіемъ и маловѣріемъ высшей общественной среды, болѣе или менѣе руководящей судьбами великаго духомъ и непреклоннаго въ своей исторической вѣрѣ народа. Мы согрѣшили тяжкимъ грѣхомъ — *хулой* на собственный духъ народный, и вотъ этимъ-то гнетомъ грѣха и объясняется то болѣзненно-нравственное состояніе, въ которое впала Россія съ самой эпохи Берлинскаго трактата. Деморализующее дѣйствіе этого гнета сказалось вовсе не въ одной области внѣшней политики, но столько же и въ области политики внутренней, и во всемъ духовномъ строѣ общественномъ. Какъ бы мы ни жмурились, боясь заглянуть себѣ смѣло въ глубь души, какъ бы ни за-

глушали немолчный, тайный голос совѣсти, какъ бы ни убѣждали свой умъ доводами грошовой мудрости, какъ бы ни убаюкивали чувство народнаго самолюбія еще болѣе дешевыми насмѣшками надъ самообольщеніемъ узкаго, «кваснаго патріотизма» и узкой любви къ народности, — чувство совершеннаго нами грѣха, словно какой-то измѣны самимъ себѣ, какого-то вѣроотступничества нами содѣяннаго, продолжаетъ гнесты, давить, душить насъ и подтачивать все наше нравственное общественное бытіе. Таково развѣдающее, разлагающее свойство всякаго грѣха нераскаяннаго... Только сознавъ свою вину, свой грѣхъ противъ нашего собственнаго народнаго духа, противъ природы собственнаго историческаго организма, и только искренно, чистосердечно покаявшись въ немъ, избавимъ мы себя отъ его удручающей тяжести. Только покаяніе возвратитъ намъ здоровье и бодрость. Безъ этого внутренняго цѣленія, никакія внѣшнія «мѣропріятія», экономическія и политическія, не принесутъ намъ пользы, не дадутъ благого плода, потому что были бы построены на песокѣ, потому что прочно и плодотворно въ общественномъ организмѣ лишь то, что коренится въ глубинахъ крѣпкаго общественнаго духа...

Вотъ что намъ нужно. Не къ нарушенію или упраздненію постановленій Берлинскаго трактата призываемъ мы, не воинственный пылъ стараемся вызвать, а ждемъ и чаемъ въ нашей общественной, поверхнародной средѣ (и особенно на ея высшихъ ступеняхъ) возрожденія народнаго русскаго чувства и сознанія — чрезъ подвигъ внутренняго мужественнаго самообличенія и искренняго покаянія. Остальное приложится...

1883 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 1-го мая.

На предстоящее торжество вѣнчанія православнаго Русскаго Царя съѣдутся государи двухъ православныхъ Славянскихъ странъ,—и доблестной, искони независимой Черногоріи, князь Николай, и князь Александръ, верховный вождь недавно созажденной, восстановленной Россіей изъ праха, по истинѣ *кровнымъ* родствомъ соединенной съ нами Болгаріи. Отъ Сербскаго королевства, также въ значительной мѣрѣ обязаннаго своимъ бытіемъ самопожертвованію Русскаго народа и могущественному заступничеству русскихъ государей, явится одинъ изъ старѣйшихъ сербскихъ дипломатовъ: представительство, сравнительно, менѣ блестящее, но вполнѣ соотвѣтствующее печальнымъ обстоятельствамъ этой несчастной страны, преданной безумной политикою своихъ предержавшихъ властей въ полузависимость отъ Австро-Мадьярской имперіи и въ жертву внутреннимъ церковнымъ и гражданскимъ раздорамъ. Нельзя не пожалѣть, что столь достоцитимый въ Россіи, высокопреосвященный митрополитъ Сербіи Михаилъ лишень возможности принять личное участіе въ торжествѣ или даже въ священнодѣйствіи коронаванія. Тѣмъ не менѣ самый Сербскій народъ по прежнему близокъ и дорогъ намъ, и пребываетъ въ неизмѣнномъ союзѣ братской любви съ единоплеменной и единовѣрной Россіей: по слухамъ пріѣдетъ сюда депутація и непосредственно отъ народа, помимо оффиціальной...

Въ первый разъ будутъ присутствовать при вѣнчаніи русскихъ царей представители свободныхъ Славянскихъ странъ. Двадцать семь лѣтъ тому назадъ, въ эпоху коронаціи Императора Александра II, Черногорское *княжество* только-что еще начало быть; извѣстно, что Черная Гора истари управлялась владыками-митрополитами, но когда призванный на митрополичій престолъ юный Даніилъ Нѣгошъ,

прибывъ для поставленія въ Петербургъ, заявилъ Императору Николаю свое нежеланіе постричься въ монахи, Государь нарекъ его княземъ, и такимъ образомъ сотворилъ, къ немалому изумленію всей Европы, новое, небывалое государство на Балканскомъ полуостровѣ, которое въ наши дни всѣми уже признано наравнѣ со всѣми прочими самостоятельными державами. Сербія въ то время была еще вассальнымъ княжествомъ, и турецкая крѣпость съ гарнизономъ и пушками высылась надъ Бѣлградомъ. О *Болгаріи* не было и помину: рѣчь могла идти только еще о Болгарахъ. Оттоманское могущество ограждалось тройнымъ грознымъ поясомъ—водъ, боевыхъ твердынь и горь... А теперь?... Богато украшенъ царскій русскій вѣнецъ приснопамятнымъ Государемъ: это вѣнецъ не только державнаго Повелителя и Обладателя Россійской Имперіи, но и Освободителя, Защитника и Покровителя всего православнаго Славянства,—каковыя слова прилично было бы внести и въ самый нашъ царскій титулъ.

Непреложенъ ходъ исторіи, какъ бы ни старались его задерживать Парижскими и Берлинскими трактатами. Это не худо вспомнить именно теперь, въ настоящую пору, въ виду тройственнаго, недавно заключеннаго, «оборонительнаго» союза между Германіей, Австро-Венгріей и Италіей. Смыслъ этого союза вполнѣ ясенъ: въ новомъ съ Италіей соглашеніи собственно для Германіи не было никакой надобности; но отношенія Италіи къ Австріи, мѣшая свободѣ дѣйствій послѣдней державы, разстраивали чьи-то политическіе планы, и вотъ Италія отказывается теперь въ пользу Австріи отъ всѣхъ своихъ притязаній на остающіяся за Австрійскою монархіею итальянскія земли, да еще обязуется защищать ее, не только отъ своихъ «ирредентистовъ», но и отъ внѣшнихъ враговъ. Зачѣмъ, ради какой прибыли—это уже секретъ итальянской политики; важно то, что у Австріи теперь руки развязаны, что она обезопасена съ боковъ и съ тыла, и что для дальнѣйшаго движенія ея за Дунай нѣтъ болѣе препятствій... Чтѣ-то такое какъ будто готовится на такъ-называемомъ Востокѣ или на Балканскомъ полуостровѣ...

Москва, 1-го октября.

Мы не рѣшаемся выступить съ окончательно-опредѣленнымъ мнѣніемъ о послѣднихъ событіяхъ въ Болгаріи, пока не получимъ болѣе подробныхъ извѣстій съ мѣста, которыя бы выяснили намъ весь ходъ закулисной интриги,—почему и ограничиваемся теперь лишь простымъ изложеніемъ фактовъ, сообщенныхъ газетами (см. ниже «Славянское обозрѣніе»). Но уже и теперь несомнѣнно, что интрига была—австрійская, что обѣ болгарскія партіи, «консерваторы» и «либералы», равно и самъ князь Александръ, содѣлались вольными или невольными, сознательными или безсознательными ея орудіями, и что эти «послѣднія событія» знаменуютъ собою побѣду австрійской политики, или проще: вторженіе Австрійцевъ въ Болгарію. Другими словами: Восточный вопросъ вступаетъ отнынѣ въ новый фазисъ, и съ этой болѣе широкой и общей точки зрѣнія надлежитъ и разсматривать значеніе совершившагося въ Болгаріи переворота. Этою же точкою зрѣнія долженъ, по нашему мнѣнію, опредѣлиться и дальнѣйшій образъ дѣйствій Россіи. Болгарскій же вопросъ—только одна изъ частныхъ общаго вопроса Восточнаго... Россія можетъ пока и воздержаться отъ вмѣшательства во внутреннее управленіе княжествомъ и подождать результатовъ. Ей нѣтъ дѣла до интересовъ той или другой партіи: ей дорога сама Болгарія и Болгарскій народъ. Болгарскій же народъ не съ консерваторами, не съ либералами, фигурирующими за него въ качествѣ «депутатовъ» и суетловящими его именемъ, и не съ кѣмъ-либо инымъ, а съ Россіей,—съ Россіей, которой онъ обязанъ своимъ возрожденіемъ и въ неизмѣнное, безкорыстное доброжелательство, въ неукоснительную поддержку которой онъ безусловно вѣруетъ въ мудрой простотѣ сердца. Поэтому и всякій Болгаринъ, будь онъ консерваторъ или либераль, который способенъ строить козни противъ Россіи или замыслить хоть подобіе оскорбленія ея чести и достоинству, есть непремѣнно прожженный до мозга костей негодяй и предатель своего народа, толкающій его въ австрійскія сѣти. Это—аксіома.

Москва, 15 октября.

«Вѣрность принципу» — дѣло похвальное, но въ примѣненіи къ жизни все же требуетъ нѣкотораго разсужденія, нѣкоторой сдѣлки отвлеченнаго идеала съ практическими условіями данной минуты. Въ дѣлахъ же государственныхъ доктринерство или превозношеніе теории надъ практикой, не допускающее уступокъ, казалось бы, и совсѣмъ неумѣстно. Не совсѣмъ повидимому удобенъ и такой порядокъ въ странѣ, когда каждое вѣдомство служитъ своему «принципу», ведетъ свою политику, въ нѣкоторый ущербъ общегосударственной политикѣ и общегосударственному интересу.

Эти скромныя и очень извѣстныя мысли неволью пришли намъ на память по слѣдующему случаю:

Нѣтъ сомнѣнія, что мѣсто, обстановка, языкъ воспитанія оказываютъ сильное воздѣйствіе на душевный и умственный складъ воспитывающихся. Связь съ *alma mater*, какъ именуютъ обыкновенно учебное заведеніе молодые люди, гдѣ они просвѣтились свѣтомъ науки, одна изъ самыхъ прочныхъ и дорогихъ сердцу связей. Понятно, что связать эту высокою духовною связью Славянъ Балканскаго полуострова съ Россіею, даровать имъ благо знанія и укрѣпить въ ихъ родинѣ естественныя симпатіи къ нашему отечеству — мысль и возвышенная сама по себѣ, и разумная въ политическомъ смыслѣ. Этимъ и объясняется послѣдовавшее въ самомъ началѣ прошлаго царствованія, именно въ 1857 г., одновременно съ разрѣшеніемъ открытія въ Москвѣ Славянскаго Комитета, высочайшее повелѣніе: «молодымъ людямъ славянскаго происхожденія оказывать всякое содѣйствіе для поступленія въ російскія высшія учебныя заведенія».

Много воспиталось тогда въ русскихъ университетахъ, и особенно Московскомъ (отчасти на казенный счетъ, отчасти на счетъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета и его Отдѣленій), молодыхъ Славянъ — Болгаръ, Сербовъ, Черногорцевъ; многіе изъ нихъ и понынѣ подвизаются въ работѣ у себя дома, сохраняя неизмѣнно искреннюю преданность Россіи. Они оказались (за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ выродковъ) истинно полезными дѣятелями

и для своей родины, и для Русской державы. Къ сожалѣнію, скудныя средства Славянскаго Комитета, и нѣкоторая излишняя бережливость въ расходованіи средствъ казенныхъ именно тамъ, гдѣ такіе расходы были бы для нашихъ политическихъ интересовъ всего нужнѣе, помѣшали умноженію числа стипендій для славянскаго юношества въ томъ размѣрѣ, какой былъ бы желателенъ. Кромѣ того, нельзя не сознаться, что въ то время средняя школа въ самой Россіи, подготавливавшая студентовъ къ университету, стояла не на очень высокомъ уровнѣ; къ учащимся же Славянамъ относились у насъ, къ сожалѣнію, съ еще меньшею взыскательностью, а на переходныхъ и на выпускныхъ экзаменахъ допускали снисходительность до того явную, что это не могло не обратиться на себя вниманіе даже у нихъ на родинѣ. Особенно же сильно выдавалась эта снисходительность при сравненіи съ Славянами-воспитанниками Вѣнскаго университета, который не дѣлалъ имъ, *при прохожденіи курса наукъ*, никакого послабленія, вслѣдствіе чего вѣнскіе дипломы стали цѣниться въ Славянскихъ земляхъ дороже русскихъ. Спѣшимъ однако оговориться, что и въ нашихъ университетахъ, въ послѣднія пять-шесть лѣтъ, уже не дѣлали болѣе никакого преимущественнаго снисхожденія учащимся заграничнымъ Славянамъ,—и это тотчасъ же было съ благодарностью замѣчено у Славянъ дома. Мы можемъ засвидѣтельствовать, что всѣ наличныя молодые Славяне, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, трудятся теперь основательно и усердно.—Но къ прискорбію, у насъ такимъ исправленіемъ дѣла не ограничились.

Преобразовалась и русская средняя школа. Введена классическая система образованія. Дверь въ университеты могъ открывать только гимназическій *аттестатъ зрѣлости*, да развѣ семинарское свидѣтельство съ повѣрочнымъ при поступленіи въ университетъ испытаніемъ. Но до 1876 года, въ виду высочайшаго повелѣнія 1857 года, требованіе аттестата зрѣлости на Славянъ не распространялось; они продолжали поступать въ университетъ (такъ дѣлалось у насъ въ Москвѣ) болшею частью подготовившись нѣсколько лѣтъ въ духовныхъ семинаріяхъ и по семинарскимъ свидѣтельствамъ, безъ дополнительнаго или повѣрочнаго экзамена,

или же по свидѣтельствамъ другихъ русскихъ и заграничныхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1876 года все перемѣнилось; не только прекратилось «*всякое содѣйствіе для поступленія молодыхъ Славянъ въ русскія высшія учебныя заведенія*» и для образованія изъ нихъ, по выраженію одного изъ нашихъ дипломатовъ, «*полезныхъ и преданныхъ Россіи дѣятелей у себя на родинѣ*»,— но и вообще дѣлу воспитанія ихъ въ Россіи нанесенъ рѣшительный ударъ.

Приемъ въ университеты по семинарскимъ свидѣтельствамъ отмѣненъ вовсе, а Славянъ, желающихъ поступить въ російскіе университеты съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса получить дипломы на званіе кандидата, лѣкаря или дѣйствительнаго студента, дозволено принимать не иначе, какъ *по предъявленіи аттестатовъ зрѣлости...* Это распоряженіе произвело между учащимися Славянами совершенный переполохъ. Гдѣ имъ взять аттестатовъ зрѣлости! Нельзя же имъ, бѣднякамъ, восемь лѣтъ учиться въ русской гимназіи и потомъ четыре года въ университетѣ, нельзя уже потому, что каждый такой воспитанникъ обошелся бы своимъ благотворителямъ въ Россіи, которые бы согласились содержать его на свой счетъ, не менѣе пяти тысячъ рублей. А дома у себя—гдѣ же имъ взять такого образованія, которое бы равнялось *нашему* гимназическому! Правда, въ Сербіи имѣется, и кажется не одна, порядочная гимназія, но безъ греческаго языка, а только съ латинскимъ; имѣются таковыя же и около Черногоріи, въ Которѣ и Далмаціи... И вотъ въ 1878 году начальство С.-Петербургскаго учебнаго округа представило въ Министерство народнаго просвѣщенія ходатайство университетскаго совѣта о принятіи въ число студентовъ молодыхъ Славянъ—окончившихъ курсъ *въ гимназіяхъ Славянскихъ земель*. Но Министерство, въ своей высокой ревности къ принципу чистѣйшаго классицизма, было неумолимымъ: т. е. оно и разрѣшило приемъ таковыхъ Славянъ въ русскіе студенты, *но не иначе какъ по выдержаніи ими дополнительнаго экзамена изъ всѣхъ предметовъ, которые преподаются въ русскихъ гимназіяхъ и которые не преподаются въ славянскихъ*. Это равнялось совершенному отказу.

Впрочемъ Министерство допустило для Славянъ не малое, съ своей точки зрѣнія, снисхожденіе. Оно разрѣшило имъ поступать въ русскіе университеты и безъ аттестатовъ зрѣлости, но не въ студенты, а въ *вольнослушатели*. Оно разрѣшило даже имъ, не въ примѣръ русскимъ вольнослушателямъ, держать переходные и выпускные экзамены, но съ тѣмъ, чтобы имъ, *какъ бы удачно ни выдержали они испытаніе на лѣкаря или кандидата*, хотя бы даже получили по 5 балловъ въ каждомъ предметѣ, ни подъ какимъ видомъ не выдавать *дипломовъ*. Взамѣнъ дипломовъ повелѣно снабжать ихъ только *свидѣтельствами* о томъ, какіе предметы они слушали и какіе успѣхи оказали, и непременно съ такою оговоркою, что выданный аттестатъ *«не предоставляетъ имъ никакихъ правъ по службѣ въ Россіи»*.

Но когда славянскіе воспитанники Россіи появились у себя на родинѣ съ подобными университетскими аттестатами или свидѣтельствами, а не съ *дипломами*, каковыя выдаются обыкновенно во всѣхъ европейскихъ университетахъ,—славянскія правительства отнеслись къ нимъ болѣе чѣмъ недовѣрчиво, а товарищи, воспитавшіеся въ Вѣнскомъ университетѣ и щеголявшіе своими дипломами, даже съ насмѣшкой. Оговорка о непредоставленіи имъ служебныхъ правъ въ Россіи была растолкована такимъ образомъ: «значить—для службы въ Россіи они никуда не годятся», а потому нашимъ воспитанникамъ и на ихъ родинѣ не стали давать мѣстъ по службѣ. Однимъ словомъ—имъ пришлось бѣдствовать.

А умная и лукавая Вѣна тѣмъ временемъ заявила Славянскимъ землямъ, что она несравненно скромнѣе Россіи и въ дѣлѣ просвѣщенія не простираетъ такъ высоко своихъ требованій, а потому готова принимать въ студенты австрійскихъ университетовъ молодыхъ Славянъ *по однимъ свидѣтельствамъ ихъ гимназій, безъ дополнительнаго испытанія*... Въ то же время, Сербія, которая въ гимназіяхъ своихъ ввела одинъ только изъ классическихъ языковъ, латинскій, взамѣнъ греческаго сдѣлала обязательнымъ изученіе языка *нѣмецкаго*. Австрія такимъ классицизмомъ осталась довольна... Толпою устремляются теперь Сербы въ австрійскіе университеты, гдѣ и получаютъ—въ случаѣ вполнѣ удовлетворительнаго экзамена—*дипломы*, настоящіе дипломы, а не

русскіе аттестаты, и безъ всякой оговорки. Само собою разумѣется, что дѣло идетъ не о дипломахъ на званіе ученаго филолога (въ филологи балканскіе Славяне почти и не идутъ), а дипломахъ на званіе медика, юриста и т. п.

Теперь въ русскіе университеты молодые Славяне вновь и не поступаютъ, а остались — застряли можно-сказать, — только немногіе изъ прежнихъ, которые, согласившись поступить въ *вольнослушатели* (а не въ *студенты*), все еще полагались на вышеупомянутое, всему Славянству извѣстное высочайшее повелѣніе 1857 года, — все еще надѣялись, что Министерство народнаго просвѣщенія вниметъ наконецъ ходатайствамъ въ ихъ пользу самихъ русскійскихъ университетовъ. Не видя однакоже осуществленія своихъ надеждъ, они теперь близки къ отчаянію: что дѣлать? бросать русскій университетъ и направиться за границу? но для этого нѣтъ у нихъ денежныхъ средствъ, да и жаль потерянныхъ даромъ годовъ! Ну такъ оставаться и послѣ блистательнаго экзамена получить не дипломъ, а какой-то аттестатъ, для службы и для медицинской 'практики на родинѣ вовсе не годный? Что-жь! придется помириться и съ аттестатомъ, но ужъ развѣ съ тѣмъ, чтобъ заказать и другу и недругу изъ своихъ соотчичей — не соваться впредь за высшимъ просвѣщеніемъ въ Россію... Очень ужъ стала она строга въ оцѣнкѣ высшего просвѣщенія, даже и по отношенію къ Балканскому полуострову, — строже Вѣны и строже Парижа, потому что, какъ оказывается, и Парижъ поступаетъ по отношенію къ Славянамъ на одинаковыхъ правилахъ съ Вѣной...

Московскіе славянскіе воспитанники почти всѣ поступили въ университетъ еще при нашемъ предсѣдательствѣ въ Московскомъ Славянскомъ Обществѣ (которое вслѣдъ за Берлинскимъ трактатомъ по распоряженію русскаго правительства уничтожено), а потому мы и не могли отказать имъ въ участіи. Мы обращались съ ходатайствомъ за нихъ въ высочайше утвержденную при Азіатскомъ Департаментѣ Коммиссію по образованію въ Россіи южныхъ Славянъ, — въ которую подобныя же ходатайства поступили и отъ Петербургскаго Славянскаго Общества, одновременно съ просьбами отъ самихъ учащихъ славянскихъ юношей. Коммиссія съ своей стороны, какъ намъ извѣстно, обратилась нынѣш-

нимъ лѣтомъ съ ходатайствомъ въ Министерство народнаго просвѣщенія—о предоставленіи молодымъ людямъ южно-славянскаго происхожденія *тѣхъ же правъ*, коими они пользуются въ западно-европейскихъ университетахъ и о выдачѣ имъ вмѣсто аттестатовъ — настоящихъ дипломовъ. Относительно же оговорки на аттестатахъ о непредоставленіи Славянамъ служебныхъ правъ въ Россіи, Коммиссія, какъ мы слышали, выразила такое мнѣніе, что существенный смыслъ оговорки, т. е. обязательное возвращеніе Славянъ на ихъ родину (для которой Россія ихъ и воспитываетъ), долженъ быть конечно удержанъ, но для этого нѣтъ надобности помѣщать такую оговорку въ дипломъ, и совершенно достаточно брать съ молодыхъ людей обязательство о возвращеніи ихъ въ отечество, да сдѣлать по вѣдомствамъ надлежащее распоряженіе о непринятіи ихъ въ Россіи на службу. Съ своей стороны замѣтимъ, что теперь, по освобожденіи Болгаріи, по возведеніи Черногоріи и Сербіи въ санъ независимыхъ государствъ, нечего и опасаться, чтобъ Славяне оставались, по окончаніи курса наукъ, такъ-сказать у насъ на шеѣ: слишкомъ сильно нуждаются теперь въ образованныхъ людяхъ у нихъ самихъ, дома.

Нынѣшнимъ же лѣтомъ совѣтъ Московскаго (да кажется и иныхъ русскихъ университетовъ) входилъ, чрезъ свое начальство, въ Министерство съ представленіемъ о томъ, чтобы тѣхъ Славянъ, которые приняты были въ университетъ безъ аттестатовъ зрѣлости въ качествѣ вольнослушателей, но потомъ, при окончаніи курса, *выдержали прекрасно экзаменъ* на званіе лѣкаря, или кандидата и дѣйствительнаго студента, дозволено было удостоивать вмѣсто аттестатовъ—дипломами. И дѣйствительно, мы имѣемъ теперь въ виду, здѣсь въ Москвѣ, Болгарина Ч., превосходно выдержавшаго испытаніе на лѣкаря, да и поступившаго-то, кажется, въ университетъ только *три* мѣсяцами раньше злополучнаго для Славянъ распоряженія объ аттестатахъ зрѣлости,—и этому несчастному, несмотря на всѣ его чуть не слезныя прошенія, въ дипломъ на медика отказываютъ!

Однакожь, какъ намъ сообщаютъ теперь, ничто не могло поколебать вѣрности принципу въ членахъ Совѣта министерства народнаго просвѣщенія. Совѣсть ихъ возмущается

при мысли, что русский ученый дипломъ можетъ быть выданъ лицу, не обладающему гимназическимъ аттестатомъ классической зрѣлости, не вѣдающему *греческаго* языка: это роняетъ честь и достоинство русскаго диплома!... Мы вполне цѣнимъ строгое отношеніе къ принципамъ, но вѣдь дѣло идетъ здѣсь не о Россіи, и не о молодыхъ людяхъ предназначенныхъ для дѣятельности въ нашемъ отечествѣ. По нашему скромному разсужденію, какая бы, казалось, надобность нашему учебному вѣдомству очень печалиться о томъ, что гдѣ-нибудь въ Македоніи или около Албанскихъ планинъ будетъ заниматься медицинскою практикою медикъ, *хотя и отличный*, но безъ твердаго знанія всѣхъ тонкостей греческой грамматики?! Чѣмъ же компрометируется честь русскаго диплома, если снабженный онымъ хорошій юристъ и даже латинистъ будетъ въ Бѣлградѣ творить съ достоинствомъ судъ и правду, хотя бы онъ, какъ классикъ, и хромалъ на одно колѣно, т. е. на греческое? Чтó намъ до этого классическаго увѣчья, если само мѣстное правительство признаетъ аттестаты зрѣлости своихъ гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ—вполнѣ для своей страны удовлетворительными?... Вѣдь строгій классицизмъ въ образованіи не можетъ же на Балканскомъ полуостровѣ насадиться вдругъ разомъ; да и у насъ-то ему вѣдь всего безъ году недѣля! Вѣдь, съ точки зрѣнія министерскаго Совѣта, если быть логически послѣдовательнымъ, надобно было бы отнять университетскій дипломъ даже у большей части нынѣшнихъ русскихъ докторовъ и юристовъ, получившихъ гимназическое образованіе лѣтъ 10 — 12 тому назадъ? Въ самомъ дѣлѣ, если нельзя нашему Министерству стерпѣть, чтобы на Балканскомъ полуостровѣ лѣчили съ русскимъ дипломомъ на лѣкаря, но безъ знанія греческаго языка, то какъ же, напримѣръ, можетъ оно терпѣть доктора Боткина, который позволяетъ себѣ въ самомъ Петербургѣ, въ самомъ пѣклѣ нашего классическаго просвѣщенія, не только лѣчить, но даже и вылѣчивать людей безъ гимназическаго аттестата зрѣлости?! Не подвергнуть ли и его дополнительному въ греческомъ языкѣ испытанію? Но въ такомъ случаѣ доктору Боткину пришлось бы навѣрное лишиться диплома, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не выдержалъ бы гре-

ческаго экзамена нынѣшняго гимназическаго восьмиклассника, сбился бы въ удареніяхъ и получилъ бы много что тройку!

Конечно, ревнители классицизма quand même могутъ привести—не даромъ же они классики — извѣстное изреченіе: *fiat justitia et pereat mundus!* Но въ настоящемъ случаѣ это *pereat* — никому другому, какъ русскимъ же государственнымъ политическимъ интересамъ...

Между тѣмъ именно въ нынѣшнемъ году состоялся *первый выпускъ* изъ Пловдивской (Филиппопольской) гимназіи, основанной вслѣдъ за освобожденіемъ нами Болгаріи изъ-подъ турецкаго ига. Понятно, что воспитанники ея обратились въ Россію съ просьбами о дозволеніи довершить имъ свое образованіе въ русскихъ университетахъ... Но, если справедливо полученное нами свѣдѣніе, суровые классики въ Совѣтѣ нашего министерства, справясь, что въ Филиппопольской гимназіи—*horribile dictu!*—не преподается греческій языкъ, а только одинъ латинскій, не поддались слабости, хотя, говорятъ, и не безъ боли въ сердцахъ: не могутъ! это выше ихъ силъ и даже разумнѣя!... Честь русскаго диплома не позволяетъ!...

А Вѣна хихикаетъ, радостно потираетъ руки и привѣтливо мигаетъ Филиппополю... «Къ намъ, пожалуйста къ намъ, наша дверь для васъ настежь»... И гурьбой потянутся Болгаре въ гостепріимную Вѣну.

Но, кажется, рѣшеніе Совѣта не обязательно для г. министра. На него только и на его государственный умъ мы и возлагаемъ надежды. Если же это рѣшеніе измѣнено быть не можетъ, даже не смотря на ходатайство нашихъ дипломатовъ,—то мы просимъ, мы молимъ министра только ужъ объ одномъ: сжалиться надъ *наличными* Славянами-воспитанниками, дозволить имъ благополучно докончить курсъ и при удовлетворительномъ экзаменѣ не отказать имъ въ выдачѣ диплома. Это вѣдь будутъ уже *послѣдніе* славянскіе воспитанники. Больше ихъ уже не будетъ; не стануть они больше стучаться въ нашу дверь... Развѣ настанетъ время, когда и на Балканскомъ полуостровѣ процвѣтетъ наконецъ классическая система во всей своей строгости?... Но не поздно ли будетъ? Чѣмъ усиленнѣе станемъ мы содѣйствовать

наполненію юго-славянскихъ странъ австрійскими воспитанниками и преданными ей дѣятелями, тѣмъ успѣшнѣе и скорѣе подготовимъ и на Балканскомъ полуостровѣ торжество Австріи—не въ одномъ только экономическомъ отношеніи...

Москва, 1 ноября.

Когда въ первый разъ было получено нами извѣстіе, что болгарскій радикаль «Цанковъ», возвращенный изъ ссылки по настоянію русскаго министра-президента, имѣлъ у князя Александра аудіенцію и между ними произошло полное примиреніе и соглашеніе, мы поспѣшили сообщить эту новость, случайно бывшему въ Москвѣ, одному изъ нашихъ дипломатовъ хорошо знакомому лично съ болгарскими дѣлами и партіями,—и первымъ его словомъ было слѣдующее: «Цанковъ помирился съ княземъ?.. Ну такъ онъ же его и постарается сбыть... Какъ это сдѣлается, я не знаю, но настолько знаю Цанкова и его умъ, что не вѣрю въ возможность его искренняго примиренія. Ручаюсь вамъ, да вы скоро увидите и сами, послѣдствія этого примиренія окажутся не къ добру—именно лично для князя». Мы не придали въ то время особеннаго значенія этому предсказанію, но невольно вспомнили о немъ при недавнемъ *coup d'état* въ Болгаріи и особенно при чтеніи послѣднихъ удивительныхъ «приказовъ» князя Александра «по арміи». Разгнѣвавшись на русскую верховную власть, за то, что она отозвала назадъ въ Россію (правда, безъ соблюденія обычныхъ приличій, но послѣ уже безцеремоннаго поступка князя съ представителемъ Россіи и съ русскими министрами) двухъ княжихъ наперсниковъ, состоящихъ въ его свитѣ, русскаго генерала Лѣсоваго и русскаго штабсъ-капитана Ползикова, сей юный, сотворенный Россіею князь немедленно отдалъ два слѣдующіе приказа, напечатанные въ официальной болгарской газетѣ. Въ первомъ изъ нихъ онъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе Болгарамъ, что такъ какъ русское правительство совершило это отозваніе безъ его согласія и даже вѣдома, то онъ за это изгоняетъ изъ своей свиты всѣхъ остальныхъ русскихъ офицеровъ, — хотя, не безъ умысла прибавляетъ князь, они и

оказали весьма полезныя услуги и ему и *Болгаріи*: однимъ словомъ, онъ изгоняетъ ихъ ни за что ни про что; а въ *отместку!*.. Лишивъ такимъ образомъ Болгарію этихъ полезныхъ людей, князь, опять-таки какъ бы въ отместку той же Русской державѣ, вторымъ своимъ приказомъ велитъ немедленно вернуться въ Софію всѣмъ молодымъ болгарскимъ офицерамъ, которые заканчиваютъ свое военное образованіе въ Россіи и удостоены даже на это время зачисленія въ ряды русской арміи... Другими словами, желая наказать русское государство, князь изволитъ наказывать Болгарію, лишая болгарскихъ офицеровъ надлежащаго образованія и чести сослуженія съ тою арміей, которая своею кровью освободила и воссоздала Болгарію!! Эти приказы могутъ быть объяснены или развѣ состояніемъ такого «аффента», который даже и на судѣ даетъ человѣку привилегію невмѣняемости,—но въ такомъ случаѣ можетъ возникнуть вопросъ о правоспособности съ точки зрѣнія психіатровъ,—или же... Пожалуй, хоть коварными кознями г. Цанкова, если стать на точку зрѣнія вышеупомянутаго дипломата! Желая сбыть ненавистнаго ему «принца Баттенберга», ужъ и въ самомъ дѣлѣ не пользуется ли знаменитый старый болгарскій патріотъ свойственною юности князя неопытностью и легкомысліемъ (очень уже крайнимъ, надо признаться), съ тѣмъ, чтобъ посорить его съ Россіей, заставить его «противъ рожна прати»?.. Мы съ своей стороны вовсе не склонны приписывать г. Цанкову какъ бы роль Яго въ Шекспировой драмѣ, и если привели себя на память эту не нашу догадку, то лишь потому, что до сихъ поръ затрудняемся приискать объясненіе поступкамъ князя и его новаго министерства, въ которомъ, г. Цанковъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Г. Цанковъ имѣетъ репутацію человѣка очень умнаго и горячо любящаго свое отечество патріота; онъ теперъ и ближайшій совѣтникъ князя. Но гдѣ же его умъ и гдѣ же его патріотизмъ, если дѣйствія «конституціоннаго государя», за которыя отвѣтственность несутъ не иной кто, какъ министерство, направлены къ оскорбленію Россіи, компрометируютъ предъ Россіей и всѣмъ свѣтомъ не только лично князя Александра, но честь, нравственное достоинство, наконецъ миръ и благополучіе самого Болгарскаго народа? Какимъ умомъ и патріотизмомъ могутъ быть

о оправданы такія государственныя мѣры, какъ уничтоженіе народнаго ополченія или милиціи, такъ прекрасно подготовленной русскимъ военнымъ управленіемъ, или какъ дезорганизація превосходнаго войска, созданнаго для Болгаріи русскими офицерами и унтеръ-офицерами, и которое безъ сомнѣнія немедленно придетъ въ совершенное разстройство, какъ скоро русскіе начальники и инструкторы покинутъ Болгарію? Развѣ могутъ быть въ этомъ княжествѣ, существующемъ всего какихъ-нибудь пять лѣтъ, опытные болгарскіе офицеры, съ военными традиціями и въ потребномъ числѣ?! Мы видимъ, что князь Болгарскій не дозволяетъ даже и небольшому числу молодыхъ Болгаръ докончить военное образованіе начатое ими въ Россіи! Остается только предположить, что онъ отправитъ ихъ доучиваться въ Вѣну, или что болгарскіе министры вмѣстѣ съ своимъ княземъ имѣютъ въ виду замѣнить русскихъ офицеровъ германскими и австрійскими?.. Во всемъ этомъ, съ точки зрѣнія болгарскихъ интересовъ, нѣтъ ни ума, ни патріотизма, но съ точки зрѣнія интересовъ враждебныхъ болгарскимъ—задуманная и частью исполненная уже мѣры очень умны и желанны... патріотизму австрійскому... Неужели же слѣдуетъ допустить высказанное нѣкоторыми газетами предположеніе, будто Цанковъ и К⁰ (т. е. его либеральная партія) просто соблазнились властолюбіемъ, а нѣкоторые изъ нихъ и корыстолюбіемъ, прельстились министерскими портфелями, высокими окладами жалованья и возможностью иныхъ выгодныхъ акциденцій, и такимъ образомъ продались и предались той новой политикѣ, которая такъ противорѣчитъ и выгодамъ Болгаріи, и требованіямъ народнаго духа? Мы не беремся отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ, хотя г. Немировичъ-Данченко и свидѣтельствуемъ, въ недавнемъ письмѣ изъ Руцука, въ «Новостяхъ», что Цанковъ своимъ вступленіемъ въ министерство лишился теперь всякой популярности и симпатіи въ Болгарскомъ народѣ,—и хотя мы вообще не слишкомъ высокаго мнѣнія о доблестяхъ Болгаръ *старога закала*—воспитавшихся при турецкомъ режимѣ, въ турецкой школѣ и въ традиціяхъ восточной нравственности. Мы не можемъ также допустить толкованіе, что болгарскихъ либераловъ подкупила не корысть, а пламенная любовь къ конституціонализму, однимъ словомъ

обѣщаніе князя возстановитъ Тырновскую конституцію: не можемъ потому, что эти страстные любовники конституціи тотчасъ же отпраздновали ея возстановленіе самымъ грубѣйшимъ нарушеніемъ Тырновскаго органическаго устава и уступками князю самого неконституціоннаго свойства.

Все это трудно поддается объясненію. А между тѣмъ не возможно и сомнѣваться, что князь Александръ дѣйствительно послѣдовалъ чьимъ-то дурнымъ, коварнымъ совѣтамъ, обнадежилъ чьей-то сильной, по его мнѣнію, поддержкой, и не надѣленный въ то же время достаточною прозорливостью и самообладаніемъ, стораяча и сироста попался самъ въ разставленную ему сѣть. Оставимъ пока г. Цанкова и вообще Болгаръ въ сторонѣ: дипломаты и государственные правители они еще несовсѣмъ искусные и сами о себѣ едва ли бы когда отважились на дѣло въ Болгаріи совершившееся. Поищемъ совѣтчиковъ и вдохновителей всего этого «государственного переполоха», учиненнаго княземъ Александромъ, гдѣ-нибудь внѣ княжества, на сторонѣ...

Князь Александръ, какъ извѣстно, въ бытность свою въ Москвѣ, во время коронаціи, не имѣлъ успѣха во многихъ своихъ ходатайствахъ и домогательствахъ, между прочимъ объ отозваніи русскихъ министровъ, имъ же самимъ избранныхъ и выпрошенныхъ у русской верховной власти. Извѣстно также, что эти послѣдніе убѣдились въ необходимости сокращенія срока полномочій присвоеннымъ себѣ княземъ два года тому назадъ, такъ какъ никакого блага странѣ отъ этихъ полномочій не вышло, а лишь одинъ вредъ: образовалась именно около князя, благодаря вліянію австрійскаго дипломатическаго агента (русскаго даже и не было въ теченіи послѣдняго года!), цѣлая «камарилья» или клика «консерваторовъ», съ явными австрофильскими тенденціями и съ сильными попопзновениями къ наживѣ... Изъ Россіи онъ уѣхалъ болѣе или менѣе неудовлетворенный. Онъ предполагалъ (какъ это многіе отъ него въ Москвѣ лично слышали) провести гдѣто въ Карлсбадѣ и Дармштадтѣ и не присутствовать въ Софіи во время засѣданій національнаго собранія, созваннаго по желѣзнодорожному вопросу. Но остановившись въ Берлинѣ, посѣтивъ Вѣну, — онъ перемѣнилъ весь свой планъ и очутился въ Болгаріи, совершенно неожиданно, го-

раздо ранѣе назначеннаго имъ срока и не предупредивъ даже о томъ своего министра-президента (генерала Соболева), который преспокойно оставался въ Россіи и послѣдствіемъ въ Болгарію лишь по извѣщенію нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Что же произошло въ Берлинѣ? Въ отвѣтъ укажемъ на слова одной берлинской газеты, приведенныя въ статьѣ нашего берлинскаго корреспондента въ 20 № «Руси», — замѣчательныя уже потому, что онѣ появились въ свѣтъ во время пребыванія князя въ этомъ городѣ, когда никто изъ насъ въ Россіи и не предполагалъ скорого наступленія «болгарскихъ событій». Вотъ онѣ: «Князь Болгарскій до вчерашняго вечера гостилъ въ стѣнахъ Берлина. Онъ нашелъ отиѣнный приѣмъ при дворѣ; онъ былъ привѣтствованъ княземъ Бисмаркомъ и графомъ Гацфельдомъ (бывшимъ германскимъ посланникомъ въ Константинополь). Но никто не даетъ себѣ труда спросить: *какіе политическіе мотивы служатъ основаніемъ этому совѣщанію?* Прямо сказать: конечно цѣлью его приѣзда сюда теперь не было желаніе явиться въ качествѣ турецко-русскаго вассала съ московскихъ коронаціонныхъ торжествъ. «Туть» — продолжаетъ загадочно газета — «представляется цѣлая серія соображеній, которыя могли показаться важными князю Болгарскому, напримѣръ — выиграть больше *интимное сближеніе съ Берлинскимъ кабинетомъ. Конференціи, которыя онъ имѣлъ съ руководителями нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, должны, какъ думаютъ въ хорошо осведомленныхъ сферахъ, необходимо укрѣпить его (т. е. князя) положеніе... Уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ русскіе властелины (?) въ Болгаріи, водящіе на помочахъ князя и его министерство, усердно стремятся образовать тѣсное единеніе между маленькими дунайскими государствами и Греціей, и соглашеніе это направляется прямо *противъ Австро Венгріи*, — такъ что эти старанія въ значительной степени *привлекли на себя вниманіе и германской дипломатіи*... Кстати, приведемъ здѣсь и не очень давній отзывъ знаменитой консервативной берлинской газеты «*Kreuz-Zeitung*» о томъ, что «*миссія Австріи на Востокѣ дѣло съ Берлиномъ безповоротномъ рѣшенное*» и что Россія не дурно сдѣлаетъ, если сама, покорившись «*роковой необходимости*», станетъ «*способствовать укрѣпле-**

нію этого убѣжденія среди Славянъ Балканскаго полуострова!...

Вотъ какими внушеніями окруженъ былъ въ Берлинѣ бывшій германскій принцъ Баттенбергъ; бывшій офицеръ прусской службы и сынъ бывшаго фельдмаршала лейтенанта службы австрійской, — затѣмъ, по милости и волѣ Русскаго Государя, произведенный въ князи Болгарскіе! Можно ли даже и требовать отъ молодого князя жестокосердаго отреченія отъ всего, что всякому кровному Германцу дорого и завѣтно! Отправившись въ Вѣну, онъ получилъ безъ сомнѣнія и тамъ не менѣе убѣдительныя внушенія, а вмѣстѣ и болѣе точныя указанія способа дѣйствій, отъ графа Кальноки. По крайней мѣрѣ еще будучи въ Вѣнѣ князь Александръ затребовалъ чрезъ своихъ людей представленія себя отъ болгарскаго «Державнаго Совѣта» о настоятельной будто бы необходимости немедленно удалить русскихъ министровъ и прекратить приемъ на службу русскихъ офицеровъ: представленіе и послѣдовало, но за подписью только 4-хъ членовъ, — остальные подписать отказались. Въ то же время берлинскія, но въ особенности австрійскія газеты, какъ бы по данному знаку, затрубили объ опасности угрожающей европейскому миру отъ русскаго деспотизма въ Болгаріи, о безпорядкахъ и смутахъ въ княжествѣ по вѣнѣ Россіи, и т. д. и т. д. Что послѣдовало затѣмъ — извѣстно.

По всему однако жъ видно, что несчастный князь Болгарскій былъ только игрушкою австрійской политики, временно нужною ей для достиженія своей цѣли. Австрія домогалась прежде всего и пуще всего соединенія болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ съ австрійскими, такого соединенія, которое давало бы ей возможность возить по рельсамъ товары (а въ потребномъ случаѣ и войско) и въ Софію, и въ Салоники, и обходнымъ путемъ въ Константинополь. Этого она теперь и добилась, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Національное болгарское собраніе, по удаленіи уже русскихъ министровъ, руководимое министерствомъ Цанкова и К^{го}, безусловно и единогласно вотировало это соединеніе. Далѣе Австрія безъ сомнѣнія лучше чѣмъ кому-либо извѣстна нерасторжимость связи Болгаріи съ Россіей, но внести смуту въ эти отношенія, хотя бы даже на время, было все же для Австріи не

безвыгодно, особенно когда представлялся для того такой удобный инструментъ какъ князь Александръ. Призракъ вмешательства Европы,—конечно не болѣе какъ призракъ,—долженъ былъ, по соображеніямъ австрійскихъ политиковъ, конечно побудить Россію взойти не только въ объясненіе, но также и въ нѣкоторое *соглашеніе* съ Берлиномъ и Вѣною,—а этого только и требовалось. Начнутся переговоры, и Австрія, «руководимая безпристрастіемъ», безъ сомнѣнія *уступитъ* Россіи Болгарію, признаетъ законность русскаго вліянія на эту часть Балканскаго полуострова, но подъ условіемъ разныхъ не бесполезныхъ для нея оговорокъ... По крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ представляется намъ, странный повидимому, но вѣроятно рассчитанный и взвѣшенный во всѣхъ своихъ частностяхъ, политическій маневръ австрійскаго правительства.

Ни съ того, ни съ сего, графъ Кальноки, въ отвѣтъ своемъ венгерской делегаціи, выгородивъ конечно отъ упрека собственно русскій кабинетъ, но сваливъ вину на воинственную будто бы агитацію русской печати, указавъ на Россію какъ на единственную державу угрожающую спокойствію Европы. При этомъ онъ нашель нужнымъ выразиться, что если Россія и нападетъ на Австрію, то Австрія *не будетъ одна*, т. е. далье понять, что въ силу союза съ Германіей, Россіи придется имѣть дѣло и съ нею... Само собою разумѣется, такое заявленіе въ устахъ дипломата, какъ бы равнявшееся прямому вызову брошенному въ лицо Россіи, не могло не произвесть въ австрійской и германской публикѣ сильнѣйшее возбужденіе. Вслѣдъ затѣмъ, берлинскія газеты успѣли пояснить, что союзъ Германіи съ Австріей заключенъ въ *интересъ мира*, т. е. что на стражѣ этого сокровища стоятъ два нѣкіихъ ангела съ обнаженными мечами; и всякій, кто захочетъ имѣть и свою часть въ этомъ сокровищѣ, долженъ за полученіемъ оной вступать въ сдѣлку съ обоими ангелами. Черезъ два дня, полагая вѣроятно, что надлежащій эффектъ на кого слѣдуетъ произведенъ, графъ Кальноки, въ отвѣтъ другой делегаціи, какъ бы ваялъ свои слова назадъ и подтвердилъ, что Россія о войнѣ и не думаетъ, что отношенія ея къ Австріи самыя дружественныя, однимъ словомъ: погрозивъ Россіи за два дня, открылъ те-

перь перспективу мирнаго соглашенія. Вся эта фальшивая тревога произведена была повидимому единственно для того, чтобъ выше поднять цѣну успокоенія, и вся эта фальшивая атака не имѣла, кажется, другой цѣли, какъ именно ту, чтобъ придать значеніе отступленію и отдать чужой товаръ самому хозяину—въ видѣ великодушной *уступки*, вслѣдствіе взаимнаго уговора и конечно съ выгодой для себя! Намъ неизвѣстно, какія сношенія происходили у Россіи съ упомянутыми державами: мы убѣждены, что они велись нашею дипломатіею съ достоинствомъ и твердостью, но все же Россіи пришлось переговариваться, опредѣлять характеръ русскихъ отношеній къ Болгаріи и согласовать ихъ съ условіями «европейскаго мира»!.. Понятно, что переговоры должны были увѣнчаться успѣхомъ, и думаемъ, что объѣмъ западнымъ державамъ это было очень хорошо извѣстно впередъ и заранѣе, до начала всей этой ложной тревоги...

Истолковательница послѣдней рѣчи гр. Кальноки, газета «*Neue freie Presse*» не замедлила пояснить тономъ совершенно офиціоннымъ, что Россіи и Австріи именно очень не трудно, и именно въ дѣлахъ на Востокѣ, придти къ *желанному соглашенію*, предъявивъ опредѣленные требованія, спокойно обсудивъ ихъ, сдѣлавъ взаимныя уступки, и т. д. «Австрія—выразилась она—должно оставить всякія попытки умалить русское вліаніе въ Болгаріи... Въ Вѣнѣ не будутъ возставать противъ возрѣнія Русскихъ, что настоящія болгарскія событія имѣютъ значеніе только *мѣстное*. Въ какія бы отношенія ни сталъ князь Болгарскій къ Россіи—это его личное дѣло Европа (а также и Австро-Венгерія) не обязана поддерживать его протесты противъ русской опеки. Россія не помѣшала народному собранію утвердить желѣзнодорожную конвенцію; Австрія не должна мѣшать Россіи оберегать ея авторитетъ въ Болгаріи, *лишь бы Болгарія не сдѣлалась передовымъ постомъ, откуда будетъ нарушенъ маръ Австріи, лишь бы изъ Болгаріи не наносили ущерба экономическимъ и торгово-политическимъ интересамъ Австріи*... Участь принца Баттенберга, заключаетъ газета, зависитъ отъ его собственнаго поведенія: не удастся ему отстоять свой престолъ вслѣдствіе сопротивленія Россіи, *ему также спокойно позволятъ уйти, какъ позволили ему надѣтъ болгарскую корону!*»

Вѣднѣй принцъ Баттенбергскій!... Каково же ему читать теперь эти строки, послѣ всѣхъ недавнихъ берлинскихъ и вѣнскихъ почестей и внушеній, послѣ всѣхъ оффиціозныхъ возгласовъ въ пользу его противъ Россіи, которыми была переполнена австрійская печать предъ и вслѣдъ за послѣднимъ болгарскимъ переворотомъ! Не знаемъ—какъ въ концѣ-концовъ устроится положеніе легковѣрнаго и неразумнаго принца. Несомнѣнно одно, что связь Россіи съ Болгаріей и ея народомъ не потерпѣла, да и не можетъ потерпѣть никакого ослабленія, — но этого недостаточно. На Россію по отношенію къ Болгаріи лежитъ святая обязанность, возложенная на нее и ея положеніемъ, какъ сильной Славянской державы, и самымъ подвигомъ освобожденія и возрожденія Болгарскаго народа. Не можетъ, не должна она допустить, чтобы созданная ею Болгарія стала достояніемъ чужихъ и мѣстныхъ властолюбцевъ и проходивцевъ, и жертвою ихъ алчной корысти.

Но для исполненія этой обязанности, необходимо самой Россіи умѣть понять и сознать ее, понять и сознать свое собственное историческое призваніе въ мірѣ и вести политику вполне согласную съ ея достоинствомъ, съ интересами и съ духомъ своего народа. Во всемъ, что теперь совершается въ Болгаріи, прежде всего виновата сама Россія или та фальшивая политика, которою она руководилась въ послѣдніе годы прошлаго царствованія... подъ руководствомъ фальшиво прославленнаго російскаго канцлера!

Москва, 15-го ноября.

Съ Запада дуетъ миролюбіемъ, и на этотъ разъ настолько рѣзко и чувствительно, что въ подлинномъ свойствѣ дуновенія нельзя сомнѣваться. Слава Богу! *Возруженный миръ*, хотя и не то что миръ разоружившійся, перековавшій «мечи на орала», однако все же лучше войны, и не только войны, но и того неопредѣленнаго состоянія, которое можно назвать полумиромъ и которымъ характеризовались до самыхъ послѣднихъ дней отношенія къ Россіи ея ближайшихъ сосѣдей. Правда, Германія хвалится, что куется миръ уже издавна,

съ самаго окончанія Берлинскаго конгресса; только тѣмъ и занята, чтобы заключить кого-нибудь въ оковы мира; съ этою цѣлью и «литы» или заговоры мира устраиваетъ; но кромѣ того, что не всѣмъ эти оковы впору; не вслѣдствіе охотился стать узникомъ миролюбивыхъ замысловъ германскаго канцлера, — оказалось до очевидности, что немислима (для Европы) никакая благоденственная «тишина», обусловленная воинственными угрозами Русской державѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни — сладкогласно пѣлись «гимны» миру правителями и дипломатами срединнаго европейскаго материка, но трудно было этому пѣнію внушить Европѣ спокойствіе среди той суетливой, назойливой, запальчивой вражды къ Россіи, которую свистѣла, шумѣла, галдѣла до оглушенія германская и австрійская пресса. Въ послѣднее время она представляла подобіе дружной военной на насъ атаки, какъ бы по чужьей то командѣ: «въпервя!»... Насъ то-и-дѣло кроили и дѣлили; пасивили, памфлеты, брошюры, передовыя газетныя статьи о походѣ на русскую территорію, съ соображеніями стратегическими и даже политическими на случай успѣха (кого-рый, при нашей пресловутой теперь въ Европѣ «слабости во всѣхъ отношеніяхъ», представлялся несомнѣннымъ), сыпались какъ картечь изъ митральезы. Печать и въ Австро-Венгрии и въ Германіи конечно свободна, но по вопросамъ вѣдшей политики она не имѣетъ привычки дѣйствовать слишкомъ рѣзко въ разладъ съ верховнымъ правительствомъ. Русская журналистика не столько оскорблялась, сколько сердечно огорчалась таковымъ непристойнымъ и незаслуженнымъ Россією сосѣдскимъ поведеніемъ и пыталась вѣжливо урезонить расходившееся «общественное мнѣніе» этихъ просвѣщенныхъ, странъ, — но ее же и притянули къ отвѣту! ее же именно и благоволили австрійскій министръ графъ Кальноки, публично, предъ высшимъ имперскимъ парламентомъ, обвинить въ бранномъ задорѣ! А теперь, опять словно по командѣ, всѣ главнѣйшіе органы австро-венгерской и германской прессы бьютъ отбой, слагаютъ пѣсни миру, выдаютъ похвальный аттесталь русскому кабинету, гладятъ по головѣ, свисходительно, русскую печать и объявляютъ внушительно, что на политическомъ горизонтѣ все обстоятъ благополучно, но обстояло бы еще благополучнѣе, еслибы не было «нѣкото-

рыхъ черныхъ зловѣщихъ въ Россіи точекъ. Точки же эти — русскіе панслависты. Они одни угрожаютъ миру. Не будь ихъ — была бы тишь да гладь, и никакія бы жертвы не пищали, и Альзасцы, вѣроятно, благословляли бы своєю судьбу, и Босняки только бы умилились, отбывая Австрійцамъ воинскую и податную повинность... Вслѣдствіе такихъ заграничныхъ обвиненій, заговорили вновь «о панславистахъ въ Россіи» и многія наши газеты. Однѣ всячески отрицаютъ ихъ существованіе, но допускаютъ, что въ Россіи есть — таки въ извѣстной степени сочувствіе къ Славянамъ, которое впрочемъ оправдывается естественностью родственныхъ чувствъ. Другія, хмурясь, замѣчаютъ на это, что оно пожалуй и дѣйствительно такъ, но и родственниковъ надо любить съ умѣренностью и акуратностью, руководствуясь прежде всего собственными интересами; третьи возглашаютъ, что всякому славянскому вопросу и всякимъ славянскимъ сапатіямъ наступилъ теперь конецъ, и Россіи нужно теперь помышлять только «о цивилизаціи». При этомъ «Русскій Курьеръ» съ истинно-рабымъ усердіемъ доноситъ своей барынь — Западной Европѣ или въ частности своимъ «высококультурнымъ» господамъ Австро-Венгріи и Германіи, что напрасно-де отрицаютъ бытіе панславистовъ въ Россіи, что они имѣются, только подъ кличкой «славянофиловъ», которые все не вымерли, а еще живы; что отъ нихъ-де вся и бѣда, они и послѣдней-то русской войны виновники, ихъ-то и слѣдовало бы искоренить, какъ гибель, какъ чуму, какъ язву нашихъ мѣстъ... Оставимъ, впрочемъ, наши газеты въ сторонѣ и займемся «черными точками» смущающими иностраннаго правительства и публицистовъ.

Что такое панславизмъ или въ буквальномъ переводѣ — всеславянство? Существуетъ ли онъ? И да, и нѣтъ. Онъ не существуетъ ни какъ политическая партія, ни какъ политическая программа, ни даже какъ опредѣленный политическій идеаль. Объединеніе всѣхъ Славянъ восточныхъ и западныхъ въ одно политическое тѣло даже и въ мечтахъ никому доселѣ въ точномъ образѣ не представлялось. Но панславизмъ несомнѣнно имѣетъ бытіе какъ присущее въ наше время всѣмъ многоразличнымъ вѣтвямъ Славянскаго племени сознаніе ихъ славянской общности или единопле-

менности. Эта общность не имѣетъ, какъ таковая, ни формы, ни иного вышшняго выраженія; да и трудно было бы ей по-видимому найти ихъ себѣ при разнообразіи всёхъ этихъ вѣтвей, отличающихся другъ отъ друга и вѣроисповѣданіями, и вышшними историческими судьбами, и нарѣчіями, и алфавитомъ: однихъ азбукъ славянскихъ можно насчитать семь или восемь!.. Ни одна изъ вѣтвей и не думаетъ поступаться въ пользу другой своею этнографическою или пожалуй мѣстною «національною» особенностью... Но при всемъ томъ, вопреки этому разнообразію, всё онѣ слышать въ себѣ близкое родство духа, всё онѣ въ наши дни сознаютъ себя какъ бы членами одного духовнаго и нравственнаго цѣлаго... Всѣ эти Чехи, Словаки, Словенцы, Хорваты, Сербы, Болгары, — всё они, вмѣстѣ съ пробужденіемъ къ національной жизни, пробудились не только какъ Чехи, Словаки, Словенцы и пр., но и какъ *Славяне*. Ибо не какъ Чехи, Словаки, Словенцы и пр., взятые порознь, приваны они ко всемірно-исторической роли; но какъ *Славяне* и *черезъ Славянство*: только этою стороною своего бытія, только какъ части міроваго племени Славянскаго, могутъ они достигнуть и міроваго значенія въ исторіи. Въ этой обще-славянской сторонѣ, или имѣннѣ идеѣ Славянства, они — ничто. Одною своею этнографическою особенностью не въ состояніи они спасти свою духовную самостоятельность отъ насилія и соблазновъ чуждыхъ народовъ, болѣе чѣмъ они мощныхъ культурою, энергіей воли, самомнѣніемъ и вышшнею крѣпостью.

Носительница этой идеи Славянства, воплотившая ее въ самомъ своемъ бытіи — Россія. Этимъ и объясняются всё вольныя и невольныя тяготѣнія къ ней прочіихъ, разбѣянныхъ и разрозненныхъ отраслей Славянскаго племени. Она уже сама цѣлый міръ, — міръ, который стоитъ о себѣ и самъ собою, не извиѣ получаетъ, а самъ изъ себя раскрываетъ свое призваніе, — міръ противопологающій себя Западу: и своимъ отличнѣмъ отъ него вѣроисповѣданіемъ, и своею всеобщюю съ нимъ исторіею, и всеми коренными началами соціального, гражданскаго, политическаго своего бытія, особымъ нравственнымъ и духовнымъ складомъ своего народа. Ему, *русско-славянскому міру*, передалъ въ наслѣдіе и въ береженіе православный Востокъ всё сохранныя имъ сокро-

лица вѣрующаго духа; когда изнемогъ самъ для исторической жизни и поработенъ былъ ордами магометанскими; ему, *русско-славянскому міру*, передала умирающая Восточная Имперія свой вѣнецъ и свое неисполненное призваніе. Но представитель Востока и наследникъ Византіи, этотъ русско-славянский міръ не сталъ ни Востокомъ, ни Византіей, а расположась между Востокомъ и Западомъ, дерзновенно рѣшилъ воспринять въ себя и всё сокровища знанія и мысли западнаго человечества. Какъ совершить онъ за себя и за все Славянство этотъ подвигъ сочетанія и претворенія въ единое органическое духовное цѣлое силъ богатствъ Востока и Запада, — это вопросъ грядущихъ временъ, и не о немъ теперь рѣчь, — а рѣчь о томъ, что къ концу XVII вѣка, преодолевъ всё противопоставленныя препятствія, вырвалась Россія (или въ лицѣ ея *русско-славянскій православный міръ*) на арену всемірной исторіи.

Много уже къ тому времени безвозвратно погибло отдѣльныхъ Славянскихъ племенъ. Вся Сѣверная и Восточная Германія стоитъ на мѣстяхъ славянскихъ, иди на славянской подпочвѣ. Кровава, упорна была борьба славянскихъ поселеній вдоль Эльбы и Балтійскаго Поморья съ германскими рыцарями и ихъ дружинами, начиная съ Карла Великаго, — но объ этомъ непререкаемомъ приговорѣ исторіи нечего уже и вспоминать. Оставшіяся въ живыхъ, въ предѣлахъ современной Западной Европы, Славяны — Россія, при Петрѣ, застаетъ въ видѣ разрозненныхъ базисовъ среди побѣдоносныхъ чуждыхъ имъ элементовъ. Къ дѣйствию грубой враждебной силы присоединилось и насиліе духовное. Римская Курія, воплотившая въ себѣ все древнее властолюбіе Рима и всю духовную сущность Запада, порвала ихъ связь съ Востокомъ, отъ котораго они приняли первоначально свѣтъ истинной вѣры, и постигнула такъ сказать на самую дуну этихъ Славянскихъ племенъ. Олатинились и Чехи, и Хорваты, и Словенцы, и Словаки, но не сразу и не безъ борьбы, — однакоже латинство не уберегло ихъ національной самостоятельности. Славянская природа Чеховъ возстала, въ лицѣ Гуса, противъ духовнаго ига Рима во имя чистой истинны вѣры и древнихъ преданій воленской апостольской церкви, а также и во имя народности; Гусъ былъ сожженъ

по рѣшенію Констанцкаго собора; его послѣдователи Гуситы вступили въ отчаянный бой съ германскимъ міромъ, наводя на него страхъ и ужасъ. Борьба обозначилась уже и тогда какъ борьба славянства съ германизмомъ... Германская сила преодолѣла. Послѣ сраженія при Бѣлой Горѣ въ 1620 г. и послѣ такъ-называемой Пражской Экзекуціи завершилась, повидимому, навѣки и судьба Чешскаго королевства. Всѣ письменные памятники чешской національности были истреблены, Чехія была раздавлена, растоптана, сломлена нравственно, и казалось—уже не возстанетъ изъ праха... Ко времени выступленія Русской державы на политическую сцену Европы не было ни одной отрасли Славянскаго племени свободной и самостоятельной: Чехія — провинція Австрійской или, по тогдашнему Священной Римской имперіи,—преданная въ полное достояніе германизации; Словенцы въ австрійскихъ имперскихъ провинціяхъ—Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Истрии—едва-едва въ низшихъ слояхъ своихъ хранили искру національности; Словаки пребывали нераздѣльно въ составѣ Венгерскаго королевства, которому подчинена была и Хорватія; Далматинское славянское побережье находилось подъ владычествомъ Венеціи и вообще итальянской культуры; на Балканскомъ полуостровѣ православные Сербы и Болгаре томилась подъ игмомъ магометанъ. Участь послѣднихъ была однако все же завиднѣе участи Славянъ въ австрійскихъ и итальянскихъ владѣніяхъ: турецкое господство, какъ ни было оно тягостно, все же однако не пыталось ни извратить ихъ вѣру, ни обезнародить, и словно подъ желѣзнымъ колпакомъ предохранило ихъ отъ германизации и папизма. Только на Черной Горѣ горсть сербскихъ удалцовъ подъ управленіемъ Владыки-митрополита, одна изъ всѣхъ Славянъ, кромѣ Россіи, хранила мужественно свою независимость... Имя славянское казалось затеряннымъ въ Европѣ, и Нѣмцы горделиво признавали ихъ низшею расою, призванною къ рабству или только къ тому, чтобы послужить матеріаломъ для питанія и восполненія господствующихъ расъ Запада съ утратой всякаго признака славянской народности, подъ влѣдѣніемъ германо-романской культуры.

А Польша? Какъ могли мы не упомянуть ни однимъ словомъ объ этомъ славянскомъ королевствѣ, не знавшемъ за-

паднаго политическаго ига до самаго своего паденія или расчлененія въ концѣ XVIII вѣка? Но въ томъ-то и дѣло, что Польша выдѣляется изъ общей судьбы Славянскаго, «опально-міроваго», по выраженію поэта, племени: она никогда не возносила славянскаго знамени. Отторгнувъ ее отъ Восточной церкви, католицизмъ, — какъ говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ писателей, — отторгнувъ ее и отъ всего православно-славянскаго міра (который есть и долженъ считаться міромъ по преимуществу православнымъ уже потому, что громаднѣйшее большинство Славянъ принадлежитъ къ этому исповѣданію) и вмѣстѣ съ тѣмъ *повергъ ее, Польшу, изъ ногамъ Запада* — какъ наусерднѣйшую его прислужницу. Особенно же рѣшительный переворотъ въ судьбѣ Польши произошелъ во второй половинѣ XVI вѣка, когда въ эту несчастную страну проникли іезуиты и вогнали ультрамонтанскій католическій духъ въ самую плоть и кровь польскаго племени. Ставъ любимѣйшею дочерью Римской куріи, Польша стала вмѣстѣ съ тѣмъ «бульваромъ Запада» противъ московскаго православія и «варварства». Польша — ренегатка въ мірѣ Славянскомъ, ренегатка вдвойнѣ, не только потому, что дала себя олатинить (католики, напр., и Чехи, и Хорваты — къ несчастію), но и потому, что въ фанатической ненависти своей къ православію, исповѣдуемому большинствомъ Славянъ, въ томъ числѣ великимъ Русскимъ народомъ, заглушила въ себѣ и чувство и сознаніе славянской духовной общности и родства. Всегда и всюду православныя Славянскія племена, во всѣхъ своихъ стремленіяхъ къ національной независимости, въ числѣ самыхъ ярыхъ своихъ враговъ встрѣчали Поляковъ въ союзѣ съ романо-германскимъ Западомъ. Между тѣмъ, *вопреки латинству*, какъ въ Чехіи — благодаря Гусу и гуситству, такъ и между Хорватами — благодаря ихъ ближайшему родству съ православнымъ Сербскимъ племенемъ и народнымъ, до сихъ поръ живучимъ и дорогимъ преданіямъ о «старой вѣрѣ», живетъ и бодрствуетъ сознаніе славянскаго единства и братства.

Намъ необходимо однакоже объяснить точнѣе и полнѣе *внутреннее* значеніе католическаго и православнаго исповѣданій для судьбы Славянскихъ племенъ, независимо отъ того факта, что большинство Славянъ вмѣстѣ съ Россіей при-

надлежать въ Православной церкви. Нѣтъ злѣйшаго врага для Славянства, какъ папизмъ, ибо онъ противорѣчитъ самому существу духовной славянской природы. Православіе само по себѣ не наноситъ ущерба никакой національности и обязываетъ своихъ исповѣдниковъ къ соблюденію лишь преданій и канонѡвъ *вселенской* церкви, постановленныхъ и утвержденныхъ на *вселенскихъ* соборахъ, кои равно признаются и Востокомъ и Западомъ. Оно даетъ полный просторъ возникновенію и преуспѣянію автокефальныхъ національныхъ церквей, не налагаетъ на нихъ узъ виѣшняго и внутренняго подчиненія какой-либо чуждой центральной власти, а налагаетъ лишь узы взаимнаго единенія въ любви и мысли, и лишь на общемъ свободномъ согласіи устанавливаетъ рѣшеніе общихъ церковныхъ вопросовъ. Не то Римская церковь. Она—притязуя на *вселенскость*—есть воплощенное *отрицаніе* самаго начала вселенскости въ его существенномъ смыслѣ; она вся насквозь проникнута *односторонностью* Запада. Это не чтѡ иное, какъ самъ Западъ, какъ самъ Римъ, возводящій себя во *вселенское* значеніе, притязующій на вселенское господство, домогающійся подчиненія себѣ всей вселенной. Державное призваніе древняго республиканскаго и императорскаго Рима всецѣло перенесено въ область духовнаго державства Римскаго папы. Папизмъ всѣми возможными для него путями приплетааетъ исповѣдующихъ его—къ *Западу*,—т. е. къ Западу историческому, съ его міросозерцаніемъ и его идеалами. Такъ Римъ обязываетъ всѣ народы, принимающіе католическое вѣроисповѣданіе совершать богослуженіе не на ихъ народныхъ языкахъ, а непременно на языкѣ латинскомъ. Онъ не допускаетъ національныхъ самостоятельныхъ церквей. Онъ есть центръ, куда должны устремляться работѣнно умы и сердца всѣхъ вѣрныхъ католиковъ, откуда изрываются непререкаемые глаголы духовной жизни и смерти. Авторитетъ не въ истинѣ самой, а въ папѣ, ибо ему одному принадлежитъ ея истолкованіе. Папа—полновластный, *самодержавный* государь вселенской духовной державы, чтѡ на римскомъ церковномъ языкѣ выражается такъ: *непогрѣшающій глава церкви*, вице-Христосъ. Католики—не сыны церкви, и не члены ея, а только подданные, безгласные и вполнѣ зависящіе отъ пап-

скаго самодержавнаго или шепотѣншаго пролавола. Наконецъ, въ противоположность Православной церкви, гдѣ, по недавнимъ еще словамъ Восточныхъ Патріарховъ, народъ есть самое тѣло церкви, гдѣ міряне сознаютъ себя и признаются живыми членами церковнаго тѣла, причастными ея жизни и дѣланію—въ католической церкви народъ есть *apima vilis*, міряне—даже не низшій классъ, а какіе-то страдательные субъекты. Мірянамъ не дозволено чтеніе Священнаго Писанія; мірянамъ святое таинство Евхаристіи преподается не подъ обоими видами; даже литургія, которая въ Православной церкви не мыслится иначе, какъ въ присутствіи собранія вѣрующихъ или хотя одного изъ нихъ, какъ представителя всѣхъ тѣхъ, для кого и отъ кого священнодѣйствующимъ приносятся Св. Дары (ибо самое жертвоприношеніе есть въ то же время образъ таинственнаго общенія челоуѣковъ во Христѣ),—даже литургія можетъ совершаться у Латинянь священникомъ, *одиноко*, про себя и для себя, и даже шепотомъ...

Но различіе идетъ еще глубже. Православіе есть по преимуществу религія духа. Католицизмъ по преимуществу—религія въ практическомъ своемъ примѣненіи. Но это преобладаніе практицизма надъ духомъ обратило католицизмъ въ религію *внѣшняго* земнаго авторитета, *внѣшней* правды и *внѣшнихъ* обездушенныхъ дѣлъ, т. е. дѣлъ, которыя цѣнятся сами по себѣ, независимо отъ отношенія къ нимъ духа. Таковымъ сталъ католицизмъ именно по мѣрѣ того, какъ онъ отдѣлялся отъ вселенскаго братскаго равенства и единства, и воспринималъ въ себя духовное наслѣдіе языческаго, міродержавнаго, пракческаго Рима. Древній Римъ былъ по преимуществу практикъ и олицетворенный формально-логическій разумъ. Онъ выработалъ во всей строгости и оставилъ въ наслѣдіе міру идею государства и внѣшней правды. Только она и могла быть доступна вполне язычнику—внѣ божественнаго откровенія, точно также какъ только одно государство могло представляться ему какъ высшая форма и цѣль бытія—внѣ христіанскаго идеала церкви. Это высшее, что могъ дать язычскій міръ,—и по истинѣ какое могучее, колоссальное созданіе раціонализма являетъ намъ Римское Право! Это есть «право» по преимуществу, это собственно единственное

изъ «правъ» построенное въ строгой послѣдовательности отъ начала до конца, а потому и остается оно до сихъ поръ не только вѣковѣчнымъ изумительнымъ памятникомъ, но и предметомъ научнаго изученія. Понятно, что и по прошествіи чуть не 20 вѣковъ оно продолжаетъ составлять предметъ преподаванія, необходимую школу для юриста, ибо только оно формируетъ настоящее, строгое юридическое мышленіе. Но не надо забывать, что и Римлянинъ, завершивъ зданіе своего «Права», изрекъ ему приговоръ или по крайней мѣрѣ призналъ бытіе высшей, еще не ясной для него, не воплощаемой «правомъ» истины, — словами: *summius jus — summa injuria!*... И если государство, какъ высшая внѣшняя форма земнаго общежитія, не можетъ обойтись безъ внѣшней правды, то христіанство преднесло передъ человѣчествомъ идеаль еще высшаго бытія и общежитія, зиждущагося на правдѣ *внутренней*. На этой-то правдѣ внутренней, не юридической, не на внѣшне-логическомъ умозаключеніи основанной, а на свидѣтельствѣ духа и на согласіи съ истиной Божіей — и воздвигнута на землѣ Святая Церковь.

Но католицизмъ перенесъ духъ Римскаго Права и въ область церковную, запечатлѣлъ его характеромъ, его казуистикою самое христіанское нравственное ученіе. Поэтому-то католицизмъ, представляя такую раціональную (для многихъ — увы! соблазнительную) стройность, являетъ въ то же время въ себѣ положительное оскудѣніе вѣрующаго духа; поэтому-то онъ и опознаетъ истину или думаетъ опознать ее лишь по *легальнымъ, юридическимъ* признакамъ, паспортамъ, прикѣтамъ, подчиняетъ ее *внѣшнему* авторитету.

Этотъ духъ Римскаго Права вошелъ въ то же время въ самую нѣдра западныхъ, Германо-Романскихъ народовъ, въ ихъ жизнь, бытѣ и нравственное міросозерцаніе. Но этотъ духъ чуждѣ натурѣ племенъ Славянскихъ; ихъ, какъ извѣстно (и Русскій народъ въ особенности), обвиняютъ даже въ недостаткѣ чувства легальности или внѣшней законности. Упрекъ справедливъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣлствуетъ о томъ, что для Славянина вообще, тѣмъ болѣе для Славянина православнаго, юридическая истина ниже истины нравственной, и всѣ стремленія его души, нашедшія себѣ выраженіе и въ основахъ его быта — направлены къ пра-

вдѣ внутренней. «Рѣшить по Божьи» для русскаго крестьянина, напимѣрь, самое желанное рѣшеніе, всегда предпочитаемое имъ «рѣшенію по закону». Вообще племена Славянскія по природѣ своей не столько *политическія*, сколько такъ-сказать *бытовья*; государство для нихъ не есть само по себѣ высшая *цѣль* существованія, а только средство для свободнаго мирнаго и благоденственнаго бытія, утверждающагося всего болѣе на внутренней, а не на юридической правдѣ. Допуская же однако послѣднюю, какъ роковую необходимость, они стараются вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность Романо-Германскимъ племенамъ, всебѣрно оградить отъ вторженія такъ-называемаго «правоваго порядка» область нравственныхъ отношеній. Извѣстно, напимѣрь, что теперь на Западѣ все тяготеетъ къ тому (да таковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и идеаль нашихъ доморощенныхъ «либераловъ»), чтобъ мировой судья и квартальный вторглись не только въ церковь, но и въ семью, въ отношенія родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, супруговъ между собою, вездѣ, всюду,—чтобъ «правовой порядокъ» влѣзъ въ самую душу и тамъ бы замѣнилъ самую совѣсть!

Вотъ, благодаря именно всѣмъ этимъ (бѣгло и поверхностно лишь намѣченнымъ нами) свойствамъ Славянскаго племени, такъ и пришлось по немъ, по милости Божіей, православное исповѣданіе! Отсюда же понятно, почему такъ чуждо, такъ противорѣчитъ его духовной природѣ исповѣданіе римско-католическое, съ его папизмомъ или *второю папезскою*, по выраженію древней Руси. Сведемъ же вкратцѣ эти существенныя противорѣчія. Принимая латинство, Славянинъ отрекается отъ *вселенскаго* характера и идеала христіанства въ пользу *западнаго*; отъ роднаго языка въ богослуженіи—въ пользу чужаго, латинскаго; отъ національной церкви, съ ея вселенской основой, въ пользу Рима, куда и переноситъ онъ свой церковный центръ. Онъ перестаетъ быть живымъ членомъ церкви, причастнымъ ея внѣшней и внутренней жизни; онъ, какъ мірянинъ, занимаетъ мѣсто лишь за оградой церковной, внутри которой сидитъ лишь привилегированный классъ челоуѣчества,—начальства и власти, и служилое сословіе церковное: онъ поступаетъ въ непрекословное подчиненіе государю-папѣ—въ качествѣ безгласнаго подданна-

го, лишеннаго даже права непосредственно питаться истиной изъ Священнаго Писанія. Аристократическая стихія, присущая католическому міру, претитъ демократизму Славянскаго племени,—и весь строй латинской церкви находится въ прямой противоположности съ тѣмъ православнымъ церковнымъ строемъ, который такъ соотвѣтствуетъ началу вѣчевому, хоровому, мірскому или общинному, искони прирожденному Славянамъ, засвидѣтельствованному у нихъ исторіей съ самыхъ первыхъ дней историческаго бытія. Наконецъ и нравственный идеалъ католицизма, какъ и всего западнаго міра, къ которому, чрезъ католицизмъ, по неволѣ приобщается и олатиненный Славянинъ,—этотъ идеалъ, проникнутый римскимъ юридическимъ міросозерцаніемъ, противоположенъ нравственному идеалу Славянина, дорожающаго выше всего правдою внутреннею. Вотъ почему мы и сказали, что латинство искажаетъ нравственную природу Славянства, дѣлая его *западникомъ*; да и не этимъ ли самымъ объясняется и тотъ историческій фактъ, что міръ Славянскій и въ реальности есть міръ православный, и только въ православныхъ Славянахъ идея Славянства облечена дѣйствительною жизненностью и силою?

Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы въ средѣ наличныхъ Славянъ-католиковъ совершенно угасъ истинный духъ славянскій: все зависитъ *отъ мѣры* воздѣйствія на ихъ душу католицизма. Строгая послѣдовательность не всегда удѣляя челоѣческой природы, и всего менѣе она встрѣчается у католиковъ въ наши дни: провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости заставляетъ по неволѣ вступать въ нѣкоторый компромисъ съ своею совѣстью всѣхъ тѣхъ, которые, отвергая абсурдъ, до коего такъ логически дошло латинство, въ то же время не хотятъ выйти изъ церкви и изъ христіанскаго общества, не вѣдая иной болѣе правильной формы вѣры и иного лучшаго христіанскаго церковнаго строя. Не допуская эту непослѣдовательность въ отдѣльныхъ лицахъ, мы должны напомнить, что религія въ жизни народовъ не только «субъективное чувство» (какъ любятъ твердить нѣкоторые умники, особенно изъ Чеховъ), а основа и сущность всѣхъ нравственныхъ стремленій и идеаловъ народа и главный факторъ общественнаго духовнаго развитія. Изъ этого опять-таки

вовсе не слѣдуетъ, чтобъ мы съ своей стороны предъявляли Славянамъ-католикамъ требованіе: обратиться въ православную вѣру! Именно какъ православные мы чужды всякаго духа прозелитизма и не перестаемъ видѣть въ Славянахъ-католикахъ—славянскихъ братьевъ, въ то же время сожалья о нихъ. Но мы признаемъ неизлѣпимыми врагами Славянства (хотя подчасъ и безсознательными) всѣхъ тѣхъ латинянь-Славянь, которые, какъ Поляки и многіе Хорваты, силою и соблазномъ стараются олатинить Славянь православныхъ.

Возвратимся же теперъ ко времени появленія Россіи на общеевропейской аренѣ въ лицѣ Петра. Сдѣланное нами отступленіе было необходимо для поясненія, что Россія выступила на эту арену не только какъ новое политическое могущество, потребовавшее себѣ мѣста и участія въ общихъ всемірныхъ дѣлахъ, но и какъ особый духовный и нравственный элементъ, новое дѣйствующее начало, отличное отъ Запада. Рядомъ съ Міромъ Романо-Германскимъ, латинскимъ и протестантскимъ, и на равныхъ правахъ съ нимъ, неожиданно-негаданно, во всеоружіи внѣшней и внутренней силы, во образѣ Россіи, воздвигся Миръ Православно-Славянскій. Правда, онъ нахлобучилъ на себя французскій парикъ, напялил на себя уродливый нѣмецкій мундиръ, обозвалъ самъ себя «ученикомъ» и точно поступилъ въ ученики къ Европѣ; но этотъ «ученикъ», чуть-чуть поучась, разбилъ на голову одного изъ учителей, величайшаго полководца своей эпохи, Карла XII, затѣялъ Сѣверную войну, вышвырнулъ Швецію изъ числа великихъ державъ, сталъ твердою ногою на Балтикѣ... Дрогнувъ весь Западъ отъ изумленія и безотчетнаго страха. Уже съ той поры началась та враждебная Россіи политическая литература, которая не прекращается и до сихъ поръ. Въ высшей степени любопытны отзывы дипломатовъ и отголоски общественнаго мнѣнія въ Европѣ современные Петру (они приведены отчасти у г. Брикнера въ его изслѣдованіяхъ о Петровской эпохѣ). И въ самомъ дѣлѣ было чему дивиться... Какъ? это презрѣнное «православіе», съ которымъ такъ безцеремонно расправилась у себя Европа, которое повидимому такъ торжественно шлепнулось съ паденіемъ Византіи и предназначено было стать достояніемъ только варварства,—оно-то и выступаетъ теперъ съ подъ-

ятымъ челомъ, вооруженное политическою мощью, осѣненное славою? Какъ? это, еще болѣе презрѣнное Славянское племя, котораго самое имя истреблено или затоптано пятою Запада и Мусульманскаго Востока, вдругъ предстоить предъ Западомъ лицомъ къ лицу, съ побѣдоноснымъ мечемъ въ рукѣ, съ изображеніемъ на своемъ знамени Византійскаго орла, а на груди орла—герба Московскаго, въ имперскомъ вѣнцѣ, со взоромъ впереннымъ въ будущность, исполненнымъ бодрости, вѣры и сознанія своихъ силъ?!... Если бы Россія, вторгшись въ сонмъ европейскихъ государствъ, вошла въ соглашеніе съ Римомъ и отступила отъ чистоты православнаго ученія, она конечно давно уже поработилась бы Западу и перестала бы быть Россіей и въ нравственномъ, и въ политическомъ смыслѣ. Но этого не случилось, да и не могло случиться: именно въ православіи заключается для славянской Россіи залогъ ея самобытнаго духовнаго значенія и ея вселенскаго историческаго призванія.

Дрогнуло, одновременно съ германо-романскимъ Западомъ, и все что осталось живымъ въ Славянствѣ, дрогнуло какъ пробужденное во тмѣ лучемъ внезапнаго, рѣзкаго свѣта. Всѣ эти униженные, оскорбленные, эти тѣснимые и гонимые Славяне разныхъ наименованій и подъ разными игами затрепетали радостнымъ смутнымъ чаяніемъ. Въ высшей степени замѣчательна поэма посвященная Петру и написанная его современникомъ, далматинскимъ Сербомъ, да еще католикомъ: въ ней, уже тогда, привѣтствуется заря *всеобщаго* славянскаго возрожденія,—не той или другой вѣтви славянской, но *Славянскаго міра* вообще. Вотъ когда и зачался *панславизмъ*!... А между тѣмъ Россія не водрузила никакого *славянскаго* знамени въ тѣсномъ смыслѣ слова, не обращалась къ Славянамъ ни съ какимъ панславистическимъ воззваніемъ, да и вообще ни о какомъ «панславизмѣ» не помышляла, озабоченная своею собственною судьбою. Она лишь только *опознала* бытіе Славянъ въ Турціи (отчасти и въ Европѣ). да съ нѣкоторыми изъ православныхъ племенъ завязала сношенія для борьбы съ турецкимъ султаномъ. Напротивъ, Россія въ то время озабоченно искала тѣснѣйшаго сближенія съ Западомъ, домогаясь у него науки и знаній... Но тѣмъ не менѣе, Австрія уже и тогда, тревожимая нечистою своею

совѣстью по отношенію къ Славянству, устрашилась пуще всего славянскаго происхожденія Русской державы. Въ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова приведено по нѣмецки подлинное распоряженіе австрійскаго правительства о томъ, чтобы при проходѣ царскихъ войскъ по Богемской окраинѣ приняты были особенныя мѣры предосторожности относительно сношеній жителей Богеміи съ войсками — *въ виду ихъ единоплеменности и близкаго родства языковъ!*... Невольно возникаетъ вопросъ: почему же непосредственное сосѣдство славянской же по происхожденію Польши, — которой языкъ еще ближе къ чешскому, которая съ Чехами къ тому же единовѣрна, — не возбуждало въ Австріи опасеній? Почему Польша, въ эпоху своей славы, своего могущества, не вызывала въ Славянствѣ никакихъ свѣтлыхъ надеждъ и чаяній? Именно потому, что Польша была *своя* Западу, хотя и на положеніи служанки; именно потому, что проникшись насквозь, со вкусомъ и любовью, духомъ латинскаго папизма, она изуродовала свою славянскую природу, стала отступницею въ Славянствѣ. А *православная* Россія однимъ своимъ появленіемъ въ мірѣ пробудила *славянское* самосознаніе во вѣсѣхъ Славянахъ, даже и олатиненныхъ!

Въ тожь-то и дѣло, что одинъ фізіологическій фактъ славянскаго происхожденія, даже вмѣстѣ съ славянскимъ нарѣчіемъ, самъ по себѣ ничего не значитъ, не создаетъ силы, не даетъ содержанія національности, не возводитъ ея въ міровое значеніе. Все дѣло во внутреннемъ содержаніи національнаго духа. Латинствующій Славянинъ только духовный прихвостень германо-романскаго Запада, и выше его не станетъ: ему нѣтъ иного жребія, какъ плестись во слѣдъ *чужому* міровому призванію. Ему *своего* нечего повѣдать свѣту. Только православное Славянство призвано къ самостоятельной будущности и имѣетъ вселенско-историческое призваніе. Другими словами: только Россія имѣетъ это предназначеніе и черезъ Россію тѣ лишь Славяне, которые *тяготѣютъ къ ней духовно* (хотя бы даже и католики, — не особенно усердные, конечно), а потому и образуютъ съ ней общій Славянскій Міръ. О политическомъ принудительномъ единствѣ здѣсь нѣтъ ни мысли, ни рѣчи.

Таковъ созданный исторіею фактъ, съ которымъ Западной

Европѣ волей-неволей приходится считаться, который необходимо ей признать, которому необходимо ей покориться, — развѣ лишь вѣрится ей, будто и въ самомъ дѣлѣ возможно, хотя бы всѣми совокупными усилями Запада, стереть съ лица земли сто-милліонный Русскій народъ, велѣть ему не быть и не имѣть историческаго значенія! Со временъ Петра, повторяемъ, рядомъ съ Міромъ Латино-Протестантскимъ и Романо-Германскимъ и на равныхъ правахъ съ нимъ воздвигся Міръ Православно-Русскій или Славянскій. Пора бы ужъ Западу съ этимъ велѣніемъ судьбы помириться! Но онъ мириться не хочетъ. Въ своемъ аристократическомъ высокомеріи, онъ не можетъ стерпѣть, чтобы мы, Русскіе и Славяне, эти *плебеи человечества*, по выраженію Хомякова, занимали съ нимъ равноправное мѣсто! Въ своей исторической относительно Славянъ неправдѣ, онъ дрожитъ какъ бы мы не потребовали его къ отвѣту, и смущенная его совѣсть постоянно облекаетъ ему Россію въ какое-то грозное пугало!..

А между тѣмъ этотъ русско-славянскій міръ ничѣмъ никогда ни разу не оскорбилъ Запада; никогда не наносилъ ему ущерба, не присваивалъ себѣ его земель, не поработала себѣ его населенія. Не мѣшало бы молодымъ русскимъ ученымъ заняться спеціальнымъ историческимъ изслѣдованіемъ западной дружбы къ Россіи и ея отношеній къ Западу! Исключая эпизода Семилѣтней войны, предпринятой въ пользу Австріи и такъ благополучно для Пруссіи (по волѣ самой Россіи) законченной, — кромѣ благодарній, ничего другаго не видала себѣ отъ Россіи Европа, ни въ частности Австрія и Германія. Да ничего и не домогается себѣ отъ нихъ, ничего и не хочетъ себѣ чужаго, *ихняго*, ни Россія, ни вообще Славянство. На знамени русско-славянскомъ нѣтъ другихъ словъ, кромѣ *любви, мира, свободы*. Чего добиваются несчастные Славяне по ту и по сю сторону Дуная? Только права *жить и быть* по своему, да и гдѣ же? *у себя*, дома, въ родной землѣ, — *ничего болѣе*, и отъ такого-то непомѣрнаго притязанія кипятъ и шипятъ отъ злобы и негодованія высококультурныя Германія и Австрія!! Какія дѣянія учинила Россія съ тѣхъ поръ, какъ вошла въ кругъ европейскихъ державъ? Освободила изъ-подъ польско-латинскаго гнета Бѣлоруссію и Украйну, освободила Молдавію, Валахію, Сербію,

Грецію и Болгарію изъ-подъ ига турецкаго и дала имъ самостоятельное бытіе. Вотъ ея «панславизмъ»: онъ ли ей вмѣняется въ грѣхъ? Съ точки зрѣнія Австріи, захватившей, вопреки волѣ населенія, вооруженною рукою, безъ малѣйшаго повода, двѣ славянскія области, которыя она спѣшитъ обезнародить, окатоличить и онѣмечить, вышеупомянутые поступки Россія безъ сомнѣнія преступны, безнравственны и просвѣщеннымъ Западомъ впредь допущены быть не могутъ!.. Спрашивается: когда кому-либо изъ Русскихъ приходило въ голову требовать себѣ Берлина или Вѣны подобно тому, какъ одинъ извѣстный австрійскій публицистъ, не даѣе какъ въ нынѣшнемъ же году, заявилъ печатно о необходимости войны съ Россіей, причемъ Пруссія должна присвоить себѣ Варшаву и Вильну, а Австрія—Кіевъ! (См. ниже замѣчательную статью г. Ламанскаго).

Нѣтъ державы въ свѣтѣ миролюбивѣ Россіи; нѣтъ племени болѣе мирнаго и добродушнаго по природѣ, чѣмъ Славянское. Никакой войны ни съ кѣмъ не только бѣдныя малые Славянскіе народцы не затѣвуютъ, но не затѣваетъ и не желаетъ ея и Россія. Менѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо можетъ она желать войны съ Германіей, съ которой даже и столкновенія прямыхъ интересовъ у насъ нѣтъ и не имѣется, и только лишь по неволѣ, пехота, осматривается порою Россія: въ порядкѣ ли у нея оружіе и доспѣхи—въ виду ополчающейся на нее западной неправды и ненависти?

«Этого мало, что ты не желаешь войны и не угрожаешь намъ ею»,—возражаютъ Россіи австрійскіе и германскіе дипломаты: «мы это и сами знаемъ; но вѣдомо намъ также, что пока ты крѣпка и сильна, и живо въ тебѣ твое славянское самосознаніе, Балканскій полуостровъ естественно входитъ въ сферу твоего историческаго призванія, какъ представительницы Православнаго Славянскаго міра; но о тебѣ, но по твоей милости живутъ національный духъ Славянскій во всѣхъ отрасляхъ Славянскаго племени. А ты, если хочешь увѣрить насъ въ твоёмъ миролюбіи, поспособствуй-ка Австріи втянуть Балканскій полуостровъ «въ сферу ея политическихъ интересовъ», даже сама, съ поклономъ, проводи ее вплоть до Константинополя, предай намъ въ обдѣлку всѣхъ этихъ поганыхъ Славянъ, отступись отъ нихъ, измѣни своей при-

родѣ,—и только тогда мы снимемъ съ тебя упрекъ въ панславизмѣ!»!

Но отъ *такого* панславизма, дающаго бытіе, жизнь и свободу Славянскимъ народамъ и всему православно-славянскому міру отказаться—значить для Россіи отказаться отъ самой себя, отъ своего существа и своего призванія въ человечествѣ.

Славянскій вопросъ есть вопросъ Русскій и Русскій вопросъ есть Славянскій. Рѣшеніе Славянскаго вопроса зависеть отъ разрѣшенія Русскаго вопроса у насъ дома, отъ торжества русскихъ народныхъ началъ въ нашемъ собственномъ отечествѣ. Вотъ почему напимъ сосѣдамъ Нѣмцамъ всякое *національно-русское* направленіе въ русской литературѣ или политикѣ кажется непременно *панславистическимъ* и потому ненавистно. Повторяемъ: *политической* панславистической программы и *политическаго* панславистическаго идеала не существуетъ, но какъ духовная солидарность и взаимное другъ къ другу тяготѣніе вѣтвей одного племени, какъ сознаніе славянскаго братства, какъ *міръ* Православно-Славянскій съ Россіей во главѣ, предъявляющій притязаніе жить, быть и развиваться рядомъ съ Романскимъ и Германскимъ, панславизмъ существуетъ и какъ идея, и какъ фактъ Онъ былъ, есть и будетъ. На его сторонѣ—святая правда; отъ этой правды Россія не отречется, эту правду Россія не посрамить.

1884 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 1 октября.

Вопросы вѣшной русской политики, сравнительно съ прежнимъ временемъ, слабо теперь удерживаютъ на себѣ вниманіе русскаго общества.... Принято говорить, что «теперь очередь за разрѣшеніемъ задачъ внутреннихъ», что «всѣ теперь заботы правительственныя и общественныя должны быть ис-

ключительно устремлены къ усовершенствованію нашихъ гражданскихъ порядковъ, къ мирному подъему нашихъ экономическихъ силъ, къ плодотворному развитію въ отечествѣ нашемъ просвѣщенія, культуры, цивилизаціи» и т. д. и т. д.... Умныя рѣчи пріятно и слушать. Жаль только, что исторія-то не всегда этихъ умныхъ рѣчей слушается, да и вообще ведетъ себя вовсе не благонаравно, вовсе не по нашей, логически-аккуратно составленной въ кабинетѣ программѣ, а претъ и ломитъ своимъ путемъ, наперекоръ вопліѣ основательнымъ, казалось бы, соображеніямъ людей самыхъ разсудительныхъ, чуждыхъ презрѣннаго фантазерства и идеализма. «Умныя рѣчи» были бы впрочемъ не только умны, но даже и разумны, еслибъ возможно было убѣдить чужіе сосѣдніе народы сидѣть смиренно, не шевелиться, отказаться отъ всякой живой дѣятельной внѣшней политики на весь для насъ нужный и желанный срокъ. Но такъ какъ это оказывается—по меньшей мѣрѣ невозможнымъ, то и «умныя рѣчи» людей наирасудительнѣйшихъ, громко на весь міръ оглашенные,—не отдаются ли онѣ въ чужихъ ушахъ, за рубежомъ нашего отечества, только какъ возвѣщеніе въ такомъ смыслѣ: «вѣдайте по крайней мѣрѣ всѣ кому о томъ вѣдать интересно или надлежитъ, что мы-то сами, съ своей стороны, отъ всякой живой, дѣятельной внѣшней политики отказываемся и по этой части совсѣмъ ужъ теперь не энергичны,—сознательно, намѣренно, позволимъ себѣ даже выразиться: *благонамѣренно*, по принципу не энергичны, ибо бережемъ энергію для домашнихъ дѣлъ!»... Положимъ, это и похвально по своей искренности; но едва ли, однако, вполне удобно и безопасно благовѣстять по вселенной о такой своей предвзятой и систематической неэнергичности, именно въ области политическихъ интересовъ, — даже щеголять и рисоваться подобнымъ политическимъ поведеніемъ,—какъ это въ обычаѣ у нашей дипломатіи и ея органа — «*Journal de St.-Petersbourg*»? Миролюбивая во чтѣ бы ни стало, à l'outrance, иначе сказать — пассивная внѣшняя политика стала теперь нашимъ официальнымъ девизомъ и руководящимъ правиломъ. Не только у дипломатовъ и въ правящихъ сферахъ, но и въ значительной части русскаго общества чуть не верхомъ мудрости считается именно такое распредѣленіе

энергіи: почти никакой для дѣлъ внѣшней,— всю ее для дѣлъ внутренней политики! Что-жь? можно бы, пожалуй, и утѣшиться при мысли, что за то ужъ эта послѣдняя у насъ такъ и рвется впередъ безъ удержа, такъ и пышетъ жизнью, кипитъ, творитъ, зиждетъ, мечетъ сочные плоды на право и на лѣво; силы растутъ и множатся не по днямъ, а по часамъ, мысль бьетъ ключомъ, трудъ бодръ и охотенъ, спорится работа, смѣла и свѣтла надежда... Вѣдь это не то что у сосѣдей, которые растрчиваютъ добрую половину своего запаса энергіи на внѣшнія политическія заботы, и лишь другую половину отдають заботамъ внутреннимъ! Мы вотъ на внѣшнія почти ничего не растрчиваемъ!... Однакоже особенно необычайнымъ преизбыткомъ дѣятельности мы у себя дома не обезпкоены,— жизнь конечно сочитя, но не бьетъ ключомъ, работа безъ сомнѣнія не останавливается, движется впередъ, но съ благоразумною экономіей силъ и труда, съ медлительностью можетъ-быть и мудрою, но всего менѣе похожею на энергію.

Въ томъ именно и дѣло, что разсудительные люди, чуждые фантазерства и идеализма, въ своей дешевой мудрости многого недоразсудили и съ пренебреженіемъ отнеслись къ свойствамъ и требованіямъ *психи* народной. Имъ и въ недоумѣкъ та внутренняя цѣльность, которою обладаетъ духовный организмъ *историческаго* народа и которая не знаетъ себѣ дробленія по клѣткамъ и клѣточкамъ, вѣдомствамъ и департаментамъ. Источникъ энергіи одинъ—здоровье души народной, и если онъ не изсякъ, не оскудѣлъ, не засоренъ, не задавленъ грузнымъ горемъ или тяжкимъ недоумѣніемъ, если онъ продолжаетъ источать живую волну, то и питаетъ ею равномерно весь духовный народный составъ, проникаетъ энергіею всѣ проявленія его жизни. Точно также чуждо бытію народнаго политическаго организма и всякое рѣзкое дѣленіе политическихъ интересовъ на внѣшніе и внутренніе: они не раздѣльны, или, вѣрнѣе сказать—они одновременно, сообща обусловливають самое это бытіе: мѣсто которое народъ занимаетъ въ исторіи, среди другихъ народовъ, всемірно-личное его призваніе и нерасторжимое съ этимъ призваніемъ его внутреннее сложеніе и развитіе. Все это состоитъ между собою въ органической связи, въ непосредственномъ взаимо-

дѣйствию. Само собою разумѣется, массы народныя ни о какой «политикѣ» не разсуждаютъ, въ подробности ея и не вводятъ, да онѣ большею частью и недоступны ихъ пониманію, — именно пониманію составляющихъ эти массы *единицъ, каждой* порознь, выхваченной случайно, отдѣльно, въ данное, отдѣльное же мгновение. Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, будетъ и правъ тотъ высокопоставленный дипломатъ, который, внезапно спросивъ кучера своей кареты, Микиту, о Берлинскомъ конгрессѣ, съ восторгомъ утверждалъ, что «народъ» ничего о томъ не вѣдаетъ и вѣдать не хочетъ! Не болѣе дальноворкости проявили въ оцѣнкѣ народнаго движенія въ Сербскую войну 1877 г. и «народникъ-беллетристъ» г. Успенскій, и даже такой великій романистъ, какъ графъ Л. Толстой (въ своемъ совершенно неудачномъ эпилогѣ къ «Аннѣ Карениной»). Ни наши дипломаты, ни реалисты-писатели не хотятъ или не способны понять, что народъ — организмъ особаго рода, надѣленный особымъ мистическимъ, ни для какого анализа неуловимымъ процессомъ умственныхъ и душевныхъ отправленій, раскрывающимся лишь въ ходѣ самой жизни и въ историческихъ результатахъ. А эти результаты и служатъ непреложнымъ свидѣтельствомъ о непрерывной жизненной дѣятельности совокупно-цѣльнаго, присущаго народу историческаго инстинкта, совокупно-цѣльнаго же чувства и воли. И странно! вѣдь никого не удивить, если историкъ скажетъ такую фразу: «Русскій народъ съизначала стремился къ морю, медленнымъ и упорнымъ трудомъ пролагалъ себѣ къ нему путь» и т. д. Оно совершенно вѣрно, но никто, конечно, не укажетъ того мужика, который бы это стремленіе къ морю возвелъ «въ объектъ сознанія», который бы даже, проживая въ центрѣ Россіи, зная съ надлежащею точностью географическое положеніе морей! Между тѣмъ такое стремленіе несомнѣнно жило въ народномъ инстинктѣ!... Все это, казалось бы, истины совершенно азбучныя, но ихъ приходится постоянно напоминать нашимъ властнымъ руководителямъ, которые привыкли вмѣнять ни во что народныя историческія инстинкты, даже относиться къ нимъ скептически или и вовсе отрицать ихъ. Особенно же сильно преобладаетъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ такое именно убѣжденіе, что ужъ до внѣшней-то политики

народу никакого дѣла нѣтъ, что никакого къ его внутренней жизни отношенія она не имѣетъ и никакого воздѣйствія на его духовный строй не оказываетъ. Вѣда отъ подобнаго возрѣнія была бы, пожалуй, еще не особенно велика, еслибъ сами-то эти сферы и руководители были болѣе причастны историческому національному инстинкту и духу. Но при свойственномъ имъ, совсѣмъ даже безболѣзненнымъ, какъ бы нормальномъ отчужденіи отъ народности, такой ихъ взглядъ на отношеніе народа къ интересамъ внѣшней политики способенъ лишь родить плоды самаго горькаго вкуса. Только этимъ лишь и объясняется странная мысль о возможности сочетать благотворно политику пассивную, политику бездѣйствія *внѣшняго* съ политикою дѣятельною и живою *внутри*, — отсутствіе всякой энергіи (а слѣдовательно и достоинства) въ первой — съ преизобиліемъ энергіи (и достоинства) во второй!

Но какъ ни выставляй энергію въ программѣ для политики внутренней, энергіи не будетъ, если таковой не имѣется и для политики внѣшней, — да и быть не можетъ, потому что значить — ея вообще нѣтъ. — Была бы она, — проявилась бы и въ той и въ другой, всюду. Мы уже замѣтили выше, что политика пассивная внѣшняя (нашъ оффиціальныи теперь девизъ, подѣ кличкою «миролюбивой») не одарила насъ особенно энергическою политикою внутреннею. Почему же такъ? Да потому, что во всякой дѣятельности требуется участіе нѣкоего фактора, весьма своенравнаго и «разсудительнымъ людямъ», особенно петербургскаго пошиба, мало сочувственнаго, даже мало понятнаго: это — *духъ*. Состояніе духа въ каждомъ человѣческомъ существованіи обусловливаетъ вообще успѣшность личной работы; точно также и состояніе общественнаго духа сказывается непосредственно на всякой дѣятельности общественной въ широкомъ смыслѣ слова, не исключая и дѣятельности правительственной. Тѣмъ сильнѣе воздѣйствіе состоянія духа всенароднаго. А это состояніе у насъ ужъ вовсе не бодро, и одна изъ ближайшихъ его причинъ кроется, — таково наше глубокое убѣжденіе, — въ политикѣ *внѣшней*. Пусть не воображаютъ гг. дипломаты, что ихъ образъ дѣйствій можетъ быть оцѣненъ только экспертами, да еще не иначе какъ при помощи европейскихъ мѣръ

и вѣсовъ, и не отдается никакими послѣдствіями на состояніе души народной!... «Да чѣмъ же худымъ,—возразить, пожалуй, иной дипломатъ,—можетъ отразиться въ народѣ наше стремленіе создать ему мирное и безмятежное житіе? Миръ вѣдь величайшее для народа благо,—ничего другаго ему и не нужно, мы ему и сооружаемъ миръ,—и мы же виноваты?!» Миръ, конечно, благо, но миръ миру рознь; есть миръ почетный и миръ постыдный, и постыднаго мира народъ не хочетъ, даромъ что народъ—«практикъ» и никто болѣе его не терпитъ лишній и мукъ отъ нарушенія общественной тишины. Но народъ, какъ и вообще человѣкъ, не о хлѣбѣ единомъ живетъ. Если знамя историческаго народа развѣвается не высоко, не такъ, какъ ему прилично, если на людяхъ, т. е. на народахъ, онъ подобающей себѣ чести не имѣетъ, а напротивъ стяжалъ посрамленіе, то неужели возможно вообразить, что духъ его останется бодръ? А если не бодръ, то и не плодотворенъ: вѣдь только бодрость духа производительна! Неужели возможно предположить, что такой великій народъ, какъ народъ Русскій, лишень всякаго національнаго самочувствія? Позоръ Берлинскаго трактата гнететъ доселѣ и не перестанетъ гнести Русскій народъ до тѣхъ поръ, пока, такъ или иначе, этотъ позоръ будетъ снятъ. И тѣмъ болѣе былъ народу чувствителенъ этотъ позоръ, что онъ послѣдовалъ не только послѣ блистательнѣйшихъ побѣдъ, о которыхъ, о каждой, было въ точности вѣдомо каждому изъ ста милліоновъ рускаго населенія,—но и послѣ необычайнаго подъема народнаго духа, проявившагося именно въ эпоху Сербской добровольческой, а потомъ и Болгарской, государственной войны. Ни одна изъ предшествовавшихъ войнъ не возбуждала въ такой степени его прямаго всесердечнаго участія, какъ именно войны 1877—1878 годовъ, не вызывала въ немъ такого одушевленія; это были первыя войны послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго ярма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первыя проявленія ихъ новой гражданской жизни... И обжечься на этомъ энтузіазмѣ съ первыхъ же разъ, да еще не по своей винѣ (со стороны народа сдѣлано было все возможное и даже повидимому невозможное для достиженія славнаго мира),—и за свои подвиги, свои до ужаса щедрыя жертвы кровью и достояніемъ,

сказать себѣ: «насъ судятъ въ Берлинѣ» (эти слова мы лично слышали отъ людей изъ народа), изъ побѣдителей попасть не только въ побѣжденные, да еще подсудимые,—получить наконецъ, вмѣсто побѣдоноснаго народнаго вѣнца—достойный вѣнецъ нашего раболѣннаго европеизма, срамный трактатъ!... Вѣдь это только въ Петербургѣ, да въ легкомысленномъ, или же совсѣмъ отрѣшенномъ отъ русской народности русскомъ обществѣ, возможно было надѣяться, что такой позоръ не отзовется на нравственномъ *здоровьѣ* страны! Берлинскій трактатъ— это *Kulminationspunct* петербургскаго періода нашей исторіи, это апогей отчужденія высшихъ слоевъ Русскаго народа отъ народности,—того отчужденія, которое до сихъ поръ многими тупоголовыми и тупосердечными (за то «либеральными») интеллигентами отрицается!..

Найдутся такіе и теперь между нами, которые скажутъ, что о такомъ старѣѣ не стоить и говорить, что все это теперь пережито и забыто, что «мирный прогрессъ культуры долженъ заслонить всякіе политическіе расчеты» и тому подобныя пошлости, — а дипломаты прибавятъ, что международныя отношенія требуютъ вѣжливаго отзыва объ этомъ европейскомъ документѣ; а «*Journal de St.-Petersbourg*» (издающійся какъ бы нарочно съ цѣлю дразнить русское національное самолюбіе) лишній разъ возвѣститъ, что Россія вполне примирилась съ Берлинскимъ конгрессомъ и чтитъ искренно рѣшенія мудраго европейскаго ареопага!... Блаженны души надѣленные такой неуязвимой плотной кожей! но мы признаемъ долгомъ совѣсти тревожить, насколько мы въ силахъ, это пагубное, по нашему мнѣнію, душевное блаженство нашихъ дипломатовъ, и иныхъ интеллигентовъ,—пагубное потому, что въ Русскомъ народѣ рана не перестаетъ сочиться, хотя бы самъ народъ, пожалуй, и не могъ теперь опредѣлить съ точностью ея «генезисъ». Нельзя не припомнить истинно пророческихъ словъ Скобелева, написанныхъ вскорѣ по отступленіи отъ Константинополя,—Скобелева, котораго память, скажемъ кстати, еще недавно (хотя и тщетно) пытались облаять въ одномъ памфлетѣ разными литературными шавками и моськами, подуськиваемыя любовниками посредственности, бездарными завистниками, а также и «либеральными» ненавистниками всякаго сильнаго проявленія

въ русской жизни «самобытнаго» духа. «Россіи обязательно заболѣть», писалъ онъ, — она и заболѣла дѣйствительно: Берлинскій трактатъ торчитъ всюду, во всѣхъ, пережитыхъ въ послѣднія семь лѣтъ, тѣхъ ея неудачахъ и бѣдствіяхъ, которыя состоятъ въ близкой или отдаленной связи съ ненормальнымъ общимъ состояніемъ духа въ нашей странѣ. Сюда относятся, въ большей или меньшей степени, даже и такія явленія, какъ низкій уровень курса, какъ даже наше экономическое положеніе вообще... Представимъ себѣ только на минуту, что Берлинскаго конгресса не было, что миръ вѣнчалъ Россію не позоромъ, а славою, что вся страна испытала законное нравственное удовлетвореніе въ сознаніи исполненнаго историческаго долга и радость о совершенномъ ею благомъ подвигѣ. Несомнѣнно, что вся страна возросла бы въ мощи и крѣпости и явила бы ту бодрость духа, безъ которой, какъ мы сказали, не мыслима никакая производительность, ни нравственная, ни даже вещественная. Если по извѣстнымъ словамъ Наполеона, даже въ битвахъ три четверти силы арміи составляетъ ея духъ, — въ битвахъ, гдѣ повидимому главнымъ факторомъ является грубая сила физическая, — то тѣмъ важнѣе значеніе духа въ эпоху мира, въ эпоху дѣятельности по преимуществу нефизическаго характера. А мы, Русскіе, представляемъ ту странную, нигдѣ въ свѣтѣ не виданную особенность, что мы въ мирѣ именно и растериваемъ то, что приобретаемъ войною. Причина очевидна: на войнѣ духъ народный выступаетъ какъ непосредственная дѣятельная сила; въ мирѣ же выступаютъ на сцену дѣятельности только силы нашей, отчужденной отъ народнаго духа интеллигенціи, предоставленныя самимъ себѣ, — межъ тѣмъ какъ народный историческій духъ ступшевывается, нѣмотствуетъ, лишается возможности непосредственнаго проявленія.

Пруссія вела войны требовавшія, конечно, не меньшаго напряженія силъ, чѣмъ послѣдняя война Россіи съ Турціей. Въ 1866 г. она воевала съ Австріей: для Пруссіи эта война рѣшала вопросъ жизни или смерти. Казалось бы, вслѣдъ за этою войною, законно было бы наступить если не полному истощенію, такъ утомленію и ослабленію энергіи... Ничуть не бывало. Результатъ войны былъ таковъ, что вся страна, точно вспрыснутая живой водой, помолодѣла, воспрянула ду-

хомъ, закипѣла бодрою дѣятельностью. Черезъ три года опять война, да и какая!—война съ Франціей, повидимому самая изнурительная, вынудившая расточеніе силъ неслыханное, небывалое. Не увѣнчайся эта война успѣхомъ,—Пруссія бы немедленно захворала, да и теперъ бы предстояла предъ нами хворою, худосочною, поникшею духомъ. Но Пруссія вышла изъ войны возвеличенною, въ могуществовѣ и славѣ, обновленною, преображенною,—и ни малѣйшаго слѣда физическаго истощенія и хворости! Она имѣла бы полное основаніе сказать себѣ, какъ и мы, послѣ войны: «ну, ужъ теперъ будетъ! довольно тратиться, довольно напрягаться духомъ и силами, станемъ отдыхать, отдуваться, мы устали, истомлены, истощены!... Повернемся же спиной къ заботамъ внѣшней политики, провозгласимъ какъ принципъ—политику пассивную, лишенную энергіи и инициативы, пока вновъ соберемъ съ духомъ и силами!» Но она себѣ этого не сказала, не ослабѣла ни въ энергіи, ни въ трудѣ, и вотъ, несмотря на предшествовавшую кровавую брань—торговля Пруссіи цвѣтетъ, финансы отличны, имя ея, или пожалуй имя теперъ Германіи, высоко и грозно, слово ея твердо и властно... Все это мы приводимъ лишь въ видѣ доказательства, какъ слабо воздѣйствіе причинъ чисто вещественныхъ на благосостояніе, процвѣтаніе, преуспѣваніе государствъ, и какъ напротивъ велико воздѣйствіе причинъ нравственнаго свойства въ широкомъ смыслѣ слова, или точнѣе сказать: того состоянія общественнаго духа, которое у историческаго народнаго организма неразрывно связано съ его политическимъ въ мірѣ значеніемъ, съ удовлетвореннымъ чувствомъ своего національнаго достоинства. Повторяемъ: прусскія двѣ войны растратою людей, денегъ и напряженіемъ силъ стоятъ нашей одной, послѣдней,—можетъ-быть даже обоплись ей дороже нашей; побѣды наши, въ концѣ концовъ, были блистательнѣе германскихъ; рѣзкая же противоположность военныхъ результатовъ, достигнутыхъ Берлиномъ и Петербургомъ, и всѣхъ послѣдствій исхода войны для благосостоянія обоихъ государствъ—зависитъ отъ различія не столько талантовъ въ лицѣ главныхъ руководителей, сколько отъ различія политическихъ системъ, и преимущественно системъ внѣшней политики.

Вотъ почему мы считаемъ печальнымъ и даже опаснымъ заблужденіемъ тотъ афоризмъ «разсудительныхъ людей», который мы привели въ началѣ статьи и который сталъ руководящимъ началомъ нашей дипломатической дѣятельности, или точнѣе сказать, нашего дѣятельнаго бездѣйствія. Бездѣйствіе въ жизни вѣдь также плодотворно, какъ и дѣятельность, только творить-то оно въ смыслѣ не положительномъ, а отрицательномъ; чтò не движется, то и не стоитъ на мѣстѣ, а уходитъ назадъ, потому что прочіе идутъ впередъ; кто не выигрываетъ, тотъ и при своемъ не остается, а теряетъ—въ сравненіи съ выигрывающими; отъ неимущаго лѣниваго раба отнимется и послѣднее его достояніе и передается имущему, но дѣятельному.... Вотъ почему также мы признаемъ не только ошибочнымъ, но и вреднымъ, ходячее пошлое воззрѣніе въ значительной части нашего общества, такъ усердно поддерживаемое доктринерами нашего мнимаго либерализма, будто всякое живое проявленіе участія къ нашимъ внѣшнимъ политическимъ интересамъ, къ вопросамъ нашей внѣшней политики, нашего всемірно-историческаго призванія какъ славянской и православной державы—не болѣе какъ «шовинизмъ», «квасной патріотизмъ» и т. д.; что притязаніе на національную, «самобытную» политику—предразсудокъ достойный осмѣянія, и что въ настоящее время весь интересъ долженъ быть сосредоточенъ исключительно на мирномъ прогрессѣ—причемъ, разумѣется, безъ сакраментальныхъ словъ: «культура» и «цивилизациа» не обходится. Никакого прогресса и не будетъ, пока не устранится то, чтò гнететъ народное самочувствіе, пока мы будемъ упорствовать въ мудромъ дипломатическомъ самоуничженіи....

· Петербургскія газеты отозвались о нашей передовой статьѣ въ 18 №, что она проникнута взглядомъ пессимистическимъ. Напрасно, однако, стали бы мы искать въ нихъ оцѣнокъ послѣднихъ событій взгляда оптимистическаго; ни таковаго, да въ сущности и никакого ими ясно не выражено, если не считать французскаго въ Петербургѣ органа русской дипломатіи, который зловѣще доволенъ, даже гордъ милостивымъ благоволеніемъ Европы. Между тѣмъ никакъ не слѣдовало бы оставлять ни Европы, ни нашихъ диплома-

товъ въ заблужденіи, будто Россіи раздѣляетъ ихъ самодовольство и ничего болѣе даже и не желаетъ; будто раны нанесенныя ей Берлицкимъ трактатомъ совсѣмъ уже зажили. Скерневицкое свиданіе не могло способствовать заживленію этихъ ранъ,—едва ли даже пуще не растравило ихъ. Миръ (которому впрочемъ ничто серьезно и не грозило) обезпеченъ, это правда, но.... цѣною обезпеченія дальнѣйшаго логическаго развитія Берлинскаго же трактата, сообразно съ политическими видами Берлина и Вѣны! Конечно не трудно обезпечить миръ условившись взаимно, что та сторона,—отъ которой естественно и разумно ожидать сопротивленія нѣкоторымъ вреднымъ для нея политическимъ мѣропріятіямъ другой стороны,—никакой помѣхи этимъ мѣропріятіямъ чинить не будетъ—и приѣмлетъ вредъ даже съ признательностью.... Какъ бы ни скрывалась тайна Скерневицкаго совѣщанія, но о значеніи ея для Австріи и Германіи можно судить по тому особенному, необычайному чувству удовольствія, объявленному правительства этихъ странъ, которое нашло себѣ выраженіе въ заграничной печати. Несмотря на нѣкоторую сдержанность, требуемую приличіемъ, — это выраженіе можно назвать почти ликованиемъ. Чему же въ Австріи и Германіи такъ ликуютъ, что празднуютъ? Хоть бы такой вопросъ задали себѣ наши дипломаты! Ликуютъ, очевидно, отъ того, что получили—чего получить не надѣялись; не отъ того, конечно, что избавились отъ угрожавшей имъ войны (ибо таковой угрозы и не было), а отъ увѣренности, что въ дальнѣйшемъ приведеніи ихъ политическихъ плановъ въ дѣйствіе мы имъ никакихъ препонъ не поставимъ, такъ какъ даже напередъ снабдили уже ихъ своимъ напутственнымъ благословеніемъ. Несомнѣнно также, что эти политическіе планы заключаются не въ одномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины. Какъ иначе понять слѣдующія, напимѣръ, слова официозной австрійской газеты «Fremdenblatt» по поводу Скерневицкаго соглашенія, воспроизведенныя безъ всякаго комментарія органомъ Германскаго канцлера, «Сѣверо-Германской Газетой?» «Свиданіе въ Скерневицахъ — говоритъ «Fremdenblatt» — представляется намъ не создавшимъ ничего новаго, а только придавшимъ *болѣе широкое выраженіе* существующему... Созданный Берлинскимъ конгрессомъ и

вызвавший много споровъ порядокъ вещей на Востокъ привелъ къ распредѣленію силъ, которое отвѣчаетъ мысли объ установленіи политическаго и національнаго равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ и представляетъ всѣ основанія къ постепенному упроченію положенія дѣлъ». Это распредѣленіе силъ и политическаго равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ, другими словами: дѣленіе полуострова на сферу интересовъ австрійскихъ и сферу интересовъ русскихъ, «Fremdenblatt» и называетъ status quo созданнымъ Берлинскимъ трактатомъ, который остается только развить и упрочить. «Въ такомъ консервативномъ (!) духѣ, — гласить въ заключеніе австрійская газета, — собравшіеся въ Скерневицахъ руководящіе государственные люди величайшихъ европейскихъ монархій... единогласно рѣшили проявить на дѣлѣ всю силу государствъ, которыми они управляютъ»... Выходитъ по этому оффиціозному толкованію, что Россія проявитъ на дѣлѣ всю свою силу для уничтоженія своего значенія и обаянія между православными Славянами Балканскаго полуострова и для преданія ихъ, по крайней мѣрѣ на одной половинѣ, на западной, во власть ненавистной имъ католической Австро-Венгріи... Если это толкованіе не вѣрно, такъ чего же молчитъ органъ нашей дипломатіи? Такіе и подобные имъ комментарія, распространяемые германскими и австрійскими оффиціозами, оставаясь безъ опроверженія со стороны русской, производятъ лишь удручающее впечатлѣніе на нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, только роняютъ доброе имя Россіи, подрываютъ старую въ нее вѣру. Отмѣтимъ также, что при этомъ дѣленіи полуострова — на часть Австріи выпадаетъ совсѣмъ не равномерная доля: вѣдь и теперь даже, на практикѣ, къ сферѣ своихъ западныхъ на Балканскомъ полуостровѣ интересовъ она относитъ, и частью ужъ отнесла, и Сербское королевство, и Румынію по устью Дуная, и Салоники и все Эгейское море!... Ниже помѣщаемое письмо изъ Берлина заслуживаетъ особеннаго вниманія нашихъ читателей и еще ярче выясняетъ, какъ понимается за нашимъ рубежомъ Скерневицкое торжество дружбы и мира...

Увѣренность въ нашемъ дружелюбіи, послѣ Скерневицкаго событія, дошла со стороны Берлинцевъ до такой сте-

пени, что Берлинская «Національная Газета» преподноситъ намъ на радостяхъ, въ видѣ гостинца, картинку современнаго нѣмецкаго Drang nach Osten, точнѣе—нѣмецкаго мирнаго напора въ Россію, съ пріятною перспективою его непремѣннаго, скорого теперь усиленія. Оказывается, что въ теченіи восьми не болѣе лѣтъ переселилось въ Россію, почти исключительно въ западныя, пограничныя губерніи слишкомъ 164,000 германскихъ и слишкомъ 189.000 австрійскихъ подданныхъ, — итого почти 354.000 человѣкъ. Признавая такую цифру переселенія болѣе чѣмъ умѣренною, газета сулитъ намъ, какъ плодъ установившейся дружбы, быстрое увеличеніе размѣра германскихъ переселенцевъ вдоль нашей пограничной съ Германіей и Австріей линіи... Не знаемъ, въ какой степени улыбаются этой перспективѣ наши правительственныя сферы, но едва ли улыбнется ей кто-либо изъ нашихъ читателей....

Москва, 15 декабря.

Мы начинаемъ вѣрить, что на Скерневицкомъ свиданіи дѣйствительно не произошло никакихъ новыхъ спеціальныхъ соглашеній,—ни одною стороною, относительно двухъ другихъ, не было принято на себя никакихъ, точно высказанныхъ обязательствъ; не было выработано ни общаго политическаго плана, ни общей программы дѣйствій. Установлена была лишь «дружба», которая, какъ мы это теперь видимъ, и въ правду *ничьей* свободы не связала; выговорено лишь было одно условіе: сохраненіе status quo. А такъ какъ status quo для русской дипломатіи заключается въ соблюденіи политики пассивной, отрицательной; для Германіи же съ Австро-Венгріей—выражается въ непрестанной, неутомимой политической дѣятельности, направленной не къ измѣненію—сохрани Богъ!—а къ *развитію* лишь status quo (т. е. къ достиженію опредѣленныхъ, крупныхъ, отчасти близкихъ, отчасти отдаленныхъ цѣлей),—то и результатъ выходитъ таковъ: русская дружба обезпечиваетъ Германіи и Австро-Венгріи полную свободу ихъ политическихъ дѣйствій, и еслибъ мы вздумали въ чемъ-либо стѣснить эту свободу, повинны

были бы въ недружелюбіи; взаѣмнѣ того, наши друзья великодушно предоставляютъ намъ полную свободу сидѣть на нашемъ *statu quo*, свободу... *бездѣйствія*, и нѣтъ повода опасаться, чтобъ они такую привилегію нашу стѣснили! Напротивъ, мы рискуемъ лишиться ихъ дружбы, еслибъ отъ *этой* нашей свободы какъ-либо отклонились. За то ужъ и пользуемся мы этой свободой теперь на просторѣ, — даже съ *удареніемъ*; бездѣйствуемъ точно по праву, съ нѣкоей гордостью и благораствореніемъ дружбою переполненнаго сердца! Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ на Скерневицкомъ свиданіи происходило, хотя бы только въ принципѣ (какъ о томъ носились слухи) размежеваніе Балканскаго полуострова на двѣ сферы политическихъ интересовъ, причемъ на нашу долю отводилась бы только восточная его часть; еслибъ, какъ намекали нѣкоторыя заграничныя газеты, тоже хотя бы въ принципѣ, было признано за нами нѣкоторое особое право относительно воротъ нашего Чернаго моря, — однимъ словомъ, еслибъ что-либо было оговорено въ нашу исключительную пользу, такая оговорка не могла бы не проявиться наружу, хоть въ какой-либо практической формѣ. Но мы осуждены видѣть нѣчто совершенно противоположное. Любовное сочетаніе политики пассивной и политики активной имѣло своимъ прямымъ ближайшимъ послѣдствіемъ то, что первая стала еще пассивнѣе, а вторая — еще живѣе, назойливѣе и дѣятельнѣе. Послѣ торжественнаго обмѣна дружественныхъ чувствъ, происходившаго въ Скерневицахъ, у Германіи и Австро-Венгріи прибыло и блеска, и обаянія, и силы; смѣлѣе и развязнѣе стали ихъ движенія; точно камень свалился у нихъ съ плечъ, и обезпеченные русской дружбой, словно напутствуемые благословеніемъ, съ легкимъ сердцемъ и съ увѣренностью въ удачѣ принялись онѣ ковать «культурно-политическія» узы для Балканскихъ Славянъ. Надменны до нахальства, въ высшей степени заносчивы и оскорбительны для Россіи были ликованія германскихъ и австрійскихъ неоффиціозныхъ газетъ, вызванныя этимъ свиданіемъ, такъ что едва-едва могли наконецъ сдержаться въ предѣлахъ соображеніями, если не приличія, то политическаго расчета, при помощи правительственныхъ внушеній. Напротивъ того, въ нашемъ отечествѣ

Скерневицкому согласію чувствъ безъ соглашенія въ мысляхъ—радовался и придавали значеніе искуснаго дипломатическаго маневра развѣ лишь въ петербургскомъ зданіи около береговъ Мойки; въ остальной же Россіи, крѣпко памятующей Берлинскій трактатъ, только дивились, выжидали, да съ любопытствомъ разглядывали, порой, изданныя въ ознаменованіе событія фотографическія карточки съ изображеніемъ министровъ иностранныхъ дѣлъ всѣхъ трехъ державъ вмѣстѣ, невольно припоминая стихи поэта: «Въ одну телѣгу впрячь не можно»... Какъ бы то ни было, но извѣстіе о сей дружественной запряжкѣ трехъ державъ въ одну политическую телѣгу, съ предоставленіемъ для каждой свободы аллюръ или дѣйствій, встрѣчено было на Руси съ недоумѣніемъ и недоувѣріемъ. Послѣднее и не замедлило оправдаться. Подъ яркими лучами восходящаго созвѣздія дружбы Россіи, Германіи и Австро-Венгрии, обаяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ начало видимо блекнуть. Наши дипломаты стали еще скромнѣе и смиреннѣе, чѣмъ прежде; правда, это представлялось почти невозможнымъ,—но усердіе и честность въ исполненіи долга пріязни, споспѣшествуемая слабымъ въ нашей дипломатической средѣ развитіемъ національнаго самосознанія и склонностію къ дешевому самоудовлетворенію, чего не превозмогутъ!...

Мы, никто какъ мы, разгромили недавно Турецкую имперію, высвободивъ изъ-подъ ея власти лучшія провинціи и отнявъ у нея всѣ оборонительныя, крѣпкія линіи: казалось, никого бы ей такъ не слѣдовало страшиться и чтить, какъ недавняго побѣдителя... Ничуть не бывало. Никогда, даже передъ послѣдней войной, не пользовались мы меньшимъ у Турціи авторитетомъ: страхъ и почетъ перенесены на державу, вовсе и не обнажавшую противъ Турціи меча. Распоряжается и господствуетъ при Оттоманскомъ дворѣ Германія, и съ послѣдней осени господство это стало сильнѣй чѣмъ когда-либо. Предполагалось, что послѣ Скерневицкаго свиданія германская возглашенная дружба послужитъ намъ въ Турціи къ пользѣ. Но выходитъ нѣчто странное: словно бы, усиливъ своею дружбою другія державы, сами мы разомъ обезсилѣли и себя же своею же силою бьемъ! Наши новые союзы, очевидно, не прибавили намъ мощи, по крайней мѣрѣ

на Босфорѣ. Такъ, удовлетворяя прочихъ европейскихъ кредиторовъ, Турція отказываетъ намъ въ уплатѣ контрибуціи даже въ томъ скромномъ ежегодномъ размѣрѣ, какой нами снисходительно назначенъ. Она же не допускаетъ насъ до заключенія новаго торговаго трактата и пересмотра стараго тарифа, въ чемъ не отказала Германіи. Наконецъ, какъ бы въ отвѣтъ на толки о проливахъ, возбужденные событіемъ въ Скерневицахъ, Турція вздумала стѣснять свободный проходъ черезъ Дарданеллы нашихъ судовъ, отправляемыхъ съ воинскою командою въ русскіе порты Тихаго Океана, требовать исполненія разныхъ неудобныхъ формальностей, ограничивать перевозимое число солдатъ и т. п. Однимъ словомъ, несмотря на наши недавнія побѣды, Русская держава лишена Турками столь необходимой для нея полной свободы сношеній съ своими Тихоокеанскими владѣніями, которою однако, по благоразумію Порты, до самой послѣдней поры болѣе или менѣе пользовалась. Очевидно, что Порта дѣйствуетъ въ настоящемъ случаѣ не съ своего ума-разума... Отчего же, однако, германскій авторитетъ, столь могущественный на Босфорѣ, не пришелъ на помощь нашей безавторитетности и безсилію, — тому смиренію нашему, на которое осудили мы сами себя изъ боязни нарушить *status quo* (къ сохраненію коего обязала насъ дружба съ Германіей)? Между тѣмъ, тою же дружественною Германіей строится для Турціи въ Дарданеллахъ громадный броненосецъ и вообще приводятся въ лучшій боевой видъ турецкія морскія силы; германскіе офицеры высокихъ ранговъ, продолжая числиться на германской имперской службѣ, занимаютъ въ то же время разные высокіе военные посты на службѣ султанской, съ прибавкою къ своимъ нѣмецкимъ фамиліямъ титула «паши», командуютъ турецкими солдатами, обучаютъ ихъ новѣйшему строю, усиливаются какъ будто создать стройное и грозное турецкое войско... Зачѣмъ, для кого и *противъ кого*, спрашивается; чего ради такое повидимому радѣніе о турецкихъ интересахъ?... Вообще Германцы теперь во всѣхъ совѣтахъ, во всѣхъ частяхъ управленія Оттоманской имперіи, — самая столица наводнена Нѣмцами и на улицахъ Царьграда вездѣ раздается нѣмецкій языкъ.

Было бы странно, разумѣется, ставить въ вину герман-

скому канцлеру такое настойчивое исполненіе своихъ дальновидныхъ политическихъ плановъ, всегда согласованныхъ,— съ его точки зрѣнія конечно,— съ интересами Германской монархіи,— но положительно подлежить осужденію та дипломатія, которая не умѣетъ не только защищать, но даже и распознать интересы своего могущественнаго государства, которая умудрилась соскользнуть съ высоты, добытой для нея кровью и достояніемъ роднаго народа, и затѣмъ продолжаетъ терять позицію за позиціей, съ умильной улыбкой пасуя предъ тяжкимъ натискомъ воинствующей дружбы. Намъ могутъ возразить, что неудачи наши въ Константинополѣ зависятъ отъ случайной причины, отъ личной неумѣлости русскаго представителя. Но кто же виноватъ въ его выборѣ? Да и почему относить къ неумѣлости то, что въ равной мѣрѣ и съ такою же справедливостью можетъ быть отнесено и къ самому высшему вѣдомству руководящему нашей политикой? Развѣ дѣйствія русскаго представителя при Оттоманской Портѣ составляютъ какое-либо противорѣчіе съ общимъ характеромъ нашей дипломатической дѣятельности при другихъ дворахъ?!.. Конечно, всѣмъ намъ вѣдомо, какъ правилъ свое посольство въ Константинополѣ Н. П. Игнатьевъ въ продолженіе 12 лѣтъ, да и при какихъ обстоятельствахъ! Наша неудачная война 1854—56 гг., завершенная потерей государственной территоріи, потерей державныхъ правъ Россіи на Черномъ морѣ, короче сказать Парижскимъ миромъ, затмила въ памяти Турокъ бывше блестящіе успѣхи русскаго оружія и славу русскаго имени,—но тѣмъ не менѣе Игнатьевъ умѣлъ поднять и держать русское имя на Балканскомъ полуостровѣ высоко и грозно, привлекать и питать симпатіи Славянъ, вызывать и поддерживать въ нихъ народное самосознаніе, стремленіе къ независимости, упованіе на Россію. Широко и гордо развѣвалось тогда въ Царьградѣ наше русское знамя, являясь охранительною сѣнью для всѣхъ нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, — тогда какъ послѣ столькихъ блистательныхъ побѣдъ и чудесныхъ подвиговъ нашихъ войскъ, послѣ возсозданія свободной Болгаріи, оно теперь, въ томъ же Царьградѣ, какъ-то стыдливо виситъ и жметса. Если даже эту заслугу Н. П. Игнатьева отнести исключительно къ его личнымъ дарованіямъ и убѣж-

деніямъ, такъ и то уже дѣлаетъ честь бывшему дипломатическому управленію, что подобный продолжительный примѣръ посольствованія былъ возможенъ; въ наши же времена онъ показался бы, конечно, анахронизмомъ, — диссонансомъ въ аккордѣ нашей политики, и черезчуръ рѣзкимъ. Тонъ нашей политикѣ дается теперь, какъ извѣстно, капельмейстеромъ общаго европейскаго концерта, указывающимъ каждому участнику его партитуру.

Не споримъ, что скромною партитурою удѣленною на нашу русскую часть, руководители нашей дипломатіи довольствуются не по вкусу только и не по сочувствію, но и по соображеніямъ высшаго разряда. По крайней мѣрѣ, на всякій упрекъ въ бездѣйствіи, ихъ отвѣтъ стереотипно-одинаковъ: «Россіи нуженъ миръ, она въ настоящее время должна всѣми способами избѣгать новой войны, копить силы и средства». Повидимому основательно, но вѣдь война—ultima ratio, за истощеніемъ способовъ дѣятельности разумной. Да кто же и говоритъ о войнѣ? Кто же ея желаетъ?! Менѣе всего наши друзья, а также и недруги. Никто намъ войною и не грозитъ. Мы сами себя грозимъ ею. Вольно же страшиться—нами же самими созданнаго пугала! Все дипломатическое искусство именно и состоитъ въ томъ, чтобы безъ войны добиться тѣхъ результатовъ, которые достигаются войною,—а для этого первое условіе: не пугаться войны, ибо у страха глаза и уши велики, и не пѣть постоянно и предъ всѣми дипломатическаго Лазаря. Надо умѣть *смѣть* и *дерзать*, что разумѣется возможно лишь живому чувству и вѣдѣнію интересовъ національныхъ, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ,—которое именно у нашей дипломатіи въ недочетѣ... Вотъ князь Бисмаркъ и безъ всякой войны умудрился вырвать изъ рукъ Англіи чуть не всю средину Африки отъ моря до моря и вообще смутить могущество «гордаго Альбіона»; ухитрился создать себя боевые доспѣхи изъ нашей дружбы, а изъ своей сплести крѣпкія для другихъ и для насъ узы. Такъ, мы теперь радѣемъ за европейскіе интересы въ Египтѣ, и наши дипломаты вѣроятно даже очень польщены, видятъ въ томъ чуть ли не «компенсацію» себя за безсиліе наше въ Царьградѣ, что мы, какъ Европейская держава, тоже вѣдь получили роль въ Египетскомъ вопросѣ и тоже,

съ другими вмѣстѣ, требуемъ себѣ доли контроля надъ египетскими финансами, хотя Египетъ намъ ни гроша не долженъ и нѣтъ у насъ ни одного владѣльца египетскихъ кредитныхъ бумагъ! Почему Европейской державѣ и не участвовать въ Европейскомъ концертѣ, но вмѣсто того, чтобы въ египетскомъ вопросѣ идти лишь во хвостѣ за Германіей и пѣть по чужой дудкѣ, мы полагаемъ, — и въ этомъ случаѣ готовы присоединиться къ мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей» объ Абиссиніи, — что было бы приличнѣе осмыслить наше вмѣшательство болѣе самостоятельными интересами, къ числу которыхъ, по отношенію къ Африкѣ, несомнѣнно можетъ принадлежать обезпеченіе участи древней, почти единовѣрной намъ страны, такъ давно стремящейся къ сближенію съ нами, тяготящей къ намъ и безъ нашей помощи осужденной стать добычей просвѣщенной корысти Европейскаго Запада. Но теперь пуще Абиссиніи и Египта должны бы привлекать къ себѣ вниманіе наши дѣла Балканскаго полуострова, гдѣ, рядомъ съ Германіей распоряжающейся преимущественно Портой, становится повидимому полнымъ распорядителемъ и другой нашъ другъ — Австро-Венгрія.

Недавно новый Константинопольскій патріархъ Іоакимъ IV, безъ вѣдома представителя Россіи и безъ сношенія съ Русскою церковью, призналъ каноническимъ, — вопреки мнѣнію своего предшественника (которое, вмѣстѣ съ Русскою церковью, и самъ раздѣлялъ будучи членомъ Константинопольскаго Синода!) — поставленіе въ Митрополита Сербіи австрійскаго ставленика Мраовича. Какъ намъ пишутъ, это согласіе дано патріархомъ вслѣдствіе усиленнаго ходатайства австро-венгерскою властью... Мы не останавливаемся здѣсь на значеніи этого факта и его послѣдствій въ частности для Россіи, но приводимъ его какъ одно изъ свидѣтельствъ возрастающаго вмѣшательства, и намъ наперекоръ, новаго нашего союзника во внутренія дѣла Балканскихъ государствъ. Предположеніе наше оправдалось. Повидимому вполне радостное, представлявшееся всеобщимъ залогомъ мира и благоденствія, свиданіе въ Скерневицахъ не только не доставило ни радости, ни мира православнымъ Славянскимъ племенамъ за Дунаемъ и Савой, но повергло ихъ въ мрачную скорбь и уныніе, а нѣкоторыхъ и въ отчаяніе. Можно бы подумать,

что мы дали Австрійцамъ *carte blanche* на всяческія дѣйствія враждебныя славянскимъ, стало-быть и нашимъ собственнымъ интересамъ на Полуостровѣ, — до такой степени Австрія самоувѣренно и словно по праву стала разыгрывать роль хозяйки въ этомъ несчастномъ краѣ! Всѣ мы однакожь хорошо знаемъ, что никакого такого полномочія Россіей Австрійцамъ дано не было, и сами наши дипломаты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, даже дивятся такой австрійской продерзости. Но дивиться можно только ихъ простодушію, достойному болѣе умѣстнаго примѣненія. Не трудно понять, — да «Русь» на это тогда же и указывала, — что если Австрія прежде сдерживалась страхомъ Россіи, такъ вѣдь мы же сами первые постарались избавить Австрію отъ такого, сдерживающаго ее страха; сами же упросили, убѣдили ее насъ не бояться и поклялись ей въ дружбѣ съ наивно вѣрою въ магическую силу дипломатическаго термина *status quo*, даже не опредѣливъ его смыслъ и значеніе. Все что ни творить теперь Австро-Венгрія среди Балканскихъ Славянъ, она именно называетъ, да и справедливо, только развитіемъ *status quo*, и этимъ самымъ готова замкнуть уста нашей дипломатіи, еслибъ онѣ разверзлись (но онѣ даже и не разверзаются) для протеста! Впрочемъ весьма возможно, что австрійская власть, дабы пощадить нашу пекотливость по части *status quo*, обойдется даже безъ формальнаго включенія Босніи и Герцеговины въ составъ Имперіи, а удовольствуется *оккупацией*, — причемъ ученые профессора международного права съ важностью признаютъ, какъ послѣднее слово сей курьёзной науки, что «оккупация» страны чужою государственною властью можетъ быть и вѣчною, не будучи «аннексіей»! Но не удивимся мы и тому, если съ согласія Европы, т. е. князя Бисмарка, Англии и даже Россіи, случится и дное, именно что дипломаты, удерживая всю обязательность Берлинскаго трактата для Россіи, согласятся допустить и аннексію, какъ не нарушающую трактата, какъ законное упроченіе *status quo*, особенно если о томъ послѣдуютъ *мольбы* народа. Намъ снова пишутъ, что въ Босніи и Герцеговинѣ тюрьмы набиты *подозрительными* для австрійской власти Славянами; тѣхъ же, кто оправдалъ такое австрійское подозрѣніе на дѣлѣ, безъ церемоніи разстрѣливаютъ или вѣшаютъ; сельскихъ старшинъ

она поставила вооруженною рукою изъ тѣхъ немногихъ, въ безусловной покорности коихъ вполнѣ увѣрилась, и вотъ эти-то насильственно народу навязанные старшины, отъ имени управляемыхъ ими селъ и деревень, подписали прошеніе Императору о присоединеніи къ Австро-Венгерской монархіи! «Несчастный народъ» — прибавляетъ письмо — «мало того, что его взяли въ плѣнъ: хотятъ еще, чтобъ онъ самъ, своими руками себя зарѣзалъ»... А на дняхъ пронесся слухъ, которому мы пока еще отказываемся вѣрить, будто російское консульство въ Сараевѣ, столицѣ Босніи, упраздняется, будто бы оно нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ признается совсѣмъ теперъ излишнимъ... Но вѣдь такой поступокъ съ нашей стороны былъ бы ужъ настоящимъ нарушеніемъ status quo и равнялся бы торжественному объявленію аннексіи, — но вѣдь это было бы жестокостью относительно Боснійскихъ Славянъ, такъ какъ означало бы совершенное отреченіе, отступничество отъ нихъ Россіи!... Да развѣ православною Россіи не слѣдуетъ изъ непосредственныхъ вѣрныхъ источниковъ вѣдать судьбу своихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братій среди враговъ ихъ народности и вѣры?... Мы знаемъ, какъ не только сильна, но и грозна католическая пропаганда въ Босніи, равно и въ Герцеговинѣ, гдѣ она дѣйствуетъ къ тому же во всеоружіи государственной власти. Читателямъ «Руси» извѣстны гоненія воздвигнутыя на Православную церковь въ этихъ несчастныхъ странахъ, и всѣ подробности неравной борьбы православнаго митрополита Косановича, которому австрійскія начальства хотѣли подсунуть, вмѣсто православныхъ богослужебныхъ книгъ, уніатскія, въ Вѣнѣ печатанныя; извѣстна также насильственная замѣна родной кириллицы латино-хорватскимъ шрифтомъ...

Не лучше идетъ дѣло и въ Македоніи, для которой (напомнимъ нашимъ дипломатамъ) устройство лучшаго управленія предписано даже Берлинскимъ трактатомъ (взамѣнъ свободы, предоставленной было ей С. Стефанскимъ трактатомъ), но которая теперъ раздираема и разбойничьими шайками, и турецкимъ самоуправствомъ. Почему это обстоятельство, на которое было обращено недавно вниманіе даже Англійскаго парламента, совсѣмъ упущено изъ виду нашею дипломатіею, и она какъ бы дожидается, чтобъ иная держава признала

въ томъ для себя поводъ къ дѣятельному вмѣшательству въ дѣла македонскія,—ну тогда и мы, пожалуй, возьмемъ на себя обязанность подголоска?... Тамъ также кишить австрійская католическая пропаганда которая мастерски пользуется настоящимъ положеніемъ мѣстныхъ Болгарь, чѣснимыхъ и Греками, и Турками, но, при обращеніи въ латинство, тотчасъ же обрѣтающихъ себѣ гражданскую обезпеченность, въ чемъ дружно содѣйствуютъ пропагандѣ всѣ иностранные европейскіе консулы, даже и протестанты!... Тамъ, впрочемъ, имѣются и русскіе консула, но дѣятельности ихъ не слышно и не видно; про одного изъ нихъ писали намъ, что въ домѣ, гдѣ онъ живетъ, помѣщается и католическая миссія, такъ что надъ русскимъ орломъ, осѣняющимъ жилище представителя русской православной власти, высится (по крайней мѣрѣ высилась еще недавно) надстроенная деревянная верхушка латинской церковки... Кстати сказать, въ нашемъ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ принято какъ бы за правило не обращать вниманія на вѣроисповѣданіе своихъ служащихъ, и не настаивать на томъ, чтобъ въ странахъ, которыхъ симпатіи къ намъ основаны именно на единовѣрїи, консулами назначались непременно люди православные. Особенной надобности наши дипломаты въ этомъ не видятъ или она еще имъ не въ домекъ,—да чтò въ самомъ дѣлѣ толку и въ православныхъ консулахъ, если они не имѣютъ себѣ наверху поддержки!... А между тѣмъ католическія миссіи, для которыхъ австрійское правительство и даже лично Императоръ Францъ-Іосифъ не щадятъ средствъ, наводняютъ Балканскій полуостровъ, дѣйствуютъ искусно и неослабно, уловляя въ свои сѣти всѣхъ слабодушныхъ и униженныхъ, уча ихъ—не возлагать болѣе надеждъ на подружившуюся съ Австріей Россію, не ожидать болѣе отъ нея поддержки. Вообще завоеваніе Австрією Балканскаго полуострова творится настойчиво и неумоимо,—завоеваніе конечно не формальное, но отчасти культурно-церковное, черезъ умноженіе чадъ Латинской церкви, отчасти дипломатическое, чрезъ привлеченіе государствъ въ область своего политическаго вліянія, и поверхъ всего—завоеваніе экономическое. Въ этихъ именно видахъ Берлинскій трактатъ и обязалъ Турцію, Сербію и Болгарію выстроить желѣзныя дороги, которыя бы, примыкая

къ австро-венгерскимъ, могли безпрепятственно привести Австро-Венгрію и въ Македонію (прямо къ Солуни и Эгейскому морю), и въ Румелию, и въ Софію, и даже въ Константинополь... Сербскій король, — который обратился уже чуть не въ вассала Австро-Венгерскаго императора и чуть не признаетъ послѣдняго своимъ сюзереномъ, который съ своимъ правительствомъ уже руководится не иною политикою, какъ австрійскою, — свое дѣло сдѣлалъ и дороги выстроилъ; Турція — только отчасти; Болгарія, — въ которой связь съ Россіей еще слишкомъ жива, но на правительство которой крѣпко насѣдаетъ австрійская дипломатія, болѣе ловкая чѣмъ наша, — Болгарія еще мѣшкаетъ, еще держится — тщетно пока ожидая, чтобъ русское правительство помогло ей напередъ выстроить дороги примыкающія, черезъ Румынію, къ самой Россіи: но мы у себя уже лѣтъ пять о томъ толкуемъ, и собраться не можемъ!... Одна свободно себя отъ латинской пропаганды и открыто вѣрною Россіи блюдетъ себя храбрая, искони независимая Черногорія; но все тягостнѣй и тягостнѣй становится ея положеніе: со всѣхъ сторонъ обступаютъ ее и душатъ каменные, вновь воздвигаемыя австрійскія твердыни, — а по послѣднимъ извѣстіямъ, увѣрившись въ нашей дружбѣ, еще назойливѣе стала Австрія тѣснить черногорское правительство, вминая Черногоріи въ вину даже простое соболѣзнованіе несчастнымъ сородичамъ — Герцеговинцамъ!...

Мы вполне признаемъ великое значеніе союза Германія съ Россіей, но онъ купленъ слишкомъ дорогою цѣною, — такою цѣною, которая превышаетъ стоимость самого союза и ставитъ его на шаткое основаніе. Эта цѣна заключается въ признаніи нами условій союза между Германской и Австро-Венгерской монархіей, другими словами: въ признаніи правомѣрности австрійскихъ притязаній на Балканскій полуостровъ, поддерживаемыхъ, да и внушенныхъ ей самою Германіей, — а слѣдовательно и въ отреченіи отъ собственныхъ нашихъ правъ, отъ собственной нашей исторической миссіи... Конечно, точными словами этого не было выговорено, и вещи по имени не были названы, но онѣ подразумевались и смыслъ словъ ясенъ каждому, кто дорожитъ смысломъ вещей, а не ихъ поверхностью, кто прозрѣваетъ въ будущее, а не заботится лишь объ удобнѣйшей об-

дѣлкѣ затрудненій настоящей минуты... Подразумѣваемое и выступаетъ теперь наружу, можетъ-быть къ изумленію самой нашей дипломатіи,—выступаетъ и дразнить ее словами: *tu l'as voulu, Georges Dandin, tu l'as voulu!*

Впрочемъ, и до послѣдняго обмѣна дружественныхъ чувствъ, картина положенія русскихъ и славянскихъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ была такова, что всматриваясь въ нее, невольно спрашивали мы себя: да что же это значить такое? Ужь точно ли мы, Русскіе, вели войну 1877 г., одержали такія побѣды, совершили такіе подвиги самопожертвованія, которымъ, ужасаясь, дивился міръ? Глядѣтъ на насъ, на нашъ образъ дѣйствій, словно бы мы не побѣдители, а побѣжденные; словно бы мы не та могущественная Россія, которая билась лѣтъ восемь назадъ, а какая-то другая, переименованная, слабосильная, хилая, которой даже не къ лицу блюсти свое достоинство, подъ-стать лишь тихнуть тише воды, низиться ниже травы; для которой послѣдняя война— «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»; которая утратила вѣру въ себя, въ свое предназначеніе, спѣшитъ ретироваться со всѣхъ своихъ исторію намѣченныхъ позицій, и какъ будто стыдится недавнихъ порывовъ увлеченія и одушевленія!!.. Правда, побѣдители на боевомъ полѣ, мы были позорно, срамно разбиты на суковномъ полѣ дипломатическихъ сраженій, но какъ ни удручаетъ насъ стыдъ, не на самую страну ложится онъ,—Русская земля осталась тою же землею, какъ и была,—и чувство стыда отъ берлинскаго пораженія должно бы, казалось, напротивъ, побудить ея руководителей напрячь всѣ силы разума, чтобъ загладить стыдъ, стереть съ себя его краску, а не обращать его въ какую-то хроническую болѣзнь, отъ которой нельзя избавиться, а остается только мириться!.. Нельзя мириться съ состояніемъ пристыженнаго и опасно всякое дѣйствіе въ духѣ такой пристыженности; съ другой стороны, было бы не менѣе опасною ошибкою — стыдъ нанесенный дипломатіей думать побѣдить лишь одною грубою силою, для примѣненія которой еще долго можетъ не настать времени и которой одной побѣда, какъ мы это теперь видимъ, никогда не прочна.

Мы знаемъ, что къ «Руси» обращены были упреки, по поводу ея статей въ 18 и 19 №№, въ томъ, что она под-

рываетъ довѣріе Славянскихъ народовъ къ русской дипломатіи. Не мы подрываемъ; она сама своими дѣйствіями его подрываетъ. «Русь», — да и не она одна, къ счастью, а и многіе другіе органы русской печати, возстановляютъ, напротивъ, по мѣрѣ возможности (конечно малой), довѣріе этихъ народовъ, если не къ дипломатіи, такъ къ Россіи, которая дипломатіей такъ часто компрометируется. Этотъ голосъ негодованія свидѣтельствуетъ имъ, что по дипломатическимъ дѣйствіямъ, обусловленнымъ къ тому же разными случайными соображеніями, было бы несправедливо заключать объ исчезновеніи въ нашемъ отечествѣ того святаго огня любви и братства, который такъ часто пламенѣлъ имъ во мракѣ и многимъ единовѣрнымъ и единокровнымъ освѣтилъ путь освобожденія. Этотъ голосъ соболѣзнованія, участія, заботы способенъ лишь подать имъ мужество въ борьбѣ и терпѣніе въ мукахъ, поддержать въ нихъ крѣпость упованія на Россію, — Россію настоящую, народную, съ Царемъ своимъ нераздѣльную, Россію историческую, такъ часто заслоненную для нихъ, да и не для нихъ однихъ густою тьмою недоразумѣній! Можно лишь горевать о томъ, что такіе частные голоса оказываются нужными и полезными при безмолвіи голосовъ авторитетныхъ и властныхъ, но разъ существуетъ такое безмолвіе, такъ слѣдуетъ жалѣть развѣ о томъ, что не довольно такихъ голосовъ раздается, что они слишкомъ слабы сами по себѣ, да и рѣдки...

Дѣятельность Австро-Венгрии и Римской куріи на Балканскомъ полуостровѣ находится въ связи съ общимъ ихъ, величавымъ въ своемъ родѣ замысломъ, все яснѣй и яснѣй выступающимъ наружу въ послѣднее время. Замысль Рима — создать Латинскій Востокъ; замысль монархіи Габсбурговъ — создать Нѣмецко-Славянскую Имперію, объединенную единствомъ Латинской церкви и общаго, культурнаго и государственнаго нѣмецкаго языка... Православную Россію, которую окатоличить мало надежды — предполагается направить туда, въ глубь азіатскаго Востока, и вообще подвинуть назадъ къ Азіи, — тѣмъ болѣе, что по теоріи Поляка Духинскаго, которая въ большомъ почетѣ у австрійскихъ властей, Русскіе принадлежать-де не къ Славянскому пле-

мени а къ Монгольскому или вообще Туранскому!.. Одинъ изъ главныхъ и талантливыхъ ревнителей по части объединенія Славянъ подъ духовною властію Папы — хорватскій епископъ Штроссмайеръ, которому удалось убѣдить Льва XIII причислить къ лику Святыхъ, чествуемыхъ Римскою церковью и Славянскимъ Первоучителей Кирилла и Меѳодія. Онъ же соорудилъ въ 1881 г. паломничество католиковъ-Славянъ въ Римъ, къ подножію папскаго престола, исхода-тайствовавъ при этомъ отъ куріи и нѣсколько уступокъ относительно употребленія, впрочемъ самаго микроскопическаго, мѣстныхъ славянскихъ нарѣчій при дополнительномъ къ латинской литургіи богослуженіи...

6 апрѣля 1885 г. исполнится тысячелѣтіе со дня блаженной кончины Св. Меѳодія въ Моравскомъ Велеградѣ, гдѣ онъ почилъ, но гдѣ, къ несчастію, не сохранилась его могила. По случаю этого празднованія готовится въ Велеградѣ торжество въ громаднхъ размѣрахъ. Поляки, которые вообще замысли Рима и Вѣны считаютъ весьма пригодными для интересовъ своей «польской sprawy», какъ направленные къ ослабленію Россіи, не замедлили конечно воспользоваться и предстоящей окказіей. Затѣи ихъ—явить колоссальный прообразъ новаго латино-славянскаго-единства, чѣмъ самымъ, разумѣется, исключается изъ него и Россія, и прочіе Славяне, еще упорствующіе въ православіи! Кромѣ сѣзда великаго множества католическихъ Славянскихъ епископовъ, будутъ стараться нагнать туда сотни тысячъ паломниковъ изъ всѣхъ Славянскихъ странъ, католиковъ и униатовъ, а также надѣются приманить даже и какихъ-то православныхъ, къ религіи равнодушныхъ, но мечтающихъ о федерализмѣ и о сепаратизмѣ по отношенію къ Русскому государству! Какъ однако ни изловчились Поляки на всякаго рода дутныя театральныя манифестаціи, какъ ни хитра вражда фанатическихъ приверженцевъ Рима къ православному міру, но едва ли могутъ они разсчитывать, даже въ самой средѣ католическихъ Славянъ, на успѣхъ такого грандіознаго надъ Россією наругательства! Между Чехами и Хорватами уже поднимаются негодующіе голоса протеста, да и слишкомъ ужъ чудовищно-безсмысленна и нагла вся эта польско-латинская ложь...

Мы съ своей стороны не можемъ не радоваться, что наши братья Славяне, хотя и отторглись отъ церковнаго съ ними единства, рѣшили чествовать память Славянскихъ Апостоловъ съ подобающею торжественностью. Недоумѣваемъ только, на какомъ общемъ для латинскихъ Славянъ языкѣ воспоютъ они имъ хвалу и славу, и вознесутъ молитвенныя прошенія, такъ какъ Славяне-католики утратили, къ сожалѣнію, въ своей церковной службѣ самое то славянское слово, которое Святые Кирилль и Меодій создали для всего Славянскаго міра, сотворивъ это слово одновременно сосудомъ Слова Божьяго, свѣтильникомъ вѣры и всякаго духовнаго для Славянъ свѣта. Чтò сдѣлали Славяне-католики съ этимъ сосудомъ, съ этими по истинѣ освященными письменами, которыя даже носятъ названіе «кириллицы», по имени Св. Кирилла? Несчастные братья наши, лишившіеся величайшаго изъ благъ: единными усты исповѣдывать Бога, славословить Бога, слышать Откровенія Божіи на общемъ для всего Славянства, родномъ языкѣ! Ни во чтò вмѣнила Латинская церковь даръ языковъ, ниспосланный ученикамъ Христовымъ въ великій день Пятидесятницы, и пренебрегли свыше дарованнымъ имъ сокровищемъ Славяне-католики (число которыхъ не составляетъ даже и одной трети Славянъ православныхъ); священную кириллицу презрѣли для письменъ латинскихъ, измѣнили языку Богослуженія, заповѣданному тѣми самыми Великими Просвѣтителами, память которыхъ нынѣ собираются они чествовать въ Велеградѣ!.. Во имя чего же чествовать? Христово ученіе проповѣдывали между ними не одни Святые Братья, пришедшіе съ Православнаго Востока, но и Нѣмцы, нашедшіе съ Христіанскаго Запада. На чемъ создадутъ теперь Славяне-католики славянское единство, отринувъ то единое, чтò тѣснѣе всего—по истинѣ въ духѣ соединяетъ, освящая, восполняя и упрочивая союзъ кровный?..

Насъ, Русскихъ, не могутъ конечно смутить никакія угрозы ни Рима, ни польской злобы, ибо о православно-славянской Россіи одной, по особому предопредѣленію Божію, только и живетъ Славянское имя въ мірѣ; ибо Россія сама по себѣ—цѣлый міръ и величайшее явленіе единства народнаго и государственнаго, и притомъ славянскаго, пребывающаго вѣрнымъ

завѣту Славянскихъ Апостоловъ. Но отъ православныхъ Славянъ внѣ русскихъ предѣловъ, отъ этихъ нашихъ братьевъ гонимыхъ, угнетенныхъ, мучимыхъ иновѣрцами, однимъ словомъ—отъ тѣхъ Балканскихъ Славянъ, положеніе которыхъ мы только-что описали, несутся къ намъ вопли, мольбы и запросы: что же Россія? что же безмолвствуетъ она? какимъ отпоромъ нахальному торжеству лжи, наругательству надъ Православною церковью и православнымъ Славянствомъ—подниметь Россія ихъ смущенный, изнемогающій отъ насилій и коварныхъ оболъщенийъ духъ?

И въ самомъ дѣлѣ,—что же Россія?

Не можно, не позволительно ей пренебречь своимъ значеніемъ для всего Славянскаго православнаго міра и ограничиться лишь тѣмъ молитвеннымъ, домашнимъ такъ-сказать празднованіемъ, которое предвозвѣстилъ на 6 Апрѣля Святѣйшій Синодъ, повелѣвъ всюду, на всемъ пространствѣ Россіи, во всѣхъ ея церквахъ совершить торжественное богослуженіе, съ соотвѣтственными проповѣдями, съ раздачею народу изображеній Святыхъ Братьевъ и ихъ житій. Къ этому торжеству церковному должно быть присоединено и такое торжество, на которомъ бы Россія именно явила міру видимый образъ своего мощнаго, духовнаго и словеснаго, народнаго и государственнаго единства, зиждущагося на основѣ Славянскихъ Первоучителей. Однимъ словомъ: торжество Россіи исторической,—какъ тысячелѣтней Славянской державы, тысячелѣтіемъ сложившейся великой славянской силы, чествующей тысячелѣтнюю память Святыхъ творцовъ Славянскаго слова, Славянскимъ словомъ научившихъ насъ Слово Божьему... Знаменіемъ вѣчнымъ, не переходящимъ долженъ бы быть ознаменованъ этотъ день... Намъ казалось бы, что такимъ живымъ вѣчнымъ памятникомъ могъ бы стать храмъ имени Свв. Кирилла и Меодія, воздвигнутый въ купели того Славянства, что съ самаго начала своего государственнаго бытія назвалось Русью,—т. е. въ Кіевѣ. Конечно, такое торжество закладки храма въ день 6 апрѣля только тогда и можетъ получить свое истинное, далеко за предѣлы простирающееся значеніе, когда во главѣ ея станетъ лично (или въ лицѣ представителя) сама Русская Государственная Власть, живой символъ и русско-славянской

мощи, и русско-славянскаго единства; только тогда и послужитъ оно утѣшеніемъ всему остальному, еще страждущему православному Славянству—и сами собою сокрушатся во прахъ величавыя нагроможденія жи, къ смущенію враговъ Россіи, а съ нею и Славянскаго міра!

1885 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 12 января.

Нѣмецкая печать, преимущественно австрійская, великодушно принимая подъ свое крыло русскую дипломатію, такъ мало будто бы цѣнимую у себя въ отечествѣ, приободряетъ ее выраженіемъ полнаго своего сочувствія и довѣрія, и въ трогательной солидарности съ нею чинитъ дружный походъ на русскихъ «панславистовъ», «шовинистовъ» — главнымъ же образомъ на нашу «Русь». Поводомъ къ такому маневру послужила, къ удивленію нашему, передовая статья 24-го №, прошлаго декабря. Въ Мюнхенской «Allgemeine Zeitung» помѣщено письмо изъ Петербурга, которому эта газета, равно какъ и не малое число перепечатавшихъ его иностранныхъ изданій, вмѣстѣ съ органомъ графа Кальноки «Fremdendlatt», придали значеніе оффиціознаго. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ корреспонденціи даетъ прямо понять, что онъ пишетъ не отъ своего только лица и что ему нѣкоторымъ образомъ поручено предостеречь европейское общественное мнѣніе отъ ложнаго заключенія, будто статья «Руси» отражаетъ въ себѣ взгляды сколько-нибудь «влиятельныхъ кружковъ». Напротивъ, онъ, корреспондентъ, поставленъ въ возможность свидѣтельствовать, что въ петербургскихъ «важныхъ политическихъ», «самыхъ высшихъ и самыхъ руководящихъ (massgebendsten) сферахъ относятся къ статьѣ г. Аксакова съ отвращеніемъ и ужасомъ (perhorrescirt)», и что ничего поэтому «не будетъ удивительнаго, если газета «Русь» подвергнется заслуженной карѣ».... Мы съ своей

стороны нисколько не расположены вѣрить въ оффиціозное происхожденіе этого письма. Намъ слишкомъ хорошо извѣстны притязанія корреспондентовъ вообще, а здѣшнихъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ въ особенности, выдавать себя за важныхъ персонъ, имѣющихъ непосредственныя сношенія съ правительственными лицами и посвященныхъ во всѣ изгибы ихъ мыслей,—хотя, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что по свойственной намъ, Русскимъ, благосклонности къ иностранцамъ, послѣдніе у насъ почти всюду *personaе gratae*, особенно въ такъ-называемыхъ «сферахъ».... Страннымъ также показалось намъ, что даже издающаяся въ Ригѣ, хотя и нѣмецкая, но вовсе не оффиціальная, даже подцензурная, газета, «*Rigasche Zeitung*», и та признала вдругъ надобнымъ возвѣстить, что «въ высшихъ петербургскихъ сферахъ» (опять-таки «сферахъ»!) статьи 24 № «Руси» произвели «непріятное впечатлѣніе» и что она «долгомъ считаетъ» довести о томъ до свѣдѣнія своихъ «многочисленныхъ заграничныхъ читателей, дабы они видѣли, что мнѣнія «Руси» не раздѣляются правительствомъ!» Какая, подумаешь, трогательная забота о русскомъ правительствѣ! И ужъ конечно—совсѣмъ не прошенная, какъ не прошена, думаемъ мы, забота о немъ и корреспондента газеты «*Allgemeine Zeitung*»; должно-быть ужъ такой духъ повѣялъ: и курсъ нашъ на берлинской биржѣ поднимается, и пошлины въ Берлинѣ на нашъ хлѣбъ увеличиваются въ три раза, и всякій Нѣмецъ въ Россіи становится русскимъ оффиціозомъ....

Какими же однако аргументами защищаетъ нѣмецкая иностранная печать (подъ формою петербургской корреспонденціи) русскую дипломатію отъ несправедливыхъ нападковъ? Болѣе пространныя извлеченія изъ газетныхъ, по сему поводу, разглагольствій читатели найдутъ ниже, въ отдѣлѣ подъ рубрикой: «За границей»; здѣсь же мы изложимъ вкратцѣ лишь сущность защиты. «Русь», какъ извѣстно, съ горечью указывала на постепенную убыль нашего значенія въ Константинополѣ и на постепенную утрату нами нашихъ политическихъ позицій въ Славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова—въ то время какъ Австрія день-о-то-дня расширяетъ тамъ область своего политическаго вліянія: въ дока-

зательство приведены факты. Далѣе, намъ представлялось, что наша политика поставлена въ зависимость слишкомъ тѣсную отъ политики германской, или точнѣе, отъ политической германоавстрійской комбинаціи; что сближеніе Россіи съ этими имперіями, подъ условіемъ сохраненія настоящаго status quo, но однакоже съ правомъ развитія его на Балканскомъ полуостровѣ, ничего другаго, въ практическомъ результатѣ, не означаетъ, какъ обязательство Россіи твердо блюсти, хранить, а пожалуй и пуще развивать, *пассивность* нашей на Полуостровѣ политики, съ одновременнымъ признаніемъ за Австро-Венгріей права на полную тамъ свободу политики *дѣятельной* подъ видомъ развитія status quo: вотъ она его и «развиваетъ», втягивая Славянскія земли, одну за другой, въ кругъ своихъ интересовъ. Таково содержаніе статьи. Чѣмъ же оно опровергнуто, читатель? Вамъ подумается можетъ-быть, что защитникъ русской дипломатіи примется прежде всего за опроверженіе приведенныхъ нами фактовъ,—станетъ доказывать, что Россія не потеряла ни одной старой, а Австрія не приобрѣла ни одной новой позиціи въ Балканскихъ странахъ, и что наша политика тамъ нисколько не пассивна, а не менѣе активна, чѣмъ и австрійская? Ничуть не бывало! Защита ничего ровно не опровергаетъ, да вовсе и не желаетъ опровергать. Подобному опроверженію не было бы тогда и мѣста въ нѣмецкихъ газетахъ, да и не по вкусу было бы оно того общественнаго мнѣнія, которое ублажать поставилъ себѣ цѣлью глашатай (можетъ-быть и самозванный) «петербургскихъ высокихъ сферъ», защитникъ русской дипломатіи! Его существенною задачею было удостовѣрить Европу, будто русское дипломатическое начальство «perhogrescirt» всякое осужденіе политики австрійской и германской, всякій призывъ къ политикѣ сколько-нибудь дѣятельной, направленной къ восстановленію достоинства русскаго имени на Полуостровѣ, всякій призывъ къ усиленію русскаго значенія въ Константинополѣ, всякое напоминаніе объ историческомъ призваніи Россіи относительно Забалканскихъ православныхъ Славянъ; напротивъ: то что хулится «Русью», то русской дипломатіи именно и по сердцу, такъ какъ она откровенно довольна своими настоящими политическими отношеніями и положеніемъ.

Вотъ существенный смыслъ какъ письма изъ Петербурга, напечатаннаго въ «Allgemeine Zeitung», такъ и комментаріевъ къ нему въ прочихъ иностранныхъ газетахъ. Этого мало. Еслибъ письмо ограничивалось только выраженіемъ «ужаса и отвращенія» къ содержанію нашей статьи, оно могло бы еще кое-какъ быть истолковано соображеніями оппортунистскаго свойства. Но какими нравственными побужденіями объяснить ничѣмъ не вызывавшіяся, озлобленныя до непристойности выходки этой, въ похвалу современной русской дипломатіи написанной корреспонденціи—противъ генерала Игнатъева и его дипломатической дѣятельности? Правда, «Русь» имѣла неосторожность помянуть съ похвалою посольствованіе генерала Игнатъева въ Константинополь, но вовсе даже и не коснулась его послѣдующей дипломатической дѣятельности: и вотъ этотъ-то нашъ отзывъ должно-быть сильно укололъ чье-то личное самолюбіе,—сильно, до забвенія всякихъ приличій. Самая статья «Руси» называется «дѣломъ интриги» сего злокозненнаго бывшаго Константинопольскаго посла! На осужденіи и поношеніи недавняго сослуживца нынѣ дѣйствующихъ русскихъ дипломатовъ основана вся система защиты и превознесенія сихъ послѣднихъ, предложенная европейскому обществу въ «Allgemeine Zeitung». Онъ во всемъ отвѣтственъ, онъ—козелъ отпущенія для всѣхъ нашихъ дипломатическихъ грѣховъ и невзгодъ, отъ послѣдствій которыхъ освобождается будто бы Россія только теперь—благодаря лишь сближенію съ Германіей и Австро-Венгріей! Если Берлинскій трактатъ, говорить съ изумительнымъ нахальствомъ авторъ корреспонденціи (и все это будто бы отъ имени «высшихъ петербургскихъ сферъ») «былъ менѣе благопріятенъ для Россіи, чѣмъ могъ бы быть», такъ единственно по милости Санъ-Стефанскаго трактата и творца его. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый обвинительный актъ, пункты котораго привѣтствованы были европейскою прессою какъ наиважнѣйшія будто бы «признанія» русскаго дипломатическаго начальства. О достоинствѣ обвиненій (воспроизведенныхъ подробно ниже) можно судить по слѣдующему образцу. Заключая договоръ, Игнатъевъ не взялъ-де отъ Турціи никакого залога, который бы «обеспечилъ русскую армію отъ возможности возобновленія войны со стороны Турціи, при

содѣйствіи Англіи, а можетъ-быть и Австріи»!!... Вотъ, что называется, съ больной головы на здоровую! Если предположить, что такимъ залогомъ могло бы быть занятіе Константинополя и Галлиполи, то кому же неизвѣстно -- благодаря чему и кому не случилось ни того, ни другаго! Да никакихъ залоговъ не было бы и нужно, еслибъ Санъ-Стефанскій договоръ былъ вскорѣ затѣмъ обращенъ въ окончательный, и еслибъ русская побѣдоносная власть не выразила согласія представить его на ревизію какъ бы высшей надъ собою инстанціи -- европейскаго ареопага!... Чѣмъ инымъ возможно было бы намъ гарантировать себя отъ войны съ Австріей, какъ не смѣлымъ изъявленіемъ готовности принять ея вызовъ? Но этого, къ сожалѣнію, не послѣдовало, хотя не могло быть и сомнѣнія, что въ этой войнѣ было бы болѣе риска для самой Австріи, чѣмъ для Россіи. Выходитъ по смыслу корреспонденціи, что генералу Игнатьеву слѣдовало заключить такой предварительный договоръ, который былъ бы по вкусу и Англіи, и Австріи! И такія-то жалкія разсужденія выдаютъ за точку зрѣнія современныхъ русскихъ дипломатическихъ дѣятелей! Но вѣдь на Берлинскомъ конгрессѣ договоръ, какой бы ни былъ, подвергся бы непременно урѣзкѣ! Въ томъ и великое благодѣяніе Санъ-Стефанскаго договора: онъ сразу захватилъ такъ много, что какъ его ни урѣзывали, все-таки, несмотря на все малодушіе вождей русской политики, осталось довольно!....

Далѣе авторъ корреспонденціи перечисляетъ другія вины генерала Игнатьева: неопредѣленіе въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ срока очищенія турецкими войсками крѣпостей, включеніе въ составъ Болгаріи -- Македоніи, для занятія которой будто бы не было у Россіи достаточно войска, и нѣкоторыя другія упущенія, причемъ корреспондентъ забываетъ, что всѣ эти будто бы упущенія представляются истинно мелочными и вздорными въ виду того положенія, которое въ то время занимала русская сила, если не занявшая, то все же державшая подъ своею пятою Константинополь, мощная и духомъ войскъ и обаяніемъ побѣды!... Затѣмъ, корреспонденція не щадитъ красокъ въ изображеніи бѣдственнаго, печальнаго положенія русской арміи въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ -- отъ Санъ-Стефанскаго договора, пока Россія

сидѣла тамъ въ Берлинѣ на скамьѣ подсудимыхъ, ожидая милостиваго рѣшенія своей участи. И оно послѣдовало, наконецъ, по словамъ корреспонденціи, мало сказать: милостивое,—благодѣтельное! Положеніе арміи было таково,—увѣряетъ авторъ, доходящій здѣсь до степени пагоса, — что Берлинскій трактатъ явился для насъ спасеніемъ, избавленіемъ, однимъ словомъ—истинною благодатью! Благословлять, а не оуждать должна-де этотъ трактатъ Россія, поставленная будто бы Санъ-Стефанскимъ договоромъ, или генераломъ Игнатьевымъ, на край гибели! «Внутреннее положеніе Россіи было *безнадежное*»; *миръ былъ для Россіи вопросомъ жизни и смерти*; только благодаря Берлинскому трактату—Россія удержала за собой *положеніе великой державы*—это все подлинныя выраженія той корреспонденціи изъ Петербурга, за которой (благодаря въ особенности нѣкоторымъ мало извѣстнымъ даннымъ о состояніи русскихъ войскъ, ссылокъ на письмо графа Тотлебена и т. п.) иностранныя газеты признаютъ единодушно: русское правительственное происхожденіе! Венгерскія же газеты напустились, по этому поводу, на своего графа Андраши: зачѣмъ-де онъ, въ качествѣ руководителя австрійской политики, не воспользовался съ большей выгодой для Австро-Венгріи такимъ бѣдственнымъ состояніемъ Россіи и трактовалъ ее слишкомъ вѣжливо и церемонно!

И такъ, не будь Берлинскаго трактата, Россія не осталась бы «великой державой», а превратилась бы въ нѣчто жалкое, безсильное, нѣчто такое, чего развѣ только гнѣивый не обидитъ, — въ лучшемъ случаѣ низошла бы на степень Бельгіи или Голландіи? И это вѣщается намъ отъ имени будто бы русскаго дипломатическаго начальства? И органъ дружественнаго намъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, «Fremdenblatt», тономъ компетентнаго судьи, еще утверждаетъ, что корреспонденція въ «Allgemeine Zeitung» точно «внушена (inspirirt) высшими петербургскими руководящими сферами», что этотъ корреспондентъ говоритъ какъ «уполномоченный» (in autoritativer Weise)? И мы ему повѣримъ? Никогда! Никогда не повѣримъ мы, чтобы русское министерство иностранныхъ дѣлъ пошло судиться въ чужеземныхъ газетахъ, предъ лицомъ Европы, съ русскимъ

бывшимъ дипломатомъ (теперь вѣдь даже и не соперникомъ)! Назидательный бы вышелъ спектакль, еслибъ всѣ русскія министерства послѣдовали такому примѣру! Нѣтъ, не повѣримъ мы, чтобъ у русскаго дипломатическаго вѣдомства, ради обезславленья генерала Игнатьева, достало духа съ такимъ усердіемъ расписывать предъ иностранцами—какую-то *безнадежность внутренняго состоянія нашего отечества*, какую-то его немощь въ 1878 г. и чуть ли не цѣловать руки у Европы за великость оказаннаго этой безпомощной Россіи благодѣянія милосердымъ Берлинскимъ ареопагомъ! Это ложь, это клевета на наши «вышнія политическія руководящія сферы»!.. Но вѣдь въ такомъ случаѣ слѣдовало ожидать, что органъ министерства, «Journal de St.-Petersbourg», немедленно же и опровергнетъ такія позорныя заграничныя истолкованія или по крайней мѣрѣ заявить, что заграничная пресса введена въ обманъ, что съ корреспонденціей изъ С.-Петербурга въ «Allgemeine Zeitung», получившей столь широкое распространеніе, министерство ничего общаго не имѣетъ; слѣдовало бы также учинить замѣчаніе и подцензурной «Рижской Газетѣ», что она не имѣетъ права давать какія-либо возвѣщенія Европѣ отъ имени Русскаго правительства... Этого всего требовалъ тактъ — самый простой, даже и не дипломатическій... Но ничего этого, къ сожалѣнію, не произошло (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ): въ «Journal de St.-Petersbourg» никакой замѣтки не появилось, и наше министерство осуждено теперь выслушивать себѣ похвалы самаго постыднаго свойства. И не однѣ похвалы, но и наставленія... Все это прекрасно,—говорить съ обидною дерзостью тотъ же «Fremdenblatt», — «признанія русской дипломатіи по поводу Берлинскаго трактата заслуживаютъ благодарности», — только зачѣмъ для разъясненія этой правды о Берлинскомъ конгрессѣ, какъ она понимается Русскимъ правительствомъ (т. е. въ значеніи *благодѣянія*) дѣлать «такой длинный обходъ чрезъ Мюнхенъ и Вѣну»? «Желательно было бы, чтобъ «не только германская и австрійская, но и русская публика была вразумлена въ томъ же смыслѣ»... Чтò-жъ? требованіе логическое, хотя и коварное! Едва ли вѣдь достанетъ для этого отваги у какого бы то ни было русскаго вѣдомства... А впрочемъ...

Замѣчательно, что газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» и другіе органы князя Бисмарка воздержались съ своей стороны отъ всякихъ комментариевъ по поводу прѣсловутой «оффиціозной корреспонденціи». Оно и понятно. Не дѣло ума знаменитаго канцлера называть Берлинскій трактатъ благодѣяніемъ для Россіи, хотя обстоятельства дѣла и состояніе русской арміи въ 1878 г. ему конечно были не менѣе вѣдомы, чѣмъ оффиціозному будто бы «корреспонденту». Но извѣстно слово, сказанное княземъ Бисмаркомъ по адресу Россіи, когда мы подходили къ Константинополю: *beati residentes!* Еще два года тому назадъ, органы канцлера, очевидно отъ его имени, напечатали про Берлинскій конгрессъ такую замѣтку, что въ невыгодномъ его результатѣ для Россіи виновать не князь Бисмаркъ, а сами участвовавшіе въ конгрессѣ русскіе дипломаты, которые не умѣли формуловать никакихъ опредѣленныхъ требованій, не проявили никакой твердости въ своихъ настояніяхъ, тотчасъ же все уступали, тотчасъ на все соглашались...

Какъ бы то ни было, но теперь, благодаря, между прочимъ, вышеупомянутой «оффиціозной» или мнимо-оффиціозной корреспонденціи, въ общественномъ мнѣніи Европы установились, чуть не на степени аксіомъ, слѣдующія два положенія: Берлинскій трактатъ для Россіи былъ благодатью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поворотною точкою въ ея судьбѣ, отреченіемъ отъ Славянъ, отъ Константинополя и вообще отъ Балканскаго полуострова; Русское правительство этого прежде не сознавало и тайно гнѣвалось, а теперь-де сознаетъ и едва ли не благословляетъ. Вторая благодать — это недавнее сближеніе Россіи съ Германіей и Австріей въ Скерневицахъ, бывшее будто бы выраженіемъ такого сознанія, поворотною точкою уже въ самой русской политикѣ, давшее теперь Россіи почетное будто бы положеніе въ сонмѣ державъ, благоволеніе Европы, миръ и тишину. Такъ утверждая, нѣмецкія газеты превозносятъ горячими похвалами русскую современную дипломатію и поносятъ на всѣ лады нашу скромную «Русь»... Но если русская дипломатія «*perhoggescirt*» статьи «Руси», если мы имѣемъ несчастье возбуждать одновременно противъ себя и гнѣвъ нѣмецкой печати, то они теперь могутъ быть утѣшены заступничествомъ одной московской, без-

спорно авторитетной въ правительственныхъ сферахъ газеты, которая къ Новому году выдала похвальный листъ руководителямъ русской международной политики. Она же недавно заявила, подхвативъ слова одного изъ отчаянныхъ противниковъ австро-мадьярскаго верховенства въ Хорватіи, депутата Старчевича, что Россія, въ противность увѣреніямъ «Руси», видно-де вовсе «не утратила у Славянъ ни своего обаянія, ни довѣрія». Да, еще не утратила, но рѣшится ли газета утверждать, что это *благодаря*, а не *вопреки* русской политикѣ?... До такой степени противно русскому историческому естеству всякое ненаціональное направленіе русской политики, что въ сознаніи Славянскаго міра ея настоящій образъ дѣйствій представляется лишь временнымъ уклоненіемъ,—точнѣе сказать: въ историческомъ *инстинктѣ* Славянскихъ *народовъ*: примѣръ Сербскаго королевства свидѣтельствуешь, что *правительства* Славянскихъ земель уже не всѣ находятся подъ властью прежняго обаянія и вѣры... Да и имѣемъ ли мы право такъ легкомысленно опираться на эти славянскія чувства—отказывая имъ въ *пуганіи*?

Выискался и другой заступникъ русской дипломатіи противъ «Руси», напечатавшій свою статью въ «Новомъ Времени» отъ 7 января. Онъ не отрицаетъ вѣрности нашихъ горькихъ разоблаченій,—«все это отчасти справедливо», свидѣтельствуешь онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ старается увѣрить русское общество, будто культурное и церковное завоеваніе Австрію Балканскаго полуострова не представляетъ никакой опасности. «Австрія,—такую перспективой утѣшаетъ насъ авторъ, Гр. Д. В.—«Австрія, расширяясь къ югу и захватывая все больше и больше Славянскихъ земель, только ослабляетъ себя и готовитъ себѣ въ будущемъ не союзниковъ, а враговъ, которые съ восторгомъ будутъ тогда привѣтствовать Россію, если она возьметъ въ свои руки освобожденіе и объединеніе «Славянъ»... Странная мысль, слышанная нами и лично отъ нѣкоторыхъ русскихъ дипломатовъ и напоминающая малороссійскую сказку о нѣкомъ кузнецѣ, отдавшемъ свою душу чорту, но лишь временно, въ *залогъ*—въ надеждѣ, поразжившись бѣсовскою ссудой, получить потомъ свою душу обратно: когда же наступилъ срокъ и онъ взумалъ было выкупить ее у чорта, то не тутъ-то было: потерялъ и богатство, и душу!...

Князь Бисмаркъ, если вѣрить напечатанному въ журналѣ «Deutsche Revue» (и не вызвавшему опроверженія) разговору его съ депутатомъ Брауномъ, выразилъ мысль, что Германіи нуженъ съ Австріей «союзъ постоянный, органическій, такъ какъ оба *государства призваны служить дополненіемъ другъ друга*»... Это кажется ясно. Австрія на Балканскомъ полуостровѣ дѣйствительно будетъ лишь служить дополненіемъ Германіи, исполнять миссію германизма. Что же касается Россіи, то — сказалъ будто бы князь Бисмаркъ — «*роль Россіи не въ Европѣ, а въ Азіи. Тамъ ея цивилизаторская миссія*».

Если эти слова желѣзнаго канцлера станутъ тамъ за границей приводить въ связь съ образомъ дѣйствій русской политики на Балканскомъ полуостровѣ и съ ея офиціозными или мнимо-офиціозными заявленіями въ Мюнхенѣ и Вѣнѣ, — Европа не усмотритъ между ними никакого противорѣчія. Передъ нами лежитъ органъ герцога Бролиа, «Le Soleil», гдѣ, въ серьезной статьѣ подъ названіемъ «Восточная имперія», перечисляются съ историческимъ безпристрастіемъ всѣ попятные шаги русской дипломатіи въ Европѣ. «По своему ли собственному влеченію, повинувась ли толчку данному берлинскою канцеляріей, Россія», — говоритъ парижская газета, — «кажется все болѣе и болѣе отворачиваетъ свои взоры отъ Балканъ и направляетъ ихъ къ Азіи. Какъ только состоялся Берлинскій конгрессъ, — для Россіи все измѣнилось. «Русскій орелъ, парившій надъ Византіей, паритъ теперь надъ степями Средней Азіи. Со времени Берлинскаго конгресса Россія не ступила ни одного шага впередъ на Балканскомъ полуостровѣ, — тогда какъ Австрія вѣрными, хотя и медленными шагами подвигалась впередъ» въ осуществленіи своихъ плановъ; «приверженцы Россіи становятся мало-помалу приверженцами Габсбурговъ». Далѣе авторъ дѣлаетъ обзоръ современнаго состоянія дѣлъ въ Сербіи, Румыніи, Болгаріи, указываетъ почти на тѣ же факты, на которые указываетъ и «Русь». «Даже Черногорія — говоритъ онъ — которая такъ долго и такъ вѣрно служила стражемъ Россіи на этой крайней оконечности Полуострова, собирается повидимому поступить на службу австрійскую». Газета предсказываетъ не въ отдаленномъ времени полное подчиненіе Балканскаго полуострова

Австрійскому монарху, конечно не въ формѣ грубаго завоеванія и поработченія, можетъ-быть даже «въ формѣ федераціи, но *подъ австрійскимъ протекторатомъ*»,—хотя и не отрицаетъ возможности (каковыми словами и заканчиваетъ свою статью), что глава дома Габсбурговъ даже прямо «возьметъ въ свои руки скипетръ кесарей Византійскихъ и возсоздастъ, себѣ во благо, Греческую имперію Востока»...

Пожалуй, подобные толки могутъ насъ только забавить, но на несчастныхъ единовѣрныхъ и единокровныхъ намъ Славянъ—они несомнѣнно производятъ удручающее впечатлѣніе. Да и намъ-то не слишкомъ лестно встрѣчаться на каждомъ шагу съ такими европейскими на нашъ счетъ соображеніями, высказываемыми вовсе даже не съ враждебныхъ Россіи сторонъ. Откуда же они могли взяться? И были ли бы они возможны въ старыя времена? Гдѣ источникъ такихъ недоразумѣній,—что, кто даетъ къ нимъ поводъ?... Поводъ-то видно есть. Но къ чести ли оно, къ славѣ ли, къ прибыли ли нашей мощи—духовной и политической?...

Что же, спросятъ, хотите вы войны, что ли? Никакой войны не хотимъ, да и никто, повѣрьте, не хочетъ, и каждый ея пуще Россіи боится! Такъ чего же вамъ нужно? — Чего нужно? Да хоть бы видимаго, яркаго признака *жизни*, жизни національнаго духа въ нашихъ руководительныхъ высшихъ «сферахъ», какъ въ политикѣ внѣшней, такъ и внутренней!... Да и незачѣмъ далеко ходить. Вотъ предстоитъ, напримѣръ, общій славянскій и по преимуществу всероссійскій праздникъ — чествованіе Святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Что же сдѣлали для этого праздника наши власть имущіе? Вѣдь не Славянскимъ же Комитетамъ орудовать такимъ дѣломъ за всю Россійскую державу и землю! Это вѣдь не дѣло партіи или какой-либо общественной фракціи. Что въ этомъ празднованіи прежде всего выступаетъ во очю, въ исполненіи значеніи и объемѣ? Тысячелѣтній *плодъ* подвига Святыхъ Славянскихъ первоучителей.—т. е. сама наша Россія, соблюдающая цѣлостно ихъ письмо и слово, возросшая въ свѣтѣ ими возліянномъ, пронесшая ихъ священную рѣчь отъ Карпатъ до Тихаго Океана, отъ Сѣвернаго Полюса до самаго Арарата. Празднуется слѣдовательно явленіе великаго, чуть не стомилліоннаго обще-русскаго, стало-быть и славянскаго,

церковнаго и словеснаго, а въ то же время, по милости божіей, и политическаго единства. Это — празднество силы Славянской, духовной и государственной, олицетворяемой нашею Россіею, — это такое празднество, которое должно быть отпраздновано на славу, на память грядущимъ вѣкамъ и на утѣшеніе нашимъ немощнымъ славянскимъ братьямъ — всѣмъ Русскимъ народомъ, всюю Русскою землею, съ ея Державнымъ Вождемъ во главѣ, всецерковно и всеграждански... Такъ развѣ достаточно опубликованнаго распоряженія Синода: отслужить тогда-то повсемѣстно (всенощныя и обѣдни «съ приличнымъ торжеству словомъ?» Или, напримѣръ, распоряженія учебнаго вѣдомства: распустить учащихся по домамъ ради праздника?! Такое распоряженіе равняется канцелярской очисткѣ входящаго №. Не такого «указа» нужно отъ Святѣйшаго Синода: нужно пастырское ко всей російской паствѣ *посланіе*, да не казеннымъ языкомъ писанное, а живымъ, авторитетнымъ, теплымъ пастырскимъ словомъ вразумляющее народъ о великомъ значеніи для нашей страны Святыхъ изобрѣтателей славянскихъ письменъ, творцовъ того слова, которымъ воспріемлемъ мы Слово Божіе, творцовъ нашего просвѣщенія, духовнаго преуспѣянія и братскаго единства!...

Не пора ли проснуться? Да чего и спать-то! Не миренъ вѣдь нашъ сонъ и не веселые сны намъ снятся. Наяву авось будетъ поотраднѣй! Или не очнемся мы, пока не грянетъ громъ Божій?

Изъ № 4.

Намъ пишутъ изъ Константинополя отъ 9 января:

«Новый Патріархъ Іоакимъ IV дѣйствительно человекъ болѣе мягкаго характера чѣмъ его предшественникъ, но онъ не можетъ не относиться къ болгарскому церковному вопросу точно такъ же, какъ относились и относятся вообще Греки. Слышно, что онъ готовъ возстановить миръ съ Болгарскою церковью, если болгарскій экзархъ ограничитъ свое вѣдомство только Болгарскимъ Княжествомъ, а церковную администрацію Восточной Румелии, Македоніи и Одринскаго вилаета предоставитъ Патріарху. Но примиреніе на такихъ условіяхъ для Болгаръ невозможно. Тутъ вопросъ, и для Гре-

ковъ и для Болгаръ, не въ церковной администраціи, не въ размѣрахъ церковнаго вѣдомства и власти; тутъ вопросъ политическій и національный. Македонія — страна большею частью болгарская (кромя развѣ городскаго населенія), а Греки кричатъ, что тамъ ни одного Болгарина нѣтъ!.. Точно такъ же кричали когда-то, что во Фракіи (въ настоящей Восточной Румелии) нѣтъ Болгаръ! Македонскіе Болгары въ настоящее время несравненно больше страдаютъ отъ Грековъ, отъ греческаго духовенства чѣмъ отъ турецкой администраціи, которая ссылаетъ болгарскихъ учителей и священниковъ главнымъ образомъ по навѣтамъ и указаніямъ греческихъ архіереевъ. Тутъ экархъ ни причемъ, и обвинять его *въ агитации* не для чего! Понятно, что и Болгары въ Македоніи, съ своей стороны, и слышать не хотятъ о греческой патріархіи, о греческомъ духовенствѣ, которое не допускаетъ и насильственно отнимаетъ у Болгаръ право читать, учиться, молиться по болгарски. Никого вы изъ Болгаръ не увѣрите, что намѣстникъ экарха въ Дебрѣ убить не греческимъ Дебрскимъ митрополитомъ! Такое подозрѣніе все же не съ вѣтру взялось. Македонскіе Болгары дѣлаются даже католиками, протестантами — только чтобы избавиться отъ греческаго духовенства!

«Позволить ли Патріархъ Іоакимъ IV Болгарамъ читать, учиться, молиться по болгарски въ Македоніи? Позволить ли Патріархъ Македонцамъ имѣть своихъ священниковъ и учителей, духовенство — изъ своей среды? Вотъ въ чемъ вопросъ, вотъ гдѣ лежитъ и возможность разрѣшенія болгарскаго церковнаго вопроса.

«Послѣ войны, турецкое правительство не хотѣло признать вѣдомства Болгарской экархіи въ Македоніи. Теперь и этотъ вопросъ разрѣшенъ. Недѣлю тому назадъ, правительство позволило экарху назначить и послать въ Охридъ и Скопію болгарскихъ митрополитовъ. Назначеніе уже состоялось. Охридскимъ митрополитомъ назначенъ высокопреосвященный Синесій, а Скопскимъ — высокопреосвященный Θεодосій — коего рукоположеніе въ архіереи совершилось третьяго дня.

«Что касается того, что Іоакимъ IV призналъ каноническимъ поставленіе Сербскаго митрополита Мраовича, скажу вамъ, что это состоялось: 1) по желанію австрійскаго посоль-

ства въ Константинополѣ и 2) по принужденію греческаго правительства, Давно уже австрійское правительство хлопотало о томъ, чтобы патріархія признала каноническимъ назначеніе Мраовича и тѣмъ нанесла поражение русской политикѣ. Достиженіе этого было не легко. Недавно въ константинопольское австрійское посольство былъ позванъ патріаршій логоетъ, котораго пришлось долго, долго уговаривать!... Вы знаете, что турецкое правительство не хотѣло признать и утвердить правъ и привилегій греческаго Патріарха. Австрійское правительство предложило свои услуги: склонить великаго визира къ подтвержденію старыхъ патріаршихъ правъ и преимуществъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Патріархъ съ своей стороны призналъ каноническимъ поставленіе Мраовича. Такъ и совершилось...

«Съ другой стороны, Патріархъ во всѣхъ вопросахъ съ политическимъ оттѣнкомъ получаетъ инструкціи отъ Аѳинскаго правительства. Австрія думала, что ей не удастся рѣшить вопросъ чрезъ логоета въ Константинополѣ и потому попробовала привлечь къ содѣйствию себѣ и греческое правительство. И ей удалось; Греція помогла... Увѣряютъ, будто Патріархъ рѣшилъ послать письма къ Русскому Св. Синоду, Сербской и Румынской церквамъ съ категорическимъ требованіемъ, чтобъ онѣ открыто и *официально* признали схизму болгарскую, подъ угрозой, въ случаѣ отказа, объявленія ихъ самихъ схизматическими... Что Румынія откажетъ, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія. Сербскій митрополитъ врядъ ли откажетъ: услуга за услугу!... — Р. S. Сейчасъ слышалъ, что Патріархъ, и безъ того слабый грудью, серьезно заболѣлъ, и будто доктора ему объявили, что если желаетъ жить, то долженъ оставить патріаршій престолъ»....

Не всегда система умолчанія, вилянія, уклоненія отъ прямого твердаго отвѣта, система выжиданія и компромисовъ, — не всегда она мудрость! Въ какой лѣсъ, въ какое мало достойное положеніе завела она наше церковное управленіе! Наше призваніе и наша обязанность (а къ исполненію ея мы въ *то* время имѣли полную возможность и силу) были — стать судьями въ тяжбѣ Болгаръ и Грековъ, въ самомъ ея началѣ. Если Болгары были не правы по буквѣ канона, то Греки еще неправѣе, ибо согрѣшили противъ его духа. Ко-

му же, по совѣсти, могло быть неяснымъ, что для Грековъ вопросъ состоялъ въ томъ, чтобъ, прикрываясь буквой, огречить болгарскую національность, а для Болгаръ дѣло шло о спасеніи родной національности, хотя бы и съ отступленіемъ отъ канона?! Теперь же споръ можетъ идти только о несчастной Македоніи, такъ какъ автокефальность Болгарской церкви въ Княжествѣ Патріархъ и самъ теперь признаетъ, и не мудрено бы, кажется, убѣдить его, что воссоединеніе Восточной Румелии съ Княжествомъ есть дѣло только отсроченное, такъ что отдѣлять ее отъ Княжества въ церковномъ отношеніи на короткій срокъ представляется практически неудобнымъ. Относительно же Македоніи еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ возможно было бы достигнуть соглашенія, еслибъ патріархія согласилась не *огречивать* насильно Болгаръ, не запрещать имъ славянскаго богослуженія и не закрывать болгарскихъ школъ. Болгары вѣдь составляютъ громаднѣйшее большинство сельскаго населенія!.. Но теперь достигнуть соглашенія едвали возможно, и православный міръ представляетъ печальную картину внутренняго церковнаго раздора. Чтѣ же дѣлаемъ мы, мы?..

Пора перестать походить на страуса, который, видя наступающую на него опасность, — голову подъ крыло, да и воображаетъ, ничего не видя, что и самъ сталъ невидѣнъ! Мы жмуримся, прячемся, принижаемся ниже травы, совсѣмъ тихони, но оттого кругомъ не тише, напротивъ бѣда растетъ! Опасности мы не заклинаемъ, а обманываемъ только развѣ себя самихъ!

Москва, 24-го августа.

Столбцы всѣхъ европейскихъ газетъ, не исключая и русскихъ, полны описаніями Кремзирскихъ празднествъ, воспроизводятъ, до мельчайшей подробности, всю пышную торжественную обстановку свиданія обоихъ монарховъ. Русская печать промолвила при этомъ «приличное случаю», хотя и нельзя сказать чтобъ «прочувствованное» слово; за то австрійская старается изо всѣхъ силъ придать такому посѣщенію Австрійскаго императора нашимъ Государемъ (которое,

послѣ Скерневицкаго визита его величества Франца Іосифа, вызывалось даже требованіемъ простой вѣжливости) значеніе политическаго событія величайшей важности. Не только оффиціозные органы австрійской печати, но и всѣ проникнутые духомъ австрійскаго императорскаго патріотизма, предаются громкимъ, голосистымъ ликованіямъ, вовсе не лицемернымъ, но вполне искреннимъ, а имъ въ тактъ, глухимъ басомъ, поддакиваютъ германскіе...

Изъ русскихъ органовъ, какъ наиболѣе вѣскія, обращаютъ на себя вниманіе слова «Московскихъ Вѣдомостей» въ 222 №. По мнѣнію этой газеты, высказанному еще наканунѣ Кремзирскаго свиданія, порукой за европейскій миръ служить, вопервыхъ, проявленная въ Афганскомъ вопросѣ твердость русскаго императорскаго правительства, вовторыхъ—приводимъ подлинныя выраженія—«союзъ Трехъ Императоровъ, господствующій надъ всѣмъ политическимъ положеніемъ Европы и надъ положеніемъ cadaго изъ ея членовъ, союзъ скрѣпленный въ Скерневицахъ, недавно подтвержденный въ Гаштейнѣ» (при посѣщеніи Германскаго императора Австрійскимъ) «и на дняхъ имѣющей получить» (теперь уже получившей) «новое торжественное подтвержденіе въ Кремзирѣ»...

Все это въ данную минуту совершенно вѣрно, но позволимъ себѣ замѣтить, что союзъ Трехъ Императоровъ—политическая комбинація совсѣмъ не новая, а неоднократно выступавшая въ исторіи текущаго столѣтія и хорошо извѣданная Россіей. Приведемъ короткую историческую справку. Въ 1815 г., въ эпоху Вѣнскаго конгресса, заключенъ былъ даже не просто союзъ, а «Священный Союзъ» монарховъ Пруссіи (тогда еще только короля), Австріи (и въ лицѣ ея всей остальной Германіи) и Россіи. Этотъ союзъ благоговѣнно соблюдался Россіей въ теченіи 40 лѣтъ, и не она была виновницей его нарушенія. Въ силу этого союза Императоръ Николай спасъ Австрію отъ гибели въ 1849 году, да онъ же спасъ ее и въ Ольмюцѣ отъ угрожавшихъ ей притязаній Пруссіи. Надо-жъ было однако такъ случиться, что въ 1854 году, къ изумленію довѣрчиваго Русскаго Государя, Австрія, вмѣсто содѣйствія, оказала Россіи прямое враждебное противодѣйствіе! Она принудила насъ къ отступленію изъ Дунайскихъ Княжествъ и способствовала оскор-

бительнымъ для насъ условіямъ *Парижскаго трактата*. «Союзъ», хотя и Священный, конечно лопнулъ, а затѣмъ и всякій слѣдъ его былъ затоптанъ Пруссіею въ 1866 году, когда она стала во главѣ Германіи и выключила изъ нея Австрію... Въ 1873 году, состоялось въ Рейхштадтѣ знаменитое свиданіе трехъ монарховъ того же самаго срединнаго европейскаго континента, только иначе между Австріей и Пруссіей распредѣленнаго, — и снова заключенъ союзъ трехъ континентальныхъ державъ или точнѣе — «Трехъ Императоровъ», возвѣщенный какъ «всеобщая гарантія мира» и проч. Онъ просуществовалъ недолго и ознаменовался для насъ слишкомъ извѣстнымъ образомъ дѣйствій Австріи при окончаніи послѣдней нашей турецкой войны, а затѣмъ — *Берлинскимъ трактатомъ*... Въ 1884 г., не далѣе какъ годъ назадъ, снова свиданіе въ Скерневицахъ и, по почину Германіи и Австріи, новый Трехъ-Императорскій союзъ, *исподстайный*, по вѣрному выраженію «Московскихъ Вѣдомостей», не только «надъ всѣмъ политическимъ положеніемъ Европы», но «и надъ положеніемъ каждаго изъ ея членовъ»... Т. е. и самой Россіи?... Долголѣтенъ ли будетъ этотъ союзъ — предсказывать мы не беремся, но несомнѣнно, что недавній съѣздъ Русскаго и Австро-Венгерскаго монарховъ въ Кремзирѣ служить ему подтвержденіемъ.

На какихъ же основахъ зиждется эта гарантія мира, олицетворяемая союзомъ? Въ чемъ сущность того Скерневицкаго соглашенія, о которомъ дипломатія до сихъ поръ ведетъ загадочныя рѣчи, достойныя древнихъ оракуловъ? По поводу Кремзирскаго торжества, ревностная защитница германской идеи вообще, и въ этомъ смыслѣ — интересовъ, не только Германской имперіи, но и Австрійской, какъ пионера германизациі, — серьезный органъ печати, мюнхенская добровольно оффиціозная «Всеобщая Газета», выражается слѣдующимъ образомъ: «Недовѣріе въ отношеніяхъ между Россіей и Австро-Венгріей должно на будущее время исчезнуть и между ними должно установиться полное соглашеніе въ интересахъ мира и культуры. Не легко было установить эти отношенія въ виду той непрерывной, глухой борьбы о гегемоніи на Балканскомъ полуостровѣ, которая шла между обѣими державами. Эта борьба была устранена Скерневиц-

кимъ свиданіемъ, гдѣ совершилось разграниченіе сферъ вліянія обоихъ государствъ на томъ полуостровѣ... Честь осуществленія этого измѣненія въ отношеніяхъ двухъ державъ принадлежитъ по преимуществу г. Гирсу и графу Кальноки».

Не станемъ оспаривать эту честь у г. Гирса; напротивъ, нисколько не затрудняемся признать всѣ его права на такую, но не можемъ не вспомнить, что оффиціозный органъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, воспѣвая гимны Скерневицкому соглашенію, увѣрялъ, что оно основано лишь на сохраненіи существующаго status quo, а о «разграниченіи сферъ вліянія» упоминать еще не отваживался. Интересно было бы знать, не составлена ли ужь въ Министерствѣ и географическая карта съ обозначеніемъ этого разграниченія? Въ такомъ случаѣ не должно бы, думаемъ, показаться и предосудительнымъ желаніе народовъ, судьбою которыхъ располагали въ Скерневицахъ, ознакомиться съ этою картою поближе, узнать: куда они попали, по сю или по ту сторону? гдѣ извивается предѣлъ австрійскаго вліянія, переступить за который Россія себя воспретила? какая именно изъ Славянскихъ странъ, съ согласія будто бы Россіи, обречена на онѣмеченіе и окатоличеніе,—на страданія и муки въ борьбѣ съ насильственнымъ или злокозненнымъ вытравленіемъ народности и народной религіи? Не можетъ же выраженіе: «разграниченіе» относиться только до тѣхъ двухъ Турецкихъ провинцій, которыя состоятъ ужь не подъ «вліяніемъ», а подъ прямою, да еще весьма суровою, властію и управленіемъ Австріи. Вѣдь онѣ, если еще не юридически, то фактически, уже включены Австріею въ число ея имперскихъ земель благодаря русскимъ кровавымъ жертвамъ, русскимъ надъ Турціею побѣдамъ и съ тайнаго благословенія Берлинскаго конгресса? Очевидно, что дипломатическій терминъ: «вліяніе» не у мѣста, когда рѣчь идетъ о Босніи и Герцеговинѣ. Какая же еще затѣмъ «сфера» предоставлена Австріи на Балканскомъ полуостровѣ? И какая оставлена за нами? Трудно усмотрѣть нашу «сферу» въ королевствѣ Сербскомъ, на примѣръ, гдѣ правительственная политика всецѣло и безъ помѣхи съ русской стороны подчинена указаніямъ Вѣны. Не видимъ и слѣдовъ русскаго дипломатическаго дѣй-

ствія въ Македоніи, гдѣ свирѣпствуетъ содержимая на австрійскія деньги католическая пропаганда, гдѣ Австрійцы, съ одной стороны, помощью Грековъ и руками Турокъ казнятъ православное славянское населеніе за всякое стремленіе къ независимости или къ воссоединенію съ Болгаріей, а съ другой—благодѣтельствуя тѣмъ, кто отдается ихъ покровительству... Обратимся ли мы ввормъ къ Константинополю, то какъ ни напрягай зрѣніе—русской «сферы вліянія» тамъ теперь не отыщешь. Если бываетъ нужно иногда, въ русскихъ интересахъ, подѣйствовать на Порту, мы, какъ извѣстно, занимаемъ вліянія, если не у Австріи, то у Германіи... Про Румынію съ ея Гогенцоллерномъ на престолѣ и говорить нечего... Черногорія? Но наши отношенія къ ней похожи, въ настоящее время, на отношенія платонической любви, такъ какъ она не только отъ насъ далеко, но съ суши и съ моря находится подъ австрійскою стражей, заперта, какъ въ тюрьмѣ, австрійскими блокгаузами и штыками...

Остается Болгарское княжество съ Румеліей, семь лѣтъ тому назадъ освобожденныя и призванныя къ политическому бытію Россіей, цѣною русской крови и неисчислимыхъ жертвованій. Правда, они со всѣхъ сторонъ обложены «сферами» австрійско-германскаго вліянія; но здѣсь, по крайней мѣрѣ, преимущество авторитета за Россією оффиціально еще не оспаривается и даже прямо *соизволяется* обѣими дружескими державами, — что у насъ чуть ли не почитается великою дипломатическою побѣдою, или по крайней мѣрѣ такую уступкою со стороны сихъ державъ, которая заслуживаетъ великой признательности. Но и такое *соизволеніе* нисколько не избавляетъ Болгарію отъ вліянія контрабанднаго, отъ интригъ и козней изъ чужихъ сферъ; мы же, какъ вѣдомо всѣмъ, стражники плохіе, да и деликатные, особенно по отношенію къ друзьямъ и союзникамъ...

Нельзя не отмѣтить притомъ и великую разницу въ самомъ разумѣніи Россіей и Западною Европою вообще—этого новомоднаго дипломатическаго термина: отсюда и разница въ примѣненіи. «Сфера вліянія» по понятіямъ Запада, это—подчиненіе страны, хотя бы противъ ея воли и въ прямой ей ущербъ, исключительно интересамъ государства, включаю-

щаго ее въ свою сферу. Мы знаемъ, напримѣръ, что такое англійскія притязанія на «сферу вліянія» въ Афганистанѣ! Въ своихъ «сферахъ вліянія» на Балканскомъ полуостровѣ Австро-Венгрія безцеремонно насилуетъ волю населенія и самыя завѣтные его интересы приносятъ въ жертву своимъ матеріальнымъ и политическимъ выгодамъ. Россія же, при всѣхъ своихъ роковыхъ, пагубныхъ ошибкахъ въ Болгаріи, всегда вполне искренно принимала въ соображеніе благо самой страны, хотя нерѣдко понимала его совершенно ложно: ее можно обвинить, и вполне справедливо, въ неумѣлости, недалководидности, подчасъ плачевной, въ недостатокъ, подчасъ ужасающемъ, опредѣленной системы, ясной и твердой мысли, въ чемъ угодно, — но ужь никакъ не въ эгоизмъ и не въ корысти...

Очевидно, что при такихъ условіяхъ то «разграниченіе сферъ вліянія» въ предѣлахъ Православно-Славянскаго міра, — на которое будто бы достолюбезно и съ легкимъ сердцемъ согласилась наша дипломатія и о которомъ такъ возвеселилась духомъ Австрія, — въ сущности означаетъ для Россіи *ограниченіе* сферы ея вліянія; т. е. вліянія однороднаго, безкорыстнаго, призывающаго къ жизни и независимости — въ пользу вліянія нѣмецкаго и католическаго, поработительнаго и своекорыстнаго. А такъ какъ Россія, даже и въ понятіяхъ нашихъ дипломатовъ, все же «въ нѣкоторомъ родѣ» государство славянское и православное, то подобное «разграниченіе», еслибы оно дѣйствительно было признано Россіей, имѣло бы для нея смыслъ самоотреченія, т. е. отреченія отъ свойствъ, атрибутовъ и обязанностей присущихъ ея исторической природѣ.

По развѣ такая измѣна своему существу возможна? Всякое противоестественное направленіе въ развитіи организма, извнѣ насильственно на него налагаемое, производитъ болѣзнь, страданіе и въ концѣ концовъ его убиваетъ, или же, напротивъ, препобѣждается живою таящеюся въ немъ силою, и организмъ, хотя бы временно, возвращаетъ себѣ свободу. Не то же ли самое видимъ мы и въ Россіи? Не отъ насилванія ли ея природы какъ историческаго народнаго организма происходятъ всѣ гнетущіе насъ недуги? И какъ бы ни успѣвала порой антинаціональная политика извратить

нашъ органическій строй, сдвинуть народъ съ его историческихъ путей и заставить покорно идти по измышленному ею новому маршруту,—нѣтъ-нѣтъ, да и оболжетъ ее исторія, къ великому, иногда и предосадному, сюрпризу Петербурга и его дипломатовъ. Послѣдніе, большею частью, и не подозреваютъ, что они возвращаются въ кругъ русской исторіи; за то велико же бываетъ ихъ удивленіе и смущеніе, когда сила вещей заставляетъ ихъ подчасъ выступить въ роли слугителей такъ часто осмѣянной ими «расейской народности» или «самобытности» и даже того самаго «міроваго призванія Россіи», воспѣтаго разными «славянофильскими» поэтами, которое ими отрицается и такъ претитъ ихъ европеизму! Но понятно, что такого рода недоразумѣнія между руководителями и руководимыми, между пекущимися объ организмъ и самымъ организмомъ, при всей крѣпости послѣдняго, не обходятся ему даромъ. Чтò общаго, спрашиваемъ, между Петербургомъ какъ принципомъ, Петербургомъ съ махровыми цвѣтами его оранжерейной властвующей интеллигенціи—и народнымъ, напримѣръ, энтузіазмомъ, охватившимъ Россію изъ конца въ конецъ, въ 1877 году, когда не осталось бабы въ самой отдаленной глуши, которая при всей своей горькой бѣдности, какъ евангельская вдовица лепту, не снесла бы въ даръ яйца куринаго или самодѣльнаго полотенца — на дѣло избавленія «православныхъ братьевъ» (да, да, именно такъ, какъ ни издѣвайтесь!) отъ мусульманскаго ига? Въ какое комически-трудное положеніе поставило нашихъ представителей при иностранныхъ дворахъ такое неприличное для XIX вѣка поведеніе нашего народа! Не они ли такъ превозносились своимъ «просвѣщеннымъ космополитизмомъ», не они ли расточали увѣренія, что лично для нихъ, разумѣется, не существуетъ національностей, а только благоприличные люди (*des gens comme il faut*), но что и само русское правительство одушевлено лишь однимъ желаніемъ: «сопричислить Россію къ передовымъ европейскимъ націямъ», а потому, конечно, и интересы вѣроисповѣданія не могутъ быть движущимъ началомъ ея просвѣщенной политики,—и вдругъ: «какой пассажъ!» Поди считайся съ мужицкими симпатіями и укладывай ихъ въ дипломатическія рамки! Поди-гляди: совершается великій историческій

подвигъ братской любви и безкорыстія, встаетъ Россія и съ Царемъ во главѣ устремляется чрезъ рѣки и горы, ломить всѣ преграды, освобождаетъ изъ неволи новое православно-славянское племя на Балканскомъ полуостровѣ, утверждаетъ политическую независимость другихъ!... Какъ ни открещивались дипломаты и прочіе петербургскіе высокопоставленные «Европейцы», а пришлось таки погрузиться въ самую тину «славянофильщины»! Но затѣмъ, вынырнувъ при первой возможности снова въ атмосферу, гдѣ имъ свободнѣе дышется, они и наградили Россію Берлинскимъ трактатомъ и вѣнчали ея побѣды преданіемъ Босніи и Герцеговины въ чужія руки...

Такое постоянное, отъ времени до времени, противорѣчіе офіціального направленія вѣдшей политики съ историческими фактами, съ естественнымъ ростомъ и развитіемъ русскаго государственнаго организма, создало нашей наивнѣйшей и честнѣйшей въ мірѣ политикѣ репутацію «хитрой», «злостроенной», «вѣроломной», и вмѣсто полнаго довѣрія, котораго такъ искренно домогаются наши дипломаты, внушило Западу, напротивъ, хроническое недоувѣріе къ нимъ и хроническую боязнь Россіи. Именно на Западѣ, который въ цивилизаціи хозяинъ, а не рабъ, нигдѣ и не примѣчается ослабленія силы національнаго чувства, и ни одна «передовая культурная нація» не отказывается отъ своихъ національныхъ интересовъ,—именно тамъ лучше насъ понимаютъ историческое значеніе, призваніе и выгоды Россіи и тотъ образъ дѣйствій, котораго слѣдовало бы ей держаться, а потому и затрудняются понять такое добросовѣстное неразумнѣніе русскихъ національныхъ интересовъ русскими же политиками, такое добровольное ихъ отреченіе отъ русской исторической миссіи. Наши сосѣди, разумѣется, съ радостью пріемлютъ отъ насъ дары дружбы, но и не довѣряютъ; охотно морочатъ насъ похвалами и сладкими изъявленіями чувствъ, благо мы на этотъ товаръ падки, но, какъ очень умные и серіовные люди, принимаютъ заранѣе свои мѣры на случай нашего отрезвленія...

Кстати. Намъ передавали недавно слова одного русскаго дипломата, сказаннаго еще наканунѣ Кремзирскаго свиданія, какъ бы въ утѣшеніе окружающимъ, что взаимныя-де отно-

шенія Россіи и Австро-Венгріи совсѣмъ ужь не такъ дурны какъ можетъ-быть кажется, и что есть полная надежда сдѣлать ихъ наилучшими... Это похоже вотъ на что: сосѣдь у сосѣда запахалъ половину поля, и хотя помѣхи въ томъ отъ хозяина поля никакой не встрѣтилъ. но все же по неволѣ косится, хотя и старается прикрыть свое безпокойство пріятной улыбкой. А хозяинъ безпокоится съ своей стороны: «сердится онъ на меня или не сердится? Слава Богу, кажется не очень, авось можно и совсѣмъ его ублажить!»... Запахавшій, конечно, поспѣшитъ снять эту заботу съ хозяина дружескою ласкою,— а на душѣ у него все же бѣздно.

И вѣдомо должно быть нашей дипломатіи, что она этой боязни съ души нашихъ сосѣдей не сниметъ никакою угодливіостью, никакимъ великодушіемъ, никакою готовностію отъ имени Россіи: отречься себя самой! Россія не можетъ перестать быть Православно Славянскимъ Государствомъ, единымъ великимъ и мощнымъ, она имъ была и прежде, когда русскіе дипломаты (какъ мольеровскій мужикъ не подозрѣвавшій, что онъ говоритъ провой) и не догадывались, что Русскіе — Славяне. Она теперь еще ярче выступаетъ въ мірѣ въ этомъ славянскомъ значеніи, когда, благодаря ей, пробудилось и окрѣпло въ Славянскихъ племенахъ сознание ихъ племеннаго единства и связи. Россія не можетъ и не должна упускать изъ виду, что ей приходится оправдывать и заставить признать самый фактъ ея существованія какъ Православно-Славянской державы, такъ какъ этотъ фактъ — въ чемъ она совсѣмъ неповинна—поперекъ горла ея сосѣдамъ. Россія ничего чужаго не ищетъ, да сосѣди-то ея чужаго ищутъ. У нея нѣтъ ни малѣйшей вражды ни къ Западной Европѣ вообще, ни къ Нѣмцамъ въ особенности; совершенно напротивъ. Объединеніе Германіи, напрімѣръ, какъ отвѣчающее національнымъ стремленіямъ самихъ Нѣмцевъ, было встрѣчено въ Россіи даже съ полнымъ сочувствіемъ. Но когда Нѣмцы, не довольствуясь своими предѣлами, ломатся въ наши предѣлы, захватываютъ наши окраины, они *должны* встрѣтить отпоръ и пусть сами на себя пеняютъ, коли этотъ отпоръ покажется имъ обиденъ. Но когда германскій канцлеръ, измѣнивъ прежней политикѣ, объявляетъ всѣ интересы Германіи солидарными со всѣми австрійскими притязаніями

на Славянъ Балканскаго полуострова, онъ тѣмъ самымъ ставитъ прежнія отношенія Россіи къ Германіи на выбку, ненадежную почву. Но когда Австрія захватываетъ неправдой Боснію и Герцеговину, стремится къ дальнѣйшему насильственному распространенію своего преобладанія на Балканскомъ полуостровѣ, когда она въ своихъ предѣлахъ воздвигаетъ гоненіе на православіе и народность своихъ русскихъ и иныхъ славянскихъ подданныхъ,—не виновата же Россія въ томъ, что ея, даже совсѣмъ мирное, сосѣдство представляетъ для Австріи неудобства! Австрія знаетъ, что Россія не то, чѣмъ хочетъ казаться или за что хотѣли бы ее выдать русскіе дипломаты. Какъ бы ни клялись и ни божились послѣдніе въ полномъ согласіи Россіи на расширеніе австрійскихъ сферъ вліянія въ Православно-Славянскомъ мірѣ, одинъ, скажемъ снова, фактъ существованія такой громадной православно-славянской силы какова Россія—будетъ вѣчно отравлять покой Австрійской державы, вѣчно колебать прочность ея обладанія. Какъ ни отрекайся русская политика отъ Славянъ, какъ ни смирайся, ни принижайся наша держава, славянское самосознаніе (и не у однихъ православныхъ) живетъ, движется, растетъ о Россіи, о ней одной, и всѣ угнетенныя Славянскія племена съ вѣщей простотой братскаго чувства къ ней устремляютъ взоры, въ ея бытіи черпаютъ силы для долготерпѣнія и упованія. Не виновата же, повторяемъ, въ томъ Россія, или вѣрнѣе сказать, она предъ Австріей безъ вины виновата, также какъ предъ Англичанами—за то, что ихъ Индусы ненавидятъ! Но предъ кѣмъ виновата Россія, это—предъ Славянами и предъ собой. Рано или поздно антагонизмъ обоихъ государствъ, въ основѣ котораго лежитъ различіе интересовъ не однихъ матеріальныхъ, но по преимуществу духовно-историческихъ, выразится въ открытомъ столкновеніи... А потому едва ли благоразумна та политика, которая въ дерзкомъ самообольщеніи предполагаетъ возможнымъ видоизмѣнить роковой ходъ исторіи и заранѣе всячески увеличиваетъ для себя самой трудность рѣшенія будущей исторической задачи, обрекая тѣмъ самымъ родную страну на страшныя *личнія* жертвы...

Кремзирское торжество свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что Австрія въ высшей степени довольна положеніемъ соз-

даннымъ ей Скерневицкимъ свиданіемъ, что она нуждается въ сохраненіи мира еще болѣе чѣмъ Россія и ничего такъ не желаетъ какъ мира. Однимъ словомъ, теперь пока у Россіи съ Австріей миръ,—ну и слава Богу!.. Что Австрія времени терять даромъ не станетъ, поспѣшитъ и съумѣетъ воспользоваться настоящимъ перемиріемъ въ своихъ интересахъ, это уже конечно не подлежитъ и сомнѣнію: говоримъ это въ видѣ безпристрастной похвалы, а не упрека. Воспользуемся ли мы,—это вопросъ...

А положеніе Славянскаго, особенно Православнаго міра, и въ Болгаріи, и въ Сербіи, и въ прочихъ Славянскихъ странахъ—самое безотрадное. И положеніе это не исправится, пока въ самой Россіи будутъ двѣ Россіи—официальная и историческая народная: *Славянской* вопросъ весь сводится къ нашему внутреннему *Русскому* вопросу, весь въ немъ заключается и разрѣшится *только вмѣстѣ съ нимъ*. Но о состояніи славянскихъ дѣлъ въ частности, о нашемъ въ немъ съ одной стороны безучастіи или, съ другой, неуклюжемъ и порой вредотворномъ участіи, не только официально, но и общественномъ, поговоримъ особо, въ другой разъ.

Москва, 14 сентября.

Треснулъ Берлинскій трактатъ! Ломится!... Рухнетъ ли онъ совсѣмъ или же пробитою въ немъ брешью воспользуются другіе, а со стороны Россіи его вновь подопрутъ разными подставами и контрфорсами? Не вѣрится. Какъ ни невысоко цѣнили мы до сихъ поръ искусство русской дипломатіи, но думается, хотѣлось бы думать и признать во всеуслышаніе, что мы въ своей оцѣнкѣ не правы, сто разъ не правы, что совершившіяся на дняхъ событія не только не застали русскую дипломатію врасплохъ, но подготовлялись мудро и дальновидно именно ею, неуклонно стремившеюся къ одной цѣли: снять съ Россіи позоръ и узы Берлинскаго договора!...

Какъ громъ изъ яснаго неба ошеломили европейскую публику телеграммы изъ Филиппополя и Софіи: 6 сентября про-

изошла въ Филиппополѣ безкровная революція; народъ окружилъ дворець генераль-губернатора, Гавріила-Паши, т. е. Крестовича, и провозгласилъ соединеніе Восточной Румелии съ Болгарскимъ Княжествомъ; румелійская милиція, за исключеніемъ начальника ея, онѣмеченнаго Поляка Дрыгальскаго, вся, отъ офицеровъ (изъ коихъ одна треть — русскіе, затѣмъ, кромѣ Болгаръ, Англичане и другихъ національностей) до послѣдняго рядоваго, присягнула на вѣрность князю Болгарскому; Крестовичъ арестованъ; учреждено временное управленіе, пославшее приглашеніе къ князю Александру, который на другой же день, издавъ указъ о мобилизаціи арміи и манифестъ о томъ, что онъ признаетъ «воссоединеніе» совершившимся фактомъ и принимаетъ титулъ князя обѣихъ Болгарій, Сѣверной и Южной, отправился въ Филиппополь... Болгарія ликуетъ! Таковы были первыя телеграммы.

Никогда государственный переворотъ не совершался такъ мирно и просто, — именно потому, что ничего нѣтъ проще и естественнѣе связи Румелии и Болгаріи, — а непросто было, насильственно и искусственно, ихъ разъединеніе, придуманное близорукою злобою пресловутаго политика лорда Беконсфильда и узаконенное Берлинскимъ конгрессомъ. Въ этомъ узаконеніи лежалъ залогъ постоянной смуты, и по свидѣтельству всѣхъ русскихъ, перебивавшихъ тамъ на службѣ дипломатовъ, произвести воссоединеніе можно было всегда, во всякое время, какъ самое легкое дѣло. Противодѣйствія перевороту могли быть только со стороны, извнѣ, но не изнутри Княжества или за-Балканской Болгаріи; при отсутствіи же внѣшняго противодѣйствія переворотъ не трудно было совершить даже однимъ «провозглашеніемъ». Нельзя впрочемъ отрицать, что пройди десятка два лѣтъ, подобный переворотъ могъ бы встрѣтить, если не положительныя преграды, то все же нѣкоторыя затрудненія, которыя теперь не успѣли еще образоваться. Княжество и Восточная Румелия управляются разными конституціями (о чемъ прежде всего и позаботились европейскіе опекуны Балканскаго полуострова), и надо сознаться, что «Органическій уставъ» Румелии, составленный сообща делегатами шести европейскихъ державъ, несравненно превосходитъ конституціи, сочиненной первоначально для Княжества въ Петербургѣ и потомъ «усо-

вершенствованной» мнимо-народными Собраніями на мѣстѣ. У Румелии и Княжества разныя системы школъ, разныя судебныя учрежденія; общій же уровень цивилизаціи, благосостоянія и промышленности въ Румелии выше,—и какъ ни недовольны были Румелиоты своимъ генераль-губернаторомъ Крестовичемъ (хотя и Болгариномъ, но возросшимъ на турецкой службѣ и въ ея преданіяхъ), дѣла въ этой провинціи шли положительно лучше чѣмъ въ Княжествѣ. Такимъ образомъ, причины переворота лежатъ вовсе не въ худомъ управленіи Румелией, какъ увѣряетъ, напримѣръ, газета *Новости*: легкость, съ какою онъ осуществлень, объясняется прежде всего естественнымъ тяготѣніемъ другъ къ другу разрозненныхъ частей не только одного народа, но и одного политическаго организма. Ибо, нѣтъ сомнѣнія, національно-политическое самосознаніе уже пробудилось въ Болгарскомъ народѣ, и самый образъ «цѣлокупной Болгаріи» воздвигнуть былъ предъ нимъ самою же Россіей, ея Санъ-Стефанскимъ договоромъ съ Турціей. Тѣмъ не менѣе, великое счастье для Болгаріи, что это воссоединеніе не отложено на дальній многолѣтній срокъ, когда уже успѣли бы сложиться въ обѣихъ ея частяхъ своеобразныя, разныя привычки и преданія; что оно совершено именно теперь, пока произведенный въ 1878 году разрѣзъ еще сочится кровью...

Но онъ сочился и полгода и годъ тому назадъ, и однакожь переворота произведено не было. Если, какъ мы сказали выше, перевороту не было и не могло быть противодѣйствія *извнутри*, то политическое международное положеніе не только Румелии, но и Княжества, особенно Княжества, таково, что всякое малѣйшее противодѣйствіе *извне* ощущается тамъ съ особенною живостью. Какимъ же образомъ произведенъ этотъ переворотъ? Устранилось развѣ тяготѣвшее доселѣ противодѣйствіе и обратилось даже въ прямое, хотя и тайное *содѣйствіе*? или же князь Александръ совершилъ его самовольно, вовсе не заручась заранѣе согласіемъ Россіи и ея союзниковъ?

Мнѣнія и догадки на этотъ счетъ до сихъ поръ различны. Дозволительно пока допустить и то, и другое. Если къ чести нашей дипломатіи принять за основаніе, что она никакимъ образомъ не могла дать себя провести такъ грубо

и нагло, то возможно, пожалуй, построить слѣдующее предположеніе объ ея дипломатическомъ планѣ и о ходѣ событій.

Державы, подписавшія Берлинскій трактатъ и почему-либо нуждающіяся въ его нарушеніи не могутъ, конечно, безъ особеннаго, основательнаго повода нарушить его сами, не испросивъ согласія прочихъ участниковъ. Есть извѣстное *deseratum*, которое онѣ обязаны соблюдать ради приличія, въ видѣ дани той фѣкціи, которая называется «международнымъ правомъ». Эта фѣкція имѣетъ свой *raison d'être* несмотря на то, что вѣчно разбивается въ дребезги о право «совершившихся фактовъ», а затѣмъ снова возсоздается для ихъ узаконенія и уже на ихъ основахъ. Въ интересахъ европейскаго мира, а также Австріи, Германіи и Россіи, нѣкоторое видоизмѣненіе Берлинскаго трактата представлялось очевидно необходимымъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ залога ни для мирнаго развитія самого Балканскаго населенія, ни для установленія вполнѣ искреннихъ мирныхъ отношеній между тремя великими континентальными державами. Въ Берлинѣ желаютъ отвлечь австро-венгерскую политическую потенцію отъ Германіи за Дунай, на Балканскій полуостровъ, къ Славянскимъ землямъ, гдѣ Австрія явилась бы пионеромъ германизма и западно-европейской культуры; Австрія съ своей стороны раздѣляетъ, въ извѣстной степени, такое желаніе, что доказывается, между прочимъ, и захватомъ, подъ видомъ оккупациі (опять дань фѣкціи международного права, хотя и въ грубой, чурбанной формѣ!) двухъ наилучшихъ сосѣднихъ съ нею турецкихъ провинцій. Выйти изъ этого фальшиваго положенія, переименовать «занятіе» въ «присвоеніе», оккупацию въ аннексию—составляетъ для нея насущнѣйшую потребность. Но для приведенія въ исполненіе всѣхъ этихъ политическихъ плановъ обѣ державы вынуждены считаться съ Россіею, которая не можетъ же допустить расторгенія своихъ, по истинѣ *кровныхъ* связей съ Славянскими племенами Балканскаго полуострова, ею же самою, цѣною столькихъ кровопролитныхъ войнъ, призванныхъ къ жизни, къ самосознанію, большею частью даже къ политическому бытію! Не можетъ же Россія дозволить вытѣснить свое вліяніе, свой авторитетъ, свою власть, хотя бы только нравственную, изъ этого Православно-Славянскаго

міра. Не можетъ, наконецъ, Россія и продолжать терпѣть такое позорное для великаго государства положеніе, при которомъ мирное обладаніе ею Черноморскимъ лобережьемъ всегда состоитъ въ зависимости отъ прихоти Турецкаго Падишаха, да и будетъ состоять, пока ключъ отъ ея собственной двери будетъ находиться не у нея въ рукахъ, а въ чужихъ! Недавнее столкновеніе съ Англіей вновь дало чувствовать уязвимость этого пункта нашей границы: великой, мощной державѣ Русской пришлось прибѣгать къ заступничеству Германіи и Австріи—ради сохраненія нейтралитета проливовъ. По словамъ берлинскаго корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей», Россія-де сама предлагала упомянутымъ державамъ поставить свои корабли у входа въ Дарданеллы, въ видѣ протеста или veto Англичанамъ... Весьма естественно поэтому предположить, что при такомъ положеніи дѣла задача упомянутыхъ трехъ державъ состояла уже въ томъ, какъ бы сообща, при взаимномъ соглашеніи, нарушить Берлинскій договоръ—его не нарушая, т. е. ввести въ него нѣкоторыя измѣненія соотвѣтственно потребностямъ настоящей минуты для каждой изъ нихъ, но такъ, чтобъ это не имѣло вида нарушенія, а могло бы еще быть снабжено обычнымъ причитаніемъ о святости международныхъ трактатовъ... Изъ источниковъ, довольно на нашъ взглядъ достовѣрныхъ, извѣстно, что въ Скерневицахъ, при составленіи соглашенія на основахъ status quo, положено заранѣе: признать аннексію Австріей Босніи и Герцеговины, равно и присоединеніе Румелии къ Болгарскому Княжеству—фактами не нарушающими status quo (тогда какъ введеніе, на примѣръ, австрійскихъ войскъ въ Сербію было бы уже его нарушеніемъ). По этому поводу въ «Руси» тогда же было указано, что при окончательномъ отмежеваніи къ Австрійской имперіи Босніи и Герцеговины, воссоединеніе обѣихъ частей Болгаріи не можетъ почитаться равновѣснымъ удовлетвореніемъ интересовъ Россіи, особенно послѣ того, какъ русская печальная политика 1878 г. отняла у Россіи возможность свободнаго сухопутнаго сообщенія съ Болгаріей, отдавъ Добруджу Румыніи... Послѣдовавшее свиданіе въ Кремзирѣ было, даже по официальнымъ возвѣщеніямъ, лишь подтвержденіемъ основъ согласія, состоявшагося въ Скерне-

вицахъ. Опять-таки естественно предположить, что для осуществленія наконецъ затѣянной перекройки Берлинскаго трактата,—къ которой приступить безъ благовиднаго предлога было для державъ неудобно,—понадобится какой-нибудь «совершившійся фактъ». Таковымъ фактомъ и могло быть предназначено явиться «восоединенію Болгаріи» — посредствомъ внутренняго, чуждаго якобы вмѣшательства какой-либо изъ трехъ державъ, вполне самостоятельнаго переворота въ самой Болгаріи...

Надо же было въ самомъ дѣлѣ такъ случиться, что этотъ переворотъ совершился *при отсутствіи* въ Румелии и Княжествѣ всѣхъ представителей русской власти, по крайней мѣрѣ полномочныхъ или перворазрядныхъ! Русский дипломатическій агентъ въ Княжествѣ, г. Кояндеръ, послѣ пятичасоваго свиданія князя Александра Болгарскаго съ г. Гирсомъ въ Франценсбадѣ, былъ вызванъ послѣднимъ въ Меракъ, куда отправился и нашъ министръ. Г. Сорокинъ, генеральный консулъ въ Филиппополѣ, въ самый день переворота, мирно бесѣдовалъ о дѣлахъ болгарскихъ съ редакторомъ «Руси» въ Москвѣ, ничего ровно не зная и не ожидая: онъ былъ въ отпуску и на другой день собирался пуститься въ обратный путь къ своему посту. Отъ него же мы узнали, что русскій военный министръ въ Болгарскомъ Княжествѣ, князь Кантакузенъ, просился въ отпускъ и таковой ему разрѣшить: если онъ имъ воспользовался, то какъ какъ разъ наканунѣ или за нѣсколько дней до переворота, т. е. до мобилизаціи ввѣренной его попеченію болгарской арміи!.. Такимъ образомъ, при отсутствіи таковыхъ русскихъ представителей, нѣтъ видимаго основанія обвинить самое Россію въ совершеніи переворота, если бы даже послѣдній произошелъ и съ ея приглашенія, или даже только соизволенія или вѣдома. Ну, а затѣмъ что? Какъ условились державы (предполагая, что такое условливаніе происходило) поступить въ виду «внезапнаго» яко бы вторженія въ *status quo* подобнаго «совершившагося факта»? Да вѣроятно такъ, что въ случаѣ, если Порты, пользуясь своимъ законнымъ правомъ, вознамѣрится подавить переворотъ вооруженною силою,—произвести на нее дружное давленіе трехъ державъ и такимъ образомъ приостановить ея

порывы; а затѣмъ созвался бы новый конгрессъ для передѣлки Берлинскаго договора, приче́мъ могло бы произойти и новое расчлененіе Турціи съ передачею, пожалуй, Россіи и ключа отъ ея дверей. (Мы опять-таки предполагаемъ, что въ сознаниі русско́й дипломатіи такая передача есть условіе *sine qua* попъ дальнѣйшаго политическаго существованія Россіи въ мірѣ, безъ чего и воссоединеніе Болгаріи было бы едвали желательно, какъ мало полезное для ней самой). Или же могло бы случиться и такъ, что движеніе турецкихъ войскъ въ Румелию и возстанія въ прочихъ частяхъ Балканскаго полуострова (чего во всякомъ случаѣ слѣдуетъ ожидать) приняты были бы за достаточный поводъ для двухъ сосѣднихъ державъ двинуть и свои войска на полуостровъ, приче́мъ Россія немедленно заняла бы ворота Босфора и расположилась бы гдѣ-нибудь, пониже Буюкъ-Дере къ Черному морю, на обоихъ берегахъ, азіатскомъ и европейскомъ. Вопросъ тогда, для насъ, заключался бы лишь въ томъ: удовольствовалась ли бы Австрія формальнымъ присоединеніемъ двухъ провинцій, которыми она и теперь фактически безспорно владѣетъ, или же потребовала бы себѣ еще бѣльшаго вознагражденія, напри́мѣръ Солуни?.. Во всякомъ случаѣ весь этотъ переполохъ узаконился бы новымъ трактатомъ, къ которому волей-неволей приступили бы и Англія, и Франція, и Италія... Досто́йно замѣчанія, что тогчасъ послѣ Кремзира императоръ Францъ-Іосифъ отправился къ границѣ Босніи, гдѣ принималъ депутацію отъ жителей Босніи и Герцеговины, а потомъ и самъ ступилъ на боснійскую почву, и что упомянута́я депутація, въ заранѣе составленной и цензурированной австрійскимъ начальствомъ рѣчи, увѣряла его въ *вѣрноподданнической* преданности, величала *своимъ Императоромъ и Королемъ*.

Таковъ приблизительно, казалось бы намъ, могъ быть планъ дѣйствій, выработанный совмѣстными стараніями дипломатіи трехъ союзныхъ континентальныхъ державъ. Можетъ-быть онъ слишкомъ искусственъ, сложенъ, слишкомъ непрямодушенъ; но онъ имѣетъ уже то достоинство, что при приведеніи его въ исполненіе кабинеты оставались бы господами событій, хозяевами положенія, знали бы каждый—чего хотѣть и какъ дѣйствовать. Послѣднему, впрочемъ, учиться не

только Германія, но и Австро-Венгрія нечего, — онѣ этимъ знаніемъ обладаютъ, при всякой случайности, лучше Россіи. такого рода отчетливое соглашеніе въ образѣ дѣйствій нужнѣе было бы, пуще всего, для руководителей именно русской политики.

Но чтѣ если — стыдно подумать! — весь этотъ переворотъ въ Болгаріи, — которая всею Европою безспорно признана «сферою русскаго вліянія» на Балканскомъ полуостровѣ, — былъ для насъ нечаянностью? если это воссоединеніе обѣихъ частей Болгаріи, котораго мы домогались въ 1878 году, которое выговорили себѣ и въ Скерневицахъ, котораго хозяевами и распорядителями должны бы быть мы, никто какъ мы, — если все это великое міровое событіе произошло помимо насъ, сюрпризомъ для насъ, вопреки нашей волѣ и соображеніямъ?! Сильно меркнетъ величіе Трех-Державнаго союза и Кремзирскаго сѣзда (закончившагося такими гимнами въ честь европейскаго мира и устраненія всякихъ признаковъ пробужденія грознаго «Восточнаго вопроса»!), если румелійскій переворотъ засталъ кабинеты врасплохъ, и вся ихъ политика сбита съ колеи самовольною политикою Болгарскаго, еще вассальнаго Турціи, князя? Какую цѣну тогда дать русскому вліянію въ той сферѣ, которая ему безусловно отмежевана, гдѣ и войско организовано Россіею и какъ бы составляетъ часть самой русской арміи, гдѣ (именно въ Болгарскомъ Княжествѣ) и ротные командиры всѣ — русскіе офицеры, гдѣ и до сихъ поръ держитъ Россія своего военнаго министра? Чего стоятъ тогда всѣ эти русскіе дипломатическіе агенты и консула?! И если отсутствіе ихъ изъ Болгаріи и Румелии въ настоящую минуту — простая случайность, то плохо же было взвѣшено и понято русскою дипломатіей значеніе настоящей минуты, и это — вслѣдъ за пятичасовою бесѣдою съ г. Гирсомъ виновника переворота, князя Александра!

Нѣкоторыя русскія газеты, въ томъ числѣ «Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ», приписываютъ этотъ переворотъ личному, дерзкому почину самого Болгарскаго князя, съ цѣлью улучшенія и упроченія своего собственнаго положенія, не только безъ спроса Россіи, но какъ бы наперекоръ ея планамъ. Вполнѣ возможно и это. Слѣдуетъ вспомнить только

настоящее состояніе Княжества, общій ходъ его дѣлъ, длинный, длинный рядъ русскихъ крупнѣйшихъ ошибокъ, личныя свойства князя и его настоящихъ болгарскихъ сподручниковъ. Начать съ того, что мы сами навязали Болгарамъ самую безобразнѣйшую, радикальнѣйшую конституцію въ мірѣ, при неограниченнѣйшей свободѣ печати, и это въ странѣ не только не просвѣщенной, но чуждой даже и зачатковъ той общественной дисциплины, въ духѣ которой воспитываетъ народы лишь долготѣнее государственное существованіе. Сами же мы навязали Болгаріи въ князя поручика прусской службы, нѣмецкаго принца, въ томъ предположеніи, что какъ родственникъ русскому Царскому дому онъ будетъ дѣйствовать въ интересахъ не Запада, а Востока, или иначе Россіи, интересы которой тождественны съ интересами всего православнаго Славянства. Этотъ неопытный, непритворенный, крайне молодой человекъ, не лишенный впрочемъ дарованій и смѣлости, притомъ и честолюбивый, съ перваго же дня былъ поставленъ въ самое фальшивое положеніе. Да и не легкая далась ему задача: совершить и упредить переходъ народа изъ-подъ пативѣковой развращающей азіатской неволи въ политическое бытіе не только по новѣйшему современному образцу цивилизованнѣйшихъ европейскихъ націй, но и на основахъ такой конституціонной свободы, какой не представляетъ ни одна культурная страна въ мірѣ — переходъ изъ рабства въ «правовую равнуданность»: такъ должна быть окрещена дарованная нами Болгарамъ конституція! Но добро бы несчастному князю приходилось имѣть дѣло только съ народными массами: сельскій и вообще простой народъ въ Болгаріи еще не заразился растлѣвающимъ вліяніемъ конституціоннаго режима и вкусомъ къ политиканству; онъ питаетъ въ душѣ своею чувство неизмѣнной благодарности Россіи; онъ чувствуетъ своимъ вѣщимъ историческимъ инстинктомъ, что она, никто какъ она, призвана стоять во главѣ историческихъ судебъ Славянскаго міра, и влечется къ тѣсному съ ней союзу; онъ чтитъ въ своемъ князѣ ставленника и родственника Царя-Освободителя. Иное дѣло «интеллигенція». Достаточно сказать, что, за немногими прекрасными и доблестными исключениями, она (съ примѣсю лишь большей дикости) есть не болѣе какъ грубая копія съ нашей же

русской «интеллигенціи», той, которая порождена была у нас общественнымъ воспитаніемъ въ 60 и 70-хъ годахъ, которая дала Россіи нигилистовъ, анархистовъ и динамитчиковъ, которая возросла въ себѣ, передала и учившимся въ Россіи Болгарамъ—тотъ же духъ отчужденія отъ общихъ намъ со Славянами народныхъ духовныхъ основъ, тотъ же духъ отрицательнаго отношенія къ Россіи, къ ея историческому прошлому и политическому коренному принципу, всегда живо ими толкуемому и понятому, тотъ же духъ поклоненія «последнимъ словамъ» западной науки и жизни, и всѣмъ новѣйшимъ радикальнымъ доктринамъ! Неудивительно поэтому, что Болгарія тотчасъ же, на зарѣ своихъ дней, обзавелась партіями: и либеральною, и консервативною и радикальною (Европа какъ есть!), тотчасъ стала «эманципировать государство отъ церкви» и щеголять религиознымъ индифферентизмомъ, чтобъ не сказать хуже; тотчасъ же игра въ политику, захватъ мѣстъ на государственный службѣ съ громаднымъ жалованьемъ (благо, своя рука владыка!), подкобы и подвохи другъ подъ друга, личные интересы властолюбія и корыстолюбія подъ видомъ общественныхъ — поглотили всю публичную жизнь образующагося государства. Неудивительно также, а вполне естественно, что въ числѣ болгарскихъ «интеллигентовъ», нерѣдко выступающихъ на политическую сцену въ качествѣ министровъ и «премьеровъ», были, да и теперь имѣются въ довольномъ числѣ, люди ненавидящіе, презирающіе и ругающіе Россію, которой всѣмъ обязаны и въ которой воспитывались. Да, несомнѣнно: не въ Болгарскомъ здравомыслящемъ народѣ, но въ отчужденной отъ народа болгарской интеллигенціи, составляющей, въ силу разныхъ подлыхъ конституціонныхъ уловокъ, властный надъ народомъ слой и его фальшивое представительство, имѣются враждебные Россіи элементы, родственные впрочемъ россійской радикальной интеллигенціи. Понятно, что они постоянно негодуютъ на русскую правительственную опеку, вмѣстѣ съ Болгарами—воспитанниками германскихъ, французскихъ, англійскихъ школъ: эти послѣдніе ужъ и совсѣмъ почитаютъ себя «Европейцами». Всѣ эти элементы, при «правовой» лжи водворенной въ страну въ видѣ конституціи, не могли и не могутъ не оказывать воздѣйствія на общій

ходъ управленія, какъ въ Княжествѣ, такъ отчасти и въ Румелии.

Русскимъ руководителямъ или дипломатическимъ агентамъ приходилось исполнять трудную, почти неразрѣшимую задачу: считаться и съ конституціоннымъ уродливымъ режимомъ, разнудавшимъ всѣ скверные элементы, вызвавшимъ на легальной почвѣ тучу козней и интригъ, и съ щекотливымъ самолюбіемъ князя, который рвался вонъ изъ опеки, подстрекаемый тайными совѣтами какъ иностранныхъ агентовъ, такъ и болгарскихъ карьеристовъ. Впрочемъ разсказывать теперь всѣ фазы этого управленія мы не станемъ. Замѣтимъ только, что съ 6 сентября 1883 г., послѣ своего рода *coup d'état*, которымъ князь самымъ коварнымъ и притомъ безцеремоннымъ образомъ «спустилъ» двухъ русскихъ министровъ, назначенія коихъ самъ испросилъ у Русскаго Государя, и послѣ нѣкоторыхъ дерзкихъ его публичныхъ выходокъ противъ русской власти (если отчасти и вызванныхъ неловкостью нашихъ собственныхъ дѣйствій, то тѣмъ не менѣе, однако же, непросителныхъ), князь навлекъ на себя открытое и вполне заслуженное неудовольствіе Россіи. Отношенія къ нему русскаго правительства пребывали до послѣдняго времени болѣе чѣмъ холодными. Въ то же время стали носиться, конечно непріятные для князя, слухи—будто Россія прочитъ на его мѣсто Датскаго принца!.. Нельзя не признать, что именно въ послѣднюю пору положеніе его стало дѣйствительно трудновыносимымъ, даже и не для такого молодого и самолюбиваго человѣка, каковъ князь Александръ. Русское правительство само его возвелъ на престолъ, само призвало народъ къ вѣрноподанническому повиновенію, и потомъ само же, образомъ своихъ дѣйствій и своими къ нему отношеніями, стало распатывать его авторитетъ, подрывать довѣріе къ своему же ставленнику въ Болгарскомъ народѣ! Именемъ Россіи онъ властвуетъ,—и Россія, сохраняя его во власти, въ то же время компрометируетъ силу и достоинство созданной ею власти... Какъ извѣстно, съ г. Коэндеромъ, нашимъ дипломатическимъ агентомъ (у котораго, кромѣ того, мѣсяца полтора или два назадъ, произошла рѣзкая размолвка съ президентомъ совѣта Каравеловымъ), равно и съ русскимъ военнымъ министромъ княземъ

Кантакузеномъ, князь Александръ, также до самыхъ послѣднихъ дней, плохо ладилъ, и оба (агентъ и министръ) просили свои начальства объ отозваніи. Между тѣмъ, въ виду Кремвирскаго съѣзда, князь отправился за границу съ тѣмъ, какъ намъ писали, чтобъ окольными путями и ходатайствами постараться возвратить себѣ милостивое расположеніе Русскаго Монарха. Не знаемъ ничего о результатѣ княжескихъ попытокъ, но знаемъ, что онъ видѣлся и продолжительно бесѣдовалъ съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; по возвращеніи же въ Княжество и тотчасъ по отъѣздѣ Коандера, вызваннаго г. Гирсомъ—совершился извѣстный переворотъ! Нѣтъ сомнѣнія, что онъ совершенъ искусно и смѣло, и что главнымъ пособникомъ его былъ президентъ совѣта министровъ, по натурѣ взбалмошный агитаторъ, доктринеръ,—впрочемъ не казнокрадъ (охотно отдаемъ ему въ этомъ справедливость), — русский воспитанникъ Каравеловъ. Онъ долго жила въ Румелии, куда бѣжалъ изъ Софіи въ 1882 г. (когда княземъ, при помощи русскаго генерала Эрнота, тоже произведенъ былъ переворотъ (первый) съ временнымъ упраздненіемъ конституціи), и гдѣ, въ издаваемой имъ газетѣ, онъ дико неистовствовалъ противъ Россіи и князя, приглашая его «возвратиться въ свою Баттенбергю!» Онъ и теперь субсидируетъ тамъ нѣсколько газетъ и имѣетъ много приверженцевъ. Если предположить, что исходъ разговоровъ съ русскимъ министромъ былъ для князя не совсѣмъ благопріятенъ, или что до него дошло мнѣніе, которое намъ и прежде удавалось слышать отъ лицъ нѣсколько прикосновенныхъ къ дипломатической сферѣ, что воссоединеніе Румелии съ Болгаріей могло бы представить для Россіи наибудобнѣйшій поводъ какъ для пересмотра конституціи Княчества (ибо она должна быть общая, а теперь ихъ двѣ), такъ и для смѣны или переизбранія князя, какъ Государя «цѣлокупной» Болгаріи,—если все это принять въ расчетъ, то образъ дѣйствій князя Александра можетъ быть объясненъ безъ особаго затрудненія. Онъ рѣшился на удачу, отчаянную ставку, на «панъ или пропаль», причемъ, въ крайнемъ случаѣ, не рискуетъ ничѣмъ кромѣ престола, который и занимать, при прежнихъ условіяхъ, не слишкомъ-то для него радостно. Между тѣмъ, это удалая рѣшимость, выразившаяся въ по-

слѣднемъ переворотѣ, способна снискать ему сочувствіе народныхъ массъ, которыя къ тому же вполне убѣждены (и разубѣдить ихъ было бы трудно), что князь дѣйствовалъ не иначе, какъ по тайной инструкціи самой Россіи!

Повторяемъ: мы строимъ только предположенія, излагаемъ только догадки. Намъ лично не хотѣлось бы допустить мысли, что Россію могли обойти, обмануть въ Болгаріи, что поставленный нами князь, пользуясь въ глазахъ народа авторитетомъ своего родства и связи съ русскою верховною властью, позволилъ себѣ противопоставлять политикѣ русскаго кабинета свою политику искателя приключеній. Допуская такую мысль, мы вѣдь, такъ-сказать, подписали бы приговоръ о совершенной негодности нашихъ дипломатическихъ агентовъ и вообще—о печальнѣйшемъ состояніи русскаго дипломатическаго искусства и прозорливости...

Но такъ или иначе—предъ нами совершившійся фактъ величайшей важности, послѣдствія котораго неисчислимы. Ни Македонія, ни Сербія не останутся сложа руки, да и нѣтъ основанія для Сербскаго королевства, напимѣръ, не пожелать и не поискать присоединенія къ себѣ такъ-называемой Старой Сербіи. Восточный вопросъ вновь на исторической аренѣ и требуетъ вновь разрѣшенія!

Было бы несообразно съ достоинствомъ Россіи противиться воссоединенію Румелии съ Болгаріей потому только, что оно совершилось не въ тотъ часъ и не тѣмъ способомъ, какъ бы желала Россія. Воссоединеніе (котораго Россія всегда тамъ домогалась, которое теперь мы лично отъ всего сердца и горячо привѣтствуемъ) должно быть и признано и поддержано русскимъ правительствомъ—даже въ случаѣ вооруженнаго сопротивленія Турціи; при этомъ личная судьба князя Александра насъ мало интересуетъ. Вѣроятно также, что совершившійся фактъ будетъ признанъ и всѣми державами-участницами Берлинскаго трактата, уже ради того, чтобъ не дать разгорѣться Восточному вопросу. Но едвали удастся затушить, въ самомъ началѣ, вспыхнувшее пламя!... Мы склонны думать, что все это совершается не безъ англійской интриги, не потому только, что домъ Баттенберговъ пользуется теперь особенною милостію Великобританскаго двора, но и потому, что въ расчеты англійской политики, по

поводу конфликта съ Россіей на англо-афганской границѣ, входило, какъ извѣстно,—вѣроятно входитъ и теперь,—вызвать снова на сцену Восточный вопросъ, отвлечь вниманіе Россіи отъ Индіи и подъ какимъ-либо предлогомъ втянуть Россію въ большую европейскую войну или хоть большія хлопоты.

Возстановлять *status quo ante* было бы и неразумно, и невозможно,—это значило бы передать дѣло изъ своихъ рукъ въ чужія. А оно должно быть взято въ *наши* руки, и взято крѣпко. Россія не можетъ допустить, чтобъ Балканскій полуостровъ, тѣснимый съ Запада экономическимъ, вѣроисповѣднымъ и культурнымъ нашествіемъ Австріи, волнуемый внутри всяческими враждебными Россіи (а стало-быть и истиннымъ интересамъ самихъ Славянскихъ народовъ) элементами, ускользнулъ такъ-сказать совсѣмъ изъ сферы ея вліянія! Чтобъ взять крѣпко дѣло въ руки, Россія должна занять крѣпкую стратегическую позицію на самомъ Балланскомъ полуостровѣ, и именно на Босфорѣ,—позицію, которая бы тотчасъ дала ей на полуостровѣ господствующее положеніе. Да и не откладывать этого дѣла—иначе будетъ уже поздно! Иначе и «воссоединеніе», и всякія иныя измѣненія Берлинскаго трактата—станутъ намъ и Славянству не во благо, а во вредъ...

Москва, 17-го сентября.

Теперь не подлежитъ и сомнѣнію, что переворотъ въ Болгаріи совершенно не только безъ вѣдома, но и совсѣмъ неожиданно для Россіи и даже для Австріи съ Германіей,—и что почиъ переворота (успѣхъ котораго былъ нетруденъ и вполнѣ обезпечивался самою природою вещей) принадлежалъ князю Александру. Даже не столько ему, сколько радикальной партіи, во главѣ которой—адвокатъ Стамбуловъ и которая теперь состоитъ во власти—въ лицѣ министра-президента Каравелова. Тѣмъ не менѣе въ событіи этомъ, котораго послѣдствія теперь трудно и предусмотрѣть, двѣ стороны,—что необходимо помнить и держать постоянно въ виду для точной оцѣнки его значенія и для опредѣленія по-

добающаго Россіи образа дѣйствій. Несомнѣнно, что князь Александръ и Каравеловъ со Стамбуловымъ и К^о произвели настоящій переворотъ именно теперь—не изъ національнаго идеализма, а изъ личныхъ и партійныхъ расчетовъ, — первый ради самосохраненія и изъ славолюбія, вторые—ради сохраненія власти за своею партией: это вовсе не значить, чтобы они вообще не сочувствовали воссоединенію; напротивъ, какъ Болгаре, они всегда искренно его желали и къ нему стремились; но дѣло въ томъ, что ихъ партія именно на ту минуту какъ разъ грозила возможность устраненія отъ власти вслѣдствіе недовольства Россіи настоящимъ «кабинетомъ» и вслѣдствіе попытокъ князя во Франценсбадѣ улучшить свои къ русскому правительству отношенія: произвести немедленно же переворотъ было признано партией наилучшимъ средствомъ для удержанія своего главенства. Таковы наши частныя свѣдѣнія. Затѣмъ, къѣмъ бы и изъ какихъ побужденій ни былъ онъ совершенъ, — все же остается несомнѣннымъ, что провозглашенное, хотя бы и сюрпризомъ для насъ, воссоединеніе Румелии съ Княжествомъ—идея завѣщанная Болгарамъ нами самими со времени перехода нашего чрезъ Балканы и потомъ въ Санъ-Стефанскомъ съ Турціей договорѣ. До войны 1877 года Болгарія не была еще даже и географическимъ терминомъ; эту географію начертали мы же сами, русскою кровью, и громомъ побѣдъ подтвердили наше рѣшеніе и нашу волю, во всеуслышаніе не только Болгарскому народу, но и всему міру. Мудро ли это было или немудро съ точки зрѣнія исключительно политической—это другой вопросъ, но вѣдь таково было торжественное изволеніе не только Русскаго государства, но и русскаго общества, — можно сказать: всей Россіи. И не негодовали ли мы всею тою силою негодованія, къ какой только способны, на Берлинскій трактатъ, отъединившій Румелию отъ Болгаріи? Не почитали ли себя въ высшей степени оскорбленными за такое искаженіе нашего дѣла, ради котораго принесли столько жертвъ? Не призывали ли день и часть, когда Берлинскій трактатъ, столь для насъ позорный, будетъ разорванъ, растоптанъ, отойдетъ въ область преданія? Вчера еще кипятились, негодовали, проклинали,—а теперь чтò-жь? Почувствовали вдругъ благоговѣніе къ святости сего международ-

наго договора? Берлинскій договоръ сталъ намъ любъ, что ли?! И когда же? Въ ту самую минуту, когда ему чинится поруха, и между прочимъ въ одной изъ тѣхъ статей, которыя были измышлены именно намъ наперекоръ, къ великому нашему *тогда* всеобщему гнѣву?!. Ставимъ эти вопросы въ виду сужденій нѣкоторыхъ нашихъ газетъ. Иныя изъ нихъ дошли до того, что готовы были бы возстановить *status quo ante*, т. е. возстановить турецкое надъ Румеліей, а вмѣстѣ и надъ Болгарскимъ Княжествомъ; господство (для сверженія котораго пролились — *всего восемь лѣтъ назадъ* — рѣки русской крови). Одна изъ газетъ проповѣдуетъ не только политическій, но и полицейскій союзъ... *съ Турками* для усмиренія Славянъ и для содержанія ихъ въ уздѣ! Т. е. для того, вѣроятно, чтобъ толкнуть все Славянство въ объятія Австріи, чтобъ она явилась имъ въ ореолѣ избавительницы отъ двойнаго ига: мусульманскаго и русскаго?!. Можно ли такъ отрекаться отъ своего недавняго прошлаго, отрециваться, словно отъ сатанинской скверны, отъ того народнаго подвига, который вчера еще чествовали «великимъ», которымъ вчера еще гордились и умилялись, — оплевывать святой порывъ самоотверженія охватившій весь Русскій народъ въ 1876 г. и двинувшій толпы добровольцевъ на помощь Сербамъ, на освобожденіе «православныхъ братій» изъ-подъ мусульманской неволи? А теперь насъ же Русскихъ приглашаютъ отдать этихъ «братій» подъ мусульманскую опеку! Нѣтъ, Русскій народъ счелъ бы грѣхомъ раскаяваться въ святомъ дѣйствѣ любви, хотя бы даже оно оказалось теперь для него, вовсе, повидимому, неприбыльнымъ, — а грѣхъ, по его мнѣнію, на томъ, кто за его самоотверженіе заплатилъ бы ему неблагодарностью и зломъ. Позволительно однако думать, что никакое дѣйство любви не остается безплоднымъ, и что не сегодняшнимъ только днемъ измѣряются результаты нравственныхъ дѣяній въ исторіи народовъ!..

И изъ-за чего приглашается Россія произвести вдругъ такой вольтфасъ и наругаться надъ собственными братолюбивыми увлеченіями? Изъ-за того ли, что г. Петко Каравеловъ изволилъ Россію обидить? что какой-нибудь Райко или Ника Стамбуловъ Россійскую Имперію достаточно не уважилъ? что принцъ Баттенбергъ изъ Дармштадта не оправдалъ на-

шей довѣренности? Конечно, не подлежитъ и сомнѣнію, что переворотъ ими совершенный послужитъ если не къ укрѣпленію ихъ власти, то къ ихъ торжеству, тѣмъ болѣе, что по послѣднимъ извѣстіямъ они ведутъ дѣло и очень умно, и осторожно: надо же отдать имъ въ этомъ справедливость. Положимъ, что такое ихъ личное торжество, подбитое фальшью, не можетъ вообще не быть оскорбительнымъ для нравственнаго чувства; Россія же притомъ сознаетъ себя какъ бы обманутою, проведенною... Но не должны мы забывать и здѣсь другой стороны общаго положенія: Князь Александръ—не Болгарія, и болгарская красная «интеллигенція» въ лицѣ Каравелова и К^о—вовсе еще не Болгарскій народъ. Болгарія и Болгарскій народъ неповинны въ козняхъ, подвохахъ, фокусахъ и всякой кривдѣ своего оффиціального правительства и своей интеллигенціи вообще. Не можемъ же мы отказаться отъ Болгаріи или отталкивать отъ себя, такъ-сказать наказывать Болгарскій народъ— ради прегрѣшеній или негодности нѣкоторыхъ лицъ, — хотя бы даже значительнаго числа болгарской интеллигенціи (въ воспитаніи которой болѣе всего грѣшно само русское общество)! Не позволительно намъ не принять въ расчетъ того чистосердечнаго *недоразумѣнія*, которымъ, за исключеніемъ виновниковъ переворота, одержима въ настоящій день вся Болгарія; того искреннаго, вполне понятнаго, законнаго и потому симпатичнаго энтузіазма, которымъ она охвачена теперь вся, изъ конца въ конецъ, который отрицать (какъ дѣлаютъ у насъ нѣкоторые) было бы прямо недобросовѣстно. Такимъ отрицаніемъ мы не устранимъ, а только осложнимъ наши настоящія затрудненія! Народъ убѣжденъ,—и теперь хоть пушками въ него пали, не разубѣдитъ его,—что «воссоединеніе» совершается по тайному наказу Россіи, и какъ бы ни старалась внушать ему противное русская дипломатическая агентура, онъ будетъ воображать, что это-моль— «политика»... «Хитеръ Московъ!» скажетъ селякъ Болгаринъ, добродушно, но многозначительно улыбаясь... Да и какъ могутъ въ Болгаріи думать иначе люди сколько-нибудь здравомыслящіе, но не посвященные въ секретныя козни партій, которая притомъ же и самый успѣхъ переворота, безъ сомнѣнія, постарались облегчить распространеніемъ слу-

ховъ о согласіи своихъ дѣйствій съ намѣреніями Россіи: на «десятитысячномъ митингѣ» въ Софіи о признаніи воссоединенія совершившимся фактамъ, положено: «резолюцію эту представить Императору Русскому—Покровителю Болгаріи»; въ сочувствіи Россіи перевороту увѣрялъ тамъ же, въ своей рѣчи, Грековъ—бывшій министръ, консерваторъ (врагъ Каравелова!). Можетъ ли здравомыслящій Болгаринъ этому не повѣрить? Развѣ Россія не добивалась соединенія восемь лѣтъ назадъ? развѣ не выражала предъ Болгарами свою скорбь по поводу 16 § Берлинскаго трактата? развѣ когда-либо она отрицалась торжественно этой мысли или пыталась когда-либо искоренить въ Болгарахъ всякій помыслъ о «цѣлокупности»? Развѣ тому, чему Болгаринъ теперь радуется, не радовалась сама Россія послѣ своихъ за-балканскихъ побѣдъ? Развѣ не въ правѣ теперь всякій Болгаринъ, любящій и чтущій Россію (а таково весь сельскій народъ безъ исключенія), ожидать отъ нея и теперь полного себѣ сочувствія и содѣйствія?

Съ такимъ чистосердечнымъ недоразумѣніемъ, съ такимъ искреннимъ энтузіазмомъ болгарскихъ народныхъ, преданныхъ Россіи массъ — слѣдуетъ обращаться крайне осторожно, слѣдуетъ считаться. Окачивать холодной водой, посылать народу ругательства: «ахъ вы, такіе-сякіе братушки, убирайтесь вы къ Туркамъ!» (а почти такіа ругательства нашли себѣ мѣсто даже въ печати) было бы не только безнравственно, но и безумно. Топтать въ грязь народныя симпатіи, да и просто пренебрегать ими—какой же тутъ для Россіи расчетъ? И какъ бы при такомъ образѣ дѣйствій съ нашей стороны, тѣшилась и ликовала бы въ глубинѣ души своей Австрія, готовая, по нашей дурости, пожать жатву тамъ, гдѣ не сѣяла,—а сѣяли мы! Вслушайтесь: уже и теперь тонъ австрійскихъ газетъ иной, болѣе сдержанный и сочувственный чѣмъ русскихъ...

Но не можетъ же Россія, возразятъ намъ, дать себя дурчить. Великой державѣ непристойно-де идти на буксиръ дерзкихъ, самовольныхъ авантюристовъ... Это внѣ всякаго сомнѣнія. Мы и должны выступить—въ качествѣ *старшихъ* братьевъ, притомъ *вдвойнѣ* авторитетныхъ, ибо Болгарское государство—наше созданіе; но все же—*братьевъ*. Мы мо-

жемъ, имѣемъ право и обязаны выразить кому слѣдуетъ порицаніе, наказать того или другаго, воспользоваться, однимъ словомъ, своими правами, вполне признаваемыми за нами всѣмъ Болгарскимъ народомъ, но ужь никакъ не отказываться отъ своихъ правъ, не уступать никому ни защиты, ни какого либо инаго распоряженія судьбою Болгарскаго народа! Мы здѣсь хозяева, а никто другой. Это слѣдовало объявить во всеуслышаніе всей Европѣ, тотчасъ послѣ переворота. Пристойнѣе, чтобъ не Россія у Европы, а Европа справлялась прежде всего о томъ: чтѣ сдѣлаетъ, какъ поступить Россія? Но нашею первою заботою было, кажется, обѣлить себя, постараться убѣдить Европу, что «насъ воистину провели, что мы воистину сумѣли ничего во время не знать, не провѣдать, хотя и имѣемъ въ Болгаріи и министра, и агентовъ, и консуловъ»... Европа легко повѣрила. «Провели, видимъ, что провели! какъ не повѣрить!» отозвалась она одобрительно, и мы успокоились, польщенные такимъ мнѣніемъ, и затѣмъ спросили: «какъ изволите поступить?» — «Пока конференцію пословъ въ Константинополь, съ новой санкціей Берлинскаго трактата, хотя бы и съ измѣненіемъ 16-го §!» — рѣшилъ князь Бисмаркъ и уѣхалъ въ Фридрихеру.

Мы не думаемъ отрицать для Россіи обязанности переговоровъ и совѣщаній съ Европой, особенно же съ Германіей и Австріей, и особенно послѣ соглашенія трехъ монарховъ въ Скерневицахъ и Кремзирѣ. Но въ такомъ дѣлѣ какъ Болгарское, Россія долженъ бы принадлежать починъ, — она должна бы выступать не въ интересахъ только европейскаго мира, нарушаемаго переворотомъ, а какъ лично заинтересованная, — не какъ одна изъ шести державъ, участницъ Берлинскаго конгресса, и никакъ не въ качествѣ жандарма-охранителя Берлинскаго трактата. Не штопать дыру на Берлинскомъ трактатѣ призвана она (эта роль штопальщицы не къ лицу русской дипломатіи), — а воспользоваться тѣмъ, что онъ прорванъ. Не гнѣваться гнѣвомъ великой державы на маленькую Болгарію прилично намъ, а прикрыть ее тотчасъ своимъ щитомъ, предоставляя себѣ самимъ свести съ нею потомъ свои домашніе счеты. Россія могла бы, напимѣръ, и имѣла бы право, послать въ Болгарію, въ помощь князю и для его руководства, полномочнаго комиссара съ

вѣскимъ авторитетнымъ словомъ, а также для наблюденія, чтобъ крайнія радикальныя партіи болгарской интеллигенціи не скромпрометтировали дальнѣйшее политическое бытіе Болгаріи.

«Конференція» — дурное предзнаменованіе; въ этомъ словѣ что-то зловѣщее. По Восточному вопросу, по крайней мѣрѣ, всѣмъ памятна бесплодность многократныхъ конференцій. Ну что, если конференція, даже признавъ «возсоединеніе» подъ общимъ верховенствомъ султана (причемъ въ роли ходатая передовою выступить, ярче всего, не Россія, а непременно Австрія съ Германіей), если конференція въ виду волненія, грозящаго охватить всѣ племена Балканскаго полуострова, снабдить Австрію мандатомъ: взять на себя обязанность блюстителя тишины и порядка, въ нѣкоторомъ родѣ полицеймейстера на полуостровѣ, отъ имени Европы? При чемъ мы-то будемъ?...

Москва, 28 сентября.

Всѣ внутренніе, домашніе интересы заслонены теперь событіями на Балканскомъ полуостровѣ. Съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдить за ними Россія. Да и можетъ ли быть иначе? Слишкомъ тѣсно связаны они съ историческимъ существомъ нашего отечества; слишкомъ уже роковыми послѣдствіями сказывается для самой нашей внутренней жизни, — во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ, матеріальныхъ и нравственныхъ, — всякое пренебреженіе къ народно-историческимъ задачамъ русской державы, всякій малѣйшій ущербъ ея достоинству, значенію и положенію въ семьѣ государствъ и народовъ. У насъ же въ Петербургѣ упорно косятъ въ непониманіи той живой органической связи, въ какой состоятъ между собою политика внѣшняя и внутренняя; даже наивно воображаютъ, что можно одновременно стоять на двухъ путяхъ: антинаціональномъ въ области внѣшней политики и національномъ — въ области внутренней! Петербургскимъ чиновникамъ кажется, что это два разныя «вѣдомства»: министерство иностранныхъ дѣлъ само по себѣ, а министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ тоже сами по себѣ, и

ничего общаго съ первымъ, кромѣ предусмотрѣнныхъ въ Сводѣ Законовъ случаевъ, имѣть не должны и не имѣютъ. Всякое ревнивое отношеніе къ національному интересу и достоинству внѣ предѣловъ Россіи—петербургская канцелярія немедленно готова обозвать, да и обзываетъ, излишествомъ національнаго самолюбія, «шовинизмомъ», полагая вѣроятно, что уронъ чести въ международныхъ отношеніяхъ не мѣшаетъ, чуть ли даже не помогаетъ съ избыткомъ — подъему духа внутри страны! Какъ будто международное значеніе, величіе и мощь государства не сильнѣе во сто разъ содѣйствуетъ прочности государственнаго кредита, выгодности коммерческихъ трактатовъ, открытію новыхъ рынковъ и той духовной бодрости населенія, безъ которой даже матеріальное, экономическое его преуспѣваніе немыслимо! Да и о единомъ ли хлѣбѣ живутъ народы? Развѣ и независимо отъ интересовъ матеріальнаго благосостоянія, нѣтъ у великаго историческаго народа своихъ особыхъ стремленій, своего особаго призванія въ мірѣ, которое тѣсно связано съ существомъ его духа, въ которомъ весь смыслъ его историческаго бытія, и не служить которому было бы для него позорнымъ самоотреченіемъ и отступничествомъ? Какой жизни духа, какой зиждательной дѣятельности ожидать отъ человѣка, который удрученъ сознаніемъ постыднаго дѣла; который далъ себя заушить, оплевать, ограбить, одурачить — не по недостатку внѣшней силы и средствъ, а по малодушію, по духовной дряблости, невѣжеству и умственной лѣни? Еще недавно, вновь и вновь разъясняла «Русь» деморализующее воздѣйствіе Берлинскаго трактата на русскую жизнь, и ея слова были встрѣчены чуть не усмѣшкой, — даже такими отзывами: «опять старая пѣсня! Пора бы ужъ и позабыть о Берлинскомъ трактатѣ! кто-жь теперь о немъ вспоминаетъ?» (и это какъ разъ наканунѣ Филиппопольскаго переворота, когда онъ самъ себя, къ удивленію русскихъ политиковъ, напомнил!) Берлинскій трактатъ — говорили мы — это нравственное паденіе Россіи какъ государства и непосредственнымъ его результатомъ было поникновеніе общаго духа, совершенное ослабленіе довѣрія къ властвующему Петербургу, — что въ такой странѣ, гдѣ правительство — чуть не главный двигатель общественной жизни, тотчасъ же от-

ражается на всѣхъ отправленіяхъ государственнаго и народнаго организма, даже на экономическомъ его положеніи....

И вотъ теперь, наше своеобразное политическое искусство ухитрилось довести русское дѣло до того, что этотъ же самый Берлинскій трактатъ сталъ намъ милъ и дорогъ; что мы цѣпляемся за него какъ за якорь спасенія; только въ немъ, по мнѣнію русскихъ дипломатовъ, вся наша опора,— а то не вышло бы хуже! Роли перемѣнились: мы, для которыхъ въ свое время Берлинскій трактатъ былъ заушеніемъ, мы же теперь отстаиваемъ, находимъ себя вынужденными отстаивать его цѣлость и нерушимость,—а державы, тѣ самыя, которыя его намъ на зло навязали, которыя именно и измыслили наибиднѣйшія для насъ его статьи, онѣ же теперь и посягаютъ, съ развязностью хозяевъ, на твореніе собственныхъ рукъ, подсмѣиваются надъ его святостью какъ международнаго договора! Онѣ желаютъ отмѣны, мы же хотѣли бы сохраненія этихъ оскорбительныхъ для насъ статей—на томъ, вѣроятно, основаніи, что по смиренію нашему мы держимся обратнаго смысла пословицы, а именно: что отъ худа худа не ищутъ, и худо вѣдомое лучше худа невѣдомаго; добро же—не про насъ!...

Да, очевидно, вопросы величайшей важности ставятся теперь судьбою на историческую очередь и призываютъ нашу дипломатію къ отвѣту. Удастся ли ей, въ виду столькихъ неблагоприятныхъ повидимому для насъ условій, снять ихъ съ очереди, отложить разрѣшеніе ихъ до болѣе удобнаго времени? Едва ли. Было бы, конечно, желательно, чтобъ исторія въ своемъ поступательномъ движеніи справлялась, прежде всего, у нашей петербургской канцеляріи о степени нашей подготовленности; спросилась бы напередъ и у министра финансовъ, и у министра военнаго, и у министра морскаго: въ какомъ-де положеніи ваши финансы, ваши военныя и морскія силы, и только удостовѣрясь въ удовлетворительномъ ихъ состояніи приступала бы къ дѣлу. Но въ томъ-то и бѣда, что исторія такихъ справокъ не наводитъ, а дѣйствуетъ по своимъ собственнымъ законамъ, предоставляя мудрымъ правительствамъ ихъ угадывать, провидѣть и соображаться съ ними заблаговременно. Кто же виновать въ томъ, что мы всегда одни не готовы, а другіе оказыва-

ются готовыми? Кто же виновать въ томъ, что мы, даже возвративъ себѣ право на сооруженіе военнаго флота въ Черномъ морѣ, цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ бездѣйствовали, — и кто же поручится въ томъ, что даже и при отсрочкѣ рѣшенія Восточнаго вопроса — мы къ новому сроку будемъ непремѣнно готовы? Да и отъ внѣшней ли готовности одной зависить успѣхъ или неуспѣхъ дипломатическихъ битвъ? Едва ли не важнѣе боевой готовности — готовность мысли, умѣющей взвѣсить всѣ случайности, оцѣнивать съ возможною точностью положеніе дѣлъ и на основаніи реальныхъ данныхъ опредѣлять заранѣе планъ своихъ политическихъ дѣйствій. Никого такъ не застигъ врасплохъ переворотъ въ Филиппополѣ, какъ нашу дипломатію, хотя ужь конечно не требовалось особенной мудрости чтобы его предвидѣть, хотя поползновенія къ нему обнаруживались и прежде, ни для кого не были тайной, особенно же для русскаго консульства; хотя нашей дипломатіи лучше чѣмъ кому либо было извѣстно, что ничего нѣтъ легче такого переворота, что противодѣйствія ему внутри самой страны нѣтъ и быть не можетъ, — что Румелия кипитъ горячими головами и всякими агитаторами. Полковникъ румелійской милиціи Чичаговъ, какъ намъ пишутъ изъ Болгаріи, еще два мѣсяца назадъ доносилъ по начальству о признакахъ заговора и о малой надежности милиціи въ случаѣ переворота, — и ему, по сношеніи съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отвѣчали: напрасно изволите беспокоиться!... А казалось бы, почему же и не поломать себѣ заранѣе голову надъ вопросомъ: какъ же однако быть, еслибы такой казусъ произошелъ? Но мы обнадежились предположеніемъ, что безъ нашего спроса къ перевороту не приступятъ и почили на томъ — предпочитая не трудить себѣ головы понапрасну. Переворота, можетъ-быть, не ожидала къ 6-му сентября и Австрія, но ее событія, очевидно, врасплохъ не застали: она знаетъ, чего ей хотѣть, къ чему стремиться, и въ виду своей цѣли стоитъ готовая ко всякой случайности, не истощаясь въ «жалкихъ словахъ» по примѣру нашей дипломатіи. Именно, — какъ доходятъ до насъ слухи, — «жалкими словами», за недостаткомъ мысли, и пробавляется въ настоящую минуту дипломатія въ Петербургѣ. Голько плачется и негодуетъ она теперь — не на свою оплошность и не-

состоятельность, о нѣтъ, а на... исторію, т. е. на минувшіе историческіе факты! Виною-де все эта война 1877 года, — совсѣмъ-то она была и не кстати! виною—этотъ наплывъ добровольцевъ въ Сербію въ 1876 г., эти Славянскіе комитеты, Московскій особенно, и т. д. Негодование, можно бы замѣтить нашимъ дипломатамъ, во всякомъ случаѣ позднее и праздное, но оно краснорѣчиво само по себѣ и многое объясняетъ. Оно объясняетъ возможность Берлинскаго трактата послѣ нашихъ блистательнѣйшихъ побѣдъ и заставляетъ вѣрить тому оправданію дѣйствій князя Бисмарка на конгрессѣ, которое, въ виду возводимыхъ на него въ Россіи (между прочимъ — самими дипломатами) обвиненій, напечатано было въ оффиціозной «Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ»: не канцлера, а дипломатовъ своихъ, — гласить это оправданіе, — должна за трактатъ обвинять Россія, ибо они не предъявили съ твердостью ни одного требованія, которое бы не было конгрессомъ, по настоянію канцлера, уважено; иныхъ же требованій, которыхъ бы естественно было отъ нихъ ожидать, русскіе дипломаты или вовсе не предъявляли, или же, когда и предъявляли, то не отстаивали ихъ, тотчасъ отступались отъ нихъ и сами... Оно, это ретроспективное негодование, свидѣтельствуется также и о томъ, какимъ пигмеемъ мысли и духа является наша дипломатія вмѣстѣ со всею правительствующею російскою канцеляріей—рядомъ съ родною страной, когда она, въ великія мгновенія своего бытія, выступаетъ на подвигъ какъ Россія народная и историческая,—и какимъ титаномъ является этотъ самый пигмей въ дѣлѣ искаженія, размельчанія, опошленія и окончательнаго разрушенія всѣхъ результатовъ ея творчества, жертвъ и усилій, ея великихъ историческихъ подвиговъ!...

Другое, въ настоящую трагическую пору, занятіе нашихъ дипломатовъ, это — бранить Болгарскаго князя Баттенберга, Каравелова, да и всѣхъ Болгаръ, и на нихъ валить всю вину за тѣ затрудненія, въ которыхъ дипломатія наша теперь очутилась. Это занятіе, впрочемъ, не ограничивается словами, но вдохновляетъ, повидимому (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ), и самый нашъ дипломатическій образъ дѣйствій. Трудно предсказать, какъ опредѣлится онъ окончательно, по возвращеніи нашего министра иностранныхъ

дѣлъ изъ Копенгагена, но несомнѣнно, что въ петербургскихъ дипломатическихъ кругахъ, равно какъ (къ ихъ утѣшенію) и въ нѣкоторыхъ нашихъ серьезныхъ политическихъ газетахъ, господствовало до сихъ поръ одно чувство и одно желаніе: какъ бы выместить на Болгарахъ и Болгаріи всю свою злобу за ихъ самовольный и дерзкій поступокъ. Мы съ своей стороны не питали никогда симпатій ни къ князю лично, ни тѣмъ менѣе къ Каравелову и его радикальной партіи, да и вообще ни къ какой изъ болгарскихъ партій; о болгарской «интеллигенціи» мы уже высказали наше мнѣніе, что за рѣдкими исключеніями, она—грубый, съ примѣсью большей дикости, сколокъ съ русской же доморощенной радикальной интеллигенціи, созданной у насъ общественнымъ воспитаніемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Своими болѣзнями болгарское общество обязано преимущественно русскому. На Россіи же лежитъ обязанность и преподавать имъ лѣченіе, но въ настоящую минуту эти заботы по меньшей мѣрѣ не своевременны! Дѣло идетъ уже не о Каравеловѣ съ компаніей, а о созданной нами Болгаріи. И какъ о Россіи только лишь фальшивое понятіе составилъ бы тотъ, кто бы судилъ о ней, объ ея народѣ — по нашей такъ-называемой «либеральной», не говоря уже о нигилистической, интеллигенціи, такъ и въ Болгаріи есть здравомыслящій народъ, православный, ничего общаго съ своею «интеллигенціею» неимѣющій, искренно преданный и неизмѣнно благодарный своей избавительницѣ Россіи. Далѣе: мы вполне признаемъ личную вину предъ Россіей болгарскаго правительства и вообще всѣхъ авторовъ учиненнаго намъ сюрприза. Нельзя же, — повторимъ слова сказанныя въ «Руси» по адресу Болгаръ, — «нахрапомъ эксплуатировать симпатіи Россіи къ Болгаріи!» Тѣмъ не мнѣе, все это лишь домашніе, личные, случайные счеты, которые Россія всегда успѣетъ свести, и которые не могутъ ни въ чемъ измѣнить силу ея собственныхъ счетовъ съ исторіей, ея собственныхъ нравственныхъ обязательствъ, не только относительно Славянскаго, нуждающагося въ ея защитѣ племени, но и Россіи самой, какъ великой, могущественной Славянской державы. Изъ-за гнѣва, хотя бы и праваго, на принца Баттенберга и Петка Каравелова забывать о высшихъ русскихъ задачахъ, о нашемъ народно-историче-

скомъ призваніи, слѣдовательно о служеніи нашимъ собственнымъ интересамъ—не мелочно ли это? совмѣстно ли это съ достоинствомъ Россіи? Приличнѣе было бы, кажется, извлечь изъ всего этого событія нѣкій для себя урокъ и задуматься надъ вопросомъ: въ какой же, однако, мѣрѣ годенъ тотъ status quo, сохраненіе котораго составляло и составляетъ до сихъ поръ базисъ нашей политики? Можно ли опираться вообще (не только почить!) на основахъ Берлинскаго трактата, считавшагося когда-то нахальнымъ нарушеніемъ честнаго здраваго смысла, посягательствомъ на законные интересы Россіи и Славянства, а теперь ставшаго для насъ чуть не словомъ премудрости, залагомъ мира, равновѣсія и благоденствія? Что-жъ это за прочное сооруженіе такое, коли вотъ пришелъ мальчикъ, ткнулъ его мизинцемъ,—и все рассыпалось въ прахъ, и нашъ покой улетѣлъ, и весь міръ въ тревогѣ?! Ибо филиппопольскій переворотъ совершенъ именно такимъ образомъ, какою-то игрушечною, опереточною революціей, — почти въ присутствіи зрителей-дипломатическихъ агентовъ. Значить: гдѣ тонко, тамъ и рвется, а гдѣ гнило, такъ и подавно. И вѣдь мы лучше всякаго другаго понимали въ свое время, что эти основы гнилы, въ этой самой гнилости и полагали свои надежды на будущее! Вольно же было потомъ все это забыть,—мало того: на эти самыя основы опереть зданіе нашей политики и ласкать еще себя пріятной надеждой, что онѣ простоятъ до тѣхъ поръ, пока мы заблагоразсудимъ обмѣнить ихъ на новыя! Вѣдь филиппопольскій переворотъ могъ совершиться не сегодня, такъ завтра, не Петкомъ, такъ Райкомъ или инымъ кѣмъ!..

Основы гнилы,—это уже сознали давно и сами главные виновники Берлинскаго трактата (какъ разъ въ ту минуту, какъ мы стали это позывывать). Прежде всего сознала ихъ гнилость сама Австрія; она же первая и стала подъ трактатъ подкапываться и, въ виду его неминуемаго скорого паденія, принимать заблаговременно свои мѣры. Если же теперь,—именно по такому инциденту, который, по общему признанію, ближе всего касается Россіи, — рѣшено будетъ (и по ея же настоянію) возстановленіе status quo ante, хотя бы и съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, въ родѣ возложенія на князя Болгаріи обязанностей званія румелиотскаго гене-

раль-губернатора, — если, однимъ словомъ, послѣдуетъ новая санкція Берлинскаго трактата, то развѣ послѣдній, въ своемъ заштопанномъ видѣ, станетъ отъ этого крѣпче? Положимъ, что «державамъ» удалось бы въ настоящее время обуздать порывы самихъ *правительствъ* Сербіи и Греціи (въ чемъ мы положительно сомнѣваемся), но кому же не ясно, что *тотчасъ же* — вслѣдъ за тѣмъ, какъ державы обмѣнятся поздравленіями съ благополучной развязкой настоящихъ затрудненій, — этотъ самый трактатъ прорвется въ другихъ мѣстахъ: вспыхнетъ пожаръ въ Македоніи, разгорится пламенемъ вѣчно тлѣющей огонь въ средѣ Албанцевъ!... Что же останется тогда дѣлать Европѣ? Прежде всего потребуются потушить пожаръ или прекратить рѣзню, — и кому же другому можетъ выпасть эта роль тушителя и умиротворителя враждующихъ между собою и съ Турціей племенъ, какъ не той державѣ, у которой войска уже и стоятъ на готовѣ въ самой срединѣ Балканскаго полуострова? Вѣдь можно, пожалуй, и вновь, съ тѣмъ же лицемѣріемъ, даже не возбуждая вопроса о новомъ расчлененіи Турціи, снабдить Австрію такимъ же мандатомъ отъ имени Европы, каковой былъ ей торжественно данъ относительно Босніи и Герцеговины.

Но невозможно даже и предположить, чтобы «державамъ» удалось принудить правительства Сербіи и Греціи къ демобилизаціи своихъ армій, къ попятному шагу назадъ въ своей національной политикѣ. Не говоримъ уже о томъ, что въ искренность подобнаго давленія на Сербію и Грецію со стороны Англии и Австріи даже трудно и вѣрить, — едвали, греческое и особенно сербское правительства сладили бы въ настоящую минуту съ возбужденіемъ народнымъ страстей у себя дома. Для короля Милана, это даже вопросъ личный — о сохраненіи сербской короны. Единственный для него исходъ, въ виду народной всеобщей къ нему ненависти, и именно вслѣдствіе его корыстной австрофильской политики, это — сочетаніе такого его австрофильства, такой настоящей его зависимости отъ австрийской власти, съ политикою «національною», т. е. съ перспективою увеличенія сербской государственной территоріи. Для Австріи это не безвыгодно. Увеличенная сербская территорія не выскочитъ изъ «сферы

австрійскаго вліянiя», а только ее расширить; напротивъ явное или тайное пособничество Сербiи со стороны Австрiи, теперь ненавистной сербской народной массѣ, дать австрійскому имени популярность и примирить Сербовъ съ ея вліаніемъ и протекторатомъ. Едвали возможно и сомнѣваться въ томъ, что и въ настоящую минуту все совершающееся въ Сербiи совершается не иначе какъ съ соизволенiя и даже при помощи Австрiи: она же, какъ видно изъ газетъ, помогла королю Милану и въ заключенiи новаго займа въ Вѣнѣ! Отношенiя его къ Вѣнѣ таковы, что никакой шагъ для него немислимъ безъ соглашенiя съ нею. Вотъ почему и нельзя повѣрить, чтобъ Австрiя искренно стояла за сохраненiе Берлинскаго трактата: слишкомъ уже на руку ей весь этотъ настоящій оборотъ дѣлъ! Если же на конференціи пословъ Берлинскій трактатъ будетъ подтвержденъ всѣми державами снова, то конечно съ самообманомъ для насъ и съ сознательнымъ обманомъ со стороны прочихъ участниковъ, — такъ какъ тотчасъ же за подтвержденіемъ послѣдуютъ тамъ и сямъ, повидимому самовольныя, въ сущности же тайно подстрекаемыя его нарушенiя.

Всего цѣлесообразнѣе, конечно, было бы приступить теперь же, съ полною откровенностью, къ пересмотру Берлинскаго трактата и къ новому расчлененiю Турціи (при этомъ Россiя могла бы предъявить и свои притязанiя), чѣмъ, заштопавъ теперь Берлинскій трактатъ, допустить *вслѣдъ затѣмъ*, волей-неволей, фактическое ея расчлененiе. Послѣднее во всякомъ случаѣ произойдетъ, и вскорѣ, если не въ видѣ расчлененiя формальнаго, «присужденнаго», то въ видѣ «совершившихся фактовъ» или австрійской оккупаци *на манеръ* той оккупаци двухъ провинцій, которая даже официiально признается въ Европѣ чуть ли не залогомъ европейскаго мира и равновѣсiя!!

Пора же наконецъ русской дипломатiи убѣдиться въ томъ, что все что ни творится въ Европѣ есть не болѣе какъ заговоръ противъ насъ, противъ естественнаго нравственнаго и политическаго вліянiя Россiи на Балканскомъ полуостровѣ, противъ ея законнѣйшихъ правъ, притязанiй и интересовъ. Выступая въ роли защитницы Берлинскаго трактата и созданнаго имъ status quo, Россiя даже въ случаѣ успѣха за-

щиты, трактата не сохранить, а только передать свою политическую роль на полуостровъ — Австро-Венгрии...

Если же однако, какимъ-нибудь дипломатическимъ маневромъ, результатъ конференціи въ самомъ дѣлѣ ограничился бы на первое время лишь возстановленіемъ status quo съ небольшимъ измѣненіемъ, въ видѣ, напримѣръ личной уніи обѣихъ частей Болгаріи въ особѣ князя и т. п., то почему бы Россіи не принять на себя гарантіи спокойствія и мира въ Болгаріи и на этомъ основаніи выговорить себѣ у Турціи право: теперь же ввести нѣкоторую часть своихъ войскъ въ Варну? Появленіе ихъ было бы встрѣчено Болгарскимъ народомъ съ восторгомъ — въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. Это было бы полезно въ виду имѣющихъ неминуемо послѣдовать разныхъ *случайностей*, разныхъ новыхъ попытокъ турецкаго расчлененія, — полезно уже потому, что подаривъ Добруджу Румыніи, мы сами себѣ отрѣзали прямое сухопутное сообщеніе съ Балканскимъ полуостровомъ. Это было бы полезно и для Болгаріи, да и для всѣхъ Славянскихъ племенъ — для сохраненія нащей съ ними связи въ будущемъ. Ибо все, что выгодно и полезно для Россіи, выгодно и полезно для всего Славянства; что служить къ ея укрѣпленію силъ и славы, то служить къ созиданію, къ укрѣпленію, силъ и славы всего Славянскаго міра...

Москва, 5 октября.

«Переключала мя еси, Ольга!» отвѣчалъ смиренно, по сказанію лѣтописи, Византійскій Императоръ русской Великой Княгини, разстроившей его, впрочемъ не важные, замыслы своею мудростью. «Переключала мя еси, Европа!» могла бы съ полнымъ основаніемъ (но по важности дѣла не просто со смиреніемъ, а хоть зардѣвшись стыдомъ) воскликнуть теперь и русская дипломатія. «Переключала» насъ Австрія, «переключала» Германія, «переключала» Англія! Кому не удавалось насъ переключать!... Впрочемъ, съ нашей стороны едвали даже и бываетъ какое-либо состязаніе въ планахъ, ясно сознанныхъ, на извѣстную даль времени рассчитанныхъ, съ политическими планами дѣйствій иностранныхъ державъ.

У нашихъ дипломатовъ въ превеликомъ почетѣ иная программа—бездѣйствія, отсрочекъ, да вѣры — въ союзниковъ или даже въ «концертъ Европы». Наши оффиціозные дипломатическіе органы даже хвастаютъ именно тѣмъ, что «Россія никакихъ видовъ никуда не простираетъ», а что касается издающагося на счетъ Министерства иностранныхъ дѣлъ французскаго «Петербургскаго Журнала», — такъ тотъ почти буквально, но притомъ съ полнымъ чистосердечіемъ, повторяетъ за русскую дипломатію, предъ лицомъ всей европейской публики, слова Гоголева городничаго: «вѣрите ли, даже когда ложишься спать, все думаешь: Господи Боже мой, какъ бы такъ устроить, чтобъ начальство (читай: Европа) увидѣло мою ревность и осталось довольнымъ!». Да простятъ намъ читатели эту горькую шутку! Мы вполне убѣждены въ похвальныхъ нравственныхъ качествахъ нашей дипломатіи, въ ея честности и искренности. Но вѣдь мудрость не проклята Богомъ. Даже повелѣна.

Да, «Journal de St.-Petersbourg» можетъ, пожалуй, радоваться: Европа нами довольна. Она всегда нами довольна, когда мы дѣйствуемъ во вредъ себѣ и Славянству. Ничего такъ не желаетъ она какъ вызвать насъ на такія дѣйствія, которыя бы способствовали отчужденію отъ Россіи Славянскихъ племенъ или оттирала насъ отъ Балканскаго полуострова, и искусно пользуется всякимъ нашимъ промахомъ въ этомъ отношеніи. Именно на эту подsunутую имъ удочку наши дипломаты и поймались! Положимъ, такое отчужденіе, какъ противоестественное, слишкомъ глубоко укорениться не можетъ. Вѣрнѣе, что надоѣсть же когда-нибудь и русскому великану путаться въ разставленныхъ ему сѣтяхъ. Но чтобъ выбраться изъ нихъ, нужно ихъ порвать, а чтобы порвать надо ихъ опознать, т. е. опознать и откровенно исповѣдать собственные грѣхи и провинности—дабы вновь не угодить въ сѣти. А грѣхи эти тяжкіе, содѣянные (не углубляясь слишкомъ въ даль) до, во время и послѣ войны 1877—78 гг. Они—виною нашей настоящей политической немощи...

И вотъ, вслѣдствіе ли этой внѣшней немощи, вслѣдствіе ли заговора Европы, нами не распознаннаго, или новыхъ недавнихъ дипломатическихъ ошибокъ нашихъ, только несомнѣнно, что Россія поставлена теперь въ положеніе, если не

безвыходное, то во всякомъ случаѣ въ высшей степени тягостное и фальшивое! Можно, пожалуй, въ утѣшеніе себѣ продолжать поносить князя Александра съ Каравеловымъ и К^о, и на нихъ взваливать все бремя вины, но такое времепрепровожденіе дѣлу не поможетъ, правильнаго выхода не укажетъ, а развѣ лишь глаза отведеть.

Вмѣсто того, чтобы тотчасъ послѣ переворота войти въ прямые непосредственные переговоры съ Султаномъ, какъ онъ самъ этого желалъ (по свидѣтельству константинопольскаго корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей»), какъ на это намекнулъ и намъ, и Султану, въ первую минуту, самъ князь Бисмаркъ,—мы свое первенствующее значеніе, покровителя и опекуна Болгаріи, слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ, хозяина въ дѣлѣ болгарскомъ, передали «Европѣ»! Не споримъ, что румелійскій переворотъ, какъ нарушеніе Берлинскаго трактата, требовалъ бы во всякомъ случаѣ санкціи всѣхъ державъ, трактатъ подписавшихъ; но наша роль на той конференціи пословъ, которая происходитъ теперь въ Константинополѣ, была бы, послѣ предварительнаго соглашенія съ Султаномъ, тогда уже иная: мы бы, а не Европа, командовали положеніемъ, намъ однимъ принадлежало бы представительство интересовъ Болгаріи. А развѣ теперь на эту конференцію мы явились съ тѣми преимущественными правами относительно Болгаріи, которыя мы добыли себѣ кровью и которыя никѣмъ изъ державъ даже не отрицаются? Напротивъ, мы отъ Болгаріи отступились, какъ-будто всѣ прежнія наши съ нею связи совсѣмъ порвались! Мы словно разомъ отреклись отъ своего недавняго прошлаго, помянули его лихою, чтобы не сказать хуже,—сами демонстративно подтвердили, что отношенія наши къ Болгаріи ровно тѣ же, что и прочихъ державъ! Но и этого мало: мы на это судбище предстали, относительно Болгаріи, чуть не въ качествѣ обвинителя-прокурора, потребовали даже *наказанія для виновниковъ переворота*,—и если не мы одни, а вмѣстѣ и съ Германіей, то во всякомъ случаѣ мы—первые, намъ принадлежитъ сей починъ... Ну, разумѣется, остальная «Европа» тотчасъ же приняла на себя роль «защиты» или же представилась *вынужденною* уступить Россіи! Если же Германія насъ и поддерживаетъ, такъ все же весь *odium*

оскорбительнаго тяжкаго для Болгарь требованія ложится на насъ. Конечно, подробности совѣщаній на конференціи намъ съ точностью неизвѣстны, но что дѣло, въ общихъ своихъ чертахъ, происходило именно такъ, подтверждается какъ лицемѣрными восхваленіями германскихъ офиціозовъ, такъ и злорадными ликованіями тѣхъ органовъ европейской печати, которые имѣютъ обыкновеніе высказывать съ циническою откровенностью то, что у людей государственныхъ на умѣ. И не потираетъ ли себѣ руки отъ восторга глава нынѣшняго англійскаго кабинета, Сольсбери, какъ о томъ можно судить по статьямъ газеты «Standard», отчасти и по его публичной рѣчи?! Онъ уже заранѣе празднуетъ, казавшееся прежде невозможнымъ, созданіе враждебныхъ между Россіей и Болгаріей отношеній.... Сдержаннѣе чѣмъ въ Англии, радуются «пораженію Россіи» и въ Австріи. Что же касается Германіи, то, по словамъ нашего берлинскаго корреспондента, въ сферахъ правительственныхъ образъ дѣйствій Россіи произвелъ сначала даже нѣкоторое недоумѣніе. Князь Бисмаркъ однакоже (должно-быть воскликнувъ: «благодарю, не ожидалъ!») скоро призналъ наше дипломатическое поведеніе вполне похвальнымъ и поспѣшилъ утвердить насъ въ добрыхъ нашихъ намѣреніяхъ, къ радости и гордости русской дипломатіи. «Россія и Германія дѣйствуютъ за одно», гласятъ телеграммы! Да и какъ же не признать Берлину нашего поведенія похвальнымъ? Россія не только ужъ не захотѣла воспользоваться настоящимъ случаемъ нарушенія Берлинскаго трактата для предьявленія какихъ-либо своихъ законныхъ притязаній, но сама, безъ боя, *sua sponte*. уступаетъ даже ту свою позицію на Балканскомъ полуостровѣ, которой даже и Берлинскій трактатъ былъ не въ силахъ ее лишить! Какъ же Германіи не оказать поддержки такой политики!

Отрицать—не то что неблагоприятное, но до рѣзкости враждебное положеніе, принятое русскою дипломатіей, съ самаго начала кризиса, по отношенію къ Болгаріи не могъ бы теперъ даже «Journal de St. Pétersbourg»! Фактъ отозванія русскихъ офицеровъ изъ болгарской арміи вѣдь на лицо. Онъ огласился на весь міръ, и если съ одной стороны снискалъ намъ благоволеніе, конечно ироническое, прави-

тельство Европы за нашу вѣрность трактатамъ, то съ другой стороны подалъ поводъ къ самымъ оскорбительнымъ его толкованіямъ въ европейской печати. Наши враги не замедлили эксплуатировать это русское дѣйствие себѣ въ выгоду, а намъ въ тяжкій вредъ. Вотъ оно,—заголосили въ Европѣ,—«русское пресловутое и безкорыстное сочувствіе къ Славянскимъ народамъ! Не сама ли Россія предаётъ Болгарь на гибель—въ виду грозящей имъ опасности отъ азіатскихъ полчищъ, лишая ихъ *дѣйствительныхъ* средствъ защиты!» и т. д. Разумѣется, это вздоръ, и въ случаѣ положительной опасности,—въ этомъ мы не сомнѣваемся,—русское общественное мнѣніе не осталось бы равнодушнымъ, и Россія бы подвиглась таки Болгарамъ на помощь,—но теперь, однако, намъ пока нечего и возразить на подобное позорное обвиненіе!

Отнять этихъ офицеровъ у болгарской арміи въ такую минуту, когда все же война для Болгаріи возможна, это то же самое, что отправляя солдатъ въ сраженіе—отнять у нихъ ружья, дать имъ въ руки простыя палки. Русскіе офицеры,—какъ сообщаетъ корреспондентъ «Новаго Времени»—первое время сами были убѣждены, что переворотъ совершается съ согласія Россіи, дѣлили братски радость и одушевленіе Болгарь, съ энтузіазмомъ готовились вести ихъ на бой, испытать воспитанныхъ ими солдатъ на дѣлѣ.... И вдругъ.... имъ повелѣно выйти въ отставку. Положеніе ихъ, по разсказу корреспондента, было и постыдно, и горько до невыносимости. Имъ приходилось присутствовать, въ качествѣ простыхъ зрителей, при томъ какъ ихъ воспитанники-солдаты отправлялись неопытные, въ первый разъ, на встрѣчу врага—безъ своихъ привычныхъ руководителей. Имъ приходилось видѣть какъ преданность и любовь смѣнялись озлобленіемъ; имъ приходилось слышать такіе клики: «ѣли нашъ болгарскій хлѣбъ пока было мирно, а какъ дошло до опасности, такъ прочь! покидаете насъ!»... Но вѣдь безъ опытныхъ руководителей болгарская армія оставаться не можетъ. Россія, отнявъ русскихъ офицеровъ, жестоко казнила всю Болгарію за вину нѣсколькихъ лицъ,—но одну ли Болгарію? На кого же мы станемъ пенять, если мѣсто русскихъ инструкторовъ и вождей займутъ—германскіе, англійскіе и австрійскіе?!

А вѣдь эти семьдесятъ пять тысячъ болгарскаго войска въ Княжествѣ и Румелии, созданнаго русскими офицерами, выдрессированнаго совершенно по русски, не знающаго другой команды кромѣ русской, вооруженнаго даже русскимъ оружіемъ — это вѣдь была *наша* сила, *наша* русская армія на Балканскомъ полуостровѣ! Какую великую службу, служба Болгаріи, могла бы сослужить она и Россіи, и всему Славянству!... И все это вдругъ, въ одинъ день, разрушено нами самими... Кому же теперь сослужили мы службу? Да только нашимъ зрагамъ, всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь... За то «Европа» нами довольна.

Неужели же такъ трудно было для нашей дипломатіи предугадать заранѣе, впередъ, какое впечатлѣніе произведутъ, какое дѣйствіе возымѣютъ въ европейскомъ мірѣ и среди Славянскихъ племенъ наши первые шаги въ возникшемъ политическомъ осложненіи? Совершенно обратное тому, какое дипломатією предполагалось, т. е. вопліи для насъ вредное! Впрочемъ вину дипломатіи раздѣляетъ, въ извѣстной степени, и русская печать, т. е. тѣ ея органы, которые прежде всего требовали восстановленія *status quo ante*, даже турецкой расправы, даже отмщенія Болгарамъ за самовольное, безъ вѣдома Россіи, воссоединеніе, — и т. д. Все это, разумѣется, тотчасъ же недругами нашими переводилось, посылалось по телеграфу и по почтѣ за границу, публиковалось тамъ во всѣхъ газетахъ — къ великому горю и оскорбленію Славянъ, и къ великому утѣшенію Австріи, Германіи и прочей Европы: «вотъ-де она какова, Россія, — высказалась!»... Наполнивъ такимъ образомъ всю вселенную воплями негодованія, прокричавъ всюду съ крышъ, во всеуслышаніе, о томъ, что насъ-де провели, что насъ-де обидили, заплатили неблагодарностью за благодѣянія, а потому Россія-де впредь благодѣйствовать не намѣрена, — конецъ! слуга покорный! и т. д., мы, впервыхъ, *нами* на самихъ себя, на свое народное историческое существо; вторыхъ, такъ и прыгнули всѣмъ своимъ грузнымъ корпусомъ въ сѣти иностранной политики, вытолкавъ Славянъ вонъ отъ себя — въ объятія Австріи и Англій! Соръ изъ избы не выносятъ; наши счета съ Славянами — домашніе счета и призывать Европу въ судьи между ними и нами — по меньшей мѣрѣ неприлично.

И вѣдь въ сущности, самъ по себѣ, тотъ фактъ, что лежитъ въ основѣ настоящаго политическаго замѣшательства, т. е. воссоединеніе Румелии съ Княжествомъ, не можетъ и не долженъ гнѣвить насъ, такъ какъ мы же семь лѣтъ тому назадъ это воссоединеніе измыслили, даже было и совершили цѣною неизмѣримыхъ жертвъ, и только послѣ злосчастнаго пораженія на Берлинскомъ конгрессѣ, вынуждены были, съ горечью въ сердцѣ, отъ него отступить. Но никогда отъ него въ мысли мы не отказывались, а напротивъ сами питали, сами поддерживали ее въ Болгарахъ. Она такъ-сказать висѣла надъ Болгаріей, торчала неотвязно предъ ея глазами. Не осуждая болгарскихъ порывовъ къ воссоединенію, признавая ихъ вполне естественными и законными, наши дипломатическіе агенты, изъ соображеній благоразумія, только сдерживали ихъ. Надо же, во всемъ что касается Болгаріи, входить поглубже въ ея положеніе и въ натуру, такъ-сказать, нашихъ къ ней отношеній. Повсюду, какъ только пришла вѣсть о переворотѣ, безъ всякихъ постороннихъ внушеній и происковъ, первымъ порывомъ ликующаго народа было — двинуться къ ближайшему жилищу русскаго представителя съ восторженными криками благодарности Россіи. «Живіе Русскій Царь!» ревели радостно тысячи Болгаръ, окружающія домъ русскаго консула въ Русчукъ... И вотъ консулъ выходитъ (или, за отсутствіемъ консула, его помощникъ), и объявляетъ объятаю энтузіазмомъ толпѣ, что эти ея крики... некстати, неумѣстны, — что то, чему они такъ радуются, т. е. воссоединеніе, совершено противъ воли и желанія Русскаго Монарха!... (См. «Новое Время»). Подите растолкуйте это народу: Россія не желаетъ-де вашего соединенія!... Представьте себѣ его горестъ, его смущеніе! Спора нѣтъ: способъ, коимъ переворотъ совершенъ, — безъ спроса и вѣдома Россіи, и по ея соображеніямъ несвоевременно, — дерзокъ, заслуживаетъ полнаго осужденія, — но нельзя же, повторяемъ, смѣшивать способъ съ самимъ существомъ, содержаніемъ факта и изъ-за вины нѣкоторыхъ лицъ наказывать всю страну. Не говоримъ о главныхъ зачинщикахъ, но несомнѣнно даже большинство тѣхъ, которые участвовали въ переворотѣ — зная, что Россія о немъ не вѣдаетъ, никакъ не мыслило, что творитъ дѣло *противное* самимъ основаніямъ рус-

ской политики, ибо еще накануне могло отъ любого русскаго дипломата услышать, что воссоединеніе Румелии съ Княжествомъ — одна изъ нашихъ постоянныхъ задачъ! Къ тому же Россія многимъ, даже самымъ преданнымъ ей, Болгарамъ представлялась въ послѣднюю пору противъ воли стѣсненною въ своихъ дѣйствіяхъ разными дипломатическими условіями, такъ что, на спросъ о переворотѣ, ей неудобно было бы и дать другаго отвѣта, кромѣ отрицательнаго, — а между тѣмъ (такъ думалось этимъ Болгарамъ) съ совершившимся безъ ея участія фактомъ она бы, пожалуй, и помирилась! Не надо также упускать изъ виду, что Кремзирское свиданіе произвело самое удручающее впечатлѣніе на Славянъ Балканскаго полуострова. Сближеніе Россіи съ Австріей казалась имъ чѣмъ-то въ родѣ: *lasciate ogni speranza*, если не навсегда, то на долгій срокъ. Пребывать же долго-срочно въ раздѣленіи съ Румеліей было бы и въ самомъ дѣлѣ для Болгаріи не выгодно: при различіи конституцій, законовъ, системы школъ и судовъ, могъ бы, наконецъ, современемъ дѣйствительно образоваться въ Румелии тотъ особый «націонализмъ», о которомъ, по словамъ маркиза Сольсбери, и мечтала Англія, создавая по Берлинскому трактату особое политическое существованіе для этой части Болгаріи, — но который теперь пока еще не успѣлъ укорениться.

Но, возразятъ намъ, Россія не могла оставлять безнаказаннымъ такое дерзкое, оскорбительное нарушеніе Болгаріей всѣхъ тѣхъ нравственныхъ правъ, которыя куплены Россіей цѣною своей крови и достоянія. Пусть такъ; но для наказанія Россія имѣла и имѣетъ много способовъ: могла послать полномочнаго комиссара, смѣнить министерство, поставить свою защиту въ зависимость отъ нѣкоторыхъ условій. Не было только надобности — наказывая Болгаръ, наказывать самихъ себя. Лишая ихъ своего расположенія и прежняго прямаго покровительства, мы рискуемъ и сами лишиться Болгаріи. Какой же тутъ для Россіи расчетъ?! Однакоже — снова возразятъ намъ — Россія не можетъ и не должна допустить, чтобъ ее заподозрили въ вѣроломствѣ... Но и для отклоненія подозрѣнія мы располагали многими способами, изъ которыхъ самый существенный и заключался въ прямомъ обращеніи къ Султану. Во всякомъ случаѣ, какъ ни

естественно и законно проявленіе гнѣва съ нашей стороны, все же, казалось бы, возможно было бы удержать его на той грани, гдѣ онъ становился уже поперекъ нашимъ собственнымъ, прямымъ интересамъ; тѣмъ болѣе, что сознание нашей искренности и правоты въ значительной степени облегчало такую задачу...

«Не Россіи, не намъ подлаживать свою политику подъ затѣи и требованія принца Баттенберга!» восклицаетъ съ негодованіемъ одна русская газета... Къ затѣямъ и замысламъ принца конечно не слѣдъ; но не къ нимъ, а къ созданнымъ чрезъ переворотъ новымъ политическимъ обстоятельствамъ приходилось намъ и обязаны мы были прилаживать свою политику. Изъ-за гнѣва на мельника, спустившаго вдругъ плотину, нельзя же «игнорировать» разлившіеся рѣчки, стоять на томъ, что вотъ здѣсь сушь, когда здѣсь вода и въ благородномъ негодованіи давать себя топить рѣчнымъ волнамъ!..

Есть другое оправданіе нашей политики, болѣе повидимому вѣское: «болгарскій переворотъ, говорятъ намъ, былъ дѣломъ интриги англійской или австрійской, или англо-австрійской разомъ; онъ былъ направленъ противъ Россіи, — и ей ли успѣху этой интриги содѣйствовать?» Да развѣ вы вашимъ дипломатическимъ образомъ дѣйствій не сыграли именно въ руку этой самой интригѣ? Еслибы Россія явилась въ роли заступника Болгаріи и ходатая предъ Портой и Европой о воссоединеніи съ Румеліей, интрига была бы почти совсѣмъ обезсилена. Теперь же, когда Россія прямо заявляетъ, что не хочетъ брать въ свои руки болгарскихъ судьбъ, отказывается отъ самостоятельнаго образа дѣйствій, а ссылается на Европу, ставитъ свою политику въ зависимость отъ рѣшеній европейскаго ареопага, на которомъ въ то же время является, относительно Болгаръ, наименѣе благопріятствующею державою, — что же, спрашиваемъ вновь, остается дѣлать Болгарамъ, какъ не идти кланяться и Англій, и Австріи, и прочей «Европѣ»? Тамъ, разумѣется, оказываются благосклоннѣе. Да и какъ же не воспользоваться ей такою оказіей: замѣстить непреоборимое, казалось доселѣ, вліяніе Россіи — своимъ, русскій протекторатъ — протекторатомъ западно-европейскимъ! Выходитъ такимъ образомъ, что именно

мы нашими дѣйствіями и упрочили успѣхъ иностранной интриги.

Однако же, — и это возраженіе самое серьезное изъ всѣхъ, — Болгары все-таки своимъ переворотомъ создали опасность для всего европейскаго мира, подорвали святость международнаго, т. е. Берлинскаго, договора, бросили искры въ горючій матеріалъ, которымъ преисполненъ Балканскій полуостровъ. Сербія и Греція уже вооружились и прямо заявили, что если воссоединеніе Румелии съ Болгаріей будетъ признано, онѣ потребуютъ «компенсаціи», т. е. увеличенія своей территоріи. А допустить это — значитъ не болѣе не менѣе какъ зажечь пожаръ на всемъ полуостровѣ, какъ затѣять новое расчлененіе Турціи — съ перспективою общеевропейской войны. Россія же къ такой войнѣ еще не готова; флота у насъ въ Черномъ морѣ пока еще не имѣется: поэтому русскіе интересы требуютъ отсрочки такого всеобщаго кризиса и сохраненія пока въ полной силѣ условій Берлинскаго договора. Слѣдовательно ничего иного и не остается, какъ возстановить дѣйствіе этихъ условій, *status quo ante* въ Болгаріи, — и только такимъ лишь способомъ возможно заставить разоружиться и Грецію и Сербію, и упрочить миръ хоть на время...

Вотъ почти оффиціальное разъясненіе и нашего дипломатическаго поведенія. Въ этомъ именно смыслѣ говорятъ вмѣстѣ на конференціи Россія и Германія, и кажется — въ послѣднее время — даже Австрія и прочія державы. Послѣднія, вмѣстѣ съ Австріей, хотѣли было внести на разсмотрѣніе конференціи вопросъ о возможномъ удовлетвореніи нѣкоторыхъ притязаній и Сербовъ и Грековъ, и другихъ земель Балканскаго полуострова, — но для всѣхъ стало ясно, что такіе вопросы теоретически почти не разрѣшимы, да и не могутъ входить въ компетенцію простой конференціи пословъ...

Разсмотримъ однако внимательнѣе всѣ доводы, обуславливающіе этотъ нашъ дипломатическій образъ дѣйствій. Несомнѣнно, что именно для насъ отсрочка кризиса была бы теперь всего желательнѣе; но вопросъ въ томъ — возможна ли она? Наша неприготовленность къ войнѣ, конечно, обстоятельство очень прискорбное и не на нынѣшнемъ правительствѣ лежитъ въ томъ вина; но вѣдь исторія, какъ мы уже

говорили, не справляется о благовременности своего движени-
 я у кабинетовъ. Пора отказаться отъ мысли регулировать
 жизнь народовъ, по своей волѣ, подчиняя ее лишь диплома-
 тическимъ комбинаціямъ, не заботясь объ удовлетвореніи ихъ
 органическихъ, законныхъ, вопіющихъ нуждъ. Посмотрите, на-
 примѣръ, на положеніе Македоніи: почти восемь лѣтъ назадъ
 обязана была Порта произвести административныя реформы въ
 въ этой странѣ и даровать ей автономію, но Портою до сихъ поръ
 ничего не сдѣлано, и Европа до сихъ поръ на томъ не настаивала
 и не настаиваетъ (отчасти потому вѣроятно, что Австрія имѣ-
 етъ на Македонію свои личные виды)! А между тѣмъ, не-
 счастнѣйшій край ежечасно терзается и скверною администра-
 ціею, и разбойничьими шайками, и междоусобными распрями.
 Какъ тутъ не вспыхнуть пожару, когда случайно залетѣвшей
 искры достаточно, чтобъ все загорѣлось! На Македонію мы
 указываемъ только въ томъ смыслѣ, что не будь болгарскаго
 переворота, непременно бы вспыхнуло пламя въ томъ или
 другомъ углу Балканскаго полуострова. Главное же дѣло
 въ томъ, что Берлинскій конгрессъ не только не создалъ
 никакихъ надежныхъ условій мира для этого полуострова,
 но пустивъ туда Австрію, незаконнѣйшимъ образомъ по-
 правъ права народовъ, отдавъ ей двѣ провинціи, создалъ
 тѣмъ самымъ постоянный элементъ интриги и безпокойства.
 Выгодно развѣ для австрійской активной политики точное
 соблюденіе status quo, установленнаго Берлинскимъ трак-
 татомъ? Не противорѣчитъ ли онъ, напротивъ, всѣмъ ея
 стремленіямъ? Естественно ли созданное Австріею положеніе
 — ну хоть бы для Черногоріи?... При такомъ состояніи
 дѣлъ развѣ возможно Россіи убаюкивать себя надеждами на
 долгій покой или на возможность мирнаго, въ свое время,
 разрѣшенія Восточнаго вопроса?! Не говоримъ уже объ
 Англии, которой почти объявленная задача — такъ или иначе
 надѣлать Россіи хлопотъ около себя, дѣла, чтобъ отвлечь
 русское вниманіе отъ Индіи и, унизивъ ея значеніе въ Евро-
 пѣ, поколебать русское обаяніе и въ Азіи: даже и одной
 австрійской интриги достаточно! Если болгарскій переворотъ
 произошелъ даже не по ея подстрекательству, то все же
 Австрія, предоставляя намъ негодовать на досугѣ, сама-то
 уже воспользовалась переворотомъ, даже успѣла опрометчиво

раскрыть свои карты! Угрозы Греціи не страшны: центръ тяжести современнаго положенія, который мы, руководимые кн. Бисмаркомъ, упорно видимъ въ Болгаріи да князь Александръ,—теперь въ Сербіи. Кто далъ ей средства мобилизовать свою армію? кто искусно умѣлъ сочетать сербскій національный шовинизмъ, — да и не шовинизмъ, а весьма законный патріотизмъ, по существу своему австрійскимъ интересамъ противоположный — съ австрійскими выгодами, съ ненавистною доселѣ народу австрофильскою политикою короля Милана? Чтò тутъ Болгарія, чтò тутъ князь Александръ! Мы лишь сами себѣ отводимъ глаза, — не хотимъ видѣть главнаго заговорщика и интригана — Австрію, и весь нашъ дипломатическій образъ дѣйствій не на кого другаго работаетъ, какъ на Австрію. Ибо этимъ дипломатическимъ образомъ дѣйствій не установитъ намъ мира на Балканскомъ полуостровѣ, не упрочитъ силы Берлинскаго трактата! Онъ будетъ имѣть для насъ лишь одинъ результатъ — печальный и къ тому же безславный: потерю Болгаріи и потерю созданной нашими трудами и отчасти деньгами—совсѣмъ почти русской болгарской арміи!

Но вѣдь конференція провозгласитъ снова, пожалуй даже единогласно, дѣйствительность и обязательность Берлинскаго договора, а тогда единодушная (!!) Европа сумѣетъ (такъ возглашаютъ германскіе и русскіе оффиціозы) заставить покориться своей волѣ «государственныя мелкоты» Балканскаго полуострова! Какое обольщеніе—съ *нашей* стороны! Русскіе оффиціозы довольно чистосердечны, но германскимъ мы позволяемъ себѣ не вѣрить. Предположимъ, что конференція и въ самомъ дѣлѣ придетъ къ такому единогласному рѣшенію: всѣ торжественно, довольные собой, разойдутся; русская дипломатія поспѣшитъ отслужить благодарственный молебенъ. И тотчасъ же послѣ молебна—новые «совершившіеся факты»! Это неминуемо. Для короля Милана нѣтъ выбора, нѣтъ отступленія. Онъ поставилъ на карту свою корону,—а вмѣстѣ и судьбу австрійскаго вліянія въ Сербіи... И такъ новые «совершившіеся факты», затѣмъ пожаръ,—пожаръ всеобщій на Балканскомъ полуостровѣ, — появленіе на аренѣ турецкихъ полчищъ, а затѣмъ и выступленіе вооруженной Австріи, въ качествѣ защитницы Славянъ отъ турецкой мести и

расправы и въ союзѣ съ ними, — а мы, по прежнему косящіеся на Болгаръ, негодующіе на князя Александра; мы — безъ флота въ Черномъ морѣ, но съ англійскимъ флотомъ у входа въ Босфоръ и — безъ Болгаріи... Вотъ каковъ будетъ результатъ нашей политики, — если судьба надъ нами не смиляется!.. И вы думаете, что князь Бисмаркъ всего этого не предусматриваетъ? И вы думаете, что на Скерневицкомъ и Кремзирскомъ свиданіяхъ Австрія не носила въ своей мысли тѣхъ же самыхъ плановъ, что теперь только приводятся въ дѣйствіе?...

Москва, 12 октября.

Дѣла Балканскаго полуострова — наши дѣла, намъ свои. Они неразрывно связаны съ историческимъ существомъ нашего отечества, съ вопросомъ мира или войны, чести или безславія, вящаго подъема или вящаго паденія — для самой Россіи...

Если бы даже, — что еще подлежитъ великому сомнѣнію, — и удалось на этотъ разъ «державамъ» кое-какъ зачинить рвущуюся не только по швамъ, но и по цѣлинѣ, ветхую ризу Берлинскаго трактата, разъединить вновь Болгарское Княжество съ Румеліей, заставить Болгарію, Грецію и Сербію вложить мечъ въ ножны и распустить свои, уже почти мобилизованныя войска; если бы державы успѣли, однимъ словомъ, не вынимая дрожжей изъ сосуда, запретить имъ бродить и такимъ образомъ упразднить столь негаданное-непрощенное «осложненіе» политическаго status quo на Балканскомъ полуостровѣ, — то все же не упразднится, а будетъ, поверхъ общаго обновленнаго уровня, высовываться и торчать, выдвинутый событіями нѣкій новоявленный фактъ, въ коемъ отнынѣ залогъ постояннаго, самаго серіознаго «осложненія». Это фактъ — раскрывшаяся игра одной изъ великихъ державъ, одного изъ членовъ «Трехъ-Императорскаго Союза» — Австріи. Кто поспѣшилъ, при первомъ извѣстіи о филиппопольскомъ переворотѣ, поставить Сербію на ноги и снабдить ее деньгами для вооруженія арміи? Кто пытался было, съ самаго начала, возбудить на предстоявшей конфе-

ренціи вопросъ о *компенсаци*и Сербіи за болгарское воссоединеніе? Кто потомъ, уже участвуя въ конференціи, уже совѣщаясь о мѣрахъ къ обузданію сербскихъ воинскихъ похотей, продолжалъ въ то же время допускать доставку въ предѣлы Сербіи, чрезъ свои владѣнія, оружія и всего того, что въ виду этихъ готовившихся, а затѣмъ имъ самимъ подписанныхъ рѣшеній конференціи, становилось уже военною контрабандою? Кто, наконецъ, науськивалъ, да и теперь еще, вѣроятно, тайно науськиваетъ Сербовъ королевства на Болгарь?... Если Австрія даже и непричастна ни прямо, ни косвенно (хотя въ послѣднемъ можно и сомнѣваться) послѣднему *coup d'état* Болгарскаго князя Александра, то все же она своимъ поспѣшнымъ до опрометчивости способомъ дѣйствій относительно Сербіи обнаружила довольно явно, что румелійское событіе ей на руку и что она намѣрена воспользоваться имъ въ *своихъ* личныхъ видахъ, — ужь вовсе не въ видахъ политики «Трехъ-Императорскаго Союза!» Достоверно извѣстно, да и официально было не разъ возвѣщено, что существеннѣйшій результатъ Скерневицкаго, а потомъ и Кремзирскаго свиданій заключался именно въ томъ, что всѣ три великія державы согласились, при всѣхъ какихъ-либо нарушеніяхъ *status quo* на Балканскомъ полуостровѣ, дѣйствовать сообща, съ общаго между собою совѣта. И вотъ, при первой встрѣтившейся пробѣ, — менѣе чѣмъ черезъ три недѣли послѣ свиданія монарховъ въ Кремзирѣ, — Австрія торопится дѣйствовать особнякомъ, въ нарушение *status quo*, закладываетъ въ Сербіи свою мину, — и затѣмъ, въ виду рѣшительнаго консерватизма русскаго кабинета, посылаетъ графа Сечени къ германскому канцлеру хлопотать о содѣйствіи ея планамъ и начинаніямъ! Получивъ однакоже отъ князя Бисмарка отказъ (обусловленный можетъ-быть лишь неблагоприятностью), принимается, какъ ни въ чемъ не бывало, пѣть свою партитуру въ согласномъ *trio* съ Россіей и Германіей! Спрашивается, къ кому же должны относиться всѣ укоризны по адресу Сербіи, заключающіяся въ отвѣтной нотѣ пословъ «Блистательной» Портѣ, въ ихъ меморандумѣ и въ ихъ нотѣ тремъ балканскимъ, провинившимся предъ Европой государствамъ? Ни къ кому другому, разумѣется, какъ къ Австріи, и что всего характернѣе — она же сама

имѣла безстыдство ихъ подписать! «Въ меморандумѣ—гла-
силь органъ князя Бисмарка, «Сѣверо-германская Всеобщая
Газета»—«самымъ опредѣленнымъ и торжественнымъ обра-
зомъ заявлено, что *честолюбію* отдѣльныхъ балканскихъ го-
сударствъ не можетъ быть предоставлено подвергать опас-
ности миръ, вступая въ споры между собою или съ Турціей
и упуская изъ виду, что послѣдствія такой ихъ *свокорыст-
ной* и *близорукой* политики могутъ заставить великія дер-
жавы вмѣшаться въ споръ» и проч.— Несчастливая Сербія!
Она же и обругана Австрією (въ составѣ конференціи) за
«честолюбіе», «свокорыстіе и близорукость политики»,—она,
которая стала первою жертвою именно этихъ свойствъ по-
литики не иной чьей, какъ самой австрійской! Королю Ми-
лану и настоящей партіи «напредняковъ» правящей теперь
Сербією—это достойное наказаніе за ихъ преданность и
продажность Австріи; но чѣмъ же виновата сама страна,
самъ народъ, который неоднократно пытался свергнуть не-
навистное австрійское иго, олицетворяемое нынѣ предержа-
щею сербскою властью, но былъ всякій разъ усмиряемъ же-
стокою, Австрією же вдохновляемою, кровавою расправою,—
а теперь австрійскими же посулами подвигнуть на увели-
ченіе сербской территоріи?! Если и допустить, что державы
заставятъ Сербовъ остудить свой неблаговременный, самую
Австрією вызванный національный энтузіазмъ, то изъ всего
этого краткаго эпизода своей исторіи, въ добавокъ къ го-
речи разочарованія, Сербія выйдетъ разоренною, истощенною,
доведенною наконецъ до банкротства тѣмъ громаднымъ дол-
гомъ, который такъ услужливо навязанъ ей ея покровитель-
ницею-Австріей. Если здѣсь можетъ идти рѣчь о какихъ-либо
требованіяхъ честности, то было бы естественно ожидать, что
въ случаѣ мирной развязки, т. е. безъ всякаго удовлевере-
нія Сербіи по части территоріи, Австрія сама, добровольно,
приметь на себя уплату этого долга и такимъ образомъ осво-
бодитъ это маленькое государство отъ всякихъ обязательствъ
австрійскому *Länderbank*'у. Иначе трудно было бы даже
пріискать и именованіе сему дѣянію австрійской власти. Въ
самомъ дѣлѣ, какъ назвать афериста, который, подстрекнувъ
вполнѣ зависящаго отъ него человѣка на огромное предпрі-
ятіе, одною рукою, подъ великіе проценты и залогомъ, ссужалъ

бы ему деньги,—а другою—самъ же разрушалъ это предпріятіе, дѣлалъ успѣхъ его невозможнымъ!... Въ такомъ именно отношеніи и состоитъ теперь Австрія къ Сербамъ, возгласивъ вновь свою солидарность съ политикой германскаго и русскаго кабинетовъ. Но такъ какъ болѣе чѣмъ сомнительно, чтобъ она приняла на себя уплату сербскаго долга, то и надо полагать, что она имѣетъ въ виду иной способъ съ Сербіей расквитаться...

Но это еще впереди. А теперь во всякомъ случаѣ стало ясно, что даже при совершенномъ водвореніи стараго status quo,—этотъ status quo, а вмѣстѣ съ нимъ и все политическое положеніе, осложняется отнынѣ (и прочно) проявившимся до несомнѣнности вѣроломствомъ австрійской политики. Не ясно развѣ только для одной русской дипломатіи? Не знаемъ—былъ ли съ ея стороны сдѣланъ запросъ австрійскому кабинету по поводу его дѣйствій относительно Сербіи, составляющихъ явное противорѣчіе съ условіями союза выработанными въ Скерневицахъ и Кремзирѣ,—вѣроятно, что нѣтъ. Но неужели можетъ русская дипломатія по прежнему самообольщаться и чрезъ свои офиціозные органы напыщенно возвѣщать, что «европейскій миръ покоится на основахъ этого соглашения», когда, послѣ вышеизложенныхъ поступковъ Австріи, и Скерневицкое и Кремзирское соглашеніе—не болѣе какъ тщета? И все это такъ Австріи и сойдесть? И мы по старому, какъ неисправимые Маниловы, будемъ вѣрить дружбѣ и чистосердечію австрійскаго Чичикова? Но, возразятъ намъ, Австрія, если и увлеклась прежде всего заботою о своихъ личныхъ интересахъ, то все же, именно въ силу недавняго Кремзирскаго свиданія, присоединилась, даже съ нѣкоторымъ ущербомъ для своего достоинства, къ политикѣ Германіи и Россіи... Присоединилась, конечно,—только успѣвъ заранѣе вбить такой гвоздь, котораго, пожалуй, и не выдернешь,—заварить такую кашу, что ее и не расклевать! И кто знаетъ?—можетъ-быть теперь сама русская дипломатія, внявъ своему суфлеру въ Германіи, добродушно озабочена именно тѣмъ, какъ бы вывести Австрію съ почетомъ изъ ея фальшиваго положенія относительно Сербскаго королевства?...

Увы! намъ нужно бы прежде всего озаботиться исправле-

ніемъ своего собственнаго фальшиваго положенія,—которое отличается отъ австрійскаго тѣмъ, что оно создано никакъ ужъ не хитростью и не лукавствомъ, а совершенно противоположными качествами—при недостаточной оцѣнкѣ органическихъ и историческихъ условій русской національной политики и коварства нашихъ враговъ—и фальшиво тѣмъ, что мы сами нехотя нагнали на самихъ себя, не сообразивъ послѣдствій нашего образа дѣйствій... Декларация Константинопольской конференціи начинается, какъ сообщаютъ газеты, словами: «По предложенію Россіи, послы» и т. д. Справедливо опасается «Новое Время», что «такую вступительную фразу наши недоброжелатели воспользуются какъ средствомъ убѣдить балканскихъ Славянъ, что Россія ихъ совершенно оставила»; иначе сказать, «вступленіе» (которымъ наша дипломатія, вѣроятно, даже очень гордится, но которое, безъ сомнѣнія, предложено не ею, а нашими услужливыми друзьями) имѣетъ цѣлью свалить на Россію весь odium рѣшенія: возстановить власть Турціи, гдѣ она поколеблена, даже съ признаніемъ за Турціей права прибѣгнуть къ вооруженной, для усмиренія славянскихъ христіанъ, силѣ... Положимъ, что это писалось въ предвидѣніи, что «сила» пущена въ ходъ не будетъ (по крайней мѣрѣ относительно Болгаріи). Допустимъ даже, что у народныхъ массъ можетъ быть и дѣйствительно, несмотря ни на какія наши распоряженія, сложится въ умѣ простое, безхитростное представленіе, что безъ воли, безъ руководства и поддержки Россіи, давшей столько памятныхъ имъ доказательствъ своего сочувствія къ Славянству, — православнымъ Славянамъ своими судьбами располагать неблагоприятно и не слѣдуетъ. Но тѣмъ не менѣе внѣшнее, официальное, а также и нравственное положеніе Россіи въ сверхнародной средѣ (народъ же не всегда можетъ проявлять свою волю), въ данную минуту такъ въ Болгаріи испорчено, что возстановить для Россіи по отношенію къ себѣ status quo ante—при настоящихъ условіяхъ дѣло крайне нелегкое. Впрочемъ не собственно объ отношеніяхъ Россіи къ Славянамъ ведемъ мы теперь рѣчь; обратимся къ меморандуму и вообще къ дипломатическимъ актамъ конференціи, въ которыхъ,—замѣтимъ однако опять мимоходомъ,—въ такой несвойственной, противорѣчащей ей

существо роли выступает Россія! словно бы въ мантии изъ бумажныхъ листовъ Берлинскаго, ей въ поруганіе состоявшагося, трактата, — подъ руку, съ одной стороны, съ Германией — надѣлившей ее этимъ потѣшнымъ уборомъ; съ другой — съ Австріей, у которой изъ кармана торчатъ эскамотированныя ею дипломатическимъ, даже весьма грубымъ фокусомъ, двѣ большія Славянскія страны — Боснія и Герцеговина!... Меморандумъ твердитъ, — между прочимъ и отъ имени Австріи, — о честолюбіи и своекорыстии малыхъ балканскихъ Славянскихъ государствъ, которыя въ сущности хотятъ вѣдь только возвратитъ *свое*, у нихъ неправо отнятое (какъ на примѣръ Болгарія), или же присоединитъ къ себѣ родное, на что ужъ нельзя никакъ отрицать ихъ право (на примѣръ, воссоединеніе Сербовъ съ Сербами). А между тѣмъ налицо — вопіющій фактъ самаго незаконнаго и наглого захвата не малымъ, а крупнымъ (можетъ-быть потому именно это извинительно?!), вовсе не Балканскимъ и не Славянскимъ государствомъ (это, должно-быть, еще извинительнѣе и даже чуть ли не вполне праведно), а чужимъ, именно Австріей, упомянутыхъ чужихъ провинцій — коренныхъ Славянскихъ земель!.. Этотъ захватъ никого не возмущаетъ, и если Европа, какъ соумышленница такого грабежа, со свойственнымъ ей нахальствомъ всякій разъ какъ дѣло касается міра Славянскаго и вообще православнаго, можетъ обращаться къ послѣднему съ такого рода нравоучительною проповѣдью, то Россіи такая роль не пристала. Мало того: если какимъ-либо рѣшительнымъ дѣйствіемъ, она не возвратитъ себѣ свободы, то ей придется идти на буксиръ австрійской политики...

А между тѣмъ вѣнская газета «Neue freie Presse» напечатала у себя на дняхъ очень замѣчательное письмо изъ Петербурга, въ которомъ излагаются, со словъ какого-то русскаго «государственнаго человѣка», точка зрѣнія и основанія русскаго политикѣ. Въ настоящее время вся она заключается въ сохраненіи *status quo ante*, безъ малѣйшихъ уступокъ и компромисовъ: никакія ни революціи, ни эволюціи самовольныя, хотя бы и органическія, хотя бы и вызванныя вопіющею нуждою, не должны быть допускаемы на Балканскомъ полуостровѣ: всякое измѣненіе современнаго политическаго состоянія того или другаго государства, того

или другаго племени, должно происходить тамъ не иначе, какъ съ соизволенія и подъ руководствомъ трехъ державъ (Россіи, Германіи и Австріи), по взаимному ихъ соглашенію. Такая система политики признается единственно честною (loyale) и закономѣрною (légale), и притомъ «наиболѣе выгодною для самой Австріи»... «Здѣсь (въ Петербургѣ) не сомнѣваются,—вѣщаетъ упомянутое письмо въ «Neue freie Presse»,—что и Австрія будетъ держаться именно этого воззрѣнія, и держаться долго, такъ какъ всякое ея потворство тому или другому изъ трехъ притязателей (Греціи, Сербіи и Болгаріи) послужило бы къ усиленію славянскаго (т. е. и православнаго) вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, что для австрійской политики *ненавистно* (welche die österreichische Politik perhorrescirt)». Далѣе читаемъ,— все въ видѣ восхваленія русской точки зрѣнія,—«что она оцѣнена и государственными людьми Австріи, графомъ Андраши и графомъ Кальноки, такъ какъ оба убѣдились, что соглашеніе съ Россіей—*добрый базисъ* для интересовъ Австріи на Востокѣ!.. О томъ же—въ какой степени интересы Австріи согласуются съ интересами самого Востока, или точнѣе сказать—православныхъ населеній Балканскаго полуострова, и въ какой мѣрѣ домогательство австрійскихъ интересовъ заключаетъ въ себѣ надлежащія условія для мирнаго и успѣшнаго національнаго развитія несчастныхъ Славянъ — разумѣется, ни слова! Къ сожалѣнію, мы не можемъ признать помѣщенное въ вѣнской газетѣ письмо — апокрифомъ: таково, дѣйствительно воззрѣніе русскаго кабинета, насколько оно успѣло выразиться.

Въ какомъ же теперь положеніи дѣло? Посольскій ареопагъ въ Константинополѣ задачу свою, какъ извѣстно, окончилъ. Онъ призналъ въ принципѣ полную неприкосновенность Берлинскаго трактата и прѣва Турціи, — затѣмъ «пригласилъ» Болгарію, Грецію и Сербію отказаться отъ своихъ притязаній и прежде всего отвести отъ турецкихъ границъ свои силы. Болгарское правительство выразило повидимому готовность послушаться державъ, но пока — двусмысленнымъ образомъ: оно старается главнымъ образомъ успокоить опасенія Европы относительно сохраненія мира, ручается за спокойствіе Румелии, выводитъ или вывело уже изъ нея — войска Княже-

ства, — что пришлось бы и безъ того учинить, такъ какъ Княжеству угрожаетъ вторженіе сербскихъ войскъ. Въ то же время въ отвѣтъ князя Александра нѣтъ отреченія отъ Румелии, а сквозить надежда на сохраненіе ея за Болгаріей въ видѣ личной уніи — къ чему Султанъ лично былъ бы довольно склоненъ, еслибъ не опасался притязаній Греціи и Сербіи.

Греція ставитъ свое разоруженіе въ зависимость отъ общаго хода дѣлъ и продолжаетъ мобилизацію своей арміи. По послѣднимъ извѣстіямъ, Англія и Франція, которыхъ совѣтовъ она охотнѣе слушается, чѣмъ прочихъ державъ, отказались производить на нее давленіе въ смыслѣ посольской деклараціи, — очевидно желая имѣть ее на готовѣ для противодѣйствія славянской стихіи, въ случаѣ еслибъ послѣдняя разыгралась. Впрочемъ не Греція озабочиваетъ теперь державы. Весь узелъ современнаго политическаго вопроса теперь въ Сербіи или, какъ мы уже разъяснили — въ тѣсной прикосновенности къ ея настоящему положенію одной изъ великихъ державъ, т. е. Австріи. Газеты увѣряютъ, будто король Миланъ общалъ распустить свою армію лишь въ томъ случаѣ, если Болгарское Княжество откажется отъ соединенія съ Румеліей въ какой бы то ни было формѣ. Но даже и восстановленіе *status quo ante* въ Болгаріи не облегчитъ для сербской власти выхода изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя поставлена она совѣтами и содѣйствіемъ своей покровительницы. — слѣдовательно не облегчитъ и для послѣдней выхода изъ ея неловкаго состоянія. Безъ какого-либо удовлетворенія національнымъ притязаніямъ (возбужденіемъ которыхъ думалъ король утвердить свою власть, а вмѣстѣ и австрійское на Сербію вліяніе) королю Милану грозитъ потеря престола, а Австріи — утрата пріобрѣтенной ею въ Королевствѣ позиціи. Приисканіемъ выхода изъ этой дилеммы и озабочены теперь, какъ по всему видно, державы: и австрійскій и сербскій посланники, по сообщенію газетъ, постоянно толкутся въ двери кабинета германскаго канцлера! Между тѣмъ выходъ самый простой и естественный — это вознагражденіе Сербіи на счетъ Босніи! Боснія вѣдь еще не составляетъ неотъемлемой собственности Австрійской монархіи; она все еще *de jure* числится частью Турецкой имперіи и

только временно «оккупируется» австрийскою властью (хотя Австрийскій императоръ и принималъ уже отъ Босняковъ торжественныя увѣренія, заранѣе редижированныя австрийскимъ начальствомъ, въ «вѣрноподданническихъ» чувствахъ!). Почему же, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на которыхъ поручена была Европою Австріи оккупация Босніи, не передать этой оккупации (всей ли Босніи, части ли ея) Сербіи? Въ сущности для Турціи это все равно... Если же такое предположеніе несбыточно, то несбыточно и вообще мирное разрѣшеніе Восточнаго вопроса съ тѣхъ поръ, какъ Австрія врѣзалась клиномъ въ самое сердце Балканскаго полуострова...

Но о Босніи, очевидно, король Миланъ не смѣетъ и мечтать, въ виду не только Австріи и Германіи, но и самой Россіи: вѣдь ея задача, по словамъ петербургскаго государственнаго челоуѣка, создать свою политикою «базисъ для австрийскихъ интересовъ на Востокѣ»! Однакожь, отказываясь въ настоящую минуту отъ замысловъ на принадлежащія еще Турціи сербскія земли, не желая, однимъ словомъ, безъ надежной поддержки отваживаться на бой съ грозными турецкими полчищами (которые уже собираются въ Македоніи и Старой Сербіи), король Миланъ намѣревается дать удовлетвореніе распаленному имъ сербскому національному аппетиту—на счетъ болгарскихъ владѣній. По Берлинскому трактату размежевано въ черту Болгаріи нѣсколько деревень и мѣстечекъ съ сербскимъ населеніемъ, въ перемежку, впрочемъ, съ деревнями болгарскими; предполагается ихъ отнять, да кстати прихватить и болгарской земли! Предлогъ, безъ сомнѣнія, вздорный, и если неприкосновенность Берлинскаго трактата составляетъ признанный теперь догматъ современной европейской политики, то такое дѣйствіе Сербіи было бы несравненно болѣе вопіющимъ нарушеніемъ трактата, а слѣдовательно и противорѣчіемъ политическому догмату, чѣмъ «сухая» революція въ Филиппополѣ...

Газеты, между тѣмъ, сообщаютъ разнорѣчивыя извѣстія: то сербскія войска переступили границу, то нѣтъ... Королю Милану, очевидно, становится его положеніе не въ терпѣжъ... Но что же медлятъ «державы»? Турція, поблагодаривъ ихъ за теоретическое признаніе ея правъ, требуетъ отъ нихъ указанія тѣхъ практическихъ способовъ, коими можно было

бы возстановить столь благожелательно рекомендованный ей *status quo ante* на Полуостровѣ, и теперь идутъ переговоры о созывѣ *новой*, съ большими полномочіями, конференціи. Но пока новая конференція соберется, неужели такая братоубійственная война будетъ допущена? Неужели Трех-Державный Союзъ не предупредитъ появленія новаго «совершившагоса факта»? Неужели, наконецъ, Австрія, обладающая всѣми способами производить давленіе на короля Милана, окажется вдругъ безсильною остановить порывы своего клеврета и сосѣда? Кто же этому повѣритъ?! На Австрію, на нее одну, должна пасть отвѣтственность за кровь, которая прольется. Всякія ея отговорки, печатаемыя въ вѣнскихъ газетахъ, будто Австрія не можетъ сладить съ сербскимъ движеніемъ—лживы: намъ извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ, что война съ Болгаріей нисколько не пользуется сочувствіемъ Сербскаго народа... Если же Австрія не рѣшается остановить этотъ наглый замысль короля Милана, то конечно лишь по своимъ личнымъ расчетамъ и соображеніямъ, надѣясь быть-можетъ, что «державы» въ концѣ концовъ признаютъ этотъ совершившійся фактъ насильственного исправленія сербской границы...

Думаемъ однако же, что она ошибется на счетъ Россіи... Русское правительство не можетъ оставаться въ сторонѣ отъ кровавой схватки двухъ родственныхъ ей Славянскихъ племенъ,—не можетъ, безъ грубой непослѣдовательности, требовать *status quo ante* для Болгаріи и дозволить его нарушеніе Сербіи. Таково еще, несмотря на всѣ наши политическія грѣхи и провинности, обаяніе русскаго имени и въ особенности имени Русскаго Царя, что стѣбитъ Ему погрозить Сербіи отозваніемъ своего резидента и торжественнымъ актомъ выразить, не отъ конференціи какой-нибудь, а личное свое осужденіе, то, — лишь бы оно могло дойти до слуха сербскихъ народныхъ массъ, — силы короля Милана будутъ парализованы...

Какъ видятъ читатели, — балканское замѣшательство еще вовсе не улеглось,— и главною виною тому — Австрія. Вникая въ отношенія Австріи и Россіи, нельзя не признать, что ихъ «дружба» между собой — дружба поистинѣ *междоусобная*, которая для русскаго прямодушія опаснѣе открытой вражды...

Москва, 19 октября.

Удивительно слабо народное и историческое самосознание въ нашемъ обществѣ! Стоило только двумъ-тремъ горячимъ болгарскимъ головамъ произвести въ Румелии переворотъ— до смѣшнаго легкой и всегда, даже для самой нашей дипломатіи, состоявшій *in spe*,—глядь! и общество растерялось, и дипломатія, выронивъ изъ рукъ (должно-быть, впрочемъ, плохо держала) клубокъ путеводной нити, мечется ища выхода, и всѣ отъ неожиданнаго толчка пососкочили разомъ съ исторической точки зрѣнія, а другой ошупать еще не могутъ! Доведуть до свѣдѣнія русской публики услужливые газетные корресподенты изъ Софіи то или другое хвастливое, случайное изрѣченіе Петра Степановича Каравелова, воскормленнаго духовнымъ хлѣбомъ московской университетской науки 60—70-хъ годовъ и сочетавшаго, какъ видно, воспринятый имъ у насъ крайній «европейскій» доктринерскій либерализмъ съ преданіями и вкусами турецкаго режима (въ видѣ, напримѣръ, административнаго заточенія или изгнанія своихъ противниковъ),— и пошла наша публика открещиваться и отплевываться уже отъ всѣхъ Болгаръ, отъ всѣхъ Сербовъ! Воспроизведутъ ли въ русской печати какія-нибудь статейки изъ филиппопольской газетки гг. Стоянова и Ризова, гдѣ съ такою наивною свѣжестью повторяется по болгарски совсѣмъ уже обтрепанная «либеральная» фразеологія нашего «Русскаго Курьера», «Русскихъ Вѣдомостей», «Вѣстника Европы»,—въ родѣ, напримѣръ, что Румелійцы послужили дѣлу «на свободата, прогрессъ и цивилизацията», и вообще очень-очень много высказывается заботы о «свѣрѣменноту челоувѣчество»; гдѣ даже такъ мило предъявляется притязаніе имѣть «своя собствена човѣшка физиономія», какъ будто до переворота физиономія у нихъ была не «човѣшка», т. е. не челоувѣчья, и не своя, а какая-нибудь португальская, чужая! гдѣ съ такою ребяческою дерзостью и заносчивостью отзываются они о Россіи и русскихъ офицерахъ и дѣтски хвалятся, что «соединеніе совершилъ» никто иной, какъ «князь Александръ и неговий (т. е. *его*) радикалъ» (словно чинь! это должно-быть и есть «своя соб-

ственна физиономія?) «министръ Каравеловъ — на зло и наперекоръ Россіи»... Однимъ словомъ: только лишь достигнуть слуха и свѣдѣнія нашей публики тѣ или иные возгласы и похвалыбы состоящей нынѣ во власти болгарской «интеллигенціята», — бѣлая часть нашихъ руководителей общественнаго мнѣнія приходитъ въ нервное состояніе, теряетъ трезвость мысли и рѣчи. Поднимаются вопли о «болгарской неблагодарности», возбуждается въ русскомъ обществѣ, къ къ злорадству Европейцевъ, чувство чуть не ненависти къ Болгаріи, къ ея народу, ко всѣмъ Славянамъ, — и если судить по большинству органовъ русской печати, съ великимъ русскимъ державнымъ кораблемъ происходитъ нѣчто въ родѣ крушенія: давай швырять за бортъ весь историческій грузъ вѣковыхъ политическихъ преданій, исполинскихъ усилій, жертвъ, величавыхъ дѣяній и подвиговъ, даже самыхъ недавнихъ! — «облегчимъ-де себя отъ этого балласта и за потерей компаса направимъ корабль по вѣтру «эгоистическихъ интересовъ», бросимъ всѣ эти безкорыстныя нравственныя задачи какъ сущій вздоръ, въ политикѣ неумѣстный! вмѣсто всякихъ высшихъ побужденій и чувствъ, только смѣшныхъ, пусть будутъ нашимъ двигателемъ однѣ матеріальныя выгоды — въ нихъ лишь законъ и правда»!.. и тому подобная дешевая, пошлая мудрость.

Какъ будто о хлѣбѣ единомъ живутъ народы! Какъ будто высшія задачи духовнаго свойства не составляютъ существеннѣйшей цѣли, ихъ бытія, — такой цѣли, при уклоненіи отъ которой не приложатся къ нимъ и «сія вся»! И если это требованіе предъявлено человѣку, такъ равномерно обязательно оно и для человѣческихъ группъ или союзовъ, а тѣмъ болѣе для великихъ всемірно-историческихъ народовъ, къ которымъ принадлежитъ и нашъ народъ, Русскій. Кому много дано, отъ того много и спросится. Чѣмъ выше и шире задача, тѣмъ бѣльшимъ трудомъ и усиліями нудится ея разрѣшеніе. И такая именно задача — превыше и шире, мудренѣе задачъ уже рѣшенныхъ и рѣшаемыхъ другими, опередившими насъ народами — ниспослана на долю Русскаго народа. Быть-можетъ и «недостойная призванья» по слову поэта, Россія тѣмъ не менѣе призвана къ великому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ необычайно тяжкому жребію, — ибо вели-

чіе и высота призванія налагають и соразмѣрныя обязательства. Оттого-то такъ усѣянъ трудомъ и скорбями нашъ народный историческій путь; оттого-то, проживъ тысячу лѣтъ (что считается критическимъ періодомъ въ жизни народовъ, послѣ котораго они начинаютъ будто бы хилѣть и стариться), мы не только сами не чувствуемъ на себѣ старости, но и вся Европа хоромъ признаетъ нашъ народъ еще «молодымъ»!.. Извѣстный путешественникъ, авторъ замѣчательной книги о Россіи, гдѣ онъ прожилъ пять лѣтъ, Уоллесъ-Мэкензи, говаривалъ намъ, впрочемъ съ полунасмѣшкой, что, по его наблюденію, въ Россіи никто почти никогда не говоритъ о настоящемъ, а все о будущемъ: всѣ живутъ какими-то надеждами, у всѣхъ на умѣ и въ рѣчахъ—будущее. Онъ правъ,—и эта особенность знаменательна. Она свидѣтельствуешь, что не только въ сознаніи нѣкоторыхъ, но и въ инстинктѣ всенародномъ живетъ чувство еще недовершеннаго призванія, о которомъ даже самое представленіе не ясно,—и это чувство живить чаганіе, а чаганіе мирить съ настоящимъ, даетъ силы его перебыть...

Но что же общаго,—перервутъ насъ быть-можетъ съ нетерпѣніемъ,—между всѣми этими абстрактами, мечтами—и реальнымъ вопросомъ о нашихъ отношеніяхъ къ Болгарамъ и Сербамъ, о томъ, что предлежитъ дѣлать теперь русской дипломатіи: вопросъ этотъ стоитъ вѣдь на практической, а не на отвлеченной почвѣ?! Что общаго! Да вѣдь надо же себѣ наконецъ осмыслить нашу историческую практику въ теченіи столѣтій? Надо же наконецъ уразумѣть внутреннее значеніе тѣхъ историческихъ теченій, которыя неудержимо влекли насъ къ Балканскому полуострову, къ Босфору, къ Константинополю,—тѣхъ великихъ кровавыхъ битвъ, тѣхъ исполинскихъ русскихъ подвиговъ и необъятныхъ жертвъ, которыми—именно въ виду этой цѣли—ознаменовались для Россіи и XVIII и XIX вѣки? Не мало хлопотъ, заботъ и работъ досталось на долю и самой нашей дипломатіи! Ради чего «гибель сія бысть»? И ради чего такое дѣятельное движеніе въ этомъ направленіи началось именно послѣ того, какъ Московское государство, сложившись и окрѣпнувъ, перешло въ Царство Всероссійское и выступило на поприще всемірно-историческое? Что это? Властолюбивое влеченіе къ

захвату новыхъ земель или потребность въ болѣе опредѣленныхъ, естественныхъ границахъ? Но чего-жъ опредѣленнѣе и естественнѣе границы на нашемъ югѣ какъ море и большая рѣка? Вѣдь ничего подобнаго на западной границѣ мы не имѣемъ! и именно-то за Дунаемъ, на Балканскомъ полуостровѣ, мы не домогались и не приобрѣли ни вершка земли, хотя имѣли вождей и «Задунайскихъ» и «Забалканскихъ», и два раза въ одномъ нынѣшнемъ столѣтїи подходили къ самому Константинополю! Чтѣже, побуждались мы развѣ матеріальными практическими интересами? Но никакихъ такихъ, очевидной и неотложной важности матеріальныхъ интересовъ, которые бы стоили этой страшной траты людей и денегъ, даже и указать нельзя: русская-то торговля уже никакъ ихъ не требовала! Добивались ли мы единственно свободнаго выхода изъ Чернаго моря? Да для торговыхъ судовъ онъ свободенъ не менѣе чѣмъ оба выхода изъ Средиземнаго моря,—а что касается до военнаго флота, такъ не Турція могла бы его задержать, когда онъ у насъ былъ, а Европа; востановлять же флотъ мы и не помышляли до послѣдней поры, хотя и имѣли для того времени вдоволь... Такъ чтѣ же насъ двигало наконецъ? Величавыя ли фантазіи доблестныхъ Вѣнценосцевъ, политическія мечты и самообольщенія, такъ что теперь только, по прошествїи чуть ли не полутора вѣка, мы начинаемъ догадываться, что въ нашей политикѣ относительно Славянъ и Балканскаго полуострова мы дѣйствовали якобы вопреки нашимъ «истиннымъ интересамъ», что все это не болѣе какъ рядъ печальныхъ ошибокъ, однимъ словомъ—въ итогѣ бессмыслица, которую однакоже рокъ такъ и толкаетъ насъ, *да и подтолкнетъ непременно*—повторить вновь?!

Такое объясненіе однородныхъ, непрестанно возобновляющихся историческихъ явленій—очевидная несообразность. Ничего поэтому и не остается, какъ постараться понять и опредѣлить тотъ смыслъ, ту историческую *идею*, которая лежитъ въ ихъ основѣ, которая насъ отъ времени до времени подмываетъ, движетъ и несетъ. Именно тѣмъ и объясняются всѣ неудовлетворительные результаты нашихъ такъ-называемыхъ Восточныхъ войнъ и странные промахи нашей дипломатїи, что идея-то эта нами недостаточно признана и

усвоена, что состоимъ-то мы къ ней въ отношеніи нѣсколь-ко страдательномъ, пассивномъ, и когда подхватитъ насъ историческое теченіе, то даемъ себя нести не умѣя управиться съ нимъ, не отдавая себѣ точнаго отчета—куда, зачѣмъ, гдѣ остановиться, гдѣ пристать къ берегу и т. д.: словомъ—не знаемъ чего хотѣть.

Къ несчастію, самое уже слово *идея* отпугиваетъ отъ себя нашу высшую дипломатическую среду (да и не ее одну), и теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь,—теперь, когда съ легкой будто бы руки Бисмарка, «реализмъ» въ такой модѣ! (Какъ будто вся сила Бисмарковскаго реализма не коренится именно въ его идеализмѣ *sui generis*,—и не идея единой Германіи и воцаренія германизма одушевляла его практической подвижъ?!) «Матеріальные интересы» стали, какъ извѣстно, въ послѣднее время любимымъ лозунгомъ нашей публицистики, а также и самой политики. «Славянская же идея» и вообще все что пахнетъ «славянофильствомъ»—это *horribile dictu!* объ этомъ, особенно уже въ Петербургѣ, и заикаться нечего: «было-де время, испробовали ее—и обожглись!... Нѣтъ ужъ лучше безъ всякой особой идеи, а такъ, изъ простаго расчета выгодъ, да подъ общимъ европейскимъ знаменемъ «прогресса и цивилизаціи»!...

Да развѣ это знамя—не знамя идеи? «Прогрессъ и цивилизація»—въ устахъ Западной Европы, это и есть западно-европейская историческая идея. По примѣру Россіи, лепечуть теперь, на попугайскій ладъ, этотъ кличъ и наши братья Болгары и Сербы, только-что вылупившіеся изъ яйца на историческій свѣтъ.... Но вѣдь какъ скоро рѣчь идетъ объ «интересахъ прогресса и цивилизаціи», какъ ихъ понимаетъ знаменосецъ-Западъ,—такъ тутъ не только эти Славяне, но и Россія—пасъ! Тутъ и хлопотать не о чемъ! Первенство принадлежитъ, да и должно, натурально, принадлежать не кому другому, какъ самой Западной Европѣ: она здѣсь хозяйка и мастерь,—ей и дѣло, и власть въ руки! Она послужитъ этимъ интересамъ получше Славянъ и насъ! Въ интересѣ этихъ «интересовъ» Болгары и Сербы, сіи юные любовники «европейскаго прогресса и цивилизаціи», не только должны сами безпрекословно и добровольно, съ радостью, да не мѣшкавая, предать себя руководительству и гегемоніи Австріи—но и намъ самимъ, въ сми-

ренномъ сознаниі ея преимуществъ и правъ какъ носительницы европейской культуры и вообще европейской идеи, подобаесть тотчасъ убраться изъ всякой «сферы вліянія» на Балканскомъ полуостровѣ, — да пожалуй ретироваться изъ своихъ собственныхъ западныхъ предѣловъ въ Европѣ!.. Знаменитый бельгійскій писатель Лавеле, вовсе даже не отъявленный врагъ Россіи, печатаетъ теперь въ «Revue des Deux Mondes» цѣлый рядъ статей по поводу Босніи, Герцеговины и Сербіи, — статей, въ коихъ превозносится верховенство въ этихъ странахъ Австро-Венгріи и доказывается, что она, именно она, призвана цивилизовать Славянъ, стать во главѣ ихъ, занять Константинополь и создать новую Восточную Имперію: о Россіи ни помину! А знаменитый профессоръ Рошеръ съ своей стороны авторитетно, какъ «мужъ науки», возглашаетъ, что «вся нынѣшняя Европейская Турція станетъ будущю Новою Германією (So Gott will, die heutige Europäische Türkei wird das neue Deutschland bilden). Западные наши окраины, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая доля ихъ давно уже въ Германіи намѣчена какъ будущее достояніе германизма, — намѣчена и частью уже оймечена. Да вѣдь и борьба для насъ не равна: Австрія и Германія, не говоря о силѣ матеріальныхъ корыстныхъ побужденій, вооружены еще и историческою идеей, а мы тамъ въ Петербургѣ никакой за Россіей исторической своей идеи знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, да и не хотимъ ни знать, ни вѣдать: мы — безъ идеи, да еще съ невольнымъ привычнымъ уваженіемъ въ чужой, ихъ же собственной, враждебной намъ идеѣ! Кто же сильнѣе?

Вотъ до какого логическаго абсурда — не только въ теоріи, но вѣдь даже и на практикѣ, можетъ довести, отчасти уже доводитъ, и насъ и Славянъ это поклоненіе европеизму, — эта наша роковая безыдейность и въ обществѣ, и въ правящей средѣ! Отреченіе отъ своего собственнаго призванія, — сознательное или безсознательное, изъ душевной ли подлости и лакейскаго чувства предъ Западною Европою, или по невѣдѣнію, — это вѣдь отреченіе отъ самихъ себя, отъ правъ на существованіе какъ всемірно-историческаго народа, это — самоубійство!

Къ счастью, не въ одномъ Петербургѣ и не въ одной

«интеллигенціи» Россія, а есть въ ней 80% населения, которыхъ своеобразный національный духъ еще не упраздненъ европейскою цивилизаціей, въ которыхъ наша народность, со всѣми ея началами, еще пребываетъ на степени стихіи, и какъ стихія выступаетъ порой въ исторіи, непонятная, почти недоступная сознанію мудрецовъ правящаго сверхнароднаго слоя, но увлекающая и ихъ, иногда даже противъ воли, въ историческое дѣйствіе своимъ неудержимымъ стремленіемъ. Тамъ и живетъ русская историческая идея — какъ духовный народный инстинктъ. Впрочемъ, этотъ же инстинктъ, — хотя и въ болѣе слабой степени, хотя иногда какъ неотвязное противорѣчіе, — сказывается и въ жизни тѣхъ единицъ изъ образованныхъ классовъ, которыя не вполне отрѣшились духомъ и бытомъ отъ своей народности или отъ того элемента, коимъ по преимуществу и существенно эта народность опредѣляется — православною вѣрой. Она же, эта идея, проявляется иногда и въ художественнымъ откровеніяхъ нашихъ писателей, также и въ другихъ отрасляхъ искусства; она наконецъ начинаетъ возводиться, въ нынѣшнемъ столѣтіи, и въ сознаніе, благодаря усиліямъ многихъ мыслителей, — но какъ еще слабо оно, это народное самосознаніе, въ нашемъ обществѣ — о томъ уже упомянули мы въ началѣ статьи!

Что же такое эта «русская идея»? Въ томъ ли назначеніе Россіи, чтобы въ области развитія челоѣчества явить міру *культурный контрастъ* Западной Европѣ? Это опредѣленіе было бы неточно. Восколько въ послѣдней жива и дѣйствена чистая истина христіанская, востолько нѣтъ мѣста контрасту съ нею и для Россіи; но Россія, дѣйствительно, самую духовною природою своею противорѣчитъ всей той неправдѣ, которую унаслѣдовала Европа отъ языческаго міра (преимущественно Рима), которую развила и внесла въ свою культуру и цивилизацію. Правильнѣе сказать: Россія призвана явить новый культурный историческій типъ, который примиритъ въ себѣ и Востокъ и Западъ на основѣ православно-славянской. Это было сказано и прежде насъ — Хомяковымъ, К. С. Аксаковымъ, И. В. Кирѣевскимъ и другими въ позднѣйшее время (напримѣръ Н. Я. Данилевскимъ). Это утверждаемъ и мы. Существеннѣйшимъ содержаніемъ

русскаго національнаго типа есть безъ сомнѣнія христіанство, исповѣдуемое въ его самомъ чистомъ вѣроученіи и образѣ, — исповѣдуемое Православною Вселенскою Церковью. Само собою разумѣется, что идея христіанства сама по себѣ безконечно шире всякой національности и не есть историческая или временная въ тѣсномъ смыслѣ, — она вѣчная и всемірная. Но воплощаясь на землѣ во времени и явленіи, она выражаетъ себя и дѣйствуетъ въ преобразуемомъ ею историческомъ человѣчествѣ посредствомъ національных индивидуальностей, которыя избираетъ своими орудіями или сосудами. Никогда не вмѣщается и не выражается она, въ каждой изъ нихъ отдѣльно, вполне. Въ единичной душѣ человѣческой можетъ обрѣтаться въ полнотѣ своего внутренняго значенія царство Божіе («царство Божіе внутрь васъ есть»), но исторія человѣчества въ смыслѣ христіанскомъ опредѣляется изрѣченіями: «подобно есть царство Божіе зерну горюшну», которое растетъ медленно и постепенно, пока наконецъ не осѣнитъ землю широко тѣнистымъ деревомъ, — и другое: «подобно есть царствіе Божіе квасу», т. е. дрожжамъ, которыми заквашено тѣсто — «дондеже вскиснетъ». Этими изрѣченіями указывается на предопредѣленный процессъ созиданія царства Божія въ человѣчествѣ. Мы вовсе не думаемъ, что судьбы міра заканчиваются Россіей и что она одна призвана воплотить царство Божіе на землѣ! Далеко нѣтъ! Мы вѣримъ, что и «изъ камней можетъ Богъ воздвигнуть сыновою Аврааму». Но изо всѣхъ выдвинувшихся на историческую очередь національных индивидуальностей православная Россія представляется (не думаемъ, чтобъ мы оболъщались) наиболѣе пока широкимъ историческимъ сосудомъ для вмѣщенія въ наибольшей полнотѣ жизненной христіанской истины. Это не есть «византизмъ», который К. Н. Леонтьевъ, напримѣръ, считаетъ основой культурнаго типа Россіи. «Византизмъ» какъ явленіе историческое — носитъ на себѣ и печать односторонности, уже отжившей. Онъ призванъ къ очищенію въ русскомъ горнилѣ: все что было и есть истиннаго и вѣчнаго въ византизмѣ, то воспріяла въ себя конечно и Россія, изъ Византии озаренная свѣтомъ вѣры; но все, что въ немъ было временнаго и національно-одностороннаго, должно раство-

риться, исчезнуть въ большей многосторонности и широтѣ русскаго духа. Подобно тому, какъ по извѣстному изрѣченію церковнаго писателя: «душа человѣческая рождается христіанскою», — такъ и про душу Русскаго народа (или тѣхъ разновидностей Славянскаго племени, которыя назвались *Русью*) можно бы сказать, что въ ней, въ ея природѣ, въ бытѣ народномъ съ его общинами и *мірами*, было полное предрасположеніе къ христіанству еще въ язычествѣ. Оттого-то и приняла Русь христіанство съ такою, сравнительно, легкостью, какъ младенецъ, и прозвалась вскорѣ «Святою», т. е. освященною черезъ вѣру: это не самопревознесеніе, а лишь означеніе своего идеала. Оттого-то, крестившись, Русскій народъ предпочелъ въ своей внутренней жизни именоваііе христіанина всякому другому, племенному, — именоваііе и опредѣленіе вмѣстѣ: «христіане» (крестьяне) и «православные». Оттого-то, по выраженію К. С. Аксакова, въ Русскомъ народѣ «національное самоопредѣленіе совпало съ высшимъ опредѣленіемъ общечеловѣческимъ».

Здѣсь не мѣсто и не время входить во всѣ особенности, по преимуществу нравственныя, культурнаго типа, который предназначено явить Россіи и который обозначается съ самаго начала, проступаетъ и во все теченіе его исторіи. Скажемъ вкратцѣ, что для Русскаго народа государственность не есть высшее и конечное выраженіе истины, а только необходимый, временный компромисъ съ истиною, вынуждаемый условіями земнаго существованія—государство не есть само по себѣ цѣль и идеалъ бытія, а лишь средство бытія; что всякаго внѣшняго закона, всякой такъ-называемой юридической правды выше для Русскаго народа истина нравственная, — что поверхъ «прававаго порядка» онъ поставилъ живую человѣческую, христіанствомъ просвѣщенную совѣсть, — что онъ врагъ всего условнаго, внѣшняго и пуще всего дорожитъ внутреннею духовною, — вѣрою въ Бога опредѣляемую свободой... Высокій историческій жребій, сужденный, по милости Божіей, Россіи, есть въ то же время и страшно тягостный подвигъ: всякое уклоненіе отъ него, всякое отступленіе отъ нравственнаго закона взыскивается съ нея строже, сказывается чувствительнѣйшимъ для нея вредомъ и болѣзнями, чѣмъ въ жизни другихъ народовъ. Не

похвальба эти наши слова. «Всякой мерзости полна наша земля» — скажемъ съ Хомяковымъ, но ея призваніе, — котораго можетъ-быть она (не дай Богъ!) явится и недостойною, — призваніе это отрицаемо быть не можетъ. Великія силы на добро даны ей Богомъ. Гнусно подчасъ на нашей Русской землѣ, — въ невѣжествѣ, лѣни душевной и умственной, въ развратѣ и кривдѣ коснѣеть народъ; но бывають за то историческія мгновенія, когда эта земля, вдругъ, всѣмъ народомъ, какъ бы поднимается до небесъ, вырастаетъ до такой высоты и красоты нравственной, достигаетъ такихъ вершинъ самоотверженія и любви, что міръ въ изумленіи дивится и содрагается, — не постигая внутренняго смысла такого явленія, такой безкорыстной траты силъ!...

«Славянскіи идеи нѣтъ, есть лишь русская идея» сказалъ недавно, въ назиданіе «интеллигентнымъ» Болгарамъ, Петрановичъ — умный Сербъ, подвизавшійся всю жизнь въ Черногоріи и Босніи, въ борьбѣ съ Турками и Швабами или Австрійцами, и изгнанный наконецъ изъ королевства Сербскаго, въ которомъ настоящая власть предалась и продана была этимъ Швабамъ. Его слова требуютъ оговорки: «а русскій языкъ и словенскъ одно есть», изрече на лѣтописи, еще въ началѣ русской исторіи — и потому «русская идея» есть въ то же время и «идея славянская». Но Петрановичъ вполнѣ правъ въ томъ, что Россія — по численности своего Славянскаго народа, по долготѣтїю своего историческаго бытія, по своему богатому и тяжкому историческому и духовному опыту, есть по преимуществу носительница этой идеи, которая есть вмѣстѣ и идея Славянскаго братства. Ея положеніе въ семьѣ славянскій — положеніе старшаго брата между братьевъ. Ея удѣлъ, какъ выразился Тютчевъ еще 55 лѣтъ назадъ:

Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И вѣсть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленныхъ, какъ рать...

Она и призываетъ ихъ всѣхъ къ участію въ своемъ историческомъ жребіи, на совмѣстный съ нею общій трудъ жизни, просвѣщенія и культуры — совокупными усиліями племенныхъ славянскихъ индивидуальностей, съ ихъ разнообразными осо-

бенностями и дарованіями. Она доказала искренность этого призыва тѣми громадными безкорыстными жертвами, которыми искупила свободу многихъ Славянскихъ племенъ отъ чужеземнаго рабства, не посягнувъ ни на ихъ земли, ни на ихъ внутреннюю племенную свободу, — требуя себѣ лишь довѣрія и преданности — какъ младшихъ братьевъ къ старшему брату, уваженія къ ея совѣтамъ и руководству. Само собою разумѣется, что этотъ призывъ ея относится прежде всего къ Славянамъ единовѣрнымъ, соисповѣдникамъ истины, составляющей существеннѣйшее содержаніе ея національнаго духа, — но не отрицаетъ она своего братства и съ прочими Славянами, къ несчастію принявшими въ свое національное существо — чуждое начало религиозное, *латинство* (и выродившееся изъ него протестантство), — это живое *contradictio in adjecto* въ *Славянствѣ*. Питая надежду, что когда-нибудь и они воссоединятся съ нею въ духовной основѣ ея народности, Россія, разумѣется, имѣетъ и обязана имѣть, прежде всего, въ виду — Славянъ православныхъ. Но не объ однихъ Славянахъ православныхъ была ея скорбная забота, не для ихъ только свободы лила она свою кровь, а для православныхъ вообще: не ей ли исключительно обязаны своей свободой Румыны, — и преимущественно — Греки? И къ нимъ также обращенъ ея призывъ, — ибо въ Православно-Славянскомъ мірѣ, ею создаемомъ, просторно и свободно и для ихъ племенныхъ отличій.

Вотъ русская, она же и славянская идея, внѣ которой нѣтъ ни для Россіи, ни для Славянъ никакого историческаго *raison d'être*, — и самое ихъ независимое существованіе на землѣ представляется безсмыслицей — или же лишь будущей поживой для нѣмецкаго всепоглощающаго аппетита. Пусть наши братья Болгары и Сербы спросятъ себя: хотятъ ли они продать свое это міровое призваніе, свое сослуженіе во вселенско-историческомъ подвигѣ Россіи — за блюдо чечевицы, предлагаемое имъ Западною Европою въ видѣ «европейской цивилизаціи» и «европейскаго прогресса»? Хозяевами и творцами въ области западно-европейскаго духа имъ не быть — безъ отреченія отъ духовныхъ основъ своей національности; вмѣсто того, чтобы, напротивъ, обогатить свою національность всѣмъ тѣмъ, что въ сокровищницѣ европейскаго про-

свѣщенія составляетъ достоиніе общечеловѣческое (какъ это предлагаемъ мы), они послужать лишь для Европы страдательнымъ матеріаломъ, удобопретворимымъ въ западно-европейскую, по преимуществу нѣмецкую сущность. Обезличенные духовно, они, со знаменемъ въ рукахъ: «европейскій прогрессъ и цивилизація», погибнуть для Славянства и для Россіи!.. Но можно ли этому стать? И въ Славянскихъ государствахъ еще живъ историческій инстинктъ въ народныхъ массахъ, жива вѣра въ Россію и связь съ нею: значитъ, еще хранится залогъ спасенія,—хотя и нельзя отрицать, что по малочисленности населенія чужездныя начала перенесеннаго въ эти государства строя европейской политической жизни могутъ быстрѣ производить свое сокрушительное дѣйствіе на духъ низшихъ народныхъ слоевъ. Нужно новое могучее слово Россіи, отъ котораго бы воспрянули ихъ сердца...

Но въ томъ-то и дѣло, что и сама Россія не въ безопасности,—что ея правящая интеллигентная среда не слишкомъ-то много разнится отъ «цивилизованныхъ» Болгаръ и Сербовъ,—развѣ только что послѣдніе карикатурнѣе,—и чуть-чуть сама не готова отречься отъ русскаго историческаго призванія, прикрывъ свою постыдную ретираду тѣмъ же знаменемъ «интересовъ прогресса и цивилизаціи»...

Мы сказали и повторяемъ: «Славянскій вопросъ весь сводится къ нашему внутреннему русскому вопросу, весь въ немъ заключается и разрѣшится вполнѣ только вмѣстѣ съ нимъ». Послѣднія событія только подтвердили вѣрность этого положенія. Но исторія не ждетъ,—и выдвинула на очередь если не полное, то частное, впрочемъ многозначительное, разрѣшеніе Славянскаго вопроса... Неужели мы не опомнимся? Поймите же, что тутъ мѣшкать и недоумѣвать нечего, что вамъ ничего другаго не остается дѣлать, какъ вновь поднять, поднять высоко, русское, оно же и славянское знамя—въ виду всей Европы, всего міра. Вѣдь это вопросъ не только нашей чести и достоинства, не только нашихъ политическихъ внѣшнихъ интересовъ, но это для насъ вопросъ: «быть или не быть»...

Къ этому вопросу мы, впрочемъ, еще вернемся.

Москва, 26 октября.

Какъ и слѣдовало ожидать, петербургскія газеты отнеслись несочувственно къ передовой статьѣ «Руси» прошлаго №,—по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, съ отзывами которыхъ мы успѣли ознакомиться. Можетъ-быть, здѣсь доля и нашей вины: мы недостаточно ясно и убѣдительно выразили нашъ взглядъ,—но тѣмъ не менѣе, общій характеръ этихъ критическихъ отзывовъ наводитъ и на другія соображенія. Петербургъ вообще—истинный представитель того «реализма», который въ послѣднее время вошелъ у насъ въ такой почетъ и моду—реализма голаго, не только безъ идеалистической подкладки, но и вовсе безъидейнаго,—который самъ себя цѣль, самъ себя довлѣть, самъ собой предвоенъ и даже пресеріозно, но вмѣстѣ и пренаивно, просто обижаются, когда подступаютъ къ нему съ нѣскольکو отвлеченною мыслью. А что же не кажется ему отвлеченностью! Какъ истый мудрецъ вѣка сего, онъ признаетъ за «правду жизни» лишь сегодняшній день, лишь то, что онъ можетъ ощупать, смѣрять, взвѣсить, во что можетъ такъ-сказать уткнуться носомъ. Оттого-то истинная «правда жизни» всего менѣе и дается корифеямъ нашего «реализма». Никогда не понять такому реалисту ни народа, ни исторіи: народа потому, что народа въ цѣломъ,—этого организма живущаго въ вѣкахъ,—никакъ не ухватишь реальными щупальцами; для реалиста народъ существуетъ лишь какъ совокупность паличныхъ и притомъ ему извѣстныхъ единицъ, какъ дворникъ Семень, да извощикъ Кузьма, которыхъ ему случайно довелось изучить съ природы: этимъ объясняется, между прочимъ, почему нѣкоторые наши реалисты-художники отрицали всякое народное значеніе въ движеніи добровольцевъ 1876 г. и въ войнѣ 1877 года! Про исторію и говорить нечего: она не доступна разумѣнію безъ абстракціи, безъ извлеченія, изъ ея реальныхъ данныхъ, сокрытой въ нихъ движущей идеи; для реалиста она такимъ образомъ—лишь сборъ неосмысленныхъ фактовъ; или же какой-либо внѣшній, поразившій реалиста фактъ заслоняетъ для него своею внѣшностью общій внутренній, таящійся въ немъ смыслъ: кромѣ этой внѣшности реалистъ уже ничего и не видитъ.

Не стоило бы конечно и останавливаться вниманіемъ на проявленіяхъ такого, впрочемъ довольно невиннаго, «реализма» въ петербургской печати, еслибъ не приходило на умъ, что такова, видно, общая атмосфера въ петербургской средѣ, въ средѣ чиновниковъ, а пожалуй, и сановниковъ, пожалуй, и дипломатовъ, т. е. отъѣнное расположеніе къ безыдейности. Это явленіе уже болѣе серіознаго характера. Мы въ своей статьѣ именно обличали въ русской политикѣ, особенно по отношенію къ Славянскому міру, отсутствіе общей руководящей мысли и пытались, съ своей стороны, осмыслить себѣ ту историческую практику, которою ознаменовались для Россіи и XVIII и XIX вѣка, — раскрыть ту историческую идею, которая лежитъ въ основѣ нашего стихійнаго движенія къ Босфору и Балканскому полуострову. Мы старались доказать, что въ настоящее время, когда приходится имѣть дѣло съ Западомъ, являющимся во всеоружіи своей исторической идеи, Россія должна выступить съ нимъ въ состязаніе не иначе, какъ отдавъ себѣ ясный отчетъ въ своей собственной исторической задачѣ. Казалось бы, такое требованіе не можетъ вызвать и спора. Но петербургскія газеты признаютъ, по видимому, или обвиненіе нашей дипломатіи въ безыдейности неосновательнымъ, или же самую необходимость для нея въ руководящей исторической идеи — сомнительною. Одна изъ газетъ противопоставляетъ «идеализму Руси» — политику «реальныхъ интересовъ»; другая же восклицаетъ, что наше истолкованіе призванія Россіи и напоминаніе о немъ — «значить, въ отвѣтъ на нынѣшнія русско-болгарскія недоумѣнія, не сказать ничего»!... Разбору и оцѣнкѣ именно этихъ «русско-болгарскихъ недоумѣній» посвященъ былъ въ «Руси» цѣлый рядъ статей въ предшествовавшихъ №№, но эти-то недоумѣнія и свидѣтельствуютъ объ отсутствіи въ русской славянской политикѣ общей руководящей точки зрѣнія: вотъ эту-то общую точку зрѣнія и слѣдуетъ наконецъ опредѣлить; надо же наконецъ (или не надо?) понять и сознать — чего мы вообще хотимъ и должны хотѣть отъ Славянъ, чего добиваемся, какая наша задача, въ чемъ именно смыслъ и существо нашихъ къ Славянству отношеній? Иначе русская политика будетъ вѣчно блуждать, путаться, сама себѣ противорѣчить, — какъ оно было и есть въ послѣднее время,

особенно же въ періодъ прошлаго царствованія. Ужели въ Петербургѣ этой потребности въ общемъ опредѣленномъ возрѣніи—не сознаютъ и не ощущаютъ?! Должно быть такъ!... «Такова—изрекаютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости»—*всегдашняя* тактика славянофильства при назрѣваніи того или другаго *славянскаго* вопроса: открыть обширные горизонты и высокія задачи. но не сказать *ни слова* о практической части дѣла». Хороша практика безъ опредѣленія задачи! Толочь воду—значить такая практика!... Мимоходомъ сказать, забавень и этотъ упрекъ обращенный къ «славянофильству»: добро бы еще, еслибъ онъ относился къ другимъ, а не къ славянскимъ вопросамъ! Кажется ужъ «сланофильство»—то именно и не ограничивалось по отношенію къ Славянству «раскрытіемъ мысленныхъ горизонтовъ» или платоническимъ сочувствіемъ, а при назрѣваніи славянскаго вопроса—хоть бы въ 1876, 77, 78 годахъ—дѣйствовало, по возможности, и практически чрезъ созданные имъ Славянскіе Комитеты,—изъ коихъ особенно Московскій достаточное, помнится намъ, принималъ участіе въ событіяхъ не только словомъ устнымъ и письменнымъ, но и дѣломъ—вплоть до злосчастнаго Берлинскаго трактата!... Но это въ сторону. Не мнѣнія печати о «славянофильствѣ» озабочиваютъ насъ, а смущаетъ насъ то, что подобнымъ противопоставленіемъ «практической части» и «политики реальныхъ интересовъ»—нашему праздному будто бы и совершенно излишнему раскрытію мысленныхъ «горизонтовъ и задачъ», подобнымъ отрицаніемъ всякой необходимости для высшей политики руководиться основною общею сознательною идеею объ обязанностяхъ налагаемыхъ на Россію ея историческимъ призваніемъ, печать поощряетъ печальную безъидейность нашей политики, задерживаетъ проясненіе сознанія въ самихъ политическихъ дѣятеляхъ и вообще служить службу,—конечно, не отдавая сама себѣ въ томъ отчета,—интересамъ политики ненаціональной.

Мы же полагаемъ, что именно въ томъ «славянофильскомъ» тезисѣ, которымъ опредѣляется русская историческая идея,—въ этой, какъ иронически выражается «Новое Время», «старой формулѣ славянскаго кружка, болѣе богословскаго, чѣмъ политическаго», въ этомъ, по выраженію той же га-

зеты, «разплывчатомъ идеализмѣ», именно и содержится самое *практическое* руководство для здоровой *реальной* политики.

Спрашивается: еслибы эта «историческая идея», при всей своей, столь наивно осмѣиваемой отвлеченности, была себѣ усвоена русскою дипломатіею, посулила ли бы развѣ она, эта дипломатія, Австріи въ 1874 году, въ предвидѣніи войны съ Турціей, на Рейхштадскомъ свиданіи, съ такимъ легкимъ сердцемъ Боснію и Герцеговину? Установила ли бы она, какъ принципъ русской политики, допущеніе «австрійской сферы вліянія» на Балканскомъ полуостровѣ, а затѣмъ и размежеваніе (для насъ проблематическое!) двухъ сферъ вліянія на этомъ полуостровѣ, австрійской и русской? Конечно нѣтъ. А вѣдь этотъ посоль и это разграниченіе совершены во имя не чего другаго, какъ «политики *реальныхъ* интересовъ»... «Какіе же у насъ *реальные* интересы въ Босніи и Герцеговинѣ, помилуйте!» — слышали мы не разъ отъ русскихъ дипломатовъ, чуть не посѣдѣвшихъ на службѣ, ревностныхъ защитниковъ вышеупомянутыхъ политическихъ комбинацій. И они повидимому правы. Чтò намъ до Босніи, чтò намъ до Герцеговины? Обѣ вѣдь земли отъ насъ далеки, торговли мы съ ними не ведемъ, — реальный же интересъ Россіи въ томъ-де, чтобы избѣгать европейской войны: ну, а для этого необходимо порой улаживать Австрію и сдѣлать ей кое-какія уступки! А между тѣмъ, не въ этомъ ли предательствѣ во власть Австріи Босняковъ и Герцеговинцевъ, согласномъ съ политикою *реальныхъ* интересовъ, но вопіюще противорѣчащемъ нравственнымъ и духовнымъ задачамъ славянской, православной Россіи, — не въ этой ли «кое-какой уступкѣ» заключается и весь узелъ тѣхъ сѣтей, въ которыхъ бьется-невыбьется наша политика въ настоящую минуту? Развѣ не здѣсь самое ядро современнаго осложненія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ? Вѣдь только слѣпому не видно, что не создали мы сами, — благодаря «политикѣ реальныхъ интересовъ», столь надменно отрицавшей «политику отвлеченныхъ славянофильскихъ идей и чувствъ», — настоящее для Австріи положеніе за Савой и Дунаемъ, не возникло бы и тѣхъ «русско-болгарскихъ недоумѣній», по деликатному выраженію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (не однихъ болгарскихъ, но и сербскихъ и всяческихъ), для

которыхъ не видится и исхода... Выѣденнаго яйца не стѣбить для Россіи политика реальныхъ интересовъ, какъ скоро она не направляется высшею путеводною идеею русскаго историческаго призванія и задачи... хотя бы именно въ «старой формулѣ славянофильскаго, болѣе богословскаго, чѣмъ политическаго кружка!» Безъ свѣта высшей исторической идеи, за утратою или оступѣніемъ непосредственнаго чувства родной исторіи и народности, не опознать русской дипломатіи и истинныхъ реальныхъ интересовъ Россіи...

Свѣти эта идея и не затмѣвайся она реалистическою тенденціей и туманомъ чужихъ, усвоенныхъ себѣ руководителями русской политики идей,—развѣ такъ бы мы дѣйствовали на Берлинскомъ конгрессѣ, какъ это было въ 1878 г., развѣ отпихнули бы отъ себя прочь Сербовъ королевства, велѣвъ имъ со всѣми своими ходатайствами о нуждахъ и пользахъ отнынѣ обращаться къ Австро-Венгріи, къ ней одной? Такъ поступили реалисты нашей политики на конгрессѣ!.. Да и возможенъ ли былъ бы тогда самый конгрессъ?!

Слыхали мы отъ дипломатовъ и такое оправданіе ихъ политическихъ, относительно Австріи, на «реальныхъ интересахъ» основанныхъ комбинацій: «пусть-де Австрія заберетъ себѣ Славянъ Балканскаго полуострова Сербскаго племени, въ нѣкоторомъ родѣ объединитъ Сербовъ, — настанетъ время, они оперятся подъ ея покровомъ, да и сбросятъ его, а къ той порѣ, Богъ дастъ, и мы быть-можетъ соберемъ съ силами, и т. д. Такой расчетъ напоминаетъ извѣстный расчетъ кузнеца въ малороссійской сказкѣ, который задумалъ надуть чорта, заложивъ ему изъ-за крупныхъ денегъ душу, въ той надеждѣ, что когда придетъ срокъ уплаты — онъ перекреститъ чорта и выручитъ душу назадъ во всей цѣлости: однакожь, на бѣду кузнеца, крестное знаменіе не помогло, спасительнаго дѣйствія не учинило, отказалось содѣйствовать недобросовѣстному расчету. Вышеприведенною комбинаціей дипломатовъ прикрывается лишь сознаніе своего безсилія, или вѣрнѣе сказать — собственной ихъ несостоятельности, которой источникъ именно въ безыдейности или въ недостаткѣ искреннихъ твердыхъ убѣжденій. Дѣлать такіе опыты надъ славянскимъ населеніемъ, предавать его завѣ-

домо, хотя бы и временно, на онѣмеченіе, на окатоличеніе, на развращеніе культурное, политическое и религиозное, или подвергать его всѣмъ искушеніямъ неравной борьбы съ властною, могучею пропагандою, если не прямо латинства, такъ уніи,—всѣмъ виѣшнимъ соблазнамъ способнымъ растлить въ немъ духовную силу славянской національности,—это *excrementa in anima vili*, допущеніе которыхъ съ нашей стороны безнравственно и можетъ принести намъ лишь *реальный* вредъ....

Спрашивается: еслибъ стояли мы на высотѣ той исторической идеи, которая Петербургу представляется идеализмомъ, на «богословіи» заквашеннымъ и враждебнымъ практической мудрости,—развѣ мы, освободивъ и призвавъ въ жизни православный Румынскій народъ, пренебрегли бы имъ до совершеннаго забвенія о его единовѣрїи и его древнихъ съ нами связяхъ,—до такого забвенія, что наша дипломатія сама, охотно, ступевывается теперь тамъ до нуля, сама себя считаетъ въ Румыніи, относительно русскаго вліянія и значенія, чуть не послѣднею спицею въ колесницѣ, и безпрекословно допустила посадить туда, на самой нашей границѣ, Гогенцоллерна!? А тамъ, между тѣмъ, возникаетъ теперь борьба между латинствомъ и православіемъ, Румыніи грозитъ опасностью уніи,—начинается глухое волненіе... Знаютъ ли даже объ этомъ наши дипломаты? Пусть прочтутъ, по крайней мѣрѣ, помѣщаемую ниже, въ этомъ же №, статью по поводу брошюры князя Бибеско...

Спрашивается: не питай наша дипломатія общаго съ петербургскою печатью отвращенія ко всякой «русской исторической идеѣ»,—развѣ отдали бы мы, посадивъ или допустивъ на румынскій престолъ Гогенцоллерна, Румыніи Добруджу и лишили бы себя сами непосредственнаго сухопутнаго сообщенія съ Болгаріей?

Развѣ надѣлили бы Болгарское, нами образованное княжество нами же сочиненною въ Петербургѣ, радикальною конституціей? Выходитъ такъ, будто мы сами признали ее *высшею* формою государственнаго благоустройства, — сами дали Болгарамъ право превозноситься надъ нашею «ретроградностью»!! И такую именно конституцію умудрились мы навязать Болгарамъ, которая долженствовала внести всяче-

скую фальшь въ несчастную страну и въ концѣ концовъ легально передать власть въ руки лженародныхъ и лжеславянскихъ элементовъ, движимыхъ лишь похотью подражанія «европейскому прогрессу и цивилизаци!» Не мало и русскихъ Женевцевъ и тому подобныхъ господъ переселилось, говорятъ намъ, въ Болгарію; многіе даже заняли мѣста учителей въ народныхъ школахъ: не знаемъ, Русскій или Болгаринъ, одинъ изъ гимназическихъ учителей въ Систовѣ, прошлымъ постомъ, увлеченный идеею современнаго «прогресса», отправился, во главѣ учениковъ, на квартиру священника въ страстную пятницу, и тамъ палками заставили «попа» ѣсть баранину! Справедливости ради должны мы упомянуть впрочемъ, что учитель этотъ былъ потомъ уволенъ. Только уволенъ... Бѣдный Болгарскій народъ! Такъ, незадолго до румелійскаго переворота, приняты были на мнимонародномъ собраніи въ Софіи, во имя народа, подъ предлогомъ «отдѣленія церкви отъ государства», разныя мѣры, имѣвшія цѣлью подорвать основы православной церкви въ народѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при министрѣ Цанковѣ, запрещено было духовенству содержаться на счетъ платы за требы, установленной обычаемъ въ сельскомъ болгарскомъ самоуправленіи, и содержаніе духовенства принято было на счетъ народно-государственной казны, — а при министрѣ-президентѣ Каравеловѣ, въ подражаніе французской палатѣ депутатовъ, вычеркнута эта статья изъ бюджета, такъ что приходское духовенство лишилось всякихъ средствъ къ жизни. Это произвело не малое волненіе, — былъ даже созванъ публичный *митингъ* (совсѣмъ Европа!), кажется въ Софіи, на которомъ одинъ изъ попугаевъ прогресса держалъ рѣчь такого рода, что «священники суть служители Бога, но вопросъ-де въ томъ: существуетъ ли самъ Богъ!»... Тѣмъ не менѣе духовенство намѣревалось учинить соборъ и протестовать предъ лицомъ Россіи; мы знаемъ, что въ одномъ изъ городовъ, мѣстное духовенство, опасаясь преслѣдованій со стороны властей, признавало возможнымъ устроить свое совѣщаніе лишь на дворѣ жилища одного изъ нашихъ знакомыхъ, Русскаго. Не мало получили и мы въ Москвѣ, почти одновременно съ переворотомъ, писемъ наполненныхъ жалобами духовныхъ лицъ на внутреннюю политику болгар-

скаго «радикальнаго» министерства. И безъ того въ Болгаріи, какъ и въ Сербскомъ королевствѣ, долгое турецкое иго во многомъ исказило духовную стройность церковнаго элемента,—подъему котораго конечно ужъ не могла нисколько содѣйствовать болгарская и сербская интеллигенція, карикатурная копія нашей же «мнимо-либеральной» интеллигенціи, и теперъ въ обѣихъ странахъ (въ Болгаріи благодаря введенной нами конституціи) обрѣтающаяся во власти. Печальное положеніе православной церкви въ королевствѣ Сербскомъ, которымъ она обязано по преимуществу Австріи (позволяющей себѣ даже мечтать о введеніи униі), вѣдомо всѣмъ. У Болгаръ же, до ихъ освобожденія Россіей, православно-церковные интересы послужили сначала поводомъ, а потомъ, для ихъ близорукихъ интеллигентныхъ вождей, и маскою, только лишь прикрывавшею стремленія къ національному обособленію (впрочемъ, совершенно законныя сами по себѣ). Одушевленный этими стремленіями, мнимомудрый Драганъ Цанковъ пытался привести свой народъ въ унию съ латинствомъ и самъ принялъ католицизмъ, въ которомъ, къ стыду своему, пребываетъ и понинѣ, воспитываетъ въ немъ и свое семейство. «Филетизмъ» Грековъ, отождествившихъ идею православія съ идеею эллинизма, вынудилъ Болгаръ на разныя, конечно сами по себѣ предосудительныя, отступленія отъ церковныхъ канонѣвъ, въ силу чего произошелъ извѣстный Константинопольскій соборъ, не умиротворившій, а расколѣвшій православную церковь. Хотя освобожденная и возведенная на степень государства, не можетъ однако Болгарія не испытывать на судьбѣ своей церкви, парализующихъ ея духовное преуспѣяніе, послѣдствій своего неправильнаго положенія въ православно-церковномъ мірѣ, своего разобщенія съ православными церквами.

Вотъ, еслибы жива и дѣйствительна была въ русской правящей средѣ идея исторической духовной миссіи нашего отечества, такъ первую нашу настоятельную задачу, по освобожденіи Болгаріи, было бы не преподнесеніе только что вылѣзшимъ изъ темноты пятывѣковаго турецкаго рабства Болгарамъ «самаго послѣдняго слова» западно-европейской политической науки—въ видѣ противнаго духовному славянскому существу конституціоннаго обмана,—а возстановленіе

церковнаго мира въ православномъ Славянствѣ, а укрѣпленіе, устроеніе и возвышеніе церковнаго элемента въ Болгаріи, оживленіе православно-церковнаго духа въ самомъ Болгарскомъ народѣ. Да и на чемъ, спрашивается, съ *истинно-реальной* точки зрѣнія, зиждется наша съ Балканскими народами связь? Развѣ не на единовѣрїи? Поставьте въ основаніе вашей политики религиозный индифферентизмъ, — что станетъ съ высшими «реальными», русскими политическими интересами? Какое право предъявите вы на вліяніе и руководство?... «Прогрессъ и цивилизацію» Австрія стѣснѣтъ даровать получше васъ, и ухитрится даровать такимъ образомъ, что и національное самолюбіе будетъ польщено, и славянскій интеллигентъ, надѣвъ на себя австрійско-европейскую маску, станетъ искренно увѣрять, что это и есть его «собственная фізіономія!» Мы уже это и видимъ въ Сербїи. Чѣмъ же, на примѣръ, какъ не безъидеюсью и фальшивопонятыми нашею близорукою дипломатїей «реальными интересами» можно объяснить совершенное ничтожество русской дипломатической дѣятельности въ Македонїи—въ виду яростной католической пропаганды, поддерживаемой не только Римомъ, не только средствами Австрійскаго Двора, но даже и дипломатическими представителями протестантскихъ державъ: послѣдніе, въ ущербъ православію, въ которомъ справедливо усматриваютъ залогъ связи Славянскихъ племенъ съ Россїею, готовы охотно содѣйствовать даже успѣху латинства! Всякому Македонцу-Болгарину поставлена такая дилемма: или оставаясь православнымъ терпи гоненія и муки отъ Турокъ и Грековъ, или же отрекись отъ православія, стало-быть и отъ духовныхъ связей и симпатїй съ Россїей, въ пользу латинства, и поступишь тогда подъ покровительство западныхъ дипломатическихъ представительствъ. А наша дипломатїя, просвѣщенно игнорируя интересы православія, которые кажутся ей чуждыми «политикѣ реальныхъ интересовъ», если и не всегда назначаетъ къ Славянамъ русскими агентами иновѣрцевъ, то только и знаетъ, что наказывать русскимъ представителямъ: сидѣть тише воды—ниже травы и не производить фальши въ европейскомъ концертѣ...

Реальные интересы! Въ «Новомъ Времени» были сообщены два проекта, будто бы представленные германскому

канцлеру прусскимъ полковникомъ Гольцемъ по возвращеніи изъ Турціи, гдѣ со званіемъ паши онъ благоустроилъ, по рекомендаціи канцлера, султанскую армію. Въ одномъ предлагается нейтрализовать оба пролива Чернаго моря, Дарданеллы и Босфоръ; въ другомъ — дать Турціи задолжать европейскимъ банкирамъ еще немножко и затѣмъ, объявивъ ее несостоятельною должницею, учредить въ Константинополь международное смѣшанное европейское управленіе—въ родѣ коммисіи уже существующей въ Египтѣ... Съ точки зрѣнія «реальныхъ» интересовъ тутъ пожалуй и возражать много нечего, если подъ реальными разумѣть интересы только вещественные, дѣйствительные, а не интересы нравственнаго вліянія, обаянія или предполагаемаго призванія и значенія въ будущемъ: это вѣдь, пожалуй, «идеализмъ»! Проекты Гольца, повидимому, всѣ въ интересахъ общеевропейскаго *мира*, противъ которыхъ и спорить-то неудобно, не обнаруживъ присутствія въ себѣ какихъ-либо «честолюбивыхъ и властолюбивыхъ замысловъ». Но само собою разумѣется, что при осуществленіи того или другаго проекта (о чемъ, впрочемъ, нѣтъ еще кажется и рѣчи даже и въ европейской печати), значеніе и обаяніе Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и исполненіе ею своей всемірно-исторической роли—упраздняются разомъ. Разбирайте же тутъ, чему нанесется ущербъ—реальнымъ или нереальнымъ интересамъ!

Одно можетъ сказать въ оправданіе цѣлаго ряда своихъ, по истинѣ чудовищныхъ ошибокъ русская дипломатія, что не она одна въ нихъ повинна, что дипломаты наши—кость отъ костей и плоть отъ плоти всего русскаго общества, а бѣда ея лишь въ томъ, что всѣ ея промахи и грѣхи — не домашнее только дѣло, что они виднѣе на фонѣ виѣшней политики и ощутительнѣе для народнаго самолюбія. Почему, въ самомъ дѣлѣ, ставить дипломатамъ въ упрекъ «религіозный индифферентизмъ», когда тѣмъ же индифферентизмомъ отличаются и другія вѣдомства, и—больно сказать—въ извѣстной степени и специально оберегающее интересы религіи, наше церковное вѣдомство? Примиреніе Болгаръ съ Греками, устроеніе церкви болгарской, усиленіе въ Болгаріи религіознаго элемента (ослабленнаго въ пятивѣковомъ, не экономи-

чески, а нравственно растлѣвающимъ турецкомъ плѣну) — ко всему этому могли бы быть подвигнуты русскіе представители на Балканскомъ полуостровѣ только лишь тогда, когда въ самомъ ихъ отечествѣ подвиглась бы на этотъ трудъ церковь или церковное властное представительство, когда бы въ немъ самомъ была ключомъ ревность о вѣрѣ... Несомнѣнно такъ. «Русь» съ своей стороны и не перестаетъ усиленно обличать отсутствіе живой дѣйственной силы въ нашемъ церковномъ официальномъ строѣ, не перестаетъ раскрывать отсутствіе русской исторической идеи и неразлучнаго съ нею жизненнаго творчества — и во всей русской официальной дѣятельности на Руси. Русская интеллигенція еще не доросла своимъ самосознаніемъ до уровня тѣхъ великихъ задачъ, которыя подлежатъ Россіи и которыя, какъ бы въ зачаточномъ состояніи, кроются въ глубинахъ народнаго духа. Вотъ почему мы и утверждаемъ, что славянскій вопросъ сводится къ нашему внутреннему русскому вопросу и разрѣшается вмѣстѣ съ нимъ. Но если это такъ, то и надо бы содѣйствовать всѣми способами и путями разрѣшенію этого послѣдняго, т. е. русскаго вопроса, а не тормозить процессъ разрѣшенія тѣмъ поощреніемъ бездѣйности, которымъ, во имя реализма, считаетъ нужнымъ щеголять петербургская журналистика.

Кстати. «С.-Петербургскія Вѣдомости», какъ бы въ отвѣтъ «Руси», удостовѣряютъ, что если въ Болгаріи и повторяется знакомый намъ «болѣзненный процессъ либеральничанья», то въ Россіи онъ «уже отживаетъ». Отживаетъ, да; это вѣрно, этому нельзя не радоваться. Но чѣмъ же это «либеральничанье» замѣняется? Усвоеніемъ ли себѣ истинныхъ русскихъ національныхъ идеаловъ? Этого что-то еще мало видно... Не замѣняется ли оно поползновеніями возврата къ тому «консерватизму», который Ю. О. Самаринъ назвалъ въ свое время такъ мѣтко «революціоннымъ», — къ такому консерватизму, который не менѣе чуждъ нашему историческому существу, какъ и шаблонный либерализмъ, — къ усиленію власти административныхъ канцелярій и бюрократическаго деспотизма, къ укрѣпленію той полицейско-государственной опеки временъ давно минувшихъ, но многимъ, и намъ въ томъ числѣ, памятныхъ, съ точки зрѣнія которой,

по выраженію К. С. Аксакова (когда-то напечатанному въ «Руси»),—«жизнь есть бунтъ, а смерть—порядокъ»?... Возвратиться къ нему, конечно, немислимо, но и поползновенія не желательны.

Дѣла болгарскія въ заминкѣ. Конференція медлитъ, мѣшкаетъ,—конечно не по волѣ русскаго правительства, а вѣроятно потому, что для кого-нибудь промедленіе это нужно. Положеніе дѣлъ и отношенія державъ между собою еще не перемѣнились, но при переходѣ отъ теоретическаго рѣшенія къ практическому его исполненію подвергнутся, конечно, сильному колебанію, а вѣроятно и измѣненію. Новымъ факторомъ въ дѣлѣ является столь часто отрицавшееся, но несомнѣнное соглашеніе (если не союзъ) Англій съ Турціей. Мирнаго исхода мы не чаемъ, но если не европейская война, такъ много кровавыхъ смуть предвидится на Балканскомъ полуостровѣ!... Приходится выжидать,—это будетъ не долго.

Москва, 2 ноября.

По крайней мѣрѣ откровенно! „Всякій балканскій властитель“,—говоритъ органъ вышшняго англійскаго премьера, Сольсбери, газета „Standard“, по поводу исключенія Болгарскаго князя изъ списковъ русской арміи,—„который, подерживаемый своими подданными, поможетъ разстроить виды Россіи на Константинополь, этимъ самымъ становится предметомъ участія для Англій. Думаетъ ли кто-нибудь, что Англія отказалась отъ мысли искренняго сопротивленія Россіи въ ея желаніи распространить свое вліяніе (даже только вліяніе!) южнѣ Дуная? Политика Англій въ этомъ отношеніи не измѣнилась и не измѣнится. Чѣмъ болѣе Русскій Царь будетъ стараться выказывать свое неудовольствіе на Болгаръ и князя, тѣмъ открытѣе Англійскій народъ будетъ стараться показать, что *потерять расположеніе Россіи значить приобрѣсть расположеніе Англій*“... Но откровенныя рѣчи главнаго органа торійской партіи,—которая, думаемъ мы, непремѣнно останется во власти потому именно, что ловко и сильно играетъ на руссофобской струнѣ, а ничего нѣтъ популярнѣе руссофобіи въ англійскомъ

обществѣ и ничего нѣтъ легче, какъ распалить ее до страсти, — эти откровенныя рѣчи не помѣшали лорду Сольсбери возвѣстить дня три тому разадъ, въ публичной рѣчи на банкетѣ въ Гилдъ-Голлѣ, оглашенной телеграфомъ по всему міру, что „затрудненія возникшія изъ-за спора объ афганской границѣ устранины и въ настоящее время между Русскимъ и Британскимъ правительствами установилось *сердечное согласіе*“... Можно бы спросить: „кого же здѣсь обманываютъ?“... Не насъ же въ самомъ дѣлѣ, — хотя упорный слащавый оптимизмъ оффиціознаго органа нашей дипломатіи, французскаго „Петербургскаго Журнала“ можетъ хоть кого ввести въ заблужденіе! Такъ, — замѣтимъ кстати, — приглашеніе англійскимъ правительствомъ русскихъ офицеровъ на маневры въ Индію, если можетъ-быть и польстило нашей дипломатіи и представилось ей удобнымъ случаемъ блеснуть предъ всѣмъ міромъ дружбою съ Англійей, не боѣе какъ одно изъ проявленій той же англійской, довольно грубой системы обмана. Какая цѣль этого приглашенія? Не та ли, чтобъ такою видимостью дружбы Россіи съ Англійей умирить умы Индусовъ и лишить ихъ всякой надежды на чаемое ими избавленіе отъ англійскаго ига съ помощью Россіи? Не та ли, чтобъ засвидѣтельствовать предъ Афганцами и всѣмъ Индійскимъ населеніемъ совершенное удовольствіе Россіи тѣмъ, что Герать, если не *jure*, то *de facto*, сталъ англійскою цитаделью въ такъ-называемомъ „независимомъ“ Афганистанѣ? Не та ли, чтобъ обязательныя въ подобныхъ случаяхъ поступки учтивости и комплименты англійскимъ войскамъ со стороны русскихъ офицеровъ преувеличить во мнѣніи индійскаго населенія, посредствомъ сотенъ мѣстныхъ англотуземныхъ газетъ — до значенія вовсе намъ нежеланнаго?.. Что Англійи этого бы сильно хотѣлось — вполнѣ понятно, но содѣйствовать успѣху такого ея хотѣнія, казалось бы, и не въ нашихъ видахъ... А между тѣмъ уже 30 лѣтъ, какъ мы имѣемъ право держать русскаго консула въ Бомбеѣ и 30 лѣтъ какъ мы этимъ правомъ не воспользовались, да не пользуемся и теперь!.. Но отъ далекой Индіи вернемся къ близкой намъ Болгаріи, — переходъ не трудный, такъ какъ въ политической констелляціи индійско-афганскій и балканскій вопросы стоятъ совсѣмъ рядомъ и даже въ тѣсной связи между собою.

Безспорно, самым выдающимся политическим событием прошлой недѣли былъ приказъ объ исключеніи князя Александра Баттенберга изъ списковъ русской арміи (гдѣ онъ числился генераль-лейтенантомъ) и снятіе съ „его высочества“ званія шефа 13 стрѣлковаго батальона. По русскимъ военнымъ законамъ это равняется „лишенію чести“. Что эта кара Александромъ Баттенбергомъ лично вполне заслужена (особенно послѣ всѣхъ его рѣчей и поступковъ относительно Россіи въ послѣднее время), это не подлежитъ и сомнѣнію, — хотя, сказать мимоходомъ, нельзя не пожалѣть о такомъ печальномъ сдѣяніи обстоятельствъ, что въ лицѣ этого принца пришлось казнить государя *Бомаріи*, перваго государя нами же созданнаго государства и нами же Болгарамъ навязаннаго. Какъ бы ни толковали, что это исключеніе изъ списковъ русской арміи — наше домашнее дѣло и относится лишь до нашихъ личныхъ съ княземъ счетовъ, — невозможно отрицать величайшую политическую важность этой мѣры и ея отчасти неминуемыхъ, отчасти возможныхъ послѣдствій.

Въ настоящее время возсѣдаютъ на Константинопольской конференціи уполномоченные отъ семи державъ, болѣе или менѣе склонные въ теоріи къ восстановленію *status quo ante*, но призванные, вмѣстѣ съ тѣмъ, обсуждать и предложеніе Россіи о самомъ князѣ Болгарскомъ, т. е. о смѣщеніи его съ болгарскаго (не съ румелійскаго только) престола. Всякое предложеніе можетъ быть взято назадъ или видоизмѣнено, но принятому нами теперь относительно князя мѣроу „русское предложеніе“ какъ бы упраздняется: это уже *déjà fait*, дѣйствіе уже рѣшающее вопросъ, по крайней мѣрѣ для Россіи, окончательно и безповоротво. Отъ этого дѣйствія она отступить уже не можетъ. Въ этомъ отношеніи ея роль на конференціи кончена, — Россіи и обсуждать нечего. Еслибъ, сверхъ чаянія, князь Александръ удержался на престолѣ, то Россія все-таки не могла бы уже признавать княземъ чезовѣка лишеннаго ею чести. Ей пришлось бы немедленно отозвать своихъ дипломатическихъ представителей, прервать всякія съ Болгаріей сношенія. Конечно, съ такимъ своимъ положеніемъ Россія не помирится: вѣдь это значило бы предоставить Болгарію во власть или, что

все равно, въ „сферу сліянiя“ намъ враждебнаго,* Англіи или Австріи,—уничтожить, до послѣднаго, всѣ выгодныя для насъ результаты тяжкой, кровавой, но въ то же время и славной войны... И такъ весь вопросъ сводится теперь къ лицу князя Александра. Не будь его, совершившаго переворотъ не только безъ спроса Россіи, но со враждебными для Россіи умыслами, не было бы, можетъ-быть, теперь для насъ и особеннаго повода настаивать на возстановленіи *status quo ante* и противиться нѣкоторому измѣненію Берлинскаго трактата—ради удовлетворенія нѣкоторыхъ притязаній Греціи и Сербіи, еслибъ, въ виду единодушнаго требованія всей Европы, послѣдовало на то согласіе Турціи...

Но какъ отнесутся теперь державы къ этому существеннѣйшему для насъ вопросу—о князѣ Александрѣ, послѣ приказа объ исключеніи его изъ списковъ русской арміи? По мнѣнію берлинской „Національной Газеты“, въ этомъ послѣднемъ распоряженіи русскаго правительства видится какъ бы попытка „произвести давленіе на рѣшеніе конференціи“. Такая ошибочная точка зрѣнія была бы для насъ конечно не выгодна. Смѣщеніе князя Александра, еслибы даже къ такому заключенію и пришла конференція (чтѣ едва ли вѣроятно), могло бы, пожалуй, въ глазахъ нѣкоторыхъ державъ принять видъ не свободнаго согласія съ мнѣніемъ Россіи, а вынужденнаго—совершившимся уже фактомъ позорной кары, которой подвергла Россія князя... Во всякомъ случаѣ конференція поставлена теперь межъ двумя альтернативами: или оставить обезславленнаго, опозореннаго князя Александра на престолѣ Княжества, т. е. пренебречь тѣмъ авторитетомъ, которымъ Россія не перестаетъ пользоваться у Славянскихъ народныхъ массъ Балканскаго полуострова и подвергнуть князя всему риску такого пренебреженія (тѣмъ болѣе опасному, что переворотъ оказывается не достигшимъ цѣли)... Или же подписать князю отставку, — чтѣ конечно еще выше подниметь русскій авторитетъ: станетъ очевиднымъ для всѣхъ, что безъ согласія Россія никакія перемѣны на полуостровѣ, даже при желаніи иныхъ великихъ державъ, совершаться не могутъ. Выводъ для Западной Европы вообще мало желательный!

Тѣмъ не менѣе можно кажется предполагать, что въ на .

стоящее время, по разнымъ соображеніямъ, Германія и Австрія не отдѣлятся отъ политики Россіи. Но единогласнаго постановленія конференціи въ нашемъ смыслѣ ожидать ни въ какомъ случаѣ нельзя—въ виду положенія занятаго Англіей. Русскій приказъ по арміи произвелъ по всей Европѣ, по выраженію „Кельнской Газеты“, дѣйствіе подобное свисту пущеннаго адра, — направленнаго, по общему мнѣнію газетъ, не въ одного князя Александра, но рикшетомъ и въ Англію. Соображеніе не лишнее основаній, подтверждаемое отчасти и корреспонденціями, появившимися на прошлой недѣлѣ въ нашемъ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, что и придаетъ имъ оффиціальнй характеръ. „Не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ—говорится въ одномъ изъ этихъ писемъ—что „князь, пускаясь на такое предпріятіе (т. е. переворотъ), былъ увѣренъ въ поддержкѣ одной европейской державы, на помощь которой рассчитываетъ и въ настоящее время“. Не иную какую-либо державу, какъ именно Англію, и подразумевааетъ здѣсь „Правительственный Вѣстникъ“.

Приведенныя нами выше слова торійской газеты свидѣтельствуютъ, какъ живо почувствовала Англія ударъ, какъ сильно возбуждено въ ней общественное мнѣніе, — точно будто бы уязвлена англійская національная честь! „Надо „убѣдить князя—возглашаетъ „Standard“—не терять духа „вслѣдствіе этого новаго доказательства недоброжелательства Россіи! Онъ хорошо сдѣлаетъ, если останется на „своей позиціи... и не склонитъ голову предъ сѣверною бурей, которая, надѣмся, не сломитъ епо... Англійскій народъ принимаетъ теплое участіе въ судьбѣ князя Александра... единственно потому, что послѣдній пользуется „повидимому довѣріемъ своихъ подданныхъ, которые, какъ „и князь, показали, что желаютъ освободиться отъ русскаго „ига“... И такъ, отнѣсительно отказа Англіи въ согласіи на предложеніе Россіи мы можемъ считать себя обезпеченными...“

Что же потомъ? Прежде всего исходъ, почти несомнѣнный и давно уже напророченный: конференція разоидется не придя ни къ какому соглашенію. Затѣмъ возможно, что Султану надоѣстъ, да окажется и слишкомъ невыгоднымъ—

ждать, и онъ, руководимый, вѣроятно, совѣтами Англіи, рѣшится дѣйствовать самъ, какъ „сюзеренъ“ Болгаріи и „суверенъ“ Румелии,—причемъ, конечно, сохранить, въ Болгаріи и князя Александра, въ ущербъ Россіи и ея достоинству. Но какъ же тутъ быть съ притязаніями Греціи и Сербіи? Сербія отстрочила нападеніе на Княжество до рѣшенія конференціи; если же конференція разойдется, королю Милану медлить долѣе невозможно. А въ случаѣ войны Сербовъ съ Болгарами будетъ ли смотрѣть на нее Европа сложа руки? Угрозѣ Султана, что болгарская территория — турецкая и что онъ вступится за нее противъ Сербовъ, нельзя придавать значенія. Можетъ ли Австрія допустить движеніе турецкихъ войскъ противъ Сербіи? Конечно нѣтъ. Да и мы вѣдь также не можемъ устранить себя совсѣмъ отъ дѣлъ Балканскаго полуострова, еслибъ дѣйствительно Турція принялась за расправу. При такомъ оборотѣ дѣлъ европейская война на Балканскомъ полуостровѣ, съ новымъ расчлененіемъ Турціи, представляется довольно возможною, — да не этого ли и добивается Англія?...

Мы полагаемъ однако, что событія внутри самой Болгаріи не замедлятъ съ одной стороны усложнить, а съ другой и ускорить развязку дѣла. Какъ скоро дойдетъ до свѣдѣнія Болгарскаго народа — не слухъ о неудовольствіи вообще русскаго правительства на князя, но гласно, на весь міръ заявленное дѣйствіе воли Русскаго Монарха, т. е. изверженіе князя Александра вонъ изъ списковъ Русской арміи, какъ недостойнаго числиться въ ея рядахъ, — то едва ли можно и сомнѣваться въ томъ, что громадное большинство народа вскорѣ отъ него отшатнется. А чтобъ этотъ русскій приказъ по арміи не дошелъ до народнаго свѣдѣнія, — этого нельзя и предположить, какія бы мѣры ни приняла преданная князю полиція. Слишкомъ на руку этотъ приказъ партіи „цанковистовъ“, — до ярости враждебной и князю и его клеветамъ, и партіи нынѣшняго Каравеловскаго министерства. Глава этой партіи — старикъ Драганъ Цанковъ, бывший министромъ-президентомъ до Каравелова и имъ свергнутый, имѣлъ мужество противостать одинъ приговору экстреннаго народнаго собранія, созваннаго въ Софіи вслѣдъ за румелийскимъ переворотомъ. Когда все со-

браніе высказалось, съ громкими кликами и рукоплесканіями, „за соединеніе Румеліи съ Болгарскимъ княжествомъ“, онъ съ твердостью во всеуслышаніе заявилъ, что и онъ „готовъ признать соединеніе, но лишь въ томъ случаѣ, если Россія его признаетъ“. По отобраніи голосовъ, предсѣдатель собранія, Стамбуловъ (который считается дѣйствительнымъ верховодомъ и главою радикальной, Каравеловской партіи) торжественно возвѣстилъ, что „соединеніе признано единогласно, за исключеніемъ лишь г. Драгана Цанкова“. „Да, отозвался смѣло старикъ, за исключеніемъ лишь моего голоса, обусловливаемаго согласіемъ Россіи“... Вскорѣ затѣмъ правительствомъ предположено было выслать и заточить гдѣ-нибудь Цанкова административнымъ порядкомъ, однакожь популярность Цанкова настолько велика, что благоразумія ради это предположеніе было оставлено; тѣмъ не менѣе многіе изъ „цанковистовъ“ подверглись преслѣдованію. Г. Цанковъ вовсе впрочемъ не отличается слѣпою преданностью Россіи, но онъ безспорно человекъ умный и едва ли не самый разсудительный въ настоящее время во всей Болгаріи, самый способный оцѣнить настоящее положеніе дѣлъ. Онъ былъ два раза министромъ, былъ уже однажды заточенъ княземъ въ какомъ-то отдаленномъ отъ столицы городишкѣ Болгаріи, въ 1881 году, когда князь совершилъ свой знаменитый переворотъ, упразднившій было Тырновскую конституцію, а потому знаетъ князя вдоль и поперекъ, и искренно убѣжденъ въ несомнѣстности дальнѣйшаго пребыванія Баттенберга съ благомъ Болгаріи. Партія Цанкова найдетъ, конечно, способъ распространить среди народа вѣсть о томъ, что Русскій Царь велѣлъ снять съ князя Александра русскій мундиръ и разжаловалъ его изъ Болгарскихъ князей въ прежнее званіе нѣмецкаго принца. Принцъ же этотъ никогда и прежде не пользовался ни симпатіями, ни уваженіемъ народа, и если благодаря перевороту популярность его нѣсколько возросла, то это главнымъ образомъ потому, что князь являлся какъ бы орудіемъ русской воли. Разъ этотъ ореоль русской силы, окружавшій князя, исчезъ,—а тутъ еще слухи о дезорганизаціи арміи (своими неопытнымъ офицерамъ ни народъ, ни солдаты не довѣряютъ), громадныя траты государственной ка-

зны съ перспективою новыхъ усиленныхъ налоговъ, разстройство торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, угроза войны съ Сербіей, а пожалуй и съ Турціей: власть князя Александра повисла, или не нынче-завтра повиснетъ на волоскѣ. Но такъ какъ у него все же есть партія — большая часть такъ-называемой «интеллигенціи», за исключеніемъ данковистовъ,—всѣ обязанные князю карьерой или состояніемъ, всѣ вновь испеченные изъ прапорщиковъ полковники и т. п.,—то въ несчастной Болгаріи легко можно ожидать внутреннихъ смуть, междоусобицъ и кровопролитія. Тогда русская временная оккупация Болгаріи окажется дѣломъ неизбежнымъ, будетъ призываться народомъ какъ истинное благодѣяніе и дастъ намъ возможность не только умиротворить страну, не только восстановить наши связи съ нею, но и упрочить ихъ на новыхъ лучшихъ основаніяхъ, ко благу Болгаріи и пользѣ самой Россіи.

Но позволять ли эту оккупацию Турція и Англія?... По всей вѣроятности, нѣтъ. Другаго однако же выхода изъ настоящаго невыгоднаго положенія для насъ не имѣется, если не захотимъ совсѣмъ отречься отъ нашего призванія и значенія Россіи, какъ великой Славянской державы. Возможно, что обойдемся и безъ войны,—но во всякомъ случаѣ ее слѣдуетъ имѣть въ виду и къ ней готовиться... Тогда-то именно можетъ-быть она и минуетъ насъ.

Москва, 9 ноября.

Второй актъ траги-комедіи на Балканскомъ полуостровѣ уже начался. Но этотъ актъ уже кровавый. Радуйся, русская дипломатія!

Австрійскій авангардъ во образѣ расхорохорившихся Сербовъ выступилъ на сцену дѣйствія. Даже не „ловкимъ“, а топорно-грубымъ маневромъ австрійской политики,—явнымъ для всѣхъ, кто не слѣпъ и не ищетъ обманываться, Сербы подзадорены и натравлены на подлую братоубійственную брань. Вооружившись на австрійскій счетъ, движимый, направляемый Австріей, ея вѣрный холопъ, карикатурный король Миланъ, выпустивъ нѣсколько нахально-шутовскихъ

прокламацій, ноть и наконецъ манифестъ о войнѣ, вторгся съ своимъ войскомъ (къ вѣчному позору для Сербскаго народа, даже безъ всякаго, хоть бы мнимо-законнаго повода) въ неуспѣвшую приготовиться, сравнительно беззащитную теперь Болгарію. Болгары дерутся; сопротивляются, но вездѣ, конечно, оказываются слабѣе числомъ; столица Княжества, Софія — не нынче-завтра въ рукахъ Сербовъ,—хотя, конечно, не Софія, а Юговосточный округъ Болгаріи съ его дорогою намъ Македонією (которая можетъ пригодиться и Австріи) составляетъ предметъ сербскихъ вождельнѣй.

Князь Александръ Баттенбергъ, въ свою очередь вдохновляемый, руководимый Англіей (которой дипломатическій агентъ съ нимъ неразлученъ), обратился—за помощью не къ Россіи, разумѣется, которая объявила, что она теперь, пока тамъ этотъ, ею же поставленный князь, знать и самой Болгаріи не хочетъ (но которая однакоже могла бы остановить кровопролитіе однимъ словомъ), а къ Султану, какъ къ сюзерену. Онъ просилъ: вступиться за него, Баттенберга, какъ за вѣрнаго его вассала и прислать турецкія войска для защиты болгарской территоріи, составляющей - де, въ силу Берлинскаго трактата, часть оттоманской имперской территоріи. Онъ сослался и на то постановленіе Берлинскаго трактата, которымъ Болгарія, какъ вассальная часть Оттоманской имперіи, лишена права объявлять кому-либо войну... Но къ Султану же писалъ и Сербскій король Миланъ, увѣряя, что воюя теперь Болгарію, онъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду не только „возстановить“, но и „упрочить“ султанскія же права, оскорбленныя княземъ Александромъ и румелійскимъ переворотомъ: другими словами, мститъ за нарушеніе Болгарами Берлинскаго трактата—новымъ его нарушеніемъ, такъ какъ границы между Сербіей и Болгаріей опредѣлены вѣдь этимъ же „священнымъ“ договоромъ! Къ Султану же, чуть не ежедневно, обращается и Константинопольская конференція, величающая его какъ полноправнаго государя Болгаріи общимъ хоромъ, побуждающая его (отъ лица трехъ державъ) принять „дѣйствительныя мѣры къ возстановленію его погранныхъ въ Румеліи правъ“, водворить въ ней властною рукою свой верховный авторитетъ, наказать дерзкихъ мятежниковъ по-

сгнущихъ на его достоинство и престижъ, утвердить *status quo ante*, даже съ интервенціей вооруженной турецкой силы, — подъ контролемъ однако европейской комиссіи... Гнѣваются изъ-за его нарушенныхъ правъ, и тутъ же ихъ нарушаютъ; гнѣваются изъ-за неуваженія къ Берлинскому трактату и тутъ же рвутъ изъ него клочки, — гнѣваются, зачѣмъ онъ, его султанское величество не гнѣвается!.. Оглушенный, огорошенный со всѣхъ сторонъ такимъ надоѣдливымъ величаніемъ, обиліемъ почета и радѣніемъ объ его интересахъ, Султанъ запирается, совѣщается съ министрами и медлитъ, — медлитъ отвѣтомъ, но лихорадочно спѣшитъ вооружиться. Впрочемъ послать войска противъ Сербовъ въ защиту Болгаръ или разнимать ихъ—онъ отказался, хорошо понимая, что Болгарія и Румелія для Турціи отрѣзанные ломти, а сюзеренская или суверенская власть безъ свободного права держать войска на Балканахъ—тѣнь или звукъ пустой!..

Можно было бы, пожалуй, какъ и дѣлаютъ нѣкоторыя газеты, вдоволь насмѣяться надъ этой взаимною потасовкою „братушекъ“, уподобляя ее схваткѣ „раззадорившихся пѣтуховъ“, вдоволь натѣшиться этою игрою „дѣтей въ большіе“, еслибъ не лилась тутъ человѣческая кровь, да еще—кровь братій нашихъ, нами же призванныхъ къ жизни и вскормленныхъ. Но какъ ни прискорбно такое кровопролитіе, можно бы съ нимъ и помириться, еслибъ оно отрезвило драчливыхъ и научило ихъ уму-разуму. Настоящая, серьезная сторона дѣла не собственно въ дракѣ Болгаръ и Сербовъ: и тѣ, и другіе—не болѣе какъ маріонетки, которыя поворачиваются, вздрагиваютъ, ёрзаютъ, дерутся, приводимыя въ движеніе чужими руками, изъ-за ширмы, откуда же раздаются фальцетомъ крикливые звуки и рѣчи. Это ломаютъ кровавую комедію двѣ великія державы, почти и не прикрываемыя ширмами,—Англія и Австрія.

Не Англія, впрочемъ, вызвала эту братоубійственную брань; она съ самаго начала явилась защитницею князя Александра Баттенберга и того нарушенія Берлинскаго трактата, которое произведено румелійскимъ переворотомъ. Что эта защита предпринята ею вовсе не въ интересахъ Болгаріи, а во вредъ Россіи, въ надеждѣ изъять Болгаръ изъ-подъ

русскаго вліянiя и вообще нанести ударъ рускому обязнiю среди Славянъ и на Востокъ, этого,—къ чести ей будь сказано,—она даже и не скрываетъ; она остается себѣ вѣрна и на Константинопольской конференціи, парализуя до совершеннаго безсилiя „дружныя“ усилія трехъ великихъ континентальныхъ державъ, направленныхъ къ возстановленію status quo ante. Объ единодушiи Австріи, Германiи и Россіи не перестаетъ свидѣтельствовать печатный органъ русской дипломатiи. На единодушiе этихъ трехъ державъ „Journal de St.-Petersbourg“ продолжаетъ о сiю-пору возлагать твердыя упованiя.... Какимъ же это образомъ выходитъ такъ, что одна изъ державъ вмѣстѣ съ остальными двумя протестуя противъ нарушенiя Берлинскаго трактата и провозглашая его неприкосновенность, въ то же самое время сама, руками Сербiи и своими даже щедротами, производитъ теперь новое его нарушенiе? Не исповѣдуютъ ли всѣ три участницы Трехъ-Державнаго Союза непреложность султанскихъ верховныхъ правъ на Болгарію,—такую непреложность, что у Султана отрицается право даже поступиться небольшою ихъ частью, признавъ фактъ соединенiя Румелии съ Болгаріей?! А между тѣмъ одна изъ соучастницъ, Австрія, одновременно, самымъ безцеремоннымъ образомъ посягаетъ на превознесенный принципъ султанскаго верховенства, вооруживъ и двинувъ въ вассальныя владѣнія Султана сербскую армію! „Россiя, Австрія и Германiя“, — сообщаютъ намъ оффиціально,—выбиваются изъ силъ, чтобы доставить Балканскому полуострову умиротвореніе и предупредить кровопролитіе.... И вотъ Австрія, одна изъ трехъ, приводитъ всѣ эти совокупныя усилія къ нулю, возжигая пламя войны и вызывая пролитіе крови! Да, не на кого другаго, какъ на Австро-Венгерское правительство должна пасть вся эта кровь, обгаряющая нынѣ Болгарію. Благодаря Австріи, ей одной, конференціа лишилась теперь всякаго смысла, и „единодушiе“ трехъ державъ вынуждено ретироваться съ комическимъ срамомъ, въ нелестномъ сознании своего безсилiя.

Но чтò же это однако за путаница и безсмыслица, и какимъ образомъ можетъ быть рѣчь о „тройственномъ единодушiи“ — при явномъ предательствѣ одного изъ трехъ

членовъ Союза? Или только для остальныхъ двухъ членовъ оно не явно? На вопросъ: кого здѣсь обманываютъ? умѣстно было бы, кажется, отвѣтить: сами себя обманываютъ! Трудно однакоже допустить, чтобъ Германія склонна была къ самообману, или чтобъ Австро-Венгерія отважилась на такую открытую двойную игру (которая вѣдь въ концѣ концовъ можетъ-быть сопряжена съ рискомъ)—не заручась одобреніемъ или соизволеніемъ этой своей могущественной ближайшей союзницы...

Для сужденія же о прозорливости русской дипломатіи мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, кромѣ издающагося на счетъ русской государственной казны органа нашей дипломатіи, французскаго „Петербургскаго Журнала“. Сей послѣдній, даже и послѣ начала сербо-болгарской войны, въ неудачѣ умиротворенія и предотвращенія кровопролитія, въ безуспѣшности усилій конференціи, винить—только Англію, или точнѣе: лорда Сольсбери, никого болѣе! На политику англійскаго премьера направлены—не рѣзкіе и не ѣдки впрочемъ, но неизмѣнно деликатные и даже съ оттѣнкомъ грусти—упреки нашей дипломатической газеты. Ужъ относительно братоубійственной рѣзни Сербовъ у Болгаръ естественнѣе было бы, казалось, попрекнуть, хоть бы и нѣжно, Австрію, но о ней „Journal de St.-Petersbourg“ ни слова!

Какъ будто газетѣ и нашей дипломатіи неизвѣстно, хоть бы чрезъ посредство ея агентовъ въ Бѣлградѣ, что сербское правительство ни шагу ступить не властно, да и не можетъ—безъ указаній австрійскаго министерства! Какъ будто невѣдомо имъ, что австрійскій резидентъ графъ Кевенгюллеръ, полномочный распорядитель при сербскомъ правительствѣ, неотлучно пребываетъ при королѣ Миланѣ въ качествѣ его политическаго дядьки! Какъ будто двуличная роль Австріи не явствуетъ изъ всего ея послѣдовательнаго образа дѣйствій!.. Очень можетъ быть, что принцъ Баттенбергъ,—который, какъ теперь вполне раскрыто, зналъ о румелійскомъ заговорѣ и подготовлялся къ перевороту еще за нѣсколько мѣсяцевъ,—еще будучи на маневрахъ въ Пильзенѣ заполучилъ согласіе австрійскаго правительства; что самая поѣздка Императора въ Боснію, вслѣдъ за Кремзирскимъ свиданіемъ, не была чужда соображеніямъ, основаннымъ на близости по-

выхъ событій. Но это, положимъ, только догадка, — а что не догадка, а безспорный и ничѣмъ не оправданный фактъ, такъ это — немедленное, вслѣдъ за румелійской „революціей“, совѣщаніе короля Милана съ австрійскими министрами и немедленное снабженіе Сербіи австрійскимъ банкомъ, по заявленному, даже оглашенному въ печати желанію австрійскаго правительства, милліонами денегъ для поспѣшной мобилизаціи сербской арміи! Никакой другой цѣли не имѣла эта мобилизація, какъ увеличеніе сербской территоріи, для того, чтобы чрезъ такое потворство національному честолюбію, сохранить короля Милана на шаткомъ его престолѣ, а съ нимъ — ненавистное народу австрійское въ Сербіи преобладаніе. Примѣру Сербіи послѣдовала и Греція. Это дѣйствіе Австріи, — не только усложнившее румелійско-болгарскій вопросъ (безъ того не особенно и трудный для разрѣшенія), но придавшее ему опасный характеръ и ставшее центральнымъ пунктомъ всего положенія, — это дѣйствіе предпринято и совершено австрійскимъ правительствомъ *вслѣдъ* за Кремзирскимъ свиданіемъ, наперекоръ Скерневицкому соглашенію!.. Кому же неизвѣстно, что когда къ заявленному Россіей твердому рѣшенію созвать европейскую конференцію и держаться (какъ было условлено въ Скерневицахъ) основаннаго на трактатѣ *status quo ante*, присоединилась и Германія, — то Австрія пыталась нѣкоторое время настаивать на томъ, чтобы конференція допустила обсужденіе нѣкоторыхъ измѣненій въ трактатѣ, въ виду крайней нужды для Австріи вознаграждать Сербію, такъ щедро надѣленную ею и долгами, и надеждами? Но ни Россія, ни Германія ни на какой пересмотръ Берлинскаго трактата не согласились. Какого рода переговоры шли у этихъ державъ, особенно у Германіи, съ Австріей — это дипломатическая тайна, но догадываться можно, по результатамъ. Всѣми было замѣчено, какъ Австрія вдругъ, съ официальною напускною торжественностью, перемѣнила фронтъ, заговорила предъ парламентскими делегаціями, къ ихъ великому непріятному изумленію, о дружбѣ съ Россіей и о своей *личной* приверженности къ *status quo ante* на Балканскомъ полуостровѣ! Чтò-жь? заставила ли развѣ Австрія Сербію прекратить вооруженіе арміи? Нѣтъ, сербская ар-

мія еще усиленнѣе стала довершать свою мобилизацію! Чѣмъ ревностнѣе настаивала Австрія вмѣстѣ съ Россіей и Германіей на нерушимости Берлинскаго трактата, тѣмъ усерднѣе доставлялись въ Сербію изъ Австріи разныя нужныя для войны пособія, тѣмъ старательнѣе австрійскіе оффиціозы выставляли ребромъ свою благосклонность къ королю Милану и Сербіи... Тутъ, впрочемъ, произведена была въ интересъ Сербіи нѣкоторая подтасовка плановъ. Сначала объясняли сербскую мобилизацію потребностью „компенсаціи“ въ случаѣ признанія болгарскаго воссоединенія съ Румеліей; выдумали даже теорію „равновѣсія силъ“ на Балканскомъ полуостровѣ (это при Австріи-то, которая, владѣя Босніей и Герцеговиной, всѣхъ ихъ перевѣшиваетъ!). Откуда же взять эту компенсацію? „Стара Сербія!“ вотъ былъ сначала лозунгъ короля Милана, одушевившій всѣхъ легковѣрныхъ сербскихъ націоналовъ. Но „Стара Сербія“ принадлежитъ еще Туркамъ, которые бы безъ боя ее не уступили, а вызвать Турцію на войну—этого именно и не хотѣла допустить конференція. Въ газетахъ заговорили о возможности и удобствѣ дать Сербіи вознагражденіе изъ оккупированной Австрійцами *Боснии*: такое соображеніе Австрію крайне перепугало, и она подставила Сербамъ иную, очевидно болѣе достижимую цѣль: поживиться болгарскими землями, именно Трвскимъ округомъ....

Спрашивается: какимъ же образомъ могла русская дипломатія настаивать на созывѣ конференціи и затѣмъ рассчитывать на ея успѣхъ — въ виду сербской арміи подъ ружьемъ, постоянно разжигаемой своимъ правительствомъ и готовой немедленно перейти къ дѣлу? Какой смыслъ могла имѣть эта конференція безъ демобилизаціи сербской арміи, — чего Австріи такъ легко было бы достигнуть, еслибъ она этого серьезно захотѣла и настояли бы на этомъ остальные великія континентальныя державы? Возможно ли было рассчитывать на искренность участія Австріи въ конференціи, когда успѣхъ пресловутыхъ *единодушныхъ* усилій Россіи, Германіи и Австріи къ возстановленію безусловнаго *status quo*, даже безъ личной унии Румеліи и Болгаріи — не могъ быть для Австріи желателенъ, ибо ставилъ Австрію въ фальшивое положеніе относительно Сербіи, грозилъ Ми-

лану потерей престола, а Австріи потерей вліянія?? Можно было бы подумать, что русскіе дипломаты даже не читали ни рѣчей, ни существенныхъ оговорокъ къ рѣчамъ графа Кальноки, которыя онъ дѣлалъ предъ делегаціями, о томъ, что Австрія не можетъ-де не сочувствовать доблестнымъ національнымъ сербскимъ стремленіямъ; что всячески совѣтуя Сербамъ отложить пока свои надежды, Австрія однакожь не можетъ усиленно этого требовать, такъ какъ вѣдь король Миланъ независимый государь, а Австрія-де привыкла уважать чужія права!... Но именно отъ этихъ всѣхъ рѣчей и изреченій австрійскаго министра „Journal de St.-Pétersbourg“, компрометтируя русскую дипломатію, и приходилъ въ восторгъ! Всего однакожь диковиннѣе было возвѣщенное графомъ Кальноки, добытое якобы великими усиліями австрійской дипломатіи, *согласіе* короля Милана *приостановитъ* начатіе воепныхъ дѣйствій до окончанія совѣщаній Константинопольской конференціи!... „я-де благоволю пождать немного, пока вы тамъ спорите; ну, столкнитесь скорѣе, не то...“ И подъ такую угрозу королька Милана изволила совѣщаться вся Европа, съ „тремя великими единодушными державами“ вкупѣ!

Развѣ не естественно было тогда жерусской дипломатіи, особенно въ виду давно обнаружившагося противодѣйствія Англіи, задать себѣ вопросъ: возможно ли арміи, стоящей подъ ружьемъ, пребывать спокойно въ такомъ положеніи, лицомъ къ лицу съ врагомъ, неопредѣленно-долгій срокъ, бездѣйствуя, терпя сырость и холодъ, при начинающейся зимѣ,—пока дипломаты совѣщаются?

Еслибъ кто не зналъ безусловнаго прямодушія русской политики, тотъ, пожалуй, имѣлъ бы право предположить, что шансъ вторженія Сербіи въ Болгарію, шансъ братоубійственной рѣзни былъ нами впередъ предвидѣнъ и впередъ допущенъ; можетъ-быть даже заранѣе оговоренъ и уступленъ во взаимныхъ съ Австрією дипломатическихъ совѣтахъ... Иначе было бы трудно и объяснить, почему „Journal de St.-Pétersbourg“ возлагаетъ вину за братоубійственную рѣзню—не на Австрію, а на Англію, которая-де воспрепятствовала успѣху конференціи, — какъ будто не ясно какъ день, что именно успѣхъ скомпрометтировалъ бы по-

ложение Австріи въ Сербіи, лишивъ послѣднюю всякаго вознагражденія за мобилизацію и обманутыя надежды, слѣдовательно былъ Австріи не желателенъ, слѣдовательно и состояться *не могъ*...

Не доказывала ли „Русь“, еще мѣсяць тому назадъ, необходимость для русской дипломатіи потребовать рѣшительнаго отъ Австріи объясненія—ея двусмысленной политической игры, столь оскорбительной для Русской державы, искренней участницы Трехъ-Императорскаго Союза, игры заранѣе обрекавшей конференцію на бесплодность? Не предлагали ли мы пригрозить королю Милану отозваніемъ русскаго представителя и гнѣвнымъ протестомъ Россіи (что впрочемъ и теперь прилично было бы сдѣлать) противъ братоубійственной брани? Не предсказывалось ли въ „Руси“, что видя Австрію завязшею въ фальшивомъ отношеніи Сербіи положеніи, мы сами же озаботимся о томъ, какъ бы дать ей выкарабкаться съ честью изъ собственныхъ сѣтей, въ коихъ она запуталась, — какъ бы помочь ей рѣшить задачу: удовлетворить Сербію и сохранить „дружбу и довѣріе Россіи“?!

Что же будетъ теперь?

За спиною воюющихъ съ одной стороны Австрія, съ другой Англія. Австрія и Англія не въ ссорѣ, и надо полагать, что онѣ стакнутся между собою въ интересѣ своихъ кліентовъ, да вѣроятно уже и стакнулись давно. Последнее извѣстіе гласитъ, что Турція не намѣрена посылать своихъ войскъ противъ Сербіи. Это рѣшеніе вѣроятно подсказано ей Англіей, дабы избѣжать усложненія. Сербы завоюютъ Трнскій Округъ, и такъ какъ сохраненіе его за Сербіей необходимо для сохраненія *австрійскаго* престижа, то европейская дипломатія, можетъ-быть *не исключая и русской* (дай Богъ ошибиться!), съ этимъ примирится, заставитъ примириться и Султана. При этомъ тѣ изъ нашихъ газетъ, которыя такъ развязно пишутъ противъ „политики идей и чувствъ“ и за политику „реальныхъ интересовъ“, станутъ утверждать, что такое кровавое ограбленіе Болгаріи полезно для наказанія „болгарскихъ братушекъ“. Мы готовы, пожалуй, допустить этотъ ихъ резонъ, хотя наказанія заслуживаетъ не преданный Россіи Болгарскій на-

родъ, а его недостойные правители, нами же впрочемъ названные. Но какой же резонъ *награждать* Сербовъ, *заслуживающихъ* наказанія, конечно, не меньшаго? Король Миланъ не уступаетъ Баттенбергу, а даже превосходитъ его своими добродѣтелями; онъ также облагодѣтельствованъ Россіей, ибо Царское слово остановило турецкія полчища послѣ Дьюниша,—также, если не пуще, отличается неблагодарностью и грубою враждою къ Россіи. Оба, конечно, недостойны занимать своихъ престоловъ, но выгнать, такъ выгнать обоихъ. О вторженіи въ Болгарію Сербы (да и Австрія), конечно, не смѣли бы никогда и помыслить, если бы Россія не отняла отъ Болгарскаго народа своего покровительства...

Единственное основаніе къ награжденію Сербовъ болгарскими землями заключается въ томъ, что этого желается Австрія, съ коей Россія связалась узами дружбы... Но и Англія не покинетъ своего питомца! Разъ Сербіи дана впередъ „компенсація“ за несостоявшуюся еще прибыль Болгаріи, т. е. за недопускаемое „тремя державами“ объединеніе Румелии и Княжества, на какомъ же справедливомъ основаніи будетъ это объединеніе отрицаться въ принципѣ? Да и не противорѣчитъ развѣ увеличеніе Сербіи на счетъ болгарскихъ земель принципу *status quo ante*? Въ сербско-австрійскомъ завоеваніи лежитъ залогъ и болгарскаго объединенія, тѣмъ болѣе, что Турція сама по себѣ, кажется, вполне готова признать и то и другое. Австрія уже признала его въ сущности—допустивъ сербскую компенсацію. Соображеніе, что такое признаніе побудитъ прочіи Балканскія государства выступить съ своими требованіями—едва ли основательно: дѣло такъ ловко обставилось, что и Греціи, и Черногоріи, выступая, пришлось бы имѣть дѣло съ Турціей и всѣми ея громадными мобилизованными полчищами,—опасность, которой, благодаря Англіи и Австріи, умѣли избѣжать и Сербія и Болгарія...

Что же дѣлать Россіи? Насъ обвиняютъ въ томъ, будто мы желаемъ для нея войны. Напрасно. Да и съ кѣмъ же ей воевать? И изъ-за чего? Изъ-за логическихъ результатовъ своего союза съ Австріей и своихъ собственныхъ дипломатическихъ маневровъ? Если результаты будутъ именно

таковы, какъ мы гадаемъ, то они, безъ сомнѣвiя, для насъ печальны. Но мы благословимъ и ихъ, если только Россiя возвратитъ себѣ полную свободу дѣйствiй! Желательно было бы однакожь, чтобъ уже теперь, сейчасъ, Россiя отказалась отъ неблаговиднаго участiя въ конференцiи, отозвала своего резидента изъ Сербiи и распознала наконецъ—во что обходятся ей „узы дружбы“ вообще и въ частности „сердечное согласiе“ съ Австрiей, установленныя Скерневицами и Кремзиромъ... Мы только послужили безславно австрийскимъ интересамъ, поступились своими выгодами и достоинствомъ—*ad majorem Austriae gloriam.*

Москва, 16 ноября.

Честь и слава нашимъ офицерамъ, создавшимъ и воспитавшимъ болгарское войско! Честь и слава ихъ достойнымъ ученикамъ! Болгарiя можетъ гордиться своими солдатами и во-очiю убѣдиться, какъ неизмѣримо велики, какъ существенны благодѣянiя, оказанныя ей тою русскою опекой, на которую такъ бессмысленно возставала завистливая и властолюбивая часть ихъ „интеллигенцiи“. Въ первый разъ въ бою, Болгары не только мужественно выдержали испытанiе, но несмотря на численное превосходство врага, который, кромѣ того, обладаетъ и сильною артиллерiей, разбили Сербовъ на голову, вытѣснили изъ всѣхъ занятыхъ ими позицiй, прогнали за предѣлы болгарской земли! Разбойническое вторженiе Сербiи, король Миланъ съ его хвастливыми, нахальными прокламацiями, съ его лживыми похвальбами, и сама Австрiя въ лицѣ своего *протезе*, съ своею нѣжною о немъ заботливостью, съ своими дальновидными на него упованiями и съ своимъ мастерствомъ въ интригѣ—покрылись позоромъ! Блестящее преимущество боевыхъ качествъ на сторонѣ болгарскаго войска объясняется именно русскою дрессировкой и русскою дисциплиной, но также, разумѣется и добрыми природными качествами Болгарскаго племени о чемъ свидѣтельствовали намъ не разъ наши офицеры. „Совсѣмъ русское войско“ — говорили они (а большей похвалы и быть не можетъ); „и команда русская, и пѣсни

солдатскія русскія, и выправка русская, и духъ тотъ же, что и у нашихъ!“ Въ этомъ и разгадка успѣха, столь удивившая и Австрію, и всю Европу. Желательно, чтобы Болгарія не отступала отъ заложенныхъ въ ея арміи русскихъ основъ, но бережно охраняла ихъ, какъ могущественную воинскую традицію. Скажемъ кстати, что отзывая русскихъ офицеровъ, относительно русскихъ унтеръ-офицеровъ и даже фельдфебелей не сдѣлали никакого распоряженія: они остались въ рядахъ... А каждому, даже и не военному извѣстно, что значать „ундера“ для нижнихъ чиновъ въ сраженіи, — какая это сила!

Но не для братоубійственной рѣзни готовили наши доблестные офицеры болгарское войско! Наконецъ-то, — и кажется только ужъ послѣ рѣшительныхъ болгарскихъ побѣдъ (почему же не ранѣе, не тотчасъ послѣ вторженія?), — надумались державы, по инициативѣ Россіи, „сдѣлать представленіе“ Сербіи о прекращеніи кровопролитія, — за что и Миланъ и Австрія съ радостью теперь ухватились, чтобы спасти Сербію отъ пушаго погрома и срама. Очень можетъ быть, что именно, „единодушія ради“, уважая затруднительное положеніе Австріи, державы и воздерживались до сихъ поръ отъ рѣшительнаго шага, — пока онъ не пришелся ей совсѣмъ на руку. Какъ ни смущена была Австрія первыми неудачами своего авангарда, т. е. сербскихъ войскъ, да сверхъ того и всеобщимъ въ Европѣ чувствомъ омерзения, вызваннымъ походомъ Милана въ Болгарію, но все же она не переставала надѣяться, что въ концѣ концовъ удастся Сербскому королю создать какой-нибудь „совершившійся фактъ“ въ видѣ хоть маленькаго завоеванія. Одновременно съ тѣмъ, столь торжествующее въ началѣ нахальство австрійскихъ оффиціозовъ сбавило тонъ, стало даже оправдываться, будто Миланъ дѣйствовалъ совсѣмъ вопреки австрійскимъ предостереженіямъ! Никто этому конечно и не повѣрилъ, но дипломатія даже и съ такими завѣдомо лживыми извиненіями всегда признаетъ нужнымъ считаться. Хотя Австрія и вьется ужомъ въ узахъ русской и германской дружбы и то-и-дѣло выскальзываетъ, однакоже, тѣмъ не менѣе, „единодушіе трехъ великихъ восточныхъ державъ“ провозглашается и по прежнему, какъ ни въ

чемъ не бывало, непреложнымъ ручательствомъ дипломатическаго упованія на всеобщій миръ, благоденствіе и тишину!..

Въ газетахъ уже сообщаютъ о томъ, что королю Милану предстоитъ отреченіе отъ престола, вольное или вынужденное: это вполне возможно, но что еще болѣе чѣмъ возможно и вполне вѣроятно, это,—при первой въ Бѣлградѣ революціи,—занятіе самой Сербіи австро-венгерскимъ войскомъ. Выдержать ли такую новую пробу русская дружба—это другой вопросъ.

Конференція по вопросу о Восточной Румелии все еще собирается разойтись: „единогласное“ рѣшеніе все еще пока не подписано англійскимъ уполномоченнымъ за неполученіемъ инструкцій. Сильно подвинула ее къ концу выраженная княземъ Александромъ Султану готовность подчиниться восстановленію *status quo ante* и вызвать изъ Румелии болгарскія войска. Онъ и вызвалъ ихъ, и не только болгарскія, но и румелійскія, которыя теперь и сражаются вмѣстѣ, подъ общимъ болгарскимъ знаменемъ; но Порта тѣмъ не менѣе была, какъ кажется, очень польщена изъявленіемъ „такихъ почтительныхъ чувствъ“, и согласно съ конференціей, порѣшила на томъ, что Султанъ отправитъ въ Румелию своего чрезвычайнаго комиссара для временнаго управленія ею, пока смѣшанная европейская коммиссія не пересмотритъ и не передѣлаетъ румелійскаго органическаго статута; затѣмъ Султану предоставляется самому назначить въ Румелию генераль-губернатора. Однакожь Англія затагиваетъ, какъ мы сказали, исполненіе этой резолюціи, да по послѣднимъ телеграммамъ и самъ князь Александръ обратился къ Портѣ и державамъ съ просьбою: отложить присылку турецкаго комиссара въ Румелию до окончательнаго заключенія удовлетворительнаго для Болгаръ мира, такъ какъ появленіе въ Филиппополѣ уполномоченнаго Порты въ настоящую минуту могло бы среди возбужденныхъ войною Болгаръ вызвать разные безпорядки. Нельзя не признать, что возраженія его не лишены основанія, и что вообще ореолъ „побѣдителя“ нѣсколько укрѣпляетъ его положеніе, такъ что константинопольской конференціи еще рано хвалиться достигнутымъ результатомъ...

Мы освѣдомились, что М. Г. Черняевъ, вслѣдъ за объявленіемъ Сербіей войны, отослалъ назадъ Сербскому королю Милану полученный отъ него въ 1876 г. орденъ Такова 1-ой степени. Въ письмѣ своемъ къ королю бывший вождь сербской армии просто и вѣжливо объясняетъ, что если чувство славянскаго братолюбія подвигло его въ 1876 г. принять дѣятельное участіе въ войнѣ Сербовъ съ Турками, то это же самое чувство побуждаетъ его въ настоящую пору отказаться отъ сербской почести, такъ какъ его величество изволитъ начинать нынѣ братоубійственную войну съ Болгарами, изъ числа коихъ въ упомянутомъ году болѣе тысячи человекъ дрались въ рядахъ Сербовъ и подъ сербскимъ знаменемъ противу общаго врага Славянства... Вѣроятно, примѣру генерала Черняева послѣдуютъ и многіе Русскіе украшенные девять лѣтъ назадъ тѣмъ же орденомъ. Такое гласное заявленіе порицанія Сербіи со стороны русскаго общества необходимо въ настоящее время для вразумленія Сербскаго народа и конечно не останется вовсе безъ благихъ послѣдствій.

Два слова по адресу „Новаго Времени“, гдѣ кто-то, весьма беззаботный по части правды и логики, выступилъ противъ насъ со статьею „Славянская идея“. Спорить съ этими господами—трудъ неблагодарный. Не понимая или не умѣя понять своего противника, навязывая ему мнѣнія и выраженія, которыхъ онъ никогда нигдѣ не высказывалъ, съ другой стороны подхватывая его же собственную мысль, они съ крикомъ и трескомъ побѣдоносно бьютъ этою же мыслью ими самими изобрѣтенныя нелѣпости и самодовольно, руки фертомъ, торжествуютъ пораженіе своего оппонента! Мы бы и не обратили вниманія на эту новую выходку „Новаго Времени“ противъ „Руси“, еслибъ разныя слова, поставленныя въ кавычкахъ, не представляли для читателей видъ какъ бы подлинныхъ цитатъ изъ нашихъ статей, и еслибъ въ упомянутомъ произведеніи не слышалось намъ вообще—современнаго петербургскаго вѣянія.

„Недавно—говоритъ публицистъ почтенной петербургской газеты—И. С. Аксаковъ очень рѣзко противопоставлялъ „дешевой“ мудрости и прозаическимъ интересамъ въ поли-

тикѣ возвышенную идею славянской взаимности, славянскаго „единомыслія“... Какъ жестоко отвѣтили событія почтенному публицисту взаимности!.. „Явился отвѣтъ, написанный кровью и позоромъ...“ „Будеть ли и теперь И. С. Аксаковъ упрекать Россію, что она не захотѣла связать свою свободу дерзкими рѣшеніями болгарскихъ правителей?.. Надо имѣть необыкновенную остроту славянскаго чувства, чтобы при такой картинѣ не смутиться за славянскую „взаимность“ и т. д. и т. д.

Да когда же И. С. Аксаковъ говорилъ о „славянской взаимности“ и „славянскомъ единомысліи“? Именно отсутствіемъ этого „единомыслія“ и отличались, къ несчастію, съ начала своей исторіи, всѣ Славянскія племена. „Славянская слѣга“ вошла въ пословицу, стала общимъ, до пошлости затасканнымъ мѣстомъ. Это неизвѣстно развѣ только автору упомянутой статейки. Недостатокъ взаимности и единомыслія между Славянами былъ и пребываетъ причиною паденія Славянскихъ государствъ и порабощенія Славянъ иноплемениками. Потому-то именно и взывали лучшіе люди среди Славянъ о необходимости „взаимности и единомыслія“, какъ надежнѣйшаго средства для борьбы съ общимъ врагомъ, что таковыхъ внутреннихъ условий силы у нихъ не имѣется! А борзый авторъ статьи, услыхавъ когда-нибудь случайно это выраженіе, счелъ его не за увѣщаніе по поводу славянскаго раздора, а за самовосхваленіе!.. Пояснимъ, впрочемъ, нашему противнику, что такъ какъ изъ всѣхъ Славянскихъ государствъ одной Россіи судилъ Богъ сплотиться внутри себя крѣпко воедино и стать наконецъ великою мощною Славянскою державою, и такъ какъ не обрѣсти прочимъ разрозненнымъ Славянскимъ племенамъ внутри себя самихъ и между собою никакой общей почвы для соединенія, никакого высшаго объединяющаго, всѣ мелкіе племенные эгоизмы примиряющаго и поглощающаго начала, то вѣрный инстинктъ *народныхъ массъ* и влечетъ ихъ неудержимо къ Россіи. *къ единомыслію и взаимности съ нею.* „Народныя массы“ (не говоримъ объ „интеллигенціи“, сбитой съ толку отчасти примѣромъ русской же, западничающей интеллигенціи) и у Болгаръ, и у Сербовъ, да даже отчасти и у иновѣрныхъ Славянъ, чуютъ сердцемъ,

понимають и здравымъ умомъ, что только о *Россіи* можетъ стоять и жить всякая славянская индивидуальность въ остальной Европѣ, что Россія одна, созидая себя, зиждетъ и міръ православно-славянскій.

Велика сила притяженія, которою обладаетъ Россія у всѣхъ Славянскихъ *народовъ*,—и этой-то силою притяженія *слѣдуетъ* Россіи пользоваться, *слѣдуетъ* Россіи ее вѣдать, и знать, а не игнорировать, не пренебрегать ею легкомысленно, какъ повидимому хотѣлось бы рыцарямъ „политики реальныхъ интересовъ“. Недавно и „Московскія Вѣдомости“, которыя конечно не могутъ быть заподозрѣны въ какой-либо славянской сентиментальности, справедливо замѣтили, что иностранныя державы „сомнѣваются въ симпатіяхъ и антипатіяхъ Славянскихъ народностей и не могутъ довѣряться ни расположенію Сербовъ къ Австріи, ни антипатіи Болгаръ къ Россіи. И то и другое чувство, какъ видятъ теперь въ Берлинѣ, возникли случайно и не могутъ корениться въ національномъ характерѣ... Въ толпу народа эти симпатіи и антипатіи не проникли... Значитъ сила все-таки въ Россіи, отъ которой должно зависѣть будущее Балканскаго полуострова и славянскихъ народностей“. Но „антипатіи и симпатіи“, но „чувства“—это именно то, что и приводитъ въ содраганіе петербургскихъ политиковъ! „Славянскія чувства“ и служатъ главнымъ предметомъ издѣвательства для автора разбираемой нами статьи. „Политика реальныхъ интересовъ“,—поучаетъ онъ насъ,—гораздо шире политики славянскихъ чувствъ!“ Простодушный публицистъ и не подозрѣваетъ, что чувства народовъ, ихъ симпатіи и антипатіи—*реальныя* силы даже и въ политикѣ!

Какая же бессмыслица въ словахъ, будто новѣйшая распря короля Милана съ княземъ Александромъ написала „кровавый и позорный отвѣтъ“ нашимъ приглашеніямъ о „славянскомъ единомысліи“! Мы не только никогда не отрицали возможности этой распри, но всегда ее предвидѣли, такъ какъ Сербія (зачинщица, напавшая сторона) иди точнѣе сербскія власти дѣйствуютъ даже не сами по себѣ, а подъ давленіемъ (и не со вчерашняго дня) своей ближайшей могущественной сосѣдки, Австріи. Но мы указывали вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что включила Сербію въ сферу австрій-

скаго вліянiя не иная чья, а русская же, чуждающаяся *чувствъ*, мнимо-реальная политика. Именно въ предвидѣніи этой распри мы и выражали мнѣніе о необходимости для Россіи настаивать предъ Австріей на демобилизаціи сербской арміи, на прекращеніи австрійскихъ подстрекательствъ, и предъявить свое рѣшительное veto сербскимъ властямъ, которое, еслибъ даже и не остановило ихъ въ первую минуту, все-таки имѣло бы огромное нравственное дѣйствіе на народъ, да и насъ бы явило въ подобающемъ нравственномъ свѣтѣ... Что Россія этого не сдѣлала—было, кажется намъ, печальною ошибкою, а можетъ-быть и уступкою мудрости петербургскихъ политиковъ-реалистовъ, одного пошиба съ политиками „Новаго Времени“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Впрочемъ, въ „Новомъ Времени“ передовыя статьи не рѣдко совсѣмъ противорѣчатъ измышленіямъ нашего настоящаго оппонента...

Не меньше бессмысленно утвержденіе, что мы предлагали Россіи „связать свою свободу дерзкими рѣшеніями болгарскихъ правителей“. Напротивъ: мы именно высказали желаніе, чтобъ Россія, устраниая отъ дѣлъ правителей, не устранила сама себя отъ Болгаріи, отъ своей надъ нею власти, и взяла дѣло въ свои руки, сохраняя за собою свободу дѣйствій, а не подчиняя ее рѣшенію европейскаго, намъ чуть не сплошь втайнѣ враждебнаго ареопага. Публицистъ „Новаго Времени“ словно будто торжествуетъ по поводу результатовъ достигнутыхъ доселѣ русскою политикою; да и вообще, судя по газетамъ, въ Петербургѣ съ какою-то злорадною вѣтренностью, ради наказанія „какихъ-то тамъ Славянъ и братушекъ“, готовы разрушать то, что лѣтъ семь-восемь назадъ созидалось рѣками русской крови, и чуть ли не ликуютъ, что въ Болгаріи хозяйничаемъ теперь не мы, а Англичане, Австрійцы, Турки!... Это называется: „замѣною политики *чувствъ* политикою *реальныхъ интересовъ*“... Мы же позволяемъ себѣ не торжествовать пока, по поводу результатовъ добытыхъ русскою дипломатіей,—не раздѣлять петербургскаго ликованія и злорадства, и не восхищаться образцами столь восхваляемой „реальной“ политики.

Ни къ какимъ новымъ жертвамъ въ пользу Славянъ мы не призываемъ,—но жертвовать Славянами Англичанамъ и

Нѣмцамъ—это и безнравственно, и нашимъ реальнымъ интересамъ противно. Политика реальныхъ интересовъ для Россіи только тогда можетъ назваться истинною разумною политикою, когда она имѣетъ въ своемъ основаніи славянскую идею (которая есть въ сущности русская идея), когда она принимаетъ въ расчетъ и чувства народовъ, ихъ симпатіи, ихъ нравственное тяготѣніе къ Россіи, и тѣ нравственныя обязанности, которыя налагаются на Россію ея историческимъ призваніемъ и ниспосланною ей силою притяженія. У Россіи нѣтъ сколько-нибудь искреннихъ друзей между державами Западной Европы; русскія границы съ Запада почти совсѣмъ открыты. Наши естественныя и единственныя союзники, къ тому же прилегающіе отчасти и къ нашимъ границамъ—Славяне. Чтò расчетливѣе,—не говоря уже о томъ что нравственнѣе: притягивать ли намъ Славянъ къ себѣ или, какъ совѣтуютъ въ Петербургѣ, плевать на нихъ? создавать ли намъ изъ нихъ себѣ союзниковъ (что такъ легко и просто, стòитъ только не заглушать естественность симпатій, не пренебрегать и „политикою чувствъ“) или же враговъ? И разумна ли та политика, которая, во имя „реальныхъ интересовъ“, отдала Славянъ Босніи, Герцеговини, Сербіи—Австріи? Но именно съ той же точки зрѣнія русскихъ реальныхъ интересовъ мы и не усматриваемъ никакой особенной пользы для Россіи въ томъ, что такъ легко и добровольно, даже безъ всякой борьбы, уступили мы позицію добытую тяжелою кровавою войною 1877-78 годовъ, и которую вѣдь все-таки придется добывать снова,—хотя публицистъ „Новаго Времени“ и причисляетъ удержаніе нами этой позиціи („Русь“ вѣдь ни на какомъ другомъ „предпріятіи“ и не настаивала) къ „предпріятіямъ для насъ бесполезнымъ“ и способнымъ „въ концѣ концовъ ослабить наши силы“!.. Думаемъ однакожь, что смѣлая и рѣшительная политика, основанная на сознаніи славянскаго значенія и призванія Россіи и могущества славянскихъ къ намъ симпатій, всего вѣрнѣе послужила бы истинно-реальнымъ нашимъ интересамъ, да и вообще въ гораздо меньшей степени способна подвергнуть русскія силы риску напрасной растраты, чѣмъ такъ-называемая реальная политика отвергающая значеніе исторической идеи и силу народныхъ „чувствъ“, даже издѣвающаяся надъ ними...

Москва, 23 ноября.

Высочайшій приказъ по военному вѣдомству:

«Государь Императоръ, обращая особенное вниманіе на извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, съ удовольствіемъ изволилъ усмотрѣть блестящіе результаты добросовѣстной и полезной работы русскихъ офицеровъ, которымъ ввѣрено было сформированіе, воспитаніе и обученіе войскъ Болгаріи и Восточной Румеліи. Глубоко опечаленный братоубійственной войной между Славянскими народами, Государь Императоръ находитъ однако же отвагу, самоотверженіе, выносливость и уваженіе къ порядку, обнаруженныя болгарскими и румелійскими войсками, достойными высокой похвалы. Съ удовольствіемъ убѣдившись въ разумной и самоотверженной дѣятельности русскихъ офицеровъ, сумѣвшихъ привить молодымъ войскамъ надлежащія воинскія качества и доблестный воинскій духъ, Его Императорское Величество объявляетъ Свою Высочайшую благодарность бывшему военному министру Княжества Болгарскаго генеральнаго штаба генераль-маіору Кантакузену и Монаршее благоволеніе всѣмъ генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ, служившимъ въ болгарскихъ и румелійскихъ войскахъ».

Радуется появленію этого приказа. Молодые болгарскія и румелійскія войска будутъ гордиться такимъ всенародно заявленнымъ благоволеніемъ, такую торжественною похвалою, изъ устъ самого Русскаго Царя, ихъ воинской доблести и самоотверженію. Пусть же они постараются пребыть навсегда достойными этого одобренія; пусть тщательно сохранять всѣ основы заложенныя въ нихъ русскими наставниками, дабы никогда ничѣмъ не отличаться отъ своего, на весь міръ славнаго образца—русскихъ войскъ!.. Нельзя конечно не скорбѣть о томъ, что поводомъ къ воинскимъ болгарскимъ подвигамъ послужила (впрочемъ по винѣ Австріи) братоубійственная брань подъятая правительствомъ Сербіи; нельзя не жалѣть и о томъ, что положеніе, въ которое поставилъ себя лично князь Александръ по отношенію къ Россіи, помѣшало воздать публично и ему заслуженную похвалу, какъ храброму и талантливому военачальнику...

Невольно однако-же приходитъ на мысль такое соображеніе: послѣ того какъ болгарскія и румелійскія дружины дрались *вмѣстѣ*, подѣ *однимъ общимъ* начальствомъ и знаменемъ (что вѣдь съ точки зрѣнія, Берлинскаго трактата и нашей дипломатіи было вполнѣ незаконно); послѣ того какъ онѣ своими подвигами самоотверженія, удостоенными Высочайшаго одобренія, ознаменовали *фактически* и своею кровью запечатлѣли «соединеніе обѣихъ частей Болгаріи», — удобно ли и умѣстно ли будетъ, вслѣдъ затѣмъ, разъединять эти войска вновь, да еще и такъ, что по прихоти двухъ разныхъ властителей (Румелии и княжества Болгарскаго) станеть, пожалуй, возможнымъ и вполнѣ легальнымъ повести румелійскихъ и болгарскихъ солдатъ въ бой другъ противъ друга?..

Не хватаетъ уже и духа глумиться надъ нашей дипломатіей! Слишкомъ уже дешево торжество всѣхъ тѣхъ, что заблаговременно разоблачали неминуемыя послѣдствія ея недалновидности, ея закоренѣлаго легкомыслія, ея грубой наивности, ея систематическаго, ужъ подлинно солиднаго невѣжества историческихъ національныхъ интересовъ Россіи, ея какой-то „варварской“ робости предѣ авторитетомъ „европейской культуры и цивилизаціи“ въ лицѣ западныхъ государствъ! Слишкомъ уже теперь неумѣстно, да и слишкомъ уже горько злорадство! Да и подсмѣиваясь надъ ней, невольно вспоминаешь вопросъ и отвѣтъ Гоголя въ „Ревизорѣ“: „Надъ кѣмъ смѣтеть?... Надъ собой смѣтеть!“... Наша дипломатія не съ неба намъ дана и не пороженіе какихъ-либо подземныхъ силъ, — а кость отъ костей нашихъ, пороженіе общества, преимущественно петербургскаго, и преимущественно той высшей, въ добавокъ еще властной среды, которой гг. дипломаты составляютъ одно изъ главныхъ украшеній и изъ которой словно воздушнымъ насосомъ выкачана всякая серіозная мысль и, разумѣется, всякое живое русское чувство. Исключенія между дипломатами, не только рѣдкия, но можно-сказать диковинныя, не измѣняютъ общаго типа; достоинствомъ своимъ обязаны они самимъ себѣ, никакъ не дипломатической русской школѣ,

и никакъ не петербургской свѣтской средѣ, а наперекоръ и той и другой. Такія исключенія впрочемъ не пользуются у насъ почетомъ, да и не удерживаются при дѣлахъ. Они безпокойны: шевелятъ, будятъ мысль, дразнятъ волю. Предпочитаются для дипломатическаго представительства могущественной своеобразной Россіи — лица совсѣмъ безличныя, у которыхъ въ головахъ пріятная тишь да гладь, — да такая же тишь и гладь и въ политической ихъ дѣятельности, невозмутимая, прочная, что бы тамъ кругомъ противъ Россіи ни плелось, ни ковалось!..

Полагаемъ, что наконецъ и наша дипломатія начинаетъ прозрѣвать или по крайней мѣрѣ примѣчать, что она кругомъ обойдена и обманута, что давъ себя добровольно связать по рукамъ и ногамъ Трехъ-Державнымъ Союзомъ, она слишкомъ ужъ простосердечно обольщалась мечтою, будто ведетъ за руки Германію и Австрію, когда не она вела, а ее вели да и завели въ болото, — сами же друзья остались на твердой почвѣ, предоставляя увязнувшей Россіи умиляться „единодушіемъ“! Если дипломатія только способна чувствовать, такъ куда какъ плохо должна она себя чувствовать въ настоящую пору! Въ какомъ положеніи очутились мы теперь? Поистинѣ въ траги-комическомъ! Мы ничего не достигли, а напротивъ попятились, отодвинулись отъ цѣли назадъ; мы бездѣйствуемъ или что то же — мы ораторствуемъ, и очень горячо, на конференціи, но только потрясаемъ воздухъ словами, потому что другіе, предоставляя намъ говорить, сами-то *дѣйствуютъ* — наперекоръ конференціи и обращая ея рѣшенія въ нуль!.. „По инициативѣ Россіи“, „по настоянію Россіи“ (и вѣдь съ какою гордостью перепечатывались эти выраженія нашими не только наемными, но и добровольными оффиціозами!) великія державы собирались на конференцію и сооружали коллективныя предложенія, охотно предоставляя Россіи починъ во всемъ томъ, что компрометтировало честь Россіи, свидѣтельствовало какъ бы объ отреченіи ея отъ прежнихъ историческихъ завѣтовъ и отвращало отъ насъ симпатіи Славянскихъ племенъ! И всѣ эти предложенія „по инициативѣ“ Россіи — потерпѣли полнѣйшее fiasco, которое всею своею тяжестью легло на насъ, на насъ однихъ, — и положеніе

наше такъ запуталось, что трудно найти изъ него и выходъ, какъ бы мы теперь ни плакались на вѣроломныхъ союзниковъ. *Сердитое безсиліе*— вотъ что, къ собственному изумленію нашему, представляемъ мы теперь во всѣхъ этихъ новѣйшихъ историческихъ событіяхъ. Но потому-то оно такъ особенно и печально и странно, что это безсиліе — *силача*, что это безсиліе не отъ чего другаго происходитъ, какъ отъ отсутствія опредѣленной руководящей мысли, установленныхъ твердыхъ принциповъ и яснаго сознанія своего призванія и своихъ обязанностей. При такихъ условіяхъ поневолѣ всякое событіе застигаетъ насъ неприспособленными, врасплохъ, и наимоощные въ мірѣ мы являемся до жалости немощными.

Въ самомъ дѣлѣ, наимудрѣйшему мудрецу въ свѣтѣ было бы трудно согласить нашъ настоящій образъ дѣйствій съ тѣми исполинскими дѣяніями, которыя совершила Россія не далѣе какъ лѣтъ восемь или семь тому назадъ. Словно вѣка прошли, словно мы не тѣ!.. Правда, между тѣмъ временемъ и настоящимъ сталъ стѣною Берлинскій трактатъ, покрывшій Россію позоромъ и срамомъ. Но вмѣсто того, чтобъ винить въ этомъ трактатѣ дипломатовъ и правителей, мы, съ постыднымъ ребячествомъ, перенесли свою досаду на собственныя свои прошлыя увлеченія и на предметъ увлеченій — несчастныхъ Славянъ!... „Нѣтъ ужъ довольно, будетъ“! Прочь „политика чувствъ“! Мѣ-де теперь соврѣли; викакой иной политики знать не хотимъ, кромѣ „политики реальныхъ интересовъ“! Станемъ-де подражать Бисмарку: „онъ, говорятъ, всегда за реальность интересовъ“!.. И вотъ въ нашемъ дипломатическомъ пустомысли водворилось это слово, а съ нимъ и какое-то смутное понятіе о политическомъ реализмѣ, исключаящемъ всякій „идеализмъ“, къ области котораго— совѣстно даже и молвить — и отнесены всѣ „славянскія чувства“ и отношенія наши къ Славянству! Нашлись и публицисты, которые борзо поддерживали такое „реальное“ направленіе нашей политики... Но въ ослѣпленіи своемъ наши „созрѣвшіе“ умы перезабыли, что кровавою войною 1877—78 годовъ, служа „политикѣ чувствъ“, мы вѣдь въ то же время пріобрѣли себѣ прочныя симпатіи шести милліоновъ народа, — до того прочныя, что можетъ-

быть еще придется имъ сослужить намъ добрую службу и въ будущемъ, несмотря на все модное теперь пренебреженіе наше къ „чувствамъ“; мы усвоили себѣ извѣстнымъ образомъ цѣлую обширную страну, доходящую почти вплоть до Константинополя. Вѣдь Болгарія была наша, наша не будучи въ положеніи завоеванной или порабощенной нами страны!.. Вѣдь болгарское войско, нами созданное, было русскимъ войскомъ, неотдѣльною частью русской арміи, пребывающею уже *тамъ*, на Балканскомъ полуостровѣ, куда изъ Россіи передвигать русскіе полки не такъ-то легко!... Что это все, не „реальные“ развѣ интересы?? Если же мы не сумѣли упрочить нашего положенія въ Болгаріи въ томъ объемѣ и видѣ, на которые наши побѣды давали намъ право, такъ только благодаря политикѣ не „чувствъ“, а „малочувствія“ и недомыслія, проявленной нами по отношенію къ Западной Европѣ вообще и особенно на Берлинскомъ конгрессѣ. Вѣдь русскіе содѣтели Берлинскаго трактата и въ ту пору оправдывали его единственно „реальными интересами“!

И вотъ, эмансипировавшись отъ „чувствъ“, наша дипломатія захотѣла явить зрѣлище новой реалистической политики, и точно явила: зрѣлище дивное, неслыханное, невиданное — страны великой, исторической, могучей, добровольно, безъ сожалѣнія, а съ какимъ-то легкосердечнымъ злорадствомъ растаптывающей, руками своихъ дипломатовъ, ни чѣмъ сумняся, плоды своей собственной, тяжкимъ, мучительнѣйшимъ трудомъ вспаханной нивы; разрушающей собственное, всего семь лѣтъ назадъ на русскихъ костяхъ воздвигнутое зданіе; вмѣняющей ни во что потоки крови и всѣ матеріальныя жертвы Русскаго народа, — попирающей не только „чувства“ преданнаго намъ племени, но и русскіе существеннѣйшіе, наиреальнѣйшіе интересы!... Бѣдная Россія!

Мы не хотѣли политики „славянскихъ чувствъ“, а чѣмъ замѣнили ее? Не политикою „реальныхъ интересовъ“, ибо послѣдніе, истинно понятые, неотдѣлимы отъ соображеній высшаго идеальнаго свойства, да и вовсе безсмысленны безъ общей руководящей мысли, — а ни идеализма, ни руководящей идеи у насъ въ наличности не оказалось.

Да и что же такое, повторяемъ, „чувства народовъ“ — какъ не величайшія реальныя силы и двигатели въ исторіи? Замѣнили мы политику чувствъ — политикою „чувствицъ“: обиды, досады, гнѣва, — чѣмъ-то мелочнымъ и личнымъ. „О, пусть потоками слезъ и крови искупаютъ Болгары свое неуваженіе къ совѣтамъ Россіи, свое самовольство!...“ „Да накажутся Болгары, да извѣдаютъ каково производить воссоединеніе безъ спроса Россіи!“... Вотъ что буквально печаталось въ русскихъ, не лишенныхъ вліянія газетахъ! Мы не отрицаемъ вину принца Баттенберга и нѣкоторыхъ Болгаръ передъ Россіей и признаемъ законность чувства обиды, — но полагать это чувство обиды въ основу нашей политики, развѣ это не „политика чувствъ“? Разница только въ томъ, что чувства-то эти не широкія, историческія, „славянскія“, а ощущенія, вызванныя случайностью, временною и преходящею. Но подъ воздѣйствіемъ этихъ не чувствъ, а чувствицъ, наше общество и дипломатія захотѣли казнить — за вину двухъ правителей да дюжины Болгаръ — весь Болгарскій народъ и принесли въ жертву именно наши самыя серьезныя реальныя интересы!..

Ну и вышло:

1) Къ изумленію всего міра и въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ достоинствомъ, Россія вмѣсто того, чтобъ возникшее осложненіе дѣлъ въ Болгаріи, всецѣло входившей въ сферу русскихъ интересовъ, постараться прежде всего покончить собственнымъ авторитетомъ, который не отрицался и Европой (да такъ и подсказывалъ намъ вначалѣ, говорятъ, самъ Бисмаркъ, — такъ и теперь поступаетъ Австрія въ Сербіи), — вмѣсто всего этого, Россія перенесла болгарскій вопросъ на судъ Европы и *отказалась* отъ своего исключительнаго властнаго положенія въ Болгаріи, приобрѣтеннаго цѣною русскихъ побѣдъ и жертвъ.

2) Россія же, предъ лицомъ самихъ составителей Берлинскаго трактата, явилась наивривностнѣйшею и въ сущности единственною защитницею этого, ей на зло и на позоръ, а Славянскимъ народамъ въ ущербъ составленнаго договора, — словно священной для насъ хартіи, и въ то самое время, когда этотъ договоръ самъ собою, не по русской винѣ, лопнулъ.

3) Не во имя разрѣшенія славянскихъ узъ и созиданія русско-славянскаго міра выступили мы, послѣ долгаго воздержанія, на европейскую политическую арену, а во имя вящаго скрѣпленія распатанныхъ румелійскимъ переворотомъ славянскихъ узъ, и къ ущербу нашей созидательной задачи. Вознегодовавъ на самовольное объединеніе обѣихъ частей Болгаріи (хотя изъ-за этой именно цѣли пролиты рѣки русской крови, да она начерчена и Санъ-Стефанскимъ договоромъ), мы воспылали ревностью къ сохраненію status quo ante. Для этого затѣяли конференцію, на которую потащили всю Европу, не соображая, что никто изъ нашихъ союзниковъ въ сохраненіи прежняго порядка не заинтересованъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ Австрія, прямо заинтересованы въ противномъ;—никто русскихъ личныхъ чувствъ обиды и досады на виновниковъ переворота не раздѣляетъ, а наоборотъ: Западная Европа именно этимъ внезапнымъ, такъ неосторожно, на весь міръ заявленнымъ *русскимъ* антиславянскимъ расположеніемъ духа и захочетъ всенепремѣнно воспользоваться намъ во вредъ! Такимъ образомъ роли перемѣнились: мы выступили какъ бы врагами, Англія и вообще западныя державы — какъ бы друзьями Славянъ. Положимъ, что эти друзья не искренніе, но вѣдь мы и отъ Славянъ не въ правѣ требовать «политики чувствъ», а съ реалистической точки зрѣнія слѣдуетъ вѣдь пользоваться всякимъ случаемъ выгоды.

4) Руководимые все тѣми же, нельзя сказать чтобъ очень ужъ возвышенными побужденіями, мы, со свойственною намъ прямолинейностью въ дѣйствіяхъ, явились болѣе Турками, чѣмъ Турки, и хотя въ 1877—78 годахъ добились таки того, что власть турецкая не только въ Болгарскомъ Княжествѣ, но отчасти и въ Румеліи стала чисто номинальною, почти призрачною, — однако на конференціи тащили изо всѣхъ силъ за шиворотъ упиравшагося Турка, чтобъ онъ снова водворился въ Филиппополѣ какъ дѣйствительная власть! Мы предлагали ему — наказать Болгаръ — виновниковъ «возсоединенія», даже не брезгали и перспективой появленія въ Румеліи турецкой военной, сопро-вождающей султанскаго комиссара дружины...

5) Избравъ себѣ опорнымъ пунктомъ Трехъ-Державный

Союзъ, компрометируя свое въ Славянскомъ мѣрѣ достоинство и положеніе усиленнымъ домогательствомъ возстановленія *status quo ante*, мы въ то же время и не подумали протестовать противъ козней Австріи, уничтожавшихъ всѣ плоды нашихъ конференціонныхъ усилій, — не осмѣлились остановить внушеннаго и подготовленнаго Австріею сербскаго вторженія въ Болгарію!.. А между тѣмъ мы безъ сомнѣнія *могли* это сдѣлать, *могли* предотвратить братоубійственную войну въ самомъ началѣ...

6) Даже когда состоялось не остановленное нами разбойническое вторженіе сербскихъ войскъ въ Болгарію, мы все еще рассчитывали на проявленіе турецкаго сюзеренства въ Княжествѣ (вѣроятно для вѣщаго униженія Болгаръ): по крайней мѣрѣ, органъ нашей дипломатіи съ негодованіемъ восклицалъ: «что же Порта? Вѣдь болгарская территория есть оттоманская территория! Ну что прикажете дѣлать съ государствомъ, которое не хочетъ пользоваться своими правами»!.. Къ посрамленію нашей дипломатіи, дѣло обошлось и безъ Турокъ.

7) Мы хотѣли изгнать принца Баттенберга не только изъ Румеліи, но и изъ Княжества (о чемъ громко заявляли на конференціи)—и только укрѣпили его... Допустивъ сербоболгарскую войну по желанію Австріи, и выступивъ съ примирительнымъ словомъ противъ «братоубійственной брани» только лишь *послѣ* побѣдъ болгарскихъ, когда перемирія, какъ манна небесной, восхотѣла, ради своихъ выгодъ въ Сербіи, сама, до смерти перепугавшаяся Австрія, — мы только дали случай князю Александру явиться героемъ, снискать себѣ симпатіи всей Европы, Болгарскаго народа, а главное—*преданность войска*. И преданность эта, надо сказать правду, княземъ заслужена. Первыя побѣды молодого возникающаго государства—это своего рода крещеніе для самостоятельной государственной жизни. Семь лѣтъ тому назадъ турецкіе рабы, Болгары вѣнчались теперь лаврами—какъ свободная, къ тому же не дикая, а цивилизованная сила, предъ лицомъ всего міра. Имя князя Александра неразрывно связалось теперь съ славными воспоминаніями для войска и народа. А между тѣмъ еще недавно, на засѣда-

ніяхъ конференціи, отъ имени Россіи энергически «настаивалось на низложеніи Болгарскаго князя»...

8) Мы лишили болгарское войско русскихъ офицеровъ — но лишили только себя превосходнаго передоваго отряда или просто части русской арміи, и дали теперь возможность хвалиться князю и Болгарамъ, что въ русскихъ офицерахъ они болѣе не нуждаются, умѣютъ одерживать побѣды и безъ нихъ!... Конечно, всѣми достоинствами своими войско это обязано русскимъ инструкторамъ, но плоды этихъ русскихъ стараній послужили не Россіи, а враждебному намъ и теперь нами же усиленному болгарскому правительству.

9) Когда начались пораженія сербскаго войска и даже поспѣшное, постыдное его отступление, и мы наконецъ рѣшились положить предѣлъ «братоубійственной войнѣ» (которую почему-то не предупредили), то и тутъ однакожь мы не отважились дѣйствовать прямо отъ себя, именемъ Россіи, а предпочли затушевать Россію въ коллективномъ заявленіи отъ имени трехъ державъ. Коллективное заявленіе не подѣйствовало на князя Александра, или, по другой версіи, не было ему вовремя доставлено, вѣрнѣе же, какъ и объясняютъ нѣкоторыя австрійскія газеты, было умышленно предупреждено единоличнымъ заявленіемъ самой Австріи, считающей сербское дѣло своимъ *личнымъ* дѣломъ. Именно, не успѣлъ князь взять сербскій городъ Пиротъ, какъ предсталъ передъ него австрійскій посолъ графъ Кевенгюллеръ и уже не отъ имени «Союза», а отъ имени *Австріи* объявилъ князю, что при дальнѣйшемъ слѣдованіи онъ встрѣтитъ австрійское войско. Князь приостановилъ военныя дѣйствія, сославшись на заявленіе Кевенгюллера въ своемъ приказѣ по арміи... Это вѣдь тоже нѣкотораго рода камуфлетъ для русской политики! Почему же Австрія можетъ дѣйствовать отъ *своего* имени, одна, а Россія не можетъ? Почему? Потому ли развѣ, что наше Министерство иностранныхъ дѣлъ отличается лишь молчалинскою добродѣтелью смиренія? Скажутъ: Сербія находится «въ сферѣ австрійскаго вліянія и австрійскихъ политическихъ интересовъ»? А развѣ, повторяемъ, Болгарія не принадлежитъ къ сферѣ нашихъ интересовъ и вліянія, да еще и по такому праву,

которое никѣмъ оспариваемо быть не можетъ: она нами порождена, создана, тогда какъ вліяніе Австріи на Сербію есть дѣло насилія и интриги, и ненавистно народу! Но разница между австрійской и русской дипломатіей въ томъ, что при первой вѣсти о болгарской надъ Сербами побѣдѣ, слѣдовательно объ опасности угрожающей австрійскому въ Сербіи вліянію, всѣ государственные люди въ Австріи встре-пенулись; даже императоръ Францъ-Іосифъ, оставивъ свою прелестную резиденцію въ замкѣ Гѣдѣллѣ въ Венгріи, поспѣшно примчался въ Вѣну; сейчасъ собранъ былъ совѣтъ министровъ, на которомъ и рѣшено: «Сербію изъ сферы австрійскаго вліянія ни подъ какимъ видомъ не выпускать». При этомъ и не предполагалось обращаться за позволеніемъ къ Европѣ или отдавать свои интересы на судъ какой-либо конференціи и т. п., какъ учинили мы, при первой попыткѣ князя Александра выскочить изъ сферы нашего вліянія. Да, мы *свой*, кровный русско-болгарскій вопросъ понесли на европейскій трибуналъ, прося наказать Болгарію за то, что она насъ не уважаетъ, и не только не постарались удержать позицію свою на Балканскомъ полуостровѣ, но тотчасъ сами, никѣмъ не гонимые, а съ сердцовъ, изъ нея выскочили, да и прахъ съ ногъ отрясли!

10) Дипломатія можетъ, пожалуй, сказать себѣ въ утѣшеніе, что все же достигла своей цѣли: князь Александръ, въ виду войны, отказался отъ «возсоединенія», и права Порты (очень они намъ дороги!) надъ Румеліей возстановлены. Но развѣ все это не комедія, которую всѣ, ради насъ, только и играютъ — и Порты, и князь Александръ, и Англія, и Австрія, и пассивно — даже Германія! Мы одни искренни и серьезны... Князь Александръ, отказавшись отъ «возсоединенія», вызвалъ однакоже румелійскія войска къ себѣ, распоряжался ими полновластно и окрестилъ «возсоединеніе» кровью и жертвами, а также и славою *соединенныхъ* болгарскихъ войскъ. Султанъ, — благо конференція единогласно признала его права надъ Румеліей, — рѣшился наконецъ этими правами воспользоваться, а именно послать *для виду* комиссара, а напередъ заявить Румеліотамъ полную амнистію, причемъ возвращенія румелійскихъ войскъ отнюдь не требуетъ! Затѣмъ, и это несомнѣнно, въ силу

своихъ безспорныхъ правъ, онъ назначить князя Александра генераль-губернаторомъ Румелии, т. е. признаетъ такъ-называемую личную унію, при согласіи и рукоплесканіяхъ всей Европы. Что-жь, станемъ мы развѣ воевать *изъ-за этого?* Съ кѣмъ? Съ самими Болгарами? съ Портой? съ Англіей?..

Вотъ результаты нашей политики.

Теперь пока весь интересъ сосредоточивается на Сербіи, на интригахъ въ ней Австріи и на улаженіи мировой сдѣлки между Сербіей и Болгаріей. Мы не думаемъ, чтобъ сама Сербія была въ состояніи и расположена начать войну съ Болгарами снова, хотя конечно Австріи и хотѣлось бы заручиться какой-либо сербской побѣдой (можетъ-быть даже при тайномъ содѣйствіи австрійскихъ офицеровъ)... Во всякомъ случаѣ условіемъ мира, главнымъ, существеннымъ, будетъ признаніе воссоединенія или личной уніи Румелии и Болгаріи. Возможно также и отреченіе короля Милана въ пользу сына,—но низверженіе династіи Австріи едвали допустить. Несомнѣнно, что при первомъ признакѣ революціи австрійскія войска вступать въ Сербію, разумѣется временно и подъ благовидными предлогами, которые будутъ уважены всею Европой (за исключеніемъ, *можетъ-быть*, Россіи). Но Австрія постарается и не дойти до такой крайности: она уже заранѣе переговаривается съ Рястичемъ...

Что же намъ-то дѣлать? Да прежде всего признать, хоть передъ собой, откровенно свои — не то что ошибки, но лживость всего нашего политическаго пути съ Берлинскаго конгресса; не рассчитывать впредь на «единодушіе» и «дружбу» державъ,—сознать себя, какъ Россію, Славянскою державою, въ сферу вліянія которой входитъ все православное Славянство со всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ, съ Босфоромъ включительно; поднять высоко русское, оно же и славянское знамя; изгнать изъ Министерства иностранныхъ дѣлъ всѣ традиціи, всѣ привычки, всѣ приемы по отношенію къ Европѣ молчалинскаго свойства. Въ частности же: уважить наконецъ мольбу Болгарскаго народа, выраженную отъ имени Народнаго Собранія извѣстною депутаціей, возвратитъ Болгарамъ прежнее благоволеніе; затѣмъ заявить Австріи и Сербіи вполне серьезно, что Россія не потерпитъ

ни новой войны между Сербіей и Болгаріей, ни какого-либо вознагражденія Сербіи изъ болгарской территоріи, ни вступленія хотя бы одного австрійскаго солдата и по какому бы то ни было поводу—въ предѣлы Сербскаго государства... Остальное доскажется само собою ходомъ вещей... Нужно оживить въ Россіи чувство ея достоинства и силы, поднять ея духъ, возвратить ей вѣру въ себя, въ свое великое призваніе и въ свое правительство, т. е. въ неуклонно-національное направленіе русской политики. Это чувство достоинства и могущества — великій, плодотворный въ жизни народа двигатель: въ немъ условіе подъема не только духовныхъ, но и всяческихъ, даже и экономическихъ силъ. Вѣдь только въ Петербургѣ не чувствуютъ того всеобщаго поникновенія духа, которымъ недомогаетъ теперь Россія...

Москва, 6 декабря.

Повинуясь закону, мы помѣстили въ прошломъ 22 № данное „Руси“ „предостереженіе“ безъ всякихъ съ нашей стороны, въ томъ же №, примѣчаній и поясненій. Благоразумнѣе, быть-можетъ, было бы и теперь оставить вовсе безъ оговорокъ это оффиціальное назиданіе, но въ немъ есть нѣчто необыкновенное даже и для оффиціального языка нашего высшаго литературно-полицейскаго вѣдомства, есть выраженія, которыя обойти молчаніемъ не дозволяетъ намъ чувство чести и нравственнаго достоинства. Газетѣ „Русь“ брошено въ лицо обвиненіе въ недостаткѣ „истиннаго патріотизма“... Понятно, разумѣется, то негодованіе, которое должно было вызвать въ насъ подобное публичное оскорбленіе,—и ужь конечно не съ тѣмъ, чтобъ оправдываться предъ литературнымъ начальствомъ беремся мы теперь за перо: смѣемъ думать, что относительно патріотизма редакторъ „Руси“ въ оправданіи не нуждается. Каждый изъ писателей, долговременно подвизающихся въ области печатнаго слова, оставляетъ по себѣ достаточно матеріала для вѣрной общественной оцѣнки его литературнаго направленія. Мы не составляемъ исключенія; полагаемъ, что и о насъ, о нравственномъ характерѣ нашей, свыше четверти вѣка

продолжающейся и ни разу въ своемъ направленіи не измѣнившейся публицистической дѣятельности—также успѣло сложиться въ Россіи довольно опредѣленное мнѣніе. Это-то мнѣніе Россіи мы и противопоставляемъ смѣло и съ спокойною увѣренностью направленному на насъ оффиціальному обвиненію. Но мы позволяемъ себѣ утверждать, что и самый законъ не уполномочиваетъ Главное Управление по дѣламъ печати на подобную формулу обвиненія; не предоставляетъ полиціи, хотя бы и высшей, дѣлать кому-либо внушенія по части „патріотизма“. Говоримъ: „полиціи“, потому что Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніе котораго передана въ 1863 г. изъ Министерства народнаго просвѣщенія русская литература, есть по преимуществу министерство государственной полиціи и обязано вѣдать литературу лишь съ точки зрѣнія полицейской. Да вѣдь и самая предостереженія свои сообщаетъ оно редакторамъ черезъ полицейскихъ чиновъ: упомянутое внушеніе „объ истинномъ патріотизмѣ“, подписанное 26 ноября, только пройдя долгій путь полицейскихъ мытарствъ, отъ инстанціи къ инстанціи, было преподнесено намъ Помощникомъ Частнаго Пристава Тверской части, и именно 29 ноября (слишкомъ двое сутокъ послѣ того, какъ оно появилось въ петербургскихъ газетахъ и Сѣверное Агентство оповѣстило о немъ по телеграфу не только всю Россію, но и всю Европу,—къ превеликому торжеству австрійскихъ газетъ!) Писатель или редакторъ, подвергающійся подобнаго рода назиданіямъ чрезъ полицейскаго окологочнаго надзирателя, имѣетъ по крайней мѣрѣ право требовать, чтобъ таковыя документы были въ точности согласны со всѣми формальными предписаніями закона. Мы тщательно пересмотрѣли всѣ параграфы того спеціального узаконенія, на которое ссылается и данное „Руси“ предостереженіе. Въ статьяхъ отъ 12 до 30-й перечислены всѣ тѣ провинности печати, которыя могутъ служить поводомъ. Главному Управленію для принятія упомянутой мѣры: во ни о „патріотизмѣ“ вообще, ни въ частности о „патріотизмѣ истинномъ“ въ этихъ статьяхъ нѣтъ ни слова, ни даже намѣка. Равномѣрно не встрѣчается подобной „квалификаціи“ литературныхъ поступковъ ни въ Уголовномъ Уложеніи, ни во всемъ Сводѣ Законовъ...

Оно и вполне разумно. Перейдя точные пределы формального закона, вышеназванное ведомство ступило неизбежно на шаткую почву,—въ поле обширное для недоразумѣній и противорѣчій, слѣдовательно и для произвольныхъ личвыхъ истолкованій. Въ самомъ дѣлѣ, что такое „истинный“ и „неистинный патриотизмъ“? Гдѣ надежные признаки того и другаго? Гдѣ критерій для оцѣнки или даже распознаванія? Съ нашей точки зрѣнія, напримѣръ, истинный патриотизмъ для публициста заключается въ томъ, чтобы мужественно, по крайнему разумѣнью, высказывать правительству правду—какъ бы она горька и жестка ни была, а для правительства—въ томъ, чтобы выслушивать даже и горькую, жесткую правду. По мнѣнью же многихъ въ такъ-называемыхъ высшихъ сферахъ, наистиннѣйшій патриотизмъ—въ подобострастномъ молчаніи... Авторы „предостереженія“ могутъ, пожалуй, возразить намъ, что дѣло не въ самой правдѣ, а въ формѣ ея высказыванія, которая можетъ быть, по рѣзкости своей, неприлична. Но въ такомъ случаѣ и слѣдовало бы употребить именно этотъ терминъ, тѣмъ болѣе, что онъ есть и юридическій, а не привлекать сюда понятіе о патриотизмѣ, съ которымъ онъ ни въ какой логической связи не состоитъ: это уже измышленіе *сверхзаконное* и какъ видится—едва ли удачное. Именно въ запальчивости истиннаго патриотизма и можетъ порой, особенно при спѣшной работѣ, сорваться съ пера слово слишкомъ живое и рѣзкое; мало того, мы вполне готовы признать, что откровенныя изъявленія патриотизма могутъ быть подчасъ для правительства, по разнымъ его соображеніямъ, почему-либо *не желанными*, но было бы ужь совершенно неумѣстнымъ съ его стороны приѣмомъ обезцѣнивать въ подобныхъ случаяхъ ихъ искренность и отрицать патриотичность.

Да и всегда ли само правительство стоитъ на точкѣ зрѣнія безошибочнаго патриотизма? „Истинный“ ли, а не ошибочный, патриотизмъ побудилъ, напримѣръ, безъ всякаго вышшняго принужденія отдать Выборгскій округъ Финляндіи, покушался присоединить девять русскихъ губерній къ Царству Польскому и такъ ревностно, подъ русскимъ скипетромъ, содѣйствовалъ ополяченію Бѣлоруссіи?.. „Истинными патриотами“ считали себя вѣдь и русскіе радѣтели

Берлинскаго трактата, тогда какъ „неистинные патріоты“, въ родѣ редактора „Руси“, видятъ въ ихъ дѣйствіяхъ только малосмысленность и малодушіе патріотизма. И можетъ ли быть обозвано, наиримѣрь, непатріотичнымъ то чувство срама, которымъ содрогнулась почти вся Россія, познакомаясь съ содержаніемъ этого договора, и которое было высказано пишущимъ эти строки въ его публичной рѣчи, навлекшей на него извѣстную правительственную кару?.. Но вѣдь въ такомъ случаѣ пришлось бы подчасъ обвинить все русское общество и весь Русскій народъ въ недостатокѣ „истиннаго патріотизма“, признавъ монополию истинности лишь за оффиціальной средой?!...

Дѣло въ томъ, что самое это слово „патріотизмъ“ понимается у насъ еще очень неопредѣленно. Въ переводѣ на русскій языкъ, оно означаетъ „любовь къ отечеству“. Однакожь, вслѣдствіе особенныхъ, условій нашего общественнаго развитія со временъ Петра, развелось въ Россіи, особенно въ верхнихъ общественныхъ слояхъ, не мало такихъ „патріотовъ“, которые идею „отечества“ умудрились отвлечь отъ идеи русской національности, и готовые, пожалуй, пожертвовать жизнью на полѣ битвы за внѣшнюю неприкосновенность и честь государства, въ то же самое время чуждаются, знать не хотятъ, да и вовсе не знаютъ ни своей русской народности, ни русской исторіи и ея завѣтовъ! Однимъ словомъ, любя сосудъ, пренебрегаютъ его содержаніемъ; любя „отечество“, не вѣдаютъ и даже презираютъ то, въ чемъ заключается внутренній смыслъ и причина его историческаго бытія, что даетъ ему духовное, нравственное и политическое опредѣленіе въ мірѣ, — чѣмъ, стало-быть, опредѣляются и самое его призваніе и задачи. Понятно, что такой пустопорожній или односторонній патріотизмъ сплошь да рядомъ становится въ бессознательное противорѣчіе съ русскою народною жизнью, съ истинными народными интересами Россіи: между нимъ и ими вырастаетъ порой цѣлая непроходимая чаща печальныхъ недоразумѣній...

Едва ли кто станетъ отрицать, что русское недавнее прошлое, отчасти и настоящее, богато примѣрами такихъ противорѣчій и недоразумѣній; что подобною односторонностью патріотизма не только были долго, отчасти еще и

теперь—заражены высшіе наши общественные классы (гдѣ даже и по сей день русскій языкъ въ житейскомъ обиходѣ не пользуется полными правами гражданства), но не свободна была отъ нея даже и правительственная среда. Объ этомъ свидѣлствуетъ вся исторія русскаго общества за послѣднія три четверти вѣка. Да и какъ иначе объяснить тотъ странный, почти чудовищный фактъ, что въ Русской землѣ между Русскими могли возникнуть, существуютъ даже и теперъ: „русское направленіе“, „русская партія“, что уже само собою предполагаетъ существованіе партіи нерусской, направленія *ненаціональнаго*,—и что немыслимо ни во Франціи, ни въ Англіи, ни въ Германіи, гдѣ подобнаго раздвоенія нѣтъ? Какъ истолковать явленіе такъ-называемой „славянофильской“, въ сущности просто русской школы, которая лѣтъ около 50 назадъ поставила себѣ задачу раскрывать въ русскомъ обществѣ русское народное самосознаніе? Ея борьбою съ такъ-называемыми „западниками“ (къ которымъ принадлежалъ чуть не сплошь чиновный и сановный Санктпетербургъ) наполнены десятки лѣтъ нашей общественной жизни, — да она не изсякла даже и теперъ; ея ученіе не есть что-то отжившее и сданное въ архивъ,—напротивъ, болѣе чѣмъ когда-либо прежде оно входитъ въ силу, становится предметомъ изслѣдованій, научной провѣрки, вызываетъ появленіе ученыхъ трудовъ и диссертаций, отчасти еще пробиваетъ себѣ дорогу,—*отчасти* уже пробило и стало достояніемъ не только общественнаго, даже и *правительственнаго* сознанія.

А между тѣмъ, несмотря на то, что „славянофилы“ не исповѣдывали ни одной изъ такъ-называемыхъ „превратныхъ“ иностранныхъ доктринъ, ни революціонныхъ, ни конституціонныхъ, ни разрушительнаго безвѣрія, а стояли твердо на историческомъ и народномъ политическомъ принципѣ (по понятіямъ ихъ вполне совмѣстномъ съ свободою искренняго земскаго мнѣнія); несмотря на то, что никто никогда не могъ обвинить ихъ въ нарушеніи требованій самой строгой гражданской нравственности, едвали кто болѣе „славянофиловъ“ подвергался правительственнымъ гоненіямъ за борьбу съ узкимъ и одностороннимъ, слѣдовательно ужъ никакъ не „истиннымъ“ патриотизмомъ!... Не одни цензур-

ныя запрещенія, стѣсненія, ограниченія и тучи предостереженій постигали ихъ: были случаи гоненій и каръ болѣе серьезнаго свойства... И за чтѣ? Да за тѣ самыя мнѣнія и воззрѣнія, которыя, черезъ нѣсколько лѣтъ, усвоивало себѣ само правительство. Вотъ тутъ и разбирайте—на чьей сторонѣ когда, въ какую минуту былъ, по выраженію сообщеннаго намъ чрезъ полицію документа, „истинный патріотизмъ“!...

Редакторъ „Руси“ съ самаго начала своей литературной дѣятельности принадлежалъ къ стану такъ-называемыхъ „славянофиловъ“ и, обращаясь лишь къ своему личному опыту, имѣетъ право свидѣтельствовать, что правительственная точка зрѣнія на „истинный патріотизмъ“ неоднократно мѣнялась. Мы пощадимъ читателей отъ изложенія всей этой печальной исторіи литературно-полицейскихъ преслѣдованій. Достаточно напомнить, что газетѣ „Москва“ (награжденной шестью предостереженіями, девятимѣсячной, въ сложности, пріостановкой и наконецъ окончательнымъ запрещеніемъ) главнымъ образомъ поставлены были въ вину: нападки на непатріотическую дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ генерала Потапова (осужденную нынѣ, какъ извѣстно, и самимъ правительствомъ), и порицанія той нѣмецкой привилегированной автономіи въ Остзейскихъ губерніяхъ, которую, сколько мы знаемъ изъ правительственныхъ актовъ, само правительство нынѣ, въ настоящемъ ея видѣ, терпѣтъ долѣе не намѣрено. Въ наши дни на остзейскіе порядки только лѣнивый не нападаетъ, а тогда это называлось недостаткомъ патріотизма. Въ наши дни заступничество за Латышей и Эстовъ и за права Православной церкви въ Прибалтійской окраинѣ цензурою благословлено и стало чуть не общимъ мѣстомъ въ газетной публицистикѣ, а тогда эти сужденія признавались дерзкими, опасными для государства, слѣдовательно и непатріотичными...

Вѣруемъ упорно, что и та точка зрѣнія, на которой стоимъ мы теперь при обсужденіи настоящихъ политическихъ событій и русской дружбы съ Австріей и Германіей, которая, слишкомъ ярко освѣщенная нами, навлекла на насъ обвиненіе въ недостаткѣ «истиннаго патріотизма» и на которой не стоятъ пока теперь наша дипломатія—подвергнется когда-нибудь той же участи...

Послѣ долгаго перерыва нашей журнальной дѣятельности, убѣдившись что прежняя односторонность патріотизма стала значительно сглаживаться и что въ самомъ Петербургѣ понятіе о патріотизмѣ стало совмѣщаться съ понятіемъ о національныхъ русскихъ началахъ и интересахъ, мы рѣшились предпринять изданіе газеты «Русь». Мы рѣшились на этотъ тяжелый подвигъ въ той надеждѣ, что въ виду трагическихъ уроковъ исторіи, въ виду тѣхъ печальныхъ послѣдствій, къ которымъ привело Россію антинаціональное направленіе во внѣшней и внутренней политикѣ, — основная сущность нашихъ политическихъ и нравственныхъ убѣжденій, заявленная всею нашею публичною жизнью, способна наконецъ гарантировать насъ отъ докучныхъ цензурныхъ стѣсненій и отъ патріотическихъ назиданій чрезъ обязательное посредство гг. квартальныхъ; что наше слово, правдивое и искреннее, хотя бы подчасъ и безъ всякой внѣшней, умягчающей смазки, будетъ наконецъ терпимо и уважено въ своей свободѣ.... Къ прискорбію, мы ошиблись.

Тѣмъ не менѣе, мы признаемъ долгомъ объяснить съ полною откровенностью, что мѣняться намъ уже поздно, да и не подстать; что мы ни мало не расположены, да и не сумѣли бы,—особенно уже теперь, въ виду уроковъ внутренней русской исторіи и подъ конецъ нашего публицистическаго поприща,—подлаживать свой патріотизмъ къ оффиціальнымъ, часто мѣняющимся воззрѣніямъ. Правительство можетъ закрыть нашу газету, отнять у насъ право печатнаго слова: это вполне въ его власти. Но пока мы держимъ перо въ рукахъ, оно будетъ все тѣмъ же независимымъ и искреннимъ, и ужь несомнѣнно истинно-патріотическимъ, какимъ было и есть—теперь и всегда.

И еще прошла недѣля, а политическое положеніе дѣлѣ съ внѣшней стороны почти не измѣнилось, хотя иностранныя газеты и предвидать скорый конецъ. Положеніе невыносимо тягостное, и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи, для Болгаръ и Сербовъ,—томительное и для Австріи, непосредственно заинтересованной въ исходѣ болгаро-сербской распри,—томительное и для русской народной

совѣсти, смущенной и недоумѣвающей... Томительное, должно полагать, не менѣе и для русской дипломатіи, у которой первая забота, конечно—поскорѣй покончить съ тревожными заботами и настолько облагодѣлать мирную развязку настоящихъ осложненій, насколько это нужно для сохраненія мира и нашихъ тѣсныхъ дружественныхъ узъ съ Двойственнымъ Союзомъ Германіи и Австріи. Для сужденія объ этихъ нашихъ узлахъ съ Союзомъ мы не имѣемъ, разумѣется, никакихъ русскихъ оффиціальныхъ данныхъ, а потому и приходится по неволѣ прибѣгать къ иностраннымъ. На первый разъ напомнимъ читателямъ истолкованіе этихъ отношеній, уже цитированное въ 20 № «Руси». Еще при самомъ началѣ сербскаго похода въ Болгарію вѣнскій оффиціозный органъ «Fremdenblatt» напечаталъ, а органъ германскаго канцлера «Norddeutsche Allg. Zeitung» перепечаталъ, именно слѣдующее: «такое выступленіе Сербіи въ область дѣланія (Action) представляетъ новый пробный камень искренности и нежеланности (Unverfälschtheit) тѣхъ чувствъ, которыя *ввели Россію въ сферу идей Двойственнаго Императорскаго Союза* и обезпечили для русской политики основы вѣрности трактатамъ и уваженія къ дѣйствующему праву». Такимъ образомъ, по смыслу этихъ оффиціозныхъ, почти оффиціальныхъ разъясненій, Россія, чрезъ образованіе Трехъ-Державнаго Союза, примкнула не только къ существовавшему уже Двойственному Союзу Германіи и Австріи, но и къ тѣмъ *идеямъ*, ради коихъ послѣдній былъ основанъ. Образцомъ же прочности и искренности такого вшествія Россіи въ кругъ австро-германскихъ идей упомянутыя газеты выставляютъ допущеніе сербской войны, или, какъ онѣ деликатно выражаются, «выступленіе Сербіи въ области *дѣланія*». Но само собою разумѣется, что *суть* дѣла здѣсь вовсе не въ Сербіи и что рѣчь идетъ не о чемъ другомъ, какъ о *дѣланіи* австрійскомъ. Очевидно, что обѣ великія державы не были и сами увѣрены въ томъ, какъ отнесется Россія къ такой *акціи* короля Милана, очевидно входившей въ «сферу идей Двойственнаго Союза», а потому это обстоятельство и величается ими *пробнымъ камнемъ* русской вѣрности и дружественности. Это и съ нашей точки зрѣнія точно былъ пробный камень.

Русское общество вполне способно понять, что правительство не всегда имѣетъ возможность осуществлять практически все, что требуется русскими интересами и указывается русскимъ національнымъ призваніемъ; что оно, при той великой нравственной ствѣтственности, которую несетъ, не всегда можетъ рисковать судьбою Россіи, и т. д. Но иное дѣло—осуществленіе, иное—неуклонное, хотя бы и постепенное стремленіе къ намѣченной цѣли. Съ какою радостью ухватились бы мы за каждый признакъ національнаго, по-длинно русскаго направленія въ политикѣ! Съ какою гордостью указали бы на малѣйшее проявленіе ясно сознанный, съ русскою историческою задачей согласной мысли, и охотно бы тогда обрекли себя на выжидательное молчаніе! Но русское правительство не даетъ намъ ключа къ уразумѣнію его политической программы, а каждый № получаемыхъ иностранныхъ газетъ, каждая телеграмма, каждое проявленіе русскаго политическаго дѣйствія вводятъ пока русскій умъ и русское чувство только въ недоумѣніе.

Вотъ теперь Болгарія, — только-что съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ отразившая разбойническое нашествіе короля Милана (снаряженное коштомъ нашей союзницы Австріи и нами, къ сожалѣнію, своевременно не остановленное), — выжидаетъ новаго нападенія сербской, стараніями Австрійцевъ реорганизованной и австрійскими офицерами снабженной армии, если не удастся Европѣ установить между воюющими перемирія. И князь, и всѣ войска, княжескія и *румелійскія* (стяжавшія себѣ на дняхъ отъ Русскаго Государя такую торжественную похвалу) на боевой позиціи. Остальное народонаселеніе занято уходомъ за ранеными, призрѣніемъ вдовъ и сиротъ убитыхъ. Минута, конечно, самая удобная для всѣхъ враговъ болгарскаго воссоединенія: въ Румелии некому и сопротивляться. И вотъ эту самую минуту избираетъ конференція, или точнѣе сказать избираютъ три великія державы т. е., Россія вмѣстѣ съ Австріей и Германіей, и побуждаютъ Порту воспользоваться настоящимъ критическимъ для Румелии моментомъ, т. е. отсутствіемъ румелійскихъ войскъ (такъ, по словамъ газетъ, оно и выражено въ письменномъ заявленіи державъ), послать въ Филиппополь турецкаго комиссара и произвести

разъединеніе Болгаріи, — если нужно, то и *вооруженною силою*... Это было бы дѣйствительно возстановленіе status quo ante, но не только того status, который былъ до сентября нынѣшняго года, но того, который существовалъ до нашей битвы при Шейновѣ въ декабрѣ 1877 г., вообще до нашихъ побѣдъ: съ тѣхъ поръ и до сего дня турецкаго комиссара и турецкихъ войскъ въ Румелии не было. Въ газетахъ читаемъ, что на послѣднемъ засѣданіи конференціи, послѣ того, какъ Англія прямо и рѣшительно высказалась за соединеніе, а Россія точно также прямо и рѣшительно высказалась противъ онаго, «Россія, Германія и Австрія въ заключеніе заявили, что Порта въ правѣ *сама принять мѣры* къ возстановленію status quo ante», Франція и Италия, понявъ, что означаетъ такое соизволеніе, «указали на серьезные послѣдствія, къ какимъ можетъ привести *употребленіе силы*» (см. «Моск. Вѣд.» № 327). Ихъ указаніе о неудобствѣ допускать занятіе Румелии турецкими войсками не смутило однакоже, по словамъ газетъ, Россію—всего семь лѣтъ назадъ пролившую столько крови для очищенія Румелии отъ турецкихъ полчищъ. Даже съ трудомъ и вѣрится этимъ иностраннымъ сообщеніямъ... Турки послѣдовали совѣту, отправили въ Румелию делегатовъ — приглашать жителей къ покорности и возвѣстить о пріѣздѣ султанскаго комиссара для временнаго управленія страной,—однакожь, изъ осторожности, въ самую Румелию войскъ не послали, а «сосредоточили крупныя военныя силы на самой Румелийской границѣ». По увѣреніямъ иностранныхъ корреспондентовъ, они и въ самомъ дѣлѣ «помышляли о постоянномъ занятіи *Балканъ*»...

Спрашивается: что должны испытывать русскіе люди читая въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 328) слѣдующее сообщеніе о поведеніи русскаго дипломатическаго агента въ Филиппополѣ? По поводу пріѣзда турецкихъ делегатовъ и ихъ требованія покориться султану было совѣщаніе почетнѣйшихъ Румелиотовъ у епископа въ присутствіи русскаго агента, который, «произнесъ рѣчь, въ коей заявилъ, что обращался за инструкціями къ русскому посольству въ Константинополь и получилъ отвѣтъ, что если румелийское населеніе не захочетъ принять турецкихъ делегатовъ, *то въ Румелию вступятъ турецкія войска и Россія ничего* (противъ этого)

не сдѣлаетъ». Ему былъ данъ единодушный отвѣтъ, что настоящее собраніе не уполномочено рѣшать вопросъ о разьединеніи, такъ какъ правительство—въ Софіи, а значительная часть населенія на границѣ. «Тогда русскій агентъ удалился, повторивъ полученныя имъ инструкціи»....

Если это клевета, то органу нашего Министерства иностранныхъ дѣлъ слѣдовало бы ее опровергнуть. Но «Journal de St.-Petersbourg» молчитъ, и по всему міру невозбранно гуляетъ молва, будто Россія грозила, что не станетъ противиться, если Турки вновь займутъ Балканскіе проходы и Шипку,—ту знаменитую Шипку, у подножія которой мы же выстроили храмъ на костяхъ нашихъ славныхъ воиновъ, выгнавшихъ Турокъ изъ этой самой Румелии.... Да кажется Балканы бы ахнули и сама гора С. Николая сотряслась бы отъ ужаса при одной вѣсти о такомъ русскомъ соизволеніи!... Впрочемъ французская газета «Temps» отказывается этому вѣрить; она не усматриваетъ особенной гарантіи въ томъ, «чтобы Султанъ получилъ право, общее со всѣми государями, усмирять мятежъ своихъ подданныхъ и проливать христіанскую кровь, коли понадобится, не вызывая ничьего возраженія». «Кто намъ поручится»—продолжаетъ газета—«что Россія не содрогнется, увидѣвъ пролитую кровь православныхъ»? (Qui peut nous garantir que la Russie ne fremira pas lorsqu'elle verra couler le sang orthodoxe?) Какъ бы въ соотвѣтствіе этому мнѣнію французскаго журнала, въ «Кіевлянинѣ» напечатано, что «24 ноября высокопреосвященный митрополитъ кіевскій Платонъ получилъ изъ Филиппополя телеграмму отъ епископа Гервасія, въ которой онъ проситъ его высокопреосвященство повергнуть къ стопамъ Его Величества Государя Императора просьбу Румелиотовъ освятить своимъ Царскимъ словомъ желаніе ихъ присоединиться къ Болгаріи и тѣмъ пріостановить движеніе стотысячной турецкой арміи въ Румелію, гдѣ въ настоящее время остались только женщины и малолѣтнія дѣти»....

Къ счастью, осторожный Султанъ уже отказался отъ мысли вводить въ Румелію свою армію: отъ того ли, что, какъ и французская газета, не довѣрялъ возможности полного безучастія Россіи къ употребленію турецкой военной надъ христіанами силы (а между тѣмъ Румелиоты добровольнаго

согласія на покорность не изъявили) или по внушенію Англии, только делегаты вернулись назадъ въ Константинополь ни съ чѣмъ, о послыскѣ комиссара нѣтъ теперь и рѣчи, и Султанъ рѣшился вступить въ личные переговоры о Румелии съ самимъ княземъ Александромъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, вслѣдствіе просьбы обѣихъ воюющихъ сторонъ, великія державы взяли на себя посредническую заботу о примиреніи. Но онѣ, кажется, слѣдуютъ правилу: *festina lente*. Теперь обсуждается еще только предложеніе объ установленіи демаркаціонной линіи между болгарскими и сербскими войсками чрезъ военныхъ агентовъ великихъ державъ: русскаго, германскаго, австрійскаго, итальянскаго и французскаго. Агенты уже выѣзжаютъ на мѣсто... Можно ли однако съ полною увѣренностью утверждать, что пока эта линія проведется—не произойдетъ между Сербами и Болгарами какой-либо схватки? Заручиться какимъ-нибудь военнымъ успѣхомъ до такой степени выгодно, въ виду переговоровъ о мирѣ, и для Сербіи и для самой Австріи, что едвали первая воздержится отъ нападенія, если условія успѣха сложатся для нея вполне благоприятныя. Австрія же въ такомъ случаѣ будетъ вѣдь имѣть полное основаніе сложить съ себя всякую за такой „неприятный инцидентъ“ отвѣтственность, такъ какъ дѣло умирненія уже теперь не отъ нея одной зависитъ, но отъ всего Трех-Державнаго Союза и она, изъ уваженія къ союзницамъ, отказалась-де теперь отъ всякаго *личнаго* на Сербію давленія! Положеніе—не лишенное удобствъ... Если и условія мира будутъ Сербіи не по нраву, все же главною виновницей въ глазахъ Сербовъ будетъ не одна Австрія, а Европа или Трех-Державная лига.

Впрочемъ иностранныя газеты пророчатъ близкій конецъ всему балканскому усложненію, т. е. миръ между Сербіей и Болгаріей и личную унію Румелии съ Княжествомъ въ особѣ князя Александра, причемъ не затрудняются увѣрять о готовности Россіи возвратить этому князю свое благоволеніе. Но здѣсь надо подождать слова самой Россіи...

Москва, 14 декабря.

И такъ перемиріе между Сербіей и Болгаріей заключено, и заключено на условіяхъ, о принятіи которыхъ «державы» еще наканунѣ изволили сомнѣваться, т. е. съ признаніемъ нѣкоторыхъ правъ Болгаріи, какъ побѣдительницы: именно, Сербы первые уведать свои войска съ болгарской территоріи, а затѣмъ уже Болгары покинуть позиціи занятыя ими на сербской землѣ. Срокъ перемирію до 1-го марта. Обѣ стороны немедленно назначаютъ делегатовъ для переговоровъ о мирѣ...

Такимъ образомъ первое дѣйствіе балканской траги-комедіи кончилось, и именно то, въ которомъ собственно и замыкался существенный трагическій элементъ всего современнаго «политическаго осложненія». Еще бы не трагическій! Зрѣлище бессмысленной, безпричинной драки двухъ братскихъ сосѣднихъ племенъ, двухъ маленькихъ вассальныхъ государей, играющихъ въ «большіе» и самостоятельныхъ, Сербскаго — вассальнаго Австріи *de facto* и болгарскаго — вассальнаго Турціи *de jure*, — зрѣлище это было бы, пожалуй, и забавно, если бы не пролились обильные потоки крови, не насчитывалось тысячъ по десяти убитыхъ и раненыхъ какъ у Болгаръ, такъ и у Сербовъ, — да и не истощились бы, не разорились на долго обѣ страны отъ матеріальнаго напряженія и жертвъ. Нельзя не радоваться прекращенію «братоубійственной брани», но нельзя вновь не пожелать о томъ, что такая брань была допущена, или точнѣе сказать, что Россія и Германія допустили Австрію подстрекнуть и снарядить Сербовъ на брань — и на брань именно съ Болгаріей. Одного твердаго слова — если не Россіи, то князя Бисмарка — обращеннаго къ Австріи было бы достаточно для того, чтобъ заставить эту послѣднюю демобилизовать сербскую армію, — и такой услуги мы были бы въ правѣ, казалось, требовать себѣ отъ Германскаго канцлера: на что же тогда и «Союзъ»? какая намъ отъ него польза?! Слова этого однакожь не было сказано. Почему? Да потому, что Австрія успѣла уже, не спросясь державъ-союзницъ (странный «Союзъ!»), начать дѣйствія

одиночныя въ пользу своихъ личныхъ интересовъ (вопреки условіямъ Скерневицкаго соглашенія): т. е. уже скомпрометтировала себя неосторожно тѣмъ, что вооружила, снабдила Сербію деньгами и указала ей цѣлью—Болгарію; затѣмъ, убѣдившись что Россія все еще продолжаетъ вѣрить въ Тройственный Союзъ и упорно его держаться, поспѣшила, даже съ видомъ сожалѣнія о своей опрометчивости (историческій фактъ), вновь вступить въ званіе нашей союзницы! «Русь» еще въ 15 № (12 октября), въ самомъ началѣ этихъ австрійскихъ манѣвровъ, догадывалась о русской дипломатической ихъ оцѣнкѣ въ такихъ выраженіяхъ: „кто знаетъ! можетъ-быть теперь сама русская дипломатія добродушно озаботится именно тѣмъ—какъ бы вывести Австрію съ почетомъ изъ ея фальшиваго положенія относительно Сербскаго королевства?“... Блистательное и авторитетное подтвержденіе этихъ нашихъ догадокъ представилъ недавно „Journal de St.-Petersbourg“ въ „высокооффиціозномъ“ (какъ выражаются Нѣмцы) напечатанномъ имъ письмѣ по поводу статьи г-жи Новиковой въ англійской „Pall Mall Gazette“. Статья эта осуждаетъ, между прочимъ, австрійское правительство именно за то, что только благодаря его помощи и содѣйствію могла Сербія двинуть армію противъ Болгаріи. Органъ же русскаго Министерства иностранныхъ дѣлъ вступаетъ за напрасно обвиняемую державу и находитъ образъ дѣйствій Австріи весьма естественнымъ, а потому и извинительнымъ: „не могла же она оставаться равнодушною, дѣло вѣдь шло о судьбѣ ея вліянія на Сербію“!... Этими словами газета какъ-бы даетъ понять читателямъ, что Россія въ самомъ дѣлѣ считаетъ Сербію — совсѣмъ включенною въ австрійскую *Machtsphere*, а для насъ въ таковой же степени чуждою...

А между тѣмъ допущеніе этой войны было, по нашему искреннему убѣжденію, роковою ошибкою нашей дипломатіи. Ничто такъ не осложнило всей этой, въ началѣ еще не слишкомъ мудреной исторіи. Не будь этой войны, не было бы ни пораженія сербской арміи, давашаго Австріи возможность явиться спасительницею Сербіи и упрочить въ ней свое пошатнувшееся было вліяніе,—ни болгарскихъ побѣдъ, выручившихъ князя Александра изъ того жалкаго состоянія,

въ которомъ онъ находился, и создавшихъ лично ему положеніе новое и для Россіи мало желанное,—положеніе, съ которымъ видимо и *показнымъ* образомъ считается теперь вся Европа, придется, пожалуй, считаться и намъ. Болгарія, которая вся обзана Россіи своимъ бытіемъ, которой семь-восемь лѣтъ тому назадъ вовсе не существовало даже въ точномъ географическомъ смыслѣ, которую Россія создала своею кровью и своими жертвами, — для которой еще три только мѣсяца назадъ не могло быть и рѣчи о какой-либо внѣшней своей, помимо Россіи, политикѣ, тѣмъ менѣе о какой-либо войнѣ или о какихъ-либо мирныхъ переговорахъ, — Болгарія теперь разыгрываетъ роль и даже трактуется—какъ политическая величина, какъ самостоятельная, хотя еще и не крупная, но отъ Россіи совсѣмъ независимая держава! По единодушному свидѣтельству нашихъ русскихъ, служившихъ въ Болгаріи офицеровъ (а мы ихъ видѣли не мало), три мѣсяца назадъ, въ первые дни послѣ румелійскаго переворота, наши отношенія къ Болгаріи были таковы, что достаточно было бы имъ, офицерамъ, заявить войскамъ, что Русскій Царь этого переворота не одобряетъ и двигаться войскамъ въ Румелію воспрещаетъ,—солдаты безпрекословно бы повиновались, а про народныя массы и говорить нечего: онѣ и теперь продолжаютъ *болѣть* душой (именно такъ, имѣемъ на то достовѣрныя данныя) о разрывѣ съ Россіей. Извѣстно, что по отозваніи русскихъ офицеровъ болгарское правительство вынуждено было обмануть солдатъ и народъ, внушивъ имъ, что Россія на присоединеніе согласна и отзываетъ офицеровъ только лишь изъ „политической хитрости“... Теперь, разумѣется, сила штыковъ вся въ рукахъ князя Александра.

Если мы вновь напоминаемъ о совершенной русской дипломатію роковой ошибкѣ (т. е. о поблжкѣ оказанной Австріи и выразившейся въ допущеніи сербскаго нашествія на Болгарію), то именно потому что наша дипломатія мало расположена сознавать свои промахи и вразумляться уроками исторіи. Доказательствомъ такого матаго расположенія служатъ оффиціозныя статьи помѣщаемыя во французскомъ „Петербургскомъ Журналѣ“ и въ „Новомъ Времени“ исполненныя самодовольства, восхваленій Тройственному Со-

юзу—и чуть ли не прямодушю Австріи. Но сознание нашею дипломатіею своихъ ошибокъ было бы несравненно утѣшительнѣе для Россіи всѣхъ расточаемыхъ ею офиціозныхъ самопоздравленій: оно бы свидѣтельствовало о проясненіи нашего политическаго сознанія вообще, о возможности передвиженія нашей политики на путь болѣе самостоятельный, менѣе зависимый отъ дружественныхъ узъ съ тою державой, которой интересы такъ діаметрально противоположны нашимъ самымъ дорогимъ, кровнымъ національнымъ интересамъ.

Если мы указали выше на тѣ измѣненія, которыя произошли въ положеніи Болгаріи, измѣненія выгодныя для князя Александра и невыгодныя для Россіи; на утрату значительной доли нашей силы и нашего вліянія въ государствѣ нами же такъ недавно призванномъ къ жизни и созданномъ,—то это ужь вовсе не изъ чувства оскорбленнаго національнаго самолюбія, не изъ мелочной досады, что вотъ-де Болгарія была наша, а теперь выбилась изъ-подъ нашей власти, осмѣлилась быть самостоятельною и т. д. Не о томъ скорбимъ мы, а объ искаженіи ея правильнаго развитія и извращеніи ея, да и нашихъ собственныхъ, историческихъ путей. Ни Болгарія, ни иныя, также болѣе или менѣе мелкія, Балканскія государства не призваны, да и не могутъ имѣть никакой дѣйствительной политической самостоятельности. Они вѣчно будутъ терзаемы, вѣчно будутъ истощать себя взаимною политическою завистью, соперничествомъ, враждой,—внутри же своихъ предѣловъ,—при конституціонномъ режимѣ, который имъ отчасти уже данъ, отчасти сулится подобною самостоятельною будущностью, — станутъ лишь игралищемъ партій. Нѣтъ, какъ извѣстно, ничего нездоровѣе для маленькихъ политическихъ организмовъ (да и ничего тягостнѣе, разорительнѣе для народонаселенія), какъ легко возбуждающійся въ нихъ политическій аппетитъ, легко овладѣвающее ими притязаніе на политическую роль и знатность, со всѣми неизбѣжными спутниками такихъ незаконныхъ вожделѣній: хвастовствомъ, самовосхваленіемъ, спѣсью, щепетильностью самолюбія, расточительностью и всѣмъ этимъ аппаратомъ королевскихъ или княжескихъ дворовъ, дипломатическихъ представительствъ, армій не по силамъ, штата

государственных чиновъ не по средствамъ!.. Маленькая Сербія, величиною съ Смоленскую губернію, съ народонаселеніемъ менѣе двухъ милліоновъ, содержитъ войско въ 100 т. человекъ, разоряется туда же на „новѣйшія перевооруженія“, на поддержаніе такого правительственнаго механизма, который бы годился для крупной державы. Не говоримъ уже о вредѣ «политиканства», т. е. о той маніи заниматься исключительно политикой, которая до такой степени овладѣваетъ въ нихъ умами, что не оставляетъ мѣста для иныхъ, высшихъ культурныхъ интересовъ, мѣшаетъ всякому развитію литературы, искусствъ, науки!..

Само собою разумѣется, такія маленькія государства, вопреки всѣмъ своимъ болѣзненнымъ претензіямъ, никогда и не осуществляютъ мечты о самостоятельности, никогда и не живутъ *о себѣ*, а непремѣнно заискиваютъ опоры у какой-либо могущественной державы, подпадаютъ подъ ея вліяніе или просто подъ власть—въ той или другой формѣ. Въ этомъ отношеніи особенная опасность грозитъ именно Славянскимъ мелкимъ государствамъ на Балканскомъ полуостровѣ—сущимъ и будущимъ. Если ихъ втянетъ въ „сферу своей мощи“ держава иноплеменная, ихъ ожидаетъ самая жалкая участь: денаціонализація, утрата—не политической только, но и своей духовной народной самобытности, а при такой утратѣ, обезличенныя, нравственно охолощенныя, онѣ осуждены войти въ составъ организма, въ самое тѣло *иноплеменнаго* мощнаго государства.

Только *о Россіи*, только тяготѣя къ ней въ томъ или другомъ видѣ, можетъ жить, сберечь свою личность, развиваться въ духѣ своей національной особенности и принести свой духовный плодъ человечеству всякій отдѣльный славянскій организмъ. Только черезъ Россію призваны Славянскія племена къ созиданію Славянскаго міра, къ общему вселенско-историческому служенію. Всякое Славянское государство, всякое Славянское племя, разрывающее свою вышнюю или духовную связь съ Россіей, осуждено на гибель или на участь Сербскаго королевства,—несчастнаго теперь холопа Австро-Венгерской Имперіи..

Такой вопросъ, отчасти по нашей оплошности, возникаетъ теперь и для Болгаріи. Конечно, не иноземецъ и не ино-

вѣрецъ князь Александръ способенъ самъ собою возвести Болгарію на степень политической независимой державы и направить ее на путь нормальнаго національнаго развитія; не болѣе способны достичь этой цѣли и такъ-называемые интеллигенты, у которыхъ нѣтъ никакой умственной и духовной самостоятельности, и всѣ идеалы взяты цѣликомъ изъ жизни чуждой, изъ мысли анти-славянской. Такъ или иначе отрѣшившись отъ своей тѣсной связи съ Россіей, Болгарія *не можетъ имѣть иной перспективы*, какъ подпасть подъ вліяніе или (повторимъ снова нѣмецкій новѣйшій дипломатическій терминъ) втянуться въ „сферу мощи“ Австрійской имперіи, своей ближайшей сосѣдки. Это бы значило, — даже по отношенію къ нѣкоторой, можетъ-быть порою докучавшей Болгарамъ зависимости отъ русской власти, — промѣнять кукушку на астреба! Такая ли перспектива можетъ плѣнять Болгарію?

Во сколько это было бы губительно для Болгаріи, во столько это вредно и для интересовъ самой Россіи. Нѣтъ ничего поэтому невѣжественнѣе и даже глупѣе, какъ трактовать современный вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ Болгаріи, къ Балканскому полуострову и вообще къ Славянству — свысока, съ видомъ пренебреженія или равнодушія. Всего забавнѣе, что такіе скудоумные политики въ то же время оговариваются, что Россіи нуженъ-де только Босфоръ, проливъ, свободный выходъ изъ Чернаго моря, ничего болѣе! Такіе отзывы встрѣчаются, къ стыду нашему, въ русской печати, преимущественно петербургской... Да если вы дадите въ томъ или другомъ видѣ вытѣснить Россію изъ Болгаріи, то вѣдь этимъ самымъ вы неминуемо предоставите ее австрійской „сферѣ вліянія“, политическаго и культурнаго! Никакія тогда дипломатическія комбинаціи ни Болгарію, ни насъ отъ этого не спасутъ... Ну, а тогда прощайтесь и съ „проливами“ и съ „Босфоромъ“! А распростившись съ ними, придется скоро распроститься и съ Чернымъ моремъ и визойти на степень — ниже чѣмъ третьестепенной державы. Великое государство, измѣнившее своему призванію, падаетъ быстрѣе и глубже всякаго маленькаго, никогда не поднимавшагося вверхъ государства...

Такого паденія съ нами, положимъ, никогда и не случит-

ся, но это лишь потому, что великій упоръ представляет собою нашъ историческій духъ народный и сопротивляется всѣмъ толчкамъ, такъ усердно сыплющимся на него порою сверху, отъ нашей интеллигентной руководящей среды—отъ ея легкомыслія и полного неразумѣнія русскихъ національных интересовъ, русскаго призванія и задачъ!.. Въ томъ-то и бѣда, что руководители-то сами частехонько не знаютъ—*какого духа они суть...* Не сами ли мы (не Русскій народъ, конечно, не народная историческая Россія) преподнесли Австріи, да еще отъ чистаго сердца, какъ плодъ глубокихъ дипломатическихъ соображеній, никѣмъ не нудимые, въ подарокъ — Боснію и Герцеговину (на Рейхштадтскомъ съѣздѣ), причемъ, сами того не сообразивъ, предали ей и вѣками испытанную въ вѣрности Россіи, независимую доблестную Черногорію? Не сами ли мы признали совѣтъ берлинскаго оракула за слово величайшей мудрости и согласно съ нимъ выдумали дѣлать „вліяніе“ на Балканскомъ полуостровѣ между Россіей и Австріей, предоставляя послѣдней западную, за собой удерживая лишь восточную его половину,—какъ будто такое произвольное, противуестественное дѣленіе возможно?! Какъ будто можно сказать „вліянію“: вотъ предѣлъ его же не преjdeши?! Какъ будто мы уже при этомъ сами не постарались о предоставленіи Австріи такихъ существенныхъ, реальныхъ надъ нами преимуществъ, которыя уничтожаютъ всякую силу подобнаго дѣленія? Именно, отдавъ Австріи Боснію, мы допустили сильное австрійское войско въ самое сердце Балканскаго полуострова, откуда въ нѣсколько часовъ, особенно при помощи строящихся желѣзныхъ дорогъ, она можетъ явиться и въ Софію, и въ Филиппополь, черезъ сутки въ Салоники, черезъ сутки съ небольшимъ, пожалуй, и въ Константинополь; себя же самихъ мы совсѣмъ отрѣзали отъ Болгаріи, отнявъ у себя даже и прямое свободное сухопутное сообщеніе черезъ Добруджу, подаренную нами Румыніи! Не мы ли наконецъ на Берлинскомъ конгрессѣ толкнули Сербовъ въ объятія Австріи, рекомендовавъ имъ обращаться отнынѣ по своимъ нуждамъ именно къ ней,—да и теперь, судя по приведеннымъ выше словамъ органа русской дипломатіи, какъ будто признаемъ, что этому такъ и быть надлежитъ, что это совсѣмъ въ порядкѣ вещей?!...

Однимъ словомъ, мы собственными своими русскими руками взлелѣяли, вскормили и утвердили австрійскую силу на Балканскомъ полуостровѣ: оставался одинъ у насъ оплотъ— Болгарія... Но интересоваться болгарскими „братушками“— это петербургскіе газетные и не газетные политики называютъ „сантиментальностью“, политикою „чувствъ“, а не „реальныхъ интересовъ“;— „славянскую же идею“, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы давнымъ-давно выкинуть за бортъ... „Пора дескать перестать *великодушничать*, пора заняться *своими* собственными интересами!“... Вотъ когда Австрія или Европейская Комmissія сядетъ въ Константинополь, на Босфорѣ, тогда они авось-либо поймутъ, что значитъ пренебрегать политикою „чувствъ“ и „славянскою идею“, и чужіе ли намъ, а не свои кровные— всѣ „славянскіе“ интересы! Но и тогда не скоро поймутъ, а вмѣсто того чтобы винить себя самихъ, будутъ еще долго искать виновныхъ по сторонамъ...

По поводу одной статьи помѣщенной въ „Руси“, въ которой говорилось, что Россія должна признать себя открыто и явно предъ всѣмъ міромъ „Славянскою державою“ и объявить, что ничто славянское ей не чуждо, но что напротивъ все славянское входитъ въ сферу ея вліянія,—редакція одной большой газеты глубокомысленно замѣчаетъ, что это значило бы для Россіи „отречься отъ самой себя и отъ своего русскаго имени, и отъ своей исторіи“! Да зачѣмъ же ей отречься отъ своего имени? Развѣ Россія не Славянская держава? Развѣ въ одномъ уже ея имени не заключается вся полнота ея исторической славянской задачи? Сказать „Россія“—значитъ сказать: міръ Православно-Славянской,—въ который могутъ, пожалуй, входить и съ Запада и съ Востока, и не-Славяне и не-единовѣрцы. Но таково ея внутреннее опредѣленіе и историческое призваніе. Въ какой бы формѣ ни было, такъ или иначе, внѣшнимъ ли или духовнымъ образомъ, всѣ Славянскія племена, области, государства, если только хотятъ они охранить свою свободу свою національность, должны примкнуть къ Россіи, какъ къ главѣ, какъ младшіе братья къ старшему... Но дѣло для насъ не въ томъ, чтобы назвать себя „Славянскою державою“, а въ томъ, чтобы *признать* себя таковою, *признать* умомъ

и сердцемъ, всею цѣльностью своего существа. Если же это признаніе будетъ слишкомъ долго медлить, то не станетъ не только „Славянской“, но и „Русской“ державы, — ибо, отрекаясь отъ Славянства, мы отрекаемся отъ своей собственной національной сущности, отъ своего историческаго служенія въ мірѣ, сами себя лишаемъ будущности, и въ политическомъ, и въ духовномъ отношеніи...

Вотъ въ этомъ и состоитъ трагизмъ нашего современнаго положенія, — въ этомъ внутреннемъ противорѣчїи нашего историческаго призванія съ мыслью и воззрѣніями еще пока господствующими въ нашей общественной руководящей — дипломатической, бюрократической, вообще властной средѣ, — въ этомъ, въ данную еще минуту, несоотвѣтствіи національнаго самосознанія въ русскомъ обществѣ — съ русскими народными задачами, съ содержаніемъ народнаго духа. Вотъ почему великія дѣянія совершенныя, великія побѣды одержанныя, несмѣтныя жертвы принесенныя нашимъ великимъ историческимъ народомъ остаются такъ часто бесплодными или даютъ самыя тощіе результаты, какъ скоро дѣло переходитъ въ руки петербургскихъ руководящихъ канцелярій. Вотъ почему одновременно съ тою необычайною силою притяженія, которую имя, образъ Россіи оказываютъ на инстинктъ народныхъ массъ во всѣхъ Славянскихъ земляхъ, — та же Россія, во взаимныхъ отношеніяхъ сферъ сверхнародныхъ, интеллигентныхъ, производитъ порой совершенно противоположное, разъединяющее дѣйствіе... Это послѣднее явленіе мы рассмотримъ поподробнѣе въ другой разъ.

Теперь на очереди, по заключеніи „перемирія“ между воюющими сторонами, Сербіей и Болгаріей, *выработка* условій мира. Чего тутъ „вырабатывать“, какъ пресерьезно выражаются иностранныя газеты, мы недоумѣваемъ. Ломать голову тутъ нечего. Болгарское правительство никакимъ болгарскимъ добромъ распоряжаться не имѣетъ ни права, ни повода; сербское правительство возмездія за сербскія потери могло бы искать лишь съ своего патрона — Австріи. Но у послѣднихъ свои счеты, и когда употребляется выраженіе: „сербскія власти“, „сербская сторона“, слѣдуетъ разумѣть не что другое, какъ правительство австрійское. Какой же смыслъ прилетать къ вопросу о мирѣ между Болгаріей и

Сербіей, такъ разбойнически, ни съ того ни съ сего, напавшей на Болгарь, вопросъ о соединеніи Румелии съ Болгаріей, чего однакожь, судя по газетамъ, именно надлежитъ ожидать?!

Да, мы должны ожидать раскрытія новыхъ австрійскихъ интригъ—подъ эгидой Тройственнаго Союза...

Во всякомъ случаѣ Россіи предстоитъ теперь рѣшить важный для нея вопросъ объ участи самого князя Александра. Если наше правительство и рѣшится дать согласіе на личную унію въ особѣ этого князя, то—надобно предположить—оно обставитъ это согласіе такими условіями, при которыхъ могло бы состояться дѣйствительное возстановленіе того status quo ante, который существовалъ для насъ въ Болгаріи до 6 сентября сего года: болгарское войско вновь должно стать частью русскаго войска, мы должны вновь имѣть тамъ русскаго военнаго министра, а можетъ-быть принять и инныя мѣры для огражденія Болгаріи отъ новыхъ приключеній и отъ властолюбивыхъ козней англійскихъ, либо австрійскихъ, одинаково пагубныхъ какъ Болгаріи, такъ и Россіи. Да и нельзя ли какъ-нибудь, посредствомъ мирныхъ съ Румыніей переговоровъ, возвратитъ намъ себѣ Добруджу?

Москва, 24 декабря.

Послѣ трехмѣсячной дипломатической дѣятельности почти горячешной, къ которой весь міръ, затаивъ дыханіе, устремлялъ тревожные взоры, наступило вдругъ дипломатическое затишье, или даже дипломатическая истома... Что же, состоялось что-ли рѣшеніе «румелійскаго вопроса»? Ничуть не бывало: въ смыслѣ принципиальномъ вопросъ остается почти на той же ступени, на коей стоялъ до открытія дипломатической европейской кампаніи, которая свела было его къ полному отрицанію, но, не достигнувъ единогласія между державами, признала вмѣстѣ съ тѣмъ бесполезность совокупнаго совѣщательнаго дѣйствія. Къ тому же, какъ извѣстно, одновременно съ дипломатическими настояніями на возстановленіи status quo ante, вопросъ былъ осложненъ новыми фактами—эпизодомъ сербо-болгарской войны, кото-

рую дипломатія не умѣла или не хотѣла предупредить, но результаты которой и заставили повидимому державы признать тщету ихъ усилій, т. е. отказаться отъ первоначальныхъ требованій относительно безусловнаго возвращенія къ порядку вещей до 6 сентября сего года. На этомъ именно отрицаніи самими великими державами ихъ недавнихъ собственныхъ настояній и собственнаго вмѣшательства дѣло пока и стоитъ. Порты,—которая быть-можетъ давно бы его порѣшила въ самомъ началѣ, еслибъ была предоставлена самой себѣ,—теперь—когда Европа, не развязавъ узла, бросила ей узелъ на руки для развязки—очевидно пугается предоставляемаго ей почина, очевидно боится, чтобъ державы не взвалили на нее потомъ и отвѣтственность за рѣшеніе, и чтобъ допущенное ею самою измѣненіе status quo ante не послужило прецедентомъ для новыхъ, нежеланныхъ ей измѣненій. Она мечется отъ державы къ державѣ, приглашая ихъ на новое совѣщаніе; заручилась даже согласіемъ Англіи, которая, говорятъ, и сама стала хлопотать о возстановленіи въ Константинополь конференціи—столь еще свѣжей и нелестной памяти, но встрѣтила отпоръ, и со стороны Россіи по крайней мѣрѣ—довольно рѣшительный. Это подтверждается вовсе на сей разъ не двусмысленными словами органа нашей дипломатіи, «Journal de St.-Petersbourg». На эту же тему появились оффиціозныя статьи и въ нѣкоторыхъ другихъ нашихъ газетахъ. «Европейское вмѣшательство»,—говорить, напримѣръ, въ «Новомъ Времени» статья очевидно оффиціознаго происхожденія,—«только усложнило и запутало восточно-румелійскій вопросъ, и политическому эпизоду, созданному переворотомъ 6 сентября, пора снова возвратить его прежнюю фізіономію чисто домашняго дѣла Порты»... «Россіи теперь,—продолжаетъ газета,—лучше всего держаться до поры до времени въ сторонѣ, не связывая свою свободу дѣйствій непосредственнымъ участіемъ въ рѣшеніи дальнѣйшей судьбы Восточной Румеліи»... «Рано или поздно наступитъ время, когда послѣдствія нынѣшнихъ балканскихъ событій совершенно измѣнятъ всю фізіономію такъ-называемаго Восточнаго вопроса. Къ этому времени намъ слѣдуетъ сохранить полную возможность сказать свое властное слово. Всякія международныя

сдѣлки по восточно-румельскому вопросу — такъ заканчиваетъ оффиціозъ «Новаго Времени» — только уменьшать такую возможность, создавая новые предлоги для вмѣшательства западно-европейскихъ державъ тамъ, гдѣ мы можемъ достигнуть очень многого непосредственными сдѣлками съ Турціей»...

Не можемъ не порадоваться, что наша дипломатія убѣдилась наконецъ воочию и осязательно, что европейское вмѣшательство только усложнило и запутало восточно-румельскій вопросъ, да и въ будущемъ можетъ лишь путать и усложнять, и вязать руки самой Россіи, отнимать у нея «возможность сказать свое властное слово». Но нельзя и не посѣтовать, что къ такому сознанию пришла наша дипломатія такъ поздно, только теперь, когда напутано и осложнено, и вовсе не къ выгодѣ нашей, — да и не къ выгодѣ европейскаго мира, — такъ много. Между тѣмъ этотъ результатъ нетрудно было предвидѣть. Позволяемъ себѣ напомнить, что мы съ самаго начала балканскихъ событій выражали сожалѣніе именно о томъ, что «домашнее дѣло» Россіи и Порты Россія понесла на судъ всей Европы, и если не «властное слово», то все же весьма увѣсистый голосъ Русской державы далъ себя слышать совсѣмъ въ другомъ тонѣ и смыслѣ, чѣмъ, по всѣмъ признакамъ и судя по вышеупомянутой статьѣ, услышимъ мы его теперь, — въ ожиданіи (въ будущемъ) «властнаго слова»...

Если мы такъ упорно настаиваемъ на разъясненіи ошибокъ допущенныхъ, по нашему мнѣнію, въ самомъ началѣ событій русскою дипломатіей, то именно потому, что только въ сознаніи ея этихъ своихъ ошибокъ усматриваемъ мы нѣкоторое ручательство въ томъ, что новый путь ея будетъ чуждъ новыхъ, но подобныхъ же, столь же мало желанныхъ промаховъ. Едвали даже и теперь не ограничивается дипломатія наша только смутнымъ ощущеніемъ нѣкоторой неловкости своего положенія. Не это ли ощущеніе и побуждаетъ ее къ отысканію какого-либо приличнаго, удобнаго для себя выхода только изъ затрудненій *данной* минуты, съ возложеніемъ надеждъ на отдаленное лучшее, все будто бы исправляющее будущее? До сознанія ошибокъ, до изслѣдованія ихъ глубокаго корня, тутъ еще очень далеко. Вотъ,

напримѣръ, теперь раздаются слова о вредѣ «европейскаго вмѣшательства» или «международныхъ сдѣлокъ по восточно-румелійскому вопросу»... Но слѣдуетъ ли изъ этихъ словъ вывести заключеніе, что дипломатія наша убѣдилась въ вредѣ для себя также и Тройственнаго Союза, равно и соглашенія состоявшагося при Скерневицкомъ свиданіи? Вѣдь кромѣ «Трехъ великихъ державъ» — остальная Европа въ настоящее время и въ счетъ нейдетъ, и сводится исключительно на Англію! А назойливыхъ интригъ Англіи, официальныхъ или неофициальныхъ, прошенныхъ или непрошенныхъ, законныхъ или незаконныхъ — никакая сила устранить не властна: англійскую политику могло бы обуздывать лишь единодушіе трехъ великихъ континентальныхъ державъ. Но возможно ли для нихъ самихъ это единодушіе, — въ этомъ и заключается тотъ вопросъ, который слѣдуетъ себѣ задать нашей дипломатіи. Ужъ конечно не Англія одна виновата въ настоящемъ «осложненіи» на Балканскомъ полуостровѣ, а виновата вмѣстѣ съ нею, да еще и главнымъ образомъ, одна изъ выдающихся участницъ Тройственнаго Союза, именно — Австрія. Самымъ рѣшающимъ крупнымъ эпизодомъ этихъ событій, видоизмѣнившимъ все положеніе дѣлъ созданное филиппопольскимъ переворотомъ, была сербская война, воздвигнутая Австріей; она же подстрекнула и Грецію, благо Греческій король Георгій случился, во время этого переворота, въ самой Вѣнѣ... Очевидно, что австрійская политика именно и служитъ источникомъ того «европейскаго» или «международнаго» вмѣшательства, которое путаешь, по сознанію вышеприведенной официальной статьи, восточно-румелійскій вопросъ, — а между тѣмъ нашъ Тройственный съ нею Союзъ связываетъ насъ по рукамъ и по ногамъ, заставляетъ Россію изъ дружбы и уваженія, хотя и въ прямой себѣ ущербъ, примѣняться къ австрійскимъ интересамъ. Значитъ, если «Тройственный Союзъ» и соглашеніе состоявшееся въ Скерневицахъ остаются въ силѣ, то въ силѣ пребываетъ и дѣйствіе прежнихъ условій нашего политическаго положенія, — тотъ же остается и путь русской политики, и чревать онъ тѣми же „результатами“, какіе успѣлъ породить и до сихъ поръ, а можетъ-быть и несравненно болѣе важными...

Очень удобно и повидимому даже совершенно разумно отстрочивать активную дѣятельность нашей политики до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ. Будемъ надѣяться, что такое рѣшеніе исполнѣ чуждо того отраднаго чувства, съ которымъ люди мирятся иногда съ настоящимъ ради избавленія себя отъ тяжелыхъ заботъ, причемъ отлагаютъ обыкновенно, до поры до времени, и заботы о минутахъ послѣдующихъ... Будемъ надѣяться, что чаяніе какихъ-либо будущихъ благоприятностей не упразднитъ у нашей дипломатіи дѣятельной работы мысли—дальновидной, предусматривающей впередъ всякаго рода случайности. А предусматривать есть чтó, такъ какъ матеріаль для этихъ случайностей налицо, и матеріаль обильный. Мы разумѣемъ то фальшивое положеніе, которое создано Россіи присоединеніемъ ея къ Союзу Германіи и Австріи, — Союзу заключенному противъ Россіи же, въ 1879 г. „При настоящей обстановкѣ дѣлъ“, — говорить разбираемая нами статья, — „Россіи лучше всего держаться до поры до времени въ *сторонѣ*“... Чего лучше, скажемъ и мы; но будетъ ли держаться въ сторонѣ, осудить ли себя на такую же пассивную политику и Австрія? Не оставляемъ ли мы сами за нею полную возможность не бездѣйствовать подъ прикрытіемъ однакоже, въ то же время, нашей союзной дружбы? „Рано или поздно—продолжаетъ оффиціозный публицистъ „Новаго Времени“—наступить время, когда послѣдствія нынѣшнихъ балканскихъ событій совершенно измѣнятъ всю фізіономію такъ-называемаго Восточнаго вопроса“, — и къ этому-де времени „намъ и слѣдуетъ сохранить полную возможность сказать свое властное слово“... Но не слишкомъ ли большое значеніе придается послѣднимъ балканскимъ событіямъ, и въ нихъ ли собственно заключается главный источникъ чаемыхъ измѣненій? Вѣдь, говоря серьезно, трудно признавать особенную важность за воссоединеніемъ Румелии съ Болгарскимъ Княжествомъ въ какой бы то ни было формѣ. Румелия съ самаго начала была для Турціи отрѣзаннымъ ломтемъ, и румелійская милиція была *точно такъ же* обучена и такъ же снабжена *русскими* офицерами, какъ и болгарское войско. Если бы воссоединеніе состоялось не революціоннымъ способомъ, побудившимъ Россію отозвать русскихъ офице-

ровъ, то оно послужило бы только къ увеличенію русско-болгарской военной силы, безъ всякихъ иныхъ послѣдствій и измѣненій. Надо полагать, что если Россія и согласится теперь признать воссоединеніе, то не въ прямой же себѣ изъянъ. Война Сербіи съ Болгаріей,—отдѣльно, сама по себѣ разсматриваемая,—также не болѣе какъ мелкая драка двухъ сосѣдей, и отъ воли державъ зависѣло бы вполне удержать за нею именно это, совершенно пустое, значеніе. Увы, не послѣднія событія, ничто и никто какъ мы сами, да и гораздо ранѣе, произвели „радикальное измѣненіе фізіономіи Восточнаго вопроса“! именно *логическія послѣдствія* произведеннаго нами измѣненія и осложнили новѣйшія событія, сами по себѣ и неважныя; они же—скажутся для насъ и въ скоромъ будущемъ,—и предусмотрѣть ихъ не трудно! Подъ этимъ радикальнымъ измѣненіемъ мы разумѣемъ: во 1-хъ, подарокъ сдѣланный нами на Рейхштадтскомъ свиданіи участницѣ Тройственнаго Союза (тогда еще *второю* по хронологіи, настоящій же Союзъ есть *третій*), именно Австріи—двухъ балканскихъ провинцій, Босніи и Герцеговины и вообще восточной половины полуострова: подарокъ облеченный въ форму оккупациі Берлинскимъ конгрессомъ; во 2-хъ, предоставленіе нами Сербовъ и Сербіи, на томъ же конгрессѣ, „сферѣ австрійской мощи“, чѣмъ Австрія и воспользовалась. Логическія послѣдствія такого нашего дипломатическаго дѣйствія объявятся вполне, когда dokonчится (тѣмъ же конгрессомъ предположенная и нашу дипломатіей потомъ въ время не отстраненная) постройка желѣзныхъ дорогъ связующихъ Австрію съ Софіей, Салониками и Константинополемъ... Вотъ чтó, по винѣ самой русской дипломатіи восемь лѣтъ назадъ, совершенно измѣнило фізіономію Восточнаго вопроса. Въ томъ же не выгодномъ для насъ направленіи подбавить этого измѣненія и утрата Россіей прежняго властнаго положенія въ Болгаріи—если таковое не будетъ восстановлено въ полной силѣ... Едвали эти обстоятельства изъ такихъ, которыя бы побуждали Россію держать себя совершенно въ сторонѣ или бездѣйствовать именно теперь въ какомъ-то гордомъ и самодовольномъ покоѣ—въ ожиданіи какихъ-то еще новыхъ „совершенныхъ измѣненій“...

Однимъ словомъ, если съ одной стороны можно смѣло предполагать, что за осуществленіемъ рекомендуемой оффиціозными голосами программы «держанья себя въ сторонѣ» у русской дипломатіи дѣло не станетъ, то съ другой—трудно было бы утверждать съ тою же увѣренностью, что она, русская дипломатія, имѣетъ у себя также въ запасѣ и программу дѣйствій, или хотя программу тѣхъ началъ, которыми должны опредѣлиться эти дѣйствія въ будущемъ... Въ одной изъ послѣдующихъ статей того же характера, въ той же газетѣ, брошень нѣкоторый свѣтъ на тѣ «измѣненія», которыя побудятъ Россію выступить со своимъ «властнымъ словомъ»: это когда въ смуту на Балканскомъ полуостровѣ «втянутся почти всѣ великія державы»—въ убѣжденіи, что «близокъ часъ новаго раздѣла Оттоманской имперіи». Еще бы тогда Россія осталась спокойною! Но не всегда исторія напередъ докладываетъ: торжественный часъ пробилъ! Пожалуйте пировать! Иногда онъ наступаетъ исподоволь, незамѣтно, а когда его замѣтять—того и гляди, что опоздаешь къ пиру, и найдешь бдительныхъ, хотя и незванныхъ гостей уже на мѣстахъ!..

Много теперъ толкуютъ о начавшемся будто бы сближеніи русскаго правительства съ княземъ Болгарскимъ. Эти толки во всякомъ случаѣ преждевременны, такъ какъ восстановленіе прежнихъ сношеній возможно лишь послѣ рѣшенія восточно-румелійскаго вопроса. Надо думать, что наше правительство не иначе согласится на признаніе пресловутаго «возсоединенія», хотя бы въ формѣ личной унии, какъ поставивъ Болгарію въ такія точно опредѣленные отношенія къ Россіи, при которыхъ болгарскія власти лишены были бы права и возможности имѣть *свою* политику, отъ русской отдѣльную, и увлекать освобожденный русскою кровью Болгарскій народъ въ ненужныя и опасныя приключенія... Желательно было бы также, чтобъ при выраженіи русскихъ симпатій къ Болгарамъ, вполне заслуженныхъ ихъ личною доблестью, не оскорбляли понапрасну народное самолюбіе Сербовъ, т. е. отдѣляли бы—во всемъ виновное сербское правительство отъ неповиннаго Сербскаго *народа* и помнили бы, что Сербы же—и Черногорцы, и Герцеговинцы съ Босняками...

Но румелійскій вопросъ все еще остается неразрѣшен-

нымъ, и главнымъ образомъ по винѣ именно этой сербо-болгарской войны, или—точнѣе говоря—по винѣ Австріи. Зачѣмъ перемиріе Болгаріи съ Сербіей отложено до 1 марта, даже съ оговоркой, что если миръ къ тому времени не будетъ заключенъ, то перемиріе продолжается? Въ чемъ же тутъ такая трудность или сложность, что державы, или — все равно — ихъ военные представители не понадѣялись на скорое и окончательное ея разрѣшеніе? Зачѣмъ Сербія не перестаетъ вооружаться, или точнѣе, такъ какъ у самой Сербіи вѣтъ на это ни охоты ни средствъ, зачѣмъ Австрія не перестаетъ вооружать Сербію? Зачѣмъ и по чьему совѣту Порты предлагаетъ, чтобъ условія сербо-болгарскаго мира были подвергнуты разсмотрѣнію европейской конференціи, — вмѣстѣ съ восточно-румелійскимъ вопросомъ, — на чтѣ однакожь державы не соглашаются? Положимъ, онѣ и правы, но развѣ не въ ихъ прямомъ интересѣ содѣйствовать скорѣйшему умиротворенію Балканскаго полуострова? Устраняя себя и предоставляя поле дѣйствія лишь недоумѣвающей Портѣ да Австріи (переговоры державъ на основаніи недавно напечатаннаго въ австрійскихъ газетахъ французскаго циркулярнаго предложенія, состоящаго изъ общихъ мѣстъ, едва ли можно считать дѣломъ серьезнымъ), не служимъ ли мы чьимъ-либо чужимъ интересамъ? Въ самомъ дѣлѣ — кому нужно оттягивать скорѣйшее заключеніе мира? Никому, кромѣ Сербскаго короля Милана съ его министерствомъ, да Австріи. Но не въ Миланѣ и Гарашанинѣ, разумѣется, сила, а опять-таки въ Австріи, въ ней одной! И Россія съ Германіей такому австрійскому маневру не перечать, а своимъ бездѣйствіемъ *потакаютъ* — вотъ чтѣ по истинѣ удивительно! Удивительно особенно со стороны *русской* дипломатіи, — такъ какъ Германія здѣсь въ сторонѣ и дѣятельнаго участія въ дѣлѣ не принимаетъ. Впрочемъ вполнѣ понятно, что Австрія медлитъ: она согласилась на перемиріе нехотя, подѣ давленіемъ «Союза», — она не можетъ пока соорудить почетнаго для Сербіи исхода изъ той войны, на которую сама натолкнула и за послѣдствія которой несетъ предъ нею отвѣтственность, — а между тѣмъ, тѣ единственныя условія мира, на которыя Сербія имѣетъ право, безъ

сомнѣнія теперь таковы, что грозятъ полнымъ разрушеніемъ австрійскому авторитету среди Сербовъ. Вотъ почему, если бы не удалось Австріи утвердить своего въ Сербіи вліянія другими способами, продолженіе войны было бы въ ея интересахъ, причемъ, конечно, она бы снабдила Сербію всѣми средствами обезпечивающими побѣду. Вотъ почему австрійскому правительству необходима *оттяжка* въ надеждѣ на благопріятныя случайности. Эти случайности: или возобновленіе войны, или присужденіе Сербіи какого-либо вознагражденія за болгарское воссоединеніе посредствомъ европейскаго конгресса (который можетъ-быть, въ концѣ концовъ, все-таки соберется); или же возбужденіе какихъ-либо новыхъ на Балканскомъ полуостровѣ осложненій. Съ точки зрѣнія австрійскихъ интересовъ все это понятно, но русской-то дипломатіи зачѣмъ о нихъ радѣть? Развѣ не видитъ она, что если Австріи не удастся удовлетворить Сербію (что нужно лишь исключительно для австрійскихъ личныхъ выгодъ), то наша союзница употребитъ всѣ усилія къ предотвращенію того мирнаго исхода, который у насъ считаютъ уже почти достигнутымъ? Врагомъ мира теперь никто иной, какъ Австрія, и если миръ до весны не состоится, то быть войнѣ, но не исключительно сербской... Входитъ ли именно это въ наши расчеты?.. Если входитъ, то дѣло другое...

Дойдетъ ли — не дойдетъ наша газета къ Сербамъ сквозь цензурныя австрійскія и сербско-правительственныя заставы, во всякомъ случаѣ вотъ имъ дружественный голосъ изъ Россіи: Сербы прозрите! Ваше правительство покрыло сербское имя, Сербскій народъ срамомъ и хочетъ теперь заслѣпить вамъ глаза жаждою мщенія, злобою на Болгарь. Но не въ томъ для васъ срамъ, срамъ на весь міръ, что васъ поразили на полѣ брани, а въ томъ, что это ваше правительство изъ личныхъ своекорыстныхъ видовъ подвигло Сербію на гнусное, черное дѣло, на незаконную, неприличную брань съ вашими братьями по крови. вѣрѣ и турецкой неволѣ. Вѣримъ, что большинство вашихъ солдатъ было обмануто и думало, что ихъ ведутъ въ Старую Сербію, но какъ бы то ни было, ваши власти виновны въ томъ, что на вашу народную совѣсть легко подлое разбойническое нашествіе на Болгарію, — и когда-же? когда ей могло гро-

зять нападеніе оттоманскихъ войскъ! Нечего вамъ теперь попусту злоствовать на Болгаръ: этимъ вы только пуще угождаете вашимъ правителямъ, перелагая на свою душу содѣянное ими преступленіе! На сторонѣ Болгаръ была правда, они защищали свою родную землю, они доблестно исполнили свой долгъ, и Богъ благословилъ ихъ оружіе... Не поддавайтесь же коварнымъ навѣтамъ вашихъ властителей, которымъ нужно распалать въ васъ вражду къ братскому народу, чтобы вы отвели глаза отъ истинныхъ виновниковъ вашего позора, вашего разоренія и всѣхъ постигшихъ васъ бѣдъ. На нихъ, на нихъ однихъ устремите вашу праведный гнѣвъ. Нѣтъ вамъ другого способа снять съ себя ярмо стыда и безславія, очиститься въ глазахъ міра и предъ собою, какъ освободивъ Сербію отъ тѣхъ, что продали и предали ее на поруганіе всему свѣту, затоптали въ грязь доброе ваше народное имя и честь! Другаго исхода вамъ нѣтъ.

1886 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 4 января.

Бодрости духа—вотъ чего да пошлетъ Россіи Новый 1886 годъ! Бодрости духа и *бодрствованія*... Близки великія испытанія. Уже стучится въ двери исторія,—и «блаженъ рабъ его же (она) обрящетъ бдяща, недостойнъ же паки его же обрящетъ *унывающа!*» Горе намъ, если грядущія событія застанутъ врасплохъ нашу мысль; если русское общество, словно недугомъ малокровія одержимое, не страхнетъ съ себя того гнетущаго унынія, которому такъ легко, безъ борьбы отдалось — лѣнливое умомъ, вялое сердцемъ! Нѣтъ сомнѣнія, что внѣшнія условія настоящей русской жизни сами по себѣ вовсе неблагоприятны подъѣму и дѣятельности духа; что, наоборотъ, цѣлый сонмъ обстоятельствъ постороннихъ, отъ общества прямо и не зависящихъ, не перестаетъ удручать его нравственно; что самое чувство народной чести и достоинства, оскорбленное и уничтоженное

въ немъ Берлинскимъ трактатомъ, пребываетъ до сихъ поръ безъ малѣйшаго какого-либо удовлетворенія, такъ что это ощущеніе оскорбленности и уничиженности стало какъ бы принадлежностью самого русскаго современнаго существованія... Все это такъ, все это вѣрно. Но тѣмъ не менѣе, любовь къ истинѣ, любовь къ своему народу и своей землѣ дѣлаютъ борьбу *обязательною*. Но вѣдь не по шоссе же въ самомъ дѣлѣ достигаютъ до царства правды, а нудится оно скорбнымъ путемъ; но вѣдь именно къ подвигамъ и призываются тѣ, кому много дано и предназначено. Или мы уже разувѣрились въ томъ, что Россіи много дано и предназначено? Или, ублажая свое малодушіе таковымъ комфортабельнымъ, лукавымъ смиреніемъ, мы уже возмнили себя свободными отъ всякихъ тяжкихъ трудовъ и жертвъ, съ высокимъ призваніемъ сопряженныхъ?! Оно, конечно, покойнѣе. Еще было бы покойнѣе и куда какъ удобнѣе низойти на степенъ Голландіи или Бельгіи и оградить себя отъ «войны съ ея ужасами» европейскимъ нейтралитетомъ.. Но предоставимъ эти мечты разнымъ нашимъ чиновнымъ и нечиновнымъ Маниловымъ. Живъ Богъ и жива Россія! Не можетъ она уклониться отъ своей исторической судьбы. Какъ бы о томъ ни старались люди, судьба сама ее все-таки настигнетъ и поставитъ на историческую работу,—и тѣмъ хуже для насъ, если мы окажемся плохими, неподготовленными рабочими. Прочь же дремоту духа, уныніе и нытье, подъ которымъ нерѣдко прячется наша собственная трусость и лѣнь! Если обстоятельства нашей внутренней жизни не таковы, чтобы въ нихъ найти намъ достаточно силы или побужденія для самоврачеванія или хотя для нѣкотораго нравственнаго подъема, то предъ нами теперь готовится такое зрѣлище на виѣшней политической, можно сказать всемірной аренѣ, которое способно и должно неудержимо приковывать къ себѣ наши взоры, помыслы и чувства!.. Всецѣло должно оно овладѣть русскимъ общественнымъ вниманіемъ. Настанетъ скоро историческій пиръ, на который мы званы, т. е. звана наша Россія,— звана по преимуществу, предъ всѣми. Она ли не окажется въ числѣ избранныхъ? Она ли отвѣтитъ: «имѣй мя отреченна», какъ этого повидимому хотѣлось бы смиренному-

дрію нашей дипломатіи? или: «пусти меня не одну, а непременно въ компаніи съ незванными», на примѣръ, съ Австріей и Германіей — какъ этого быть-можетъ хотѣлось бы ей деликатному дружелюбію?

Да, большинство русскаго общества повидимому еще не достаточно пронято сознаниемъ, что нынѣшнія внѣшнія политическія осложненія имѣютъ рѣшающее, роковое для Россіи значеніе,—что важность ихъ для Россіи даже пересиливаетъ въ настоящую минуту важность внутренняго ежедневнаго дѣланія — въ области ли государственнаго домостроительства, въ области ли экономическихъ интересовъ. Ибо вопросъ, который ставится наступающими событіями, тѣсно связанъ не только съ международнымъ положеніемъ, съ достоинствомъ и честью, но и съ историческимъ существомъ Россіи, какъ главенствующей Православно-Славянской державы. Это вопросъ нашего всемірно-историческаго созиданія, которымъ, или съ которымъ, вмѣстѣ, рѣшаются и наши внутренніе вопросы и судьбы. Нечего поэтому развлекаться по сторонамъ, какъ это дѣлается до сихъ поръ, и удѣлять «внѣшней политикѣ» лишь случайную долю участія, мимоходомъ. Напротивъ, болѣе чѣмъ когда-либо обязано русское общество слѣдить съ возбужденнымъ, напряженнымъ вниманіемъ каждый шагъ нашей дипломатіи... Тихій подходъ грозы предвѣщаетъ лишь сосредоточенную силу громовыхъ ударовъ. А ждать, чтобы они грянули, — успѣемъ-моль и тогда перекреститься и воспрянуть мыслью и духомъ—невѣжественный, гнилой расчетъ.

1886 годъ несетъ намъ такую грозу. Разрзится ли она для насъ въ этомъ же году формальною войною,—это предугадать трудно, но во всякомъ случаѣ она не пройдетъ безъ великихъ, важныхъ послѣдствій....

Положеніе дѣлъ, при которомъ начинается новый годъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Союзъ нашъ съ Германіей и Австріей,—нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Австріи, подвергавшійся сильнымъ испытаніямъ и даже колебанію,—въ настоящую минуту снова укрѣпился, судя по нѣкоторымъ, кажется несомнѣннымъ, даннымъ. Но къ миру ли, а не къ войнѣ, къ упрощенію ли, а не къ усложненію общаго по-

ложенія, къ выгодѣ ли для Россіи ведетъ онъ? Позволяемъ себѣ думать, что онъ во всякомъ случаѣ не упрощаетъ, а лишь усложняетъ пока общее политическое положеніе, и служить, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, лишь къ выгодѣ Австріи... Мы уже высказывали наше мнѣніе, — держимся его и теперь, такъ какъ доступныя нашему свѣдѣнію обстоятельства его не опровергаютъ, что при твердой волѣ трехъ державъ можно было бы настоять на умиротвореніи, хотя бы и временномъ, Балканскаго полуострова. А именно: *тотчасъ же* по прекращеніи военныхъ дѣйствій, *заставить* обѣ славянскія державы, разоренныя, истощенныя междоусобною бранью, заключить миръ между собою; затѣмъ, въ случаѣ полной готовности князя Александра принести предъ Россіей повинную, допустить личную унію Румелии съ княжествомъ и возстановить къ воссоединенной такимъ образомъ Болгаріи прежнія властныя отношенія Россіи (которая бы, конечно, заручилась при этомъ всѣми надежными гарантіями). Если бы князь Александръ оказался потомъ такого, возвращеннаго ему довѣрія недостойнымъ, Россія имѣла бы всегда полную возможность, опираясь съ одной стороны на народное въ Болгаріи содѣйствіе, съ другой на самый этотъ Тройственный Союзъ, удалить или смѣнить вѣроломнаго князя. Что же касается Греціи, то — благо Берлинскій трактатъ остается въ силѣ, такъ какъ назначеніе принца Баттенберга генераль-губернаторомъ Румелии его не измѣняетъ — слѣдовало бы ужъ кстати потребовать отъ Турціи исполненія статей Берлинскаго трактата относящихся къ греческой границѣ, равно и къ Македоніи. При единодушномъ образѣ дѣйствій Тройственнаго Союза, такой исходъ современныхъ осложненій былъ бы вполне возможенъ, — не стала бы ему противиться и остальная Европа.

Но въ томъ-то и дѣло, что такой исходъ не выгоденъ для Австріи, для нея лишь одной: онъ бы окончательно компрометтировалъ ея вліяніе въ Сербіи, которую она подвигла на самую незаконную, разбойническую противъ Болгаріи войну и которую въ концѣ-вонцовъ надѣлила срамомъ, униженіемъ, разореніемъ. Казалось бы — что за дѣло *Россіи* до сохраненія въ Сербіи австрійскаго престижа, до удер-

жанія Сербіи въ «сферѣ австрійской мощи»? Никакимъ международнымъ трактатомъ, для Россіи обязательнымъ, эта «сфера мощи» не узаконена; никакихъ даже нравственныхъ правъ на Сербію,—какія мы имѣемъ на Болгарію и даже на самое это Сербское королевство,—Австрія не имѣетъ: она не проливала за нее крови, не создала ея бытія и свободы. Ради чего же радѣтъ Россіи объ австрійскихъ въ Сербіи интересахъ, о томъ, чтобъ эта славянская и православная земля проникалась элементами враждебными и Православію, и Славянству вообще, а въ частности именно самой Россіи,—элементами враждебными самому Сербскому народу, такъ какъ задача Австріи ее денационализовать и эксплуатировать въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ? Зачѣмъ это нужно для насъ вбивать новый австрійскій кливъ въ сердце Славянскаго міра и отталкивать отъ себя Сербскій народъ, съ лучшею частью его интеллигенціи, молящій о спасеніи?... На эти вопросы для простаго русскаго смысла мыслимъ лишь одинъ отвѣтъ: отрицательный. Можно, конечно, сказать въ наше оправданіе, что такое завоеваніе Сербіи австрійскою сферою вліянія допущено нами по неволѣ, вслѣдствіе пораженія понесеннаго Россіей на Берлинскомъ конгрессѣ. Положимъ, что и такъ. Но иное дѣло—допускать, иное дѣло—замѣнять невольное допущеніе *содѣйствіемъ*.—да еще какимъ!—самымъ усерднымъ! Дипломатія наша словно бы лелѣетъ эту «австрійскую сферу мощи» какъ нѣкую драгоценность, и какъ бы боится, чтобъ Сербія изъ нея не выскочила! Чтобъ вывести Австрію изъ затруднительнаго положенія, мы не только не настаивали на демобилизаціи вооруженной ею сербской арміи, но имѣя полную возможность предупредить войну, мы ее *допустили* и выступили съ предложеніемъ о приостановкѣ военныхъ дѣйствій (направивъ его путемъ дипломатической волокиты) только тогда, когда они начались,—такъ что предложеніе наше опять-таки пришлось на руку самой Австріи для спасенія сербскихъ войскъ, гонимыхъ побѣдоносными Болгарами...

Теперь же, послѣ этихъ болгарскихъ побѣдъ, заканчивать весь этотъ воинственный, столь позорный и убыточный для Сербіи эпизодъ простымъ миромъ, не дающимъ ей

ровно никакого, обѣщаннаго ей Австріею вознагражденія или «компенсаціи» — для австрійскаго вліанія конечно не прибыльно: вотъ почему она и волочить дѣло, и медлитъ... А мы не только Австрію не понуждаемъ, но и терпѣливо ждемъ—пока она изыщетъ выгодное для себя рѣшеніе,—какъ будто намъ самимъ до примиренія Сербіи съ Болгаріей нѣтъ никакого дѣла! Но если бы только ждали! Мы, кажется, и теперь, можетъ-быть и ненамѣренно, собираемся сослужить Австріи службу.

Единственною «компенсаціею», которая бы придала миру характеръ вполне почетный для побѣжденной Сербіи,—и безчестный для побѣдительницы-Болгаріи, — представляется разьединеніе Румелии съ княжествомъ: Сербія тогда могла бы себѣ сказать въ утѣшеніе, что воевала не даромъ, ибо возстановила-де «равновѣсіе силъ на Балканскомъ полуостровѣ», поработала интересамъ европейской политики и т. д. и т. д.!—могла бы, однимъ словомъ, обратить свое разбойническое нашествіе въ великій подвигъ самопожертвованія, и свое поражение въ торжество, а австрійскій престижъ закрѣпилъ бы Сербію еще прочнѣе въ сферу австрійской мощи. Для этой «сферы» вовсе невыгодно было и прежде имѣть бокъ-о-бокъ съ собой сильную и хорошо организованную Болгарію, подчиненную русскому вліанію, да еще съ прекраснымъ войскомъ, русскими офицерами командуемымъ. Тѣмъ менѣе было бы удобно для Австріи сосѣдство Болгаріи объединенной и возстановившей прежнія отношенія къ Россіи...

Къ счастью для Австріи, такому ея расчету не противорѣчатъ и новѣйшія русскія дипломатическія комбинаціи. Такова ужъ наша судьба, что намъ волей-неволей доводится приходить къ ней на выручку. По крайней мѣрѣ всѣ свѣдѣнія полученныя нами съ мѣста удостовѣряютъ, что Россія возвратилась будто бы къ прежнему своему рѣшенію: не признавать соединенія Румелии съ Болгаріей—при настоящемъ князѣ и правительствѣ... («Правительство» собственно тутъ ни причемъ, такъ какъ Каравеловъ и безъ того ожидаетъ своей отставки по почину самого князя.) На этотъ разъ рѣшеніе Россіи дано будто бы въ согласіи съ ея союзницами... Не это ли рѣшеніе имѣла въ виду одна австрій-

ская газета, возвѣщавшая, что три великія державы выступятъ вскорѣ съ единодушнымъ рѣшеніемъ по румелійскому вопросу? Было ли уже учинено такое коллективное заявленіе Портѣ—намъ неизвѣстно, но изъ Болгаріи намъ пишутъ, что сообщеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано всѣмъ русскимъ дипломатическимъ агентамъ... Подтверженіемъ этому могутъ, впрочемъ, служить и корреспонденціи изъ Софіи, помѣщенныя въ послѣднихъ № № «Новаго Времени». Онѣ—не болѣе какъ отголосокъ взглядовъ, мнѣній и чувствъ Россійскаго Генеральнаго въ Софіи консульства,—по собственному свидѣтельству г. корреспондента: *только* по этой причинѣ, а ужъ никакъ не по своему внутреннему нравственному достоинству, онѣ и могутъ заслуживать вниманія. Вообще этотъ корреспондентъ точно будто задался задачей поселить въ русской публикѣ чувство вражды, отвращенія и злобы къ Болгарскому, освобожденному нами народу, старательно выгребая и преподнося читателямъ одной изъ самыхъ распространенныхъ въ Россіи газетъ—всякій соръ и помой. Онъ издѣвался надъ одушевленіемъ и жалкимъ внѣшнимъ видомъ Болгарь-милиціонеровъ и хотя и былъ неприятно озадаченъ болгарскими побѣдами, однакоже потщился набросить сомнительную тѣнь и на нихъ,—а въ упомянутой нами корреспонденціи чернить князя и Болгарь (если только они состоятъ не въ оппозиціи, а при дѣлѣ) на пропалую, называя послѣднихъ презрительно «перетрусившимися братушками», а перваго прямо—«трусомъ», только «слѣдовавшимъ потомъ сзади за побѣдоносною арміею»!.. Мы ужъ вовсе не сторонники князя Александра, но не обинуясь называемъ эти слова клеветой, такъ какъ и сами имѣемъ свѣдѣнія о болгарскихъ съ Сербами битвахъ изъ надежныхъ источниковъ. Но дѣло, повторяемъ, не въ личныхъ сужденіяхъ г. «Русскаго Странника», а въ томъ, что его корреспонденціи имѣютъ тенденціозно-оффиціозный характеръ и выражаютъ точку зрѣнія господствующую въ нашемъ дипломатическомъ агентствѣ, солидарностью съ которымъ г. корреспондентъ то и дѣло хвалится... Кстати, позволимъ себѣ замѣтить мимоходомъ: чего же можно ожидать отъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, отъ ихъ отношеній съ Болгаріей, если только хоть пятая доля того духа, которымъ дышатъ эти

печатаемая въ «Новомъ Времени» письма, внушена изъ этой официальной среды?! Какого проку можно надѣяться отъ подобной системы издѣвательствъ и оскорбленій? И не имѣемъ ли мы повода опасаться, что петербургская дипломатическая властная среда не совершенно чужда и съ своей стороны такихъ пристрастныхъ, узкихъ воззрѣній своихъ агентовъ?...

Вотъ въ этихъ-то упомянутыхъ нами корреспонденціяхъ изъ Софіи прямо, наголо настаивается на мнѣніи, очевидно официозномъ, что князь во что бы ни стало долженъ быть *свергнутъ*, такъ какъ-де только послѣ этого можно быть увѣреннымъ въ полной покорности Болгаріи. Можетъ-быть это и вѣрно. Мы не станемъ оспаривать справедливость этого мнѣнія, а только заявляемъ о немъ, какъ о фактѣ подтверждающемъ сообщенное нами выше извѣстіе. Личная судьба князя Александра, повторяемъ, насъ собственно мало интересуетъ. Надо предполагать, что правительство обладаетъ вполне основательными данными для принятаго имъ рѣшенія,—хотя намъ всегда казалось, что оно могло бы достигнуть той же своей цѣли и впоследствии, возвративъ напередъ для себя *status quo ante* въ Болгаріи и поставивъ болгарское войско въ полную зависимость отъ русской верховной власти. Тѣмъ не менѣе, предъявлять такое требованіе относительно князя (какъ условіе *sine qua non* для признанія соединенія) въ *настоящую* минуту—это во всякомъ случаѣ значитъ откладывать рѣшеніе румелійскаго вопроса въ долгій ящикъ, отлагать на неограниченный срокъ умиротвореніе страны (столь нуждающейся теперь въ мирѣ, послѣ такого страшнаго напряженія силъ), отлагать вмѣстѣ съ тѣмъ и возстановленіе нашего прежняго господствующаго положенія въ Болгаріи... Несомнѣнно также, что такое рѣшеніе русскаго правительства теперь вполне на руку Австріи... Впрочемъ, если «союзники» съ нами въ этомъ пунктѣ за одно,—стало-быть нашли въ томъ себѣ выгоду.

Доставляя какъ бы нѣкоторую «компенсацію» самолюбію Сербіи и въ этомъ смыслѣ поправляя обстоятельства короля Милана и самой Австріи, упомянутое заявленіе Россіи о непризнаніи факта соединенія Румелии съ Болгаріей при настоящемъ болгарскомъ правительствѣ,—если и облегчаетъ

повидимому заключеніе мира Сербіи съ Болгаріей черезъ Порту, какъ сюзерена Болгаріи—то все же, оставляя существенный вопросъ нерѣшеннымъ, упрочиваетъ лишь настоящее опасное броженіе на Балканскомъ полуостровѣ. Правда, газеты сообщаютъ, что Россія недавно выступила съ предложеніемъ объ обезоруженіи или демобилизаціи армій всѣхъ балканскихъ государствъ. Но это предложеніе свидѣтельствуетъ лишь о русскомъ миролюбіи, не болѣе; въ сущности же представляется вполне платоническимъ. Надо было настаивать на этомъ ранѣе, и можно было бы настоять—еслибъ имѣлось въ виду какое-либо единодушное рѣшеніе великихъ державъ. Теперь же, когда страсти вполне разгорѣлись, на мобилизацію понесены огромныя жертвы и издержки, а главное—когда не только никакіе вопросы не рѣшены, но обличилась полная несостоятельность великихъ державъ и даже Тройственного Союза выработать какое-либо умиротворяющее рѣшеніе,—теперь такое предложеніе является по меньшей мѣрѣ запоздалымъ. Пусть оно не осталось одинокимъ, а обратилось въ «коллективное», отъ имени всѣхъ державъ, но если оно не будетъ сопровождаться какими-либо искренними принудительными мѣрами, оно не приведетъ ни къ чему. Да печать только и дѣлаетъ, что сообщаетъ о новыхъ заказахъ, то торпедъ, то пушекъ! По всей вѣроятности въ качествѣ «принудительной мѣры» державы объявятъ угрозу—въ родѣ той, о которой недавно оповѣстилъ офиціозный органъ князя Бисмарка, газета «Post», по отношенію къ Греціи, т. е., что если Греція (или иное Балканское государство) вступить въ войну съ Турціей, то должно будетъ вести ее на свой рискъ и страхъ: Европа же останется безучастной зрительницей! Но кому же не ясно, что такая угроза есть въ сущности поощреніе! Мы уже знаемъ, что Греція, Черногорія и сама Сербія не только переглядываются, но уже стаскиваются между собою. И кто же повѣритъ, что если пожаръ войны охватитъ весь Балканскій полуостровъ, Европа будетъ лишь любоваться зрѣлищемъ сидя въ ложахъ?!

Газеты общимъ хоромъ, да отчасти и европейскіе кабинеты (последніе впрочемъ съ сомнительною искренностью) винятъ Порту въ проволочкѣ по рѣшенію вопроса о Руме-

ли. Но какое же рѣшеніе можетъ она предложить? Если ей принять за основу *status quo ante*, такъ горячо рекомендованный ей Тройственнымъ Союзомъ, то вѣдь онъ связанъ съ правомъ присужденнымъ ей Берлинскимъ трактатомъ: ввести гарнизоны въ балканскіе проходы. Но прибѣгать къ такой мѣрѣ—этого не хватаетъ духа совѣтовать даже у дипломатіи трехъ великихъ державъ! Возстановленіе *status quo ante* очевидно не можетъ быть исполнено добровольно самими Болгарами: надо пустить въ ходъ вооруженное насиліе... А можетъ ли Турція вѣрить, что если не Россія, то Европа станетъ хладнокровно взирать на повтореніе башни-бузуками рѣзни въ предѣлахъ Румелии и Болгаріи? Султанъ не прочь былъ бы признать личное воссоединеніе,—но ему нужна гарантія, что принявъ такое его рѣшеніе, державы обезпечатъ Порту отъ тѣхъ притязаній, къ коимъ воссоединеніе даже въ подобной формѣ можетъ подать поводъ Греціи или Сербіи. Да наконецъ, какое же «личное» воссоединеніе, когда лицо князя Александра тремя великими державами вычеркивается? Нужно, согласно съ трактатомъ, напередъ прислать новаго князя для Болгаріи...

Однимъ словомъ—очевидно, что никакого рѣшенія Румелийскаго вопроса и никакого умиротворенія на Балканскомъ полуостровѣ до весны не состоится, а съ весною не послѣдуетъ и подавно. Очевидно также, что *въ чью-то расчеты* входитъ даже нѣчто совсѣмъ противоположное умиротворенію... Не даромъ Турція, чужь близость роковаго для себя часа, вооружается съ головы до ногъ. Древній Оттоманъ, если и умретъ, то умретъ достойною себя смертью,—и отъ судорогъ его агоніи потрясется весь міръ... Что-жь! Можетъ-быть и приспѣло время. Намъ долженъ занимать лишь одинъ вопросъ: какой жребій въ этомъ вселенскомъ переворотѣ выпадетъ на долю Россіи?.. Достойною ли окажется она своего призванія... достойнымъ ли Россіи окажется Петербургъ съ своими вѣдомствами и канцеляріями?... Въ 1878 г. онъ не оказался достойнымъ. Будемъ вѣрить, что времена измѣнились...

Бодрствованія—вотъ чего пожелаемъ снова русскому обществу на 1886 годъ!..

Москва, 11 января.

Недавно редакторъ «Гражданина», со свойственной ему необдуманностью и развязностью, тиснулъ въ своемъ журналѣ «характерную—по его словамъ—новость». Сущность ея въ томъ, что прошлою осенью, въ началѣ, прїѣзжалъ въ Россію нѣкій Черногорець—съ тѣмъ, чтобъ добыть здѣсь, въ видѣ пожертвованія, тысячъ 20 рублей, нужныхъ Черногоріи для окончательнаго приобрѣтенія торговаго парохода. «Мы любимъ кричать про наши симпатіи къ Славянамъ» — негодуетъ князь Мещерскій: «казалось бы, что Черногорія могла бы эту пустую сумму найти въ Россіи и у Русскихъ!... Какъ не такъ! Онъ поѣхалъ въ Москву и тамъ представитель Славянскаго Общества, И. С. Аксаковъ», объявилъ ему, «что рассчитывать на Москву трудно.... потому что *встѣ дѣла въ застоѣ*»,—вслѣдствіе чего означенный Черногорець обратился въ Вѣну, гдѣ и досталъ, къ великому посрамленію Москвы, потребную ему сумму. Издѣваясь надъ московскимъ славянолюбіемъ, князь Мещерскій выражаетъ недовѣріе и къ ссылкѣ на застоѣ: на устройство какого-то юбилея мѣстнымъ властямъ — восклицаетъ онъ — «хватило застоѣ у Москвы.... а на какихъ-нибудь 20 т. р. для Черногоріи *не хватило русскаго сердца*!... «Вотъ какъ мы, кричащіе, за историческое преданіе Россіи» — заключаетъ язвительно и наставительно «Гражданинъ» — «ведемъ свои дѣла.... воспитывая Каравеловыхъ для Болгаріи и отказывая въ грошѣ Черногоріи.... Но за то кричать и говорить мы мастера!...» По поводу этихъ дешевыхъ перуновъ петербургскаго на Москву и русское общество негодованія, «Русь» хотѣла тогда же дать приличную отвѣдь, но затѣмъ мы какъ-то забыли о нихъ и вспомнили теперь лишь потому, что иностранная нѣмецкія газеты съ превеликимъ злорадствомъ перепечатали сообщенную «Гражданиномъ» «характерную новость», прїукрасивъ и расцвѣтивъ ее красками еще болѣе яркими....

Начать съ того, что И. С. Аксаковъ никакого Славянскаго Общества въ Москвѣ представителемъ не состоитъ—уже по той простой причинѣ, что такового общества въ

Москвѣ не имѣется. Существовалъ, точно, въ Москвѣ Славянскій Комитетъ еще съ 1858 года, въ которомъ дѣятельнымъ членомъ, а подъ конецъ и предсѣдательствующимъ былъ, дѣйствительно, настоящій редакторъ «Руси», и который въ началѣ 1877 года былъ преобразованъ самимъ правительствомъ въ «Московское Славянское Общество». Но не можетъ не знать князь Мещерскій, что это Московское Славянское Общество было правительствомъ же въ 1878 году, вслѣдъ за Берлинскимъ трактатомъ, закрыто, и не только закрыто, но и совсѣмъ уничтожено. Имѣются Славянскія Общества и въ Петербургѣ, и въ Кіевѣ, и въ Одесѣ, — въ Москвѣ же ему быть не дозволено. Между тѣмъ въ Славянскихъ земляхъ никакъ не хотятъ взять въ толкъ, что именно-то Москва и лишена этого русскаго національнаго, дорогаго Славянамъ учрежденія. Тамъ все по прежнему наивно вѣруютъ, что Москва — «сердце Россіи», что къ біенію этого сердца прислушивается и самая власть и т. д. и т. д., а потому упорно не признаютъ закрытія Общества, воображая, что это лишь правительственная хитрость! Простодушному Славянству совершенно невдомѣкъ, да и выяснять-то ему это не совсѣмъ удобно, что Петербургъ давнымъ-давно покупается конфисковать это такъ-называемое «сердце» въ свою пользу, т. е. перемѣстить его на оконечность, гдѣ самъ обрѣтается, отъ каковыхъ противоестественныхъ затѣй и достигается лишь тотъ результатъ, что настоящаго-то сердца дѣятельность парализуется и нѣмѣетъ, а фальшиваго — только фальшивить, — весь же государственный организмъ болѣетъ отъ неправильнаго кровообращенія. Вслѣдствіе однакожь такой непонятливости Славянскихъ племенъ, Славяне не перестаютъ устремляться въ Москву и обращаться къ ней со всякими своими нуждами, удовлетвореніе коихъ, *при отсутствіи всякой законной и правильной организациі* для сбора пожертвованій и вообще денежныхъ средствъ, тѣмъ менѣе возможно, чѣмъ крупнѣе эти нужды и чѣмъ крупнѣе запросъ на благотворительное пособіе. Это и побудило нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ Московскаго Славянскаго Общества весною прошлаго года (даже помимо редактора «Руси», отсутствовавшаго изъ Москвы по болѣзни) «войти съ ходатайствомъ» о приравненіи Мо-

сквы въ ея правахъ хотъ къ Одессѣ и Киеву, т. е. о разрѣшеніи возстановить Общество по всѣмъ правиламъ устава, для таковыхъ Обществъ правительствомъ изданнаго 12 апрѣля 1877 года. Высшая московская мѣстная власть, очень часто утруждаемая и съ своей стороны просьбами наѣзжающихъ Славянъ о пособіи и вполне сознающая необходимость спеціальнаго для сей цѣли учрежденія, отнеслась къ ходатайству вполне сочувственно и въ началѣ прошлаго августа, съ одобрительнымъ отзывомъ своимъ, представила его куда слѣдуетъ, т. е. въ Министерство внутреннихъ дѣлъ. Повидимому и тамъ не встрѣтило бы оно препятствій, но загнулось о послѣднее мытарство — о Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ или точнѣе объ Азіатскій онаго департаментъ (вѣдающій, какъ это ни странно, всѣ Славянскія земли). По нашимъ частнымъ свѣдѣніямъ, Министерство или департаментъ, принимая на видъ съ одной стороны, что всякую «политику славянскихъ чувствъ и идей» рѣшено теперь въ Петербургѣ уволить въ отставку, — съ другой, что на Москву и въ самомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ усердныя увѣренія въ противномъ, продолжаютъ взирать не только между Славянами, но — и это главное — даже въ Австріи съ Германіей какъ на очагъ русской національности, — заявило, именно по этому самому, свой рѣшительный протестъ противъ возстановленія въ Москвѣ Славянскаго Благотворительнаго Общества, т. е. такой организаціи, которая бы дала возможность Москвѣ оказывать правильнымъ и широкимъ образомъ помощь славянскимъ, хотя бы вовсе и не политическимъ нуждамъ: въ Австріи и Германіи взглянули бы — де на это неблагопріятно....

Дѣйствительно, въ началѣ сентября явился къ намъ въ Москву, съ письмомъ отъ русскаго резидента въ Цетиньѣ, г. Аргиропуло — молодой морякъ Далматинецъ, состоящій на службѣ Черногоріи и завѣдывающій тамъ «морскою частью». Въ письмѣ своемъ г. Аргиропуло объяснялъ, что Берлинскій трактатъ, какъ извѣстно, лишивъ самымъ наглѣйшимъ образомъ Черногорію большей части завоеваннаго ею морскаго побережья въ пользу ничего не завоевавшей и во все не воевавшей Австріи, отнялъ вмѣстѣ съ тѣмъ у Черногорцевъ право имѣть военныя морскія суда и военный морской флагъ; но частичку «соленой воды» они все же

имѣють, и единственное средство для нихъ явить свое обладаніе ею и извлечь изъ нея хоть какія-нибудь выгоды—это завести торговый пароходъ. Таковой и приобрѣтенъ на деньги вырученныя отъ продажи княжеской яхты, которую князь Николай рѣшился пожертвовать для пользы родной Черногоріи; недостаетъ однакоже для полной уплаты стоимости парохода 20 т. руб. Обращаться съ просьбою о деньгахъ къ русскому правительству Князь положительно отказался, говоря, что у него на это не хватаетъ духа, такъ какъ онъ и безъ того щедро облагодѣтельствованъ личною милостію Русскаго Императора. Тѣмъ не менѣе г. Аргиропуло, которому очевидно были совсѣмъ невѣдомы совершившіяся въ Москвѣ перемѣны, нашелъ нужнымъ направить молодого Далматинца къ редактору «Руси», чрезъ посредство котораго, во время оно, были доставлены въ Черногорію такія обильныя изъ Москвы пожертвованія... Но собирать 20 т. р. черезъ газету «Русь» посредствомъ гласнаго воззванія—было бы неблаговидно по отношенію къ Черногорскому правительству, да и слишкомъ долго; обращаться же къ двумъ-тремъ знакомымъ намъ капиталистамъ (которые и безъ того постоянно снабжаютъ насъ деньгами для оказанія неотложной помощи бѣднякамъ—учащимся Славянамъ) мы не признали удобнымъ—какъ въ виду несомнѣннаго, хорошо намъ извѣстнаго экономическаго застоя, такъ и въ виду другихъ обстоятельствъ, о которыхъ скажемъ нѣсколько ниже. Наконецъ самое это дѣло (покупка парохода) представляло, по нашему мнѣнію, интересъ не столько благотворительный, сколько политическій, и мы посовѣтовали черногорскому посланцу ѣхать въ Петербургъ съ письмомъ отъ насъ къ г. директору Азіатскаго департамента. Вотъ самый лучший и дешевый для русскаго правительства способъ, — въ такомъ смыслѣ, помнится, писали мы, преподать нѣкоторое утѣшеніе, нѣкоторый знакъ вниманія Черногоріи въ настоящее критическое время, когда Россія теряетъ позицію за позиціей на Балканскомъ полуостровѣ. Болгарія готова съ чужою помощію приобрести Румелію, Австрія обѣщаетъ Сербіи «компенсацію»,—одна Черногорія не только не домогается помимо насъ какого-либо вознагражденія, но пребываетъ намъ сердечно и политически вѣрна, несмотря на то, что по грѣ-

хамъ нашей же дипломатіи засажена Австрією въ каменный мѣшокъ, окружена со всѣхъ сторонъ австрійскими блокадами, обижена и обобрана по Берлинскому трактату (съ нашего же поущенія), да наконецъ не можетъ даже и до сихъ поръ добиться себѣ отъ Турціи границы, трактатомъ опредѣленной. Что значать 20 т. рублей для русской казны? Такія деньги всегда найдутся, и не можетъ быть сомнѣнія, что если только дойдетъ о томъ хоть стороною до высшаго свѣдѣнія, то помощь будетъ охотно оказана, а оказанная отъ имени русской власти—она будетъ имѣть несравненно большее политическое значеніе, чѣмъ отъ имени купца Н., да купца М.

Каемся со стыдомъ, что несмотря на извѣстное нашимъ читателямъ мнѣніе «Руси» о петербургской дипломатіи, мы все-таки ожидали, что она ухватится съ радостью за этотъ представившійся ей такой удобный и недорогой случай оказать именно *теперь* услугу преданной намъ Черногоріи. Но ходатайство наше оставлено было безъ вниманія и вынудило Черногорію обратиться—конечно не къ великодушію, но къ кредиту вѣнскихъ банкировъ, вѣроятно изъ добрыхъ процентовъ....

Къ кому же должны относиться слова князя Мещерскаго: «Вотъ какъ мы, кричащіе за историческое преданіе, ведемъ свои дѣла — отказывая въ грошъ Черногоріи»? Или: «на какихъ-нибудь 20 т. р. для Черногоріи не хватило сердца»? У кого его не хватило?...

«Гражданинъ» обращаетъ этотъ упрекъ къ Москвѣ. Но обращенный къ Москвѣ—это упрекъ лживый и наглый. «Не хватило сердца!»... О, какъ его хватало, да и не на 20 т. какихъ-нибудь, а на милліоны рублей, всего лѣтъ восемь тому назадъ, когда объятая одушевленіемъ вѣрила Россія, что и руководящій ея судьбами Петербургъ едино съ нею въ мысляхъ, упованіяхъ и чувствахъ!... Эта вѣра пристыжена, поругана, разрушена Берлинскимъ трактатомъ, а съ той поры, спрашивается, было ли хоть одно русское дипломатическое или политическое дѣйствіе, которое бы хоть сколько-нибудь залѣчило нанесенную русскому сердцу обиду, сколько бы нибудь приподняло сломанную вѣру? Вотъ этого-то въ Петербургѣ и не хотятъ брать въ расчетъ. Съ

этими народными оскорбленными чувствами и не хотят считаться. Гдѣ, въ чемъ для Россіи рѣшительство, что русская политика дѣйствительно вступила на путь національный? Въ Россіи конечно вѣдаютъ, что съ той поры обстоятельства перемѣнились и готовы ласкать себя надеждою, что перемѣнится наконецъ и самая политика, во вѣдь эта надежда,—что должны признать и всѣ разсудительные государственные люди въ Петербургѣ,—еще не можетъ имѣть твердой подъ собою почвы, такой твердой, опираясь на которую могла бы она заставить забыть ударъ 1878 года и весь гнетъ постигшаго съ того времени Россію разочарованія. Напротивъ: не несутся ли именно теперь изъ Петербурга дикіе безумные возгласы, ругающіеся надъ «чувствами», надъ «увлеченіемъ славянской идеей» и «историческими преданіями Россіи»? Не стало ли теперь тамъ, въ правительственномъ Петербургѣ, какимъ-то общепринятымъ лозунгомъ—признавать и энтузіазмъ и подвигъ нашего великаго историческаго народа въ прошлую войну—трагикомическою *ошибкою*, печальнымъ и отчасти забавнымъ заблужденіемъ, котораго впередъ надо остерегаться и отнюдь не допускать?... Да не самъ ли князь Мещерскій обозвалъ недавно всю нашу восточную политику, начиная съ Екатерины вплоть до осени 1885 г., «политикою приключеній» и возвѣстилъ, что съ сей поры настаетъ эра политики, которой до Славянъ не будетъ никакого дѣла, развѣ лишь впоследствии, когда-нибудь?... Такъ съ какой же стати бранить онъ Москву за недостатокъ будто бы сердоболія и сочувствія племенамъ и землямъ—для Россіи, по новой политической петербургской философіи, постороннимъ?... «Политика эгоистическихъ, реальныхъ интересовъ» — вотъ что теперь установилось девизомъ для правительственнаго Петербурга.... Но вѣдь во имя однихъ реальныхъ, эгоистическихъ интересовъ нельзя и приглашать къ возвышеннымъ сердечнымъ порывамъ и жертвамъ; но вѣдь общество *политики* не ведетъ, дѣйствуетъ лишь по внушенію чувствъ и идей,—а ихъ-то осмѣиваніе и вошло теперь въ моду!....

Есть пословица: «не плюй въ колодезь, годится воды испить». Не мѣшаетъ и правительству имѣть эту пословицу въ виду: энтузіазмъ—великая сила; пожелай пригодится...

«Не хватаетъ сердца!» Какъ его станетъ хватать, когда все, чтó этимъ сердцемъ созидалось — разрушалось потомъ русской политикой или дипломатіей! Хватило этого сердца въ 1876—77 годахъ у Москвы настолько, что въ эту самую Черногорію отправила она нѣсколько сотъ тысячъ рублей, а въ результатѣ вышло то, что теперь и никакими деньгами Черногоріи не поможешь, что всѣ эти великодушныя дѣйствія русскаго общества увѣнчались по мудрости нашей дипломатіи... передачею самой Черногоріи въ австрійскій полонъ! Какъ думаетъ князь Мещерскій: располагаетъ ли такой результатъ къ новымъ жертвамъ?... Сотни же тысячъ были посланы изъ Москвы въ Боснію и Герцеговину для содѣйствія освобожденію ихъ изъ-подъ турецкаго ига,— и посланы въ то время, когда въ благородномъ порывѣ своемъ русское общество даже и не подозрѣвало, что обѣими этими Славянскими землями русская дипломатія уже успѣла посулиться Австріи впередъ, на Рейхштадтскомъ свиданіи, такъ что мы своими народными кровными деньгами оказали содѣйствіе... одной лишъ замѣнѣ турецкаго ига — худшимъ игомъ, австрійскимъ!... Хорошо поощреніе для жертвователей!... Спрашиваемъ: кто по одному тайному намѣку правительства, *еще до объявленія имъ войны Султану*, снарядилъ и вооружилъ Болгарское ополченіе въ Бессарабіи, — кто какъ не Московское купечество вмѣстѣ съ Славянскимъ Московскимъ Обществомъ? Нынѣшній редакторъ «Руси» имѣлъ счастье стоять тогда во главѣ этого дѣла и имѣлъ честь передать лично, хотя и секретно, русскому военному вѣдомству, десятки тысячъ ружей Шасспо, дюжину крупновскихъ пушекъ съ гранатами, патронами и прочими принадлежностями; онъ можетъ *документально* свидѣтельствовать, во сколько сотенъ тысячъ обошлась эта жертва купечеству и во сколько десятковъ тысячъ Славянскому Обществу. Ужъ не воображаетъ ли князь Мещерскій, что особенно одушевляющимъ образомъ подѣйствовало на московское купечество недавнее извѣстіе, что болгарская армія, ядромъ для которой послужили именно эти созданныя Москвою въ 1877 году болгарскія дружины, поступаетъ, по соглашенію Порты съ княземъ Александромъ, въ распоряженіе *Турецкаго Султана?* Та самая армія, которая

еще только *четыре мѣсяца* тому назадъ состояла въ завѣдываніи *русскаго* военнаго министра, составляла часть русскаго войска!.. Вотъ тутъ и жертвуй, да еще выслушивай выговоры за недостатокъ русскаго сердца, за противорѣчіе слова съ дѣломъ!... Но и этого мало. Несмотря на услуги, оказанныя Московскимъ Славянскимъ Обществомъ правительству, — услуги, которыми послѣднее не брезгало пользоваться, — какъ только послѣдовалъ Берлинскій трактатъ, Общество было не только закрыто, но и ликвидировано... съ отмѣннымъ упрощеніемъ формъ. У него былъ свой капиталъ тысячъ въ 70, составленный изъ разныхъ пожертвованій, многія изъ коихъ имѣли спеціальныя назначенія, нѣкоторыя же перешли къ Обществу по завѣщанію; были опредѣленные, не малые доходы отъ ежегодныхъ членскихъ взносовъ. Не предупреждая жертвователей, безъ вѣдома и спроса лицъ, коимъ деньги принадлежали, безъ вѣдома и спроса хозяевъ — членовъ Общества, даже съ благоразумнымъ устраненіемъ огласки (т. е. съ запрещеніемъ упоминать о томъ въ газетахъ), распорядились капиталомъ по своему, распредѣлили по учебнымъ заведеніямъ — гдѣ на *доходы* съ онаго воспитывались молодые Славяне и Славянки (ихъ было тогда до сотни) и гдѣ съ того времени они должны были заканчивать свое воспитаніе уже *на счетъ капитала*, такъ чтобъ впредь воспитывать новыхъ было бы ужъ нечѣмъ, — однимъ словомъ уничтожили самый капиталъ. Не малый былъ сюрпризъ членовъ и жертвователей, не подозрѣвавшихъ о катастрофѣ, когда они въ извѣстный срокъ пришли справляться о ходѣ дѣла въ Обществѣ, и не нашли ни Общества, ни денегъ, ни даже указаній, чтѣ случилось съ ними. Однимъ словомъ, Петербургъ онимъ членамъ и жертвователямъ, за симпатіи ихъ къ Славянству, за «политику чувствъ», преподалъ чувствительный урокъ!..

И урокъ подѣйствовалъ, — сильнѣе, чѣмъ того ожидали. Недавно, на наши письма къ нѣкоторымъ лицамъ изъ купческаго сословія съ просьбою о деньгахъ для удовлетворенія хотя небольшихъ, но вопіющихъ славянскихъ нуждъ (ибо, повторяемъ, Славяне никакъ не хотятъ привыкнуть къ мысли, что Петербургъ уволилъ Москву въ отставку),

мы получили интересные отзывы. Препровождая къ намъ нѣсколько сотъ рублей, — «вѣрьте», — писалъ одинъ изъ жертвователей — «что наши убѣжденія и чувства не изменились, что мы все тѣ же... но вѣдь та же и дипломатія! но вѣдь рука даже не поднимается жертвовать, когда знаешь напередъ, что всѣ наши общественныя увлеченія и даванія приведутъ, пожалуй, только къ пущему заушенію и оплеванію»... Слѣдуютъ затѣмъ аргументы въ родѣ вышеприведенныхъ. «Не мало потратили мы души и сердца, не говоря уже о матеріальныхъ жертвахъ, въ 1876 — 77 годахъ!» — пишетъ другой, жертвовавшій въ тѣ годы десятками тысячъ. «Едвали когда въ своей исторіи принимало русское общество такое непосредственное, дѣятельное участіе во внѣшнихъ политическихъ событіяхъ... и что же вышло? Петербургъ съ своими канцеляріями и вѣдомствами окатилъ насъ холодной водой — позоромъ Берлинскаго трактата. Теперь, по общему признанію, международное положеніе Россіи вообще, и въ частности на Балканскомъ полуостровѣ, стало хуже чѣмъ прежде, хуже чѣмъ до нашей войны, до нашего дѣятельнаго общественнаго въ ней участія! Да оно и точно такъ. На самую эту Сербію сколько пошло русской крови и достоинства, а теперь сама наша дипломатія числитъ ее въ «сферѣ австрійской мощи»... Нѣтъ ужъ, слуга покорный! Мы достаточно проучены. Мы обожглись, извѣрились, и такъ какъ сами мы не властны давать направленіе русской политикѣ, да и не наше это дѣло, то мы и рѣшились держать себя въ сторонѣ, поодаль, замкнуться въ свои частныя интересы, въ политику не вмѣшиваться и не давать хода своимъ славянскимъ или вообще національнымъ, общественнымъ порывамъ и симпатіямъ, какъ бы ни болѣло сердце! А то — станемъ вновь горячиться, тратиться, совершать всяческіе подвиги... Глядь!.. выйдетъ пожалуй что-нибудь похуже даже и Берлинскаго трактата»... Эти послѣднія слова — конечно не болѣе какъ гиперболическая формула выраженія, но она свидѣтельствуетъ однако, какъ глубоко недовѣріе русскаго общества къ канцелярско-полицейскому петербургскому режиму вообще, въ частности же къ нашей дипломатіи. Положимъ, въ *старыхъ* ея грѣхахъ настоящіе дѣятели неповинны; положимъ, эти дѣятели

даже вполне достойны довѣрія,—но вѣдь старыя-то грѣхи ничѣмъ не заглажены; но вѣдь ничего съ той поры и не произошло такого, чѣмъ бы могла утѣшиться Русь въ своемъ національномъ достоинствѣ...

Редакторъ «Гражданина» повидимому скептически относится къ словамъ о настоящемъ въ Россіи «экономическомъ застоѣ». Не мудрено. Жалованье петербургскимъ чиновникамъ остается неизмѣннымъ, ни отъ какого «застоя» независящимъ,—равно и другія подобныя выдачи изъ казны. Гдѣ же въ Петербургѣ, градѣ чиновниковъ по преимуществу, подмѣтитъ застой, которымъ страждетъ вся Россія?!... Князь Мещерскій возмущается также тѣмъ, что для празднованія юбилеевъ мѣстныхъ властей деньги у мѣстныхъ людей находятся... Но вѣдь мѣстные люди состоятъ отъ мѣстныхъ властей въ зависимости и волей-неволей должны придерживаться «политики реальныхъ интересовъ», столь Петербургу сочувственной. Не самъ ли князь Мещерскій проповѣдуетъ неустанно о «сильной власти», объ усиленіи зависимости отъ нея мѣстныхъ жителей и въ то же время объ ослабленіи и даже уничтоженіи всякаго мѣстнаго самоуправления? Можемъ увѣрить почтеннаго князя, что, по мѣрѣ успѣха его проповѣди, человѣкоугодничество (въ формѣ ли юбилеевъ или какой-либо иной) будетъ только все болѣе развиваться и процвѣтать.

Подлость и пошлость и безъ того растутъ пышнымъ цвѣтомъ на русской общественной нивѣ. Въ новой поливкѣ и уходѣ онѣ не нуждаются...

Москва, 25-го января.

Привѣтствуемъ прибытіе въ русскую сѣверную столицу доблестнаго и мудраго князя Черногоріи! Радуеться искренно тому сердечному привѣту, которымъ удостоень онъ со стороны нашего Государя! Полагаемъ, что на этотъ разъ глубокомысленные дипломаты С.-Петербурга сознаютъ тщету своихъ умствованій по части «русско-славянской идеи» и сконфуженно отрекутся отъ своего высокоумнаго гоненія на «политику чувствъ» во имя будто бы «политики реаль-

ныхъ интересовъ». Какими «реальными интересами» опредѣляются стародавнія отношенія Россіи къ Черногоріи?! На чемъ зиждется наша связь съ этой отдаленнѣйшей и бѣднѣйшей изъ всѣхъ Славянскихъ земель? Никакимъ корыстнымъ расчетомъ съ нашей стороны она объяснена быть не можетъ, а между тѣмъ самый вопросъ о политической причинѣ таковыхъ симпатій представляется совершенно празднымъ русскому уму и русскому сердцу, — до такой степени онѣ—въ самой природѣ вещей. Въ основаніи ихъ лежитъ чувство братства, — тѣмъ болѣе, относительно Черногорцевъ, сильное и простое, что оно всегда было неразрывно и съ чувствомъ искренняго уваженія къ черногорской доблести, что оно ни разу, въ теченіи двухъ почти столѣтій, не подвергалось въ насъ оскорбленію и смущенію. Мало того: съ этимъ чувствомъ сопряжено для Россіи и нѣкое доброе чувство долга, того нравственнаго долга защиты и покровительства, который, какъ благое бремя, естественно тяготеетъ на старшемъ мощномъ братѣ по отношенію къ младшему, и который представляется конечно бессмыслицей съ точки зрѣнія политики эгоистическихъ интересовъ, такъ усердно навязываемой Россіи петербургскими мудрецами.

Совсѣмъ ужъ обдѣленъ смысломъ былъ бы у Бога тотъ, кто бы попытался уразумѣть историческую жизнь народовъ вообще, а Русскаго народа въ особенности, на основаніи лишь выводовъ формально-логическаго разума и внѣшнихъ матеріальныхъ соображеній, — не считаясь съ народною психологіею, съ *безуміемъ* вѣрованій, чувствъ, духовныхъ и нравственныхъ безкорыстныхъ побужденій... Особенно уже не поддается такому способу уразумѣнія историческое существо русскаго народнаго духа. Только невѣжество и ограниченность способны требовать отъ русской національной политики — забвенія высшихъ нравственныхъ началъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и начало племеннаго братства, особенно же освященное единовѣріемъ, а вмѣстѣ и сознаниемъ тѣхъ братскихъ обязанностей, которыя лежатъ на великомъ, могучемъ и независимомъ народѣ Русскомъ по отношенію къ братскимъ племенамъ — слабымъ и малымъ, и тѣмъ болѣе—къ подневольнымъ...

Для пишущаго эти строки, которому привелось въ 1876

и 1877 г. быть не только свидѣтелемъ, но отчасти и практическимъ посредникомъ высокаго народнаго одушевленія, охватившаго Русскую землю, — который непосредственно изъ народныхъ рукъ принималъ народныя лепты, не святѣ коихъ была лепта Евангельской вдовицы, — предъ которымъ живы до сихъ поръ образы мужиковъ заволжскихъ, новохоперскихъ и иныхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, на колѣняхъ упрашивавшихъ, какъ о «Божеской милости», дарованія имъ способовъ «помереть», «мученичeskій вѣнецъ пріять за освобожденіе братьѣй — христіанъ, Сербовъ, Черногорцевъ, Болгаръ отъ басурманскаго ига или нашествія», — для насъ лично особенно рѣзкою фальшью звучатъ всѣ эти петербургскія дипломатическія притязанія — основать русскую національную политику на принципѣ какого-то отвлеченнаго бездушія, съ исключеніемъ всѣхъ факторовъ нравственнаго, психическаго свойства. Впрочемъ, эти притязанія поватыны. Попробуйте только сопоставить въ своей мысли этихъ колѣнопреклоненныхъ, приносящихъ себя въ святую жертву за свободу братьѣй, русскихъ крестьянъ рядомъ съ петербургскими чиновниками — бюрократами и дипломатами, для которыхъ *en fait de nationalités* существуетъ только одна національность — *des gens comme il faut*, которые иначе какъ на краюшкахъ губъ и съ иронической ужимкой не могутъ и выговорить слово: «Славяне», — попробуйте только сопоставить въ вашемъ воображеніи вмѣстѣ этихъ жертвователей и этихъ жрецовъ, болѣе или менѣе воздѣйствующихъ тамъ въ Петербургѣ на судьбы Русскаго народа и дающихъ направленіе русской политикѣ, — такъ и обдасть васъ холодомъ безнадежности: ни языка, ни иныхъ способовъ для взаимнаго пониманія, ни надежды на соглашеніе, — тарабарская грамота для нихъ — рѣчь, мысль, душа Русскаго народа, которую развѣ лишь гроза событій можетъ подчасъ заставить ихъ уразумѣть!

Не умна, никуда не годна та русская политика, которая не считается съ русскою народною совѣстью, не принимаетъ въ соображеніе нравственныхъ свойствъ и историческихъ инстинктовъ такого великаго историческаго организма, каковъ народъ Русскій. И наоборотъ, только согласная съ требованіями народной совѣсти политика и есть политика

практически плодотворная. Преступленіемъ противъ русской народной исторической совѣсти, признающей за собой священный долгъ братскаго старѣйшинства, было раздѣленіе Балканскаго полуострова на двѣ сферы вліянія, русскую и австрійскую; преступленіемъ противъ нея было преданіе во власть католическо-швабской Австріи славянскихъ странъ Босніи и Герцеговины; такимъ же преступленіемъ или по крайней мѣрѣ противорѣчіемъ была и уступка Сербіи австрійской «сферѣ вліянія»... Всѣ эти дипломатическія преступленія были совершены во имя будто бы здоровой, чуждой сентиментальности, реальной политики. Вкусны ли и выгодны ли для Россіи практическіе ея плоды?..

Само собою разумѣется, что говоря о необходимости согласовать національную русскую политику съ требованіями русской народной совѣсти, мы предполагаемъ необходимымъ и присутствіе въ исполнителяхъ того русскаго народнаго самосознанія, той стихіи русскаго народнаго *ума*, безъ которыхъ никакое дѣло спориться не можетъ и великодушныя народныя жертвы осуждены стать лишь напрасными жертвами, какъ это и случилось въ 1878 г. и въ послѣдующемъ рядѣ годовъ...

Относительно Черногоріи Россія въ долгу. Россія не отстояла ее на Берлинскомъ конгрессѣ и — конечно нехотя — дала все-таки свое согласіе на кровную для нея обиду: бѣольшая часть черногорскихъ у Турціи завоеваній отдана была, ни за что ни про что, въ собственность Австріи, не обнажившей даже и меча, не пролившей ни капли крови, а та небольшая часть, которая присуждена была конгрессомъ Черногоріи, до сихъ поръ вдоль албанской своей границы оспаривается у ней Турціей! Россія, столь ревнующая теперь о святости и неприкосновенности Берлинскаго трактата и требовавшая еще недавно возстановленія *status quo ante* тамъ гдѣ онъ нарушенъ, не хотѣла или не сумѣла настоять на исполненіи Портокъ статьи касающейся Черногоріи!... А между тѣмъ Австрія обставила эту вольную прежде страну кругомъ каменными блокгаузами и заборомъ штыковъ, держитъ ее подъ дозоромъ, — подлинно въ «сферѣ своей мощи» хотя, благодаря черногорской вѣрности и доблести, и мудрости Князя, еще не въ «сферѣ

австрійскаго вліяннѣ!»! Черногорія — еще не въ званіи княжества, а въ званіи «владыката», — земли населенной независимыми Сербами, подчинявшимися лишь управленію своихъ Владыкъ-митрополитовъ, — была первымъ звеномъ связавшимъ православную славянскую Россію съ православно-славянскимъ міромъ, когда Россія возросла въ силу. Это былъ нашъ первый православно-славянскій этапъ на пути всемірно-исторической политики, на который ступила Россія при Петрѣ Великомъ: онъ же первый и завелъ съ ней тѣ непосредственныя прамыя сношенія, которыя и не прерывались съ той поры, не прерывались и тогда, когда Императоръ Николай, снисходя къ желанію кандидата въ митрополиты, юнаго Данилы, привезеннаго для поставленія и рукоположенія въ Петербургъ, произвелъ его въ князя, а Черногорію въ княжество... Черногорія и теперь, когда у насъ утрачены почти всѣ позиціи на Балканскомъ полуостровѣ, остается единственнымъ живымъ звеномъ въ цѣпи отношеній нашихъ къ Балканскимъ Славянамъ и залогомъ возстановленія этой цѣпи въ полнотѣ ея звеньевъ...

Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что пребываніе въ Петербургѣ князя Черногорскаго, который умѣетъ сочетать въ себѣ замѣчательное дипломатическое искусство съ несомнѣннымъ, *черногорскимъ* патриотизмомъ, будетъ не бесполезнымъ для нѣкотораго проясненія мыслей нашихъ дипломатовъ, — да кстати напомнить имъ, что Черногорцы — тоже Сербы, что честь сербскаго имени, подвергающаяся теперь въ нашихъ газетахъ такому безшабашному, дешевому поношенію, имъ равно дорога; что Сербскій народъ заключается не въ одномъ несчастномъ королевствѣ Сербіи, да и въ королевствѣ — не въ одной партіи «напредняковъ», продавшейя Австріи... Къ счастью, на дняхъ проѣхалъ черезъ Москву изъ Аѳинъ въ Петербургъ новый сербскій посланникъ Савва Груичъ, служившій нѣкогда въ русской службѣ по артиллеріи. Это не генералу Хорватовичу чета, и можно надѣяться, что, при его содѣйствіи, въ отношеніяхъ Россіи къ Сербіи произойдетъ нѣкоторая перемѣна ко благу всего Славянства...

Но каково общее политическое положеніе дѣлъ, бывшее столь острымъ, а теперь принявшее характеръ какого-то

укоренившася недуга? Быть или не быть войнѣ весною? Вѣдь и до весны-то всего какой-либо мѣсяць!

На этотъ вопросъ всего точнѣе могла бы дать отвѣтъ только Австрія. «Великія державы» выражаютъ, пожалуй, увѣренность, что миръ нарушенъ не будетъ и принимаютъ, повидимому, грозныя, энергическія мѣры съ цѣлью предупредить пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ; но мѣры-то всѣ эти — какія-то странныя, неполныя, нецѣлесообразныя, заставляющія очень и очень сомнѣваться въ полномъ единодушіи и искренности всей этой шестидержавной лиги мира! Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ намъ настоящій образъ дѣйствій державъ, если подвергнуть его внимательной критикѣ?

Во 1-хъ) кого нужно «умиротворять» или понуждать къ укрощенію расходившихся военныхъ страстей и политическихъ аппетитовъ? Сербію, Болгарію, Грецію, пожалуй и Порту. Каждому ясно, что Порты не желаетъ и не можетъ желать войны: ея вооруженіе — только самозащита въ виду грозящихъ опасностей. Что же касается требованія демобилизаціи и разоруженія отъ Сербіи и Болгаріи, то когда же видано и слыхано, чтобы двѣ воевавшія между собою стороны разоруживались во время *перемирія*, до заключенія *мира*? Сами же державы назначили срокъ *перемирія* до 1-го марта (срокъ *подозрительно* долгій, ибо онъ протянутъ какъ разъ до времени удобнаго для возобновленія военныхъ дѣйствій. Ужь не по совѣту ли австрійскаго военнаго агента онъ принятъ?) Слѣдовательно, если великія державы дѣйствительно *всѣ* хотятъ мира, то имъ, вмѣсто всякихъ коллективныхъ нотъ о демобилизаціи, слѣдовало бы, коллективно же, прежде всего настаивать на скорѣйшемъ заключеніи мира между Болгаріей и Сербіей. Но всѣ мы видимъ, съ какою паразитальною вялостью ведутся эти переговоры. Вялость эта не въ интересъ Болгаріи или князя Александра. Промедленіе, стало быть, со стороны Сербіи. Но кто же могъ бы успѣшнѣе всего воздѣйствовать на сербскія власти, самымъ реальнымъ образомъ понудить ихъ? Только Австрія — одна изъ «великихъ державъ» подписавшихъ Берлинскій трактатъ и членъ Трехъ-Державнаго Союза. И средствомъ понужденія могла бы служить для нея даже и не угроза

вступленія австрійскихъ войскъ, а положительный отказъ въ австрійской на случай войны поддержкѣ,—въ какомъ бы то ни было видѣ. Развѣ при искреннемъ желаніи предупредить войну, при искреннемъ требованіи разоруженія, не могла бы Австрія остановить безпрестанный подвозъ въ Сербію чрезъ свои владѣнія всякаго рода оружія и военныхъ запасовъ, объявивъ эти предметы военной контрабандой? Да наконецъ осмѣлилось ли бы сербское правительство продолжать свои вооруженія и мѣшкать переговорами или предъявлять для заключенія мира какія-либо условія о «равновѣсіи» и «компенсаціи» противъ воли *всей* Европы, еслибы не имѣло за спиной твердаго надежнаго оплота — Австріи, входящей въ составъ той же *всей* Европы?! Кого же здѣсь морочать?..

Относительно же Греціи, удостоившейся вдругъ чести вызвать противъ себя коллективную морскую демонстрацію чуть не всѣхъ великихъ державъ, о которой скажемъ ниже, — державамъ слѣдовало бы прежде, казалось, задать самимъ себѣ вопросъ: могла ли бы Греція *одна*, на свой рискъ и страхъ, отважиться на войну съ Турціей, чуть не въ 10 разъ превосходящей ее силами, еслибъ Сербія перекочевала копые на рало и заключила съ Болгаріей прочный миръ? Конечно нѣтъ. И такъ секретъ греческаго упорства въ сербскомъ упорствѣ, а секретъ сербскаго упорства — въ упорствѣ, въ политическихъ планахъ Австріи, для которой заключеніе сербо-болгарскаго мира безъ всякаго для Сербіи вознагражденія за всѣ ея жертвы, издержки, понесенный позоръ (на чтò на все подтолкнула Сербію Австрія), равняется утратѣ политическаго властительнаго обаянія, не только въ королевствѣ Сербскомъ, но и въ Сербскомъ племени Босніи и Герцеговины...

Такимъ образомъ для Сербіи (а съ нею и для Австріи) заключеніе мира связывалось съ разрѣшеніемъ румелийско-болгарскаго вопроса. На это же открыто указывала и Греція.

2) На разрѣшеніе этого вопроса, казалось, и должны были державы направить всю коллективную тягость своихъ усилій,—такъ какъ въ немъ ядро раскусываемаго, но не раскушеннаго еще орѣха. Но надо отдать справедливость державамъ,—спѣшили онѣ сначала медленно. Словно

бы всё онѣ сговорились или какой-то таинственный магъ подталкивалъ ихъ оттягивать дѣло поближе къ веснѣ, т. е. опять-таки ко времени удобному для возобновленія военныхъ дѣйствій! Правда, Порты крѣпко стучалась въ дверь ко всѣмъ державамъ, прося ихъ оказать ей дружное и спѣшное содѣйствіе въ разрѣшеніи этого вопроса и такимъ образомъ гарантировать ей одновременно и прочность того *modus vivendi*, который былъ бы установленъ, но державы, проученныя опытомъ Константинопольской трехмѣсячной конференціи и не довѣряя своему единодушію, свели вопросъ на сдѣлку между княземъ Александромъ и самой Портой. Послѣдняя однако же, въ виду заявленія Сербіи и Греціи, что даже и „личная унія“ Болгаріи и Румелии подастъ имъ поводъ требовать компенсаціи, по неволѣ замѣшкалась; Султану приходилось, безъ увѣренности въ поддержкѣ Европы, наносить на самого себя руку. Тогда и состоялась дипломатическая комбинація такого рода, чтобы искусственно или насильственно отдѣлить болгарско-румелийскій вопросъ отъ вопроса о притязаніяхъ Греціи и Сербіи: комбинація совершенно искренняя со стороны Россіи, искренняя можетъ-быть со стороны Франціи и Италіи, но сомнительной искренности со стороны прочихъ державъ. Первое „нравственное“ коллективное давленіе, какъ мы уже пояснили, не привело ни къ какому результату. Послѣдовала вторая, коллективная же, болѣе энергическая угроза: „въ случаѣ войны всѣ державы опрокинутся-де на зачинщика, и никакой территоріальной перемены произведенной войною не допустятъ!“ Но и эта угроза никого по видимому не пугнула—въ виду явной затруднительности въ исполненіи угрозы. Въ самомъ дѣлѣ, кто же бы взялъ на себя обузу фактически, посредствомъ сухопутныхъ войскъ, уничтожать совершившіеся факты территоріальныхъ переменъ или даже наказывать зачинщика?! Посылать протягъ Сербіи и Греціи коллективную сухопутную военную силу отъ всѣхъ шести державъ, или даже отъ одной, избранной въ должность полицеймейстера, очевидно немыслимо. Къ тому же принимать такую мѣру относительно Сербіи Австрія, — правда не оффиціально, но только оффиціозно, хотя и до вольно торжественно, на отрѣзъ отказалась, — да и для Рос-

си какой же расчетъ побуждать Австрію занимать Сербію своими войсками! Вся дипломатическая хлопотня въ практической формѣ свелась на комедію морской демонстраціи— и собственно противъ наименѣе опасной и грозной для Турціи—Греціи, — Греціи, которой шумныя рѣчи и брацанья оружіемъ возбуждали до сихъ поръ въ Европѣ только улыбку, — которая потому только и шумитъ и грозитъ, и мечтаетъ о войнѣ, что имѣетъ въ виду угрозы и приготовленія Сербіи, Австрію поддерживаемой! Инициатива этой демонстраціи принадлежитъ Англій или точнѣе сказать министру Сольсбери, по соглашенію его съ Германіей и вѣроятно Австріей. Греческій флотъ, чтобъ не очутиться въ блокадѣ, ушелъ заблаговременно въ открытое море, и морскія эскадры всѣхъ великихъ державъ, за исключеніемъ Франціи, рѣшительно отказавшейся отъ понудительныхъ противъ Греціи мѣръ, величаво сходятся въ Греческія воды— караулить праздные греческіе порты, безъ возможности помѣшать враждебнымъ дѣйствіямъ сухопутныхъ греческихъ войскъ, если бы таковыя начались... Спрашивается однако— какой же смыслъ въ этой практической, хотя и безвредной противъ Греціи демонстраціи, когда относительно Сербіи довольствуются только хорошими словами? Разгадку смысла слѣдовало бы, прежде всего, искать у Сольсбери, но онъ теперь смѣнился, — впрочемъ догадываться о смыслѣ можно бы, кажется, и по практическимъ ея послѣдствіямъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это дѣйствіе Англій было въ то же время демонстраціей въ пользу Султана, придало ему бодрости и ускорило сдѣлку его съ княземъ Александромъ, давъ ей благоприятный для послѣдняго и неблагоприятный для Россіи оборотъ.

3) По газетнымъ свѣдѣніямъ, сдѣлка уже состоялась, даже будто бы утверждена Султаномъ, даже сообщаются условія, явныя и тайныя, „личной уніи“ Румеліи и княжества въ особѣ князя Александра. Но въ числѣ этихъ условій есть такія, на которыя Россія конечно согласиться не можетъ, а именно (это условіе принадлежитъ однако къ числу негласныхъ): предоставленіе Турціи права держать турецкій гарнизонъ въ Бургасѣ, хотя бы и подъ верховнымъ командованіемъ князя. Такое право ведетъ за собою

и право стоянки въ Бургасѣ турецкихъ судовъ!... Равно-мѣрно безобразно и то условіе, въ силу котораго князь Александръ, на случай войны Порты съ Греціей или Сербіей, обязуется будто бы предоставить въ распоряженіе Турціи и подъ команду турецкихъ офицеровъ—вспомогательный корпусъ въ 50 т. человекъ. Не для защиты же Турціи создавали мы болгарское войско и обучали его русской командѣ!... Далѣе, Султанъ оставляетъ себѣ право, по прошествіи 5 лѣтъ, на которыя допускается личная унія, возобновить этотъ срокъ, не испрашивая уже согласія державъ... Вообще сдѣлка, въ ея настоящемъ видѣ, не только дѣлаетъ невозможнымъ возстановленіе прежнихъ отношеній Россіи къ Болгаріи, но, приурочивая соединеніе Румелия съ Княжествомъ лишь къ лицу князя Александра, только упрочиваетъ его личное въ Болгаріи положеніе, — что можетъ быть даже несовсѣмъ согласно и съ интересами самой страны.

Къ чему же до сихъ поръ привели всѣ коллективныя, *умиротворительныя* усилія державъ? Положеніе князя Александра, конечно, нѣсколько упрочилось, благодаря турецкой санкціи, и упрочилось бы можетъ-быть еще крѣпче, если бы не пало министерство Сольсбери; но вмѣстѣ съ тѣмъ упрочились и шансы войны на Балканскомъ полуостровѣ, тѣмъ болѣе, что сдѣлка Турціи съ княземъ, подавая Греціи и Сербіи поводъ къ требованію компенсацій, не можетъ быть въ ея настоящемъ видѣ утверждена и Россіей, и вопросъ болгарско-румелійскій остается все еще не разрѣшеннымъ... Въ чьихъ же видахъ — допущеніе этой войны?...

Не можетъ быть и сомнѣнія, что ни Россія, ни Франція, ни Италия, ни Англія (теперь, при Гладстонѣ) не имѣютъ никакого повода желать новой вспышки на Балканскомъ полуостровѣ, новой войны. Франція уже потому, что она не желаетъ, при настоящемъ своемъ положеніи, допустить рѣшеніе Восточнаго вопроса безъ своего прямаго участія, на которое даетъ ей право ея званіе великой державы, но котораго фактически проявить она теперь не въ силахъ. Англіи, которая болѣе или менѣе сама заваривала всю эту политическую кашу при министерствѣ маркиза Сольсбери,

теперь также не до того, какъ потому что дѣла ея въ Суданѣ приняли очень плохой оборотъ, такъ и потому, что она слишкомъ занята теперь у себя дома. Внезапная перемѣна министерства и предстоящее рѣшеніе вопроса объ Ирландіи сосредоточиваютъ въ настоящую минуту все вниманіе Англичанъ на внутреннихъ дѣлахъ. Въ прямомъ интересѣ Гладстона — отсрочить теперь всякій кризисъ на Балканскомъ полуостровѣ, тѣмъ болѣе что въ области *внѣшней* политики общественное мнѣніе Англіи относится къ либеральной партіи несочувственно. Было бы поэтому совершенно ошибочно ожидать, что Гладстонъ вотъ такъ прямо и начнетъ осуществлять на Востокъ свои извѣстныя политическія воззрѣнія! Но уже самый переходъ отъ активной англійской политики къ пассивной представляетъ немаловажное значеніе. Нельзя поэтому и предполагать, что великія державы, коихъ эскадры качаются теперь въ греческихъ водахъ, доведутъ свое желаніе *мира* до того, что сами объявятъ войну Греціи, станутъ бомбардировать греческіе порты, топить или жечь греческія суда! Напротивъ, всякая подобная попытка встрѣчена будетъ теперь непремѣннымъ протестомъ не только со стороны Франціи, но и Англіи. А Германія, а Австрія? Вѣдь онѣ также участвуютъ въ демонстраціи, значить — также жаждутъ мира? Да, — но участіе Австріи не мѣшаетъ ей въ то же время отказываться отъ всякаго принудительнаго дѣйствія относительно Сербіи, а въ этомъ и весь узелъ настоящаго усложненія и всѣ зачатки не морской, а сухопутной войны!! Но Германія, участвуя въ „концертѣ *шести* великихъ державъ“, затѣмъ и въ Союзѣ *Трехъ* Державъ, состоя одновременно съ Австріей въ спеціальному *Двойственному* Союзѣ, посылая и отъ себя эскадру къ греческимъ берегамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не оказываетъ однако ни малѣйшаго давленія на Австрію, — чтобъ заставить ее согласовать свою политику въ Сербіи съ политикою Россіи!..

Извѣстно, какая доля вліянія въ области внѣшней австрійской политики принадлежитъ Венгріи. Недавно въ венгерскомъ парламентѣ бывшій австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Андраши, одинъ изъ главныхъ творцовъ Берлинскаго трактата и Двойственнаго съ Гер-

маніей Союза, высказалъ съ вѣдома Вѣнскаго кабинета свою политическую программу: полное воссоединеніе Румели съ Княжествомъ, удовлетвореніе въ нѣкоторой степени территоріальныхъ притязаній Греціи и Сербіи, затѣмъ полная гарантія неприкосновенности Порты относительно всѣхъ *остальныхъ* ея европейскихъ владѣній (это уже направлено противъ Россіи)... Наконецъ графъ Андраши прямо требуетъ, чтобъ инициатива, главная дѣятельная роль въ умиротвореніи Балканскаго полуострова и такъ-сказать полицейскій надзоръ надъ нимъ принадлежали не кому другому, какъ Австріи...

Такимъ образомъ центръ всего современнаго политическаго усложненія въ Австріи, нашей же ближайшей союзницѣ, опирающейся конечно на Германію — другую нашу союзницу, а Россія, опутанная сѣтями этого союза, продолжаетъ самымъ искреннимъ образомъ вѣрить въ возможность соблюденія своихъ политическихъ интересовъ, интересамъ Австріи и Германіи противоположныхъ — при содѣйствіи же Австріи и Германіи!! Это все равно, какъ бы при посредствѣ двухъ, на примѣръ, зеленыхъ красокъ пытаться произвести третью — розовую. Однако же чего другаго, кромѣ пачкотни, можно бы ожидать отъ такого смѣшенія красокъ?... Не знаемъ каковы будутъ дальнѣйшіе результаты нашихъ дипломатическихъ стараній, но тѣ, которыя добыты до сихъ поръ, — т. е. утрата нашего властнаго положенія въ Болгаріи и Румелии — налицо.

Изъ Берлина, чрезъ уста нѣкоторыхъ оффиціозовъ (между прочимъ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“) несутся таинственные намеки на какое-то скорое, по планамъ германской политики, осуществленіе „завѣтнѣйшихъ чаяній Россіи въ области Восточнаго вопроса“... *Timeo Danaos et dona ferentes!* Этимъ обѣщаніямъ мы не вѣримъ, — да и можно ли имъ вѣрить, если исполненіе „чаяній“ комбинировано одновременно съ усиленіемъ, укрѣпленіемъ и господствомъ Австріи на Балканскомъ полуостровѣ?...

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемое ниже письмо нашего корреспондента изъ Берлина. Изъ него видно, какую опасность усматриваетъ для себя Германія въ присутствіи не только польскаго, но вообще славянскаго

элемента, какъ въ своихъ восточныхъ провинціяхъ, такъ даже и въ Австрійской Богеміи. Очевидно, что германизація нашихъ западныхъ окраинъ съ одной стороны, съ другою—оттѣсненіе Австріи туда, за Дунай и Саву—составляютъ задачу современной германской политики... Чтожь! Съ русско-азиатскимъ знаменемъ, можетъ-быть даже и на верхнемъ Босфорѣ, но обращеннымъ лицомъ къ Азіи и спиной къ Европѣ, Германія съ Австріей, пожалуй, и примирятся,—но только оградивъ отъ насъ и Царь-градъ, и весь Балканскій полуостровъ, но только заставивъ насъ отречься отъ знамени славянскаго и предать Славянъ Полуострова подъ власть піонера германизаціи—Австро-Венгерской Имперіи... Впрочемъ даже и эта уступка еще журавль въ небѣ! Не надежнѣе ли будетъ возлагать намъ надежды въ нашемъ кровномъ дѣлѣ исключительно на себя самихъ и помнить, что отрекаясь отъ Славянъ—Россія перестанетъ быть не только Славянскою, но и Русскою державою, и сойдетъ позорно съ своего всемірно-историческаго поприща...

Всякія сдѣлки съ Германскимъ міромъ для рѣшенія русско-славянскаго вопроса противоестественны и гибельны. Не отъ щедротъ Германіи принимать намъ дары русско-славянской жизни. Мы добудемъ ихъ сами.... А гроза близится....

SK ČSSR
SLOVANSKÁ
KNIHOVNA
V PRAZE

rh 1